

ВЫСШЕЕ
ОБРАЗОВАНИЕ

НОВАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ и АМЕРИКИ

Под редакцией И. М. Кривогуза

5-е издание, стереотипное

Допущено
Министерством образования
Российской Федерации
в качестве учебника для студентов
высших учебных заведений,
обучающихся по направлению подготовки
и специальности «История»

МОСКВА • 2005

УДК 94(4+7)"19"
ББК 63.3(4+7)6
Н72

Авторы:

В. Н. Виноградов, Н. М. Гусева, Т. М. Исламов, В. С. Костелов,
И. М. Кривогуз, И. А. Лебедев, Н. Н. Марчук, М. Н. Машкин,
О. П. Морозова, А. С. Намазова, С. В. Оболенская, Т. А. Павлова,
Д. П. Прицкер, А. В. Ревякин, Т. А. Родина, В. В. Рогинский,
Н. Б. Тер-Акопян, Б. М. Туполев, В. И. Фрейдзон, Б. М. Шпотов,
Ю. Н. Щербаков, З. П. Яхимович

Рецензенты:

кафедра всеобщей истории Орловского государственного
университета (зав. кафедрой д-р ист. наук, проф. *Е. И. Чапкевич*);
Д-Р ист. наук, проф. *Ю. Л. Кузнец* (Финансовая академия
при Правительстве РФ);

Д-р ист. наук, проф. *С. П. Пожарская* (зав. отделом «Европа
в новое время» Института всеобщей истории РАН)

Н72 Новая история стран Европы и Америки : учеб. для вузов /
И. М. Кривогуз, В. Н. Виноградов, Н. М. Гусева и др. ; под ред.
И. М. Кривогуза. — 5-е изд., стереотип. — М. : Дрофа, 2005. —
909, [3]с. : 16 с. цв. вкл.

18ВЫ 5-7107-9834-7

Во втором, переработанном и дополненном издании учебника (2002 г.,
1-е — 1997—1998 гг.) с новых позиций освещается духовное, социально-
экономическое и политическое развитие стран Европы и Америки (с конца
XVI в. и до окончания Первой мировой войны). Это время характеризуется
зарождением и развитием евроамериканской цивилизации и укреплением ее
ведущей роли в мировом развитии.

В третье издание внесены исправления редакционного характера.
Книга снабжена хронологической таблицей и библиографией.

УДК 94(4+7) 19"
ББК 63.3(4+7)6

18ВМ 5-7107-9834-7

©ООО «Дрофа», 2002

Введение

Новой историей в отечественной историографии традиционно называют эпоху всемирной истории, следующую за средневековьем, — с XVI или с середины XVII в. до второго десятилетия XX столетия. Эта эпоха имела существенные отличия от предшествовавшей. К ним относятся: формирование более эффективного способа производства, значительное расширение масштаба и интенсивности человеческих коммуникаций и общественных процессов, повышение плотности событий и углубление перемен в жизни народов. В главном — *человеческом измерении* — новое время отличается от прежнего небывало массовым превращением человеческих особей в личности и степенью свободы их развития. Этим новая история, в первую очередь европейских и американских стран, которую и рассматривает данный учебник, не похожа на историю большинства народов на других континентах, еще продолжавших жить по-прежнему.

Марксисты сводили сущность новой истории к возникновению и развитию капиталистической формации. Поэтому ее начало, связывавшееся с революциями и изменением производственных отношений, они относили чаще всего ко второй половине XVII — концу XVIII в. Однако крушение «реального социализма» обнаружило несостоятельность как формационного подхода к истории, так и революций в качестве основного способа достижения прогресса.

При ином, более широком подходе обнаруживается, что после Великих географических открытий с XVI в. в длительном взаимодействии многочисленных народов Европы и Америки из элементов их своеобразных культур складывался комплекс духовных и материальных ценностей новой цивилизации. Цивилизации не возникают одномоментно, на их зарождение и формирование требуются века. Зарождение, раз-

витие, достижение зрелости и господствующего положения новой цивилизации и, наконец, начало ее кризиса в середине второго десятилетия XX в. представляется основным содержанием новой истории.

Такой подход позволяет считать Великие географические открытия зарей нового времени и начинать его с XVI столетия. Очевидно, общим свойством нескольких поколений людей, положивших начало новой истории, было преобладание жажды изменения жизни над инстинктом самосохранения, которое Л. Гумилев назвал *пассионарностью*. Синтезом свойств интенсивно перемешивавшихся этносов, побежденных и победителей в Европе, а затем и по другую сторону Атлантики была достигнута небывалая концентрация пассионарности народов. Серия ее взрывов в XV—XVIII вв. по мощности и масштабу превзошла все прежние. Благодаря этому в XIX столетии страны, расположенные по берегам Атлантического океана, образовали самый мощный очаг мирового производства и обмена, а также духовной жизни человечества.

Когда зрелость сделала новую цивилизацию всем заметной, многие только ее и называли цивилизацией, игнорируя все другие, в том числе и самые древние. Немало европейцев и азиатов именовали ее *западной*, хотя от аборигенов Африки она находилась на севере, а к народам Дальнего Востока приходила и с запада, и с востока. Но географическая локализация ее названия все же была признанием наличия других цивилизаций. Так было положено начало почти двухвековой дихотомии цивилизаций и стран мира на «Запад» и «Восток», в которую коммунисты в XX в. попытались вложить формационный смысл: свести к противостоянию социализма и капитализма.

Многие европейцы называют новую цивилизацию европейской или даже западноевропейской. Действительно, Европа, точнее, Западная и Центральная Европа являлась ее главным очагом. Но такие названия все же принижают вклад в новую цивилизацию народов Америки, особенно Северной, а также Восточной Европы. А ведь без их вклада даже в XIX в. новая цивилизация не могла бы достичь зрелости, а затем и мировой гегемонии. Если преодолеть западноевропейское и европейское высокомерие и уточнить географическую локализацию новой цивилизации, сложившейся в XIX столетии, то ее следует назвать евроамериканской. Моря и океаны, по крайней мере с XIX в., не столько разъединяют, сколько соединяют лю-

дей. Для новой цивилизации Атлантический океан стал тем, чем для средиземноморской цивилизации было Средиземное море. Поэтому ее можно называть и *атлантической*, как бы далеко от этого океана ни жили принадлежащие к ней народы. Ведь критерием является общность цивилизации, а не близость к водоему, на берегах которого она выросла.

От ее зарождения до зрелости прошло три столетия. Формирование из конгломерата народностей, княжеств и империй национальных и многонациональных государств, колонизация европейцами Америки и интенсивное развитие связей между Старым и Новым Светом создали только почву для новой цивилизации. На ней вырос век Просвещения, развернулись политические, социальные и экономические эволюции и революции, сформировавшие новый облик и утвердившие общность региона. Только в первой половине XIX в. евроамериканская, или атлантическая, цивилизация получила прочную социально-экономическую основу и во второй половине столетия, достигнув мировой гегемонии, обрела черты зрелости.

Новую цивилизацию отличают от других следующие черты. *Во-первых*, в результате нелегкого приспособления различных ветвей христианства к переменам в жизни людей и развития гуманистического атеизма ее высшими ценностями стали плюрализм и терпимость, а главное — получил почти всеобщее признание приоритет личности, ее свобод, прав и интересов, особенно собственности и предпринимательства. Претворение в жизнь этих ценностей все возрастающим числом людей стало главной пружиной общественного развития. Вместе с тем стержнем развития оказались коллизии между свободой одного и других, между внешней и внутренней свободой личности, между индивидуальным и общественным.

Во-вторых, эксплуатация предпринимателями машин и наемных рабочих ради приумножения своих капиталов многократно увеличила производительность труда и ускорила рост производства материальных благ. Острая нехватка начальных средств и необычайная прибыльность такого их «самовозрастания» до крайности ожесточили борьбу за капиталы и способствовали их фетишизации. С преобладанием капиталистического способа хозяйствования стержнем социальных отношений стало взаимодействие классов, прежде всего — предпринимателей и наемных рабочих, а их классовый антагонизм из-за раздела доходов приобрел неслыханные прежде масштаб и остроту.

В-третьих, центры интенсификации производства и обмена при содействии государств стали очагами трансформации народностей в новые социальные разновидности этносов — *нации*. Нации, отличавшиеся от народностей не только наличием государственности, но и индустрии, являли собой противоречивый симбиоз классов и сословий. Они стали основной формой обновлявшихся обществ и субъектом национализма — приоритета интересов нации над всеми другими. Развернулись национальные движения — за суверенитет и независимость наций, участились и национальные конфликты.

В-четвертых, преобладающим в отношении людей к природе оказалось стремление максимально использовать ее, казалось, беспредельные ресурсы. Самым активным природа представлялась гигантской мастерской для производства материальных благ. Это положило начало ее антропогенному и техногенному разрушению.

В-пятых, развитие наук, раздвинувших представления людей об окружающем мире, стало органической частью развития общества. А распространение просвещения обеспечивало возрастающие потребности наций в квалифицированной рабочей силе. Знания расширяли внутреннюю свободу и умножали творческие силы людей. Вместе с тем достижения наук стали оборачиваться и против людей — в разрушительных войнах для покорения одних стран другими.

В-шестых, подчинение слабых народов и эксплуатация их ресурсов, позволившие обогатиться и выдвинуться ряду европейских наций, закреплялись идеологией и политикой колониализма и империализма — навязывания своего господства. Эта политика парадоксально сочеталась с приверженностью сильных наций к своим свободам и правам.

В сущности, идейно-политической основой евроамериканской, или атлантической, цивилизации является *либерализм*, а экономической — *капитализм*. По своему основному содержанию она, по нашему мнению, сложилась как *либерально-капиталистическая цивилизация*.

Основные черты и изначальные противоречия либерально-капиталистической цивилизации нашли свое отражение в различных видах искусства и литературы, утверждавших новое мировоззрение. В них было выражено и стремление преодолеть коллизии новой цивилизации. Их обострение побуждало к поискам новых решений, некоторые альтернативы получили значительное распространение, а их поборники ока-

зали заметное воздействие на развитие цивилизации, но сами альтернативы, как выяснилось позже, остались *утопиями*. Благодаря возросшей грамотности и развитию средств массовой информации интенсивность человеческих коммуникаций, осознание общественных проблем и активность населения в поисках их решения достигли немыслимых прежде масштабов.

Общность цивилизации не нивелировала исторически сложившиеся этнические, культурные, конфессиональные и хозяйственные различия, неравномерность развития и своеобразие исторического пути народов разных регионов трех континентов. Каждый народ вносил свой вклад в развитие цивилизации, давал собственные интерпретации ее основных ценностей и способы разрешения коллизий. Так, российская модификация цивилизации, появившаяся в результате реформ Петра I, отличалась приоритетом государственных интересов, сохранением общинно-сословных структур и непосредственным включением колоний в метрополию. Но ее «особенная статья», являющаяся предметом отечественной истории, по традиции исключена из новой истории и в этом учебнике не рассматривается.

Главным преимуществом евроамериканской цивилизации перед другими продолжавшими существовать великими цивилизациями — индостанской, китайской, исламской, не говоря уже о множестве малых, — являлась более высокая степень *внешней и внутренней свободы личности*. Реализация ее сотнями тысяч и миллионами людей многократно умножила их способности и энергию, что позволило достичь новой ступени человеческого прогресса. С этой точки зрения новая цивилизация, несмотря на жестокость эксплуатации и бесчеловечность войн, оказалась более гуманистической, чем все прежние.

Это обеспечило ее распространение и преобладание в странах Латинской Америки, Восточной и Юго-Восточной Европы, где сложились ее модификации, сравнительно быстрое распространение ее по всему миру — вплоть до Австралии и Новой Зеландии, а также сильное влияние на Японию. Благодаря своему превосходству и экспансии во второй половине XIX в., примерно к 70-м годам, евроамериканская цивилизация достигла мировой гегемонии. Она стала синонимом прогресса.

Отношения новой цивилизации с другими цивилизациями долгое время были осложнены высокомерием, агрессивностью и империализмом ее носителей. Но взаимоотношения цивилизаций невозможно сводить лишь к противоборству. Конечно,

следствием распространения и гегемонии евроамериканской цивилизации стало разрушение или деформация многих чуждых ей материальных и духовных ценностей как в Европе и Америке, так и на других континентах. Но вместе с тем она заимствовала у других цивилизаций немало полезного для собственного развития, а другие цивилизации оказались способны воспринимать многие ее ценности, потребовавшиеся духовному и материальному прогрессу прежде чуждых ей народов. Самым эффективным и убедительным, но не единственным, к концу XIX столетия стал опыт Японии.

Достижение зрелости и мировой гегемонии новой цивилизации было сопряжено с углублением и обострением изначально присущих ей противоречий. Крупный капитал — особенно набравшие к началу XX в. силу финансовые корпорации — добивался привилегий и не считался со свободами и правами большинства граждан, нередко не имевших средств и способностей для их реализации. Это привело к противостоянию и обострению конфликтов между консерваторами и поборниками прогресса, особенно демократами-радикалами, добивавшимися реализации свобод и прав всего населения. Антагонизм между буржуа-предпринимателями и жестоко эксплуатировавшимися ими наемными рабочими лежал в основе усиливавшихся социальных конфликтов, а затем и политического противоборства между консерваторами и организациями рабочих, значительная часть которых противопоставляла капиталистическому индивидуализму социализм, ради которого некоторые призывали к революциям. С усилением империализма и колониализма, а также модернизацией колоний и зависимых стран возрастало сопротивление их народов. Но наиболее острым в начале XX в. оказалось соперничество между европейскими державами — и в Европе, и на других континентах. Оно привело к мировой войне 1914—1918 гг. и обострению других противоречий, вылившихся в ряд революций и войн, в мучительный поиск путей модернизации цивилизации и даже выдвижение ей альтернативы.

Начавшийся Первой мировой войной длительный кризис преобладавшей в мире цивилизации был глобальным. В нем потерпели крушение фашистско-нацистские модернизации и социал-коммунистическая альтернатива евроамериканской цивилизации. Более того, за это время сама атлантическая цивилизация, преодолев некоторые внутренние и внешние антагонизмы, трансформировалась в основу глобальной цивилизации.

непостижимую без изучения всемирного взаимодействия различных цивилизаций. Поэтому ее кризис и пути трансформации и глобализации не могут рассматриваться обособленно от судеб всех других народов. Это уже не новая, а другая — всеохватывающая новейшая история. Она не оправдала уверенности коммунистов в их всемирной победе, доказала нежизнеспособность «реального социализма» и подтвердила универсальное значение важнейших ценностей евроамериканской цивилизации.

Для постижения этих ценностей требуется объективный взгляд на новое время, свободный от различных заблуждений и предубеждений. Важно преодолеть еще достаточно распространенное высокомерие всезнания смысла, закономерностей и путей развития человечества. После крушения «реального социализма» невозможно измерение истории сменой «социально-экономических формаций». Несостоятельными оказались как ленинские оценки «вышей» и «последней стадии» капитализма, так и марксистская уверенность в «закономерном» переходе к коммунизму, долгое время служившие критериями прогресса. Видимо, единственным универсальным критерием общественного прогресса может быть только степень свободного развития наибольшего числа людей.

Стойким заблуждением остается стремление искать классовую подоплеку любых общественных процессов и событий, сводить все к классовой борьбе. В действительности сложившиеся в новой истории общества существовали и развивались благодаря прежде всего сотрудничеству классов. Классы представляли собой части *социальной*, а не политической структуры общества, а эти структуры никогда не совпадали. Классы нигде не обладали политическим единством и поэтому не являлись субъектами политики. «Открытая» К. Марксом и широко эксплуатировавшаяся коммунистами «освободительная миссия» рабочего класса оказалась глубоким заблуждением. Оно заставляло многих преувеличивать реальную роль рабочего движения в истории, что принижало значение других движений — этнических, конфессиональных и прочих.

Другим распространенным заблуждением оказалась *фетишизация революций* как «локомотивов истории» — основного способа достижения прогресса. Непредвзятое изучение новой истории свидетельствует, что, несмотря на яркость, драматизм и значение революций, основным и наиболее распространенным способом человеческого прогресса была *эволюция*.

Авторы учебника освещают конкретное участие стран Европы и Америки в создании и развитии евроамериканской цивилизации с гуманистических позиций, стремясь преодолеть различные заблуждения и предубеждения и показать действительную роль разных народов, социальных слоев и движений, своеобразие которых невозможно свести к простой схеме и ярлыкам. Это позволяет увидеть, что нации, классы и конфессиональные общины нигде не выступали как целое и не были непосредственными субъектами политики, в которой от их имени далеко не всегда оправданно выступали всевозможные политические организации и лидеры. Без прежней мессианской ориентации рассматриваются рабочее движение и роль социалистических идей. Им отведено место, которое соответствует их реальному значению. Авторы стремились также больше внимания уделить духовному развитию общества — идеологии, науке и искусству.

В новой истории легко различаются два основных периода. *Первому* — от зарождения и развития новой цивилизации до достижения ею зрелости и глобальной гегемонии — посвящена первая часть учебника. *Второму* — от глобальной гегемонии до начала мирового кризиса — вторая часть. Несмотря на наличие других важных вех, более детальное деление рассматриваемой эпохи невозможно из-за пестроты, асинхронности и неравномерности развития стран и регионов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

XVI в. — 60-е годы XIX

ГЛАВА 1 Начало нового времени

К XVI в. Европа и Америка представляли собой конгломераты разнообразных этносов и государств. Едва начавшееся освоение Нового Света — Америки — европейцами дало толчок глубоким переменам не только в Америке, но и в Европе: способствовало созданию условий и атмосферы для зарождения и развития новой цивилизации.

Кризис Европы. Неравномерное развитие европейских народностей, государств, культур и хозяйственных укладов на пороге XVI столетия характеризовалось обострением их внутренних и внешних коллизий.

В Центральной и Западной Европе господствовало римско-католическое христианство. Папа и иерархи церкви сосредоточили в своих руках огромные богатства и активно участвовали в мирских делах, хотя на превосходство над государями претендовать уже не могли. Стремление к обогащению любой ценой, кровавые интриги и торговля отпущением грехов пошатнули их авторитет. Военно-монашеские ордены — оплот могущества папства — утратили прежнюю силу. Начался морально-политический кризис католичества. Но он не разрушил общность христианской основы культур большей части Европы: поиск путей преодоления кризиса церкви не выходил за рамки христианства.

К началу XVI столетия активизировались процессы политической и экономической интеграции вокруг народностей, создавших наиболее значительные центры власти, сельского и ремесленного производства, торговли и финансов. Ограничение Османской империей притока в Европу азиатских изделий и растущий спрос на европейские товары на заокеанских рынках побуждали европейцев добиваться увеличения производства и искать новые пути в далекие страны Азии.

Все большее значение для развития каждой из народностей приобретают добыча полезных ископаемых, выплавка металлов. Все шире распространяются ветряные и водяные мельницы, насосы для воды и воздуха, совершенствуются ин-

струменты для строительства, выделки кож и изготовления тканей.

Уже не только на севере Апеннинского полуострова, но и в Англии и других странах Западной и Центральной Европы появляются рассеянные и централизованные мануфактуры с разделением трудовых операций и применением наемной рабочей силы. Эксплуатация наемного труда повышает производительность, увеличивает количество товаров и приносит возрастающие прибыли. Капиталистический способ хозяйствования, преобладавший в торговле, стал распространяться на производство. Расширение производства и торговли вело к формированию внутренних рынков и способствовало превращению вовлеченных в них народностей в нации.

Ставшее очевидным увеличение доходов властителей от расширения владений и от способов использования их богатств и занятий населения побуждало государей не только расширять и ограждать владения от агрессии соседей, но и содействовать специализации сельского хозяйства, развитию ремесел и торговли, устраняя мешавшие ограничения. Это ускорило формирование рынков и наций и вело к усилению государственной власти.

Наиболее интенсивно шла политическая и экономическая интеграция народностей в *государства-нации* в Западной Европе. Борьба за освобождение от арабских завоевателей, освоение земель, развитие ремесел и торговли сплачивала в нацию разнородные этносы Испанского королевства. Из пестрых этносов Французского королевства формировалась французская нация. Подобный процесс шел и в Английском королевстве.

В Центральной и Северной Европе, как и на Апеннинском полуострове, имелись крупные центры ремесел и мануфактур, а также финансово-торговых операций, но их интеграция и формирование наций осложнялись непреодоленной политической раздробленностью огромного пространства и узкокорыстными действиями многих государей. Самое крупное из государств региона — Священная Римская империя германской нации — оставалось конгломератом средних и мелких и не только немецких государств.

Формирование наций и их государственности не вело к обособлению европейских стран друг от друга. К началу XVI столетия значительно увеличилась торговля между ними и окрепли товарно-денежные отношения. Неуклонно возрастал спрос на деньги для специализации сельского хозяйства,

расширения производства и торговых операций, а также на войны и другие нужды государей. Это способствовало развитию ростовщичества, процветанию ранее возникших крупных финансовых контор и появлению новых. Острая повсеместная потребность в деньгах толкала на любые способы их получения.

Вместе с формированием наций в Западной и Центральной Европе изменялась социальная структура населения. Знать и дворянство, как и духовенство, крепко держались за свои сословные привилегии. Но рыцарская культура пришла в упадок: оружию, сражениям и турнирам сеньоры стали предпочитать роскошь, увеселения и выколачивание из зависимых людей денег на новые нужды. Все чаще место человека в обществе определялось не происхождением, а его собственными умениями и усилиями. Но богатство, какими бы способами оно ни приобреталось, ценилось выше человеческого достоинства. Христианская мораль переживала кризис.

Основная часть населения (90—95%) занималась сельским хозяйством, но возможности его развития за счет освоения залежных земель были почти исчерпаны. Пашни истощались, и урожайность падала. Аграрный кризис стал причиной нехватки продовольствия, голодания населения и стремительного роста числа людей, оказавшихся без средств к существованию и ради выживания готовых на все.

Большинство городов, превратившихся в центры ремесел и торговли, добились самоуправления и освободились от непосредственного подчинения крупным феодалам и даже государям. Горожане и любой человек, проживший в городе больше года, становились гражданами сообщества, управлявшегося представителями цехов и гильдий.

Чтобы укрепить свою власть и умножить доходы, короли, опираясь на разбогатевшие города, укрощали крупных феодалов и заставляли повиноваться дворянство и духовенство, добиваясь абсолютной власти. В этом направлении больше других продвинулись короли Испании, Франции, Англии.

Еще более существенным выражением неравномерности развития Европы являлось то, что у различных славянских племен и румын преобладало общинное устройство, не свободное от родоплеменных традиций, но почти всюду подчинявшееся местным наследственным властителям. Многие этносы не имели собственной государственности. Разные по величине и, как правило, полиэтнические государства возглавляли

князья, короли, а многие балканские народы попали под власть османского султана. Крупнейшим из восточноевропейских государств стало Великое княжество Московское. Как и в остальной Европе, между государями почти непрерывно велись войны за обладание источниками доходов — землями и подданными.

Феодальные и общинные земли обрабатывались традиционными способами. Большие налоги-поборы и личные повинности ограничивали заинтересованность земледельцев и эффективность производства. Местные ремесла и торговля еще не получили значительного развития. Ему способствовали мирная экспансия и иммиграция ремесленников и купцов Центральной и Западной Европы, более всего немцев и евреев. Автономных городов в Восточной Европе почти не было — большинство их оставалось собственностью государей.

Несмотря на активный прозелитизм Ватикана, в Восточной Европе и на Балканах преобладали греческо-византийские христианские вероисповедания, из которых наиболее распространено было русское православие. Иерархи православной церкви умиротворяли паству и служили государям, не пытаясь вознестись над ними.

Но и на востоке Европы происходили перемены. Они всюду ставили под сомнение прежние устои общества — традиционные уклады и верования. Это был *кризис прежней Европы*. Никогда прежде в ней не было такого множества нищих и голодных, стремившихся выжить любой ценой, а также громадного спроса на деньги всех слоев общества — высших, средних и низших. Этот спрос и пассионарность толкали людей не только на самые гнусные преступления, число которых необычайно возросло, но и на открытия — географические и духовные.

Начало «великого прорыва». В истории Европы XVI столетие стало веком «великого прорыва». Начало ему было положено открытием европейцами заокеанских земель — Нового Света — и достижениями Возрождения. Ограбление новых земель дало мощный импульс европейской экономике, а на почве Возрождения выросла Реформация.

К концу XV столетия у соперничавших государей Пиренейского полуострова, стремившихся любой ценой расширить свои владения и приумножить богатства, скопились средства для рискованных поисков новых путей в Индию и другие заокеанские земли, в легендарную «страну пресвитера Иоанна».

Появились первая карта мира, составленная *Паоло Тосканелли*, более совершенные навигационные приборы и способные к дальним плаваниям вместительные каравеллы. Не было недостатка в опытных мореплавателях и на все готовых авантюристах из обнищавших дворян, сельских и городских люмпенов.

Уже к середине XV в. корабли португальского принца *Энрике*, прозванного *Мореплавателем* (сам принц никогда не выходил в море), исследовали побережье Гвинейского залива, откуда привезли первую партию негров-рабов, названных позже «черным золотом». В другом направлении Изабелла Кастильская и Фердинанд Арагонский послали корабли под командованием *Христофора Колумба*. В августе 1492 г. Колумб открыл остров, названный Сан-Сальвадор, а затем и другие острова и континент, именовавшиеся Вест-Индией, или Новым Светом, а позднее — *Америкой*, по имени описавшего континент мореплавателя *Америго Веспуччи*. На этих землях, объявленных владениями испанской короны, создавались колонии, строились крепости. У аборигенов отбирали ценности, их обращали в католичество и заставляли работать на захватчиков, а непокорных уничтожали.

В 1498 г. португалец *Васко да Гама* обогнул Африку и достиг Индии. Португальцы начали с ней торговлю и создали там свои базы, положили начало захватам на юге Африки и в Южной Азии, проложили морской путь к Дальнему Востоку. Однажды в Атлантическом океане сильный шторм вынес корабли португальца *Педру Кабрала* к неведомой земле, где он основал колонию и назвал ее Бразилией. Так португальцы попали в Америку. Для раздела сфер владения в Западном полушарии между Португалией и Испанией при посредничестве папы в 1494 г. был заключен *Тордесильянский договор*: земли западнее 30-го меридиана входили в сферу Испании, восточнее — Португалии.

Испания активно расширяла свои владения в Америке. Ее флот увеличивался за счет огромных судов-галеонов, вывозивших из Вест-Индии несметные богатства, а туда доставлявших завоевателей, администраторов, священников и всякого рода авантюристов. Карибское море было объявлено закрытым для иностранцев, только испанцам разрешалось селиться и торговать в их новых владениях.

Флот и войска, в которые стекались авантюристы под командованием *Э. Кортеса*, начали завоевание Центральной Америки, ведя маневренную войну с комбинированным ис-

пользованием артиллерии, конницы и пехоты. Почти одновременно двинулись на завоевание Америки такие же войска Ф. Писарро.

К тому времени на открытом европейцами континенте существовали государства ацтеков, майя, инков с весьма развитыми оригинальными древними культурами. Их население поклонялось богам, олицетворявшим различные силы природы, приносило им в жертву людей и имело своеобразные иероглифические письменности, астрономические знания и системы образования.

Этими народами создавались различные орудия труда и оружие из камня, а некоторыми и из бронзы, прекрасные изделия из золота и серебра. Они выращивали незнакомые европейцам картофель, кукурузу, табак, томаты, перец, сахарный тростник, кофейные зерна, хлопок и другие растения, имели мелких домашних животных, изготавливали одежды из шерсти и хлопка. Для тяжелых работ использовался труд рабов. Ими были построены пирамиды, города, дворцы и храмы, а также ирригационные сооружения и дороги.

Но они не знали железа, лошадей и принципа колеса. А главное — не были готовы оказать отпор европейским завоевателям. Организации сопротивления мешали противоречия между различными слоями населения этих государств и их разобщенность.

В результате вторжения европейских завоевателей государства ацтеков, майя, инков, их своеобразные общества были разрушены, население лишено прав или уничтожено, богатства расхищены, древние культуры исчезли. Земли и природные ресурсы древних цивилизаций стали добычей европейцев и осваивались ими по-своему.

Географические открытия не ограничивались Америкой. Кругосветное путешествие португальца *Фернана Магеллана* в 1519 г. не только доказало шарообразность Земли, но и дало европейцам возможность использовать для своего обогащения громадное количество ранее неведомых стран. Число занимающихся их грабежом стремительно росло. Поступления в испанскую казну из ставших сравнительно легкой добычей земель Нового Света многократно превышали доходы государей Франции, Англии и Священной Римской империи вместе взятые. Испании и Португалии, тоже быстро богатевшей за счет захваченных заморских владений, завидовали все европейские монархи. Английские мореплаватели под руководством

Д. *Кабота* достигли берегов Северной Америки почти одновременно с Колумбом. За ними побывали в Северной Америке корабли Голландии и Франции. Но они не обнаружили там достойных объектов грабежа и продолжали тщетно искать путь в Китай через Ледовитый океан, а русские устремились в Сибирь. Однако соперничать с испанскими и португальскими колонизаторами монархам и купцам других стран в начале XVI в. было трудно.

В Новом Свете, как тогда называли заокеанские земли, на развалинах местных обществ и культур стали возникать поселения испанцев, португальцев, а затем и других европейцев. Они привозили и приспосабливали к жизни на новых землях христианские идеи и обычаи, учреждения, общественные отношения, ремесла и торговлю, домашних животных (лошадей и крупный рогатый скот) и хлебные злаки.

Существенными оказались последствия ограбления Нового Света и для Европы. Из Нового Света в европейские страны попали картофель, томаты, перец, кукуруза, табак, кофе, хлопок и способы их использования. А главное — уже с начала XVI столетия через Испанию и Португалию в Европу хлынул поток золота и других ценностей. Золотая испанская монета вошла в торгово-финансовые отношения Западной Европы. Началась революция цен, способствовавшая повороту от натурального к товаро-денежному хозяйству. К середине века общее количество звонкой монеты в Европе увеличилось более чем в четыре раза. Цены стремительно росли, а заработная плата и земельная рента обесценивались. Это обогащало долгосрочных арендаторов земель и всякого рода предпринимателей, а вместе с тем вело к расширению эксплуатации наемной рабочей силы, распространению капиталистических способов хозяйствования.

На рубеже XV—XVI вв. было положено начало широким и глубоким связям между Европой и Америкой. Эти связи вели к коренным необратимым изменениям в жизни людей на этих континентах. Океан, как и Средиземное море в древности, не разъединял, а соединял жившие на его берегах народы. Уже с начала XVI в. его непрерывно бороздили многомачтовые вместительные испанские галеоны и португальские карраки. По обе стороны океана быстро развивалось судостроение и многие другие производства, выходившие за рамки цеховой ограниченности. Новые масштабы, структуру и формы приобрела торговля и финансовые операции, появились торговые биржи

и ценные бумаги. Перемены происходили во всех сферах жизни. Их современник *Мартин Лютер* писал: «Сколько ни читай всемирных хроник, не найдешь ни в одной из ее частей, начиная от Рождества Христова, ничего подобного тому, что произошло на протяжении этих последних ста лет. Таких сооружений и посевов не было еще в мире, так же как столь разнообразной (на любой вкус) пищи, изысканных яств и напитков. Своего предела достигла также изысканность и роскошь в одежде. Кто прежде знал о таком купечестве, которое, как нынешнее, объехало бы вокруг света и связало своими делами весь мир? Несравнимо с прежними временами поднялись и расцвели всевозможные искусства — живопись, резьба по дереву, чеканка по металлу, меди, шитье».

Великие географические открытия и их последствия изменили взгляды людей на устройство мира, на роль человека и общественные отношения. Идейно эти изменения были подготовлены эпохой Возрождения — изучением и осмыслением видными мыслителями и художниками XV—XVI вв. достижений культуры античности. Деятели Возрождения — Леонардо да Винчи, Рафаэль Санти, Микеланджело Буонарроти, Н. Коперник, П. Помпонаццо, Эразм Роттердамский, Д. Чосер, С. Брандт, Н. Макиавелли и другие — не представляли античность «золотым веком», а стремились выработать принципы гармонии для настоящего и будущего.

Оставаясь искренне верующими христианами, они во многом расходились с теологами-схоластами и мрачной религиозной экзальтации противопоставляли земную жизнь со всеми ее страстями и мирскими радостями, а феодальному аристократизму — гражданский индивидуализм. Освобождаемые ими от схоластического догматизма знания и создававшиеся художественные образы разрушали эсхатологическую философию и аскетизм, подтачивали каноническое учение церкви.

Мыслители и мастера Возрождения — гуманисты — стремились освободить людей от гнета религиозных догм и философских абстракций и утверждали независимость, свободу и самоценность личности. Выдающийся деятель Возрождения *Эразм Роттердамский* (1469—1536) заявлял: «Я хочу быть гражданином мира». Гуманисты учили: «Бог не требует от людей ничего иного, как чистой и праведной жизни».

Они понимали, как трудно осуществить подобные идеалы в реальном обществе. Итальянский политический мыслитель *Никколо Макиавелли* (1469—1525), проанализировав общест-

венные отношения разных эпох, разработал концепцию «нового государя» — мудрого монарха, который обязан «по возможности не удаляться от добра, но при надобности не чураться и зла». Суть власти он видел в «общественном благе» и общенациональном интересе. Насилие, считал он, должно исправлять грехи, а не разрушать человеческое доверие.

Поиски земной мирской основы человеческих стремлений приводили гуманистов Возрождения к выводу, что светская власть происходит не от непогрешимого Бога и не от церкви, а поэтому духовенство не должно влиять на государство и использовать страх верующих перед Страшным судом. Они требовали веротерпимости и свободы совести.

Идеи гуманистов находили отклик и распространялись среди ловких администраторов и советников, служивших князьям и королям, а также предприимчивых образованных купцов. Они способствовали формированию новых политических ориентиров, но не выходили за круг людей, знавших латынь, на которой писали деятели Возрождения.

Для изменения сознания более широких слоев населения существенное значение имело непосредственное знакомство верующих с Библией, переведенной с латыни на живые языки Д. Уинклифом, Я. Гусом и М. Лютером. Книгопечатание, городские светские школы и выступления бродячих артистов популяризировали библейские сюжеты. Читатели и слушатели сами сопоставляли слова и дела церкви с заветами. Результатом стало распространение бюргерских ересей, требовавших удешевления церкви, упразднения сословной отчужденности священников и монахов, секуляризации богатств церкви и ограничения власти ее иерархов.

На этой идейной почве во втором десятилетии XVI столетия в Европе возникла *Реформация* — широкое религиозно-политическое движение за освобождение людей от сковывавших их свободу догматов и учреждений римско-католической церкви и многих других поддерживавшихся ею порядков. Реформация выражала стремление различных слоев общества многих европейских стран преодолеть кризис католицизма и устаревших общественных отношений, обновить мировоззрение в соответствии с происходившими в мире переменами и указать людям ориентиры для использования открывавшихся новых возможностей.

В этом идейно-политическом движении в странах Центральной и Западной Европы имелись различные течения. Наи-

более важную роль сыграли три направления: *либеральное*, провозглашенное немецким ученым-богословом *Мартином Лютером*, *радикальное*, разработанное *Жаном Кальвином*, и «*королевское*» (*англиканское*), осуществленное английскими монархами *Генрихом VIII* и *Елизаветой I*. К концу столетия Реформация значительно изменила не только духовный, но и политический облик Европы.

Ограбление Нового Света и Реформация способствовали обновлению мировоззрения, производства и торговли, ускорению формирования наций и усилению государственной власти, в частности абсолютных монархий. Все это и стало началом «великого прорыва», который усилил неравномерность духовного и экономического развития европейских стран.

Могущество Испании и крушение авантюристической политики ее властителей. Раньше и больше всех обогатившаяся за счет Нового Света Испания быстро стала самой могущественной державой Европы. К началу XVI в. испанской монархии принадлежали Южная Италия, Сардиния и Сицилия, а также Нидерланды и огромные владения в Новом Свете. С первых десятилетий XVI в. ее войска и купцы осваивали Средиземноморское побережье Африки.

Все это в 1516 г. унаследовал король Испании Карл I Габсбург. Вскоре рейхстаг Священной Римской империи германской нации избрал его императором — *Карлом V*. В его владениях, говорили льстецы, никогда не заходило солнце. Карл стремился расширить свои владения и создать всехристианскую империю Габсбургов.

Он опирался на духовенство и не считался с правами и привилегиями феодалов и городов Испании. Его желание любыми способами увеличить королевские доходы и власть натолкнулось на сопротивление провинциальных представительных собраний — кортесов, горожан и дворянства. В 1520 г. в стране вспыхнуло восстание городов и дворянства, поддержанное частью грандов. Его участники создали «Святую хунту» и войска. Более радикальная часть повстанцев в Кастилии образовала «Хунту отрядов». Но между дворянством и горожанами, а также между провинциями имелись противоречия, которые использовал король. Вернувшись в Испанию с немецкими войсками, Карл подавил восстание, а затем расправился с восстаниями в других районах. Это нанесло значительный ущерб экономике страны. Король же укрепил свою власть, подчинил

себе кортесы и местное самоуправление, ограничил политическую роль грандов и городов.

В 20—30-е годы войска Карла нанесли ряд крупных поражений Франции, короли которой пытались захватить Италию и вытеснить из нее испанцев. Испанские войска не раз вторгались во Францию и угрожали Парижу. Франции пришлось подчиниться продиктованным победителями условиям.

При поддержке римско-католической церкви Карл бросил силы и богатства Испании на борьбу против Реформации и князей-протестантов в своей Священной империи. Неудачи в этой войне побудили его отречься от императорского, а затем и испанского престола. Империя досталась его брату Фердинанду; Испанию с ее владениями в Новом Свете и в Италии, а также Нидерланды унаследовал сын Карла *Филипп II*.

Филиппу II пришлось продолжать войну с Францией, которая закончилась миром только в 1559 г. Франция удовлетворялась приобретением нескольких крепостей у своих границ, а Испания надолго упрочила свое преобладание в Италии.

Испанцам — завоевателям Нового Света было чем платить за товары. На них ориентировались европейское и местное производство и торговля. Это стимулировало развитие в Испании ремесел и даже крупных мануфактур, особенно производство тканей и судостроение. Но разбогатевшим завоевателям было прибыльнее вкладывать деньги в колонии, а не в отечественное производство. Торговля между провинциями оставалась слабой — ее сдерживали сепаратизм и рост импорта иностранных товаров. Производство шерсти было сосредоточено в руках крупных овцеводов, союз которых — Места — пользовался поддержкой властей, расширявших пастбища ради увеличения доходов казны. Шерсти производилось больше, чем могли переработать испанские производители, и она экспортировалась.

Устаревшее земледелие не обеспечивало страну продовольствием, и значительная его часть импортировалась. Селяне часто голодали и разорялись, пополняя ряды нищих и авантюристов. А в Арагоне сохранялось крепостное право. Разрозненные восстания отчаявшихся земледельцев беспощадно подавлялись. Огромные деньги, полученные королем и знатью из Нового Света, тратились на войны и роскошь. Большая часть их перетекла в руки зарубежных финансово-торговых компаний и ничего не принесла стране и ее народу.

Филипп II фанатически преследовал одну цель — торжество католицизма и уничтожение еретиков. Опираясь на королевское всевластие, инквизиция терроризировала население, притесняла и уничтожала немногих протестантов и потомков мусульман — морисков. В ереси обвинялись противники короля. За время царствования Филиппа около тысячи человек были сожжены. Король перенес столицу королевства в Мадрид и создал огромный административный аппарат. В конце 60-х — начале 70-х годов королевские власти жестоко подавили восстание морисков: мужчины были истреблены, а женщины и дети проданы в рабство.

Филипп почти три десятилетия вел жестокую войну против народа Нидерландов, вмешивался в дела Англии, послал испанские войска во Францию на помощь католикам, воевал против Османской империи. Но в конце концов контроль над Нидерландами был утрачен, интриги в Англии провалились, и посланная против нее «Непобедимая армада» погибла, пришлось вывести испанские войска из Франции. Приток богатств из Нового Света уменьшился, а силы конкурентов возросли. Испания еще располагала огромными богатствами и значительными силами, но она стала утрачивать прежние позиции.

Удач у Филиппа, кроме укрепления позиций в Италии, было всего две. После ряда поражений только в 1571 г. испано-венецианский флот смог разгромить у Лепанто в Коринфском заливе морские силы Османской империи. Это на время подорвало господство турок в Средиземном море. А в 1581 г., воспользовавшись гибелью короля Португалии, Филипп присоединил ее и ее огромные колониальные владения к Испании. Но это не остановило социально-экономической деградации его королевства.

Войны потребовали к концу века в несколько раз увеличить налоги на производство и торговлю, что привело к их упадку, росту цен и повсеместной нехватке денег. Произвол Месты, притеснения феодалов и повышение налогов разоряли земледельцев. Добиваясь только пополнения казны, власти не оказывали поддержки отечественному производству. Конкуренты теснили испанские товары даже в Испании, не говоря уже о рынках других стран. Таможенная система затрудняла торговлю между провинциями и благоприятствовала закупке испанского сырья иностранцами.

Политика властей, служившая фанатическим целям абсолютных монархов-католиков, лишила народ возможности использовать богатства Нового Света для развития производства и торговли, привела к ослаблению и упадку крупнейшей державы Европы. Население беднело, а церковь завладела почти четвертью всей территории страны и накопила огромные богатства, соревнуясь в роскоши с королями и знатью.

В начале XVII в. удар по торговле и мореплаванию страны нанес изданный в угоду церкви указ о выселении из Испании морисков. Вскоре ослабевшая власть не смогла удержать Португалию, которая в 1640 г. в результате восстания вернула себе независимость.

Своими действиями в Новом Свете и в Европе испанцы прославились как отважные мореплаватели и жестокие завоеватели, действовавшие на огромном пространстве — от Нового Света до Османской империи. Это поглощало почти всю их энергию, которой уже не хватало на сомнения в католицизме и освобождение от бремени церкви. В то же время испанцы создали новые по духу и по мастерству произведения. Облик Испании того столетия нашел отражение в картинах Д. Веласкеса. Мысли и чувства народа в переломный период выразили М. Сервантес, создавший образ странствующего рыцаря Дон-Кихота и его слуги, и драматурги Лопе де Вега и П. Кальдерон. В их героях сконцентрированы качества, которые обеспечили испанцам, несмотря на ослабление страны, огромную роль в начале новой истории.

От войн и распрей к консолидации и усилению Франции. Франция значительно отставала от Испании в освоении Нового Света. В начале XVI в. ею правили короли, занимавшиеся укреплением своей власти, изданием общекатолических законов и обузданием феодалов. Они перестали созывать представительный орган сословий — Генеральные штаты и ограничили местное самоуправление, но поддерживали развитие отечественного производства и торговли даже за рубежом. Отдавая сбор пошлин и налогов откупщикам и распродалая государственные должности, короли получали достаточно средств для содержания сильной армии. У папы они добились права выдвигать кандидатов на церковные должности, что давало им возможность использовать церковь в своих целях.

Попытки Карла VIII и Франциска I завоевать Италию встретили отпор итальянских княжеств и республик, а глав-

ное — натолкнулись на активное противодействие Испании. Поражение в войне с Испанией и даже пленение испанцами Франсиска I не заставили его отказаться от своих планов. Он и король Генрих II вели безуспешные войны с Испанией. Они заключили союз с Османской империей, которая угрожала владениям Габсбургов с востока и на Средиземном море, а французские купцы получили привилегии в торговле с нею.

Затянувшиеся войны требовали средств, для получения которых увеличивались налоги. В то же время росли цены. Это вызвало недовольство значительных слоев населения. В юго-западных провинциях, где были сильны сепаратистские тенденции, вспыхнули народные восстания. Они были подавлены, но волнения продолжались.

Испании, увязшей в борьбе с Реформацией в Германии, Нидерландах и Англии, тоже трудно было продолжать войну. Поэтому в 1559 г. был подписан мирный договор, по которому Франция получила несколько крепостей, а испанцы закрепили за собой Италию.

Франция не имела такого притока богатств из Нового Света, какой был у Испании. Но она обладала множеством крупных ремесленных и торговых центров, из которых наиболее значительным являлся Париж. Мануфактуры изготавливали разнообразные ткани, добывали руды и уголь, ковали и отливали оружие, печатали книги. Французские купцы торговали с европейскими и азиатскими странами и начали проникать в Новый Свет.

Среди растущего числа горожан и разорявшихся дворян, стремившихся расширить свои права и за счет церкви улучшить свое положение, стали распространяться идеи кальвинизма, особенно на юге и юго-западе страны. Их поддерживала часть знати, желавшая ограничить власть короля, в том числе принцы Конде и зависимые короли Наварры.

Но активизация кальвинистов, которых во Франции называли *гугенотами*, и их заговоры в целях захвата власти натолкнулись на сильный отпор. Против них выступали придерживавшиеся католицизма и поддерживавшие усиление королевской власти знать во главе с герцогами Гизами, откупщики-финансисты, торгово-промышленные слои севера и центральной части страны, чиновники и служилое дворянство. Екатерина Медичи — королева-мать трех царствовавших до 1589 г. безвольных королей — искусными интригами добивалась сохранения абсолютной власти за сыновьями.

Карлу IX, остро нуждавшемуся в деньгах для упрочения своих позиций, Генеральные штаты средств не дали. Отношения между двумя политическими лагерями — католическим и гугенотским — обострились до предела. Нападение герцога Гиза на гугенотов в 1562 г. в местечке Васси положило начало кровопролитным религиозным войнам между католиками и гугенотами. В последующие 30 лет они сотрясали и разоряли всю страну. При этом католическая знать стремилась получить поддержку от Испании, а гугеноты — от Англии.

Организованная Екатериной Медичи в августе 1572 г. массовая резня католиками-фанатиками гугенотов в Париже — *Варфоломеевская ночь* — обострила конфликт до раскола Франции. Гугеноты создали на юге страны свою Конфедерацию: республику городов и дворян с правительством, деньгами, вооруженными силами и крепостями. На севере Гизы, стремившиеся занять трон, сколотили *Католическую лигу*. С середины 80-х годов она стала конфедерацией северных городов и дворянства. У нее тоже были деньги, войска и крепости.

Действия Лиги против династии, организация ею выступлений католиков в Париже против слабого Генриха III побудили короля объявить о роспуске Лиги. Однако спровоцированное этим восстание парижан заставило его бежать и просить помощи у главы гугенотов, короля Генриха Наваррского. Париж примкнул к Лиге, а в других городах разгорелась борьба между местными группировками.

Генрих III приказал убить Гизов, но в 1589 г. сам оказался жертвой подосланного ими убийцы. Его наследником стал вождь гугенотов Генрих Наваррский — *Генрих IV*. Однако ни Гизы, ни север страны, ни Париж его не признавали. Чтобы поддержать католиков, испанский король прислал в Париж свои войска, хотя это вызвало недоверие горожан к вождям Лиги.

При безвластии почти вся страна была охвачена восстаниями селян против откупщиков, чиновников, дворян. Повстанцы называли своих врагов «кроканами» (грызунами) и расправлялись с ними. Это заставило всех имущих стремиться к восстановлению в стране власти.

Не видя иного выхода, Генрих IV признал, что «Париж стоит мессы», принял в 1598 г. католичество (король менял веру уже третий раз), и Париж открыл ему ворота. Возглавив Францию, он подавил восстания селян и восстановил сильную королевскую власть. Различными уступками Генрих IV стремился

умиротворить лидеров католиков и заключил соглашение с гугенотами. Его *Нантский эдикт* (1598) объявлял католичество официальной религией Франции, но при этом гугеноты получили равные с католиками права, а также свободу вероисповедания всюду, кроме Парижа и нескольких других городов, сохранили за собой льготы, провинции, города и крепости на юге. Такой ценой было восстановлено государственное единство Франции и абсолютная власть короля.

Достижение политической стабильности и устойчивости цен способствовало восстановлению и быстрому развитию экономики страны. Генрих IV проводил протекционистскую политику, его правительство активно содействовало развитию мануфактур и торговли. Купцы расширили свои операции на Востоке, в Испании и Новом Свете. Были снижены прямые налоги на селян, их имущество ограждалось от продаж за долги. Это благоприятствовало успехам виноградарства, садоводства, шелководства.

После убийства Генриха IV фанатиком-католиком знать при его малолетнем наследнике — как гугеноты, так и католики — пыталась ослабить королевскую власть. В стране снова возникла смута. Конец ей положил *кардинал Ришелье* — А. Ж. дю Плесси, ставший первым министром Людовика XIII в 1624 г. и оставшийся фактическим правителем государства до своей смерти в 1642 г.

Ришелье был политическим мыслителем и опытным государственным деятелем, сочетавшим последовательность с политической гибкостью. Укрепляя единство страны и абсолютизм, он создал государственный аппарат и подобрал надежные кадры из чиновников и дворян, которые наделялись большими полномочиями, усилил армию и флот. К концу 20-х годов Ришелье осадил и взял главный оплот гугенотов — крепость Ла-Рошель, уничтожил их политическую организацию и политические привилегии. Вместо Нантского эдикта королем был издан «эдикт милости», предоставивший гугенотам свободу вероисповедания и хозяйственной деятельности. В 30-е годы был подавлен мятеж феодалов в Лангедоке и казнен его губернатор. Дворянские замки, кроме пограничных, были скрыты. Ришелье усилил контроль над губернаторами провинций, ограничил права Генеральных штатов и других сословных учреждений.

Жесткая фискальная система и увеличение налогов вызывали недовольство сельских и городских низов. Особенно

крупными были восстания селян и горожан в 30-е годы в Бордо, в Западной и Южной Франции, в Нормандии. Они подавлялись королевскими войсками, а их участники сурово наказывались: многих ссылали, а некоторые сами бежали в Новый Свет.

В то же время меркантилистская политика правительства способствовала развитию мануфактур и торговли, созданию новых торговых компаний, соперничавших с нидерландскими. Росли французские колонии в Канаде, в Гвинее, на океанских островах, активизировались французские торговцы в Османской империи, Иране, России. Укрепляя позиции Франции в Европе, Ришелье добивался ослабления Испании и всех Габсбургов. Путем искусной дипломатии и не жалея средств, он поддерживал Нидерланды, Данию, Швецию, протестантов и вообще княжеские распри в Священной Римской империи.

Неудачные войны первой половины XVI столетия, религиозные войны его второй половины и наступивший после них период усиления абсолютизма и консолидации нации активизировали поиск решения общественных проблем и развитие творческой мысли. Эти поиски не ограничивались рамками кальвинизма. Крупным вкладом в развенчание феодальных порядков стала сатирическая проза Ф. *Рабле*. Духовному сплочению нации способствовали поэты так называемой Плеяды — *Ронсар*, *Дю Белле* и другие, а также публицистика Ж. *Бодена* в защиту единого национального государства. Природа и мудрость народа были источниками глубокого гуманизма М. *Монтеня*. А в XVII век французская мысль вошла идеями великого философа-рационалиста Р. *Декарта*. Труды этих мыслителей заложили прочный фундамент национальной культуры и стали вкладом в формирование новой цивилизации.

Упрочение абсолютизма, Реформация и усиление Англии. Англии трудно было соперничать с Испанией и Францией. Обессиленная длительными династическими войнами Алой и Белой розы, она только накануне XVI столетия обрела стабильную государственность. Положивший начало династии Тюдоров *Генрих VII* и его наследники воспользовались гибелью в войнах почти всей старой аристократии для усиления королевской власти. Тайный верховный суд — «*Звездная палата*» — отправлял на казнь всех противников короля — и простолюдинов, и лордов. Тюдоры подавля-

ли мятежи аристократов, но ограждали их от выступлений простолюдинов. Они опирались на послушный парламент, в котором преобладали представители среднего и мелкого дворянства, выдвинувшиеся благодаря приобретенным богатствам.

Это новое дворянство скупало земли и занималось предпринимательством, а восстановленная Генрихом VII администрация всеми способами пополняла казну и сама обогащалась взятками. Рост в Европе спроса на шерсть побуждал лордов сгонять со своих земель зависимых арендаторов, сносить целые деревни и превращать земли в пастбища. Лорды и состоятельные селяне захватывали для этой цели и общинные земли. Они их *огораживали* и сдавали в аренду за высокую плату фермерам-овцеводам. Этот ускорявшийся процесс «огораживания» лишал средств к существованию большую часть сельского населения. «Овцы поедают даже людей, опустошают целые поля, дома и города», — писал *Томас Мор*. Множество селян превращалось в лучшем случае в мелких арендаторов, а большинство становилось наемными рабочими и бездомными нищими бродягами. Только состоятельные селяне расширяли свои владения. На арендованных землях росло фермерство.

Увеличение производства шерсти стимулировало развитие сукноделия в самой Англии. Бурный рост сукнодельческих мануфактур позволил уже с середины XVI столетия вывозить больше сукон, чем шерсти. Развитие сукноделия и судостроения подтолкнуло добычу угля и руд. В результате роста производства организации ремесленников превращались в мануфактуры, быстро увеличивалось количество наемных работников, и новое дворянство пополнялось сельскими и промышленно-торговыми предпринимателями. Создавались крупные торговые компании: Восточная, Московская, Гвинейская, торговавшие с множеством стран — от Сибири до Нового Света. Война в Нидерландах способствовала активизации Англии и превращению ее в соперника Испании.

Английские монархи стремились затормозить «огораживание», чтобы помешать сокращению числа людей, плативших подати и служивших в войске. Но они же вместе с парламентом издавали жестокие законы о наказании за бродяжничество — «кровавое законодательство» против обездоленных, заставлявшее их искать новые источники средств к существованию или эмигрировать. Власти поддерживали развитие мануфактур и расширение торговли, от которых казна получала немалые доходы. Неоднократно вспыхивавшие восстания

обездоленных, как и недовольных аристократов, жестоко подавлялись.

Неудивительно, что с 20—30-х годов в стране среди различных слоев нашли отклик и получили развитие идеи М. Лютера. Владевшая немалыми богатствами церковь боролась против них. Но инициатива противников папства была перехвачена у них королем Генрихом VIII.

Поссорившись с папой, препятствовавшим его новому браку, король решил использовать ослабление позиции папства в Европе, чтобы избавиться от его влияния и подчинить себе церковь и ее богатства. В 1534 г. Генрих VIII разорвал отношения с папой, парламент объявил церковь в Англии независимой от папы и провозгласил короля ее главой. Независимую церковь стали называть *англиканской*. Противившийся этому лорд-канцлер Томас Мор был казнен. Монастыри были закрыты, а их землями распорядился король. Их новые хозяева ради повышения прибылей сдавали земли фермерам и прогоняли прежних арендаторов, которые вместе с монахами пополняли число нищих бродяг. Всякое сопротивление этой реформе жестоко подавлялось. Но вероучение и организационные формы оставались католическими, только позже в них были внесены изменения в духе протестантизма.

Дочь Генриха VIII *Мария* в 50-е годы XVI в. попыталась восстановить католичество и жестоко преследовала сторонников Реформации. Она вышла замуж за испанского короля, что усилило испанское влияние в стране и вызвало недовольство нового дворянства. Франция тем временем ввела свои войска в Шотландию, королевой которой была католичка *Мария Стюарт*, а шотландские кальвинисты возглавили вооруженную борьбу части населения против интервентов и сторонников этой королевы.

После смерти Марии Тюдор королевой Англии стала другая дочь Генриха VIII — *Елизавета I*. Она прекратила преследования поборников Реформации в Англии и поддержала кальвинистов в Шотландии, тем более что при поддержке папы Мария Стюарт была провозглашена королевой Англии. С помощью английского флота кальвинисты в Шотландии в 1560 г. добились победы и вывода французских войск, обязали Марию Стюарт отказаться от претензии на английскую корону. Шотландский парламент ввел в стране пресвитерианскую разновидность кальвинизма (паства избирала не консистории, а пресвитеров — старост) и секуляризировал церковные богатства.

Вернувшаяся в Шотландию Мария Стюарт при поддержке католиков преследовала кальвинистов и интриговала против английской королевы. Но получившие помощь Елизаветы кальвинисты восстали против Марии, и ей пришлось искать убежища в Англии, где она была брошена в тюрьму.

Елизавета I заключила союз с новым королем Шотландии, который отказался от поддержки католиков. Ей удалось сорвать заговоры, активно поддерживавшиеся Францией и Испанией, и подавить организованное знатью крупное восстание на севере страны. Папа объявил Елизавету еретичкой и отрешил от власти и церкви.

Чтобы укрепить свое положение и пресечь сопротивление католиков-папистов, королева в 1571 г. даровала стране *Символ веры*, подтвердивший сущность реформы церкви и уточнивший ее детали. В этом документе утверждалось, что верховная церковная власть в государстве принадлежит королю — защитнику веры, хотя он и не имеет права толковать Священное Писание и осуществлять религиозные таинства, — такое право получил архиепископ Кентерберийский. Епископат сохранялся, а литургия должна была вестись исключительно на английском языке. Всякое выступление против авторитета церкви расценивалось как государственное преступление.

Недовольные непоследовательностью реформы пуритане требовали очищения церкви от обрядов, чтобы сделать ее дешевой и удобной, и замены епископов выборными пресвитерами. Но реформа церкви упрочила королевскую власть и способствовала формированию нации. Новые заговоры католиков-папистов против королевы были разгромлены, а их участники вместе с Марией Стюарт казнены.

Однако в конце 80-х годов над Англией нависла серьезная опасность. Папа призвал всех католиков к войне против Англии. Филипп II собрал и направил к ее берегам огромный флот с войсками, прозванный «Непобедимой армадой».

Англии пришлось напрячь все силы. Были мобилизованы все корабли, привлечены пиратские суда, использованы способности самого удачливого из пиратов — *Ф. Дрейка*, произведенного Елизаветой в вице-адмиралы, Англию поддерживали нидерландские враги Испании. Все они с разных направлений нападали на «армаду» и мешали ее планам. «Перья у испанцев выщипывались одно за другим», — говорили участники морских сражений. Флоту не удалось соединиться с сухопутными

войсками. Наконец, сильный шторм разметал суда испанцев вдоль побережья Шотландии и Ирландии.

Крушение «Непобедимой армады» способствовало укреплению государственности, формированию нации и усилению международных позиций Англии. Морское могущество Испании было подорвано. Английский флот последовавшими победами над испанским проложил себе путь в Америку и Индию, что привело к расширению английской торговли и колоний.

Война с Испанией побудила Англию активизировать давно начатое завоевание Ирландии, где к началу столетия англичанам уже принадлежали плодородные прибрежные земли. Используя распри между вождями ирландских кланов, Генрих VIII присвоил себе титул короля Ирландии и положил начало конфискации земель ирландцев и передаче их английским колонистам. Елизавета продолжила курс отца, вынуждавший многих ирландцев эмигрировать, и послала войска против восставших ирландцев, отстаивавших свою католическую веру и добивавшихся возврата отнятых земель. Борьбу ирландцев попыталась использовать Испания, высадившая в Ирландии свои войска. Но англичанам удалось разгромить их и жестоко расправиться с повстанцами. Командующий доносил королеве, что «не над чем повелевать в этой стране, как только над трупами и кучами пепла».

При *Якове I Стюарте*, шотландском короле, унаследовавшем трон Англии и Ирландии после Елизаветы, северо-запад Ирландии был превращен в оплот английской земельной аристократии. Но в остальном Яков, а затем и его сын *Карл I* проводили иную политику. Вопреки традициям королевства и интересам нового дворянства, выросших городов и большинства населения, они увеличивали число монополий, налоги и пошлины, проводили принудительные займы, преследовали пуритан. В стране усилился произвол продажной бюрократии. Следствием стало обострение противоречий.

Этот бурный период истории Англии дал миру крупные достижения мысли и искусства. Выдающийся политический деятель и мыслитель Томас Мор опубликовал свою «Утопию», в которой развил идеи о справедливом устройстве общества. Больших успехов достигли английские поэты, опиравшиеся на народное творчество. Родоначальником театра и драматургии нового времени стал театр «Глобус» и реализовавшееся в нем творчество В. Шекспира, проникнутое идеями гуманизма. Для философии подобное значение имели идеи мыслителя

Ф. Бэкона, разработавшего представление о «царстве человека» — покорении человеком природы для увеличения производства ради удовлетворения своих потребностей. Критикуя схоластику, он создал систему рационального анализа и обобщения опыта.

Реформация и ее последствия в Священной Римской империи германской нации. В начале XVI столетия Священная Римская империя германской нации простиралась от Северного и Балтийского до Тирренского и Адриатического морей — от Гравелина и Кольберга на севере до Ниццы, Сиены и Крайны на юге Европы, исключая лишь Швейцарский Союз. На западе она граничила с Францией, а на востоке — с Польшей и Венгрией. Священной она была только как поле деятельности римско-католической церкви, а германская нация в то время являлась лишь культурно-историческим понятием.

Главой империи был император, избиравшийся в то время рейхстагом, прежде всего князьями-выборщиками — курфюрстами. В 1519 г. императором Карлом V из династии австрийских эрцгерцогов Габсбургов стал эрцгерцог и испанский король, мечтавший с помощью папы создать всехристианскую империю Габсбургов.

Империя состояла из крупных княжеств и архиепископств, сотен средних и мелких светских и духовных владений и поместий рыцарей, а также городов — центров производства, торговли и финансов. Несмотря на попытки создания имперских органов управления, преобладали тенденции консолидации и усиления сильнейших государств — Австрии, Баварии, Бранденбурга, Мекленбурга, Саксонии, Чехии. Региональными центрами экономической и этнической интеграции становились города и районы развития ярмарок, ремесел и мануфактур, горной промышленности и металлургии, судостроения, выделки кож, производства тканей и специализированного земледелия.

Успехи экономики Австрии, расположенной на перекрестке важных торговых путей и обладавшей значительным собственным производством, обогащали и усиливали власть эрцгерцогов Габсбургов.

Острота противоречий между стремлением большинства населения к политической и экономической интеграции и сопротивлением римско-католической церкви выдвинула в аван-

гард Реформации Германию. 31 октября 1517 г. настоятель Виттенбергского собора *Мартин Лютер* (1483—1546) вывесил на дверях храма свои 95 тезисов против торговли индульгенциями. Опровергая догмат церкви о том, что спасение души невозможно без ее посредничества, он доказывал, что между Богом и человеком не должно быть никаких посредников, так как Бог дарует спасение по своей воле в меру личной веры человека, а не под влиянием пожертвований грешника и просьб священников.

Этот удар по авторитету и источникам доходов церкви вызвал ярость папы и церковных иерархов. В острой полемике инквизиция угрожала Лютеру физическим уничтожением, а папа *Лев X* отлучил его от церкви и лишил сана. Но Лютер в 1520 г. публично сжег папскую буллу об анафеме. Его выступление взволновало верующих, и значительная их часть в Германии, даже некоторые князья, поддержала его, стремясь избавиться от духовного гнета и поборов церкви, секуляризовать ее земли и другие богатства.

В 1521 г. на съезде князей Священной империи в г. Вормсе император эдиктом объявил Лютера еретиком, подлежащим аресту, и запретил распространение его учения. Лютер на съезде отверг обвинения и нашел поддержку у крупных князей.

В борьбу против засилья церкви были вовлечены часть земледельцев-крестьян и горнозаводских рабочих Юго-Западной и Средней Германии. Созданные повстанцами вооруженные отряды в 1524—1525 гг. громили не только монастыри и резиденции иерархов, но и замки феодалов. Стремившийся объединить эти восстания, вошедшие в историю как крестьянская война, *Томас Мюнцер* пошел дальше Лютера. Он заявлял, что всякая «земная жизнь» должна быть возвышена до небес, независимо от сословной принадлежности человека. Мюнцер выразил устремления народных низов к «полному освобождению» от всех господ и властей, к переустройству общества на основе «общей пользы» и «божественного права». Его идеи были созвучны призывам секты *анабаптистов* (перекрещенцев) к отмене церковной догматики и обрядности и введению уравнительного потребления.

Лютер отмежевался от идей социального равенства и радикального переустройства общества. «Если они не станут слушаться, — писал он о повстанцах, — то не должно быть места для милосердия». Разрозненные отряды повстанцев были разгромлены войсками князей. Мюнцер был казнен.

Идеи Лютера нашли немало последователей в австрийских и чешских землях. Реформацию поддерживали крестьяне и горожане Тироля, Зальцбурга. Среди них оказались и последователи Мюнцера. Их вооруженное сопротивление войскам императора продолжалось до 1526 г. В Чехии к лютеранству примкнула большая часть горожан, крестьян и разорявшегося дворянства.

Император не мог бросить против лютеранства все силы, так как с востока империи и собственным владениям Габсбургов — Австрии угрожали войска Османской империи. В 1526 г. в битве при *Мохаче* они разгромили вооруженные силы короля Чехии и Венгрии. Погиб и сам король. В поисках защиты от завоевателей сеймы Чехии и Венгрии избрали королем эрцгерцога Австрии *Фердинанда Габсбурга*. Владения Габсбургов значительно расширились, но король не смог помешать захвату османами значительной части Венгрии. В 1529 г. войска султана осадили Вену. Взять город им не удалось, и войны между Габсбургами и султаном за захваченную османами часть Венгрии и принадлежавшую ей Трансильванию продолжались.

Тем временем лютеранство распространилось и нашло поддержку у правящих кругов в Северной и прирейнской Германии. Князья, дворянство и горожане рассчитывали не только обрести свободу от церкви, но и завладеть ее богатствами. В 1529 г. четырнадцать германских князей-лютеран, собравшись в г. Шпайере, объявили католическому императору Карлу V, что они протестуют против Вормского эдикта — нападок на Лютера — и будут придерживаться его учения. Этих князей и их сторонников стали называть *протестантами*.

Император выставил против протестантов австрийских рыцарей, а князей-протестантов поддерживали швейцарские наемники. Борьба между католиками и протестантами становилась вооруженной. Лютер писал: «Если мы наказываем воров мечом, убийц виселицей и еретиков огнем, то почему бы нам не напасть на этих вредных учителей гибели, на пап, кардиналов, епископов и всю остальную свору римского Содома со всевозможным оружием и не омыть наших рук в их крови?»

Ситуация обострилась, когда в г. Мюнстере вспыхнуло восстание анабаптистов под руководством голландцев *Я. Матиса* и *Иоанна Лейденского*, который величал себя новым «царем Давидом». Изгнав епископа, повстанцы стали называть город «Израильским царством» и поровну разделили имущество всех его жителей. Нападения императорских войск были отбиты.

Но прирейнские князья-протестанты осудили радикализм повстанцев-анабаптистов и казнили их вождей. После этого к протестантам присоединились курфюрсты Бранденбургский и Саксонский.

Смерть Лютера в 1546 г. Карл V использовал для организации похода против протестантов. Итальянские и тирольские войска во главе с герцогом Альба разгромили саксонские дворянские ополчения. Но часть католических князей империи в надежде завладеть землями церкви присоединилась к протестантам. Войну императору и его испанским войскам объявил весь север Германии. На помощь единоверцам выступило швейцарское ополчение — самая сильная в Европе пехота. Для ослабления империи Карла V его противников поддержал французский король Генрих II.

В Чехии население, недовольное ограничением прав городов и увеличением налогов, и сейм в 1547 г. отвергли попытку короля использовать силы и средства чехов против немецких протестантов. В Праге вспыхнуло восстание, которое было подавлено королевскими войсками. Но солидарность чехов с немецкими протестантами затруднила действия их противников.

В 50-е годы войска императора терпели поражения, и в 1555 г. между германскими протестантскими и католическими князьями и императором был подписан в г. Аугсбурге религиозный мир. В нем провозглашался принцип «Чья власть, того и вера»: каждый князь сам определял вероисповедание своих подданных.

В результате в империи образовались две группы государств — *католическими* остались земли Габсбургов, Бавария, Франкония, духовные княжества на Рейне и в Северо-Западной Германии, Эльзас, а *протестантскими* стали северогерманские княжества, Бранденбург, Саксония, Гессен, Брауншвейг, Пфальц и Вюртемберг. Раскол в германских землях углубился. Потерпев неудачу в создании всехристианской империи Габсбургов, Карл V отрекся от престола империи, а затем и Испании. Императором был избран его брат *Фердинанд I* — эрцгерцог Австрии, король Чехии и Венгрии.

Вооруженные столкновения между католиками и протестантами не прекращались. Князья и короли увеличивали налоги. Войска грабили крестьян и горожан, нанося ущерб хозяйству. Многие эмигрировали. Население поредело, и работников всюду не хватало. А спрос и цены на продовольствие и другие товары стремительно росли. В таких условиях для увеличения

производства и своих доходов короли, князья и дворяне-помещики усилили внеэкономическое принуждение — захватывали земли селян и общин, увеличивали барщину, запрещали земледельцам уходить, прикрепляли их к своей земле. Почти во всей Священной империи и к востоку от нее началось закрепощение селян и других работников.

В Священной Римской империи князья-католики в своих владениях, опираясь на иезуитов, заменяли протестантских пастырей католическими священниками. Усиление эксплуатации сочеталось с духовным угнетением. Из-за этого в 1595—1597 гг. в ряде районов Австрии и соседних землях вспыхивали крупные восстания селян. Производство и торговля в империи во второй половине XVI столетия сокращались. Ее предпринимателей все больше теснили конкуренты.

Но интенсивность духовного развития не ослабла. Продолжателем трудов Лютера стал *Ф. Меланхтон*. На службу протестантству было поставлено набравшее темпы книгопечатание. Гуманизм получил распространение в различных видах литературы и искусства. Он осуждал бесчеловечность войн и разрушений.

Реформация в Швейцарии и освободительная борьба Нидерландов. Швейцарский Союз, который представлял собой конфедерацию из 13 кантонов, имевших союзные земли, на пороге XVI в. едва освободился от власти Священной Римской империи и продолжал зависеть от Рима. Кантоны руководствовались сводом заключенных между собой договоров, но не имели общего правительства и единых вооруженных сил. Их единство и суверенитет оставались хрупкими и нуждались в политическом и идейном укреплении. Поиск путей и средств для этого велся в различных направлениях.

В Цюрихе и других кантонах с 1516 г. стали популярными идеи священника *Ульриха Цвингли*. Он опирался на Евангелия и отвергал позднейшие догматы пап, а также церковные обряды. Цвингли осуждал стяжательство церкви, ростовщичество и крепостничество, службу швейцарцев в качестве наемников. Критикуя тиранию, он выступал за республиканское правление и защищал мелкую частную собственность.

В 20-е годы в Цюрихе с католицизмом было покончено. К власти пришли демократические силы. Цвинглианство нашло немало сторонников в соседних кантонах. Селяне и город-

ские низы громили церковь и старые порядки. Но это вызвало сопротивление властей Берна и лесных кантонов. Войска Цюриха сражались с их отрядами, и в 1531 г. в сражении погиб сам Цвингли. Это ослабило позиции его сторонников.

Вскоре в Швейцарии еще более популярным стало другое учение, разработанное бежавшим от инквизиции из Парижа в Базель профессором *Жаном Кальвином* (1509—1564). В своей книге «Наставление в христианской вере», изданной в 1536 г., он четко систематизировал протестантское вероучение, придав ему категоричность и нетерпимость. Исключив свободу воли, Кальвин доказывал абсолютную предопределенность судьбы человека: Бог раз и навсегда определил цикл жизни каждого верующего и изменить в ней человеку ничего нельзя. С верой в непогрешимость своего учения Кальвин заявлял: «Лучше невежество верующего, чем дерзость мудрствующего!»

Кальвин добивался распространения своей трактовки протестантства — *кальвинизма* — в Берне, Женеве и Страсбурге. После освобождения Женевы от католических войск протестантским ополчением Берна между Женевой и Берном в 1535 г. был заключен союз, который способствовал объявлению кальвинизма официальной религией всех кантонов Швейцарии, их идейному сплочению и независимости от Рима.

В отличие от лютеран кальвинисты считали, что верховная власть установлена не Богом, а людьми и, если она не выполняет обязанностей перед народом, должна быть заменена. Они добивались упразднения князей-иерархов церкви, конфискации церковных земель, отделения церкви от государства и освобождения ее от власти Рима. Кальвинисты были нетерпимы ко всем другим конфессиям: католицизму, православию, иудаизму, исламу. Опьяненные идеей своей богоизбранности, они считали возможным ради достижения своих целей использовать любые средства — обман, клевету, жестокость, убийство иноверца.

Под влиянием Кальвина женеvский магистрат принял новую церковную организацию. Консистерия, возглавившая церковь, фактически подчинила себе светскую власть. Пышный католический культ был упразднен, но религиозность граждан стала контролироваться, а поведение регламентироваться властями. Посещение театров, уличных представлений, музыка, танцы, поэзия и чревоугодие считались «пагубой» для верующих. Иноверцы стали изгоняться из Женевы, а противников кальвинизма казнили. Когда в городе увеличи-

лось число бесчинств и уголовных преступлений, а имущие потребовали «наведения порядка», были приняты самые жестокие меры, а один из ученийших критиков Кальвина был со-
^к^кен •

Женева стала оплотом кальвинизма, куда стекались его сторонники и откуда его идеи распространялись по Швейцарии, Германии, Франции, Нидерландам, Англии и другим странам. Эти идеи разделяли многие купцы, предприниматели и мореплаватели. Кальвинисты объединялись в общины, отличавшиеся сплоченностью, стойкостью, трудолюбием, презрением к аристократии и роскоши. Они носили темную одежду, а досуг проводили в кругу единомышленников за пением псалмов.

Во второй половине XVI в. кальвинизм стал оружием в борьбе Нидерландов за освобождение от власти испанских завоевателей, оказал влияние на революцию и создание Республики Соединенных провинций.

В начале XVI столетия семнадцать провинций, расположенных на месте современных Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и части Северо-Восточной Франции, были включены в империю Карла V. Их города имели тогда самые развитые в Западной Европе ремесла, мануфактуры, мореплавание и вели крупнейшие финансово-торговые операции. Они сосредоточили в своих руках торговлю Испании с Новым Светом и финансировали императора. А он использовал эти земли как плацдарм для наступления против Франции и непокорных германских князей.

Провинции управлялись наместником монарха Испании с участием местной знати. Но эта власть несколько ограничивалась представительными учреждениями — Генеральными штатами и провинциальными штатами, а также органами самоуправления сотен городов. Распространявшийся с 20-х годов кальвинизм способствовал сплочению в нацию разноплеменного населения соперничавших между собой городов и провинций, разных сословий против обиравших страну испанских властей и католической церкви.

Нуждавшиеся в средствах для борьбы против начавшейся Реформации императорские власти и церковь с 20-х годов усиливали поборы с провинций и ужесточали преследования еретиков. После Карла V его наследник — король Филипп II увеличил испанские войска в стране и установил военно-бюрократический репрессивный режим, который поддерживали

епископы и инквизиция. Вскоре он отказался платить свои долги и ввел ограничения торговли.

Ответом стало народное сопротивление, вылившееся в массовые выступления и столкновения с испанскими войсками, и активизация дворянской оппозиции. Организаторами народного движения были консистории — руководящие коллегии — кальвинистов. Дворянский союз заключил с ними соглашение.

Летом 1566 г. массовые шествия вооруженных «еретиков» в большинстве провинций переросли в разгром тысяч католических церквей и монастырей. Это движение, возглавлявшееся кальвинистами, назвали «иконаборческим». Его размах заставил власти обещать уступки. Решимость руководителей движения была поколеблена. Это позволило властям подавить выступления масс, но волнения продолжались.

В 1567 г. *герцог Альба* с крупной испанской армией расположился в провинциях и установил террористический режим. За два года было казнено свыше 8 тыс. участников мятежа, в том числе некоторые представители знати. Иезуиты разыскивали и казнили еретиков, а их имущество конфисковывали. Были введены разорительные для производства и торговли законы. Предприниматели разорялись, народ нишал.

Жители сел и городов создавали в лесах вооруженные отряды, пользовавшиеся поддержкой населения и нападавшие на испанские войска и инквизиторов. Этих партизан прозвали «лесными гёзами» (оборванцами). В некоторых провинциях вспыхнули крестьянские восстания. Многие моряки на своих кораблях атаковали суда противника. Их называли «морскими гёзами». За границей — в Германии под руководством бежавшего из провинций принца *Вильгельма Оранского* (1533—1584) нидерландскими дворянами было создано ополчение. Испанцы отражали его неоднократные вторжения, но почти вся страна была охвачена восстаниями. Народ, руководимый кальвинистами, вел войну против испанских захватчиков и католической церкви.

Первую крупную победу морские гёзы одержали в апреле 1572 г. — захватили г. Бриль в устье Рейна. Это подняло на восстание население двух провинций — Голландии и Зеландии. Их освобождение положило начало формированию самостоятельной государственности страны. Высшая власть и верховное командование с диктаторскими полномочиями были переданы Вильгельму Оранскому.

Испанские войска не смогли подавить растущее восстание, и режим герцога Альба стал разваливаться. Его заменили другим наместником. Но вскоре восстание победило в южных провинциях. Началось освобождение и объединение страны. В 1576 г. были созданы Генеральные штаты, ставшие высшим органом государства. В 1581 г. они объявили о лишении Филиппа II власти над Нидерландами.

Но войска Испании продолжали войну против народа, и его вооруженная борьба против испанцев и католической церкви шла еще более 10 лет. Она была осложнена разногласиями и конфликтами между различными течениями и группами патриотов. Некоторые пытались ускорить победу соглашением с противником. Вильгельм Оранский призвал на помощь французские войска во главе с принцем Анжуйским, который попытался присоединить некоторые провинции к Франции, но был изгнан народом. Дворяне противились усилению влияния горожан, подавляли выступления кальвинистов, добивавшихся демократизации управления и вооружения всего народа. Существенное значение имела поддержка, оказанная английской королевой Елизаветой I сыну Вильгельма Оранского — *Морицу Нассау*, который возглавил нидерландские войска после гибели отца. Их успехам благоприятствовало ослабление Испании, особенно в результате крушения ее «Непобедимой армады», направлявшейся на завоевание Англии. После этого гёзы добились крупных побед.

В 1596 г. были объединены северные провинции, ставшие *Республикой Соединенных Провинций*. Войска Морица Оранского наносили поражения испанцам, но страна была истощена, и изгнать захватчиков из ее южных провинций не удалось. В 1609 г. Генеральные штаты республики заключили с ослабшей Испанией длительное перемирие.

Победа руководимого кальвинистами народа в освободительной и религиозной войне завершила превращение Нидерландов в национальное государство. Это была революция, создавшая первую крупную республику нового времени, власть в которой попала в руки крупных торговцев.

Республику, состоявшую из 7 провинций, по самой крупной из них обычно называли Голландией. Важнейшие вопросы решались Генеральными штатами, депутаты которых представляли провинции и избирались только верхушкой населения. Исполнительную власть возглавлял выбиравшийся штатами *штатгальтер*, располагавший широкими полномочи-

ями. Каждый штат самостоятельно решал свои внутренние дела.

Такое устройство благоприятствовало развитию предпринимательства во всех направлениях. В стране преуспевали крупные шерстоткацкие мануфактуры и судостроение. Рыбным промыслом занималось до 2 тыс. кораблей. Но еще больше был торговый флот — самый крупный в Европе. Голландия превратилась в центр мировых финансово-торговых операций. Богатейшей корпорацией стала возникшая в 1602 г. Ост-Индская торговая компания. Процветали крупные банки и страховые компании.

Соперничество различных группировок выражалось в борьбе между непримиримыми кальвинистами, стремившимися к расширению власти консисторий, и защитниками веротерпимости и самостоятельности светской власти. Сталкивались интересы поборников усиления исполнительной власти — *унитаристов* — и сторонников широкой автономии провинций — *провинциалистов*. Накапливался первый опыт хотя и ограниченной, но плюралистической демократии.

Провинции, оставшиеся под властью Испании, были лишены прав торговли с испанскими владениями. С сокращением торговли пришли в упадок мануфактуры. В этих землях сохранялись феодальные порядки, тормозившие развитие ремесел и сельского производства.

Крупный вклад в мировую культуру был внесен в XVI — первой половине XVII в. нидерландскими живописцами. *Питер Брейгель Старший* с высоким мастерством запечатлел жизнь простолюдинов и сделал кисть оружием социальной критики пороков. Великим художником стал уроженец Фландрии *Питер Пауэл Рубенс*. В своих произведениях на религиозные и мифологические сюжеты, в портретах и сценах охоты он воплотил гуманистическое мировоззрение, способствовавшее формированию нового поколения. Много было сделано для этого учениками и последователями знаменитых мастеров. Период расцвета голландской живописи связан с творчеством *Франца Халса (Гальса)* и *Рембранта Г. ван Рейна*. Их великое искусство сыграло огромную роль в утверждении гуманистических идеалов в стране и во всем мире. Крупным вкладом в политическую и философскую мысль нового времени были идеи народного суверенитета *И. Алузия*, а также разработка геометрического метода в философии и учения о человеке *Б. Спинозы*.

Перемены в итальянских землях. Несмотря на культурно-историческую общность и ранние успехи в производстве, торгово-финансовых операциях и различных искусствах, итальянский народ оставался разделенным на множество государств. В северной части страны находились герцогства Пьемонт и Милан, которые вместе с республиками Генуя, Флоренция, Сиена и менее крупными владениями входили в Священную Римскую империю. Их войска и другие ресурсы Габсбурги использовали для борьбы против протестантизма.

Самостоятельной и самой богатой была Венецианская республика с огромным флотом и множеством баз, благодаря которым до 80-х годов XVI в. она господствовала в Восточном Средиземноморье. Венеция долгое время была союзником Габсбургов в войнах против продвигавшейся на запад Османской империи.

Мореплаватели, торговцы и банкиры, а также авантюристы из этих государств активно участвовали в оживлении всей европейской экономики в связи с началом освоения Нового Света. Они вели свои дела в Нидерландах, во Франции и особенно в Испании. Их банкиры финансировали князей, королей и императоров.

Вторжения французских завоевателей в первой трети столетия нанесли ущерб производству и торговле Итальянских государств. Поэтому они выступали против завоевателей и поддерживали Габсбургов. Когда испанцам удалось положить конец этим вторжениям, в северо-итальянских государствах начался экономический подъем. Выросли мануфактуры, торгово-финансовые операции велись по всей Европе и в Новом Свете. Этому благоприятствовали войны в Нидерландах и в Центральной Европе, ослаблявшие конкурентов.

Интересы свободолюбивых предпринимателей выражали гуманисты и рационалисты, уклонявшиеся от прямого конфликта с римско-католической церковью. Активизации реформаторов противостояли как инквизиция, так и тенденции «католической реформы» — «улучшения» церкви сверху. Поэтому реформаторское движение даже в этих наиболее развитых итальянских государствах не было таким массовым и сильным, как в Швейцарии, Нидерландах и германских землях. Ни в одном из них не произошло серьезных идейно-политических перемен. С конца XVI столетия и в начале следующего североитальянские производство и торговля все более сокраща-

лись под натиском конкуренции Нидерландов, Англии и Франции.

Север Италии славился изощренными правителями, финансистами, торговцами, мореплавателями и полководцами. Но наиболее значительный вклад в зарождение новой цивилизации внесли деятели Возрождения — художники и мыслители. Творения Леонардо да Винчи, Рафаэля Санти, Микеланджело, а затем Веронезе, Тинторетто, Б. Челлини составили целую эпоху гуманистического изобразительного искусства. Поэзия Л. Ариосто, возникновение профессионального театра проложили новые пути постижения стремлений и чувств людей. Гуманистический взгляд на общественные отношения, политику, князей и народ был выработан Н. Макиавелли. Яркий вклад в разработку идей о всеобщем счастье внес Т. Кампанелла. Большое значение для обновления представлений о природе имели труды итальянских натурфилософов, вершиной которых стали идеи Джордано Бруно о том, что не только Земля, но и Солнце не может считаться центром Вселенной. Инквизиция сочла это ересью и в 1600 г. сожгла Бруно.

Значительную часть центра Апеннинского полуострова занимала цитадель католичества — Папское государство. Его столица — Рим — обустривалась и украшалась папами, привлекавшими для этого выдающихся мастеров Возрождения. В Риме были сосредоточены иерархи церкви во главе с папой. Рим являлся крупным финансовым центром, очагом международных интриг и местом паломничества.

Руководство римско-католической церкви не сразу поняло серьезную опасность Реформации. Но с 30-х годов XVI в. борьба против нее — *Контрреформация* — становится основным направлением его деятельности. На это были мобилизованы все силы. Стремясь привлечь паству, иерархи заказывали строительство все более великолепных храмов и еще более красочными делали церковные обряды. Был намечен «Проект исправления церкви».

Мобилизации сил церкви на борьбу против Реформации служил проведенный в 1545—1563 гг. (заседал с перерывами) *Тридентский собор*. Он отверг все попытки изменить принципы римско-католической церкви и предал анафеме сочинения протестантов и все реформаторские учения, подтвердив непогрешимость пап в толковании веры.

Уже в начале 40-х годов XVI в. папа Павел III учредил «Общество Иисуса» — Орден иезуитов, возглавленный

И. Лойолой, а затем — Священную конгрегацию Римской и Вселенской инквизиции во главе с Великим инквизитом. Эти учреждения проникли во все страны и развернули охоту за еретиками, которых бросали в темницы, пытали, казнили. Всюду свирепствовала суровая цензура, уничтожавшая сочинения еретиков.

Особенным рвением и строжайшей дисциплиной отличались иезуиты, нацеленные на «употребление всех возможных усилий, чтобы овладеть слухом и умом государей и знатных лиц, чтобы... все были бы принуждены к зависимости от нас». Лойола завещал иезуитам: «Будьте тихи, как овцы, и ядовиты, как змеи».

Иезуиты способствовали активизации римско-католической церкви на Востоке — в землях, попавших под власть Османской империи, — а также в Польше. Они создали свои центры в Кракове и Варшаве. В 1596 г. иезуитам удалось на соборе в Бресте добиться соглашения об объединении католической и православной церквей на территории Речи Посполитой — *Брестской унии*. Это распространило власть папы на значительную часть православных.

Поощряемые папой и иезуитами католические короли беспощадно преследовали все разновидности протестантизма. Испанские короли вели против протестантов непрерывные, истощавшие силы и богатства страны войны в Священной Римской империи германской нации и в Нидерландах, сражались против Англии. Инквизиция свирепствовала в Португалии, втянувшие страну в тяжелую вооруженную борьбу против Англии, Франции, Нидерландов и Марокко. Во Франции католики были инициаторами длительной вооруженной борьбы против кальвинистов. Во второй половине XVI в. папа являлся главным вдохновителем войн и международных интриг против Англии.

Протестанты нередко изгонялись из своих стран или принуждались к эмиграции. Они оказались в числе первых поселенцев Нового Света, проникли во владения католической Испании, в Карибское море, вступали в непростые отношения с аборигенами, а некоторые становились пиратами. В середине XVI в. появились базы французских и английских пиратов на побережье Нового Света. Они грабили корабли католических государств. После реформы англиканской церкви некоторые пираты стали служить Англии и пополнять королевскую казну.

Но Реформация укоренилась в Германии, преобладала в Северной Европе, победила в Швейцарии, Нидерландах и Англии, проникла в другие страны Европы и в Новый Свет, что изменило идейно-политический облик Европы. Римско-католической церкви приходилось считаться с этими переменами.

Занимавшее юг Апеннинского полуострова Неаполитанское королевство и острова — королевства Сардинии и Сицилии принадлежали испанской монархии. Испанские войска и инквизиция удерживали их в стороне от перемен и волнений, охвативших остальную Европу.

Государства и народы Европы севернее и восточнее Священной Римской империи. Существенные перемены происходили в Европе к северу, юго-востоку и востоку от Священной Римской империи. Их направления и характер были различными. Движение к внешней и внутренней свободе людей, к повышению эффективности производства шло там медленнее и еще более неравномерно, чем в Священной Римской империи.

Лютеранство распространилось на север Европы, особенно в землях, принадлежавших Дании, Швеции и Финляндии. Его придерживались окрепшие города Швеции, дворяне и земледельцы, восставшие в 1521 г. против опиравшихся на католическую церковь датских властей. В результате предводитель восстания дворянин *Густав Эрикссон Ваза* был избран королем и положил начало династии Вазы. В борьбе за укрепление своей власти против духовенства и части знати король секуляризировал церковные земли и богатства и способствовал распространению лютеранства. Это позволило Швеции окрепнуть и уже во второй половине XVI столетия вступить в борьбу за господство на Балтике, захватить Ревель.

Между наследниками Густава I шла длительная борьба за власть. Один из них — *Сигизмунд* — в 1587 г. был избран королем Польши, а позже, приняв лютеранство, занял и шведский трон. Но восстание других наследников Вазы лишило его власти в стране, и шведским королем в начале XVII в. стал *Карл IX*, а затем *Густав II Адольф*. Укрепление королевской власти позволило ему активизировать экспансию.

В Дании, потерявшей Швецию и Финляндию, но продолжавшей владеть Норвегией и Исландией, власти с конца 20-х годов решили пополнять казну за счет доходов церкви, для чего датская церковь была провозглашена независимой от Рима.

С 30-х годов распространение лютеранства способствовало поэтапной секуляризации богатств церкви и укреплению королевской власти.

Совершенно другие процессы происходили на юго-востоке от империи. Войска султана взяли Белград и продвинулись западнее Буды — столицы Венгрии. Они закрепили за Османской империей весь Балканский полуостров, за исключением узкой береговой полосы Адриатического моря и некоторых греческих островов, остававшихся во власти Венеции почти до конца XVI в. Признавший власть султана Дубровник избежал разгрома и до XVII столетия оставался самым крупным центром торговли и ремесел.

Население завоеванных стран было лишено прав, и его жизнь подвергалась жесткой регламентации. Оно облагалось налогами и дополнительными поборами. Турецкие гарнизоны и администрация жестокими мерами обеспечивали покорность и беспощадно подавляли протесты. Производство и торговля пришли в упадок. В болгарских землях селились турки, захватывавшие лучшие угодья. Должники и пленные обращались в рабство. Власти добивались распространения ислама, особенно в Албании и Болгарии. Церковь была подчинена константинопольскому патриарху, лояльному султану. Ему служили и органы самоуправления, сохранившиеся в греческих городах. Не решалось на оппозицию и восстановленное в середине XVI в. сербское патриаршество в г. Пече. Но народное сопротивление не прекращалось. Оно выливалось в действия вооруженных отрядов болгарских и сербских гайдуков, греческих клефтов и спорадически вспыхивавшие восстания.

Трансильвания, Валахия и Молдавия были княжествами — вассалами султана. При самостоятельности во внутренних делах их князья-господари должны были выплачивать возрастающую дань и со своими войсками участвовать в походах султана. В княжествах шла острая борьба за власть, что позволяло туркам вмешиваться в их внутренние дела. Бояре захватывали земли селян и общин и закрепощали земледельцев, что было причиной волнений. Увеличение сельского производства способствовало оживлению торговли и развитию ремесел, росту городов — Бухареста, Ясс, Крайовы и др.

В конце XVI в. под руководством валахского господаря *Михаила Храброго* союз Трансильвании, Молдавии и Валахии выступил против турецкого господства и продержался до 1601 г. Восстания против султана происходили в автономиях

и позже, но успеха не имели. В XVII в. Молдавия стала полем сражений между османами и поляками.

К востоку от империи в начале XVI в. после побед над Тевтонским орденом Польша превратилась в одну из сильнейших держав Европы и простиралась от Балтийского моря до Венгрии и Молдавии. Ее вассалом стало герцогство Пруссия. Власть короля Польши ограничивалась сословно-представительным сеймом, в котором преобладало влияние дворян-шляхтичей. По конституции, сложившейся в 60-х годах, король выбирался сеймом и сейм решал все вопросы на основе консенсуса: любой делегат-шляхтич имел право вето.

Влияние католической церкви подкреплялось принадлежанием ей 1/5 всех земель и выплатой верующими десятой части всех своих доходов. Это вызывало недовольство части населения и способствовало распространению лютеранства, а также анабаптизма и других сект.

В XVI столетии ускорилось закрепощение земледельцев, и помещичий *фольварк* — хозяйство, основанное на барщине, стал формой организации, позволившей увеличить производство зерна для вывоза через Балтийское море. Оживление торговли послужило толчком к развитию ремесел, появлению крепостных мануфактур и росту городов — Кракова, Варшавы и др.

Союзниками Польши были католические князья Священной Римской империи, но они были заняты войнами с протестантами, выступать против которых поляки не решались. Шляхтичи и магнаты рассчитывали увеличить свои богатства и владения за счет прибалтийских и еще не консолидировавшихся русских земель в борьбе против только набиравшего силы Великого княжества Московского. Союзника они видели в Великом княжестве Литовском, которому принадлежали почти все белорусские и украинские земли с выходом к Черному морю, а также часть русских и прибалтийских земель. Литовская знать, обеспокоенная волнениями в своих белорусских и украинских владениях и усилением Великого княжества Московского, несмотря на военные неудачи русских в Прибалтике, нуждалась в поддержке Польши.

В результате переговоров в 1569 г. между Польшей и Великим княжеством Литовским была заключена *Люблинская уния*, объявившая о создании польско-литовского государства — *Речи Посполитой*. Она возглавлялась выборным королем. Обе ее части были автономны во внутренних делах, каждая имела

свой суд, бюджет, войско, но внешняя политика была общей. С избранием королем *Стефана Батория* активизировалась война Речи Посполитой против Великого княжества Московского, глава которого Иван IV в. в 1547 г. принял титул царя.

Войны Польши, а затем Речи Посполитой с Россией из-за земель Ливонского ордена в Прибалтике, начавшиеся в 1558 г., продолжались до 1583 г. В них вмешивались Швеция и Дания. Баторию удалось оттеснить русские войска, но он не смог взять Псков и согласился на перемирие, отложив планы сокрушения Великого княжества Московского на будущее.

Речь Посполитая получила большую часть земель распавшегося Ливонского ордена, но столкнулась с претензиями Швеции. Попытка сейма после смерти Батория уладить конфликт путем избрания наследника шведского короля на польско-литовский трон успеха не имела: Сигизмунд не смог удержаться на шведском троне и втянул Речь Посполитую в конфликт со Швецией. Войны со Швецией (с 1600 г.), затянувшиеся на четверть века, вынудили Речь Посполитую вновь подписать перемирие с Россией, но отношения между ними оставались напряженными.

В результате скупки и захвата украинских и белорусских земель в стране усилились польские магнаты. Они закрепощали население, увеличивали барщину и, опираясь на Брестскую унию, при поддержке иезуитов пытались искоренить православие. Королевские власти, признав некоторые льготы для части казаков, стремились подчинить их назначенным гетманам и ограничить приток в их ряды. Ответом были крупные восстания украинского населения в 90-е годы XVI в. Королевские войска смогли их подавить.

Едва справившись с повстанцами, польские магнаты попытались использовать для экспансии в Россию охватившие ее крестьянскую войну и Смуту. Сначала они при поддержке короля содействовали вторжению и воцарению в Москве Лжедмитрия I. После его свержения польские магнаты использовали ослабление московских властей мощным народным восстанием для вооруженной интервенции в 1606 г. польско-литовских войск и казаков. Их вступление в Москву позволило объявить царем Лжедмитрия II, вскоре свергнутого народом. Но на московский трон стали претендовать сын короля Владислав и сам Сигизмунд.

В результате народной освободительной войны 1612 г. Москва была освобождена и интервенты изгнаны. Избрание

царем Михаила Романова положило конец Смуте в Российском государстве. Речь Посполитая была ослаблена крупными восстаниями украинцев и отказом казаков платить подати. Ее попытки вновь двинуть войска на Москву в 1617—1618 гг. получили отпор России. На Речь Посполитую напали Швеция и Османская империя, и она подписала с Россией перемирие, оставившее за ней захваченные ранее Смоленск, Чернигов, Новгород-Северский.

Против Османской империи, направившей вооруженные силы на завоевание Речи Посполитой, активно действовали казаки, совершавшие морские рейды на города Черноморского побережья Турции, включая Стамбул. Польско-литовские и казачьи войска сражались с турецкими армиями в Молдавии. Им удалось преградить путь завоевателям у Хотина, и султан заключил с Речью Посполитой мирный договор. В 1632—1634 гг. она отразила попытки России вернуть себе Смоленск, но Владислав IV (правивший после смерти Сигизмунда III) все же был вынужден отказаться от претензий на московский трон.

К середине XVII столетия международное положение Речи Посполитой осложнилось. На ее северо-западных границах усилилось государство Гогенцоллернов, объединивших Бранденбург и Пруссию. Швеция потеснила ее в Прибалтике. А на восточной границе консолидировалось вокруг новой династии и восстанавливало свои силы Российское государство.

Тридцатилетняя война. Несмотря на значенные разнообразных процессов, происходивших в Европе в начале XVII в., эпицентром ее потрясений к 20-м годам снова оказалась Священная Римская империя. Для защиты своих позиций протестанты создали *Протестантскую (Евангелическую) унию*. Ее глава курфюрст Пфальца *Фридрих V* объединил военные и политические силы протестантов империи и искал поддержки у врагов императора. В противовес поборниками католицизма была создана *Католическая лига*. Ее возглавил курфюрст Баварии герцог *Максимилиан*, который рассчитывал усилить свои позиции при помощи императора.

Противостояние католиков и протестантов осложнялось многими другими противоречиями. Имелись расхождения между лютеранами и кальвинистами, а также внутри Протестантской унии между входившими в нее князьями: они ревниво относились к успехам друг друга.

Существовали разногласия и между католическими князьями, а также между князьями, не желавшими усиления Габсбургов, и императором, стремившимся расширить свои владения.

Далеко не во всем совпадали интересы и действия группировок дворян, горожан и селян в каждом из государств. Не прекращались народные выступления против произвола властей.

Наконец, в дела империи тайно и явно вмешивались другие заинтересованные государства. Франция, направляемая Ришелье, противодействовала победе любой стороны, чтобы не допустить объединения и усиления империи. Ведя борьбу против гугенотов во Франции, Ришелье помогал протестантам бороться, но не побеждать в Германии. Франция была в союзе с султаном, считавшего Габсбургов главным противником Османской империи. Дания противодействовала вторжению католиков и Габсбургов в Северную Европу. Шведский король был полон решимости не допустить победы императора и Католической лиги в Северной Германии, чтобы самому добиться господства на Балтике. Англия еще оставалась союзником Голландии. Россия помогала протестантам как возможным противникам католической Речи Посполитой.

Этот клубок противоречий был пороховой бочкой, которую взорвал в 1618 г. конфликт императора с его чешскими подданными. Габсбурги, владевшие Австрией, Чехией и Венгрией, еще в XVI в. перенесли свою столицу из Вены в Прагу и всячески украшали ее, но вместе с тем лишали чешских дворян, горожан и селян их прав и привилегий, способствовали закреплению земледельцев, вместе с иезуитами притесняли лютеран, подавляли народные восстания. Особенно грубо попирали права населения наследник чешского престола брат императора Матвей. Возмущенные его действиями вооруженные граждане в мае 1618 г. ворвались в Пражский град и выбросили в окно назначенных им правителей.

Чешский сенат избрал собственное правительство, установившее связь с Протестантской унией. Были созданы чешские войска, изгнаны иезуиты, низложен король; новым королем избран глава Протестантской унии курфюрст Пфальца *Фридрих*.

Однако император и Католическая лига объединили свои силы и смогли добиться нейтралитета Протестантской унии, отступившейся от своего предводителя и от чехов. В битве

у Белой горы в ноябре 1620 г. католические войска во главе с баварским герцогом разгромили чешские и пфальцские отряды. Это событие стало черным днем чешской истории.

Императорские и баварские войска вместе с чиновниками и иезуитами жестоко расправились с протестовавшими чехами. Массовые казни, террор и конфискации имущества обрушились на все слои чешского населения. Сопротивление Габсбургам было подавлено на много десятилетий. Лютеране и кальвинисты изгнаны. Фридрих бежал в Бранденбург, а Пфальц император передал герцогу Баварскому.

Католическая реакция свирепствовала во всех подвластных ей землях, а вооруженные силы императора и Католической лиги двигались к Голландии и на север Германии. Императорские войска во главе с чешским магнатом-католиком *А. Валленштейном* жестоко расправлялись со вспыхивавшими в разных местах империи восстаниями и грабили население. В 1624 г. победа католиков в империи казалась неизбежной.

Однако в следующем году созданная при содействии Франции коалиция Дании, Англии и Голландии смогла противопоставить католическим войскам под командованием баварского полководца Тилли войска немецких протестантов и датчан. Но Тилли отбросил их и занял почти всю Северную Германию. Императорские войска Валленштейна, кормившиеся и обогащавшиеся за счет населения, ужесточали режим во всех землях империи — выполняли указ императора о возвращении церкви и католикам секуляризованного имущества.

Только искусной дипломатией и интригами Франция и другие участники коалиции сумели в 1629 г. заключить мир и не допустить вступления императорских войск в Данию, за что датский король обязался не вмешиваться в дела империи. Габсбурги были близки к достижению гегемонии в Европе. Для этого оставалось помочь Речи Посполитой победить Швецию и установить господство над Балтикой.

Но летом 1630 г. шведский король *Густав II Адольф* высадил в Померании свою армию. Она была вооружена, организована и обучена по-новому и действовала очень мобильно. С Речью Посполитой Густав заключил мир. Ему помогали Франция и Россия. Он быстро освободил Померанию от солдат-католиков, грабивших жителей. Затем один, без помощи союзников — протестантских князей, разгромил императорские войска у Лейпцига, заключил союз с кальвинистами

Юго-Западной Германии и двинулся в Среднюю Германию. В 1632 г. в бою под Люценом он погиб, но его армия разгромила императорское войско Валленштейна. Шведы с боями гнали противника почти до Дуная, но в 1634 г. им нанесли поражение испанские войска.

Испугавшись наступления испанцев, крупные протестантские князья пошли на мир с императором. Но тут после победы над гугенотами в войну вступила Франция. Она возобновила союз со Швецией, к которому примкнули Голландия и даже Венеция с герцогствами Северной Италии. Это обеспечило перевес коалиции над Габсбургами. Соединение французских войск со шведскими заставило герцога Баварии пойти на сепаратный мир с коалицией. После ряда поражений, когда войска коалиции стали угрожать Вене, император Фридрих II вынужден был принять выставленные ему условия мира.

Тридцатилетняя война закончилась. Состав ее участников и их конкретные цели неоднократно менялись. Но в целом император вел войну за сохранение империи и уничтожение лютеранства, князья — за упрочение своей независимости и расширение владений, шведский король — за господство над Балтийским морем, Франция — ради преобладания в Европе, Голландия — за независимость, а Англия, Дания и Россия вмешивались, чтобы ослабить конкурентов. Население отстранилось от войны. Войска состояли из наемников, при этом нередко пленные становились солдатами победителя, католики служили в войсках протестантов, а протестанты в войсках католиков. Все они грабили селян и горожан.

За три десятилетия войны германские земли и Чехия были разорены, разрушены их ремесла и мануфактуры, пришла в упадок торговля, парализованы города. Множество жителей лишились крова и средств к существованию. Многие сами сколачивали отряды, чтобы противостоять другим и тоже грабить. Большое число людей погибло от голода, эпидемий, пожаров и военных действий. Десятки тысяч эмигрировали.

Два договора — между Швецией, императором и протестантскими князьями и договор Франции с императором и князьями, подписанные в 1648 г. в городах Вестфалии, — называли *Вестфальским миром*.

Больше всех получила Швеция. Ей досталась почти вся Померания с заливом и островами, а также опорные базы для контроля над устьями всех рек Северной Германии. Это обеспечило шведскую гегемонию в Балтийском море. Франция по-

лучила Эльзас и ряд городов на границах империи. Была окончательно признана полная независимость Голландии и Швейцарии. Некоторые протестантские князья расширили свои владения, а главное — договоры подтвердили суверенитет всех князей, тем самым закрепляя раздробление империи. Этого добилась Франция. Она же позже, в 1659 г., по Пиренейскому договору с ослабевшей Испанией расширила свою территорию на юге и на северо-востоке, получила Лотарингию. В результате Франция стала самой сильной державой Европы. Ослабление Испании не помешало усилению Габсбургов в Австрии.

Политическая структура Европы существенно перестроилась. Это изменило ее отношения с Новым Светом и Османской империей. Вместе с тем стал иным и характер международных отношений. В них уже преобладали не столько интересы династий, сколько интересы государств-наций.

Но еще глубже и важнее были перемены, произошедшие за полтора столетия после начала Великих географических открытий в экономическом развитии, социальной структуре и духовной жизни Европы и Нового Света. Они, конечно, были неодновременными. Но всюду начался переход к более эффективному способу использования труда и капитала на мануфактурах, к преобладанию товарно-денежных отношений. Выросли слои предпринимателей, а также ряды наемных рабочих, ускорилось формирование наций и усилились абсолютные монархии. Как ни сопротивлялась католическая церковь, необратимые изменения произошли в мировоззрении миллионов людей, в их представлениях о мире, о роли человека и его возможностях. Все это сформировало почву и атмосферу для зарождения новой цивилизации.

ГЛАВА 2 Революция и становление парламентской монархии в Англии

Важнейшим событием истории Англии в начале нового времени явилась *Английская революция 1640—1660 гг.* Собственно, то, что мы сейчас называем революцией, историки разных времен оценивали по-разному. Например, граф Кларендон, свидетель и участник событий 1640—1660 гг. и автор первого многотомного труда о них, называл произошедшее «великим мятежом». В XIX в. вигскими историками Т. Маколеем, С. Гардинером, Ч. Ферсом была выдвинута концепция «пуританской революции», ставившая на первое место события конституционного конфликта. Советская историография придерживалась марксистского истолкования конфликта как буржуазной революции, нанесшей сокрушительный удар феодализму. За рубежом появлялись и обосновывались самые различные концепции — от экономического детерминизма до утверждения, что никакой революции не было вообще, происходила лишь борьба отсталого провинциального джентри за возвращение себе подобающего места в дворцовой иерархии. Крупнейший английский историк Кр. Хилл, посвятивший множество трудов английской истории XVII в., считает его «веком революции» и рассматривает в совокупности экономические, социальные, политические, религиозные, идейные и культурные изменения, приведшие английское общество в конце века к созданию гораздо более близких к современности институтов.

Бесспорно то, что Англия в этот период своей истории пережила значительный и острый кризис, результатом которого явился переход к новой цивилизации.

Социальные перемены и кризис абсолютизма. В начале XVII в. Англия была аграрной страной; подавляющее большинство населения, насчитывавшего около

4,5 млн человек, жило в деревнях. Единственным крупным городом был Лондон, число жителей которого к 1660 г. увеличилось до 460 тыс. человек. Но в стране происходили серьезные социально-экономические перемены. Земля концентрировалась в руках «денежных людей» — *джентри* и владельцев мануфактур. В деревне распространялась крупная капиталистическая аренда земли; появлялась значительная прослойка фермеров.

Интересы этих новых, стремившихся к прибыли слоев английского общества приходили в столкновение с традиционными отношениями в деревне, где господствовало феодальное право и земельные владения в качестве «рыцарского держания» подчинялись верховному сюзерену, королю, с вытекавшими отсюда многочисленными феодальными повинностями, правом опеки, зависимостью от короны и невозможностью распоряжаться хозяйством.

Происходили существенные изменения и в промышленности, особенно в формах организации и разделения труда; развивалась мануфактура, подчиненная капиталу, накопленному в торговле и ростовщичестве. Росла добыча свинца, меди, соли, железа; на этой базе развивалась металлургия. Основывались мануфактуры по выделке стекла, сахара, шелка, кружев, тканей.

Численно рос и укреплялся купеческий люд; часто купцы или промышленники покупали себе землю, а вместе с ней и дворянский титул. Благодаря этому складывался тесный союз городской буржуазии и новых землевладельцев — джентри. Новые дворяне — это часто одновременно и землевладельцы, сельские хозяева, и промышленники, и коммерсанты. Имея определенные привилегии и твердое экономическое положение, они становились во главе всех оппозиционных режиму Стюартов сил.

Их недовольство особенно усилилось при Якове I (1603—1625) и его сыне Карле I (1625—1649). Английская монархия пыталась опереться на аристократию, феодальное дворянство и англиканскую церковь. Стремлению буржуазии к свободной торговле Яков I и Карл I противопоставили систему раздачи монопольных прав на выпуск того или иного товара, что тормозило развитие промышленности и торговли, сковывало частную инициативу и конкуренцию. Во внешней политике эти короли также не считались с интересами английской буржуазии: они искали союза с католическими Испанией и Францией, стоявшими на пути английской морской торговли.

В парламенте, где заседали представители буржуазии и джентри, усиливалась оппозиция. Возмущение росло. Протест против отжившего строя принимал формы религиозных движений. В сращивании социальных, политических и религиозных проблем состоит одна из важнейших особенностей Английской революции.

Предпринимателей и новых дворян, приобретающих все больший вес в экономической жизни, не удовлетворяла англиканская церковь, подчиненная абсолютизму, требовавшая постоянных взносов и дорогостоящих пышных обрядов, утверждавшая диктат священства над душами верующих. Они становились *пуританами* (от англ. *pure* — чистый) — сторонниками очищения церкви от доставшихся в наследство от католицизма обрядов и таинств, от власти епископов, от церковных судов. Тем самым они протестовали против политических и социальных устоев, ибо главой англиканской церкви был сам король.

Вероучение пуритан основывалось на идеях *Кальвина* и шотландского проповедника *Джона Нокса*. Пуритане объявляли основой религии личную веру каждого, отрицая священную монополию духовенства. В вере все равны — и лорды, и простолюдины. Пуритане отрицали обряды и утварь, иконы, скульптуры, витражи, священнические облачения, органную музыку — все, что противоречило идеалу бережливости, мирского аскетизма, «дешевой церкви». Они утверждали идею о «мирском призвании» человека и направляли его интересы к реальным материальным и социальным проблемам.

Аргументы, образы, мысли, подтверждавшие их умонастроения, они черпали из Библии. Великая книга была переведена на английский язык гуманистом Тинделом еще в 30-е годы XVI в. С 60—70-х годов дешевые карманные издания, отпечатанные в жевевских типографиях, нелегально пересекали пролив и распространялись в семьях сквайров, йоменов, купцов и ремесленников. Яков I санкционировал новый перевод Библии на английский язык, осуществленный пуританами Кембриджского университета. С этого времени Библия стала главной книгой для широких слоев английского народа. Она воспринималась как высший, сакральный, вдохновленный самим Богом авторитет, руководство на все случаи жизни.

Пуритане отрицали иерархический епископальный строй. Во главе каждой общины верующих стоял *пресвитер* (старейшина), избранный из среды «лучших», наиболее почитаемых

людей. Вместо епископов церковь управлялась *консисториями* — советами из пресвитеров и проповедников. Пресвитериянами становились, как правило, зажиточные купцы, финансисты Сити, крупные землевладельцы-джентри, свободные крестьяне.

Но искавших полной свободы веры не удовлетворяла кальвинистско-пуританская доктрина с ее узкой регламентацией жизни, суровой догматикой и приверженностью букве древнего иудейского закона. Эти люди назывались *индепендентами* (независимыми). Они считали, что государство не должно вмешиваться в дела религии, выступали за широкую религиозную терпимость и свободные самоуправляющиеся конгрегации верующих. Индепендентство было выражением протеста против узкой замкнутости пресвитериянов; оно давало широкий простор инициативе верующих и способствовало возникновению многочисленных народных движений. В индепендентские конгрегации объединялись средние слои джентри, владельцы небольших мастерских и мануфактур, мелкие лавочники, подмастерья, крестьяне-арендаторы.

Пуритане резко выступали против театров, маскарадов, петиновых боев и прочих развлечений. Позднее, уже в ходе революции, они громили храмы, разбивали органы, витражи и скульптуры, уничтожали иконы. Так они выражали протест против роскоши и распутства двора, против ханжества и безнравственности духовенства. Однако существовала и другая сторона пуританства — дух скромности и самоограничения, безусловной честности перед Богом и людьми, высокой нравственности, гражданской и деловой активности. Библейская культура рождала новую, пуританскую этику, проводившую в жизнь идеалы общинности, народности, гражданственности, трудолюбия. Она обращалась больше к разуму, чем к чувствам верующих, отличалась рационализмом. В семье культивировались дружба, сплоченность между всеми ее членами; большое внимание уделялось воспитанию детей, ценились воздержанность, умение владеть собой, непритязательность. Все это сделало пуританизм идейным знаменем борьбы широких слоев общества против догматики англиканской церкви, королевского абсолютизма и феодального строя.

Начало революции. Оппозиция королевской политике привела к составлению парламентом в 1628 г. «*Петиции о праве*» — документа, где перечислялись требова-

ния недовольных, Оппозиция выступала за охрану частной собственности от произвола короны и церкви, против вводимых королем без разрешения парламента новых налогов и требовавшихся им субсидий, за права и вольности парламента. В ответ Карл I разогнал парламент и в течение одиннадцати лет правил единолично. Чтобы изыскать денежные средства, которые парламент отказался ему предоставить, король повышал косвенные налоги, возродил давно забытые феодальные поборы, начал щедро раздавать приближенным патенты, привилегии, монополии на выпуск определенных товаров. Особенно непопулярным был феодальный налог «корабельные деньги», который собирали даже с тех городов, где корабли не строились. С помощью своего фаворита графа Страффорда король выкачивал деньги из порабощенной Ирландии. Другой приверженец и защитник абсолютизма Стюартов архиепископ Лод усилил диктат англиканской церкви над умами и увеличил ее поборы.

В 1639 г. началась война с Шотландией. Северный сосед Англии не пожелал подчиниться абсолютистским нововведениям в государстве и церкви. Войска шотландских кланов перешли границу и заняли ряд крепостей. Карл I вынужден был созвать парламент. Он проработал всего две недели, с 13 апреля по 5 мая 1640 г., и был распущен, так и не дав королю разрешения на сбор новых налогов. В историю он вошел под названием *Короткого парламента*.

Ведение затяжной и непопулярной войны, а также возраставшие нужды короны требовали средств, и 3 ноября 1640 г. король созвал новый парламент, получивший впоследствии название *Долгого*. Созыв его принято считать началом революции.

Программа буржуазно-дворянской оппозиции, выражавшая ее политические, экономические и религиозные требования, нашла отражение в двух документах — «Петиции о корнях и ветвях» (декабрь 1640 г.) и «Великой ремонстрации» (декабрь 1641 г.). Эта программа включала требования отмены епископата, монополий и патентов, гарантий неприкосновенности личности и сохранности частной собственности граждан. Парламент принял и конкретные меры для выполнения этой программы. В июле 1641 г. были упразднены суды Звездной палаты и Высокой комиссии, органы королевского и епископского произвола; 7 августа того же года отменен ненавистный феодальный побор — «корабельные деньги». Лидеры оппозиции были выпущены из тюрьмы.

В своей борьбе парламентская оппозиция опиралась на широкое движение народных масс. Их недовольство особенно ярко проявилось в деле графа Страффорда, который создал в Ирландии армию, готовую по первому зову короля вторгнуться в Англию для подавления оппозиции. Парламентские вожди в первые же дни заседаний арестовали Страффорда. Когда в мае 1641 г. начался суд над ним, многотысячные толпы народа собрались к стенам королевского дворца Уайтхолла, чтобы заставить короля подписать смертный приговор ненавистному временщику. Страффорд был казнен при огромном стечении народа на площади перед Тауэром. Позднее та же участь постигла Лода.

Осенью 1641 г. вспыхнуло восстание в измученной поборами и гнетом Ирландии. Революция нарастала. В январе 1642 г. Карл I пытался арестовать пятерых парламентских лидеров, выступавших за выполнение требований «Великой ремонстрации». Но народ укрыл их в лондонском Сити. Улицы города снова заполнила бушевавшая вооруженная толпа. Король лично во главе отряда в 400 солдат явился в парламент с требованием выдать мятежников, но депутаты ответили отказом. Палата общин на время перенесла свои заседания в Сити. Потерпевший постыдное поражение король в январе 1642 г. отбыл на север и в августе объявил войну парламенту.

Гражданская война. Вооруженные силы парламента состояли из разрозненных, плохо экипированных и необученных отрядов народного ополчения. На его стороне выступили городские ремесленники и торговцы, свободные земледельцы экономически развитых восточных графств, джентри. Поначалу они терпели поражения от королевской конницы, которую поддерживали знать, феодальное дворянство Севера, ростовщики двора, верхушка торговых компаний, совладельцы королевских монополий, англиканское духовенство. Парламентское командование во главе с *графом Эссексом* отнюдь не стремилось одержать скорую победу над королем. Генералы избегали решительных действий, а парламент, большинство в котором составляли пресвитериане, то и дело возобновлял переговоры с Карлом. Широкие же массы народа и индипенденты в армии и парламенте требовали активизации боевых действий и решительной победы над силами монархии. Противоречия между пресвитерианами и индипендентами обострялись.

Дабы заручиться союзником, английский парламент 25 сентября 1643 г. заключил *Торжественную Лигу и Кovenant* с Шотландией, и в Англии было введено пресвитерианское церковное устройство. В начале 1644 г. шотландская армия перешла границу, чем содействовала успеху парламентских войск; 2 июня 1644 г. они нанесли первое серьезное поражение роялистским войскам при Марстон-Муре.

Однако парламентские и армейские лидеры не желали воспользоваться плодами победы и потребовать от короля уступок. Наоборот, всячески затягивая военные действия, упуская благоприятные возможности для разгрома войск короля, граф Манчестер и другие генералы пресвитерианской ориентации вновь уступили инициативу Карлу. Тот дошел со своим войском до самого Лондона, но, остановленный столичным народным ополчением, повернул и нанес парламентским войскам поражение при Ньюбери. Наиболее дальновидным из индпендентов давно уже стало ясно, что парламентская армия и ее командование нуждаются в серьезной и решительной реорганизации.

Лидером индпендентов становится небогатый дворянин из Хантингдона *Оливер Кромвель*. Ему удалось решить чрезвычайно важную для революционных сил задачу: создать новую регулярную парламентскую армию, в принципе отличавшуюся как от традиционно-феодалных войск роялистов, так и от прежнего разрозненного ополчения селян и горожан. В короткое время, сам неустанно организуя, собирая, снабжая, обучая добровольцев, он создал боеспособные, дисциплинированные войска, воодушевленные идеалами свободы и справедливости, вдохновленные пуританским духом — армию нового образца. В нее входили 6 тыс. человек кавалерии, одна тысяча драгун и 14,5 тыс. пехоты; это были небогатые джентри, крестьяне, ремесленники, подмастерья. Благодаря таланту и заботам Кромвеля, поставившего во главе войск незнатных, но толковых и преданных делу революции командиров, а также железной дисциплине и организации, высокому боевому духу, армия Кромвеля вскоре стала одерживать победы над роялистами. 14 июня 1645 г. роялисты были окончательно разбиты при Нейзби, Карл I бежал на север и сдался в плен шотландцам.

Победа над *кавалерами*, как называли сторонников короля, была закреплена революционным по своей сути актом парламента от 24 февраля 1646 г., предусматривавшим отмену системы королевской опеки над земельной собственностью

подданных, уничтожение феодальной зависимости от короля, а также всех штрафов и других феодальных обязательств. Тем самым буржуазия и новое дворянство получили право частной собственности на поместья, на которые прежде распространялось право феодального вассального держания. В то же время средневековые обязанности крестьян по отношению к лордам не были отменены. Более того, превратив феодальную собственность в буржуазную, парламентские лидеры лишили земледельцев легальных прав на землю. В дальнейшем это привело к массовому процессу экспроприации земледельцев.

Разгром роялистов армией нового образца и начатые парламентом реформы разбудили инициативу широких демократических слоев народа. Городской плебс и массы английского крестьянства почувствовали свою силу и осознали свои права. Их толкала на выступления и нерешительность парламентских лидеров, которые выкупили короля у шотландцев, держали его в почетном плену в замке Холмби и вели с ним переговоры, добиваясь незначительных уступок.

Для пресвитериан парламента и финансистов Сити, как и для «шелковых индпендентов» — армейской верхушки, зажиточного джентри и ряда парламентских лидеров, революция была, по существу, закончена. Они хотели добиться от короля согласия на конституционную монархию, т. е. на парламентский контроль над финансами, милицией и высшими государственными должностями; на установление общенациональной пресвитерианской церкви.

Землевладельцы, получившие отныне возможность неограниченного распоряжения своими землями, начали безудержное наступление: огораживания и осушения болот, в результате которых выигрывали сквайры и разорялись простолюдины, приняли невиданные размеры. Демократические слои постепенно начали осознавать, что революция не оправдала их надежд на радикальные социальные и политические реформы.

Левеллеры и установление республики. Ядром левых революционных сил становится армия, состоявшая преимущественно из среднего крестьянства и городских низов. Именно в армии и в среде мелкой буржуазии городов складывается в 1646—1647 гг. политическая партия *левеллеров*. Идейной основой их учения были доктрины естественного права, народного суверенитета, общественного договора, право народа низложить тирана и отозвать негодных должностных

лиц. Уже в 1645 и 1646 гг. будущие лидеры левеллеров *Дж. Лилберн, У. Уолвин, Р. Овертон* выступили с памфлетами, в которых требовали создания демократических законов, гарантирующих не только верховенство парламента, но и права каждого отдельного гражданина, а также ответственности парламента перед народом. Из тезиса о неотчуждаемости народного суверенитета левеллеры делали вывод о необходимости установления народного контроля над парламентом; из идеи прирожденного равенства и правового достоинства всех людей следовало их требование отмены палаты лордов.

В «Ремонстрации многих тысяч горожан» от 7 июля 1646 г. содержалась программа демократических преобразований: уничтожение власти короля и палаты лордов; передача верховной власти палате общин, ответственной перед избирателями; превращение парламента в ежегодно избираемый орган; полная свобода совести; сменяемость и ответственность всех должностных лиц. Несколько позднее были выставлены требования правового равенства всех «свободнорожденных» людей Англии, демократических свобод слова, собраний, петиций, союзов, отмены всяких почетных титулов и феодальных привилегий, неприкосновенности и полной свободы распоряжения частной собственностью. Программа левеллеров была наиболее последовательной революционной программой.

В 1647 г. Английская революция вступила в новый этап — *демократический*. Революционная инициатива переходит к массам народа. Попытки парламента договориться с королем и ценой компромисса добиться стабильности государства при сохранении монархии и двухпалатного парламента, а также решение о роспуске революционной армии, принятое в марте 1647 г., вызвали протесты населения по всей стране. Солдаты и младшие офицеры, которым многие месяцы не выплачивали жалованье и которым предложили теперь сложить оружие и разойтись по домам или добровольно войти в войска, направляемые для подавления ирландского восстания, публично выражали недовольство. В полках начали избирать агитаторов; от имени солдат они выражали протесты и требовали не только выплаты армейского жалованья и материальной поддержки для вдов, сирот и инвалидов войны, но и обеспечения прав и свобод всех английских граждан. В мае стихийно прошли выборы наиболее активных агитаторов в Совет армии. Попытки командования в лице генералов Кромвеля, Айртона, Флитвуда и Скиппона погасить конфликт не привели к успеху. Броже-

ние нарастало, и в конце мая парламент издал приказ о роспуске армии. Он встретил твердое сопротивление. Агитаторы требовали созыва общеармейского совета и отказывались подчиниться приказу.

Это грозное движение заставило индипендентский генералитет, прежде всего Кромвеля и Фэрфакса, пойти на разрыв с пресвитерианским большинством парламента и объединиться с армией, которая служила им главной опорой. По приказу Кромвеля корнет Джойс с отрядом в 500 кавалеристов в начале июня 1647 г. захватил короля и перевез его из замка Холмби в Норсемптоншире в Ньюмаркет, главную квартиру армии. Лидеры индипендентов начали переговоры с Карлом, добиваясь выгодных для себя уступок. Дабы обеспечить себе влияние в армии, они ввели в Совет офицеров всех высших чинов, начиная с полковника, и еще по два офицера от каждого полка. Все это вызвало возмущение солдат и низшего офицерства. Они выдвинули ультиматум, где потребовали от парламента прекратить вооружение лондонской милиции, направленное на обеспечение противовеса армейским силам, уплаты жалованья и прекращения интриг с королем.

В ответ на это офицеры-индипенденты составили проект конституции — «Главы предложений». Согласно проекту, существующий парламент должен быть распущен, а новый парламент — иметь двухгодичный срок полномочий. Выборы организовывались так, чтобы количество депутатских мест распределялось пропорционально количеству уплачиваемых жителями налогов. Монархический строй и палата лордов сохранялись; управление милицией и вооруженными силами, однако, передавалось парламенту. Епископат и пресвитерианство переставали быть обязательными; объявлялась свобода подачи петиций; упразднялись налоги на предметы первой необходимости, монополии и ограничения в торговле. Еще раз подтверждалась односторонняя отмена феодального рыцарского держания. Реформировалось судебное законодательство. Армии выплачивались все задолженности, объявлялась всеобщая амнистия.

Этот соглашательский проект был представлен королю, но он его отверг. А в Лондоне пророялистские элементы попытались произвести государственный переворот. Тогда армейское командование, поощряемое и подталкиваемое массовыми выступлениями солдат и младших офицеров, решило занять Лондон. 6 августа 1647 г. армия вступила в столицу; от ее име-

ни были опубликованы «Главы предложений». В то же время левеллеры начали активно требовать выполнения своей программы демократических преобразований. Они выпустили два важных документа — «Дело армии» и «Народное соглашение», где изложили свой проект конституционного устройства страны. Главные пункты этого поистине революционного проекта: всеобщее избирательное право для всех достигших 21 года; отмена королевской власти; однопалатный парламент, переизбираемый каждые два года; ответственность всех депутатов и должностных лиц перед народом; отмена монополий, патентов, акцизов, всякого рода привилегий; прогрессивные формы налогообложения. «Дело армии», кроме того, содержало требование вернуть огороженные земли их прежним владельцам.

Для обсуждения вопроса о том, каким должно быть государственное и политическое устройство страны, 28 октября 1647 г. в Петни, предместье Лондона, собрался Совет армии. Кроме индепендентских офицеров и армейских агитаторов, на нем присутствовали представители гражданских левеллеров. Прения в Петни выявили серьезные расхождения в лагере революции. Если индепендентские лидеры выражали готовность допустить некоторые реформы при условии компромисса с феодальной монархией, то левеллеры шли гораздо дальше.

Особенно горячие споры вызвали вопросы государственного устройства. Левеллеры, по существу, выступали за превращение Англии в республику с однопалатным ежегодным парламентом во главе; индепенденты склонялись к конституционной монархии. Не менее острым оказался вопрос об избирательном праве. Индепенденты не могли согласиться с тем, чтобы им обладали неимущие или малоимущие слои населения, как того требовали левеллеры. В связи с этими кардинальными проблемами были затронуты и другие, не менее существенные: о праве вето короля, о прирожденных правах народа, восставшего против роялистов, в частности о праве собственности, о принципе равенства всех перед законом; была высказана мысль о необходимости призвать Карла к ответу за бедствия, причиненные Англии. Когда прения зашли в тупик, Кромвель приказал агитаторам и офицерам немедленно вернуться в полки, к исполнению своих прямых обязанностей. Заседания были прерваны, «Народное соглашение» передано комитету, составленному из одних офицеров, Совет армии прекратил свое существование.

Левеллеры попытались выразить протест на общеармейском смотре в Уэре 15 ноября, но Кромвель своей личной волей сломил сопротивление; зачинщики были схвачены, один из них расстрелян. В результате левеллерское движение оказалось на время парализованным, генерал Фэрфакс сформировал новый Совет армии, куда не включил представителей солдат. Отныне Совет превратился в послушный воле командования совещательный орган.

Победа индепендентов на прениях в Петни, роспуск Совета армии и провал левеллерского протеста в Уэре способствовали усилению сил пресвитерианско-роялистской реакции. В ноябре 1647 г. Карл I бежал на остров Уайт, а в конце декабря заключил тайный союз с шотландскими пресвитерианами. В ответ парламент издал приказ о прекращении всяких сношений с королем, а весной 1648 г. началась *вторая гражданская война*.

Она продолжалась недолго. У роялистов уже не было большой организованной армии: восстали лишь некоторые разрозненные отряды и гарнизоны крепостей. Кромвелю удалось разгромить их сначала в Уэльсе, затем при Престоне. Фэрфакс после длительных усилий взял Колчестер. К сентябрю 1648 г. военные действия были в основном закончены. Но пресвитериане не теряли надежды на восстановление «законного порядка». В сентябре палата общин начала новые переговоры с королем; от него требовали весьма незначительных уступок: отменить все декларации, направленные против парламента; ввести на три года пресвитерианское устройство в церкви; на двадцать лет передать управление милицией парламенту. Возникла реальная угроза возвращения Карла на трон.

Это привело индепендентов к новому сближению с левеллерами и в их лице — с широкими массами народа. В сентябрьской петиции в парламент левеллеры потребовали обеспечить верховенство палаты общин, равенство всех перед законом, свободу совести, упростить законодательство и уничтожить все феодально-сословные привилегии. Они настаивали на отмене косвенных налогов, церковной десятины и уничтожении изгородей и заявили, что не видят никакой пользы в дальнейшем существовании короля и лордов. В то же время левеллеры подчеркнули, что, по их мнению, следует обязать настоящий и все будущие парламенты не допускать упразднения собственности, уравнивания имуществ и превращения частных владений в общее достояние. Это принципиальное положение явилось основой их блока с индепендентами.

Когда же стало ясно, что переговоры с Карлом зашли в тупик, а пресвитерианский парламент намерен расправиться с народным движением, армия предприняла решительные действия. Короля перевезли из Ньюпорта в крепость-тюрьму Херст. 2 декабря войска заняли Лондон, командование расположилось в королевском дворце Уайтхолле. 6 декабря произошла знаменитая *Прайдова чистка* парламента: полковник Прайд со своими солдатами утром встал у входа в палату общин и не допустил на заседания пресвитериан, склонных к компромиссу с королем. Таким образом из парламента было изгнано большинство депутатов. Вслед за тем создан *Верховный Суд справедливости* для рассмотрения преступлений Карла Стюарта. 4 января 1649 г. палата общин объявила народ источником всякой справедливой власти, а самое себя — верховным органом страны. Тем самым фактически в Англии установился республиканский строй.

Верховный Суд справедливости заседал в Вестминстере в течение января 1649 г.; он обвинил Карла в попытке установить тираническую власть, в уничтожении прав и вольностей народа, в кровопролитии и государственной измене и приговорил его к смертной казни. 30 января 1649 г. невиданный прежде в истории акт свершился: по приговору суда королю всенародно, на площади перед дворцом отрубили голову как «тирану, изменнику, убийце и открытому врагу» английского государства. В Англии была провозглашена республика.

Республика и протекторат. После установления республики левеллеры подвергли новый режим резкой критике. Лилберн опубликовал в первые месяцы 1649 г. два памфлета, оба — под красноречивым названием «Новые цепи Англии». Он упрекал парламент в том, что тот не дал народу истинных прав и свобод, не позаботился о его материальном благосостоянии, а превратился в своекорыстную олигархическую клику. В самом деле, в парламенте после Прайдовой чистки заседало не более 100 человек, которые отнюдь не являлись народными представителями. Народ низведен до ничтожества, писал Лилберн, а между тем ему льстят, уверяя, что он — единственный источник справедливой власти. В действительности вся реальная власть в стране передана Государственному совету и его члены «будут иметь громадную возможность сделать себя абсолютными и безответственными». Левеллеры были правы: страной управляла верхушка армии с Кромвелем

во главе и несколько высокопоставленных юристов. Члены же парламента заботились прежде всего о своих личных и групповых выгодах.

Левеллерские призывы падали на благоприятную почву. Положение народа в результате войн и кризиса власти резко ухудшилось. В ремесле и торговле царил застой, многие тысячи людей разорились. Работать было негде, толпы нищих оборванцев бродили по дорогам. Три года подряд неурожаи подтачивали земледелие, хлеб дорожал, скот падал. Сорокатысячная армия висела на шее народа тяжким ярмом. Налоги росли, церковная десятина продолжала взиматься, несмотря на провозглашенную республикой свободу совести. Неуклонно ползли вверх цены на мясо, соль, свечи, ткани, уголь. Люди голодали.

Весной 1649 г. поднимается новое движение «истинных левеллеров», или *диггеров* («копателей»). Народные низы — беднейшие крестьяне, безработные, поденщики, лишенные имущества в результате огораживаний и бедствий войны, — выдвинули требования имущественного равенства, обобществления земли и общего труда на ней, уничтожения эксплуатации. Вождем диггеров стал *Джерард Уинстэнли*, сын ланкаширского торговца. Весной 1649 г. он собрал на холме Св. Георгия в графстве Серри несколько десятков бедняков, которые начали обрабатывать пустовавшую землю и сеять на ней бобы, морковь и турнепс. Они призывали всех желающих присоединиться к ним и выражали надежду, что вскоре вся земля покроется такими самоуправляющимися трудовыми общинами.

Судьба этой первой примитивно-коммунистической колонии печальна: ее много раз разгоняли, диггеров побивали камнями, хижины сжигали, посевы вытаптывали, людей и скот безжалостно избивали. После ряда потрав и перемещений колония была окончательно разгромлена весной 1650 г. Та же участь постигла и несколько других диггерских поселений, возникших в графствах Норсемптон и Кент.

Политически левеллеры решительно отвергали какую бы то ни было причастность к движению диггеров. В последнем варианте «Народного соглашения», выпущенном в мае 1649 г., они заявляли, что будущий парламент не должен «уравнивать состояния, разрушать собственность или устанавливать общность имущества». Весной 1649 г. левеллеры, разувверившись в возможности добиться реформ конституцион-

ным путем, подняли восстание в Солсбери; отряды их выступили также в Оксфордшире и двинулись на соединение с восставшими. Кромвель и Фэрфакс бросили против них лучшие силы своей кавалерии и в ночь с 14 на 15 мая разгромили непокорных. Та же участь постигла левеллерских повстанцев и в других полках. К осени левеллерское движение в Англии было полностью разгромлено. Были изданы карательные указы против рантеров и других оппозиционных народных движений. Поражение демократических сил революции в значительной мере сузило социальную базу республики, оттолкнуло от нее широкие массы народа — крестьянство, мелкобуржуазные и плебейские городские слои — и в конечном итоге привело ее к гибели.

Перед английской республикой с самого начала стояли задачи упрочения власти индипендентского джентри и буржуазии. Справившись с оппозицией, она должна была ликвидировать очаги роялистской угрозы в Ирландии и Шотландии. В июле 1649 г. Кромвель во главе своей армии «железнобоких» отправляется на завоевание Ирландии. Ожесточенные тяжелыми походами, болезнями, недостатком продовольствия и неспасаемым сопротивлением местных жителей, Кромвель и его солдаты залили страну кровью. Они не щадили ни женщин, ни детей, ни священников. За несколько месяцев цветущий край был razорен и повержен в нищету.

Завоевание Ирландии имело два важнейших результата. Во-первых, оно привело к разграблению ирландских земель и обогащению за их счет новых классов. Солдатам и офицерам вместо жалованья выдавали «обязательства» на наделы земель в Ирландии. Нуждаясь в деньгах, они за бесценок продавали эти бумажки предприимчивым скупщикам. В результате за счет ирландских земель сложился новый слой лендлордов, превратившийся в контрреволюционную силу и немало способствовавший впоследствии реставрации Стюартов. Во-вторых, ограбление Ирландии превратило народную революционную армию в захватчиков и беспринципных наемников, охваченных жадной наживой.

В то же время роялистская угроза отнюдь не была ликвидирована. Сын казненного Карла I был провозглашен в Шотландии королем всех трех государств. Карл II принял Ковенант и согласился на установление пресвитерианской церкви в Шотландии. Теперь английской республике угрожало вторжение с севера. Кромвелю с его армией пришлось еще раз отвоевывать

достижения революции. 3 сентября 1650 г. он разбил втрое превосходившие силы шотландцев при Денбаре, а ровно через год нанес им сокрушительное поражение при Вустере. Молодой король, лично командовавший боем, бежал. Шотландская армия была уничтожена полностью. Авторитет, слава и власть Кромвеля поднялись на небывалую высоту. Благодаря его победам английскую республику официально признали Испания, Германия, Швеция, Франция, итальянские города и заокеанские колонии.

Внутриполитическое положение республики, однако, оставляло желать лучшего. Страна была razорена, торговля и ремесло находились в упадке, земледелие тоже. Получившие полную свободу земельные собственники беззастенчиво грабили крестьян, и те разорялись, теряя скудные наделы и заработок. Вместо старых лордов, бежавших в королевскую армию или за границу, появлялись новые господа, более циничные и корыстные; они с еще большей энергией огораживали поля, стогнали крестьян с насиженных мест, и те пополняли огромную армию бродяг. Безработных было столько, что перед республикой вставал серьезный вопрос: как их прокормить и избежать их недовольства? Тюрьмы были полны несостоятельных должников. Законы не соблюдались или использовались во зло беззастенчивыми юристами, которые наживались на несчастьях razоренных людей.

Необходимо было провести реформу законодательства, добиться устроения церковных дел и, главное, установить в Англии новую конституцию. Было ясно, что нынешний парламент, который в народе презрительно именовали «охвостьем», давно никого не представляет и занят исключительно погоней за личным обогащением и выгодными должностями. Члены «охвостья», некогда революционные индипендентские лидеры, раздавали теперь друг другу земли, леса, угольные копи, конфискованные у роялистов ценности, монополии. Их главной задачей было сохранить и укрепить свою власть, умножить богатства. Они всячески старались продлить свои полномочия и выдвинуть такой проект избирательного закона, по которому все нынешние члены «охвостья» остались бы у власти на неопределенно долгое время.

В народе росло недовольство продажностью и бездействием правящей власти. Требования реформ раздавались и в армии, и среди высшего офицерства. В этих условиях Кромвель еще

раз решается на переворот: 20 апреля 1653 г. он разгоняет парламент и назначает новый орган власти.

Малый, или Бэрбонский, парламент открыл свои заседания 4 июля 1653 г. Он состоял из 139 небогатых сквайров, лавочников, торговцев, выдвинутых местными религиозными конгрегациями из числа наиболее благочестивых и проникнутых проповедническим рвением своих членов. С простодушным усердием не искушенных в политике людей депутаты в первые же недели провели ряд важных реформ: назначили комитет для кодификации запутанного английского законодательства, отменили доставшийся в наследство от феодальных времен суд канцлера, заменили церковный брак гражданским, отменили жестокие казни. Они уничтожили право патроната, т. е. право лендлордов выставлять кандидатов на церковные должности, и тем самым вывели церковь из-под контроля собственников. «Святые», кроме того, принялись и за социально-экономические преобразования, и тут выказав себя радикалами: ликвидировали систему откупов при сборе податей; начали обсуждать принципы налогообложения, обнаружив намерение привести ее в соответствие с доходами населения. Они ставили вопросы о компенсации беднякам убытков, нанесенных огораживаниями, об отмене акцизов, ренты лендлордам и церковной десятины, правом на получение которой владели многие светские собственники земли.

Неудивительно, что деятельность парламента вскоре вызвала резкое недовольство правящей верхушки. Под давлением офицеров Малый парламент вынужден был самораспуститься. В декабре 1653 г. в Англии была принята новая конституция — «*Орудие управления*». Согласно ей, Кромвель получал пожизненный пост лорда-протектора Англии, Шотландии и Ирландии и управлял совместно с парламентом из 400 человек, который должен был избираться один раз в три года; сессия продолжалась не менее пяти месяцев. Избирать в него могли только люди, имевшие не менее 200 фунтов стерлингов — в земле или движимости. Этот ценз был значительно более высоким, чем даже при Стюартах. Избирательные округа были перераспределены в пользу городов и средних слоев населения — осуществилось то, чего требовали и Долгий парламент в начале своих заседаний, и «Главы предложений», и левеллерское «Народное соглашение». Исполнительная власть вручалась *протектору* и пожизненному *Государственному совету* из пятнадцати лиц, выдвинутых Советом офицеров. Сам протек-

тор получал огромную власть: он назначал должностных лиц, командовал вооруженными силами, ведал международной политикой; законы не могли изменяться, налоги не могли вводиться без его согласия. По существу, в стране была установлена военная диктатура Кромвеля, который опирался на победивших в революции индипендентов-офицеров и широкие круги собственников, заинтересованных в стабильной государственной власти.

Политика протектората отличалась умеренностью и осторожностью. Были отменены все постановления Бэрбонского парламента. Подготовка реформы права передана в руки дипломированных юристов; церковная десятина сохранялась в неприкосновенности. Что касается проповедников, то для вступления в должность им полагалось представлять свидетельство о благочестии, подписанное тремя уважаемыми лицами. Была провозглашена веротерпимость, сектантов преследовали лишь за антиправительственные выступления.

Произошло полное присоединение Шотландии и Ирландии к Англии. Их парламенты были ликвидированы, и они отныне посылали в объединенную палату общин по 30 представителей. Таможенные барьеры уничтожались, повсюду вводилось английское право, английская система судопроизводства и налогообложения. Население Ирландии принудительно выселялось из наиболее развитых и плодородных областей в суровые северо-западные графства; освобожденную таким способом землю получали английские солдаты и купцы.

Был заключен мир с Голландией: война, начатая при республике в связи с введением Навигационного акта (1651), который ограничивал права голландских купцов, закончилась победой Англии; были подписаны выгодные торговые договоры со Швецией, Данией, Португалией.

Парламент, собравшийся согласно новой конституции, попытался урезать власть протектора и пересмотреть «*Орудие управления*». Проведенная Кромвелем чистка не помогла. Депутаты, как когда-то в Долгом парламенте, требовали расширения полномочий палаты, введения налогов только с ее согласия, передачи ей контроля над милицией, сокращения численности армии, возврата к более широкому избирательному цензу — сорок шиллингов годового дохода. В парламент поступали петиции с требованием урезать власть протектора, распустить существующий законодательный орган и созвать «полный и свободный парламент» на основе «Народного согласо-

шения». В результате Кромвель распустил и это собрание и стал править единолично.

В ответ на недовольство широких масс народа, на отказы платить налоги, на петиции и письма он ввел в стране полицейский режим майор-генералов. Англия была разделена на одиннадцать округов, каждый из которых возглавлял правитель, ответственный за все: за милицию и налоги, за религию и нравственность, за судей и подсудимых. Он был обязан подавлять мятежи и восстания, обеспечивать безопасность от грабителей на дорогах, наблюдать за недовольными, пресекать всякого рода сборища, определять на работу бродяг, наказывать богохульство и ереси. Для исполнения этих обязанностей майор-генерал получал право управлять милицией и регулярными военными силами. Мелочному надзору подлежала даже личная жизнь граждан. Англия превратилась в угрюмую молчаливую страну, проникнутую духом подозрения и наущничества. Была введена цензура на все печатные издания, закрыты многие независимые газеты. Тюрьмы были переполнены.

Однако режим майор-генералов и содержание разветвленной полиции стоили больших средств, катастрофически рос финансовый дефицит правительства. А экономическая политика протектората была столь же реакционной, как и его полицейская система. Ордонансом 1656 г. феодальные повинности отменялись, но, как и в указе 1646 г., отменялись только для сквайров. Крестьяне же продолжали нести унизительные повинности и платежи. Церковная десятина, символ собственности, осталась в неприкосновенности. Возродилась практика откупов и раздачи монопольных прав. Продолжались огораживания.

В 1655 г. началась война с Испанией, что привело к росту финансового дефицита. Страна страдала от налогов, Сити отказывало правительству в займах. Армия не получала жалования и громко роптала. В такой обстановке Кромвель был вынужден в сентябре 1656 г. созвать новый парламент. Главным решением его явилось предложение Кромвелю новой конституции — «Смиренной петиции и Совета». Она устанавливала в Англии правление короля (его титул должен был принять Кромвель), палаты лордов и палаты общин, т. е. возвращала страну к дореволюционной форме правления. Кромвель после некоторых колебаний принял эту конституцию, отказавшись, однако, от королевского титула: против него (титула) резко

возражали офицеры. В остальном его правление приобретало все более традиционные формы.

Однако правительству не удалось решить насущные социально-экономические проблемы. Армия и флот по-прежнему истощали бюджет. Чудовищный финансовый дефицит постоянно увеличивался, государственный долг дошел до полутора миллионов фунтов стерлингов. Торговля и ремесла находились в плачевном состоянии. Безработица и обнищание народа достигли небывалых размеров. Социальная база протектората сужалась. Только личный авторитет Кромвеля спасал от мятежей и развала.

Вторая республика и реставрация Стюартов. 3 сентября 1658 г. Кромвель умер, и власть перешла к его сыну Ричарду, который оказался не способен поправить положение страны. Недовольство народа прорывается с новой силой, и под его нажимом весной 1659 г. к власти возвращается республиканское «охвостье» Долгого парламента. В Англии установилась *Вторая республика*. Однако олигархическая клика прежних вершителей революции, озабоченная лишь узкими своекорыстными интересами, оказалась неспособной провести реформы ни в экономической, ни в политической, ни в судебной и социальной областях. Народное движение нарастало; чтобы подавить его, осенью 1659 г. армейская верхушка во главе с генералом *Ламбертом* разогнала «охвостье» и установила *военную диктатуру*.

Неустойчивость политического режима, подъем народных волнений, требования демократических реформ привели буржуазно-дворянский союз к мысли о необходимости реставрации законной монархической власти. Слухи о предполагаемом вооружении народных сект — анабаптистов, милленариев, квакеров — заставили дисциплинированную и монолитную армию генерала Монка, расквартированную на севере, двинуться на Лондон, расположиться в столице и вернуть в парламент изгнанных из него в декабре 1648 г. пресвитериан. Они собрались в Вестминстере 21 февраля 1660 г. Первой их заботой было отменить все акты «охвостья», изданные с осени 1648 г.; передать государственные должности, командование армией и милицией в руки своих сторонников. Было восстановлено пресвитерианское устройство церкви. Республиканцы частью были арестованы, частью удалены из Лондона. После этого Долгий парламент издал акт о самороспуске и назначил выборы в Конвент.

В это время Карл II, находившийся в Голландии, издал декларацию, в которой обещал английскому народу амнистию за все деяния в гражданской войне, свободу вероисповедания и утверждение происшедших земельных продаж и конфискаций. Конвент, собравшийся 25 апреля, провозгласил его законным монархом, и 26 мая 1660 г. новый король, торжественно приветствуемый подобострастной толпой, въехал в Лондон. В Англии вновь установился режим *абсолютной монархии*.

Реставрация началась с репрессий. Были схвачены и казнены не успевшие бежать за границу деятели революции, а также сектанты, пытавшиеся протестовать против новых порядков. Даже тела Кромвеля, его зятя Айртона и главы суда над Карлом I Брэдшоу были извлечены из могил, обезглавлены и повешены у всех на виду. Восстановлена в правах англиканская церковь и изгнаны из приходов пресвитерианские и индепендентские проповедники. Акт о «незаконных собраниях» (1664) запрещал любые публичные моления, кроме официальных. Всякое молитвенное собрание, на котором присутствовало более пяти лиц, рассматривалось как уголовное преступление. Подавать петиции без разрешения местных властей было запрещено. Карл II восстановил жесточайшую цензуру на все печатные издания, резко сократил число типографий. На площадях запылали костры: палачи жгли памфлеты и книги революционной поры.

Роялисты, пришедшие к власти вместе с Карлом II, старались вернуть себе утраченные с революцией земли и влияние. Но правительство было вынуждено считаться и с интересами новых владельцев: оно поощряло торговлю и промышленность, вело колониальные войны. Далеко не все земельные владения, переместившиеся в ходе революции, вернулись в прежние руки. Карл II вел войны с Голландией за торговое преобладание на морях. Благодаря его браку с португальской принцессой, Англия получила город Бомбей в Индии, ставший опорным пунктом колонизации этой страны.

Внутри Англии реакция усиливалась. Росло влияние католической Франции, от правительства которой Карл II, ведший расточительную и распутную жизнь, получал ежегодную пенсию. Вместе с тем усиливалась и тайная, но стойкая оппозиция режиму реставрации. Наследники революционных народных сект — *квакеры*, заявившие о своем миролюбии и приверженности принципу ненасилия, продолжали собираться для

молчаливых молитв. Авторы политических теорий и литераторы в иносказательной форме доказывали преимущества республиканского строя. Когда в 1685 г. Карл II умер и престол занял его брат *Яков II*, католик, вспыхнуло восстание герцога Монмаута, незаконного сына Карла II. Он обещал восстановление политической и религиозной свободы, ежегодный созыв парламента и замену постоянной армии народным ополчением. К восстанию присоединились крестьяне и горнорабочие; но оно было жестоко подавлено властями, а Дж. Монмаут казнен.

После этого террор усилился. Яков II, также тайно получавший пенсию от французского короля, стал предпринимать шаги для установления в Англии католицизма, отождествлявшегося в умах современников с реакцией и подчинением французам и папе римскому. Возмущение политикой короля стало всеобщим, и лидеры оппозиции в июне 1688 г. послали приглашение главе нидерландского правительства *Вильгельму Оранскому*, мужу дочери Якова II Марии, явиться в Англию с оружием в руках и восстановить в ней поправленные протестантские свободы.

«Славная революция». 5 ноября 1688 г. Вильгельм высадился в Англии с 15-тысячным войском. Отряды, собранные Яковом II, стали переходить на сторону противника со своими командирами во главе. Покинутый всеми, Яков II бежал во Францию. 18 декабря 1688 г. Вильгельм Оранский вступил в Лондон и в начале 1689 г. был провозглашен королем Англии. Так произошел бескровный государственный переворот, получивший название *«Славной революции»*.

Основным документом нового государственного режима стал «Билль о правах». Англия превращалась в парламентскую монархию. Король терял право вето и должен был управлять страной совместно с парламентом. Он не мог без разрешения парламента собирать налоги, содержать постоянное войско, вмешиваться в дела религии. В то же время избирательное право оставалось прежним — им обладали только имущие граждане, огромное большинство народа было этого права лишено. Распределение депутатов по избирательным округам продолжалось, как и до революции, оставаться непропорциональным. Религиозная терпимость, провозглашенная биллем, носила ограниченный характер: сектанты, отрицавшие догмат о троичности божества, преследовались по всей строгос-

ти закона. Но и пресвитерианство не стало господствующей религией, ею оставалось англиканство. Индепендентские конгрегации получили право свободного вероисповедания. В стране надолго устанавливается двухпартийная система, возникшая еще в годы реставрации: то виги (буржуазно-дворянская партия), то тори (консерваторы-землевладельцы) получают преобладание в правительстве.

В целом переворот 1688 г. представлял собой компромисс между земельной аристократией и поднимавшейся крупной буржуазией, которые отныне делили власть. Народ по-прежнему не допускался к участию в политической жизни. Характерными чертами английской истории с этих пор становятся развитие предпринимательства, бурный рост первоначального накопления капитала, расцвет мануфактуры. Законодательные реформы, осуществленные в ходе обеих революций, привели к массовой экспроприации и сгону с земли крестьянства; в стране завершился аграрный переворот. Во внешней политике правительства поощрялось ограбление колоний и велась успешная борьба за преобладание над другими державами на морях.

Культура и политическая мысль. В XVII в. в Англии происходит поворот от средневековой культуры к культуре нового времени. Это касалось прежде всего идейной, мировоззренческой сферы. Революционная борьба начиналась как движение за свободу вероисповедания; воодушевленная текстами и образами Ветхого Завета, она сделала своим идейным знаменем пуританизм; народные низы горели эсхатологической верой в скорое второе пришествие и установление Тысячелетнего царства. Но и в ходе самой революции, и в значительной мере в результате ее поражения идеалы пуританизма были развенчаны. На смену ожиданиям Тысячелетнего царства Христова приходил культ Разума; на смену идеалистическому стремлению к всеобщему братству и любви — интерес к наживе. На примере множества трактатов и публицистических произведений можно проследить эту эволюцию от веры к разуму, от пуританского ветхозаветного монотеизма к трезвому просветительскому деизму. Необычайная популярность и распространенность Библии стимулировали ее критику — как ученую, так и стихийную, непросвещенную, сектантскую. Кальвинистская этика, насаждавшаяся пуританскими проповедниками, несла с собой культ рационалистической утилитарности. Левеллерские политические теории и сам характер

их аргументации со ссылками на естественное право усиливали тенденции к секуляризации.

Если начало века знаменовалось расцветом драмы и поэзии — достаточно назвать имена У. Шекспира, К. Марло, Б. Джонсона, Г. Спенсера, Дж. Донна, — то культура эпохи революции дала миру одно по-настоящему великое имя — *Джона Мильтона*. Его ранние стихи, поэмы и драмы сочетают в себе традиции Ренессанса и духовную глубину развитой религиозности Реформации. Его политические трактаты — против епископата, о свободе личности, о праве на развод, о свободе печати, а также знаменитые зрелые творения 1649—1650 гг., написанные в защиту цареубийства и английской республики, — выражают точку зрения партии индепендентов, возглавившей революцию. Великие поздние поэмы «Потерянный рай», «Возвращенный рай» и драма «Самсон-борец», продиктованные слепым поэтом в эпоху террора и гонений, поднимают вечные вопросы о добре и зле, грехе и раскаянии, о праве и возможности сопротивляться тирании и отстаивать человеческое достоинство в самых неблагоприятных обстоятельствах.

Среди заметных явлений культуры революционного двадцатилетия, оказавших влияние на последующее развитие, следует назвать кружок *Сэмюэля Хартлиба*, активно действовавший с первых лет работы Долгого парламента. Он состоял из социальных реформаторов, ученых, инженеров, изобретателей, преобразователей сельского хозяйства, педагогов. Кружок был тесно связан с европейским реформационным и гуманистически-просветительским движением: в него входили знаменитый чешский педагог *Я. А. Коменский*, инженер из Богемии *Иоганн де Берг*, протестантский пастор и миссионер *Джон Дьюри* и др. Члены кружка выступали с многочисленными проектами реформ в социально-экономической области, образовании, агрикультуре, технике, рудном деле и т. п. Из их среды вышла предложенная парламенту анонимная утопия «Описание знаменитого королевства Макарии».

Значительный прогресс был достигнут в естественных науках и философии. На заре века выступил с замечательными трудами *Фрэнсис Бэкон*. В середине столетия *Томас Гоббс* систематизировал материалистическое учение Бэкона, в то же время упростив его. Он развил философию государства в своих политических сочинениях «Левиафан» и «О гражданине»; при этом естественное состояние Гоббс понимал как «войну всех против всех» и защищал принцип сильной, авторитарной госу-

дарственной власти. Другой политический философ, *Дж. Гаррингтон*, выводил форму государственного правления из формы распределения земельной собственности в стране; согласно его теории в Англии XVII в. произошло перемещение земельной собственности из рук короны, знати и церкви в руки народа; соответственно форма правления должна быть республиканской. Теории Гаррингтона — в частности, принцип введения аграрного закона, ограничивающего крупную земельную собственность, а также принцип ротации, т. е. ежегодного обновления всех государственных учреждений на одну треть, — оказали влияние на дальнейшее развитие социальной и политической мысли. Его последователями в годы реставрации были теоретики конституционной монархии *Г. Невиль*, *О. Сидней*, *У. Пенн*.

Существенный вклад в развитие политической теории внесли памфлеты и трактаты левеллеров — *Дж. Лилберна*, *У. Уолвина* и *Р. Овертона*. Социальную утопию, в основу которой был положен принцип общей собственности на землю, создал вождь диггеров *Дж. Уинстэнли*. Теории политической экономии, базирующиеся на материалистическом методе *Ф. Бэкона* и *Т. Гоббса*, развивал *У. Петти*, заложивший в своих трудах основу теории трудовой стоимости. Квакер *Дж. Беллерс* создал оригинальный проект «Производственного содружества» — своего рода производственного кооператива, который приносил бы прибыль богатым основателям, вложившим туда свой капитал, и обеспечивал бы безбедную жизнь беднякам-работникам, воспитание и бесплатное образование их детям.

После поражения революции идейная атмосфера в стране резко изменилась. В литературе, мемуаристике, драме, переписке стали преобладать мотивы упадка, страха, распушенности, цинизма. Этические ценности разительно меняются: равнодушие к политическим проблемам сочетается с восхвалением материального процветания. После реставрации *Дж. Чайлд*, *Ч. Дэвенант*, *Д. Дефо* и другие открыто признавали, что ведущим импульсом человеческого существования является интерес наживы. Отчетливо проявилось стремление к конкретным техническим и научным новшествам, а также к агрессивному экономическому проникновению в другие страны. В самой Англии распространились взяточничество, коррупция. *Карл II* и его двор поражали своим распутством. Театр был вопиюще аморален. *Граф Рочестер* вслед за *Т. Гоббсом* изображал человека как подлое, жадное, похотливое, лицемерное су-

щество. Исключение составляли произведения *Дж. Беньяна*, рисовавшего странствия человеческой души к «Небесному Иерусалиму» через искушения, грехи и падения земного пути.

Достижение политического компромисса 1689 г. нашло отражение в произведениях философов, политических мыслителей, литераторов. Его крупнейшим идеологом стал философ *Джон Локк*, который в двух «Трактатах о правительстве» объяснил и обосновал суть происшедшего в Англии переворота. Рост предприимчивости нашел отражение в романах *Д. Дефо*; нравы поклонявшейся чистогану буржуазии и уродства наступающей новой эры высмеивались в едких сатирах *Дж. Свифта*. Наступала эпоха Просвещения, на которую предшествующая революция наложила неизгладимый отпечаток.

Политическое и социально-экономическое развитие Англии в первой половине XVIII в. После *Вильгельма* и *Марии* королевский титул получила сестра последней *Анна* (1702—1714); затем правили короли из немецкой династии *Ганноверов*. Парламент состоял в основном из представителей крупных землевладельцев, они занимали все места в палате лордов и большую часть мест в палате общин. Но последняя представляла и интересы крупной буржуазии: дворяне, заседавшие в ней, являлись и собственниками мануфактур, и финансовыми воротилами. Процесс сращивания землевладельцев с торгово-предпринимательскими слоями усиливался. В местном управлении тоже преобладали лендлорды. Тем не менее правительство и парламент были вынуждены все больше считаться с интересами предпринимателей.

Сохранялась двухпартийная система. Тори и виги в принципе мало различались меж собой; их социальная база и интересы, направленные к максимальному извлечению прибылей из сельского хозяйства, торговли, а затем и промышленности, к ограблению колоний, были схожими. Различались лишь политические позиции: тори в основном поддерживали корону, а виги — парламент. И та и другая партии стремились обеспечить себе наиболее благоприятное положение, покупая парламентские места, подкупая делегатов, давая взятки. Коррупция пронизывала всю политическую жизнь. Уродливым явлением было неравномерное распределение количества депутатских мест по графствам: часто один-два человека в захолустном «гнилом местечке» обладали правом избирать депутата в парламент. Согласно закону о престолонаследии 1701 г., короли

из династии Стюартов навсегда лишились права на престол: в политической жизни страны усилилось значение министров, которые несли ответственность за государственную политику перед парламентом. Кабинет министров формировался из представителей партии, имевшей большинство в парламенте. В правление королевы Анны большинство завоевала партия вигов. Однако война за Испанское наследство, приведшая к огромному бюджетному дефициту, ускорила падение вигского правительства. Тори, пришедшие к власти, закончили войну: согласно *Утрехтскому миру* 1713 г., Англия получила Гибралтар, остров Менорку и право *асиенто*, т. е. право в течение 30 лет поставлять рабов в испанские колонии в Америке. Однако другие статьи договоров, особенно установление повышенных пошлин на ввозимые в Испанию английские товары, усилили непопулярность правительства тори, и в 1714 г. виги снова пришли к власти. В 1715 г. их правительство упрочилось в связи с подавлением мятежа якобитов, сторонников династии Стюартов.

В 1721 г. к власти на два десятилетия приходит вигское правительство *Г. Уолпола*. Оно проводило политику покровительства английской промышленности и торговле, особенно заокеанской. При нем снизились поземельный налог и пошлины на ввозимое в Англию сырье; в то же время были изданы законы о принуждении к труду нищих и бродяг, которых становилось все больше. Британские владения в Индии, Америке и Африке постоянно расширялись. Англия активно участвовала в войнах за Испанское (1701—1713) и Австрийское (1740—1748) наследства, в Семилетней войне (1756—1763), в результате чего англичанам удалось еще больше утвердить свое господство в колониях и стать крупнейшей колониальной державой.

Огромные доходы приносили Ост-Индская, Гвинейская и другие торговые компании, особенно занимавшиеся работорговлей. Предприимчивые купцы обманом или силой перевозили африканцев в колонии Северной Америки для рабского труда на плантациях. После войны за Испанское наследство английский король получил исключительное право на торговлю африканцами-рабами во всех испанских колониях.

В социально-экономической жизни в XVIII в. произошли важнейшие процессы. Завершилась начавшаяся еще в XVI в. аграрная революция; после гражданских войн и переворота 1688 г. приобрели огромные размеры огораживания и сгон крестьян с земли. Правительство совершенно прекратило по-

литику сдерживания огораживаний и, наоборот, само издавало акты об огораживании. Те, кто боролся против огораживаний и сносил изгороди, приговаривались к смертной казни. В результате множество мелких земледельцев, батраков и сельских ремесленников разорялись и становились бродягами, искателями заработка в городах. Если в конце XVII в. у крестьян находилось еще около половины всей пахотной земли, то спустя столетие английское крестьянство — йоменри — исчезло вовсе.

Разоренные крестьяне пополняли армию нищих и бродяг, против которых правительство издавало суровые законы. Так, по закону 1698 г. все бедняки, получавшие пособие, должны были носить специальные нарукавные знаки. Под страхом жестоких наказаний запрещался самовольный переход нищих из одного прихода в другой: тем самым они принуждались к выполнению самой тяжелой и низкооплачиваемой работы. Приходские власти сами переправляли безработных по первому требованию предпринимателей. Детей бедняков отрывали от семей и отдавали на мануфактуры. Заработная плата, согласно законам 1721 и 1726 гг., регулировалась мировыми судьями на местах; предпринимателям под угрозой штрафа было запрещено повышать установленные ими ставки.

Вследствие разорения крестьян и мелких ремесленников, которые все больше вытеснялись мануфактурным производством, появился рынок дешевой рабочей силы, что способствовало развитию наемного труда. В сельском хозяйстве мелкие владения уступили место средним и крупным фермерским хозяйствам с улучшенной обработкой земли, использованием сельскохозяйственной техники, аренды и наемной рабочей силы. Многие разорившиеся крестьяне эмигрировали в колонии Северной Америки.

За счет концентрации земельных владений в руках крупных лендлордов, интенсивного развития сельского хозяйства, ограбления колоний и торговли рабами складывается слой финансовой буржуазии, в ее руках сосредоточиваются огромные богатства. В 1694 г. земельные магнаты и купцы-предприниматели основывают *Английский банк*. Благодаря его займам и денежным операциям в XVIII в. складывается разветвленная финансовая система. Само государство оказывается в зависимости от финансового капитала. Со своей стороны оно политической протекционизма поощряло развитие отечественной промышленности.

Начало промышленного переворота. В промышленности в XVIII в. тоже происходят существенные перемены. Мелкое товарное производство все больше уступает место мануфактурному: потребности его развития приводят к ряду изобретений в области механики, преобразивших к XIX в. всю английскую промышленность. Еще в 1733 г. был изобретен летучий челнок для выделки сукна, значительно ускоривший производство тканей. Это изобретение стимулировало работу прядильщиков: в 1738 г. была создана машина, прявшая нить без участия человеческих рук. В 1764 г. Дж. Харгривс изобрел механическую прялку «Дженни», а уже в 1771 г. Р. Аркрайтом была открыта первая прядильная фабрика; машины в ней приводились в движение водяным колесом. К 1780 г. в Англии насчитывалось 20, а через 10 лет — уже 150 подобных фабрик.

Существенные изменения претерпели и другие отрасли промышленности. В 1765 г. Джеймс Уатт построил паровую машину, а в 1771 г. усовершенствовал ее. Изобретение паровой машины имело огромные последствия для развития фабричного производства. Оно устранило зависимость промышленных предприятий от энергии рек и привело к повсеместному распространению фабрик. Для работы паровой машины требовался уголь; благодаря этому стала усиленно развиваться угольная промышленность. Потребность в металле стимулировала новые способы выплавки железа и привела к усовершенствованию металлургии, которая тоже стала работать на угле, а не на древесине.

Развитие промышленности привело к появлению новых городов — Манчестера, Бирмингема; способствовало развитию дорог и транспорта; увеличило связи между различными районами страны. Оно создало и новый класс — промышленный пролетариат, занятый на фабриках, у машин. Рабочий на этих фабриках существенно отличался от средневекового ремесленника или работника мануфактуры: он представлял собой как бы живой придаток к механизму. Труд на фабриках был тяжел и однообразен, он продолжался по 14—18 часов в сутки. Заработная плата была низкой; на фабриках работало много женщин и детей, которым платили еще меньше, чем мужчинам. Правительственные законы насаждали суровую дисциплину среди рабочих, жестоко карая за малейшие нарушения. Изобретение новых машин приводило к увольнениям. Все это вызывало возмущение рабочих, выражавшееся в самой прими-

тивной форме: они ломали ненавистные машины, разбивали орудия труда. Уже в 1769 г. парламент принял специальный закон, каравший смертной казнью за разрушение машин. Но движение *луддитов*¹, как звали этих первых рабочих-бунтарей, продолжалось. Во второй половине XVIII в. зарождается и стачечное движение. Разрозненные, темные, забитые рабочие постепенно объединяются и начинают борьбу за свои права, против снижения заработной платы, за улучшение условий труда.

Вместе с развитием промышленности рос и усиливал свое влияние и другой класс — *промышленная буржуазия*. Она стала выступать против политической монополии нескольких десятков аристократических семей. К партии вигов и тори присоединилась группа радикалов, начавшая борьбу за политические реформы. Выражением кризиса правящих кругов явились выступление члена парламента *Уилкса*, поддержанное народными волнениями, и распространявшиеся большими тиражами политические памфлеты под общим названием «письма Юниуса», в которых резко критиковались уродливая система парламентских выборов, продажность министров и депутатов, бесправие народа. Поднимались волнения и в Ирландии.

Одновременно с рабочим движением и политической оппозицией буржуазии назревает Американская революция (1773—1775): борьба английских колоний в Северной Америке за свою независимость от метрополии. Усиливается движение ирландцев против многовекового гнета англичан. В 1783 г. Англия подписывает мирный договор и признает независимость тринадцати колоний в Америке. В то же время она сохраняет господствующее положение в Канаде и Индии. Последняя становится важнейшим источником доходов для метрополии.

Английское Просвещение. В XVIII в. расцвет переживает английское Просвещение, начало которому положили еще мыслители эпохи революции и философ Джон Локк. Для Просвещения как интеллектуального движения характерны идеи естественного человека, который у Локка выступает как гармоничное и совершенное существо, и естественных прав и свобод личности: права на собственность, на демократические свободы, на свободомыслие. Энциклопедически

¹По имени легендарного Неда Лудда, якобы первым разбившего станок.

образованные мыслители — Локк, Дж. Толанд, Г. Боллингброк и другие — утверждали приоритеты личности и ее свобод, признавали суверенитет народа и его право участвовать в политической жизни.

В философии утверждается *сенсуализм*, выводящий все знания и представления человека из чувственного опыта. Родоначальником сенсуализма явился Дж. Локк, отрицавший «врожденные идеи» Декарта. *Дж. Беркли* делал из сенсуализма крайние выводы, считая, что реальный мир существует лишь постольку, поскольку он воспринимается нашими органами чувств. Другой выдающийся философ-идеалист — *Д. Юм* отрицал на основе сенсуализма возможность познания мира. Развивались и учения, близкие к деизму и материализму (Дж. Толанд, Дж. Пристли, Э. Дж. Коллинз, Д. Гартли).

Потребности экономического роста рождали соответствующие экономические учения, крупнейшим представителем которых явился *Адам Смит*. Он развивал теории экономического обогащения государства, защищал свободу конкуренции и обосновывал трудовую теорию стоимости. Возникали и новые политические учения, особенно радикально-демократического направления. Их создателями были *Т. Мэн*, *Дж. Пристли*, *У. Годвин*; рождались утопические проекты: *Т. Спенс* и *У. Огильви* предлагали преобразовать социально-экономическое устройство.

Делали дальнейшие шаги история и литература. Наиболее крупные исторические произведения создали Д. Юм и Э. Гиббон. В литературе ведущим жанром становится роман. Вслед за «Робинзоном Крузо» приобрели популярность романы *С. Ричардсона*, *Г. Филдинга*, *Т. Смоллета*. Англия дала миру таких крупных и оригинальных писателей-сатириков, как *Дж. Свифт* и *Л. Стерн*. В конце века появилось новое литературное направление — сентиментализм, представленное именами *О. Голдсмита* и *Л. Стоуна*. Высокого развития достигла живопись: в XVIII в. работали выдающиеся мастера *У. Хогарт*, *Дж. Рейнольдс* и *Т. Гейнсборо*.

В XIX век Англия вступает самой развитой в экономическом отношении и могучей колониальной державой, со сложившимися общественными классами — землевладельцами, промышленной, торговой и финансовой буржуазией, рабочим классом, с высокой и многообразной культурой.

ГЛАВА 3 От первых колоний до создания Соединенных Штатов Америки

Основание британских колоний. Первые переселенцы из Англии золота в Северной Америке не нашли, но убедились в том, что доходы и пропитание даст им плодородная земля, населенная индейскими племенами и потому казавшаяся легкой добычей. Земледелие же, в отличие от погони за золотом или дорогими мехами, требовало постоянного притока рабочих рук и приложения капиталов.

Британская экспансия в Северной Америке сопровождалась не *вывозом* природных богатств в метрополию, а *освоением* их колонистами в своих собственных интересах. Материальные и людские ресурсы британских владений бурно росли, пополняясь выходцами из всей Европы. Это и заложило основу так называемого переселенческого капитализма.

Не желая обострять отношения с Испанией и истощать казну, король Яков I Стюарт в 1606 г. предоставил права (хартии) на заселение и раздачу земель на Атлантическом побережье Америки двум частным компаниям — Лондонской и Плимутской. Король объявил себя суверенным владельцем Виргинии, как называли тогда эту территорию, а колонистов — своими подданными.

Укрепленный поселок *Джеймстаун*, построенный к маю 1607 г. на виргинской земле, явился первым постоянным поселением англичан в Северной Америке. Они гибли от голода, болезней и стычек с индейцами. Но научившись к 1616 г. выращивать и обрабатывать табак, виргинцы стали получать прибыль от его продажи в Англии. Новый король Карл I объявил Виргинию королевской колонией и назначил туда губернатора.

Те, кому удавалось разбогатеть, ведя плантационное, обычно табаководческое, хозяйство, образовали слой местной «арис-

тократии». Свободные поселенцы (*фримены*), имевшие недвижимость, пользовались правом голоса и могли избираться в законодательное собрание колонии. Низший слой виргинского общества состоял в основном из людей, которые не имели средств для переезда через океан, но обязались отработать долг, выполняя различные тяжелые работы сроком до семи лет. После этого они получали свободу и иногда участки земли. Лица, заключившие такой контракт, назывались *сервентами*. По прибытии в Америку капитаны кораблей передавали сервентов в распоряжение их хозяев, не заинтересованных в предоставлении им земли и жестоко их эксплуатировавших. Фактически эти люди становились временными рабами, которых использовали на плантациях и в качестве прислуги.

Будучи верховным правителем колоний, король раздавал земли крупнейшим аристократам. В 1632 г. он пожаловал Сесилу Калверту, второму лорду Балтимору, хартию на владение северной частью Виргинии (колония Мэриленд). Лорд обладал в ней почти неограниченной властью и всеми правами феодала сеньора. Созыв и решения местной законодательной ассамблеи зависели от его воли. Свободные колонисты, поселившиеся на землях короля или лордов, должны были платить им фиксированную подать (*квитренту*) или арендную плату.

В 1681 г. Карл II выдал семейству Уильяма Пенна хартию на земли, образовавшие, по имени их владельца, колонию Пенсильвания. На следующий год Пенн прибыл в Америку и основал город Филадельфию. Подобно тому как лорд Балтимор поощрял въезд в Мэриленд своих единоверцев-католиков, Пенн оказывал предпочтение гонимой в Англии протестантской секте «друзей» ^—• *квакеров*, — к которой сам принадлежал. Впрочем, в обеих колониях соблюдалась веротерпимость, что привлекало туда поселенцев различного вероисповедания и этнической принадлежности. Так, в колонизации Пенсильвании большую роль играли немцы-меннониты.

Собственники колоний были лично заинтересованы в заселении земель, с которых собирали ренту, и в мирных отношениях с индейцами (У. Пенн даже заключил с ними договор). Там широко использовался и труд сервентов, причем лорд Балтимор ограничил срок их службы пятью годами и предусмотрел наделение их землей после освобождения. Однако в 70-е годы XVII в. землю там смогли получить не более 4% бывших кабальных слуг.

К владельческим колониям относились Северная и Южная Каролина, а также провинция Нью-Йорк, первоначально принадлежавшая Нидерландам и захваченная в 1664 г. англичанами. Город Новый Амстердам переименовали в Нью-Йорк, и это название распространилось на всю колонию. В 1685 г. ее владетель герцог Йоркский стал королем Яковом II, а колония — королевской. Южная ее часть, отданная другим владельцам, стала называться Нью-Джерси. Небольшая колония Делавэр, бывшая Новая Швеция, до 1776 г. формально входила в состав Пенсильвании, но пользовалась широкой автономией. Колония Джорджия на крайнем юге британских владений, созданная в 1732 г. как частновладельческая, через 20 лет отошла под власть короны.

Заселение северо-восточной части земель, примыкавших к французским владениям (Канаде), дало третий тип колонизации — *корпоративный*. У его истоков были эмигрировавшие в Америку члены религиозных общин, которые заняли еще не отданные лордам-собственникам земли в Новой Англии, как стала называться эта местность.

В сентябре 1620 г. группа пуритан-сепаратистов, гонимая религиозными преследованиями, отбыла в Америку на корабле «*Мэйфлауэр*» по договору с Плимутской компанией и в конце года высадились на побережье нынешнего штата Массачусетс, где основала поселение Новый Плимут. В последующие годы туда прибыли еще несколько партий эмигрантов. Будучи предоставлены сами себе, колонисты решили учредить «гражданское общество». Еще на борту «*Мэйфлауэра*» они подписали соглашение, обязавшее его участников строго следовать сообща принимаемым законам «ради общего блага колонии».

Колонисты учредили выборную губернаторскую власть и высший орган самоуправления — *общее собрание фрименов*. Сервенты к политической деятельности не допускались, и наделение их землей не предусматривалось. Свободные колонисты поделили между собой участки земли на уравнительных началах (это не помешало в дальнейшем имущественному расслоению) и ввели суровую дисциплину, регламентировав общественную и частную жизнь. Признавая верховную власть короля, руководство колоний собиралось основать общество по образу и подобию «Иерусалима» или «Ханаана» и изгоняло инаковерующих. Огромным влиянием в колонии Массачусетс пользовались пуританские священники. Теократическое правление и религиозный фанатизм вылились во второй половине

XVII в. в средневековую «охоту на ведьм». По обвинению в колдовстве в Сейлеме были публично казнены 20 и арестованы 150 человек.

Все это грозило окончательно потушить «светоч демократии», зажженный на «Мэйфлауэре». Даже переход Массачусетса под юрисдикцию короля не изменил обстановку в колонии. Только в первые десятилетия XVIII в. внутренняя оппозиция пуританским ортодоксам усилилась настолько, что с гнетом теократии было покончено навсегда. Современники называли эту победу разума «Великим пробуждением».

Массачусетс стал родоначальником ряда поселений Новой Англии, на основе которых оформились колонии Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Гэмпшир и Мэн. Из цитадели пуританизма колонисты уходили на поиски более плодородных земель и ради установления либеральных порядков. Так, основателем Род-Айленда стал изгнанный из Массачусетса священник Роджер Уильямс, резко разошедшийся во взглядах с пуританской верхушкой. В этой небольшой колонии, начало которой относится к 1636 г., соблюдалась веротерпимость, церковь была отделена от светской власти, земля не захвачена силой, а куплена у индейцев. Опасаясь «поглощения» более сильным Массачусетсом, «дочерние» колонии заручились согласием Карла II на свою самостоятельность под юрисдикцией короны. Нью-Гэмпшир и Мэн принадлежали частным владельцам, но это были слабо заселенные местности, и территория последней вошла в состав Массачусетса.

Социально-экономическое развитие колоний. Феодализм не мог пустить прочных корней в Северной Америке, где отсутствовало главное условие его существования — монопольное право феодалов на землю. Оно декларировалось, но не соблюдалось в полном объеме, так как заставить колонистов платить квинтенту при обилии свободных земель и возможности уйти из владений лорда было невозможно. В целом же феодальный строй в XVII—XVIII вв. себя изживал, а условия колонизации не способствовали его искусственному оживлению.

Плантационное хозяйство южных колоний, наоборот, получило прочную коммерческую основу. Оно носило предпринимательский характер: плантаторы не получали земельных пожалований, а вкладывали капитал в землю и работников. Работали на плантациях как сервенты, так и пожизненные

черные рабы из Африки (первую их партию доставили в Виргинию в 1619 г. голландские работорговцы). Без принудительного труда было бы невозможно вести крупное, рассчитанное на экспорт производство табака, риса, индиго, сахарного тростника, позднее — хлопка. Свободные поселенцы не шли на такую работу, а заставить выполнять ее пленных индейцев не удалось. Работорговля являлась чрезвычайно прибыльным бизнесом, в котором участвовали наряду с американскими купцами предприниматели из Англии и других морских держав Европы. В колониях процветали также контрабанда, неэквивалентная торговля с индейцами, у которых приобретались за бесценок или выменивались на спирт и оружие ценные меха. Развивалась земельная спекуляция. Колониальные дельцы не уступали в предприимчивости британским и голландским.

Основную массу сельского населения (до 80%) составляли *фермеры*. Те, кто жили в «глубинке», вели индивидуальное семейное хозяйство — ради собственного прокормления. Земледельцам Массачусетса еще в XVII в. удалось стать фактически частными собственниками, так как они не платили квинтенту. В более трудном положении были фермеры владельческих колоний к югу от Новой Англии, а мелкие арендаторы на землях лендлордов находились в личной от них зависимости. Вместе с тем в Америке развивалось *скваттерство* — самовольное присвоение колонистами никем не занятых земель. Оно подрывало монопольное право на землю, дав толчок стихийному движению на Запад.

В Америке установился олигархический тип правления. Из поколения в поколение ею управляли на основе имевшихся хартий наиболее зажиточные и влиятельные семейные кланы. Однако в отличие от европейских государств того времени, не говоря уже об остальном мире, власть в колониях в целом отличалась мягкостью, а жизнь была гораздо менее стесненной и регламентированной — разумеется, только у свободных колонистов и исключая первые годы борьбы за выживание, а также более чем полувековую теократию в Массачусетсе. Сложилось, хотя и в несовершенном виде, *разделение властей* — законодательной в лице ассамблеи или собраний фрименов и исполнительной, которую осуществлял губернатор. От него, как правило, зависела и судебная власть. Большинство губернаторов обладали правом вето на решение ассамблей, однако последние могли сдерживать произвол администрации, поль-

зуюсь исключительным правом утверждать бюджет колоний, в том числе размер губернаторского жалованья.

Колонисты неоднократно восставали против губернаторского произвола, и в этих движениях участвовали как оппозиционно настроенная верхушка, так и «низы». Самыми крупными были вооруженные выступления под руководством плантатора Натаниэла Бэкона в Виргинии (1676) и купца Джейкоба Лейслера в Нью-Йорке (1689—1691). Они были жестоко подавлены. Их участники выдвигали и демократические требования, в частности расширения избирательных прав.

В Новой Англии огромную роль играли так называемые *городские митинги*, продолжавшие традицию общих собраний первых колонистов — членов церковных общин. На них присутствовали не только обладавшие правом голоса собственники, но и те свободные колонисты, которые его не имели. Функция этих митингов заключалась не просто в осуществлении «прямой» демократии, но и в поддержании политического равновесия между различными слоями общества.

Уровень жизни свободных колонистов — средняя ее продолжительность, материальная обеспеченность и др. — был выше среднего европейского. Потомки первых поселенцев практически не знали голода и не испытывали нехватки самого необходимого. Как показали историко-антропометрические исследования, урожденные американцы были более высокого роста, чем европейцы, — они лучше питались, в их рационе преобладали мясо и овощи. В городах отсутствовали трущобы и такое количество деклассированных элементов, бродяг и нищих, как в Англии эпохи Тюдоров и Стюартов. Европу сотрясали опустошительные войны, а колонисты жили за океаном гораздо спокойнее, воюя время от времени только с индейцами. Они были избавлены и от того бремени, которое несли налогоплательщики Англии и других европейских стран, — по содержанию постоянных армий, королевских дворов и многочисленной аристократии. В XVII — первой половине XVIII в. колонисты имели определенные преимущества перед жителями метрополии; она брала на себя даже расходы на оборону колоний.

Важнейшей особенностью американского общества уже на ранней стадии его развития было то, что человек там мог с гораздо большим успехом, чем в Старом Свете, пользоваться результатами собственного труда и предприимчивости. Протес-

тантская вера требовала высокой культуры труда, трудолюбия и бережливости, а честно накопленное богатство считалось признаком божественной избранности человека. Хотя колонизация Америки сопровождалась работорговлей, прямым грабежом индейцев, мошенническими сделками и спекуляцией, обогащением авантюристов всех мастей, основная масса рядовых американцев приобретала собственность упорным трудом, и именно из них формировался средний класс.

Свободных колонистов трудно было подчинить власти, исходившей от метрополии. Отсюда — нетерпимое отношение даже к малейшему ущемлению изначально существовавших прав и свобод. Обладая большей экономической, политической и религиозной свободой, чем жители Европы, американцы стремились к их расширению и упрочению и потому с тревогой и беспокойством относились к ужесточению политики метрополии, полагая, что король и парламент намерены превратить их в зависимое население.

Предпосылки Войны за независимость. Война североамериканских колоний за независимость (1775—1783) явилась закономерным результатом тех сложных процессов, которые происходили как в Америке, так и в самой Англии. К середине XVIII в. колонии значительно выросли в хозяйственном отношении, налаживалась внутренняя торговля, преодолевались былая экономическая разобщенность и замкнутость. По существу, они уже не зависели от поставок метрополии, так как имели собственный флот, неисчерпаемые запасы леса и плодородных земель; плантаторы производили продукцию на экспорт — табак, рис, индиго, пытались выращивать хлопок. Значительно выросло население: так, если в 1688 г. там проживало около 200 тыс. человек, то в 1775 г. — свыше 2,7 млн, включая негров-рабов, составлявших 18% жителей. Хотя колонии принадлежали Англии, туда эмигрировали почти из всех стран Европы, и подавляющее большинство иммигрантов относилось к трудовому населению главным образом Ирландии и Германии.

Показателем социально-экономического развития колоний стал рост портовых городов, являвшихся центрами внутренней и внешней торговли, — Бостона, Нью-Йорка, Филадельфии, Балтимора, Чарлстона и др. Развивались образование и культура, с начала XVIII в. в колониях выходили собственные газеты, появились общественные и частные шко-

лы и колледжи. На базе колониальных колледжей выросли такие всемирно известные американские университеты, как Гарвардский, Йельский, Принстонский, Колумбийский. К концу колониального периода выросла плеяда выдающихся мыслителей, деятелей американского Просвещения — таких, как *Бенджамин Франклин*, *Томас Джефферсон*, *Джон Адаме*, *Джеймс Мэдисон* и ряд других. Все это говорило не только о материальных возможностях, но и о духовном потенциале растущей нации.

В XVII в., когда колонисты больше всего нуждались в опеке, метрополия была поглощена решением своих внутренних проблем (борьба короля и парламента, революция, реставрация Стюартов). В XVIII столетии все получилось наоборот. Колонии созрели для независимости, но Великобритания, стабилизировавшаяся внутренне и победившая Францию в Семилетней войне 1756—1763 гг., стала полновластной хозяйкой Северной Америки, присоединив Канаду и другие французские владения.

Попытки метрополии ограничить свободу предпринимательства в колониях и подчинить его своим интересам создавали экономические предпосылки Войны за независимость. Во второй половине XVII и в первые десятилетия XVIII в. была издана серия парламентских актов, регламентировавших внешнюю торговлю колоний. Они запрещали свободно торговать с другими морскими державами, а также развивать в колониях обрабатывающую промышленность. Но удаленность Северной Америки делала такие запреты малоэффективными.

Закон 1763 г., запрещавший самовольно переселяться на запад, за Аппалачские горы, должен был удерживать колонистов в определенных административных границах земельной монополии короля и лордов-собственников, пытавшихся увеличить квинтенту. Кроме того, британское правительство озабочилось поисками средств для содержания разросшегося управленческого аппарата колониальной империи и размещавшихся там войск. Для этого в 1764 г. вводились новые таможенные пошлины на ряд товаров. Акт 1765 г. предусматривал расквартирование в Америке 10 тыс. солдат регулярной армии, а для покрытия расходов на них в том же году был принят акт о гербовом сборе.

В отличие от прежних постановлений, данный закон касался практически всех колонистов, так как гербовой пошлиной облагались оформление любых документов и выпуск печатных

изданий. Принятие его парламентом вызвало первую бурную вспышку протеста в колониях. Движение против гербового сбора проходило под лозунгом «никаких налогов без представительства». Колонистов возмущала не тяжесть налога (он не был разорительным), а сам факт его введения парламентом, в котором отсутствовали представители североамериканских колоний. Впервые в американской истории наэлектризованные массы вышли на улицы городов. Радикально настроенные колонисты развернули антианглийскую агитацию, создав подобие политических клубов под названием «Сыны свободы». Угрозами и демонстрацией силы они срывали исполнение акта о гербовом сборе, не дав ни одному сборщику приступить к своим обязанностям.

Одновременно усиливалось аграрное движение против феодалных повинностей, принявшее особенно большой размах в колониях Нью-Йорк, Северная и Южная Каролина. Войскам, разбросанным по всей территории колоний, не удавалось закрыть западную границу от скваттеров. В начале 70-х годов XVIII в. развернулась партизанская борьба у Зеленых гор, которые были тогда приграничным районом современного штата Вермонт. Фермеры и сельское население, наряду с частью горожан, составили основную массу будущих борцов за независимость, хотя силы тех и других еще были разобщены.

Гербовый сбор был заменен новыми таможенными пошлинами, но это не внесло успокоения в колонии. В Бостоне 5 марта 1770 г. произошло столкновение горожан с британскими солдатами, которые, обороняясь, убили и ранили несколько человек. «Сыны свободы» успешно использовали «политику улицы» и неуклюжие действия британских властей для разжигания недовольства. Они применяли тактику коллективного бойкота привозных английских товаров, устраивали самочинные обыски у подозреваемых в сговоре с властями, но без убийств и кровопролития. Одним из самых активных «смутьянов» был бостонский служащий *Сэмюэл Адаме*, по инициативе которого группа колонистов, переодевшись индейцами, в 1773 г. выбросила на дно бостонской гавани груз английского чая («бостонское чаепитие»). Он же стал основателем «комитетов связи», которые осуществляли координацию антибританских, или патриотических, сил.

Англия усиливала нажим, перейдя к крутым административным мерам против Массачусетса, закрыв бостонский порт и присоединив американский северо-запад к своей провинции

Квебек (Канада). Патриотические круги по всей стране выступили против этих «нестерпимых актов». В 1774 г. в Филадельфии собрался первый *Континентальный конгресс* — совет представителей колоний (такой же совет собирался в 1765 г. по поводу акта о гербовом сборе). В принятой «Декларации прав» говорилось о праве колонистов на самоуправление, а также на «жизнь, свободу и собственность». Это еще не было провозглашением независимости, хотя страна стояла на ее пороге. В марте 1775 г. в законодательном собрании Виргинии один из лидеров патриотов *Патрик Генри* заявил: «Неужели жизнь так дорога и мир так сладок, что их следует покупать даже ценой кандалов и рабства?.. Что касается меня, я не пощажу своей жизни для дела свободы».

Война началась стихийно. 19 апреля 1775 г. английский главнокомандующий в Америке генерал Гейдж распорядился захватить склад оружия, устроенный патриотами недалеко от Бостона, и арестовать лидеров «заговорщиков». Посланный им полк завязал бой с вооруженными фермерами в районе Лексингтона и Конкорда. Перевес вначале был у англичан, но при движении обратно (лидеры патриотов сумели заблаговременно скрыться, а часть оружия была вывезена) их непрерывно обстреливали из-за всевозможных укрытий местные жители. Потеряв треть солдат, полк с трудом добрался до Бостона. Первое сражение *Войны за независимость* было удачным для патриотических сил.

Война за независимость и образование США. Собравшийся в мае 1775 г. второй Континентальный конгресс стал уже не колониальным, а американским правительством. На нем, как и на первом, имелись сторонники примирения с метрополией, но ход событий подталкивал членов конгресса к решительным действиям, прежде всего к набору армии. Во главе будущих американских сил был поставлен крупный виргинский плантатор и опытный воин полковник *Джордж Вашингтон*. В июне добровольческие отряды американцев, еще не организованные в армию, стойко сражались с англичанами при Банкер-Хилле близ Бостона и нанесли им чувствительные потери.

Огромную мобилизующую силу имел опубликованный большим тиражом памфлет просветителя радикального направления *Томаса Пейна* под названием «Здравый смысл». В нем Пейн убедительно доказывал, насколько абсурдно бо-

роться за свободу, не порывая с метрополией, и что только независимость и республиканский образ правления дадут Америке великое будущее. Эти слова оказались пророческими.

4 июля 1776 г. конгресс принял составленную Т. Джефферсоном *Декларацию независимости*, ставшую эпохальным документом не только американской, но и мировой истории.

Это была первая перенесенная на практическую почву декларация прав человека, опиравшаяся на передовые теории английских философов XVII в., особенно Джона Локка, французских просветителей XVIII в., а также на традицию борьбы за свободу американских колонистов. «Все люди сотворены равными, — гласила Декларация независимости, — все они одарены Создателем некоторыми неотъемлемыми правами, к числу которых относятся право на жизнь, свободу и стремление к счастью... Всякий раз, когда форма правления начинает противоречить этим целям, право народа — изменить ее либо вовсе уничтожить и учредить новое правительство...»

Впервые в истории официальный документ провозглашал принцип народного суверенитета как основу государственного устройства. Декларация обвиняла английского короля и парламент в тирании, нарушении элементарных прав человека и заявляла, что отныне колонии считаются «свободными и независимыми штатами», которые «приобретают полное право объявлять войну, заключать мир, вступать в союзы, вести торговлю и совершать любые акты и действия — все то, на что имеет право всякое независимое государство».

Говоря о естественных и неотчуждаемых правах человека, Джефферсон изменил традиционную формулировку Локка — право на «жизнь, свободу и собственность». Подобно Ж. Ж. Руссо, великий американский просветитель относил собственность не к естественным, данным человеку от рождения, а к гражданским правам — согласно существующему уровню развития общества. Однако в Америке преобладала «английская» точка зрения на собственность как на естественное право человека, не менее важное, чем жизнь и свобода. Именно обладание собственностью давало человеку свободу и независимость, в том числе в выражении своих взглядов. Те же, кто ею не обладал, — наемные рабочие, арендаторы, прислуга, рабы, замужние женщины — были зависимыми и потому не могли, согласно представлениям того времени, участвовать в гражданской жизни и заниматься политикой, т. е. избирать и быть избранными. «Невежественным и зависимым людям можно доверять обще-

ственные дела не больше, чем детям», — заявил в 1787 г. один из создателей федеральной Конституции.

Сама идея независимости разделялась далеко не всеми американцами. Имелось немало таких, кто по экономическим, политическим и другим мотивам не желал отделения от Англии. Это большая часть лендлордов, королевских чиновников, торговцев, опасавшихся разрыва деловых связей с Англией, а также лица, боявшиеся разгула «черни», анархии и гражданской войны. Они назывались *лоялистами* — людьми, лояльными королю и парламенту. Часть фермеров и арендаторов также примыкали к ним, если местный лендлорд, их главный притеснитель, поддерживал патриотов. Большинство негров-рабов бежали к англичанам, обещавшим им свободу, поскольку основная часть плантаторов выступала за независимость (экономической причиной этого была их колоссальная задолженность английским торговым домам, от которых они получали кредиты).

К верхушке патриотов, помимо плантаторов, относилось и большинство американских купцов, выступавших за свободу торговли и предпринимательства. Они оказывали финансовую помощь делу независимости. Первым, кто поставил свою подпись под Декларацией независимости, был «король» бостонских купцов-контрабандистов Джон Хэнкок. Лидерами патриотов стали молодые честолюбивые политики, стремительно делавшие карьеру в Континентальном конгрессе, местных органах власти и в армии. Простые люди поддерживали независимость Ъ силу демократических убеждений и в надежде на лучшую жизнь, за которую они проливали кровь на полях сражений.

Военные действия велись с переменным успехом. После первых окрыляющих удач 1775 г. наступила длительная полоса поражений. Британские войска намного превосходили американцев боевой выучкой и количеством, но американцы воевали с гораздо большей энергией и воодушевлением. Дж. Вашингтон умело маневрировал, то нанося стремительные удары, то отступая, а в ряде случаев его небольшая армия просто спасалась бегством. Британскому командованию не удавалось навязать американцам генеральное сражение, в котором они неминуемо были бы разбиты, а Вашингтон не имел достаточно сил для решающей победы.

Тяжелое положение американских войск усугублялось враждебными вылазками лоялистов, создавших свои военные

отряды, которые действовали совместно с англичанами. Снабжение армии Вашингтона было плохим, хронически не хватало вооружения и денег. За фураж и продукты приходилось расплачиваться долговыми расписками, заменявшими порой жалование офицерам и солдатам. Англия также испытывала трудности с переброской больших масс войск. Еще в 1775 г. король Георг III обратился к российской императрице Екатерине II с просьбой предоставить 20-тысячный корпус, но получил категорический отказ. Недостающие войска были набраны в германских княжествах, поставлявших за большие деньги наемных солдат. К концу Войны за независимость в Америке находилось около 56 тыс. английских солдат. Армия Вашингтона и в лучшие для нее времена не превышала 20 тыс., но ее поддерживали многочисленная иррегулярная милиция (ополчение) и партизанские отряды.

После тяжелых боев близ г. Нью-Йорка осенью 1776 г. Дж. Вашингтону с трудом, благодаря счастливой случайности, удалось спасти остатки армии. Она смогла оправиться и зимой 1776/77 г. нанесла врагу чувствительные удары в штате Нью-Джерси. Осень 1777 г. принесла американцам и поражение (английские войска заняли столицу США Филадельфию), и победу (на севере). Семитысячный корпус англичан был окружен у Саратоги превосходящими силами добровольцев и милиции и капитулировал. Известие об этом помогло действовавшему в качестве дипломата Б. Франклину заключить союз с Францией (1778).

После Франции в войну с Великобританией вступила Испания (1779), на следующий год — Нидерланды. Хотя для двух последних война не была удачной, международная изоляция их общего врага увеличила шансы американцев на победу. Россия и Австрия выступили с предложениями мирного посредничества, а создание в 1780 г. Россией системы вооруженного морского нейтралитета было направлено против произвола Англии на морях — захвата торговых кораблей нейтральных держав. В числе добровольцев, сражавшихся за независимость Америки, были маркиз де Лафайет, которого во Франции прозвали «героем Старого и Нового Света», российский дворянин Г. Х. Веттер фон Розенталь, польский патриот Тадеуш Костюшко и др.

Англия тем не менее продолжала войну и в 1780 г. доби-лась крупных успехов на Юге США. Ее войска овладели Чарлстоном, а американские силы в Южной Каролине были

разгромлены. Англичане двинулись в Виргинию, но встретили сопротивление милиции и партизан. Когда к берегам Америки подошел французский флот с десантными частями, американцы и французы окружили 8-тысячный корпус лорда Корнуоллиса под Йорктауном (Виргиния), который 19 октября 1781 г. сдался. Это решило исход войны.

Предварительный мирный договор США и Англия подписали в Париже в 1782 г., окончательный — 3 сентября 1783 г. Его главный результат — официальное признание Соединенных Штатов Америки самостоятельным, независимым государством с западной границей по р. Миссисипи. Южнее 31-й параллели начиналась Флорида, которую получила Испания, а Канада осталась за Англией.

Пока шла война, руководители молодой республики провели большие внутренние преобразования. Бывшие колонии стали *штатами* с республиканской формой правления и разделением властей. В 1776—1780 гг. там были приняты конституции. Им впервые придавалось значение фундаментальных законов, на основе которых должна была действовать гражданская власть. В ряде штатов отсутствовал имущественный ценз для права голоса, губернаторов же избирали. В 10 штатах из 13 законодательные органы (*легислатуры*) имели по две палаты, как в колониальных ассамблеях, причем нижние были более демократическими по составу. Их «уравновешивали» верхние палаты, ибо главной заботой создателей конституций было так строить власть, чтобы она сама себя ограничивала и не превращалась в тиранию.

Конституции семи штатов дополнялись биллями о правах граждан, в частности, на неприкосновенность личности и жилища, суд присяжных, свободу слова и собраний, определение судом законности ареста и др. Огромное значение имело решение аграрного вопроса. Новая власть отменила феодальные держания и повинности, право первородства, ввела неограниченную частную собственность на землю. Имущество активных лоялистов конфисковывалось, а свободные земли объявлялись государственным достоянием. Ордонансом (законом) 1787 г. конгресс образовал фонд общественных земель на северо-западе, который подлежал распродаже в частные руки.

В северных штатах и на свободных землях было отменено рабство, в том числе сервентов, что стимулировало развитие наемного труда. Но на Юге оно сохранялось по настоянию плантаторов, которые заменили сервентов неграми.

Первоначально государственное устройство США представляло собой *конфедерацию*, основанную на договоре суверенных штатов. «Статьи конфедерации и вечного союза» были ратифицированы ими в 1781 г. Центральную власть осуществлял Континентальный конгресс, состоявший из представителей штатов, которые не избирались народом, а назначались легислатурами. Не было ни президента, ни сената, ни Верховного суда. Власть эта оставалась номинальной, так как штаты являлись самостоятельными республиками. Сразу после освобождения от колониальной зависимости трудно было ожидать образования какой-то иной государственной структуры. Тем не менее наиболее дальновидные политики стремились к федеративной республике с сильным центром и общенациональной конституцией (предложения сделать США монархией, короновав Дж. Вашингтона или принца Генриха Прусского, обсуждались лишь в узких кругах).

Идею централизации власти усиливали экономический упадок и хаос. Американские купцы и плантаторы должны были вести расчеты с иностранными торговыми домами и банками в звонкой монете, а в стране ее не хватало. Правительство конфедерации не имело полномочий собирать налоги и пошлины или вводить единую денежную единицу. Штаты отгородились друг от друга таможенными барьерами, в стране ходили разные денежные знаки, в том числе бумажные ассигнации. Отставные ветераны армии тщетно ожидали от властей штатов выплаты обещанного им в годы войны жалованья. В части штатов разрешалось платить налоги и погашать личные долги обесценившимися бумажными деньгами, но это только увеличивало хаос. Применялось и тюремное заключение за неуплату долга. Выправить ситуацию могла лишь реформа власти.

Важным аргументом в пользу преобразований стал рост внутренней нестабильности, угроза народных волнений. В 1786—1787 гг. в Массачусетсе и соседних штатах происходили волнения фермерской бедноты, вызванные нежеланием местных властей пойти на уступки должникам. Должники во главе с *Даниэлом Шейсом* фактически контролировали положение в западных и центральных графствах Массачусетса. Против них было послано ополчение, набранное в штате. Континентальный конгресс не имел права вмешиваться в дела штатов и посылать туда войска, да их у него почти и не имелось.

Федеральная Конституция, разработанная летом 1787 г. на полуофициальном съезде (конвенте) представителей всех шта-

тов, была призвана устранить недостатки конфедеративного устройства власти. В подготовке ее проекта участвовали наиболее авторитетные граждане, в том числе Дж. Вашингтон и Б. Франклин, и лучшие умы из нового поколения американских политиков — *Александр Гамильтон, Джеймс Мэдисон* и др.

Конституция оказалась весьма разумной как по предложенному механизму власти, так и по четкости определения полномочий центра (прочие права остались у штатов). Была выработана процедура принятия поправок к Конституции, дополнявших, а не отменявших ее; сама Конституция действует и поныне. Вводились прямые выборы палаты представителей Конгресса пропорционально числу жителей штатов (рабовладельческих — с учетом 3/5 рабов), а число сенаторов было сделано равным от каждого штата (по два человека), чтобы не ущемлять интересы малых штатов.

Учреждались выборная должность президента США с довольно широкими полномочиями и независимая судебная система во главе с Верховным судом США, которому предстояло следить за нерушимостью Конституции и за соответствием ей принимаемых законов. Конституция была разработана на основе целого ряда компромиссов, поскольку интересы северных и южных штатов часто не совпадали. Последним сделали существенную уступку, разрешив ввозить рабов до 1808 г.

Федеральной Конституции предстояло вступить в силу после ее утверждения девятью штатами из тринадцати. Эта процедура вызвала напряженную политическую борьбу в стране. Противники Конституции — антифедералисты критиковали ее в основном по двум причинам: они не желали ограничения суверенитета штатов, опасаясь узурпации власти центром, и указывали на отсутствие билля о правах. Ее сторонники — федералисты имели лишь небольшой перевес, и ратификация происходила с большим трудом. При этом решительными сторонниками сильной центральной власти показали себя ремесленники и рабочие в крупных городах. В июне 1788 г. новая Конституция вступила в силу, а в ноябре 1791 г. начал действовать принятый конгрессом *Билль о правах*, составивший первые десять поправок к ней.

Характер и особенности революции. Процесс образования США носил революционный характер. Борьба с внешним врагом — метрополией — шла одновременно с кардинальными внутренними переменами. США стали

первой демократической республикой нового времени, ее устройство воплощало политические идеалы эпохи Просвещения. Кое-что осталось и от колониального прошлого — институт рабства, устройство местных органов власти. Но того «старого порядка», с которым боролись революционеры в Европе, в полном объеме в Америке никогда не существовало, и решающим условием внутренних перемен было завоевание независимости.

Самая поразительная черта Североамериканской революции XVIII в. — это отсутствие террора, которым отличалась и Английская, и особенно Французская революция конца XVIII в. Ни один королевский губернатор не был казнен, а лоялистам дали уехать из США. Борьба колоний за независимость и провозглашение республики не вызывали у цивилизованных европейцев чувства ужаса. За пределами Великобритании к американцам относились вполне благожелательно. Даже самодержавная Россия, которая с республиканской Францией воевала, с республиканской Америкой торговала. Хотя российское правительство не торопилось устанавливать с последней дипломатические отношения, прибывший в С.-Петербург в 1782 г. американский уполномоченный Ф. Дейна получил от вице-канцлера И. А. Остермана официальное заверение в том, что лично он и его соотечественники, «которым случится отправиться в Российскую империю по торговым или другим делам», встретят самый благожелательный прием и защиту в соответствии с международным правом. В глазах Екатерины II, а затем Павла I образ американца отнюдь не ассоциировался с «образом врага» — французского санкюлота или якобинца.

Столь хорошей репутацией США пользовались, конечно, не случайно. Появление независимой республики в Новом Свете не угрожало феодально-монархической Европе революционными потрясениями. В отличие от Французской революции, провозгласившей «мир хижинам, войну дворцам», Американская такую цель не ставила. Во внутренней политике «отцы-основатели» США использовали легитимные средства борьбы — без насильственных переворотов и последующей расправы над побежденными. Ради сохранения власти они обычно шли на компромисс. В американский идеал — свободу и собственность — верили все социальные слои, а широкие гражданские свободы «отводили» социальную напряженность в мирное русло.

Даже участники движения под руководством Д. Шейса действовали в основном мирно, пикетируя (хотя и с оружием в руках) здания судов и предъявляя ультиматумы судьям. Их попытка захватить армейский арсенал была отбита картечью, после чего восстание пошло на убыль. Командиры и солдаты посланного против них ополчения стремились избежать кровопролития и принудили восставших сдаться без боя. Лидерам движения вынесли смертные приговоры, но новый состав законодательной власти штата принял решение о помиловании.

Принятие Федеральной Конституции, дополненной Биллем о правах, означало доведение до конца преобразований, данных стране независимостью. В начале 1790-х годов новое центральное правительство, которое возглавлял дважды избранный президентом США Дж. Вашингтон (1789—1797), и Конгресс США одобрили ряд необходимых законов. Федеральная власть, получив необходимые механизмы формирования бюджета и регулирования торговли, взяла на себя выплату долгов штатов, создала *Национальный банк* и ввела в обращение единую валюту — *доллар*. Экономическими преобразованиями руководил талантливый и энергичный министр финансов А. Гамильтон.

Конец XVIII в. ознаменовался для США некоторым сближением с Великобританией, — в 1794 г. они подписали, сделав ряд уступок, договор о дружбе и торговле, и ухудшением отношений с Французской республикой. Правительство Вашингтона отказалось как-либо помогать ей в «революционной войне», мотивируя это тем, что союзный договор был заключен с королем Людовиком XVI. Американские государственные мужи проявили трезвый расчет. Основой внешней политики США стали нейтралитет и намерение свободно торговать со всеми странами под нейтральным флагом, для чего и важно было хотя бы на время упрочить отношения с «владычицей морей». Франция из союзника превратилась во врага, угрожая торговым кораблям США, но конфликт удалось прекратить в 1800 г. дипломатическим путем.

Как внутренняя, так и внешняя политика федеральных властей позволила упрочить результаты Войны за независимость, но в стране развернулась острая политическая борьба между партией власти (федералистами) и растущей демократической оппозицией. На авансцену выходили новые могущественные политические силы.

ГЛАВА 4 Франция: от абсолютизма к революции и крушению империи

«Бюрократическая» монархия во Франции. Французский абсолютизм считается образцовым потому, что он ярко воплотил общие черты этой формы правления и тенденции ее развития.

Абсолютизм во Франции сложился в процессе длительной борьбы королей за соединение разрозненных феодальных провинций в единое государство. Они видели свою задачу не только в том, чтобы присоединить ту или иную область к своему домену, но и в том, чтобы реально подчинить ее своей власти. На всей территории страны французским королям принадлежала верховная и неделимая власть. По своему усмотрению они формировали *Королевский совет*, из которого со временем выделялись советы по отдельным отраслям управления — внешним и внутренним делам, финансам и пр. На рубеже XVI—XVII вв. возникли *министерства*. Местную администрацию возглавляли *губернаторы* (в дальнейшем *интенданты*) и *королевские суды*. Особое место среди них занимали суды высшей инстанции, называвшиеся во Франции *парламентами*. В отличие от английских, парламенты во Франции были не законодательными, а судебными и административными учреждениями. Всего во Франции насчитывалось около дюжины парламентов — в Париже, Тулузе, Гренобле, Бордо, Дижоне, Руане, Ренне, Метце и других крупных городах. Они рассматривали наиболее важные судебные дела, касавшиеся короля, принцев крови, высших чиновников. В них можно было также обжаловать приговоры местных судов по делам меньшей важности. Помимо чисто судебных полномочий, парламенты обладали правом критики действий королевской администрации. Главным среди них был Парижский парламент. Ему, кроме обычных функций, принадлежало право регистрации

королевских эдиктов, после чего они приобретали законную силу.

Еще в средние века французские короли охотно брали на государственную службу образованных и исполнительных простолюдинов. В целях пополнения государственной казны они продавали государственные должности. Это привело к необыкновенному росту чиновничества, численность которого возросла с 8 тыс. в начале XVI в. до 46 тыс. в середине XVII в. Разбогатевшие простолюдины, покупая государственные должности, получали вместе с ними и дворянские грамоты. Возникло «дворянство мантии», которое отличалось от родового дворянства, так называемого «дворянства шпаги», состоявшего из потомков средневековых рыцарей и считавшего единственно почетным для себя занятием военную службу.

«Дворянство мантии» во Франции было новым по происхождению, но отнюдь не по характеру занятий. В отличие от английского нового дворянства оно не вело активной экономической деятельности. В середине XVII в. «дворянство мантии» не менее ревностно, чем старая родовая знать, выступало в защиту сословных привилегий.

По мере роста бюрократического аппарата утратили значение сословные собрания. *Генеральные штаты*, возникшие еще в XIV в., после 1615 г. не созывались вплоть до 1789 г. Провинциальные собрания были ограничены в правах и к середине XVIII в. сохранились только в некоторых провинциях.

Французский абсолютизм опирался на мощный бюрократический аппарат. Однако сам этот аппарат благодаря своеобразному способу формирования, а также привилегиям, которых добились для себя чиновники, превратился в самостоятельную силу. Он не только служил опорой королю, но и существенным образом ограничивал его власть. В этом заключалась одна из гарантий от превращения абсолютизма в деспотизм, т. е. от беззакония и произвола королевской власти. Вместе с тем это делало более трудной задачу реформирования самого бюрократического аппарата.

Религиозные войны второй половины XVI в., в ходе которых королевской власти бросили вызов как *гугеноты*, так и *Католическая лига*, резко затормозили, даже повернули вспять процесс становления абсолютизма. С последствиями этих войн — своеволием родовой знати и административной автономией протестантов — французским королям пришлось бороться в течение столетия.

В XVII в. аристократия дважды пыталась ослабить королевскую власть и восстановить феодальные вольности. Впервые это произошло после гибели короля *Генриха IV*, когда королем стал малолетний сын Генриха IV *Людовик XIII*. В период регентства его матери *Марии Медичи* государственная власть оказалась игрушкой в руках ее могущественных фаворитов. Только в 20—30-е годы назначенный первым министром кардинал *Ришелье* (1585—1642) сумел обуздать аристократическую вольницу, заставил дворянство верой и правдой служить королю.

Но аристократическая оппозиция вновь подняла голову после смерти Людовика XIII в 1643 г. В период регентства *Анны Австрийской*, матери малолетнего *Людовика XIV*, во Франции развернулось общественное движение, вошедшее в историю под названием *Фронды* (дословно — «праща»). Различают парламентскую Фронду (1648—1649), которая опиралась на Парижский парламент, а также Фронду принцев (1650—1653), т. е. ближайших родственников короля, носивших титул принцев крови. Защищая старинные «вольности» и обычаи королевства, парижский парламент возглавил движение широких слоев городского населения против тяжелых налогов, злоупотреблений королевских чиновников, расточительности правительства и пр. В августе 1648 г. парижане восстали и несколько месяцев защищали столицу от осаждавших ее правительственных войск.

После того как правительству удалось сломить оппозицию Парижского парламента, началась Фронда принцев. Ненависть родовой знати вызывал кардинал *Мазарини*, занявший после смерти Ришелье должность первого министра и пытавшийся проводить линию своего предшественника на укрепление королевской власти.

Внутренняя и внешняя политика Людовика XIV. В марте 1661 г., когда умер кардинал Мазарини, Людовик XIV заявил, что теперь он сам будет своим первым министром. Король лично стремился вникать во все детали управления страной. Именно ему принадлежит крылатая фраза, выражающая сущность абсолютизма: «Государство — это я!» На самом деле Людовик XIV, конечно, не мог обойтись без аппарата управления. При нем роль первых министров играли ближайшие советники, такие, как *Фуке* и *Кольбер*, по очереди занимавшие пост генерального контролера финансов.

Правление Людовика XIV ознаменовало высшую точку в развитии французского абсолютизма. Целью внутренней и внешней политики, которую он проводил, было усиление экономического и военного могущества Франции, расширение ее территории и колониальных владений. Он стремился играть руководящую роль в европейских делах. Именно в годы правления Людовика XIV Франция стала одной из ведущих колониальных и морских держав.

Создание французского морского флота — военного и торгового — связано с именем Кольбера, по инициативе которого в Голландии были закуплены 600 кораблей, а затем по их образцу стали строить новые. Кольбер основал также ряд мануфактур, выпускавших необходимые государству и сложные в изготовлении оружие и обмундирование для армии и флота, а также разнообразные художественные изделия (гобелены, фарфор, мебель) для украшения королевских резиденций, в том числе главной из них — Версальского дворца, построенного в окрестностях Парижа. Великолепный дворец и пышный церемониал символизировали величие и могущество королевской власти во Франции. В подражание Людовику XIV стали строить роскошные загородные резиденции и другие монархи Европы. Кольбер также дал свое имя системе протекционистских мер, направленных на покровительство отечественному производству, — *кольбертизму*. Эта политика проводилась в соответствии с популярной в XVI—XVIII вв. теорией меркантилизма, или активного торгового баланса.

В 1685 г. Людовик XIV отменил *Нантский эдикт*. С этого момента все его поданные протестантского вероисповедания были обязаны перейти в католицизм под страхом сурового наказания. Десятки тысяч гугенотов предпочли изгнание и переселились в Америку и в протестантские государства Германии. Франция лишилась ценных работников и специалистов. С ними утекли за границу и значительные капиталы, столь необходимые для развития промышленности и торговли.

Более всего Францию разоряли непрерывные захватнические войны, которые на протяжении своего правления вел Людовик XIV главным образом с целью присоединения левого берега Рейна. Самой длительной и дорогостоящей из них была война за Испанское наследство 1701—1714 гг., обусловленная желанием Людовика XIV посадить на испанский трон своего внука. В конечном счете ему это удалось, и в Испании воцарилась ветвь французских Бурбонов. Однако Людовику XIV при-

шлось отказаться от идеи создания объединенного франко-испанского государства, равного которому по территории и могуществу не было бы в мире. Кроме того, он вынужден был смириться с тем, что Южные Нидерланды вошли в состав монархии Габсбургов.

Упадок абсолютизма. После смерти Людовика XIV в 1715 г. французский абсолютизм вступил в период упадка. При малолетнем *Людовике XV* регентом стал *герцог Орлеанский*, принадлежавший к младшей ветви династии Бурбонов. Он проводил мирную внешнюю политику, сократил государственные расходы, уменьшил налоговое бремя. Все это способствовало экономическому восстановлению страны. Регентство привело также к смягчению строгих нравов, царивших при дворе Людовика XIV, что в условиях абсолютизма повлекло за собой ослабление государственной дисциплины. Пример другим подавал сам герцог Орлеанский, не слишком обременявший себя государственными обязанностями и стремившийся получить от жизни как можно больше удовольствий.

С 1721 г. Францией правил Людовик XV. Он был высокого мнения о своем могуществе, но его политика была непоследовательной. Кроме того, Людовик XV слишком потакал своим прихотям. Его человеческими слабостями беззастенчиво пользовались приближенные. Всесильные фаворитки вроде маркизы де Помпадур, которая в течение 18 лет пользовалась при дворе непререкаемым авторитетом, вмешивались в государственное управление. По своему усмотрению они раздавали должности, награды, денежные пожалования, назначали и смещали министров.

Катастрофой для Франции закончилась Семилетняя война 1756—1763 гг., в которой она воевала вместе с монархией Габсбургов и Россией против Пруссии и Великобритании. В этой войне Франция потеряла почти всю свою колониальную империю, с таким трудом созданную в предшествующие полтора-два столетия. Большая часть французских колоний в Индии и Северной Америке, включая Канаду и Луизиану, отошла к Великобритании.

В середине XVIII в. Франция по-прежнему оставалась одним из самых сильных государств Европы. Блеск и роскошь двора *Людовика XVI* вызывали зависть других монархов. Однако она явно теряла ведущие позиции в европейских де-

лах, мировой торговле и колониальном мире, уступая место другим государствам,

Просвещение; общественное движение и идеология. Это широкое движение было направлено на умственное и нравственное развитие личности, гуманизацию всех сторон общественной жизни. Главными формами его выражения во Франции были научная и литературно-художественная деятельность, а целями — распространение научных знаний и осуществление реформ на благо общества и государства.

Французское Просвещение испытало сильное влияние аристократической культуры, которая породила своеобразную форму общения — *салон*. Салон служил и способом проведения коллективного досуга, и местом политической, литературно-художественной и другой интеллектуальной деятельности. Некоторые просветители, например Гельвеций и Гольбах, сами устраивали салоны. Другие же довольствовались тем, что были радушно приняты в домах знати. Просветители создавали многочисленные кружки по интересам — философские, научные, литературные. Среди них самым значительным был кружок энциклопедистов, как называли творцов знаменитой «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел», вышедшей в свет отдельными томами с 1751 по 1772 г. Центром кружка был философ *Дени Дидро*, его активными членами — *Гольбах*, *Гельвеций*, *Руссо*, *Кондорсе*, *Кондильяк* и др. В живом, почти ежедневном общении они оттачивали свои идеи и вынашивали новые творческие замыслы. Многие просветители были также членами *масонских лож* — полутайных объединений вольных каменщиков (франкмасонов), которые возникли в начале XVIII в. в Великобритании, а в дальнейшем распространились по всему европейскому миру. Ритуалы и символика масонских лож были исполнены мистического смысла. Вместе с тем их цели и идеалы близки Просвещению, отчасти даже заимствованы у него. Масонами являлись *Монтескье*, *Вольтер*, *Кондорсе* и другие просветители.

Просвещение связано с распространением новых идей и ценностей. Основными теоретическими источниками французского Просвещения послужили картезианство и английская общественная мысль XVII в. Большое влияние на французских просветителей оказало учение Джона Локка об обществе и государстве.

Первым произведением французской литературы, написанным в духе идей Просвещения, считаются «Персидские письма» *Ш. Монтескье*, опубликованные в 1721 г. В сатирической, местами фривольной манере автор рисует нравы, царящие при дворе восточного деспота. Однако вдумчивый читатель понимал, что Монтескье в метафорической форме обличал нравы и порядки французского абсолютизма. В том же духе выдержаны многие произведения *Вольтера* (Франсуа Мари Аруэ), в частности «Философские повести», опубликованные в середине столетия.

Монтескье известен также как глубокий политический мыслитель, автор трактата «О духе законов» (1748). Вслед за Локком он выступал за разделение законодательной, исполнительной и судебной властей как политических сил, каждая из которых могла бы сдерживать другую. Судебная власть, по мнению Монтескье, должна была принадлежать не учреждению, а лицам, по установленному порядку привлекавшимся из народа в состав суда. Законодательную власть народ должен был осуществлять через своих представителей. И лишь исполнительную власть Монтескье предполагал оставить в руках монарха. Разрабатывая свой конституционный проект, Монтескье исходил не из абстрактной природы человека, а из совокупности объективных предпосылок, определяющих «дух законов» того или иного народа. К ним он причислял климат, характер почвы, размеры государства, ландшафт, образ жизни народа, религию, численность населения, хозяйственную деятельность и т. д. Он считал, что холодный климат порождает крепких и мужественных людей, жаркий же — расслабленных и малодушных; что в странах с плодородной почвой легче устанавливается дух зависимости, тогда как бесплодие делает людей воздержанными, мужественными и воинственными; что небольшие размеры государства способствуют республиканскому правлению, средние — монархическому, большие — деспотическому.

Почти все французские просветители подвергались того или иного рода преследованиям. Дидро был заключен в Венсенский замок, Вольтер — в Бастилию, Гельвеций был вынужден подписать отречение от своей книги «Об уме». Борьба с правительством придала яркое своеобразие французскому Просвещению, способствовала радикализации его программы.

Лишенные возможности испытать себя практическими делами, французские просветители легко впадали в идеализа-

цию минувших эпох, особенно республиканского строя античности. Например, *Жан Жак Руссо* противопоставлял прямую демократию Римской республики или древнегреческих городов-государств представительному правлению нового времени, включая английский парламентаризм. «Всякий закон, — писал он в трактате «Об общественном договоре», — если народ не утвердил его непосредственно сам, недействителен... Английский народ считает себя свободным: он жестоко ошибается. Он свободен только во время выборов членов парламента: как только они избраны — он раб, он — ничто».

Особое недовольство просветителей вызвала церковная цензура, открыто преследовавшая свободомыслие. В этих условиях свойственный большинству из них философский деизм приобрел антиклерикальный оттенок. Например, свои письма к единомышленникам Вольтер часто заканчивал призывом: «Раздавите гадину!» Антицерковный характер носили и многие его сочинения, начиная с «Философских повестей» и кончая многотомным «Опытом о нравах и духе народов». Но вместе с тем Вольтер утверждал, что религия необходима как опора морали.

Начиная с середины XVIII в. антицерковную тональность французского Просвещения еще больше усилила деятельность *философов-материалистов* — Дидро, Гольбаха, Гельвеция и др. Многие из них выражали мнение о необходимости некой «естественной» религии для народа. Лишь Гольбах выступал за освобождение человечества от гнета всякой религии.

Особое место во французском Просвещении занимала школа *экономистов-физиократов*. Их общепризнанной главой был *Франсуа Кенэ*. Будучи личным врачом маркизы де Помпадур и одним из медиков короля Людовика XV, он четверть века прожил в Версальском дворце, где на его квартире собирались ученые, философы, писатели. В дискуссиях с Дидро, Д'Аламбером, Гельвецием, Тюрго и другими участниками этих собраний оформились экономические взгляды Кенэ. Основное внимание он уделял развитию сельскохозяйственного производства, считая, что «земля есть единственный источник богатств и что одно только земледелие умножает последние». Поэтому Кенэ требовал всемерного поощрения производительного класса, прежде всего богатых фермеров. Он предлагал переложить основную тяжесть налогового бремени с производителей и потребителей на земельных собственников и ввести свободу внутренней и внешней торговли.

Просвещенный абсолютизм. Во Франции просветительские идеи получили наибольшее распространение по сравнению с другими странами Европы. Более того, с этими идеями большинство европейцев познакомились именно по произведениям французских писателей. Тем не менее именно во Франции политика просвещенного абсолютизма дала наименьшие результаты.

Людовик XV не интересовался просветительской литературой. Долгое время его правления (1721—1774) было для реформ безвозвратно упущено. В результате Франция заметно отстала от других стран. Лишь незадолго до смерти король попытался ограничить влияние парламентов, тормозивших любые преобразования в государстве. Эти меры вызвали резкое противодействие со стороны администрации, знати и двора, которые боялись утратить свои привилегии.

В 1774 г. королем стал *Людовик XVI*. Он был образованным человеком и сочувствовал некоторым идеям Просвещения. Вступив на трон, он почти сразу же назначил генеральным контролером финансов одного из самых просвещенных людей Франции того времени — *Франсуа Тюрго*, экономиста-физиократа. Новый министр считал, что свободный рынок и конкуренция стимулируют экономическую деятельность. Поэтому он предложил ввести свободные цены на хлеб, которые государство сознательно поддерживало на низком уровне. Как только цены были отпущены, хлеб сразу вздорожал, начались волнения в крупных городах, в том числе в Париже. Толпы городской бедноты громили хлебные лавки и склады и требовали снижения цен. Возмущением бедняков воспользовались противники реформ Тюрго, среди которых было много высшей знати. По их требованию король отправил Тюрго в отставку. Одновременно были отменены и его реформы. Эта неудача фактически обрекла на поражение политику просвещенного абсолютизма во Франции.

Все же незадолго до своей отставки в 1776 г. Тюрго добился издания эдикта, упразднявшего цеховую организацию ремесла и торговли.

Кризис абсолютизма. Оппозиция реформам была частью того общего явления общественной жизни Франции последних предреволюционных десятилетий, которое историки называют *дворянской реакцией*. Защищая свои права и привилегии, часть дворянства и высшего духовенства

Франции фактически пытались затормозить процесс капиталистических перемен.

Дворянская реакция проявлялась прежде всего в стремлении привилегированных сословий закрыть доступ в свои ряды выходцам из третьего сословия. В середине XVIII в. парламенты стали выносить постановления, разрешающие покупку государственных должностей только дворянам в четвертом поколении. В армии простолюдином отказывали в получении офицерских чинов.

Составной частью дворянской реакции была и так называемая *сеньориальная реакция*. Она заключалась в стремлении поместного дворянства повысить доходность сеньориальной ренты, экономическое значение которой неуклонно снижалось в связи с развитием предпринимательского хозяйства, распространением фермерства и капиталистической аренды. Сеньориальные повинности во Франции во второй половине XVIII в. взимались преимущественно в денежной форме. Причем их размер регулировался обычаем и не мог быть произвольно повышен. Поэтому сеньориальная реакция выражалась в попытках дворян взыскать с крестьян-держателей земельных наделов дополнительные повинности.

Цели дворянской реакции противоречили доминирующим тенденциям развития Франции в XVIII в., а именно — возвышению буржуазии и освобождению крестьянского хозяйства от оков сеньориального строя. Дворянская реакция ущемляла интересы этих классов, поднимая их на борьбу против несправедливости.

Из-за плохого урожая 1788 г. выступления против дороговизны приобрели на редкость массовый и грозный характер. Продовольственные трудности усугублял общий хозяйственный застой, который совпал с либерализацией международной торговли в середине 80-х годов. В 1786 г. Франция заключила договор о свободе торговли с Великобританией. Предполагалось, что в долгосрочной перспективе он будет выгоден Франции. Но непосредственно от договора выиграли британские купцы и промышленники, наводнившие Францию своими более дешевыми товарами.

На фоне этих хозяйственных трудностей обострилась проблема дефицита государственного бюджета. К 1788 г. он вырос почти до 160 млн ливров (что составляло около трети всех доходов государства), причем на выплату долгов уходило свыше 40% всех государственных расходов. В просветительских кру-

гах Франции резкой критике подвергались высокие расходы на содержание двора, в том числе и на устройство королевских празднеств. К 1788 г. сумма средств, затраченных на эти цели, возросла до 42 млн ливров.

Правительство понимало необходимость повышения доходности государственного бюджета. В 1787 г. по предложению генерального контролера финансов Калонна Людовик XVI созвал «собрание нотаблей», т. е. высшей знати и сановников. От них правительство пыталось получить согласие на введение поземельного налога, подлежащего уплате всеми землевладельцами без различия сословий. Но собравшиеся даже не стали обсуждать это предложение.

Начало революции. По совету нового генерального контролера финансов *Жака Неккера* Людовик XVI решил созвать Генеральные штаты. По традиции каждое из сословий было представлено в Генеральных штатах 200 депутатами. Однако король распорядился вдвое увеличить число депутатов от третьего сословия, которое таким образом сравнялось с числом депутатов от обоих привилегированных сословий — духовенства и дворянства, вместе взятых. Поэтому в просветительских кругах созыв Генеральных штатов расценивали как меру, предвещающую глубокие перемены в обществе, и прежде всего уравнивание в правах всех сословий. Выборы проводились весной 1789 г. В них участвовали все без исключения дворяне и духовные лица, а также простолюдины, достигшие 25 лет и внесенные в списки налогоплательщиков. Женщины, за редким исключением, в выборах не участвовали.

5 мая 1789 г. в Версале открылись заседания Генеральных штатов. Однако старый регламент работы Генеральных штатов остался в силе: депутаты должны были заседать и голосовать отдельно по сословиям. Такой регламент превращал депутатов третьего сословия в меньшинство. Поэтому 12 июня они объявили свое заседание общим и призвали депутатов от других сословий присоединиться к ним. 17 июня депутаты третьего сословия провозгласили себя *Национальным собранием*, т. е. заявили о своем праве представлять население всей страны.

Это смелое решение нарушало существующий порядок и фактически означало *начало революции*. 19 июня депутаты от духовенства, среди которых было много приходских священников, большинством голосов приняли решение объединиться с третьим сословием. В ответ на эти действия Людовик XVI

распорядился закрыть зал заседаний Национального собрания. Но депутаты пренебрегли волей короля и 20 июня собрались в другом свободном помещении — зале для игры в мяч. Здесь они поклялись продолжать борьбу до тех пор, пока не примут конституцию государства.

23 июня Людовик XVI собрал всех депутатов Генеральных штатов на общее заседание. Он объявил им, что готов ввести равное для всех подданных налогообложение, реформировать судопроизводство и вообще сделать многое из того, чего добивалось третье сословие. Но он подчеркнул, что не намерен ни с кем делить власть и поэтому не собирается отменять старый регламент работы Генеральных штатов. В конечном счете он все же уступил давлению оппозиции и 27 июня приказал депутатам от дворянства присоединиться к их коллегам от двух других сословий. Революция, таким образом, торжествовала первую победу.

7 июля 1789 г. депутаты всех сословий объявили себя *Учредительным собранием*. Фактически они посягнули на одну из прерогатив короля — право определять устройство государства. Была образована комиссия для разработки конституции. Эти действия всполошили придворную знать, убеждавшую короля занять твердую позицию. К Парижу начали подтягивать войска. 11 июля Людовик XVI неожиданно отправил в отставку Неккера. Распространился слух, что правительство готовит «Варфоломеевскую ночь» для «патриотов», как стали именовать сторонников преобразований. 12 июля произошли первые столкновения между революционно настроенными толпами и стражами порядка. 13 июля в ратуше начала формироваться гражданская милиция. А утром следующего дня, 14 июля, вооруженная толпа двинулась по направлению к *крепости Бастилия*, где, как предполагалось, хранились запасы пороха и оружия.

Штурму Бастилии суждено было стать символом Французской революции. Это событие не только ознаменовало выход на политическую арену городских народных низов — *санкюлотов*¹, — но и наглядно свидетельствовало о крушении старого

¹ *san8-cilollez*, т. е. «бескюлотники». Короткие штаны *silollez* были в XVIII в. признаком аристократизма в мужской одежде высших слоев общества. Простолудины носили обычно длинные брюки. Понятие «санкюлоты» появилось в годы революции, когда им обозначали участников городских революционных движений, особенно в Париже.

порядка. Взятие Бастилии вызвало панику в окружении Людовика XVI. Часть его приближенных, включая младшего брата, *графа д'Артуа* (будущего короля *Карла X*), бежали за границу. В скором времени за ними в эмиграцию последовали тысячи роялистов, отвергавших революцию. Людовик XVI в знак примирения посетил столицу и принял из рук парижан трехцветную сине-бело-красную кокарду (красный и синий — цвета парижского герба, белый — королевского знамени Бурбонов). Она стала символом революционной власти и со временем превратилась в новый государственный флаг Франции.

Победа 14 июля воодушевила революционно настроенные слои населения в столице и провинции. В городах повсеместно формировались новые институты власти и местного самоуправления. В Париже еще накануне восстания 14 июля возник *муниципалитет*. Вскоре после взятия Бастилии был избран *мэр* столицы, а гражданская милиция была переименована в *национальную гвардию*. Ее командующим стал «герой Нового Света» *маркиз де Лафайет* (1757—1834). Одновременно сельские местности Франции охватил «великий страх» — панические настроения крестьян, вызванные слухами о том, что банды разбойников, нанятых аристократами, собираются уничтожить на корню урожай текущего года. Крестьяне нападали на поместья и замки дворян, предавая их огню.

Крестьянские восстания и «муниципальная революция» разделили страну на два лагеря. Привилегированные сословия составляли ядро контрреволюционных сил, а третье сословие — революционных. Однако социальный состав и тех и других был весьма разнородным. Размежевание между силами революции и контрреволюции прошло не по границам сословий или классов, но внутри них. Да и грань между лагерями постоянно менялась в зависимости от политической обстановки: по ходу революции те или иные группы и слои населения переходили то на одну, то на другую сторону баррикад.

Под влиянием крестьянского движения Учредительное собрание осуществило первую глубокую реформу. В период с 5 по 11 августа 1789 г. был обсужден и принят *декрет* (как именовались многие законы революционного времени) *об отмене сеньориального строя*. Он упразднил повинности, обусловленные личной зависимостью крестьянина, равно как и саму зависимость. Отменялись церковная десятина и такие дворянские привилегии, как права охоты и рыбной ловли, а также содержания голубей и кроличьих садков. Но что каса-

ется повинностей, вытекающих из первоначальной уступки земли крестьянам по феодальному договору, то депутаты сочли, что они представляют собой не что иное, как частную собственность землевладельцев. Такие повинности подлежали выкупу на условиях, которые Собрание обещало определить позднее.

26 августа 1789 г. Учредительное собрание утвердило *Декларацию прав человека и гражданина*. Она выражала намерение депутатов покончить с наследием старого порядка и заложить основы нового строя. Статья 3 явно опровергала «божественное право» короля на власть, равно как и полномочия таких корпоративных органов, как парламенты: «Источник суверенитета зиждется по существу в нации. Никакая корпорация, ни один индивид не могут располагать властью, которая не исходит явно из этого источника». Осуждение сословных различий и привилегий содержалось в статьях 1 и 6. Вместе с тем Декларация дала перечень «естественных и неотъемлемых прав человека», таких как свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению. Она провозгласила верховенство закона и основной принцип правового государства: «Все, что не воспрещено законом, то разрешено, и никто не может быть принужден к действию, не предписываемому законом». В Декларации подчеркивалась необходимость создания гарантий личной безопасности граждан. А свободное выражение мыслей и мнений рассматривалось как «одно из драгоценнейших прав человека».

Король отказался утвердить декрет 5—11 августа и Декларацию прав человека и гражданина. Поэтому с конца августа тревожные слухи снова поползли по Парижу: аристократы якобы оказывают на короля давление, чтобы заставить его силой разогнать Учредительное собрание. 5 октября 1789 г. толпа женщин из народа выступила в Версаль, чтобы привезти короля в Париж. Утром 6 октября она ворвалась в королевский дворец и получила от Людовика XVI обещание подписать декрет 5—11 августа, Декларацию прав человека и гражданина, а также согласие на немедленный переезд в Париж. Вслед за королем и двором из Версаля в Париж переехали правительство и Учредительное собрание.

Законотворчество Учредительного собрания. Осенью 1789 г. начался относительно мирный период развития революции, продолжавшийся около двух лет.

В течение этого времени были заложены основы нового общественного и государственного устройства Франции.

Учредительное собрание определило порядок выкупа сеньориальных повинностей. Депутаты сохранили различие между так называемыми «личными» и «реальными» сеньориальными правами. «Личными» считались почетные права сеньора — право сеньориального суда, менморт (так называемое право мертвой руки, т. е. первоочередного наследования), серваж (личная зависимость), лично-наследственная барщина, баналитеты¹, дорожные, рыночные и другие сборы, права охоты и рыбной ловли, монопольное право содержания голубятен и кроличьих садков. Эти права признавались незаконными и подлежали безвозмездной отмене. «Реальные права» — а это были ценз, шампары (натуральный оброк) и ренты, а также пошлина, взимаемая при переходе земли в другие руки, — подлежали выкупу. Сумма выкупа была установлена в размере, приблизительно в 20 раз превышающем годовой доход от денежных повинностей.

К весне 1790 г. в основном завершилось и реформирование налоговой системы. Были отменены все прежние налоги. Вместо них введены три прямых налога: на земельную собственность, движимое имущество и торгово-промышленную деятельность. Тогда же был принят закон, упразднявший корпорации и государственную регламентацию экономической деятельности. Отменялись привилегии монопольных торговых компаний, таких как Ост-Индская. Учредительное собрание отменило также внутренние пошлины и таможи. Была введена свобода хлебной торговли, за исключением продаж на экспорт.

В июне 1790 г. Учредительное собрание отменило институт наследственного дворянства и все связанные с ним титулы.

В течение двух лет депутаты работали над конституцией Франции. Основные ее положения были выдержаны в духе политических идей Локка и Монтескье. Конституция закрепляла широкие права и свободы, провозглашенные Декларацией прав человека и гражданина 1789 г. Она сохраняла монархический образ правления и вводила принцип разделения властей. Как глава исполнительной власти король обладал широ-

¹ *Баналитет* — право, позволявшее сеньору обязывать крестьян пользоваться только его мельницей, печью для выпечки хлеба или прессом для давления винограда и пр.

ними полномочиями: он назначал министров, возглавлял администрацию, командовал армией и флотом, назначал послов в зарубежные государства, а также заботился о «внутренней безопасности королевства». Но он был лишен права объявлять войну и заключать мир. Представительная и законодательная власти принадлежали *Законодательному собранию*. В его компетенцию входили законодательная инициатива и принятие законов, определение государственных расходов, введение налогов, учреждение государственных должностей, объявление войны и ратификация международных договоров. Кроме короля и Законодательного собрания, создавалась независимая от них *судебная власть*. Избирательные права получали только «активные граждане» мужчины, достигшие 25 лет, не находящиеся в услужении и уплачивающие прямой налог в размере 3-дневной заработной платы. Конституция закрепляла новое административное устройство страны, введенное в начале 1790 г. Вся территория была разделена на 83 небольших, приблизительно равных по размерам департамента. Местным территориальным общностям от департамента до коммуны были предоставлены широкие права самоуправления.

Большинство законов, принятых Учредительным собранием, встречали сочувственное отношение населения. Заметное противодействие вызвала лишь серия антиклерикальных мер, таких как декрет 2 ноября 1789 г., передававший все церковные имущества в распоряжение государства, и в особенности закон 12 июля 1790 г. о *гражданском устройстве духовенства*. Согласно этому закону, из ведения церкви изымались регистрация рождений, смертей и браков; законным признавался только гражданский брак; вводилась выборность епископов и приходских священников; утверждение епископов папой отменялось; наконец, протестанты уравнивались в правах с католиками. Превращенные таким образом в государственных служащих, священники должны были под угрозой отречения от должности принести специальную присягу. Эти меры вызвали резкий протест духовенства, большая часть которого отказалась принести присягу. Возмущение выражали и простые верующие.

К неблагоприятным последствиям привели и финансовые мероприятия Учредительного собрания. Чтобы сбалансировать бюджет, депутаты приняли решение о выпуске *ассигнатов* (ценных процентных бумаг), которые стали обращаться на рынке как обычные бумажные деньги. Не имевшие доста-

точного обеспечения, ассигнаты начали обесцениваться. Как следствие — возросли цены. Это ухудшило благосостояние тех, кто жил на заработную плату, — наемных работников города и деревни. Летом 1790 г. во Франции повсеместно развернулась их борьба за повышение заработной платы. Это встревожило депутатов Учредительного собрания. В июне 1791 г. они приняли закон *Ле Шапелье*, по имени автора законопроекта, против «коалиций» (стачек). Последовательно защищая свободу труда, депутаты этим же законом запретили соглашения и между работодателями.

Вареннский кризис 1791 г. и перегруппировка политических сил. В первые годы революции сложились две противоположные по целям группировки: *роялисты* — сторонники абсолютизма и *конституционалисты* (или конституционные монархисты), выступавшие за ограничение королевской власти. Самым ярким вождем конституционалистов был *Мирабо* (1749—1791). Он умер в начале революции на вершине славы. Его прах был помещен в Пантеон — усыпальницу выдающихся людей Франции, созданную во время революции. Видными руководителями конституционно-монархической партии являлись также братья *Ламеты*, *Дюпор*, *Варнав*, *Лафайет*.

Революция способствовала появлению во Франции новых форм политической самоорганизации граждан, получивших название *клубов*. Первым возник клуб депутатов третьего сословия от Бретани. В октябре 1789 г. он разместился в трапезной доминиканского монастыря якобитов, за что его стали называть *Якобинским клубом*. Его членами были почти все видные деятели конституционно-монархической партии. *Клуб кордельеров* возник в апреле 1790 г. (он помещался в монастыре кордельеров — так во Франции называли членов монашеского ордена францисканцев). Членами его были *Жорж Дантон*, *Марат*, *Камил Демулен* и другие политики, журналисты, активисты народных движений. Оба клуба выступали за ограничение власти короля, но не ставили под сомнение монархический образ правления.

Серьезно ослабили позиции конституционных монархистов действия самого Людовика XVI. Он попытался тайком бежать из Парижа, перечеркнув тем самым результаты законотворческой деятельности этой группировки. В ночь на 20 июня 1791 г. члены королевской семьи выехали в сторону австрий-

ской границы в Нидерландах. Но на одной из почтовых станций Людовик XVI был опознан и 21 июня в местечке Варени задержан.

Именно в связи с попыткой бегства короля во Франции впервые громко прозвучали требования упразднить монархию. Клуб кордельеров подготовил республиканскую петицию и 17 июля начал собирать под ней подписи на Марсовом поле. Власти объявили демонстрацию незаконной. Национальная гвардия, которой командовал Лафайет, применила оружие для разгона 50-тысячной толпы. Несколько человек были убиты. Республиканские настроения проявились и в Якобинском клубе. В июле 1791 г. он раскололся. Из него вышли умеренные — *Лафайет, Варнав, Дюпор, братья Ламеты*, они образовали *Клуб фейянов* (по названию монастыря, в котором он помещался). Чтобы спасти конституционную монархию, вожди этой группировки объявили, что Людовик XVI был «похищен». Большинство депутатов Учредительного собрания их поддержали.

3 сентября 1791 г. Учредительное собрание приняло окончательный текст конституции и представило ее на утверждение Людовику XVI. 13 сентября король ее утвердил, а на следующий день принял на ней присягу. В конце месяца Учредительное собрание объявило о самороспуске. В манифесте по этому случаю Людовик XVI провозгласил: «Революция закончилась!»

Законодательное собрание и вопросы внешней политики. В Законодательное собрание было избрано 745 депутатов, среди которых преобладали представители свободных профессий, в особенности адвокаты (400 человек). В нем практически не осталось роялистов. Группировка конституционных монархистов насчитывала 250 депутатов, которые в основном были членами Клуба фейянов. 150 депутатов объявили себя сторонниками республики. Они делились на две группировки — *жирондистов* и *монтаньяров*. Жирондистов возглавляли *Бриссо, Кондорсе, Верньо*. Эту группировку называли так потому, что ряд ее видных деятелей, в том числе Верньо, представляли в Законодательном собрании департамент Жиронду. Монтаньяры¹ (от франц. *montagne* — гора) не имели в Законодательном собрании ярких руководителей.

¹ Согласно одной из версий, это название произошло оттого, что группа радикально настроенных республиканцев расположилась на верхних скамьях амфитеатра Законодательного собрания.

И жирондисты, и монтаньяры в большинстве своем были членами Якобинского клуба. Остальные три с половиной сотни депутатов объявили себя независимыми.

Во второй половине 1791 г. Франция впервые столкнулась с серьезными внешнеполитическими осложнениями, связанными с активизацией роялистской эмиграции и попытками иностранных государств вмешаться во внутренние дела страны. Эмиграцию возглавил средний брат короля *граф Прованский* (будущий король Людовик XVIII), бежавший из Парижа одновременно с Людовиком XVI и успешно добравшийся до австрийских владений. Он назначил эмигрантское правительство во главе с Калонном и сформировал 15-тысячную армию под командованием принца Конде.

Законодательное собрание приняло декреты, в которых угрожало отнять у эмигрантов все должности, пенсии и доходы с имений, если они не вернутся домой в двухмесячный срок. Суровые кары ожидали и священников, не присягнувших гражданскому устройству духовенства, — вплоть до суда и тюремного заключения. Однако Людовик XVI, воспользовавшись правом вето, предоставленным ему Конституцией, приостановил действие этих декретов.

Европейских монархов встревожил арест короля в июне 1791 г. Кроме того, давнее соперничество побуждало иностранные державы воспользоваться ослаблением Франции в своих интересах. Все это продиктовало им политику вмешательства в ее внутренние дела. 27 августа 1791 г. в саксонском замке Пильниц император *Леопольд II* и прусский король *Фридрих Вильгельм II* подписали декларацию в защиту «монархического образа правления» во Франции. Они заявили о готовности подкрепить свои слова военной силой.

Роялисты не скрывали удовлетворения. Двор Людовика XVI делал все возможное, чтобы приблизить начало вооруженного конфликта между Францией и странами, подписавшими Пильницкую декларацию. Им невольно подыграли жирондисты, считавшие войну с абсолютистскими государствами Европы неизбежной. Жирондисты рассчитывали, что эта война сметет французскую монархию. В марте 1792 г. Людовик XVI назначил министрами жирондистов или близких к ним политических деятелей — Дюмуре, Лакоста, Ролана, Клавьера и др. А месяц спустя, 20 апреля, с их согласия он предложил Законодательному собранию объявить войну монархии Габсбургов. Подавляющим большинством голосов депутаты поддержа-

ли это предложение. «Французская нация, — говорилось в декрете Законодательного собрания, — верная освященным ее Конституцией принципам не предпринимать завоевательных войн и не посягать на свободу других народов, берется за оружие лишь для защиты своей свободы и независимости». Война была объявлена также Пруссии.

Война и политический кризис 1792 г. Французские войска вступили на территорию Южных Нидерландов, однако не сумели развить наступление. В начале июля на Рейне появилась сильная прусская армия под командованием герцога Брауншвейгского. Над Францией нависла угроза иностранного вторжения. Одновременно активизировались роялисты и в самой Франции. В мае 1792 г. Законодательное собрание приняло декреты против неприсягнувших священников, о роспуске королевской гвардии и т. д. Людовик XVI отказался подтвердить новые декреты Законодательного собрания, а в середине июня отправил правительство жирондистов в отставку. 20 июня манифестация в память о клятве депутатов Генеральных штатов в зале для игры в мяч чуть было не переросла в антимонархическое восстание.

Летом 1792 г. Париж превратился в военную крепость, куда отовсюду стекались отряды добровольцев-«федератов» из провинции, направлявшиеся на фронт. 11 июля 1792 г. Законодательное собрание объявило: «Отечество в опасности!» и призвало на военную службу всех граждан, способных носить оружие. «Федераты» были убеждены, что стране угрожают не только интервенты, но и роялистские заговорщики внутри Франции. Подтверждение тому они нашли в манифесте герцога Брауншвейгского, который от имени австрийского и прусского монархов грозил парижанам суровыми карами — «военной расправой и полным разрушением» столицы, — если они допустят по отношению к Людовику XVI «хоть малейшее оскорбление, хоть малейшее насилие».

Вечером 9 августа по призыву повстанческой Коммуны, захватившей власть в столице, Тюильрийский дворец был со всех сторон окружен федератами и отрядами повстанцев, а на следующий день взят штурмом. Людовик XVI вместе с членами своей семьи успел укрыться в здании Законодательного собрания. 10 августа 1792 г. депутаты приняли декрет об «отстранении главы исполнительной власти от его функций».

В результате восстания 9—10 августа Законодательное собрание не только признало полномочия повстанческой Коммуны, но и поспешило выполнить ряд ее требований. Людовик XVI с семьей был арестован и заключен в башню Тампль (бывший замок ордена рыцарей-тамплиеров). Был учрежден трибунал для суда над контрреволюционными заговорщиками, который вынес первые в истории революции смертные приговоры по политическим обвинениям. Также впервые в качестве орудия казни была применена гильотина. Депутаты приняли решение провести выборы в новое учредительное собрание — *Национальный конвент*, причем на основе всеобщего избирательного права.

В конце августа 1792 г. Коммуна организовала аресты «подозрительных» лиц. 2—5 сентября революционные толпы осуществили массовые убийства заключенных парижских тюрем. Подобные расправы произошли и в других городах — Версале, Реймсе, Лионе, Кане. Жертвами так называемых «сентябрьских убийств» только в Париже стали до полутора тысяч человек.

Национальный конвент. 20 сентября 1792 г. начал работу Конвент. Он насчитывал свыше 750 депутатов, большинство из которых (свыше 500) были юристами или представителями других свободных профессий. Преобладали в Конвенте республиканские группировки. Самой крупной из них были жирондисты, насчитывавшие 165 депутатов. Немного уступали им в численности монтаньяры — 110 депутатов. Монтаньяров возглавляли *Робеспьер, Дантон, Марат, Кутон, Карно, Сен-Жюст*. По мере того как росло могущество этой группировки, на ее сторону переходили колеблющиеся депутаты, и число монтаньяров увеличилось до 150 человек. Ни к одной из группировок прямо не примыкало около 500 депутатов. Их презрительно называли «болотом».

Одним из первых актов Конвента, принятых 21 сентября 1792 г., было *упразднение монархии* и учреждение во Франции республики. В историю она вошла как *Первая республика* и существовала почти 12 лет — до того момента, пока в марте 1804 г. ее не упразднил Наполеон Бонапарт, объявленный императором. Декрет 5 октября 1792 г. ввел новое революционное летосчисление и календарь.

В Конвенте с самого начала велась борьба за первенство между господствующей группировкой жирондистов и монтаньярами. Жирондисты стремились сохранить облик респек-

табельной правящей партии, уважающей законность (в том числе и права собственности) и нормы парламентаризма. Осенью 1792 г. они покинули Якобинский клуб, что означало разрыв с монтаньярами. Костяк группировки монтаньяров составляли члены столичных политических клубов, прежде всего Якобинского, ставшего ее оплотом. После ухода жирондистов из этого клуба *якобинцами* стали называть группировку монтаньяров. Они установили тесные связи с Парижской коммуной, руководители которой *Шометт* и *Эбер* вступили в Якобинский клуб.

Конвент уделял большое внимание внешней политике. 20 сентября 1792 г. французы заставили пруссаков отступить близ местечка Вальми, а 6 ноября — разгромили австрийцев в сражении при Жемаппе. Французские армии снова вторглись в Южные Нидерланды и германские земли, овладев городами Брюссель, Майнц, Франкфурт-на-Майне. Встал вопрос об отношении Франции к подвластным странам. После бурных дебатов Конвент одобрил *теорию революционной войны*. 15 декабря по докладу Камбона он принял декрет, который обязал командование французской армии отменять на оккупированной территории сеньориальные права и привилегии, церковную десятину, отстранять старые власти и проводить выборы новой администрации. При этом народы оккупированных стран должны были снабжать французские войска одеждой, продовольствием и денежными средствами для оплаты военных расходов. Вслед затем Конвент приступил к аннексиям «освобожденных» стран, ссылаясь на стремление их народов к объединению с Францией. В конце 1792 — начале 1793 г. таким образом были присоединены Южные Нидерланды (будущая Бельгия), германские земли на левом берегу Рейна, а также Савойя и Ницца.

Острейшие противоречия между жирондистами и монтаньярами вспыхнули по вопросам внутренней политики. Яблоком раздора стала судьба Людовика Капета, как называли свергнутого короля. Наказать его за преступления против революции требовала Коммуна. Ее поддерживали монтаньяры. Жирондисты сопротивлялись этому требованию. Но большинство депутатов 3 декабря 1792 г. решили предать бывшего короля суду Конвента. Процесс по его делу растянулся более чем на месяц. Голосование состоялось 15 и 16 января 1793 г. Вина виновность короля была признана депутатами единогласно. Большинство голосов он был приговорен к смертной казни. 21 января 1793 г. Людовик XVI был обезглавлен на гильотине.

Приход к власти якобинцев. Весной 1793 г. возникла *Первая антифранцузская коалиция*, организатором которой стала Великобритания. Целями войны со стороны коалиции были как борьба с французской экспансией, так и стремление восстановить во Франции монархию Бурбонов. При этом воюющие державы не забывали и о своих давних счетах с этой страной.

В марте 1793 г. французы потерпели крупное военное поражение в Нидерландах. В апреле командующий Северной армией генерал Дюмуре перешел на сторону противника. Одновременно вспыхнуло роялистское восстание на северо-западе страны. Одним из его центров был департамент *Вандея*, другим — департамент *Мэн* к северу от реки Луары. Его участников называли *вандейцами* и *игуанами* (последних потому, что их боевым кличем был крик лесной совы¹).

Ухудшилось и экономическое положение Франции. Резко упал курс ассигнатов, подскочили цены на основные потребительские товары. Из-за дороговизны в крупных городах, особенно в Париже, вспыхнули народные волнения, участники которых грабили продовольственные лавки или заставляли торговцев отпускать товары по сниженным, доступным бедному населению ценам. Во главе этого движения стоял бывший священник *Жак Ру*, в дороговизне и нехватке продовольствия обвинявший скупщиков и спекулянтов. Он требовал их сурового наказания, вплоть до смертной казни, отмены свободы хлебной торговли и таксации, т. е. введения твердых цен на продукты питания. За крайность лозунгов и действий современники прозвали Жака Ру и его сторонников «бешеными».

Весной 1793 г. Конвент принял ряд декретов в целях усиления борьбы с контрреволюцией, в том числе следующие: о создании революционного трибунала; о наказании смертной казнью, без суда и следствия, всех «мятежников», захваченных с оружием в руках; об ограничении свободы печати. Последний декрет вводил смертную казнь за «написание или издание трудов и статей, призывающих к роспуску Собрания представителей нации и восстановлению королевской власти». Ряд мер был направлен на повышение боеспособности армии. В каждую из армий республики направлялось по три депутата для контроля над действиями командования. Эти «депутаты в миссии», или комиссары, получили право смещать и брать под

¹ *Лесная сова по-французски — сИа!-Ъиап1.*

арест генералов. 6 апреля 1793 г. был образован *Комитет общественного спасения* из девяти членов, решения которого по неотложным делам внутренней и внешней политики были обязательны для исполнения министрами правительства. 4 мая 1793 г. Конвент принял декрет о максимуме цен на зерно, который устанавливал предел роста цен на зерно и муку и одновременно вводил учет всех запасов зерна в стране.

Однако суровые меры не дали ожидаемых результатов. Ответственность за это санкюлоты возлагали на жирондистов. 31 мая 1793 г. вооруженная толпа санкюлотов ворвалась в зал заседания Конвента и потребовала ареста жирондистов и исполнения закона о максимуме цен. После некоторых колебаний 2 июня депутаты приняли декрет об аресте 22 депутатов-жирондистов.

В результате восстания 31 мая — 2 июня 1793 г. господствующей группировкой в Конвенте стали *якобинцы*. Между тем военное положение республики казалось безнадежным. В апреле 1793 г. австрийцы вторглись во Францию из Нидерландов. Одновременно пруссакам сдался гарнизон Майнца. На юге войска Сардинского королевства заняли Савойю и Ниццу. Испанцы перешли Пиренейские горы и начали наступление на Байонну и Перпиньян. Англичане в июне объявили блокаду всех французских портов, перехватывая даже суда нейтральных стран. В августе им сдался Тулон — крупнейшая крепость и база французского флота на Средиземном море. В Вандее отряды повстанцев объединились и образовали армию численностью до 40 тыс. человек. Грозную опасность для республики представлял так называемый *федералистский мятеж*, поднятый жирондистами в провинции. Летом 1793 г. он охватил 60 из 83 департаментов Франции. В Нормандии мятежники сформировали армию под командованием генерала Вимпфена, которая развернула наступление на Париж. Якобинцы не чувствовали себя в безопасности даже в Париже. 13 июля 1793 г. роялистка Шарлотта Кордэ заколола кинжалом Марата.

Революционный режим. Чтобы удержать власть, якобинцы должны были действовать быстро и энергично. Первым делом они постарались завоевать доверие широких народных слоев. В июне—июле 1793 г. якобинцы приняли серию декретов, отменявших сеньориальные повинности без всякого выкупа и разрешавшие продажу земель, конфискованных у эмигрантов, небольшими участками в рассрочку на 10 лет. 24 июня они добились одобрения новой конституции.

Конституция 1793 г. была проникнута политическими идеями Руссо, пик популярности которых пришелся как раз на годы революции. Вместо монархии она учреждала республику, представительное правление дополняла элементами прямой демократии, в нарушение принципа разделения властей устанавливала их единство. Якобинская конституция вводила во Франции всеобщее избирательное право, которым пользовались все мужчины, достигшие 21 года и проживающие не меньше шести месяцев в своем избирательном округе. Она предоставляла самые широкие полномочия Законодательному корпусу, избираемому сроком на один год, — от принятия законов, заведования бюджетом и введения налогов до издания декретов «по отдельным предметам управления, по отдельным коммунам, по отдельным родам общественных работ», контроля над должностными лицами и судебного преследования лиц, покушающихся на безопасность республики. Законодательный корпус выбирал Исполнительный совет из 25 членов, на который возлагалось руководство общим управлением в республике. Законы, одобренные Законодательным корпусом, выносились на всенародный референдум, если против них возражала часть первичных собраний избирателей.

Но главный упор якобинцы сделали на создание и укрепление чрезвычайных (т. е. неконституционных) институтов власти и соответствующие методы правления. В июле—августе был обновлен состав Комитета общественного спасения. В результате его членами стали такие энергичные деятели якобинцев, как Максимилиан Робеспьер, Кутон, Сен-Жюст, Карно. Наряду с Комитетом общественного спасения возросло значение созданного ранее Комитета общей безопасности, который сосредоточил в своих руках функции политической полиции.

Эти меры были закреплены *декретом Конвента* 10 октября 1793 г. о *революционном порядке правления*. Он откладывал действие конституции до заключения мира и наделял Комитет общественного спасения широчайшими полномочиями. Во Франции фактически была установлена *диктатура*. Она привела к резкому усилению административной централизации. В декабре 1793 г. были упразднены генеральные советы (представительные собрания) департаментов, а на места были назначены «национальные агенты», обязанные контролировать выполнение декретов Конвента и решений Комитетов. Большое число депутатов Конвента постоянно находилось в «миссиях», вмешиваясь в дела местной администрации и под-

меняя ее решения своими. 23 августа Конвент принял декрет о массовом призыве в армию, который вводил всеобщую воинскую повинность. Якобинцы установили централизованное управление предприятиями, работавшими на оборону. В Париже и ряде других мест были устроены национальные (государственные) мануфактуры по производству оружия, снаряжения, пороха. Частные предприятия в централизованном порядке снабжались сырьем и рабочей силой. Уступая требованиям санкюлотов, якобинцы 29 сентября 1793 г. провели через Конвент *декрет о всеобщем максимуме*. Он установил, с одной стороны, предельные цены на широкий круг товаров — от мяса, рыбы, масла и вина до тканей, кож, табака, промышленного сырья и топлива, а с другой — ограничение на рост заработной платы.

Одним из инструментов якобинской диктатуры был *террор*, т. е. система репрессивных мер против настоящих и мнимых врагов революции. 17 сентября 1793 г. Конвент принял *закон о подозрительных*, который нарушал все провозглашенные ранее права и свободы человека. Он предписывал арест и содержание в тюрьме людей только лишь по подозрению в преступных замыслах. Подозрительными объявлялись «сторонники тирании, федерализма и враги свободы», уволенные от должности чиновники, не проявляющие «постоянно своей преданности революции» дворяне и многие другие, не совершавшие никаких преступлений люди.

Осенью 1793 г. Революционный трибунал превратился в орудие уничтожения тех, кого якобинцы считали своими противниками. Его первыми жертвами были бывшая королева Мария-Антуанетта, а также депутаты-жирондисты, арестованные после восстания 31 мая — 2 июня. Однако перед Революционным трибуналом предстали и вожаки народного движения. Еще в начале сентября 1793 г. был арестован и предан суду Революционного трибунала Жак Ру. В ночь с 13 на 14 марта 1794 г. был арестован и спустя несколько дней казнен Эбер. В апреле к смертной казни были приговорены видные деятели Клуба кордельеров Дантон и Демулен.

20 июня 1794 г. Конвент принял декрет о реорганизации Революционного трибунала. Понятие «враги народа» истолковывалось в декрете весьма широко. Таковыми объявлялись не только монархисты и изменники, но и те, «кто клеветает на патриотов», «обманывает народ», «распространяет ложные известия», «портит нравы», «охлаждает энергию и замутняет

чистоту революционных и республиканских принципов». Единственной мерой наказания для «врагов народа» объявлялась смертная казнь. Декрет освобождал судей от необходимости соблюдать законы: «единственным руководством для вынесения приговора должна быть совесть присяжных».

Общее число жертв террора в 1793—1794 гг. достигало, как полагают историки, 35—40 тыс. человек. В период с марта 1793 по июль 1794 г. во Франции подверглось аресту в общей сложности около полумиллиона человек.

В конце 1793 г. Францию захлестнула волна дехристианизации, сопровождавшаяся закрытием и разграблением храмов, глумлением над предметами культа и священниками. Борьба с католицизмом сопровождалась насаждением нового гражданского культа, связанного с празднованием годовщин революционных событий (например, дня Федерации 14 июля) и почитанием мучеников революции, к лику которых был причислен среди прочих и Марат. Его прах был помещен в Пантеон. Туда же были перенесены останки Вольтера и Руссо. Попытка создания светской религии воплотилась в культе Разума, которому был посвящен собор Парижской Богоматери. Празднование нового культа состоялось 10 ноября 1793 г. Однако сам Робеспьер, бесспорный вождь якобинцев, культу Разума противопоставил культ Верховного существа, связанный с прославлением гражданских добродетелей. По докладу Робеспьера 7 мая 1794 г. Конвент принял декрет, которым вводилась новая государственная религия, призванная заменить католицизм и укрепить единство республики. 8 мая состоялось помпезное празднование, посвященное новому культу. Распорядителем праздника был художник *Луи Давид*.

Переворот 9 термидора. Массовый призыв новобранцев позволил якобинцам создать к началу 1794 г. более чем миллионную армию. Одновременно почти полностью обновился ее командный состав. На место офицеров и генералов старой, еще королевской службы, пришло новое поколение командиров — генералы Гош, Марсо, Журдан, Пишегрю, Бонапарт, которые сумели переломить ход войны в пользу Франции. Уже во второй половине 1793 г. были подавлены основные очаги федералистского мятежа; к концу декабря разгромлены и основные силы вандейцев; на Рейне и в Савойе иностранные войска отброшены от французских границ. 20 июня 1794 г. при селении Флерюс в Южных Нидерландах

французы наголову разгромили австрийцев, а затем овладели Брюсселем, Антверпеном и Льежем. Развивая наступление, они заняли весь левый берег Рейна, включая города Кёльн, Бонн и Кобленц. На юге французские войска вторглись в Испанию.

По мере того как улучшалось военное положение республики, все громче звучали голоса тех политиков, кто считал, что террор себя исчерпал и пора вернуться к законности и порядку. Учреждение культа Верховного существа, жрецом которого фактически стал Робеспьер, а вслед за тем усиление террора, не знавшего границ, окончательно раскололи правящую группировку. Часть якобинцев выступили против Робеспьера. Они добились того, что 9 термидора II года Республики (27 июля 1794 г.) депутаты Конвента объявили Робеспьера «тираном» и «новым Кромвелем», а также проголосовали за его арест. На следующий день Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон предстали перед Революционным трибуналом, который приговорил их к смертной казни.

Политическая реакция нашла выражение в постепенном разрушении той системы властных учреждений, которую выстроили якобинцы в период диктатуры. Была сужена компетенция некогда всесильных комитетов общественного спасения и общей безопасности, восстановлены законные формы судопроизводства, распущена Коммуна. В Конвент вернулись изгнанные из него жирондисты и монархисты. Прах Марата был вынесен из Пантеона. В области религиозной политики термидорианский Конвент отверг эксперименты якобинцев с куклами Разума и Верховного существа и сделал шаг к примирению с католицизмом. Постепенно термидорианцы ослабили и государственный контроль над экономикой. Прекратились преследования «спекулянтов». В частные руки перешли несколько национальных мануфактур. 24 декабря 1794 г. были полностью отменены законы о максимуме.

Свобода торговли в условиях глубокого экономического кризиса привела к резкому падению курса ассигнатов. Крестьяне отказывались продавать продукты за бумажные деньги. Приостановился подвоз продовольствия в большие города. Стоимость жизни в Париже по сравнению с 1790 г. выросла в 10 раз. Обнищание городского населения привело к тому, что в апреле и мае 1795 г. (соответственно — в жерминале и прериае по революционному календарю) в Париже вспыхнули восстания под лозунгами «Хлеба и конституции 1793 года!».

Они были подавлены регулярными войсками и национальной гвардией.

Это воодушевило роялистов. В сентябре 1795 г. (соответственно — в вандемьере по революционному календарю) они подняли мятеж в Париже с целью свергнуть республику. На выручку правительству пришли молодые революционные генералы, после 9 термидора впавшие в немилость, в том числе *Бонапарт*. Прямо на улицах столицы Бонапарт расстрелял мятежников картечью из пушек.

Директория. После переворота 9 термидора Конвент разработал новую конституцию. Она учреждала во Франции республиканский строй. Но в основу ее были положены либеральные принципы, на которых базировалась монархическая конституция 1791 г.

Конституция 1795 г. (или III года республики) восстановила цензовое (ограниченное) избирательное право и двухступенчатую систему выборов. В основу конституции был положен принцип разделения властей. Высшая законодательная власть принадлежала двум палатам — *Совету пятисот* и *Совету старейшин*. Законотворческие функции между ними были разделены: Совет пятисот выступал с законодательной инициативой и обсуждал законопроекты, но окончательно утверждал их лишь Совет старейшин. Обе палаты ежегодно обновлялись на одну треть. Исполнительная власть вручалась *Директории* из пяти членов, которую назначал Совет старейшин по представлению Совета пятисот. Сложная система «сдержек и противовесов» должна была предотвратить, по мысли законодателей, узурпацию власти каким-либо институтом власти или политической группировкой. Формирование новых органов власти завершилось в ноябре 1795 г., когда к исполнению с воих обязанностей приступила Директория, именем которой называют республику 1795—1799 гг.

В заслугу Директории следует поставить то, что она была одним из первых революционных правительств, сумевшим обуздать инфляцию и обеспечить экономический рост. Подъем экономики во многом объясняется успех завоевательных войн, которые Директория вела в течение всего времени своего существования.

Еще в апреле 1795 г. Франция подписала мирный договор с Пруссией, в июле — с Испанией. В мае 1795 г. был заключен союзный договор с «дочерней» Батавской республикой, обра-

зованной французами вместо независимой Республики Соединенных Провинций. В октябре 1795 г. были аннексированы Южные Нидерланды. А на следующий год Франция нанесла сокрушительный удар по остаткам антифранцузской коалиции на континенте — Австрии и Пьемонту. Особенно отличилась в этой войне армия, которой командовал генерал Бонапарт. Он занял всю Северную Италию вплоть до Венеции на востоке и папских владений на юге. На оккупированной территории были образованы Цизальпинская и Лигурийская «дочерние» республики. В октябре 1797 г. Австрия была вынуждена подписать с Францией *Кампоформийский мирный договор*. В апреле 1798 г. французы захватили Швейцарию, вместо которой создали «дочернюю» Гельветическую республику.

Далеко не столь успешно Директория решала свои внутриполитические задачи. Ей противостояли как роялисты, так и якобинцы, не смилившиеся с поражением 9 термидора. В борьбе с ними Директория часто прибегала к противозаконным методам. Однако в апреле 1799 г. они дали осечку, и оппозиция добилась на выборах крупного успеха. В июне (прериале) 1799 г. палаты уволили сразу трех членов Директории.

К этому времени ухудшилось и военное положение Франции. Чтобы поставить на колени самого могущественного противника — Великобританию, Директория снарядила военную экспедицию в Египет, командовать которой было поручено генералу Бонапарту. Разбив армию мамелюков в битве у пирамид 21 июля 1798 г., он двинулся на завоевание Сирии. Однако 1 и 2 августа 1798 г. британский флот под командованием адмирала Нельсона уничтожил французские корабли в бухте Абукир. Таким образом, армия Бонапарта оказалась в западне. Одновременно в Европе сложилась *вторая антифранцузская коалиция*.

Внутри- и внешнеполитические неудачи привели к падению авторитета Директории. Распоряжения правительства не выполнялись. Солдаты дезертировали из армии. В Вандее снова разгорелось восстание. Острейший политический кризис на родине побудил Бонапарта покинуть Египет и вернуться во Францию, где его встретили как «спасителя отечества». Он примкнул к заговору, руководителем которого был член Директории, в прошлом видный деятель конституционно-монархической партии *Сийес*. Целью заговора было создание силь-

ного правительства, способного преградить путь к власти как роялистам, так и якобинцам.

Государственный переворот был осуществлен 9—10 ноября 1799 г. (18—19 брюмера VIII года республики). Законодательные палаты заявили о самороспуске (фактически они были разогнаны Бонапартом), предварительно передав всю полноту власти в стране трем консулам, в том числе Бонапарту. Вместо палат были образованы две законодательные комиссии, которым надлежало разработать новую конституцию.

Значение революции конца XVIII в. Французская революция покончила с сеньориальным строем, сословными и корпоративными привилегиями. Новое административное деление страны пришло на смену историческим провинциям — наследию средневековой раздробленности. Глубокий след революция оставила в сознании народа. Новые политические и гражданские ценности потеснили старые религиозные и монархические, укоренилось представление о том, что народ является источником власти и что он вправе призвать к ответу свое правительство.

Революция не только не прервала, но в чем-то даже усилила преемственность между Францией «старого» и «нового порядка». Это выразилось прежде всего в том, что революционные правительства в кратчайшие сроки осуществили заветную мечту французских монархов XVI—XVII вв. — *административную централизацию государства*. Причем наибольшей степени эта централизация достигла в период правления самых ярых противников монархии — якобинцев, которые практически решили и центральную внешнеполитическую задачу королей из династии Бурбонов. Благодаря победам республиканских армий в 1794—1795 гг. Франция обрела «естественную границу» на востоке — по реке Рейн — и сделала решающий шаг к господству в Европе.

Консульство. Под диктовку Бонапарта законодательные комиссии разработали проект новой конституции, который был обнародован 13 декабря (22 фримера VIII года республики). Формально в ее основу был положен принцип разделения властей. Но фактически законодательная власть была поставлена в зависимость от исполнительной, которая вручалась трем консулам, назначаемым на 10 лет одной из законодательных палат — сенатом. При этом в руках первого консула были сосредоточены наиболее широкие полномочия:

назначение министров и других должностных лиц (гражданских и военных), командование армией, заключение международных договоров и пр. Первому консулу также принадлежало право законодательной инициативы. Законодательным палатам оставалось только готовить законопроекты (*Государственный совет*), их обсуждать (*Трибунал*) и голосовать без обсуждения (*Законодательный корпус*). Законы вводил в действие также первый консул. Конституция восстанавливала всеобщее избирательное право. Фактически основные институты власти формировались путем назначения. Консулы назначали членов сената, сенаторы назначали членов Трибунала и Законодательного собрания и т. д. Таким образом, все звенья государственного управления находились под контролем исполнительной власти и лично первого консула, которым стал *Наполеон Бонапарт*.

На новом посту Бонапарт развернул бурную политическую и законодательную деятельность. Он отменил выборность глав местной администрации и полностью подчинил ее своему контролю; присвоил себе право лично назначать *префектов* (глав администрации) департаментов и мэров городов с населением свыше 5 тыс. человек. На этих должностных лиц было полностью возложено местное управление. Отменил Бонапарт и выборность судей. Он сам назначал членов всех судебных инстанций, которые получали государственное жалованье. По существу, они превратились в чиновников, чья служебная карьера зависела от благорасположения первого консула. Административную централизацию дополняли меры по усилению полицейского контроля над всеми сторонами общественной жизни. Уже в январе 1800 г. под предлогом борьбы с происками врагов республики было закрыто большинство парижских газет.

Одновременно шла кропотливая работа по упорядочению законодательства с учетом новых принципов и норм права, которые утвердились во Франции со времени революции — гражданского равенства, защиты собственности, законности. В 1800 г. была образована комиссия по созданию свода гражданских законов, охватывающих широкую сферу экономических и семейных отношений. И уже в марте 1804 г. был опубликован *Гражданский кодекс*, впоследствии получивший название *Кодекса Наполеона*.

Гражданский кодекс 1804 г., или Кодекс Наполеона, закрепил в качестве основы законодательства знаменитые

принципы 1789 года» — свободу личности, равенство всех граждан перед законом, свободу совести и светский характер государства, свободу труда. Право собственности в нем определялось как естественное право, предшествовавшее образованию общества, как «право пользоваться и распоряжаться вещами самым неограниченным образом, лишь за исключением таких способов их использования, которые запрещены законами». Собственность легла в основу и семейных отношений: власть мужа над женой и отца над детьми опиралась на право главы семьи единолично распоряжаться всем семейным имуществом. Под предлогом защиты свободы труда был оставлен в силе закон Ле Шапелье 1791 г., запрещавший «коалиции» рабочих и работодателей. Одновременно с Гражданским кодексом велась работа по составлению других сводов законов, среди которых наиболее важными были *Коммерческий* (1807) и *Уголовный кодексы* (1810).

Энергично действовал Бонапарт и на фронтах войны со второй коалицией. Обеспечив нейтралитет Пруссии и России, в мае 1800 г. он вторгся через Альпийские горы в Северную Италию и 14 июня разбил австрийские войска в сражении при Маренго. Уже в феврале 1801 г. Австрия заключила с ним *Люневильский мир*, по которому признала восточную границу Франции по реке Рейн и созданные ею «дочерние» республики. Великобритания также была вынуждена вступить с ним в переговоры. Они завершились подписанием в Амьене договора о мире 25 марта 1802 г.

Под влиянием этих успехов у Бонапарта возникло желание придать своей власти личный и наследственный характер. В мае 1802 г. он объявил себя *пожизненным консулом*. Он стал также искать опору своей власти в традиционных учреждениях монархии. Еще в июне 1801 г. Бонапарт подписал с папой римским *конкордат* (договор), согласно которому католицизм признавался «религией огромного большинства французских граждан», а церковь отказывалась от претензий на утраченное в годы революции имущество. А в апреле 1802 г. он объявил амнистию эмигрантам, значительную часть которых составляли монархически настроенные дворяне. В мае 1802 г. Бонапарт учредил *Почетный легион*, члены которого, получавшие некоторые имущественные привилегии, должны были составить своего рода аристократию будущей монархии. Всего с 1802 по 1814 г. членами Почетного легиона были назначены 48 тыс. человек.

Империя Наполеона I. Внешне- и внутриполитические события предоставили Бонапарту повод осуществить свои честолюбивые замыслы. В 1803 г. возобновилась война с Великобританией, а в начале 1804 г. французская полиция раскрыла роялистский заговор, во главе которого якобы стоял некий французский «принц». Подозрение пало на *герцога Энгиенского*, мирно проживавшего в германском государстве Баден вблизи от французской границы. Он был похищен, предан суду военного трибунала и расстрелян во рву Венсенского замка близ Парижа, несмотря на то что отрицал свое участие в заговоре. Вслед за казнью герцога Энгиенского, как по команде, в адрес Бонапарта потекли обращения граждан, призывавших его установить наследственность высшей власти и основать новую династию в целях защиты «их существования, собственности и родины» от происков сторонников старого строя.

Как бы уступая давлению общественного мнения, 18 мая 1804 г. Бонапарт провозгласил себя *императором Наполеоном*. 2 декабря 1804 г. в соборе Парижской Богоматери состоялась пышная церемония коронации. Согласно конституции 18 мая 1804 г. (XII года), республика во Франции формально сохранялась. Лишь в 1808 г. Французское государство стало официально именоваться империей. Наполеон быстро восстановил наряду с титулом и другие атрибуты монархического правления. Императора окружал пышный двор, организованный по образцу двора Людовика XVI. Его резиденцией стали бывшие королевские дворцы и замки — Тюильри, Фонтенбло, Сен-Клу и др. Завершилось и формирование дворянства империи. Старые, дореволюционные дворянские титулы, упраздненные еще в 1790 г., так и не были восстановлены. Зато были созданы новые титулы, которыми император награждал своих подданных за верность, причем особенно щедро — за военную службу. Постепенно сложилась иерархия титулов дворян империи: князья, герцоги, графы, бароны. В 1808 г. к дворянству империи был окончательно приравнен Почетный легион. Но создание дворянства империи не привело к восстановлению сеньориальных отношений и повинностей крестьянства.

В 1805 г. Наполеон разгромил *третью антифранцузскую коалицию*, которую создала Великобритания с участием России, Австрии, Неаполитанского королевства и Швеции. Австрийцы без боя сдали Вену, а после поражения объединенных

руско-австрийских войск в битве *при Аустерлице* 2 декабря 1805 г. подписали с Наполеоном мир. Радость Наполеона омрачала лишь катастрофа, постигшая французов на море. 21 октября 1805 г. объединенный франко-испанский флот был почти полностью уничтожен британской эскадрой под командованием адмирала Нельсона в морском сражении у мыса Трафальгар близ берегов Испании.

В 1806 г. возникла *четвертая антифранцузская коалиция*, в которой место вышедшей из войны Австрии заняла Пруссия. Однако прусскую армию французы наголову разгромили в сражениях при Йене и Ауэрштедте. В конце октября 1806 г. Наполеон во главе «великой армии» вступил в Берлин. Здесь он принял важное решение, призванное уравнивать шансы на победу с Великобританией после поражения в Трафальгарском сражении. 21 ноября 1806 г. Наполеон подписал декрет о *континентальной блокаде*. Согласно этому декрету, на территории Франции и зависимых от нее стран запрещалась торговля с Великобританией. Наполеон надеялся, что континентальная блокада подорвет экономическое могущество Великобритании. Присоединение новых стран Европы к континентальной блокаде стало целью его внешней политики на ближайшие годы.

В Восточной Пруссии после ряда ожесточенных сражений Франция и Россия заключили перемирие. А 7 июля 1807 г. французский и российский императоры подписали в *Тильзите* союзный договор. В обмен на присоединение к континентальной блокаде Александр I заручился поддержкой Наполеона в войнах против Швеции и Османской империи. Здесь же, в Тильзите, был подписан франко-прусский договор, согласно которому Пруссия также присоединилась к континентальной блокаде. Кроме того, она теряла свои польские земли, захваченные в результате разделов Польши в 1793 и 1795 гг. На этих землях было образовано дружественное Франции *Великое герцогство Варшавское*.

В 1807 г. Наполеон в ультимативной форме потребовал от Португалии присоединения к континентальной блокаде. В эту страну вторглась французская армия. Началась многолетняя война, в ходе которой на помощь португальцам прибыли британские войска. В 1808 г. война охватила весь Пиренейский полуостров. Пытаясь окончательно подчинить себе Испанию, Наполеон посадил на испанский трон своего брата *Жозефа Бонапарта*. Но испанцы восстали и развернули против захватчи-

ков партизанскую борьбу — *гверрию*. Неудачами французов на Пиренейском полуострове решила воспользоваться Австрия. В 1809 г. она образовала вместе с Великобританией *пятую коалицию*. Однако в сражении при Ваграме Наполеон разбил австрийцев и вынудил их подписать в октябре 1806 г. мир. Австрия потеряла ряд территорий, в том числе и выход к Адриатическому морю, сокращала свою армию, выплачивала большую контрибуцию и присоединялась к континентальной блокаде.

Наполеон по своему усмотрению перекраивал политическую карту Европы, менял правительства, сажал на троны монархов. «Дочерние» республики были частично упразднены и присоединены к Франции. В результате этих аннексий возникла «Великая империя», численность населения которой к 1811 г. достигла 44 млн человек. По периметру ее границ Наполеон образовал сплошную полосу подвластных себе государств. В них большей частью был установлен монархический образ правления, а правила назначенные Наполеоном лица, как правило, его родственники — братья, сестры, племянники и пр. Королем Голландии стал Луи Бонапарт, Вестфалии — Жером Бонапарт, Неаполя — Жозеф Бонапарт (которого сменил видный военачальник *Мюрат*, зять Наполеона, женатый на его сестре Каролине), Испании — Жозеф, великой герцогиней Тосканы — Элиза, сестра Наполеона, вице-королем Италии — его пасынок Евгений Богарнэ (королем Италии стал сам Наполеон).

Ряд стран Наполеон оставил под управлением местных династий или должностных лиц, а себе присвоил полномочия протектора. Так было в Рейнском союзе, который был образован в 1806 г. в составе 16 (в 1811 — уже 36) германских государств, Великого герцогства Варшавского и восстановленной Швейцарской конфедерации. От зависимых стран Наполеон добивался в первую очередь поддержки его внешней политики, включая участие в завоевательных походах. Кроме того, как человек просветительской культуры он стремился реформировать подвластные страны «по французскому образцу». Например, Кодекс Наполеона действовал на всех аннексированных Францией территориях. В 1806 г. он был введен в Итальянском королевстве, в 1807 г. в Неаполе и Вестфальском королевстве. В 1810 г. Кодекс приняла Польша. Делались попытки применить его нормы и в Испании.

Наполеон фактически завершил реформу государственных финансов, начало которой положило прежнее правительство. С целью укрепления системы кредита в 1800 г. был образован *Французский банк*. Тогда же в обращение был введен серебряный франк, свободно обменивавшийся на бумажные деньги. В 1802 г. едва ли не впервые на памяти живущих поколений удалось сбалансировать расходную и доходную части государственного бюджета Франции. Возобновилась выплата процентов по государственной ренте (долговым обязательствам).

Оздоровление финансов способствовало росту инвестиций в промышленность, что, в свою очередь, послужило важной предпосылкой *промышленной революции*. Первой отраслью промышленности, пережившей техническую реконструкцию, было хлопкопрядение. Если в 80-е годы XVIII в. количество механических веретен исчислялось сотнями, а на рубеже веков — тысячами, то в последние годы империи их число приблизилось к миллиону. Одновременно возникло механическое бумаготкачество и ситцепечатание. Техническому перевороту в хлопчатобумажной промышленности способствовала политика *таможенного протекционизма*, которую проводило правительство империи. Крайним выражением этой политики явилась континентальная блокада, объявленная Наполеоном Великобритании в 1806 г.

Однако постепенно политика Наполеона вошла в противоречие с задачами промышленного развития страны. Сокращение торговли с Великобританией и колониями болезненно отразилось на тех отраслях промышленности, которые использовали привозное сырье, в том числе и на хлопчатобумажных фабриках, получавших хлопок и пряжу из-за границы. В 1805 и в 1810 гг. французская промышленность пережила экономические кризисы, которые заставили Наполеона узаконить контрабанду, выдавая купцам специальные «лицензии» на ввоз запрещенных товаров.

Тяжелейшим ударом для империи Наполеона явился разгром его «Великой армии», вторгшейся в Россию в 1812 г. Это послужило сигналом к созданию *шестой антифранцузской коалиции* в составе России, Великобритании, Пруссии, Швеции и Австрии. Союзные войска нанесли поражение наполеоновской армии в «*битве народов*» под *Лейпцигом* 16—19 октября 1813 г.

30 марта 1814 г. войска союзников подошли к стенам Парижа. На следующий день император *Александр I* и прусский король *Фридрих Вильгельм III* во главе своих армий вступили во французскую столицу. 1 апреля по предложению Талейрана сенат сформировал временное правительство Франции, а 3 апреля объявил о низложении Наполеона, виновного «в нарушении присяги и покушении на права народа, поскольку набирал в армию и взимал налоги в обход положений конституции». 6 апреля сенат предложил корону Людовику XVIII. В тот же день Наполеон подписал отречение.

11 апреля 1814 г. союзники заключили в Фонтенбло договор, отдававший в пожизненное владение Наполеону остров Эльба в Средиземном море. 20 апреля, попрощавшись с гвардией в дворике Фонтенбло, Наполеон отправился в изгнание.

ГЛАВА 5 Франция: трудный путь к демократии

Первая Реставрация и «сто дней» Наполеона. 24 апреля 1814 г. в Кале высадился граф Прованский, который в эмиграции (после гибели Людовика XVI и его малолетнего сына, именовавшегося Людовиком XVII) взял имя *Людовика XVIII*. В ходе переговоров с делегацией Сената был достигнут компромисс между Бурбонами и представителями новой Франции: король царствует в силу божественного права, но он дарует своим подданным Хартию, ограничивающую его власть.

Обнародованная конституционная Хартия, которая в целом была списана с французской Конституции 1791 г. и британских учреждений, объявляла личность монарха священной и неприкосновенной. Ему принадлежала вся полнота исполнительной власти. Министры зависели только от воли короля. Законодательная власть была разделена между королем и двухпалатным парламентом. Его верхняя палата — *палата пэров* — назначалась королем, а нижняя — *палата депутатов* — формировалась на основе цензового избирательного права. Хартия гарантировала равенство граждан в уплате налогов и перед законом, свободу отправления культов, мнений и печати, а также гарантировала права собственности, включая и на имущество, приобретенное во время революции. Католицизму был предоставлен статус «государственной религии».

Успехом нового режима было заключение с державами антифранцузской коалиции мирного договора на сравнительно выгодных условиях. Франция отказалась от всех аннексированных после 1792 г. территорий. К ней возвращались ее колонии, захваченные англичанами во время наполеоновских войн. Оккупационные войска покидали территорию страны. Франция получила возможность на равных участвовать с бывшими противниками в решении судеб Европы и мира на Венском конгрессе 1814—1815 гг.

Но многие меры правительства Реставрации вызвали возмущение: государственным флагом стал снова белый стяг Бурбонов, армия была демобилизована, офицерам и унтер-офицерам сокращались оклады, высшие должности в армии и гражданском управлении занимали эмигранты, в прошлом сражавшиеся против Франции.

Недовольством Бурбонами воспользовался Наполеон, который тайно покинул остров Эльбу и 1 марта 1815 г. высадился на южном побережье Франции с целью вернуть себе власть. По мере его продвижения к Парижу на его сторону переходили местные власти и высланные против него войска. 20 марта Наполеон с триумфом вступил в столицу, из которой в панике бежали Людовик XVIII, его министры и сановники.

Крушение Реставрации всколыхнуло патриотические и демократические чувства французов. Они снова были готовы защищать «родину и свободу», но при этом ожидали от Наполеона, что он будет вести себя не как деспот, а как революционный генерал. Однако обнародованный им 22 апреля дополнительный акт к конституциям империи вызвал в демократических кругах глубокое разочарование: он немногим отличался от Хартии Бурбонов.

Впрочем, Наполеону некогда было заниматься внутренней политикой. Правительства европейских держав, созвавшие конгресс в Вене, объявили его «врагом и возмутителем спокойствия всего мира» и образовали новую (седьмую по счету) антифранцузскую коалицию. Спешно собрав армию, Наполеон двинулся в Нидерланды, где близ местечка *Ватерлоо* 18 июня 1815 г. состоялось решающее сражение с силами коалиции. Потерпев поражение, он вторично вынужден был отречься от престола и сдался в плен англичанам, которые по согласованию с союзниками отправили его к месту новой ссылки (фактически заключения) на остров Св. Елены в Атлантическом океане (где он и умер в 1821 г.).

Вторая Реставрация. Авантюра Наполеона дорого обошлась Франции. 20 ноября 1815 г. она заключила новый мирный договор с союзниками, по которому ее границы вернулись к состоянию на 1790 г. В частности, Франция была вынуждена передать Сардинскому королевству Савойю. Она выплачивала также контрибуцию в размере 700 млн франков. Ее северные и восточные департаменты оставались под иностранной оккупацией на период от 3 до 5 лет.

С точки зрения внутренней политики издержки тоже были тяжелыми. По стране прокатилась волна «белого террора» — так называют преследование лиц, оказавших поддержку Наполеону во время «ста дней». Маршал Ней был арестован и приговорен судом к смертной казни. Четверть всех чиновников были уволены с государственной службы. Инициатива преследований исходила от палаты депутатов, избранной в августе 1815 г. В обстановке террора в нее прошли отъявленные роялисты, сторонники абсолютизма. Даже Людовик XVIII, не склонный драматизировать события, возмущался косностью их взглядов и крайностью действий. Не случайно ее прозвали «бесподобной палатой». В октябре 1815 г. палата приняла закон об общей безопасности, а в ноябре — «о мятежных возгласах и писаниях». На их основании в каждом департаменте создавались чрезвычайные суды, которые выносили приговоры без права апелляции, подлежащие исполнению в 24 часа. Всего в 1815—1816 гг. подверглось аресту около 70 тыс. человек. В январе 1815 г. так называемые «цареубийцы» (члены Конвента, голосовавшие в 1793 г. за казнь Людовика XVI) были высланы за границу.

Дворянская реакция облекалась в форму борьбы с революционным наследием, воплощенным в государственных учреждениях, нормах общественной жизни и т. д. Сопротивление ей закономерно находило выражение в защите конституционного строя, других завоеваний, связанных с осуществлением «принципов 1789 г.». Правительство, покровительствуя дворянской реакции, внесло глубокий раскол в «верхи» государства и общества. Возникли два основных политических течения — *ультрароялисты* и *либералы*. Между ними сложилась промежуточная группировка *роялистов-конституционалистов*, которые стремились примирить легитимную династию Бурбонов с либеральным конституционным строем.

На группировку конституционалистов и опиралось правительство в первые годы Реставрации, когда складывались важнейшие правовые механизмы взаимоотношений граждан и государства. В 1817 г. был принят избирательный закон. Количество цензовых избирателей по сравнению с империей увеличилось незначительно — примерно с 70 до 100 тыс. Однако 11 представительный характер избирательного корпуса усилился благодаря единообразию норм. В 1818 г. палата депутатов приняла закон о парламентском контроле над государственным бюджетом; в 1819 г. — весьма либеральный закон о печати.

Все эти меры укрепили правящий режим. Реставрацию не смогли пошатнуть даже революционные выступления тайных обществ карбонариев, организованные в начале 20-х годов. Поднял авторитет Франции военный поход 1823 г. в Испанию, когда 100-тысячное французское войско под командованием герцога Ангулемского без единого выстрела заняло Мадрид и вернуло трон Фердинанду VII.

Достижениями своего правления Людовик XVIII не в последнюю очередь был обязан удачному выбору министров, среди которых особенно выделялся *герцог Ришелье*. Проницательный политик, талантливый администратор, он обладал большим управленческим опытом, приобретенным за годы эмиграции в должности генерал-губернатора Новороссии. С его именем связаны почти все либеральные реформы первых лет Реставрации. Ришелье был инициатором реорганизации королевского двора. Широкий доступ к нему получили наряду с дореволюционным дворянством дворянство Империи и буржуазия. Конституционные рамки Реставрации создавали условия для дальнейшей консолидации политической элиты по мере сближения и переплетения интересов земельной аристократии, крупных земельных собственников буржуазного происхождения, деловой буржуазии.

В 1824 г. Людовик XVIII умер. Корону унаследовал его брат граф д'Артуа, взявший имя *Карла X*. Новый король во многих отношениях был противоположностью своему предшественнику. Он считал чрезмерными те политические уступки, на которые пошел Людовик XVIII ради возвращения трона, и, по существу, возглавил партию ультрароялистов.

В первые же годы своего правления Карл X принял меры, ущемлявшие коренные интересы и убеждения широких слоев населения, в том числе и значительной части правящей элиты. Из армии уволили 250 наполеоновских генералов. Закон о святотатстве карал смертной казнью за осквернение святых даров. Закон о «миллиарде для эмигрантов» (т. е. о возмещении ущерба тем, кто в годы революции бежал из страны; апрель 1825 г.) оскорблял патриотические чувства большинства французов, разделивших судьбу родины во время революции. Была распущена Национальная гвардия. Эти и другие подобные действия короля и руководимого им правительства привели к расколу в правительственном лагере. Часть консервативной партии под давлением общественного мнения перешла в оппозицию.

Фактически Карл X отказался от политического наследия Людовика XVIII, который пытался соединить божественное право королей с конституционным правом нации. Он видел в Хартии не основополагающий договор короля с нацией, а лишь одну из традиционных «вольностей», даруемых королем своим подданным,

На выборах 1827 г. либеральная оппозиция добилась крупной победы, получив 189 мест. Правительство оказалось в политической изоляции, а сама либеральная оппозиция фактически стала прообразом нового правительственного большинства, способного сплотить политическую элиту страны. Среди французских либералов в последние годы Реставрации большим влиянием пользовались «доктринеры». Члены этой группы *Пьер Ройе-Коллар*, *Франсуа Гизо* и др. выступили за укрепление конституционной монархии на основе принципов Хартии. Для этого, считали они, необходимо «отделить судьбу восстановленной королевской власти от судьбы старого порядка, а дело политической свободы — от революционных теорий и страстей». Принимая принципы и результаты революции, они осуждали, однако, способы ее осуществления.

Июльская революция 1830 г. и Июльская монархия. Победа либералов на выборах в июне—июле 1830 г., когда они получили 245 из 407 мест и стали формальным большинством палаты депутатов, отражала консолидацию политической элиты, повлекшую за собой изоляцию дворянской реакции. Политический кризис достиг величайшего накала. Карл X своими действиями ускорил развязку. В августе 1829 г. он назначил правительство, перед которым поставил задачу восстановления абсолютизма.

Во исполнение его воли и появились ордонансы об отмене свободы печати, роспуске палаты депутатов, повышении избирательного ценза и назначении новых выборов в палату. Правительство даже не задумывалось о последствиях своих действий. Подписав ордонансы, Карл X со спокойной совестью уехал на охоту.

Протест журналистов и печатников, потерявших работу на основании ордонансов, получил массовую поддержку. На улицах собрались толпы возмущенного люда, которые уже 27 июля стали вооружаться и строить баррикады. Спустя два дня Париж оказался полностью во власти повстанцев. Карл X, пребывавший вместе с семьей сначала в замке Сен-Клу, затем

в Рамбуйе, до последнего момента не отдавал себе отчета в происходящем. Лишь в ночь с 29 на 30 июля он наконец дал согласие на отставку правительства и отмену ордонансов. Но деятели либеральной оппозиции, захватившие власть в Париже, не приняли его во внимание.

2 августа 1830 г. Карл X отрекся от трона в пользу своего малолетнего внука (будущего графа Шамбора). Однако 7 августа палата депутатов, объявив трон вакантным, предложила его герцогу Луи-Филиппу Орлеанскому, главе младшей ветви низложенной династии. 9 августа 1830 г. герцог Орлеанский поклялся соблюдать конституцию и принял титул короля французов *Луи-Филиппа*.

По своему устройству *Июльская монархия* имела много общего с режимом Реставрации (монархией Бурбонов 1814—1830 гг.). В основе ее конституции лежали те же либеральные принципы, которые были провозглашены в Хартии 1814 г. Однако в нее были внесены поправки, свидетельствовавшие о дальнейшей либерализации режима. Они восстановили баланс исполнительной и законодательной власти, а также расширили политические права и свободы граждан. В соответствии с ними король лишался права по своему усмотрению отменять законы или приостанавливать их действие; законодательные палаты получили право законодательной инициативы; упразднялась наследственность пэров; отменялась какая-либо цензура печати. Хартия приобрела значение договора, заключенного между монархом и народом.

В начале правления Луи-Филиппа министерский кабинет во главе с известным деятелем либеральной оппозиции времен Реставрации банкиром *Лафитом* провел важные политические реформы. В 1831 г. был принят муниципальный закон, восстановивший выборность муниципальных советников, которые со времен Наполеона назначались правительством. Вместо королевской гвардии была образована *Национальная гвардия*, членами которой могли стать все граждане, платившие налоги и на свои средства приобретающие обмундирование. Национальные гвардейцы сами выбирали офицеров; только высшие командиры назначались королем. Тогда же был принят и новый закон о выборах палаты депутатов. Он снизил имущественный ценз для избирателей и кандидатов в палату депутатов. Эта мера приблизительно вдвое — со 100 до 200 тыс. — расширила корпус избирателей.

Однако после отставки кабинета Лафита в 1831 г. темп реформ замедлился. Лишь в 1833 г. был принят закон о выборности членов генеральных советов департаментов и окружных советов. В результате корпус муниципальных избирателей увеличился до 2,9 млн человек.

Замедление темпа реформ привело к росту оппозиционных настроений в обществе. В начале 30-х годов возникли тайные общества, народные по составу и республиканские по своим целям, которые пытались силой свергнуть *Июльскую монархию*. В 1832 и 1834 гг. они организовали восстания в Париже, подавленные правительственными войсками. В 1835—1836 гг. на жизнь короля было совершено несколько покушений. Республиканские лозунги звучали и во время восстаний лионских ткачей в 1831 и 1834 гг. Последним в этой серии выступлений было республиканское восстание в Париже в 1839 г.

Июльская монархия была вынуждена бороться с оппозицией не только республиканцев, но и *легитимистов* (сторонников свергнутой династии), а также *бонапартистов*. Легитимисты под предводительством герцогини Беррийской, матери наследника трона Бурбонов, предприняли в 1832 г. попытку мятежа в Вандее. Не раз пытались свергнуть *Июльскую монархию* и бонапартисты. Принц Луи-Наполеон Бонапарт (племянник Наполеона I) в 1836 г. поднял восстание в Страсбурге. Арестованный полицией и высланный за границу, он тайно вернулся во Францию в 1840 г. и попытался поднять на бунт военный гарнизон Булони.

Луи-Филипп обрушил на заговорщиков и участников восстаний суровые преследования. Их десятками заключали в тюрьмы, высылали за границу. Полиция и войска применяли порой неоправданную жестокость при подавлении народных волнений. В 1835 г. правительство добилось издания серии репрессивных законов, которые несколько ограничивали свободу печати и полномочия судов присяжных заседателей, а также передали политические дела в ведение простых уголовных судов, получивших право рассматривать их даже в отсутствие обвиняемых.

К концу 30-х годов *Июльская монархия* сумела отбить прямые атаки своих противников. Тогда же в основном сложились и своеобразные формы парламентаризма. Законодательные палаты, в особенности палата депутатов, приобрели большую роль в политической жизни страны. Им принадлежали законодательная власть, право вводить новые налоги, контрольные

функции. Поэтому выборы в палату депутатов носили отнюдь не формальный характер и протекали, как правило, в острой конкурентной борьбе кандидатов. Министерские кабинеты, назначавшиеся Луи-Филиппом, действовали с оглядкой на настроения большинства депутатов.

Луи-Филипп хотел превратить законодательную власть в послушный инструмент своей политики. Не только назначаемая королем палата пэров, но даже избираемая палата депутатов ему в этом не препятствовала. Кроме радикалов и легитимистов, сколько-нибудь четкую политическую альтернативу правительству выдвигала только «левая династическая» группировка. Остальные готовы были поддержать любой кабинет в обмен на министерские портфели, административные должности, удовлетворение каких-либо требований своих избирателей и т. д. Поэтому Луи-Филипп широко прибегал к подкупу депутатов, в частности предоставляя им хорошо оплачиваемые государственные должности.

Эта система подкупа депутатов активно применялась министерским кабинетом, который управлял Францией в 1840—1848 гг. Формально его возглавлял маршал *Сульт*, фактически же им руководил *Франсуа Гизо*. Журналист, историк и дипломат, один из лидеров либеральной оппозиции режиму Реставрации, глава школы доктринеров, он с полуслова понимал Луи-Филиппа.

Промышленная революция и общественные движения. Во Франции промышленная революция началась на рубеже столетий и медленно приживалась на французской почве. Благодаря распространению машин и индустриальных технологий, особенно в текстильной и металлургической промышленности, заметно — с 2—3 до 4—5% в среднем в год — возросли темпы промышленного роста. Правительство Июльской монархии во многом способствовало экономическому прогрессу, обеспечив развитие транспортной инфраструктуры. Возрос уровень благосостояния населения, в особенности тех его слоев, которые были связаны с торгово-промышленной деятельностью. Увеличивался объем движимого богатства, которым располагали граждане, — денежных сбережений, капитала, облигаций, акций и пр. Это отчасти объясняет некоторый рост числа цензовых избирателей к концу Июльской монархии — приблизительно до 250 тыс. человек.

В годы Июльской монархии, как и раньше, Франция оставалась страной, которой правили *«нотабли»*, как с давних пор называли наиболее влиятельных лиц той или иной местности или целого государства (нотабли местного и общенационального значения). Это были представители знати, крупные землевладельцы, богатые предприниматели. Из их числа набирались руководящие кадры государства — чиновники гражданской и военной службы, члены законодательных палат и пр. Слабая подпитка извне постепенно привела к самоизоляции правящей элиты, отрыву от общества ее высших слоев.

Особенно наглядно это проявилось в отношении правящих кругов к проектам избирательной реформы. Даже самые умеренные из проектов, например предложение «левой династической» оппозиции о расширении избирательного корпуса приблизительно на 10% путем включения в него «талантов», не получили поддержки консервативного большинства палаты депутатов. Вот какой совет давал сторонникам избирательной реформы Гизо: «Обогащайтесь посредством труда и бережливости — и вы станете избирателями!»

Тем не менее на протяжении последних 10 лет существования Июльской монархии движение в поддержку избирательной реформы нарастало. В 1837 г. французские республиканцы предприняли попытку объединить сторонников реформы. В 1840 г. в Париже был образован *Комитет в поддержку избирательной реформы*, который стал собирать подписи под соответствующей петицией. Но ни в этот, ни в последующие годы петиционная кампания не дала ожидаемых результатов. Династическая оппозиция, республиканцы из газеты «Насьональ», демократы из газеты «Реформ», социалисты действовали разрозненно и во многом по-разному представляли себе саму реформу. В последние месяцы Июльской монархии большой размах приобрела банкетная кампания в поддержку избирательной реформы. Ее организовала «левая династическая» оппозиция во главе с Барро.

Серьезную критику оппозиционных кругов вызывала и осторожная внешняя политика Июльской монархии, направленная на сохранение равновесия в Европе и восстановление доверия к Франции иностранных держав, отчасти подорванного Июльской революцией. Радикальные круги оппозиции выступали за пересмотр трактатов 1815 г., ущемлявших, как они считали, интересы Франции. Кроме того, они считали, что Франция обязана оказывать поддержку революционным дви-

жениям за границей, помогать освобождению народов, страдающих под иностранным гнетом. Их возмущало, что в 1831 г. Луи-Филипп отправил в отставку Лафита за то, что он проводил реформистский курс внутри страны и выражал солидарность с восстаниями в Польше и Италии.

Наконец, предметом озабоченности демократов и социалистов стал в 40-е годы *социальный вопрос*, связанный с упадком тех отраслей мелкого производства, которые не могли выдерживать конкуренции крупной индустрии. На этой почве пышным цветом распустилась во Франции социалистическая пропаганда. Пользуясь свободой печати и дискуссий, теоретики и пропагандисты социализма с помощью газет, популярных брошюр и книг, листовок и собраний демократических клубов, объединявших по всей стране десятки тысяч человек, стремились донести до сознания граждан простую истину. Современное общество, утверждали они, устроено из рук вон плохо, и спасти людей от обнищания, экономических кризисов и социальных катаклизмов может только его более совершенная организация без частной собственности или при равном доступе людей к ней.

Различные проекты социальной реформы или революции, выдвигавшиеся ими, не имели успеха. Однако общественный резонанс их пропаганды был огромен. От республиканской партии отделилась группа так называемых *социальных демократов*, которая в 1843 г. приступила к изданию газеты «Реформ». Заговорили о необходимости социальных реформ в католических и монархических кругах. Разразившийся в 1846—1847 гг. экономический кризис, следствием которого стало закрытие многих предприятий, уменьшение доходов широких слоев населения и массовая безработица, предоставил оппозиции веское основание обвинить правительство Июльской монархии в бездействии.

В условиях экономического кризиса известный размах приобрело и движение сторонников либерализации международной торговли, осуждавших политику таможенного протекционизма, которую проводило правительство Июльской монархии. На рубеже 1845—1846 гг. была образована Центральная ассоциация за свободу обмена, среди активных деятелей которой были либеральные экономисты Ф. Бастиа, А. Бланки, М. Шевалье, Л. Фоте, Ж. Б. Сэй и др. В противовес ей возникла Ассоциация в защиту национального производства, ратовавшая за сохранение высоких таможенных тарифов.

Революция 1848 г. и политика Временного правительства. В январе 1848 г. большим банкетом в Париже должна была завершиться многомесячная кампания оппозиции в поддержку избирательной реформы. Правительство запретило его проведение. Но в назначенное время и место (район Елисейских полей) стали стекаться толпы парижан. Эту манифестацию правительство приказало разогнать силам порядка. Однако Национальная гвардия отказалась повиноваться.

23 февраля Луи-Филипп отправил в отставку кабинет Гизо. Парижане шумно праздновали свою победу под окнами министерства иностранных дел, когда солдаты, несшие охрану, открыли огонь по толпе; несколько десятков человек упали на мостовую, сраженные их пулями.

Этот инцидент послужил сигналом к началу восстания. В ночь с 23 на 24 февраля Париж покрылся баррикадами. На рассвете начались вооруженные столкновения повстанцев с правительственными войсками. К полудню отряды повстанцев окружили Тюильрийский дворец. Луи-Филипп отрекся от престола в пользу своего внука графа Парижского, после чего в сопровождении членов семьи покинул дворец, а затем и Францию.

Невестка короля герцогиня Орлеанская вместе с сыном, девятилетним графом Парижским, направилась в палату депутатов, рассчитывая на учреждение регентства. Однако вооруженные повстанцы сорвали этот план.

К тому времени центр политической активности Парижа переместился в городскую ратушу, куда и поспешили прибыть депутаты и внепарламентские вожди оппозиции. В ходе их совещаний 24 февраля было сформировано Временное правительство, представлявшее собой компромисс между двумя тенденциями республиканской оппозиции, возникшими еще в годы Июльской монархии, — *демократами*, близкими к газете «Насьональ», и *социальными демократами*, взгляды которых выражала газета «Реформ». Членами правительства стали как представители старой политической элиты, так и лидеры внепарламентской оппозиции, а также известный социалист Луи Блан и руководитель одного из тайных обществ рабочих Альбер. Демократы, образовавшие умеренное крыло Временного правительства, располагали в нем большинством.

По статусу Временное правительство являлось одновременно и коллективным главой государства, наподобие Директо-

рии 1795—1799 гг., и министерским кабинетом. Часть его членов получили министерские должности. При этом представители радикального меньшинства были отодвинуты на второй план.

Революция вызвала всплеск политической активности людей, разделявших демократические и социалистические идеалы. Она всколыхнула патриотические чувства французов, веривших в особую историческую миссию Франции — освободительницы народов, угнетенных феодализмом и абсолютизмом. Демократическая и социалистическая пресса активно поддерживала и распространяла подобного рода настроения. В столице и провинциальных городах возникло множество политических клубов, в которых сторонники передовых взглядов беспрепятственно вели пропаганду. В одном Париже весной 1848 г. насчитывалось около 300 клубов.

Большинство членов Временного правительства поддерживали демократию, но не ценой отказа от либеральных ценностей свободы и законности. Оно также считало, что внешняя политика республики должна исходить не из абстрактных теорий, а из национальных интересов, т. е. выгоды и пользы самой Франции.

24 февраля стотысячная толпа, собравшаяся под окнами ратуши, где заседало Временное правительство, потребовала немедленно объявить Францию республикой. Однако большинство членов правительства опасались, что республика, рожденная под ружейную канонаду, как в 1792 г., пойдет по пути террора, войн и всеобщего максимума. Провозгласив 25 февраля республику, они поставили задачу в возможно более короткие сроки вынести вопрос о форме правления на одобрение всех граждан.

Выборы в Учредительное собрание Временное правительство назначило на 9 апреля 1848 г. Однако демократические клубы выступали за перенос выборов на более поздний срок, утверждая, что большинство населения, в частности крестьянство, еще не готово сделать осмысленный политический выбор, и позже добились отсрочки выборов до 23 апреля.

Временное правительство позаботилось и об укреплении сил порядка республики. Оно осуществило реформу Национальной гвардии. Декрет 8 марта разрешал всем гражданам без ограничений записываться гвардейцами. Но одновременно шло формирование особой мобильной гвардии, декрет об образовании которой был подписан еще 25 февраля. В отличие от

обычной Национальной гвардии «мобили» несли постоянную службу. За это они получали жалованье в размере 1,5 франка в день.

Манифестанты требовали заменить трехцветное знамя красным в качестве государственного флага республики, а также законодательно закрепить за всеми гражданами «право на труд». Временное правительство не возражало, чтобы к древку знамени была прикреплена красная розетка. Оно приняло решение о создании особых национальных мастерских. Зачислявшиеся туда безработные были организованы по-военному, подчинены строгой дисциплине и заняты преимущественно на работах по благоустройству города, получая за это гарантированную плату 2 франка в день.

28 февраля манифестанты потребовали создания особого министерства труда, в задачу которого входило бы «уничтожение эксплуатации». После ожесточенного спора правительство учредило особую правительственную комиссию из представителей отдельных профессий, государственных деятелей и специалистов в данной области. Ее председателем был назначен Луи Блан, заместителем — Альбер. В распоряжение комиссии был предоставлен Люксембургский дворец. По предложению комиссии правительство приняло декреты о сокращении продолжительности рабочего дня на предприятиях (который ранее не был лимитирован) до 10 часов в Париже и до 11 часов в провинции, а также о запрещении подрядных работ как «формы эксплуатации трудящихся».

Дипломатическим представителям Франции за рубежом 2 марта был разослан манифест Ламартина. В нем отмечалось, что низложение монархии и «провозглашение Французской республики нельзя рассматривать как акт агрессии против любой другой формы правления». Но вместе с тем договоры 1815 г. объявлялись «потерявшими юридическое значение», кроме тех положений, которые касались территориального устройства. Ламартин обещал всестороннюю поддержку, в том числе и военными средствами, «угнетенным национальностям в Европе и за ее пределами».

Временное правительство, озабоченное финансовым положением республики, подчинило Французскому банку провинциальные банки, превратившиеся, по существу, в его отделения, ввело принудительный курс банкнот и приняло решение о 45-процентном увеличении всех прямых налогов сроком на

один год. Эта последняя мера задевала интересы миллионов мелких земельных собственников.

Столицу сотрясали демонстрации с новыми требованиями; противоречия между правительством и демократическими клубами обострились. 16 апреля по призыву демократических клубов тысячи парижан, в основном из рабочих кварталов столицы, снова вышли на улицу. Перед зданием ратуши их встретили ряды вооруженных гвардейцев. Впервые за время революции демонстрантам не удалось добиться от правительства никаких уступок.

Учредительное собрание и июньское восстание. 23 и 24 апреля во Франции состоялись выборы в Учредительное собрание. В них приняло участие все мужское население старше 21 года. Всего в Учредительное собрание было избрано 880 «народных представителей». Большинство из них — около 500 — по своим взглядам были близки к умеренному крылу Временного правительства, т. е. политическим демократам. Они выступали в поддержку либерально-демократической республики, в равной мере удаленной как от идеалов социальной революции, так и от планов монархической реставрации.

Около 300 членов Учредительного собрания называли себя консерваторами. Фактически они принадлежали к различным монархическим группировкам, главным образом *орлеанистам*, которые после победы Февральского восстания на словах признали республику. Победой на выборах они были обязаны прежде всего большому личному влиянию в своих избирательных округах, где владели крупной собственностью. Серьезное поражение на выборах потерпели социалисты и близкие к ним социальные демократы.

Учредительное собрание, взяв в свои руки всю полноту законодательной власти, исполнительную власть организовало по образцу Конституции 1795 г. Была создана Исполнительная комиссия из пяти человек, которые руководили министрами, ответственными за отдельные отрасли управления.

Недовольные составом нового правительства демократы и социалисты 15 мая вывели 150 тыс. человек на улицы Парижа. Группа демонстрантов ворвалась в зал заседаний Учредительного собрания и попыталась сформировать свое правительство, объявив Учредительное собрание распущенным.

Пока революционеры обсуждали состав нового правительства, Исполнительная комиссия отдала приказ Национальной гвардии и войскам подавить мятеж. Солдаты заняли ратушу. Революционные деятели были арестованы. Вслед затем были закрыты демократические клубы.

Эти события привели к резкому размежеванию политических сил. На дополнительных выборах в Учредительное собрание, состоявшихся 4 июня, победили в основном представители крайних партий, в том числе монархисты и социалисты. Депутатом был избран принц Луи-Наполеон Бонапарт, племянник Наполеона I и претендент на императорский трон. Умеренные депутаты усмотрели причину усиления социалистической и бонапартистской опасности в «национальных мастерских», которые после закрытия демократических клубов стали центрами политической агитации, и потребовали их также закрыть.

21 июня Исполнительная комиссия приняла декрет, который предусматривал роспуск «национальных мастерских», но одновременно предоставлял возможность рабочим в возрасте от 18 до 25 лет вступить в армию, а остальным — отправиться на осушение болот в провинцию. Выплата денежного содержания прекращалась. Уже на следующий день начались волнения рабочих. 23 июня на площади Бастилии состоялся большой митинг, участники которого со словами «Свобода или смерть!» начали строить баррикады. Восстание носило спонтанный характер. У восставших не было ни плана действий, ни общего руководства. Все революционные вожди еще с 15 мая находились в тюрьме. Не имело восстание и практической цели: оно выражало отчаяние людей, оставшихся без средств к существованию.

Но поскольку это был мятеж против законной власти, избранной демократическим путем, большинство республиканцев и демократов осудили июньское восстание парижских рабочих. Борьбу с ним правительство вело под лозунгом защиты республики, порядка и законности против анархии. 24 июня Исполнительная комиссия ушла в отставку. Учредительное собрание, объявив Париж на осадном положении, передало исполнительную власть военному министру *генералу Кавеньяку*. Утром 25 июня армия при поддержке Национальной гвардии и «мобилей» перешла в наступление против повстанцев. К утру 26 июня их сопротивление было окончательно сломлено. Взятие войсками последних баррикад сопровождалось рас-

стрелами повстанцев без суда и следствия. Всего во время восстания погибли около 11 тыс. человек. Около 15 тыс. человек были задержаны силами порядка и брошены в тюрьмы.

28 июня генерал Кавеньяк сформировал кабинет министров, состоявший в основном из умеренных республиканцев. Они предложили меры, направленные на ограничение прав и свобод граждан. Учредительное собрание приняло закон, фактически ставивший демократические клубы под контроль властей. Другой закон ограничил свободу печати, определив крупный денежный залог для издателей газет. Специальная комиссия по расследованию событий 15 мая и 23 июня потребовала предать суду социалистов, включая Луи Блана, абсолютно к ним не причастного. В начале июля были распущены «национальные мастерские» по всей стране, в сентябре продолжительность рабочего дня снова увеличена до 12 часов.

Конституция и кризис Второй республики. Летом 1848 г. проект новой конституции был подготовлен специальной комиссией, в которой наряду с умеренными республиканцами и присоединившимися к республике монархистами были представлены также социалисты. 4 сентября проект был вынесен на обсуждение Учредительного собрания, а спустя два месяца, 4 ноября, поставлен на голосование. Новая Конституция Франции была принята 739 голосами против 30.

Конституция восходила одновременно к двум источникам — конституционной традиции Франции и Конституции США. Из французского опыта вытекали философские послышки устройства государства, выраженные в преамбуле. Конституция учреждала во Франции «единую и неделимую» республику, принципами которой являлись свобода, равенство и братство, а основами — семья, труд, собственность и общественный порядок. Она наделяла граждан широкими демократическими правами и свободами. Однако вместо «права на труд» в ней говорилось лишь о необходимости «братской помощи нуждающимся гражданам».

Влияние опыта США проявилось в организации исполнительной власти. Конституция строго проводила принцип разделения властей. Высшей законодательной властью наделялось однопалатное *Законодательное собрание*, а высшей исполнительной — *президент* республики, что для Франции было внове. Депутаты собрания избирались на основе всеобщего избирательного права. Когда встал вопрос о способе избра-

ния президента, большинство депутатов посчитали, что Франция нуждается в «своем Вашингтоне», на роль которого прощили *генерала Кавеньяка*, поддержали идею всенародного голосования.

Учредительное собрание назначило выборы президента на 10 декабря 1848 г. Основными соперниками Кавеньяка считались явно растерявшие за минувшие месяцы популярность Ламартин и Ледрю-Роллен, а также принц Луи-Наполеон Бонапарт. Ко всеобщему удивлению, победа досталась Бонапарту, набравшему 5434 тыс. голосов, или три четверти от числа избирателей, принявших участие в голосовании. Далеко позади него остался Кавеньяк с 370 тыс. голосов, не говоря уже о прочих кандидатах. Многие избиратели, особенно в провинции, голосовали не столько за Луи-Наполеона, сколько против политиков, действиями которых были недовольны, потому что они вели к увеличению налогового бремени; восстаниям рабочих, полицейскому произволу. Победа Бонапарта объяснялась также поддержкой, которую оказали ему в своих избирательных округах традиционные «нотабли», люди консервативных, монархических убеждений, усмотревшие в нем «меньшее зло» по сравнению с демократической республикой. Они образовали так называемую «партию порядка», которая старалась использовать президента в борьбе с республиканским большинством Учредительного собрания.

Луи-Наполеон Бонапарт вступил в должность президента республики и назначил *Одилона Барро*, одного из руководителей «партии порядка», главой нового правительства. Правительство добивалось роспуска Учредительного собрания, в котором преобладали республиканцы. Для этого оно стремилось ускорить выборы в Законодательное собрание, рассчитывая обеспечить на них победу «партии порядка».

Выборы в Законодательное собрание состоялись 13 мая 1849 г. Из 750 депутатов около 500 были ставленниками «партии порядка» — в основном орлеанистами и легитимистами, с которыми блокировались бонапартисты. Умеренные республиканцы получили около 70 мест. Зато демократы и социалисты, создавшие незадолго до выборов объединение «Новая гора» (названное так в честь знаменитых монтаньяров 1792—1793 гг.), добились избрания около 180 депутатов.

Стремясь сорвать замыслы монархистов, «Новая гора» самоотверженно выступила в защиту республики. 11 июня 1849 г. Ледрю-Роллен обвинил президента в нарушении Конс-

титутции и потребовал предания его суду. 13 июня 1849 г. тысячи демократов вышли на улицы Парижа. В ответ Законодательное собрание объявило столицу на осадном положении. 33 депутата-демократы были лишены депутатской неприкосновенности и преданы суду, оппозиционные газеты закрыты, политические собрания запрещены сроком на год.

Поражение «Новой горы» открыло путь к реставрации монархии. Но этому помешали разногласия между легитимистами, орлеанистами и бонапартистами. Легитимисты прочили на королевский трон Франции внука Карла X графа Шамбора, орлеанисты — внука Луи-Филиппа графа Парижского. Луи-Наполеон Бонапарт также не собирался уступать власть. В сентябре 1849 г. сторонники Бонапарта образовали «Общество 10 декабря», которое стало активно агитировать в поддержку президента, применяя к его противникам методы запугивания и шантажа.

31 октября 1849 г. Бонапарт отправил в отставку министров, назначив вместо них лично преданных себе лиц. Сосредоточив в своих руках основные рычаги управления страной, он сумел нейтрализовать монархистов, сыграв на их религиозных чувствах, а также на страхе перед угрозой республиканского реванша. При участии французских войск была подавлена революция в Италии и восстановлена светская власть папы римского. 16 марта 1850 г. Законодательное собрание приняло закон о народном образовании, названный «законом Фаллу» по имени разработчика. Этот закон разрешил наряду с государственными школами открывать частные, в том числе и религиозные. После того как в апреле 1849 г. на дополнительных выборах в Законодательное собрание победили кандидаты «Новой горы», Бонапарт не препятствовал отмене всеобщего избирательного права. 31 мая 1850 г. монархисты приняли новый избирательный закон, разработанный герцогом Брولли. Он установил ценз оседлости и имущественный ценз, в результате чего избирательных прав лишились в общей сложности около 3 млн человек,

С осени 1850 г. Бонапарт уже не скрывал, что стремится к восстановлению империи. Его сторонники инспирировали поток петиций в Законодательное собрание с требованием пересмотра тех статей Конституции, которые ограничивали срок власти президента четырьмя годами. Однако в июле 1851 г. Законодательное собрание отклонило соответствующее предложение. Тогда Бонапарт открыто начал подготовку к государ-

ственному перевороту. Хотя все оппозиционные партии — легитимисты, орлеанисты и республиканцы — были заинтересованы в сохранении действующей Конституции, они не сумели организовать отпор, поскольку с не меньшим недоверием относились друг к другу, чем к Бонапарту.

2 декабря 1851 г. под предлогом «защиты республики» Бонапарт осуществил государственный переворот. Законодательное собрание было объявлено распущенным, вожди оппозиционных партий — арестованы. Бонапарт восстановил всеобщее избирательное право. Тем не менее его уловки никого не обманули. В Париже и в провинции были отмечены массовые выступления, в том числе и вооруженные, против переворота. 14 января 1852 г. была обнародована новая Конституция, которая установила десятилетний срок исполнения президентских полномочий.

Таким образом, демократическая республика уступила место *авторитарному режиму*. Преходящими оказались и социальные реформы, осуществленные в первые месяцы революции 1848 г. С этой точки зрения революция во Франции потерпела поражение. Однако она оставила глубокий след в обществе. *Опыт практической демократии*, к которому приобщились миллионы граждан, в перспективе оказался более прочной основой республиканской формы правления, чем самая совершенная конституция. Революция обнаружила резкие социальные противоречия между высшими и низшими классами, буржуазией и рабочими.

Вторая империя. 21—22 ноября 1852 г. на плебисците был одобрен сенатус-консульт (постановление Сената) о восстановлении империи и объявлении Луи-Наполеона Бонапарта «императором французов» под именем *Наполеона III*. Наполеон III имел неограниченную власть, был главнокомандующим вооруженными силами, обладал правом объявлять войну и заключать договоры, назначать на все государственные должности, издавать декреты и постановления. Важным рычагом личной власти был *Государственный совет*, члены которого назначались Наполеоном III. Роль *Законодательного корпуса* сводилась к утверждению законов и бюджета. Его депутаты выбирались на 6 лет всеобщим голосованием; право голоса имели мужчины не моложе 21 года, проживавшие в данной местности не менее 6 месяцев. *Сенат*, роль которого была невелика, состоял из пожизненно назна-

ченных членов и из сенаторов «по праву» (принцев императорского дома, кардиналов, маршалов и адмиралов). *Муниципальные советы* избирались всеобщим голосованием, но находились в большой зависимости от властей; мэры и их заместители назначались, однако могли быть сняты с должности префектами. В крупнейших городах — Париже и Лионе — советы вообще не избирались. Отсутствовала свобода печати и собраний, резко возросло влияние католического духовенства, контролировавшего народное просвещение. Непрерывно росли значение и численность бюрократии и армии.

Бонапартистский режим — «демократический цезаризм» Наполеона III — официально провозглашался «надклассовым», — но в действительности лавировал между политическими силами. Социальной опорой режима были крупная банковская, промышленная, торговая буржуазия и зажиточные верхи крестьянства.

К концу Второй империи в стране завершился промышленный переворот, развивалась крупная промышленность. Число паровых машин в промышленности возросло с 1850 по 1870 г. в 5,2 раза. Большого размаха достигло строительство железных дорог, длина их возросла с 1850 по 1870 г. в 6 раз. Вызванное потребностями экономического развития железнодорожное строительство в свою очередь стимулировало промышленный подъем. В 1869 г. выплавка чугуна достигла 1,3 млн т, резко возросла добыча железной руды и каменного угля. Крезод и бассейн Луары стали крупными центрами металлургии. Расширялись старые и возникали новые предприятия машиностроения, металлообработки и химии. Темпы роста производства были во Франции выше, чем в Англии, но ниже, чем в США и в Германских государствах. На ряде предприятий работали сотни и тысячи рабочих, возникали крупные компании. Франко-английский торговый договор 1860 г., снизивший или отменивший пошлины на ввоз товаров, повлиял на процесс капиталистической концентрации. Многие фирмы потерпели банкротство из-за невозможности конкурировать с английскими товарами.

Повысилась роль банков, возникли новые крупные банки: «Креди мобилъе» (1852), «Креди лионне» (1863) и др. Было разрешено свободно основывать акционерные компании с ограниченной ответственностью, что открыло дорогу спекуляции на бирже. Значительно вырос банковский кредит для промышленности. Рост денежного капитала — в этом особенность

экономического развития Франции — обгонял увеличение промышленного капитала. Крупные суммы вкладывались банками в иностранные займы, вывозились за границу. Банки играли заметную роль и в колониальной экспансии. Франция превращалась в крупнейшего экспортера капитала. Французский капитал за границей вырос с 2 млрд франков в 1852 г. до 10—12 млрд франков в 1870 г.

В сельском хозяйстве шел процесс интенсификации. С помощью механизации создавалась основа крупного производства, десятки тысяч машин применялись не только в больших, но и в средних хозяйствах, шире использовались новые методы агрономии, хотя в этом отношении Франция не могла догнать Англию и Германские государства. Усиливалась специализация хозяйства, росло производство зерна, мяса и молока, фруктов и овощей. Но развитие это было неравномерным.

В деревне ускорился процесс дифференциации, наряду с парцелляцией увеличивалась концентрация земли, росло обезземеливание крестьян и их задолженность. Сохранялось много мелких хозяйств: в 1862 г. свыше 2,9 млн хозяйств (90%) имели до 5 га земли. Многочисленным был сельскохозяйственный пролетариат. Сельское население сокращалось.

Городское население росло в ходе индустриализации. В 1866 г. число занятых в промышленности и на транспорте составляло 31% самодеятельного населения. Около трети всех рабочих — 1 млн человек — были заняты на крупных заводах и фабриках, но преобладали еще рабочие мелких и средних предприятий, ремесленники и надомники.

Двенадцатичасовой рабочий день нередко значительно удлинялся. Номинальная зарплата рабочих росла, но реальная увеличивалась незначительно из-за быстрого повышения стоимости жизни. Особенно низко оплачивался детский труд. Женщины получали меньше половины заработной платы мужчин. Безработица была хронической. Заработная плата рабочего и членов его семьи в подавляющем числе случаев была ниже прожиточного минимума.

Продолжались стачки рабочих, особенно в промышленных центрах: Лионе, Руане, Сент-Этьенне и др. Стачечники боролись в первую очередь за повышение зарплаты, сокращение рабочего дня. В рабочей среде распространялись социалистические идеи. Генеральный прокурор Лиона сообщал в 1853 г.: «Рабочий класс вообще убежден в несправедливости существующего социального строя» и стремится к ниспровержению

превосходства буржуазии. Участники выступлений репрессировались. Власти стремились держать под контролем единственно допущенные законом общества взаимопомощи, предоставляли «одобренным» обществам субсидии и другие льготы, выделяли кредиты на строительство домов для рабочих, средства на детские ясли, воспитательные дома, дома призрения, создавали пенсионные кассы, вводили юридическую и медицинскую помощь и т. д. На часть рабочих оказывала влияние демагогическая политика режима, заявлявшего о «защите интересов трудящихся классов», а глубокое разочарование в политике республиканцев вызвало апатию рабочих.

В начале 50-х годов, в условиях благоприятной экономической конъюнктуры, буржуазия поддерживала империю. Республиканская оппозиция была разгромлена. Положение империи представлялось довольно устойчивым.

В октябре 1852 г. Луи-Наполеон Бонапарт заявил: «Империя — это мир». Однако в действительности время империи характеризовалось цепью войн, захватов и колониальных экспедиций для осуществления амбициозно-реваншистских замыслов Наполеона III по установлению гегемонии Франции в Европе и усилению ее колониальной мощи. Слава побед, захваты и экспансия, по мнению Наполеона III и его окружения, должны были укрепить империю, сплотив французов идеями реваншизма и шовинизма: уничтожение «позорных договоров» 1815 г. и возврат «потерянных естественных границ» Франции наряду с поддержкой объединительно-освободительных движений итальянцев, немцев и поляков под контролем Второй империи и планами создания на континенте крупной зоны свободной торговли, что привело бы к объединению Европы во главе с Францией. Россия представлялась основным препятствием при осуществлении этих проектов. Парижский мир 1856 г. временно обеспечил доминирующее положение Франции в Европе.

Хозяйство Франции, ослабленное войной, понесло тяжелый урон во время экономического кризиса 1857 г. Это серьезно отразилось на обстановке в стране, вызвало массовое недовольство режимом и рост республиканской оппозиции. В Законодательный корпус в 1857—1858 гг. впервые было избрано пять умеренных республиканцев от правого крыла оппозиции.

Правительство ответило усилением репрессий в отношении противников империи, использовав попытку покушения на императора в январе 1858 г., и попробовало укрепить режим

успехами во внешней политике и колониальной экспансии. Вмешавшись в итальянские дела, Наполеон и в 1859 г. вел войну с Австрией, получив в 1860 г. в компенсацию от Пьемонта Савойю и Ниццу. Французские войска в Китае захватили в 1857—1860 гг. Кантон, Тяньцзинь и Пекин. В 1858 г. Франция участвовала в «открытии» Японии, в 1858—1867 гг. аннексировала Южный Вьетнам, в 1863 г. Камбоджа стала ее протекторатом. Французская компания с 1859 г. строила Суэцкий канал, который был открыт в 1869 г. Быстро росла финансовая зависимость Египта от французских банков. В 1860—1861 гг. французские войска оккупировали Ливан. Но действия французского экспедиционного корпуса в 1861—1867 гг. в Мексике против республиканцев закончились поражением.

В 1857 г. завершилось завоевание Алжира — важнейшего колониального владения Франции. Алжирский вопрос стал играть большую роль в жизни страны. Именно в Алжире, справляясь с восстаниями местного населения, тренировались войска для войн Второй империи и подавления демократии во Франции. Алжир был и важным районом эмиграции, десятки тысяч французов переселялись в эту «африканскую Францию».

В 1860—1869 гг. режим был вынужден расширить права Законодательного корпуса и Сената, что должно было в какой-то степени ответить пожеланиям либеральной оппозиции. Однако либеральная оппозиция усиливалась, требуя осуществления «необходимых свобод».

Желая представить Наполеона III «другом рабочих», власти в 1862 г. организовали поездку делегатов, избранных парижскими рабочими, на Всемирную выставку в Лондоне. Там делегаты познакомились с английскими рабочими. После возвращения во Францию развернули агитацию за создание синдикальных камер (профсоюзов) и получение права на забастовки. Рабочее движение набирало силу, что заставило режим идти на уступки: стачечников перестали привлекать к ответственности, а в мае 1864 г. стачки и «коалиции» рабочих были признаны правомерными, закон Ле Шапелле 1791 г. отменен.

Французские делегаты в 1864 г. приняли участие в создании Интернационала, а в 1865 г. возникла его французская секция; число секций и их активность росли. Идеи Прудона о сохранении мелкого производства, о даровом кредите, об анархизме и федерализме находили среди рабочих, вчерашних ре-

месленников и крестьян, широкий отклик и во многом определяли идеологию рабочего движения.

Политика властей не привела к стабилизации режима. Оппозиция консолидировалась, охватывая республиканцев, орлеанистов и даже частично легитимистов. Рост ее влияния выявился во время избирательной кампании в Законодательный корпус в 1863—1864 гг.: оппозиция получила на выборах около 2 млн голосов и смогла провести 35 депутатов. Выступая против империи, либеральная оппозиция боролась и против поднимавшегося рабочего движения. Все это постоянно обостряло политическую ситуацию.

В 1867—1870 гг. все более широкие слои французов проявляли свою неприязнь к режиму. Неудачи во внешней политике вызывали острое недовольство. Великодержавные интересы имущих слоев были под угрозой в связи с начинавшимся объединением Германии под гегемонией Пруссии, беспокоила их и изоляция Франции из-за ухудшения отношений с Россией, Италией, Англией. Настойчивыми были требования элиты в осуществлении власти и установлении республики. К этому стремились как либералы, так и радикалы, вкладывая в одно и то же требование разное содержание. Возрастала роль радикалов в борьбе с империей.

О неуклонном росте недовольства говорили и результаты выборов 1869 г. в Законодательный корпус, оппозиция из 7,8 млн собрала уже 3,3 млн голосов. В январе 1870 г. было сформировано правительство во главе с либералом Э. Оливье, бывшим республиканцем. Правительство готовилось к дальнейшему переходу к парламентскому строю и замене Конституции 1852 г. более либеральной.

Рабочее движение ширилось. В 1869—1870 гг. стачки прокатились по стране. Среди них такие крупные, как стачка металлургов в Кресо или набойщиков тканей в Лионе. Значительно усилилось влияние Интернационала, выросли его секции, в которых принимали участие прудонисты и бланкисты. Но их идеи по широте распространения далеко уступали шовинистическим воззрениям.

Влияние шовинизма усиливалось во Франции в течение всего XIX в. Длительное внедрение в массовое сознание шовинистических, гегемонистских, милитаристских и колониалистских идей приводило к возникновению соответствующих стереотипов в сознании многих французов. Эти идеи широко использовались режимом.

В январе 1870 г. в Париже прошла антибонапартистская демонстрация с участием почти 200 тыс. человек, а в феврале и мае 1870 г. имели место вооруженные столкновения рабочих с полицией. Делая уступки, режим в то же время прибегал к репрессиям: стачки подавлялись, участники выступлений преследовались по суду, состоялись три судебных процесса над деятелями Интернационала.

От Второй империи к Третьей республике. Желая остановить процесс объединения Германии и укрепить трон, Наполеон III 19 июля 1870 г. объявил войну Пруссии. Правящая элита, загипнотизированная воспоминаниями о поражениях Пруссии в войнах Наполеона I, была уверена в быстрой и легкой победе. Военный министр маршал Лебёф ставил вопрос так: «Прусская армия? Ее нет. Я ее отрицаю» — и говорил о полной готовности к войне. В действительности армия была не готова, что и проявилось в ходе войны. В августе в Эльзасе и Лотарингии французские войска терпели поражение за поражением. 2 сентября 83-тысячная армия во главе с Наполеоном III и маршалом Мак-Магоном капитулировала при Седане.

4 сентября в Париже произошла революция; была провозглашена республика, сформировано временное правительство «национальной обороны» во главе с орлеанистом генералом Трошю и с участием либералов-республиканцев. Правительство пыталось переломить ход войны, которая приобрела теперь для Франции оборонительный характер. Формировались новые части численностью более 200 тыс. солдат, но немецкие войска продолжали наступать. 19 сентября началась осада Парижа. На оккупированной территории отряды «франтирёров» (вольных стрелков) вели партизанскую войну. Среди французов росло недовольство нерешительными действиями властей, прорвавшееся революционными выступлениями в Париже, Лионе, Марселе и других центрах при известии о капитуляции гарнизона Меца 29 октября и восстанием в Париже 22 января 1871 г. Но преимущество немецких армий было решающим. 28 января 1871 г. было заключено перемирие, Париж капитулировал.

8 февраля 1871 г. прошли выборы в Национальное собрание, которое должно было утвердить предварительный мирный договор. В условиях частичной оккупации Парижа, агитации против социалистов большинство получили монархисты (орле-

анисты, легитимисты и бонапартисты) — более 400 депутатов; около 200 депутатов представляли умеренных и левых республиканцев и 20 депутатов были социалистами различных направлений. Национальное собрание открылось в Бордо и избрало 17 февраля главой исполнительной власти орлеаниста А. Тьера. 26 февраля был подписан предварительный договор о мире, по которому Франция уступала Эльзас, значительную часть Лотарингии и уплачивала контрибуцию в 5 млрд франков. По мере уплаты контрибуции германские войска освобождали оккупированные территории. Национальное собрание ратифицировало договор и утвердило ликвидацию империи. Местом пребывания Собрания был избран Версаль, откуда уходили немецкие войска. Основной задачей Тьера становилась борьба с революционным Парижем.

После падения империи во Франции все сильнее проявлялись патриотические настроения, нередко соединявшиеся с различными идеями переустройства общества, с революционными устремлениями народных масс Парижа и других крупных городов. Зрела идея революционной Коммуны, в которой многие видели выход из тяжелого положения. Требования создания Коммуны выдвигались во время народных выступлений в провинции, были сделаны попытки установить революционные Коммуны в Лионе и Марселе.

Правительство «национальной обороны» было вынуждено согласиться на вооружение трудящихся и включение их в состав Национальной гвардии (ополчения), что резко изменило ее социальный состав. Было сформировано более 200 новых батальонов. В условиях безработицы ежедневная плата 1,5 франка гвардейцам была для них средством существования. Национальные гвардейцы участвовали во всех революционных выступлениях. В феврале была создана Республиканская федерация Национальной гвардии департамента Сены — наиболее массовая организация демократических сил Парижа, насчитывавшая более 250 тыс. вооруженных людей. Роль Центрального комитета Национальной гвардии Парижа неуклонно возрастала.

Правительство Тьера принимало меры для «обуздания» Парижа: вводилось осадное положение, отменялись плата национальным гвардейцам, отсрочки на платежи по коммерческим векселям и по квартплате, была закрыта часть демократических газет.

Тьер и министры приняли решения о разоружении Национальной гвардии в рабочих округах, роспуске ЦК Национальной гвардии, об аресте его членов, а также участников Интернационала и других «опасных лиц». Рано утром 18 марта войска заняли рабочие кварталы и захватили орудия. В ответ были собраны национальные гвардейцы. Народ Парижа оказал решительное сопротивление властям. Солдаты братались с парижанами. Руководство стихийно начавшимся восстанием взял на себя ЦК Национальной гвардии и отдал приказы о ее продвижении в центр Парижа; гвардия овладела правительственными учреждениями и казармами. Ночью деморализованные правительственные войска отступили в Версаль. Власть в Париже перешла к ЦК Национальной гвардии. Над ратушей, куда перенес свое место пребывания ЦК, взвилось красное знамя. Были назначены выборы в Муниципальный совет Парижа (Коммуну).

Делегаты ЦК налаживали работу министерств и других учреждений. Большие трудности были вызваны бегством из Парижа высших чиновников и саботажем многих оставшихся служащих. Прежде всего было отменено осадное положение, упразднены военные суды, объявлена амнистия по политическим делам и освобождено 11 тыс. политических заключенных. Были отсрочены сроки платежей по квартплате и коммерческим векселям, отменено решение о продаже заложенных в ломбард вещей, воспрещено выселять жильцов, не уплативших квартплаты, национальным гвардейцам снова выплачивалось жалованье, 1 млн франков был распределен среди наиболее нуждающихся семей. Было объявлено о намерении соблюдать условия мира. Делегаты ЦК были направлены в провинцию. Во многих городах прошли выступления масс, в первую очередь национальных гвардейцев, под лозунгами солидарности с Парижем, Коммуной, борьбы против Версаля; восставшие иногда захватывали ратуши, провозглашали коммуны, которые были быстро подавлены войсками.

26 марта состоялись выборы в Муниципальный совет (Коммуну) Парижа. Многие члены Совета Коммуны принадлежали к последователям социалистических течений (бланкистам, прудонистам). Значительной была группа революционных демократов — неоякобинцев. Часть деятельных членов Коммуны не принадлежала ни к каким политическим группировкам, некоторые входили в секции Интернационала.

28 марта на площади перед ратушей в присутствии 200 тыс. парижан ЦК Национальной гвардии объявил о результатах голосования и провозгласил Парижскую коммуну. Армия и полиция были заменены вооруженным народом в лице Национальной гвардии, введен принцип выборности, отчетности и сменяемости всех служащих в органах управления и суда, для служащих установлена заработная плата, приближающаяся к заработной плате квалифицированных рабочих. Совет Коммуны осуществлял высшую законодательную и исполнительную власть.

Коммуна провозгласила отделение церкви от государства, придала светский характер школам, провела ряд демократических преобразований в области культуры и образования. Она приняла декрет о передаче бездействующих мастерских рабочим ассоциациям для возобновления производства. Были запрещены произвольные штрафы и вычеты из заработной платы рабочих, отменен ночной труд в пекарнях, вводился 10-часовой рабочий день, организованы бюро для трудоустройства безработных.

Активность коммунаров ярко проявилась в деятельности народных организаций: клубов, секций Интернационала, профсоюзов, призывавших «положить конец эксплуатации человека человеком», потребительских кооперативов, советов легионов Национальной гвардии, комитетов бдительности, Союза женщин для защиты Парижа и ухода за ранеными и в революционной печати.

Коммуна провозгласила принципами своей политики отказ от милитаризма и захватнических войн и борьбу за Всемирную социальную республику. Но 2 апреля версальская армия начала наступление на Париж. С этого времени военные действия принимали все более ожесточенный характер. Вооруженные силы Коммуны составляла Национальная гвардия, активная часть которой значительно уступала по численности и обученности версальским войскам. 21 мая версальские войска ворвались в Париж. Коммунары — мужчины, женщины и даже дети — защищали на баррикадах в течение недели каждую улицу и каждый дом.

Эта неделя вошла в историю как «кровавая майская неделя». Правительственные войска расстреливали пленных коммунаров; коммунары расстреляли группы заложников, в их числе архиепископа Парижского. В боях принимали участие многие члены Коммуны. 28 мая пала последняя баррикада,

1 29 мая был взят форт Венсена. Версальцы жестоко отомстили коммунарам: не менее 30 тыс. человек были убиты, 50 тыс. арестованы, из них около 14 тыс. были осуждены к каторжным работам, тюремному заключению и т. д.

Возникшая стихийно Коммуна встретила горячее одобрение в рабочем движении за рубежом. Маркс, Энгельс и их последователи стремились найти в Парижской коммуне прообраз диктатуры пролетариата, что сыграло большую роль в революционном движении XX столетия.

Расправа с коммунарами в Париже и в других городах позволила правительству Тьера стабилизировать политическое развитие Франции, 10 мая 1871 г. во Франкфурте-на-Майне был подписан мирный договор с Германией, утвердивший переход Эльзаса и Лотарингии к Германии и уплату контрибуции в 5 млрд франков.

ГЛАВА 6 Великобритания: конец Ганноверской и начало Викторианской эпохи

Война с наполеоновской Францией. XIX столетие Великобритания встретила в состоянии крайнего напряжения и усталости. Семь лет уже длилась война с Францией, развалились две антифранцузские коалиции, питаемые кровью солдат континентальных стран и британским золотом. Источник последнего, согласно французской прессе, был неиссякаем. Однако это не соответствовало действительности. Государственный долг перевалил за 450 млн фунтов стерлингов (или 3150 млн руб.). Премьер-министр *Вильям Питт-младший* ввел прогрессивный налог на все доходы, превышающие 60 фунтов стерлингов в год. Лето за летом приносило обильные дожди, хлеб гнил, урожай были плохие. В «низах» зрело недовольство.

Кабинет отвечал репрессиями против недовольных и предупредительными мерами по отношению к тем, кто еще не встал на путь протеста. В 1801 г. акт парламента лишил Ирландию, в наказание за восстание 1797 г., своего парламента и самоуправления; ирландцы получили право посылать определенное число своих депутатов в палату общин. С 1794 по 1801 г., т. е. до Амьенского мира, не действовал Habeas Corpus Акт, и подданных короны можно было держать в заключении, не предъявляя им судебного иска. Участие в заговоре против монархии и конституции грозило арестом сроком до семи лет, понятие же «заговор» трактовалось очень широко. Были запрещены собрания с числом участников свыше пятидесяти, газеты поставлены под надзор судей, что фактически означало введение цензуры. В 1800 г. был наложен запрет на деятельность «дружеских обществ», агитировавших за увеличение заработной платы и сокращение рабочего дня.

Но не репрессии помогли Британии выдержать страшное напряжение войны. Опасение вторжения со стороны Франции бьедило нацию; победы французского оружия на континенте не оставили и следа от пресловутого баланса сил, основы основ английской внешней политики; тысячелетняя Венецианская республика исчезла с карты по воле генерала Наполеона Бонапарта; Голландия и Испания очутились в зависимости от Французской республики; наконец, тот же Бонапарт ринулся на Ближний Восток, зону непосредственных интересов Британии, и поставил под вопрос ее господство на Средиземном море. Все это побуждало английские правящие круги к мобилизации сил.

Вторая антифранцузская коалиция (1798 г.; Россия, Австрия, Неаполитанское королевство, Португалия и Турция) распалась через два года после поражений австрийской армии при Маренго и Гогенлиндене, нанесенных ей Бонапартом, который стал первым консулом республики. Великобритания вновь осталась в одиночестве. Она ответила захватом стратегически важного острова Мальта в Средиземном море; в 1801 г. капитулировали французские войска в Египте, брошенные Бонапартом на произвол судьбы. В том же году адмирал *Горацио Нельсон* ворвался на рейд Копенгагена и сжег стоявшие там на якоре датские военные корабли. Что из того, что Англия с Данией не воевала! Речь ведь шла о сохранении господства на морях!

Но тут наступил перерыв. Правительство *Г. Аддингтона*, сменившего Питта на посту премьер-министра, подписало в марте 1802 г. в *Амьене* мир с Францией. Одной усталостью от войны и разочарованием в связи с крушением второго союза объяснить эту акцию нельзя или недостаточно. Воздействовал и иной фактор: ощущалось перерождение характера французской внешней политики, о лозунге «мир хижинам, война дворцам» в Париже позабыли; французская буржуазия явно стремилась к европейской гегемонии. Это было опасно, но все же анакомо; политические и военные катаклизмы устремились в старое русло баланса сил; никаких посягательств на британскую конституционную систему и королевскую власть не наблюдалось; революционным «эксцессам» пришел конец. Но и сокрушить Наполеона не было никаких надежд, значит, следовало попытаться достичь договоренности.

Договор зафиксировал немалые уступки со стороны Великобритании: она возвращала Франции, Испании и Голландии захваченные у них колониальные владения, кроме островов

Тринидад и Цейлон, а остров Мальта — рыцарскому ордену иоаннитов; ее войска покидали Египет. Французская армия уходила из Неаполитанского королевства и Папской области; но левый берег Рейна оставался за Францией.

Состоятельные британцы хлынули на континент: наконец-то блистательный Париж стал вновь доступен! Английские леди были шокированы тем, как они отстали от моды за девять лет островного уединения. Владельцы гостиниц, ресторанов, магазинов во Франции подсчитывали полновесные гинеи — наступил первый в истории туристский бум. Некоторые путешественники столь увлеклись осмотром достопримечательностей, что не заметили, как вновь началась война, и застряли на континенте всерьез и надолго.

Амьенский мир обернулся кратким перемирием. Корсиканский завоеватель не желал останавливаться на полпути, а в Лондоне пришли к выводу, что и так зашли слишком далеко в уступках. Наполеон аннексировал Пьемонт и остров Эльба, занял своими войсками Швейцарию; Британия не желала расставаться с островом Мальта, ключевой позицией в Средиземном море. В мае 1803 г. единоборство возобновилось; правительство вновь возглавил непреклонный *Вильям Питт*. Он попытался сколотить «министерство всех талантов», но помешало соперничество лидеров. В конце концов получился, по выражению остряков, «кабинет Билли¹ и Питта».

Страна готовилась к вторжению французов из-за Ла-Манша. Спас ее от этой угрозы адмирал Нельсон: 21 октября 1805 г. он разгромил испано-французский флот в сражении *У мыса Трафальгар*, заплатив за победу собственной жизнью, а Питт сумел в том же году образовать третью антифранцузскую коалицию.

Но на континенте дела обстояли из рук вон плохо. Австрийская армия сдала крепость Ульм, покинула Вену; русско-австрийские войска проиграли битву при Аустерлице (теперь — город Славков в Чехии); Австрия подписала мир. Питт не выдержал стольких трагических неудач, его физические и моральные силы были подорваны; он скончался в возрасте 46 лет. Парламент уплатил его долги и устроил ему государственные похороны в Вестминстере. А Наполеон продолжал одерживать победы: в 1806 г. была разгромлена Пруссия; в следующем году Россия подписала тяжелый для нее Тильзит-

ский договор. На британскую морскую блокаду Наполеон ответил блокадой континентальной: ввел запрет на торговлю с Британией зависимым от него или союзным (как Россия) странам, отрезал ее от европейских источников сырья и рынков сбыта. Англия вновь очутилась один на один с грозным завоевателем.

Постепенно в кромешную мглу, казалось бы, сплошных неудач стали проникать лучи надежды. Чаша терпения европейских народов переполнилась. Вторжение Наполеона в Испанию в 1808 г. натолкнулось на мощный отпор. Высадившийся на Пиренейском полуострове в помощь повстанцам английский экспедиционный корпус под командованием генерала *А. Уэлсли*, будущего *герцога Веллингтона*, начал успешную, хотя и растянувшуюся на несколько лет кампанию. Навязанный России союз с Францией вступил в полосу кризиса. Отчетливо обозначились авантюризм и противоестественность самой идеи установления французского господства в Европе. Континентальная блокада означала попытку разорвать давние, прочные и взаимовыгодные связи между разными частями Европы, а потому была обречена на провал. Но континентальная блокада ударила по британскому потребителю. Цена за квартал пшеницы (ок. 290 л) поднялась в 1809—1812 гг. с 75 до 130 шиллингов. Это было время «голодных бунтов» и движения *луддитов* — ткачей, разбивавших свои станки в убеждении, что безгласная машина разорила их. Луддитов ожидала каторга или смерть на виселице, и лишь один голос прозвучал в их защиту в палате лордов — и это был голос прославленного поэта *Джорджа Гордона Байрона*.

Конечно, не в одиночку и не на Пиренейском полуострове можно было сокрушить могущество Наполеона; попытка же перенести военные действия поближе к жизненным центрам неприятеля окончилась сокрушительным провалом. Правда, удалось закрепиться на острове Гельголанд у германского побережья. Но крупномасштабная экспедиция на *остров Вальхарен* (40 тыс. солдат и офицеров, 1809 г.) завершилась катастрофой.

Путь к спасению лежал через создание новой коалиции, немыслимой без России, — кроме нее, просто не на кого было опереться на континенте. А с Россией Англия после Тильзита находилась в состоянии войны. Английская дипломатия заняла сугубо осторожную, умную и тактичную позицию по отношению к «неприятелю». Крупнейший политик *Джордж Кан-*

¹ *Вилли* — сокращенное имя Вильям.

нинг, возглавлявший тогда Форин-офис, при всяком удобном случае выражал сожаление в связи с расхождением двух держав, кровно заинтересованных в союзе. Средиземноморская эскадра адмирала *Д. П. Сенявина*, запертая в устье реки Тахо (Португалия), казалось, была обречена на поражение или тяжелую процедуру сдачи в плен. Английский флагман явно не по своей инициативе провел операцию так, «чтобы менее всего были задеты чувства» русских моряков: суда со своими командами приплыли в Великобританию, здесь моряки покинули корабли. Позднее, не дожидаясь примирения, их доставили в Ригу; суда же по окончании «войны» были возвращены России; за те же из них, что пришли в негодность, было уплачено сполна.

В июне 1812 г. Британия облегченно вздохнула, пасторы вознесли в храмах благодарственные молитвы: армия «двунадесяти языков» вторглась в Россию. Окончился последний шестилетний этап англо-французского единоборства.

Грозный союз объединившихся вновь России, Англии, Пруссии, Австрии и Швеции взял верх над армией Франции. В апреле 1814 г. отрекшийся от престола Наполеон удалился на остров Эльба в Средиземном море. А союзники взялись за трудную задачу мирного урегулирования; при этом Великобритания боролась больше не за территории, а за влияние. Следуя старой традиции, виконт *Роберт Каслри*, глава Форин-офис, стремился создать блок государств в противовес сильнейшей державе континента, которой стала Россия. «Сдерживать» ее должны были Англия, Австрия и в близком будущем — побежденная Франция. Каслри горячо поддержал принцип легитимизма, приняв, таким образом, участие в насаждении в европейских странах больших и малых самодержцев. Сама Британия закрепила за собой острова Мальта, Цейлон и Капскую колонию в Южной Африке. Но главное, она обеспечила себе торговое и военно-морское преобладание и создала основу для нового баланса сил в Европе.

Во время Венского конгресса Наполеон преподнес его участникам сюрприз в виде «Ста дней»; полководческая звезда герцога Веллингтона как победителя грозного корсиканца поднялась высоко после битвы при *Ватерлоо*. Заботам Британии был поручен самый знаменитый в истории узник: корабль его величества «Беллерофон» увез Бонапарта на уединенный остров Святой Елены в Атлантике — в заключение, ставшее легендой.

Трудные послевоенные годы. Вызванная победой эйфория продолжалась недолго, ее сменила полоса тяжелых лет. На 1780—1815 годы пришелся особенно интенсивный этап промышленной революции. Армия и флот поглощали вооружение и снаряжение, обмундирование и продовольствие. Субсидии союзникам определялись в деньгах, а поставлялись в виде ружей, пушек, пороха, мундиров, шинелей, сапог. Континентальная блокада отрезала Англию от традиционных источников продовольствия и сырья, и это дало толчок самоснабжению, прежде всего зерном. Потребность в хлебах была так велика, что фермеры запахивали прежде пустовавшие или заброшенные земли, а это требовало немалых дополнительных затрат; когда средств не хватало, фермеры прибегали к займам у банков. Цены были высокие, лендлорды и арендаторы процветали.

Но вся эта отлаженная система рухнула в одночасье. Из армии и флота были уволены до полумиллиона человек, пополнивших рынок рабочей силы, где сразу стал ощущаться ее избыток. Правительство сократило свои заказы в десять раз. Из портов Балтики и Северного моря стали поступать дешевые континентальные злаки — пшеница, рожь, овес, ячмень. Цены поползли вниз. Аграриев — от лендлордов до фермеров — охватила паника. Континентальные государства, вместо того чтобы поглощать британские изделия, одно за другим огораживались высокой таможенной стеной и под ее прикрытием развивали собственную индустрию.

«Верхи» общества использовали свое положение, чтобы благополучно миновать пропасть. Власть в парламенте безраздельно принадлежала земельным магнатам и «сельским джентльменам», и они смогли законодательно защитить свои интересы. Правительство графа Р. Ливерпула снизило, а потом и отменило подоходный налог, взимавшийся в основном с богатых, и повысило косвенные налоги, ложившиеся бременем на рядового потребителя. Затем в 1815 г. были приняты «хлебные законы» явно в интересах манора и деревни и в ущерб городу: ввоз зерна в страну запрещался, если цена на него на внутреннем рынке опускалась ниже 80 шиллингов за квартал. Цель была достигнута: цена на хлеб (шиллинг за 1 кг) делала его предметом роскоши для рабочих, получавших в среднем 7 шиллингов в неделю. Картофель и репа стали основной пищей трудовых семей.

Обстановка в стране накалилась. Массы охотно внимали агитации радикалов, среди которых выдвинулся *Вильям Кобетт* (1762—1835). Причиной бедственного состояния народа он считал дурное правление, покончить с которым можно лишь путем демократизации страны; важнейшими шагами к справедливости он полагал введение всеобщего избирательного права для мужчин и ежегодное переизбрание палаты общин при тайном голосовании. Радикальные, так называемые *Темпдонские клубы* быстро пустили корни, наблюдатели определяли число их членов в 100 тыс. Успешно шел сбор подписей под петицией с изложением требований радикалов. В январе 1817 г. в лондонской таверне «Корона и якорь» состоялось заседание клубов, и вскоре их уполномоченные под приветственные крики многотысячной толпы, окружившей Вестминстер, внесли в здание парламента петицию в виде длинного списка, развернув ее и держа над головами. Правительство ответило введением Акта о мятежных обществах, деятельность которых была запрещена.

Предпринятый радикалами Ноттингема поход на Лондон (июнь 1817 г.) в наивной надежде, что к ним присоединятся массы недовольных, а солдаты откажутся стрелять в них, провалился. Их плохо вооруженная (вплоть до вил) группа была быстро рассеяна драгунами. Три руководителя были повешены в Дерби, другие заплатились каторгой и тюремным заключением.

Движение протеста проявлялось в многотысячных митингах, проводимых вечером и даже ночью; при свете факелов звучали речи ораторов, требовавших допустить народ к власти с помощью парламентской реформы. Приписывать этим собраниям антиконституционный характер было невозможно, бороться с ними — трудно. Мятежный дух не исчезал. Шахтеры из Стаффордшира, толкая вручную тележку с углем, явились в Лондон в надежде, что принц-регент поможет им. Ткачам из Манчестера добраться до столицы не удалось — их рассеяли солдаты у Дерби. Луддиты в слепой ярости ломали машины. В августе 1819 г. шестидесятитысячное собрание с требованием дешевого хлеба и парламентской реформы состоялось в Манчестере. Люди пришли на Поле Св. Петра в праздничной одежде, с семьями. Напуганные величием и размахом движения, судьи вызвали в помощь полиции войска. Гусары ринулись в конном строю на толпу, орудуя шашками; 11 человек были убиты, 400 ранены. Парламент в испуге принял «шесть актов

для затыкания рта» (включая запрет на собрания с числом участников свыше 50, на «частные» военные учения, введение гербового сбора на листовки, разрешение судебным властям производить обыски в поисках оружия). В феврале 1820 г. был раскрыт «заговор на улице Като» с целью убийства членов кабинета во время их совместного обеда. Пятеро заговорщиков заплатились жизнью, пятерых отправили на пожизненную каторгу.

В том же 1820 г. правительство ожидало потрясение совсем иного рода, едва его не свалившее, — бракоразводный процесс первого лица в государстве. И до той поры августейшая семья, казалось, делала все возможное, чтобы дискредитировать институт монархии. Король Георг III под конец жизни впал в безумие и уединился в Букингемском дворце. Его сыновья соперничали друг с другом в пьянстве, мотовстве и картежных играх; гражданского листа им не хватало, все были в долгах; в довершение всего они смущали ревнителей нравственности вольными союзами с дамами не вполне добродетельными. Пример подавал старший, Георг, с 1810 г. являвшийся принцем-регентом, а через десять лет вступивший на престол. Смолodu стройный и красивый, «первый джентльмен Европы», он, предаваясь обжорству и неумеренному потреблению спиртного, в зрелые годы растолстел, обрюзг и стал служить постоянной мишенью карикатуристам.

Георг не в состоянии был скрыть глубокой антипатии к британской конституционной практике, завидовал абсолютным монархам и однажды в беседе с русским послом Х. А. Ливеном выразил глубокое огорчение в связи с тем, что сто предки допустили создание такого «вредоносного» учреждения, как парламент.

Но ко всему этому правительство Ливерпула притерпелось. После своего воцарения Георг, однако, обрушил на него удар, от которого правительство чуть было не рухнуло. Дело в том, что брак короля был несчастлив и он жил в разлуке с женой, принцессой Каролиной, переселившейся на континент. Когда же супруг из регента превратился в монарха, Каролина явилась в Лондон, чтобы занять полагавшееся ей место на троне. Георг, к ужасу министров, вздумал начать в парламенте бракоразводный процесс, для чего жену следовало обвинить в неверности (хотя сам он в открытую жил с фаворитками). Большого подарка для жаждавшей власти оппозиции было трудно придумать. В обеих палатах зазвучали речи о святости семейного

очага. Некоторые министры, в том числе Каннинг, вышли в отставку. На короля набросились журналисты самой низкой пробы и карикатуристы; правительственное большинство в парламенте сократилось до угрожающего уровня, и кабинет сдался. Георга уговорили взять назад свое ходатайство, а Каролину — вернуться на континент, где она вскоре и умерла.

Самое долгое правительство. Лорд Ливерпул и его коллеги вздохнули с облегчением: жизнь и впрямь повернулась к ним своими светлыми сторонами. Промышленность вышла из послевоенного кризиса. Кабинет продолжал управлять страной еще семь лет, поставив рекорд долгожительств (1812—1827), не превзойденный по сию пору. Сам премьер-министр не обладал качествами выдающегося государственного мужа, но он имел свойство объединять яркие натуры, несмотря на их политические расхождения и личную неприязнь, и помогать им претворять в жизнь свои замыслы. Из этого кабинета вышли *Джордж Каннинг*, *Роберт Каслри*, *Джон Пальмерстон* и *Роберт Пил*.

Предстояло сделать немало и в области внутреннего законодательства. Законы в Англии живут столетия и подчас сильно устаревают. В просвещенном XIX в. уголовное право носило на себе отпечаток свирепых обычаев средневековья. Так, обычным наказанием за кражу (даже куска мяса) являлась смертная казнь. Присяжные часто оправдывали явного преступника, ибо не хотели отправлять на виселицу человека, похитившего носовой платок. Сэр Р. Пил, будучи в свое время министром внутренних дел, провел через парламент ряд актов, смягчавших драконовский характер уголовного права (смерть за более чем сто видов преступлений заменялась иным наказанием), он же добился смягчения ужасающего тюремного режима.

Тюрьмы Лондона и еще 17 городов были переданы в ведение мировых судей; их персоналу, ранее жившему за счет поборов с заключенных, было определено жалованье; созданы женские отделения с надзирательницами; в местах заключения появились священники и врачи, а их обитатели смогли получать начальное образование и религиозное воспитание. Пилу принадлежит также заслуга учреждения в Лондоне (вместо ленивых и податливых на взятку стражников) регулярной полиции (отсюда и кличка констеблей — *Бобби*). Позднее полицией обзавелась и провинция.

В 1819 г. кабинет лорда Ливерпула сделал маленький, но важный шаг в области социального законодательства: не без влияния знаменитого впоследствии утопического социалиста *Роберта Оуэна* парламент своим актом запретил принимать на работу детей в возрасте до 9 лет; для лиц до 16 лет рабочий день был сокращен до 10,5 часа. Наблюдать за исполнением закона было поручено мировым судьям, но те смотрели сквозь пальцы на многочисленные нарушения, так что акт оказался малоэффективным.

Тот же Р. Оуэн, как владелец хлопчатобумажной фабрики в Нью-Ланарке, демонстрировал, что вовсе не обязательно выжимать все соки из ткачей для процветания предпринимателя: он ограничил рабочий день десятью с половиной часами, открыл при фабрике школу и даже детский сад, построил для персонала образцовую деревню и достиг высокой производительности труда на основе рационализации и гуманизации производства. Фабрика Оуэна привлекала большое внимание общественности, чего нельзя сказать о его социалистических идеях, увлекших лишь энтузиастов (Оуэн представлял будущее «рациональное общество» состоящим из самоуправляющихся общин, и достигалось оно исключительно мирными средствами).

Виконт Роберт Каслри, в ведении которого была внешняя политика, активно участвовал в урегулировании европейских проблем, внося свою лепту в утверждение принципа легитимизма; он отказался, однако, поддержать написанный Александром I Манифест о создании Священного союза. Британские правящие сферы не усматривали для себя угрозы в переходе той или иной страны от абсолютистской формы правления к либерально-конституционной и не собирались препятствовать этому процессу вооруженной силой. Принцу-регенту Георгу, рвавшемуся в Священный союз, пришлось ограничиться письмом, в котором он восторженно одобрил его похвальные принципы. Подавление революционного движения в Италии и Испании вызвало у кабинета чувство беспокойства, тем более что радикальная общественность «дома» предавала анафеме континентальных деспотов.

В августе 1822 г. Каслри, давно проявлявший признаки немняемости, оставленный дома без присмотра, зарезался перочинным ножом. Ему на смену пришел *Джордж Каннинг*, один из самых ярких государственных мужей в британской истории.

Сын неудачливого бизнесмена и провинциальной актрисы, Каннинг не принадлежал к аристократии; ему не было написано на роду стать министром. Но в страдную пору наполеоновских войн появилась нужда в талантливой молодежи. Питт заметил юношу, и тот — блестящий оратор — быстро продвинулся по служебной лестнице. Не будучи связан с «дипломатией конгрессов», он мыслил шире и масштабнее Каслри. Каннинг пошел на такой шаг, как *признание независимости восставших против испанской короны латиноамериканских государств*. Континентальная реакция была повергнута в оцепенение, герцог Веллингтон горестно воскликнул: «Мы ныне слышем в Европе за якобинский клуб!» О столь важном решении полагалось объявить в тронной речи. Это оказалось превыше душевных сил короля Георга IV. Он объявил, что потерял вставную челюсть, а посему выступать лично не сможет — негоже, чтобы с высоты престола раздавалось невнятное, шепелявое бормотанье. Речь была зачитана.

Сам Каннинг с пафосом заявил, что вызвал к жизни Новый Свет. Все же следует сказать и о земных побуждениях, подвигнувших кабинет на столь значительный шаг, а они занимали не последнее место в инициативе Каннинга. Лендлорды хотели избежать парламентской реформы, означавшей посягательство на их власть в стране. А открытие и завоевание новых внешних рынков должно было отвлечь внимание промышленников и финансистов от дел домашних и повернуть его к заморским предприятиям. Напор в пользу реформы несколько ослабел. Центральная и Южная Америка превратилась в поле британской предпринимательской деятельности.

Парламентская реформа 1832 г. В 1829 г. произошло уравнивание в политических правах католиков и членов многочисленных христианских сект, до того не имевших доступа в парламент. Лишение их этого основополагающего права осуществлялось ранее, можно сказать, по-английски — не прямым запретом, а с помощью формулы принесения присяги членом парламента, приемлемой лишь для последователей англиканской церкви. В феврале 1828 г. в нижнюю палату было внесено предложение об изменении пресловутой формулы. Премьер-министром был тогда герцог Веллингтон, в политике олицетворявший традиции консерватизма. Но давление снизу было значительным, особенно со стороны католиков-ирландцев. Веллингтон встал перед выбором — или уступить,

или удалиться в отставку, передав власть (впервые за сорок лет!) вигам. Он предпочел первое (апрель 1829 г.).

Эмансипация католиков не привела к социальному миру — слишком очевидны были изъяны государственной структуры и чересчур велики силы, стремившиеся их реформировать. Ирландцы во главе с *О'Коннеллом* вступили в борьбу за отмену унии с Англией и восстановление в Дублине своего парламента (движение *рипилеров*).

Весьма архаичной была *избирательная система*. Границы округов оставались неизменными с начала XVII в., времени правления Якова I. Единого избирательного ценза не существовало; в деревнях голосовали «свободные землевладельцы» с доходом свыше 40 шиллингов в год; в городах царила полная разноголосица, но важно было владеть собственностью. Система игнорировала воистину гигантские демографические изменения предшествовавших двух веков. Индустриальный гигант Бирмингем вообще был лишен представительства; промышленный Йоркшир был представлен двумя депутатами — ровно столько же посылал в нижнюю палату обезлюдевший Олд Сарум; одна деревня была поглощена океаном, еще одна исчезла с лица земли, и место ее заняло болото, поросшее вереском. Всеми этими «гнилыми» и «карманными» местечками распоряжались лендлорды, набиравшие здесь свои «команды». Всего в голосовании участвовали 160 тыс. человек из 16 млн населения. Зачастую место в палате общин просто продавалось, что было нетрудно при десятке-другом избирателей, и даже существовала такса: такие округа делились на «дешевые» и «дорогие».

Три течения слились в мощный поток с требованием реформ. Для «низов» зло олицетворяли ненавистные хлебные законы, означавшие дороговизну продовольствия, а за этим стоял парламент с его несправедливым представительством. Обретшая силу промышленная буржуазия не довольствовалась прибылями от заокеанских рынков и требовала доступа к реальной власти. Для нее снижение цен на хлеб открывало перспективу уменьшения заработной платы. А во главе движения встали радикалы, сторонники демократизации конституционных норм. В роли идеолога выступал *Ричард Кобден*, убежденный сторонник свободы торговли, которую он считал ключом к благосостоянию. Перед всеобщими выборами, пришедшими на осень 1830 г., стало известно о революции во Франции, вдохновившей реформаторов.

Премьер герцог Веллингтон с порога отметал всякую возможность изменения избирательного закона как покушение на британскую конституцию, являвшуюся, по его словам, верхом совершенства, доступным человеческой природе. Кабинет подал в отставку, и новый король *Вильям (Вильгельм) IV* поручил формирование правительства лидеру вигов *Чарлзу Грейю*, более доступному новым веяниям. Он был готов потесниться и допустить нуворишей к власти, отнюдь не выпуская ее из рук правящей элиты. Будучи, по собственным словам, «аристократом по натуре и положению», он хотел с помощью реформы «обеспечить прочную почву для сопротивления дальнейшим инновациям». Предвидя ожесточенное противодействие палаты лордов, он заручился обещанием короля возвести в пэры столько людей, сколько потребуется для создания послушного правительству большинства в верхней палате. Напуганные перспективой «инфляции» пэров, лорды сдались. И все же потребовались еще одни выборы, чтобы билль прошел и стал законом. Итоги двухлетней борьбы: 56 «гнилых» местечек потеряли право на представительство; 31 округ из двухместного стал одноместным; округа были перекроены к выгоде для промышленных центров, но очень непоследовательно. Непременным условием права на участие в выборах являлось наличие соответствующего имущества, хотя ценз, по английскому обычаю, был определен крайне запутанно.

Весть о принятии 7 июня 1832 г. закона вызвала в стране ликование: созывались митинги, устраивались пикники и фейерверки. Но радость для многих оказалась преждевременной, хотя акт и добавил к спискам избирателей более 200 тыс. человек. И все же в выборах участвовала лишь 1/6 часть взрослого мужского населения. Тайного голосования не предусматривалось, а это означало, что в массе небольших сельских округов сквайр и приходский священник по-прежнему имели решающее слово. Сохранилось много «карманных» местечек.

Первые акты нового парламента были благоприятными: отмена рабства в Британской империи и, благодаря энергии филантропа *лорда Шефтсбери*, принятие первого действенного «фабричного закона», предусматривавшего сокращение рабочего дня для детей 9—12 лет на текстильных предприятиях до 48 часов в неделю, а для юношей и девушек до 18 лет — 68 часов. Таковы тогда были представления о гуманности.

Грея на посту премьера сменил виконт *Вильям Мелборн*. Добившаяся участия (не более того!) в управлении городская

буржуазия «отблагодарила» поддерживавшие ее низы *Законом о бедных* 1834 г., круто изменившим существовавшие прежде нормы призрения. По уходящим в средние века обычаям, узаконенным во второй половине XVI в. королевой Елизаветой I, каждый приход должен был содержать своих сирых и убогих, выделяя для этого соответствующие средства. Уже давно лендлорды, фермеры и промышленники выражали недовольство чрезмерной расточительностью и обременительностью для них прежних правил. Принятый акт разрешил предоставлять помощь на дому лишь престарелым и больным. Всех остальных надлежало помещать в работные дома, что больше походило на тюремное заключение. Открыто провозглашаемый принцип сводился к тому, чтобы обитателям названных учреждений было так плохо, что лишь отчаяние могло заставить их переступить порог. В работных домах жен разлучали с мужьями, а родителей — с детьми; добропорядочные, но впавшие в бедность граждане, случалось, помещались вместе с уголовниками, замужние женщины — с проститутками. Все это дополнялось изнурительным и бессмысленным (нарочно!) трудом и скудной пищей. Пауперам запрещалось покидать свои жилища (иначе их не назовешь!). Во время приема пищи не допускались разговоры; запрещалось курение. Эти мрачные заведения были окрещены Бастилиями и возбуждали чувство негодования у гуманно настроенной общественности. Подлинно обвинительным актом против них является роман Чарльза Диккенса «Оливер Твист», герой которого имел несчастье очутиться в таком учреждении для детей.

В 1835 г. тори ненадолго прорвались к власти. Этот мало-значительный эпизод был знаменателен тем, что сэр Р. Пил обратился к своим избирателям с *Тамвортским манифестом*, с которого, как принято считать, началась история современной *Консервативной партии*, преемницы тори. Пил, выходец из среды промышленной буржуазии, высказывался за то, чтобы «соединять твердую приверженность установленному правопорядку с исправлением явных злоупотреблений и устранением (причин) для недовольства». Так, в стоячей воде торизма появилась свежая реформаторская струя, обеспечившая партии продление жизни.

Завершение промышленной революции» Промышленная революция завершилась под стук паровозных колес. В 1825 г. *Дж. Стефенсон* провел пассажирский

состав между Стоктоном и Дарлингтоном. Ревнители старины и поклонники дилижанса были в ужасе, предрекая чуть ли не конец света: отравленная дымом земля перестанет приносить урожаи, звери и птицы повыведутся и не на кого будет охотиться благородным джентльменам. Но пыхтящее и чадающее чудовище уверенно прокладывало себе дорогу в жизнь. В 1830 г. линия протяженностью в 100 км связала текстильный Манчестер с портовым Ливерпулем. А дальше строительство пошло даже не семимильными, а стомильными шагами: к 1850 г. Англия покрылась сетью железных дорог, их общая протяженность достигла 50 тыс. км.

Железнодорожная лихорадка дала толчок развитию металлургии, машиностроения, горнорудного и строительного дела. Выплавка чугуна за то же двадцатилетие выросла втрое и превысила 2 млн т при значительном совершенствовании технологического процесса. Те же железные дороги породили паровозо- и вагоностроение. Однако не произошло ничего похожего на самопожирательный процесс гипертрофированного развития тяжелой индустрии. И по товарной продукции, и по числу занятых первое место продолжала занимать текстильная промышленность (1050 тыс. рабочих в 1850 г. по сравнению с 220 тыс. в угледобыче), прежде всего хлопчатобумажная, изделия которой составляли 70% британского экспорта. Но в середине века машинное производство, включая машиностроение, одержало победу во всех основных отраслях. *Промышленный переворот был завершен.* Англия превратилась в мастерскую мира, с ее изделиями никто не мог конкурировать. Хотя экспорт отставал по темпам роста — сказывалась таможенная огороженность традиционных европейских рынков, — цифры роста выглядели все же внушительно: 45 млн ф. ст. в 1830 г. и 70 млн ф. ст. в 1850 г., причем вывозилась почти исключительно промышленная продукция. Лондон стал мировым торговым и финансовым центром.

Быстро менялась демографическая ситуация: уже в 40-е годы в индустрии и коммерции было занято 42% самодеятельного населения, а в сельском хозяйстве — всего 28%. Двухмиллионный Лондон превратился в город-гигант; за ним следовали не древние Йорк и Кентербери, а молодые Манчестер, Бирмингем, Глазго.

Деревня и ремесло выбрасывали на рынок труда все новые и новые массы людей, а условия производства, его раздробленность на множество простейших операций позволяли предпри-

нимателям широко прибегать к неквалифицированному труду, особенно женщин и детей (из-за его дешевизны). Громадные и все растущие доходы и теоретически, и практически делали вполне возможным повышение заработной платы, но индустриальная буржуазия не была к этому готова ни идейно, ни нравственно. Над ней довлели представления эпохи первоначального накопления капитала, пережитки кальвинистско-пресвитерианских представлений о богоугодномTM преуспеянии в делах, не отягощаемых мыслью о греховности низведения ближнего своего до нищенского состояния. В понятие о конституционных свободах входила и свобода найма, не связывавшая работодателя какими-либо обязательствами по отношению к нанимаемым; на последних распространялся закон о хозяевах и слугах, ставивший их в неравноправное положение.

В июне 1839 г. Джон Рассел заявил в парламенте, что процветание страны проистекает из свободы — слова, коммерции, политики, религии. Рабочие беспорядки он приписывал агитации «зачинщиков», «волнующих население разнузданными революционными речами, призывающих к неповиновению властям и закону». Понадобились жестокие для правящих сфер уроки чартизма, голода 40-х годов в Ирландии и подъема рабочего движения, чтобы побудить их вступить на тот путь, который заслужил британской буржуазии репутацию самой благоумной и предусмотрительной в мире.

Чартизм. В Англии в 30-е годы XIX в. была предпринята первая серьезная попытка выделения пролетариата из общедемократического потока и сплочения его в организацию со своей программой и требованиями. В 1836 г. почти одновременно возникли *Лондонская ассоциация рабочих* и *Большой Северный союз* (Лидс). Обе организации объявили своей целью преобразование политического строя страны в интересах трудящихся с помощью парламентской реформы. Выдвинулись вожди — столяр Вильям Ловетт, журналисты Фергюс О'Коннор, Джеймс О'Брайен и Джулиан Гарни. Была составлена программа, получившая название *Народной хартии*. Она включала шесть пунктов: всеобщее избирательное право для мужчин; тайное голосование; создание равных по численности избирательных округов; отмена имущественного ценза для кандидатов; выплата членам палаты общин жалованья и ежегодное переизбрание палаты. Воплощение в жизнь

Народной хартии распахнуло бы двери палаты общин для «низов». На многочисленных митингах изложенные в Хартии требования получали поддержку, сотни тысяч людей подписывали ее текст. Лидеры чартистов так сформулировали народу цель: «Политическая власть — наше средство, благоденствие — наша цель». Промышленный спад 1838 г. способствовал агитации чартистов. Популярный оратор, священник *Стивене* говорил: «Всеобщее избирательное право есть, в конечном счете, вопрос ножа и вилки, вопрос о хлебе и сыре».

В феврале 1839 г. в Лондоне собрался *первый чартистский конвент*, обсудивший методы и формы борьбы за достижение Хартии. Среди делегатов возникли разногласия: одни (Ф. О'Коннор, Дж. О'Брайен) стояли за петиционную кампанию; другие (во главе с Дж. Гарни) полагали: «Есть лишь один способ добиться Хартии. Этот способ — восстание». 6 мая свитки Хартии, содержащие 1250 тыс. подписей, на громадных носилках были доставлены в парламент. Палата общин не спешила и только 12 июля приступила к обсуждению петиции. Внес ее радикально настроенный банкир Б. *Аттвуд*, который сказал: «Великая петиция, не имеющая прецедентов в парламентской истории Англии, порождена страданиями, обидами, неправдами, несчастьями трудящихся классов народа — не только рабочих, но и торговцев, предпринимателей, ремесленников, фермеров...» Действительно, Хартия заключала в себе мощный заряд общедемократических ценностей, и пролетариат, выступив ее инициатором, шел в авангарде движения. Акт о бедных Аттвуд сравнил со злодеяниями из времен норманнского завоевания. Он, Аттвуд, — законопослушный подданный короны; никогда он слова не молвил поперек властям предрежающим; он просит лишь, чтобы труженики могли жить своим трудом. Присутствовавшие не вняли его призыву и отвергли Хартию.

Молодой заднескамеечник, будущий знаменитый лидер консерваторов *Бенджамин Дизраэли*, хотя и поддержал большинство, выступил с речью, по-своему знаменательной: «Ему не стыдно заявить, что, как бы он ни осуждал Хартию, он сочувствует чартистам». Они составляют немалую часть его избирателей, и «никто не может сомневаться в том, что они трудятся в тяжелых условиях». Правительство не должно игнорировать недовольство миллиона с четвертью своих соотечественников, зло надо лечить.

Через несколько лет тот же Дизраэли, уже как писатель, выпустил роман с характерным заголовком «Сибилла, или Две индии», в котором яркими красками описал изысканную роскошь и знати и убогое существование обитателей трущоб. Так, наиболее проницательная часть правящей элиты осознала, что «оговорочно отметить требования чартистов нельзя. Основы «гудущих реформ были заложены».

Между тем разочарованный чартистский конвент, перебравшийся в Бирмингем, дебатировал вопрос — что же делать Польше? Небольшим перевесом голосов на 12 августа была назначена всеобщая стачка. Масса оказалась не подготовленной к ней ни идейно, ни организационно. В назначенный день и стране прошли митинги, демонстрации и лишь кое-где забастовки. Правительство ответило арестами «зачинщиков», конвент разошелся, почти все лидеры оказались за решеткой. С целью освобождения одного из них, Винсента, заключенного в тюрьму Ньюпорта в Южном Уэльсе, решено было предпринять вооруженную акцию. Отряд рабочих напал на тюрьму, но был рассеян войсками и полицией.

Накал событий привел к размежеванию в чартистских рядах; последние представители радикалов покинули их. В июле 1840 г. в Манчестере была организационно оформлена *Национальная чартистская ассоциация* с регулярными взносами и ячейками («классами») по десять человек. Новая петиция (3,3 млн подписей) была отвергнута парламентом в мае 1842 г. В ответ в Манчестере, во всем Ланкашире и соседних графствах, Шотландии, Уэльсе и Лондоне прокатилась волна стачек; но долго продержаться рабочие не могли, нужда заставила их вернуться на фабрики и заводы. Начался разброд среди лидеров. Ловетт предложил сосредоточиться на образовательных целях. О'Коннор выдвинул популярный лозунг возврата рабочих на землю. План оказался несбыточным из-за нехватки средств; Земельное общество О'Коннора обанкротилось, сам он разорился. Часть рабочих сосредоточилась на деятельности потребительской кооперации. В 1844 г. группа энтузиастов основала в городе Рочдейл (Рочдейлские пионеры) кооперативную лавку, развернувшую успешную торговлю по приемлемым ценам, и кооперативное движение стало разрастаться, как снежный ком.

Третий и последний подъем чартизма пришелся на 1847—1818 гг. и развивался в иных условиях — отмены хлебных законов, подешевления продовольствия и вместе с ним и жизни.

Всколыхнули рабочих вести о революции в Европе. Руководители чартистов утверждали, что им удалось собрать под новой петицией 5 млн подписей. На день внесения ее в парламент (10 апреля 1848 г.) была назначена грандиозная манифестация. Правительство спешно провело закон об охране короны, стянуло в столицу сильные отряды войск, объявило набор специальных констеблей (в число которых записался принц Луи-Наполеон Бонапарт, будущий император французов) и запретило шествие к зданию Вестминстера. О'Коннор обратился к участникам многолюдного митинга с просьбой не бросать открытого вызова властям. Его послушались, толпа разошлась.

Это было воспринято как признак слабости. Палата вновь отвергла петицию; движение пошло на убыль. Нельзя, однако, считать запреты и репрессии единственной причиной спада. Великобритания вступила в полосу серьезных социальных реформ. В Либеральной партии все громче звучал голос *Вильяма Юарта Гладстона*. Б. Дизраэли возглавил группировку «молодых тори». В верхней палате трудился знаменитый филантроп *лорд Шефтсбери*. Под несомненным влиянием чартизма окрепли тред-юнионы. В правящих кругах росло убеждение, что от принципа невмешательства государства в социальную жизнь надо отказаться и, хочешь — не хочешь, законодательно обозначить пределы эксплуатации.

Чартизм не исчез без следа. Он продолжал существовать до 1854 г. в лице *Союза братских демократов* во главе с *Эрнестом Джонсом*. Членом Союза состоял молодой Ф. Энгельс. Это была классовая организация, провозгласившая социализм своей целью. Но ее теоретическое созревание не сопровождалось ростом числа приверженцев; массы отдавали предпочтение тред-юнионистскому движению. Вера в возможность улучшения своей участи в рамках существующего строя не была поколеблена; напротив, деятельность парламента способствовала ее упрочению. И в дальнейшем революционная струя в общественном движении Англии, существовавшая в виде социалистических обществ, а позднее и партий, в широкий поток не превратилась, а воплощение в жизнь социалистических идей мыслилось реформистским путем.

В парламенте обе партии, виги и тори, не могли игнорировать подступавшие со всех сторон социальные проблемы: и в той, и в другой реформаторы противостояли традиционалистам, так что отдельные группировки по своим взглядам стояли ближе к единомышленникам в рядах «соперника», нежели

к «собственным» ретроgrадам. Минули времена бесспорного долголетнего преобладания (а значит, и правительственной монополии) той или другой партии (виги — 1715—1770; тори — 1770—1830). Теперь правительство часто опиралось на крошечное большинство, а то и вовсе его не имело.

Гораздо чаще, нежели раньше, стали образовываться так называемые *королевские комиссии* по обследованию жизни и труда тех или иных слоев населения: в них сотрудничали представители обеих партий, а доклады комиссий, публикуемые в виде *Синих книг*, открывали перед общественностью такие ужасы, что прятать их под сукно было просто невозможно. При смене правительств нередко случалось так, что новый кабинет доводил до конца (правда, обычно в несколько видоизмененном виде) итоги расследований и законопроекты, начатые его предшественником. Понятие соперничества стало постепенно уступать представлению о партнерстве в одном деле. На оппозицию стали смотреть как на поставщика альтернативных идей, постепенно и все чаще ее стали именовать, по аналогии с правительством, «оппозицией его (ее) величества». Позднее этот термин приобрел значение конституционного, лидер оппозиции превратился в важную фигуру государственной иерархии, а взгляды оппозиции стали рассматриваться как вклад в копилку государственных идей.

В 1835 г. было покончено с сохранившимся от средневековья хаосом в местном самоуправлении. По акту о муниципальной реформе возникли избираемые налогоплательщиками *муниципальные советы*, которые постепенно взяли в свои руки контроль за жилищным строительством, мощением и уборкой улиц, их освещением, отоплением домов, снабжением газом и водой, полицейской службой.

В 30—40-е годы королевские комиссии дважды выступали с отчетами об условиях труда на фабриках и шахтах, потрясшими общественность: малыши 7—8 лет работали в духоте текстильных предприятий с 6 утра до 8.30 вечера; рисунки изображали женщин и детей в лохмотьях, ползком толкавших вагонетки с углем, ибо высота штреков не позволяла им выпрямиться. Одновременно с урегулированием продолжительности рабочего дня детей и подростков (1833) был введен институт *фабричных инспекторов*, несколько обуздавших особо рьяных «потовыжимателей». Через десять лет был запрещен труд женщин и детей под землей. В 1847 г. вступил в силу акт, вводивший 58-часовую неделю для женщин и

подростков на всех производствах. Неторопливым был прогресс социального законодательства, но все же оно отвоевывало все новые и новые позиции.

Начало Викторианской эпохи. В 1837 г. престол заняла девятнадцатилетняя *Виктория*, мужская ветвь Ганноверского дома оборвалась. Кто бы мог подумать тогда, что ей суждено долгое 65-летнее царствование? Что в историю войдут понятия «*Викторианская Англия*» (и никому в голову не придет говорить о Гладстоновской Англии — по имени самого знаменитого ее деятеля), «*Викторианская эпоха*», «*викторианская мораль*» и даже «*викторианская архитектура*», причем не только в Британии, но и в Канаде, Австралии, Индии и даже в Соединенных Штатах? Что маленькая, молчаливая и в старости обрюзгшая и тучная женщина станет символом истории Англии в пору наивысшего подъема ее могущества?

Вступив на трон неопытной девочкой, Виктория быстро усвоила парламентские традиции и конституционные обычаи под руководством лорда Мелборна, симпатизировавшего юной монархине. Постепенно и все жестче начали проявляться черты ее характера — упорство и властность. Она высоко ставила королевские prerogatives и никому не позволяла посягать на них. Случилось, например, такое: самоуверенный лорд Джон Пальмерстон поспешил признать монархический переворот Луи-Наполеона Бонапарта, предварительно не информировав об этом, как то надлежало, королеву, — и навсегда расстался с печатями Форин-офис. Она не противоречила парламенту и не посягала на его полномочия, как то бывало с ее дедом и дядей, Георгом III и Георгом IV, не раз со вздохом назначала на высший пост в государстве лично ей неприятного Гладстона; но все премьер-министры начинали письма к ней словами: «Смирненно исполняя свой долг» — и делали свои доклады стоя.

Она сама выбрала себе супруга — принца Альберта Саксен-Кобург-Готского — и стала многодетной матерью образцовой английской семьи. Принц-супруг скончался, и Виктория сорок лет носила по нему траур. Королева служила символом гражданских и семейных добродетелей. Строгость викторианских обычаев и даже моды (не только зимой, но и летом, в жару, джентльмены не смели снять сюртук и скинуть жилет) вошла в поговорку. Виктория подняла престиж института

кшархии, пошатнувшийся при ее дяде Георге IV. Ее образ постепенно стал ассоциироваться с величием и могуществом империи.

За свою долгую жизнь Виктория породнилась чуть ли не со всеми правящими домами Европы. Царица Александра Федоровна, жена Николая II, была внучкой Виктории и англичанкой по воспитанию. Разветвленные монархические связи служили удобным средством дипломатических контактов, когда официальные каналы по тем или иным причинам представлялись неудобными.

При рождении принцесса была наречена именем Александрины-Виктории (в честь императора Александра I, реноме которого было весьма высоко в посленаполеоновское время). В последний раз оно прозвучало при коронации. Затем королева вычеркнула его из своей биографии. Это было естественно: Виктория считала Россию извечным соперником Великобритании, была одним из инициаторов Крымской войны и толкала правительство на конфликт с Россией в 1877—1878 гг. Она, несомненно, оказывала влияние на антирусскую направленность британской внешней политики.

Но пока что до этого было далеко. В 1837 г. Британия с симпатией взидала на хрупкую девочку, волею судеб ставшую главой нации. На трон она взошла в разгар острого политического кризиса, развернувшегося вокруг вопроса о внешней торговле. Хлебные законы постоянно удерживали цены на продовольствие на высоком уровне, от чего страдала любая семья, не относившаяся к состоятельным. Требуя их отмены, радикалы во главе с талантливыми публицистами и экономистами *Ричардом Кобденом* (1809—1865) и *Джоном Брайтом* (1811—1889) нашли понимание у масс. Проблема ставилась шире: введение свободы торговли, ибо мастерской мира нечего было опасаться конкуренции зарубежных товаров; Англия была заинтересована в том, чтобы партнеры на основе принципа взаимного благоприятствования отказались от возведенных ими таможенных барьеров, надеясь затопить мир потоком своих товаров. Против, по понятным соображениям, выступала «сельская Англия», боявшаяся притока в страну дешевого хлеба с континента и спада сельскохозяйственного производства.

Правительство не могло уже игнорировать развернутую *фритредерами* кампанию. Лорд Мелборт, будучи премьер-министром, решил разобраться в составленной в течение веков

и собранной по кусочкам системе таможенных сборов. Созданная для этого комиссия обнаружила 80 действовавших парламентских актов о таможенных сборах и до 500 видов товаров, ими облагавшихся; из них 10 приносили 80% дохода, а остальные — мелочь, иногда смехотворную. Так, среднегодовой сбор от ввоза стеклянных глаз для кукол (существовал и такой!) составлял один шиллинг 3,5 пенса, т. е. меньше тогдашнего российского полтинника. И вот парламент — медленно, в борении фритредеров и протекционистов — принялся реформировать таможенную систему. Два правительства пали, будущи не в силах решить эту задачу.

Решительный шаг сделал сэр Роберт Пил, понимавший, что речь идет о самом существовании Консервативной партии: упорство в отстаивании хлебных законов закрывало перед нею ворота в будущее. Еще один довод говорил в пользу реформы. В 1845 г. дожди залили поля в Англии, урожай выдался жалкий. Еще хуже сложились дела в Ирландии; болезнь картофеля, основной пищи ирландцев, свела почти на нет его сборы. На Изумрудном острове свирепствовал голод; несчастные его обитатели питались кореньями и травой; тысячами они умирали и сотнями тысяч в полном отчаянии отправлялись за океан. Благотворительность давала крохи требуемого. Лишь подвоз продовольствия с континента мог спасти обезлюдевшую наполовину Ирландию. Цепляться за хлебные законы значило обрекать на голодную смерть все новые тысячи людей. И Пил решил: в июне 1846 г. парламент принял акт об их отмене. Но сэр Роберт сломал на этом свою карьеру: он провел закон голосами либералов и ирландцев против большинства членов своей Консервативной партии. Консерваторы после этого раскололись, Пил ушел в отставку, а через четыре года во время верховой прогулки лошадь сбросила его с седла, да так неудачно, что он скончался.

В 1849 г. были отменены *Навигационные акты*, некогда защищавшие британский торговый флот от иностранной конкуренции. Теперь он в защите не нуждался и сам претендовал на роль морского извозчика.

Нашим современникам обрисованные выше социальные акты, вероятно, могут показаться недостаточно масштабными: жизнь «человека с улицы» оставалась тяжелой, а его труд — изнурительным. Но все познается в сравнении. Популярный журнал «Панч» («Петрушка») поместил рисунок: счастливая

емья сидит вокруг стола; у отца, матери и детей в руках — по куску долгожданного дешевого хлеба!

Промышленный подъем сменялся спадом; не раз пролетариат поднимался на широкие и длительные стачечные акции, порой добиваясь улучшения жизни; случались даже голодные унты. Но главным в британском рабочем движении стали *организация и борьба за усовершенствование существующего строя*. В 1851 г. возникло *Объединенное общество механиков*, в 1863 г. — *Национальный союз горняков* (помимо десятков более мелких тред-юнионов). В 1860 г. столичные профсоюзы объединились в *Лондонский совет тред-юнионов*. Рабочие организации участвовали в политических акциях большого размаха; во время Гражданской войны в США они, проявляя солидарность с северянами, выступали против благоприятной южанам политики правительства.

О создании собственной политической партии британские трудящиеся тогда не помышляли. В роли защитников интересов народа перед ними выступало радикальное крыло либералов. Проведение парламентской реформы 1832 г., кампания за отмену хлебных законов, движение за свободу торговли, ряд конкретных актов социального законодательства — все это способствовало длительному влиянию либералов на городские низы.

Сложнее обстояло дело у консерваторов. Реформаторам-тори, признававшим необходимость расширения избирательной базы партии, приходилось все время оглядываться на правоверных в собственных рядах. Преобразования следовало проводить не только «по возможности» (что делали и либералы), но и облекая их в приемлемые для традиционалистов одежды. Этот процесс связан с именем Дизраэли. Он возглавил группу *«Молодая Англия»*, состоявшую, за исключением его самого, из потомков аристократических родов. Обновление они усматривали в возврате к старым и добрым нравам; дворянство должно вспомнить о своих обязанностях по отношению к массам, доведенным до крайности безродной олигархией нуворишей, наглым, напористым и бесцеремонным капиталом, восстановить общественную гармонию, царившую (будто бы!) в «доброй, веселой, старой Англии». Престиж короны следует возвысить, с тем чтобы она могла защитить народ от посягательств толстосумов, лишенных сознания своего долга перед обществом. ^ . . .

История засвидетельствовала: консервативная идея, означающая сочетание ценностей старого с восприятием нововведений, оказалась живучей и способной к развитию. Основой взглядов Б. Дизраэли являлась формула: *обладание собственностью любого рода связано с ответственностью и обязанностями перед обществом*. Он мыслил это в виде иерархии сотрудничества: корона — церковь («учитель нации») — аристократия — средние классы — народ. Без сотрудничества правительство превращается в полицейскую машину, а народ — в толпу.

Филантропы относились к народу с благосклонной жалостью, а жалость унижает; социалисты противопоставляли класс классу; консервативные реформаторы утверждали единство общества, в котором каждая его часть имеет право на уважение, на участие в благах и власти (хотя и твердили о естественном праве элиты на руководство), и нельзя сказать, чтобы выработанная ими схема не находила отклика в рабочей среде.

Дела внешние и колониальные. В 1830 г. Форин-офис впервые возглавил виконт *Генри Джон Пальмерстон*, с именем которого британская внешняя политика будет связана последующие 35 лет, даже в то время, когда он официальных постов не занимал. Он с редким в истории дипломатии напором и настойчивостью осуществлял традиционный британский курс на сохранение равновесия в Европе, противодействуя возвышению то Франции, то России, что позволяло Британии без помех «править морями», утверждать свою торговую гегемонию и колониальное владычество. Поскольку Европой управляли легитимные монархи, лорд Генри Джон с этим мирился, но не понимал их упрямого стремления противодействовать проведению самых скромных конституционных преобразований и советовал, особенно перед революцией 1848 г., пойти, пока не поздно, на уступки верноподданным. Реформа во избежание революции — таким было его кредо.

Принципы внешней политики Англии он сформулировал весьма четко: «У нас нет ни вечных союзников, ни постоянных друзей, но вечны и постоянны наши интересы, и защищать их — наш долг». Союзники тоже призваны служить этим интересам: «Мы должны... использовать другие правительства, когда мы этого хотим и они проявляют готовность служить нам, но никогда не идти у них в кильватере; вести их за собой, когда и куда мы сможем, но никогда и ни за кем не следовать...»

Сразу же по вступлении в должность Пальмерстону пришлось заняться сложным бельгийским вопросом: в 1830 г. бельгийцы восстали и объявили о своем отделении от Нидерландов. Следовало обеспечить должную степень влияния в новом государстве. Лорд Генри Джон направил в голландские воды эскадру, чтобы король Вильгельм I не вздумал искать реванша, и очень удачно пристроил на бельгийский престол члена английского королевского дома принца Леопольда Саксен-Кобургского. Но тут французские Орлеаны вздумали предъявлять претензии, настаивая на компенсациях, и до короля Луи Филиппа дошли прямо-таки неординарные в устах дипломата слова Пальмерстона: «Франция не получит ничего, ни одной виноградной лозы, ни одной капустной грядки...»

Ни на год не затихали *англо-русские противоречия*, в значительной степени определявшие конфигурацию сил на международной арене. Сам Пальмерстон свидетельствовал: «Великий враг Англии — Россия; это проистекает не из личных чувств, а потому, что ее намерения и цели не совместимы с нашими интересами и безопасностью». Центр англо-русского соперничества приходился на *Балканы и Ближний Восток*. Пальмерстон не питал иллюзий насчет истинного положения вещей в Османской империи. Однако она хранила ключи от черноморских проливов, Босфора и Дарданелл, и в качестве стража британских имперских интересов должна была продолжить свое существование. Пальмерстона не смущало, что формула «статус-кво султанских владений», которой он придерживался, обрекала на застой многочисленное балканское и славянское население. Усилившееся после *Адрианопольского мира* 1829 г. и *Ункяр-Искелесийского договора* 1833 г. российское влияние в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке его тревожило. Опираясь на экономическую, финансовую и юрскую мощь Британии, умело используя проанглийские симпатии турецких реформаторов, Пальмерстон добился успеха в противоборстве с Россией. Заключенная в 1838 г. англо-турецкая торговая конвенция открыла перед английскими товарами и капиталами обширный рынок Османской империи. По *Лондонскому договору* 1841 г. проливы были закрыты для прохода военных кораблей всех стран. Флот России оказался запертым в Черном море. Апофеоз политики Пальмерстона — это *Парижский мир* 1856 г., завершивший Крымскую войну, о котором речь пойдет ниже.

Теория свободной торговли, взятая в чистом виде, казалось бы, не оставляла места завоевательным войнам и колониальным захватам. Ее идеолог Р. Кобден рассуждал: сила Англии — в ее экономике. Пока Потемкин и Суворов расширяли границы России, два «полководца прогресса», Джеймс Уатт и Ричард Аркрайт, возвели Британию в ранг первой промышленной, торговой и финансовой державы мира. Она должна быть миролюбивым и трудолюбивым государством. Россия ей не страшна; пусть она забирает себе даже Константинополь; «тысячи кораблей из Ливерпуля и Гуллы» смогут, в случае нужды, «заблокировать Россию в Мраморном море, как они уже сумели запереть ее в Финском заливе, и обеспечить свободу судоходства». Кобден выступал против давно усвоенной привычки оправдывать любые завоевательные или колониальные мероприятия, благо в аргументах недостатка никогда не ощущалось: равновесие сил, обеспечение безопасности торгового флага, цивилизаторская миссия, — их существовал целый набор, применяемый в разных вариациях. «В вопросах права на экспансию не должно быть одного закона для Англии, а другого — для всего мира», — требовал Кобден. Но голос его звучал одиноко, и на практике Великобритания почти непрерывно вела войны — то торговые, то колониальные, то «просто» захватнические.

В 1839 г. вице-король Индии лорд Окленд вмешался во внутриафганские дела. Англо-индийский отряд занял Кабул и посадил на престол своего ставленника. Но эмир Дост Мухаммед нанес ответный удар: интервенты были начисто уничтожены при их отступлении в горах; до Желалабада добрался один-единственный человек, принесший страшную весть. Провалилась и попытка организовать в 1842 г. карательную экспедицию. В парламенте кабинету пришлось выдержать напор весьма острой критики, в числе его оппонента выступил и Б. Дизраэли. Он счел нужным развенчать легенду (и ныне имеющую хождение), будто англичане наносили в Афганистане превентивный удар с целью предупредить его захват Россией и вообще лишь «оборонялись».

Британские правящие круги развязали две войны против Китая, получившие название *опиумных* (1839—1842; 1859—1860; последняя — совместно с Францией). Великобритания отторгла у Китая Гонконг, открыла для себя важные порты, получила разрешение на создание в нескольких городах своих

селтльментов, на которые не распространялась юрисдикция 5 итайских властей, не говоря уже о сбыте в Китае наркотиков.

Катаклизмом европейского масштаба явилась *Крымская спина*, вызванная соперничеством за преобладание на Балканах и Ближнем Востоке. Неуклюжими оказались маневры Николая I, выдвинувшего в самый неподходящий момент претензии на упрочение и расширение прав царизма и на покровительство православному населению турецких владений. Вошедшее во все дипломатические буквари описание миссии в Константинополе А. С. Меншикова как примера неумелости и бестактности скрывает тот факт, что Меншиков отказался от всех первоначально предъявленных требований и под конец настаивал лишь на сохранении прав, признанных за Россией по договорам в Кючук-Кайнарджи (1774) и Адрианополе (1829).

Тем не менее война разгорелась: только что возведший сам себя на французский престол император Наполеон III крайне нуждался в громком военном успехе и жаждал реванша за 1812 год; турецкие правители мечтали о возрождении своей власти на Балканах и надеялись добиться этого в коалиции с западными союзниками: Лондону в первый и единственный раз в XIX в. представилась возможность нанести силами чуть не всей Европы сокрушительный удар по сопернику и занять преобладающие позиции в громадном регионе, охватывающем юго-восток Европы и Ближний Восток. «Ястребы» в кабинете во главе с Дж. Пальмерстоном, занимавшим пост министра внутренних дел, легко преодолели сомнения и колебания умеренных.

Под стенами Севастополя британские войска славы не обрели. Сорок лет ими непрерывно командовал *герцог Веллингтон*, сохранивший армию в состоянии своего рода реликта начала столетия. Солдат без усталости муштровали, перегружали снаряжением, украшали позументами и без пощады пороли. Сохранился обычай продажи офицерских должностей, закрывавший дорогу талантливым, но недостаточно имущим профессионалам; в элитных полках за офицерский патент платили целые состояния, зато случалось, что обладатель одного «служил» на берегах Темзы, в то время как его батальон пребывал где-либо в колониях.

Интендантство обнаружило полную несостоятельность в части снабжения войск, зато большие способности приобщаться к доходам от военных поставок. Британский экспедицион-

ный корпус, располагавшийся вокруг Евпатории, на 3/4 вымерз и вымер в страшную для него зиму 1854—1855 гг. Взять «Большой редан» (3-й бастион) Севастополя ему так и не удалось. Но общий успех был на стороне союзников. Мир принес кабинету, который возглавил Пальмерстон, не все желаемое, но все же многое: Россия отказалась от покровительства христианам Юго-Восточной Европы, разоружила Черноморский флот, потеряла Южную Бессарабию. В парламенте расценили мир как «достойный», но не триумфальный.

История обошлась с Парижским миром (март 1856 г.), пытавшимся законсервировать изжившую себя власть Высокой Порты на Балканах. Созданная им система начала рассыпаться почти немедленно, народы продолжали добиваться освобождения, а в 1870 г. канцлер А.М.Горчаков объявил об отказе от стеснявшего Россию запрета на содержание военно-морского флота в Черном море, и Лондонская конференция 1871 г. вынуждена была его санкционировать.

Вскоре после Крымской войны разразилось событие, воочию показавшее, что угроза британскому владычеству в Индии исходит не извне, со стороны России, а изнутри. В 40-е годы XIX в. был покорен Бенгал, а в 1857 г. по всей Индии прокатилось восстание, едва не низвергнувшее британскую власть. Но и здесь политика «разделяй и властвуй» не дала осечки. Большинство раджей сохранили верность империи, против повстанцев сражались полки, набранные из сикхов и гурков. На жестокости восставших каратели ответили зверскими расправами. Мир обошел рисунок: вожди повстанцев стоят привязанные к дулам пушек, вот-вот грянет выстрел...

После подавления восстания маятник качнулся в сторону прощения и милосердия — умудренные жизнью политики призывали не приносить новых жертв на алтарь Молоха, иначе последствия станут непредсказуемыми. Были сделаны и «оргвыводы»: Ост-Индская компания, основанная еще в конце XVI в., прекратила свое существование; управление Индией перешло непосредственно в ведение короны. Королева Виктория обратилась к населению Индии с манифестом, обещая монаршее благоволение всем без исключения индийцам.

Но не одни мрачные черты проявлялись в колониальной системе империи. В 30-е годы переселенцы в Австралию получили статус самоуправления; в 40-е годы это право распространилось и на Канаду: по словам генерал-губернатора графа Дж. Дарема, обеспечить лояльность канадцев можно было,

ишь предоставив им возможность самоуправления при минимальном вмешательстве метрополии в их внутренние дела. Так были сделаны важные шаги в реконструкции империи на более справедливых и отвечающих принципам гуманизма началах.

До самой своей смерти в 1865 г. Г. Дж. Пальмерстон крепко держал бразды правления в своих руках. На восьмом десятке лет он совсем охладел к реформам; замыслы преобразований вызревали подспудно и вырвались наружу после его кончины. Они справедливо связываются с именами Вильяма Юарта Гладстона и Бенджамина Дизраэли.

Вильям Гладстон и Бенджамин Дизраэли. *Вильям Гладстон* — самая яркая фигура британского либерализма. С рождения, казалось, ничто не предвещало ему почетных прозвищ — «народный Вильям» и «великий старец». Сын богатого рабовладельца, имевшего плантации на Вест-Индских островах, он вступил в палату общин в молодости как умеренный консерватор. Автор книги о роли религии в государстве, живущий по законам христианской морали, человек столь строгих правил поведения, что дважды получил отказ от избранных им в спутницы жизни девиц, напуганных суровостью его взглядов (хотя, казалось бы, все преимущества были на его стороне — высок, строен, красив, богат и талантлив), прежде чем сочетался браком, — Гладстон «левел» прежде всего под воздействием заветов Евангелия, хотя ему никак нельзя отказать в способности чутко улавливать настроения в обществе, явно склонявшемся к социальному консенсусу.

Влиятельные промышленники, могущественные финансисты отнюдь не собирались вытеснить лендлордов с авансцены политической жизни. Владение поместьем, манором, традиционно давало тот вес в истеблишменте, которого одним звоном злата достичь было немыслимо, и обладатели толстых кошельков спешили обзавестись загородным домом и именем. Носители громких аристократических титулов занимали места в правлениях акционерных компаний. Верхушка рабочего класса, сумев завоевать себе сносное и даже комфортабельное существование, стремилась к проведению реформ в рамках существовавшего строя. Гладстон приступил к претворению этих тенденций в жизнь, видя в этом осуществление гуманных принципов христианства. Он снял запрет с рабочих организаций, легализовал тред-юнионы и стачки (правда, на-

ложив вето на пикетирование) и предложил снизить имущественный ценз при выборах в палату общин. Усилиями консерваторов и правых либералов билль был провален. Но вопрос столь назрел, что им занялся консервативный кабинет, в котором ключевую позицию канцлера казначейства занял *Бенджамин Дизраэли*.

Историки до сих пор спорят: как случилось, что Дизраэли, потопив проект Гладстона, затем выработал более прогрессивный закон: то ли по прозорливым стратегическим соображениям, желая обеспечить своей партии поддержку новых слоев избирателей, то ли руководствуясь карьеристскими побуждениями, то ли в стремлении к личной славе, которой жаждала его романтическая натура, то ли из чувства лютой вражды к Гладстону... Но факт остается фактом: проведенный им в жизнь в 1867 г. закон носил более радикальный характер по сравнению с проваленным ранее биллем Гладстона. Ценз оседлости был снижен до одного года, избирателями в городах стали налогоплательщики, вносившие за аренду жилища не менее 10 ф. ст. в год, в селах — фермеры и арендаторы даже с небольшим доходом. Число избирателей выросло вдвое, с одного до двух миллионов человек.

Сомнения одолевали коллег Дизраэли по кабинету. Его официальный глава, граф Дж. *Дерби*, назвал реформу «прыжком во тьму», три министра подали в отставку. Не оправдались и ближайшие политические расчеты — очередные выборы тори проиграли. Но маховик реформ был запущен. Были созданы примирительные суды для полюбовного решения трудовых конфликтов, расширено фабричное законодательство, рабочий день женщин и детей ограничен 10 часами, ребяташки обязаны были посещать школу; муниципалитетам предоставлена возможность строительства жилищ для малоимущих; улучшена участь моряков торгового флота; приняты меры борьбы с антисанитарным состоянием городов. Дизраэли, соперник и ненавистник Гладстона, выступал партнером в этом процессе и кое в чем даже превзошел «народного Вильяма»: так, он снял запрет с пикетирования при забастовках. Господствующий класс Великобритании, независимо от партийной принадлежности, демонстрировал гибкость и способность к маневру на пути к общественному консенсусу.

Преуспев больше других в войнах конца XVIII — начала XX в., Англия на десятилетия стала сильнейшей державой мира. Промышленное превосходство укрепило ее господство в

игровой торговле и на морях. Лондонская биржа и Английский банк стали мировым центром торговых и финансовых сделок. В 1851 г. Англия положила начало проведению *всемирных промышленных выставок*, демонстрировавших достижения производства и привлекавших внимание мировой общественности.

Возрастание международной роли Англии превратило ее, прежде всего Лондон, в важнейший узел международных общественных связей, особенно с 20-х годов, тем более что относительная политическая стабильность и гарантии свободы личности привлекали туда представителей самых различных идейно-политических направлений, преследуемых властями европейских стран — от Испании до Турции и от Италии до Российской империи. В Лондоне состоялись конгрессы Союза коммунистов и в начале 1848 г. был впервые опубликован «Манифест коммунистической партии».

После европейских революций 1848—1849 гг. круг революционных эмигрантов в Англии еще более расширился. В Лондоне нашли убежище многие лидеры потерпевших поражение революционных движений. А. Герцен издавал в Лондоне «Колокол», привлекавший многих противников царизма. Оттуда В. Гюго вел непримиримую борьбу против режима Наполеона III. В Англии укрывались и некоторые террористы, в связи с чем реакционные газеты называли ее «лабораторией политических убийств». Многие руководители польского восстания 1863—1864 гг. после его поражения тоже оказались в Лондоне.

Англия притягивала к себе не только всякого рода предпринимателей и революционеров, но и организованных рабочих многих стран, видевших в английском рабочем движении пример организованности в защите своих интересов. В 1864 г. в Лондоне было создано Международное товарищество рабочих, которое стало широко известно как *Интернационал*. В Лондоне заседал его Генеральный совет, в 1865 г. была проведена конференция Интернационала. Но все это на политическое развитие Великобритании почти не влияло.

ГЛАВА 7 Германия: от раздробленности к объединению

Германские государства после Тридцатилетней войны. Священная Римская империя германской нации в результате Вестфальского мира продлила свое существование еще на полтора столетия. Но Швейцария и Нидерланды (Республика Соединенных провинций) стали суверенными государствами. В империю по-прежнему входили населенные немцами испанские Нидерланды, Франш-Конте, на севере Шлезвиг-Гольштейн жили датчане, в Чехии (Богемии) и Моравии большинство населения составляли чехи и моравы, а в Силезии — поляки и чехи, в Каринтии и Крайне было много словенцев и т. д. Границы распространения католицизма и протестантизма устанавливались в основном по их существованию в так называемом нормальном (1648) году, и право князя на изменение конфессии ограничивалось этим годом. Кальвинизм (реформатская церковь) признавался третьей конфессией. Вводилась система паритета католиков и протестантов в имперских учреждениях.

Важное значение имели постановления о предоставлении князьям в империи суверенитета, в том числе законодательных прав, права вооружения, что обеспечивало существование постоянных армий и права заключения союзов между собой и с иностранными государствами. Тем самым входившие в империю территориальные государства становились самостоятельными субъектами международного права. Суверенными считались более 300 светских и духовных княжеств, 51 имперский город, 41 475 имперских рыцарей (во второй половине XVII в.). Если некоторыми землями империи владели иностранные государи (короли Франции, Швеции, а позднее и Англии, королем которой стал курфюрст Ганновера), то курфюрст Бранденбурга из дома Гогенцоллернов владел Пруссией, которая не входила в империю; владелец земель Австрийского дома Габсбургов был королем Венгрии, также не входившей в состав им-

перии. Таким образом, последняя представляла собой сообщество отдельных территориальных государств, соединенных некоторыми общими институтами и учреждениями, и в первую очередь *кайзером* (императором) — символом единства.

Император избирался коллегией духовных и светских курфюрстов во главе с Майнцским архиепископом. Император до конца существования империи был, за редким исключением, представителем династии Габсбургов (Австрийского дома) и, следовательно, находился в Вене. Коллегия курфюрстов (совет курфюрстов), руководимая Майнцским архиепископом, составляла первую курию. Вторую курию составлял совет князей (светских и духовных), обладавших 100 голосами; а третью курию — совет городов, куда входили в конце империи представители от 51 имперского города. С 1663 г. рейхстаг из посланников князей постоянно заседал в г. Регенсбурге. В рейхстаге добиться единогласного решения всех трех курий было трудно. Решения рейхстага подлежали обязательному утверждению императора (который в рассмотрении важных вопросов часто отказывал) и только после этого становились законом. В XVIII столетии такими законами стали законы, которые регулировали проблемы цехов, учеников и подмастерьев, что, конечно, не являлось самой важной проблемой империи. Центральными учреждениями империи были: имперская придворная канцелярия, придворный совет, имперская судебная палата.

Аграрные отношения. Последствия Тридцатилетней войны тяжело отразились на сельском хозяйстве, в разоренной деревне, где проживало большинство населения.

Для германских государств были характерны большие различия в аграрных отношениях. К востоку от Эльбы (в Бранденбурге, Мекленбурге, Пруссии) в XVII—XVIII вв. развивалось крупное дворянское хозяйство, ориентированное на товарное производство хлеба, льна и скота, на вывоз за границу, в первую очередь в Англию, Голландию, а также в Швецию. Крестьяне были в личной зависимости от землевладельца и несли лично и со своим тяглом барщину — так происходило «вторичное закрепощение» крестьянства, причем землевладельцы непрерывно увеличивали площадь своих земель за счет крестьянских. Помещики и сами вели хозяйство за счет труда батраков и поденщиков, которыми становились крестьяне, лишавшиеся земли, но остававшиеся в личной зависимос-

ти. Напротив, на юго-западе империи, например в Бадене или Вюртемберге, крестьяне платили феодальную ренту за свои держания, а крупных дворянских хозяйств не было; крестьяне оставались в своей массе держателями наделов.

Последствия войн на территории империи, усиление эксплуатации, рост налогов и тяжесть повинностей вызывали недовольство, протест и массовые выступления, которых было довольно много в этот полуторавековой период.

Особенно часто происходили волнения крестьян, они длились по многу лет. Когда в 1684 г. граф Ройс-Шляйц отклонил жалобы крестьян из Оберграйца и Дёлау на тяжесть налогов и военных постоев, они на своих сходах постановили отказаться от несения барщины; только спустя несколько лет с помощью военной экспедиции граф принудил их к повиновению. В 1650 г. начались крестьянские волнения в графстве Шёнбург, которые не прекращались в течение 30 лет; в них принимали участие несколько тысяч крестьян, при этом происходили кровавые столкновения с присланными войсками.

Сопротивление крестьян принимало самые различные формы. Довольно широкий размах получили требования фиксации повинностей, что в какой-то мере могло защитить крестьян от помещичьего произвола, непрерывно шли судебные процессы по этому поводу. Часто селяне отказывались выполнять барщину, платить налоги; большое возмущение вызывало феодальное право охоты. Деревенские жители убивали господ, сжигали их дома и замки, присоединялись к отрядам народной вольницы.

В 1705—1706 гг. крупным крестьянским восстанием была охвачена Бавария. Восставшие даже пытались занять ее столицу — Мюнхен. В Шварцвальде в 1719 г. крестьяне отказались исполнять повинности, которые от них требовал монастырь. Против них были брошены австрийские войска. Однако ни карательные экспедиции, ни аресты и высылки в Трансильванию руководителей восстания не могли в течение всего XVIII в. полностью уничтожить это движение. В 1761—1771 гг. в различных районах Южной Германии действовал большой отряд, пользовавшийся активной поддержкой крестьян. Благодаря их помощи в Железных горах отряд «разбойников» мог действовать с 1780 по 1803 г. Такие же отряды действовали в Тюрингии, Франконии и других районах.

В ряде случаев против национального угнетения выступали крестьяне-славяне: лужичане (сорбы) и поляки. В Силезии по-

рой польские и немецкие крестьяне боролись совместно. Силезская печать писала о «постоянной, настоящей войне» крестьян против помещиков. Совместная борьба славян и немцев имела место и во владениях Габсбургов. В некоторых случаях крестьянство выступало вместе с городскими низами.

Наряду с активными формами протеста крестьяне искали и иные формы. К их числу в известной мере можно отнести уход в различные религиозные секты, а также эмиграцию. Во второй половине XVIII в. многие немецкие крестьяне переселялись в американские колонии и в Россию.

Немецкие города. После Тридцатилетней войны число имперских городов сократилось, две трети из них превратились в княжеские. В связи с усилившейся ролью территориальных государств и их правителей росли так называемые *города-резиденции*. Так, Вена, имевшая в 1620 г. 30 тыс. жителей, в 1750 г. насчитывала их уже 175 тыс., а в Берлине, в котором в 1661 г. проживали 6,5 тыс. человек, в 1777 г. было уже 140 тыс. жителей. К числу таких городов-резиденций относились также Дрезден, Мюнхен, Штутгарт, Ганновер и др. В городах-резиденциях большая часть населения была связана с двором и с государственным управлением.

В результате Тридцатилетней войны ремесло в городах переживало упадок как из-за разрушений, грабежей и убийств во время войны, так и в результате большого ввоза в германские государства изделий иностранной промышленности, в первую очередь мануфактурной, а также вывоза немецкими купцами сырья. Только с конца XVII — начала XVIII в. началось увеличение производства, в известной мере связанное с городами-резиденциями. Происходил и рост кустарной промышленности вне цехового строя, в деревне, в основном в районах, где крестьяне из-за малоземелья не могли обеспечивать себя земледельческим трудом. Там появлялась рассеянная мануфактура. Возникли и централизованные мануфактуры в текстильном производстве и металлообработке, вовлекавшие в отдельных районах и цеховых ремесленников. Нередко крупные мануфактуры основывались князьями. Значение государственных мануфактур, работавших на армии, а также производивших дорогие предметы роскоши на продажу (например, фарфоровая мануфактура в Майсене, в Саксонии, основанная в 1710 г.), было велико. Организация крупных мануфактур была характерной для политики меркантилизма.

Распространение мануфактур нанесло сильный удар по цеховому ремеслу. В наиболее развитых государствах (например, в Пруссии, Саксонии, Вюртемберге) роль мануфактур в ряде отраслей стала преобладающей. В последней четверти XVIII в. важным центром текстильного производства и металлообработки был Берлин, где только в текстильном производстве в 1782 г. действовало 65 мануфактур. В это же время появились и первые машины (в Саксонии в 1785 г. была построена первая паровая машина). В 1784 г. в Ратингене, недалеко от Дюссельдорфа, открылась первая прядильная фабрика, в 1795 г. прядильная фабрика заработала в Берлине. Так в немецких государствах, где полностью еще не победило мануфактурное производство, появились первые симптомы промышленной революции.

Движения народного протеста в городах принимали разнообразные формы, их характер значительно менялся, в первую очередь в связи с развитием капиталистических отношений.

Городские движения часто представляли собой борьбу цехов, выступавших во главе мелкого бюргерства против господства городской патрицианской олигархии, как это, например, имело место в Кельне, где в 1685 г. при подавлении движения был повешен его руководитель купец Гюлах, во Франкфурте-на-Майне, Ульме, Эрфурте, Ройтлингене. Крупные размеры приняла борьба в Хильдесхайме в 1702—1703 гг., а в Мюльхаузене в 1727—1733 гг. дело дошло до применения войск.

Одновременно происходили столкновения между мастерами и подмастерьями, постепенно приобретающие все более широкий размах. В XVIII столетии по своему значению и остроте они превзошли даже борьбу с патрициатом; последний в ряде случаев выступал уже вместе с мастерами против подмастерьев. Подмастерья объединились в союзы-братства, значение которых росло и которые выступали за сохранение «синего понедедельника» (свободного дня после праздников) и призывали к прекращению работы. Эти братства были связаны с другими братствами в различных территориальных государствах и нередко с помощью бойкота успешно боролись с преследованиями властей. Движение подмастерьев становилось все более значительным, иногда распространяясь из одного государства в другое. Для борьбы с ним власти даже решились в 1731 г. издать имперский закон о цехах, который запрещал братства; выступления подмастерьев против мастеров и стачки подлежали строгому наказанию вплоть до смертной казни. Был отме-

нен «синий понедедельник». Этот закон ограничивал также монопольное положение цехов и разрешал мастерам иметь любое число подмастерьев.

Во многих городских центрах рабочие протестовали против тяжелых условий труда и жизни. Эти протесты проявлялись в таких формах, как прекращение работы, к чему прибегали, например, точильщики в Ремшайде, сталеплавильщики в Золингене, угольщики в Ахене или рабочие мануфактур в Берлине. Рабочие неоднократно выступали, и часто с успехом, против оплаты их труда не деньгами, а продуктами. Активно участвовали в борьбе рабочие, занятые в горном деле, где капиталистические отношения были более развиты.

Таким образом, в Германии во второй половине XVII—XVIII в. непрерывно происходили народные движения, в основном направленные против феодальных порядков, расшатывавшие феодальный строй и объективно расчищавшие путь новым общественным отношениям.

Абсолютизм. Новые общественные отношения вызревали в немецких территориальных государствах в условиях абсолютизма, укрепившегося после Тридцатилетней войны и просуществовавшего до конца XVIII столетия. Причинами установления абсолютистской формы правления были усиление сопротивления крестьянства, особенно в условиях «вторичного закрепощения» крестьянства за Эльбой, и растущие изменения в соотношении сил между различными общественными классами, в первую очередь между феодальным дворянством и торгово-мануфактурной буржуазией.

Если абсолютистские режимы в некоторых крупных государствах добивались известных успехов, то многие правители, и светские, и духовные, терпели поражение в своей политике. К числу первых прежде всего относились Габсбурги в своих владениях и Гогенцоллерны в Бранденбург-Прусском государстве, в то время как саксонские курфюрсты не смогли довести до конца задуманные преобразования, а политика герцогов Вюртемберга или Мекленбурга провалилась.

На протяжении полутора столетий от Вестфальского мира до конца XVII в. значительно выросла роль Бранденбург-Прусского государства. По Вестфальскому миру курфюрст Бранденбурга Фридрих Вильгельм получил ряд территорий, в частности Нижнюю (Восточную) Померанию. Все реки, впадавшие в Балтийское и Северное моря, протекали по территории Бран-

денбурга, что способствовало росту его экономики, позволяло развивать вывоз продукции сельского хозяйства.

Во время правления «великого курфюрста» Фридриха Вильгельма территориальное государство превратилось в европейскую державу. Курфюрст, установив режим абсолютной власти, резко ограничил права сословий и роль сословного представительства, установил жесткую централизацию в управлении, создал постоянную армию. Проводя ловкую внешнюю политику, нередко изменяя фронт в войнах, он добился больших успехов, главным из которых было освобождение в 1660 г. герцогства Пруссии (т. е. Восточной Пруссии) от ленной зависимости от Польши. Большое значение имел *Потсдамский эдикт* курфюрста в 1685 г., по которому более 20 тыс. французских гугенотов-протестантов были поселены в Бранденбурге, в основном в Берлине, что послужило важным импульсом для развития промышленности и торговли Бранденбурга. Была создана бранденбургско-африканская торговая компания и строился торговый флот.

Сын Фридриха Вильгельма курфюрст Фридрих в 1701 г. короновался в Кенигсберге как *Фридрих I*, король в Пруссии. Его преемник король *Фридрих Вильгельм I* проводил жесткую меркантилистскую политику, всячески препятствовал ввозу товаров из-за границы, чтобы максимально уменьшить перевод денег за пределы государства. Одновременно огромное внимание он уделял строительству армии, получив за это прозвище «*короля-солдата*». В 1717 г. было введено обязательное школьное обучение. Королевский абсолютизм стал всеохватывающим, король явился строителем прусского военно-чиновничьего государства с полной централизацией управления, а традиционными качествами прусского офицера и прусского чиновника стали непоколебимая верность королю и безусловное выполнение своего долга.

Правление его сына *Фридриха II* было ознаменовано многими войнами, в которых большую роль играл прусско-австрийский антагонизм, борьба за преобладающее положение среди германских государств и в империи. Вскоре после вступления на престол Фридрих II развязал войну против Австрии за Силезию. В результате трех войн большая часть Силезии стала прусской провинцией.

Фридрих II, человек высокообразованный, находившийся под влиянием идей Просвещения, переписывался с Вольтером, который жил у него в Сан-Суси, и сам много писал, только

по-французски, презируя немецкую литературу и искусство. Он был представителем политики просвещенного абсолютизма, проводил реформы в области права и управления, продолжал меркантилистскую политику; при нем основывались мануфактуры, открывались банки, строились каналы, проводилось большое строительство в Берлине и Потсдаме, улучшалось образование, широко практиковалась веротерпимость. Большое внимание Фридрих II уделял армии, насчитывавшей 150 тыс. человек; ее содержание ложилось тяжелым бременем на народные массы и истощало страну, что вызывало широкое недовольство королем — «философом из Сан-Суси», «старым Фрицем». Однако благодаря своим реформам и завоеваниям он вошел в историю как *Фридрих II Великий*.

Германские государства в международных отношениях. После Вестфальского мира полтора столетия германские территориальные государства являлись пространством, где разрешались международные противоречия, сталкивались вражеские армии, вовлекая в противостоящие союзы одни или другие германские государства. Особой агрессивностью при этом отличалась политика правительства Людовика XIV, приведшая к потерям многих немецких территорий.

Со второй половины XVII в. росли политические связи ряда немецких государств с Россией. В 1699 г. был заключен союз России с курфюрстом Саксонии, польским королем Августом II (Сильным) о войне против Швеции. Поражение Швеции в Северной войне привело к утрате Швецией ее ранее прочного положения в Европе и Германии, к потере значительной части шведских владений на немецкой земле. Пруссия и Ганновер получили новые территории. Россия становилась субъектом политического развития Германии.

Со времен Петра I династические браки членов царской фамилии с представителями немецких династий (в том числе всех царей, кроме Александра III) были частым явлением, что всегда накладывало определенный отпечаток и на политические взаимоотношения. Значительное усиление мощи России, ее связи с Бранденбургом-Пруссией и с герцогом Мекленбурга вызвали резкое недовольство и опасения со стороны Англии, охранявшей свою торговую гегемонию, и Австрии. Королем Англии стал курфюрст Ганновера *Георг I*. Он заключил союз с Австрией и Саксонией—Польшей против России и Пруссии,

предусматривавший, в частности, и раздел прусской территории. Нажим участников союза привел к уступкам Петра, но способствовал укреплению русско-прусских отношений. Английская политика против России в Германии приобретала все большие размеры, выражаясь, в частности, в распространении мифа о «русской угрозе Европе».

На протяжении XVIII столетия русская дипломатия проводила активную политику, часто вмешиваясь в борьбу немецких территориальных государств, в усилившееся прусско-австрийское соперничество. Русские войска принимали участие в военных действиях на территории Германии, но всегда как союзники каких-либо немецких государств. В Семилетней войне (1756—1763) Россия участвовала на стороне Австрии, Саксонии, Франции и Швеции против Англии и Пруссии. В ходе войны русско-австрийские войска в 1760 г. вступили в Берлин, а занятая в 1758 г. русскими войсками Восточная Пруссия была объявлена русским владением, и ее население присягало на верность императрице Елизавете. Смерть Елизаветы спасла короля Пруссии Фридриха II от полного разгрома.

Реформы Фридриха II объективно способствовали развитию капиталистических отношений, но его политика носила династический характер и отнюдь не была «национальной». Для укрепления связей с Российской империей Фридрих II использовал первый раздел польских земель между Пруссией, Австрией и Россией в 1772 г., когда он, присоединив Западную Пруссию и другие польские земли, добился создания единой территории с Восточной Пруссией. С этого времени сохранение отобранных у Польши территорий на протяжении столетия играло большую роль в упрочении отношений трех монархий. Наряду с политическими росли и торгово-экономические взаимоотношения России с германскими государствами, расширялись немецко-русские связи в области культуры, науки и образования.

Немецкая нация. Процесс складывания единой немецкой нации затруднялся раздробленностью на многие территориальные государства: их жители считали себя в первую очередь баварцами, саксонцами, баденцами и т. д. Существовало множество диалектов, которые сильно отличались друг от друга, например, баварец с большим трудом понимал мекленбуржца, и это затрудняло выработку немецкого национального сознания. Но во второй половине XVII в. среди пере-

довых ученых набирает силу движение за создание единого литературного немецкого языка, получившего во второй половине XVIII в. широкое распространение. Немецкий язык становится языком науки. Юрист *Христиан Томазиус* первым в 1687 г. стал читать университетские лекции не на латыни, а по-немецки. Так начала проявлять себя возникшая с конца XVII в. идеология немецкого Просвещения. Выступая преимущественно в сфере идеологии, просветители сыграли большую роль в развитии национального самосознания немецкого народа, распространении передовых идей. Видными представителями немецкого Просвещения были универсально образованные ученые *Готфрид Вильгельм Лейбниц* и *Христиан Вольф*. Наиболее крупным философом немецкого Просвещения был *Иммануил Кант*.

В распространении идей Просвещения заметное место занимали немецкие университеты, которых было значительно больше, чем в других странах. Идеи Просвещения были исходным моментом для развития немецкой классической литературы и музыки. Немецкая нация, по определению самих же немецких историков, была в то время не «государственной нацией» (*Staatsnation*), как английская или французская, а «культурной нацией» (*Kulturnation*).

Влияние Французской революции XVIII в. В конце XVIII в. передовые представители науки и культуры, ряд видных философов, писателей, композиторов (*Кант* и *Шиллер*, *Фихте* и *Виланд*, *Шлегель* и *Бетховен*) восторгались идеями Французской революции. В 1789 г. в некоторых немецких государствах, близко расположенных к Франции, прокатилась волна выступлений крестьян; осенью этого же года волнения наблюдались в ряде прирейнских городов и т. д. В августе 1790 г. было подавлено восстание крестьян в Саксонии, а в 1793—1794 гг. — крупные восстания деревенских ткачей и крестьян в Силезии.

Революционные события во Франции, отклики на них в немецких государствах встретили решительное неприятие со стороны светских и духовных князей, властных структур и многих представителей немецкого дворянства. Германские государства стали местом пребывания французских эмигрантов, наибольшее их количество сосредоточилось в прирейнском Кобленце — «столице» эмиграции. Прусский король *Фридрих Вильгельм II* и император *Леопольд II* в августе 1791 г. заклю-

чили в Пильнице конвенцию, угрожавшую Франции интервенцией. Война началась в апреле 1792 г. В августе 1792 г. немецкие войска развернули наступление на Париж, но оно закончилось их поражением в битве при *Вальми* 20 сентября 1792 г. Великий немецкий поэт *Иоганн Вольфганг Гёте*, очевидец событий, сказал в день битвы: «Сегодня отсюда начинается новая эпоха всемирной истории». Немецкие войска отступили, французская же армия вступила в прирейнские немецкие государства.

Идея переноса революции за пределы Франции и стала осуществляться на левом берегу Рейна. Майнц, главный город Майнцского архиепископства, занятый французскими войсками в октябре 1792 г., стал центром революционного движения. Там по образцу Якобинского клуба возник клуб «*Общество друзей свободы и равенства*», как и на других территориях, оккупированных французскими войсками, декретом французского Конвента был провозглашен суверенитет народа, проведены отмена феодальных прав и повинностей и первые на немецкой земле демократические выборы. - Рейнско-немецкий национальный Конвент открылся 17 марта, его президентом был избран просветитель и революционный демократ *Георг Форстер*. Конвент лишил феодальных владетелей всех прав и по инициативе Форстера провозгласил территорию от Ландау до Бингена «свободным, независимым, неделимым государством, основанным на законах свободы и равенства». Это была первая демократическая республика на немецкой земле — *Майнская республика*. 19 марта 1793 г. конвент проголосовал за ее вхождение во Францию. Но после ухода французских войск вооруженные силы коалиции восстановили власть курфюрста-архиепископа и старые порядки.

После возвращения французских войск осенью 1794 г. на левобережье Рейна немецкий якобинизм при поддержке французских военных властей добился известных успехов. Выступления немецких якобинцев происходили и в занятой французскими войсками Южной Германии во второй половине 90-х годов XVIII в. Немецкие якобинцы выступали в печати и вели агитацию и в других регионах, в частности в Гамбурге.

Германские государства во время наполеоновских войн. Наполеоновские войны оказали огромное влияние на судьбы немецкого народа. В Германии была установлена гегемония Наполеона, а значительная ее часть очути-

лась под французским господством. В 1803 г. началась ликвидация духовных княжеств и многих мелких владений, земли которых были присоединены к более крупным государствам. В 1806 г. был создан *Рейнский союз*, его протектором стал Наполеон. Союз охватил к 1812 г. все немецкие государства, за исключением уменьшенных Австрии и Пруссии и тех земель, которые непосредственно были включены в состав Франции. Создание Рейнского союза привело в августе 1806 г. к ликвидации Священной Римской империи германской нации.

Государства Рейнского союза состояли в оборонительном и наступательном союзе с Францией, и Наполеон использовал их войска. В государствах Рейнского союза по образцу Франции были проведены многие антифеодальные преобразования и, в частности, отменена крепостная зависимость крестьянства; в некоторых из них вводился Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона), была осуществлена эмансипация евреев и т. д. Однако модернизация проходила в пределах, выгодных наполеоновскому режиму. Французское господство проявлялось в массовых реквизициях, принудительных займах, увеличении налогов, в особой тяжести рекрутских наборов. Все это, а также континентальная блокада, плохо сказывавшаяся на экономическом положении немецкого населения, вызывало недовольство и противодействие.

Созданию Рейнского союза и укреплению французской гегемонии в 1806 г. постаралась воспрепятствовать Пруссия, отказавшись от нейтралитета. Но вступление Пруссии в войну закончилось в 1806 г. разгромом прусских войск под Йеной и Ауэрштедтом. Французские войска вошли в Берлин и в ходе дальнейших боев оккупировали Пруссию. Только благодаря вмешательству императора Александра I Наполеон по *Тильзитскому миру* в июле 1807 г. согласился на ее сохранение. Пруссия потеряла земли западнее Эльбы, вошедшие во вновь созданное королевство Вестфалию, польские земли, отошедшие к Великому герцогству Варшавскому, должна была заплатить большую контрибуцию и примкнуть к континентальной блокаде.

Выходом из униженного положения Пруссии и предпосылкой ее освобождения от французской гегемонии было проведение реформ. С осени 1807 г. в стране под руководством министра барона *фон Штейна* проводились реформы, продолженные князем *Карлом фон Харденбергом*. Была отменена личная зависимость крестьян и установлен выкуп их плате-

жей и повинностей, ликвидирована цеховая система. Вводились министерства по отраслям управления; устанавливался принцип самоуправления в городах и др. Военная реформа ликвидировала дворянские привилегии на офицерские должности, в армии отменялись телесные наказания, создавался обученный резерв армии — *ландвер*.

Немецкие земли, испытывавшие наибольший гнет иноземных поработителей, их материальные и человеческие ресурсы были широко использованы Наполеоном I. В составе «великой армии» Наполеона I, начавшей в июне 1812 г. войну против России, третью часть составляли немцы. Ряд немецких государств, в том числе Австрия и Пруссия, были вынуждены стать союзниками Французской империи в войне против России.

Во время Отечественной войны 1812 г. в России нашли убежище многие немецкие патриоты, активно участвовавшие в борьбе за освобождение Германии. Большую роль в этой борьбе в 1812—1813 гг. сыграл бывший прусский министр Штейн, приглашенный Александром I в Россию в 1812 г. «для великого дела». Штейн предложил образовать Комитет для немецких дел и сформировать немецко-русский легион. Легион принял участие в военных действиях, большую роль в нем играл прусский офицер *Карл фон Клаузевиц*, будущий крупный военный мыслитель и генерал. В 1813 г. по поручению императора Александра I Штейн временно управлял Восточной Пруссией, а затем Саксонией. В ходе освободительных войн 1813—1814 гг. русско-немецкие политические связи значительно укрепились.

Германский союз. В процессе мирного урегулирования в Европе после падения наполеоновской империи актом Венского конгресса 8 июня 1815 г. был создан *Германский союз* взамен Священной Римской империи германской нации. В Союз входили 35 суверенных монархий и 4 вольных города — Гамбург, Бремен, Любек и Франкфурт-на-Майне. Германский союз был непрочным объединением. Заседавший во Франкфурте-на-Майне представительный орган Союза — *бундестаг* — состоял из полномочных представителей государств и работал постоянно под председательством представителя Австрии. Решения бундестага не являлись обязательными для отдельных участников Союза.

Германский союз объявлялся нерасторжимым. Австрия и Пруссия входили в Союз только теми землями, которые в про-

шлом были в составе империи. Членами Союза были также король Великобритании как король Ганновера, король Дании как герцог Шлезвига и король Нидерландов как великий герцог Люксембурга. Союз имел пять крепостей и теоретически — союзную армию (*бундесвер*), состоявшую из контингентов армий отдельных государств. Сильнейшими в Союзе были Австрия и Пруссия, все важнейшие решения бундестага достигались путем предварительного обсуждения между ними. Германский союз не ставил своей целью экономическое и политическое объединение немецкого народа, а, по существу, был орудием реставрационной политики австрийского штатеканцлера князя *Клеменса фон Меттерниха*.

Важное место в реакционной политике Священного союза занимала Германия, причем здесь ведущую роль играл Меттерних. Ему удавалось представить в общественном мнении немцев Россию как основное препятствие для либерального и демократического движения в стране. Убийство драматурга *Августа фон Коцебу* было использовано Меттернихом для принятия на Карлсбадском конгрессе Священного союза программы реакционных мероприятий в Германии.

Активизации немецких либералов, демократов и патриотов способствовали Июльская революция 1830 г. во Франции, восстание в Польше и революция в Бельгии. 27—30 мая 1832 г. в Хамбахе (Пфальц) был устроен национальный праздник, в котором приняли участие почти 30 тыс. человек. На нем провозглашались требования свободной и объединенной Германии.

Экономическое и социальное развитие. В 1815—1848 гг. в германских государствах ускорилось развитие капиталистических отношений. В Пруссии помещичье хозяйство быстрыми темпами превращалось в буржуазное, юнкерское, в нем использовался труд безземельных батраков и малоземельных крестьян. В Западной и Юго-Западной Германии расслоение крестьянства, создание крупных хозяйств и разорение крестьянских масс приобретали все большие размеры. Это приводило к росту эмиграции: так, если с 1834 до 1846 г. ежегодно в среднем уезжали 20 тыс. человек, то с 1846 по 1855 г. эмигрировали 1 млн 100 тыс. человек.

Большое значение для экономического объединения отдельных государств имело создание по инициативе Пруссии в 1834 г. *Немецкого таможенного союза*, постепенно расширявшегося. В немецких государствах в 30—40-е годы развер-

нулся промышленный переворот, строились железные дороги (в 1850 г. длина железнодорожных путей составляла уже более 6 тыс. км), росла горная и металлургическая промышленность, центром которой была Рейнская область, увеличивалось число паровых машин. Развивалась машиностроительная (Берлин) и текстильная (в Саксонии) промышленность.

Развитие промышленности вело к увеличению числа рабочих. В 1846 г. в Пруссии насчитывалось 750 тыс. рабочих, правда, промышленные рабочие, трудящиеся на фабриках и заводах, составляли около 100 тыс. человек. Основную массу составляли кустари, ремесленники и подмастерья, рабочие мануфактур, многие из которых работали на дому. К числу таких рабочих принадлежали и ткачи в Силезии, участвовавшие в стихийном восстании в 1844 г., которое было жестоко подавлено войсками. Нередки были случаи разрушения рабочими машин на фабриках.

В 30-е годы зарождаются первые организации формировавшегося пролетариата; поначалу они создавались немецкими отходниками — ремесленниками и рабочими во Франции, Англии, Швейцарии и Бельгии. В 1836 г. в Париже образовалось тайное общество «*Союз справедливых*», находившееся под влиянием французских социалистическо-коммунистических идей. В 1847 г. на основе «Союза справедливых» был создан «*Союз коммунистов*». Его программой стал «Манифест коммунистической партии», написанный К. Марксом и Ф. Энгельсом и вышедший в свет в феврале 1848 г. В «Манифесте» были изложены основы учения о победе коммунизма. В дальнейшем «Манифест» оказал большое влияние на рабочее движение во всем мире.

В связи с обострением внутренних противоречий и конфликтов в государствах Германского союза во второй половине 40-х годов XIX в. усилились стремления к решительным переменам. На политическое положение и социальные отношения в германских государствах тяжело повлияли сильный недород 1845—1847 гг. и разразившийся в 1847 г. циклический экономический кризис, имевший мировой характер. В образованных слоях населения распространялась идея создания единого Германского государства. Ширилось либеральное движение, росло влияние радикалов. Революционных перемен желали далеко не все: либералы рассматривали перспективу революции как несчастье, а консерваторы испытывали перед ней панический страх. Все это вместе взятое свидетельствовало о наличии в государствах Германского союза революционной ситуации.

Революция в Германии. Известия о победоносной революции во Франции сыграли роль детонатора, вызвавшего революционный взрыв в германских государствах. Уже через два дня после провозглашения в Париже республики (27 февраля 1848 г.) в пограничном с Францией Великом герцогстве Бадене либералы и радикалы собрали многочисленное народное собрание в *Мангейме*, где была принята петиция в парламент с требованиями вооружения народа (т. е. создания милиции), свободы печати и уничтожения цензуры, отмены запрета партий и свободы собраний, демократизации юстиции и созыва общегерманского национального парламента. 1 марта эта петиция была передана ландтагу специальной делегацией, которую сопровождали манифестанты. Палата приняла эти требования (была введена ответственность министров перед палатой), как и присягу армии Конституции и отмену феодальных прав. Великий герцог был вынужден поддержать принятые ландтагом решения и согласиться с созданием правительства из либералов для их осуществления.

В других средних и мелких государствах Германского союза ход событий в марте 1848 г. походил на события в Бадене: собирались народные собрания, происходили демонстрации с аналогичными «мартовскими требованиями», либералы входили в «мартовские правительства». Отсюда и название революции в Германии — «*мартовская революция*».

Мартовская революция быстро распространилась по Германии, охватила крупнейшие государства — Австрию и Пруссию. Революционные выступления 3 марта в Кёльне (Пруссия) нашли отклик в центрах Рейнской провинции, а 7 марта начались в Берлине с выдвижением тех же требований, что и в других государствах. Народный протест, принимавший социально-революционный характер, нарастал. 13 марта произошли столкновения демонстрантов с войсками, разворачивались бои на улицах, были убиты и ранены.

Обеспокоенный известиями о революционном выступлении в Вене и бегстве Меттерниха прусский король *Фридрих Вильгельм IV* 18 марта объявил об отмене цензуры и созыве Соединенного ландтага, дал обещание ввести конституцию и реорганизовать Германский союз. Но столкновения демонстрантов с войсками продолжались и 18—19 марта переросли в баррикадные бои по всему Берлину, большую часть которого заняли повстанцы (студенты, ремесленники и рабочие), потяравшие в боях около 400 убитых. 19 марта король отдал при-

каз о выводе войск из Берлина. В последующие дни король обещал конституцию, во главе правительства были поставлены либеральные деятели Рейнской провинции *Лудольф Кампгаузен* и *Давид Ханзман*.

Весной 1848 г. в ряде государств юго-запада и центра Германии развернулись мощные аграрные движения. Крестьянам, выступавшим против дворянских привилегий и остатков феодальных отношений, удалось добиться удовлетворения многих своих требований, после чего их участие в дальнейшей революционной борьбе сошло на нет.

Движение за создание общегерманского парламента в середине апреля — середине мая вылилось в выборы депутатов *Национального собрания*. 18 мая 1848 г. во Франкфурте-на-Майне в церкви св. Павла открылось первое заседание Собрания, состоявшего преимущественно из либералов и нескольких демократов, а также определенного числа консерваторов. Основная масса депутатов происходила из образованных слоев, в частности, были избраны 49 профессоров университетов.

Национальное собрание отнюдь не стало общегерманской центральной властью. Избранный парламентом временный имперский правитель, которым стал австрийский эрцгерцог Иоганн, и временное имперское правительство также не имели ни полномочий, ни средств и возможностей проводить какую-либо политику, ибо она встречала возражения со стороны Австрии, Пруссии и других государств. На многих заседаниях парламента в течение длительного времени обсуждался проект имперской конституции, широко дебатировался вопрос о будущем Германии, о «великогерманском» (с участием Австрийской империи) или «малогерманском» (без Австрии) вариантах Германского государства.

28 марта 1849 г. парламент принял *имперскую Конституцию*, составной частью которой были одобренные парламентом в декабре 1848 г. «Основные права немецкого народа», написанные по образцу американской Декларации независимости 1776 г. и французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Таким образом, впервые в немецкой истории были прокламированы свободы граждан: свобода личности, свобода выражения мнений, свобода веры и совести, свобода передвижения по территории империи, свобода собраний и коалиций, равенство перед законом, свобода выбора профессий, неприкосновенность собственности. Ликвидировались все сословные преимущества, остававшиеся феодальные повинности; отме-

нялась смертная казнь. Был принят «малогерманский» вариант империи; «императором немцев», главой исполнительной власти был избран прусский король Фридрих Вильгельм IV. Законодательную власть представлял собой двухпалатный парламент — *Народное собрание* (фольксхаус), избиравшееся всеобщим и равным голосованием всеми мужчинами, и *Собрание государств* (штатенхаус) из представителей правительств и ландтагов отдельных государств. Таким образом, консерваторам при поддержке либералов удалось закрепить в Конституции монархический принцип и наследственную монархию, сохранить все территориальные государства и их династии, вопреки требованиям немногочисленных демократов и радикалов, настаивавших на создании единой демократической республики.

Конституция, принятая франкфуртским парламентом, оказалась мертворожденной. 3 апреля 1849 г. прусский король Фридрих Вильгельм IV категорически отказался принять корону (как он писал, «свинскую корону»), отдававшую «тлетворным запахом революции», к тому же грозившую войной с Австрией. Отказ прусского короля свидетельствовал о наступлении контрреволюции в Германии и знаменовал собой крушение дела франкфуртского парламента. Конституция была отвергнута монархами и правительствами многих германских государств.

Республиканцы и демократы сделали попытку защитить Конституцию и воплотить ее в жизнь; хотя она и не отвечала их представлениям, но могла послужить орудием в борьбе с контрреволюцией. В мае—июне 1849 г. прошли народные восстания в защиту Конституции в Дрездене, в Рейнской области, Пфальце и Бадене. Все они были подавлены, причем в Бадене и Пфальце в подавлении участвовали прусские войска, которыми командовал кронпринц Вильгельм. Так прусские войска задушили последний всплеск движения за единство демократической Германии. Действия прусских войска явились сигналом для правительства Вюртемберга разогнать 18 июля 1849 г. франкфуртский парламент, перенесший свои заседания в Штутгарт.

К июню 1849 г. контрреволюция в Пруссии заняла уже прочные позиции, что завершило развитие ситуации в стране за предыдущий год, характеризовавшийся ростом сил контрреволюции. В июне 1848 г. было вынуждено уйти в отставку правительство либерала Кампгаузена, а вскоре пало и следую-

шее правительство либерала Ханземана. В ноябре 1848 г. к власти было призвано правительство графа *Вильгельма фон Бранденбурга* — оплот аристократической имперской контрреволюционной камариллы. Министром внутренних дел был назначен крупный чиновник барон *Эдвин фон Мантойфель*, в 1850 г. ставший министром-президентом, что положило начало десятилетней так называемой «эры Мантойфеля».

Вслед за объявлением осадного положения в Берлине Мантойфель вывел из города Национальное собрание Пруссии, созданное еще в мае 1848 г. Его либеральное большинство в бесплодных прениях не смогло даже принять проект конституции или какие-либо важные законы. Через месяц собрание было распущено. Вслед за этим в декабре 1848 г. была введена в действие *открытая* (дарованная) королем конституция, сохранившая данные в марте свободы, но вводившая право короля отменять любой закон, принятый ландтагом, и просуществовавшая до принятия новой Конституции в 1850 г. В мае 1849 г. вводилась трехклассная избирательная система на выборах в нижнюю (вторую) палату ландтага (палату депутатов), когда вся сумма уплачиваемых налогоплательщиками налогов делилась на три равные части, а избиратели — на три класса по размерам уплачиваемых налогов. И если в первый класс самых крупных налогоплательщиков входило небольшое число избирателей, то избирателей во втором классе было уже больше, основная же масса входила в третий класс. Причем каждый класс избирал равное число выборщиков, участвовавших в избрании открытым голосованием депутатов. Такая система просуществовала в Пруссии до ликвидации монархии в 1918 г. Верхняя (первая) палата (палата господ) состояла преимущественно из представителей земельной аристократии, высшего духовенства, университетов, обер-бургомистров крупных городов и формировалась недемократическим путем.

Революция потерпела поражение и не разрешила основной задачи, стоявшей перед немецким народом: национального объединения Германии. В отличие от Французской революции XVIII в. она осталась незавершенной: не привела к ликвидации монархий и остатков феодального строя. Все же многие пережитки феодализма были ликвидированы, в Пруссии и других государствах действовали конституции, обеспечивавшие населению многие права и свободы. Все это способствовало развитию капитализма в Германии и увеличивало возмож-

ности для буржуазии германских государств активно участвовать в политической жизни и в структурах власти.

Революция показала рост демократического движения, широкое участие рабочих в массовых выступлениях и локальных восстаниях, выявила роль революционных организаций и их лидеров. Опасения немецких буржуа чрезмерной радикализацией революции способствовали тому, что она придерживалась либерального политического курса в различных германских государствах и отступила перед контрреволюцией.

Национальное объединение Германии революционным путем снизу не осуществилось. На историческую сцену выдвигался другой путь объединения, в котором ведущую роль играла прусская монархия. Прусский кронпринц Вильгельм писал тогда: «Кто хочет править Германией, должен ее себе завоевать. Один только Бог знает, пришло ли время такого единства... Но Пруссии предначертано стать во главе Германии, это заложено во всей нашей истории, но когда и как это произойдет? — к этому идет дело».

Экономический подъем. Хотя революционные силы в Германии не добились своих целей, полуфеодальному абсолютизму пришел конец, и власти вынуждены были считаться с широким распространением национальной идеи, с национал-либеральными движениями. Обострялась борьба между Пруссией и Австрией за гегемонию. Полем борьбы был и восстановленный Германский союз.

В 50—60-е годы промышленная революция в Германии достигла кульминации и завершилась. Среди ведущих промышленных государств мира Германия заняла третье место после Англии и США. Главной предпосылкой быстрой индустриализации Германии были *реформы земельных отношений*, устранившие последние остатки феодальной зависимости крестьян. 2 марта 1850 г. в Пруссии был принят указ «*О регулировании отношений между помещиками и крестьянами*», завершивший многолетнее освобождение крестьян на основе выкупа. Указ снимал все сохранявшиеся до тех пор ограничения. Для осуществления выкупа были созданы *рентные банки*, куда крестьяне в рассрочку (от 41 до 56 лет) вносили выкупные суммы, освобождающие их от всякого рода зависимости. Банки выплачивали помещикам всю сумму выкупа сразу, что и обеспечило превращение большинства поместий в современные капиталистические хозяйства. В других германских государст-

вах — Вюртемберге, Бадене, Гессене, Саксонии — в начале 50-х годов тоже были проведены аграрные реформы, устранившие прежнюю систему зависимостей.

Другой предпосылкой быстрого индустриального развития стало преодоление таможенной раздробленности на основе деятельности *Германского таможенного союза*, куда не входила Австрия. Требуя единых таможенных правил и решений, он обеспечивал членам союза невысокие вывозные пошлины и способствовал включению германских государств в международный товарооборот.

Основу роста промышленного производства составляли успехи машиностроения, развивавшегося теперь быстрее, чем легкая промышленность. Внедрение новых машин и новых производственных технологий усовершенствовало и развивало все отрасли промышленности, прежде всего текстильную и горнозаводскую. Машиностроение и тяжелая промышленность постепенно стали определять экономический рост и темпы индустриализации. Быстро росла железнодорожная сеть, что имело важнейшее значение для развития внутреннего рынка.

Рост крупной промышленности, применение новых технологий и новая организация производства требовали значительных капиталовложений, и их система изменилась. Множилось число акционерных обществ. С 1851 по 1870 г. их было создано втрое больше, нежели за предыдущие 20 лет; они стали лучшей формой концентрации капитала и открыли возможность наиболее эффективно использовать его в промышленности. Изменялись и расширялись функции банков, они превращались в кредитные учреждения для промышленности.

Промышленное производство росло и развивалось быстрее и интенсивнее, чем сельскохозяйственное, а в промышленности капиталы вкладывались прежде всего в горное дело, металлургию и машиностроение. В большинстве отраслей благодаря применению машин мануфактуры уступили место фабрикам, причем крупные предприятия вытесняли мелкие. Рейнская область, Вестфалия, Саксония, Берлин и некоторые районы Силезии стали крупными промышленными центрами, здесь быстро росли большие города.

В деревне установились рыночные отношения. Развитие промышленности и городов увеличивало потребности в продукции сельского хозяйства, и аграрное производство быстро росло. Поэтому к востоку от Эльбы развивались крупные юн-

керские хозяйства. Успехи сельскохозяйственной науки, применение новых орудий и машин позволили расширить растениеводство и скотоводство. Появились новые виды аграрной продукции. Средние урожаи свеклы и пшеницы выросли на 25%. Первое место в переработке сельскохозяйственной продукции заняла обработка сахарной свеклы и производство спирта из картофеля.

Изменения в обществе. В период промышленной революции существенно изменились состав, структура и положение слоев германского общества.

С ростом промышленных и банковских центров промышленная и банковская буржуазия Берлина, Кёльна, Рурской области, Саксонии, Верхней Силезии и Саара, прежде всего крупные промышленники, заняли господствующие позиции в экономике. Среди владельцев крупных предприятий, особенно шахт и металлургических заводов, выделились семейства, обладавшие огромными состояниями, — *Стиннесы, Штуммы, Крупны* и др. Сложился новый тип буржуа, особенно в химической, оптической, позднее и в электротехнической промышленности — ученый-предприниматель, придающий особое значение внедрению в производство новейших научных достижений и добивающийся выдающихся успехов и в научно-техническом прогрессе, и в получении прибылей.

Буржуазия приобретала все больший вес, уравнивавший ее с дворянством, военными и чиновничеством. Однако предпринимательская и банковская буржуазия ощущала себя принадлежащей к средним слоям. Традиционное представление о превосходстве дворянства все еще сохранялось.

Хотя в государственных структурах юнкеры еще сохраняли свои преимущества, их сословные привилегии постепенно отмирали, многие из них успешно использовали возможность расширить и модернизировать свое хозяйство за счет выкупных денег и превращались в аграрных предпринимателей. Серьезной конфронтации между дворянством и буржуазией не наблюдалось.

Число рабочих быстро росло — с одной стороны, за счет переселявшихся в города разорившихся или обедневших крестьян, с другой — за счет ремесленников, не выдержавших конкуренции с промышленными предприятиями. Они чаще всего становились квалифицированными рабочими, легко овладевали техникой.

Условия труда и жизни рабочих были тяжелыми. Рабочий день продолжался 12—14 часов с нерегулярными перерывами. Техники безопасности практически не существовало. В текстильном производстве большинство рабочих составляли женщины, широко использовался и детский труд. Питание было скудным. Ржаной хлеб, творог, мучной суп и картофель — такова была их главная пища. В рабочих квартирах царила теснота, особенно в больших городах. Так, в Берлине в 1867 г. в одной комнате жили 6—7 человек, помещения были темные.

С улучшением организации труда появилась возможность сократить рабочий день. Применение новых, более сложных машин требовало соответствующей производственной квалификации. Интенсификация и повышение производительности труда в 60-е годы привели к значительному повышению заработной платы: по сравнению с предыдущим десятилетием она выросла в четыре раза. Большую роль в этом сыграли и постоянные требования рабочих и возникновение самостоятельного, организованного рабочего движения.

В крестьянстве шел процесс расслоения. Хотя кое-где, особенно в Восточной Пруссии и в Мекленбурге, все еще сохранялись прежние зависимости, личное освобождение крестьян произошло повсюду. Сформировался земельный рынок и рынок труда. Положение крестьян в этот период было очень нелегким. Те, кто был побогаче, покупали земли и укрепляли свое хозяйство. Но многие вовсе лишились земли и либо ушли в города, либо стали батраками. Мелким крестьянам, желавшим сохранить свою землю, не хватало средств для модернизации хозяйств. В результате изменилась социальная структура деревни. Безземельные батраки, работавшие в крупных хозяйствах за скудную плату; мелкие, средние крестьяне; *гроссбауэры* — крестьяне, владевшие большим развитым хозяйством; наконец, крупные землевладельцы, все более превращавшиеся в аграрных предпринимателей, — таков был состав жителей сельской местности.

В целом для большинства крестьян вступление в новые рыночные отношения, хотя и не обошлось без потерь, все же оказалось благотворным. Общий подъем сельского хозяйства в 50—60-е годы смягчил даже для мелких крестьян переход к новым условиям труда и жизни.

Национальное движение и австро-прусское соперничество. В 50—60-е годы в Германском таможенном союзе, в котором главенствовала Пруссия, сложилась общая экономическая жизнь. В стране усилилось национальное самосознание, росло понимание того, что национальное объединение необходимо.

Помехи во внутренней экономической жизни, связанные с существованием многих государств, отсутствием единого германского гражданства и остатками феодальных отношений, представлялись буржуазии невыносимыми. И на мировом рынке ей не хватало сильного государства, способного защитить ее интересы. Рабочие были заинтересованы в создании единой Германии, потому что только единое государство могло дать им полную свободу передвижения, что расширяло для них возможность поиска выгодной работы и сносных условий жизни. Большинство населения осознавало необходимость создания единого национального государства, способного защитить страну от чужеземных посягательств.

Либералы в результате революции 1848—1849 гг. оказались расколотыми. Часть их сохраняла уверенность в возможности продолжать борьбу. Эта уверенность получила поддержку с началом так называемой «новой эры» в Пруссии. В октябре 1858 г. наследник прусского престола *Вильгельм* из-за душевной болезни короля, его брата, стал принцем-регентом Пруссии. Он составил новый консервативно-либеральный кабинет, провозгласил отказ от прежнего курса и заявил, что новое правительство должно, не оглядываясь назад, идти навстречу справедливым требованиям времени. Все это рождало надежду на то, что теперь все пойдет по-новому. На выборах в прусский ландтаг в ноябре 1858 г. либералы добились ощутимой победы, и это укрепило их намерение продолжать свою линию, в частности, бороться в парламенте за ограничение власти дворян и создание основанного на принципах либерализма правового государства.

Другая часть либералов, считавших, что поражение революции покончило с их политическими возможностями, готова была отказаться от продолжения прямой борьбы, действовать в зависимости от ситуации, встать на путь «реальной политики», добиваясь своих целей компромиссами с властью. Но оба либеральных течения сходились в главном: их задачу составляла борьба за объединение Германии.

В 1859 г. разразился международный кризис. Началась война между Австрией, с одной стороны, Францией и Пьемон-

том, с другой, шла борьба за освобождение Северной Италии от власти Габсбургов. Но император французов Наполеон III выдвигал требование «естественных границ» и заявлял, что восточная граница Франции должна проходить по Рейну, а, следовательно, германские земли по левому берегу Рейна должны отойти к ней.

Проблема национального единства Германии становилась проблемой международных отношений. «Малогерманцы» — сторонники объединения вокруг Пруссии, без Австрии, высказывались против вмешательства Германского союза в войну, полагая, что Австрию следует исключить из будущего Германского государства. «Великогерманцы», сторонники Австрии, не мыслившие единой Германии без Габсбургской монархии, требовали вмешательства и выступления союзных сил на стороне Австрии. Прусское правительство, действуя нерешительно и непоследовательно, сохраняло колеблющийся нейтралитет. Между тем война протекала быстро и неудачно для Австрии и завершилась ее поражением. Она потеряла Ломбардию.

Но массовое национальное движение в германских землях не прекратилось. Повсюду возникали опиравшиеся на давние традиции освободительных войн и революции 1848—1849 гг. патриотические массовые организации — гимнастические и стрелковые фёрейны, певческие общества. В 1859 г. были созданы и рабочие просветительские фёрейны. В ноябре этого года либералы организовали празднества по случаю 100-летия Ф. Шиллера; они стали манифестацией единой немецкой культуры. На волне общегерманского национального движения в Германии появились крупные буржуазно-либеральные организации: в 1859 г. был создан общегерманский *Национальный союз*, а в 1861 г. основана *Партия прогрессистов*. Члены этих политических организаций были открытыми сторонниками «малогерманского» объединения — без Австрии, во главе с Пруссией. Они намеревались бороться за то, чтобы в будущем союзном государстве была принята либеральная конституция, избран парламент.

Несмотря на все экономические и общественно-политические перемены, Пруссия оставалась государством, опиравшимся на армию, где главенствовали дворяне, и это составляло главное препятствие для выполнения планов либеральных партий. Это со всей ясностью показал конституционный конфликт, возникший в 1860 г.

Принц-регент Вильгельм хотел иметь большую современную армию на случай европейских конфликтов и заботился об укреплении положения дворян в армии. Для этого ландтагу был предложен проект военной реформы с увеличением постоянной армии. Либеральное большинство ландтага отвергло реформу, но предоставило 9 млн талеров на чрезвычайные военные расходы. Эта сумма фактически была использована на предусмотренные реформой преобразования; они были завершены к концу 1860 г. В 1861 г. Партия прогрессистов на выборах в ландтаг добилась большого успеха, палата депутатов, в которой преобладали либералы, потребовала уточнить расходные статьи бюджета, с тем чтобы военное министерство не смогло использовать деньги по-своему. В ответ король своим указом распустил палату депутатов, прекратил заседания палаты господ, а затем уволил в отставку либеральных министров. Это означало конец либеральной политики «новой эры».

Действия прусского короля вызвали в стране бурное негодование. Несмотря на репрессивные меры, на новых выборах весной 1862 г. прогрессисты опять добились успеха и среди депутатов оказались в большинстве, а сторонники короля — в изоляции.

Прогрессисты усилили давление на правительство, грозя отказом в военных ассигнованиях. Разразился государственный кризис. Король колебался между роспуском палаты и отречением от престола, но назначил министром-президентом *Отто фон Бисмарка*. Новый глава правительства разъяснил: «Не на прусский либерализм взирает Германия... Не речами и постановлениями решаются великие вопросы времени — это была большая ошибка 1848 и 1849 гг., — а железом и кровью».

Бисмарк обладал всеми характерными чертами юнкерской касты, к которой он принадлежал по происхождению и по убеждению. Неизменно повторяя, что он «прежде всего прусак и лишь во вторую очередь немец», Бисмарк всю жизнь преданно служил прусской короне и с пренебрежением относился к либеральным идеям. Однако, будучи человеком большого ума, обладая богатым политическим и дипломатическим опытом, Бисмарк оказался одним из немногих консервативных политиков, сумевших верно оценить экономическую, внутриполитическую и внешнеполитическую ситуацию. Противниками Пруссии, с которыми ей предстояло бороться, были Австрия и Франция. Ни Россия, ни Англия ничего не имели про-

тив образования единой Германии под эгидой Пруссии, при исключении Австрии. Русский царь Александр II рассчитывал на помощь Пруссии для укрепления своих позиций на Востоке. Английский либеральный кабинет Гладстона ожидал, что новая Германия станет противовесом претендовавшей на европейскую гегемонию Франции. Другие европейские страны из-за взаимных противоречий не могли составить сколь-нибудь серьезную антипрусскую коалицию. Таким образом, в начале 60-х годов сложилась благоприятная для Пруссии обстановка. Можно было действовать. Бисмарк стремился под руководством прусской монархии осуществить совпадавшие с чаяниями всего народа национально-государственные цели новых сил Германии, сформировавшихся в процессе движения к индустриальному обществу, избежав при этом революционных катаклизмов.

Бисмарк начал, в сущности, со скрытого государственного переворота. Нарушая Конституцию, он вел дела без утвержденного бюджета. Все были ошеломлены, многие требовали его отставки. Но Бисмарк действовал решительно и грубо: оппозиционные чиновники были заменены, министры не появлялись в ландтаге, бойкотируя его. Особый указ ограничил свободу печати. Когда в начале 1863 г. вспыхнуло восстание в Польше, Пруссия заключила с Россией конвенцию о совместных действиях для его подавления.

Летом конституционный конфликт достиг кульминации, выйдя за рамки парламента. В Берлине происходили демонстрации, столкновения с полицией. Правительство отвечало преследованиями и увольнениями либеральных чиновников, судей, учителей, распускало ландтаг на каникулы, длившиеся месяцами. Все ждали решительных действий со стороны прогрессистов. Но их не последовало. Среди либеральных депутатов не было единства в отношении к Бисмарку и его политике. Не желая пойти на внепарламентские действия, они постепенно сдавали свои позиции и в конечном счете согласились на внебюджетное расходование денег для завершения реорганизации армии. Инициатива перешла в руки министра-президента.

Уступчивость либералов отчасти объяснялась активизацией рабочего движения. В мае 1863 г. в Лейпциге была создана первая в Германии независимая от буржуазно-либерального движения рабочая организация — *Всеобщий германский рабочий союз* во главе с Ф. Лассалем — адвокатом и известным

публицистом. Задача, провозглашенная Лассалем, состояла в том, чтобы добиться введения демократического института всеобщего избирательного права и создать при поддержке государства производственные рабочие товарищества. Все это, по мысли Лассалья, мирным путем приведет общество к социализму. Лассаль вступил в тайные переговоры с Бисмарком, рассчитывая склонить его к введению всеобщего избирательного права.

Однако национальная задача оставалась неразрешенной, а кризис в Пруссии продолжался. Бисмарк решил искать выход на путях дипломатии и войны. Первым шагом явилась война против Дании в 1864 г. из-за герцогств Шлезвига и Гольштейна в связи с нарушением их автономии новым королем Дании. В Германии развернулось движение за освобождение герцогств от власти Дании. Население Шлезвига и Гольштейна требовало права на самоопределение.

Хотя отношения между Пруссией и Австрией были напряженными, против Дании они выступили совместно. Начиная войну, Бисмарк опирался на всеобщий патриотический подъем и массовые выступления в германских городах. Вместе с тем он писал: «Датский конфликт мы рассматриваем главным образом как эпизод в борьбе монархического принципа против европейской революции... Если взаимное согласие и энергичные действия монархов Пруссии и Австрии будут соответствовать справедливому национальным требованиям, осознаваемым значительной частью народа, у революции будет вырвана из-под ног почва».

В феврале 1864 г. австрийские и прусские войска вступили в Шлезвиг. Несколько месяцев спустя война кончилась поражением Дании. По условиям мира, заключенного в Вене в октябре того же года, герцогства Шлезвиг, Гольштейн и Лауэнбург отошли от Дании под совместное управление Австрии и Пруссии. Управление Гольштейном перешло к Австрии, Шлезвигом — к Пруссии, а маленькое герцогство Лауэнбург было присоединено к Пруссии. Кроме того, Пруссия получила право возводить на территории Гольштейна, в Киле, свои военные укрепления и военно-морские сооружения.

Такое положение не могло оставаться ни долгим, ни прочным. Отношения между Австрией и Пруссией непрерывно обострялись, назревало столкновение.

В феврале 1866 г. Бисмарк добился согласия короля Вильгельма I на подготовку войны с Австрией и начал энер-

гично действовать. Благодаря удачным государственным финансовым сделкам он получил в свое распоряжение достаточные денежные средства. Удалось заключить секретный союзный договор с Италией, обязавшейся вступить в войну на стороне Пруссии. Затем Бисмарк внес в бундестаг Германского союза совершенно провокационное предложение — созвать общегерманский парламент, избрав его на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права. Австрия не могла согласиться на это предложение, но прусским либералам оно было по душе, и они готовы были поддержать министра-президента.

Во многих германских государствах, да и в самой Пруссии, к возможной войне с Австрией относились по-разному. Демократические лидеры и деятели рабочего движения *А. Бебель* и *В. Либкнехт* организовали кампанию против подготовки к «братоубийственной» войне.

Бисмарк шел напролом. В начале июня 1866 г. прусские войска вступили в Голыптейн и Пруссия внесла в бундестаг проект новой конституции Германского союза, предусматривавший исключение из него Австрии. По предложению Австрии бундестаг принял большинством голосов решение о мобилизации войск Германского союза против Пруссии. Пруссия объявила о своем выходе из Германского союза. Пусские войска вступили в Саксонию. Бундестаг принял решение о наказании Пруссии. Так без формального объявления 16 июня 1866 г. началась война между Австрией и Пруссией. На стороне Австрии выступили все крупные государства союза: Баден, Бавария, Вюртемберг, Ганновер и Саксония. Небольшие государства Тюрингии и Северной Германии стали союзниками Пруссии.

Вопреки ожиданиям европейской общественности, с первых же дней войны преимущество оказалось на стороне Пруссии. Ее отлично подготовленные армии нанесли сокрушительное поражение войскам Австрии и ее союзников. Решающее сражение произошло всего лишь через две недели после начала войны, 3 июля 1866 г., в Чехии при Садова (Кёниггреце). Одержав победу, прусские войска двинулись на Вену. Победы прусской армии предотвратили вмешательство Франции. С Наполеоном III были согласованы все условия будущего мира и продолжались переговоры о территориальных компенсациях Франции. При посредничестве Наполеона III в конце июля 1866 г. было заключено перемирие, а 23 августа 1866 г. Прус-

сия и Австрия подписали мирный договор в Праге. По его условиям Австрия признавала роспуск Германского союза, соглашалась на переустройство Германии без своего участия и создание под руководством Пруссии Северогерманского союза к северу от реки Майн, а к югу от реки Майн — сохранение независимости государств, имеющих тесные связи с Северогерманским союзом. Австрия уплачивала контрибуцию и соглашалась на все территориальные изменения в Северной Германии. К Пруссии были присоединены Шлезвиг-Гольштейн, Ганновер, Кургессен, Нассау и Франкфурт-на-Майне. Италии — союзнице Пруссии — Австрия вынуждена была отдать Венецию.

Триумфальное завершение войны изменило ситуацию и позволило Бисмарку покончить с конституционным конфликтом в Пруссии. Под влиянием побед прусской армии маятник общественного мнения качнулся в его сторону.

Расстановка сил в палате депутатов изменилась, и Бисмарк мог приступить к разрешению конфликта. Он обратился к депутатам с просьбой об утверждении задним числом средств, взятых правительством на нужды армии, и после недолгой борьбы добился своего: деятельность правительства была одобрена. Часть прогрессистов вышла из своей партии и основала готовую к сотрудничеству с правительством новую прусскую *партию национал-либералов*. Разделилась и партия консерваторов: те, кто готов был сотрудничать с Бисмарком, образовали *партию свободных консерваторов*. Национал-либералы в союзе со свободными консерваторами стали в последующие годы главной парламентской опорой Бисмарка и играли важную роль в политической жизни Германии.

Национал-либералы сочли конструктивным сотрудничеством с Бисмарком в деле завершения объединения и создания национального государства. Соглашаясь на сотрудничество, либералы не отказывались от строительства правового государства и свободного гражданского общества. Они полагали возможным свободно и независимо поддерживать консервативное по преимуществу правительство Бисмарка при условии, что и правительство со своей стороны будет стремиться к взаимопониманию с либералами. Такое взаимопонимание было весьма относительным и наблюдалось отнюдь не всегда и не по всем вопросам.

От Северогерманского союза к Германской империи, Война 1866 г, стала решающим шагом к германскому единству. Пруссия создавала *Северогерманский союз*, в который входило 21 германское государство к северу от Майна. Это было государство, где господствовала протестантская религия. В апреле 1867 г. вновь избранный всеобщим голосованием рейхстаг принял Конституцию Северогерманского союза. Была установлена полная свобода передвижения, единая система мер и весов, отменены ограничения, мешавшие развитию акционерных обществ, введено единое уголовное законодательство. Все это открывало простор экономической инициативе германской буржуазии.

В государствах к югу от Майна (Бавария, Вюртемберг, Баден и Гессен-Дармштадт), на независимости которых от Пруссии настаивал Наполеон III, сильны были партикуляристские и антипруссские настроения. В Баварии или Вюртемберге Германия, в которой собиралась господствовать Пруссия, представлялась государством, где надо платить налоги, быть солдатом и держать язык за зубами. Но и там росло движение за вхождение в Северогерманский союз, к власти пришли новые правительства, в августе — сентябре 1867 г. были заключены секретные договоры с Пруссией о взаимопомощи сроком на три года, проводилась реорганизация армий. Ведущая роль в союзе была закреплена за Пруссией, ее король был наследственным «президентом», определял внешнюю политику, вопросы войны и мира, был главнокомандующим единой армией, назначал бундесканцлера. Из представителей государств создавался бундесрат, где Пруссия имела 17 голосов из 43 и который вместе с рейхстагом принимал законы и обеспечивал их выполнение. Бундесканцлером союза был назначен граф Бисмарк. Вопросы внутреннего управления, церкви и образования оставались в компетенции членов союза.

Поражение Австрии в войне с Пруссией означало ее поражение в долгой и упорной борьбе за господство в Германии. Решающей причиной такого исхода было экономическое превосходство Пруссии. Оно привлекало возвышавшуюся экономически и стремящуюся приобрести политическое влияние немецкую буржуазию. Несмотря на проавстрийские настроения, существовавшие во многих средних и мелких германских государствах, особенно на юге, даже там буржуазия и представители военных кругов симпатизировали Пруссии. Прусская армия была оснащена новейшим вооружением и от-

лично организована, ее мощь была напрямую связана с экономической и финансовой силой государства. Она превосходила австрийскую армию, состоявшую из солдат различных национальностей и уступавшую прусской армии и в вооружении, и в боевом духе.

Хотя Австрия не утратила еще окончательно влияния в германских землях, все же перспективу установления своей гегемонии она потеряла. Победа Пруссии устранила австро-пруссский дуализм, мешавший объединению, и стала событием, имевшим значение для будущего Европы. В центре Европы уже возникло, в сущности, германское национальное государство — Северогерманский союз. Ослабление Австрии открыло путь к завершению объединения Италии. Изменение ситуации создавало серьезную угрозу гегемонии Франции в Европе.

Все современники расценивали события 1866 г. как революцию. Это была *«революция сверху»*, *революция Бисмарка*. В результате идея нации, национального государства стала основой соединения буржуазных преобразований и создания единого германского государства. Слом старых порядков, ликвидация княжеских династий, преодоление партикуляризма, завоевание единого экономического пространства были совершены решительными, революционными по характеру средствами.

Противоречия нового общества Германии критиковали лидеры усилившегося в рабочем движении социалистического направления. В. Либкнехт и А. Бебель в 1867 г., воспринявшие и пропагандировавшие учение К. Маркса, были избраны депутатами Северогерманского рейхстага. Избрание в рейхстаг предоставило им трибуну для резкой критики прусского правительства, милитаризма и косных прусских юнкеров. Их непримиримое отношение к Бисмарку, неконформизм и неустанная агитация за создание демократической республики в Германии резко отличались от линии поведения нового лидера Всеобщего германского рабочего союза *И. Б. Швейцера*, который заменил Лассалья, погибшего на дуэли в 1864 г.

В 1867 г. Бебель и Либкнехт были избраны руководителями *Союза немецких рабочих ферейнов*. В Германии возникли многочисленные секции Международного товарищества рабочих — I Интернационала, направлявшегося Марксом и Энгельсом. Распространению марксизма в германском рабочем движении способствовала и популяризация идей Маркса. В ре-

зультате влияние лассальянской идеологии и лассальянских организаций в рабочем движении стало падать.

На общегерманском рабочем конгрессе 6—7 августа 1869 г. в г. *Эйзенахе* рабочие — члены Союза немецких рабочих Ферейнов, лассальянцы, примкнувшие к оппозиции внутри своего союза, секции I Интернационала в Германии, функционеры и члены рабочих профессиональных союзов приняли решение объединиться и создали *Германскую социал-демократическую рабочую партию*. В нее вошли 10 тыс. человек. Программу партии написал А. Бебель. Главные ее требования были выдержаны в духе учения Маркса: уничтожение классового государства и капиталистического строя.

Но самой актуальной проблемой в то время было завершение объединения Германии. Вне Северогерманского союза оставались южногерманские земли, где существовали значительные антипрусские силы: с одной стороны, рабочее движение, демократические партии и группы, с другой — князья, дворяне, высшие чиновники, католический клир.

В конце 60-х годов отношения между Францией, которая не получила желаемых компенсаций, и Пруссией резко обострились. Вторая империя переживала глубокий политический кризис, толкавший императора французов Наполеона III к войне как средству поправить внутренние дела и одновременно воспрепятствовать объединению и усилению Германии. Бисмарк усматривал в сложившихся обстоятельствах возможность приступить к последнему этапу выполнения своих планов. Не считаясь с общеевропейскими настроениями, он задумал нанести удар главному внешнему противнику — Франции, завершив таким образом воссоединение Германии.

В мае 1870 г. между Францией и Пруссией развернулся дипломатический конфликт. Испанское правительство предложило родственнику прусского короля Вильгельма I немецкому принцу Леопольду Гогенцоллерн-Зигмаринену занять испанский престол. Это вызвало недовольство Франции. Принц Леопольд сначала ответил согласием, но затем под влиянием Вильгельма I, не желавшего осложнений, отказался. Французское правительство, стремившееся к обострению ситуации, потребовало от Пруссии гарантий на будущее. Рассчитывая уладить конфликт, Вильгельм I вел в Эмсе переговоры с французским послом. Бисмарк, провоцируя войну, искал текст посланного ему 13 июля 1870 г. из Эмса сообще-

ния об этих переговорах, придав ему оскорбительный для французского правительства смысл. «Эмская депеша» была использована Францией для объявления войны Пруссии 19 июля 1870 г.

Французское правительство, рассчитывавшее на поддержку в Южной Германии, объявило о намерении создать на левом берегу Рейна самостоятельное государство, вернуть законные права германским князьям, которых Пруссия лишила трона в 1866 г., а также вернуть Австрию в Германский союз. Но все это, особенно же замысел захватить левый берег Рейна, не вызывало сочувствия в Германии.

Франко-прусская война, осознанная в Германии как война за национальное существование и независимость, стала, в сущности, *франко-германской* войной: против Франции выступила не только Пруссия и объединенные с ней в Северогерманском союзе государства, но и связанные с ней договорами южногерманские государства. Однако к национально-патриотическим настроениям с первых же дней войны присоединились и иные мотивы, превращавшие национальные требования в националистические и шовинистические претензии. В германской прессе развернулась кампания за присоединение «исконных» германских земель — французских территорий Эльзаса и Лотарингии.

Французские войска терпели одно поражение за другим. Седанская катастрофа и революция 4 сентября в Париже резко изменили европейскую ситуацию. Задача объединения Германии в принципе была уже решена; открывалась возможность заключить достойный мир с Французской республикой. Но прусское правительство не отступило от прежних решений об аннексии французских земель, и это неизбежно должно было наложить свой отпечаток на завершение национального объединения.

После долгих переговоров дипломатов Бисмарка с правительствами южногерманских государств в ноябре 1870 г. было достигнуто соглашение об их слиянии с Северогерманским союзом. 18 января 1871 г. в Версале была торжественно провозглашена *Германская империя*, а прусский король Вильгельм I был провозглашен германским императором. По условиям *Франкфуртского мира* к Германии отошли Эльзас и Лотарингия.

Образование Германской империи, покончившее с вековой территориальной раздробленностью, было не только важней-

шим моментом в истории немецкого народа, это было *крупнейшее событие европейской истории XIX столетия*. Обострилась и изменила направление борьба за европейскую гегемонию. Соотношение сил кардинально изменилось. Франция утратила положение господствующей державы на континенте. Существенно ослабла Австрия. Завершилось объединение Италии. Складывалась новая система международных отношений, которая, с одной стороны, обеспечила сохранение мира в Европе на протяжении более 40 лет, но, с другой стороны, стала исходным пунктом того долгого процесса, который в итоге привел к Первой мировой войне. Постоянное напряжение во франко-германских отношениях создавало тлеющий очаг военной опасности в самом центре Европы. Наступил новый исторический этап в жизни немецкого народа и в истории Европы.

ГЛАВА 8 Империя Габсбургов: могущество и противоречия

Тридцатилетняя война и завершивший ее Вестфальский мир (1648) стали важнейшим этапом возвышения династии Габсбургов и превращения Австрии в великую державу. Земли Чешской короны (Чехия, Моравия, Силезия) были окончательно присоединены к «наследственным владениям» Габсбургов, т. е. к собственно Австрии. Католическая династия одержала окончательную победу над своими протестантскими подданными. Многие протестанты — дворяне и горожане, купцы и ремесленники — лишились своего имущества и были изгнаны.

Австрия — последний бастион христианской Европы. Император *Леопольд I* (1658—1705) начал создавать вокруг Австрии свою собственную империю на базе «наследственных владений», стремясь превратить ее в великую европейскую державу. Для этого он ввел единое для всех своих владений налогообложение и учредил центральное ведомство для управления ими, подрывая власть местных феодальных сословий. В самый разгар этих реформ над Австрией вновь нависла страшная угроза османского вторжения. Во второй половине XVII в. начались систематические походы армий султана против Венеции, Польши, России. Первая австро-турецкая война началась в 1660 г. Войска султана, разгромив армию князя Трансильвании, в течение полутора столетий после распада Венгрии, являвшейся главной опорой национальной венгерской государственности и очагом венгерской культуры, приблизились к границам Австрии. Австрийцы, поддержанные войсками венгерских феодалов, эту войну выиграли, как и решающую битву у *СенТомарда*. Однако, вопреки ожиданиям и логике, фельдмаршал Монтекукколи не стал преследовать наголову разбитого и беспорядочно отступавшего противника. Леопольд поспешил быстро заключить *Вашварский мир* (1664), который оставил в руках османов все их завоевания.

Венгрия: антигабсбургский заговор. Император не воспользовался плодами этого крупного военного успеха потому, что в это время он решал сложную и важную проблему укрепления и фактического присоединения к габсбургским владениям западной и северо-западной части Королевства Венгрия. Венгерская корона (корона *Св. Иштвана*, первого короля Венгрии) досталась Габсбургам по брачному контракту еще в 1526 г. Однако центральная часть страны была занята османами, на востоке в качестве полунезависимого княжества существовала Трансильвания, а западные области находились под властью австрийской династии. Но власть эта была слабой и непрочной. Габсбурги не посмели отменить старинную сословную Конституцию королевства, согласно которой законодательную власть король делил с *Государственным собранием*. В *комитатах*¹ власть практически осуществлялась местным дворянством. Сильное феодальное дворянство Венгрии, экономически и политически хорошо организованное, неоднократно возглавляло бесчисленные антигабсбургские бунты и восстания, опиравшиеся на вооруженную поддержку трансильванских князей и непокорный дух вольнолюбивых мадьяр. Среди дворян-патриотов, недовольных австрийским засильем, зрела идея антигабсбургского восстания с целью восстановления национальной монархии.

Поспешно заключенный Вашварский мир в момент, когда открывалась заманчивая перспектива изгнания из страны османов, вызвал горечь и разочарование даже среди прогабсбургски настроенной католической аристократии. Многие из ее представителей обвиняли династию в нарушении торжественных обязательств по защите Венгрии от нашествий турок, поскольку именно в надежде на австрийскую эффективную помощь против Порты венгры посадили на престол Габсбургов.

В 1670 г. возник опасный заговор крупнейших венгерских и хорватских феодалов, вступивших в тайную связь с французским двором, заклятым врагом империи. В следующем году он был раскрыт и трое заговорщиков казнены. Леопольд I ввел в страну войска наемников, учредил губернаторство во главе с гротсмейстером немецкого рыцарского ордена *Г. Ампрингеном*. По обвинению в участии в заговоре тысячи дворян были преданы суду военного трибунала, их поместья были кон-

фискованы в пользу казны. Высший клир, используя солдат, проводил беспощадную контрреформацию: войска занимали протестантские церкви и школы, проповедники и учителя по приговору судов отправлялись на галеры в рабство как обыкновенные уголовники. Тысячи дворян, горожан, крепостных крестьян, спасаясь от бессмысленной жестокости угнетателей, укрывались в приграничных с Трансильванией северо-восточных районах страны. Здесь и вспыхнуло в 1670 г. восстание крепостных и разжалованных солдат, которое приняло организованный характер с 1678 г., когда его возглавил крупный помещик из недворян *Имре Тёкёли*.

За два года восставшие под руководством Тёкёли освободили от австрийцев почти всю северную часть королевства. Венский двор был вынужден отказаться от намерения распространить на Венгрию абсолютистскую централизацию. Леопольд упразднил губернаторство и созвал в 1681 г. после двадцатилетнего перерыва *Государственное собрание*, которое избрало наместником князя *П. Эстерхази*. Собрание подтвердило дворянские привилегии и разрешило в некоторых комитатах свободу протестантской религии. Значительная часть дворян отошла от восстания. Его продолжали крестьяне и войско Тёкёли, который, однако, был вынужден искать покровительства султана. Это скомпрометировало благородное дело, за которое он сражался, в глазах даже самых преданных его сподвижников.

Война с Турцией: битва за Вену. Освобождение Венгрии. Карловицкий мир. Уступки венского двора венгерскому дворянству были сделаны весьма своевременно: надвигалась новая война с Портой. Османы, ободренные успехами повстанческой армии Тёкёли и подстрекаемые французским двором, летом 1683 г. возобновили военные действия. 10 июня 200-тысячная армия великого везира *Кара Мустафы* приступила к осаде имперской столицы. Император с двором поспешил укрыться в безопасном Линце, столице Верхней Австрии, бросив на произвол судьбы огромный город с его 12-тысячным гарнизоном. Венцы сражались храбро, но силы были слишком неравны, а в сентябре они были уже на исходе. Наконец европейские монархи поняли, что Вена — это последняя «естественная» преграда на пути неудержимо рвавшихся в глубь континента турок-османов. При посредничестве папы *Иннокентия XI* король Польши *Ян Собе-*

¹ *Комитат* (по-венгерски *те&уе*) — основная административная единица Королевства Венгрия. Существует и сегодня.

ский заключил союз с императором, к которому подключились несколько позднее Венеция, Генуя, Тоскана, Португалия, Испания, а еще через несколько лет и Россия. Вне союза осталась самая могущественная военная держава того времени — Франция. Так образовалась «Священная Лига» христианской Европы против мусульманской Османской империи. В момент, когда Кара Мустафа готовился к решающему штурму окруженной Вены, на помощь осажденным подоспели объединенные войска союзников под командованием герцога *Карла Лотарингского* и польская армия Яна Собеского. 12 сентября они нанесли османам решающее поражение.

В 1687 г. Леопольд I созвал венгерское Государственное собрание и добился чрезвычайно важных уступок в пользу династии: сословия отказались от права выбора короля, признав наследственное право Габсбургов (по мужской линии) на корону Св. Иштвана; было отменено положение «Золотой буллы» (от 1222 г.) о вооруженном сопротивлении дворянства королю в случае нарушения им Конституции. Император-король отказался возвратить Венгрии Трансильванию, провозгласив ее сначала вассальным княжеством, а затем своим наследственным владением.

Тем временем война продолжалась. В 1688 г. императорские армии взяли крепость Белград и вторглись на Балканы. Обеспокоенный австрийскими успехами, французский король Людовик XIV, нарушив перемирие с Леопольдом, вторгся в Пфальц, и австрийцам пришлось перебросить часть сил в Германию. Война на востоке затянулась и шла с переменным успехом до тех пор, пока во главе австрийских войск не встал принц *Евгений Савойский*. Блестящий полководец и дипломат, он отличился в битвах за Вену и Буду, в тридцать лет дослужился до фельдмаршала. В 1697 г. принц одержал у *Зенты* историческую победу, решившую судьбу Венгрии и сделавшую империю великой державой. Через год, в 1699 г., был подписан *Карловицкий мир*, который положил конец полутора вековому османскому игу над значительной частью Венгрии. Была освобождена почти вся территория королевства (в том числе Трансильвания и Хорватия-Славония), за исключением небольшой области на юге — Темешский Банат.

Десятилетняя война, в ходе которой театром военных действий стала почти вся Венгрия, опустошила страну. К тому же императорские войска вели себя здесь как завоеватели, беззастенчиво грабя население. Богатый торговый центр Дебре-

цен в один день был превращен в город нищих. Снабжение 60—80-тысячной армии целиком легло на плечи населения. Двор щедро раздаривал конфискованные у венгерских дворян земли чужеземцам — генералам и поставщикам армии. Австрийский абсолютизм приступил к осуществлению своего плана, согласно которому, по выражению его автора, Венгрию следовало «сначала поработить, потом сделать нищей и католической».

Но уже в 1697 г. восстали крепостные крестьяне и присоединившиеся к ним беглые солдаты (Северо-Восточная Венгрия). Центром восстания стал знаменитый своими винами Токай. Однако, не имея ни союзников, ни организации, ни политического руководства, они потерпели поражение.

Восстание Ракоци и усмирение мятежной Венгрии. 1701—1711. В начале XVIII в. вновь резко обострилось габсбургско-бурбонское соперничество. Поводом к очередной большой европейской войне послужила смерть бездетного Карла II Испанского, последнего Габсбурга на испанском престоле. В 1701 г. разразилась война за Испанское наследство, в которую оказались вовлеченными почти все европейские державы. Через год Австрии пришлось сражаться на два фронта, не только против Франции, но и против Венгрии, ее союзницы. Новое антигабсбургское движение возглавил двадцатипятилетний *Ференц Ракоци II* (1676—1735), потомок трансильванских князей, отличившихся в многочисленных войнах против султана и императора. Само имя Ракоци было символом борьбы за национальную независимость, так как против австрийцев сражались и его отчим Имре Тёкёли, и его мать — храбрая *Илона Зрини*, в течение трех лет (1685—1688) выдерживавшая осаду австрийцами крепости Мункач (в городе Мукачево, Украина).

Письмо Ф. Ракоци, адресованное Людовику XIV, было весной 1701 г. перехвачено австрийцами, а сам он заточен в крепости под Веной. Спаситься ему удалось благодаря жене, организовавшей удачный побег. В Польшу, где он укрылся, к Ракоци прибыли посланцы крестьян с просьбой встать во главе восстания. В мае 1703 г. Ракоци вручил крестьянским вожакам знамя восстания с начертанным на нем лозунгом: «С Богом за родину и свободу!» Воспользовавшись тем, что основные австрийские силы были заняты на западе, Ракоци быстро освободил большую часть страны. Его армия в 1704 г. подошла к границам Австрии, угрожая Вене.

В следующем, 1705 г. Ракоци созвал Государственное собрание, которое, обвинив Габсбургов в нарушении Конституции Венгрии, отказалось признать королем императора *Иосифа I* (1705—1711), сменившего на австрийском престоле Леопольда I. Ракоци был провозглашен правящим князем Венгрии. Франция оказывала Венгрии материальную, скорее символическую помощь: она равнялась жалованью пяти тысяч солдат, в то время как армия Ракоци насчитывала 70 тыс. Одно время существовала надежда на соединение с франко-баварскими войсками, однако последние задержались в Тироле, вместо того чтобы двигаться к Вене. К тому же Евгению Савойскому и британскому герцогу Мальборо, предку У. Черчилля, в битве у Хёхштедта удалось нанести поражение франко-баварским армиям и приостановить их продвижение на юго-восток вдоль Дуная. Французские войска откатились за Рейн, стратегическая инициатива перешла к Австрии и ее союзникам, Англии и Голландии.

Ракоци приступил к строительству национального венгерского государства. Были учреждены *Сенат* для решения важнейших государственных дел и *Экономический совет*, введена собственная валюта — медные деньги. Начала издаваться первая в истории Венгрии газета на латинском языке «*Меркуриус Веридикус*», открылись новые школы; процветали наука и искусство. Но главное, от чего зависела судьба войны и страны, — примирить непримиримые противоречия двух классов общества (поместного дворянства, уже успевшего захватить командные позиции в армии и государстве, и крепостного крестьянства) — ему так и не удалось, хотя попытки облегчить тяжелую долю и участь последних он делал неоднократно. В 1708 г. Ракоци постановил освободить от крепостной зависимости крестьян, которые будут служить до конца войны. От феодальных повинностей в пользу помещика были освобождены крепостные, служившие в армии. Впервые в венгерской истории дворяне были обложены налогами. Они всячески саботировали эти постановления, удерживая своих крепостных от вступления в армию.

В ухудшавшейся внутривластной обстановке Ракоци остро нуждался в поддержке могущественного союзника. Таковым в сложившейся тогда ситуации могла быть только Россия. В 1707 г. князь заключил союз с Петром I, обменялся с ним посольствами, выступил посредником в русско-французских переговорах. Однако Россия глубоко завязла в Северной

войне со Швецией, воевала она также и с османами, поэтому действенной помощи союзнику оказать не могла. С 1708 г. от Ракоци отвернулось и военное счастье. Австрийские войска, получившие свежие подкрепления, одерживали в Венгрии одну победу за другой. Среди дворян усилились примиренческие настроения. Папский престол под угрозой отлучения потребовал от венгерских католиков покориться «законному королю» Иосифу I. Ракоци поспешил и Варшаву на встречу с Петром I, поручив графу Ш. Каройи командование армией, а также ведение переговоров с австрийцами с целью оттянуть время. Каройи подписал с Габсбургами *Сатмарский мир* (1711) и вынудил венгров сложить оружие. Условия мира были сравнительно почетными: император дал обещание уважать Конституцию Венгрии и свободу вероисповедания. Участники войны получили амнистию.

Амнистия была предложена и Ракоци, но князь предпочел позору капитуляции вечное изгнание. Из Варшавы он отправился в Версаль, однако, не найдя поддержки у французского короля, уехал в Турцию, где жил до конца своих дней. Венгрия не завоевала независимости, но Сатмарский мир помешал Габсбургам распространить абсолютизм на Венгерское королевство. Испанская война, закончившаяся подписанием в 1713—1714 гг. *Утрехтского* и *Раштаттского* договоров, окончательно лишила надежд на приобретение Австрией Испании и испанской Америки. Однако Габсбурги приобрели Сардинию, Милан, Мантую, Мирандолу в Италии, испанские Нидерланды (современная Бельгия), ряд территорий на Рейне. В 1716—1718 гг. Австрия отобрала у Османской империи последнюю венгерскую территорию (Банат), а также часть Сербии с Белградом, часть Боснии и Валахии. Таким образом империя австрийских Габсбургов в начале XVIII в. добилась самого значительного за всю историю Австрии территориального расширения.

Прагматическая санкция. Война за Австрийское наследство. Огромная держава, раскинувшаяся от Адриатики, Средиземного до Северного морей, от Альп до Карпат, по-прежнему представляла собой аморфное объединение. Не было ни общей системы управления, ни общего законодательства, которые могли бы придать какое-то единство империи, включавшей собственно австрийские «наследственные земли» вместе с чешскими, земли Венгерской короны, Бель-

гии и итальянские провинции. Все части империи управлялись своими сословными учреждениями, согласно своим традициям, законам, обычаям. Иногда ими управляли австрийские наместники, не имевшие специального аппарата.

В Австрии, как и в Венгрии, господствовали феодальные отношения — крепостное право в деревне, цехи в городе. Ядром империи оставались австро-чешские провинции, где абсолютизму удавалось в значительной степени добиться централизма. Здесь развивались торговля и мануфактуры. Руководствуясь принципами меркантилизма, государство поощряло вывоз сукна, шелков, тафты, парчи, а также изделий из стекла и фарфора и одновременно ограничивало импорт. В начале XVIII в. был учрежден *Государственный банк*, главным образом для финансирования австро-чешских мануфактур. В бельгийском порту Остенде была основана компания для заморской торговли. На Адриатике, в Триесте и Фиуме (Риека) возводились портовые сооружения, строились дороги через Альпы, связавшие Приморье с Австрией. Особенно интенсивной эта деятельность была при *Карле VI (1711—1740)*.

Сильнейшее беспокойство Габсбургов вызывал тот факт, что у императора не было сыновей, так же как и прямых родственников мужского пола. Династии грозило вымирание. Поэтому было решено изменить старинный закон о престолонаследовании, чтобы возвести на престол после смерти Карла его дочь Марию Терезию. В 1713 г. Карл провозгласил *Прагматическую санкцию*, которая ввела наследование и по женской линии, объявив наследственными и неделимыми все владения династии. В 1723 г. санкция была признана Государственным собранием Венгрии. Вена приложила огромные усилия, чтобы добиться формального признания Прагматической санкции европейскими дворами. Последним из них был Версальский.

Однако когда в 1740 г. умер император и на престол взошла 23-летняя Мария Терезия, на ее права, вопреки своим обязательствам, предъявили претензии не только Франция и Пруссия, но и Бавария, Испания, Савойя. Баварский курфюрст вообще претендовал на австрийский трон. Первой войну за Австрийское наследство (1740—1748) начала Пруссия, заняв Силезию, самую развитую и богатую из наследственных земель. С запада в пределы страны вторгся со своими войсками *Карл Альберт Баварский*, которого противники Габсбургов избрали королем Чехии и римским императором (Карлом VII; 1742—1745).

В этой критической ситуации от гибели Австрию спасла Венгрия. Вняв мольбам императрицы и забыв свои обиды, венгры предоставили в ее распоряжение десятки тысяч отборных войск и необходимую сумму денег. Мария Терезия сумела быстро расправиться с баварцами, восстановить свою власть в Чехии и вернуть своему супругу Францу Лотарингскому титул римского императора. Силезия, однако, осталась за Фридрихом II. По *Ахенскому миру (1748)* Мария Терезия отдала также Парму и Пиценцу, но добилась признаний Прагматической санкции Европой.

Семилетняя война. Мария Терезия не примирилась с потерей Силезии, за которую была готова снять с себя, как она говорила, «последнюю юбку». Не простила она и «коварство» Англии, пальцем не пошевелившей, чтобы помочь союзнице. Вместе с новым канцлером графом *Антонем Венцелем Кауницем*, выдающимся дипломатом эпохи, Мария Терезия приступила к сколачиванию новой антипрусской коалиции, в корне пересмотрев вековые приоритеты традиционной австрийской внешней политики. Идея новой внешнеполитической концепции принадлежала Кауницу, в течение сорока лет бесценно возглавлявшему внешнеполитическое ведомство (1753—1793). Его усилиями, усердно поддержанными мадам де Помпадур, в 1756 г. был подписан знаменитый в анналах дипломатической истории *Версальский договор*, положивший конец двухвековой вражде между Австрией и Францией. Лондон ответил на это немедленным заключением *Вестминстерского союзного договора* с Пруссией, завершив тем самым дипломатическую подготовку новой войны.

Семилетняя война (1756—1763) началась вновь как война за Силезию. *Фридрих Великий*, решив опередить противников, совершил нападение на Австрию, утвердив «превентивную войну» в международных отношениях в качестве нормы. Но он просчитался. Театром военных действий стала сама Пруссия. Ее столица была взята дважды: сначала русскими и австрийцами, затем венгерскими гусарами. От окончательного разгрома Фридриха спас внезапный выход из войны России. *Хубертсбургский мир 1763 г.* окончательно закрепил Силезию за Пруссией. Австрии пришлось вести еще две небольшие, локальные войны: за Польское наследство в 1733—1735 гг. и за Баварское наследство в 1778—1779 гг.

Просвещенный абсолютизм. Мария Терезия и ее сын Иосиф II, ее соправитель и римский император с 1765 г., могли целиком посвятить себя реформам, смыслом и целью которых являлось создание *государства просвещенного абсолютизма*. Реформы проводились в основном в австро-чешских наследственных землях. Они требовали много денег, а казна была вечно пуста, решительной перестройке подверглись прежде всего военная и административно-финансовая сферы. Вербовка уступила место централизованному набору рекрутов на пожизненную службу; была основана венская военная академия. Сословные учреждения были заменены исполнительными органами государственной власти, налоговое дело также передано в руки государства.

Мария Терезия ввела *централизованную систему учета и контроля*: она провела первую в истории страны перепись населения и земельных владений; отменила налоговые привилегии дворян и духовенства. Ряд указов несколько облегчило положение крепостного крестьянства: уменьшена барщина до трех дней в неделю вместо пяти-шести; ограничена судебная власть помещика над крепостными. В 1776 г. императрица запретила средневековые пытки и ограничила применение смертной казни в качестве меры наказания, упорядочила уголовное право.

Огромное прогрессивное значение имела *школьная реформа*, заложившая фундамент народного образования и стройной продуманной системы школ различных ступеней: от деревенской «тривиальной», где детей учили чтению, письму и счету, до городских и «нормальных» школ для подготовки сельских учителей и наконец, университетов, в которых светское образование и естественно-научные дисциплины получили предпочтение перед теологическими. Еще более радикальными, но зачастую непродуманными и наспех подготовленными, стали реформы при *Иосифе II (1780—1790)*. Были освобождены крестьяне австро-чешских провинций, а также Галиции, присоединенной в 1772 г. по первому разделу Польши, и Буковины, отторгнутой у Османской империи в 1775 г. Иосиф II *отменил крепостное право*, освободив крестьян от личной зависимости, но сохранив их повинности.

Важное значение для культурного и социально-экономического развития значительной части многонациональной империи имело провозглашение демократического *принципа веротерпимости*. «*Патент о толерантности*» (веротерпимости)

отменил дискриминацию греко-восточной (православной) и протестантской церквей, позволил протестантам свободно исповедовать свою религию, занимать общественные и государственные должности, возводить школы и храмы. Римско-католическая церковь лишилась многих своих прав и привилегий, в том числе права провозглашать папские буллы без санкции государя. Иосиф распустил религиозные ордена и монастыри, не занимавшиеся «полезной деятельностью» — лечением больных, обучением детей и т. д. Даже личное вмешательство «святейшего отца», прибывшего в Вену смиренно просить Иосифа отменить церковно-религиозные реформы или смягчить их антиваტიканскую направленность, не имело успеха.

Одержимый идеей создания образцовой модели государства просвещенного абсолютизма, Иосиф II шел напролом, не считаясь с интересами не только отдельных лиц, но и сословий и даже целых народов. Он искренне считал, что действует во имя и на благо народа. Но столь же искренне он полагал, что может при этом вполне обойтись без народа — по принципу «все для народа, но без его участия». Желая добиться максимального единообразия и строгой централизации в управлении лоскутной империей, Иосиф возвел немецкий язык в ранг единственного официального (языка делопроизводства), низведя тем самым все остальные языки народов империи в разряд второстепенных. Это вызвало возмущение угнетенных народов и породило мощное движение за развитие национальной литературы и культуры. У некоторых славянских народов это движение вошло в историю как *движение за «национальное возрождение»*. Деспотические методы управления вызывали острое недовольство в Бельгии и Венгрии, к концу 80-х годов XVIII в. эти страны оказались на грани открытого возмущения.

Политика просвещенного абсолютизма, проводимая Иосифом Габсбургом, не могла решить неразрешимую задачу — спасти феодализм, приспособив старые, уже отжившие свой век сословно-феодальные экономические, социальные и политические структуры к потребностям новой буржуазной эпохи. Об этом свидетельствовало крупнейшее антифеодальное восстание крепостных крестьян в Трансильвании (1784), в котором участвовали около 20—30 тыс. валахов и мадьяр.

Интеграция чешских земель в империю. Тяжелые испытания выпали на долю чехов в XVII веке. В ходе *Тридцатилетней войны (1618—1648)* чехи лишились своей

самостоятельности (1620), надолго потеряв перспективу на возрождение независимости. Присоединив чешские земли к своим наследственным владениям, Габсбурги не пошли на ликвидацию Чешского королевства, так как носители чешской короны являлись курфюрстами Германской империи, а Габсбурги как австрийские эрцгерцоги не имели права голоса при выборах королей и императоров Священной Римской империи германской нации. Они могли участвовать в этих выборах лишь в качестве королей Чехии. Сосредоточив управление чешскими землями в начале XVII в. в венских придворных канцеляриях, Габсбурги одновременно сохранили сословные *ландтаги (сеймы)* Чехии и Моравии, правда, с сильно урезанными правами. Каждое их решение подлежало одобрению венской канцелярии. Сеймам было «великодушно» предоставлено право одобрять законопроекты о размере и формах выплаты налогов, вносимые правительством в Вене, и решать некоторые вопросы местного значения.

Феодалы Чехии, Моравии, Силезии сохранили свои сословные привилегии. В результате религиозных войн и продолжавшихся преследований протестантов сильно изменился этнический состав дворянства Чешского королевства: преобладающим в нем стал немецкий элемент. Последствия европейских религиозных войн оказались для чешских земель не менее губительными и опустошительными, чем результаты османского нашествия для земель венгерских. Почти на четверть сократилось население королевства Св. Вацлава, насчитывавшего в начале XVII в. 3,3 млн жителей. Более одной тысячи деревень, 102 города и 278 замков были разорены. Религиозно-политические гонения, проводившиеся в рамках Контрреформации, продолжались с неослабевающей силой в первые десятилетия и даже в середине XVIII в., когда Австрия вступила в эпоху просвещенного абсолютизма.

Осуществляя Контрреформацию, Габсбурги отправляли на вечное поселение в отдаленные уголки империи чехов и немцев протестантской веры, огню и разорению предавались библиотеки, немецкие и чешские книги антикатолического, антифеодального, антигабсбургского содержания. Не случайно XVII век в чешском национальном сознании воспринимается как «эпоха тьмы». Навсегда вынужден был распрощаться с родиной выдающийся мыслитель, педагог и философ *Ян Амос Коменский (1592—1670)*. С осени 1650 г. в течение пяти лет он работал в коллегииуме (высшей школе) в венгерском городе

Шарошпатак, внося важный вклад в подготовку кадров и развитие просвещения в Венгрии.

После Семилетней войны, в результате которой Пруссия окончательно завладела большей частью Силезии, этой «жемчужиной» габсбургской короны, наиболее промышленно развитой провинцией империи, экономическое значение чешских земель с их богатым промышленным и сельскохозяйственным потенциалом необычайно возросло. Стремясь максимально увеличить доходы казны, венский двор провел целый ряд административных реформ, смысл которых заключался в усилении абсолютистской централизации с целью освоения природных ресурсов Чехии. Создается единый австро-чешский экономический и административно-политический комплекс, управляемый единым органом — объединенной чешско-австрийской канцелярией. Чехия, Моравия и австрийская Силезия стали важнейшими центрами мануфактурного, а позднее и фабрично-заводского производства, развитию которого активно способствовала покровительственная таможенно-тарифная политика венского двора.

Словацкие земли в составе Королевства Венгрия. В иных менее благоприятных общественно-экономических условиях складывалась историческая судьба другого славянского, родственного чехам народа — *словаков*. Этническая территория словаков, вошедшая в состав Королевства Венгрия со времени его возникновения в IX—X вв., никогда не представляла особого административного или политического целого, составляя неделимые части комитатов королевства. Территориально-географическая разделенность, усугубленная позднее церковно-религиозным расколом словаков на католиков и протестантов, затрудняла их этносоциальную и этнокультурную консолидацию, чему немало способствовали также немногочисленность городского населения и отсутствие единого словацкого центра. Неблагоприятной с этой точки зрения была и социальная структура населения. Немногочисленная, сохранившаяся преимущественно в горных районах прослойка среднего и мелкого дворянства составляла интегральную часть венгерского дворянства даже в тех редких случаях, когда отдельные его представители пользовались в быту одним из диалектов словацкого.

С расчленением Королевства Венгрия и утверждением османского владычества над средней частью Венгрии центр госу-

дарственной жизни габсбургской Венгрии (подвластной Габсбургам части королевства) переместился на север и северо-запад. Приток беженцев, а также хозяйственное освоение вызвали изменение этнического состава территорий, населенных словаками. Одновременно в XVII в. шла «словакизация» некоторых городов, причем вытеснению немцев содействовали венгерское дворянство и Государственное собрание. В XVII в. и в первые десятилетия XVIII в. на этих землях разыгрывались основные события антигабсбургских освободительных войн и восстаний венгерского народа, в которых принимали участие и словаки. Но одновременно войны вели к разрушению и упадку[^] производительных сил, сокращению добычи угля, благородных металлов, к упадку городов и культурной стагнации.

В этих чрезвычайно неблагоприятных условиях происходил сложный процесс формирования словацкой народности, ее менталитета. В XVI в. отмечены первые признаки этнотерриториального понимания родины. В 1685 г. было впервые зафиксировано название «Словакия». В то же время принадлежность словаков к венгерскому государству оставалась основой их национального менталитета, ибо они считали себя частью венгерской политической и исторической общности. Термины «словак», «татранский славянин» служили определением селянина. Этнокультурному сплочению словаков мешали также языковые различия между жителями западных, центральных и восточных областей.

Некоторые объективно-исторические факторы способствовали созданию более благоприятных условий для экономического развития в северных областях Венгрии, чем во всех остальных ее регионах. Здесь были расположены основные центры добычи серебра, меди, железа, на базе которых сложились предприятия по обработке металлов. На этих предприятиях, шахтах и рудниках, а также в лесном хозяйстве работали и словаки. Из этой же среды вышли бродячие ремесленники и торговцы, образовав особую группу лиц, занимавшихся отхожими промыслами. В XVIII в. поистине всеевропейскую известность получило мастерство словаков — проволочников, стеклодувов, а также знахарей-врачей, промышленно-лекарственными травами. География странствовавших корабейников была обширна. Они «освоили» не только территорию Королевства Венгрия, но и чешские, австрийские, южнославянские земли империи. Они ходили на Балканы и в Россию и даже отправлялись за океан в Канаду и США.

Конец просвещенного абсолютизма Иосифа II. Внутренние неурядицы, которые переживала Австрийская империя к концу 80-х годов XVIII в., усугубились неудачной внешней политикой Иосифа II и ее катастрофическими последствиями. Вступив в союз с Екатериной II, император в 1788 г. объявил войну Османской империи, желая поживиться за счет ее балканских владений. Победного марша по Балканам, однако, не получилось. Турки оказали противнику сильное и эффективное сопротивление. Австрийские армии терпели одну неудачу за другой, в то время как русские одерживали победу за победой. В итоге Россия получила Кубань, Таврию и «жемчужину короны» — Крым, а Австрия — ничего.

Население южных областей Венгрии, ставших театром военных действий, страдало от частых реквизиций продовольствия и лошадей, от постоя солдат и грабежей. Комитаты, возглавляемые строптивым венгерским дворянством, объявив «пассивное сопротивление», один за другим уклонялись от уплаты налогов казне, отказывались снабжать армию продовольствием, фуражом, пополнять ее новобранцами. Возникло движение за восстановление старинной и нарушенной Габсбургами конституции, созыв Государственного и комитатского собраний.

Лидеры оппозиционного движения установили контакты с прусским и веймарским дворами с целью возведения на венгерский престол герцога веймарского или кронпринца прусского. Король прусский Фридрих Великий, раздраженный возобновлением попыток Иосифа обменять отдаленную и бурлившую Бельгию на соседнюю Баварию, вплотную придвинул свои войска к границам Австрии, недвусмысленно угрожая ей войной. Антиавстрийское движение в Бельгии началось еще в 1787 г. Спустя год воодушевленные штурмом Бастилии бельгийцы, подняв всеобщее вооруженное восстание, в конце 1789 г. заставили имперские войска покинуть страну.

Иосиф, находясь уже на смертном одре, вынужден был отречься от большинства своих радикальных реформ, за исключением патентов о веротерпимости и об отмене личной зависимости крестьян. В Венгрии была восстановлена комитатская система, после многолетнего перерыва созвано Государственное собрание, увезенную в Вену корону Св. Иштвана вернули на родину. Собрание приступило к обсуждению проектов конституции, в которых отразились новые идеи, навеянные Фран-

цузской революцией. Вся страна следила за событиями, происходившими в Париже. В десятках вновь открывшихся читален зачитывались «Монитором». Необычную популярность приобрели национальная одежда, венгерская песня, венгерский язык. Впервые в своей истории национальные требования сформулировали валахи Трансильвании (в 1791 г.).

Период феодально-абсолютистской реакции. При *Леопольде II* (1790—1792), младшем брате Иосифа II, начался постепенный переход от просвещенного абсолютизма к феодально-абсолютистской реакции. На первый план выдвинулись борьба против революционной Франции, а также спасение трона и монархии от распада и разложения. Новый монарх оказался гибким во внешней политике и в меру уступчивым во внутривластных делах. Ему удалось вернуть доверие аристократов и дворянства, недовольных социальными экспериментами покойного императора. Венгрию он умиротворил тем, что признал ее древнюю конституцию и территориальную целостность: Королевство Венгрия (включая Трансильванию и Хорватию) представляет собой единое целое, управляемое независимо и отдельно от других стран империи. Леопольд II прекратил войну с Турцией и вступил в союз с заклятым врагом Австрии Пруссией, положив тем самым конец прусским интригам в Венгрии и Бельгии. Антифранцузский союз с Берлином позволил императору в конце 1791 г. восстановить свою власть над Бельгией, признав одновременно ее особое положение в составе габсбургских владений. Осмотрительной и осторожной была и его внешняя политика. Австрия не бросилась очертя голову в антифранцузскую авантюру. Она осталась в стороне от первой коалиции, несмотря на давление Лондона и Петербурга и на уговоры королевы Франции Марии Антуанетты, сестры Леопольда II, тщетно взывавшей о помощи.

Положение круто изменилось после того, как Леопольда на троне сменил *Франц II* (1792—1835). О взглядах и политике нового императора можно судить по одному из первых его указов, которым он наложил строжайший запрет даже на упоминание в печати о Французской революции. Империя вступила в длительную полосу войн с Францией во имя восстановления и утверждения феодально-монархических порядков в Европе.

Якобинский заговор. Но «французский дух» еще витал над самой империей. В первой половине 90-х годов XVIII в. в Венгрии и Австрии возникло *конспиративное*

республиканское движение. К движению примкнули ученые, адвокаты, врачи, офицеры, чиновники — поклонники якобинской диктатуры и французского Просвещения. Они добивались установления конституционной монархии, всеобщего избирательного права, представительного парламента, широкого участия в общественно-политической жизни третьего сословия. Австрийских якобинцев возглавил поэт и философ, офицер венского гарнизона *Франц Хебенштрайт*. Разработанный им план переворота предусматривал захват власти, арест аристократов, казнь императора, немедленное прекращение войны против Франции. Была установлена непосредственная тайная связь с Комитетом общественного спасения в Париже,

В июле 1794 г. по доносу провокатора организация была раскрыта, десятки ее членов брошены в казематы, Хебенштрайт повешен. Полиция нашла на след разветвленной тайной организации венгерских якобинцев, возглавляемой ученым-философом *Игнацем Мартиновичем*, ученым-юристом *Йозефом Хайноци*, поэтом *Ференцем Казинци*. Цель, которую они ставили перед собой, заключалась в уничтожении феодализма и монархии, установлении республики путем всеобщего вооруженного восстания. Впервые в европейской истории была выдвинута *программа решения национального вопроса*: венгерские якобинцы хотели превратить королевство в федерацию свободных и равноправных народов; в программе специально оговаривалось право каждого народа на употребление родного языка и выработку собственной конституции. Реакция учинила жестокую расправу над республиканцами. Аресту подверглись несколько сот человек, десятки из них были приговорены к смерти.

Австрийская империя в эпоху наполеоновских войн. Напуганное репрессиями дворянство, основная сила венгерской оппозиции, надолго утратило способность и вкус к активной политической деятельности. Углубление Французской революции, эксцессы якобинской диктатуры также отрицательно повлияли на его революционность. К тому же войны, в особенности континентальная блокада, открыли перед помещиками неслыханные возможности для обогащения. Дворяне активно сотрудничали с венским двором и не помышляли ни о каком фрондировании. Дважды, в 1805 и 1809 гг., когда армии Наполеона находились у порога Венгрии, император французов предлагал дво-

рянству восстановить независимость страны, но оно не поддавалось соблазну.

Войны, которые Габсбурги вели против Франции, заканчивались, как правило, поражениями; австрийская территория не раз становилась театром военных действий. Вена и некоторые провинции подвергались оккупации. В 1806 г. под нажимом Наполеона Габсбурги вынуждены были навсегда расстаться с титулом императоров Священной Римской империи германской нации. Монархия стала называться *Австрийской империей*, а Франц II превратился в императора *Франца I*.

В 1809 г. после очередного разгрома, нанесенного Австрии французами, министром иностранных дел и фактическим главой правительства стал *Клеменс Меттерних*, выдающийся дипломат, оказывавший в течение последующих 40 лет большое влияние на австрийскую и европейскую политику. В значительной мере благодаря искусной дипломатии Меттерниха Австрия, проиграв почти все кампании и избежав участия в решающей войне 1812—1813 гг., все же умудрилась оказаться в числе победителей. Именно она была удостоена чести организовать мирную конференцию, подводившую черту под длительной эпохой войн и заново перекроившую карту целого континента. На *Венском конгрессе*, на многие десятилетия решившем судьбу европейских стран и народов, главную роль наряду с Александром I, императором российским, и британским министром Каслри играл всемогущий министр императора Франца I — Меттерних. Он же был одним из «крестных отцов» пресловутого *Священного союза*, созданного для подавления революции и свободомыслия в Европе. Венский конгресс вернул Австрии все утраченные ею владения, за исключением Бельгии. Австрия вошла во вновь созданный *Германский союз*, получив право председательствовать на союзном собрании во Франкфурте. Восстановив свое влияние в Германии и Италии, Австрия стала одним из факторов, препятствовавшим объединению двух великих наций Европы.

Промышленный переворот и его последствия. Возросшее в XIX в. политическое влияние Австрийской империи в европейских делах не сопровождалось ростом ее экономического потенциала. Напротив, наметилось явное отставание Австрии от передовых стран континента, уже вступивших на путь промышленного переворота. В первой половине XIX в. империя в целом продолжала оставаться пре-

имущественно аграрной страной, в которой две трети населения были заняты в сельском и лесном хозяйстве, ее развитие сдерживалось сохранением феодальных отношений и зависимым положением крестьянства. Цехи и многочисленные внутренние пошлины мешали росту мануфактур и торговли. Франц I, опасаясь концентрации склонных к бунтарству рабочих, запрещал создавать в столице новые мануфактуры и фабричные предприятия. Духовному прогрессу нации мешали суровые цензурные установления. Под запретом находились многие произведения мировой классики, включая Лессинга, Шиллера, Гёте. Школа была целиком поставлена под контроль духовенства. Политический и духовный гнет над народами обширной империи был установлен во многом стараниями Меттерниха, который приобрел огромную власть и влияние при императоре *Фердинанде I* (1835—1848). Полицейская слежка, вскрытие частной корреспонденции и даже дипломатической почты, тайные суды и расправы над неблагонадежными — таковы лишь некоторые черты меттерниховской системы. В отношении угнетенных народов применялся принцип «разделяй и властвуй!». Политика была рассчитана на консервацию отживших свой век феодальных отношений и абсолютистской государственной власти.

Тем не менее рост новых производительных сил, создававший предпосылки для перехода к капитализму, медленно, но верно подтачивал устои старого порядка и в Австрии. В 30—40-е годы промышленная революция развернулась в наиболее развитых провинциях — Нижней Австрии и Чехии. На платочной фабрике в Брно в 1816 г. была установлена первая паровая машина, изготовленная в Англии. В конце 20-х годов страна располагала всего 11 машинами, в 40-е годы их количество достигло 30, а в середине XIX в. — уже 900. В 30—40-е годы добыча угля выросла в 4 раза, производство чугуна — в 2 раза (по сравнению с 20-ми годами). Строительство железных дорог в Австрии началось почти одновременно с их проведением в Англии (с опозданием в 3 года), в 1828 г., но к 1846 г. протяженность их составляла всего 148 км. В 1830 г. открылась первая в империи регулярная пароходная линия, связавшая Вену с Пештом в Венгрии.

В те же два десятилетия, несмотря на менее благоприятные условия и большую отсталость, экономический подъем наблюдался и в странах венгерской короны, особенно в Пеште-Буде, в некоторых районах Трансильвании и Словакии. В промыш-

ленном производстве Венгрии вместе с Хорватией и Трансильванией было занято около 5% населения (14,5 млн). О капиталистической эволюции сельского хозяйства свидетельствовали резкое увеличение производства технических культур, таких, как картофель, табак, рис, индиго, и других, улучшение агротехники, усовершенствование орудий труда, расширение пахоты, обводнение засушливых земель, осушение болот и т. д. Первые банки и сберегательные кассы, возникшие в 40-е годы, не могли обеспечить потребности сельского хозяйства в кредитах. Это обстоятельство, в свою очередь, ограничивало возможность замены дарового, но весьма непродуктивного труда крепостных более эффективным наемным трудом, препятствовало широкому применению машин и механизмов в помещичьем хозяйстве. Из-за наличия феодальной собственности на землю помещики-дворяне не могли получить ссуду под не движимость, чтобы перевести свои хозяйства на интенсивный путь развития. В результате ужесточилась феодально-крепостническая эксплуатация крестьян.

«Предмартовский период». Углублявшийся с каждым годом кризис феодально-абсолютистского строя приобрел явный характер после свержения Июльской монархии во Франции. Два десятилетия, предшествовавшие буржуазной революции 1848 г. и вошедшие в австрийскую историю как «предмартовский период», ознаменовались необычайным общественно-политическим подъемом, оживлением всей духовной жизни австрийского общества. Все слои, за исключением правящей верхушки, ощущали безотлагательную необходимость глубоких социальных преобразований и коренной реформы политического строя.

После Июльской революции в Париже и под воздействием восстания в Польше в сопредельных областях Северо-Восточной Венгрии вспыхнули антифеодальные волнения, непосредственным поводом к которым послужила эпидемия холеры. Одновременно с «холерным бунтом», в котором участвовали словацкие, русинские, венгерские, а также влашские крестьяне, развернулось движение помощи и солидарности с польскими повстанцами. Среднепоместное дворянство Венгрии, смело взявшее на себя функции национальной буржуазии, начинало понимать, что освобождение многомиллионного крестьянства от феодально-крепостнического гнета является единственно возможным путем достижения независимости государства и буржуазного преобразования общества.

В начале 30-х годов граф *Иштван Сечени*, один из выдающихся деятелей «эпохи реформ» в Венгрии (1830—1840), разработал обширную программу буржуазных преобразований, которая включала ликвидацию крепостничества, замену барщины наемным трудом, отмену цехов, поощрение национальной промышленности, учреждение широкой сети кредитных учреждений и Национального банка. В то же время он был глубоко убежден в необходимости сохранения политических и экономических позиций аристократии и крупного землевладения, а также союза венгерского дворянства с династией Габсбургов. В 40-е годы признанным лидером движения стал *Лайот Кошут*, адвокат, выходец из бедных слоев дворянства. Он был более решителен и последователен и, в противоположность Сечени, не страшился возможных осложнений с венским двором и династией, конфронтации с аристократией. Складывалось и революционно-демократическое крыло движения во главе с поэтом *Шандором Петёфи* и *Михаем Танчи-чем*, сыном крепостного, страстным защитником интересов трудового народа, поклонником Французской революции и утопического социализма.

Сила и размах движения за реформы в Венгрии, его эффективность определялись не в последнюю очередь тем, что оно было хорошо организовано и опиралось не только на исторические традиции независимости и свободолюбия, но и на легальные формы политической организации и политической деятельности — Государственное собрание и собрание комитатов, превратившиеся накануне революции в легальные форумы антиавстрийской и антифеодальной оппозиции. В 40-е годы движение сумело добиться утверждения ряда буржуазных реформ Государственным собранием, в частности возведения венгерского языка в ранг официального. При этом не были учтены интересы румынского и славянских народов, составлявших около половины всего населения.

Эпоха Национального возрождения славянских народов Австрийской империи. Угнетенные народы империи все настойчивее добивались либеральных свобод и национального равноправия. В конце XVIII — первой половине XIX в., в особенности в 30—40-е годы, переход к капиталистическим отношениям, разрушавшим локальную обособленность, ускорил консолидацию отдельных народностей в современные нации, чему особенно способствовало повышение

уровня образованности. В истории югославян, чехов, румын, словаков Австрии и Венгрии наступила эпоха так называемого *Национального возрождения*. Начался подъем национальных движений, по сути носивших антифеодальный характер. Выросшее на национальной почве Возрождение испытало на себе влияние европейского Просвещения, просвещенного абсолютизма и австрийской его разновидности — *йозефинизма*.

На первом этапе Национального возрождения (последние десятилетия XVIII в. — 20-е годы XIX в.) и чехи, и словаки пробуждались к национальной жизни, развивался и распространялся национальный литературный язык, расцветали национальная литература, театр и т. д., т. е. национальная культура. Большая заслуга в этом принадлежала целой плеяде просветителей и прежде всего «будителям» *Йозефу Добровскому* (1753—1829), автору трудов по истории языка и культуры чехов и других славян; *Йозефу Юнгману* (1773—1847), ученому-философу, автору чешско-немецкого словаря, учебника чешской литературы.

Важное место в деятельности «будителей» играла пропаганда идеи *общеславянской солидарности*. Они искренне верили в силу и могущество славянства, питали надежды на помощь России в борьбе со своими угнетателями. Крупнейший деятель словацкой культуры *Ян Коллар* (1793—1852), писавший на чешском языке (поскольку литературного словацкого тогда еще не было), в знаменитой своей поэме «Дочь Славы» (1824) воспевал славное прошлое славян и их героев — Гуса, Жижку, Костюшко, Минина и Пожарского. Он отстаивал идею единого «славянского народа», рассматривал словаков как часть «чехословацкого племени», отказывая им в праве на самостоятельное национально-культурное развитие, как и другим малым славянским народам. Коллар не понимал, что в век капитализма из народностей формируются современные нации, он не видел, что на этот путь вступили уже и его соплеменники — словаки. Между тем в 40-е годы произошли некоторые сдвиги в создании самостоятельного литературного языка словаков, наметилось сотрудничество между католиками и протестантами. Национальное движение стало обретать политические черты.

В лице *Людовита Штура* (1815—1856) выдвинулся способный национальный лидер, вместе со своими единомышленниками начавший движение за создание словацкого литературного языка. На народном среднесловацком языке Штур и

его сподвижники стали печатать книги, а с 1845 г. выпускали «Словацкую национальную газету», в которой впервые была сформулирована национальная программа нарождавшейся словацкой буржуазии. На национальное движение словаков, как и других угнетенных народов Австрийской империи, огромное воздействие оказали успехи борьбы мадьяр против навязывания немецкого языка, в особенности в замене средневековой латыни венгерским в качестве официального языка королевства. Однако при этом мадьяры не учитывали законные интересы других народов, озабоченных судьбами родного языка. Намечавшаяся угроза мадьяризации подстегивала национальные устремления, расширяла и сплачивала национальное движение славян и влахов, но, с другой стороны, вела к противопоставлению этих движений мадьярскому. В конечном счете это помешало созданию единого фронта борьбы против главного врага всех народов Австрийской империи — габсбургского феодального абсолютизма.

Сходная ситуация в канун революции 1848—1849 гг. сложилась и в чешских землях, где чехи достигли больших успехов в развитии национальной культуры, углублении и укреплении национального самосознания, в консолидации национальной торгово-промышленной буржуазии, бросавшей вызов буржуазии немецкой. Однако в Чехии и Моравии проживало значительное немецкое население, национальные интересы которого пришли в столкновение с чешскими в сфере экономики, языка и культуры, что помешало сплочению либерально-демократических сил обоих народов в борьбе против феодально-абсолютистского режима.

Революция 1848 г. в Австрии и Венгрии. Экономический кризис 1846 г. и три подряд неурожайных годов (1845—1847) имели для империи катастрофические последствия. Инфляция, дороговизна, рост цен на хлеб и на ставший «хлебом насущным» новый продукт — картофель, невиданная ранее массовая безработица создали в империи взрывоопасную ситуацию. Детонатором вновь — в который раз! — послужили события в феврале 1848 г. в Париже, весть о которых докатилась до Вены 29 февраля. С требованием реформ, отмены цензуры, созыва общевенгерского парламента в начале марта выступили депутаты *ландтага* (сословного собрания) Нижней Австрии и буржуазный «Промышленный союз». Революция в Австрии началась 13 марта с демонстраций и стихийных ми-

тингов венской бедноты, студентов, бюргеров. Тысячи горожан, запрудивших улицы и переулки вокруг здания ландтага в центре столицы, требовали немедленной отставки злого геня Австрии князя

Меттерниха и провозглашения конституции. О необходимости предоставления конституции всей империи и проведения буржуазных реформ говорил в своей речи Кошут 3 марта, ее текст зачитывался на улицах и площадях австрийской столицы.

В полдень 13 марта правительство ввело в Вену войска, начались столкновения. К вечеру рабочие и студенты возвели баррикады. Студенты приступили к формированию *Академического легиона*, ставшего вскоре знаменитым. Часть солдат отказалась стрелять в народ. Заколебался и сам император. Он согласился выдать оружие студентам, не препятствовал созданию Национальной гвардии и был вынужден удалить Меттерниха. Реакционный режим, ненавистный всей Европе, рухнул в один день. Революция одержала первую важную победу. В состав реорганизованного правительства вошли представители либеральной буржуазии.

Временное единство разнородных социальных сил революционного лагеря улетучилось довольно скоро. Буржуазия, особенно состоятельная, удовлетворившись достигнутым, заботилась отныне лишь о сохранении завоеванного и прежде всего о сохранении «законности и порядка». Плебейские низы, воодушевленные своей победой, были полны решимости продолжать борьбу за свои насущные нужды, требуя обеспечения права на труд, отмены косвенных налогов, установления 10-часового рабочего дня, увеличения заработной платы. Крестьяне боролись за отмену выкупных платежей помещикам, за отмененные повинности. Правительство подготовило проект конституции, в котором провозглашались некоторые либеральные свободы (печати, собраний, слова); предусматривалось создание двухпалатного парламента и ответственного перед ним правительства. За императором сохранялись некоторые исключительные права: верховное командование вооруженными силами, право налагать вето на все решения *рейхстага* (парламента). Избирательное право обуславливалось высоким имущественным цензом.

В ответ на эту попытку восстановления абсолютизма венские демократы образовали революционный орган — *Политический комитет Национальной гвардии*. Когда правительство пожелало распустить комитет, народ 15 мая снова вышел на

улицы столицы и начал возводить баррикады. Властям пришлось отступить. На следующий день распоряжение о роспуске комитета было отменено, а войска выведены из города. Ночью двор во главе с императором тайно покинул столицу, направившись в высокогорную альпийскую провинцию Тироль, население которой отличалось глубокой набожностью и преданностью династии. Наступившее временное равновесие сил было нарушено 26 мая, когда военный министр граф Датур попытался разоружить Академический легион. На помощь студентам двинулись рабочие предместий. Решительное поведение восставших вызвало колебание среди солдат, часть которых не пожелала стрелять в народ. Власть в Вене перешла в руки *Комитета общественной безопасности*, его возглавил *Адольф Фишхоф*. Победу революции в Вене существенно облегчило то, что основные силы императорской армии находились в Венгрии и Италии, охваченных революционным восстанием.

В июле начал заседать австрийский рейхстаг, ставший ареной острых столкновений между силами демократии и реакции. Среди его депутатов оказалось довольно много депутатов славянских народов — чехов, поляков, русин (украинцев), в том числе представлявших интересы крестьян. Однако политическое лидерство захватили умеренные либералы, что наложило отпечаток на характер и существо его решений. Рейхстаг принял важный закон об упразднении феодально-крепостнических отношений. Безвозмездно была отменена незначительная часть повинностей. Самые тяжелые из них — оброк и барщина — подлежали выкупу, причем государство взяло на себя выплату лишь 1/3 суммы компенсации. Правящие круги преподнесли утвержденный императором закон как некое «благоденствие» династии, что немало способствовало росту традиционных монархических иллюзий у темного и забитого деревенского населения. В конечном счете реакция сумела противопоставить аграрную провинцию плебейско-демократической Вене, что сыграло роковую роль в судьбах австрийской революции. Голосами крестьянских депутатов реакционерам удалось проташить также решение о финансировании контрреволюционной войны против Италии и Венгрии.

Со всей остротой революция поставила в порядок дня весь комплекс национальных проблем, в том числе немецкий национальный вопрос. Противоречивым было отношение австрийской буржуазии к важнейшему вопросу объединения Германии в двух его вариантах — великогерманском и малогер-

майском. Значительная часть немецкоязычных австрийцев * продолжала осознавать себя частью общегерманской этнокультурной общности. Австрийская буржуазия, как и династия Габсбургов, претендовала на руководящую роль в новой объединенной Германии и готова была включить в ее состав многонациональную империю со всеми ее ненемецкими народами, не считаясь с их желанием и волей. Поэтому участие австрийских делегатов во Франкфуртском собрании, заседавшем в Паульскирхе, вызвало законную тревогу чехов и других славян. Возражала и традиционная соперница Австрии — Пруссия, и другие германские государства. *

В противовес Франкфурту в июне 1848 г. в Праге состоялся съезд представителей славянских народов империи, который высказался за сохранение Австрийской империи, против ее вхождения в Германию. Выдающийся лидер чехов, либерал Ф. Палацкий (1798—1876) не без основания считал, что включение Австрии вместе с чешскими землями в будущую германскую республику приведет к растворению чехов в немецкой среде и к утрате национальной самобытности. Поэтому он полагал, что славянам необходимо отстаивать монархию, защищать ее против всех ее врагов, т. е. против германской и венгерской революций. Так родилась доктрина *австрославизма*. Она была порождена страхом перед возможностью поглощения славян империей Германии или Россией. В Австрийской империи авторы доктрины видели гаранта национального существования малых славянских народов. .

Нападение австрийских солдат на мирную демонстрацию пражан стало причиной *Пражского восстания*, жестоко подавленного австрийской военщиной 17 июня 1848 г. Вслед за Прагой неизбежно должен был наступить черед Вены. Подавление революции на севере Италии и успехи в войне против Сардинии придали правительству решимости. Победы австрийского главнокомандующего фельдмаршала Радецкого вдохновили Иоганна Штрауса на сочинение «Марша Радецкого», а классик австрийской поэзии Франц Грильпарцер написал стихотворение, в котором воспел полководца. Все это говорило о повороте в настроениях общественности. Четкое размежевание сил произошло и в Вене. 23 августа буржуазные части Национальной гвардии открыли огонь по демонстрации рабочих, протестовавших против снижения зарплаты беднякам, занятым на общественных работах; либеральная буржуазия окончательно отошла от буржуазной революции. Но революция

еще не была побеждена. Последний ее всплеск был связан с событиями в имперской столице — Вене.

В первые дни октября рабочие, ремесленники, студенты австрийской столицы, проявив революционную солидарность с восставшей Венгрией, преградили путь войскам, получившим приказ выступить против нее. Венцы штурмом взяли здание военного министерства, вздернули на фонарном столбе военного министра графа Латура. Императорский двор вновь покинул столицу, на этот раз укрывшись в чешском Оломоуце (Ольмюц). 22 октября восставшая Вена оказалась окруженной войсками палача Праги генерала Виндишгреца и хорватского бана Елачича. Город пал после ожесточенного штурма 1 ноября.

Армия революционной Венгрии, спешившая на выручку повстанцам Вены, была разбита. Пришел конец австрийской революции, наступила очередь расправы с Венгрией. Для облегчения этой задачи 2 декабря был произведен небольшой дворцовый переворот: слабовольный и слабоумный Фердинанд был отправлен на покой, а на престол был возведен его восемнадцатилетний племянник *Франц Иосиф* (1848—1916).

Революция 1848 г. в Венгрии. Венгерская буржуазная революция началась 15 марта 1848 г., через день после выступления народа Вены. События в Пеште происходили под руководством группы радикальной молодежи во главе с *Шандором Петёфи*. По их призыву рабочие, ремесленники, студенты Пешта, захватив типографию, напечатали «Национальную песнь», написанную поэтом накануне, и программный документ революции («12 пунктов»), составленный революционными демократами при его активном участии. Помимо либеральных свобод, в «12 пунктах» выдвигались требования уничтожения барщины, учреждения национального банка, вывода из страны имперских войск, возвращения на родину венгерских полков, создания самостоятельного правительства, воссоединения с Венгрией Трансильвании (унии).

Демонстранты освободили из тюрьмы революционера-демократа Михая Танчика и образовали *Комитет общественной безопасности* в качестве органа революционной власти. 17 марта было сформировано первое ответственное перед Государственным собранием правительство Венгрии. Его возглавил один из лидеров оппозиции граф *Лайош Баттьяни*, министром финансов стал *Лайош Кошут*. Была проведена

крестьянская реформа, более радикальная, чем в Австрии: упразднены барщина и церковная десятина, в собственность крестьян переходила одна треть обрабатываемых земель. Полноправными собственниками стали бывшие крепостные, составлявшие 40% крестьянского сословия, причем безвозмездно; компенсация за выкуп была целиком возложена на государство. Однако безземельные и малоземельные крестьяне добивались углубления и расширения аграрных реформ, в первую очередь признания своих прав на ранее отобранные у них помещиками участки. Во время волнений, охвативших в марте—апреле всю страну, в ряде случаев происходил самовольный захват и раздел помещичьих земель. Правительство удовлетворило лишь одно из требований крестьян, но чрезвычайно существенное — об отмене виноградной десятины.

В конце марта венский двор предпринял попытку лишить Венгрию ее революционных завоеваний. Однако решительное выступление жителей Пешта вынудило императора официально утвердить революционные законы. Либеральные свободы и землю получили все народы королевства, но вопрос о национальных правах невенгерских народов даже не был поставлен. Поэтому венгерская революция стала быстро терять своих потенциальных союзников, а австрийская реакция сделала все, чтобы раздуть пламя межнациональной розни. На юге страны, населенном преимущественно сербами, скоро начались вооруженные стычки. Руководство национальным движением сербов, трансильванских румын и хорватов перешло в руки правых или умеренных элементов, ставших союзниками австрийской контрреволюции.

Венгерское правительство отдало приказ об аресте руководителя словацкого национального движения Людовита Штура, идеолога австрославизма, и его соратников после того, как правительству была вручена умеренная петиция, содержавшая требования об уважении национальных прав словаков и создании местного сейма. В конце концов словацкие лидеры сомкнулись с габсбургской контрреволюцией. Образованный ими в сентябре *Национальный совет* провозгласил самостоятельность Словакии в рамках Венгрии. Тогда же в Вене советом были организованы военные экспедиции (в сентябре, затем в ноябре 1848 г.), однако словацкие крестьяне оказались невосприимчивыми к национально-патриотической агитации. Более того, они поддержали венгерскую армию, а отряды воен-

ных экспедиций, в рядах которых было много чехов, были легко и быстро рассеяны.

Контрреволюционная война против Венгрии началась в сентябре 1848 г. с вторжения на венгерскую территорию войск хорватского бана Елачича. Смертельная угроза, нависшая над страной, вызвала новый прилив революционной энергии. Дело организации взял на себя Комитет обороны во главе с Кошутом. Революция, вступившая в новый этап своего развития, переросла в освободительную войну. Новая армия, с ошеломляющей быстротой сформированная и вооруженная усилиями Кошута, в конце сентября остановила продвижение хорватских войск, а затем отбросила их в Австрию. После неудач зимней кампании весной 1849 г. венгерские войска нанесли императорским армиям серию сокрушительных ударов и вновь вышли к австрийским границам.

Положение империи становилось катастрофическим. Катастрофу предотвратила вооруженная интервенция России. Судьбу революционной Венгрии решило вторжение на ее территорию 200-тысячной русской армии под командованием фельдмаршала И. Ф. Паскевича. Основные силы венгерской армии сложили оружие 13 августа 1849 г. у местечка Вилагош.

1849—1867 гг. Режим неоабсолютизма. После подавления революции в империи воцарился режим, который был назван *неоабсолютистским*. Сущность его состояла в союзе крупной буржуазии с монархией и крупными землевладельцами. Однако полной реставрации феодально-абсолютистских порядков, возврата к «старому режиму» не произошло. Окончательно неоабсолютизм сформировался в конце 1851 г., когда была отменена Конституция, «дарованная» императором в марте 1849 г. Крепостничество восстановлено не было. Законы, изданные в начале 50-х годов, в целом подтвердили революционные реформы, но реализация их происходила в ущерб интересам крестьянства и к выгоде помещиков, которым правительство гарантировало громадные выкупные суммы. Перевод сельского хозяйства на капиталистические рельсы, отмена ограничений, стеснявших внешнюю торговлю, предоставление железнодорожным и пароходным компаниям льготных прав па скупку земельных участков, рудников и шахт привели к оживлению экономики. Началось широкое железнодорожное строительство. В результате уже к концу 60-х годов протяженность железных дорог составила 6 тыс. км.

Однако внутривнутриполитическое состояние империи, ее международное положение характеризовались неустойчивостью. Враждебное отношение к России венского двора во время Крымской кампании имело своим последствием внешнеполитическую изоляцию Вены. В 1859 г. Австрия потерпела поражение в войне с Францией и Пьемонтом и вынуждена была уступить одну из богатейших своих провинций — Ломбардию. Вслед за этим поражением последовал крах режима неабсолютизма.

Австрия вступила в полосу конституционных экспериментов. Однако проекты конституций, опубликованные в 1860 и 1861 гг. («Октябрьский диплом» и «Февральский патент»), были слишком умеренными, чтобы удовлетворить либеральную буржуазию. Резкие протесты они вызвали в Венгрии. Венгерское дворянство во главе с умеренным политиком *Ференцем Деаком*, объявив «пассивное сопротивление», отказывалось сотрудничать с австрийскими властями, требуя восстановления конституции 1848 г. После австро-прусской войны (1866), в результате которой Австрии пришлось навсегда уйти из Германии, династия вынуждена была пойти на переговоры с венгерской оппозицией на условиях, предложенных Деаком. В феврале 1867 г. было заключено австро-венгерское соглашение, превратившее империю в *дуалистическую Австро-Венгерскую монархию*, состоявшую из двух самостоятельных во внутренних делах государств.

ГЛАВА 9 От раздробленности к объединению Италии

На пути к просвещенному абсолютизму. Эпоха гуманизма и Возрождения, ознаменовавшаяся расцветом экономики и культуры итальянских государств, уступила место в XVII в. глубокому политическому и экономическому упадку, продолжавшемуся до начала XVIII в. Налицо была политическая раздробленность Италии, осложнявшаяся соперничеством правителей, реакционной политикой папства и Папского государства, засильем европейских держав — Испании, Франции, империи Габсбургов. Из-за Османской империи и разгула пиратства в Средиземном море Италия утратила роль посредницы в торговле Европы с Ближним Востоком, следствием чего был упадок Венецианской и Генуэзской республик, купечества и банкиров государств Северной и Центральной Италии. Контрреформация в сочетании с засильем Испании и австрийских Габсбургов способствовала *рефеодализации*: укреплению всемогущества знати и усилению крупного землевладения, особенно на юге и на островах, упадку мануфактур и предпринимательства, росту ростовщичества. Повсеместно укрепились феодально-абсолютистские режимы с ярко выраженными партикуляристскими чертами и гегемонистскими устремлениями. В республиках (Генуя, Венеция, Лукка) власть принадлежала торгово-финансовой олигархии.

Положение осложнилось в XVIII в. с превращением Апеннинского полуострова в арену следовавших одна за другой войн в Европе, наносивших ощутимый ущерб экономике страны и вызвавших резкое падение жизненного уровня населения, в особенности крестьянства. Войны за Испанское и Австрийское наследство и Семилетняя война затронули в той или иной степени все государства, обусловили крайнюю нестабильность их границ и смену правящих династий. Так, в соответствии с условиями *Раистаттского мирного договора* 1714 г. на смену испанскому господству в Миланском герцогстве (Лом-

бардии) пришло австрийское владычество; в ряде государств Центральной Италии воцарились родственные Габсбургам династии — Лотарингская и д'Эсте либо зависимые от Австрии. Неаполитанское королевство обрело автономию от Мадрида, но стало владением испанской ветви Бурбонов. Уменьшалось влияние Венецианской и Генуэзской республик. Лишь образованное в 1718 г. *Пьемонтское королевство*, возглавляемое представителями Савойской династии, искусно лавируя между претендентами на господство в Италии, сумело расширить свои владения за счет Франции, Генуэзской республики, Ломбардии и других пограничных территорий, а позднее и передачи ему острова Сардиния. В свою очередь Папское государство расширило границы, получив выход к Адриатике и став барьером между Южной и Центральной и Северной Италией.

Кризис феодального строя принял в итальянских землях затяжной характер, в немалой степени из-за засилья клерикализма, своекорыстной политики верхов и социальной апатии низов. Только с середины XVIII в. в условиях определенного экономического оживления в ряде итальянских государств распространились идеи Просвещения со специфической гуманистической окраской, обусловленной традициями Возрождения. С реформаторскими идеями, прокладывавшими путь политике просвещенного абсолютизма, выступили такие видные мыслители, как *Ч. Беккариа*, *П. Верри*, *Д. Караччоло* и др. Они обращали внимание на пагубные последствия нищеты крестьянства, невежества, на пороки системы правосудия, произвол чиновничества, засилье церкви, ратовали за обновление государственных институтов и законодательства.

Серьезный импульс реформам в итальянских государствах дала политика в духе просвещенного абсолютизма Австрийской империи, в том числе в Ломбардии, во времена царствования Марии Терезии и ее преемника Иосифа II. Речь шла о проведении серии социальных и административных реформ, призванных устранить наиболее одиозные формы феодальных привилегий, упорядочить административную, судебную и налоговую системы, увеличив поступления в бюджет и расширив прерогативы центральной власти за счет позиций знати на местах. В этих целях в Ломбардии, как и во всей империи, был проведен *кадастр* (перепись) имущества и введен *единый имущественный налог*, в том числе на дворянскую и церковную собственность. Из рук откупщиков в ведение государственных органов был передан сбор таможенных пошлин, дорожных

сборов и других платежей. Были сняты ограничения с купли-продажи недвижимости, ускорившие становление института частной собственности; сужены судебные функции церкви и приняты меры к ограничению деятельности ряда религиозных организаций, в особенности иезуитского ордена.

Наиболее последовательные реформы во второй половине XVIII в. были проведены в *Тоскане* великим герцогом (официальный титул тосканского правителя) *Петром Леопольдом* — младшим сыном Марии Терезии. Здесь помимо налоговой реформы и снятия ограничений с купли-продажи недвижимости были ликвидированы цеховая система, инквизиция, право «мертвой руки» (изъятие церковью имущества умерших, не имевших наследников). В 1786 г. был принят один из самых прогрессивных для своего времени в Европе *уголовный закон*, отменявший пытки и смертную казнь.

Более ограниченный характер носили реформы в Неаполитанском королевстве, инициированные королевой Марией Каролиной, супругой Фердинанда IV Неаполитанского и дочерью Марии Терезии, а также рядом крупных сановников, разделявших некоторые воззрения просветителей. В напряженном противоборстве с духовенством сицилийскими баронами и неаполитанской знатью были упразднены инквизиция и многие монастыри с конфискацией их имущества. Однако ряд реформ, в особенности налоговая, свелись к половинчатым мерам, не затронувшим привилегии землевладельцев и дворянства. Еще более умеренными были реформы в Парме и Пьяченце, тогда как в Папском государстве, Сардинском королевстве (Пьемонте) и других государствах они не проводились либо были сведены к отдельным административным новациям.

Влияние революционной Франции на итальянские государства и общество. Революционные процессы во Франции оказали серьезное, хотя и весьма противоречивое воздействие на судьбы и общественную жизнь Италии. Как и в других странах Европы, они обусловили частичный демонтаж феодальных структур и институтов, способствовали крушению монархических режимов и проведению серьезных политических и социальных преобразований, осуществлявшихся при активном содействии французских войск и оккупационных властей.

Наивысшей стадии революционное — «якобинское» — движение достигло в Италии в 1796—1799 гг., когда одна за

другой возникли республики — Цизальпинская, Лигурийская, Римская, Партенопейская (по античному названию Неаполя). В них были приняты конституции, во многом дублировавшие французскую Конституцию 1795 г., создавались новые органы власти и представительные институты. Активную роль в этих преобразованиях играли, как правило, умеренные деятели «патриотического» лагеря. С различной мерой радикализма были возобновлены и продолжены преобразования, начатые в свое время поборниками просвещенного абсолютизма по ликвидации феодальных привилегий и форм личной зависимости крестьянства. В широких масштабах осуществлялась конфискация и распродажа церковной собственности.

Однако эффект этих безусловно прогрессивных мероприятий был во многом ослаблен тем, что новые республиканские режимы волей обстоятельств превращались в пособников либо заложников беспрецедентного разграбления страны французскими войсками и властями Директории. Из страны бесцеремонно вывозились уникальные музейные и культурные ценности; на жителей оккупированных городов и целых государств ложилась тяжесть непомерных контрибуций и военных реквизиций, обрекавших их на нужду и голод. Под нажимом Директории и французского командования новые власти были вынуждены заключать с Францией союзные договоры, обвязываясь, в частности, содержать французские войска, координировать с Парижем свою внутреннюю и внешнюю политику.

Неудивительно, что возмущение французским господством подогревало сопротивление республиканским режимам со стороны не только клерикальных и монархических кругов, но и социальных низов, обманувшихся в надеждах на реализацию своих чаяний, прежде всего решение аграрного вопроса и улучшение условий жизни. Трагедия разразилась в 1799 г., когда под совместным напором австрийских и российских войск при поддержке английского и российского флотов и неаполитанской королевской армии французские войска были вынуждены очистить большую часть страны и вести тяжелые оборонительные бои в Северной Италии. Республиканские режимы были свергнуты, сотни и тысячи республиканцев-патриотов — «якобинцев» и «умеренных», а также их сторонники заплатили жизнью за свои убеждения и действия, подверглись суровым репрессиям, покинули пределы Италии. Особенно жестокий характер репрессии носили в Неаполе и Риме, где в массовой резне приняли участие «*санфедисты*» (от итал.

sancta fide — святая вера) — представители духовенства, крестьяне, люмпенизированные слои городского населения, солдаты и др.

Новый тур борьбы в более сложных внутренних и международных условиях развернулся в начале XIX в. в ходе противоборства Франции и ее союзников со второй—пятой антифранцузскими коалициями. Набиравший силу консул, а потом император Наполеон Бонапарт рассматривал итальянские государства как ценный источник людских и материальных ресурсов, как разменную монету в дипломатической игре с европейскими державами, форму вознаграждения своих родных и приближенных. К 1810 г. вся Италия, за исключением островов Сардинии и Сицилии, остававшихся, благодаря присутствию английского флота, опорными базами Савойской и Бурбонской династий, оказалась под владичеством Франции. При этом Пьемонт, Венецианская республика с ее владениями в Адриатике и ряд территорий Центральной Италии вошли в состав Французской империи в виде департаментов. Значительная часть Северной и Центральной Италии была объединена в 1802 г. в Итальянскую республику с центром в Милане, а в 1805 г. составила *Итальянское королевство* во главе с королем Наполеоном Бонапартом и вице-королями. Неаполитанское королевство и ряд других территорий были переданы учрежденным императором новым династиям — маршалу И. Мюрату, супруге императора Марии Луизе и др.

На новом этапе французского господства специальным законом 1806 г. был упразднен феодализм как тип организации социальных отношений; на Италию были распространены (в разной мере в различных областях) нормы французского Гражданского кодекса; был узаконен институт частной собственности. Возобновился процесс перераспределения земельной собственности, преимущественно за счет церковных и общинных владений, благодаря чему возрос удельный вес буржуазного землевладения. В начале XIX в. в Италии, как и во Франции, возобладал дух обогащения, финансовых спекуляций. Ускоренными темпами формировалась централизованная и унифицированная система управления по французскому образцу. Благодаря французскому господству рушились таможенные и иные преграды, препятствовавшие контактам и связям прежде изолированных государств и регионов. Все эти меры, вопреки намерениям Французской империи и ее главы, стимулировали формирование в различных слоях итальянско-

го общества национального самосознания, а также распространение либеральных и демократических воззрений, утрачивавших к этому времени свой престиж во Франции. Немаловажным фактором секуляризации общественного сознания стала ликвидация светской власти папства и Папского государства и насильственное перемещение папы во Францию.

Вместе с тем бесцеремонное вмешательство французских властей в положение дел на Апеннинском полуострове, перекройка политической карты Италии, давление, оказываемое на государственную политику и общественную жизнь, усиливали антифранцузские настроения в Италии. Тяжелым испытанием стало навязанное стране присоединение к континентальной блокаде, направленной против Англии, участие принудительно призываемой итальянской молодежи во всех крупных военных кампаниях Франции в Европе, в том числе против России, пресечение деятельности патриотических и демократических организаций. Как и в других странах Европы, в Италии множились проявления антифранцузского сопротивления — от неуплаты налогов и уклонения от военной службы до бунтов и вооруженных восстаний. В 1807—1814 гг. в стране сложилось и стало функционировать строго законспирированное движение *карбонариев*. При всей незрелости, эклектичности программных положений и приверженности мистическим ритуалам и символике оно сыграло важную роль в консолидации патриотических и прогрессивных слоев общества либеральной и демократической направленности.

Реставрация. Крушение наполеоновской империи в 1814—1815 гг. вместе с торжественными заверениями организаторов Венского конгресса о решимости дать Европе мир, порядок и спокойствие были с облегчением встречены населением Италии, уставшим от политических потрясений и военных невзгод. Даже возврат легитимных, по терминологии Венского конгресса, династий и монархов на первых порах воспринимался как благо. Но очень скоро надежды на перемены к лучшему рассеялись, сменившись осознанием пагубного для страны движения вспять, своего рода «антирисорджименто», по оценке итальянских историков.

В эпоху Реставрации возродилась политическая раздробленность, а с ней — партикуляристские предпочтения монархов и знати. Резко возросла зависимость Италии от Австрийской империи, превратившейся в гаранта Венской системы на

Апеннинском полуострове. Согласно решениям Венского конгресса, Ломбардия и владения бывшей Венецианской республики составили так называемое Ломбардо-Венецианское королевство и были включены в состав Австрийской империи. В Тоскане, Парме и Модене утвердились родственные Габсбургам «легитимные» династии. С Неаполитанским королевством (или, как его называли, Королевством обеих Сицилии), где вновь воцарились испанские Бурбоны, Австрия заключила секретный договор о совместных мерах по борьбе с конституционными и реформаторскими силами и настроениями. Важным средством давления Австрийской империи на итальянские государства было сосредоточение в Ломбардско-Венецианском королевстве значительных вооруженных сил, а в ряде важных в стратегическом отношении пунктов Центральной Италии — военных гарнизонов. Отсутствие у большинства итальянских государств сколько-нибудь значительных армий (исключение составляли пьемонтская и неаполитанская армии и швейцарские наемники восстановленного Папского государства) делало их беспомощными перед властями Австрии.

Повсеместно в итальянских государствах, особенно в Сардинском (Пьемонт) и Неаполитанском королевствах, Модене, Папском государстве, усилился диктат откровенно реакционных, приверженных абсолютизму и клерикализму кругов, стремившихся искоренить все нововведения. Широко использовались полицейско-репрессивные методы расправы с тайными заговорщическими организациями. Были приняты жесткие цензурные меры против распространения зарубежных либеральных и демократических изданий; в университетах и других учебных заведениях восстановлен жесткий контроль над профессурой и студенчеством со стороны религиозных инстанций и, в частности, возрожденного папой Пием VII иезуитского ордена. Из административных органов и армий увольнялись лица, заподозренные в конституционалистских воззрениях либо активно сотрудничавшие с властными инстанциями в наполеоновскую эпоху.

Церковь и духовенство в духе сотрудничества «трона и алтаря» стремились восстановить утраченный духовный контроль над обществом, активно пропагандировали консервативные убеждения идеологов Реставрации Ж. Де Местра и Л. Бональда. Римские понтифики были инициаторами широкой пропагандистской кампании, направленной против индустрии как таковой, научных и технических идей и нововведений.

Они стремились воспрепятствовать культурным связям с передовыми европейскими странами, осуждали проявления начавшей складываться с конца XVIII в. новой городской культуры.

Карбонарии и сопротивление Реставрации. Разрозненным и неоднородным патриотическим и конституционным силам и движениям в 20—30-е годы приходилось вести неравную борьбу против абсолютистских и клерикальных режимов и поддерживавшей их Австрийской империей. Эта борьба была сопряжена с тяжелыми потерями и поражениями, но возобновлялась вновь и вновь. В основе складывавшегося с немалым трудом оппозиционного лагеря лежали социальные перемены в структуре итальянского общества, обусловленные развитием капиталистических форм хозяйствования в Италии, воздействием происходившего в ряде европейских стран промышленного переворота, влиянием европейской общественной мысли.

Наибольший отклик эти процессы находили среди городских и сельских предпринимателей, многочисленных средних городских слоев — ремесленников, лавочников, служащих, чиновного люда, отчасти пролетарских и полупролетарских слоев. Немалую дань оппозиционным настроениям отдавали просвещенные круги аристократии, высшей бюрократии, лица свободных профессий, университетская профессура, учащаяся молодежь, военные, прошедшие выучку в наполеоновской армии, и т. п.

Настроения этих кругов с наибольшей полнотой выражали карбонарские организации, в первые десятилетия Реставрации функционировавшие в конспиративных условиях. Они занимали весьма критическую позицию по отношению к правящим режимам, ратовали за конституционные порядки, а порой и за республиканское устройство, выражали сочувствие социальным бедам Италии. Карбонарии были инициаторами революционных движений 1820—1821 и 1831 гг., охвативших ряд итальянских государств и имевших немалый международный резонанс.

2 июня 1820 г. восстанием распропагандированной карбонариями воинской части в провинциальном городке Нола началась *Неаполитанская революция*, охватившая все королевство, включая о. Сицилию. Главным требованием восставших, в том числе жителей столицы — Неаполя, было введение конституционного строя по типу испанской конституции

1812 г. Король *Фердинанд I Бурбон* был вынужден даровать конституцию, дать согласие на созыв парламента и сформировать правительство с участием сторонников умеренного конституционного курса. Армия в массе своей поддержала конституционные перемены.

Однако в судьбах неаполитанского конституционализма роковую роль сыграла нерешительность правительства и парламента, боязнь умеренных лидеров движения социальных потрясений, озабоченность ходом событий в Сицилии, где на фоне политических перемен усилились сепаратистские тенденции. Для борьбы с ними на остров были направлены регулярные войска, что в определенной мере дезориентировало и деморализовало поборников конституционализма в армии. Между тем король вступил в прямые контакты с руководством Священного союза и дал согласие на австрийскую вооруженную интервенцию, которая уничтожила очаг конституционализма на Юге Италии.

Почти на исходе Неаполитанской революции по аналогичному сценарию в марте—апреле 1821 г. развернулись революционные события в Пьемонте. В них приняли участие части пьемонтской армии, поддержанные горожанами и заговорщическими организациями. Пьемонтский король *Виктор Эммануил I* поспешил отречься от престола, а назначенный регентом принц *Карл Альберт* (впоследствии король Пьемонта) не воспротивился требованиям принятия конституции и создания временного правительства под руководством видного аристократа Сантарозы. Однако новый режим не успел консолидироваться, поскольку уже в начале апреля 1821 г. повстанческие силы были разгромлены регулярными частями, верными монархии, и пришедшими им на помощь австрийскими войсками. В Пьемонте, как и во всей Италии, возобладала реакция.

Уже в то время сложилась характерная для политической истории Рисорджименто взаимозависимость между правым и левым радикализмом и приверженность поборников последнего к заговорщическим и повстанческим методам борьбы.

Революционные потрясения в Средней Италии в 1831 г. начались под непосредственным воздействием Июльской революции во Франции и борьбы за независимость и конституционный строй в Бельгии. Средоточием повстанческих движений на этот раз были Парма, Модена и Папская область; их, однако, не поддержали обескровленные Пьемонт и Неаполи-

танское королевство и оставшаяся нейтральной Тоскана. Как и в 1820—1821 гг., участники выступлений ненадолго добились конституционных свобод, формирования временных правительств и — на этот раз — провозглашения Объединенных итальянских провинций с центром в г. Болонье как формы сплочения перечисленных итальянских государств. Призванные папой Григорием XVI австрийские войска вынудили повстанцев к капитуляции и облегчили кровавую расправу с участниками движения. Папские тюрьмы и условия содержания заключенных в 30—40-е годы XIX в. вызывали ужас не только европейского общества, но и правительств многих европейских стран.

Мадзинизм. Кризис и упадок карбонаризма, последовавший за событиями 1831 г., стимулировал критический пересмотр опыта борьбы новыми поколениями борцов против реакционных проявлений Реставрации и дальнейшую дифференциацию оппозиционных сил на два основных течения: революционно-демократическое и «умеренное» — конституционно-либеральное.

Особый вклад в становление революционной идеологии и разработку программы действий внес молодой юрист и талантливый публицист и организатор, уроженец Генуи *Джузеппе Мадзини* (1805—1872). Отдав в молодые годы дань карбонаризму, он был вынужден значительную часть жизни провести в изгнании, где установил личные контакты со многими видными деятелями европейской демократии и национально-освободительных движений. Важным рубежом, способствовавшим становлению мадзинизма как особой системы воззрений революционной демократии Италии и Европы, стала деятельность организации «Молодая Италия» и издание одноименного журнала — трибуны Дж. Мадзини и его соратников.

Условием решения «итальянской проблемы» и насущных задач итальянского общества Мадзини считал борьбу за свободу и независимость Италии и создание единого итальянского государства в тесной взаимосвязи с реализацией широкого круга демократических преобразований и утверждением в стране республиканского строя. Этому он посвятил всю свою энергию и недюжинные способности. Чтобы добиться независимости, единства и свободы, необходимо было, по мнению Мадзини, вовлечь в революционную борьбу против папства, монархий и Австрийской империи народные массы, формиро-

вать национальное самосознание и своего рода религию свободы — готовность к величайшим жертвам во имя нации и родины у широких слоев населения. «Бог и народ» — таков был один из главных девизов «Молодой Италии».

Социальные воззрения Дж. Мадзини отличались определенной расплывчатостью. Но он одним из первых среди итальянских демократов воспринял социалистические воззрения французских мыслителей-утопистов, в особенности стремление к достижению социальной гармонии с помощью ассоциаций и социального сотрудничества предпринимателей и рабочих, землевладельцев и крестьян. Мадзини страстно полемизировал с марксистами, критикуя их за недооценку роли наций и национального вопроса, а марксисты критиковали его за утопизм, фразерство, пренебрежение антагонизмом классов.

Под воздействием конспиративной деятельности «Молодой Италии» и других родственных ей организаций, кружков, течений в Италии распространялись патриотические и демократические воззрения, особенно в кругах средней и мелкой буржуазии, а также среди учащейся молодежи и городских низов. Неоднократно предпринимались попытки восстаний, военные экспедиции из-за рубежа (савойская экспедиция 1834 г., восстание в Сицилии 1837 г., экспедиция братьев Бандьера в Калабрию 1844 г. и др.). Все они были сопряжены с тяжелыми жертвами и оборачивались новой волной репрессий.

Важным импульсом становления итальянского либерализма (помимо мадзинизма) был начавшийся в 30—40-е годы **промышленный переворот**, способствовавший развитию мануфактурного производства, применению паровых двигателей, ткацких станков, шелкопрядильных машин, сельскохозяйственной техники и т. п. Наиболее быстрыми темпами процесс индустриализации шел в Ломбардии и ряде регионов Северной Италии. Его первые результаты убеждали «обуржуазившихся» дворян, предпринимателей, ученых в необходимости преодоления экономической отсталости страны, решения социальных проблем, развития системы образования, здравоохранения, средств сообщения.

От поборников либерализма исходили проекты налоговых, таможенных, административных реформ, кардинальной перестройки судебной системы. Они, в противовес революционной демократии, действовали легально, занимались предпринимательской деятельностью, пропагандой и внедрением научных и технических знаний; по их инициативе были созданы прию-

ты для престарелых и сирот и другие благотворительные учреждения, учебные заведения. Многие либералы содействовали консолидации интеллектуальных кругов в итальянских государствах. Несмотря на жесткие цензурные порядки, развивались публицистика и периодическая печать. Множились проекты преодоления пагубных последствий политической раздробленности страны, в противовес унитаризму Мадзини — на принципах федерации итальянских монархов (проекты Ч. Бальбо, М. Д'Адзелио, Д. Дурандо и др.).

Одновременно в Италии получили широкое распространение различные варианты *«католического» либерализма*, или, как его называли, *«неогвельфизма»*. Его поборники, в особенности В. Джоберти, стремились совместить борьбу за независимость и единство Италии с реформированием церкви и для укрепления ее пошатнувшегося авторитета предлагали римскому первосвященнику — папе встать во главе процесса возрождения Италии. Именно Джоберти принадлежит использование термина *Рисорджименто* (возрождение) в качестве той возвышенной цели, достижение которой способно возродить славные традиции итальянской истории и культуры и сплотить итальянский народ. В конце 1847 г. в Турине — столице Пьемонта — при участии графа *Б. К. Кавура* стала выходить газета с аналогичным названием «Рисорджименто».

Реформы 1846—1848 гг. как пролог революционных потрясений 1848—1949 гг. Кончина яркого реакционера папы Григория XVI и вступление на папский престол Пия IX в 1846 г. положили начало борьбе за реформе в итальянских государствах. Она достигла апогея осенью 1847 — весной 1848 г., став прологом мощного антиавстрийского движения и революционных потрясений в Италии в марте 1848 — августе 1849 г.

Новый папа, чтобы разрядить мрачную атмосферу, объявил о политической амнистии и разрешил возвращение на родину изгнанников. Известие об этом, равно как и о намерении папы провести административные реформы, породило волну ликования по всей Италии. Повсюду проходили массовые манифестации и народные сборища, которые от изъятия восторгов в адрес Пия IX быстро переходили к требованиям радикальных преобразований и прежде всего снятия цензурных запретов, свободы слова, печати, собраний, ограничения произвола и даже запрета иезуитских конгрегаций, создания

гражданской гвардии — в противовес армии и жандармерии, устранения с высоких постов реакционеров. В ряде городов и в провинциях такие манифестации нередко перерастали в схватки с силами порядка, Всю Италию наводняли либеральные и демократические издания — легальные и нелегальные; программы преобразований обсуждались в клубах, на банкетах и т. п.

Осенью 1847 — весной 1848 г. наступила новая фаза — переход от абсолютистских порядков к конституционным формам правления, избрание представительных органов и формирование умеренно-реформаторских правительств. Так, в августе — сентябре 1847 г. правитель Великого герцогства Тосканы *Леопольд II* был вынужден признать свободу печати, дать согласие на создание гражданской гвардии, нового правительства и совещательного органа при нем — *Государственной консулты*. Позже Леопольд даровал подданным конституцию. В октябре 1847 г. последовала долгожданная отставка реакционного советника короля Пьемонта. После бурных выступлений жителей Турина в королевстве была введена гласность судопроизводства, ослаблена цензура и ограничено всевластие полиции, избраны муниципальные советы.

Под давлением этих перемен заколебался реакционный режим в Неаполитанском королевстве, особенно после того как в январе 1848 г. мощное повстанческое движение жителей Сицилии привело к крушению на острове бурбонской администрации и почти полной эвакуации правительственных войск. Временное либеральное правительство, учрежденное в Сицилии, поставило вопрос о признании Неаполем независимости острова и обратилось к итальянским государствам с призывом к созданию федеративного союза. Под непосредственным воздействием этих потрясений король Фердинанд II поспешил признать автономию острова, отправил в отставку ненавистного многим главу неаполитанской полиции, даровал амнистию и конституцию. Был избран двухпалатный парламент и сформировано умеренно-либеральное правительство.

В марте—мае 1848 г. в Пьемонте после долгих дискуссий был обнародован *Альбертианский статут*, выполнявший роль конституции в Сардинском королевстве. Он декларировал гражданские и политические свободы, переход к парламентскому режиму, формирование ответственного правительства. Вопреки ожиданиям Пий IX декларировал свое негативное отношение к происходившим в Италии переменам. Он

ограничился в Риме реорганизацией правительства и созданием комиссии, призванной выработать проект реорганизации «светского управления церковного государства».

Патриотический подъем и война за независимость. Весной и летом 1848 г. борьба в Италии приобрела ярко выраженную патриотическую, антиавстрийскую окраску. Этому в немалой степени содействовали революционные события во Франции, Германии и особенно в Австрийской империи в феврале—марте 1848 г., повергшие в глубокий кризис Венскую систему в целом и меттерниховский режим в Австрии — в частности.

После нескольких дней борьбы патриотов с австрийским гарнизоном и властями 23 марта была провозглашена **Венецианская республика**. Под руководством **Д. Манина** — главы республики она мужественно сражалась за независимость до августа 1849 г., несмотря на многомесячную блокаду и бомбардировки с моря. После героических пяти дней сражений на баррикадах с многотысячным австрийским гарнизоном 18—23 марта 1848 г. жители Милана вынудили имперские войска покинуть город и сформировали Временное правительство. Его призыв к изгнанию австрийских войск из Италии был подхвачен жителями Ломбардии и Венецианской области. Одновременно изгнания австрийских гарнизонов добились жители Центральной Италии, включая Папские владения.

24 марта 1848 г. вступлением пьемонтской армии в Ломбардию началась **первая война за независимость** против Австрии, в которой помимо войск Пьемонта на первых порах приняли участие вооруженные силы и добровольческие отряды Тосканы, Папской области и Неаполитанского королевства, а также патриоты-волонтеры из всех государств. Во главе добровольческих соединений встал вернувшийся из длительной эмиграции Дж. Гарибальди, имевший к этому времени репутацию отважного борца за свободу и талантливого полководца, испытавшего себя в Латинской Америке.

В первые месяцы войны велись дипломатические переговоры между Пьемонтом и другими государствами о заключении военно-политического союза. По инициативе Турина были проведены плебисциты, на которых жители Ломбардии, Венецианской области, а также герцогств Пармы и Модены высказались за присоединение к Пьемонту. Но время для активных наступательных операций было упущено. Австрийское коман-

дование во главе с австрийским военачальником Й. Радецким реорганизовало войска, отступившие в сильно укрепленный район четырех крепостей (Верона, Мантуя, Пескьера, Леньяго). С мая 1848 г. австрийские войска перешли к активным операциям и в кровопролитных сражениях вынудили патриотов к отступлению. В конце июля 1848 г. в затяжном сражении при Кустоцце пьемонтская армия потерпела тяжелое поражение. 8 августа король Карл Альберт, опасаясь полной катастрофы, заключил перемирие на тяжелых для Пьемонта условиях.

Радикально-демократические течения усилили критику монархий, папы Пия IX, настаивали на созыве общенационального Учредительного собрания, а монархи и большая часть либералов все более опасались социальных потрясений. Раскол фактически сложившегося в начале войны за независимость патриотического лагеря имел негативные последствия. В мае 1848 г. в Неаполе был разогнан едва начавший работу парламент и с помощью репрессий фактически были аннулированы конституционные реформы. Неаполитанское королевство вскоре стало прибежищем папы, покинувшего выходящий из повиновения Рим, где возросла роль демократических кругов, возглавляемых Дж. Мадзини и Дж. Гарибальди. В Ломбардии и Венецианской области возрождавшаяся австрийская администрация при поддержке армии расправлялась с участниками патриотических выступлений. Венеция, оказавшаяся в кольце блокады, и Пьемонт, готовившийся снова к войне, все больше оказывались в изоляции в своем противодействии Австрии.

В этих условиях решение о возобновлении войны с Австрией 20 марта 1849 г., принятое королем Пьемонта под давлением патриотически настроенного правительства и демократических кругов, было тщетной попыткой возродить патриотический подъем весны 1848 г. и реализовать наметившиеся перспективы объединения Северной Италии под главенством Савойской династии. Но и на этот раз успех был на стороне австрийских войск. 23 марта 1849 г. в битве при **Новаре** пьемонтская армия была разгромлена, король Карл Альберт отрекся от престола в пользу сына **Виктора-Эммануила** и поспешно покинул Италию. Условия нового перемирия, а позднее **Миланского мирного договора** были крайне тяжелыми для Пьемонта и для дела независимости и объединения Италии. Были признаны недействительными итоги плебисцита 1848 г.,

что означало признание австрийского господства в Ломбардии и Венецианской области и отказ от помощи сражавшейся Венеции; был проложен путь к реставрации проавстрийских режимов в Парме и Модене. Пьемонт был вынужден выплатить Австрии значительную контрибуцию, а до уплаты ее — согласиться на оккупацию стратегически важных территорий королевства австрийскими войсками. Король удалил из правительства радикально настроенных деятелей, но аннулировать Альбертианский статут и гражданские свободы не решился.

На выступления тосканских и римских демократов за объединение страны, некоторые социальные реформы, а главное — провозглашение Римской республики реакционеры ответили консолидацией своих сил. Их поддерживали не только Австрийская империя, но и Французская республика, Испания. Они направили свои вооруженные силы для подавления последних очагов сопротивления.

3 июля 1849 г. после тяжелых оборонительных боев с французскими, австрийскими и неаполитанскими войсками капитулировала Римская республика. С помощью французского экспедиционного корпуса была восстановлена светская власть папы, что сопровождалось новой волной репрессий. К лету 1849 г. при помощи испанских войск неаполитанским войскам удалось подавить антибурбонские силы в Сицилии; там был восстановлен абсолютистский деспотический режим.

11 апреля 1849 г. при активном содействии австрийских сил был осуществлен контрреволюционный переворот в Тоскане и восстановлена власть Леопольда II. 22 августа капитулировала и Венеция.

Поражение патриотических и конституционалистских движений и радикально-республиканских течений отбросило Италию к временам начала Реставрации. Репрессии, тяготы войн ввергли жителей Италии в состояние тяжелой апатии. Однако период 1846—1849 гг. способствовал формированию гражданского и национального самосознания у все более широких кругов населения, что позволило уже через десятилетие возобновить борьбу за единство и независимость страны.

Решающие битвы Рисорджименто. Создание Итальянского королевства. 50-е годы отмечены тяжелым кризисом демократических и либеральных сил и возрастающими разногласиями о путях освобождения и возрождения Италии. Мадзини полагал, что дело Рисорджименто

может одержать победу только при условии изоляции монархов и либералов, в то время как Дж. Гарибальди и определенная часть демократов считали для себя возможным сотрудничество с этими силами. Унитаризму сторонников Мадзини противостояли идеи поборников федерализма (К. Каттанео, Ф. Феррари и др.).

Серьезная перегруппировка происходила и в либеральном лагере, где в противовес прежним антипьемонтским настроениям крепили надежды на консолидирующую роль Пьемонта с его конституционными порядками и возродившей боеспособность армией. Стремительно рос авторитет пьемонтского либерала графа **Б. К. Кавура**, возглавлявшего с 1852 по 1861 г. правительство и сумевшего в сложных условиях проводить либеральный курс. Блестящий политик и искусный дипломат, мастер политических компромиссов, Кавур придерживался «золотой середины», осуждая крайности правого и левого радикализма. Он противодействовал диктату Австрии, сохранял лояльные отношения с папой Пием IX, опирался на дипломатическое содействие Англии и стремился к военно-политическому союзу со Второй империей во Франции.

Пьемонт участвовал на стороне Англии и Франции в Крымской войне 1853—1856 гг. против России, а после ее завершения — в Парижском мирном конгрессе. Кавуру удалось привлечь внимание участников конгресса к положению в Италии и заложить основу будущего сотрудничества с бонапартистской Францией. Луи Наполеон дал согласие на совместную войну против Австрии и обещал содействие планам объединения Северной Италии под властью Пьемонта, а также созданию итальянской конфедерации под главенством папы. За это Пьемонт должен был передать Франции принадлежавшие ему Ниццу и Савойю.

Дело шло к войне. Сардинская армия была приведена в состояние боевой готовности. 23 апреля 1859 г. Австрия в форме ультиматума потребовала разоружения Пьемонта и тем самым дала ему повод начать военные действия, поддержанные Францией. В ходе итало-франко-австрийской войны Пьемонту вновь удалось заручиться поддержкой волонтеров со всей Италии. Возглавил добровольческие части Гарибальди, авторитет которого в итальянском обществе был очень высок. Волонтеры взяли ряд укрепленных городов в предальпийской части Ломбардии. 4 июня 1859 г. французские и пьемонтские регулярные войска нанесли австрийской армии серьезное поражение

при **Мадженте**. 8 июня был освобожден Милан, а 24 июня состоялась крупная битва при **Сольферино** и **Сан-Мартино**, в которой австрийская сторона вновь потерпела поражение. Открывалась возможность продвижения союзных войск в Венецианскую область.

Успехи в военных действиях против Австрии стимулировали антиавстрийские выступления в Тоскане и Эмилии. Здесь были созданы временные правительства, выказавшие готовность добровольно присоединиться к Пьемонту. Повсеместно росли патриотические настроения.

Французский император нанес тяжелый удар делу объединения Италии, подписав с Австрией сначала перемирие, а затем мирный договор. Австрия уступила Франции Ломбардию для последующей передачи ее Пьемонту, но сохранила за собой Венецианскую область и другие сферы влияния. Наполеон III получил Савойю и Ниццу. Так закончилась очередная война за независимость.

Между тем в действие вновь вступили народные массы. Патриотические силы добились удаления австрийских гарнизонов из Тосканы, Пармы и Модены. Восстала **Романья** — часть территории Папской области; вновь развернулись антибурбонские выступления в Неаполитанском королевстве и особенно в Сицилии. Воспользовавшись этим, демократические организации и движения развернули подготовку военной экспедиции в Сицилию для оказания помощи повстанцам. По инициативе Гарибальди для закупки оружия был создан фонд добровольных пожертвований **«Миллион ружей»**. Шли вербовка и обучение волонтеров — гарибальдийской «Тысячи». Из эмиграции поспешно вернулся Д. Мадзини.

В мае 1860 г. 1200 волонтеров высадились в Сицилии. Им противостояли около 25 тыс. королевских войск, не считая кавалерийских частей, артиллерии и полицейских формирований. Тем не менее, благодаря энтузиазму бойцов и пришедших им на помощь местных жителей, гарибальдийской «Тысяче» удалось выиграть крупную битву при **Калатафими**. Затем гарибальдийцы завладели центральным городом Сицилии — Палермо. Вскоре весь остров был очищен от королевских войск, а Гарибальди установил на нем режим революционной диктатуры во имя «Италии и Виктора Эммануила».

События в Сицилии усугубили глубокий кризис Неаполитанского королевства. Сменивший на престоле скончавшегося Фердинанда III — «короля-бомбу» Франческо II был глух к

требованиям перемен, уповая на репрессии. Летом 1860 г. гарибальдийские войска высадились в Калабрии и, не встречая сопротивления деморализованных правительственных войск, двинулись к Неаполю. На помощь к ним стекались добровольцы с севера и из Сицилии, из всех областей Неаполитанского королевства. Без боя они овладели Неаполем, а затем нанесли поражение оставшимся верными престолу войскам при **Вольтурно**. Это решило судьбу Бурбонов и королевства.

Представители демократии — Д. Мадзини, К. Каттанео и др. — настойчиво советовали Гарибальди сохранить диктаторские полномочия и использовать момент для освобождения силой Папской области, а затем Венеции. Стремясь предотвратить дальнейшие успехи гарибальдийцев, пьемонтские регулярные войска вторглись в Папскую область, освободили Марке и Умбрию, где и без того было сильное повстанческое антипапское движение, а затем вошли в Неаполитанское королевство с севера. Тем самым исключалась возможность военных действий Гарибальди против Папской области, чреватая для Пьемонта осложнениями со стороны Англии и Франции.

По настоянию Гарибальди был организован плебисцит, в ходе которого 21 октября 1860 г. подавляющее большинство жителей Неаполитанского королевства высказались за присоединение к Пьемонту. Виктор Эммануил в сопровождении Гарибальди торжественно въехал в Неаполь, а Франческо II вскоре после очередного поражения верных ему войск покинул королевство.

В феврале 1861 г. в Турине состоялось торжественное открытие итальянского парламента, а 14 марта Виктор Эммануил II был провозглашен королем Италии. Тем самым была решена одна из главных задач Рисорджименто — **объединение страны**, однако пока без Папской и Венецианской областей. В отличие от Германии, где главную роль в преодолении раздробленности страны сыграли войны под главенством Пруссии, в Италии на решающем этапе объединения переплелись, соперничая друг с другом, революционно-демократические силы, либеральные круги дворянства и буржуазии. Наряду с массовыми движениями использовались военные и дипломатические средства. Отсюда незавершенность Рисорджименто — отсрочка решения вопроса о Папской и Венецианской областях. Когда в 1862 г. Гарибальди на свой страх и риск предпринял попытку с двумя тысячами человек освободить Рим, он был остановлен королевскими властями по личному приказу

Виктора Эммануила. Герой Рисорджименто был ранен и отправлен в ссылку на небольшой остров Капреру (резиденция генерала вплоть до смерти в 1882 г.). Вторичная попытка гарибальдийской экспедиции в Папскую область в 1867 г. также была пресечена.

Сардинское королевство, продолжая политический курс Кавура после его смерти (1861), делало главную ставку на дипломатические маневры для решения «Римского вопроса» и освобождения Венеции. Это объяснялось острыми внутренними проблемами, в особенности на юге страны. Там тяжело сказывались такие последствия краха Неаполитанского королевства, как дороговизна, безработица, несостоятельность администрации в налаживании нормальной жизни, недовольство крестьянских масс, саботировавших распоряжения властей и отказывавшихся платить налоги. Обманутые в своих надеждах на скорое решение насущных социальных проблем, жители Сицилии и других южных областей ответили на деятельность новоявленной итальянской администрации взрывом крестьянских восстаний. Именно с этого времени в Сицилии стала возрастать роль *мафии* — преступных формирований, действовавших в контакте с крупными землевладельцами, консервативным клиром и насаждавших произвол, насилие, политические убийства и грубое вымогательство.

Непросто укреплялась новая власть и в других областях. На протяжении 60—70-х годов утверждались прогрессивные нормы гражданского права, налоговой системы, снимались таможенные барьеры, были приняты некоторые акты, ущемлявшие позиции церкви и фактически отделившие ее от государства.

Первое десятилетие существования единого королевства характеризовалось масштабным по тем временам железнодорожным строительством, бурной банковской деятельностью, спекулятивными операциями, положившими начало крупным состояниям и мощным финансовым группировкам. Вместе с тем последствия связанных с объединением расходов — тяготы налогов, денежная эмиссия, рост государственного долга, дороговизна жилья и продуктов питания — ложились на плечи народных масс, порождая социальное недовольство.

Политический и социальный компромисс дворянства и буржуазии, достигнутый под эгидой Савойской монархии на заключительном этапе Рисорджименто, существенно затруднил деятельность демократических сил и нарождавшегося в

стране рабочего и социалистического движений. Неудача римских экспедиций 1862 и 1867 гг. ускорила кризис и изживание гарибальдизма, этой своеобразной вооруженной формы деятельности революционно-демократических сил. Актуальным становилось использование парламентских и внепарламентских форм социальной и политической борьбы вокруг насущных проблем молодого Итальянского государства.

На этом менявшемся социальном и политическом фоне присоединение к королевству Венеции и Венецианской области состоялось вследствие участия Италии на стороне Пруссии в войне с Австрией в 1866 г. Позднее, в период франко-германской войны, крушение Второй империи сделало возможным вступление итальянских войск в сентябре 1870 г. в Рим и включение в единое королевство Папской области. Папа был лишен светской власти, а Рим объявлен столицей Италии. В скором времени Итальянское государство стало важным субъектом международных отношений.

ГЛАВА 10 Войны, революции и реформы на Пиренейском полуострове

Экономическое и политическое положение Испании к началу XVIII в. В XVII—XVIII вв. продолжался упадок страны. Королевская власть теряла авторитет, судьбами народа распоряжались помещики и различные «правительственные советы», состоявшие, по свидетельству современников, из людей «дряхлых, ограниченных, соединенных самомнением, разъединенных честолюбием и усыпленных ленью», которые заботились только о своих корыстных интересах. Высшими сословиями были дворянство (самое высокое — *гранды*, титулованная знать и низшее — *кабальеро* и *идальго*) и духовенство — от утопавших в роскоши кардиналов и епископов до сельских священников, мало отличавшихся по уровню жизни от крестьян. Третье сословие составляли крестьяне (абсолютное большинство населения), ремесленники, торговцы и мелкие предприниматели, чиновники, стряпчие. Третье и четвертое (наемные рабочие и прислуга) сословия платили налоги и содержали королевский двор, помещиков и церковь.

В обширных колониях (вся Южная Америка, кроме Бразилии; Мексика, включавшая тогда Калифорнию и Техас; Флорида, Куба, Сан-Доминго, а также значительная часть Италии и Нидерландов) испанские наместники грабили местных жителей, вывозили полезные ископаемые, запрещали американским колониям развивать обрабатывающую промышленность и торговать с кем-либо, кроме Испании. Это приводило к росту контрабанды; постепенно государства с более развитой промышленностью вытеснили из колоний испанские товары. Английские пираты охотились за испанскими грузами, шедшими из Южной Америки в метрополию с золотом и драгоценностями. Бюджет сводился с постоянно растущим дефицитом, казна

была хронически пуста. Численность производительного населения сокращалась из-за изгнания мавров и евреев, частых войн, переселения многих испанцев в американские колонии.

Сельское хозяйство пребывало в упадке, часть земли оставалась необработанной, крестьяне жили впроголодь; богатые скотоводы, перегоняя отары овец через всю страну, варварски уничтожали посевы. Крестьяне были лично свободны, арендовали землю у помещиков и отдавали им, государству и церкви от половины до двух третей урожая. Ремесленники и мастера-вые не имели гражданских прав. Дворяне, пытавшиеся заняться производительным трудом, изгонялись из своего сословия.

Внутренние таможи мешали созданию общенационального рынка. Каждый акт купли-продажи облагался налогом — *алькабалой* (10% стоимости товара). Природные богатства страны почти не использовались, рудные месторождения продавались иностранцам, а металлы покупались у них. Весьма низкой была боеспособность армии и флота, процветало дезертирство. Военные укрепления и корабли, все вооружение долгое время не обновлялись и приходили в негодность.

Ослабевшая Испания перестала играть активную роль в международных отношениях, превратившись в объект борьбы между более сильными державами. Правители Франции, Англии, Германии готовились к борьбе за все еще богатое Испанское наследство.

Война за Испанское наследство (1701—1714). Последний испанский король из династии Габсбургов *Карл II*, не имевший прямых наследников, под давлением французского посла завещал испанский престол внуку Людовика XIV Филиппу Анжуйскому. В 1700 г. Карл умер, в Мадриде воцарился под именем *Филиппа V* герцог Анжуйский, на смену Габсбургам пришла династия Бурбонов. Тогда-то Людовик XIV произнес исторические слова: «Какое счастье! Нет больше Пиренеев, они погрузились в землю, и отныне мы (Франция и Испания. — *Авт.*) стали одной страной» (эти слова приписывают также испанскому послу в Париже). Но именно этого объединения Испании с Францией ни за что не хотели допустить другие европейские державы, прежде всего Англия, боровшаяся с Францией за господство в мире. Поэтому английской дипломатии удалось создать коалицию держав и начать против Франции и Испании войну, получившую название войны за Испанское наследство.

Война оказалась затяжной и шла с переменным успехом. На море господствовал сильный английский флот. В 1704 г. он атаковал стратегически важную испанскую крепость Гибралтар. Небольшой ее гарнизон вскоре капитулировал, и с тех пор Гибралтар находился в руках англичан. Участники коалиции поддерживали кандидатуру на испанский престол (вместо Филиппа Анжуйского) сына германского императора — эрцгерцога Карла. Когда же в 1711 г. Карл сам стал германским императором, англичане тотчас сняли его кандидатуру, опасаясь усиления Германии. К тому же они сочли, что Франция столь ослаблена длительной войной, что не представляет серьезной опасности.

Мирные договоры, подписанные коалицией с Францией и Испанией в 1713 г. в Утрехте (*Утрехтский мир*) и в 1714 г. в Раштатте, предусматривали признание Филиппа V королем Испании при условии его отказа от притязаний на французский престол и территориальных уступок: Испания отдавала Англии Гибралтар и остров Менорка (Балеарский архипелаг в Средиземном море), а Савойе — Сицилию. Кроме того, испанцы уступили Англии право продавать негров-рабов в Латинскую Америку, а по Раштаттскому миру потеряли почти все свои владения в Италии и Нидерланды. Признание права Бурбонов на испанский престол дорого обошлось стране и народу, тем более что при Филиппе V и его старшем сыне *Фердинанде VI* почти ничего не изменилось, упадок продолжался.

В 1759 г. на престол вступил второй сын Филиппа — *Карл III*. Сначала он продолжил прежний курс. Перелом наступил в результате народного восстания 1766 г. в Мадриде, направленного против засилья в правительстве иностранцев. Поводом, переполнившим чашу терпения народа, послужил указ главы кабинета — итальянца Скилаччи, запрещающий ношение национальной одежды — длинных плащей и широкополых шляп; Карлу III пришлось выслать Скилаччи, отказаться от министров-иностранцев и заменить их испанцами.

Просвещенный абсолютизм. Карл III окружил себя способными людьми, которые понимали необходимость преобразований и способствовали развитию национальной промышленности и ремесел, ограничению власти церкви и деятельности инквизиции, изгнанию из страны членов воинствующего Ордена иезуитов, развитию просвещения и культуры. Эпоху Карла III именуют *эпохой просвещенного абсолю-*

тизма; власть короля, как и прежде, ничем не ограничивалась, народ не имел доступа к управлению страной, а король и его министры, будучи людьми образованными, придерживались принципа «все для народа, но без его участия». Считалось, что те, кто стоят у власти, лучше, чем сам народ, знают, что необходимо делать для его пользы.

В результате такого подхода проведенные реформы, будучи в большей степени связаны с личными качествами короля и его министров, не привели к кардинальным изменениям в Испании и оказались недолговечными. Испания, оставаясь в зависимости от Франции, обязывалась участвовать на ее стороне во всех войнах, которые она будет вести. Франция же воевала за свои интересы очень часто, и Испании приходилось почти непрерывно вести ненужные, изматывавшие ее войны, наносящие ей большой материальный ущерб и сводившие на нет экономические реформы. В итоге Испания и в конце XVIII в. оставалась отсталой аграрной страной с экстенсивным сельским хозяйством и слабо развитой промышленностью.

Разложение абсолютистского строя.

В 1788 г. на престол вступил сын Карла III — *Карл IV*, человек недалекий и безвольный, находившийся под влиянием своей жены — властолюбивой Марии Луизы.

Французская революция вызвала в Испании живейший отклик: передовые люди разделяли взгляды французских просветителей и революционеров, стремились покончить с абсолютизмом, распространяли литературу о событиях в соседней стране, приветствовали первые шаги новой французской власти, направленные против феодальных порядков. Это тревожило правителей Испании, выступавших за умеренные преобразования сверху и не желавших допустить революции снизу. Возглавлявший правительство Флоридабланка круто изменил политический курс, отказался от реформ, наглухо закрыл границу с Францией, преследовал сторонников революции, которую он называл «французским бешенством». Испания разрывала дипломатические отношения с Францией и готовилась принять участие в коалиции держав, стремившихся подавить революцию.

В 1792 г. первым министром Испании стал 25-летний любовник королевы *Мануэль Годой*. Его скандальное головокружительное возвышение от рядового гвардейца до главы правительства без каких-либо иных заслуг, кроме преданности ко-

ролеве, само по себе служило доказательством разложения абсолютизма. Годой втянул свою страну в войну против Франции, которая продолжалась два года (1793—1795). Вторжение французских войск, оккупация ими Северной Испании заставили испанское правительство подписать мирный договор — уступить Франции часть острова Сан-Доминго (Гаити) и заключить с ней военный союз. Но Годой сохранил любовь королевы и, как это ни странно, короля, присвоившего ему титул «князь мира».

Пришедший во Франции к власти Наполеон заставил Годоя вступить в антианглийскую коалицию и поручил ему ведение военных действий против союзницы англичан — Португалии (1801). Испанские войска оккупировали Португалию, а Годой получил звание генералиссимуса. Наполеон добился присоединения Испании к континентальной блокаде Англии. Между тем именно Англия покупала испанские сельскохозяйственные продукты и продавала Испании необходимые ей промышленные товары. Испания тайком нарушала блокаду, чем навлекала на себя гнев Наполеона.

Война за независимость и первая революция. Сначала Наполеон принудил Годоя начать новую войну против Португалии и под предлогом совместных действий ввел на испанскую территорию свои войска. Как и во время первой войны, португальская армия сопротивления не оказывала, король со свитой бежал в Бразилию. Война с Португалией закончилась, но французские войска не уходили с испанской территории. Напротив, из Франции шли подкрепления, и к концу 1807 г. их численность составила 50 тыс. солдат и офицеров.

Королевская семья и Годой решили бежать в Южную Америку, но слухи об этом распространились и вызвали возмущение народа: король и временщик хотят оставить страну на разграбление французам! 19 марта 1808 г. в летней резиденции испанских королей Аранхуэсе произошло восстание. Толпа разгромила дворец ненавистного Годоя, солдаты с трудом спасли его от самосуда. Затем народ двинулся к королевскому дворцу и потребовал отречения Карла IV от престола в пользу своего сына Фердинанда и лишения Годоя всех должностей и званий. Карлу пришлось выполнить все эти требования.

Испанцы надеялись, что молодой король **Фердинанд VII**, ненавидевший Годоя, окажет решительное сопротивление ок-

купантам. Но эти надежды не оправдались: добиваясь признания со стороны Наполеона, он заискивал перед ним и выполнял все его желания. В апреле Наполеон решил приехать в Испанию и предложил Фердинанду выехать ему навстречу. Местом встречи был избран город Байонна на французской территории, куда к этому времени были уже вывезены королевская чета и ее любимец Годой.

Наполеон ловко воспользовался глупостью и взаимной неприязнью в семье испанских Бурбонов: сначала объявил переход престола от Карла IV к Фердинанду VII незаконным, а затем убедил законного короля в том, что для блага и процветания Испании тот должен передать испанский престол ему, Наполеону. Карл возражать не посмел и подписал акт отречения в пользу императора Франции. Вслед за этим Наполеон провозгласил королем Испании своего брата Жозефа Бонапарта.

Восстание 2 мая 1808 г. в Мадриде. Но установление контроля Наполеона над Испанией, на что согласились ее правители, оказалось неприемлемым для ее народа. Решив собрать в Байонне всех членов испанской королевской семьи, император приказал доставить туда младшего сына Карла IV, еще остававшегося в Мадриде. Но когда 2 мая его собрались отправлять, тысячи людей вышли на улицы столицы, началось восстание против захватчиков. Французы открыли огонь. Испанский гарнизон поддержал восставших, офицеры-патриоты вывели свои войска на улицы и завязали неравный бой с 25 тыс. французских солдат, находившихся в Мадриде. Ожесточенные сражения продолжались весь день и часть ночи. Лишь к утру 3 мая оккупантам удалось подавить все очаги восстания; началась жестокая расправа. Расстреливали всех, кто попадал под руку. Сцену расстрела повстанцев на центральной площади Мадрида **Пуэрта дель Соль** («Солнечные ворота») запечатлел в знаменитой картине великий художник Ф. **Гойя**.

Наполеон, не знавший до этого времени поражений, не придавал большого значения событиям в Мадриде. Он решил провести в отсталой феодальной Испании буржуазные реформы, собрал в Байонне представителей высших испанских сословий, которым продиктовал текст первой в истории Испании конституции, предусматривавшей создание парламента, ликвидацию внутренних таможен, введение кодекса законов, запрещение пыток и другие преобразования. Байоннская

конституция была прогрессивной, но не соответствовала традиционным религиозно-монархическим представлениям большинства испанцев. Низложение Фердинанда VII, провозглашение королем иностранца, военная оккупация и нарушение испанских традиций — все это вызывало ненависть к «анти-христу» Наполеону и привело к тому, что Испания поднялась на борьбу за независимость своей страны и возвращение на престол Фердинанда.

Одна за другой испанские провинции объявляли войну французам, создавали свои ополчения и хунты, которым передавалась вся полнота власти. Национальные чувства и революционный подъем были столь велики, что плохо вооруженные и почти необученные ополченцы стали наносить одно поражение за другим опытным солдатам и офицерам наполеоновской армии, покорившей к этому времени почти всю Европу. Славной страницей вошла в историю героическая оборона Сарагосы, которую ополченцы отстаивали буквально до последнего живого человека. Один из лучших полководцев Франции маршал Ланн докладывал Наполеону, что никогда не встречал такого героизма, какой проявили защитники Сарагосы. Столь же мужественно сражались испанцы, оборонявшие город Жерону; а на юге, близ Байлена, крупные французские силы были вынуждены капитулировать.

Недовольный действиями своих маршалов и генералов, Наполеон лично возглавил свои войска в Испании. Ему удалось занять столицу. Там он подписал декреты о ликвидации инквизиции, прав помещиков, закрытии многих монастырей. Но народ не хотел никаких благодеяний из рук захватчика и продолжал войну.

После того как французам удалось овладеть крупными городами, война не прекратилась, а лишь изменила свой характер, приняв форму партизанской войны — *герильи*. Наполеону пришлось направить в Испанию более 300 тыс. солдат, но подавить народное сопротивление они не смогли. В Испании начались военные неудачи «великой армии» Наполеона, которые завершились ее разгромом в России.

Кадисская конституция 1812 г. Одновременно с войной за независимость в Испании развернулась первая в ее истории революция. Все члены королевской семьи находились во французском плену, а возглавлявшая страну *Центральная хунта* действовала нерешительно, была не спо-

собна добиться победы над врагом и осуществить прогрессивные преобразования. Это вызывало недовольство народа. Представители прогрессивных кругов, стремившиеся заменить абсолютную монархию конституционной, провели в 1810 г. выборы в парламент (*кортесы*), который выработал конституцию, принятую в марте 1812 г. и получившую название *Кадисской*, так как кортесы работали в городе Кадисе, на юго-западе Испании (Мадрид в то время находился в руках французов).

Кадисская конституция объявляла носителем верховной власти народ. Она предусматривала *разделение властей* — законодательной (парламент), исполнительной (король и правительство) и судебной, независимой от других. Законодательная власть принадлежала однопалатным кортесам, избираемым на два года мужчинами старше 25 лет. Правительство формировал король, но ему нужно было получить вотум доверия от большинства депутатов. Кортесы должны были заседать не менее трех месяцев в году, король не имел права распускать их до истечения срока полномочий, но все принятые ими законы подлежали утверждению королем. Объявление войны, заключение мира, подписание договоров с иностранными государствами — все это относилось к прерогативам короля, но только с согласия кортесов. Принятая Конституция носила прогрессивный характер и долгие годы служила примером для революционеров многих стран, в том числе и России.

Кроме Конституции, кадисские кортесы издали ряд декретов, ликвидировали инквизицию, церковную десятину, передали королевские земли безземельным крестьянам и героям войны за независимость, отменили работорговлю. Правда, большинство этих декретов оставались на бумаге, так как значительная часть испанской территории находилась еще под контролем французов.

Когда Наполеон напал на Россию, Испания стала ее союзницей. В июле 1812 г. в Великих Луках был подписан договор о дружбе и союзе в войне против Наполеона. Этот союз оказался победоносным: осенью 1813 г. французские войска были разбиты испанцами и их союзниками — англичанами. Испанская земля была очищена от неприятеля. Героическая война за независимость закончилась. В Испанию из французского плена вернулся король Фердинанд VII, которого испанцы считали народным защитником. Однако их ждало глубокое разочарование.

Феодално-абсолютистская реакция. Фердинанд VII оказался жестоким диктатором. Он ненавидел революционеров и сделал попытку повернуть историю вспять. Разогнав кадисские кортесы, Фердинанд объявил недействительными Конституцию и все законы, принятые в Испании с 1808 по 1813 г., провозгласил себя абсолютным монархом, восстановил инквизицию и все монастыри, вернул в страну иезуитов, казнил и бросил в тюрьмы революционеров, создал разветвленную сеть тайных агентов и доносчиков. Установленный им режим вызвал всеобщую ненависть, была создана либеральная партия (от *liberal* — свобода), к ней примкнули все слои населения — часть буржуазии, интеллигенция, офицеры, студенты; возникли тайные общества для борьбы за восстановление Конституции. Крестьяне, у которых отобрали землю, образовали «армию обиженных» — она расправлялась с помещиками.

Главной антиправительственной силой стала армия, ее возглавляли участники войны за независимость. Не проходило ни одного года без вооруженных выступлений в Мадриде и других городах за восстановление Конституции 1812 г. Впервые появились тайные организации, осмелившиеся выступить за замену монархии республикой. Однако до 1820 г. ни одно подобное выступление успеха не имело, а их руководителей верные королю солдаты и жандармы хватали и подвергали мучительным пыткам и казни.

Вторая революция (1820—1823). В то время когда Испания была оккупирована французами, в ее колониях в Южной Америке началось освободительное движение. Народы латиноамериканских стран воспользовались ослаблением метрополии и стали провозглашать себя независимыми государствами. Таким образом, за независимость одновременно вели борьбу и сама Испания, и ее колонии.

Фердинанд VII ни за что не хотел лишиться богатых американских владений и готовил интервенцию против освободительного движения. В 1819 г. близ южных портов Севильи и Кадиса была сосредоточена 30-тысячная армия, которой предстояло погрузиться на корабли и направиться в Америку. Однако в этой армии возник заговор, его участники считали, что нужно бороться не против свободы бывших колоний, а за свободу самой Испании.

1 января 1820 г. подполковник **Рафаэль Риего** перед строем своих солдат провозгласил задачу восстановить Конститу-

цию 1812 г. Солдаты присягнули Конституции и дали клятву вести борьбу до победы. К Риего присоединились другие части, повстанцы объявили себя **Национальной армией**, которую возглавил полковник Кирога.

Известие о восстании солдат и создании Национальной армии распространилось по всей стране. Один за другим города на севере поднимались на борьбу, гарнизоны и население провозглашали Кадисскую конституцию и прославляли Кирогу и Риего. 7 марта 1820 г. народ Мадрида включился в борьбу. И здесь воинские части поддерживали восставших. Королю не оставалось ничего иного, как подписать декрет о восстановлении Конституции. Ликующая толпа освободила томившихся в здании инквизиционного трибунала заключенных и заставила Фердинанда VII подписать ряд прогрессивных декретов.

В Испании развернулась острая политическая борьба. В кортесах образовались три партии: **сервили** («рабоподобные»), **модератос** («умеренные») и **эксальтадос** («пылкие»). Наиболее многочисленной оказалась партия «умеренных», которая и составила правительство страны. Стремясь ослабить партию эксальтадос, правительство распустило Национальную армию — главный оплот «пылких». Результаты революции не улучшили положение крестьян и ремесленников, составлявших большинство населения. Поэтому возникали организации, выражавшие интересы городской бедноты. Крестьяне же восставали и захватывали помещичьи земли. На очередных выборах кортесов победу одержали эксальтадос, а председателем кортесов был избран Риего, который заявил: «Чтобы довести до конца начатые реформы, необходимо твердой рукой ломать все препятствия».

В июле 1822 г. по приказу короля была совершена неудачная попытка захватить власть в Мадриде с целью восстановить абсолютизм. После провала июльского мятежа Фердинанду VII стало ясно, что без вмешательства извне революцию подавить не удастся. Правители европейских держав тоже были заинтересованы в подавлении испанской революции, вызывавшей сочувствие народов их стран. Вот почему в конце 1822 г. на конгрессе Священного союза было принято решение поручить французскому правительству военной силой задушить революцию в Испании.

Правительства стран Священного союза предъявили Испании оскорбительный ультиматум: изменить политическую систему и вернуть королю власть во всей ее полноте. Прави-

тельство Испании отвергло это грубое вмешательство во внутренние дела страны. В ответ в апреле 1823 г. стотысячная французская армия вторглась на испанскую территорию.

По требованию французской стороны 1 октября король и его семья были переданы французскому командованию. Перед отъездом король подписал обязательство не восстанавливать абсолютизм и не преследовать участников революции. Однако, оказавшись по ту сторону фронта, лживый и вероломный король издал манифест, отменявший все законы и декреты, изданные за 3,5 года революции.

Риего пытался во главе одной из армий продолжать борьбу, но его войска были разбиты, а сам он выдан предателем; его судили и приговорили к смертной казни через повешение с последующим четвертованием. Риего мужественно встретил смерть. «Я умираю с радостью, — сказал он, — так как знаю, что кровь патриотов создает благоприятную почву для новых героических подвигов».

Черное десятилетие. После поражения второй революции положение Испании осложнилось. Она потеряла почти все свои колонии в Америке, ставшие независимыми государствами. Промышленность по-прежнему была отсталой, и только с 30-х годов стали создаваться машиностроительные, металлургические и текстильные предприятия.

Фердинанд восстановил абсолютистский режим и сурово расправился с деятелями революции. Брат короля, дон Карлос, считал, что Фердинанд недостаточно решителен, не простил ему вынужденных, хотя и временных уступок Кадисской конституции и создал партию карлистов, в которую входили многие священники и монахи, реакционные помещики и офицеры. Эта партия стремилась устранить Фердинанда от власти и возвести на престол дон Карлоса. Они надеялись на скорую смерть болезненного и бездетного Фердинанда. Однако в 1830 г. четвертая жена Фердинанда VII родила дочь Изабеллу. В Испании существовал закон о престолонаследии, согласно которому королевская власть передавалась только наследникам мужского пола. Стремясь лишить дон Карлоса права на престол, Фердинанд отменил этот закон и провозгласил наследницей Изабеллу. В ответ карлисты заявили, что они не признают прав Изабеллы.

В 1833 г. Фердинанд VII умер и регентшей при трехлетней Изабелле стала ее мать Мария Кристина. Карлисты решили за-

хватить престол силой. Началась война, которая вошла в историю Испании под названием первой карлистской войны и продолжалась семь лет. На стороне дон Карлоса воевали крайние реакционеры, сторонники сохранения феодальных отношений, господства католической церкви и ничем не ограниченной власти короля. Мария Кристина опиралась на либеральную буржуазию, армию и жителей городов. Обе воюющие стороны пользовались и поддержкой извне: на стороне карлистов выступали Австрия, Пруссия и Россия; Марию Кристину поддерживали Англия, Франция и Португалия.

Третья революция (1834 — 1843). Во время карлистской войны в Испании усилились антицерковные настроения, вызванные ведущей ролью реакционной части католического духовенства и монахов в лагере карлистов. Толпы людей громили и поджигали монастыри, убивали монахов. Наряду с этим и среди сторонников Изабеллы, которых называли «изабелинос», тоже росло недовольство недемократической политикой Марии Кристины. Вновь широко распространилось требование восстановить Конституцию 1812 г. и провести глубокие социальные преобразования. Марии Кристине пришлось пойти на уступки и поручить в 1835 г. формирование правительства бывшему сподвижнику Риего Хуану Мендисабалю. Он провел целый ряд прогрессивных реформ: создал органы местного самоуправления в провинциях и городах, укрепил армию для борьбы с карлистами, ликвидировал все мужские монастыри, считая, что мужчины обязаны заниматься общественно полезным трудом. Самым важным мероприятием правительства была конфискация монастырских земель и распродажа их с аукциона. Монастыри владели обширными землями, значительная их часть не обрабатывалась или обрабатывалась плохо. Теперь же эти земли попали в частные руки, что способствовало подъему сельского хозяйства страны, ослабило экономическое могущество церкви и привело к образованию новой прослойки — сельской буржуазии, которая вела капиталистическое хозяйство и оказывала активную поддержку антикарлистским силам, понимая, что в случае своей победы карлисты вернут земли монастырям.

Мария Кристина с тревогой следила за действиями Мендисабалю, считая их чересчур революционными. Но как только она уволила его, гарнизон правительственной летней резиденции восстал и заставил регентшу провозгласить Конституцию

1812 г. Вскоре, однако, эта Конституция была заменена менее прогрессивной.

Война с карлистами протекала с переменным успехом: на севере успех имели карлисты, а на юго-востоке победы одерживали изабелинос. Осенью 1837 г. карлистам удалось прорваться к окраинам Мадрида, но в последний момент правительственным войскам, которые возглавлял способный полководец генерал Эспартеро, удалось нанести противнику тяжелые потери и отбросить его от столицы.

Первая карлистская война затянулась, ни одной из воюющих сторон не удалось добиться решающей победы. Она закончилась компромиссом: в 1839 г. близ города Вергара командовавшие обеими армиями генералы Эспартеро и Марото обнялись перед строем своих войск и заключили мир. Карлисты согласились прекратить сопротивление, а правительство объявило амнистию всем карлистам и обещало сохранить старинные вольности (фуэрос) главных оплотов карлистов — северных провинций басков и Наварры. Хотя мирный договор был подписан, борьба между сторонниками двух ветвей династии Бурбонов — старшей (изабелинос) и младшей (карлисты) — продолжалась и привела к новым карлистским войнам.

После окончания первой карлистской войны Мария Кристина призвала к власти модералос («умеренных»), чья политика вызывала всеобщие протесты. Регентша приказала генералу Эспартеро военной силой подавить народное движение, но получила отказ. Популярность Эспартеро возросла, и по требованию тех сил, которые обеспечили Марии Кристине победу в первой карлистской войне, она назначила *прогрессиста* (так называли теперь себя бывшие «пылкие», или эксальтадос) Эспартеро главой правительства. Но вся страна требовала немедленного отречения регентши, и ей в 1840 г. пришлось покинуть Испанию. Регентом стал Эспартеро.

Однако хороший полководец, Бальдомеро Эспартеро оказался плохим политиком: он перессорился с большинством собственной Партии прогрессистов (в нее входили либералы, демократически настроенные офицеры и др.) и проводил непоследовательную политику. Когда население наиболее развитой промышленной провинции Каталонии потребовало автономии, регент ответил решительным отказом. В 1842 г. жители столицы Каталонии Барселоны восстали, требуя автономии и отказа Эспартеро от подписанного им торгового договора с Англией, открывавшего рынок Испании для английских това-

ров, успешно конкурировавших с каталонскими. В ответ Эспартеро возглавил карательную экспедицию и подверг каталонскую столицу жестокому артиллерийскому обстрелу. Поступок регента привел к тому, что силы, ранее оказывавшие ему поддержку, отвернулись от него. Это позволило ненавидевшим регента реакционерам организовать в июле 1843 г. военный переворот, возглавленный генералом *Нарваэсом*. Эспартеро, всеми покинутый, был вынужден бежать в Англию. Третья революция закончилась. Испанией продолжал править блок помещиков и крупной буржуазии, в котором первую скрипку играли феодальные элементы, что создавало почву для новых революционных выступлений.

Нарваэс установил режим военной диктатуры. Его девизом было «применять палку и бить крепко». Для борьбы с революционным движением он создал особый жандармский корпус — так называемую гражданскую гвардию, сыгравшую мрачную роль в последующей истории Испании.

Четвертая революция (1854—1856). Когда Изабелле исполнилось 13 лет, ее объявили совершеннолетней и провозгласили королевой *Изабеллой II*, но вся полнота власти оставалась в руках генерала Нарваэса. Став взрослой, Изабелла II оказалась «достойной» дочерью своего отца Фердинанда VII — такой же деспотичной, невежественной, неспособной к государственным делам. Страной правили ее многочисленные любовники. Один из них, Сан Луис, возглавлявший правительство, подписал в 1854 г. декрет: в связи с тем, что казна пуста, населению предписывалось немедленно уплатить налоги за шесть месяцев вперед. Такого еще не было. Воспользовавшись возмущением населения, оппозиционно настроенный генерал О'Доннель обратился к народу. В своем манифесте он призвал жителей столицы поддержать его усилия, направленные на создание демократической Испании: разогнать придворную камарилью (так со времен Фердинанда VII называли собиравшуюся около покоев короля группу его фаворитов, которые вершили судьбами страны, по-испански сатага), строго соблюдать законы, ввести наконец свободу печати, сократить налоги, установить режим экономии государственных средств, расширить права местных органов власти.

Этот манифест всколыхнул всю страну, его поддержало практически все население: во многих городах вспыхнули восстания, создавались отряды национальной милиции, происхо-

дили баррикадные бои. На этот раз в Испании, народ которой традиционно поддерживал монархический строй, впервые прозвучали призывы к замене прогнившей монархии республикой.

Узнав о начавшейся новой революции, в Испанию вернулся из изгнания Эспартеро, встреченный народным ликованием. По единодушному требованию масс он был назначен премьер-министром и первое время действовал, учитывая чаяния народа: разработал и провел через парламент либеральную Конституцию, впервые в истории Испании допускавшую исповедание не только католической, но и других религий, запретил церквям и монастырям покупать землю и т. д. Однако главное требование самого многочисленного класса страны — крестьянства — ликвидировать также и помещичье землевладение Эспартеро выполнить не решился. Это вызвало в аграрных районах, особенно в Андалусии, крестьянские восстания. Вслед за ними выступили со своими требованиями городские ремесленники и рабочие, обратившиеся за поддержкой к Эспартеро, свергнутому во время очередного военного переворота генералом О'Доннелем. Но Эспартеро от борьбы уклонился, и в июле 1856 г. восстание было подавлено.

Таким образом, и четвертая революция до конца не была доведена. Объяснялось это тем, что в Испании буржуазия оставалась экономически слабой, политически раздробленной и неорганизованной. Что же касается крестьянства и городских низов, то они в еще меньшей степени были в то время готовы к целенаправленным и организованным действиям. Все их выступления носили стихийный характер и были направлены не на решение кардинальных задач переустройства страны, а на достижение локальных и ограниченных уступок.

Экономическое и политическое развитие в середине XIX в. В середине XIX в. темпы экономического развития Испании ускорились. Промышленный переворот охватил добывающую и обрабатывающую промышленность. Быстро развивались легкая и пищевая индустрия, текстильная, кожевенная, табачная, сахарная отрасли. С 1848 г. стали сооружаться железные дороги и шоссе; росли объемы внешней торговли: вывозились вина, цитрусовые, оливковое масло, руды цветных металлов (свинец, медь, цинк), пробка; ввозились уголь, хлопок, машины. Главными торговыми партнерами были Франция, Англия, Германия, Португалия, Куба. Ввоз по-

стоянно превышал вывоз, правительство покрывало дефицит введением новых налогов, иностранными и внутренними займами. Несмотря на очевидный прогресс, Испания все еще оставалась одной из самых отсталых стран Европы, что было особенно заметным в сельском хозяйстве, где по-прежнему преобладали феодальные отношения: около 70% пахотных земель оставались необработанными, урожайность была очень низкой. Вопрос о ликвидации или, как минимум, значительном ограничении помещичьего землевладения стал ключевым — без его решения нельзя было преодолеть отсталость страны.

Росла численность рабочих: к середине 60-х годов их было более 250 тыс., из которых в добывающей промышленности насчитывалось около 50 тыс., в тяжелой — свыше 30 тыс., в легкой и пищевой — 180 тыс. рабочих. К этим цифрам следует добавить почти 2,5 млн батраков. Условия жизни рабочих были весьма тяжелыми: рабочий день продолжался 14—16 часов, заработная плата не обеспечивала прожиточного минимума, широко применялся женский и детский труд.

С 30-х годов XIX в. существовали рабочие организации — кассы взаимопомощи, а затем появились профсоюзы, первым из которых стало созданное в Барселоне «Общество ткачей» (1840). Позднее отраслевые профсоюзы объединились в единый «Союз рабочих Каталонии», но он был запрещен властями, что вызвало первую серьезную забастовку в Барселоне. Однако добиться законного права создавать свои ассоциации каталонские рабочие смогли только в 1868 г. Приехавший в Испанию представитель I Интернационала итальянец Фанелли, последователь М. Бакунина, основал испанские секции I Интернационала, и под его влиянием анархизм стал ведущим направлением в рабочем движении Испании.

У власти поочередно сменялись генералы — либерал О'Доннель и крайний реакционер Нарваэс. Последний в 1857 г. жестоко подавил восстание крестьян Андалусии, казнив 98 человек. О'Доннель проводил активную внешнеполитическую экспансию, посылал войска в Индокитай, развязал захватническую войну в Марокко, положив начало многолетней серии испано-марокканских войн.

К середине 60-х годов испанское общество охватило возмущение скандальным образом жизни королевы, засильем и произволом ее камарильи, антинародной политикой сменявших друг друга генералов. Партия прогрессистов, которую возглавлял энергичный и радикально настроенный генерал **Хуан**

Прим, выдвинула требование низложить Изабеллу II и очередной кабинет Нарваэса. Этот призыв активно поддержала недавно созданная **Партия республиканцев**, возглавляли которую известный адвокат и литератор **Франсиско Пи-и-Маргаль** и профессор истории Мадридского университета **Эмилио Кастеляр**. Кастеляр выступил со смелым заявлением о том, что захваченные королями земли (часть их Изабелла продала за большие суммы денег) являются народным достоянием и королева не имеет права распоряжаться ими и проматывать их, чем приобрел известность в стране. В ответ Изабелла приказала ректору университета немедленно уволить профессора, а когда тот отказался это сделать, уволила обоих.

Студенты не хотели примириться с произволом, начались массовые студенческие демонстрации. Нарваэс бросил против них гражданскую гвардию, открывшую огонь. Среди студентов были убитые и раненные. Муниципалитет Мадрида выразил решительный протест против расправы с молодыми людьми, защищавшими свое право слушать лекции любимого профессора. Тогда Нарваэс распустил столичный муниципалитет.

Обстановка обострилась. Королева призвала к власти «либерала» О'Доннеля, но общество не пожелало его признать. Представители интеллигенции открыто выражали свое возмущение преступлениями камарильи, лидер оппозиции генерал Прим несколько раз поднимал восстания. Тогда Изабелла вновь, в пятый раз, обратилась к Нарваэсу, который попытался предотвратить надвигавшуюся революцию беспощадным террором. Он распустил парламент, местные органы власти и политические партии, закрыл все газеты оппозиции, арестовал и сослал сотни оппозиционеров. Но террор ускорил начало новой революции.

Пятая революция (1868—1873). Противники королевы и Нарваэса решили поднять вооруженное восстание. Его подготовка была поручена хунте, возглавляемой генералом Примом. Революция началась в сентябре 1868 г. восстанием военных моряков в Кадисе. Их поддержали гарнизоны южных городов. Посланные против них войска переходили на сторону повстанцев. Все единодушно требовали низложения Изабеллы II, и ей пришлось бежать во Францию. По всей стране создавались революционные хунты и национальная милиция. Были избраны новые кортесы, в которых развернулась борьба по поводу будущего устройства страны: сохранять ли

монархию или установить республику? Первоначально вопрос был решен в пользу монархии, ограниченной двухпалатными кортесами.

Следующая проблема, которую предстояло решить: кто станет королем? О ненавистной всем Изабелле и ее малолетнем сыне не могло быть и речи; решили пригласить кого-либо со стороны. Первым кандидатом назвали родственника короля Пруссии Леопольда Гогенцоллерна, но против воцарения в Испании прусской династии решительно выступил французский император Наполеон III. Тогда остановились на кандидатуре сына итальянского короля принца **Амадея Савойского**, который прибыл в Испанию и взошел на престол в конце декабря 1870 г., в тот самый день, когда организатор восстания против Изабеллы и сторонник Амадея генерал Прим был убит.

Амадей царствовал в 1871—1873 гг.; он был чужд Испании, не знал ее языка, обычаев и традиций, и ему пришлось нелегко: анархисты совершили на него три покушения, он три раза распускал кортесы и назначал новые выборы, сменил семь правительств. Католики невзлюбили короля за то, что его отец Виктор Эммануил II, вступивший на итальянский престол, вел войну против власти папы римского. Испанские аристократы и националисты не хотели признавать короля-иностранца; карлисты развязали вторую карлистскую войну, продолжавшуюся с 1872 по 1876 г., — они боролись за провозглашение королем Испании внука дона Карлоса — дона Карлоса Младшего. Республиканцы настаивали на замене монархии республикой. Оказавшись в полной изоляции, Амадей в феврале 1873 г. отрекся от престола и вернулся в Италию.

Первая республика. Перед кортесами вновь встал вопрос о том, какой государственный строй следует установить в Испании. Большинство депутатов составляли монархисты, но 11 февраля 1873 г. жители Мадрида окружили здание парламента и решительно потребовали провозглашения республики. Под угрозой вторжения народа в зал заседаний депутаты были вынуждены выполнить их требование. Впервые за свою историю Испания стала республикой. Были избраны новые кортесы, которым предстояло разработать новую, республиканскую конституцию.

Президентом республики был избран левый республиканец Франсиско Пи-и-Маргаль. Он опубликовал программу социальных преобразований, которая предусматривала отделение

церкви от государства, продажу бедным крестьянам на льготных условиях государственных и помещичьих земель, введение бесплатного обучения и социального страхования для рабочих, ограничение применения женского и детского труда, отмену рабства в колониях Испании и т. д. Под руководством президента был подготовлен проект конституции, объявлявшей страну федеративной республикой с сильной центральной властью и автономией областей, в которых проживали национальные меньшинства, прежде всего каталонцы и баски. Однако среди республиканцев тоже не было единства: значительная их часть, получившая название «непримиримых», выступила против Пи-и-Маргалья и выдвинула требования ликвидировать центральную власть и по образцу Швейцарии раздробить страну на множество небольших самоуправляющихся кантонов. «Непримиримых» поддерживали и анархисты, пользовавшиеся влиянием среди рабочих.

По призыву «непримиримых» и анархистов-бакунистов в ряде районов летом 1873 г. произошли антиправительственные восстания, и каждый из захваченных повстанцами городов — Севилья, Гранада, Кадис, Малага, Мурсия, Валенсия и др., преимущественно южные, — объявлял себя самоуправляемым кантоном. Пи-и-Маргаль пытался уговорить восставших прекратить вооруженную борьбу и предотвратить распад государства, но успеха не добился. Не желая применять против собственного народа силу, президент подал в отставку. Так в обстановке борьбы «всех против всех» Испания лишилась одного из самых умных и достойных руководителей.

После отставки Пи-и-Маргалья революция пошла по нисходящей линии. Новый президент силой подавил кантональные восстания и стал править как диктатор, но армейские руководители, враждебные республике, свергли его и создали правительство, состоявшее из генералов. Все они были монархистами, но расходились в вопросе о том, кого именно провозгласить королем. В декабре 1874 г. один из генералов, Мартинес Кампос, опираясь на верные ему войска, провозгласил королем **Альфонса XII**, семнадцатилетнего сына Изабеллы II. Так завершила свое кратковременное существование первая республика.

Итак, в результате пяти революций XIX в. были уничтожены многие феодальные пережитки, препятствовавшие развитию капитализма (проведение ряда реформ, разработка конституций, рост промышленности и некоторые аграрные преоб-

разования). Но Испания осталась отсталой страной, игравшей в мировой политике третьестепенную роль.

Буржуазная революция 1820—1823 гг. в Португалии. Молодые португальские офицеры, вдохновленные Французской революцией, не хотели мириться с отсталостью своей страны и ее рабской зависимостью от Англии. В 1815 г. они во главе с генералом **Фрейре де Андраде** составили тайное общество, готовившее военный переворот с целью захвата власти и изгнания английских войск с португальской земли. Заговор был раскрыт, Фрейре де Андраде и ряд руководителей общества были казнены (1817). В последующие годы создавались и другие заговорщические группы, но, не будучи связаны с массами, они не добились успеха.

Недовольство сложившейся в Португалии обстановкой росло, охватывая все более широкие слои офицеров, солдат, буржуазии, либерального дворянства, крестьян и ремесленников. Непосредственным толчком, ускорившим взрыв, стала мартовская революция 1820 г. в Испании. 24 августа того же года восстал гарнизон города Порту, офицеры создали временную правительственную жунту королевства. Вслед за Порту произошло восстание гарнизона в столице, там тоже возникла революционная жунта, низложившая прежнее правительство.

27 сентября жунты Порту и Лиссабона объединились и вскоре приняли решение созвать Учредительные кортесы для выработки конституции. **Учредительные кортесы**, собравшиеся в январе 1821 г., разработали проект либеральной конституции, составленной по образцу Кадисской конституции 1812 г.: Португалия объявлялась парламентской монархией, законодательные функции передавались однопалатному парламенту, избираемому всеобщим, прямым и тайным голосованием; при короле создавался совещательный орган — Государственный совет. Привилегии помещиков и церкви отменялись, инквизиция упразднялась, церковные земли подлежали распродаже.

Утвердив конституцию, кортесы потребовали возвращения короля. Жуан VI, передав регентство над Бразилией своему старшему сыну Педру, прибыл в Лиссабон, подписал конституцию и присягнул ей. 1 октября 1822 г. первая в истории Португалии Конституция вступила в силу. В кортесах и за их пределами развернулась острая политическая борьба между двумя партиями — **конституционалистами** и **абсолютиста-**

ми. Первые, возглавляемые герцогом Палмела, действовали нерешительно и непоследовательно — оставили в неприкосновенности прежний государственный аппарат, не удовлетворили чаяний крестьянства, не осуществили на практике декретированные мероприятия, тогда как вторые, руководимые честолюбивой интриганкой королевой Жоакиной Карлотой (жена Жуана VI, дочь испанского короля Карла IV), проявляли большую активность в борьбе против Конституции, за восстановление абсолютизма.

Захват Мадрида французскими войсками, действовавшими по поручению Священного союза, и удушение испанской революции окрылили португальских реакционеров. Весной 1823 г. они подняли мятеж и развязали гражданскую войну. Карлота, ненавидевшая своего мужа, решила отстранить его от власти и посадить на престол младшего сына **Мигела**. Гражданские войны, продолжавшиеся с 1823 по 1834 г., вошли в историю под названием **мигелистских войн**.

Мигелистские войны. Войны эти, династические по форме, представляли собой борьбу между сторонниками буржуазного и феодального строя. Лагерь конституционалистов составляли либеральное дворянство, буржуазия и интеллигенция, поддержанные частью крестьянства и большинством офицеров. Мигелисты объединяли под своими знаменами помещиков, церковников и реакционную часть генералитета. Их поддерживали также фанатично религиозные крестьяне.

Сначала успех сопутствовал мигелистам, вынудившим Жуана VI издать декрет об отмене конституции, но когда Мигел в апреле 1824 г. сделал попытку свергнуть с престола отца, Жуан VI, опираясь на конституционалистов, помешал осуществлению этого плана. Он выслал Мигела во Францию, заточил в монастырь Карлоту и восстановил конституционный режим.

В 1826 г. Жуан VI умер и королем был провозглашен находившийся в Бразилии **Педру**. Оставшись там после отъезда отца в Португалию, он перед угрозой нарастающего национально-освободительного движения и потери престола в 1822 г. объявил Бразилию независимой империей, а себя — императором. Теперь, оказавшись перед выбором — оставаться в Бразилии или стать королем Португалии, он предпочел Бразилию, отрекся от португальского престола в пользу своей дочери

Марии да Глории, а регентом до ее совершеннолетия (ей было в это время 7 лет) назначил Мигела. Однако роль регента Мигела не устраивала. Опираясь на своих сторонников в армии, он в 1828 г. добился от кортесов лишения Марии да Глории права на престол и был объявлен королем. Вскоре он разогнал кортесы и восстановил абсолютизм.

Конституционалисты не примирились с таким поворотом событий и продолжали борьбу. К ним присоединился и Педру, который восстановил против себя бразильскую знать и в 1831 г. был вынужден отречься от бразильского престола. В Португалию Мигел его не пустил, Педру пришлось поехать в Англию, где он стал формировать эмигрантские отряды, готовые бороться против узурпатора Мигела, за восстановление конституции. В 1832 г. эмигранты высадились в Порту, затем в Алгарви. Заручившись поддержкой Англии и Франции, пославших свои военные корабли к устью реки Тежо, конституционалисты в июле 1834 г. заняли Лиссабон, вынудив Мигела отречься от престола и навсегда покинуть Португалию. Престол был возвращен Марии да Глории.

Таким образом, мигелистские войны закончились победой конституционалистов, но верх взяли консервативные элементы конституционного лагеря. Либеральная конституция 1822 г. восстановлена не была, что вызвало дальнейшую многолетнюю борьбу.

Политическая борьба в Португалии в 30—40-е годы. Поражение мигелистов способствовало ускорению развития капиталистических отношений. Португалия осталась конституционной монархией, но вместо конституции 1822 г. была восстановлена «дарованная» королем Педру в 1826 г. куца конституционная хартия, составленная по образцу хартии Людовика XVIII. Она предоставляла избирательные права только небольшому кругу лиц, удовлетворяющих высокому имущественному цензу. Мария да Глория вышла замуж за герцога Фердинанда Саксен-Кобургского, состоявшего в родстве с английским королем, что еще больше усилило зависимость Португалии от Англии. На смену династии Браганса пришла династия Браганса-Кобургов. Правительства, возглавляемые правыми конституционалистами, провели несколько буржуазных реформ — отменили большую часть сеньориальных привилегий помещиков, закрыли мужские монастыри и пустили принадлежавшие им земли в продажу, за-

претили передачу чиновничьих должностей по наследству. На этом они сочли свою реформаторскую деятельность законченной, что вызвало недовольство левых конституционалистов, представлявших интересы средней и мелкой буржуазии города и деревни. Партия конституционалистов раскололась: правое крыло получило название *«хартистов»*, а левое, подержавшее начавшееся в сентябре 1836 г. восстание лиссабонского гарнизона, которое переросло во вторую буржуазную революцию, стало именоваться *«сентябристами»*.

Революция 1836 г. была вызвана резким ухудшением экономического положения страны. Потеряв Бразилию (ее независимость была признана португальским правительством в 1825 г.), Португалия лишилась почти всех своих богатств. Казна опустела, не было средств даже для регулярной выплаты жалованья офицерам и чиновникам. Португальская промышленность не могла развиваться из-за английской конкуренции. К тому же хартия лишила политических прав подавляющее большинство населения.

Революцию вновь начала армия — восставший столичный гарнизон низложил правительство и привел к власти кабинет лидера сентябристов *М. Пасуша да Силвы*, который восстановил конституцию 1822 г. Либеральная эра продолжалась, однако, очень недолго: уже в июле 1837 г. кабинет Пасуша да Силвы пал, в 1838 г. либеральная конституция была заменена новой, усилившей королевскую власть, сократившей число избирателей и установившей двухпалатный парламент, а в 1842 г. хартисты организовали военный переворот и формально восстановили хартию 1826 г. Фактически же их лидер *Кошта Кабрал* в течение четырех лет правил как неограниченный диктатор.

Ненавистная народу диктатура Кошты Кабрала привела к крестьянскому восстанию под руководством *Марии да Фонте*, которое началось в апреле 1846 г. на севере, а затем распространилось на всю страну. Крестьяне захватывали помещичьи земли, создавали местные органы власти — революционные жунты. Реакционеры, получив помощь со стороны Испании, Франции и Англии, подавили восстание, но Коште Кабралу пришлось уйти в отставку, а новое правительство для успокоения масс провело некоторые либеральные реформы.

ГЛАВА 11 Становление и модернизация малых стран Западной, Центральной и Северной Европы

Пути становления суверенной Бельгии.

После войны за Испанское наследство провинции, называвшиеся именем древних воинственных племен белгов *бельгийскими*, по Раштаттскому договору 1714 г. были переданы из-под власти Испании во владение австрийских Габсбургов. В этих провинциях уже в XIV в. зародились первые мануфактуры. В XVI в. наемный труд стал системой, а широко развитое здесь товарное производство — питательной средой и предпосылкой для развития капиталистических отношений. В промышленно развитых провинциях *Фландрии* и *Брабанте* имелось большое количество разнообразных по структуре мануфактур — как рассеянных, так и централизованных и смешанных, сочетавших в себе ту и другую формы организации производства. Но преобладала все же рассеянная мануфактура. Крупные изменения происходили во Фландрии и Брабанте также в сфере поземельных отношений. Многие крестьяне были уже лично свободными держателями и арендаторами земли на феодальном праве. За различные повинности и аренду они расплачивались деньгами. Дворянство фактически перестало использовать землю и довольствовалось получением денежной ренты. Вместе с вытеснением дворянства из хозяйственной жизни деревни шел и процесс его обеднения. Часть дворянских земель продавалась их обедневшими владельцами и переходила в руки богатых бюргеров, зажиточных крестьян, фермеров.

В годы австрийского господства (1714—1789) бельгийские провинции потеряли значение передовых в экономическом от-

ношении областей Европы. Дальнейшее развитие капитализма тормозилось здесь противодействием цеховых корпораций, множеством внутренних таможен, отсутствием общих для всех провинций мер веса, длины, денежной системы. Австрийский монарх *Иосиф II* пытался с помощью реформ «сверху» укрепить свое положение в бельгийских провинциях. Он проводил политику протекционизма, поощрения мануфактур, отменил феодальную повинность, ограничил самостоятельность католической церкви, частично секуляризовал церковное землевладение. В то же время был усилен контроль над прибылями бельгийских промышленников, значительно ограничены привилегии цеховых корпораций. Господство австрийцев, пытавшихся завладеть всеми экономическими, финансовыми и природными ресурсами страны, вызывало растущее недовольство населения бельгийских провинций.

В 1787 г. в этих провинциях возник широкий антиавстрийский фронт, основную массу которого составляли крестьяне и городская беднота. Центром деятельности фронта стал Брабант, где начались народные выступления. Большое влияние на развитие антиавстрийского движения в бельгийских провинциях оказала Французская революция XVIII в. Известие о взятии Бастилии послужило сигналом к выступлению бельгийского населения против власти Габсбургов. В ночь с 23 на 24 октября бельгийская добровольческая армия, сформированная в Голландии, в г. Бреда, из эмигрантов, перешла в районе Тернгаута бельгийско-голландскую границу и начала освобождение провинции Брабант. На борьбу против австрийского гнета поднялись жители Брюсселя, Намюра, Гента и других городов. В результате Брабантской революции в декабре 1789 г. почти вся территория бельгийских провинций (кроме Антверпена и провинции Люксембург) была освобождена от австрийских войск. Собравшийся в Брюсселе Национальный конгресс девяти свободных провинций 11 января 1790 г. провозгласил создание независимого государства — Бельгийских Соединенных Штатов.

Однако острая внутриполитическая борьба ослабила силы молодого бельгийского государства, и этим не замедлила воспользоваться Австрия. В декабре 1790 г. 30-тысячная австрийская армия вступила на территорию бельгийских провинций и восстановила власть Габсбургов. Одной из основных причин неудачи бельгийского национально-освободительного движения в конце XVIII в. явилась его ограниченность. Буржуазия,

руководившая этим движением, стремилась лишь к завоеванию политической власти, отказываясь от удовлетворения требований бедноты: распределить земли, ранее принадлежавшие австрийцам; снизить налоги; полностью ликвидировать феодальные повинности. В итоге значительная часть ремесленников и крестьян очень скоро отошла от национально-освободительного движения, что отрицательно сказалось на его развитии.

Брабантская революция закончилась поражением бельгийских провинций, но она имела важное политическое и историческое значение. В течение десяти месяцев существования Бельгийских Соединенных Штатов страна была федеративной республикой и независимым государством. Революция заняла свое место в ряду буржуазных революций конца XVIII столетия — Североамериканской 1776—1783 гг. и Французской 1789—1799 гг., — она была первой, хотя и неудачной, попыткой обретения бельгийским народом независимости.

После битвы близ селения Жемап 6 ноября 1792 г. началась первая французская оккупация. 20 января 1793 г. прогрессивно настроенные слои епископства Льежского проголосовали за присоединение к Франции. Однако после победы при Неервиндене 18 марта 1793 г. австрийские войска вновь вступили на территорию Южных Нидерландов.

В ходе революционных войн Франция перешла в наступление, и в 1794 г. бельгийские провинции, освободившиеся от почти векового австрийского господства, были включены в состав Франции. Сравнительно недолгий период французского господства оставил здесь глубокие следы. Главные завоевания Французской революции: уничтожение сословного феодального порядка, гражданское равенство, введение общего для страны французского законодательства, а также административного и судебного устройства, наконец, провозглашенная французами свобода судоходства по р.Шельде (закрытой до того в течение 144 лет) — имели большое значение для бельгийских провинций, способствовали росту буржуазии и формированию рабочего класса.

После поражения Наполеона бельгийские провинции по трактатам Венского конгресса 1815 г. были насильно соединены с Голландией, и таким образом в Европе было создано новое государство — Нидерландское королевство, призванное служить противовесом Франции. В объединенном королевстве бельгийские провинции играли по сравнению с Голландией

подчиненную роль: экономические, политические и религиозные интересы всех слоев бельгийского населения ущемлялись голландцами.

В 20-е годы XIX в. в бельгийских провинциях происходили экономические, политические и социальные сдвиги, знаменовавшие переход от мануфактурной стадии к фабричной системе. Это было начало промышленной революции. Внедрение в производство машин неизбежно влекло за собой обнищание трудящихся, разорение мелких собственников (крестьян, ремесленников и торговцев) и вместе с тем обогащение за счет высоких прибылей крупной буржуазии. Бельгийские промышленники нуждались в покровительственных тарифах; голландская же буржуазия, занимавшаяся преимущественно торговлей со своими обширными колониями, требовала от правительства предоставить в этой области свободу. Голландское правительство проводило экономическую политику исключительно в интересах голландцев и в ущерб бельгийцам. И в политическом отношении бельгийская буржуазия оказалась ущемленной, почти все важные государственные посты занимали голландцы.

Основной закон королевства, отвергнутый большинством бельгийских представителей в Генеральных штатах в августе 1815 г., был навязан бельгийцам. Ряд законов голландского правительства вызвал недовольство всех слоев бельгийского населения. В бельгийских провинциях, особенно в тех, где были сосредоточены большие массы рабочих, почти каждый четвертый или пятый житель был занесен в списки неимущих. Введенная голландским правительством налоговая система сказывалась прежде всего на положении крестьян, которые постоянно бунтовали против налогов на домашний скот, пиво, можжевельник и особенно против ненавистных налогов на убой скота и на помол муки.

Немалую роль среди причин, вызвавших революцию 1830 г. в бельгийских провинциях, играло **различие вероисповеданий** между жителями северных и южных провинций королевства. На бельгийцев большое влияние оказывала католическая церковь, укрепившаяся здесь еще со времен испанского и австрийского владычества. Голландия же была страной протестантской. Некоторые законы голландского королевства ущемляли интересы бельгийского католического духовенства. Некогда враждовавшие между собой политические партии (католическая и либеральная) объединились против голланд-

ского режима. В 1829 г. в бельгийских провинциях развернулось широкое **петиционное движение**, в газетах велась энергичная пропаганда. В петициях выдвигались требования свободы печати и образования, независимости судебной власти и судопроизводства, отмены налога на помол муки, ответственности министров, свободы пользования французским языком, отмены телесных наказаний. Под петициями поставили свои подписи свыше 360 тыс. человек, движение охватило всю страну.

Июльская революция 1830 г. во Франции, всколыхнувшая революционное движение во многих странах Европы, наибольшее влияние оказала на соседнюю Бельгию, где 25 августа началась революция в Брюсселе, которая затем охватила почти все крупные города страны и закончилась отделением бельгийских провинций от Голландии. Характерной особенностью этой революции было то, что помимо устранения феодальных пережитков в экономической, социальной и политической жизни страны в ходе ее решался важнейший вопрос — **о национальной независимости**. По мере того как в революционное движение втягивались все более широкие слои населения, все настойчивее выдвигалось требование полной политической независимости. Представители левого крыла Комиссии безопасности, созданной в дни революции, отделились и поддерживали требование независимости. Другая ее часть оставалась верна голландскому правительству и опиралась на крупную буржуазию.

Не было в стране единства и среди населения. В то время как часть его сражалась на баррикадах против войск голландского короля, другая часть бежала во Францию, где революция уже закончилась. В Брюсселе было сформировано Временное правительство. Власть в свои руки взяли правые. Бельгия была провозглашена конституционной монархией. На ее престоле воцарился **Леопольд I** из династии Саксен-Кобург-Гота.

Голландский король пытался силой вернуть под свое владычество взбунтовавшиеся провинции, обратившись за военной помощью к четырем великим державам Европы и настаивая на военной интервенции в Бельгию. Однако бельгийско-голландский конфликт был улажен мирным путем на Лондонской конференции 1830—1831 гг., в которой участвовали Англия, Франция, Россия, Австрия и Пруссия. После длившихся более года дипломатических переговоров участники конференции вынуждены были признать независимость

Бельгии и ее нейтралитет. Голландский король признал независимость Бельгии только в 1839 г.

Бельгийская революция 1830 г. расчистила путь развитию капиталистических отношений в стране. Заключенные с Германским таможенным союзом, а затем с Францией выгодные торговые договоры открыли для бельгийской промышленности новые рынки сбыта взамен голландских колоний. С 30-х годов бельгийское правительство приступило к крупному железнодорожному строительству. Заказы на заводское оборудование, рельсы, паровозы и вагоны дали мощный толчок развитию металлургии. Уже в середине XIX в. Бельгия заняла одно из первых мест среди промышленно развитых европейских стран, и ее по праву называли «маленькой мастерской Европы». Развитие капитализма в Бельгии сопровождалось ростом численности рабочего класса, его активности и организованности. В середине XIX в. в стране возникли первые рабочие организации.

В 1848 г. бельгийское правительство пыталось предотвратить революцию, с одной стороны, путем полицейских репрессий, с другой — принятием половинчатых реформ (помощь безработным, расширение избирательного права). Несмотря на эти меры политическая активность народных масс Бельгии резко усилилась. В ряде городов страны, как и во Франции и Германии, произошли уличные выступления, чрезвычайно обеспокоившие правящие круги Бельгии. Правительство приняло некоторые меры по спасению конституционно-монархического режима: одобрен законопроект о реорганизации гражданской гвардии, издан закон бургомистра Брюсселя о запрещении уличных сходок, в которых участвовали свыше 5 человек, начались аресты и высылка иностранцев, неугодных правительству.

Победа контрреволюционных сил в ряде европейских стран отразилась и на Бельгии, где на выборах 1852 г. большинство получили клерикалы. В конце 1857 г. власть в стране снова оказалась в руках либеральной партии, правившей в течение последующих 13 лет. К этому времени в Бельгии развилось и достаточно окрепло рабочее движение, на которое большое влияние оказывало пребывание в стране многочисленных политических эмигрантов. В середине 60-х годов XIX в., ко времени создания секций I Интернационала, в Бельгии преобладал утопический социализм, главным образом «рациональный

социализм», родоначальником которого *являлся Ж. Г. Колен* (1783—1859),

К середине XIX в. относится появление так называемой национальной проблемы, которая носила в те годы преимущественно *языково-культурный характер*. Она возникла как следствие неравенства в экономическом, социальном и политическом развитии двух больших национальных областей, которые вместе с Брюсселем образуют Бельгию, — франкоязычной Валлонии и близкой к Голландии по культуре и языку Фландрии. Промышленно отсталой Фландрии отводилась второстепенная роль. Движение за фактическое равноправие двух языков увенчалось успехом в конце столетия, и Бельгия официально стала двуязычной страной.

От Республики Соединенных Провинций к королевству Нидерландов. Республика Соединенных Провинций сохраняла суверенитет и прежнее демократическое устройство. Англо-голландские войны во второй половине XVIII в. серьезно подорвали экономику республики и положили начало ослаблению ее позиций в международных делах. Однако во второй половине XVIII в. возросло значение Нидерландов как кредитора Англии и Европы. В 1780 г. голландские капиталисты держали в своих руках приблизительно 3/7 облигаций английского национального долга. Таким образом, из соперника Англии в области торговли и промышленности Республика Соединенных Провинций Нидерландов превратилась в крупнейшего кредитора Англии, помогавшего своими капиталами росту английского экономического могущества.

Голландские торговцы, накопившие огромные капиталы в посреднической торговле, установили свой контроль над всеми отраслями экономики и узурпировали политическую власть. Во второй половине XVIII в. внутривнутриполитическая жизнь в республике характеризовалась столкновением двух основных групп: торговая финансовая аристократия отстаивала республиканскую свободу, интересы провинций, протестовала против тирании единого правителя и централизации государственных учреждений; партия же принца, группировавшаяся под знаменем статхаудера, выступала сторонницей проанглийской политики. И если до 80-х годов XVIII в. при малейшем намеке на внешнюю опасность верх брала *партия оранжистов*, то начавшаяся в 1779 г. четвертая война с Англией вы-

двинула на авансцену голландской истории наиболее радикальные элементы буржуазии и дворянства, объединившиеся в так называемую *партию патриотов*. Наиболее сильные позиции движение патриотов имело в восточных провинциях, где оно получило поддержку мелких бюргеров и большей части населения.

Из-за частых войн в стране создавалась тяжелая экономическая ситуация. Это вызывало недовольство основной массы населения. Начавшееся народное движение поддержала партия патриотов, которая в 1785 г. захватила власть в свои руки. Однако прусские войска, вторгшиеся в Республику Соединенных провинций в 1787 г., восстановили власть оранжистов, выступавших за традиционный союз с Пруссией и Англией. Статхаудер *Биллем V* и торгово-финансовая олигархия, подавившая с помощью прусских штыков движение патриотов, усилили репрессии внутри страны, а во внешней политике взяли курс на сближение с державами антифранцузской коалиции. Вот почему французский Конвент 1 февраля 1793 г. объявил войну Соединенным Провинциям. Победы французских армий и их вторжение в страну зимой 1794/95 г. вынудили Виллема V бежать в Англию.

Пришедшие к власти патриоты провозгласили в мае 1795 г. *Батавскую республику* (по имени древнего племени батавов, восставшего против римского господства). Республика заключила с Францией мир и союз и оказалась вскоре в политической зависимости от нее. Так начался период французского господства в Голландии, продлившийся почти два десятилетия. Образование Батавской республики вызвало в стране острые разногласия по поводу дальнейшего политического устройства. После обсуждения различных проектов в 1798 г. была принята новая конституция.

В Батавской республике вводилось централизованное управление по образцу французской Директории с единой системой государственного законодательства, судопроизводства и финансов. Автономия провинций отменялась, права городского патрициата сильно ограничивались; остатки крепостной зависимости крестьян и привилегии дворян ликвидировались; протестантская церковь отделялась от государства. В июне 1806 г. Батавская республика была преобразована в Голландское королевство во главе с одним из братьев Наполеона — Луи, а спустя четыре года, в 1810 г., Голландия была присоединена в виде дочерней республики к Французской империи.

Страна была разделена на девять департаментов, подчиненных Парижу. Ухудшилась экономическая ситуация, всячески подавлялись национальные чувства. Ненависть к завоевателям достигла апогея, когда голландские полки были направлены для участия в военных действиях в Испании и России. Нигде, пожалуй, так не ждали конца Французской империи, как в Голландии. Именно поэтому поражение армии французского императора сначала в России, а затем в битве под Лейпцигом было встречено здесь с таким воодушевлением. Наполеону пришлось отозвать войска из Голландии, после этого французская администрация не продержалась и одного дня.

15 ноября 1813 г. восставший в Амстердаме народ сверг французское господство. Сторонники оранжистов быстро воспользовались создавшейся ситуацией. Спустя несколько дней было создано временное правительство, которое решило пригласить на голландский престол сына Виллема V Оранского, последнего статхаудера Республики Соединенных Провинций Нидерландов.

29 марта 1814 г. в Голландии была принята относительно либеральная Конституция, по которой Генеральные штаты, избираемые провинциальными штатами, разделяли с государем законодательную власть. Но prerogatives государя были значительны: он один обладал исполнительной властью и решал вопросы войны и мира, жаловал дворянское достоинство и господствовал над Генеральными штатами. В связи с решением Венского конгресса о создании из Бельгии и Голландии объединенного Нидерландского королевства пришлось внести в Конституцию определенные изменения. Воспользовавшись этим, *Биллем VI* 16 марта 1815 г. провозгласил себя королем Нидерландов под именем *Виллема I*. По Конституции 1815 г. король наделялся почти неограниченной властью. Министры не несли ответственности перед парламентом, бюджет утверждался на десять лет, депутатов верхней палаты назначал король. Только депутаты второй палаты избирались провинциальными штатами. Суровый закон о печати грозил прогрессивным журналистам тюремным заключением, а в армии были восстановлены шпицрутены и розги.

Акт о создании Нидерландского королевства был, по существу, сделкой, выгодной для великих держав; интересы же двух наций с различным социально-экономическим развитием, разделенных языковыми и религиозными барьерами, никем не принимались в расчет. Особенно большой контраст был

в экономике. Бельгийские провинции уже вступили на путь промышленной революции; в Голландии же мануфактура и ремесло пришли в упадок.

Пытаясь вернуть Голландии ее былое могущество, король Биллем I возложил на Бельгию половину голландского государственного долга в 1,7 млрд гульденов и распространил на нее многочисленные налоги, взимаемые в Голландии. Были введены таможенные пошлины, выгодные голландским торговцам и ущемлявшие интересы бельгийских промышленников. Такая политика неизбежно вела к революции. В ходе буржуазной революции 1830 г. Бельгия отделилась от Нидерландов. Попытки голландцев подавить революцию силой вызвали активное противодействие великих держав. Голландия была вынуждена признать независимость Бельгии; были установлены границы между Голландией, Бельгией и Люксембургом.

Бывшие Соединенные Провинции сохранили статус королевства и до 1848 г. представляли собой конституционную монархию, в которой король стоял над парламентом. Борьбу против Конституции 1815 г., предоставлявшей неограниченные права королю, возглавила *Либеральная партия*. Активная деятельность либералов и поддержка их требований народом привели к отречению от престола 7 октября 1840 г. короля Виллема I в пользу его сына *Виллема II*. Однако это не удовлетворило либералов. Их лидер, профессор *Йохан Рудольф Торбеке*, подготовил проект новой конституции, ограничивавшей права королевского дома и расширявшей права парламента — Генеральных штатов. После продолжительной и напряженной борьбы в октябре 1848 г. проект был одобрен. Сам Й. Р. Торбеке, способствовавший политическому переустройству страны, трижды возглавлял правительство.

По Конституции 1848 г. значительно расширялись рамки избирательного права и компетенция парламента. Отменялось назначение депутатов первой палаты королем, вводились ответственность министров перед парламентом и ежегодное утверждение бюджета. В последующие годы, несмотря на сопротивление различных консервативных сил, программа либералов постепенно осуществлялась. В 1857 г. была проведена реформа школы, в 1862—1863 гг. отменялось рабство в колониях, в 1870 г. упразднялась принудительная «система культур» и был открыт доступ частному капиталу в колониях.

Однако эти реформы почти не затрагивали интересы широких слоев голландского народа, тщетно пытавшегося оказать

воздействие на государственную политику и изменить собственное положение в структуре общественных отношений. В 1850 г. в Амстердаме был создан первый в стране рабочий союз — Союз гранильщиков алмазов, позднее — союзы печатников, судостроителей и т. д.

Принятие новой конституции способствовало оживлению в экономике. Быстро восстанавливалась пришедшая в упадок при французской оккупации промышленность. Структура ее была довольно специфичной: наибольшее развитие получили отрасли, связанные с переработкой получаемого из колоний сырья, а также отрасли, производившие товары, поставляемые в колонии, — нефтеперерабатывающая, табачно-сигарная, пищевая.

В последней трети XIX столетия появились известные ныне монополии, наращивали мощности судостроительная и текстильная отрасли, быстро развивались железнодорожное строительство, банковское дело. В целом же XIX век, вошедший в мировую историю как век индустриализации, мало затронул экономику страны. Громадные прибыли, выкачиваемые из колоний, позволяли голландской буржуазии жить безбедно, пользоваться плодами индустриализации, осуществленной в других странах. Колонии были тем «спасательным кругом», с помощью которого Голландия долгие годы и даже века держалась на плаву в бурном океане мирового хозяйства.

Путь к суверенитету и нейтралитету Люксембурга. Испанское владычество, продолжавшееся с небольшими перерывами до 1714 г., было самым тяжелым периодом в истории Люксембурга. Установился режим жесткий и паразитический. Это было время разгула инквизиции, выкачивания из страны налогов и материальных ценностей, разорения крестьянства, вербовки солдат для непрекращавшихся войн Испании в Европе и в огромных заморских владениях. Люксембург служил оплотом реакционного дворянства и католической церкви.

В результате войны за Испанское наследство Люксембург в 1714 г. перешел к Австрии. Многочисленные войны разорили страну и довели до обнищания ее жителей. Невиданные стихийные бедствия начала века погубили посевы, виноградники и фруктовые деревья, усугубив и без того бедственное положение населения. Последовавшие затем голод и эпидемия чумы вызвали массовую эмиграцию. Все, кто мог, уезжали в Америку.

ку. Оставшиеся в стране жители пополняли толпы голодных и оборванных бродяг.

Однако несмотря на разорительные войны, стихийные бедствия и общую отсталость страны, хозяйство ее, хотя и медленно, продолжало развиваться. На полях появились новые культуры, в том числе завезенный из Фландрии картофель. На базе богатых месторождений железной руды росла металлообработка, в основном для военных целей. В середине XVIII в. были построены кожевенный завод и фаянсовая фабрика. Но в целом Люксембург оставался страной сельскохозяйственной с отдельными очагами металлургии и производств по переработке местного сырья. Города росли медленно и были сравнительно невелики. Так, в конце XVIII в. город Люксембург насчитывал менее 9 тыс. жителей.

В 1792 г. Люксембург заняли войска революционной Франции, а 1 октября 1795 г. решением Конвента он был присоединен к Франции как новый департамент Фор (Департамент лесов). Это привело к крушению господствовавших в стране феодальных порядков. На Люксембург было распространено французское законодательство, отменены крепостное право и феодальные повинности крестьян, привилегии дворянства и духовенства, ликвидированы монастыри, а их собственность была объявлена национальным достоянием. К власти пришла буржуазия.

После падения империи Наполеона по решению Венского конгресса в 1815 г. Люксембург был отделен от Франции и провозглашен самостоятельным Великим Герцогством. При этом он потерял часть отошедших к Пруссии земель по правому берегу Мозеля. В качестве «компенсации» за бывшие владения, присоединенные к герцогству Гессен, король Нидерландов получил корону великого герцога Люксембурга, и таким образом Люксембург оказался в личной унии с Нидерландами. Своеобразие положения Люксембурга состояло в том, что он был связан также с Германским союзом, в который входил до распада его в 1866 г. Поэтому город Люксембург — сильнейшая в Европе после Гибралтара крепость — был признан крепостью Германского союза и занят прусскими войсками. В городе расположился прусский гарнизон.

В 1831 г. к образовавшемуся Бельгийскому государству добровольно присоединилась почти вся территория Люксембурга, за исключением самой крепости с ближайшими окрестностями. Девятилетняя борьба между Бельгией и Нидерландами

вокруг люксембургского вопроса в 1839 г. закончилась компромиссом. Трактат, подписанный в Лондоне представителями пяти великих держав (Великобритания, Пруссия, Австрия, Франция, Россия), с одной стороны, и Бельгии и Нидерландов — с другой, предусматривал раздел территории бывшего Великого Герцогства. Примерно две трети ее отошли к Бельгии, образовав провинцию Люксембург, а три района были возвращены Нидерландам, составив в основном территорию современного государства Люксембург. Недовольство в Люксембурге утратой весьма значительной части территории побудило короля Нидерландов провозгласить в 1841 г. Декларацию независимости этой маленькой страны как некоторую «компенсацию» при сохранении, однако, личной унии.

Вопрос о полной независимости Великого Герцогства был решен лишь после распада в 1866 г. Германского союза. Возникшая между Францией и Пруссией борьба за присоединение Люксембурга едва не привела к войне. Конфликт был разрешен Лондонской конференцией великих держав в 1867 г., которая провозгласила постоянный невооруженный нейтралитет Люксембурга, гарантированный великими державами. Для поддержания внутреннего порядка и спокойствия в стране были оставлены лишь две роты жандармов численностью 300 человек.

Решение Лондонской конференции было подтверждено в Конституции Люксембурга (1868), объявившей Великое герцогство «независимым, неделимым и неотчуждаемым, навечно нейтральным государством». Признав главой государства, как и прежде, великого герцога, Конституция в то же время ограничила его права, закрепив законодательные функции за палатой депутатов, избираемых на шесть лет путем всеобщих прямых выборов. Правительство, назначаемое великим герцогом, было ответственно перед палатой депутатов.

Провозглашение Люксембурга нейтральным, свободным и независимым государством освободило его от бремени военных расходов, воинской повинности, что способствовало росту хозяйственной активности и подъему жизненного уровня населения. Закрепленные Конституцией свободы, в частности свобода союзов и печати, благоприятствовали созданию политических партий, представлявших различные слои общества, росту национального самосознания.

Политическое и социально-экономическое развитие Швейцарии в середине XVII—XVIII в.
К середине XVII в. Швейцарский союз представлял собой кон-

федерацию тринадцати самостоятельных кантонов, десяти «союзных земель» с ограниченной автономией и некоторого количества бесправных «подвластных территорий» (фогтств). Постоянных центральных органов власти не существовало. Вопросы о войне и мире, об организации армии, федеральной кассе, содержащейся за счет незначительных взносов кантонов, время от времени решались представителями кантонов на союзном сейме, который не имел постоянного места для заседаний и определенных сроков созыва. Каждый кантон имел свое правительство, почту, денежные знаки, таможен. Кантоны заключали торговые договоры с иностранными государствами. Гражданин одного кантона считался иностранцем в другом.

Не было языковой и религиозной общности. В ходу было четыре языка. Население большей части кантонов (центр, север, северо-восток) говорило на немецком языке; меньшей, романской части (запад, юг) — на французском и итальянском. Потомки древнего населения Альп (ретов и гельветов), жившие в высокогорной части кантона Граубюнден, говорили на рето-романском языке. В Северной Швейцарии преобладал протестантизм (лютеране, кальвинисты), на юге — римско-католическая церковь.

Политическая раздробленность страны, бедность полезными ископаемыми и весьма ограниченные возможности для земледелия (более половины территории занимают горы и озера) обусловили своеобразие ее социально-экономического развития. По уровню и характеру хозяйства страна резко делилась на горную и равнинную части.

Удобно расположенные на перекрестке торговых путей городские кантоны в равнинной части Швейцарии (Берн, Женева, Базель, Цюрих) были крупными центрами ремесла и торговли. Этому способствовало отчасти и то обстоятельство, что более развитая протестантская часть Швейцарии охотно давала убежище от религиозных преследований своим единоверцам из Франции, Англии, Голландии, среди которых было немало искусных ремесленников, богатых купцов, крупных банкиров. Они принесли с собой новые производства (часовое, шелковое, выделка бархата и др.). В XVII в. наряду с цеховым ремеслом появились суконные, кожевенные, шелкоткацкие мануфактуры.

В XVIII в. быстро росло число текстильных мануфактур. К концу века Швейцария вышла на одно из первых мест в Ев-

ропе по выпуску хлопчатобумажных тканей. Развивались книгопечатание, производство бумаги, часов. Около трети всего взрослого населения Женевы было занято в часовом и ювелирном производствах, которые в дальнейшем приобрели мировую известность. Большим авторитетом и влиянием пользовались женевские банкиры. Именно из Женевы происходил **Неккер** — генеральный контролер финансов, промышленности и торговли в предреволюционной Франции. Общеевропейское значение имели ярмарки Базеля, Женевы.

В горных кантонах (Швиц, Ури, Унтервальден), изолированных от торговых путей и промышленных центров, почти лишенных пахотных земель, население занималось исключительно пастбищным скотоводством. Продукция скотоводства — шерсть, шкуры, масло, сыр — сбывалась в городские кантоны. Но хлеба не хватало, и большую его часть приходилось ввозить. Здесь очень сильны были патриархальные порядки. Однако в процессе разложения крестьянской общины разорившиеся крестьяне в поисках заработка уходили на равнину и нанимались на военную службу в другие государства. Это породило характерную особенность Швейцарии — военное наемничество (оно было запрещено законом лишь в 1859 г., с тех пор швейцарская гвардия сохранилась только в Ватикане). За несколько столетий (XVI—XIX вв.) маленькая страна направила на военную службу за границу (не только в Европу, но и в Северную Америку, Индию) около 2 млн солдат, сражавшихся за чужие интересы и под чужими знаменами. Швейцарские наемники нередко использовались иностранными государствами для подавления народных движений. Так, 10 августа 1792 г. швейцарцы вели из Тюильрийского дворца огонь по восставшим парижанам даже после того, как французские монархисты покинули дворец. Беззащитная торговля кровью своих сограждан вошла в практику кантональных властей, немало зарабатывавших на поставке наемников.

Политическое устройство кантонов не было однородным. Городские кантоны представляли собой маленькие аристократические республики, в которых господствовали патрициат и феодальное дворянство. В горных «лесных» кантонах для решения важных государственных дел ежегодно под открытым небом созывались народные собрания. Со временем они все больше выражали волю олигархии, связанной кровными узами с богатыми землевладельцами и офицерством наемнических войск. Между городскими и горными кантонами, канто-

нами и фоггствами, а также внутри городов — между патрициатом, ремесленными цехами и зарождавшимся «третьим сословием» — шла постоянная борьба. Крестьяне выступали как против феодалов, так и против городов, нещадно эксплуатировавших сельскую округу. Борьба внутри союза нередко выливалась в открытые восстания и войны. В 1653 г. крестьянская война охватила ряд кантонов, в том числе города Базель, Берн, Люцерн, Золотурн, Цюрих. В XVIII в. происходили восстания против городской олигархии в Цюрихе (1713), Берне (1749), Женеве (1781—1782) и Фрейбурге (1781—1782).

Швейцария в поисках переустройства и консолидации общества. Под влиянием Французской революции в Швейцарии усилилось стремление к централизации и демократизации страны. Важную роль в этом сыграли популярные в стране идеи Руссо и пропагандистская деятельность возникших здесь клубов и обществ, в частности «Гельветического общества», основанного еще в 1761 г. В 1792 г. состоялись революционные выступления в Женеве, Вале, Во. В Базеле была образована так называемая Рауракская республика, которая в мае 1793 г. присоединилась к Франции. После оккупации в 1798 г. Швейцарии войсками французской Директории конфедерация распалась. Была провозглашена «единая, нераздельная Гельветическая республика». Впервые в стране была создана центральная власть и введена конституция (точная копия французской Конституции 1795 г.), провозгласившая равенство кантонов, отмену личной крепостной зависимости и цеховой регламентации, свободу совести, печати, торговли, ремесла.

Однако осуществить основные положения конституции республике не удалось. Подписав военный договор с Францией, она оказалась втянутой в войну с антинаполеоновской коалицией. Швейцария страдала от военных действий, контрибуции, наложенной французами, оплачивала содержание их войск. Во всех кантонах начались восстания против правительства и его французских покровителей.

В 1803 г. Гельветическая республика, пережив за пять лет пять государственных переворотов, шесть правительств и шесть конституций, прекратила свое существование. Наполеон восстановил с некоторыми изменениями прежнее государственное устройство страны, одновременно превратив ее во французского вассала. В соответствии с подписанным в том же

году новым военным договором с Францией Швейцария была вынуждена принимать участие в завоевательных войнах Французской империи, ежегодно поставляя ей 16 тыс. рекрутов. Лишь после крушения наполеоновской империи Швейцария вновь обрела независимость и заявила о намерении соблюдать нейтралитет.

Венский конгресс провозгласил независимость и «вечный нейтралитет» Швейцарии, установил ее новые границы, близкие к современным, и определил внутреннее устройство страны. Швейцария была вновь признана конфедерацией самостоятельных карликовых государств (кантонов), число которых увеличилось до 22. На правах кантонов были присоединены Женева и другие пограничные области, отторгнутые Наполеоном. Политический строй кантонов был пестрым. Власть снова оказалась в руках местных светских и духовных феодалов, патрициата и состоятельного купечества. Крестьянство и мелкие городские собственники из-за высокого имущественного ценза были устранены от участия в общественных делах. Союзный сейм по-прежнему не имел почти никаких прав. В маленькой стране с населением, не превышающим 2 млн жителей, существовало 60 различных мер длины, 80 мер веса, 87 мер сыпучих тел, 81 мера жидкостей. Торговле мешали кантональные пошлины. Доставка письма из Цюриха в Женеву обходилась дороже, чем в Америку. Политическая и экономическая раздробленность препятствовала развитию страны.

Под воздействием революционных событий 1830 г. во Франции развернулась борьба за централизацию и демократизацию Швейцарии. В некоторых крупных городах была свергнута власть городского патрициата. В 12 кантонах были введены конституции, которые отменили феодальные повинности крестьян и снизили избирательный ценз. Однако эти прогрессивные начинания встретили отпор со стороны горных кантонов (Ури, Швиц, Цуг, Люцерн, Фрейбург, Валлис). В 40-е годы они создали сепаратистский, реакционный, тайный военнополитический союз «Зондербунд», начавший подготовку к гражданской войне, которая была развязана в 1847 г. Решительный перевес сил был на стороне более развитых северо-западных кантонов, оставшихся под властью сейма. Малонаселенные, экономически слабые, разрозненные горные кантоны капитулировали один за другим через три недели после начала военных действий. В 1848 г. победа центральной власти в

Швейцарии была закреплена новым государственным устройством и новой конституцией.

Из непрочного союза кантонов Швейцария стала единым союзным государством с централизованным государственным аппаратом. Законодательная власть сосредоточилась в руках общенационального парламента — двухпалатного федерального собрания. Центральная исполнительная власть была передана Федеральному совету (правительству), судебная — союзному суду. Промышленный Берн был провозглашен столицей государства. Едиными для страны стали почта, телеграф, таможня, денежная система (по французскому образцу; один франк равен 100 сантимам), система мер и весов. Были провозглашены всеобщее избирательное право, свобода печати, собраний, союзов, вероисповедания. Централизация страны явилась надежной гарантией ее суверенитета и нейтралитета, так как новая конституция запретила Швейцарии заключать военные соглашения с иностранными государствами.

Новая государственная система способствовала экономическому подъему. Большое значение для развития хозяйства имели широкое железнодорожное и шоссейное строительство, способствовавшее увеличению доходов от транзитных перевозок через Швейцарию, накопление капиталов в результате посредничества в международной торговле и кредитно-банковских операциях, использование рабочей силы эмигрантов из более развитых стран Европы, выгодное географическое положение альпийской республики на перекрестке важных торговых путей, доходы от развивавшихся со второй половины XIX в. туризма и курортно-гостиничного дела. В 50-х годах возникло множество предприятий легкой промышленности, стала создаваться машиностроительная промышленность, специализировавшаяся в основном на производстве мелких сельскохозяйственных машин.

Развитие промышленности требовало дополнительных затрат на покупку сырья и топлива, которых Швейцария не имела. Поэтому все издержки производства швейцарские предприниматели стремились компенсировать за счет рабочих, заработная плата которых была значительно ниже, а рабочий день более продолжителен, чем в Англии или Франции. В 60-х годах для защиты своих прав рабочие стали создавать профессиональные организации. Образовались многочисленные союзы часовщиков, портных, обувщиков и др.

Благодаря географическому положению и нейтралитету Швейцария стала местом пребывания ряда международных организаций. В 1863 г. в Женеве был создан Международный комитет помощи раненым, в 1864 г. подписана международная Женевская конвенция, в соответствии с которой во многих странах мира были созданы общества Красного Креста. В 1865 г. в Берне учреждено Международное бюро телеграфной связи. В Швейцарии неоднократно проходили конгрессы I Интернационала. В 50—60-е годы Швейцария стала одним из главных центров революционной и демократической эмиграции из разных стран.

Живописная природа, здоровый горный воздух, относительная дешевизна жизни способствовали превращению Швейцарии в центр международного туризма и курортного дела. В стране было построено множество гостиниц, санаториев и курортов.

Особенности политического и общественного развития Швейцарии в 50—60-е годы XIX в. стимулировали подъем во всех областях жизни и духовной деятельности.

Северная Европа в XVII—XVIII вв. В середине XVII в. на севере Европы существовало два относительно крупных государства-королевства Швеция и Датско-Норвежское. В состав Швеции входила давно завоеванная Финляндия, значительные владения в Восточной Прибалтике и в Северной Германии. Владения датской династии Ольденбургов занимали огромное пространство и включали, помимо собственно Дании, Норвегию с принадлежавшими ей Исландией, Гренландией и Фарерскими о-вами и северогерманские герцогства Шлезвиг и Гольштейн, связанные с Копенгагеном личной унией. В обоих государствах господствовали феодальные отношения, более сильные в Дании и герцогствах, менее сильные — в Швеции и в подвластной датской короне Норвегии, где значительная часть крестьян не знала крепостной зависимости. Здесь крестьяне были в большинстве лично свободными, подвергаясь феодальной эксплуатации лишь в форме государственных податей и повинностей. В северных странах удельный вес дворянства был одним из самых низких в Европе — менее 0,5 %. В Норвегии к XVII в. дворянство почти исчезло.

В Скандинавских странах с середины XVII в. до конца XVIII в. население увеличилось более чем в 3 раза.

Со второй половины XVII в., во многом благодаря экономическим связям с наиболее развитыми странами Европы — Анг-

лией и Голландией, — в Швеции и Дании—Норвегии шло формирование капиталистического уклада и рыночного хозяйства. Происходили сдвиги в социальной и политической структуре. Сначала в Дании—Норвегии (1660—1661), а затем и в Швеции (1680) установился абсолютизм.

В *Датско-Норвежском королевстве*, где издавна существовала выборная монархия и власть в основном находилась в руках аристократического Государственного совета, становление абсолютизма произошло после сокрушительных поражений в войнах со Швецией 1658—1660 гг., когда вырос авторитет короля *Фредерика III*, лично руководившего обороной осажденного шведами Копенгагена. Влияние прежде всесильной датской знати резко ослабло. Собравшиеся осенью 1660 г. в Копенгагене представители сословий приняли решение о введении в королевстве наследственной власти, а затем, в начале 1661 г., Фредерик III заставил их подписать акт об установлении в стране абсолютизма. Через несколько лет абсолютизм в Дании—Норвегии получил конституционное оформление: в 1665 г. король подписал «Королевский закон», закреплявший за ним практически неограниченную власть. Самодержавный политический строй продержался в Дании до 1848 г., в Норвегии — до 1814 г., когда она перешла под власть шведской династии.

Власти поощряли развитие Копенгагена. Дания и герцогства экспортировали хлеб и скот. Норвегия с конца XVII в. заняла заметное место в Европе как экспортер леса — важнейшего сырья для строительства английского и голландского флота. В этот же период Дания—Норвегия стала одним из главных морских «извозчиков», извлекая громадные прибыли из перевозок товаров, в особенности во время войн благодаря своему нейтралитету. Сельское хозяйство Дании оказалось в первой половине XVIII в. в состоянии застоя, вызванного как общеевропейской низкой конъюнктурой, так и полукрепостническими порядками.

В связи с неспособностью королей управлять государством вся полнота власти фактически оказалась в руках бюрократической верхушки, министров, часто немцев по происхождению. Наиболее ярким временным правителем оказался личный врач Кристиана VII Я. *Струэнзе*, который в начале 70-х годов приобрел безграничное влияние на короля и стал всемогущим кабинет-министром. За короткий срок он провел серию реформ в духе «просвещенного абсолютизма», поразив-

ших всю Европу. Были введены полная свобода печати, независимость судов, свобода промыслов и хлебной торговли, уменьшены повинности крестьян, сокращены государственные расходы.

Однако уже в 1772 г. Струэнзе был смещен придворной камериершей и казнен, а реформы отменены. В Дании—Норвегии установился реакционный режим. В 1784 г. в результате дворцового переворота к власти пришла группа просвещенных аристократов, близкая к наследному принцу Фредерику, который фактически стал править Данией—Норвегией. Реформы были возобновлены: в 1788 г. ликвидирована полукрепостная зависимость крестьян от помещиков, упразднена сельская община, крестьяне получили право выкупать обрабатываемую ими землю, смягчена цензура, были отменены многие ограничения и монополии в экономике.

В Норвегии в XVIII в. сосуществовали две культуры — городская и сельская. Горожане, чиновники, офицерство, духовенство, как правило, говорили по-датски, а крестьянство пользовалось местными диалектами. Городская культура Норвегии была ближе к датской. Во второй половине XVIII в. начала складываться национальная оппозиция городской буржуазии и связанного с ней чиновничества, которые, несмотря на языковую общность с датчанами, все более осознавали обособленность норвежских интересов от метрополии. Норвежцы выдвинули довольно умеренные пожелания: создание общенорвежских учреждений, в частности банка и университета, экономическая автономия. В то же время выступления норвежского крестьянства (1765, 1786) были направлены не против датской короны, а против местного чиновничества, в котором крестьяне видели своих угнетателей. Далекий король, наоборот, представлялся им защитником.

После завершения Тридцатилетней войны Швеция, несмотря на относительно небольшое население, обладала статусом великой европейской державы. Королю *Карлу X Густаву* в войнах с Польшей и Данией удалось еще расширить владения своей короны, окончательно присоединив к Швеции провинции на юге и юго-западе Скандинавского полуострова. Внутри страны нарастал конфликт между могущественной аристократией, присвоившей себе значительные земельные владения, с одной стороны, и остальным дворянством, духовенством, бюргерством и крестьянством — с другой.

Установление абсолютизма в Швеции произошло после войны с Данией, расстроившей шведские финансы. В 1680 г. молодой король **Карл XI** (1660—1697), опираясь на низшее дворянство и податные сословия, сумел отстранить от власти правившую с 1660 г. аристократическую олигархию, отнять у нее значительную часть присвоенных ею земель, усилить свою власть за счет Государственного совета и риксдага, провести военную реформу. В 1682 г. королю была передана законодательная власть, а в 1693 г. он был объявлен «самодержавным монархом милостью Божьей». В отличие от Дании абсолютизм в Швеции не был долгим. Он был совершенно дискредитирован королем-полководцем **Карлом XII** (1697—1718), потерпевшим сокрушительное поражение в Северной войне.

После гибели Карла XII Швеция утратила большую часть владений в Прибалтике и роль великой державы. В ней установился полуреспубликанский строй. Вся полнота власти оказалась у четырехсословного парламента-риксдага (дворянство, духовенство, бюргерство и крестьянство) и выбираемого им правительства, где король имел лишь два голоса. В шведском риксдаге «эры свобод» (такое название получил этот период в истории страны) постепенно сформировались «партии» — парламентские группировки, объединяемые общностью внутриполитических целей и внешнеполитической ориентации. Наиболее значительными были боровшиеся между собой партии «шляп» и «колпаков». Названия эти возникли потому, что ориентировавшиеся на Францию воинственные сторонники реванша против России стали именовать себя *«шляпами»* (дворянский военный головной убор), а своих противников, более умеренных деятелей, стремившихся к мирным отношениям с восточным соседом, презрительно называли *«колпаками»* (домашний головной убор бюргеров). Бурная политическая жизнь Швеции «эры свобод», изобиловавшая крутыми поворотами, привела к утверждению принципа парламентаризма в практике формирования правительства победившей на выборах политической партией.

К концу 1760-х годов политическая ситуация в Швеции ухудшилась. Податные сословия требовали уравнивания в правах с дворянством, причем эти идеи отстаивала теперь партия «колпаков», завоевывавшая сторонников вне парламента. Постепенно в стране утверждались формы и методы политической борьбы, свойственные уже демократическому строю. Выход из политического кризиса был найден молодым королем

Густавом III (1771—1792), который, опираясь на армию, совершил 19 августа 1772 г. государственный переворот, заставив риксдаг одобрить новую конституцию. Была установлена близкая к абсолютизму форма правления. Риксдаг мог теперь собираться лишь по воле короля и заниматься вотированием налогов. Переворот был поддержан дворянством, опасавшимся за свои привилегии. Густав III провел ряд реформ в духе просвещенного абсолютизма, в частности устранил преграды во внутренней торговле и провозгласил веротерпимость. Яркий след эта эпоха оставила в культурной жизни Швеции, которую особенно поощрял сам король, театрал и драматург.

Густав III был вынужден лавировать между сословиями. Он пошел на расширение экономических прав бюргеров и крестьян, которые могли теперь приобретать коронную и дворянскую землю, потеряв из-за этого поддержку дворянства. Выход из нового политического кризиса в конце 1780-х годов Густав III пытался найти в военной авантюре, напав на Россию в 1788 г.

После окончания войны с Россией началось кратковременное сближение Густава III и Екатерины II. Шведский король одно время носился с планами вмешательства в дела революционной Франции, но гибель Густава III положила им конец. Швеция и Дания сохраняли нейтралитет во вспыхнувшей в 1792—1793 гг. европейской войне и даже продолжали торговать и поддерживать дипломатические отношения с Французской республикой. В 1789 г. король осуществил направленный против дворянства переворот, значительно расширив свою власть, а в 1792 г. пал от руки заговорщика.

Перемены в Северной Европе в начале XIX в. Несмотря на то что Северная Европа почти не была затронута наполеоновскими войнами, Скандинавские страны оказались втянуты в них, что привело к перестройке всей политической карты региона. Не участвуя до 1805 г. в англо-французской войне, Швеция и Дания—Норвегия извлекали значительные выгоды, торгуя с обеими воюющими сторонами. Положение коренным образом изменилось в 1805 г., когда наполеоновская экспансия подошла к этому региону. Густав IV Адольф втянул Швецию в войну с Францией. А в сентябре 1807 г. англичане напали на Копенгаген и захватили датско-норвежский флот. Дания объявила войну Англии и заключила союз с Наполеоном, присоединившись к континенталь-

ной блокаде. Пострадала от этого Норвегия, блокированная англичанами и лишившаяся подвоза продовольствия. Голод вызвал недовольство и усилил сепаратистские настроения. Из-за невозможности управлять Норвегией из Копенгагена в стране была создана Правительственная комиссия (подобие правительства), действовавшая до 1810 г.

В 1808 г. началась новая русско-шведская война. После того как русские войска быстро заняли южную часть Финляндии, где проживала большая часть населения, Александр I объявил о ее присоединении к России. Проводя либеральную политику, царь предоставил Финляндии широкую автономию. В марте 1809 г. в городе Борго (Порвоо) было созвано четырехсословное собрание представителей страны — ландтаг. Финляндия, вошедшая в состав Российской империи как Великое княжество, получила собственное правительство — сенат, где председательствовал назначаемый царем генерал-губернатор. Тогда были заложены основы финской государственности. Финляндия была избавлена от разорительных войн и тяжелых военных расходов.

В Швеции, войну которой в 1808 г. объявили также Франция и Дания, утрата Финляндии и резкое ухудшение экономического положения привели к росту оппозиционных настроений. В марте 1809 г. Густав IV Адольф был свергнут и выслан за границу. Риксдаг принял новую конституцию, покончившую с абсолютизмом. Она значительно расширила парламентский контроль над правительством и провозгласила гражданские свободы. Королем стал бездетный *Карл XIII*, а в 1810 г. риксдаг избрал престолонаследником наполеоновского маршала Ж. Б. Бернадота, принявшего лютеранскую веру и новое имя — *Карл Юхан*. Недворянское происхождение родоначальника новой династии подчеркивало буржуазный характер перемен.

Карл Юхан быстро проникся интересами Швеции. Он не оправдал возлагавшихся на него Наполеоном надежд и после того, как французские войска в январе 1812 г. под предлогом борьбы с нарушениями континентальной блокады захватили шведскую Померанию, пошел на сближение с Россией. В апреле 1812 г. в Санкт-Петербурге был заключен секретный русско-шведский союз против Наполеона. Хотя Швеция вступила в войну лишь летом 1813 г., ее позиция имела для России большое значение во время Отечественной войны 1812 г. В 1813—1814 гг. Карл Юхан был командующим одной

из союзных армий, куда вошли русские, прусские и шведские войска. В конце 1813 г. он двинул часть этой армии против Дании, остававшейся верной Наполеону, и вынудил ее отказаться от Норвегии в пользу шведской короны.

Но в Норвегии началось национально-освободительное движение, которое возглавил бывший датский наместник принц *Кристиан Фредерик*. В феврале 1814 г. была провозглашена независимость Норвегии, сформировано временное правительство, присягу на верность которому принесло все взрослое население. В марте прошли выборы в *Государственное (учредительное) собрание*. В его состав вошли не только чиновники, бюргеры, интеллигенция, офицеры армии и флота, но много крестьян, рядовые солдаты и матросы. 17 мая Государственное собрание приняло Конституцию, довольно демократическую для того времени. В Конституцию были заложены не только принципы разделения властей и суверенитета народа. В Норвегии вводилась конституционная монархия с парламентом — стортингом. Кристиан Фредерик был избран королем Норвегии.

Завершение войны в Европе весной 1814 г. ухудшило внешнеполитическое положение молодого государства. Швеция не собиралась отказываться от своих притязаний. Непродолжительные военные действия между шведами и норвежцами в июле—августе 1814 г. стали последней в истории межскандинавской войной. Карл Юхан согласился на сохранение норвежской Эйдсволской конституции и предоставление Норвегии широкой внутренней самостоятельности. Норвегия признала унию со Швецией, Кристиан Фредерик отрекся от престола и вернулся в Данию, а в ноябре стортинг избрал Карла XIII королем Норвегии. В ведение Стокгольма отходила только внешняя политика. Новое двуединое государство стало именоваться *Соединенные королевства Швеция и Норвегия*. События 1814 г. в Норвегии были, по сути, национально-освободительной революцией.

К 1815 г. политическая карта Северной Европы значительно изменилась: возникло два новых государства — Финляндия и Норвегия, первая в составе Российской империи, вторая в унии со Швецией. Швеция утратила последнее владение на континенте — Переднюю Померанию, которая досталась Пруссии. Дания, потеряв Норвегию, сохранила за собой Исландию, Гренландию и Фарерские о-ва, а также два северо-германских герцогства — Шлезвиг и Гольштейн. Сохранение

немецкоязычных герцогств сулило в будущем большие осложнения для Дании. В североевропейской системе государств произошел важный сдвиг к формированию национальных государств. Новая система в регионе положила конец как внутрискандинавским войнам, так и войнам Швеции с Россией.

Модернизация экономики и политической системы Северной Европы в 1815—1870 гг. В первой половине XIX в. в Северной Европе продолжался быстрый рост населения. Последовавшие за окончанием наполеоновских войн застой и расстройство финансов не были продолжительными. Оживление началось в 30-е годы XIX в. Благодаря тому что в Англии и других промышленно развитых странах резко возрос спрос на сельскохозяйственную продукцию, наблюдался подъем аграрного сектора в Дании. Повсеместно стал возделываться картофель, так что частые прежде голодные годы уходили в прошлое. Именно в этот период Скандинавия из бедной европейской окраины постепенно превращается в ее наиболее развитый регион. Началась промышленная революция, из Англии ввозились станки, строились современные фабрики и заводы. С конца 40-х годов стали прокладываться железные дороги. В Норвегии быстро рос торговый флот, бурно развивались рыболовный и китобойный промыслы. Аграрные реформы во всех странах Скандинавии практически были завершены, помещичьи хозяйства перешли на капиталистические рельсы, значительная часть обрабатываемой земли досталась крестьянам. Крестьянство переживало процесс расслоения. С одной стороны, оформился слой зажиточного крестьянства, основного производителя продукции, предназначенной на рынок, внутренний и внешний. С другой — выросли безземельные полупролетарские и пролетарские слои, значительная часть которых устремилась в быстро растущие города. Здесь также формировались новые классы — буржуазия и пролетариат, увеличивались средние слои и интеллигенция. Рынок труда был не в силах поглотить всю массу избыточного населения. В 40—50-е годы началась массовая эмиграция из стран Северной Европы, главным образом в Северную Америку.

Особый импульс был придан экономическому развитию Финляндии, которая оказалась в благоприятном положении благодаря близости и доступности огромного российского рынка. Довольно рано промышленная революция началась в главной отрасли народного хозяйства страны — лесной.

Одной из важнейших предпосылок экономического подъема стран Северной Европы явилась постепенная стабилизация финансовой системы. Поскольку основа для кредитования развивающейся промышленности была в бедной Скандинавии мала, то в промышленном перевороте активную роль играло государство, бравшее займы за границей и финансировавшее многие хозяйственные предприятия.

Реставрация не оказала глубокого воздействия на Скандинавию, которая опережала остальную Европу в политическом развитии. Хотя в Дании сохранялся «конституционный абсолютизм», становившийся помехой в развитии страны, датские короли были вынуждены отступать под напором либерально-демократического движения.

В 30-е годы XIX в. революционная волна вызвала в Скандинавских странах широкое оппозиционное движение городских слоев и крестьянства — *либеральное* в Швеции и Дании и *национально-демократическое* в Норвегии. Сильная крестьянская оппозиция в Норвегии с 30-х, а в Дании с 40-х годов была следствием социально-экономических перемен. В Швеции и Дании речь шла о демократизации политического строя. В Норвегии демократическая оппозиция, видным представителем которой был поэт и писатель *Х. Вергеланн*, выступала и как выразитель национальных устремлений к преодолению датского культурного превосходства. В 30—40-е годы талантливый филолог и поэт *Ивар Осен* собрал огромный материал о норвежских сельских диалектах, на основании которых он составил так называемый «лансмол» (сельский язык), или «нюношк» (новонорвежский), который впоследствии был признан второй формой норвежского литературного языка наряду с норвегизированным датским. В Финляндии рост национального самосознания отражал объективный процесс складывания финской нации. В первой половине XIX в. произошло становление финского языка как литературного, на нем стали издаваться газеты и журналы. *Э. Лёнрут* записал и издал карело-финский народный эпос «Калевалу».

В Дании либеральное движение добилось в 30-е годы созыва совещательных провинциальных собраний, на которых все громче выдвигались требования гражданских свобод, ограничения абсолютизма и созыва парламента. В 40-е годы эти лозунги были подхвачены широким крестьянским движением. В Гольштейне и Шлезвиге появилось немецкое национальное

движение, выдвигавшее планы создания северогерманского государства Шлезвиг-Гольштейн.

В Швеции либералы выступали за упразднение сословности риксдага, за превращение его в двухпалатный парламент и расширение избирательного права. В норвежском стортинге, где в 30-е годы впервые образовалось крестьянское большинство, были проведены некоторые реформы: введено местное самоуправление, окончательно упразднены монополии, стеснявшие развитие промышленности.

В 40-е годы в кругах либеральной интеллигенции Скандинавских стран, сначала в Дании, а потом в Швеции и Норвегии, возникло движение так называемого *скандинавизма*, выступавшее за политическую, но прежде всего культурную общность всех северных стран.

Революционные потрясения 1848—1849 гг. оказали большое влияние на Скандинавские страны.

В Норвегии в 1848—1851 гг. возникло движение объединений рабочих-батраков и крестьян-бедняков, организатором которого стал социалист-утопист *Маркус Тране*. Движение «транитариев» выступило с требованиями демократических реформ и всеобщего избирательного права, проводило массовые митинги и демонстрации. Власти ответили репрессиями: собрания разгонялись войсками, Тране и другие руководители были брошены в тюрьму.

В Дании известия о восстании в Париже послужили сигналом к началу революции. Под впечатлением массовых манифестаций в Копенгагене король *Фредерик VII* призвал к управлению страной национал-либералов, а созванное затем Национальное собрание приняло в июне 1849 г. относительно демократическую конституцию. Абсолютизм пал, в Дании был введен двухпалатный парламент, всеобщее избирательное право для мужчин на выборах в первую палату, расширены демократические свободы.

В 1848 г. обострилась и шлезвиг-голландская проблема. Немецкое население герцогств восстало против датского владычества. В конфликт вмешались Пруссия и другие германские государства. Началась война, прекращенная только вмешательством России и других великих держав. В 1850 г. власть датского короля в северогерманских герцогствах была восстановлена.

Новая война вспыхнула уже в 1863 г., когда новый король *Кристиан IX Глюксбург* попытался включить Шлезвиг в со-

став Дании. Германский союз не согласился с этим, его войска вступили на территорию герцогств. Дания потерпела поражение. Оба герцогства достались Пруссии. Либеральное правительство в Дании пало, конституция была пересмотрена: прерогативы короля расширены, а всеобщее избирательное право отменено.

В 50—60-е годы XIX в. экономика стран Северной Европы переживала подъем. Именно в это время в Скандинавских странах образуются крупные банки для финансирования промышленности и транспорта.

В Швеции изменение социальной структуры, рост городских средних слоев, интеллигенции, внесословной буржуазии вызвали широкое движение за пересмотр конституции. В 1865—1866 гг. под давлением снизу была проведена умеренная реформа, превращавшая риксдаг в двухпалатный парламент. Из-за высокого имущественного ценза большинство населения страны по-прежнему было лишено политических прав. В Норвегии активизировалась городская демократическая и крестьянская оппозиция, выступавшая не только за демократизацию и парламентаризм, но и за расширение прав Норвегии в составе унии.

Финляндия все это время оставалась спокойным уголком Европы. Лояльность финского населения в отношении России проявилась во время Крымской войны (1853—1856), когда территория Финляндии подверглась нападению англо-французского флота.

В конце 50-х — начале 60-х годов в Финляндии произошли значительные перемены. Был принят указ о ведении делопроизводства не только на шведском, но и на финском языке, стали регулярно собираться четырехсословные ландтаги, сняты правовые ограничения для частного предпринимательства, введены свобода торговли и местная валюта (марка), городское и сельское самоуправление. Автономная Финляндия быстро стала передовой в экономическом и политическом отношении частью Российской империи.

ГЛАВА 12 Формирование наций и освободительная борьба народов Восточной и Юго-Восточной Европы

Кризис Речи Посполитой. В XVII—XVIII вв. Польша оставалась одним из крупных государств Европы. Единая Речь Посполитая с выборным королем и двухпалатным сеймом делилась на *Корону* и *Литву*, имевшие свою администрацию, суд и войско. Помимо польских, Корона владела украинскими землями; в Литве наряду с литовцами жили белорусы; в городах имелся значительный процент немецкого и еврейского населения. Господствующей являлась католическая религия, которой придерживалось подавляющее большинство поляков и литовцев; украинцы и белорусы оставались православными или были обращены в униатов; среди горожан имелись протестанты, сохраняло свою веру еврейское население. Некатолики не обладали политическими и иными правами.

Польский престол в XVII—XVIII вв. занимали в основном короли-иноземцы. После отречения в 1668 г. последнего из Вазов (другая ветвь этой династии правила в Швеции) *Яна II Казимира* лишь дважды избирались на трон представители польских магнатских родов — *Михал Корибут Вишневецкий* и *Ян Собеский*, а затем стали править саксонские короли *Август II* и *Август III*. Нередко польские государственные интересы приносились в жертву династическим.

Международное положение Речи Посполитой было сложным: она находилась в окружении усиливавшихся соседей, стремившихся к территориальным приобретениям. Это обстоятельство в сочетании с глубокими внутренними противоречиями вовлекло страну в несколько кровопролитных войн. В результате ряда восстаний, освободительной войны украин-

цев и польско-российских войн Левобережная Украина и Киев в 50-е годы XVIII в. отделились от Польши.

В 1655—1660 гг. польские земли пережили шведское нашествие. Поначалу притязания шведского короля на польский престол поддержала часть магнатов и шляхты, но насилия шведских оккупантов мобилизовали поляков против захватчиков и позволили Яну Казимиру изгнать шведов. Последствия войны были ужасны: потеря 30—40% населения, разрушение многих городов, невосполнимый ущерб ремеслам, торговле, культуре. В ходе этих событий герцогство Бранденбургское, которое стало затем Прусским королевством, превратилось в сильного и враждебного Польше соседа.

Шведские войска снова пришли в Польшу во время Северной войны. Но Петр I поддержал польского короля Августа II деньгами и войском, помог ему сохранить престол в борьбе со шведским ставленником Станиславом Лещинским. После *Полтавской битвы* 1709 г. притязаниям шведов был положен конец. Восточным соседом Польши оказалась превосходящая ее в военном отношении Российская держава. На юге продолжались военные столкновения с Турцией. Лишь после блестящей победы Яна Собеского под Веной в 1683 г. турецкую экспансию удалось остановить.

Польша была аграрной страной с фольварочно-барщинной системой хозяйствования, при которой крестьянство работало на помещиков, сбывавших, в том числе на внешнем рынке, сельскохозяйственную продукцию. Разорительные войны, низкая продуктивность подневольного труда, истощение почвы приводили к неуклонному снижению экспорта, а возможности внутреннего рынка сужались как из-за тяжелого положения крестьян, так и из-за разорения городов. Обедневшее крестьянство по-разному протестовало: бежало из деревень, отказывалось выходить на барщину и даже бунтовало. Самым значительным крестьянским выступлением было восстание 1651 г. на Подгалье под предводительством *Станислава Костки Наперского*. В господствующем сословии углублялось размежевание между богатой магнатерией и шляхетской массой. Формировался слой безземельной шляхетской «голытьбы», вынужденной служить на магнатском дворе или в войске.

Шляхетская демократия, наделившая привилегированные сословия уникальными для того времени гражданскими правами, все более обнаруживала свою противоречивость, постепенно переставала гарантировать функционирование инс-

титуты власти, соблюдение законности и превращалась в магнатскую олигархию. Попытки усилить ограниченную королевскую власть терпели неудачу: так, например, стремление установить при жизни короля выбор его преемника, учредить действующий между сеймами совет и постоянные налоги вызвали при Яне Казимире междоусобную войну. Магнатские партии, располагавшие войсками, голосами шляхты на провинциальных собраниях («сеймиках») и материальными средствами, верховодили в стране, враждуя между собой и пресекая любые реформы. Работа общепольского сейма могла быть в любой момент парализована, так как для принятия решений требовалось единогласие депутатов (правило *либерум вето*). Для достижения политических целей различных партий использовались вооруженные объединения шляхты (конфедерации).

На общественную мысль и культуру (XVII век отмечен яркими достижениями в русле европейского барокко) сильное влияние оказала восторжествовавшая в Польше Контрреформация. Среди шляхты укоренилась идеология *«сарматизма»*, основанная на культе «золотой вольности» и представлениях о Польше как «бастионе христианства», находящемся под особым покровительством Бога. Но в первые десятилетия XVIII в. Польша стала отставать от передовых тенденций европейского интеллектуально-культурного развития.

Необходимость преобразований ради спасения государства становилась очевидной. *Станислав Конарский*, один из пионеров Просвещения, предлагал уничтожить либерум вето, создать постоянный правительственный совет, подумать об улучшении положения крестьян и мещан, содействовать развитию образования и воспитания. Реформы школьного обучения с целью приблизить его к потребностям века проводились во множестве коллегий, принадлежавших монашеским орденам. В политических программах некоторых магнатских группировок все большее место занимали планы превращения Польши в монархию с сильной властью; за серьезные перемены выступала прежде всего партия *Чарторыхских* — представителей знатного княжеского рода. Но влиятельных защитников имела и доктрина *«магнатского республиканизма»* сторонников старой Польши.

Реформы и разделы Польши. Реформы были начаты в годы правления *Станислава Августа Понятовского*, родственника Чарторыхских, в прошлом фаворита

Екатерины II, который был избран королем при содействии России. Реформам благоприятствовало некоторое экономическое оживление в стране: увеличилась площадь обрабатываемых земель, возросла урожайность, барщина начала заменяться оброком, окрепла среднепоместная шляхта, отстроились города, выросло их население, учреждались мануфактуры, развивались ремесла. Не менее важны были перемены в общественном сознании. Передовая часть общества усваивала идеи Просвещения. Началось формирование национальной интеллигенции. Король и просвещенные магнаты покровительствовали образованию и культуре, развивавшейся главным образом в рамках европейского классицизма и сентиментализма.

Станислав Август, одаренный политик, стремился к самостоятельным действиям в проведении реформ. Но дела Польши решали соседи: Екатерина II хотела хозяйничать в Польше; Фридрих II покушался на ее северные и западные территории. В самой Польше создавались иноверческие конфедерации, поддерживающие противников короля; в Польшу были введены иноземные войска. Король наделил правами иноверцев, но это восстановило против него шляхетство. Барская конфедерация 1768 г. выступила под лозунгами защиты веры и шляхетских вольностей, выражая вместе с тем и возмущение шляхты посягательствами на польскую независимость. Против конфедератов были брошены царские войска. Одновременно вспыхнуло крестьянское восстание на Украине («колиивщина»).

Итогом этих событий стал в 1772 г. *первый раздел Польши*. Его участниками были Пруссия, Австрия и Россия. Раздел показал и трудность, и неотложность реформ. Сформировалась сильная патриотическая партия из части магнатов, просвещенной шляхты, горожан, ярких публицистов (*Г. Коллонтай* и др.) и решительных политиков. Важнейшие перемены в государственном устройстве, организации войска, финансах, сфере гражданских прав произвел *Четырехлетний сейм* 1788—1792 гг. Венцом реформаторских усилий стала *Конституция 3 мая 1791 г.*, которая учреждала наследственную монархию, работоспособный сейм, наделяла горожан некоторыми правами, а также декларировала опеку закона и правительства над крестьянами.

Национальный подъем и реформы в Польше, радикализация общества под влиянием событий Французской революции XVIII в. встретили яростное неприятие внутри и вне страны.

Под покровительством Екатерины II группа магнатов провозгласила в 1792 г. *Тарговицкую конфедерацию* во имя восстановления старых порядков. Вспыхнула война с Россией, Станислав Август под давлением Екатерины присоединился к конфедерации. В 1793 г. произошел *второй раздел*: Пруссия и Россия вновь отторгли от Речи Посполитой часть территорий.

24 марта 1794 г. в Кракове было провозглашено национальное восстание, вождем которого стал *Тадеуш Костюшко*, направившийся с войском в Варшаву и одержавший победу под Рацлавицами. В Варшаве и Вильно народ расправился с изменниками; так называемые польские якобинцы выдвинули радикальные лозунги (в том числе требование освободить крестьян). Костюшко издал «Поланецкий универсал», давший крестьянам личную свободу и сокративший барщину (что вызвало недовольство шляхты). Военные действия развивались неблагоприятно для поляков. Костюшко в проигранной битве под Мацейовицами был ранен и попал в плен к русским. Командовавший российскими войсками А. В. Суворов взял в ноябре Варшаву. В 1795 г. Австрия, Пруссия и Россия осуществили *третий раздел Речи Посполитой*, ликвидировав Польское государство.

Борьба польского народа за национальное освобождение в XIX в. В период европейских войн конца XVIII — начала XIX в. польские патриоты стремились к восстановлению независимости. Созданные в эмиграции польские легионы сражались на стороне Франции. Наполеон, заинтересованный в использовании польского войска для своих целей, создал *Княжество Варшавское*, в состав которого включил в 1807—1809 гг. часть земель, ранее захваченных Пруссией и Австрией. Наполеон даровал Княжеству прогрессивную для того времени Конституцию, ввел в действие свой Гражданский кодекс (была отменена крепостная зависимость крестьян), создал современную администрацию и армию. Эта армия приняла участие в походе 1812 г. на Россию и осталась при Наполеоне вплоть до его отречения.

Венский конгресс 1815 г. произвел *новый четвертый передел польских земель*, на целое столетие закрепив их за иноземными монархиями. Пруссия сохранила за собой Великопольшу, Поморье и другие земли; Австрия — Галицию (населенную не только поляками, но и украинцами). Россия к захваченным в 1795 г. территориям с литовским, белорусским

и украинским населением присоединила теперь собственно польские земли, из которых было создано *Королевство Польское*, связанное династической унией с Россией, со столицей в Варшаве, с Конституцией, сеймом, особым управлением и армией.

Расчленение польских земель привело к тому, что их социально-экономическое и политическое развитие определялось не только внутренними факторами, но и ситуацией в поработивших Польшу государствах. Сущность процесса была везде одна: переход от феодального к капиталистическому способу производства, — но его темпы и характер были различными. Разрушение экономических связей между регионами, политика иноземной администрации, подавлявшей национальные стремления, противодействовали сохранению и развитию нации. Но вместе с тем усилилась и роль тех факторов, которые помогали народу чувствовать себя духовно единым целым: языковое единство, растущее во всех слоях общества национальное самосознание, исповедание большинством населения католической религии, многовековая богатая историческая традиция; единая национальная культура, яркие представители которой — Мицкевич, Шопен и др. внесли огромный вклад в интеллектуальный прогресс Европы. Все это обусловило непреходящее значение идеи восстановления национальной независимости. Большая часть XIX в. стала эпохой национальных восстаний, которые, хотя и не были удачны, поддерживали и обостряли национальные чувства.

Промышленное развитие польских земель в первой половине XIX в. было медленным. Развивались добывающие отрасли (Силезия, Домбровский округ, соляные копи в Галиции), переработка сельскохозяйственной продукции, текстильное производство в Королевстве Польском. Не претерпели изменений аграрные отношения: крестьянам была дана личная свобода, но земли они не получили (на территориях, отошедших к Пруссии, они должны были выкупать ее) и несли прежние повинности.

Наибольшие возможности для самостоятельной деятельности в экономике и культуре открылись поначалу перед поляками в конституционном Королевстве Польском. Но даже существовавшие там ограниченные свободы резко противоречили порядкам, характерным для Российской империи в целом. Административный произвол, нарушения Конституции, наступление на права сейма и подавление оппозиции, поли-

цейский сыск, самодурство великого князя Константина, командовавшего армией и фактически обладавшего верховной властью в Королевстве, — все это возбуждало протест в польском обществе. К тому же шляхта надеялась на присоединение к Королевству земель, отторгнутых в результате разделов, где проживало довольно многочисленное польское (некрестьянское) население. В Королевстве стали возникать тайные общества (в их числе было *Патриотическое общество*, установившее связь с декабристами; оно было разгромлено после 1825 г.). В ноябре 1830 г. под влиянием революций во Франции и Бельгии в Варшаве вспыхнуло восстание.

Однако противоречия внутри польского общества мешали размаху восстания: сановники Королевства надеялись на соглашение с императором, генералы не проявляли решительности, сейм лишь под нажимом снизу принял постановление о детронизации Николая I. Соединить борьбу за национальную свободу с социальными реформами, которые предлагали демократы, не удалось, ибо против них было большинство шляхты; ожидаемой помощи извне не поступило. Война между польской и российской армиями длилась несколько месяцев. В сентябре 1831 г. царские войска штурмом взяли Варшаву; последовали репрессии. В 1832 г. Конституция была заменена *Органическим статутom*, согласно которому Королевство становилось частью империи с российской администрацией.

Восстание в Польше нанесло, однако, чувствительный удар по европейской реакции, привлекло внимание к польскому вопросу и выдвинуло идею участия поляков в общеевропейской борьбе за демократию («За нашу и вашу свободу»). На Западе оказалась многочисленная польская эмиграция, ставшая средоточием свободной мысли и культуры, ареной политической борьбы. В ходе ее сложились консервативная партия во главе с А. Чарторыским, возлагавшим надежды на дипломатию и противоречия между державами, и демократический лагерь (самая влиятельная организация — Польское демократическое общество), пытавшийся вызвать новый революционный подъем в польских землях, занимаясь там агитационной и организаторской деятельностью. Этот лагерь выдвигал идею будущей революции, национальной и социальной. С наиболее радикальной программой выступали публицисты *«Люда польского»*.

Власти сурово пресекали конспиративную деятельность в стране, хотя и поддерживали патриотические настроения в об-

ществе. Шел поиск и иных форм борьбы за сохранение нации: так, сторонники «органического труда» выступали за оживление экономики, внедрение современных методов хозяйствования, развитие просвещения и культуры (наиболее активно они действовали в Великом княжестве Познанском).

На начало 1846 г. демократы планировали организацию восстания во всех частях Польши. Наряду с посланцами эмиграции в его подготовке участвовали и конспираторы нового поколения (среди них выделялся *Э. Дембовский*), выступавшие за участие в этом восстании и крестьянства, которое они собирались наделить землей и гражданскими правами. Об этом говорилось в манифесте созданного в феврале повстанческого правительства в Кракове. Но крестьянство, провоцируемое австрийскими властями, было настроено против шляхты; выступив против повстанцев, оно жгло помещичьи имения и убивало их владельцев. Восстание погибло, не успев разгореться.

Новым стимулом активности патриотов стали революционные события 1848 г. в Европе. В Галиции был организован сбор подписей под петицией к императору; в ответ на нее были освобождены политические заключенные, объявлено об отмене барщины. Однако созданные в Галиции национальные органы власти были ликвидированы, причем с применением артиллерии против Кракова и Львова. После революции в Германии возникли Центральный национальный комитет в Познани и вооруженные польские отряды. Но как только революция в Германии пошла на убыль, было подавлено и польское движение. Польские эмигранты участвовали в революционных событиях во Франции и Италии, польские добровольцы — в венгерской революции.

События 1848 г. не распространились на Королевство Польское. Национальное движение развернулось там (и среди поляков Литвы, Белоруссии и Украины) лишь после поражения царизма в Крымской войне и начала реформ в России. К этому времени в Королевстве существовали различные политические течения. Сторонников сотрудничества с Петербургом с целью достижения автономии возглавлял А. Велепольский. Либеральная шляхта и буржуазия (их называли партией «белых») выступали за реформы и независимость, но мирным путем. В конце 50-х — начале 60-х годов появились сторонники восстания (партия «красных»), призывавшие к восстановлению независимой Польши в границах 1772 г. и коренным социальным преобразованиям. Они были связаны с демократической

эмиграцией, а наиболее радикальные из них (Я. Домбровский, З. Падлевский, З. Сераковский и др.) — и с демократическим движением в России. Революционные настроения выразились в патриотических манифестациях и создании сети тайных организаций.

Восстание началось в январе 1863 г., когда приготовления к нему еще не были закончены, но рекрутский набор, который собирались произвести власти, грозил подорвать силы повстанцев. Восставшие напали на российские гарнизоны. Было создано Национальное правительство, издан манифест с призывом к борьбе за национальное освобождение и провозглашением земельной реформы в пользу крестьян. Несмотря на неравенство сил (у поляков не было регулярной армии и необходимого вооружения), военные действия, вылившиеся в партизанскую борьбу, длились в течение всего 1863 г. и части 1864 г.

Царизм подавил восстание и обрушил на поляков жестокие репрессии: сотни повстанцев были казнены, тысячи отправлены на каторгу и в ссылку. Уничтожались последние остатки административной обособленности Королевства, велось наступление на польский язык и культуру. Но одновременно царское правительство еще до окончательного подавления восстания провозгласило в марте 1864 г. *аграрную реформу*: крестьянам передавалась в собственность обрабатываемая ими земля.

Тяжелым было положение польского населения и под германским управлением. Онемечивание затронуло школу и другие общественные учреждения, у поляков скупали земли с целью передачи их немцам. Более благоприятные условия сложились в Галиции, где имелся сейм, в обучении допускался польский язык, а власти искали опору в польских имущих классах.

Экономическое развитие польских земель было неравномерным. Промышленность интенсивнее всего развивалась в Королевстве Польском, опираясь на необъятные возможности российского рынка. Здесь строились железные дороги, создавались акционерные общества и банки, привлекался иностранный капитал. На территориях под германским и австрийским владычеством промышленность (кроме Силезии) играла меньшую роль. В деревне шло расслоение крестьян, росло число безземельных, становившихся батраками или уходивших в город. В Галиции наблюдалась массовая эмиграция малоземель-

ных крестьян. Наиболее высокой культура земледелия была на землях, находившихся под германским господством, где крупные хозяйства могли использовать машины и новую агротехнику, получив доступ на общегерманский рынок.

В ходе капиталистического развития другим становилось и соотношение социальных сил. Теряла доминирующее положение шляхта, частично деклассированная, менявшая род занятий; усиливалась буржуазия. Делало первые шаги рабочее движение.

Народы Прибалтики. После ликвидации в 60-е годы XVI в. Ливонского орденового государства войны за Прибалтику между Швецией и Речью Посполитой, Швецией и Россией продолжались еще целое столетие. Они опустошали Прибалтийские земли и наносили огромный ущерб населявшим их народам — латгалам, земгалам, куршам, ливам, эстам, литам, прусам и др. В результате войн к 60-м годам XVII в. шведский король *Карл X* захватил часть Лифляндии, Швеция добилась господства в Прибалтике. Во второй половине XVII столетия Великое княжество Литовское было разорено войнами и поборами и оказалось под властью Швеции.

В Лифляндии и Эстляндии для повышения доходов королевской казны Швеции в 1685—1690 гг. была проведена *«редукция»* — проверка прав владельцев на землю, и большая часть владений перешла в собственность государства, а помещики и арендаторы усилили эксплуатацию крестьян. В это время Рига, через которую хлеб вывозился в Голландию, Испанию, Португалию и другие страны, стала крупнейшим торговым центром Шведского Королевства. Тридцатилетняя война, опустошившая Европу, благоприятствовала развитию в Прибалтике, особенно в Курляндском герцогстве, мануфактурного производства и судостроения.

Выросшие города Прибалтики — *Рига, Ревель (Таллин), Тарту* входили в *Ганзейский союз* и имели органы самоуправления, в которых преобладали крупные купцы, в основном немцы; так называемые «Большие гильдии» из крупных купцов и ремесленников избирали городские магистраты. Между городскими верхами и низами существовали не только социальные, но и национальные противоречия, поскольку богатые купцы были немцами. В Ливонии функционировал *ландтаг* — представительное учреждение господствующих сословий, ведущая роль в котором принадлежала дворянству, прежде всего немецкому.

В первой четверти XVIII в. Прибалтика стала ареной *Северной войны* (1700—1721). В результате восточная часть Прибалтики — Эстляндия и Лифляндия с портами Таллином и Ригой — отошла к России, а Латгалия (юго-восточная часть территории Латвии) осталась в составе Речи Посполитой.

Чтобы привлечь на свою сторону прибалтийское дворянство, Россия отменила «редукцию» и вернула прежним владельцам 75% ранее отобранных имений. Были сохранены местные ландтаги. Для смягчения недовольства крестьян в 1765 г. ландтаг по настоянию российских властей предоставил крестьянам право свободно распоряжаться своим движимым имуществом, ограничил размеры оброка и барщины, а также телесные наказания.

Города Лифляндии и Эстляндии благодаря росту торговли между Россией и Западной Европой к концу XVIII в. многократно увеличили свой товарооборот. В Прибалтике расширялось мануфактурное производство стекла, бумаги, сукна, ориентированное на российский рынок.

В той части Речи Посполитой, которая отошла к России в результате трех разделов Польши в 1772, 1793 и 1795 гг., литовское дворянство стремилось сохранить свои права и привилегии. В 1794 г. выступившие против вторжения в Литву российских войск литовские патриоты создали в Вильнюсе *Высший национальный совет Литвы* и подняли восстание. Повстанцам удалось занять Лиепая и часть Курляндии, но осенью того же года они потерпели поражение.

Во время третьего раздела Речи Посполитой Россия получила литовские земли, за исключением районов, расположенных за р. Неман. Литовские земли вошли в состав Виленской, Гродненской, Ковенской, Сувалкской губерний.

Во время войны 1812 г. литовские земли, на территории которых велись военные действия, подверглись разорению, погибли десятки тысяч человек. В 1831—1832 гг. литовские патриоты активно участвовали в польском восстании. Еще в январе 1831 г. они создали в Вильнюсе Главный комитет для подготовки и руководства восстанием на территории Литвы и Западной Белоруссии. Большинство участников восстания высказывались за федерацию Литвы и Польши, но некоторые требовали создания независимой Литвы. Они выступали за гражданские права для всего населения, за освобождение крестьян и предоставление им земли. Весной 1831 г. повстанцам удалось занять почти всю территорию Литвы. Польское

повстанческое правительство направило в Литву часть своей регулярной армии. Однако российские войска нанесли повстанческим отрядам поражение, а затем заставили их отступить и перейти границы Пруссии.

После подавления восстания, в 40-е годы XIX в., была прекращена сдача государственных имений с крестьянами в аренду частным лицам, барщина заменена денежным оброком, а значительная часть фольварочных земель распределена между крестьянами. Было введено ограниченное *самоуправление* крестьян (избрание старшин, сотских и десятских). В деревнях создавались медицинские и ветеринарные пункты, основывались «образцовые» государственные фермы для пропаганды среди крестьян современных приемов обработки земли и животноводства. Закон ограничил крестьянские повинности.

При проведении *реформы 1861 г.* российское правительство учитывало особенности землевладения и землепользования в литовских землях. Было издано специальное «местное положение», действие которого распространялось на Виленскую, Ковенскую, Гродненскую и Минскую губернии. Крестьянам отводились лишь *инвентарные земли*, т. е. их бывшие наделы. Однако в том случае, если у помещика оказывалось меньше 1/3 удобных земель, ему позволялось отрезать 1/6 тех земель, на которых ранее находились крестьянские наделы. Лишь с начала 1862 г. крестьяне имели право получить часть тех земель, на которых они отбывали барщину. Многие помещики в литовских землях сразу переводили временнообязанных крестьян на оброк и переходили к использованию труда батраков. Тем не менее проведение реформы сопровождалось крестьянскими волнениями, около половины которых было подавлено военной силой.

Начиная с весны 1861 г. в литовских землях проходили *манифестации* под лозунгами *национального возрождения*. В этом движении участвовали и «красные» — сторонники революционных действий, и «белые» — умеренные. Созданный в 1862 г. в Вильнюсе «красными» *Литовский провинциальный комитет* установил контакты с Центральным национальным комитетом в Польше. Глава комитета *К. Калиновский* связывал национальное освобождение с избавлением народа от социального гнета. Он выступал поборником революционного союза польского, литовского и белорусского народов в борьбе против царизма и пережитков крепостничества.

В феврале 1863 г., получив известия о начале восстания в Польше, Литовский провинциальный комитет объявил себя революционной властью в Литве и Белоруссии, обнародовал манифест и первые аграрные декреты, в которых провозглашались немедленная отмена крепостной зависимости и наделение крестьян землей в собственность.

Но польское Временное национальное правительство ликвидировало Литовский провинциальный комитет и создало вместо него Отдел по управлению провинциями Литвы, который поставил своей задачей подчинить все литовские территории польскому руководству. В восстании участвовали литовские крестьяне и представители других слоев населения. В Гродненском воеводстве восстание возглавил *Кастусь Калиновский*. Однако в ожесточенной битве у Биржай в мае 1863 г. повстанцы потерпели поражение; с ними жестоко расправились. Вместе с тем власти провели закон, который отменил в литовских землях по истечении двух месяцев барщину, ввел обязательный выкуп земли, уменьшавший оброк, и дал крестьянам право пользоваться пастбищами и другими угодьями на земле помещиков, которыми они пользовались раньше. Власти обязали польских помещиков 10% своих доходов отдавать государству. Помещики могли наследовать, но не могли покупать земли, что способствовало переходу земель к русским владельцам.

Несколько иначе шло развитие эстонских и латышских земель. Тяжелое положение и недовольство крестьян побудило царские власти еще в 1804 г. ввести в Эстляндии закон, по которому крестьяне становились пожизненными и наследственными владельцами своих наделов. Были значительно повышены размеры барщины — до 75% всех крестьянских повинностей, но ограничены права помещиков в применении телесных наказаний.

После войны 1812 г., опустошившей значительную часть Прибалтики, царское правительство вновь было вынуждено заняться аграрными отношениями в Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерниях.

По законам, утвержденным в 1816—1819 гг., крестьяне этих губерний получили личную свободу, однако вся земля стала собственностью помещиков. Крестьянам приходилось арендовать землю на основе «свободного договора» с помещиком. Крестьяне становились членами волостных общин, поставленных, как и крестьянские суды, под контроль помещиков.

В связи с продолжавшимися крестьянскими выступлениями и голодом в Видземе российское правительство в 1849 г. издало Лифляндское крестьянское поземельное уложение, согласно которому землю, используемую крестьянами, помещик имел право сдать в аренду или продать крестьянину, но не мог присоединить к своему имению. Чтобы облегчить крестьянам покупку земли, был основан крестьянский арендный банк.

В Эстляндии законом 1858 г. была уменьшена барщина. Непомеренные требования помещиков вызвали волнения и восстания крестьян в некоторых уездах Эстляндии. Они были подавлены войсками.

С середины XIX в. активизировалось сопротивление латышей и эстонцев как попыткам местной немецкой правящей верхушки онемечить население, так и проводившейся царскими властями русификации.

В 1857 г. известный эстонский просветитель *Я. Янсен* приступил к изданию еженедельной газеты «Перно Постимеэс» («Пярнуский почтальон»), которая стала провозвестником эстонской периодической печати. По его инициативе в Тарту было создано эстонское хоровое общество «Ванемуйне», с помощью которого в 1869 г. состоялся первый певческий праздник в Эстонии, положивший начало национальной традиции, существующей и в наши дни. В этот же период в Латвии возникло *«младолатышское»* национальное движение. В нем участвовали главным образом студенты, служащие, учителя, деятели культуры. Они создавали просветительные общества, библиотеки, читальни, способствовали развитию национальной культуры.

Опорой царизма в прибалтийских губерниях были немецкие помещики и чиновники, господство которых тормозило развитие языка и культуры латышей и эстонцев, лишенных собственной государственности. Этим народностям с трудом удавалось сохранять свой язык и культуру.

Белорусский народ в Великом княжестве Литовском и Российской империи. Белорусский народ, составлявший значительную часть населения Великого княжества Литовского, в Речи Посполитой сохранял свой язык, культуру и религию, но утратил прежнее влияние. С вовлечением в европейскую торговлю в белорусских землях произошел переход от средневековой оброчной к более доходной для феодалов *фольварочно-барщинной системе хозяйст-*

ва. К середине XVII в. в Белоруссии была завершена так называемая **волочная номера**: земля была поделена на участки — «волоки», в соответствии с площадью которых устанавливались размеры оброка и барщины. В результате резко увеличилось количество барщинных дней, большая часть белорусского крестьянства была фактически закрепощена.

С развитием товарно-денежных отношений и ремесел в стране появилось 37 городов. Многие белорусские купцы имели зарубежные коммерческие связи, занимались транзитной торговлей. Ремесленники объединялись в цехи. Многие города, имевшие самоуправление, сопротивлялись своевластию феодалов.

Восстание запорожских казаков в 1648 г. послужило сигналом к началу освободительной борьбы белорусского народа против власти Речи Посполитой. По указанию Б. **Хмельницкого** в Белоруссию были посланы казацкие отряды. В 1648—1649 гг. отряды, в которых вместе с казаками сражались белорусские повстанцы, стали действовать во многих районах страны. Они защищали Пинск, сражались под Брестом, Туровом, Бобруйском, Мозырем, Минском. Белорусы вступали в отряд **И. Галоты**, который сорвал план переброски войск Великого княжества Литовского на Украину.

Новый подъем освободительной борьбы белорусского народа был связан с начавшейся в 1654 г. войной России с Польшей, а затем — в 1656 г. со Швецией. Возглавлявшие вооруженные отряды белорусов группы дворян соперничали друг с другом и пытались добиться упрочения своей власти в союзе то с одной, то с другой воюющей стороной. С согласия части белорусской и польской шляхты русский царь Алексей Михайлович стал титуловаться властителем Белой Руси и самодержцем Литовским, Волынским и Подольским. Но по **Андрусовскому договору** (1667) России с Польшей белорусские земли остались у Речи Посполитой.

Войны 40—60-х годов XVII в., а затем Северная война 1700—1721 гг. сопровождалась неурожаями, голодом, эпидемиями. За эти десятилетия дважды погибала почти половина населения Белоруссии.

Только с 30—40-х годов XVIII в. начинается постепенный рост посевных площадей, главным образом в помещичьих имениях западных и центральных районов. Крупные помещичьи фольварковые хозяйства, принадлежавшие в основном полякам, производили хлеб и другую сельскохозяйственную про-

дукцию преимущественно на продажу. Эти хозяйства применяли сельскохозяйственные механизмы, внедряли новые культуры, в том числе картофель. Барщина увеличилась к концу столетия в 2—3 раза. Помещики привлекали и наемную рабочую силу. Появился небольшой слой богатых крестьян, арендовавших мельницы, кузницы и т. п., а около 1/10 крестьян оказались на грани нищеты. Белорусское купечество расширяло свои торговые связи. Развивалось ремесленное производство, усилилась его цеховая организация, со временем возрастало ее влияние на городское самоуправление.

В результате трех разделов Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией к концу XVIII в. белорусские земли были включены в Российскую империю.

Война 1812 г. нанесла Белоруссии тяжелый урон. Многие города и селения были разрушены и сожжены, сократилась численность населения, почти наполовину уменьшилось поголовье скота, пришло в упадок хозяйство. После 1812 г. часто повторялись неурожай, наступил голод, и только в 40-е годы XIX в. появились признаки оживления хозяйства.

Расширению посевных площадей, особенно в Гродненской и Минской губерниях, способствовал большой спрос на зерно в Западной Европе. Увеличивалось также производство льна, конопли, картофеля и других культур.

Быстро развивались вотчинные и купеческие мануфактуры, в особенности по производству сукна, а также парусины, стекла, полотна и др. Все это усиливало эксплуатацию крестьян и наемных работников. Их недовольство выливалось в волнения. Часть населения была вовлечена в Польское восстание 1830—1831 гг., но цели этого восстания не были привлекательны для белорусов.

Против гнета помещиков-крепостников были направлены выступления крестьян в 1832—1835 гг. в Витебской губернии и на Подолии, руководимые **Устином Кармалюком**. В 40—50-е годы XIX в. также наблюдались крупные волнения крестьян в Гродненской, Гомельской и других губерниях.

Стремление белорусов к свободе выражали революционные демократы. **Ф. А. Савич** в 1836 г. основал в Вильно «Демократическое товарищество». Его участники выступали за освобождение крестьян и наделение их землей. Позже в Белоруссии развернула свою деятельность тайная организация **«Союз свободных братьев»**.

Но острейшая проблема — отмена крепостного права — была решена не революцией, а реформой 1861 г. Российское правительство учитывало специфику землевладения, уровень социально-экономического развития, особенности межнациональных отношений в различных губерниях Белоруссии. В результате проведения реформы 1861 г. в Белоруссии около 55,5% всех земель осталось у помещиков, 11,3% — в собственности церкви и государства и лишь около 33,2% оказалось у крестьян. Несмотря на свою половинчатость и непоследовательность, земельная реформа 1861 г. освободила белорусских крестьян от крепостной зависимости и создала благоприятные условия для развития сельского хозяйства и промышленности.

В Белоруссии позже, чем в других частях Российской империи, были проведены городская и судебная реформы. А земская реформа вообще не распространялась на все губернии Белоруссии. В западных губерниях земство было введено лишь в 1911 г.

Но реформы не удовлетворили тех, кто стремился к национальной независимости и политическим свободам. В Белоруссии, как и в Польше, возникли группы *«белых»* — противников вооруженной революционной борьбы, выражавших интересы крупных помещиков и буржуазии, и *«красных»* — сторонников вооруженного восстания, которые объединяли различные социальные слои — от городских низов, учащейся молодежи и интеллигенции до мелкого и среднего дворянства и буржуазии. В марте 1861 г. в Литве и Западной Белоруссии начались политические манифестации городского населения под лозунгами польско-литовского и белорусского национального возрождения. Вскоре они распространились на все белорусские земли. В 1862 г. в Вильно возник центр по подготовке восстания — *Комитет движения*, позже получивший название *Литовский провинциальный комитет*. В нем белорусский революционный демократ Кастусь Калиновский доказывал, что восстание должно представлять собой аграрную революцию, а основной движущей силой ее будет крестьянство, однако далеко не все члены комитета были с ним согласны.

С конца января 1863 г. в Белоруссии появились польские партизанские отряды. В них вступали мелкие чиновники, ремесленники, малоземельная шляхта. Но цели восстания не привлекли основную массу белорусов, распространить восстание на восточные районы Белоруссии не удалось. Правительственные войска теснили восставших и нанесли им поражение.

Калиновский был арестован и казнен, восстание жестоко подавлено.

Царские власти опубликовали ряд указов, направленных на улучшение положения белорусских крестьян: был введен обязательный выкуп крестьянских наделов, возвращены отрезанные у них земли, расширена площадь крестьянского землепользования и на 20% снижены выкупные платежи.

Освободительное движение украинского народа и его развитие в Российской империи в XVII — середине XIX в. Основная часть населения украинских земель в Речи Посполитой — крестьяне и торгово-ремесленные слои, несмотря на усилия польских властей и католических миссионеров, оставались верными своему языку, культуре и православию. Недовольство разных слоев украинского народа властями в середине XVII в. вылилось в широкое освободительное движение. Его базой стала *Запорожская Сечь* — своеобразная республика, созданная в XVI в. за днепровскими порогами украинцами-казаками. Туда стекались недовольные засильем поляков и ростовщиков.

Мощное народное движение возглавил избранный казаками гетман *Богдан (Зиновий) Хмельницкий*. Под его руководством восставшие в мае 1648 г. одержали победу в двух сражениях — у Желтых Вод и под Корсунью. Восстание охватило не только значительную территорию Украины, но и распространилось на часть белорусских земель. Посланное польским королем на подавление восставших войско было наголову разбито казаками. Затем казаки нанесли поражение полякам в трехдневном сражении под Пилявцами, овладели Львовским замком и окружили Замостье.

А в августе 1649 г. они разгромили большое польское войско в ожесточенном сражении под Зборовом. Но союзник Хмельницкого — крымский хан — заключил с поляками сепаратный мир. Это вынудило и Хмельницкого 8 августа 1649 г. подписать с Польшей *Зборовский договор*. Король признал Хмельницкого гетманом Украины. В Киевском, Черниговском и Брацлавском воеводствах все должности могли занимать лишь украинцы, а количество казаков увеличивалось до 40 тысяч.

В действительности договор оказался перемирием, во время которого обе стороны готовились к новой схватке. Гетман и его ближайшее окружение возлагали большие надежды на по-

мощь Российского государства. На Земском соборе в Москве была одобрена идея воссоединения Украины с Россией, но к войне с Польшей Россия не была готова.

Тем временем король собрал новые силы, обрушившиеся на украинское войско близ с. Берестечко. В ожесточенном сражении в конце июня — начале июля 1651 г. украинцы потерпели поражение. Польские войска захватили часть Украины. В сентябре 1651 г. Б. Хмельницкому пришлось подписать в *Белой Церкви* мирный договор, по которому автономная территория Украины ограничивалась Киевским воеводством, число казаков сокращалось, польские феодалы возвращались в свои владения. Но уже в следующем году пополнившаяся повстанцами армия Хмельницкого нанесла сокрушительное поражение королевскому войску на Южном Буге под Батогом.

Вскоре Россия решила открыто помочь Украине. На Украину было послано Великое русское посольство. В январе 1654 г. в Переяславле Великая Рада представителей украинского народа приняла решение объединиться с Россией и одобрила условия воссоединения.

В марте 1654 г. в Грановитой палате Кремля царь, бояре и украинские послы утвердили условия воссоединения Украины и России. Были признаны суверенитет избираемого украинским войском гетмана, его право принимать иностранных послов (кроме Польши и Швеции), власть выборной администрации, права 60 тыс. казаков. Эти решения способствовали и дальнейшей борьбе украинского народа против польских поработителей.

Речь Посполитая не признала воссоединение Украины с Россией, и в 1654 г. развернула военные действия на территории Украины и Белоруссии. Но российские войска вместе с казаками разбили под Уманью польское войско, затем взяли Смоленск и освободили почти всю Белоруссию, выйдя к Бресту. Другая польская армия была разгромлена под Львовом. Вслед за тем русские казаки и полки Хмельницкого разбили войско крымского хана, выступившее на помощь Польше.

Но в войну против России вступила Швеция, и развитие событий на Украине осложнилось соперничеством в ее правящей верхушке между приверженцами сплочения с Россией и сторонниками союза с Польшей, опасавшихся усиления власти русского царя. Их противоборство обострилось после смерти Б. Хмельницкого. В 1657 г. от сына Хмельницкого Юрия Россия добила подчинения гетмана царю, а большей части Ук-

раины своим воеводам. Но Правобережная Украина обзавелась своим гетманом и оказалась под властью Речи Посполитой.

По Андрусовскому перемирию 1667 г. Речь Посполитая признала воссоединение Левобережной Украины с Россией. Двадцать лет спустя России удалось закрепить за собой Киев. Первоначально Левобережная Украина управлялась урядами: генеральным, полковыми и сотенными, которые превращались в территориальные единицы с общими собраниями и радами.

На Левобережье «можнейшие, — писал современник, — прописались казаками, а подлейшие остались мужиками». С получением верхушкой казачества за службу в войске «войсковых земель» началось закрепощение ранее свободных земледельцев-крестьян.

Постепенное усиление контроля правительства России над украинскими властями вызвало сопротивление части украинцев и попытки освободиться от «москалей». Во время Северной войны гетман *И. Мазепа* попытался избавиться от власти России, заключив союз со шведским королем Карлом XII, но потерпел неудачу. Петр I ужесточил контроль над гетманом, а Екатерина II с 1780 г. начала упразднение гетманства и всего казачьего самоуправления на включенной в Российскую империю украинской земле.

Левобережная Украина была разделена на *наместничества*, в которых все власти были построены по общероссийскому образцу. Казаки-землевладельцы сумели получить привилегии и землю от новой администрации. Екатерина II полностью закрепила крестьян за владельцами земель.

Население Правобережной Украины беспощадно эксплуатировалось польскими помещиками и властями. Украинцев дискриминировали как инородцев, а православных притесняли как иноверцев. Протесты угнетенных с 30—40-х годов XVIII в. выливались в повстанческие движения, участников которого называли *гайдамаками*. В 1768 г. вспыхнуло мощное восстание украинского крестьянства во главе с *М. Железняком* и *И. Гонтой*. Массовое движение получило в народе название «*колиивщины*», так как большинство его участников были вооружены деревянными кольями.

В результате раздела Речи Посполитой Россией, Австрией и Пруссией Правобережная Украина отошла к России. Преодоление раскола этих украинских земель способствовало их экономическому единению, консолидации украинской нации

и развитию ее культуры. Российские власти на Правобережье сохранили и укрепляли крепостничество, земельные владения и привилегии польской шляхты, но ликвидировали униатство и ограничения в деятельности православной церкви и ее прихожан.

В первой половине XIX в. Украина стала крупнейшим производителем сельскохозяйственной продукции в Российской империи. Несмотря на кратковременный кризис сбыта продукции украинского земледелия в 20-е годы, с конца 30-х годов XIX в. снова сложились благоприятные условия для широкого вывоза с Украины (через порты Черного и Азовского морей) зерна, сахара, льняного семени, шерсти и другой продукции в страны Южной и Западной Европы.

Крупнейшие украинские ярмарки — Харьковская, Полтавская, Роменская, Контрактовая в Киеве — представляли собой важные рынки сырья для всей России. Появились мануфактуры, а затем и фабрики по переработке сельскохозяйственного сырья: суконные, полотняные, свечные, кожевенные, мыловаренные и др. В результате открытия залежей железной руды в Бахмутском уезде и под Мариуполем началось развитие железнорудной и металлообрабатывающей промышленности.

Освоение обширных пространств Степной Украины сопровождалось раздачей царским правительством помещикам и казакам многих тысяч десятин земли. К концу 20-х годов XIX в. население Степной Украины составляло уже около 3 млн, причем в нем преобладали украинцы.

Помещики усиливали эксплуатацию крепостных, чье положение оставалось тяжелым. «Дома у них пусты, без крыши, без окон и даже без дверей. Ни для себя, ни для помещика хлеба не имеют; на дворах нет ни скота, ни птицы. Малолетние дети изнурены нуждой», — признавала правительственная комиссия в Херсонской губернии. Это нередко приводило к массовым, стихийным выступлениям украинского крестьянства и казачьих низов: в 1819 г. — в Чугуеве, в 1833 г. — в ряде уездов Киевской губернии, в 1834 г. — на Харьковщине. Крупное крестьянское восстание развернулось в 1832—1835 гг. в Подольи. Особо острыми были конфликты на Правобережной Украине, где большинство помещиков составляли поляки.

Реформа 1861 г. на Украине была осуществлена в целом в соответствии с общими принципами «Положений» 19 февраля 1861 г. Однако при ее проведении царская администрация

учитывала и местные условия: специфику землевладения, национальные взаимоотношения, территориальную близость ряда украинских областей к Царству Польскому и Прибалтийским губерниям и т. п.

В Волынской и Подольской губерниях, граничивших с Царством Польским, крестьянские наделы были несколько увеличены властями с целью предотвратить возможные волнения крестьян.

Освобождение крестьян способствовало развитию рыночных отношений и росту сельского и промышленного производства, а также изменению социальной структуры населения. Эти перемены благотворно влияли и на формирование национального самосознания украинцев.

Российские власти игнорировали существование украинской нации, считали население малороссами, а украинский язык — искажением русского. Проводимая ими русификация ущемляла интересы народа и вызывала сопротивление. В 1846 г. среди профессоров и студентов Киевского университета возникло тайное *Кирилло-Мефодьевское общество*. Его организаторами были профессор *Н. И. Костомаров*, чиновник *Н. И. Тулак*. Принял в нем участие и великий украинский поэт *Т. Г. Шевченко*. Целью общества являлось создание федерации славянских народов на основе идей христианского социализма. Члены общества были арестованы и сурово наказаны. Но это не прервало развития украинской культуры и роста национального самосознания. В конце 50-х — 60-е годы появились национально-просветительные общества — *«громады»*. Они открывали воскресные школы для крестьян, издавали и распространяли популярную литературу на украинском языке, выступали за независимость Украины.

Судьбы народов Юго-Восточной Европы.

В XVII в. почти вся Юго-Восточная Европа находилась под османским владычеством. Относительную самостоятельность сохранили лишь Республика Дубровник (Рагуза) и Черногория. Во все более тяжелой вассальной зависимости от султана оказывались в XVII—XVIII вв. Дунайские княжества. Под властью Венеции находились Далмация и Ионические острова. Уже в XVI в., вторгшись в Центральную Европу, османы захватили большую часть Венгерского королевства (с Будой и Пештом) и королевства Хорватии — автономной территории Венгрии. Однако попытка овладеть районом Загреба была от-

бита хорватами. Угроза нашествия с юго-востока побудила христианские государства сплотиться: «остатки остатков» (ге[^]иа геИадиагит) Венгрии и Хорватии вошли в состав австрийской державы Габсбургов. После разгрома османских войск, осадивших Вену, силами Австрии и Польши (1683) турки были вытеснены из Венгрии и Хорватии.

В 1690 г., после очередной австро-турецкой войны, десятки тысяч сербов во главе с православным патриархом Арсением, с семьями и скарбом, перешли реки Саву и Дунай и значительно пополнили население опустошенных войнами южных областей Венгрии (Бачка, Банат, Срем). В XVI—XVIII вв. на южной границе Венгрии и Хорватии австрийцы создали *Военную границу* — полосу поселений военнообязанных крестьян (граничар), готовых к отражению турецких набегов.

В конце XVIII в. стабилизировалась (до 1878 г.) австро-турецкая граница по Саве и Дунаю. После наполеоновских войн к Австрийской империи отошли Далмация с Дубровником, в основном населенные католиками-хорватами (до 4/5) и православными сербами (небольшую часть составляли итальянцы). Таким образом, имелись *два региона южнославянских земель* — австрийский и османский. Они различались в социально-экономическом и политическом отношениях и по условиям развития национальной культуры.

На судьбах Балканского региона с особой силой сказывалось завязавшееся еще в средние века противостояние Османской империи и христианских держав. В первой половине XVIII в. Высокая Порта сражалась с переменным успехом против христианских государств, ей удалось нанести поражение Петру I (1709). Знаменитый австрийский полководец Евгений Савойский успешно закончил кампании 1716—1719 гг. Но в 1735—1739 гг. турки взяли реванш и вернули утраченные было земли (хотя воевали одновременно и с Россией).

Лишь с появлением на Балканском театре России как основного антагониста Османской империи успех стал решительно склоняться на сторону противников Стамбула, которых поддерживали балканские народы. Победы сопутствовали русскому оружию в войнах 1768—1774, 1787—1791, 1806—1812, 1828—1829, 1877—1878 гг.; лишь единожды, в Крымской войне (1853—1856), Россия потерпела поражение. Ослабление султанской державы сопровождалось подрывом ее власти в Юго-Восточной Европе и освобождением населявших ее народов.

Южные славяне в монархии Габсбургов.

Развитие буржуазных отношений с XVIII в. и связанное с ним повышение культурного уровня населения протекало более интенсивно в западной части государства. Сюда, в частности, входили приальпийские земли, населенные словенцами — Крайна, части Штирии, Каринтии и Приморья (с 30-х годов XIX в. словенские национальные деятели называли эту территорию *Словенией*). Здесь возникло мануфактурное производство (обработка железа, дерева и др.), истари было развито горное дело. Помещики и крупная торгово-промышленная буржуазия были представлены немцами и итальянцами, но крестьянство, значительная часть мелких и средних сельских хозяев, а также ремесленников и торговцев являлись словенцами. Множество parcelных крестьян уже в XVIII в. было занято наемным трудом на различных промыслах.

На другом — восточном — краю южнославянских земель Габсбургов (по рекам Тисе и Дунаю) в XVII в. сформировалась важная в экономическом, политическом и культурном отношении область сербского народа — *Воеводина*. Это неофициальное тогда наименование юго-востока Венгерского королевства было связано с программой создания особой сербской политической единицы во главе с «воеводой» (программа была выдвинута на сербском соборе в Тимишоаре, в Банате, в 1790 г.). Воеводину — Бачку, части Баната и Срема — населяли сербы, венгры, румыны, немцы-колонисты и др., причем сербы составляли меньшинство. Помещики-феодалы в основном были венграми. Но сербским крупным землевладельцем являлась православная митрополия в Сремских Карловцах. До половины сербского населения Австрийской империи были *граничарами*.

В 1690 г. сербы получили церковно-школьную автономию, которая исторически являлась первым опытом культурно-национальной автономии вообще. Сербь могли создавать свои школы и другие культурные заведения, избирать церковных иерархов. Но в условиях абсолютизма автономные учреждения, располагавшие значительными средствами, находились под строгим контролем имперских властей. В XVIII—XIX вв. Воеводина, где интенсивно осуществлялась мелиорация, стала житницей австрийского государства, областью товарного земледелия. Постепенно внедрялись буржуазная аренда и хуторское хозяйство. Промышленность в основном ограничивалась обработкой продуктов земледелия (мельницы и др.).

Центральное положение среди южнославянских земель Габсбургов занимала *Хорватия*. Здесь сохранилось национальное дворянство и, как и во всем Венгерском королевстве, действовала феодальная конституция: дворянское самоуправление — *хорватский сабор* (представительное собрание), *жупанийские* (областные, комитатские) *скупщины*, избиравшие чиновников. Администрацию возглавлял *бан* — представитель императора (венгеро-хорватского короля). Страна была аграрной (зерновые, виноград). В XVIII в. большое экономическое значение приобрел торговый путь из Воеводины через Хорватию к Адриатическому морю или в Словению (Австрию) и далее в Европу. По Дунаю, Саве и гужевым транспортом перевозили зерно, лес, кожу и другие товары не только из указанных земель, но и из Сербии и Боснии. Здесь же возникли небольшие речные верфи.

В соседней *Далмации* важными отраслями хозяйства наряду с виноградарством стали парусное судостроение и морское судоходство. Особенностью Хорватии и в еще большей мере соседней с ней части Военной границы было наличие значительного сербского населения, жившего совместно и чересполосно с хорватами. В XIX — XX вв. это привело к весьма непростым проблемам в хорватско-сербских отношениях.

Национальное возрождение южных славян. В условиях кризиса феодализма и развития буржуазных отношений и рыночных связей наметилось оживление культуры и национального самосознания южных славян, формировалась идеология национального движения, выдвигались политические программы. При этом возрастало внимание к другим славянским народам, пропагандировались идеи сотрудничества между ними («взаимности»). Интерес к русской культуре стал постоянной чертой национальной жизни. В XIX — начале XX в. все больше появлялось переводов Гоголя, Пушкина, Тургенева, Толстого, исполнялись произведения Глинки и Чайковского. Идеи «взаимности», равноправного содружества не следует смешивать с политическим *панславизмом*, никогда не получавшим заметного распространения в славянских странах (вопреки измышлениям противников национального освобождения славян).

У *словенцев*, целое тысячелетие находившихся под властью немцев, в конце XVIII — начале XIX в. постепенно окрепло осознание своей национальной общности. Нарождав-

шаяся интеллигенция — духовная (католическая) и светская — пропагандировала идеи этой общности. Для обоснования национальной идеи много сделали историк *Антон Линхарт* (1756—1795) и филолог *Ерней Копитар* (1780—1844), кодифицировавший словенский литературный язык. В 1809—1813 гг. Наполеон I объединил большую часть оккупированных французами словенских земель в *Иллирийские провинции*, что способствовало развитию национального самосознания. В 1844 г. *Янез Блейвейс* приступил к изданию словенской газеты «Новице». Хотя в словенском национально-культурном движении доминировало умеренное консервативное направление, в 30—40-е годы XIX в. проявлялись и либеральные взгляды. Свободолюбием было пронизано творчество выдающегося поэта-лирика *Франце Прешерна* (1800—1849).

В *Хорватии* никогда не прерывалась дворянская политическая традиция. С конца XVIII в. консервативное феодальное дворянство, хотя и непоследовательно, сопротивлялось политике мадьяризации, прежде всего — введению венгерского языка (вместо латыни) в органах управления. Образованные круги — выходцы из небогатого дворянства, горожан, духовенства — с середины XVIII в. эпизодически выступали с национально-просветительными идеями, но только в 30-е годы XIX в. они получили общественную поддержку. Возникло общественное движение, названное *иллиризмом*, поскольку его идеологи заявляли, что все южные славяне являются единым народом, потомками древних иллирийцев. Признавая наличие в «народе» разных «ветвей» (хорватов, сербов, словенцев, болгар), деятели иллиризма — прежде всего для того, чтобы противостоять денационализации, — призывали южных славян к сплочению в сфере культуры, но мечтали и о политическом союзе. Начало движению положил сын аптекаря *Людевит Гай* (1809—1872), приступивший в 1835 г. к изданию газеты «Новине хорватске».

Объективно деятели иллиризма решали задачу сплочения хорватской нации из населения, разбросанного по разным землям Австрии и Турции и говорившего на родственных диалектах. Так, уже в 1832 г. граф *Янко Драшковиц* выдвинул программу создания (в пределах империи) сильного Хорватского королевства. В качестве литературного языка хорватов иллиризм принял диалект, на котором говорила большая часть хорватов и все сербы (штокавщина). Иллиризм выдвинул плеяду ярких деятелей хорватской культуры — поэтов (Иван Мажура-

нич, Станко Враз — выходец из Словении и др.), публицистов (Л. Гай, Людевит Вукотинович, Богослав Шулек, по происхождению словаки, и многие другие); некоторые из них занимались наукой (историк Иван Кукулевич). Были созданы национальные клубы-«читальни», общество для издания книг — *Хорватская матица* (1842), первая в Хорватии кредитно-сберегательная касса и др. В 1843 г. Кукулевич впервые выступил в соборе на родном языке с призывом признать его официальным. Это было осуществлено только в 1847 г.

Но часть дворянства и чиновничества ориентировалась на Венгрию (*«мадьяронство»*), и в 40-е годы Хорватия стала ареной острой политической борьбы между иллирийской и провенгерской группировками, доходившей до стычек на улицах Загреба.

Сербы Воеводины как часть сербского народа, православного по вероисповеданию, в культурном отношении в XVIII в. были связаны с Россией. Учителя М. Суворов (русский), приехавший в Воеводину в 1726 г., а за ним Э. Козачинский (украинец) создали сербскую школу, привезли учебники. В конце XVIII—XIX в. Воеводина стала важным очагом сербского общественного движения. Богатое купечество основало *Сербскую матицу* (1826) — первую такого рода издательскую организацию у славян Австрийской империи. Воеводинцы дали молодому Сербскому княжеству первых юристов и учителей.

Выходцем из Воеводины был сербский просветитель *Доситей Обрадович* (1739—1811). Он доказывал необходимость перевода сербской письменности (в которой преобладала непонятная народу смесь сербских, русских и церковнославянских элементов) на народный язык и приближал к нему язык своих сочинений. Обрадович стал первым «попечителем» (министром) просвещения Сербии.

В Австрии (Вене) почти всю жизнь работал выдающийся реформатор сербского языка *Вук Караджич* (1787—1864), собиратель и издатель народных песен, переводчик Библии, создатель словаря и грамматики. Труды Караджича были известны Гёте и Пушкину, сербский ученый был удостоен медали Российской академии и получал русскую пенсию. В трудной, продолжавшейся более трети века борьбе с сербскими консервативными кругами Караджич и его последователи добились общественного признания принципа «пиши, как говоришь». Это сделало грамотность доступной крестьянам, т. е. имело большое социальное значение.

Южные славяне Австрийской империи в революции 1848—1849 гг. Весьма радикальные перемены в 1848 г. произошли в *Воеводине*. На Майской скупщине представители сербов империи учредили автономную область Воеводину, союзную Хорватии. Ни император, ни венгерские власти не признали этого решения, но сербы явочным порядком создали национальное правительство — *Главный комитет* во главе с либерально настроенным отставным офицером *Джордже Стратимировичем* и местные органы власти. *Иосиф Раячич* был избран сербским патриархом. Стали выходить либеральные газеты. Но в июне 1848 г. венгерское правительство попыталось силой подавить сербское движение, и на юге королевства вспыхнула гражданская война, выгодная придворной реакции и продолжавшаяся до подавления революции.

Во время революции впервые возникли политические общества в Словении. *Матия Маяр* и другие либералы выдвинули программу *Объединенной Словении* — создания национально-политической единицы в составе Австрии и ее союза с Хорватией. В сентябре 1848 г. в Словении, как и во всей Австрии, были отменены (за выкуп) феодальные отношения.

В Хорватии, в Загребе, собрание общественности 25 марта 1848 г., подталкиваемое крестьянскими волнениями, провозгласило либеральную программу — освобождение крестьян, создание национального ответственного правительства, воссоединение хорватских земель (Далмации, Военной границы и др.). Баном был избран полковник *Йосип Елачич*, незадолго до этого назначенный на эту должность австрийским двором. В июне 1848 г. сабор принял закон об освобождении крестьян за выкуп.

Хорваты добивались равноправия с Венгрией и, как сербы и словенцы, — превращения Австрийской империи в конституционную федеративную монархию и в ее рамках — политического союза южных славян. Всему этому решительно воспротивилась Венгрия. По мере развития венгерского движения за независимость габсбургский двор стремился использовать венгеро-славянские противоречия. Реакции удалось втянуть хорватов в войну с Венгрией. 11 сентября армия Елачича вторглась в Венгрию, но успеха не имела.

После подавления революции во всех южнославянских землях был установлен неоабсолютистский режим, национальные движения подавлены. Австрославистская програм-

ма достижения национального равноправия в рамках Габсбургской монархии в годы революции потерпела неудачу.

Южнославянские земли **Австро-Венгрии во второй половине XIX в. Общественный подъем 60-х годов.** Становление буржуазной экономики на юге Габсбургской монархии проходило в трудных условиях, так как на имперском рынке господствовала промышленность австро-немецких и чешских земель. В Словении, Хорватии и Воеводине заметное экономическое оживление началось только в конце XIX — начале XX в. Но и тогда промышленная буржуазия уступала банковскому капиталу, занятому по преимуществу торговлей землей, кредитованием помещиков и торговцев, распродажей с аукциона участков безнадежно задолжавших крестьян. Выкупные платежи, отработки, кабальная аренда, ростовщичество тяжким грузом давили на крестьянство. Тем не менее именно в земледелии и животноводстве с 80-х годов XIX в., но особенно в начале XX в. интенсивно развивались рыночные отношения. Помещики все шире применяли машины; укреплявшиеся зажиточные слои крестьянства нанимали батраков, энергично выходили на международный рынок.

Политическая жизнь в южнославянских землях пробудилась после поражения Австрии в войне с Францией и Пьемонтом (1859). После революции 1848 г. венские власти признали отделение Хорватии и Воеводины от Венгрии. Хорватам и сербам тем самым была подана надежда на расширение национальных прав, но в 60-е годы выяснилось, что Габсбурги заинтересованы прежде всего в компромиссе с сильным венгерским дворянством, и на политическую арену выступили южнославянские оппозиционные группировки. В Хорватии это были **«народняки»-либералы** (епископ Йосип Юрай Штротсмайер, историк Франьо Рачкай и др.), вернувшиеся к идее федерализации империи, и **«праваши»** (юристы Антун Старчевич, Эвген Кватерник и др.), ссылавшиеся на «историческое право» Хорватии и отстаивавшие программу национального суверенитета (хотя бы в форме личной унии с Австрией и Венгрией). Вместе с тем «праваши» выдвинули идею создания «Великой Хорватии», которая объединила бы не только хорватов, но и территории словенцев и сербов (они были объявлены хорватами). Как и «великосербские» планы, эта идея вела к обострению сербско-хорватских отношений.

Хорватский сабор 1861 г. отверг централистскую политику Франца Иосифа, а среди сербов негодование вызвала ликвидация Воеводины (1860) и возвращение ее в состав Венгерского королевства. Воеводинских «народняков» возглавил адвокат и радикальный публицист **Светозар Милетич**. Он ориентировался на союз с венгерской оппозицией Габсбургам и пропагандировал программу народного восстания на Балканах против османов и создания сильной конституционной Сербии.

В 1866 г., непосредственно перед австро-венгерским соглашением и превращением империи в Австро-Венгерскую монархию, хорватские народняки выразили готовность поддерживать антиосманскую политику Сербии и Черногории и в конечном счете создать федеративную Югославию. Однако в 1868 г. Австро-Венгрия навязала хорватам **Венгеро-хорватское соглашение**, по которому Хорватия сохранила административно-судебную и культурную автономию в рамках Венгрии. В руках венгерского правительства оказались экономика и финансы Хорватии, венгерский премьер-министр предлагал королю кандидатуру хорватского бана. Опорой венгерского господства в Хорватии стало большинство местного дворянства, в особенности крупные землевладельцы, которые ради сохранения своих социально-политических позиций и привилегий сохраняли лояльность венгерским властям. Эта провенгерская ориентация хорватского дворянства обнаружилась вскоре после революции 1848 г. и сохранилась до начала XX в., когда часть обуржуазившегося дворянства (банкиры, промышленники и др.) тесно сблизилась с национальной буржуазией и пыталась отстаивать национальные интересы как против Вены, так и против Будапешта.

В области культуры хорваты дважды добились успехов: в 1866 г. в Загребе была основана **Югославская академия наук и искусств**, а в 1874 г. — **университет**. Это были первые учреждения такого ранга у южных славян.

Вскоре после утверждения в Австро-Венгрии основ конституционного строя была демилитаризована Военная граница. Ее восточная часть была присоединена к Венгрии (1871), а западная — к Хорватии (1881), в связи с чем население Хорватии достигло 2 млн человек, а доля сербов в нем составила одну четверть.

В Словении в 60-е годы XIX в. значительно расширилась социальная база национального движения, упрочилось сознание национальной общности словенцев. Вновь был провозгла-

шен лозунг «Объединенная Словения». Но главным успехом словенцев стала победа на выборах в земельное собрание (ландтаг) Крайны в 1868 г., после чего местное управление впервые перешло в руки словенцев, а центр провинции город Любляна закрепил свое ведущее место в общенациональном масштабе. Здесь возникли *Словенская матица* (1863), ряд национальных клубов и др. Общественный подъем 60-х годов был шагом вперед в национальном развитии южных славян монархии Габсбургов, но до решения их основных исторических задач было далеко.

Периодически оживлявшаяся в либеральных кругах (особенно в Хорватии) идея южнославянского объединения была окрашена в романтические тона: в условиях безрадостной действительности политическое объединение южных славян (вне монархии Габсбургов или в ее пределах) казалось части общества способом решения национальных проблем, однако жизнь показывала наличие противоречий между формирующимися соседними нациями. И обычно под лозунгом южнославянского единения преследовались собственные национальные интересы.

Балканские славяне под властью Османской империи в XVII—XVIII вв. Хотя часть завоеванных земель османы заселили турками и другими мусульманами (особенно на юге Болгарии), в целом на Балканах турок было немного. Однако в Боснии (с Герцеговиной) большая часть славян — феодалов, горожан и крестьян, сохранив свой язык, перешла в ислам (феодалы-христиане были изгнаны). В XIX в. славяне-мусульмане составляли более трети населения Боснии. Большинство феодально зависимых крестьян были христианами (сербы и хорваты).

Когда в XVII в. османские завоеватели ушли из Центральной Европы и запас земель у султана и его ленников-спахиев стал сокращаться, положение крестьян на Балканах ухудшилось. В XVIII в. основным бедствием населения стали не только повинности спахиям и государственные налоги, но и злоупотребления, грабеж и насилия, чинившиеся откупщиками и сборщиками налогов, судьями, солдатами. Массовая нищета стала постоянной. Коррумпированные власти не справлялись с бандами разбойников, обиравших и убивавших крестьян и торговцев. Во главе православной церкви в Болгарии и Боснии находились стамбульские греки (*фанариоты*), которые покупали церковные должности и пытались эллинизировать славян.

Вместе с тем в XVIII в. развивались товарно-денежные отношения, внутренняя и внешняя торговля. Часть земель феодалы захватывали в собственность, вводили барщину и — в небольшой мере — наемный труд. С конца XVIII в. в городах (Белград, Сараево, Тырново, Скопле, Пловдив и др.) купцы создавали рассеянные мануфактуры, но бесправие препятствовало развитию местной промышленности. Поэтому много богатых людей переселялось в Австрию. Кроме того, Османская империя, попавшая в финансовую зависимость от западных стран, была вынуждена держать свой рынок открытым для их изделий (система капитуляций). В XIX в. промышленный переворот на Западе привел к разорению многих балканских ремесленников.

Эти факторы, а также международные события обусловили подъем освободительного движения на Балканах. В сущности, переход к капитализму здесь был возможен только в условиях восстановления государственности поработенных народов и защиты новыми государствами национальной экономики.

Национально-освободительное движение южных славян Османской империи. В освободительной борьбе южных славян выделяются два периода: 1) XVII — большая часть XVIII в., 2) с последних десятилетий XVIII в. до 1878 г. *Первый период* характеризуется в основном стихийными восстаниями, гайдучеством. Активизация движений приходилась на время войн Австрии, Польши, Венеции (XVII в.) и России (с конца XVII в.) против Османской империи. Во *второй период*, особенно после Французской революции, движения приобретают все более четкую идеологическую направленность. Были сформулированы программы воссоздания национальных государств, а народные движения во главе с деятелями местного самоуправления, торговцами, ремесленниками, формирующейся интеллигенцией стали воздействовать на международную обстановку и политику держав.

Черногория. Здесь османской власти не удалось прочно утвердиться, а с конца XVIII в. черногорцы (в 40-е годы XIX в. — 100 тыс. человек) фактически стали самостоятельными. Живя в горах, они вели борьбу за соседние долины, где было возможно земледелие. Власть в стране все более сосредоточивалась у православного митрополита в Цётине (политическом и культурном центре, где находился монастырь) и у выделявшейся

знати — воевод (глав племен-общин). Выдающимся государственным деятелем стал поэт и митрополит **Петр II Негош** (годы правления: 1830—1851). Он создал постоянное войско, суд, назначал своих чиновников управлять племенами. Теократия была заменена светской властью в середине XIX в., когда князем стал **Данило Негош**. В 1858 и 1862 гг. Черногория отстояла независимость в тяжелых войнах с Турцией. Уже с XVII в. Россия оказывала Черногории поддержку хлебом и деньгами, а в XIX в. — и дипломатическую помощь.

Сербия. Населенный в основном сербами Белградский пашалык в XVIII в. все более активно торговал скотом с соседней Австрией. С 1791 г. зажиточные торговцы держали в своих руках сельское самоуправление. Эти люди (кнезы) и возглавили народно-освободительную борьбу. Поводом для **Первого сербского восстания 1804 г.** послужила резня («сеча») кнезов, учиненная янычарами в Белграде. Восставшие под руководством **Караджёрдже (Карагеоргия) Петровича**, провозглашенного «народным вождем», одержали ряд побед и изгнали турецких землевладельцев. В 1806 г. Турция признала автономию Сербии (так называемый Ичков мир).

Во время русско-турецкой войны (1806—1812) сербы вели совместно с русской армией военные действия с целью добиться полной независимости. Одновременно были созданы органы сербского государства: **Правительствующий совет** и **Народная скупщина**. Фактически власть оказалась у богатых воевод, старейшин. В 1813 г. османская армия оккупировала Сербию. Но уже в 1815 г. в результате **Второго сербского восстания**, возглавленного воеводой **Милошем Обрёмовичем**, Порте пришлось признать права сербов пашалыка самим вершить суд и собирать налоги для турецкой казны и бывших снахивов. После новой русско-турецкой войны Россия в Адрианопольском договоре 1829 г. оговорила права сербов, и в 1830 г. Турция признала Милоша наследственным князем Сербского княжества, вассального султану; однако в нескольких крепостях в Сербии сохранились турецкие гарнизоны.

В Сербии было покончено с османским феодализмом, но новые господа — «великаши» (старейшины) — крупные чиновники захватили часть земель и ввели барщину (кулук), которая вызывала возмущение крестьян и была отменена в 1837 г. Сербия стала в основном мелкокрестьянской страной.

Режим личного произвола, установленный Милошем, к тому же прибравшим к рукам и внешнюю торговлю, вызвал не-

довольство великашей (Т. Вучич и др.). В 1838 г. они добились от Порты конституции («устава»): власть князя была ограничена олигархическим консервативным Советом; введена свобода торговли. Милош эмигрировал. Новый режим сторонников «устава» получил наименование **уставобранительского** (1848—1858). С правления Милоша в Сербии установилось длительное соперничество династий **Карагеоргиевичей** и **Обрёмовичей**, и оппозиционные группы обычно ориентировались на династию, которая претендовала на престол.

Развитие экономики Сербии было весьма затруднено ввиду узости рынка и австрийской конкуренции. Кроме того, Австрия, через которую направлялся сербский вывоз, диктовала условия внешней торговли страны. В связи с этим Сербии необходимо было найти выход к морю. Принципы ее политики сформулировал в 1844 г. министр **Илия Гарашанин** в секретной записке («Начертание»): объединение Сербией всех сербских (и ряда соседних) земель путем войн с Османской империей и восстаний, инспирированных сербскими властями. Эта «великосербская» программа стала путеводной звездой национальной буржуазии до 1914 г.

Уставобранители издали гражданский кодекс, закон о цехах, учредили гимназию, ученое общество. Но олигархия нескольких богатейших семей вызывала растущее недовольство мелких и средних торговцев, крестьян и ремесленников, страдавших от ростовщичества и разорения. На Свято-Андреевской скупщине 1858 г. выступили либералы с требованиями парламентского строя. Однако консерваторы во главе с новым князем **Михаилом Обрёмовичем** (1860—1868) установили самодержавный порядок.

В условиях подъема освободительных движений в Европе Михаил пытался осуществить программу Гарашанина, назначенного премьер-министром. Опираясь на поддержку русской дипломатии, Гарашанин упрочил сотрудничество с Черногорией (князем Николаем Негошем), Грецией, Румынией, болгарским освободительным движением; он закупал оружие, сформировал народное ополчение. Но силы балканских союзников были невелики, а западные державы, особенно Австрия, выступили с угрозами в адрес Сербии. Михаил отправил в отставку Гарашанина (ноябрь 1867 г.) и добился лишь вывода турецких гарнизонов из страны. Все же это было шагом на пути к укреплению суверенитета Сербии. После убийства Михаила (1868) в Сербии была провозглашена Конституция 1869 г.

Высшей законодательной властью стала **скупщина**, но правительство было ответственно перед князем.

Основой экономики Сербии оставалось крестьянское хозяйство. Во второй половине XIX в. большинство крестьянских хозяйств медленно оскудевало, становясь жертвой ростовщиков и налогов; в то же время нарождался слой аграрной буржуазии, уже применявшей машины. В 1873 г. был введен закон о неотчуждении за долги минимального крестьянского участка (до 3 га; так называемое **окучье**) и крайне необходимого инвентаря. Беднота требовала этого закона, но фактически он оказался полезным аграриям, заинтересованным в том, чтобы удержать в деревне массу дешевых работников (крестьянин не имел права продать свое окучье). Закон об окучье способствовал консервации застойных отношений и тормозил развитие сельского хозяйства.

Положение народа обусловило вступление на общественную арену в конце 60-х — начале 70-х годов сербской революционной демократии. Ее идеолог **Светозар Маркович** (1846—1875), последователь Н. Г. Чернышевского, мечтал об организации аграрного и промышленного производства свободными общинами, призывал к союзу балканских народов и революции против как османского ига, так и собственных монархов. Либералы и революционные демократы некоторое время сотрудничали и вместе с тем соперничали в «Объединенной сербской молодежи» («Омладина», 1886—1872) — организации, которая действовала в разных сербских землях и готовила восстание на Балканах. «Омладина» была запрещена и в Сербии, и в Австро-Венгрии.

Босния и Герцеговина. В Османской империи эти пограничные провинции (Боснийский пашалык) пользовались фактической автономией, при которой в XVIII — первой половине XIX в. власть находилась у крупнейших феодалов (славян) и мусульманского духовенства. Упадок и феодальная анархия, грозившие империи развалом, побудили Стамбул уже в начале XIX в. приступить к серии реформ (ликвидация янычарского войска, создание армии по европейскому образцу, упрочение и централизация аппарата, позднее — предоставление гражданских прав христианам, привлечение их в органы самоуправления и др.). По закону 1859 г. феодалам запрещалось сгонять крестьян с земли. В результате реформ ускорился рост городов, заметно упрочилось положение сербских и мусульманских городских торговцев. Османская империя постепенно мо-

дернизировалась. В 60—70-е годы XIX в. в Сараево действовала типография, выходила официальная газета, на Балканах строились железные дороги, появился телеграф.

Однако налоги, необходимые для осуществления планов властей, быстро росли, не удалось предотвратить произвол над сельским населением. Это вызвало недовольство нищавшего христианского и мусульманского крестьянства. Против реформ выступали крупные феодалы (ага, беги), мусульманское духовенство. Среди славян-мусульман глубоко укоренились оппозиционные османской власти настроения. В XIX в. они получили оттенок **этнического противостояния**. Мусульмане добивались широкой автономии Боснии и Герцеговины, но при этом стремились сохранить Османскую империю и верховную власть султана. Сербы же (более 2/5 населения) ориентировались на Сербию, а хорваты (до 1/5 населения) — на Хорватию (и Австрию).

В 1831 г. и 1850—1851 гг. в Боснии и Герцеговине начались массовые движения мусульман. В 1851 г. турецкий главнокомандующий Омер-паша подавил восстание. Боснийская славянская мусульманская аристократия была разгромлена, тысячи повстанцев казнены. В 1852—1853, 1857—1858, 1861—1862 гг. та же судьба постигла повстанцев-христиан, поднимавшихся под руководством **Луки Вукаловича**. Повстанцев поддерживала Черногория.

Болгарское национальное возрождение.

Болгария являлась одной из наиболее развитых балканских стран, но условия для освободительного движения были неблагоприятными ввиду близости столицы империи. Уже в 1762 г. монах **Паусий Хилендарский** в сочинении «История славяно-болгарская» призывал соотечественников вспомнить о славном прошлом народа, тысячу лет назад имевшего свое государство и развитую культуру. В XVIII в. постепенно росло число народных школ при монастырях, формировалось национальное самосознание. В XIX в. все больше болгар учились в России, Франции, Сербии. Болгарские просветители издавали буквари, учебники, газету в Стамбуле. Началось движение против засилья фанариотского духовенства, возглавленное **Неофитом Возвели** (ум. 1848). Эта борьба переросла в бойкот Константинопольской патриархии и завершилась созданием **Болгарской православной церкви**, признанной султаном (1870).

Наряду с этой необходимой для становления национального самосознания и национальной культуры деятельностью влиятельная болгарская эмиграция в Дунайских княжествах, России и Сербии возлагала надежды на русскую помощь в деле возрождения болгарского государства, поскольку западные державы стремились сохранить османскую власть над Балканами. Сам народ повел вооруженную борьбу за освобождение. В 1768—1774, 1806—1812, 1828—1829, 1853—1855 гг. болгарские добровольцы участвовали на стороне России в войнах с Османской империей, неоднократно вспыхивали восстания.

В 60-е годы XIX в. наступил новый этап вооруженной борьбы. Писатель и публицист **Георгий Раковский** (1821—1867) начал формирование в Сербии и Румынии отрядов (чет), вторжение которых в Болгарию, как он полагал, должно было (по примеру гарибальдийцев) стать сигналом к народному восстанию («План освобождения Болгарии», 1861). Однако эта тактика не привела к успеху ввиду неравенства сил болгар и Османской империи и недостаточной подготовки в самой стране.

Дунайские княжества. Дунайские княжества, Молдавское и Валашское, находились на окраине османских владений, в контактной зоне с Центральной Европой. Упорным сопротивлением им удалось сохранить свою государственность. Во главе этих *«господарств»*, как они именовались, стояли князья из крупных бояр, сочетавших в своем лице землевладельцев и служилое сословие. Но цепи зависимости от Высокой Порты становились все более тяжелыми. Господари назначались султанами по своему выбору (точнее — произволу); их назначение сопровождалось особой, помимо ежегодной, данью. Большие суммы уходили на подкупы турецких сановников. Княжества поставляли по заниженным ценам в Стамбул зерно, скот, лес; они обязаны были выставять отряды для участия в военных походах османов. Пагубно сказывались на положении двух стран постоянные султанские войска и их содержание при передвижении по молдавско-валашским землям во время многочисленных, порой не прекращавшихся десятилетиями войн. Грозные османские крепости (Измаил, Бендеры, Килия, Джурджу, Турну-Северин), воздвигнутые на землях, исторически входивших в княжества, обеспечивали покорность князей и бояр.

В поисках путей освобождения боярство и православное духовенство обращали свои взоры в сторону крепнущего Рос-

сийского государства. Будучи реалистами, они не строили умозрительных схем освобождения собственными силами. Стремление встать под защиту России, признав свое подданство, стало константой внешнеполитических усилий княжеств на протяжении полутора веков (середина XVII — конец XVIII в.). В 1656 г. в Москву прибыло посольство молдавского князя **Георге Штефана** с такой просьбой, но сложность международной обстановки помешала осуществить эти планы. Однако подобные обращения настойчиво повторялись. В апреле 1711 г. Петр I подписал в Луцке «Диплом и пункты», в которых перечислялись условия перехода Молдавии в состав России: она сохраняла самоуправление, местные законы и дедовские обычаи, престол становился наследственным в роде **Кантемиров**.

Тем же летом Петр предпринял **Прутский поход**, оказавшийся неудачным. Под Станилештами русские войска и пришедшие им на помощь молдавские отряды были окружены втрое превосходившими их турецкими силами. Штурм был отбит, но нечего было даже надеяться на успешный прорыв. Российским уполномоченным удалось заключить мир и обеспечить вывод войск. По договору Россия уступала Турции крепость Азов и только что возведенный Таганрог. Господарь **Дмитрий Кантемир** со своими сторонниками удалился в изгнание, став в России ученым с мировым именем. Страшная участь ожидала валашского князя **Константина Брынковану**, обвиненного в сношениях с Петром. Он был вызван в Стамбул вместе с сыновьями. Здесь на глазах у несчастного отца палачи снесли головы четверем его сыновьям, а затем казнили и самого старца. Но и эта расправа не утолила султанского гнева. Он стал назначать на престолы в Яссах и Бухаресте знатных греков из аристократических родов, проживавших обычно в константинопольском квартале Фанар (отсюда и название — **фанариоты**). Они прибывали в господарства в сопровождении большой свиты, состоящей из лиц, занимавших ведущие государственные должности.

Частой смене князей сопутствовали тяжелые поборы; дань все росла; местное боярство скудело, крестьянство нищало. Бегство из княжеств в соседние пределы стало массовым; села обезлюдели. В 40-е годы XVIII в. **Николай Маверкордат**, занимавший престол по очереди в Бухаресте и Яссах, издал указы, которые отменили в Валахии и Молдавском княжестве

крепостное право и ограничили в определенной мере произвол феодалов установлением размера барщины.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг. породила у молдаван и валахов надежду на скорое освобождение. Депутации от духовенства и бояр ходатайствовали в Петербурге перед Екатериной II: «О Богом дарованная и Богом венчанная всемилостивейшая государыня императрица и премилосердная обладательница наша! Не остави нас, единоверных и верноподанных Вашего императорского величества, не остави нас в жесточайшее и лютое поругание злочестивых и христианоненавидцев...» (молдавская грамота от 10 декабря 1769 г.). По *Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г.* российское правительство получило право «ходатайствовать» в пользу княжеств; с этого момента практически начался процесс восстановления их автономии и установления русского протектората.

В ходе русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Петербург вознамерился присоединить Дунайские княжества к России. Однако приближение столкновения с Наполеоном заставило его умерить свои требования. По *Бухарестскому миру 1812 г.*, заключенному в мае за несколько недель до нашествия, к России отошло междуречье Прута и Днестра, получившее название *Бессарабия*, которое было отделено от Молдавского княжества.

В 1821 г. в Валахии вспыхнуло восстание под водительством *Тудора Владимиреску*, направленное на подрыв власти Высокой Порты. Турецкие войска жестоко его подавили. *Адрианопольский мир 1829 г.*, завершивший новую русско-турецкую войну, принес Дунайским княжествам значительное укрепление и расширение их автономии: прекратился «фанариотский» период в истории Валахии и Молдавии. Князья назначались султаном с согласия царя из местных бояр, турецкие крепости срыты; были восстановлены национальные вооруженные силы; вместо многочисленных платежей вводилась твердо фиксированная дань. Несколько лет администрацию в Яссах и Бухаресте возглавлял просвещенный генерал *П. Д. Киселев*. При его участии были выработаны *Органические регламенты* — конституционные акты для Молдавии и Валахии. Они предусматривали введение новой административной и судебной систем, поощрение промышленности и торговли, провозглашали равенство гражданских прав всех жителей. Однако феодальная структура землевладения не была от-

менена, а лишь видоизменена. Более того, земельные наделы крестьян были даже сокращены, а их повинности отягощены.

30—40-е годы XIX в. — время быстрого экономического, социального и культурного прогресса в княжествах. Осваивались все новые земельные площади, развивались ремесла и торговля. Наступил культурный подъем — выходили книги и журналы на румынском языке, открывались учебные заведения; молодежь из высших слоев общества устремилась в западные университеты. Но бразды правления остались в руках великих бояр. Царизм всячески их поддерживал, и набиравшее силу оппозиционное движение обратилось не только против местных консерваторов, но и против покровительствовавшей им официальной России.

Молдавия и еще в большей степени Валахия оказались в зоне европейской революции 1848 г. В Молдавском княжестве движение было подавлено в зародыше с введением царских войск. В Валахии революционеры выдвинули программу широких демократических преобразований. Движение было направлено как против внутренней реакции, так и против осуществлявшегося царизмом протектората. Оно было подавлено турецкими войсками, в княжество вступила и русская армия.

После трагических уроков 1848 г. в обоих княжествах широко распространилось стремление к объединению, *унии*, и образованию Румынского государства. Условия для его создания созрели после Крымской войны. Унионистов поддерживали, руководствуясь совершенно разными соображениями, дипломаты Франции и России. Французы, используя тягу румынского общества к «латинской сестре», стремились завоевать в объединенной Румынии прочные экономические и политические позиции. Представители России после крымского поражения и утраты прежнего влияния на Балканах не хотели выступать против воли населения и более всего опасались укрепления в низовьях Дуная Турции, как и маячивших за спиной Высокой Порты Австрии и Великобритании. Поддержка Франции и России способствовала успеху унионистов.

В 1859—1862 гг. произошло объединение Валахии и Молдавии в новое *Румынское княжество*. Первым его господарем стал *Александру Ион Куза*, человек широкого кругозора и сторонник реформ. При нем было ликвидировано монастырское землевладение, в 1864 г. осуществлена умеренная аграрная реформа: крестьяне за выкуп получили на правах частной собственности участки земли. По французскому образцу была

реорганизована правовая и административная системы, заложены основы университетского образования, введен закон о всеобщем начальном обучении (оставшийся на бумаге), завершен перевод румынского языка с исторически сложившегося славянского алфавита (кириллицы) на латинский, усилена армия. Но реформы обходились дорого, многочисленное чиновничество обирало население, помещики выражали недовольство «излишествами» в проведении земельного закона. Радикалы осуждали склонность князя к режиму личной власти и начавшиеся гонения на оппозиционную печать.

Крайности сомкнулись: люди, выступавшие в 1848 г. по разные стороны баррикад, объединились ради свержения князя-реформатора. Современники нарекли группировку, устранившую 11 февраля 1866 г. Кузу с престола, *«чудовищной коалицией»* — настолько противоестественным представлялось им объединение бывших антагонистов. Но альянс не *являлся* ни случайным эпизодом, ни преходящим событием, он отражал глубокие сдвиги в «верхах» румынского общества: буржуазия отрекалась от революционных грехов своей «молодости» и жаждала участия во власти под сенью «законной» монархии. В мае того же 1866 г. в страну прибыл *Карл Гогенцоллерн Зигмаринген*, отпрыск младшей ветви прусского королевского дома. Тогда же была принята новая Конституция, предусматривавшая довольно широкий перечень гражданских свобод, но и наделявшая монарха значительными прерогативами.

В 1870 г. в связи с франко-прусской войной в стране бурно проявлялось сочувствие к Франции, сопровождавшееся резкой критикой авторитарных наклонностей «пруссак на престоле». Карл пригрозил отречением. И тут обнаружилось, что не только консервативно настроенные помещичьи круги, но и либеральная оппозиция прочно стоят на лояльно-монархических позициях; власть Карла была поддержана парламентом.

Греки в Османской империи. Положение многочисленного в Османской империи греческого населения было весьма своеобразным и неодинаковым для различных его слоев. Высший его слой даже частично вошел в иерархическую структуру империи. *Константинопольский патриарх* считался главой не только православной церкви, но и общины (миллета). Положение христиан государственно-правовыми нормами не регулировалось, они жили по канонам обычного права, и патриарх обладал не только канонической, но в опре-

деленной степени административной и судебной властью и отвечал за сбор налогов. Эта власть признавалась Высокой Портой, патриарх являлся ее сановником и имел звание *визиря*. Высшее греческое духовенство занимало господствующее положение в болгарской церкви; в Дунайских княжествах существовали влиятельные и богатые монастыри, так называемые *посвященные*, доходы с которых поступали в пользу Святых мест.

Знатные греческие семьи (*фанариоты*) заняли видное положение не только в торгово-денежных операциях, но и в политической жизни империи. Поскольку общение с «неверными» считалось унижительным для мусульманского сановника, фанариоты стали посредниками в неизбежно расширявшемся общении с христианским миром. Фанариоты монополизировали посты *драгоманов* (переводчиков) Высокой Порты и ее флота, причем их функции были не техническими, а скорее политическими. Более ста лет, с начала XVIII в. по 20-е годы XIX в., из числа фанариотов назначались господа Дунайских княжеств.

Греческие острова и побережье являлись контактной зоной исламского и христианского мира. Населенные греками Ионические острова в Адриатике до конца XVIII столетия входили в состав венецианских владений. На островах и побережье сформировались богатая торговая и судовладельческая буржуазия. Филиалы греческих торговых домов сетью покрыли Европу — от Лондона до Нежина и Леванта. Тысячи их судов бороздили Средиземное и Черное моря и Атлантику, превратившись в своеобразных морских извозчиков. Процветавшие греческие колонии заняли прочное место в европейской коммерции, и не только: они превратились в центры национального просвещения и освободительной борьбы, в средоточие контактов с передовой общественной мыслью Европы.

Совсем иной жизнью жила греческая «глубинка», сельские районы Балканского полуострова, где царило примитивное земледелие феодально зависимого крестьянства на землях, принадлежавших турецким и частично, греческим помещикам. Исключение составляли фактически самостоятельные общины в труднодоступных горных местностях, на которые османам так и не удалось распространить свою власть.

Национальное движение развивалось под воздействием двух внешних и на первый взгляд несовместимых факторов: западноевропейской революционной и либеральной идеоло-

гии, влияние которой стало особенно заметным во время Французской революции, и русско-турецких войн. Но на самом деле оба фактора способствовали решению назревшей задачи освобождения Греции из-под власти Османской империи, ставшей серьезным препятствием для экономического, социального, национального и духовного развития ее народа. Значительна при этом была роль греческой диаспоры. В 1797 г. **К. Ригас Фереос** (Велестинлис) издал в Вене брошюру, в которой развивал идею равенства всех балканских народов из совместной борьбы против Османской империи и излагал план создания Греческой республики на развалинах ее европейских и, частично, малоазиатских владений.

В 1814 г. в Одессе проживавшими там греками была создана **Филики Этерия** (Дружеское общество). Возглавлял ее генерал-майор русской службы **Александр Ипсиланти**. В 1821 г. отряды греков под его командованием перешли границу и вторглись в Дунайские княжества, надеясь оттуда переправиться в Грецию.

Экспедиция потерпела неудачу, а сам Ипсиланти, бежавший в австрийские пределы, закончил там свои дни в заточении. Но брошенный им призыв был подхвачен, восстание запылало по всей Греции. В первые годы повстанцы одержали крупные победы — не только на поле боя, но и в государственном строительстве, провозгласив Грецию конституционной республикой. Их героическая борьба была воспета Дж. Г. Байроном (он сам принял в ней участие и нашел смерть в осажденной турками крепости Миссолунгион) и А. С. Пушкиным.

Но в 1825—1826 гг. военное счастье изменило грекам. Сказались разнородность и разногласия в руководстве (торговцы и судовладельцы, с одной стороны; крупные земельные собственники — с другой), традиции партизанщины, носителями которых были капитаны, руководители отдельных отрядов. Высокой Порте удалось привлечь на свою сторону египетского пашу Мухаммеда-Али, войска которого опустошили Морею, взяли штурмом несколько городов.

Однако последовало вмешательство в конфликт трех держав — России, Великобритании и Франции; их объединенный флот в 1827 г. разгромил турецко-египетскую эскадру в битве при **Наварине**. Но дальше пути союзников разошлись, и лишь Россия объявила в следующем году войну Турции. По **Адрианопольскому миру** (1829) независимость Греции была обеспечена. Под влиянием трех держав-«покровительниц» она была

объявлена (1831) **королевством** с территорией на юге Балканского полуострова по линии между заливами Волос и Арта, включавшей только часть греческого населения. Те же «покровители» рекомендовали на престол юного баварского принца **Оттона**. Повзрослев, Оттон проявил явную тягу к абсолютизму. Земли, ранее принадлежавшие турецким феодалам, перешли в руки государства; лишь часть их была распределена между крестьянами, а другая — приобретена чиновниками, офицерами, купцами, образовавшими помещичью прослойку. Во главе управления и армии встали привезенные Оттоном с родины баварцы. Недовольство общественности подогревалось упорным нежеланием монарха-католика перейти в православие. Самоуправство короля, произвол властей, полновластие баварской клики, высокие налоги вызвали в 1843 г. восстание афинского гарнизона, поддержанного народом; баварцы были отстранены, и Национальное собрание ввело в Греции представительное правление.

Незаживающей раной в народном сознании оставалась разобщенность греческих земель, большая часть которых по-прежнему находилась в пределах Османской империи. В 1844 г. в речи видного политического деятеля **И. Колетиса** была впервые сформулирована **«мегали»** (великая идея) — идея создания Греции, которая включала бы в себя не только балканские земли. Исходной точкой ее служило вполне понятное и исторически оправданное желание государственного объединения всех греков. Но «мегалисты» на этом не останавливались, а, апеллируя к истории, замахивались на земли, в которых уже давно проживало славянское и турецкое большинство.

Во время Крымской войны 1853—1856 гг. в Греции открыто проявлялись симпатии к России. Греческие отряды вступили в Эпир, в османские пределы. Резкая реакция последовала не только со стороны Турции, но и ее союзников, Франции и Великобритании, чьи войска высадились в Афинах. Правительство Греции вынуждено было отступить.

Экономическая разруха, тяжесть налогового обложения, отсутствие демократических свобод, пренебрежение Оттона даже умеренной конституцией 1844 г. — все это послужило причинами вспыхнувшей в 1862 г. революции. Восстание афинского гарнизона склонило чашу весов на сторону революции. Оттон был низложен и покинул страну. Новым королем Национальное собрание избрало принца **Вильгельма Глюке-**

бурга, вступившего на престол под именем **Георга I**. Принятая в 1864 г. Конституция ввела в стране всеобщее избирательное право для мужчин (ограниченное цензом оседлости) и однопалатный парламент, провозгласила основные демократические права населения. В том же году Великобритания передала Греции находившиеся с начала века под ее управлением Ионические острова. Но вопрос «собираения земель» продолжал оставаться самым острым. Восстание 1866 г. на острове Крит не увенчалось объединением его с Грецией; островитяне добились лишь права на ограниченное самоуправление.

Албанские земли. Албанские земли были разбиты в Османской империи на несколько **санджаков**, позднее — **пашалыков** и, наконец, с 1866 г. — **вилаетов** со смешанным албано-греческим населением. Особенностью албанцев являлась их религиозная разобщенность. Наиболее многочисленная группа исповедовала ислам, затем следовали православные и католики. Однако сознание этнической и национальной общности не исчезло, и религиозная вражда не омрачала истории албанцев; язык, предания и нравы передавались из поколения в поколение. Не угасал культ знаменитого воителя, борца за сохранение независимости, **Скандербега** (Георга Кастриоти; ок. 1405—1468). На рубеже XVIII—XIX вв. существование, пусть временное, полусамостоятельных пашалыков, Янинского и Шкодринского, способствовало консолидации албанской общности. В то же время албанские земли как в социально-экономическом, так и в духовном отношении теснее других нетурецких районов были связаны с Османской империей. Албанские феодальные роды занимали видное место в иерархии империи, поставляли для нее немало высших чиновников, пашей и даже великих визирей. Знаменитый правитель Египта Мухаммед-Али был выходцем из Албании. Албанские мусульмане составляли немалую часть турецкой армии.

Кризис империи закономерно распространился и на ее албанские земли. Сипахи все менее охотно откликались на призыв идти в походы, предпочитая заниматься дома хозяйством. И по закону, и в обход его они захватывали мирийские (государственные) земли, отторгая их у крестьянских общин и превращая их в **чифтлики** (частные владения). Росла запашка земель, внедрялись новые культуры, в том числе ввезенные из Америки (кукуруза, хлопок, рис, табак). Получило развитие

городское ремесло. В отдельных городах существовали десятки ремесленных цехов-эснафов (кожевников, портных, сапожников, мясников и т. д.). Вместе с рыночным обменом росло производство зерна, оливкового масла, табака, развивалось скотоводство. Уже в XVII, а особенно в XVIII в. сельскохозяйственные культуры в значительных количествах вывозились за границу. Дуррес превратился во второй после Стамбула порт европейской Турции, в нем открылись консульства Англии, Франции, Голландии, Венеции, Неаполя.

Ослабление турецкой военной и дезорганизация административной системы способствовали разгоранию междоусобиц крупных феодальных родов, их борьбе за землю и власть, в которую оказалось вовлеченным все население, по традиции поголовно вооруженное.

Даже селения изменили облик: в них строились **кулы** — дома-крепости с толстыми стенами и окнами-бойницами и дверью на высоте нескольких метров от земли, до которой добирались по веревочной лестнице.

История почти непрерывных внутренних войн знает несколько ярких страниц, когда отдельным сильным личностям удавалось объединить под своей властью, и надолго, значительные территории, превращая их в своего рода государство в государстве, и тогда само владычество Порты становилось номинальным.

Так, в 60-е годы XVIII в. власть в Шкодре (Скутари) и окружающих ее районах захватил **Мехмед-паша Бушати** (Старый), обуздавший местных феодалов. Рост его влияния всерьез встревожил Высокую Порту, и подсланные ею агенты в 1775 г. отравили пашу, но подорвать могущество рода не удалось. В 1787 г. была предпринята сухопутная и морская экспедиция против сына Старого, носившего имя Махмуд. Порта сумела привлечь на свою сторону многих противников Махмуда, и после нескольких битв тот укрылся с немногочисленными сторонниками в шкодринской цитадели Розафате.

Однако здесь грабежи турецкой армии, опустошение полей, застой в торговле подняли против нее население Северной Албании, к тому же подоспели вести о начале русско-турецкой войны, взбодлившие повстанцев. Турки потерпели сокрушительное поражение. Высокая Порта смирилась, а в 1789 г. «мятежник», т. е. Махмуд, получил звание трехбунчужного паши (по европейским меркам — полного генерала) и был утвержден в должности правителя Шкодры.

Одновременно весьма осложнилась для Порты обстановка в Южной Албании и примыкавших к ней районах Северной Греции (в Фессалии и Эпире). Их подчинил своей власти выходец из городка Тепелена Али-паша, учредивший свою столицу в торгово-ремесленном центре Янине (отсюда — **Али-паша Янинский**). Он игнорировал приказы о выступлении со своими войсками в поход против России и даже вступил в переписку с Г. А. Потемкиным. В подвластных владениях Али-паша (сам смолоду разбойничавший на большой дороге) установил строгий порядок, следил за правильным взиманием налогов, проявлял уважение к христианской религии.

Попытка Порты поднять против Али мусульманских феодалов потерпела неудачу, их отряды были разгромлены. Лишь после окончания войны с Россией она решила перейти в наступление.

Первый удар был направлен против властителя Шкодры. В 1792 г. трехбунчужный паша Махмуд был, по султанскому указу, снова объявлен мятежником. Последовала вторая осада Розафата, и снова неудача, и вновь Махмуд был «прощен». Совсем перестав считаться с прерогативами султана, он управлял Шкодринским пашалыком по своему смотрению, назначив на все административные должности своих людей, обзаведясь собственной армией и даже небольшим флотом. Лишь незначительную часть своих доходов он отправлял в Стамбул в виде дани. В Шкодре вновь обосновался католический архиепископ. Во владениях Махмуда на время установилось относительное спокойствие, которое он сам же и нарушил. Стремясь удовлетворить свои экспансионистские аппетиты, Махмуд в 1795 г. овладел Косово, а в следующем году напал на Черногорию; однако счастье ему изменило, он был разгромлен и пал в бою.

Между тем Али-паша Янинский успешно «округлял» свои владения, опираясь на мелких феодалов и пользуясь сложной международной обстановкой. Восточное Средиземноморье надолго превратилось в арену войны между Францией и Англией. Али-паша лавировал между воюющими, получая боевое снаряжение то от одной, то от другой стороны. В 1809 г. он захватил Бератский пашалык; в 1811 г. его войска вступили во Влёру, разгромили лигу южноалбанских феодалов и заняли Гирокастру. Последовали расправы с врагами, захват или по-

купка за бесценок их земель. Располагая крупными средствами, Али-паша постоянно содержал армию в 10—15 тыс. человек и, щедро одаривая чиновников в Стамбуле, обеспечивал себе до поры до времени санкцию на все новые «приращения».

Лишь после окончания в 1812 г. очередной войны с Россией, укрепив свои позиции внутри страны, султан Махмуд II перешел к решительным действиям. Он лишил Али права на управление частью владений, способствовал разжиганию его конфликта со шкодринским пашой. В 1820 г. Али был объявлен мятежником, и карательная армия устремилась к Янине. Большинство приближенных и даже сыновья покинули Али, соблазненные высокими должностями. 17 месяцев сопротивлялся гарнизон Янины, лишь обещанием помилования удалось добиться сдачи крепости (январь 1822 г.). Обещание было нарушено, старый паша казнен, а его отрубленная голова отправлена султану как страшный трофей...

Затем наступила очередь Шкодры. И здесь султан Махмуд II долго выжидал и взвешивал. Только после окончания в 1829 г. новой русско-турецкой войны он распорядился изъять у шкодринского паши Мустафы ряд подчинившихся тому районов и предложил ему принять в столице турецкий гарнизон. После отказа против Мустафы двинулись каратели. Тот сдался на милость победителя, и на этот раз милость была оказана — свои дни он закончил османским сановником в Стамбуле.

На примере существования полунезависимых пашалыков видно, насколько непрямыми путями идет история. Да, это были феодальные образования во главе с правителями деспотических наклонностей. И в то же время эти зародыши национальной государственности способствовали преодолению феодальной раздробленности и росту албанского самосознания. Они восстановили и развили традиции освободительной борьбы, укрепили сознание албанской индивидуальности.

Еще сложнее и прихотливее выглядит албанская история в эпоху турецкого реформаторства (**танзимата**), начавшегося в 30-е годы XIX в. Албанские феодалы не раз выступали против реформационного курса и поднимали народ под знаменем возврата к старым обычаям и законам. И все же в ходе этих выступлений крепло сознание национальной общности,

самобытности. Постепенно вызревала идея автономии — предвестник стремления к полной государственной самостоятельности. Этому способствовала и деятельность просветителей, самым ярким из которых был *Наум Векильхарджи*. Именно он в 1836 г. обратился к соотечественникам с призывом развивать родной язык, культуру, просвещение. Он же издал два албанских букваря на основе славянского алфавита. В 1864 г. высокопоставленные албанцы, главным образом чиновники на турецкой службе, образовали в Стамбуле культурно-просветительное общество с целью создания единой албанской азбуки, открытия школ с обучением на родном языке, выпуска литературы. Правительство немедленно запретило общество.

Политически просветительство как собственно албанское движение проявляло себя слабо; его носители выступали сторонниками конституционного развития и гражданских прав, но в общеосманских рамках. Однако в самом стремлении к культурно-языковому обособлению уже заключалась идея политического сепаратизма.

социально-экономическое развитие и Гражданская война

Основные тенденции развития. В первые десятилетия XIX в. Соединенные Штаты отставали от Западной Европы, особенно от Великобритании, по уровню промышленного развития. Экономика страны оставалась еще аграрной. Однако накопление капиталов, складывание внутреннего рынка, развитие изобретательства (чему способствовало наличие Патентного бюро) и приток в составе иммиграции квалифицированных механиков и инженеров дали толчок индустриальной революции. Отдельные предприятия фабричного типа появились в США в 1790-е годы. Далее фабричная система начала внедряться в текстильной, металлургической и других отраслях.

Решающее значение для экономического развития страны имело создание транспортной сети. Американцы и иммигранты перемещались на свободные земли Запада, отправляли и получали партии товаров, выбирали место жительства и работу, заключали сделки. Тысячемильные расстояния, густые леса и необъятные прерии сдерживали деловую активность. Поэтому в первой четверти XIX в. развернулось строительство каналов, которые соединили верховья рек, впадавших в Атлантический океан, и Великие озера с внутренними районами. К середине столетия в стране насчитывались сотни пароходов. Железные дороги появились в начале 30-х годов, а к 1860 г. США вышли на первое место в мире по их общей протяженности — более 30 600 миль (1 миля — 1,6 км). Возможность зарабатывать привлекала на сооружение железных дорог множество рабочих, в первую очередь иммигрантов, и темпы строительства при наличии примитивной техники были беспрецедентными. В 1869 г. открылась трансконтинентальная магистраль. Вдоль железных дорог и между городами протянулись телеграфные линии.

Соединенные Штаты росли в основном в западном направлении. Одна за другой заселялись свободные территории, принимавшиеся затем в союз в качестве равноправных штатов. В 1861 г. на карте США насчитывалось уже 40 штатов на Востоке и на Западе (первоначально их было лишь тринадцать — бывшие колонии Великобритании). К середине столетия граница поселений дошла до Тихого океана, и страна приобрела в основном свои теперешние очертания, когда в 1867 г. купила у России Аляску. Колонизуя материк, США различными способами присоединяли владения других государств — Франции, Испании, Мексики.

Непрерывное освоение новых земель обуславливало преимущественно аграрный характер экономики США. На Запад ехали как американцы, так и иммигранты в надежде получить землю. Более полувека потребовалось, чтобы сделать условия ее приобретения приемлемыми для широких масс. Вначале землю продавали слишком крупными участками и по довольно высокой цене, но аграрное законодательство постепенно смягчалось за счет уменьшения минимальных размеров продаваемых в одни руки участков и некоторого снижения цен. Свободные земли являлись также объектом спекуляции — наживы от перепродажи их фактическим поселенцам более мелкими долями, чем это предусматривал закон. Для государства продажа земель являлась важным источником доходов.

Покупка земли и устройство на ней фермы были довольно дорогостоящим делом, но существовала возможность начать с работы по найму или с аренды земли. Продолжалось *скваттерство*, т. е. самовольное занятие земель, и с 1841 г. поселенец мог оформить покупку уже занятого им участка (закон о займке). Большинство ферм было семейного типа. Их продукция чем дальше, тем больше шла на продажу. Пшеница, кукуруза, свинина вывозились на восток и юг страны, а в сельские районы запада поступали дешевые фабричные товары, которые выгоднее стало купить, чем выделять на дому.

Развитию сельского хозяйства способствовал начавшийся в 40-е годы массовый выпуск превосходных плугов, механических косилок, сноповязалок и другой техники, вытеснявшей ручной труд. Знаменитая жатка завода С. Маккормика была лучшей в мире и продавалась десятками и сотнями тысяч. Преобладание семейного труда и его механизация стали характерной особенностью американского сельского хозяйства, развивавшегося в свободных штатах.

В США формировался *промышленный рабочий класс*. Не только искавшие оплачиваемую работу иммигранты, но и многие американцы начинали отдавать предпочтение денежной форме заработка. Характерным для американского общества явлением стал уход молодежи, включая девушек и женщин, на фабрики — причем не только из бедных, но и из зажиточных семей. В Новой Англии работницами текстильных фабрик были дочери окрестных фермеров, которым требовались деньги на приданое. Ферму наследовали, как правило, старшие сыновья, а младшие, если не довольствовались положением семейных работников, отделялись и также начинали зарабатывать. Это отвечало старинной пуританской традиции, когда молодым людям следовало быть у кого-нибудь в услужении и лишь потом, в зрелом возрасте, стать собственниками.

Труд в промышленности обычно был временным — на несколько лет или даже на год, если его целью являлось накопление определенной суммы денег. Чернорабочие, например, получали один доллар в день. Американское общество, в котором отсутствовали сословные предрассудки и существовала масса возможностей заработать, отличалось высокой вертикальной мобильностью: дети, как правило, стремились превзойти родителей. Если глава семьи был чернорабочим или фермером, ее младшие члены редко наследовали профессию отца, старались получить образование, найти престижную работу. Этому способствовала иммиграция: приезжавшая в незнакомую страну беднота нанималась на тяжелые и неквалифицированные работы, давая возможность уроженцам США продвинуться «вверх».

Общество в США было *очень подвижным* — мало кто «присидел на одном месте» всю жизнь и не перепробовал множество занятий. Хорошо знавший американскую действительность русский ученый и путешественник А. Лакиер писал в 1859 г.: «Американец вовсе не привязан к одному какому-нибудь занятию: сегодня земледелец, завтра он чиновник, потом купец, мореплаватель, и это не потому, чтобы он был непостоянен, а потому, что достаточно ловок... чтобы приучиться к любому занятию, которое он избирает или по охоте, или потому, что нет другого. Наконец он останавливается на одном, которое ему покажется всего прибыльнее». Крупнейшие американские предприниматели выходили из «низов». Так, сталелитейный магнат второй половины XIX в. Эндрю Карнеги, прибывший в США из Шотландии, начал свою деловую карьеру с простого

служащего на железной дороге, а в 12 лет был подсобным рабочим на текстильной фабрике.

Рабовладельческие штаты Юга представляли собой особый мир, в котором главенствовали **плантаторы-рабовладельцы**. Выращивание табака не обеспечило бы им такого богатства, могущества и влияния на жизнь страны, какое они получили, начав в конце XVIII в. разведение хлопка. Хлопок стал сырьем для бурно развивавшейся текстильной промышленности Англии, а затем США и требовался в огромном количестве. В 1793 г. была решена важная техническая проблема очистки хлопка от семян с помощью несложного станка — «джина». Благодаря этому изобретению производительность плантации выросла в сотни и тысячи раз.

Американский плантатор использовал самую архаическую форму эксплуатации, имел неограниченную власть над рабами, жил жизнью помещика-аристократа, именовал себя «джентльменом», но в остальном **являлся** капиталистическим предпринимателем. Собственность на землю и рабов была частной, в нее вкладывался капитал. Все что производилось рабом, за вычетом издержек на его содержание, присваивалось хозяином. Высокий и устойчивый спрос на хлопок, наличие свободных земель, благоприятный климат, возможность эксплуатировать рабов с минимальными издержками и применение самых простых орудий труда сделали плантационное хозяйство Юга США, само по себе примитивное и не способное к какому-либо прогрессу, производительным и рентабельным.

Помимо хлопковых, на Юге существовали табачные, рисовые и сахарные (сахар вываривали из тростника) плантации, труд на которых был столь же тяжелым.

Рабовладение препятствовало свободному найму рабочих, так как рабов использовали даже на промышленных предприятиях, да и белые, зараженные расистской идеологией, отказывались трудиться бок о бок с чернокожими. Рабский труд успешно конкурировал с вольнонаемным. Из-за высокого спроса на рабов их цена непрерывно росла. В 1859 г. на аукционе в Новом Орлеане их продавали по стартовой цене в 1,5 тыс. долл., а через год она подскочила до 4,5 тыс. (!) — стоимости полностью оборудованной фермы на Среднем Западе. Рабы стали в полном смысле слова «живым капиталом» и реальным богатством, за которое их хозяева ожесточенно сражались в Гражданской войне 1861—1865 гг.

После 1808 г. ввоз невольников в страну был, согласно Конституции США, официально запрещен, но рабовладельцы нашли выход, поддерживая у рабов высокую рождаемость, поощряя браки между ними и даже внебрачные связи. Существовали специальные «фермы», где рабов «разводили», как скот, на продажу. Плантаторы старались продлить их трудоспособность достаточно калорийным питанием и своевременным отдыхом, следили за чистотой в их жилищах, даже оказывали медицинскую помощь. За детьми, чьи матери работали в поле, присматривали чернокожие няни. От пойманных беглых негров чаще старались избавиться, продавая их, а не забивая плетями.

Идеологи рабства утверждали, что неграм на плантациях живется гораздо лучше, чем «наемным рабам» на фабриках или безработным в городских трущобах свободного Севера. Ужасающие картины истязаний, описанные в известном романе **Г. Бичер-Стоу** «Хижина дяди Тома» (1852), как доказано исследователями, были отнюдь не типичным для Юга явлением. Но никакая, даже «рациональная» система подневольного труда, конечно, не могла стать гуманной. Эту суть рабства и передала американская писательница.

В отличие от промышленного производства, которое могло развиваться за счет совершенствования машин и увеличения найма рабочих, плантационное рабство носило экстенсивный характер и должно было перемещаться на новые земли, так как хлопок и табак сильно истощали почву. Распространение его за пределы прежних границ стало законом существования рабовладельческих штатов. В заселении свободных земель было так или иначе заинтересовано все общество, но рабовладельцы выделялись своей агрессивностью, непримиримостью в отстаивании «особых интересов» Юга.

Превращение хлопкосеющего хозяйства в коммерческую систему, наличие огромного фонда свободных земель и рабов сделало южные штаты крупнейшим мировым экспортером хлопка, а гигантский спрос на него придал плантационному рабству соответствующий размах и постоянно расширявшийся характер. Лишь в конце XIX в. успехи агрохимии, применение удобрений, а затем механизация уборки хлопка радикально изменили социальные условия его производства. Плантационное рабство, связанное с началом промышленного применения хлопка, имело исторически преходящий характер.

Территориальная экспансия. Внешняя политика США заметно активизировалась в начале XIX в. и велась по двум направлениям — в интересах торговой буржуазии Севера и плантаторов Юга. *Первые* добивались международного признания права свободной морской торговли под флагом нейтральной страны, *вторые* — территориальной экспансии, преимущественно в юго-западном направлении.

Защищая американских судовладельцев от посягательств Англии, которая, участвуя в войне с Францией, захватывала корабли США, правительство США в 1812 г. объявило ей войну. Намереваясь «проучить» еще раз бывшую метрополию, правящие круги Соединенных Штатов вынашивали планы отторжения Канады, которая охранялась небольшими силами. Однако попытка взять Монреаль не увенчалась успехом, и военные действия переместились на американскую территорию. Англичанам в свою очередь не удавалось разгромить американские войска, сопротивление которых с каждым месяцем усиливалось.

Мир, заключенный в конце декабря 1814 г. в Генте (Бельгия), не принес США ни потерь, ни приобретений, хотя в январе 1815 г. американская армия до получения известий о подписании мирного договора разбила крупные силы англичан на Юге, под Новым Орлеаном. Война, хотя и окончилась с нулевым результатом, упрочила независимость США, сплотила американскую нацию, а перерыв в торговле с Англией дал возможность стать на ноги американской промышленности.

Несколько раньше, в 1803 г., правительство США ловким дипломатическим ходом добилось почти двойного приращения своей территории. За весьма умеренную плату — 15 млн долл. — Франция уступила Соединенным Штатам свои владения в Северной Америке, собирательно называвшиеся *Луизианой* (в 1800 г. Наполеон Бонапарт отобрал ее у Испании). Это была громадная территория площадью около 1 млн кв. миль, охватывающая весь бассейн р. Миссисипи с портом Новый Орлеан. Не имея возможности защищать свои колонии в Америке и нуждаясь в деньгах, Наполеон продал ее Соединенным Штатам, которые пригрозили в противном случае отвоевать Новый Орлеан с помощью Англии.

Со слабой Испанией, владевшей полуостровом Флорида, США не церемонились и на протяжении 1810—1818 гг. оккупировали его по частям. В 1819 г. Испания отдала Флориду Соединенным Штатам без всякого выкупа, а кроме того, всю

западную часть материка выше 42-й параллели. Тем самым была открыта дорога для широкой экспансии американцев в сторону Тихого океана.

Когда Испания лишилась почти всех своих колоний в Южной Америке, США взяли на себя миссию вершителя судеб всего Западного полушария, провозгласив в 1823 г. знаменитую *доктрину Монро*. Суть этой доктрины (заявления главы государства) заключалась в том, что США настроены против возможного вмешательства европейских держав в латиноамериканские события и в дела Американского континента в целом. Правительство США призвало страны Европы воздержаться и от новых попыток его колонизации. Выступив с такой инициативой, оно претендовало на политическое лидерство в этой части планеты, хотя никакой реальной угрозы военного вторжения Испании или стран Священного союза в Латинскую Америку не существовало.

Приветствуя в целом борьбу Латинской Америки за независимость, США через двадцать с небольшим лет развязали войну против своего ближайшего соседа — Мексики. Выходцы из южных штатов, получившие от мексиканского правительства разрешение покупать в ее провинции Техас земли по самой низкой цене, фактически оккупировали ее и в 1836 г. объявили там независимую республику. Это и привело к войне (1846—1848), которая закончилась полной победой армии США. Мексика лишилась не только Техаса, но и Калифорнии, Аризоны и Новой Мексики, т. е. половины своей территории, получив в виде компенсации 15 млн долл. Европейские державы, в первую очередь Англия, возмущались действиями Соединенных Штатов, но, занятые колониальной политикой на Востоке, уделяли событиям в Америке мало внимания. Последним крупным приобретением США стала Русская Америка (Алеутские острова и Аляска), купленная в 1867 г. всего за 7,2 млн долл.

Становление двухпартийной системы.

Политическая жизнь в американской республике ознаменовалась складыванием двухпартийной системы, позволявшей проводить тех или иных кандидатов в выборные органы власти от определенных политических группировок, по платформам. Вначале партии были верхушечными — в виде фракций в Конгрессе и в легислатурах штатов, но постепенно между ними и избирателями налаживались вертикальные связи и скла-

дывался институт профессиональных политиков. Президенты США выдвигались от той или иной партии.

Первое, еще слабо оформленное размежевание федералистов с антифедералистами возникло в период борьбы за и против принятия федеральной конституции (1787—1788). Став оппозицией, антифедералисты выступали в 90-е годы под именем «джефферсоновских республиканцев», идейный лидер которых **Томас Джефферсон** пришел к власти в 1801 г. Его президентство принесло усиление демократических начал в жизни страны и в стиле управления, тогда как былое влияние федералистов, освященное авторитетом «отца страны» Джорджа Вашингтона, к 1815 г. сошло на нет. До 1828 г. в политической жизни США фактически господствовала одна партия — **национальных республиканцев**, представлявшая собой блок плантаторов Юга с частью буржуазии Севера при известной поддержке фермеров Запада.

Усиление социально-экономической неоднородности общества, расширение избирательных прав в штатах, дальнейшее освоение Запада потребовали новых политических подходов, способных обеспечить твердую поддержку правительственного курса. Президент США **Эндрю Джексон** (1829—1837) сумел сплотить большинство избирателей, выступив в качестве борца за демократию и выразителя воли народа. В числе принятых им мер были некоторое снижение тарифных ставок и упразднение непопулярного Центрального банка США (1836). Децентрализация финансовой системы отвечала интересам владельцев частных банков, число которых стало быстро расти, множества мелких и средних предпринимателей и фермеров, нуждавшихся в кредите.

Джексон фактически возглавил новую, **Демократическую партию** (она положила начало современной). В ней более заметную роль стали играть землевладельцы Юга и быстро растущего Запада, предприниматели, средние слои и даже «низы» северо-восточных штатов. Влияние национальных республиканцев, как в прошлом — федералистов, резко снизилось, в их рядах уже не было популярных личностей типа Джефферсона. Демократический стиль правления с наибольшей силой проявлялся именно тогда, когда национальный лидер спланивал и примирял различные социальные слои и их интересы, давая максимальную свободу предпринимательству по принципу «равных возможностей».

Отклонение от этого курса означало неуспех в политике. Даже полезные с государственной точки зрения мероприятия, на которых настаивали в 20-е годы XIX в. национальные республиканцы, — ассигнование федеральных средств на строительство дорог и каналов, протекционистский тариф, существование центрального банка, создание национального университета, финансирование научных исследований и т. п., — не пользовались широкой поддержкой по разным причинам. Одна из них — заинтересованность в их проведении довольно узких группировок, а также утрата того демократического духа, который умел придавать своей политике Джефферсон, а впоследствии Джексон. Кроме того, оба лидера по пришествии к власти проводили чистку государственного аппарата, назначая на освободившиеся места своих сторонников (с тех пор это прочно вошло в политическую практику).

Безраздельное правление демократов продолжалось до 1841 г., когда к власти пришел президент **Уильям Гаррисон** от новой **партии вигов**, ставшей преемницей национальных республиканцев. Сформировалась так называемая **вторая двухпартийная система**, и президенты от обеих партий сменяли друг друга вплоть до 1860 г. В Демократической партии, имевшей сторонников во всех основных регионах США, постепенно усиливалось влияние рабовладельческого Юга. Партия вигов, в которой задавали тон бывшие национальные республиканцы Дэниел Вебстер и Генри Клей, также имела опору среди южан и склонялась к компромиссу с рабовладельцами. В обстановке нарастания непримиримых противоречий между Севером и Югом виги не выражали интересы демократических кругов и противников рабства на Севере, число которых множилось.

Новой политической силой, противостоявшей Югу, стала **Республиканская партия**, образованная в 1854 г. в Чикаго и существующая по сей день. Ее лидеру **Аврааму Линкольну** предстояло существенно расширить основу американской демократии путем освобождения негров-рабов и радикального решения аграрного вопроса. Республиканское правление продолжалось с 1861 по 1885 г., когда в Белом доме вновь появился президент-демократ и полностью восстановилась двухпартийная система (третья по счету).

Помимо основных партий, выставлявших кандидатов в президенты страны, существовали мелкие, неустойчивые политические объединения, например рабочих. Американские «рабочие партии», в которых было много иммигрантов, вы-

двигали традиционные требования сначала 10-, затем 8-часового рабочего дня» повышения заработной платы, облегчения доступа к земле «людям труда». Большое значение они придавали народному образованию и выступали за широкое распространение бесплатных общеобразовательных школ. По числу всех категорий учащихся в середине XIX в. США опередили даже самые развитые страны Европы. Идеи же утопического социализма и марксизма почти не прививались в обществе, где высшими ценностями являлись индивидуальная свобода, частная собственность и благополучие семьи.

Назревание конфликта между Севером и Югом. В первой половине XIX в., когда движение на западные земли приобрело массовый характер, оформились два потока колонизации — *северный* и *южный*, из свободных и рабовладельческих штатов. Несмотря на то что обе системы — рабства и свободного капитализма — сосуществовали в одном государстве, конституции северных штатов запрещали рабство.

Их интересы разграничивались и в Конгрессе. Каждая сторона следила за тем, чтобы в союз принималось по равному числу тех и других штатов. В 1820 г. был принят так называемый *Миссурийский компромисс*, показавший, что вопрос о рабстве на новых землях стал общенациональной проблемой. Территория к западу от р. Миссисипи делилась параллелью 36°30' с. ш. на две части — рабовладельческая к югу и свободная к северу. По сути, это была победа южан, которым удалось расширить границы рабства, а Север пошел им на уступки.

Общественность Севера сочувствовала рабам, но мало кто осмеливался выступать за их освобождение, поскольку те являлись частной собственностью плантаторов. Иногда рабы устраивали заговоры с целью бунта (самая крупная попытка такого рода была в 1831 г.), но чаще бежали в свободные штаты, откуда могли переправляться в Канаду. Противники рабства — *аболиционисты* — организовали «подземную железную дорогу», как они называли тайные маршруты для беглецов, которых охраняли в пути. Но сострадание к угнетенным часто уживалось с укоренившимся представлением о неполноценности черной расы. Для многих рядовых американцев освобождение нескольких миллионов рабов означало бы появление массы претендентов на землю и на рабочие места. Однако растущие аппетиты рабовладельцев привели в 1848 г. к появле-

нию политической партии *фрисойлеров* («фри сойл» — свободная земля), выступавшей за нераспространение рабства на новые территории.

Присоединение захваченных у Мексики земель вызвало новый политический кризис, временно улаженный компромиссом 1850 г. Калифорния, где было найдено золото, принималась постановлением Конгресса в качестве свободного штата, а поселенцам Нью-Мексико и Юты разрешалось самим определить вопрос о статусе. Там преобладали южане, объявившие их рабовладельческими. Через три года тот же вопрос возник относительно территорий Канзас и Небраска. Южане добились его решения «демократическим» путем — на основе «суверенитета скваттеров», т. е. первых поселенцев. Принцип прямого волеизъявления народа был использован в интересах рабовладельцев.

Они намеревались узаконить рабство по всей стране, лишив Конгресс права отменять или разрешать его в каком-либо штате. Это мог сделать только Верховный суд США, которому представился подходящий случай в виде «дела Дреда Скотта» — раба, который официально обратился в суд с иском об освобождении, поскольку он вместе с хозяином проживал некоторое время в свободном штате. Отклонив в 1857 г. его иск, Верховный суд одновременно объявил неконституционным любой закон, запрещавший рабство.

Тем временем в Канзасе шла борьба между сторонниками и противниками рабства. Поток переселенцев из Миссури и других южных штатов столкнулся с еще более мощным потоком фермеров из свободных штатов, и дело дошло до вооруженных столкновений. К 1860 г. последним удалось одержать победу не только в схватках, но и у избирательных урн.

К тому времени на политической авансцене появилась Республиканская партия. Она сплотила всех недовольных политикой Юга, которая препятствовала радикальному решению вопроса о земле в пользу широких масс фермеров. Республиканцев возглавил Авраам Линкольн, избранный в 1861 г. президентом США.

Это был поистине народный президент, происходивший из бедной семьи, познавший с детства тяжелый труд, но «сделавший себя сам» благодаря упорному стремлению к образованию (он стал адвокатом) и к политической деятельности. Линкольн прославился своей честностью, умением побеждать в трудных политических спорах, отличаясь при этом редким обаянием,

тактом и мягкосердечием. Он был демократом совсем иного склада, чем Эндрю Джексон, который не был профессионалом в политике и полагался на свою природную интуицию и хороших советников.

«Генеральной репетицией» гражданской войны стали конфликт в Канзасе и знаменитый «рейд» *Джона Брауна*. Это был человек, страстно ненавидевший рабство. Он сражался против него в Канзасе и задумал разжечь войну непосредственно на территории Юга. С горсткой смельчаков — 22 человека, включая сыновей, — Браун захватил в октябре 1859 г. арсенал в Харперс-Ферри (Виргиния), где хранились огромные запасы вооружения. Но никто его не поддержал, и мятеж был подавлен. Перед казнью через повешение 2 декабря 1859 г. Браун написал предсмертную записку, в которой сказал, что «только кровь смоет преступления этой греховной страны».

Гражданская война 1861—1865 гг. Гражданская война между северными и южными штатами явилась неизбежным следствием нарастания противоречий между двумя общественными системами внутри страны. В основе этих противоречий был *вопрос о рабстве*, всецело определявший экономические и политические интересы плантаторов. «Программой-максимум» наиболее агрессивных кругов Юга было превращение США в единую рабовладельческую державу, но их вполне устраивало и отделение от союза в качестве самостоятельного государства.

Попытки *сецессии* (отделения) южных штатов имели место задолго до Гражданской войны. В 1832 г. плантаторы Южной Каролины, взяв на вооружение доктрину суверенитета штатов, объявили недействительными федеральные законы на территории штата и заявили о выходе его из состава США. Президент Джексон решительно пресек эту попытку, послав к побережью штата военные корабли. В 1850 г. южане вновь пригрозили сецессией, и президент США *Закари Тейлор* (бывший главнокомандующим в войне с Мексикой) ответил угрозой на угрозу, заявив, что поведет армию на Юг и расправится с «изменниками». Идея единого союзного государства прочно владела умами федерального правительства, не исключая и администрацию Линкольна (цитируя Евангелие, он говорил: «И если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот»).

Правящие круги Севера не желали отделения Юга еще и потому, что это означало бы появление у оставшихся свобод-

ными штатов грозного противника в лице новоявленной «иностранной державы». Раскол и война были неизбежны, но не сторонники Линкольна, а рабовладельцы форсировали ее начало. Победа Линкольна на президентских выборах 1860 г. означала утрату политического завоевания рабовладельцами всей полноты власти и явилась сигналом к самовольному отделению Юга от США.

Зимой — весной 1861 г. сформировалась *Конфедерация* одиннадцати южных штатов (остальные соблюдали нейтралитет). 13 апреля южане развязали военные действия, начав обстрел федерального форта Самтер в бухте Чарлстона (Южная Каролина), малочисленный гарнизон которого капитулировал и спустил американский флаг. Так началась четырехлетняя *Гражданская война* — самая кровопролитная и разрушительная из всех, которые велись на территории Соединенных Штатов.

Большая часть промышленного потенциала и людских ресурсов страны была сосредоточена на Севере, однако Юг был более сплочен (там установилась диктатура рабовладельцев) и силен в военном отношении. У южан были большинство кадровых офицеров, значительные запасы вооружения, а главное, они понимали, что успех им может принести только быстрая и решительная победа. Южане-плантаторы вели борьбу не на жизнь, а на смерть за свое выживание и прежнее благополучие и прониклись чувством слепой ненависти к «янки» (северянам), которые казались им не соотечественниками, а чужаками, врагами. Это морально-психологическое состояние белой части южного общества прекрасно показано в романе американской писательницы *Маргарет Митчелл* «Унесенные ветром». На Севере же имелось немало сторонников соглашения, «умиротворения» Юга, особенно в тех кругах буржуазии, которые вели дела с плантаторами.

Благодаршие и медлительность в начале войны дорого обошлись северянам. 1861 год принес им одни поражения, причем уже первая схватка с наступающими конфедератами в июне того же года чуть не закончилась потерей столицы. Вашингтон стал прифронтовым городом. К концу 1861 г. армия северян, непрерывно пополнявшаяся добровольцами, превысила 650 тыс. человек, однако один численный перевес не мог решить исход войны, что во многом объяснялось просчетами главного командования. Общий план ведения кампании против Юга сводился к его окружению и постепенному сжатию кольца («ана-

конда-план»), но растянутый на тысячи миль фронт легко было прорвать, что и произошло в 1862 г.

Федеральные войска начали наступление одновременно на западе (в бассейне р. Миссисипи) и на востоке, в Виргинии. На первом направлении удалось развить успех — талантливый генерал **Улисс Грант** взял ряд городов и продвигался вдоль Миссисипи к югу, а устье реки с портом Новый Орлеан было захвачено северянами с помощью флота, который блокировал Юг с моря. Конфедерация оказалась разрезанной надвое, но эта удача на слабом участке обороны противника была сведена на нет разгромом армии Севера на основном фронте. Она трижды вторгалась в Виргинию, чтобы взять столицу Конфедерации Ричмонд, но каждый раз ее отбрасывали с большими потерями, а контрнаступление южан под умелым командованием **Р. Ли** с трудом удалось остановить, перебросив для этого часть войск с Запада.

Перелом в ходе войны в пользу свободных штатов был достигнут и благодаря решительным политическим шагам администрации Линкольна. Исключительно важное значение приобрели **закон о гомстедах** от 20 мая и **акт об освобождении рабов** от 22 сентября 1862 г. Первый давал право любому гражданину страны, не участвовавшему в мятеже против Соединенных Штатов и уплатившему пошлину в 10 долл., занять **гомстед** — участок земли в 160 акров (64 га) под ферму на свободных землях. После пяти лет проживания на участке, его обработки и застройки он отдавался бесплатно в собственность. Это и было то радикальное решение аграрного вопроса, которое обещала в 1860 г. Республиканская партия. Хотя прямого военного значения этот закон не имел, он настраивал широкие народные массы, включая иммигрантов, на достижение победы над Югом, без которой нельзя было рассчитывать на свободное заселение Запада.

Второй закон объявлял рабов свободными с 1 января 1863 г. Хотя на территории Конфедерации действовали свои законы, война янки с плантаторами приобретала для рабов ясный и конкретный смысл: им стало понятно, на чьей стороне быть. Несмотря на развязанный рабовладельцами террор, Конфедерация лишилась прочного тыла, а негры стали массово переходить на сторону северян и служить в федеральной армии.

Юг напоминал огромный осажденный лагерь, в котором уже давала себя знать нехватка самого необходимого. Его небольшая промышленность работала для нужд фронта, а блока-

да на море препятствовала вывозу хлопка в Европу и получению оттуда продуктов и медикаментов. Хотя людские и материальные ресурсы Юга находились на пределе, его военная сила еще не была сломлена.

Весной 1863 г. южане под командованием Ли вновь нанесли федеральной армии сильнейший удар на виргинском участке, под Чанселорвиллем, но это была последняя крупная победа мятежников. Людские ресурсы Севера были огромны, и на место разбитых частей вставали новые. Отважно сражались и негритянские полки. Индустрия Севера, в которой завершился промышленный переворот, работала на полную мощность, фермеры расширяли поставки сельскохозяйственной продукции (хлопок приобретали в Англии или заменяли шерстью), продолжалась морская торговля, в свободные штаты приезжали тысячи иммигрантов. Север ни в чем не испытывал недостатка, и никакое военное поражение не могло поставить его на колени.

Армия Ли была остановлена под Геттисбергом (Пенсильвания) и отброшена обратно в Виргинию в июле 1863 г., а войска Гранта взяли опорный пункт конфедератов на р. Миссисипи — город Вicksберг. Это ознаменовало поворот в ходе войны. Весной 1864 г. федеральные войска начали с запада наступление в самое сердце Конфедерации — штат Джорджию. Осенью их командующий генерал **Уильям Шерман** взял крупнейший промышленный центр Юга Атланту, начав знаменитый «марш к морю». Остатки армии конфедератов продолжали сопротивляться, пока в начале апреля 1865 г. войска Гранта не взяли, после кровопролитного штурма, Ричмонд. 9 апреля 28-тысячная армия Ли капитулировала. Сложили оружие войска других генералов Юга — в общей сложности 175 тыс. человек. Так закончилась Гражданская война, унесшая с обеих сторон свыше 600 тыс. жизней.

Унесла она и жизнь Авраама Линкольна. 14 апреля 1865 г., отправившись в театр, он пал от выстрела актера Буса, фанатика-убийцы, ворвавшегося в его ложу. Смерть Линкольна погрузила Америку в траур. Он снискал уважение и любовь людей самых разных политических взглядов и убеждений. Неизменно следуя общечеловеческим ценностям в политике и в жизни, чуждый тщеславия, бескорыстный и доброжелательный, великий американец был одним из тех немногих государственных деятелей своего времени, которые производили впе-

чатление даже на революционеров — сторонников классовой борьбы.

Линкольн стремился не к диктатуре в отношении Юга, а к восстановлению США на прежней, равной для всех штатов конституционной основе, с единственным условием — признание отмены рабства. Великодушные к побежденным, восстановление их в политических правах он считал наиболее правильным курсом, способствующим гражданскому миру. Жизнь показала, однако, что решить проблемы послевоенного переустройства (**Реконструкции**) Юга не так-то просто, и события пошли в ином направлении, чем полагал Линкольн.

Реконструкция Юга (1865—1877). Рабство в стране было отменено бесповоротно — в виде **13-й поправки** к Конституции, которую сенат утвердил в апреле, а 3/4 штатов — в декабре 1865 г. Нерешенными оставались, однако, конкретные вопросы дальнейшего существования Юга — условия допуска бывших штатов Конфедерации в союз, положение бывших рабовладельцев и освобожденных рабов, устройство власти и др. В правящих кругах США на этот счет не было единого мнения. Еще при жизни Линкольна против его миротворческого курса выступила группа влиятельных конгрессменов-республиканцев во главе с **Тадеушем Стивенсом** и **Чарльзом Самнером**. Они настаивали на военной диктатуре над Югом, лишении активных участников мятежа гражданских прав и на предоставлении этих прав неграм.

После смерти Линкольна разногласия между президентом и Конгрессом обострились. Претворять в жизнь предначертания Линкольна стал новый президент **Эндрю Джонсон**, бывший вице-президент. Он не обладал ни славой, ни авторитетом своего предшественника, и первые же практические результаты миротворческой политики обернулись против него. Издав в мае 1865 г. **указ об амнистии**, который восстанавливал плантаторов в гражданских, политических и собственностиских правах (кроме права иметь рабов), он взял на себя тяжелую ответственность.

Конфискованные в годы войны плантации пришлось вернуть бывшим владельцам, которые силой и угрозами принуждали черное население работать на прежних хозяев. Появились разветвленные террористические организации, в том числе знаменитый ку-клукс-клан, зверски расправлявшиеся с непокорными неграми и сочувствовавшими им белыми. Полу-

чив власть, плантаторы проводили через законодательные собрания штатов **«черные кодексы»** — законы, лишавшие бывших рабов права собственности на землю, на свободу передвижения, свободу слова, митингов и собраний, на браки с белыми и т. п. Все это было чревато «ползучей реставрацией» прежней системы рабства.

На Юге запахло новой гражданской войной — уже между плантаторами и освобожденными рабами, которые начали организованное сопротивление старым порядкам, развернули борьбу за землю и гражданские права, действуя на основе **юнионистских лиг** (так назывались союзы черных в поддержку федерального правительства, возникшие еще в Гражданскую войну). В свою очередь плантаторы провели выборы в Конгресс США, и в декабре 1865 г. новые сенаторы и представители Юга прибыли в Вашингтон, причем среди них как ни в чем не бывало находился бывший вице-президент мятежной Конфедерации Александр Стефенс. Радикально настроенные члены Конгресса добились решения не допускать их в зал заседаний, передать продолжение Реконструкции Конгрессу и расследовать положение дел на Юге.

В июле 1866 г. Конгресс принял **14-ю поправку** к Конституции США. Она лишала лидеров Конфедерации права занимать государственные должности, а негров уравнивала в правах с белыми. Первый абзац поправки гласил, что все лица, рожденные в США или получившие там гражданство и подчиняющиеся законам страны, являются ее гражданами и гражданами того штата, где они проживают, и могут быть лишены права на жизнь, свободу и собственность только решением суда, а не изданием каких-либо ограничительных законов. Тем самым запрещались «черные кодексы».

Одержав победу на выборах, республиканцы получили в Конгрессе более 2/3 голосов и приступили к радикальной Реконструкции. В 1867 г. на Юге было введено военное положение и отменены прежние конституции штатов. На основе 14-й поправки утверждались права черного населения. Впрочем, деление Юга на военные округа рассматривалось как временное — до ратификации штатами 14-й поправки. К июлю 1868 г. благодаря этим чрезвычайным мерам штаты Юга ее ратифицировали, и завоевания Гражданской войны были спасены.

Радикальная Реконструкция означала принудительную демократизацию жизни на Юге, с опорой на армию, введенную

в южные штаты, но без развязывания террора и диктатуры якобинского толка. Все решалось законным путем: 14-я поправка к Конституции в 1870 г. была дополнена **15-й поправкой**, которая специально оговаривала, что право голоса в США не ограничивается цветом кожи, расовой принадлежностью или рабским состоянием в прошлом.

Аграрный вопрос решался не перераспределением земли в пользу освобожденных негров, которые требовали предоставить каждой черной семье «40 акров и мула», а разрешением приобретать недвижимость, тем более что часть плантаций дробилась и продавалась за долги. На южные штаты распространилось и действие закона 1862 г. о гомстедах. Разумеется, «стартовые возможности» негров были минимальными, и они в основной своей массе собственниками не стали, что надолго закрепило их неполноправное положение, однако вступление на скользкий путь передела собственности было не в духе американской политической традиции. Зато вполне ощутимыми стали достижения в **области образования негров**: к 1880 г. почти сплошная неграмотность среди них сократилась до 70%. К концу 60-х годов в штатах Юга действовали «правительства Реконструкции», негры активно использовали свои политические права и избирались на выборные должности, в том числе в Конгресс. Конституции южных штатов были пересмотрены, что явилось решающим условием приема их в союз на новой основе.

Тем самым радикальная Реконструкция выполнила свою основную задачу. В 1868 г. президент Джонсон был даже подвергнут **импичменту**¹, но для его осуждения и отстранения от должности не хватило одного голоса присутствующих сенаторов, В 1869 г. президентом США стал бывший главнокомандующий армией Севера генерал **У. Грант**, при котором резко возросла предпринимательская активность в стране (сам Грант втянулся в операции на бирже). Заметно перерождались и плантаторы, которые чем дальше, тем больше приспосабливались к новым условиям хозяйствования, превращаясь из «земельных аристократов» в коммерсантов буржуазного типа (главная героиня романа «Унесенные ветром» Скарлетт Оливерия как раз такой тип южного предпринимателя).

Бурно развивавшийся капитализм постепенно, эволюционным путем сглаживал существовавшие различия между Севе-

¹ Суд Сената над высшим должностным лицом США с целью определения его соответствия занимаемой должности.

ром и Югом, и в 70-е годы радикальная Реконструкция постепенно сошла на нет. Этому способствовала и смерть в 1868 г. ее самого непреклонного лидера Т. Стивенса, мечтавшего «сверху» наделить негров землей. «Правительства Реконструкции» в южных штатах одно за другим заменялись новыми, которые формировало южное крыло Демократической партии. Она усиливала свое влияние и в Конгрессе. В этой обстановке поднимали голову реакционные силы, игнорировавшие 14-ю и 15-ю поправки к Конституции и вынашивавшие планы экономического и социального закабаления черных американцев. Запрет в 1876 г. деятельности ку-клукс-клана Конгрессом оказался малоэффективным.

По мере того как Демократическая партия наращивала свою массовую базу, в том числе за счет фермеров и белых бедняков Юга, Республиканская теряла былое влияние на массы, превращаясь из некогда радикальной, антирабовладельческой, «народной» в партию, руководимую крупным капиталом. Падению ее влияния способствовала, в частности, непопулярная финансовая политика, состоявшая в стабилизации денежного обращения путем замены бумажной наличности звонкой монетой, которой не хватало. «Удорожание денег» ударило по всем, кто брал кредиты и ссуды в банках и у частных лиц. Это вызвало серию банкротств и сильное недовольство фермеров, заинтересованных в выпуске «дешевых» бумажных долларов («гринбеков»). В США появились ассоциации **«гринбекеров»** — сторонников неограниченного печатания денег, что, как они надеялись, облегчит выплату долгов.

В 1876 г. кандидат в президенты от демократов **Сэмюэл Тилден** (штат Нью-Йорк) получил больше голосов выборщиков, чем республиканец **Рутерфорд Б. Хейс** из штата Огайо. Однако результаты голосования подверглись пересмотру, в ходе которого большинство голосов было приписано Хейсу. Так состоялась закулисная сделка лидеров обеих партий: президентом США стал, как и прежде, республиканец, но в обмен на обязательство вывести с территории Юга еще находившиеся там федеральные войска. Придя в 1877 г. к власти, Хейс ликвидировал этот последний элемент чрезвычайного положения на Юге, с помощью которого велась его радикальная Реконструкция.

Значение **Гражданской войны и Реконструкции Юга**. Оба события представляют собой части единого целого и выходят далеко за рамки военной победы Севера

над Югом. К Гражданской войне страну привела роковая дилемма: быть или не быть единому государству и сохранится ли в стране институт рабства. Историки-марксисты считали эту войну не доведенной до конца буржуазно-демократической революцией, целью которой являлось освобождение рабов и наделение их землей, и сближали ее с другими национально-освободительными и объединительными движениями XIX в., возглавлявшимися прогрессивной буржуазией.

Однако Север воевал с Югом не *ради* освобождения негров, а с целью подавления вооруженного мятежа и *восстановления* ранее единого государства на конституционной основе. Только такая политическая программа могла быть понятной и убедительной для широких масс северян, отправлявшихся на войну против своих сограждан. В нескольких рабовладельческих штатах, которые соблюдали нейтралитет и не примкнули к Конфедерации, северяне щадили имущество плантаторов и даже возвращали им рабов, бежавших в лагерь «освободителей». Отмена же рабства на всем Юге явилась мерой военно-политического характера, направленная на то, чтобы вызвать замешательство в тылу мятежников и привлечь рабов на сторону законной власти.

Главный итог Гражданской войны и Реконструкции Юга был двуединым — *это восстановление целостности союза и отмена рабства*. Хотя война временно снизила темпы экономического роста, она в конечном счете подготовила развитие капитализма на более широкой и свободной основе. Принятый в 1862 г. акт о гомстедах стал самым демократичным в истории решением аграрного вопроса и позволил быстро завершить раздачу в частные руки остававшихся в руках государства свободных земель. Руководство Республиканской партии, пребывая у власти с 1861 по 1884 г., провело серию мероприятий в интересах промышленных и финансовых кругов.

Юг после Гражданской войны надолго превратился в отсталый регион США. Плантаторы лишились своего главного богатства — рабов и отчасти земли. Многие плантации были проданы новым владельцам или поделены на мелкие участки и сданы в аренду. На них трудились в основном негры, но уже в качестве батраков или арендаторов-издольщиков (*кропперов*), отдававших хозяину часть урожая. Ключевая роль хлопководства в хозяйстве Юга тем не менее возросла — мировые цены на хлопок снижались, и, чтобы получать доход, требовалось увеличивать его производство. Кредиты выдавались под залог

будущего урожая хлопка. В результате фермеры, производившие продукты питания, вынужденно переходили на эту культуру. Цены на продовольствие росли, а фермеры запутывались в долгах у торговцев-спекулянтов, часто выходцев с Севера.

Отмена рабства явилась только первым шагом на пути к формированию на Юге рынка рабочей силы. Главным препятствием его развитию стала *расовая дискриминация* — черных американцев обычно принимали лишь на самые тяжелые и грязные работы. Выражение «этот труд не для белого» получило буквальный смысл, и не только на Юге, а во всех Соединенных Штатах. Даже после формального уравнивания в правах (14-я и 15-я поправки к Конституции) негритянский народ в целом остался на положении «низшего сословия», хотя часть черных стала образованными людьми, собственниками и даже предпринимателями.

Реконструкция не могла решить все задачи по ликвидации пережитков рабства. Для этого требовалось, как минимум, перераспределение земель в пользу черных, что могло бы привести к новым социальным потрясениям. Радикальные республиканцы не останавливались перед крайними мерами, но такая попытка стала бы беспрецедентной для США и самоубийственной для них. Только *эволюция* всего американского общества по пути признания общечеловеческих ценностей и уважения прав человека, впервые провозглашенных в 1776 г., смогла столетие спустя дать черным американцам фактическое равноправие. Первым шагом в этом направлении стал великий документ об отмене рабства, подписанный Авраамом Линкольном.

ГЛАВА 14 Возникновение и первые шаги государств Латинской Америки

Огромные пространства Центральной и Южной Америки, освоенные испанскими и португальскими колонизаторами, в середине XIX в. получили общее название *Иберийской*, или *Латинской Америки*. Их этнически разнородное население, в котором преобладали потомки латиноязычных колонизаторов, говорило в основном по-испански, а в Бразилии — на португальском языке. Католическая религия, иберийская культура и эти два языка остались общими для новых этносов, родившихся в разных природных зонах континента путем смешения иберийцев с разноликими аборигенами и привезенными колонизаторами африканцами. С появлением новых этносов возник важный субъект евроамериканского развития. Они внесли существенный вклад в становление новой цивилизации и ее своеобразной модификации. В этом общий смысл их долгого и сложного пути от первых колоний и завоеваний до возникновения и развития суверенных государств.

Испания и Португалия вплоть до начала XVII в. удерживали первенство в географических открытиях и колониальных захватах в Америке. Бразилия досталась Португалии. Остальная часть Южной Америки, вся Центральная Америка и Карибский бассейн, значительная часть Северной Америки, включая территорию южных штатов современных США, оказались под властью Испании. Но в XVII в. окрепшие Голландия, Франция и Англия начали теснить иберийских колонизаторов повсюду, в том числе в Америке. Главными их приобретениями здесь стали Кюрасао, Ямайка, треть Гаити и другие острова Карибского моря, принадлежавшие ранее Испании. Кроме того, на северо-восточном побережье Южной Америки каждая из трех держав завладела соответствующей частью Гвианы. Этот передел американских колоний завершился в основном к концу XVIII в.

Система эксплуатации колоний. Эта система обслуживала интересы нарождавшегося европейского капитализма и в своих существенных чертах была одинакова для всех американских владений — как Испании и Португалии, так и Англии, Франции или Голландии. Покоилась она на верховной собственности европейских монархов на природные и людские ресурсы Нового Света и на жесткой торговой монополии колонизаторов в товарообмене с колониями. В Испании торговля с Америкой контролировалась созданной в 1503 г. Торговой палатой и велась только через испанский порт Севилью, а с 1717 г. — и через Кадис. Кроме того, с 1561 г. испанские купцы должны были осуществлять плавание в Америку исключительно в составе одной из двух крупных флотилий под охраной военных кораблей: одна отправлялась в январе в Панаму, другая — в августе в Новую Испанию (Мексику). Португалия ввела аналогичные порядки для Бразилии в 60-е годы XVII в. Во французских колониях с 1664 г. монополией в торговле обладала Вест-Индская компания, а после ее ликвидации в 1674 г. — королевское правительство Франции. Американской торговлей Голландии распоряжалась нидерландская Вест-Индская компания. Торговая монополия Англии началась с «Навигационного акта» 1651 г. Все державы запрещали своим колониям торговать с чужими странами и преследовали контрабанду.

Повсеместно торговая монополия усиливалась запретами или ограничениями на обмен между колониями одной и той же державы, а также на многие виды переработки сырья непосредственно в колониях. Так, у каждой из стран, колонизовавших Америку, имелись колонии, которые в большом количестве снабжали Европу сахаром-сырцом. Но перерабатывающие заводы создавались в метрополиях, и уже оттуда колонии получали готовый сахар. **Торговая монополия, запреты и ограничения** были важнейшим механизмом удержания колоний в роли сырьевых придатков и их ограбления посредством неэквивалентного обмена.

Тяжелым бременем ложились на население Нового Света и многочисленные налоги в сочетании с монополией колониальных властей на продажу самых ходовых товаров — соли, водки, табака и др. В Бразилии и Испанской Америке владельцы золотых приисков и серебряных рудников уплачивали в пользу короны как верховного собственника **королевский кинто** — пятую часть добытого металла. Плантаторы французских ко-

лоний ежегодно платили налог в 33 ливра за каждого своего раба. Во всех колониях взимались экспортные и импортные пошлины, налог с продаж внутри колоний, налоги на жилище и многое другое. В Иberoамерике владельцы земли облагались церковной десятиной. При этом лишь часть налоговых поступлений шла на содержание колониального аппарата, остальное — на нужды метрополий.

Социально-экономический строй. Хотя осваивалась Америка разными европейскими державами и в разные исторические эпохи, тем не менее социально-экономический строй в колониях определялся не различиями между колонизаторами, а прежде всего *природно-климатическими и демографическими особенностями колонизируемых территорий*. Так, на расположенных в тропиках и субтропиках островах Карибского бассейна, побережье Венесуэлы, Новой Гранады (современная Колумбия), Бразилии и в Гвиане до появления европейцев проживали индейские племена охотников, собирателей и примитивных земледельцев, мало или вовсе не пригодных для эксплуатации. И независимо от того, достались ли эти земли иберийским колонизаторам или же англичанам, французам, голландцам, здесь повсеместно коренное население исчезло. Основой же экономики стало плантационное хозяйство, доставлявшее Европе тростниковый сахар, хлопок, какао, кофе и другие тропические культуры, а для работы на плантациях завозились чернокожие рабы из Африки.

Безжалостно истреблялись кочевые племена индейцев также в умеренных и близких к ним климатических зонах: на Ла-Плате, в Чили, юго-западных районах Бразилии, на севере Мексики. И хотя хозяйничали на этих территориях иберийцы, здесь складывались крупные центры скотоводства и хлебопашества, которые и по этническому составу населения мало чем отличались от английских, французских и голландских переселенческих колоний в Северной Америке, Южной Африке, Австралии или Новой Зеландии.

Иное дело захваченные Испанией центральные и южные районы Мексики и Новой Гранады, Гватемала, Кито (современный Эквадор), Перу (ныне Перу и Боливия). Их сказочные богатства составляли не только месторождения золота, серебра, изумрудов, но и коренное население, создавшее высокоразвитые индейские цивилизации майя, ацтеков, инков, чибча. Эти народы находились на той ступени общественного разви-

тия, которая была характерна для стран Древнего Востока с азиатским способом производства и государством в форме деспотии. Они обладали тысячелетними трудовыми навыками в земледелии, ремеслах, горнодобыче, были привычны к эксплуатации своей государственной бюрократией и представляли для колонизаторов ценную рабочую силу. Разумеется, зверства испанцев случались и здесь, но все же общим правилом их поведения было стремление использовать в своих интересах общинную организацию и обычаи аборигенов, точно так же как в похожих условиях Индонезии, Индокитая, Индии или Ближнего Востока поступали голландские, французские и английские колонизаторы.

Начальной формой эксплуатации индейской общины была *энкомьенда* — передача отличившимся конкистадорам некоторого числа общин на «попечение». Индейцы продолжали вести хозяйство на общинной земле под управлением своих вождей — *касиков* или *кураков*, но за «опеку» отдавали часть произведенного продукта и оказывали «личные услуги» конкистадорам, трудясь на принадлежавших тем полях, приисках, мануфактурах, в рудниках или по дому. По форме это были те же «азиатские» повинности, которые прежде общины несли в пользу своей знати и государства. И оброк, и отработки индейцев предприимчивые «попечители» использовали не только для личного потребления, но и как товары, в том числе продавая отработки своих индейцев тем из колонистов, которые энкомьендой не обладали.

Когда численность предпринимателей выросла, а индейцев — сократилась и общая нехватка рабочих рук начала вызывать недовольство у арендаторов «личных услуг», эта система была изменена так называемыми *«Новыми законами»* (40-е годы XVI в.). Число энкомьенд резко сократилось, а их владельцы утратили право на «личные услуги». Общинное землевладение укреплялось установлением минимальных размеров пашни и *эхидо* — общинного пастбища. Подавляющее большинство общинников оказались под непосредственной опекой короны и облагались подушной податью в денежной форме. В основном деньгами предписывалось взимать и оброк в энкомьендах.

Вынужденные добывать деньги общины втягивались в товарно-денежные отношения различными способами. Самый известный из них копировал еще одну «азиатскую» традицию индейской общины. Суть ее в том, что в доколумбовые времена

индейцы-общинники, подобно древним египтянам, поочередно отбывали трудовую повинность на строительстве пирамид, храмов, каналов, дорог и других объектов общегосударственного значения. Отменив «личные услуги», колониальные власти организовали отправку индейцев на «общие» работы и даже сохранили индейские названия такой повинности — *мыта* в Южной Америке, *коатекиль* в Мексике. Однако число рекрутов и продолжительность отработок увеличились, а местом их отбывания стали главным образом рудники, владельцы которых обязывались оплачивать труд индейцев через общинные кассы. Эта система оставалась главной формой эксплуатации общины до начала XVIII в.

Негры-рабы и индейское общинное крестьянство были самыми угнетенными, но не единственными общественными классами, составлявшими основание социальной пирамиды в колониях. Хотя европейцы устремлялись в Новый Свет ради быстрой наживы и крупные состояния действительно случалось сколотить (как знатному дворянину Эрнану Кортесу, покорителю Мексики, или неграмотному в прошлом свинопасу Франсиско Писарро, завоевателю Перу), большинство переселенцев и их белых потомков (в Испанской Америке белых потомков называли *креолами*) оставались все же бедняками. Вместе с группами смешанного населения — *метисами, мулатами, самбо* или вольноотпущенными неграми и покидавшими общины индейцами — белые бедняки иногда наделялись мелкими парцеллами, а чаще самочинно, подобно североамериканским скваттерам, оседали на неосвоенных королевских землях, ведя мелкотоварное, полу- или полностью натуральное хозяйство, охотились на одичавший скот, становились арендаторами в крупных поместьях, занимались мелкой торговлей и ремеслами, трудились по найму в деревнях, городах или горнодобывающих центрах. Вся эта социально и этнически пестрая масса свободного мелкого крестьянства и городских низов подвергалась эксплуатации в иных формах и в совсем иной степени.

Верхнюю ступень общества занимали высшие чиновники колониального аппарата и церкви, владельцы золотых приисков и рудников, преуспевавшие торговцы, судовладельцы и промышленники, крупные землевладельцы. Поскольку недра принадлежали короне и только сдавались в аренду, самой надежной и престижной собственностью считалась недвижимость, в первую очередь земля. Собственность на нее сохраняла

родимые пятна феодального права в течение всей колониальной эпохи, так как легальным каналом ее получения оставалось королевское пожалование. Но и в XVI в. частные лица через четыре года после пожалования обретали полные права на участки и могли распоряжаться ими как угодно, в том числе продавать. В испанских колониях, кроме того, с 1591 г. нелегальные пользователи земель могли узаконить владения за определенную плату в казну, а с 1631 г. пожалование и плата в казну осуществлялись одновременно, что фактически напоминало уже продажу земли в частную собственность. Неотчуждаемыми и неделимыми, помимо земель индейских общин, оставались обширные церковные и монастырские владения, а также майораты.

Хозяйства частных лиц, за исключением отдаленных и изолированных районов, создавались с самого начала в основном для производства товаров на внешний и внутренний рынок. Существовал в колониях и наемный труд. Однако слабая заселенность Нового Света и наличие там громадных массивов незанятой земли препятствовали формированию нормального, т. е. дешевого, рынка рабочей силы, и, как следствие, наемные работники обходились намного дороже, чем в Европе. Так, в XVI в. на рудниках Мексики и Чили наемные поденщики (*пеноны*) получали четверть, а то и половину добытого серебра или золота, в Потоси (на территории современной Боливии) — 7 и даже 10 реалов¹ в день (между тем как в Лондоне во второй половине XVIII в. — чуть более 2, в Шотландии — 1,3—1,7 реалов). В XVIII в. скотоводы Ла-Платы жаловались на невозможность нанять пастухов для отгона стада на скотобойню в Буэнос-Айресе даже за 10—12 реалов в день². Однако и при таких заработках охотников трудиться по найму было немного. И потому местные пеоны повергали в изумление заезжих европейцев еще и тем, что при найме на работу могли требовать выплаты зарплаты за два, четыре, а то и восемь месяцев вперед, наравне с хозяевами позволяли себе послеобеденный сон — *сиесту*, покидали патрона, когда вздумается и даже не попрощавшись.

¹ За эту сумму в Перу продавались две-три овцы, в Гватемале — 80—100 фунтов парной говядины, в Буэнос-Айресе — два или три говяжьих бедра весом по 50 кг каждое и т. д.

² В те времена ровно 12 реалов скотобойня платила хозяину за каждую пригнанную корову или быка.

Вот почему в чистом виде наемный труд применялся либо там, где без него никак нельзя было обойтись (как во многих рудниках Мексики, Чили или Новой Гранады), либо там, где (например, в экстенсивном скотоводстве Америки) требовалось немного работников. Удешевления рабочей силы удавалось добиться за счет наделения работника участком для подсобного хозяйства, введения испольтчины и издольщины. Там, где имелись индейцы-общинники, выручала мита, или коатекиль, которые обходились в 1,5—2 раза дешевле. В других местах широко внедрялось прямое внеэкономическое принуждение — труд каторжников из Европы и особенно рабство негров. Конечно, и африканский невольник стоил недешево (скажем, на золотых приисках Новой Гранады в конце XVIII в. за него отдавали 500 песо¹). Но вплоть до середины XIX в. труд раба оставался в среднем вдвое дешевле труда наемного поденщика.

Социальные различия в колониях усложнялись **расовыми**. Теоретически цвет кожи сам по себе не определял социального положения индивида, в низших слоях общества встречались белые бедняки, а среди богатой верхушки — индейцы, владевшие крупными латифундиями, или мулаты и даже вольноотпущенные негры, которым, например, на французской части Гаити принадлежали четверть всех плантаций и пятая часть рабов. Однако белый цвет кожи имел решающее значение при занятии постов в колониальном аппарате, участии в органах местного самоуправления (аюнтамьенто и кабиљдо в Испанской Америке, муниципальных палатах в Бразилии, колониальных собраниях в Британской Вест-Индии), ношении оружия и европейской одежды, доступе к образованию и т. п.

Среди белого населения имелось немало трений между выходцами из метрополий и креолами, поскольку в органах управления на уровне вице-королевства, генерал-капитанства или губернаторства господствовали первые, в то время как за вторыми оставались органы местного самоуправления и колониальное ополчение, призванное вместе с гарнизонами регулярных войск отражать внешнюю агрессию или поддерживать

¹ Серебряный песо делился на 8 реалов и был больше известен под итальянским названием пиастра. На рубеже XVIII—XIX вв. он был примерно равен 1 доллару, 1/5 фунта стерлингов или 5 турецким ливрам. Кроме того, имел хождение золотой песо — дублон, равный двум серебряным.

внутренний порядок. Но и те, и другие ревностно отстаивали свои привилегии от притязаний со стороны «цветных».

Национально-освободительные революции конца XVIII — начала XIX в. Колонии Нового Света то и дело сотрясали выступления обездоленных слоев населения. Негры убегали от хозяев, в глухих местах создавали укрепленные поселения — **паленке** или **киломбо**, нападая оттуда на соседние деревни и города или же вместе с рабами окрестных плантаций поднимая восстания, охватывавшие подчас по несколько провинций. Индейцы не оставляли попыток изгнать европейцев, вернуть утраченные территории и независимость. Конкретных врагов повстанцы обычно выявляли по цвету кожи, и с обеих сторон проливалось немало крови. В зависимости от исторической памяти восставшего народа на освобожденной территории реставрировались либо африканские и индейские формы родового строя (крупнейшее в Бразилии килombo Палмарис, Араукания в Чили и т. д.), либо «азиатский» способ производства с соответствующей индейской государственностью (например, в «империи» Сантоса Атауальпы в Перу в 1742—1756 гг.).

Как и во времена крестьянских войн в Европе, идеализация прошлого служила знаменем для массовых движений социального протеста против существовавшей системы классового и расового угнетения. Но именно по этой причине креольское ополчение при поддержке колониальных властей и нередко эксплуататоров всех цветов кожи беспощадно их подавляло. Подлинно же смертельная угроза колониальной системе исподволь назревала на ином фланге и, как ни парадоксально, при самом активном содействии самих колонизаторов.

Наверное, нет в мире колониального в прошлом народа, который бы с благодарностью вспоминал колонизаторов, даже если он сам от них же и происходит. У латиноамериканцев воспоминания о колонизаторах тоже чаще всего связываются с украденными у них золотом, серебром, алмазами, с десятками миллионов загубленных индейцев и негров, со многими другими преступлениями европейцев. Такая оценка колонизаторов и колониализма конечно же обоснована, хотя и несколько односторонняя.

Крупный немецкий ученый **Александр фон Гумбольдт**, досконально изучивший Латинскую Америку во время путешествия 1799—1804 гг., провел любопытное наблюдение: «Новая

Испания... доставляет в королевское казначейство вдвое больше доходов, чем Британская Индия с ее впятеро большим населением в английское казначейство». Иными словами, каждый мексиканец давал в 10 раз больше прибавочного продукта, чем индеец. Если предположить, будто колонии втягивались тогда только в обмен товарами, то столь высокую продуктивность пришлось бы отнести на счет первобытнообщинного и «азиатского» способов производства у американских аборигенов. Но так ли это?

В Мексике середины XVIII в. среди 3 тыс. рудников действительно имелись и примитивные копи с индейским способом добычи. Но со времени внедрения в 1554 г. амальгамирования серебра ртутью свыше 90% серебра давали не они, а каких-нибудь полторы сотни крупных предприятий, из коих десять имели более чем по 1 млн песо основного капитала и тысячи наемных рабочих. На приисках Новой Гранады, откуда поступала половина испаноамериканского золота, успех тоже обеспечивали крупные и современные для той эпохи предприятия, затрачивавшие немалые средства на машины и механизмы, многокилометровые водные каналы, покупку и содержание тысяч рабов, найм свободных рабочих и т. д. Самые же высокие показатели в конце XVIII в. отмечены у тех из них, которые возникали в форме акционерного общества. И даже в тропическом земледелии каждая крупная плантация, скажем, сахарного тростника, помимо расходов на рабов, вкладывала капитал в сахароваренный завод, который (например, в Бразилии второй половины XVI в.) стоил в среднем 15 тыс. фунтов стерлингов, т. е. не менее 1 млн долларов в современном масштабе цен. Так что грабёж колоний иберийцы, как и другие колонизаторы Америки, осуществляли не за счет простого втягивания аборигенов в торговлю, а за счет создания целых отраслей и инфраструктуры экспортного хозяйства на уровне европейских достижений, которого местные народы не знали. **Таким образом, доходы от колоний зависели от ввезенных сюда капиталов.**

Каким в действительности было значение экспортных хозяйств для экономики колоний, наглядно показывает крупнейшее в Южной Америке месторождение серебра — *Потоси*. Открытое в 1545 г., оно уже через 25 лет насчитывало 120 тыс. жителей. Их надо было одеть, обуть, накормить, напоить да еще предприятия обеспечить порохом, железом и ртутью, лошадьми и мулами, фуражом, дровами и многим другим. Цены

же в городе, возвышавшемся более чем на 4 тыс. метров над уровнем моря, были не ниже, чем на Клондайке во времена «золотой лихорадки». Вот и возникали не только в Перу, но и в Кито, Чили, на Ла-Плате и в других уголках континента скотоводческие и земледельческие поместья и фермы, мануфактуры и цехи, весь смысл появления которых состоял в производстве товаров для Потоси. Подсчитано, что в XVIII в. эти поставщики «съедали» до половины добытого здесь серебра. А ведь такие же экономические связи складывались вокруг серебряных рудников Мексики, золотых приисков Новой Гранады, Бразилии, Чили, бразильских алмазных копей. Плантации сахарного тростника, кошенили, индиго, какао и других экспортных продуктов тоже создавали сеть товарно-денежных отношений, раскинутую порой на многие тысячи километров. Так, для питания рабов плантаторы Кубы закупали солонину в Рио-де-ла-Плате, Мексике и Венесуэле, и в конце XVIII в. для этой торговли ежегодно перерабатывались десятки тысяч голов крупного рогатого скота.

Сами же поставщики, порождая спрос на хлопок, шерсть, кожи и прочее сырьё, плели собственную паутину хозяйственных нитей. Прибавим к этому торговлю и необходимые ей средства транспорта и пути сообщения, города — и мы получим лишь малое представление о той гигантской созидательной работе, которую за три столетия колониализма проделал на американской земле иберийский капитал, а заодно и о том, во что обошлось ему создание подлинно всемирного рынка.

Конечно, процветание колоний никак не входило в планы европейцев. Но неумная жажда наживы все сильнее толкала к развитию как раз тех отраслей, от которых зависел динамизм и колониального хозяйства в целом. Во второй половине XVIII в. Испания и Португалия, стремясь сократить собственное отставание за счет увеличения доходов от заокеанских владений хотя бы до уровня английских, французских и голландских колоний, провели реформы по либерализации торговли и предпринимательства и реорганизации административно-управленческого аппарата. Доходы действительно повысились, составив, в частности, в Испанской Америке вместо 9 млн песо в 1778 г. 143 млн в 1784 г. Насколько же предпринимательский бум затронул остальные отрасли, показывает пример Рио-де-ла-Платы, где с 1776 по 1800 г. объем внутренней торговли, а значит, и внутреннего рынка вырос в 22 раза.

Чем большие обороты набирали эти процессы, тем быстрее формировался и креп в Новом Свете собственный слой предпринимателей. Поскольку все американские колонии в той или иной мере были *переселенческими*, этот слой в большинстве своем состоял в генетическом родстве с европейской буржуазией. Но уже через одно-два поколения он вращался в местную почву и интересы, забывал о родстве, становясь креольским не только по названию. К началу XIX в. в его руках находились многие торговые дома, примерно половина приисков и рудников, почти все мануфактуры и крупные частные землевладения. И теперь в его среде все громче раздавались требования отмены колониальных ограничений, введения свободы торговли и иных принципов либерализма. К этому же времени едва уловимые различия между американскими европейцами и европейцами из метрополий начали перерастать в отчуждение и неприязнь. На бытовом уровне это проявлялось в употреблении креолами презрительных кличек по отношению к европейцам и в ответных колкостях европейцев, подобных той, что они и детей бы собственных любили больше, если бы факт рождения в Америке не делал их креолами. На уровне самосознания у креолов складывалось ощущение принадлежности не к европейской, но к *американской* общности как особой нации. Когда же европейцы изобретали для индейцев, негров и других народов оскорбительные ярлыки (вроде «нации мака» в Бразилии), креолы, помимо прочего, отвечали «присвоением» истории других этносов. Они, например, до такой степени принимались восхвалять подвиги арауканов в битвах с конкистадорами, будто имели к героизму индейцев самое прямое отношение. В чем причины стремительно наступавшего разрыва?

Прежний подход к Латинской Америке строился на привычных европейских мерках (торговля и промышленность = капитализм, крупное землевладение = феодализм). Но в итоге возникал необъяснимый парадокс, ибо поднимали там знамя либерализма и возглавляли буржуазное освободительное движение как раз «феодалы», включая *Симона Боливара* — крупного венесуэльского латифундиста и плантатора-рабовладельца. В большей мере тогдашним реалиям отвечает взгляд на Латинскую Америку как на *составную часть единого, но разнородного мирового хозяйства*.

Общим для мировой системы был начавшийся переход от *мануфактурной стадии* и соответствующих ей учения и практики *меркантилизма* (в том числе торговых монополий и дру-

гих ограничений в колониях) к *стадии свободной конкуренции* с присущей ей свободой торговли и предпринимательства — центральный постулат доктрины *либерализма*. Особенное же заключалось в том, что на одном полюсе складывалась группа наций, у которых завершался или шел полным ходом промышленный переворот, предъявляя все больший спрос на сырье и продовольствие, между тем как добывающие отрасли и сельское хозяйство все заметнее отставали и обрекались на подсобную роль. В полной мере таким полюсом на рубеже XVIII—XIX вв. уже являлась Англия — «фабрика мира» и «владычица морей», которая рвалась к ресурсам и рынкам сбыта своей продукции по всему миру, в том числе в чужих колониях.

Противоположный полюс составляли колонии Нового Света, в течение трех столетий складывавшиеся как *аграрно-сырьевая база промышленной Европы*. И потому цвет местного предпринимательства — это не фабриканты, как в Англии, и даже не владельцы мануфактур, а именно «шоколадные маркизы» Венесуэлы и Кито, «сахарократия» Гаити, Ямайки, Бразилии, Кубы, владельцы плантаций индиго и кошенили Мексики, Гватемалы, Сальвадора, скотоводы венесуэльско-новогранадских льяносов, аргентинской пампы, Чили и т. п., а также горнорудные и торговые магнаты, которые нередко тоже были латифундистами. Мануфактура же и ремесло заполняли те ниши, которые не привлекали европейцев, изготавливая грубые ткани, примитивную обувь и готовую одежду не для высших, а для низших слоев общества. Свобода торговли и предпринимательства как краеугольный камень либерализма и свободной конкуренции несли таким мануфактурам неизбежную гибель от конкуренции европейских фабричных изделий. Потому спасение их владельцы искали в сохранении торговых монополий, протекционизма и прочих элементов меркантилизма.

Для гигантского экономического потенциала, накопленного креольскими предпринимателями экспортных отраслей, не то что рынки колоний, но даже рынки метрополий стали тесными. Еще находясь в колониальных оковах, этот потенциал через не-, полу- и вполне легальную торговлю с иностранцами рвался навстречу формирующемуся новому мировому рынку с такой непреодолимой силой, что в начале XIX в. испанская Куба и по экспорту, и по импорту имела главным партнером США, испанская Ла-Плата и португальская Бразилия — Англию и т. д. А для дальнейшего роста местным дельцам тем бо-

лее был жизненно необходим свободный выход на мировой рынок, суливший растущий сбыт сырья и продовольствия, доступ к новым образцам техники и предпринимательского опыта, международному кредиту, дешевым и качественным промышленным изделиям. Таким образом, иберийские колонизаторы уже полностью исчерпали свою прогрессивную роль в Америке, превратились в ненужных посредников и были обречены на изгнание.

Более того, местным деловым кругам не угрожала европейская конкуренция ни в горнодобыче, ни в тропическом земледелии. В производстве же исконно европейских пшеницы, мяса, шерсти, кож на стороне «феодалов» Нового Света были столь внушительные преимущества в виде плодородия, изобилия и дешевизны здешней земли, что спастись от конкуренции приходилось как раз английским лендлордам и фермерам «хлебными законами» 1815—1846 гг. Вот почему идеи либерализма, очертившие контуры будущего миропорядка, в лице латифундистов Латинской Америки, как и их собратьев с Юга США, нашли самых горячих приверженцев столь полной свободы торговли и предпринимательства, которая была несовместима ни с иберийскими, ни с любыми другими колониальными ограничениями. Любопытно, что англичане, не сразу уловившие это стремление Нового Света быть не объектом, а субъектом нового порядка, дорого за это заплатились не только в Северной, но и в Южной Америке. Ибо, истолковав тяготение креольской верхушки к своему рынку как простое желание сменить метрополию, они в 1806—1807 гг. попытались «помочь» ей двумя интервенциями на Ла-Плате. И дважды были наголову разгромлены креолами без какой бы то ни было помощи испанских колониальных властей.

Помимо экономического потенциала, идейной оснащенности, ясности цели, у креольской элиты были и другие достоинства. На рубеже XVIII—XIX вв. она получила ценный управленческий опыт в новых *консуладо*, своего рода корпорациях развития сельского хозяйства и торговли в колониях, имевших равное представительство от торговцев и землевладельцев. Вооруженные отряды латифундистов всегда составляли ударную силу креольского ополчения, чью боеспособность и испытали на себе английские интервенты на Ла-Плате. Все сказанное вполне объясняет, почему именно в латифундистах, в том числе плантаторах-рабовладельцах, буржуазная освободительная война нашла своего адекватного *инициатора* и *геге-*

мона, а в руководимых ими войсках — идеальную *главную движущую силу*.

Важно приглядеться не только к ликвидации колониального режима, но и к *внутренним преобразованиям*, вершившимся латифундистами в ходе *освободительной войны* 1810—1826 гг. А они состояли в том, что повсюду упразднялось общинное землевладение, а у кочевых индейских племен отнимались все новые территории. В результате лихорадочной распродажи этих, а также «пустующих» государственных (бывших королевских) земель разрушались первобытнообщинный строй индейцев и нелегальное мелкокрестьянское землепользование, уступая место крупной частной собственности. В настоящую народную драму такая приватизация превратилась на обширных равнинах Венесуэлы, Новой Гранады, Ла-Платы и Бразилии, где прежде «ничейные» земли и скот давали пропитание сотням тысяч свободных крестьян, беглых негров, а также кочевым индейским племенам. Везде введение свободы торговли и предпринимательства вызвало агонию цеховой организации ремесел и массовое разорение ремесленников. При этом повсеместно, как и в Англии XV—XVIII вв., по отношению к обобранным и разоренным массам были приведены в действие суровые законы против «бродяг».

Кроме того, во всех странах отменялся принцип неотчуждаемости владений, в том числе майоратов, началась экспроприация земли и другой недвижимости у монастырей. Одновременно образовывались банки, банковский процент освобождался от всяких старых ограничений, а в создаваемую финансовую систему, в добычу драгоценных металлов Аргентины, Боливии, Бразилии, Мексики и Перу, в другие отрасли хозяйства активно привлекался иностранный капитал. Были разработаны и начали осуществляться целые государственные программы по массовому заселению просторов Латинской Америки европейскими иммигрантами.

Такая трансформация означала радикальную ломку традиционной социально-экономической структуры. Этими преобразованиями латиноамериканские революционеры превращали все виды землевладения в буржуазную частную собственность, т. е. свободно отчуждаемую, продаваемую, закладываемую и т. д. (таким образом создавали рынок средств производства); «раскрестьянивали», «разремесленнивали» и принуждали к наемному труду миллионы свободных крестьян, индейцев-об-

щинников и ремесленников (формировали нормальный рынок рабочей силы); делали свободным движение капиталов (учреждали денежный рынок, кредитно-финансовую систему). Иными словами, они строили фундамент рыночной экономики в точности по либеральным рецептам.

В большинстве стран принятые (хотя и под воздействием негритянских восстаний) декреты «о свободном чреве»¹ и о запрете работорговли положили начало ликвидации рабства негров. Отменялись трудовая повинность и подушная подать индейцев. Наряду с упразднением особых судов и должности «протектора» для индейцев, введением судов присяжных, уравнением перед законом белых, индейцев, «цветных» и вольноотпущенных негров это означало разрушение *сословного* и создание основ *гражданского общества*.

Над обновленным *базисом* возводилась такая *политическая надстройка*, которая, воплощая идею либерализма о государстве как о «ночном стороже», не мешала, но охраняла свободную игру рыночных сил. Этой цели служили президентская республика (реже конституционная монархия), разделение властей, федерализм, «права человека и гражданина», включая неприкосновенность личности, жилища и собственности. В данной части латиноамериканские конституции были точными копиями конституций США. Все они указывали на «народ» как на единственный источник власти, но вводили не прямые выборы его представителей: на первом этапе избирались только выборщики, которые затем приступали к выборам депутатов и сенаторов. При этом «приостанавливалось» пользование правом голоса не только для рабов, бродяг и пьяниц, но также для домашней прислуги, наемных поденщиков и прочих лиц, «которые получают заработную плату и потому являются зависимыми от других лиц». Везде вводились высокие имущественные цензы — порой от 600 песо для избрания выборщиком до 4 тыс. — депутатом и 10 тыс. — сенатором. Тем самым конституции ясно очертили границы того «народа» и портрет того «человека и гражданина», которыми и для которых вершились латиноамериканские революции. По самым оптимистичным подсчетам такой «народ», или «гражданское общество», составляли не более 1% населения.

¹ Такими декретами дети рабов, родившиеся после их опубликования, объявлялись свободными, но обязанными оставаться у хозяев до совершеннолетия.

Таким образом, в Латинской Америке происходила *серия преобразований либерального типа*, которые не только разрушали колониальные режимы, но и трансформировали общество в направлении рыночной экономики, гражданского общества и правового государства. В условиях континента эта трансформация вылилась в экспроприацию большинства населения, т. е. собственно народа. Следовательно, реформы носили антинародный характер, о чем свидетельствуют и самые первые конституции Венесуэлы (1810—1815), ряда провинций Новой Гранады и других стран. С одной стороны, конституции отстранили собственно народ от участия в выборах его представителей, но наделили последних монопольным правом вещать от имени народа, в том числе и по вопросу о том, владеть ли ему средствами производства или превратиться в скопище пауперов. С другой — они облекли в силу закона подавление любого народного протеста, запретив какому бы то ни было собранию жителей представлять себя «народом» и выдвигать «коллективные прошения». Ослушники же сурово предупреждались: «Всякое собрание вооруженных людей будет рассматриваться как покушение на общественную безопасность и разгоняться с помощью силы... Всякое собрание невооруженных людей тоже будет разогнано: сначала — с помощью устной команды, а будет того недостаточно — то и силой».

Чтобы осуществить такие реформы, креольским латифундистам и их ополчению были еще необходимы удобный случай, иностранная помощь и главное — хотя бы нейтралитет народа. Благоприятный момент наступил на рубеже XVIII—XIX вв., когда сами метрополии оказались надолго ввергнутыми в европейские революции и войны, когда Португалия и почти вся Испания были оккупированы в 1808—1814 гг. наполеоновскими войсками. Поступала и иностранная помощь из Англии и США в виде оружия, боеприпасов и волонтеров. В Испанской Америке, кроме того, революционные правительства долго скрывали от низов истинные цели, объявив себя «хранителями законных прав» короля Фердинанда VII, пребывавшего в плену у французов.

Тем не менее почти везде революционерам пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением низов, которое в годы войны за независимость принимало форму восстаний или партизанской войны, будь то под национальными, роялистскими или самостийными знаменами. По этой причине конкретное содержание национально-освободительных революций в каж-

дой из стран Латинской Америки определялось не только устремлениями либералов, но и исходом их столкновения с собственным народом.

Либеральной без заметного отпечатка народных требований получилась только **революция** 1822 г. в **Бразилии**. Эта страна в течение XVIII в. испытала колоссальный подъем производительных сил, увеличила население в 10 раз и сравнялась по этому показателю с метрополией, которая сама превращалась в английский протекторат. Процветание Бразилии ускорилося с 1808 г., когда в результате вторжения наполеоновских войск в Португалию королевский двор переехал в Рио-де-Жанейро и когда вслед за этим торговая монополия, ограничения, регламентации и прочие элементы колониальной системы фактически рухнули. В 1815 г. Бразилия получила и новый политический статус, превратившись из колонии в равноправную часть Португальского королевства.

Ситуация в корне изменилась с окончанием войны в Европе и революцией 1820 г. в Португалии. Вернув в Европу сначала короля Жоана VI, а затем отзывая и его сына Педру, принца-регента Бразилии, буржуазия метрополии продемонстрировала намерение реставрировать колониальные порядки. В ответ бразильские помещики, *фазендейро*, окружили дворец принца и «убедили» его остаться; силами местного ополчения и морского флота они быстро справились с португальскими гарнизонами, создали бразильское правительство и заставили Педру издать манифест о независимости страны. Наконец, 7 сентября 1822 г. они добились от принца утверждения решения правительства о полном разрыве отношений с Португалией (этот день считается официальной датой провозглашения независимости). В качестве надстройки над реформированным базисом была установлена конституционная монархия во главе с бывшим принцем, а ныне императором **Педру I**.

Революция была столь скоротечной, что негры не успели поднять восстание и оказать воздействие на ее ход. В результате треть населения Бразилии еще на 66 лет осталась в рабстве, а общество в целом, включая и буржуазию, — в плену у рабовладельческих стереотипов.

Наоборот, подлинно *народные революции*, не обрывавшиеся «термидорами», произошли в **Сан-Доминго** и в **Парагвае**.

Французская часть острова Гаити — Сан-Доминго, типичная рабовладельческая колония, была крупнейшим в мире производителем сахара и значила для Франции не меньше,

чем Индия для Англии. Революция на Гаити началась под влиянием революции в метрополии и до осени 1792 г. сохраняла буржуазный характер. Добившись учреждения в стране органов представительной власти, местные плантаторы («большие белые») при поддержке остальной части белого населения («маленьких белых») провели через собрание г. Сен-Марка «Основы конституции Сан-Доминго». Документ закреплял за собранием разработку законов по вопросам внутреннего устройства страны, право вето на принятые Францией торговые акты и «временно» вводил свободу торговли. В то же время белое меньшинство не только рабам, но и свободным «цветным» отказало в гражданских правах, отчего мулаты в основном поддерживали колониальную власть.

«Кризис верхов» привел в движение чернокожих рабов, имевших 11-кратное численное превосходство над белыми. Ради обретения свободы рабы, до 1802 г. руководимые талантливым лидером *Туссеном Лувертюром*, бывшим рабом, постоянно меняли врагов и союзников; то помогали испанцам соседнего Сан-Доминго завоевывать французскую часть острова, то, наоборот, на стороне французских колониальных властей воювали против испанцев, душили революцию белых и громили высаживавшийся ей на помощь английский десант. К 1798 г. негры не только спасли французский режим, но и распространили его на весь остров. Но, когда, покончив с собственной революцией, метрополия в 1803 г. вознамерилась реставрировать рабство, они разгромили французский экспедиционный корпус и провозгласили независимость Гаити.

Разрушением колониализма и созданием независимого государства бывшие рабы, казалось, воплотили в жизнь цели своей буржуазии. Но вслед за этим остатки белого населения, т. е. ядро местных плантаторов и «маленькие белые» вместе с семьями, были полностью вырезаны в кампании «национальной мести» 1804 г., а на освобожденной от них земле возникло государственное плантационное хозяйство. Под управлением чиновников в нем трудились вчерашние рабы, положение которых было лучше, чем при французах, но завоеванная ими свобода была урезана запретом покидать «свои» плантации. Треть доходов шла государству, треть — управляющим, а остаток делился поровну между работниками.

Над этой «общенародной» собственностью складывалась и адекватная ей надстройка — военно-государственная бюрократия.

тия из среды вчерашних рабов и свободных мулатов, возглавлявшаяся императором Дессалином, тоже бывшим рабом.

Но в социально-экономическом плане страна была отброшена далеко назад и заново пережила процесс первоначального накопления, заключавшийся главным образом в разворовывании госсобственности бюрократией. Во всех опробованных вариантах, будь то в «прусском» или «американском», при президентах и военных диктаторах, королях и императорах, этот процесс встречал ожесточенное сопротивление масс, то и дело выливаясь в восстания, мятежи, перевороты, распад страны на провинции, бесконечные гражданские войны.

Парагвайская революция свершилась в лаплатской провинции, чья экономика покоилась на свободном мелкокрестьянском хозяйстве. Однородная и в этническом отношении (в основном метисы) крестьянская масса Парагвая по самой своей природе тяготела к равенству и народному суверенитету. В то же время она безошибочно уловила истинный смысл либерализма революционного Буэнос-Айреса, а в связанных с ним относительно слабых парагвайских помещиках и торговцах видела внутренних агентов своего внешнего врага. Оба этих настроения пробуждали в крестьянстве потребность в своем Робеспьере, каковым и стал выходец из состоятельной семьи, доктор теологии (философии), тонкий знаток просветителей и большой поклонник Руссо **Хосе Гаспар Родригес де Франсия** (1766—1840), из скромности именовавшийся просто доктором Франсией.

В 1810 г. парагвайцы разгромили освободительную экспедицию из Буэнос-Айреса, а через год уничтожили и испанский режим. После кратковременного двоевластия в 1814 г. крестьянство установило народный суверенитет по своим понятиям. В конгрессе крестьянские избранники, приняв во внимание, «сколь обременительным является для народа» содержание парламента и что заседать в нем надо в такое время, когда «Сельские Люды... посвящают себя достойному занятию земледелием», наделили доктора Франсию всей полнотой не только исполнительной, но также законодательной и судебной власти, возведя его в ранг «Верховного диктатора». В 1816 г. они утвердили его в данном качестве пожизненно, а конгресс до самой смерти «Верховного» в 1840 г. ни разу более не созывался.

1814—1840 годы отмечены в Парагвае строительством нового общества в отдельно взятой стране, за железным занаве-

сом. Вырос мелкокрестьянский и ремесленный сектор, беднейшие хозяйства периодически подтягивались до среднего уровня. А рядом за счет собственности, отнятой у испанцев, своей буржуазии и церкви, возникли госхозы (**«эстансии Родины»**) и государственные мануфактуры, где, помимо наемных рабочих, широко применялся труд негров-рабов и заключенных. Все производство жестко регламентировалось государством, устанавливавшим, сколько, чего и почему производить. Продуктивность и качество труда «стимулировались» репрессиями. Частная торговля была низведена до уровня городского базара, остальные звенья обмена и распределения огосударствлены. Государство создало свои лавки, нормировало отпуск дефицита, бесплатно распределяло среди беднейших скот, одежду, домашнюю утварь и т. д. Как видим, государство в Парагвае играло роль отнюдь не «ночного сторожа». Не случайно сам доктор Франсия считал, что воплощает в стране порядки «Утопии» Томаса Мора.

Скудные, но равные материальные условия жизни народа дополнялись равенством духовным. В стране — впервые в Латинской Америке — было введено обязательное бесплатное начальное образование, и в Парагвае той эпохи, как отмечали очевидцы, редко можно было встретить мужчину, не умевшего читать и писать. Но дать большего всем государство было еще не в состоянии, а более высокое образование некоторых нарушало равенство и рождало бы оппозицию. И в 1822 г. все среднее и высшее образование было попросту ликвидировано.

Над этим обществом равенства возвышалось всесильное бюрократическое государство, в котором исполнительная власть подменяла собой все остальные, а ее нити единолично удерживал в руках Франсия.

Иностранцы отмечали также отсутствие в Парагвае того времени гражданских войн и преступности. Похоже, и народ был доволен своей жизнью, боялся, но и чтит любимого вождя, был готов на величайшие жертвы ради защиты созданного строя. Для диссидентов же имелась могущественная тайная полиция с разветвленной сетью осведомителей.

Революции с тем или иным отпечатком **народных требований** характерны для остальной Испанской Америки, кроме Кубы и Пуэрто-Рико, пока еще колоний. Оккупация метрополии и пленение короля Фердинанда VII весьма благоприятствовали креольским революционерам. И они, образовав свои правительства — **хунты** — для «защиты законных прав люби-

мого монарха», не только ликвидировали колониальные режимы, но и сломя голову ринулись экспроприировать кочевые племена, индейцев-общинников, массы мелких нелегальных землепользователей. Среди наиболее одиозных революционных декретов достойны упоминания «Регламент льяносов» 1811 г. в Венесуэле и аналогичные законы для аргентинской пампы, санкционировавшие приватизацию «ничейных» прежде земли и скота, а также декрет о распродаже общинных земель, изданный в 1810 г. столичной хунтой в Новой Гранаде. В то же время делались попытки сохранить рабство негров или отдалить его отмену. Как следствие, массовые восстания рабов, а затем обобранных пастухов-льянеро под лозунгом «Да здравствует Фердинанд VII!» смели революционеры Венесуэлы без помощи из метрополии, а в Новой Гранаде важный вклад в их разгром внесли индейцы-общинники. К 1815 г. только в Буэнос-Айресе еще теплился очаг креольской революции, но и ей приходилось вести тяжелые бои с пастухами-гаучо.

В Мексике, наоборот, аресты властями руководителей креольского заговора побудили революционеров ради своего спасения срочно поднять народное восстание. Трудовой люд легко откликнулся на призыв состоявшего в заговоре *Мигеля Идальго*, однако же быстро перерос уготовленные ему рамки и развернул войну против всех своих угнетателей — испанцев и креолов, пока их же объединенной коалицией не был разбит в 1815 г.

Тем не менее народные движения (и когда на первых порах душили креольскую революцию, и когда сами оказывались побежденными альянсом креолов и испанцев) оказали заметное воздействие на развитие второго, победоносного этапа войны за независимость (1816—1826). Они впервые заставили креольскую буржуазию всерьез заняться социальными вопросами. Поэтому к ликвидации колониализма здесь прибавились декреты о «свободном чреве» или даже отмена рабства негров, замедление экспроприации индейцев-общинников, а кое-где и наделение простых солдат революционных армий землей. Чтобы понять источник подобных «буржуазных» реформ, достаточно сравнить Венесуэлу, где негры с оружием в руках вырвали себе свободу у креольских революционеров, с Бразилией, где негры не только не мешали, но и помогли своим фазендейро «черными батальонами» — и потому остались в рабстве почти до конца XIX столетия.

Становление национальных государств.

Ведя войну за независимость, латиноамериканские революционеры надеялись повторить опыт освобождения 13 английских колоний, которые, сплотившись в Соединенные Штаты Америки, быстро двинулись вперед по пути прогресса. Наибольшие усилия к объединению Испанской Америки прилагал *Симон Боливар*. В 1821 г. он стал президентом нового независимого государства Колумбии, в состав которого вошли Новая Гранада, Венесуэла и Кито, в 1824 г. — верховным диктатором Перу, а в 1826 г. — пожизненным президентом Боливии (бывшего Верхнего Перу). И хотя непосредственное исполнение президентских полномочий в Перу Боливар возложил на генерала Ла-Мара, а в Боливии — на маршала Сукре, номинально он оставался главой сразу трех крупных независимых государств. Возникла реальная возможность их объединения.

В июне—июле 1826 г. в городе Панама проходил конгресс, в котором помимо Колумбии, Перу и Боливии приняли участие Мексика и Соединенные провинции Центральной Америки. Его важнейшим документом стал договор «О постоянном союзе, лиге и конфедерации». Целями конфедерации объявлялись охрана суверенитета и независимости от посягательств иностранных держав и содействие взаимопониманию между испано-американскими народами. Устанавливались размеры вооруженных сил, которые каждый участник конфедерации должен был выделить на нужды совместной обороны. В ведение конфедерации передавались также вопросы общего гражданства, процедура разрешения территориальных и иных споров, ликвидация работорговли.

Однако Панамский конгресс стал высшей и последней точкой объединительных стремлений. Даже из подписавших договор государств его ратифицировала только Колумбия. Процесс же распада, начавшийся еще в годы войны развалом Рио-де-ла-Платы на Аргентину, Боливию, Парагвай и Уругвай, приобретал все более угрожающий характер. В 1830 г. он затронул созданную Боливаром Колумбию, на месте которой возникли Венесуэла, Эквадор и Новая Гранада. Отделившаяся от Мексики в 1823 г. Центральная Америка в свою очередь раскололась в 1838—1841 гг. на Гватемалу, Гондурас, Коста-Рику, Никарагуа и Сальвадор. В 1844 г. бывшая испанская колония на Гаити выделилась в Доминиканскую Республику. И таким образом с учетом Перу, Чили, Бразилии и Гаити образовалось 18 независимых государств. Распад происходил в об-

становке бесконечных междоусобных войн, которые не утихали и в обособившихся странах. В итоге вместо процветания достигнутая свобода вылилась в братоубийство и стоила латиноамериканцам большей крови, нежели ее завоевание. В чем же дело?

Радикальные реформаторы, прямо назвавшиеся после войны либералами, в происходивших на континенте процессах видели борьбу двух взаимоисключающих сил. Наиболее емкое определение этим силам даст в 1845 г. аргентинец Д. Ф. *Сармьенто* в знаменитом противопоставлении «цивилизации» и «варварства». Под «цивилизацией» либералы понимали не цивилизацию вообще, а именно ту ее форму, которая сложилась в протестантской Западной Европе и в ее американском продолжении — США. Эта форма ассоциировалась с рыночной экономикой, гражданским обществом, правовым государством и идеологией либерализма. Та же цивилизация, которая складывалась в течение 300 лет колониализма в католической Иberoамерике и синтезировала в себе иберийские, индейские и негритянские культурные начала, «сделав» латиноамериканцев латиноамериканцами, была объявлена «варварством», подлежащим уничтожению. Неудивительно, что между идеальными устремлениями либералов и реальной действительностью континента с самого начала образовалась и постоянно ширилась непреодолимая пропасть.

Так, разрушая «варварские» формы хозяйства, отнимая средства производства у народа и отдавая их буржуазии, либералы полагали, что эти средства очень скоро заработают в результате ничем не ограниченной теперь торговли с Англией, притока иностранного капитала и европейских переселенцев, а быстрое пришествие «цивилизации» компенсирует народу лишения военных лет и экспроприации. Однако разрушенная войной горнорудная промышленность требовала крупных инвестиций, а чудеса английской техники не могли быть доставлены из-за отсутствия дорог. Поэтому надежды на быстрое обогащение от эксплуатации недр провалились, и спешно созданные с этой целью акционерные компании в Лондоне обанкротились. Не лучше обстояли дела и в агроэкспорте, так как «фабрика мира» предпочитала ввозить продукты тропического земледелия из собственных колоний, а путь на свой рынок другим сельхозпродуктам из Нового Света преградила «хлебными законами».

В результате народ в значительной мере был ограблен и лишен возможности пропитаться самостоятельно, угроза голодной смерти и законы о «бродягах» гнали его на рынок труда, а рынка этого не существовало, поскольку отнятые средства производства не использовались буржуазией.

Раскол между верхами и низами усугублялся культурным отчуждением. Революционеры, еще недавно воспевавшие подвиги арауканов и других «американцев», заговорили теперь о природной глупости и лени индейцев, о «варварском» характере их ценностей и в то же время проявляли раболепие по отношению ко всему англосаксонскому. Стремясь максимально точно скопировать путь США, они прилагали огромные усилия для привлечения иммигрантов из Англии, США, Германии, Голландии, Швейцарии, не только бесплатно наделяя переселенцев землей (в том числе отнятой у местных «варваров»), но и позволяя возводить протестантские храмы и кладбища. Массового притока европейцев добиться не удалось, но даже прибытие первых тысяч колонистов с иной культурой, языком, религией, однако на правах едва ли не подлинных хозяев Латинской Америки, возбуждало у народа ненависть к пришельцам и к приглашавшим их правителям.

Эта ненависть все чаще выливалась в массовые восстания и грозила повторением сценария революций на Гаити или в Парагвае. В 1837 г. об этом напомнило индейское восстание в Гватемале, покончившее с правительством либерала Мариано Гальвеса. Поводом к нему послужили эпидемия обычной для тех времен оспы и слухи, будто правительство искусственно ее вызвало, дабы очистить страну от коренного населения и принять европейских иммигрантов.

На политическом уровне крайне опасный разрыв образовался между федеральным центром и провинциями. До войны состояние дел у провинциальных латифундистов и владельцев мануфактур зависело от сбыта товаров в процветающие центры экспортного хозяйства. В свою очередь, от состояния местного производства зависел и достаток большинства населения. Упадок горнодобычи, застой в агроэкспорте и приток промышленных товаров из Европы нарушили прежнюю зависимость. Довершали же опустошение провинций полчища иностранных торговцев и спекулянтов, которые и сюда ввозили дешевые фабричные изделия и, пользуясь острой нуждой местных жителей в деньгах, скупали за бесценок сырье.

Эта картина повергала в ужас местных предпринимателей, и они требовали немедленного отказа от фритредерства («фри тред» — свобода торговли), используя провинциальную автономию для введения запретов на ввоз иностранных товаров и вывоз сырья, обложения высокими налогами транзитных перевозок и прочих мер, защищавших провинции, но парализовавших политику центра. Когда же центр пытался силой их остановить, он сталкивался в провинциях с местным ополчением, опытными военными вожаками — *каудильо* — из среды тех же латифундистов и массовой поддержкой их населением.

Не понимая глубинных причин наступавшего хаоса, либералы настаивали на ускорении реформ и этим еще более нарушали хозяйственные и иные общественные связи, усугубляя кризис, всеобщую вражду и распад государств на провинции. Между тем внутренне ослабленные, раздираемые гражданскими войнами страны Латинской Америки оказывались беззащитными перед лицом отнюдь не призрачной внешней опасности. Так, в страшную трагедию для Мексики вылилось бездумное поощрение либералами иностранной иммиграции. Закон о ней был принят еще в 1824 г. Не упомянув вероисповедание колонистов, он открыл легальный путь в страну переселенцам из США и одновременно устанавливал, что даже конгресс был не вправе запретить въезд иммигрантам вплоть до 1840 г. В итоге к 1836 г. большинство населения пограничного Техаса составили американские колонисты. Люди прагматичные, они верно рассудили, что гораздо проще и дешевле, нежели нести «цивилизацию» в Мексику, взять да и увести Техас из Мексики в «цивилизацию». Поэтому сначала они провозгласили Техас независимым штатом, потом — частью США. Последовавшая американо-мексиканская война 1846—1848 гг. стоила Мексике множества жизней, кабального торгового договора и еще 51% территории, на которой ныне процветают в США не только Техас, но также Нью-Мексико, Аризона, Калифорния, Невада, Юта и отчасти Колорадо, Оклахома, Канзас и Вайоминг.

Но даже реальная угроза завоеванной независимости не меняла космополитизм радикал-реформаторов ни по содержанию, ни по форме. Еще в 1822 г. он нашел свое крайнее выражение в попытке либералов Сальвадора включить страну в состав США; в 40-е годы он в той же форме воплотился в «аннексионистском» движении на Кубе. В 20-е годы лидер мексиканских либералов *Лоренсо Савала* не только не стыдился рас-

суждать об аннексии Мексики северным соседом как вполне приемлемом пути в «цивилизацию», но и почтил за честь стать вице-президентом независимого Техаса.

Таким образом, в борьбе за «цивилизованное» будущее либералы с истинно революционной нетерпимостью расправлялись с «варварским» настоящим, утрачивали ощущение реальности и все более превращались не только в антинародную, но и в антинациональную силу.

Мексиканец *Лукас Аламан*, венесуэлец *Андре Бельо* и многие другие выдающиеся умы Латинской Америки являлись безусловными сторонниками независимости, но выступали с резкой критикой либералов за то, что те «отняли у родины все: национальность, добродетели, богатства, ее отвагу, силы и надежды». С их точки зрения, отказ от колониального прошлого должен был означать вовсе не его замену чуждыми для Иberoамерики устоями США или Западной Европы, что вело не к свободе, а лишь к хаосу, анархии и распаду общества. Напротив, считал Бельо, «тот, кто окинет историю нашей борьбы с метрополией взглядом философа, тотчас же согласится, что победу нам обеспечило не что иное, как наше иберийское начало». Аламан считал «достижение нами независимости великим, необходимым и закономерным событием... именно потому, что оно ориентировалось на благо общества, потому что узы, соединявшие наше прошлое с нашим настоящим и будущим, не были разорваны, но лишь развязаны».

Одним из первых революционных вождей, понявших гибельность избранного пути, был Симон Боливар, до 1828 г. остававшийся последовательным либерал-реформатором. Осознав, что массовое переселение европейцев не состоится, что «цивилизацию» не удастся перенести в готовом виде, но придется строить самому народу-«варвару», что поэтому его ценности надо хотя бы уважать, Боливар отобрал у иностранных колонизационных компаний предназначенные для переселенцев 6,3 млн га земли, распродав ее с молотка в счет погашения государственного долга и бесплатно наделив ею солдат и офицеров революционной армии. Он не только в Колумбии, но и в Перу остановил разграбление общинных земель и восстановил посты чиновников по защите индейцев. Для укрепления подорванных устоев «народной морали» Боливар возродил монашеские ордена, должности викариев и капелланов в армии, контроль церкви над системой образования. Он ликвидировал федерализм, резко увеличил полномочия исполнительной

власти, ввел пожизненное президентство, защитил местную промышленность запретами и высокими таможенными пошлинами. Не случайно современные консерваторы Колумбии считают отцом своей партии именно Боливаром.

Однако тогда разрушительное действие революции мало кто ощущал, и потому, чтобы свалить «диктатора», его вчерашние либеральные соратники не остановились перед развалом детища Боливара — великой Колумбии. Свергнутый и оболганный Боливар за месяц до смерти в 1830 г. горестно восклицал: «Америка неуправляема. Те, кто служат революции, пашут море». Вскоре приближавшаяся катастрофа приняла более явные очертания и побудила наиболее трезво мыслящую часть предпринимателей и политических деятелей отвергнуть либерализм. В итоге упорной борьбы с 1830-х годов почти везде в Латинской Америке у власти утвердились консерваторы — Хуан Мануэль де Росас в Аргентине (1835—1852), Андрес де Санта-Крус и Мануэль Исидоро Бельсу в Боливии (1829—1839 и 1848—1855), Антонио Лопес де Санта-Анна в Мексике (1833—1855), Диего Порталес в Чили (1830—1837), Хосе Рафаэль Каррера в Гватемале (1838—1865), Габриэль Гарсия Морено в Эквадоре (1859—1875) и многие другие. Все они, как и Боливар, были видными деятелями революций и вчерашними приверженцами либерального реформаторства.

Латиноамериканские консерваторы обычно приходили к власти в моменты наибольшего развала, когда едва возникшее название «Аргентина» на десятилетия перестало обозначать хоть какое-нибудь государство, когда существовало два Перу, а на месте Эквадора — четыре воюющие провинции, когда в Бразилии не только де-факто имелся ряд независимых республик, но и де-юре она стала федеральной империей. Так что на долю консерваторов выпала труднейшая задача: собрать, воссоединить разлетающиеся осколки латиноамериканского общества и на этой основе строить независимую государственность. В решении этой задачи они, в отличие от либералов, взяли курс не на заимствование красивых, но чуждых моделей общественного устройства, а на ассимиляцию всего того позитивного, что досталось от 300-летнего колониального прошлого и составляло сущность Латинской Америки.

Прежде всего консерваторы отказались копировать политическую систему США. «Единственно верное подражание им, — доказывал Аламан, — состоит не в том, чтобы копировать их

политическое устройство, к которому Мексика расположена не более чем, скажем, Турция, а в том, чтобы благоразумно перенимать сам пример осуществления независимости, оставляя в неприкосновенности ту форму правления, которая наиболее привычна нации». Поэтому вместо слабой федеративной республики консерваторы везде установили жесткий централизм, резко увеличили полномочия исполнительной власти и этим ограничили возможность имущего «человека и гражданина» как в центре, так и на местах ставить свои частные интересы выше интересов нации в целом. Важная роль в такой политической системе отводилась сложившейся в годы войны за независимость профессиональной армии, призванной силой умиротворять и либералов, и провинциальных каудильо, и народ.

Другим инструментом, связующим распадавшееся общество, консерваторы сделали католическую церковь и монашеские ордена, вернув им многое из отнятого либералами — имущество, контроль над образованием, статус не только государственной, но и единственной религии в обществе и т. п. Одновременно на уровне идеологии космополитизму либералов они противопоставили такое универсальное средство единения общества, как **национализм**. Основой его стало «иберийское начало» латиноамериканских народов, которое противоплагалось главным образом англосаксонскому высокомерию.

Материальную основу единения консерваторы закладывали трезвой и гибкой экономической политикой. При них экспорт на мировой рынок вырос в Аргентине втрое, в Перу — в 20 раз и т. д. Но местную промышленность от губительной иностранной конкуренции они везде защитили высокими таможенными пошлинами и запретами. Более того, государственное финансирование индустриализации началось в Новой Гранаде и особенно в Мексике, где созданный в этих целях Кредитный банк придал столь мощный импульс формированию современной фабричной промышленности, что только с 1837 по 1845 г. число веретен в текстильной отрасли выросло с 8 до 114 тыс., а выпуск пряжи — с 63 тыс. до 3 млн фунтов (этот процесс был сокрушен американо-мексиканской войной и торговым договором, снявшим протекционистские барьеры на пути промышленного импорта из США). В итоге сочетание интересов экспортных отраслей и провинций в какой-то мере сплотило элиты латиноамериканских обществ, примирив враждовавшие группировки.

В социальной сфере консерваторы отказались от фронтального столкновения либералов с народом. В Перу, Боливии и Гватемале они отменили законы о распродаже общинных земель, а такие их популистские лидеры, как Бельсу и Каррера, даже вернули индейцам часть отнятого. В то же время разграбление общин было узаконено в Новой Гранаде, негласно поощрялось в Мексике, не преследовалось в Перу. Продолжалось истребление кочевников и захват новых земель, распродажа «пустырей» в целом сокращала мелкокрестьянское землепользование. Не останавливались консерваторы и перед применением силы против народных восстаний. Однако же каналы социальной мобильности для народа, включая доступ к легальной собственности, были ими расширены, что вело к консенсусу между верхами и низами общества.

Таким образом, исключительная заслуга консерваторов Латинской Америки была в том, что они сумели уловить и остановить разрушительное действие поспешных либеральных реформ, «откатив» общество к той точке эволюции, в которой оно вновь обрело преемственность со своим прошлым и, следовательно, способность к поступательному развитию. Восстановив же эту жизнеспособность, они продолжили многие реформы, хотя и с величайшей осторожностью. Этим им удалось предотвратить дальнейший распад молодых государств, укрепить их независимость и в основном отстоять целостность их территорий.

ГЛАВА 15 Формирование и развитие колониальных империй

Колониализм и создание колониальных империй — существенная черта цивилизации нового времени. Колониальный грабеж и колониальная торговля служили важными источниками первоначального накопления капитала, обогащения и развития метрополий.

Большая часть богатств, награбленных испанцами и португальцами в Америке, Азии и Африке, способствовала развитию капитализма в Голландии и Англии. Именно поэтому основа колониальной системы была заложена этими двумя странами. Захваченные Португалией и Испанией земли, так же как и «свободные» (т. е. еще не захваченные европейцами) территории на этих континентах, стали объектами колониальных завоеваний Голландии и Англии.

Возникновение Голландской колониальной империи. Первой с конца XVI в. на поприще колониальной экспансии проявила себя Голландия (Нидерланды). Это не было случайностью. Здесь раньше, чем в других европейских государствах, после первой в истории победоносной революции 1566—1609 гг. восторжествовала капиталистическая система отношений. Опираясь на экономическую мощь страны и на силу флота, который после гибели «Великой армады» (1588) стал господствовать на морях, голландцы захватывали территории в разных частях света. В 1590—1593 гг. первые голландские экспедиции достигли берегов Западной Африки и Южной Америки. В 1595 г. на о. Ява прибыла первая голландская торговая экспедиция, открыв колониальную экспансию Голландии в Индонезии. В 1598—1600 гг. голландцы захватили принадлежавший до того португальцам о. Маврикий (колонизация острова голландцами началась с 1640 г.).

Исключительно важную роль в колониальных захватах играла голландская торгово-колониальная **Ост-Индская компания**, возникшая в 1602 г. В 1619 г. она овладела Джакартой (переименована в Батавию), которая стала центром Голландской колониальной империи на Востоке. В первые два десятилетия XVII в. компания захватила опорные пункты на восточном побережье Индостана и в Сиаме. Голландия вытеснила также португальцев из Японии и захватила в свои руки торговлю с этой страной. В 1638—1658 гг. после упорной борьбы с португальцами голландцы утвердились на о. Цейлон. В 1641 г. Ост-Индская компания хитростью и подкупом (обман и подкуп местных властителей, царьков, вождей были характерными методами колонизаторов) овладела Малаккой, находившейся до этого под контролем португальцев, — важным стратегическим пунктом, обладание которым обеспечило ей контроль над торговлей с Индонезией, проникновение в Китай и Японию. К 1642 г. голландцы захватили о. Тайвань, но продержались на острове всего около двух десятилетий (были изгнаны китайцами). В 1652 г. голландцы захватили опорные пункты в Южной Африке. Голландия заняла место Португалии в странах, прилегающих к Индийскому океану.

Поначалу голландская колониальная экспансия была лишь в малой степени территориальной: голландцы не стремились к захвату больших территорий, а обычно ограничивались созданием факторий и фортов в важных торговых и стратегических пунктах. Используя эти опорные базы, Голландия обеспечивала свою торговую монополию и господство своего флота на море.

Большое внимание уделяла Голландия и колонизации Нового Света. В 1609 г. Ост-Индская компания направила в Северную Америку экспедицию под командованием английского мореплавателя *Гудзона*. Образовавшаяся в 1621 г. **Вест-Индская компания** основала в Северной Америке колонию Новые Нидерланды с городом Новый Амстердам. Город был построен на о. Манхэттен (теперь центральная часть Нью-Йорка). Известна история «покупки» голландцами этого острова у вождя местного индейского племени за ножи, одеяла, бусы общей стоимостью — по современным ценам — всего в несколько десятков долларов. К 40-м годам XVII в. в Южной Америке эта же компания установила контроль почти над всей португальской Бразилией. Затем через полтора десятилетия за 8 млн гульденов она уступила свои «права» португальцам. Действи-

тельной причиной ухода голландцев было восстание португальских колонистов против голландского господства.

Первая половина XVII в. была периодом голландской колониальной гегемонии. Две упомянутые выше компании господствовали в колониальном мире. К середине XVII в. Голландия занимала также первое место среди других стран в торговле, судоходстве и судостроении. Голландский флот примерно в 10 раз превышал по числу кораблей флот Англии.

Эксплуатация колоний стала составной частью экономической системы, сложившейся в то время в Голландии. **Ян де Вумм** (1625—1672), видный голландский политический деятель и один из первых идеологов колониализма, в своих «Политических правилах» провозглашал, что колонии, торговля и промышленность представляют собой «троицу, на которой зиждется мощь Голландии».

Голландские колонизаторы XVII в., так же как и их предшественники — конкистадоры из феодальных государств Пиренейского полуострова, «прославились» разбоями и грабежами. Они не останавливались ни перед чем, чтобы подчинить своей власти народы Индонезии. Один из агентов Ост-Индской компании Ян Петерзон Кун, захвативший острова Амбоина и Банда, действовал с такой жестокостью, что, по словам одного голландского профессора, «все, вплоть до глав компании, содрогались от ужаса, читая описания смертных казней, которые Кун хладнокровно включал в свои письма».

Ост-Индская компания превратила Яву в крупнейший центр работорговли. Вест-Индская компания, действуя из временно оказавшейся под ее контролем Бразилии, предпринимала экспедиции для захвата баз для работорговли на западном побережье Африки. В середине XVII в. она захватила опорные пункты — Луанду, Эльмину, Каво-Корсо. Как в предшествовавшую эпоху, когда создавались колониальные империи феодальных Португалии и Испании, так и в новое время, когда происходил захват территорий в Азии, Африке, Америке и Океании европейскими странами, колонизации неизменно сопутствовала работорговля.

Начало колониальной политики Англии. Примерно в одно время с Голландией вступила на путь колониальной экспансии и Англия. В борьбе против колониальной гегемонии Португалии и Испании важную роль играли английские пираты, которых поддерживало и субсидировало пра-

вительство. «Королевские пираты» — *Фрэнсис Дрейк, Уолтер Рейли, Джон Хокинс* и многие другие — нанесли ощутимые удары по морскому могуществу Испании и Португалии. Дрейк в середине 80-х годов XVI в. возглавил экспедицию, в ходе которой ограбил ряд испанских городов на побережье Флориды, Чили, Перу и Калифорнии. Экспедиция возвратилась в Англию через Тихий и Индийский океаны, совершив второе после Магеллана кругосветное плавание. За свои «заслуги» пират Дрейк был произведен в адмиралы и получил дворянский титул. Пираты были фактически одними из первых «строителей» колониальной империи Англии. Р. Киплинг о них писал:

Тост, его мы тихонько выпьем,
За безымянный сброд,
За наших предтеч безымянных,
Джентльменский пиратский род.

За два года до слияния ряда голландских колониальных компаний в *Объединенную Ост-Индскую компанию* в Англии была создана собственная Ост-Индская компания (1600). В 1609 г. она по королевскому указу получила монопольное право торговли в Индийском и Тихом океанах «на вечные времена». В первое время голландская и английская Ост-Индские компании выступали вместе в борьбе против господства Португалии на Востоке.

С начала XVII в. наряду с голландскими возникают английские колонии в Северной Америке. В 1607 г. была основана первая английская колония Виргиния (Вирджиния), получившая это название в честь «незамужней королевы» — Елизаветы I (*вирджин* по-английски — дева). К последнему десятилетию XVI в. относится проникновение англичан в Африку. На западном ее побережье (в Гамбии) были созданы первые английские опорные пункты (*фактории*) для «обслуживания» работорговли.

В 1609 г. англичане овладели Бермудскими островами. В первой половине XVII в. они захватили также ряд островов в Карибском бассейне (Барбадос, Антигуа, Монсеррат и др.) и территорию в Центральной Америке, впоследствии получившую название Британский Гондурас. Таким образом, Англия обеспечила себе контроль над стратегически важными территориями, которые лежали на пути в Испанскую Америку.

В целом же в первой половине XVII в. Англия сильно отставала от Голландии по масштабам колониальных захватов. Только после буржуазной революции (XVII в.) широко развернулась английская колониальная экспансия. Интересы Англии и Голландии в области колониального грабежа и торговли пришли в резкое столкновение. Англия начала борьбу против колониального и торгового преобладания Голландии. В 1651 г. «Навигационный акт» Кромвеля нанес тяжелый удар по голландским торговле и мореплаванью. Затем начались англо-голландские войны — одни из первых войн за колониальную и торговую гегемонию. В результате трех войн (1652—1654; 1665—1667; 1672—1674) Англия одержала победу над Голландией. В ходе войны 1665—1667 гг. англичане захватили важные голландские территории и опорные пункты в Северной Америке, в том числе Новый Амстердам (переименованный впоследствии в Нью-Йорк). Англия закрепилась также на побережье Индии.

Ведя борьбу с Голландией, Англия столкнулась и с другим опасным соперником — абсолютистской Францией.

Англо-французское соперничество в колониальных захватах XVII—XVIII вв. Первые попытки захвата колоний в Северной Америке и Бразилии предпринимались французами еще в эпоху Великих географических открытий. Но, натолкнувшись на решительное противодействие испанских и португальских колонизаторов, эти попытки успеха не имели.

В пору правления Ришелье и Кольбера, рассматривавших колонии как важный источник обогащения, Франция проявляла большой интерес к колонизации Америки. Ришелье считал военно-морскую мощь и колониальную империю «неотъемлемыми условиями» улучшения экономического положения Франции. К середине XVII в. возникла колония *Новая Франция*, расположенная по реке Святого Лаврентия. С самого начала французской колонизации Северной Америки происходили столкновения между французами и англичанами. Они особенно усилились после того, как англичане нанесли поражение голландцам в Северной Америке и стали с 1664 г. непосредственными соседями Новой Франции. Упорная борьба между Англией и Францией продолжалась, то усиливаясь, то ослабевая, в течение почти полутора столетий.

Английские колонии в Северной Америке быстро расширялись, и численность населения в них росла благодаря постоян-

ному притоку переселенцев из Англии, что было связано с «огораживанием» и другими процессами, развертывавшимися в этой стране. В то же время французская деревня, скованная феодальной кабалой, не могла выделить достаточно «избыточного» населения для французских владений в Новом Свете. Основным стимулом французской колонизации Америки была погоня за пушниной, не требовавшая большого числа переселенцев. В поисках новых богатых пушниной территорий французы проникли к Великим озерам и оттуда — в долину Миссисипи, где они основали ряд фортов, в том числе Сан-Луи и Новый Орлеан. Огромные пространства бассейна Миссисипи (эта территория получила название *Луизианы*) были включены к началу XVIII в. в состав французских владений. Но они были отрезаны от океана цепью сравнительно густонаселенных английских колоний. Это обстоятельство и общая малочисленность населения французских колоний были важными причинами слабости французской колониальной системы в Северной Америке.

С 30-х годов XVII в. Франция приступила к колониальным захватам в Вест-Индии. Французскими колониями стали Гваделупа, Мартиника, Тобаго, западная часть о. Гаити (Сан-Доминго), ряд других островов. В Западной Африке французские торгово-колониальные компании (Сенегальская, Гвинейская и др.), создав несколько факторий-крепостей, активно включились в работоторговлю. В Индийском океане французы в 1638 г. овладели важным островом, получившим название Бурбон (теперь — Реюньон), и предприняли первую — неудачную — попытку создать колонию на Мадагаскаре.

С середины XVII в. во французских колониях в Вест-Индии стало быстро развиваться плантационное хозяйство (производство тростникового сахара, табака, кофе, индиго), основанное на использовании труда вывезенных из Африки рабов. В 1664 г. были учреждены французские Ост- и Вест-Индская компании. Во второй половине XVII в. французская Ост-Индская компания захватила ряд пунктов в Индии, в том числе Чандернагор и Пондишери. В Вест-Индии французы начали упорную борьбу с англичанами за господство над этим районом. Англо-французская борьба за мировую колониальную и торговую гегемонию была по сути дела одной из главных осей западноевропейской политики в конце XVII и в XVIII в. и служила основной причиной войн между Англией и Францией в этот период.

В 1701—1714 гг. развернулась *война за Испанское наследство* — первая из больших войн между Англией и Францией за колониальную и торговую гегемонию. Франция, используя династические связи, претендовала на установление своего контроля над испанскими колониями. Англии удалось не допустить их перехода в руки Франции. Кроме того, результатом этой войны был захват англичанами Гибралтара и принадлежавших Франции территорий в Северной Америке — Новой Шотландии и Ньюфаундленда. Но ни война за Испанское наследство, ни последовавшие за ней *войны за Австрийское наследство* (1740—1748), во время которых между Англией и Францией велась вооруженная борьба за господство в Северной Америке и Индии, не разрешили англо-французских колониальных противоречий.

В первой половине XVIII в. французская Ост-Индская компания осуществила ряд колониальных захватов в Индии. Губернатор французских владений в Индии Дюпле, умело используя противоречия между индийскими государствами и опираясь на созданную им армию из наемных индийских солдат (*сипаев*), добился подчинения французской Ост-Индской компании крупных княжеств Хайдарабад и Карнатик. Французские колонизаторы первыми продемонстрировали возможность завоевания Индии «руками индийцев».

Но французские успехи в Индии были недолговечны. Метрополия была не в состоянии оказать необходимую поддержку французским колонизаторам. В *Семилетней войне* (1756—1763) англичане нанесли сокрушительный удар по колониальным позициям Франции, особенно в Индии. В июне 1757 г. войска английской Ост-Индской компании, насчитывавшие всего около 900 англичан и 2 тыс. сипаев, под командованием Р. Клайва в битве при Плесси разгромили 70-тысячную армию наваба (правителя) Бенгалии, пользовавшегося поддержкой французов. Помимо военного превосходства хорошо обученной и снабженной английской артиллерией армии Ост-Индской компании, важную роль в исходе сражения сыграл переход на сторону англичан подкупленного ими военачальника из армии наваба. Армия английской Ост-Индской компании потеряла всего 72 человека убитыми. Битва при Плесси знаменовала собой конец надежд французов на создание колониальной империи в Индии. После войны Франция сумела удержать только пять городов на побережье Индостана. В Северной Америке в результате Семилетней войны к Англии перешли Француз-

екая Канада (Новая Франция) и обширные территории между Аппалачами и Миссисипи.

В последующие десятилетия XVIII в. английская Ост-Индская компания в результате целого ряда войн установила свое господство над Бенгалией, Бихаром, Ориссой, Аудом и значительной частью Южной Индии. Часть территории Индии оказалась под прямым английским колониальным управлением. Во второй половине XVIII в. Англия в борьбе с Францией утвердила свое первенство в области колониальных захватов. Она стала обладательницей большой колониальной империи.

Колониальное соперничество европейских держав в 1775—1870 гг. В результате Войны за независимость в Северной Америке (1775—1783) Англия лишилась своих 13 североамериканских колоний. Это было серьезным ударом по ее колониальной империи. Но Англия, быстро развивавшаяся в тот период, сравнительно легко его преодолела. Ее соперники ничего не получили, а сама она сумела в дальнейшем расширить свои владения и влияние во многих районах земного шара и компенсировать свои североамериканские потери. В длительных войнах с революционной, а затем с наполеоновской Францией Англия упрочила свою колониальную гегемонию.

Французская революция XVIII в. послужила толчком освободительному движению в ряде французских колоний. В 1791 г. в Сан-Доминго вспыхнуло восстание негров-рабов, среди руководителей которого был знаменитый *Туссен-Лувертюр*. Впоследствии он во главе армии из освободившихся рабов сражался против испанских, английских, а затем и французских войск за свободу Гаити (наполеоновская Франция пыталась восстановить колониальный режим и рабство на Гаити). В 1801 г. Туссен-Лувертюр провозгласил отмену рабства на всей территории острова. После ложных заверений с французской стороны «черный генерал» согласился в 1802 г. на прекращение военных действий, после чего он был предательски арестован, выслан во Францию и заключен в крепость, где и умер.

В ходе наполеоновских войн Франция потеряла подавляющую часть своих колониальных владений. Почти все перешло к Англии. Французская западная часть Луизианы была в 1803 г. продана США. По Парижскому мирному договору 1814 г. за Францией были сохранены в Западном полушарии Сен-Пьер и Микелон, Гваделупа, Мартиника, Гвиана, пять не-

больших владений на побережье Индии, о. Реюньон в Индийском океане и небольшие владения в Сенегале. Во французской историографии при изложении событий этого периода принято говорить о «конце первой колониальной империи Франции».

В ходе войн конца XVIII в. Англия подорвала колониальное могущество Голландии, захватив ее опорные пункты на восточном побережье Индии и некоторые территории на Суматре. Во время наполеоновских войн англичане нанесли еще несколько тяжелых ударов по Голландии, которая была союзницей Франции. Англия захватила Капскую колонию в Южной Африке (1795—1806), Цейлон (1795—1796), Яву (1811) и все остальные голландские владения в Индонезии, а также ряд других колоний. Таким образом, в руках англичан временно оказалась почти вся Голландская колониальная империя.

В XVIII в. Испанская колониальная империя по площади оставалась самой большой в мире. В Америке испанские владения занимали территорию от реки Миссури на севере до Магелланова пролива на юге. Кроме того, Испании принадлежали Куба, Пуэрто-Рико, Филиппины, острова в Океании и ряд территорий в Африке. Испанское правительство проводило политику экономической изоляции Испанской Америки и других колониальных владений, не допуская их торговли с иностранными государствами. Характерной особенностью Испанской колониальной империи было то, что в хозяйственном отношении она являлась придатком отсталой метрополии.

Господство Испании над ее огромными владениями подрывалось извне усилиями Англии и других стран. Английские и американские купцы-контрабандисты ко второй половине XVIII в. фактически уничтожили систему экономической изоляции Испанской Америки. Изнутри это господство подрывалось усиливавшимся в испанских колониальных владениях, прежде всего в Испанской Америке, движением за независимость. Крупнейшее восстание индейцев Перу под руководством Тупака Амару, начавшееся в 1780 г., продолжалось до 1783 г., несмотря на то что Тупак Амару был схвачен испанскими властями и казнен вместе с другими руководителями восстания (1781). Восставшие выступали за независимость и восстановление инкского государства. В разгар восстания армия Тупака Амару, насчитывавшая 60 тыс. воинов, нанесла ряд тяжелых ударов по испанским войскам. В конце концов восставшие потерпели поражение. Но это восстание дало силь-

ный толчок развитию освободительного движения в испанских владениях в Латинской Америке.

Отдельные реформы, осуществленные Мадридом в 60—70-е годы XVIII в., не могли укрепить шаткого фундамента испанского колониального режима. К началу XIX в. Испанская колониальная империя была огромной, но слабость отсталой метрополии делала ее господство над империей весьма непрочным. В ходе наполеоновских войн (Испания была втянута в разорительные войны с Англией, а в 1808—1814 гг. оккупирована французскими войсками) были фактически разорваны связи между метрополией и империей. Это привело к еще большему ослаблению испанских позиций в колониальных владениях. В Испанской Америке началась война за независимость, завершившаяся в 1826 г. превращением в самостоятельные государства **всех американских колоний Испании**, кроме Кубы и Пуэрто-Рико.

Португальская колониальная империя, как и сама Португалия, примерно с третьей четверти XVII в. попала под контроль Англии, который был закреплен заключенными между Англией и Португалией в 1703 г. **Лиссабонским договором** и **Метуэнским трактатом**. В соответствии с ними Англия взяла на себя «защиту» Португалии и ее заморских владений. За Англией было признано право на торговлю с португальскими колониями. К концу XVIII в. англичане захватили в свои руки почти всю торговлю с колониальными владениями Португалии, прежде всего с крупнейшим из них — Бразилией. Во время наполеоновских войн контроль Англии над Португалией и ее колониями еще больше упрочился. Изнутри Португальскую колониальную империю подрывали освободительные движения, прежде всего в Бразилии. В 1820—1822 гг. в Бразилии вспыхнуло восстание, завершившееся освобождением этой страны от португальского господства. В целом к началу XIX в. колониальное могущество Испании и Португалии осталось уже в прошлом.

Венский конгресс 1814—1815 гг. подтвердил сложившуюся к этому времени колониальную гегемонию Англии. Был признан переход к Англии Капской колонии, островов Мальта, Цейлон, Маврикий, Тобаго и ряда других территорий, которые она захватила в конце XVIII — начале XIX в. В начале XIX в. Англия стала ведущей колониальной державой мира. Победа над Францией — главным соперником в борьбе за колониальную гегемонию — и установление господства английско-

го флота на морях способствовали расширению и ускорению колониальной экспансии Англии во всех частях света.

В первой половине XIX в. Англия закрепила контроль над оставшимися у нее колониальными владениями в Северной Америке — над Канадой. Колонизируются Австралия и Новая Зеландия. Начался захват Южной Африки. Эти территории заселялись в основном выходцами с Британских островов — англичанами, шотландцами, ирландцами, уэльсцами. Положение этих переселенческих колоний резко отличалось от других английских колоний: находясь в политической и экономической зависимости от метрополии, они в то же время не испытывали национально-расового угнетения.

В этот период английские колонизаторы в основном завершили завоевание Индии. Предпринимались первые попытки завоевания Афганистана. В Юго-Восточной Азии англичане подчинили себе большую часть Малаккского полуострова и остров Сингапур (1819). Англия стремилась к контролю над Китаем, Японией и другими странами Востока.

В 1839 г. Англия захватила Аден, положив начало созданию «средневосточной империи». Усилилось ее проникновение в Китай. В результате англо-китайской войны 1840—1842 гг. и англо-франко-китайских войн 1856—1860 гг. (**«опиумные» войны**) Англия, Франция и США навязали Китаю первые неравноправные договоры, и он был вынужден открыть ряд портов для иностранной торговли. В ходе войны 1840—1842 гг. Англия захватила о. Сянган (Гонконг), который был превращен впоследствии в главную опорную базу английской экспансии в Китае.

К середине XIX в. Англия обладала самой большой колониальной империей — площадью свыше 11 млн кв. км и с населением, превышавшим 120 млн человек. Для управления этой империей и руководства дальнейшими колониальными захватами в Англии в 1854 г. было создано специальное министерство колоний.

Ослабленная в ходе наполеоновских войн, Франция в течение полутора десятилетий не принимала активного участия в колониальной политике. Но после революции 1830 г. Франция вновь встала на путь колониальных захватов. В 1830 г. началось завоевание Алжира. Лишь после тридцатилетней кровавой войны против алжирского народа французские колонизаторы смогли подчинить себе эту страну. Иноземные захватчики не останавливались ни перед чем для подавления

сопротивления алжирцев, Так, во время одного из восстаний против поработителей (1845—1846) по приказу генерала Пелисье, командовавшего карательными отрядами, были удушены дымом тысячи алжирцев, скрывавшихся в горных пещерах. Более полутора тысяч, в том числе женщин и детей, заживо замуровал в пещерах другой каратель — генерал Сент-Арно. Столь же «доблестно» проявил себя в карательных операциях в Алжире и генерал Кавеньяк.

В середине XIX в. началось французское проникновение в Тунис и Марокко. К 60-м годам Франция в упорной борьбе с африканскими племенами расширила свои владения в Западной Африке. В конце 50-х годов французские колонизаторы обратили свое внимание на Индокитайский полуостров. В 1858—1867 гг. ими была захвачена южная часть Вьетнама; в 1863 г. был установлен французский протекторат над Камбоджей. К началу 70-х годов XIX в. Франция фактически поставила под свой контроль всю южную часть Индокитая. Важным направлением французской колониальной экспансии была Океания. Франция захватила ряд островов Полинезии (1842—1847) и крупный остров Новая Каледония (1853).

В 1869 г. французская компания закончила сооружение проходящего по территории Египта Суэцкого канала, открывшего кратчайший путь из Средиземного моря в Индийский океан. Суэцкий канал сразу же превратился в ключевую позицию в борьбе европейских держав за колонии. К 70-м годам XIX в. Франции удалось заложить фундамент новой большой колониальной империи.

Голландия, несмотря на значительное ослабление своей колониальной мощи и потерю целого ряда колоний, все еще оставалась крупной колониальной державой. После Венского конгресса голландцам были возвращены Ява и другие владения в Индонезии. Однако в этой стране, ставшей основой всей Голландской колониальной империи, Голландии приходилось сталкиваться с угрожавшим ее позициям проникновением англичан.

К середине XIX в. относится начало экспансии Соединенных Штатов Америки в страны Латинской Америки, Китай, Японию, на острова Тихого океана. Активную колониальную политику в XIX в. проводила и Россия.

Как уже отмечалось, ограбление колоний было одним из главных источников первоначального накопления капитала в Англии, а также в других европейских странах. Ограбление

Индии — один из важнейших факторов, способствовавших промышленному перевороту в Англии в XVIII в. Благодаря притоку ценностей из Индии в Англии образовался крупный капитал и возникли условия для широкого использования изобретений Харгрейвса, Уатта, Аркрайта и др. Английская буржуазия в то время выдвинула из своей среды «рыцарей» колониальных захватов и грабежа. В истории колониализма известен такой, например, «строитель империи», как Р. Клайв.

Роберт Клайв (1725—1774) начал свою карьеру в Ост-Индской компании в 18 лет в качестве писца, а закончил ее губернатором Бенгалии. Клайв выдвинулся благодаря неразборчивости в средствах и жестокости. В 1757 г. он командовал армией Ост-Индской компании в битве при Плесси. После поражения бенгальского наваба столица Бенгалии Муршидабад была подвергнута разграблению. Сам Клайв забрал из сокровищ наваба драгоценностей на 200 тыс. ф. ст. К 1760 г. личное состояние Клайва превысило 1 млн ф. ст. На посту губернатора Бенгалии он допустил настолько вопиющие злоупотребления, что английское правительство вынуждено было возбудить против него судебное дело. Отвечая перед судом парламента (он был членом палаты общин), Клайв заявил: «Богатый город был у моих ног, могущественное государство было в моей власти, мне одному были открыты сокровищницы, полные слитков золота и серебра, драгоценных камней. Я взял всего 200 тыс. ф. ст. Джентльмены, до сих пор я не перестаю удивляться собственной скромности». Суд признал Клайва виновным в злоупотреблении властью и вымогательстве подарков, но отметил, что «Роберт Клайв оказал великие и достойные услуги Англии». Преступления Клайва были так велики, что английский суд не считал возможным его оправдать. Израсходовав огромные средства на подкуп членов суда, Клайв в 1774 г. покончил жизнь самоубийством.

Важным источником первоначального накопления для европейской, и прежде всего английской, буржуазии служила работорговля. С начала европейской работорговли в середине XV в. до середины XIX в. Африка потеряла, по разным подсчетам, от 65 до 100 млн человек, включая, помимо вывезенных в Америку рабов, убитых во время охоты за рабами и умерших при перевозке за океан. Только в английские колонии в Америке и Вест-Индии с 1680 по 1786 г. были вывезены свыше 2 млн африканцев. Захват европейцами первых опорных

пунктов на побережье Африки был вызван прежде всего потребностями работорговли.

Варварство и жестокость работорговцев не знали предела. Работорговля была вполне узаконенным «бизнесом» того времени. Вспомним подсчеты работорговца в известном стихотворении Г. Гейне «Невольничий корабль»:

Шестьсот чернокожих задаром я взял
На берегу Сенегала.
У них сухожилья, как толстый канат,
А мышцы тверже металла.

В уплату пошло дрянное вино,
Стеклярус да сверток сатина.
Тут виды процентов на восемьсот,
Хотя б умерла половина.

Работорговля служила источником обогащения Англии, Франции и других европейских стран. С ней был связан экономический расцвет таких городов, как Ливерпуль, Бристоль, Лондон, Бордо, Нант.

В первой половине XIX в. изменились содержание и форма эксплуатации колоний. Были проведены крупные реформы колониального управления (ограничение, а затем ликвидация торговой монополии колониальных компаний, изменение системы продажи земли в колониях и др.). Если ранее эксплуатация колониальной империи была привилегией аристократии и верхушки торгово-финансовой буржуазии, то к середине XIX в. в ней уже участвовала подавляющая часть буржуазии ряда европейских держав.

В 1833 г. правительством Англии была осуществлена отмена рабства в английских колониях с денежной компенсацией рабовладельцам (им было выплачено 20 млн ф. ст. — огромная по тем временам сумма). Отмена рабства — одно из свидетельств окончательного перехода к капиталистическим формам эксплуатации, что, однако, не исключало сохранения и использования колонизаторами в своих интересах рабовладельческих, феодальных и дофеодальных отношений в колониях. Колонизаторы установили в своих владениях жестокий режим национального и расового гнета, лишили подавляющее большинство населения основных человеческих прав.

Колонии становились для метрополий важными рынками сбыта промышленных товаров и источниками сырья. Вся экономика колоний, прежде всего их сельское хозяйство, были

принудительно приспособлены к потребностям капиталистических метрополий. Так, в Индии и на Цейлоне колонизаторы создали плантационное хозяйство для удовлетворения спроса Англии на джут, чай, хлопок. В Индонезии с 30-х годов XIX в. существовала введенная голландскими колонизаторами «система принудительных культур». Колонизаторы обязывали индонезийцев выращивать и сдавать им, по существу бесплатно, ценные экспортные культуры — кофе, пряности, индиго, сахарный тростник. В колониях, которым отводилась роль рынков сбыта для промышленных товаров метрополий, колониальные власти различными способами, в том числе посредством прямого запретительного законодательства, препятствовали развитию местной промышленности.

Установление колониального режима тяжким бременем легло на население колонизованных стран. В некоторых случаях (это относится прежде всего к сравнительно развитым странам Востока) они были отброшены в своем развитии на много лет назад. Примером может служить Индия — до порабощения ее английскими колонизаторами одна из передовых стран Востока. «Индия находилась в переходном состоянии. Она стала промышленной страной, и в ее городах начала развиваться буржуазия. Собственники фабрик были капиталистами, они снабжали мастеров сырьем. С течением времени этот класс, без сомнения, стал бы достаточно могущественным, чтобы сменить класс феодалов, как это было в Европе. Но как раз в этот момент вмешались англичане, что имело роковые последствия для индийской промышленности», — писал по этому поводу Дж. Неру.

С 1780 по 1850 г. английский экспорт в Индию увеличился с 386 тыс. ф. ст. до более чем 8 млн ф. ст. Из экспортера хлопчатобумажных тканей Индия превратилась в их импортера. Она стала важнейшим рынком сбыта для английской текстильной промышленности. В середине XIX в. на долю Индии приходилось около 1/4 всего английского экспорта хлопчатобумажных тканей. Разоренные индийские ремесленники не могли найти себе применения в промышленности, так как ее развитие намеренно тормозилось колонизаторами. Дешевые английские ткани вызвали в Индии не менее разрушительные последствия, чем военные экспедиции колонизаторов.

Хозяйничанье английских колонизаторов принесло страдания народам Индии. Одним из непосредственных результатов этого хозяйничанья был голод. В 1770 г. голод в Бенгалии унес

около 10 млн жизней. В XIX в., по английским официальным данным, в Индии от голода умерло: в 1800—1825 гг. — 1 млн человек; в 1825—1850 гг. — 400 тыс. человек; в 1850—1875 гг. — 5 млн человек. В одном из отчетов генерал-губернатора английских владений в Индии в середине 30-х годов XIX в. отмечалось, что «равнины Индии белеют костями хлопкоткачей». Тяжелые последствия имело установление колониального господства и для народов других колоний.

Но колониализм имел, как это ни парадоксально, и позитивную сторону. Европейские державы, поработав население колоний, в то же время приобщали, хотя и жестокими методами, отсталые (с точки зрения экономического и культурного развития) народы к более высокому уровню цивилизации. Так, английские колонизаторы в Индии, исходя из сложившихся к тому времени в Европе религиозно-нравственных представлений, боролись с различными формами религиозного фанатизма, в частности с варварским обычаем «сати» (само-сожжение вдов). На о. Фиджи с установлением английского колониального режима было покончено с каннибализмом. Колонизаторы, преследуя, разумеется, свои собственные интересы, объективно содействовали формированию образованной элиты из числа местного населения. Лучшие ее представители, нередко получавшие образование в европейских университетах, способствовали росту самосознания своих народов, их стремления к освобождению от колониального гнета. Нельзя отрицать и того факта, что, несмотря на колониальный режим, шел объективный процесс вовлечения колоний — с точки зрения экономического и культурного развития — в русло общего цивилизационного прогресса человечества.

Народы колоний вели упорную борьбу против своих поработителей. В различных частях колониального мира вспыхивали многочисленные восстания против колонизаторов. В XIX в. одним из крупных выступлений против колониального гнета (помимо уже упоминавшейся выше освободительной борьбы в испанских и португальских колониях) было яванское народное восстание 1825—1833 гг. Оно проходило под руководством *Дипо Негоро*, принадлежавшего к княжескому яванскому роду. Упорная и кровопролитная борьба против голландских колонизаторов продолжалась более пяти лет. Восстание было жестоко подавлено.

К числу важнейших выступлений против колониальных поработителей относится индийское народное восстание

1857—1859 гг., поставившее под угрозу английское господство над Индией. Колониальные власти с большим трудом смогли подавить это восстание — и только после того, как уступками и посулами привлекли на свою сторону участвовавших в нем крупных индийских феодалов и помещиков. Колонизаторы жестоко расправились с восставшими. До сих пор потрясает знаменитая картина Верещагина «Расстрел сипаев», на которой изображены восставшие сипаи, привязанные спиной к жерлам английских орудий, — перед варварской казнью.

Выступления колониальных народов против колонизаторов в XIX в. неизменно заканчивались поражением восставших. Восстания носили стихийный и локальный характер. Чаще всего их возглавляли местные феодалы, склонные к сговору с колонизаторами, более заинтересованные в сохранении своих владений и привилегий, чем в освобождении той или иной страны от иностранных поработителей. Тем не менее антиколониальные восстания XIX в. свидетельствовали о росте могучих сил, которым в дальнейшем — в другую историческую эпоху — суждено было взорвать всю систему колониализма.

ГЛАВА 16 Развитие науки и машинной техники

Истоки наук и новой техники. Начиная с XIV в. в Европе, особенно в странах, где развивались промышленность и торговля и где сохранились еще традиции античности, формировалось убеждение в необходимости знаний о земном бытии человека, не связанных напрямую с христианством. Данте выразил эту идею в «Божественной комедии», где античный мудрец Вергилий и земная любовь — Беатриче помогали ему разобраться в опыте веков. В соответствии с требованиями гуманистов Возрождения это должно быть знание о человеке и его месте в земном мире, дающее ему возможность активной перделки этого мира в своих интересах. Человеку нового времени достались в наследство античные знания о природных процессах (математика, начала механики, магические науки), средневековая схоластика и накопленный веками практический опыт. Всего этого было уже недостаточно. Схоластика своей оторванностью от земной жизни сдерживала интеллект и преобразующие потенции человека. Магия, запрещавшаяся церковью, но усиленно развивавшаяся в XV—XVII вв., была против этих схоластических ограничений, пыталась вмешиваться в природные процессы, но она была, во-первых, уделом избранных, а во-вторых, больше заявляла о своих возможностях, нежели их реализовывала. Хотя алхимия, с помощью которой были получены многие необходимые для жизни вещества, астрология, способствовавшая на основании наблюдений за космическими процессами осмыслению ситуации в человеческом обществе, и некоторые другие магические разработки пользуются вниманием человека до сих пор. Практический опыт, конечно, был необходим. Сконструированные умельцами первые машины для промышленности, как и опыт земледельцев, — основа развития хозяйства на заре нового времени. Но этот опыт не был систематизирован, он не касался всех сторон человеческой жизни, каждая новая ее ситуация оказывалась за пределом этого опыта, в нем было много случайных примет и поверий, в нем перемешивались с практической языческие и христианские знания. Нужен был теоретиче-

ский фундамент, который, во-первых, мог бы систематизировать имеющиеся знания и на их основе позволял бы получать новые знания, необходимые для понимания и преобразования меняющейся действительности, во-вторых, не был бы догматизирован на манер схоластики, сдерживающей творчество как получение именно нового знания, и, в-третьих, стал бы предметом изучения и понимания всех желающих, а не только магов. Иными словами, это должен быть новый способ теоретизирования, развивающий себя сам и, естественно, наиболее практически полезный на Земле из всех известных человеку. Такова была потребность времени. О всех отдаленных последствиях удовлетворения ее гуманисты не задумывались. Впервые на возможность употребления науки в добро и во зло указал в конце XVIII в. немецкий ученый и философ **И. Кант** (1724—1804). А реально и то и другое человек почувствовал на себе, своей судьбе в XX в. (глобальные проблемы человечества).

Гуманисты считали необходимым сначала создать науку о человеке, оставив на какое-то время в стороне знание природных процессов и используя в качестве основы такой науки опыт магов прошлого, прежде всего **Гермеса Трисмегиста** (мифической личности первых веков нового летоисчисления). Лишь в начале XVII в. сформировалась идея о необходимости естествознания, натуральной философии, как назвал новую науку выходец из крупных землевладельцев Англии, воспитанник Кембриджа, глубокий знаток античной философии, литератор и политический деятель **Ф. Бэкон** (1561—1626). Свою политическую деятельность он сочетал с научными занятиями: создал план «Великого восстановления наук»; написал отдельные разделы этой универсальной, по его мнению, системы естественно-научных знаний, имевших практическое значение; разработал метод научного познания (индукцию) и показал, как им пользоваться. Он еще не различал новое естествознание и магические знания, даже предложил имеющиеся практические сведения, добытые алхимиками, астрологами и другими магами, включить в общий эмпирический базис (натуральную историю) будущей науки. А цели последней он сформулировал в соответствии с традициями магов: **«Знание — сила!»**

Теоретические основы нового экспериментирования, дающего возможность избавиться от «обмана чувствами разума» при простом наблюдении природы, заложил великий итальянец **Г. Галилей** (1564—1642). Одним из первых естествоиспы-

тателей он утверждал универсальный характер формулируемых наукой законов Вселенной. Он же нашел экспериментальное подтверждение теории Коперника о движении планет вокруг Солнца. Введя принцип инерциального движения, Галилей заложил основы современной механики. Все эти идеи пришли в противоречие с религиозными догматами, были осуждены судом инквизиции. Галилей по ее требованию покался, сохранив тем самым себе жизнь и дальнейшую возможность заниматься научными изысканиями.

Введя эксперимент в механику и астрономию, что позволило однозначно трактовать соответствующий опыт веков, а заодно и отделить науку (знание, подтверждаемое экспериментом) от ненауки, Галилей практически стал родоначальником этих наук. Отныне у астрономии и астрологии появились свои сферы деятельности, не позволяющие их спутать. А механика стала эталоном естествознания, гипостазирование чего (механицизм) на протяжении более двух веков физиками и философами сначала способствовало развитию науки, а к середине XIX в. стало тормозом этому, преодоленным научной революцией конца XIX — начала XX в.

Современник Галилея, философ **Р. Декарт** (1596—1650), физик и математик, воспитанник иезуитского колледжа Ля-Флеш во Франции, целью своей деятельности ставил нахождение принципов теоретического научного мышления, считая основным из них право на сомнение в истинности самых авторитетных знаний, что оказалось достаточно для конфликта с церковью этого оснорожденного человека. Путешествуя по Италии, он предпочел не встречаться с Галилеем. Он долго жил в Голландии, отличавшейся тогда относительным свободомыслием, затем переехал в Стокгольм по приглашению королевы Христины для основания там Академии наук.

Таким образом, Галилей и Декарт заложили основные принципы науки нового времени — получение знания, доступного экспериментальной проверке и математической формулировке, знания, подлежащего критическому к себе отношению, — необходимому условию саморазвития.

Развитие науки, рост внимания общественности к ее возможностям привели к созданию первых научных сообществ нового типа. К их числу относятся *Лондонское королевское общество* (1662), идею которого выдвигал еще Ф. Бэкон, *Французская королевская академия наук* (1666). Они функционируют до настоящего времени. Начало им положили собрания

друзей, интересовавшихся наукой. Как писал Спрат, историк Лондонского королевского общества, «первоначально они ставили себе только одну цель — удовлетворить желание дышать более свежим воздухом и спокойно беседовать друг с другом, не опасаясь быть втянутыми в страсти и безумства этого мрачного века». Свобода общения талантливых людей сделала свое дело — наука утвердилась как важнейший институт нового времени.

В это же время менялось взаимодействие науки и техники, как и сама роль техники в общественном бытии. Формировалось представление о человеке как господине в мире природы. Отношение к технике как к фактору, определяющему могущество государства, стало устанавливаться с начала XVIII в. Ко второй половине века относится появление техники промышленной революции с использованием достижений науки. Рабочие машины и универсальные паровые двигатели позволяли передавать им функции, осуществлявшиеся до этого непосредственно рабочими. В XIX в. развивалась техника крупного машинного производства с системой рабочих машин, приводимых в действие паровым двигателем. Наука все более становилась производительной силой общества. В свою очередь, в ней появлялись идеи, которые использовались для создания новых типов машин, двигателей, новых отраслей производства (химических, электротехнических и др.).

Развитие науки поставило перед человечеством три взаимосвязанные проблемы: а) характер научного мышления; б) функционирование науки как социального института; в) характер общественных отношений в связи с фактом существования науки. Этими проблемами занималась философия и позднее социология.

Философия в XVII — первой половине XVIII в. развивалась как *натурфилософия*, «наука наук», дающая объяснения результатам естественно-научных исследований, а также вырабатывающая методы научного познания, пригодные для понимания сначала явлений природы, а затем структуры человеческого общества, отношений людей, морали, права, политики. В XVIII в. прогрессивно мыслящие промышленники все более начинали понимать важное значение науки для развития хозяйства. Предприниматели, ученые, техники-профессионалы часто общались между собой, обсуждая широкий круг вопросов — от технических усовершенствований на фабриках до социального обустройства общества. Так было, например,

в «*Лунном обществе*», собиравшемся в период полнолуния в Бирмингеме (Англия). В него входили фабрикант железных изделий Д. Уилкинсон, горшечных — Веджвуд, доктор Э. Дарвин (дед Ч. Дарвина), священник и химик Д. Пристли, социальный «фантазер» из Ирландии Эджверт, фабрикант пуговиц, ставший затем производителем паровых машин, М. Болтон. Друзьями этого общества были философ и историк Д. Юм, экономист А. Смит, основатель современной геологии Д. Геттон. Предметом их общения были конкретно-практическая польза науки, реформа системы образования и т. д.

В конце XVIII — начале XIX в. происходили промышленная революция в Англии, политические преобразования в Америке, Франции. Обществу становилась все более ясной практическая польза естествознания, как и заинтересованность ученых в новых общественных отношениях. Появились первые научно-исследовательские институты, где формировались технические науки — посредники между естествознанием и производством, важнейшим лицом которого стал *инженер* — человек, умеющий применять технические знания на производстве.

Единая система наук сформировалась к середине XIX в. Предметом внимания науки стала вся природа и человек в ней. Но апогей любого события всегда является началом его деградации. Первые сомнения в универсальности механицизма появились в конце XVIII в., когда естествознание стало всерьез интересоваться необратимыми явлениями, недоступными для экспериментирования с ними. Формировался спектр естественно-исторических наук — геология, палеонтология, биология, эмбриология и т. д., в рамках которых шла интенсивная полемика о возможностях использования знания о настоящем для понимания прошлого. К середине века идея необратимости процессов живой и неживой природы, как и человеческого общества, стала признанной. Эта идея позволяла сомневаться в достоверности любых научных знаний настолько, что апологет механицизма *П. Лаплас* (1749—1827), став одним из авторов теории вероятностей, обосновывал возможность ее применения в таких случаях. К тому же развитие физико-математических наук — термодинамики, теории электричества, электромагнетизма — подорвало веру в универсальность принципов построения знаний в механике (механическая картина мира) для понимания всех природных явлений, заложило ос-

нование для формулирования альтернативных механизму картин мира (электромагнитной и т. д.).

Успехи научного познания вели к размышлениям об относительности религиозного обоснования моральных ценностей. Начались поиски светских нравственных ценностей, развивались идеи безрелигиозного просвещения общества как условия его благополучия. Деятельность просветителей стала основой развития современных наук о государстве и праве, идеологической базой Французской революции с требованием свободы, равенства и братства.

Общественные науки в XIX в. развивались достаточно интенсивно, что было связано с резкими изменениями самой действительности, большим количеством нового, открывшегося исследователям эмпирического материала, накопленным опытом в самих общественных науках. Противоречия социального бытия людей потребовали как интенсивного созидания теоретических моделей этих процессов (политэкономии, теории государства и права, социологии и т. д.), так и идеологического выражения борющихся за власть групп, в том числе создания моделей общества социальной справедливости.

Стремительное развитие общественных отношений в новое время, дестабилизация существующих порядков и одновременно неудовлетворенность людей вновь возникающими структурами, тем, что обещанные реорганизаторами «златые горы» оборачивались новыми лишениями и порядками, к которым еще надо привыкать, ломать собственные ценности, — все это создавало атмосферу недовольства таким развитием, вызывало желание устойчивого спокойного бытия. На этой волне появились в эпоху Возрождения «Город Солнца» *Т. Кампанеллы* и «Утопия» *Т. Мора*. После капитализации отношений в Европе, а особенно после Французской революции 1789 г. утопические ожидания усилились. Так возник *утопизм* в форме социализма (термин «социализм» стал широко употребляться с 30-х годов XIX в.); предпринимались попытки реального переустройства общества на принципах социальной справедливости: движение бабувистов, «Союз коммунистов», колонии социалистов в США, движение анархистов.

В середине XIX в. К. Маркс (1818—1883) и Ф. Энгельс (1820—1895) придали этим идеям революционно-преобразующую направленность, соединив в одной концепции выводы из философии Г. Гегеля (1770—1831), экономическое учение А. Смита и социалистические идеи своего времени. Они пре-

вратили свое учение в идеологию борьбы за справедливость и заявили о необходимости партийного руководства ею. В прямом противоречии с этими идеями, по их мнению, находится религия, христианское учение о свободе человеческой личности. Естествен в связи с этим активный демарш К. Маркса против этого учения: «Религия — опиум для народа!»

Наряду с многочисленными попытками дать рационалистическую картину человеческого бытия (и даже его революционного преобразования) с начала XIX в. возрастал интерес к таким началам личности, как ее вера, воля, свобода. Были заложены основы **либерализма**. На смену атеистическому отрицанию религии пришли серьезные труды по религиоведению. Религиозность вновь проявила себя неустранимой сущностью человеческой культуры.

Таким образом, теоретическая мысль в рассматриваемый нами период прошла путь от создания естествознания до революции в его основах. Наука как форма теоретического мышления превратилась как в интеллектуальную, так и производительную силу общества.

Достижения естествознания и развитие машинной техники. Развитию науки, возрастанию ее роли в производстве, становлению технических наук в решающей степени способствовало совершенствование математики, ее все более интенсивное использование в формулировании научных знаний. Введение буквенной символики в алгебраические доказательства, создание таблиц логарифмов, аналитической геометрии, дифференциального и интегрального исчисления позволили сделать механику, а затем и другие науки точными, а их результаты — доступными для практического применения. Математика стала стимулирующим фактором науки, а с середины XIX в. — методом получения научных знаний.

В XVIII в. занятие математикой становится профессией, приобретает интернациональный характер. Так, швейцарец, петербургский академик **Л. Эйлер** (1707—1783) и француз, президент Берлинской академии наук **Ж. Лагранж** (1736—1816) существенно продвинули вперед математический анализ, теорию чисел. На рубеже следующего века развитию математики способствовал **Наполеон Бонапарт**: он интересовался исследованиями **Лапласа**, по его инициативе ученые занялись составлением метрической системы мер и новых триго-

нометрических таблиц. В XIX в. математика применяется для объяснения явлений теплоты, электричества, магнетизма.

В математике, как и в любой науке, существуют темы, разработка которых продолжается в течение веков. Так, введение мнимых чисел в XVIII в. позволило французскому математику **О. Коту** (1789—1837) заложить основы теории функций комплексного переменного — эта теория широко используется современной наукой. Два тысячелетия ученые-математики тщетно пытались обосновать пятый постулат Евклида, а к концу XVIII в. появились интуитивные мысли о возможности создания геометрии, в которой был бы использован постулат противоположного содержания. Профессор Казанского университета **Н. И. Лобачевский** (1792—1856) создал вариант неевклидовой геометрии. В 1856 г. немецкий математик **Б. Риман** (1826—1866) доказал, что могут существовать и другие варианты (римановы) геометрии. Таковые широко используются в современной науке.

Как отмечалось выше, эталоном научности в XVIII в. была механика. Для нее прежде всего создавались новые экспериментальные приборы и оборудование, что вело к развитию отраслей механики — гидромеханики (науки о равновесии и движении в жидкостях), пневматики (науки о движении газов), баллистики (о свободно движущихся в газообразных средах твердых телах). Развитию механики способствовало и возрождение провансальским священником **П. Гассенди** (1592—1655) античного учения об атомах как частицах, движущихся в пустоте. Атомам были приписаны свойства иметь инерцию и тяжесть. Идеи атомизма были использованы **И. Ньютоном** (1643—1727). Затем на атомарном принципе создал учение о строении вещества **Д. Дальтон** (1766—1844).

Авторитет механики, успехи производства, использующего ее достижения, философские работы по этому поводу способствовали развитию других наук. Так произошло с термодинамикой. Открытия в XVII в. в области пневматики позволили ориентировать ее на практику. В 1690 г. французский физик **Д. Папен** (1647—1714) описал принцип работы парового двигателя. Его разработкой занялись **Т. Севери**, **Т. Ньюкомен**, **Д. Уатт**. В результате этот двигатель стал важнейшей составной частью производства. А теоретический анализ принципов его работы французским инженером **С. Карно** в XIX в. положил начало теоретической термодинамике, которая после открытия принципа сохранения энергии стала

влиять на формирование научного мировоззрения. Формулирование идеи необратимости энергетических процессов (рост энтропии) способствовало выдвиганию концепции «тепловой смерти Вселенной». Была сделана попытка создать энергетическую (антитеза механической) картину мира.

Еще в начале XVII в. англичанин **У. Гильберт** начал изучать электричество и магнетизм, который он считал причиной, удерживающей планеты на орбитах. Идеи Гильберта стали предметом внимания через сто лет. К концу XVIII в. сформировалась наука об электричестве, делались попытки ее механистического обоснования. Американский философ и физик **Б. Франклин** (1706—1790) предложил понимать электричество как жидкость, существующую во всех телах. Француз **Ш. Кулон** (1736—1806) написал формулы математических соотношений для этой жидкости, позволяющие до сих пор производить количественное описание явлений электричества. Похожесть уравнений математики для описания взаимодействия зарядов электричества и полюсов магнитов побудила ученых к мысли о связи этих явлений. В 1820 г. случай помог датскому ученому **Х. Эрстеду** (1777—1851) установить факт отклонения магнитной стрелки под влиянием электрического тока. В 1831 г. английский физик-самоучка **М. Фарадей** (1791—1867) подтвердил факт возникновения электрического тока под влиянием магнита. Он же предвидел существование электромагнитного поля, теорию которого разработал тоже англичанин **Дж. Максвелл** (1831—1879). Появилась возможность создания электромагнитной картины мира. Практическое использование работ по электромагнетизму и электричеству привело к созданию электротехники и радиотехники, успехи которой — дело следующего века.

Физические знания способствовали развитию **химии**, которая сложилась как наука в XVII в. в результате синтеза практического опыта по получению новых веществ и тысячелетних исследований алхимиков. Один из основателей Лондонского королевского общества физик и химик **Р. Бейль** (1626—1691) сформулировал достаточно точное определение химического элемента и заложил основу количественного изучения вещества. Было введено понятие «флогистон» для определения горючести вещества (флогистон как составная часть веществ, которую они теряют при горении). Многочисленные опыты привели **Дж. Пристли** в 1774 г. к выделению флогистона, который впоследствии был назван кислородом. Совершенствованию ко-

личественного анализа в химии способствовали идеи Дальтона об атомарном строении вещества. Определенным завершением усилий химиков по упорядочению знаний химических элементов следует считать открытие **Д. И. Менделеевым** в 1869 г. периодического закона химических элементов.

В XIX в. химия развивалась в значительной мере под влиянием потребностей промышленности и сельского хозяйства. Открытие новых веществ, их искусственный синтез способствовали развитию химической промышленности, особенно в Германии. Практические потребности в новых красителях, а также интенсификация сельского хозяйства потребовали развития органической химии. Встала проблема количественного анализа новых веществ. Работы немецкого химика **Ю. фон Либиха** (1803—1873) и французского биохимика **Л. Пастера** (1825—1895) позволили прийти к выводу о существовании специальных молекулярных структур этих веществ. Таковая (бензольное кольцо) была предложена немецким химиком **Кекуле** в 1865 г. Ю. фон Либих выяснял роль азота, фосфатов, солей в жизни растений, заложив тем самым основы биохимии — науки о едином процессе взаимопревращения веществ в природе.

Обратимся теперь к некоторым техническим изобретениям и открытиям, чтобы полнее раскрыть практический эффект, полученный от науки. В результате создания многих рабочих машин и парового двигателя в конце XVIII в. в Англии, а в начале XIX в. и в других странах началась промышленная революция — крупнейшее социальное явление, поставившее серьезные задачи и перед естествознанием, и перед общественными науками, и перед политиками.

Машины стали применяться прежде всего в легкой промышленности — первой «ласточке» капиталистического производства. Оно заинтересовано в прибыли, а значит, в потребителе, покупателе своей продукции — тканей, обуви, одежды, а не станков и машин. Да и стоимость основного капитала на единицу продукции здесь ниже, чем в машиностроении. Конечно, для развития легкой промышленности требовалась сырьевая база. Она возникла раньше всего в Англии начала XVIII в., где усовершенствования в земледелии резко повысили доходность товарного производства необходимого сырья. А быстрый рост городов обеспечивал рынки сбыта для хлеба, мяса, тканей и пр. К 1750 г. промышленность научилась обрабатывать ввозимый из колоний хлопок (до этого экспортировались ткани), что существенно увеличило и разнообразило рын-

ки сбыта, а значит, и область применения техники. Традиции мануфактурного производства, основанного на разделении труда, опыт мастеровых, рост сырьевых ресурсов и потребностей побудили английских изобретателей в XVIII в. создать необходимое ткацкое, прядильное, швейное оборудование (правда, первая швейная машина появилась в Вене, но первый патент на такую машину был получен в Англии в 1755 г.). Все это оборудование приводилось в действие сначала водяными, а затем паровыми двигателями, что делало его достаточно производительным, освобождало рабочие руки. Некоторые изобретения *Харгривса*, *Аркрайта*, *Вуда* можно встретить и в современных машинах.

Погоня за прибылью и конкуренция в следующем веке требовали от владельцев предприятий использования достижений науки на производстве. Одного мастерства умельцев-изобретателей уже не хватало. Возрастала нужда в технических изобретениях, применение которых не требовало бы рабочих высоких квалификаций. Соединение изобретательства с научными знаниями позволило в XIX в. увеличить производительность станков в легкой промышленности в несколько раз при расширении ассортимента и качества выпускаемой продукции.

Мореплавание, развитие сельского хозяйства и легкой промышленности, а также потребности армии интенсифицировали металлургическую и машиностроительную промышленность. В начале XVIII столетия с помощью физических и химических знаний был создан кокс, давший возможность получения дешевого чугуна. Но была необходима сталь, производство которой было засекречено на Востоке. Путем долгих экспериментов французскому естествоиспытателю *А. Реомюру* удалось доказать родство железа, стали и чугуна и открыть секрет производства стали и железа (1722). Но рецепты Реомюра долгое время казались неосуществимыми, пока английский изобретатель *Г. Бессемер* (1813—1898) не нашел в 1856 г. способ продувания воздуха через горячий чугун с целью выгорания из него лишнего кислорода и превращения в сталь. Почти одновременно братья Э. и Л. *Мартены* (Франция) создали специальную печь для восстановления стали из чугуна, названную их именем. Дешевая сталь существенно повлияла на развитие техники, в том числе и оружия, а значит, проложила дорогу к будущей «войне моторов».

Препятствием для соединения механики с машиностроением было вначале как отсутствие в науке практически применимых конкретных формул, таблиц, схем, так и отсутствие в машиностроительной практике методов точного металлообработки и других способов обработки металла, соответствующих предлагаемым схемам, формулам. Лишь к XIX в. была создана техническая наука о машиностроении, а также соответствующие способы обработки металла. Естественно, что применение машин меняло многие жизненные ценности, в чем-то усложняло жизнь человека. Поэтому были не только восторги, но и в XVII—XVIII вв. попытки избавиться от машин (например, поломки машин вытесняемыми с производства рабочими — *луддизм*), а также запрещения властей применять высокопроизводительные машины. Так, в 1653 г. в Утрехте появилась машина для изготовления веревок с их полуавтоматическим скручиванием, ее производительность оказалась в пять раз выше ранее действовавшего оборудования — машину запретили городские власти. В 1639 и 1648 гг. в Голландии была запрещена ленточная машина, а в 1685 г. ее публично сожгли в Гамбурге. Но, вероятно, этой машиной все же пользовались, так как запрет вновь повторил Карл VI. В 1620 г. курфюрст Саксонский принял закон, запрещавший целый ряд станков. Однако запреты постепенно ослаблялись, ибо становилось ясным, что без машин и без применения научных знаний уже не обойтись; между наукой и производством потребовался посредник — инженер. К числу первых инженеров можно отнести рабочих, обладавших большим умением и смекалкой. Это были самоучки по изготовлению инструмента, горного и ткацкого оборудования, двигателей и др. Лишь в 1850 г. сформировалась целенаправленная система подготовки инженеров в учебных заведениях.

Большое значение в новое время имело развитие транспортной техники и средств связи. В XIX в. на помощь пришла наука. Честь решения проблемы парового железнодорожного транспорта принадлежит *Дж. Стефенсону* — самоучке, сыну рудничного кочегара. Первым потребителем такого транспорта были угольные бассейны. В 1814—1829 гг. Стефенсону удалось создать серию все более совершенных паровозов, способных передвигать составы весом до 90 т. Техника была признана пригодной для дела, когда удалось обогнать лошадь — традиционного возчика угля в шахтах. Вплоть до середины XX в., когда тепловозы и электровозы вытеснили паровозы с

железных дорог, все типы паровозов создавались на базе стейфенсоновской «Ракеты». Массовое железнодорожное строительство в Европе и Америке развернулось к середине XIX в.

В 1803 г. на реке Сене в Париже проходил испытание первый, еще не совершенный пароход, построенный **Р. Фултоном**. С созданного им второго парохода, опробованного в Гудзоне (США), началась история пароходостроения. «Клермонт» (так назвал свое детище Р. Фултон) имел в длину 43 м, водоизмещение — 15 т. На нем была установлена паровая машина Уатта мощностью 20 лошадиных сил. Путь от Нью-Йорка в 270 км он прошел за 32 часа. В 1819 г. морской пароход «Саванна» добрался из Европы в Америку за 26 дней. Но пароходостроение в XIX в. развивалось медленно из-за трудноразрешимой проблемы экономного использования топлива.

Важное открытие совершил в 1785 г. испанский изобретатель **Ф. Сильва**. Используя статическое электричество, он создал первую телеграфную линию между Мадридом и Аранхауэсом. В 1835 г. американец **С. Морзе** придумал первый пишущий аппарат, передающий короткие и длинные импульсы, которые на приемном устройстве воспринимались как точки и тире. В 1844 г. этот аппарат был использован на линии Вашингтон — Балтимор, а затем он получил широчайшее распространение. К 1870 г. была установлена межконтинентальная телеграфная связь. Можно утверждать, что наука об электричестве была первой, на базе которой возникла новая промышленность без опоры на донаучный опыт.

Химическое мастерство известно задолго до создания химии как науки. Но к началу XVIII в. появились предпосылки для ее применения на практике, что явилось существенным фактором создания новых отраслей промышленности. Выше уже говорилось о получении кокса из каменного угля в 1640 г. Через 80 лет из него искусственно был выделен горючий газ, который в 1765 г. применялся для освещения улиц. В XVII в. путем химических реакций научились получать искусственный холод, о необходимости которого в хозяйстве говорил еще Ф. Бэкон. В 1727 г. **Г. Шульцем** была открыта фотохимическая реакция — основа изобретения **Даггером** и **Арчером** фотографии. Развитие химии, а также потребности войны привели к созданию пироксилина (1846) и нитроглицерина (1847). Применять химию начали и в сельском хозяйстве.

Отметим, что есть научные открытия, как и технические изобретения, чей расцвет наступает не сразу, время которых

впереди. Так случилось в XIX в. с электротехникой, двигателями внутреннего сгорания, некоторыми видами техники связи, с радиотехникой, определившими направление развития технических наук и производств в XX в. Непросто складывалась судьба наук, имевших дело с необратимыми изменениями в природе — биологическими и геологическими, которые полностью экспериментом не проверишь. Конечно, потребность в полезных ископаемых, в сельскохозяйственных продуктах, необходимость лечения человека и животных, результаты наблюдений за природой, накопленные в путешествиях, способствовали все возрастающему интересу к таким явлениям, стремлению превратить этот интерес в научное знание.

Можно назвать три причины, тормозившие интенсификацию естественно-исторических наук. Во-первых, это их вторжение в теологическую сферу, конкуренция с идеей о божественном творении всех видов живой и неживой природы. Во-вторых, сложность явлений, изучаемых этими науками. Необратимость изменений позволяет лишь ограниченное применение экспериментов для их изучения. И в-третьих, это же обстоятельство делает сложным представление биологических и геологических знаний в форме, практически полезной для материального производства (это стало доступным лишь в XX в.).

С помощью изобретенного микроскопа **Левенгук** (1632—1723) и другие естествоиспытатели исследовали структуру живых организмов. Были получены некоторые сведения по анатомии. Но все же это было скорее удовлетворение любопытства или предмет для натурфилософских конструкций, чем база для практического применения этих данных.

Лишь постепенно происходило становление самого понятия «развитие» в знаниях о необратимых явлениях природы и общества. До сих пор в геологии, биологии, да и в общественных науках уживаются научные, натурфилософские и теологические объяснения полученных в наблюдениях данных. Биологи века изучали как внутреннюю структуру живого, так и его органическую эволюцию. Швед **К. Линней** (1709—1778) создал классификацию всех животных, растительных организмов и минералов, исходя из идеи неизменности всего существующего. «Видов столько, сколько их вначале сделало безначальное существо!» Предложенная Линнеем классификация существует до настоящего времени.

Ботаник **Жорж Луи де Бюффон** (1707—1788) пытался обобщать признаки, по которым Линней квалифицировал орга-

низмы, а **Э. Дарвин** (дед Ч. Дарвина) на основании идей Бюффона стремился проследить возникновение и развитие всего живого от исходного организма, т. е. ввести идею необратимости изменений. Отсутствие необходимых данных, даже небрежение ими, сделали его идеи неубедительными в глазах ученых. Но сама мысль об эволюции оказалась живучей. **Ж. Ламарк** (1744—1829) выдвинул идею о зависимости эволюции организмов от приспособляемости их к окружающей среде: это был крупный шаг к дарвинизму.

Развитие эволюционной теории упиралось в ограниченность геологических представлений об изменениях в земной коре. Геологические знания существовали еще с античных времен, но до XVIII в. либо они носили узкопрактический характер, либо к ним примешивались религиозные или натурфилософские обоснования (не было и такой профессии — геолог). Суждения об изменениях в земной коре можно было найти у Д. Бруно, Р. Декарта, И. Ньютона, В. Лейбница в духе их мировоззренческих установок. Лишь во второй половине XVIII в. врач из Эдинбурга **Д. Геттон** (1726—1797) первым пытался назвать «естественные причины» возникновения земных слоев как результат действия сил, которые существуют и поныне, важнейшей же из них является огонь. Сторонников Геттона стали звать **плутонистами**. Их оппонентами были **нептунисты** — последователи профессора геогнезии, минералогии и горного дела из Фрайбурга **А. Г. Вернера** (1750—1817): несколько ранее он высказал мысль о воде как причине, порождающей горные породы. Эмпирических свидетельств и у того, и у другого было достаточно.

Позже французский палеонтолог и зоолог **Ж. Кювье** (1769—1832), вновь опираясь на опытные данные, показал, что ныне действующих причин для объяснения строения земной коры недостаточно. Для доказательства связи между ныне живущими и ископаемыми организмами необходимо предположить неоднократные катастрофы в истории Земли, а они не сводятся к ныне действующим причинам. В ходе дискуссий оппоненты стали терпимее относиться друг к другу. Оценивая процесс становления научных знаний в европейской науке, можно сказать, что это не только процесс получения нового знания, но и постепенное формирование того, что мы сегодня называем **плюрализмом мышления**.

В 1832 г. появилась книга **Ч. Лайелля** (1795—1875) «Основы геологии», в которой была описана история образования

земных пластов в зависимости от сил природы (а не внеприродных катастроф). Лайелль объяснил многое, но он не смог примирить свою концепцию (униформизм) с идеей неизменности органического мира, ибо остатки животных организмов, найденные в различных земных слоях, свидетельствовали об изменении видов. Предлагался вывод: в каждую эпоху фауна вымирала и создавалась новая, соответствующая изменившимся внешним условиям. Это было отступлением от «внеестественного источника» творения, но оно не могло удовлетворить естествоиспытателей, самого Лайелля. Его друг **Ч. Дарвин** (1809—1882) нашел выход, создав учение о естественном отборе, обуславливающем эволюцию видов. Крайне осторожный в своих выводах, он в течение 20 лет собирал материал для их обоснования и чуть было не упустил приоритет открытия. Молодой путешественник **А. Уоллес** (1823—1913) самостоятельно пришел к эволюционным идеям в результате наблюдения за распространением живого мира в Ост-Индии. Книга Ч. Дарвина «Происхождение видов» вышла в свет под нажимом друзей Дарвина одновременно со статьей Уоллеса, ибо сам Дарвин не хотел публиковать свои результаты, ознакомившись с текстом статьи. Ч. Лайелль в 12-м издании «Основ геологии» учел результаты, полученные Дарвином.

Учение о естественном отборе оказалось в центре внимания естествоиспытателей, теологов, философов, политиков, даже писателей-сатириков, принеся душевный дискомфорт его автору, привыкшему к тиши кабинета. Дарвин был не вполне удовлетворен собственным объяснением причин изменчивости видов, лежащей в основе эволюции (они носили «гадательный характер»). Эти причины описал на языке эксперимента и математики чешский монах и естествоиспытатель **Г. Мендель** (1822—1884). Начался новый этап развития биологии.

Общественные науки. Начнем с истории философии, ибо она в значительной мере определяла развитие других наук, даже естествознания. Да и сама философия обратила свое внимание прежде всего на природу научного познания.

Противостояние эмпиризма (научное познание начинается с показаний органов чувств и является их обобщением) и рационализма (основой познания являются научные понятия, ученый видит в предмете то, что он знает о нем) определило суть полемики философов XVII — начала XIX в. Такое противос-

тояние философских принципов не принесло победы ни одной из сторон, зато дало много положительных результатов в развитии методов научного познания, в создании новых общественных наук — психологии, этики, эстетики. Синтез эмпиризма и рационализма пытался осуществить **И. Кант** (1724—1804), пришедший к выводу о непознаваемости сущности вещей: на основе эмпирического опыта научное познание лишь получает возможность теоретически конструировать объект, а не познавать сущность предмета.

Новое время требовало и изменений в морали, лежащей в основе общения людей. На закате Возрождения эмпирически настроенные мыслители также предлагали свои моральные максимы, исходя из наблюдения за реально меняющимися отношениями людей. В этих рекомендациях часто перемешивались светские и религиозные начала. Особое место здесь занимают французские моралисты **Ф. де Ларошфуко** (1613—1680) и **Б. Паскаль** (1623—1662). Последний был и крупным естествоиспытателем. Они не рассуждали о морали отвлеченно, а предлагали моральные афоризмы в духе своего предшественника **М. Монтеня**, стремясь придать им парадоксальность, изящество, некоторую долю иронии, таким образом подчеркивая свое презрение к нудному морализаторству и предпочитая ему реальное поведение в быту. «Мысли» Паскаля выглядят серьезнее, нежели легкие, порхающие, как бабочки, и жалящие, как оса, «Максимы» Ларошфуко. Паскаль — ученый; одним из первых в новое время он разочаровался в возможностях науки принести счастье человечеству и стремился найти высшую истину и смысл бытия в Боге. Религиозность Ларошфуко — скорее привычка. Отсюда его следующий афоризм: «Наши добродетели — это чаще всего переряженные пороки». Б. Паскаль о том же: «Люди делятся на праведников, которые считают себя грешниками, и грешников, которые считают себя праведниками». Ларошфуко о любви: «Как ни приятна любовь, все же ее внешние проявления доставляют нам больше радости, чем она сама». Афоризм Паскаля на ту же тему: «Чувство так же легко развратить, как и ум». А вот советы политикам: «Зло, которое мы причиняем, навлекает на нас меньше ненависти и преследований, чем наши достоинства» (Ларошфуко). «Нет беды страшнее, чем гражданская смута. Она неизбежна, если попытаться всем воздать по заслугам, потому что каждый тогда скажет, что он-то и заслужил награду» (Паскаль).

Постепенное проникновение философов во все сферы жизни человека привело их к убеждению, что мораль также должна быть научно обоснована. Этику как геометрию, в рамках которой свобода индивида становилась лишь «осознанием необходимости» объективного бытия, предложил голландский философ **Б. Спиноза** (1632—1677) во второй половине XVII в.

Традиции моралистов в следующем веке продолжили во Франции просветители, труды которых способствовали постепенному формированию национального характера. Последний, как и накапливаемый опыт материального производства и организации форм управления, стал более основательным фундаментом образа жизни Франции и французов (это можно проследить и на примере других стран и народов), нежели революционные пертурбации, хотя события 1789—1794 гг. основательно потрясли ценности французов.

Просветители теоретически подготовили революцию, тем самым изменив интеллектуальный климат в Европе и Америке. Философ, писатель, поэт, историк **Вольтер** (1694—1778) в течение всей сознательной жизни боролся против воинствующего невежества обладавших социальными привилегиями клерикалов («Раздавите гадину!»). Цо он не был атеистом. «Здравая философия свидетельствует о существовании Творца... большого мастера». Мало того, «в интересах всего человечества, чтобы существовал Бог, который бы карал за то, что не в состоянии подавить человеческое правосудие». Созиданию новых убеждений способствовал уроженец Женевы, политик, моралист, психолог, педагог **Жан Жак Руссо** (1712—1778). Основное противоречие современной ему жизни он представил как противоречие между природой и культурой. Источники неравенства он искал в частной собственности. Родился человек, который сказал: «Это мое!» — и нашлись люди, которые ему поверили. В результате — разделение труда, социальное неравенство, разрушение целостности личности, разрыв ее связи с природой.

Развитие общественных наук, философского материализма и атеизма, подготовка революции в значительной степени связаны с создателями «Энциклопедии, или Толкового словаря по наукам, искусствам и религии» **Д'Аламбером** (1717—1783) и **Д. Дидро** (1713—1784). Вместе с **П. Гольбахом** (1723—1789), который с гордостью называл себя «личным врагом Господа Бога», они стояли за отказ от религиозной идеологии, приносящей, по их мнению, вред человечеству, сдерживающей его

социальную активность, увековечивающей сословное неравенство. Французские просветители оказались наивными оптимистами, предполагая, что **светская мораль** может регулировать отношения людей к их общему удовлетворению. Отказавшись от библейского «Мне отмщение и аз воздам!», можно легко прийти к «революционной морали» (Робеспьер), когда человека можно осудить на казнь лишь за его принадлежность к контрреволюционному сословию при радостном одобрении победителей. Это и продемонстрировала революция конца XVIII в. Не был услышан И. Кант, который считал создание морали на рационалистической основе невозможным. Лишь вера в необходимость самоограничения своих потребностей является условием морального поведения. Принципом такого самоограничения (**«категорического императива»**) должно быть: «Поступай так, чтобы ты относился всегда к человечеству как к цели и никогда не относился бы к нему как только к средству для достижения своих целей».

И. Кант показал ограниченность возможностей научного познания. Этого в эпоху научной эйфории терпеть было нельзя. За восстановление целостной философии как научного мировоззрения и методологии взялись всерьез немецкие философы **Фихте, Шеллинг** и **Гегель**. Если первые двое уповали прежде всего на личные творческие способности человека (а Шеллинг к концу жизни пришел к мысли, что истинно творческое начало должно быть связано с убеждением в существовании Бога), то Г. Гегель (1770—1831) верил в способность абсолютного разума творить самого себя путем создания разумного мира. Он построил систему абсолютного идеализма и рационализма. Все формы жизни, по Гегелю, являются лишь ступеньками себя развивающего разума (государство, религия, предпринимательство, мораль и т. д.), отчужденным временным состоянием этого разума, которые он преодолевает дальнейшим своим движением к самопознанию. Система Гегеля была достаточно привлекательна для революционеров своим решительным снятием отживших форм бытия («Все действительное достойно смерти!»), утверждением неминувости нового, понятого разумом. Но она устраивала и консерваторов, ибо «все действительное разумно!» и потому подлежит сохранению. И даже каждое правительство имеет право на существование, ибо «каждый народ достоин своего правительства». И всякую гадость можно оправдать: «Все, что испорчено, испорчено на хороших основаниях!»

Система Гегеля оказалась рационализированной бесчеловечной магией, а то, что удел личности — быть игрушкой в руках духа, понял его ученик Л. **Фейербах** (1804—1872). Еще до него доцент из Франкфурта-на-Майне **А. Шопенгауэр** (1788—1860) показал ограниченность чисто рационалистического понимания человеческого бытия. Он считал, что жизнь и деятельность человека есть проявление всеобщей сущности бытия — воли к жизни, которая недоступна для понимания его (человека) рассудком. Эта воля и есть условие той свободы человека, о которой говорил И. Кант и которую свел к «осознанной необходимости» Гегель, — свободы внутренней, недоступной рассудку. Проявление воли к жизни во внешних поступках людей разъединяет их, противопоставляет друг другу. Одновременно с Шопенгауэром о проблемах воли и свободы человека размышляли российские славянофилы, говоря об их религиозном характере и о том, что и воля, и свобода есть единственное условие целостности, объединенности как человека, так и человечества.

Философия нового времени, зародившись как теория научного познания мира, и в начале XIX в. стремилась сохранить свою натурфилософскую направленность — быть «наукой наук», чем часто тормозила развитие естествознания. А у естествоиспытателей к этому времени появились идеи о возможности обойтись без натурфилософии. «Наука сама себе философия», — утверждал французский философ и социолог О. **Конт** (1798—1857). Как прежде эпоха религиозная в теоретическом мышлении сменилась эпохой метафизической (философской), так и теперь последняя эпоха сменяется научной (позитивной) эпохой, которая будет лишена присущих метафизике противоречий. Философское понимание общественных явлений должно быть заменено научным — социологией.

Все философы так или иначе были историками, рассматривая общественные отношения в их движении, разыскивая его причины в географической среде, политике, религии, в действиях сильных личностей. Предпринимались попытки создания светской историографии, хотя идея рассматривать историю человечества как историю религий сохранялась еще довольно долго.

Много внимания истории уделяли энциклопедисты. Ими были опубликованы статьи о государстве, обществе, народе, революции, демократии, республике, религии и т. д. В статье «История» мысли человека связывались с окружающей его

средой, развитием общественных отношений. Естественно, что в стране, где складывавшиеся буржуазные отношения вступали в противоречие с государственным устройством, закреплявшим сословное деление, энциклопедисты обратились к правам человека. Книги Д. Дидро, Ж. Ж. Руссо, Г. Б. Мабли и др. отразили это противоречие и стали фактором формирования нового правосознания людей. Труд *Монтескье* «Дух законов» был основанием Конституции 1793 г., а мысли *Морелли* из «Кодекса природы»: «От каждого — по его силам, каждому — по его потребностям» — закладывали основы социалистической идеологии.

После бурного периода революционных перемен конца XVIII в., когда на арене истории появились новые действующие силы, французский историк и государственный деятель Ф. Гизо (1787—1874) увидел основу общества в его классовом составе, столкновении интересов классов по поводу собственности, особенно земельной. Таких же взглядов придерживался Ф. Минье (1796—1884), рассматривавший историю революции как результат столкновения различных классов.

Ориентация историографии того периода на практические интересы, на оправдание существующего и того, что впоследствии может возникнуть, определяла ее тесную связь с теорией государства и права. Еще эпоха Возрождения возбудила интерес к учениям Платона и Аристотеля о государстве, к римскому праву, Голландец Г. Гроций (1583—1645) положил начало науке о международном праве. Английский философ и правовед Т. Гоббс (1588—1679) утверждал, что создание государства есть результат сознательного договора людей, отказывающихся от своих неограниченных прав в пользу одного — верховной власти государства, желательно авторитарного (теоретическое оправдание английской монархии). Такой договор кладет конец войне «всех против всех». У Ж. Ж. Руссо был противоположный взгляд: «Свобода неотчуждаема», — считал он, и потому договор есть добровольное соглашение на уважение прав другого на свободу. Д. Локк (1632—1704) также утверждал существование ряда прав у человека в его естественном состоянии (свобода, собственность), которые договор о государстве должен обеспечивать.

Существенным моментом в теории государства и права является вопрос о нравственности права, который ставили еще Аристотель, а затем Н. Макиавелли. Крайние точки зрения на него выражены И. Кантом и Г. Гегелем. Для первого право —

сфера чистого разума, а морально-этические побуждения в формировании норм права ведут к деспотизму и кровавому ужасу. Гегель же видел необходимость в воспитательных функциях государства, таким образом как бы обосновывая теорию «просвещенного абсолютизма», возникшую в предшествовавшем веке во Франции, в соответствии с которой выполнение основной цели государства — «благополучие всех» — требует для него неограниченных полномочий и в сфере воспитания.

Решительный шаг в соединении теории государства и права с практикой государственной власти был осуществлен в США и Франции. В 1776 г. вторым Континентальным конгрессом была принята Декларация независимости США — одна из первых государственных деклараций прав человека. Комиссия, образованная Наполеоном, под его руководством создала Французский гражданский кодекс («Кодекс Наполеона»; 1804), в котором были закреплены нормы гражданского, семейного, процессуального и частично трудового права, провозглашена «священной и неприкосновенной» частная собственность как основа прав и свобод человека.

Дальнейшее развитие политической жизни привело к возрастанию роли борющихся за власть партий, представляющих интересы различных социальных групп и, естественно, свои собственные. Категорией, объединившей философию и политэкономия, стало понятие «*собственность*». Философов оно интересует как необходимое условие свободы, нравственного достоинства личности, а также, при отчуждении собственности, как столь же необходимое условие ее эксплуатации. Для экономистов собственность суть экономической устойчивости и прогресса общества. Экономическая наука начала развиваться прежде всего в Англии, стране рано возникших буржуазных отношений. Термин «*политическая экономия*» впервые ввел в обиход в 1615 г. побывавший в Англии и ставший там меркантилистом французский дворянин А. де Монкретьен — поэт, приближенный Людовика XIII, затем убитый как один из руководителей восстания гугенотов. Этим термином он назвал науку о государственном управлении хозяйством, противопоставив ее экономии, или экономике, — знанию об управлении домашним хозяйством. В таком смысле термин и употреблялся до классического труда А. Смита «Богатство народов», после появления которого им стали часто называть экономическую науку в полном ее объеме.

В 1662 г. сын суконщика, ирландец сэр У. *Петти* опубликовал книгу «Трактат о налогах и сборах» (до этого он плавал юнгой по морям, занимался черчением морских карт, был хорошим врачом), в которой привлек внимание экономистов к сфере производства и наметил путь к пониманию природы стоимости и прибавочной стоимости. Он же заложил основы статистики. Наступило время нового направления экономической науки — физиократии, связанной с поиском закономерностей в производстве, прежде всего сельскохозяйственном, где француз Ф. *Кенэ* (1694—1774), тоже врач, усмотрел производство прибавочного продукта.

Но внимание к торговле и обращению денег не ослабевало. Философ Д. *Юм* создал количественную теорию денег, а банкир Д. *Ло* (1671—1729) ввел идею кредитной экспансии государственных банков в экономику страны, ее кредитование. За пять лет (1716—1720) на основании своих идей он сначала фактически стал хозяином денежной и кредитной системы Франции, а затем... потерпел крах, разорив и финансы страны. Но его идеи банковского регулирования экономики не потеряли своей актуальности до настоящего времени.

В 1776 г. вышла в свет книга «Богатство народов» шотландца *Адама Смита* (1723—1790) — вершина классической политэкономии. Автор считал действие своекорыстного интереса людей и стихийных законов экономического развития естественным порядком человеческого общества. Для его поддержания необходимы: мобильность рабочей силы, свобода торговли землей, отмена правительственной регламентации промышленности и торговли, а также соответствующий моральный климат. К необходимости государственного регулирования экономикой теории и политики вернулись к концу XIX в. А. Смит обосновал трудовую теорию стоимости, показал связь экономики и существования классов. Человек, по Смицу, представляет собой «экономическую особь», живущую благодаря труду и обмену товаров.

Школа утилитаристов, созданная английским философом и экономистом, последователем Смита *И. Бентамом* (1748—1832), стремилась доказать, что свободное предпринимательство осчастливило бы большинство людей при условии устранения некоторых злоупотреблений. Пессимистически оценивал ситуацию экономист и священник Г. *Мальтус* (1766—1834), сформулировавший закон убывающего плодородия, в соответствии с которым население Земли растет быстрее, нежели

количество продуктов питания. Поэтому большинство людей обречено на вымирание вследствие голода, войн и эпидемий. Друг Мальтуса, крупный банкир Д. *Рикардо* (1772—1823) на основе идей А. Смита развил учение о ренте, прибыли, заработной плате и т. д.

Мысли о справедливой организации общества и счастливой жизни возникали еще в античности, например у Платона и Аристотеля. Христианство предложило идею духовной свободы личности, ее ответственности перед Богом, божественной любви и справедливости. Начиная с Возрождения, на первый план все больше стала выступать идея земной социальной справедливости. В этом плане наиболее известны книги Т. Мора «Утопия» и Т. Кампанеллы «Город солнца». Новое общество в этих книгах организовано в изолированном пространстве, на островах, путем удовлетворяющего всех жителей соотношения между их трудом и потребностями, свободой и принуждением. Они не придерживаются тезиса «каждому по потребностям», ибо наступит время, когда духовные потребности окажутся для людей предпочтительнее, нежели материальные. Зато труд будет «гуманизирован», люди будут трудиться свободно во имя «высших интересов трудящихся» — интересов коллективов. Таким образом и осуществится тезис «от каждого по способностям». Мору и Кампанелле была известна мысль Аристотеля: владение собственностью порождает паразитов. Избавиться от них они предлагают введением всеобщей трудовой собственности (Т. Мор), коллективизмом в труде как великим счастьем (Т. Кампанелла). Существует нравственная шкала ценностей (тяжелый труд самый почетный), но есть и должностные лица, которые следят за тем, чтобы «никто не получил больше, чем он заслуживает». И при этом все чувствуют себя счастливыми в условиях деспотического правления. После буржуазных революций, не оправдавших ожиданий их участников, активно развивается идея социализма — каждому по труду.

Социализм, как и коммунизм, антииндивидуалистичен по своей сути. Человеческие личности, действуя в «земном рае», не вольны влиять на его структуру. Да в этом нет и необходимости. Гениальные и высокомерные интеллектуалы уже все предусмотрели. Неповторимость личности стандартизируется, оценивается ее трудом, а обеспечение потребностей делает ненужными свободу человека, его личное достоинство. Его нравственная ответственность заменяется нормами поведения

в коллективе. Как отмечал Ф. М. *Достоевский*, идея будущего всеобщего счастья ставится выше сегодняшнего счастья каждого отдельного человека.

Достаточно решительными были коммунисты. В 1795 г. *Г. Бабёф* создал «Общество равных» для свержения существующей власти и «создания фактического равенства между людьми». Должна быть конфискована всякая личная собственность, каждый должен в равной степени получить свою долю воспитания, образования, средств к существованию, развлечений, но и должен быть принужден к физическому или умственному труду по мере его сил и способностей. Последователь Бабёфа Буонарроти создал тайные общества в Бельгии, Франции. Один из их участников В. Вейтлинг предложил введение коммунизма через революционную борьбу рабочих. Его соратники создали «Союз справедливых», в котором участвовали некоторые рабочие разных стран. Союз был, по инициативе Ф. Энгельса, преобразован в «Союз коммунистов». Для него был написан «Манифест коммунистической партии» Марксом и Энгельсом (1848).

Представители бабуизма участвовали в революционных выступлениях 1830 и 1848 гг. Один из них, прокурор Корсики, журналист Э. *Кабе* (1788—1856) написал очередную утопию «Путешествие в Икарию». Книга стала коммунистической библией многих рабочих организаций во Франции 40-х годов. Переход к коммунизму в ней предлагалось осуществить путем совершенствования демократии. Кабе создал «Корреспондентское объединение сторонников «икарийского коммунизма», имевшее представителей в 66 департаментах Франции, а также в Алжире, Испании, Швейцарии, Англии. Были попытки создать коммунистические колонии в США. Икарийцы критиковали своего лидера за сектантство и излишнее миролюбие, они стремились к руководству революционными выступлениями рабочих.

Менее агрессивными, направленными на преобразования прежде всего характера труда, на моральное совершенствование граждан, а не на политическую конфронтацию, были выступления первых социалистов, веривших в возможность постепенного, основанного на убеждении продвижения к «золотому веку». Хотя идеи утопистов не стали массовым умонастроением, оказалась устойчивой сама идея социализма как учения о справедливом социальном распределении, чему способствовали деятельность интеллектуалов и руководимых ими

социалистических партий, а также наличие в каждом буржуазном обществе выключенного из производства деклассированного сословия люмпенов — для него «справедливое распределение» имело большой жизненный смысл.

Анри де Сен-Симон (1760—1825) происходил из богатой графской семьи, получил блестящее образование в духе идей Просвещения. Он участвовал в Войне за независимость в Америке. В ходе революции во Франции росли его надежды на осуществление братства и справедливости. Он верил в существование законов общественного развития и в возможность их научного постижения, разрабатывал концепцию нового справедливого общества: общество закономерно развивается как целостная система философско-научных, религиозных, моральных воззрений и соответствующих им «индустрий», т. е. трудовой деятельности. Последняя определяет характер собственности, а через нее — те социальные силы, которые господствуют в различных сферах жизни. Исторический прогресс, переход человечества на высшие формы бытия осуществляется через разрушение изживших себя воззрений и соответствующей им системы, заменой их более высокой организацией. Французская революция — закономерное явление, уничтожающее господство церкви и духовенства, праздного феодализма. Но совершилась ошибка: власть была передана не «индустриалам», а метафизикам и законникам, век которых уже прошел, и потому они не поняли живых созидательных задач революции. Индустриалы оказались в роли эксплуатируемых. «Невежество, суеверие, страсть к разорительным удовольствиям составляют удел главарей общества, — считал Сен-Симон, — а способные, бережливые и трудолюбивые люди подчинены им и используются в качестве орудий». Выход он видел в следующем: развитие производства на научной основе, передача власти в «промышленной системе» ученым и индустриалам, предпринимателям. Эгоизм в обществе может быть преодолен с помощью научно сконструированной религии, в основе которой должен лежать лозунг: «Все люди — братья!» Его последняя книга называлась «Новое христианство».

Ближайшие ученики Сен-Симона — Анфантен и Базар сформулировали социалистический принцип распределения: «Каждому — по его способностям, каждой способности — по ее делам!» Они организовали в Париже в 1828—1829 гг. чтение публичных лекций, которые после были изданы под названием «Учение Сен-Симона». Эта книга оказала серьезное влия-

ние на распространение социалистических идей в Европе. На нее ссылались Прудон, Бакунин, Маркс, Бернштейн. Сенсимо-низм стал популярным в России. Декабрист Лунин встречался с его основателем, и они понравились друг другу; «сенсимонистом из Москвы» звали Чаадаева. Идеи Сен-Симона были интересны Пушкину, Герцену, Огареву, Достоевскому, Чернышевскому, народovolьцам.

Другой французский социалист-теоретик **Ш. Фурье** (1772—1837), выросший в зажиточной семье, по требованию родителей рано занялся коммерцией. Он считал, что определяющую роль в обществе играют человеческие «страсти», которые, здоровые по сути, искажаются существующим общественным порядком. Следом за Кампанеллой он прежде всего интересовался организацией труда — насколько он свободен. Оздоровленная трудом планета будет посылать в мировое пространство творческие космические излучения, и в мироздании возобновится созидательная деятельность. А космические излучения из мирового пространства приведут к сказочным изменениям природы на Земле. Буржуазное же производство подчиняется не интересам общества, а отдельным лицам, поэтому сейчас царят хаос, анархия, разгул страстей; человеческая бедность одних порождена избытком у других. Целостная личность превращается в раздробленного, частичного индивида. Существующее общество не в состоянии обеспечить основное право человека — право на труд. Демократия защищает этот паразитизм и способствует моральному вырождению.

Для создания «гармонии страстей» необходимо «социетарное», правдивое, «привлекательное производство», а именно небольшая производственно-трудовая ассоциация людей, совместно владеющая средствами производства и занимающаяся трудовой деятельностью. Это «фаланга», в которой труд определяется свободным влечением людей к различным его видам, сочетанием физического и умственного труда каждого. Люди живут в фаланстерах-дворцах, где каждый имеет все необходимое для удовлетворения своих потребностей по вкусу и желанию.

Ш. Фурье рассчитывал привлечь к созданию первых фаланг средства передовых, разумных капиталистов, считая их опыт убедительным для всех, ведущим к осуществлению «социетарного строя». Он предлагал делить доход от производства по труду, капиталу и таланту трудящихся в отношении 5 : 4 : 3. Но ничего не получилось: построить в 1832 г. во Франции фа-

ланстеры не удалось, а подобные фаланстеры в США (их было 40) быстро развалились. После смерти Фурье его ученики создали «социетарную школу» для пропаганды его учения в Европе, но она существовала недолго. Как отмечал М. Бакунин, фурьеристы не правы, во-первых, в своей вере в возможность растрогать сердца богатых, а во-вторых, в вере в возможность регламентации жизни в «социалистическом раю».

По поводу английского фабриканта и социалиста **Р. Оуэна** (1771—1858) некоторые историки иронизировали: «Он разбогател благодаря капитализму и здравому смыслу и промотал все свое состояние благодаря коммунизму и сумасшествию». Оуэн считал, что новое машинное производство при правильном его использовании может обеспечить благосостояние всех людей, если собственность будет обобществлена их волевым усилием. Для реализации своей идеи он в 1825 г. в США организовал колонию «Новая гармония», в которой стремился создать кооперацию всех ее членов на основе нравственного мира. Колония прогорела через три года. Оуэн вернулся в Англию и занялся дальнейшим теоретизированием, а также стал организатором кооперативного движения, основал «Великий национальный союз производств» — с «помощью» окружающих его предпринимателей он разорился через несколько месяцев.

На основании концепции трудового происхождения стоимости Оуэн делал вывод о том, что трудящимся принадлежит полная стоимость производимого продукта. Он организовывал в Лондоне «меновые базары», где деньги заменялись на «трудовые бонусы», указывавшие количество труда, затраченного на производство вещей. Но рынок капиталистический смел и «меновые базары». Подвижническая жизнь идеолога нравственного мира продолжалась; он предлагал идею социалистической «истинной религии», «разумные» отношения между людьми, резко отрицал необходимость классовой борьбы как аморальную форму деятельности. Личная судьба Оуэна печальна. Но его идеи продолжали жить как в достаточно разумной форме в кооперативном движении в Англии, так и в экстремистских высказываниях его непосредственных последователей. Английский экономист **Т. Годскин** (1787—1869) считал, что создать социалистическое общество можно ликвидируя капиталистов — тогда прекратилось бы обнищание пролетариата. Английские социалисты-утописты **Д. Грей** (1798—1850) и

Ф. Брей (1809—1895) развили идею создания нового общества через союз акционерных обществ.

В обстановке большого интереса к социализму возник марксизм, считавший возможным осуществить социальную справедливость и равенство только путем революционного преобразования общества, основанного на частной собственности, ликвидируя эту собственность как таковую. Философская и научная эрудиция позволила основателям концепции, Марксу и Энгельсу, глубже других социалистов проанализировать общественные процессы своей эпохи, точнее оценить реальные движущие силы, но они при этом абсолютизировали революции, роль пролетариата и возможность создания общества, в котором будут удовлетворены потребности всех живущих, где свобода и ответственность каждого будут согласованы со справедливым обеспечением потребностей всех.

Верный диалектическим традициям гегельянства, К. Маркс начал с размышлений о единой развивающейся системе мира и о причинах существования в этой системе некоторых кристаллизованных отчужденных форм (государство, религия, богатство и т. д.), которые противостоят развитию. Затем основатели «научного социализма» пришли к выводу, что развивающееся бытие (история) есть результат целенаправленной практической деятельности людей (сделав тем самым несущественной духовную жизнь людей), а его, бытия, отчужденные формы — следствие общественного разделения труда и частной собственности. Следовательно, ликвидация отчуждения (цель гегельянства) возможна лишь в результате революционной деятельности по его преодолению. Юридическая практика Маркса и предпринимательская деятельность Энгельса, как и активные выступления пролетариата того периода против социальной несправедливости, показали им реальные противоречия различных социальных групп в отношении собственности. На этом основании они сделали вывод: революционное уничтожение частной собственности борющимся пролетариатом даст справедливое социальное распределение и позволит преодолеть теоретические препоны (откроет людям глаза) в создании единой истинной картины мира, превратит существующие науки в единую науку — историю. Коммунистическая идея была объявлена «энергетическим» стимулом движения по пути того, что называется прогрессом, а результатом такого движения является наступление «истинной истории человечества» (Ф. Энгельс), когда богатства «полюются полной чашей»

и «интересы каждого станут интересами всех» (К. Маркс). Общественная собственность, по мнению теоретиков, позволит обеспечить рациональную организацию производства и всей жизни общества в целом, что приведет к росту производительности труда, ликвидации издержек стихийной конкуренции собственников, исчезнут нищета и безработица. Свобода станет действительно «осознанной необходимостью» членов такого общества, а не либеральными мечтаниями.

Значит, деятельность революционных мыслителей должна быть направлена на понимание «истинных интересов» и задач общества и на соединение вышеназванной теории с практикой пролетарского движения. В 1848 г. был написан «Манифест коммунистической партии» — программа революционного преобразования общества в результате борьбы классов, предложена теоретическая связь между социализмом и коммунизмом как этапами «закономерного» пути к «светлому будущему». Так был осуществлен переход концепции социализма «из утопии в науку» (Ф. Энгельс).

Обращение теоретиков «научного социализма» к политической экономии было естественным продолжением их внимания к механизмам функционирования частной собственности; они желали дать теоретическое объяснение (= оправдание!) революционной деятельности. В этой связи центральным понятием «Капитала» стало понятие прибавочной стоимости (в отличие от «потребительной стоимости» и «стоимости» у А. Смита — теоретического предшественника К. Маркса); присвоение ее и есть, по Марксу, суть капиталистической эксплуатации. В конце первого тома «Капитала» (вышел в свет в 1863 г.) Маркс обосновал принцип «экспроприации экспроприаторов» как обязательное следствие объективных процессов в капиталистическом обществе.

Экономическая теория К. Маркса не привлекала к себе серьезного внимания ученых того времени, ибо она была собственно не теорией экономических процессов, а оправданием политики революционеров. Маркс приобрел известность в научных кругах позднее, когда стала интенсивно развиваться социология, именно как теоретик целостной концепции объективного характера истории. Зато социалисты увидели в марксизме (конечно, далеко не все) могучее оружие в борьбе за социальную справедливость, особенно в США, Германии, где социалистические задачи были сильно перемешаны с вопросами государственного объединения и борьбой за независимость.

Возрастал интерес к марксизму и в России, сначала благодаря деятельности либералов, затем — революционных демократов. Работы социалистов здесь печатались без видимого протеста цензуры сразу после их появления на языке оригинала. Быстро выявились как восторженно-положительное (начиная с либерала П. Анненкова), так и резко отрицательное (политико-анархическое — М. Бакунин; нравственно-христианское — Ф. Достоевский, В. Соловьев) его восприятия, которые противоборствовали до революции 1917 г. Некоторые социал-демократические партии Европы имели марксистские программы, действовал Интернационал — организация сторонников этого движения.

Политические свободы граждан, накопленные тысячелетиями культурные, религиозные, демократические традиции в Европе ставили все более полно проблему личности в условиях индустриальной цивилизации. По мере развития производства росло материальное благополучие, переставал действовать Марксов «закон обнищания трудящихся», который оказался не законом, а временным состоянием общества. Совместные интересы участников производства становились все более существенными по сравнению с их классовыми противоречиями. Появился стабильный средний класс. Накопление произведенного продукта, увеличение количества собственников выявляли сущность частной собственности не только как условия эксплуатации, но и в качестве основы личной свободы. Революционная ликвидация ее становилась не бесспорной в сознании пролетариата.

Мировоззрение К. Маркса и Ф. Энгельса к концу их жизни было сильно идеологизировано и потому не было способно к осознанию изменившейся ситуации. Маркс считал возможным охарактеризовать складывавшуюся ситуацию как обмещивание пролетариата, рост его индивидуализма, ослабление классового сознания. Он обратил внимание на российскую общину как на прообраз, по его мнению, социалистической организации действительности, лишенной так ненавистного ему индивидуализма, т. е. преобладания личных интересов над классовыми.

Догматизация мышления ортодоксальных марксистов выразилась в «экономическом детерминизме», против которого протестовал и Ф. Энгельс. А его душеприказчик Э. Бернштейн предпринял попытку ревизовать марксистское учение, приспособить его к изменявшейся социальной действительности.

Еще до выступления Маркса на политической арене, а затем как противостояние «государственному коммунизму» марксизма развивался анархизм. Теоретическими источниками его были сенсимонизм и философия позитивизма. Социальная платформа та же, что и у марксизма: нищета и несправедливость, которые в то время процветали, нестабилизированное государственное устройство в ряде европейских стран того периода. И марксисты, и анархисты говорили о необходимости борьбы за социализм. Но последние презирали политическую борьбу за власть, считая ее способом смены форм государства при сохранении его сущности — политическое закрепление эксплуатации. Анархисты отдавали предпочтение нравственному пути к социализму и соответственно деятельности по формированию необходимых нравственных критериев (хотя и не отказывались участвовать в открытых выступлениях трудящихся против угнетателей, например М. Бакунин). Главным для социализма, по Прудону (1809—1865), было признание единства индивидуальной и коллективной свободы, основанной на спонтанной деятельности свободных ассоциаций вне всякой их правительственной регламентации. Важным моментом анархизма было признание им самоценности каждой человеческой личности, ее земной жизни, которая не может быть отчуждена ни в государственных интересах, ни во имя «светлого будущего», ни религиозной идеологией. Это и есть «искренний человеческий эгоизм» (М. Бакунин). В развитом анархическом обществе, по Прудону, государство играет роль канцелярии, конторы на службе обществу. А первым актом отмирания государства, превращения его в канцелярию должен стать правительственный акт об уничтожении права наследования, ибо наследственное экономическое неравенство есть «не естественное неравенство индивидов, а искусственное неравенство классов» (М. Бакунин).

Анархизм пользовался популярностью в рабочем движении, порой даже большей, нежели марксизм и другие социалистические теории (в Испании, Италии, Франции). Известна борьба марксистов против анархизма в I Интернационале. Анархисты (Бакунин) противостояли марксизму в борьбе за влияние на рабочее движение достаточно активно и поэтому были исключены из Интернационала.

Но не только практические заботы экономики и политики интересовали обществоведов XIX в. Более пристальным стало их внимание к истории мировой материальной и духовной

культуры, мировых религий. Оформляются самостоятельные науки археология, антропология и т. д., происходит постепенное освобождение от библейских традиций в понимании прошлого человечества. Большой интерес к Индии, знакомство с санскритом привело к романтизации Востока. Немецкий мыслитель **Ф. Шлегель** призывал постигнуть подлинную религию в Индии, философ **А. Шопенгауэр** считал, что настоящую мудрость европейская общественная мысль приобретет, лишь оплодотворившись идеями буддизма.

Можно утверждать, что интерес мыслителей к содержанию европейской религиозности в XIX в. начал возрастать по сравнению с предыдущим веком, когда атеизм считался признаком просвещенности. Этому способствовали и отрезвление от излишнего оптимизма по поводу светской морали, наступившее в ходе революции во Франции, и серьезные теоретические исследования философов (особенно немецких) этого периода, и быстрое развитие «науки лопаты» — археологии в XIX в. Появились религиоведческие работы по истории христианства, жизни Иисуса Христа, его апостолов, предприняты попытки дать художественный образ их деятельности (книги **Э. Рена**). Правда, некоторые исследователи не смогли избавиться от языческого, магического подхода к сущности религии. Так, **Л. Фейербах** увидел в Боге лишь человеческое, языческое его представление — отражение неудовлетворенных человеческих потребностей. Идеи Фейербаха послужили основанием для атеизма Маркса и его последователей.

Новая ступень в развитии археологии началась с египетских походов Наполеона Бонапарта, куда он отправился, взяв с собой книгу описания пирамид **К. Нибура** (1733—1815). Он же создал Египетскую комиссию для изучения ушедшей в историю цивилизации. Находившийся в составе комиссии **Д. В. Денон** с фотографической точностью срисовал иероглифы, не понимая их смысла, но почувствовав их значение для науки. Затем историк, полиглот (к 15 годам он знал 11 древних и современных языков) **Ж. Ф. Шампольон** в 1822 г. осуществил расшифровку этих иероглифов. Тексты на стенах пирамид он смог прочитать позже, когда отправился в свое первое путешествие в Египет.

Раскопки в долине Тигра и Евфрата позволили в середине века обнаружить и классифицировать библиотеку последнего великого царя Ассирии Ашшурбанапала. Вскоре профессор **Ф. фон Шпигель** из Эрлангера (Германия) расшифровал асси-

ро-вавилонские клинописные таблицы. В одном из текстов англичанин **Д. Смит** в 1872 г. нашел ассирийский вариант рассказа о всемирном потопе. Так Библия была связана с ассирийской, вавилонской, а может быть, и более древними традициями. Началось интенсивное изучение библейских текстов, становление религиоведения как науки.

Упорство и вера в успех позволили в 1873 г. немецкому коммерсанту **Г. Шлиману** при раскопках холма Гиссарлык найти остатки Трои — документальное свидетельство достоверности событий, описанных Гомером, хотя вопрос об идентификации самих научных открытий Шлимана до сих пор не снят в научном мире. Мировая культура стала приобретать более целостный характер, черты полифоничности, всемирности, человеческой обжитости.

ГЛАВА 17 Международные отношения в XVII в. — 60-е годы XIX в.

Важным условием формирования новой цивилизации, зародившейся в Западной Европе, было развитие широкого обмена материальными и духовными ценностями между странами прежде всего Европы и Америки, несмотря на возникавшие порою сложные коллизии и конфликты. Международные отношения XVII в. — 60-х годов XIX в. сыграли важную роль в распространении идей либерализма, в развитии капитализма и успехах индустриализации. Они определялись переменчивым соотношением двух тенденций: расширения сотрудничества между государствами, с одной стороны, и конфликтности, обусловленной неравномерностью и своеобразием их развития, — с другой.

В XVII—XIX вв. складывалась система международных отношений, вобравшая в свою орбиту как основные регионы Европейского континента, так и — с разной мерой консолидации — страны Западного полушария, Ближнего Востока, Африки, Азии и Океании. Европа, особенно ее западные страны, выступала как центр этой системы. Постепенно усложнялось взаимодействие внутренних и внешнеполитических факторов развития, в рамках обретавшей мировые масштабы системы усиливалась дифференциация больших (великих) и малых государств, метрополий и колоний.

Одновременно закладывались основы *международного права*, находившего свое воплощение в *договорах, конвенциях* и других формах двусторонних и многосторонних связей. Возрастало значение *дипломатической деятельности* — важного рычага реализации внешней политики государств и координации их усилий при решении региональных, общеевропейских и мировых проблем; унифицировались и кодифицировались нормы и принципы дипломатии как таковой.

Вестфальская система и политическая карта Европы в XVII в. Политическое развитие Европы в

XVII—XVIII вв. испытывало серьезное воздействие далеко не изживших себя средневековых институтов, норм и ценностей, а также унаследованных от средневековья международных конфликтов и проблем. Лишь Нидерланды (Голландия) и Англия, ранее других вставшие на путь индустриального развития, бросили вызов иерархии феодально-государственных образований — Испанской и Португальской империям, Священной Римской империи германской нации и консолидировавшейся внутри ее Австрийской монархии Габсбургов, ряду стремительно укреплявшихся абсолютистских монархий — французской, шведской, прусской, российской и множеству средних, малых и мельчайших государственных образований — королевств, герцогств, княжеств, «вольных» и «имперских» городов, епископств и т. п. Поскольку процесс становления государств и наций был далек от завершения, то большинство локальных и общеевропейских конфликтов, перераставших в войны, было обусловлено территориальными притязаниями, пограничными вопросами и престижными соображениями, борьбой за выгодные торговые пути, людские ресурсы, военную добычу.

Большое влияние на международные процессы оказывали династические интересы и конфессиональный фактор, а также обострявшаяся борьба вокруг судеб и наследства прошедших пик своего могущества Испанской, Португальской и Священной Римской империи германской нации — мощных оплотов влияния католицизма и папства. Монархи различного ранга — императоры, короли, князья, герцоги и другие светские и духовные властители — монополизировали решение вопросов войны и мира, выбор союзников, интерпретацию государственных интересов, выбор военачальников и дипломатов. Важную роль при решении международных вопросов играли династические браки, вмешательство в дела престолонаследия, использование «личной» дипломатии и родственных либо вассальных связей.

Международные отношения этого времени несли на себе печать межконфессиональных противоречий, порожденных эпохой Реформации и так называемых Контрреформ, и дифференциацией христианского универсума на конкурировавшие направления — католицизм, различные версии протестантизма, в частности лютеранство и кальвинизм, а также православие. Папство постепенно утрачивало свой международный престиж и духовную роль в общественной жизни Европы. Не-

смотря на немалые материальные ресурсы и наличие разветвленной системы церковных институтов, религиозных орденов и других организаций, многочисленное духовенство и сохранявшиеся привилегии, позволявшие римской курии оспаривать у светских правителей их властные prerogatives, она оказывалась не в силах противостоять вызовам нового времени.

С продвижением на запад границ Российского государства усиливалось соперничество католицизма и православия в Восточной Европе. Продолжалось противостояние христианства и ислама по всему периметру соприкосновения европейских стран с Османской империей, особенно на Балканах, в Средиземноморье и Причерноморье. Однако попытки папства содействовать сплочению христианских властителей против все еще весьма могущественного теократического военно-феодального государства вступали в противоречие с возраставшей заинтересованностью европейских государств в налаживании с Блистательной Портой политических и торговых отношений и использовании ее мощи в сложной борьбе ведущих европейских держав за гегемонию.

Важным рубежом в европейских международных отношениях был Вестфальский мирный договор (1648). В основных положениях мирного договора, затрагивавшего судьбы многих государств и определившего политическую карту Европы, заметную роль, наряду с приверженностью династическим принципам и имперским институтам, сыграли идеи государственного суверенитета и территориальной целостности государств, утверждавшиеся в XVI—XVII вв. в общественно-политической и правовой мысли, в особенности Англии, Голландии, Франции.

Вестфальский договор признал самостоятельность Голландии и Швейцарии; были урезаны prerogatives императора — главы Священной Римской империи германской нации, архаического образования, включавшего свыше 350 германских государств, Австрийскую монархию, ряд итальянских территорий. Германские государства, входившие в состав империи, получали права чеканить собственную монету, иметь армии, обретали определенную самостоятельность в вопросах внешней политики. Правда, эти меры привели к укреплению в Германии позиций княжеского абсолютизма и способствовали рефеодализации Центральной и Восточной Европы.

Возрос международный престиж Австрийской монархии Габсбургов, выступившей серьезным соперником Испании,

Т

(

Щ
щ

-4

\$

щ

•Щ

Франции, а также быстро наращивавшей свою мощь Швеции, занимавшей все более независимую позицию по отношению к Священной Римской империи.

В качестве серьезного противовеса имперским образованиям со времен Тридцатилетней войны и в ходе последовавших за ней новых военных конфликтов во второй половине XVII в. выступили торгово-промышленная Голландия, а со времени английской революции XVII в. и Англия. Их правящие круги приносили в международные отношения новые мотивы и интересы — борьбу за рынки, контроль над торговыми путями и морскими коммуникациями, за роль «морских извозчиков» и посредников в финансовых и торговых операциях, за передел испанских и португальских колоний и освоение новых, прежде не известных европейцам заокеанских территорий. В противовес большинству европейских государств, чья военная мощь заключалась преимущественно в сухопутных армиях, и вступившим в полосу кризиса и упадка Испании и Португалии, еще недавно господствовавшим на морях и океанах, Англия и Голландия выдвинулись (благодаря наращиванию тоннажа и мощи военного и торгового флота) в ведущие морские державы мира, располагая также боеспособными сухопутными силами — собственными и наемными.

Принимая все более активное участие в решении общеевропейских вопросов дипломатическими и военными средствами, Англия и Голландия вступили между собой в упорное противоборство, вылившееся в серию англо-голландских войн (1652—1654, 1665—1667, 1672—1674). Их результатом было закрепление ведущих позиций Англии, хотя и Голландия сумела сохранить важную роль в европейской и мировой торговле и финансах.

С серьезными претензиями на господство в Европе и расширение колониальных владений в XVII—XVIII вв. выступила Франция, обрекая себя на серию войн с Испанией, Австрией, а затем и Англией. В результате продвижения к Рейну ее восточных границ в состав Франции входили все новые земли за счет испанских владений в центре Европы и мелких пограничных германских и иных государств. Только при Людовике XIV (1661—1715) к Франции отошло до ста владений, в том числе часть Фландрии, Страсбург, Франш-Конте и др. В Северной Америке она овладела Канадой и Луизианой, расширились ее владения в Индии. Французские короли и такие видные дипломаты, как Ришелье и Мазарини, способствовали

возвышению международного престижа Франции и Версальского двора в Европе; при их активном участии формировались дипломатические приемы переговоров, представительства, международного этикета. Французский язык в XVIII—XIX вв. широко использовался в дипломатической переписке, официальных межгосударственных соглашениях, на международных конференциях.

Борьба за гегемонию и статус ведущих держав — главный источник нестабильности вестфальской системы — усугублялась процессом становления и экспансии государств Северной, Восточной и Юго-Восточной Европы, отягчавшимся конфессиональными и этническими конфликтами.

После ряда войн с Россией, Речью Посполитой (Польско-Литовским княжеством), Пруссией, Австрией и участия в нескольких коалициях Швеция овладела стратегически важными территориями на побережьях Балтийского и Северного морей, оспаривая не без успеха позиции Англии, Голландии и Дании. Одновременно осложнялось положение Пруссии и Польши и возводилась серьезная преграда для связей Российского государства с Европой.

Не менее острый клубок противоречий оформился на южном фланге Восточной Европы, предвосхищая становление так называемого Восточного вопроса, осложнявшего международную обстановку в Европе в XVIII—XIX вв. Его средоточием являлась Османская империя, стремившаяся к продолжению экспансии в Центральной Европе и сохранению завоеваний в Средиземноморье и на Балканах, в Причерноморье, в Закавказье, а также на Ближнем Востоке. В 1683 г. сотысячная турецкая армия под командованием великого везира Кара Мустафы-паши вторглась в пределы Австрии и осадила Вену, поставив под удар мощь Австрийской империи. Только с помощью польского войска под командованием Яна Собесского и украинского казачества турецкая армия была разгромлена, а остатки ее отступили за Дунай.

Важную лепту в борьбу с Османской империей внесли азовские походы России, операции венецианского флота, а затем совместные действия так называемой Священной лиги в составе России, Австрии, Венецианской республики и Речи Посполитой. В 1698—1699 гг. состоялся Карловицкий конгресс этих держав при посредничестве Англии и Голландии. Он положил предел османской экспансии в Центральной Европе и способствовал новому переделу спорных территорий между участника-

ми коалиции. Особенно выиграла Австрия, закрепившая за собой Центральную Венгрию, Трансильванию, Бачку и почти всю Славонию — важный форпост последующей экспансии в восточном и юго-восточном направлении. Польша приобрела Правобережную Украину — дополнительный источник польско-российского противоборства в XVIII в. Россия сохранила за собой Азов, ставший плацдармом в борьбе за Причерноморье в XVIII—XIX вв. Венецианская республика удержала и отчасти расширила свои владения в Адриатике и в Восточном Средиземноморье.

Войны XVII в. дали мощный толчок развитию военного дела, военно-морского флота, кораблестроения. Одновременно шло расширение экономических и культурных связей государств и регионов Европейского континента. Складывались национальные и региональные рынки, хотя серьезным препятствием для этого оставались таможенные и пограничные барьеры, неурегулированность торговых связей и неизжитый произвол и разбой на сухопутных и морских коммуникациях. В пределах Европы увеличивался товарооборот мануфактурными изделиями, зерном, пушниной, различными видами минерального и сельскохозяйственного сырья (кожи, пенька и лен, уголь, железная руда и т. п.). Заметно возрастала роль европейских стран в мировой торговле — с заокеанскими колониями, азиатскими государствами. Важными центрами торговли, финансовых и посреднических операций являлись Лондон, Амстердам, Антверпен; быстро росли города, выполнявшие все более разнообразные функции — административных, экономических, культурных центров. Европа с ее растущим народонаселением становилась важным источником миграции и колонизации, осваивая не затронутые цивилизацией территории и насаждая европейские институты и структуры в заокеанских владениях.

Основные узлы международных конфликтов и концепция «баланса сил» в XVIII в. Повышенной конфликтностью, нестабильностью, вооруженным насилием и изощренной дипломатией характеризовались международные отношения в Европе в XVIII в. В решение региональных, общеевропейских и мировых проблем втягивался все более широкий круг участников: наряду с Англией, Голландией, Францией, Австрией, Испанией — Швеция, Россия, Польша, Пруссия, Османская империя. Через весь XVIII в.

проходили, накладывался друг на друга и осложняя пути их решения, такие крупные конфликты и противоречия, как англо-французские за гегемонию в Европе, господство на морях и из-за колоний; австро-прусское соперничество за контроль над Германией, а также австро-испанское — из-за Италии и испанских владений в центре Европы; борьба Швеции, России, Пруссии, Польши за влияние в Балтике и Прибалтике, в которую активно включались Англия, Голландия, Дания; наконец, столкновение взаимных притязаний и интересов России, Османской империи, Австрии, Польши, Пруссии в Причерноморье и Юго-Восточной Европе.

Многие из конфликтов XVIII в. облекались в форму *династических войн* и были сопряжены с решением вопросов престолонаследия, легитимизацией новых династий и т. п. Таковы войны за Испанское наследство (1701—1713), Польское наследство (1733), Австрийское наследство (1740—1748), Баварское наследство (1778); сильный налет династических интересов и притязаний сохраняла Семилетняя война (1756—1763). Важной отличительной чертой большинства войн XVIII в. были создание коалиций, широкий круг участников, ведение военных действий на суше и на море, в разных регионах Европы, а также в Западном полушарии и в Азии. В ходе их, как правило, сталкивались различные интересы участников — собственно династические, торговые и колониальные; борьба велась за стратегически и экономически важные территории и позиции, за доступ к морским коммуникациям и обеспечение свободы мореплавания, за сохранение или приобретение влияния на европейскую и мировую политику либо против угрозы поглощения более сильными державами.

Почти синхронно вспыхнули войны из-за оказавшегося вакантным после кончины в 1700 г. бездетного короля Карла II испанского престола и Северная война 1700—1721 гг. Главными претендентами на престол и владения испанской короны явились протеже Людовика XIV — его внук Филипп, кронпринц Карл Габсбургский и баварский принц Иосиф Фердинанд. Людовик XIV, не дожидаясь согласия других монархов, поспешил провозгласить испанским королем Филиппа Бурбона и ввести французские войска в Испанские Нидерланды. Перед угрозой сосредоточения в руках Бурбонов мощи Франции, Испании и ее владений в Европе и в Западном полушарии сложилась обширная антифранцузская коалиция в составе Англии, Голландии, Дании, Австрии, Португалии, Савойского и

Бранденбургского герцогств (позднее — Пруссии). Первоначальные военные успехи Франции сменились вскоре рядом тяжелых неудач, тем более что французской и испанской армиям пришлось сражаться на многих фронтах — в Нидерландах, Западной Германии, на Апеннинском полуострове, а также вести морские сражения. Дело дошло до вторжения коалиционных сил в пределы Франции. Однако в связи с избранием Карла Габсбурга в 1711 г. германским императором в коалиции произошел раскол. Перспектива возрождения гигантской империи на этот раз в составе Испании, германских государств и Австрийской монархии грозила взорвать хрупкий баланс сил европейских государств в ущерб интересам многих участников антифранцузской коалиции.

К тому же поражение Швеции под Полтавой в 1709 г. резко изменило в пользу России ход Северной войны, повысив заинтересованность Англии, Голландии, Дании в скорейшем поиске компромисса в борьбе вокруг испанского престола. В 1713 г. в *Утрехте* был подписан мирный договор Франции с Англией, Голландией, Данией и Португалией, а в 1714 г. — Франции с Австрией, представлявшей также интересы союзных ей германских государств. Испанский престол был сохранен за Филиппом V Бурбоном (положено начало испанской ветви Бурбонов) при условии отказа нового короля и его потомков от претензий на французский престол. В качестве компенсации Карлу Габсбургу, ставшему к этому времени австрийским императором, Австрии были переданы Испанские Нидерланды и бывшие испанские владения в Италии — Миланское герцогство, Неаполитанское королевство, о. Сардиния и часть Тосканы. Герцогу Савойскому за помощь в войне с Францией и Испанией были переданы пограничные земли Южной Франции и о. Сицилия (позднее по инициативе Габсбургов он был обменян на о. Сардинию), а в 1718 г. ему был присвоен титул короля, и на севере Италии оформилось Сардинское королевство.

Значительные выгоды из войны 1701—1713 гг. извлекла Англия. В результате морских операций в Средиземном море она овладела важными опорными базами — Гибралтаром и о. Менорка; добившись расторжения многолетнего сотрудничества Испании и Португалии, она обрела в Португалии серьезное влияние. Англии также перешло принадлежавшее Португалии так называемое *асьендо* — исключительное право на работорговлю и перевозку негров в Западное полушарие. Дохо-

ды от работорговли, практиковавшейся вплоть до 30—40-х годов XIX в., стали составной частью процесса первоначального накопления в Англии,

По данным выдающегося исследователя цивилизационных процессов нового времени **Ф. Броделя**, число обращенных в рабство и принудительно перевезенных за океан негров составило в XVIII в. от 7 до 8 млн человек (против 900 тыс. в XVI и 3750 тыс. в XVII вв.), а в XIX в. — около 4 млн человек. Помимо насаждения в Западном полушарии этой антигуманной формы эксплуатации, работорговля оказала серьезное воздействие на демографические процессы в Западной и Тропической Африке, в ряде стран Северной, Центральной и Южной Америки.

Оформившийся по окончании войны 1701—1713 гг. союз Англии, Голландии, Австрии и Франции выступил посредником между участниками затяжной Северной войны — Швецией, сражавшейся в основном в одиночестве, и Россией, опиравшейся на определенных этапах на поддержку так называемого **Северного союза** в составе Дании, Саксонии, Польши и Пруссии. Военные действия носили весьма затяжной и кровопролитный характер, шли с переменным успехом, но завершились серьезным военно-политическим успехом России. Согласно **Ништадтскому миру** (1721), ей отошли Лифляндия, Эстляндия, Ингерманландия, часть Карелии и Моонзундские острова. Выход к Балтийскому морю позволил России расширить торговые и иные контакты с Европой; Российская империя (после присвоения российским Сенатом Петру I титула императора таков был новый статус Российского государства) стала все более активно участвовать в решении общеевропейских проблем.

Соответственно расширялось поле дипломатической и международной деятельности европейских государств и возрастала роль балтийских, восточноевропейских и дунайско-причерноморских проблем в европейской политике и экономике. Возвышение России сыграло немалую роль в неуклонном снижении военного могущества и международного веса Швеции, Польско-Литовского княжества, Османской империи. Так, Швеция дважды вступала в войну с Россией (в 1741—1743 и 1788—1790 гг.) в тщетной попытке пересмотреть итоги Северной войны, но потерпела неудачу. В ходе ряда войн с Турцией (1710-1711, 1736-1739, 1768-1774, 1787—1791) России удалось закрепить за собой причерноморские земли, Крым,

продвинуть русско-турецкие границы на запад к Днестру, а также обрести ряд земель на Кавказе; в результате уменьшалась роль Османской империи в качестве деятельного и самостоятельного участника военно-политического и дипломатического взаимодействия и соперничества европейских держав и закладывались предпосылки ее превращения в XIX в. в объект международной политики.

В 70—90-е годы XVIII в. завершилось расчленение Польши между Россией, Пруссией и Австрией. На общем фоне внешнеполитической несамостоятельности германских государств определенное исключение составляли лишь некоторые из них, в том числе Саксония, Бавария, Ганновер (после того как ганноверский курфюрст Георг стал одновременно королем Англии, основателем Ганноверской династии), но особенно Пруссия, которая со времен Фридриха II активно претендовала на ведущие позиции в Центральной и Восточной Европе.

Динамизм и конфликтность, сопутствовавшие становлению и функционированию европейской системы международных отношений, делали весьма проблематичным поддержание мира в Европе. Важность его, однако, возрастала по мере расширения межгосударственных связей, международной торговли, общественных и культурных контактов, а также обеспечения безопасности государств и поиска оптимальных путей реализации конъюнктурных и перспективных государственных интересов (в той интерпретации, которая была характерна для XVIII в.). Немаловажную роль во внешнеполитической деятельности европейских держав и эволюции европейской дипломатии и международного права сыграла в XVIII в., особенно после Утрехтского мира 1713 г., концепция **«баланса сил»**. Речь шла о поддержании равновесия в соотношении военно-политического, экономического и внешнеполитического потенциала европейских государств как в отдельных регионах, так и на континенте в целом. Эта концепция, активным поборником которой уже с конца XVII в. была английская дипломатия, обрела в XVIII в. признание во многих странах — среди монархов, государственных деятелей, дипломатов, в общественных кругах и общественно-политической мысли. Ею зачастую руководствовались при решении вопросов войны и мира, при выборе союзников и при заключении торговых соглашений, при урегулировании спорных вопросов, особенно династического свойства, в изобилии возникавших в XVIII в.

Каждое из государств приносило своеобразие в интерпретацию концепции «баланса сил» и в особенности в практическое ее претворение. Так, Англия, рано осознавшая свое морское могущество, преимущества островного положения и экономической и финансовой мощи, апеллируя к интересам европейского мира и порядка, все чаще брала на себя роль международного арбитра и посредника. Когда же дипломатических средств для решения в нужном ей ракурсе международных проблем было недостаточно, она активно инициировала формирование военно-политических коалиций и финансировала военные акции своих континентальных союзниц, с помощью которых рассчитывала ослабить угрожавшие ее влиянию и позициям державы (к числу таковых в XVIII в. относились прежде всего Франция, Испания, а в определенные этапы — Австрия, Россия, Швеция, Голландия). Король Пруссии Фридрих II полагал, что предназначение страны быть балансиrom между Англией и Францией, чтобы, используя их противоречия, обрести свободу действий в Центральной Европе. Еще более сложной представлялась политика «баланса сил» правящим кругам тех держав, которые из-за своего геополитического положения были вынуждены решать целый комплекс трудно согласовывавшихся между собой внешнеполитических задач, — таких, как Австрийская и Российская империя, Франция, претендовавшая на гегемонию в Европе и сообразовывавшая с этой задачей свою внешнеполитическую деятельность, Испания и Турция, апеллировавшие к принципу равновесия сил для сохранения своих владений и ослабевших позиций.

В этих условиях возрастала роль внешнеполитических ведомств, различных форм дипломатических контактов — двусторонних и многосторонних. Они были призваны расширить круг дружественных и союзных держав, нейтрализовать либо изолировать вероятных противников, обеспечить благоприятные условия для торговых отношений. Все более важное место, наряду с согласованием территориальных претензий в Европе, приобретало соперничество Англии, Франции, Испании, Голландии из-за колониальных владений в Западном полушарии, в Африке, Азии, Океании. К числу видных дипломатов XVIII в. можно отнести пользовавшегося широким международным влиянием английского государственного *деятели Уильяма Питтпа Старшего*; долгие годы определявшего внешнюю политику страны австрийского политика и дипломата

В. А. Кауница. Непосредственное участие в дипломатической деятельности принимали монархи — Петр I и Екатерина II, шведский король Карл XII, прусский король Фридрих II, австрийская императрица Мария Терезия. Получила дальнейшее развитие система *посольств*, особенно в ведущих государствах; дипломатическую и военную деятельность, с согласия и поощрения государственных инстанций, вели Ост-Индские торговые компании Англии, Франции, Голландии, представлявшие своего рода «государства внутри государства», а также другие финансовые центры, судовые компании, посреднические торговые фирмы и дома.

Однако решающую роль в международных отношениях по-прежнему играли *войны*. Они рассматривались как наиболее радикальное средство пересмотра существующих границ на Европейском континенте, а также измерения соотношения сил и меры влияния держав в мировой политике. Не случайно содержание армий и флота было ведущей статьей в государственных расходах, ложась тяжелым бременем на население; наряду с рекрутским набором практиковалось использование (за плату) наемников и целых воинских подразделений во главе с военачальниками, поступавшими на службу иностранным монархам. Совершенствовались ружья, пушки, военные корабли, тактика сухопутных и военных сражений. Увеличивалось и многообразие типов войн — наступательные и оборонительные, маневренные и позиционные, морские и сухопутные либо комбинированные, призванные упрочить военно-стратегические позиции и безопасность государств, обеспечить завоевание важных торговых коммуникаций и рынков сбыта товаров, господство на морских и океанских коммуникациях, надежную связь с колониями, торговые связи со странами Востока и т. п. Вслед за войной за Испанское наследство и Северной войной важную роль в решении этих разнообразных задач сыграли две крупные коалиционные войны общеевропейского, а отчасти и межконтинентального масштаба — за Австрийское наследство (1740—1748) и Семилетняя война (1756—1763).

Так, в ходе острой борьбы вокруг признания наследницей австрийского престола Марии Терезии (дочери скончавшегося в 1740 г. австрийского и одновременно германского императора Карла VI), а ее мужа принца Лотарингского главой Священной Римской империи и союзники и противники Австрии воспользовались новым международным кризисом, чтобы пе-

решить условия Утрехтского мира, Северной войны, сферы влияния в Европе и в Западном полушарии. Пруссия вмешалась в вопрос о престолонаследии, чтобы военными и дипломатическими средствами отторгнуть австрийскую провинцию Силезию и ослабить Австрию. Это ускорило формирование антипрусской коалиции в составе Австрии, России, Англии, Голландии и Саксонии. В свою очередь, австро-прусское противостояние было использовано версальским и мадридским дворами для ослабления позиций давней соперницы — империи Габсбургов в Германии и Италии и пересмотра австрийских «прав» на Испанские Нидерланды.

Формирование в 1743 г. франко-испанского союза, позволившего двум ветвям Бурбонов сблизить свои позиции по многим вопросам, вызвало серьезное беспокойство в Лондоне. Там вынашивались далеко идущие планы превращения испанских колоний в Южной и Северной Америке в торговые рынки быстро развивавшихся в Англии мануфактурных предприятий, к тому же переходивших к использованию машин. Развязалась затяжная англо-французская война, в ходе которой решался вопрос о гегемонии в европейской и мировой политике и колониальном и торговом преобладании. Свои цели преследовали в войне и другие участники, решая частные и общие задачи в духе «баланса сил».

Однако обеим коалициям не удалось в полной мере реализовать свои замыслы, и *Аахенский мир* 1748 г. сохранил австрийский и германский престол, а также основные владения за домом Габсбургов. Поэтому его заключение лишь проложило путь новому, еще более крупному противоборству европейских держав — Семилетней войне с теми же участниками, преследовавшими в основном прежние цели. А вот конфигурация военных коалиций претерпела немалые изменения и продолжала корректироваться в ходе войны. На этот раз Англия, озабоченная своим противоборством с Францией и судьбой Ганновера, пошла на союз с Пруссией и рядом северогерманских государств. Франции удалось сплотить коалицию с участием своей традиционной соперницы Австрии, а также России, озабоченной чрезмерным усилением Пруссии, поддержанной к тому же Англией. Позднее антианглийская и антипруская коалиция пополнилась Швецией, Испанией, Португалией, Неаполитанским королевством и Пармой, где правили представители испанской ветви Бурбонов. Военные действия шли практически по всей Европе, а коалиционные армии в сово-

купности насчитывали свыше 500 тыс. участников. Военным действиям (как и в ходе войны 1740—1748 гг.) сопутствовали острые дипломатические баталии и непредвиденные эксцессы, в числе которых важные последствия имело неожиданное заключение мира между Пруссией и Россией (следствие кратковременного царствования Петра III — страстного поклонника Фридриха II) и выход Швеции из войны. Это неблагоприятно сказалось на положении Австрии и руководимых Габсбургами имперских войск, ухудшило положение Франции, с трудом совмещавшей военные операции в Европе с сопротивлением английским вооруженным силам в Западном полушарии. В январе 1763 г. в Париже был подписан мирный договор между Англией, Францией, Испанией и Португалией, а в феврале 1763 г. заключен мир между Пруссией, Австрией и ее союзницей Саксонией.

Больше всех от войны выиграла Англия, закрепившая свою роль ведущей европейской и мировой державы. Значительно расширились ее колониальные владения в Северной Америке (за счет захвата у Франции Канады и в результате приобретения части Луизианы и Флориды) и упрочились ее позиции в Индии. Однако уже в 70—80-е годы XVIII в. рядом взаимосвязанных процессов и событий были поставлены под вопрос принципы и методы внешней политики европейских держав, обусловленные сохранением в них монархических режимов, а с ними и используемый в их интересах принцип «баланса сил». Война за независимость североамериканских колоний (1776—1783), завершившаяся образованием США (1787), и Французская революция, открывшая череду нового типа войн и дипломатии, взорвали сложившуюся в Европе расстановку сил и бросили грозный вызов английской гегемонии.

Начало и противоречия либерализации международных отношений. Богатый событиями и потрясениями процесс развития мировой торговли и колониальной экспансии европейских держав обусловил повышенный интерес европейских правоведов, историков, философов к исследованию природы войн и их последствий, к выяснению возможностей и перспектив эволюции международного права и утверждения мира на земле.

. На *правовую основу* считал нужным перевести решение вопроса о войне и мире выдающийся голландский правовед и политический мыслитель *Гуго Гроций*, один из основополож-

ников теории естественного права и международного права. Широкую известность получил опубликованный им в 1625 г. трактат «О праве войны и мира», в котором автор осудил «разнузданное неистовство» Тридцатилетней войны, современником которой он был, и отстаивал необходимость решения спорных вопросов не силой, а с точки зрения права. Гроций выступил приверженцем мира между народами, ценностей государственного суверенитета, борьбы за свободу против национального угнетения. Ранее, предвосхищая принципы фритредерства, в сочинении «О свободном море» он высказывался за свободу мореплавания, отвечавшую тогда насущным интересам голландского купечества. Эти передовые для своего времени представления находили определенный отклик среди поборников естественного права и представителей рационалистического направления общественно-политической мысли. Однако они весьма активно оспаривались консервативными идеологами и политиками, а также приверженцами теологических воззрений на государство, политику и значение иерархического принципа во взаимоотношениях между странами.

На новый уровень дискуссия о войне и мире, о международных отношениях и международном праве вышла в XVIII в. в эпоху Просвещения, отразив вместе с тем противоречивый политический опыт межгосударственных отношений и реализации концепции «баланса сил». Идеологи Просвещения, их сторонники и последователи (при всем разнообразии воззрений и течений, представленных в рамках Просвещения в различных странах) были солидарны в признании важности кардинальных перемен в Европе и мире во имя торжества разума и естественного права всех людей на равенство и счастье. Все они решительно выступали против абсолютизма и деспотизма, засилья династических интересов, сословных привилегий, вопиющих проявлений нищеты и невежества, против своекорыстных интересов правителей, готовых, как подчеркивал 77. **Гольбах**, «предать сожжению весь мир» из-за глупого тщеславия. Д. **Свифт** в «Путешествии Гулливера» констатировал, что в основе войн и вооруженных конфликтов в Европе «лежит честолюбие и жадность монархов, которые никогда не бывают довольны и вечно стремятся расширить свои владения, увеличить число своих подданных; иногда развращенность министров, увлекающих своего государя в войну только для того, чтобы заглушить и отвлечь жалобы подданных на дурное

правление. Много крови было пролито из-за разногласий во взглядах».

III. Монтескье, Ж. Ж. Руссо, Я. Г. Гердер и другие яркие представители Просвещения разделяли высказанные **А. Смитом** идеи о важном значении для процветания народов экономических факторов (развития промышленности, торговли, науки, средств сообщения), а также сотрудничества самих народов. Они проявляли особый интерес к неравномерности развития «цивилизованных» и «варварских» народов и взаимоотношениям Европы с неевропейским миром. Ими подчеркивалась роль государства как важного инструмента обеспечения безопасности его граждан от внешней угрозы и благополучия «народа», «нации», «граждан». При этом понятия государственных интересов и приоритетов дополнились такими, как «национальные интересы» и «народный суверенитет», получившими признание в Европе и мире под воздействием Войны за независимость североамериканских колоний Англии и Французской революции конца XVIII в.

Выражая стремления жителей североамериканских колоний, авторы Декларации независимости (1776) апеллировали к **«неотчуждаемым»** правам людей на жизнь, равенство, счастье, а народов на независимость, безопасность и свободу. Благодаря победоносному исходу первой антиколониальной революции категория **суверенитета народа** как источника легитимности нового государства — Соединенных Штатов Америки — была декларирована Парижским мирным договором 1783 г. Положения о народном суверенитете, независимости США и конституирование в новом государстве республиканского представительного режима были зафиксированы и в Конституции США 1787 г.

Эти поистине революционные для межгосударственных отношений и международного права принципы получили огромный резонанс. В Западном полушарии они стимулировали крушение колониальных империй Испании и Португалии и образование на их базе в Центральной и Южной Америке более двух десятков государств с республиканскими режимами (исключение составили Бразилия и некоторые государства Центральной Америки). В Европе о своей приверженности принципам народного суверенитета вкупе с правами человека и гражданина и декларированием лозунгов свободы, равенства, братства заявила революционная Франция, поднявшаяся в 1789 г. на борьбу с абсолютизмом.

Уже в процессе превращения взбунтовавшихся Генеральных штатов в Учредительное собрание аббат *Сиейес* ввел понятие *французской нации*, отождествляя ее с составлявшим большинство населения страны бесправным к началу революции третьим сословием. В официальных актах революционной Франции начиная с Конституции 1791 г. были зафиксированы новые принципы внешней политики, порывавшие с традициями французского абсолютизма и бросающие вызов европейским государствам: «Французская нация, — гласила 6-я статья Конституции 1791 г., — отказывается от какой-либо войны, имеющей целью завоевания, и никогда не употребит своих военных сил во вред свободе какого бы то ни было народа».

Однако претворить в жизнь эти принципы оказалось неизмеримо сложнее их правового оформления и декларирования. О соответствии реальной внешней политики революционной Франции этим весьма привлекательным целям и принципам можно было говорить лишь в первые годы драматического для страны периода крушения старого режима. В то время делу Французской революции и ее защитникам симпатизировали прогрессивные круги Европы и Америки, а современник событий *В. Гёте* назвал победу французской революционной армии при Вальми в 1792 г. победой народов над королями.

Деформация либеральных и демократических идей по мере их реализации во Франции в конце XVIII — начале XIX в. обусловила изменение характера ее внешней политики и войн. Борьба французского народа против внутренней «деспотии» и ее внешних пособников вскоре вылилась в революционное мессианство по отношению к народам Европы («Мир хижинам, война дворцам!»), а затем в завоевательные грабительские войны в интересах новых властителей Франции. Вызванное этими войнами истощение Европы побуждало многих политиков и общественных деятелей искать им альтернативы.

И. Кант в 1795 г. в трактате «К вечному миру» не ограничился известным тезисом о важности и достижимости союза и сотрудничества государств в целях искоренения войн и признанием в качестве цели прогресса человечества обеспечение всеобщего правового гражданского состояния. Он сформулировал принцип невмешательства государств во внутренние дела друг друга, утверждая, что «ни одно государство не должно насильно вмешиваться в вопросы правления и государственного устройства других государств». В условиях открывшейся в Ев-

ропе полосы войн — революционных и антиреволюционных, захватнических и национально-освободительных, содействовавших утверждению либерализма либо консервации феодально-абсолютистского строя, — принцип невмешательства звучал осуждением крайностей революционного мессианства и феодальной реакции, попыток обеспечить мир в Европе насильственным путем. Кант пророчески предсказывал опасность для человечества истребительных войн, способных уничтожить обе воюющие стороны, похоронить всякое право и в конечном счете привести «к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества».

Начиная с 1794—1795 гг. вплоть до разгрома наполеоновской империи Европа стала ареной сражений Франции и ее сателлитов с чередой антифранцузских коалиций, инициаторами и активными участниками которых были Англия, Австрийская монархия и Российская империя, Пруссия. Пять из них (1792—1797, в составе Австрии, Англии, Голландии, Пруссии и Испании; 1798—1802, с участием Англии, России, Австрии, Неаполитанского королевства и Пруссии; 1805—1806, тех же стран без Пруссии; 1806—1807, в составе Англии, России, Пруссии и Швеции; 1809 — Англии и Австрии, прекратившей свое существование в том же году после разгрома австрийской армии при Ваграме) потерпели неудачу. Только после поражения наполеоновской армии в России в 1812 г. шестая коалиция (1813—1814) в составе Англии, России, Пруссии, Швеции, Испании и Португалии и седьмая коалиция (1815) в том же составе вместе с другими европейскими государствами сокрушили военную мощь империи, а с ней и господство в Европе казавшегося долгое время всесильным Наполеона Бонапарта.

Эпоха так называемых наполеоновских войн унесла в общей сложности свыше 7 млн жизней, сопровождалась немалыми материальными тяготами, породила обстановку нестабильности. Почти на два десятилетия она взорвала сложившееся к концу XVIII в. соотношение сил в Европе, заставив большинство европейских держав считаться с гегемонистскими притязаниями Наполеона Бонапарта. К 1806—1807 гг. наполеоновская империя достигла зенита своего могущества. Бельгия, Голландия, левый берег Рейна, все побережье Северного моря, Савойя и Ницца, значительная часть Северной и Средней Италии, Иллирийские провинции стали ее составной частью. Империя была окружена вассальными и союзными государства-

ми, население которых вместе с Францией в ее новых границах составило к 1812 г. 75 млн человек, почти половину населения континентальной Европы, Незаурядный военный гений и дипломатический талант Наполеона, опиравшегося на вдохновенную революцией энергию французов и недовольство старорежимными порядками других народов Европы, были использованы для произвольного перекраивания границ и территорий целых государств и даже ликвидации многих из них. В 1806 г., воспользовавшись победами при Аустерлице и Вене, Наполеон покончил со Священной Римской империей германской нации, создав на месте ее так называемый *Рейнский союз* под своим протекторатом. В том же году в тщетной надежде сокрушить мощь Англии он прибег к политике континентальной блокады, к реализации которой привлек многие страны. Немалые убытки из-за континентальной блокады несла не только Англия (объем ее торгового оборота с континентальной Европой за годы наполеоновских войн и блокады сократился в 1806—1811 гг. на 86%), но и европейская экономика в целом. В англо-французское противоборство были втянуты США, а также территории Северной и Центральной Америки и Вест-Индии.

Вынашивая далеко идущие планы присвоения испанских и португальских колоний, французский император в 1808 г. приступил к покорению Испании, где французская армия столкнулась с мощным сопротивлением местного населения, активно поддержанным Англией.

Французская гегемония в континентальной Европе была достигнута ценой устранения с международной арены Дании, Нидерландов (Голландии), Сардинского королевства, Венецианской республики, Папского государства и др., а также ослабления международного веса Испании, Пруссии, Австрийской империи. Однако даже в период апогея военных и дипломатических побед наполеоновской империи не удалось подорвать военно-морской, финансовой и экономической мощи Англии, а также ее международного веса. Именно в годы наполеоновских войн, компенсируя утрату позиций на европейском рынке, английские товары с успехом проникали в закрытые для них ранее испанские и португальские колонии в Центральной и Южной Америке; английский флот, особенно после разгрома французских сил при Трафальгаре, закрепил за собой господство в Северном море, Средиземноморье, Атлантике. Английская дипломатия, опираясь на финансовые

ресурсы казначейства и содействие торгово-промышленных кругов и компаний, инициировала активное сопротивление французской экспансии европейских стран и народов, усилившееся в ответ на посягательство на принципы государственного суверенитета и ущемление патриотических чувств и национальных устремлений.

Серьезные просчеты, допущенные правящими кругами Франции и лично Наполеоном Бонапартом в оценке могущества Англии, способности к сопротивлению России, Австрии, Испании, а также химеричность планов превращения Франции в мировую империю в полной мере сказались на заключительной стадии борьбы ослабленной многолетними войнами наполеоновской многонациональной армии с коалиционными силами, одержавшими решающие победы в 1814—1815 гг.

Венский конгресс и новая система международных отношений. *Венский мирный конгресс*, проходивший в 1814—1815 гг., был беспрецедентным по кругу участников, а также по значимости рассматривавшихся на нем вопросов и принятых решений для судеб Европы, а в определенной мере и всего мира. В нем принимали участие два императора, короли и коронованные особы более низких рангов 216 государств, 450 дипломатов и политических деятелей, не считая свит монархов и почетных гостей. Наряду с приемами, балами, охотой и другими формами светского общения шла напряженная дипломатическая работа по определению основ послевоенной системы международных отношений в Европе, которые получили отражение в *Генеральном заключительном акте конгресса*, подписанном 9 июня 1815 г.

Участники конгресса были солидарны в намерении восстановить мир и порядок в Европе, ликвидировать наиболее одиозные последствия наполеоновских войн, обеспечить по возможности стабильный характер межгосударственных отношений. Все они, однако, выдвигали широкий круг территориальных притязаний, апеллируя к поколебленному в конце XVIII — начале XIX в. принципу династических интересов. Это обусловило острую борьбу и на самом конгрессе, и за его кулисами. Арбитрами и вершителями судеб европейского порядка стали представители великих держав, сыгравших решающую роль в разгроме бонапартистской империи, — российский император *Александр I*, канцлер Австрии князь *К. Меттерних*, английские премьер-министр лорд Кэстлри

и глава Министерства иностранных дел **А. У. Веллингтон**. По окончании конгресса в их число вошла Пруссия, чей вес в решении общеевропейских вопросов весьма вырос. Вплоть до 30—40-х годов XIX в. Франция как бы выпала из числа великих держав, и ее руководству пришлось вести упорную борьбу за возврат в ряды лидеров европейской и мировой политики.

В основу так называемой **венской системы** были положены принципы легитимизма, т. е. восстановление (по возможности и с согласия великих держав) власти «законных» династий, а также обеспечение гарантий против возрождения бонапартистской династии во Франции и рецидивов французской экспансии. Одновременно при активном участии английской дипломатии решались задачи достижения «баланса сил» при рассмотрении территориальных вопросов, занимавших едва ли не центральное место на конгрессе.

Политическая карта Европы была радикальным образом обновлена. Франция была возвращена к границам 1792 г. На ее восточных рубежах на основе Бельгии, Голландии и Люксембурга было создано **Нидерландское королевство** (просуществовало в этих границах до 1831 г., когда из него выделилась в качестве независимого и нейтрального государства Бельгия). Значительные территориальные приращения получили Пруссия, Австрия и Россия, в том числе за счет нового раздела польских территорий. В состав Пруссии были включены Рейнская провинция, Вестфалия и Северная Саксония. Австрия, утратив позиции в центре Европы (так называемые Испанские Нидерланды), была вознаграждена передачей ей руководящей роли в созданном на основе решений конгресса **Германском союзе** (из 34 германских государств и четырех «вольных» городов), укреплением ее позиций на Апеннинском полуострове и передачей ей Ломбардо-Венецианского королевства в Северной Италии, а также югославянских земель. От Дании, бывшей союзницей Наполеона Бонапарта, была отделена Норвегия, вплоть до начала XX в. объединенная на основе личной унии со Швецией. Венский конгресс узаконил также переход к Англии ряда колоний и морских баз, отвоеванных ею у Франции и Голландии, в том числе о. Мальту на Средиземном море, Капскую колонию на юге Африки, о. Цейлон.

Важной особенностью венской системы на начальном этапе ее существования была попытка дать ей некое идеологическое обоснование в виде концепции реставрации дореволюционных

порядков в Европе и борьбы против революционных потрясений и национальных движений. Этим целям, в частности, служил оформившийся по инициативе Александра I 26 сентября 1815 г. **Священный союз** монархов России, Австрии и Пруссии. Венский конгресс, вопреки росту национального самосознания в германских и итальянских государствах, санкционировал сохранение их политической раздробленности, равно как отказал в праве на государственность польскому народу. Практически своими решениями Венский конгресс и последовавшие за ним конгрессы Священного союза (Ахенский конгресс 1818 г., Тропаусский конгресс 1820 г., Лайбахский и Веронский конгрессы 1821 и 1822 гг.) стремились дезавуировать концепцию народного суверенитета, идеи свободы и равенства, предотвратить апелляцию к ним поборников либеральных, демократических, национальных и социальных движений, распространявшихся в Европе в 20—40-е годы и объективно направленных против венской системы. Подменяя присущую венской системе тенденцию к поддержанию европейского мира и стабильности курсом на сохранение абсолютистских режимов, сословных привилегий и феодальных порядков, члены Священного союза использовали свой немалый вес и могущество, чтобы сдерживать набиравший темпы процесс развития Европы и Северной Америки.

Этим по сути дела обреченным на конечную неудачу реакционным в условиях XIX в. курсом были обусловлены катаклизмы, осложнявшие функционирование венской системы, такие, как подавление Австрией революционных выступлений в Испании и ряде итальянских государств (в 20, 30, 40-е годы), Россией восстания декабристов, польского восстания 1830 и 1863 гг., расправы с венгерской революцией 1848—1849 гг. (совместными усилиями Австрии и России), а также противодействие Священного союза распаду испанской и португальской колониальных империй вплоть до тщетной попытки организовать вооруженную интервенцию в Центральную и Южную Америку. Опасность политики Священного союза была тем больше, что она вела к непомерному увеличению влияния двух империй в континентальной Европе и получала деятельную поддержку абсолютистских режимов и конфессиональных сил во многих странах. Тем самым искусственно сдерживался процесс индустриализации, развитие науки и просвещения, затруднялось решение назревших социальных проблем.

Вместе с тем в рамках венской системы консолидировались силы и течения, стремившиеся придать ей определенный динамизм и способствовать координации межгосударственных отношений и норм международного права, с одной стороны, и политических, экономических и социальных потребностей переходного этапа, переживавшегося европейской цивилизацией, — с другой. Немаловажную роль в этом играли правящие круги Англии и британское общество, эволюционировавшие к развитым формам конституционно-парламентского режима и к утверждению либерализма. В свою очередь, Франция уже со времен июльской монархии все более решительно порывала с идеологией Реставрации. Она превращалась в средоточие интеллектуальных сил Европейского континента, оппозиционных диктату феодальных монархий во внутренней политике и международной сфере. Общими чертами английского и французского либерализма были апелляция к принципам свободной торговли, заинтересованность в развитии средств сообщения, содействии индустриальному прогрессу, преодолении архаических структур, все еще сохранявших серьезное значение во многих регионах Европы, использовании преимуществ европейской динамичной цивилизации для укрепления ее ведущих позиций в мире. Не без их влияния и демонстрационного эффекта быстрого прогресса обеих стран в Европе повсеместно усиливалось противоборство консервативных и либеральных сил, которое воздействовало не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику. Все большее значение приобретали: интерпретация государственных интересов и определение приоритетов внешней политики, координация интересов торгово-промышленных и финансовых кругов и дворянства, по преимуществу связанного с земледелием и заинтересованного в рынках сбыта сельскохозяйственной продукции, определение направления внешней и колониальной экспансии и выбор наиболее эффективных методов ее реализации. В Германии, Италии, а также в Восточной Европе и на Балканах на первый план все более настойчиво выдвигались вопросы становления национальной государственности как важного условия преодоления отсталости и приобщения к плодам цивилизации и индустриализации.

Сосуществование в рамках венской системы государств, ставших безоговорочно на путь капиталистического развития, и государств, сохранявших приверженность абсолютизму и традиционализму, было осложнено серьезными противоречия-

ми. Но вплоть до Крымской войны 1853—1856 гг. взаимодействие четырех великих держав и присоединившейся к ним Франции позволило избежать общеевропейских войн, которыми изобиловали XVII—XVIII вв. и начало XIX столетия. Соответственно заметно усиливалось значение дипломатии в согласовании позиций ведущих держав по важнейшим общеевропейским вопросам и локализации возникавших международных конфликтов и войн на европейской периферии.

Серьезным испытанием на прочность венской системы стало согласование позиций великих держав в связи с развернувшимся с конца XVIII в. освободительным движением в испанских и португальских колониях в Западном полушарии. Растянувшееся на два с лишним десятилетия в период серьезных потрясений в самой Европе, оно привело к конституированию независимых государств в Центральной и Южной Америке. К тому же, за исключением Бразилии, долгое время остававшейся еще монархией, подавляющее большинство их по примеру США избрало республиканские и конституционные формы правления — серьезный вызов Старому Свету и идеологии Реставрации. В то время как в Европе Священный союз, действуя в духе приверженности легитимизму, санкционировал вооруженное вмешательство во внутренние дела Испании и итальянских государств, США, сохраняя верность идее национального суверенитета, провозгласили имевшую широкий международный резонанс *доктрину Монро* (1823). В послании президента США Конгрессу от 2 декабря 1823 г., вошедшем в историю под этим названием, во-первых, провозглашалось, что Западное полушарие не может рассматриваться как объект будущей колонизации какой-либо европейской державы; во-вторых, недвусмысленно указывалось, что всякая попытка вмешательства европейских держав в дела Американского континента, в том числе новых государств с целью навязывания им своей политической системы или своего господства, будет рассматриваться как угроза Соединенным Штатам. Со своей стороны США декларировали свое намерение не вмешиваться в дела Европы и сохранившихся в Западном полушарии, особенно в северной его части, колоний европейских государств.

В конкретной обстановке первой четверти XIX в. доктрина Монро имела прогрессивное значение. Она осуждала колониализм и отстаивала национальный и государственный суверенитет, хотя уже тогда в ней отразились претензии США на то,

чтобы сосредоточить в своих руках решение судебных и представительств интересов всего Американского континента. Европейской дипломатии, в первую очередь английской, пришлось при решении вопроса о вооруженной интервенции в бывшие испанские и португальские колонии принимать в расчет не только их удаленность, сложность и целесообразность военно-стратегической и политической реализации задачи восстановления колониальных империй Испании и Португалии, но и связанный с этим риск обострения отношений с США, признанными к этому времени основными европейскими державами.

Ранее других всю уязвимость чисто силового решения вопроса, к тому же чреватого осложнением ситуации в Европе и нарушением консенсуса между великими державами, осознали в Лондоне. Итоги и уроки в целом неудачных для Англии двух войн с бывшими своими колониями (1776—1783, 1812—1814) также были приняты в расчет правительственными и дипломатическими кругами. Но главным аргументом в пользу признания свершившегося факта распада испанской и португальской колониальной империи и налаживания конструктивных отношений с США и новыми государствами была заинтересованность Англии в чрезвычайно емком рынке, открывавшемся для английских промышленных товаров в новых условиях, а также возрастающая зависимость английской экономики от многих видов сельскохозяйственной продукции и сырья из Западного полушария, в том числе от поставок из США во все возрастающем объеме хлопка.

После долгих дипломатических переговоров с испанским и португальским дворами, а также с участниками Священного союза и Францией Англия заявила о намерении направить в новые независимые государства своих консулов, вице-консулов и торговых агентов, а в 1824 г. признала независимость новых государств де-юре.

Под давлением английского министра иностранных дел Каннинга французская дипломатия, заинтересованная в нормализации отношений с главным гарантом венской системы — северной соседкой, от имени монархии Бурбонов поспешила, не без борьбы, признать безнадежность дела восстановления испанской власти над «Испанской Америкой». Она официально отвергла существование планов приобретения там сфер влияния, признала независимость новых государств и по примеру Англии поспешила оказывать всемерную помощь налаживанию политических и торговых связей Франции с Аме-

риканским континентом. Примеру Англии и Франции последовали и другие державы Старого Света. Тем самым закладывались основы дальнейшего взаимодействия стран Европы и Америки, хотя не без ущерба для последней, особенно для коренных народов западного континента. Расширялись миграционные потоки из Европы в Западное полушарие, усложняя этнонациональный состав американских государств и становление в них национальных культур.

В то время как США и население большинства территорий Центральной и Южной Америки (за исключением сохранявшихся в Западном полушарии колоний Англии, Франции, Испании и других европейских держав) обрели свою государственность, другие континенты земного шара — Африка, Азия, Австралия, Новая Зеландия — продолжали оставаться объектами колониальной экспансии европейских государств, особенно Англии, Франции, России, Нидерландов. За счет колониальных приобретений ведущие европейские государства получали серьезные дополнительные ресурсы в усиливавшемся в рамках венской системы соперничестве за гегемонию в Европе. Период от Венского конгресса до революций 1848—1849 гг., нанесших тяжелый удар по венской системе и ее исходным принципам, и далее вплоть до франко-германской войны 1870—1871 гг. ознаменовался серьезными изменениями в соотношении сил пяти великих держав, а также ростом значения национального фактора в международных отношениях, особенно в связи с объединительными процессами в Германии и Италии.

Одним из мощных факторов дестабилизации венской системы являлся унаследованный от XVII—XVIII вв. и продолжавший обостряться в XIX в. Восточный вопрос, т. е. судьба Османской империи и ее обширных владений на Балканах, в Северной Африке, на Ближнем Востоке. В этом важном регионе, на стыке трех континентов, сплетались в трудноразрешимый узел интересы султанского режима, Австрийской и Российской империй, многообразные геополитические притязания Англии и Франции, всегда проявлявших интерес к Средиземноморью, а также этнонациональные и конфессиональные потребности населявших Балканы и Юго-Восточную Европу народов, отстаивавших свою право на социокультурную идентичность и государственность.

Первая половина XIX в. проходила под знаком возрастающих претензий царизма на монопольное решение многих ас-

пектов Восточного вопроса, непосредственно затрагивавших ключевые для Российской империи проблемы: обеспечение гегемонии в Черном море; контроль над режимом средиземноморских проливов; притязания на Константинополь, оправдываемые конфессиональными мотивами; содействие освобождению от турецкого ига и насильственной исламизации балканских народов, исповедовавших большей частью православие. Победоносные для России войны с Османской империей 1806—1812 и 1828—1829 гг. не только похоронили надежды Стамбула на реванш за поражения в XVIII в., но и обеспечили России приобретение Бессарабии, Черноморского побережья к югу от устья Кубани, а также ряда территорий Грузии. Благодаря действиям российской армии в приднестровских землях и на Балканах, а также поддержке Англии и других держав, озабоченных масштабами репрессий турецких янычар в балканских владениях Османской империи, Сербия обрела в 1829 г. автономию (под покровительством России), а Греция в 1830 г. получила независимость; были ограничены прерогативы султана в Молдавии и Валахии. Крупным успехом восточной политики царизма стало заключение в 1833 г. **Ункяр-Искелесского договора** с Османской империей, по которому Россия обещала султану военную помощь в случае необходимости, а султан обязывался закрыть средиземноморские проливы для прохода военных судов нечерноморских стран.

Рост влияния Российской империи в Константинополе побуждал Англию, Австрию и Пруссию к совместному демаршу по отношению к России, вынудившему Николая I отказаться от продления срока действия договора 1833 г. Более того, четыре державы подписали **Лондонские конвенции** 1840 и 1841 гг., предусматривавшие их обязательство коллективными усилиями содействовать поддержанию «целостности и независимости империи Оттоманской». Тем самым была предпринята попытка как бы заморозить Восточный вопрос. Однако консенсус четырех держав был весьма непрочным, поскольку Англия и Франция в это же время добились фактической свободы торговли в Османской империи, вмешивались во взаимоотношения султанского режима с вассальными территориями, в частности с египетским пашой, инициировали реформы «сверху», призванные устранить изжившие себя порядки; дело шло к навязыванию Османской империи коллективной опеки в виде режима капитуляций.

Революция 1830 г. во Франции, сопровождавшаяся падением Бурбонов и приходом Орлеанской династии, выражав-

шей интересы финансовой аристократии и торгово-промышленных кругов, активизировала внешнюю политику второй после Англии по экономическому потенциалу державы Европы. Уязвленная демонстративным устранением Франции от «концерта» четырех держав, в частности в Восточном вопросе, французская дипломатия, не связанная Лондонскими конвенциями, использовала все имевшиеся в ее распоряжении средства, чтобы, с одной стороны, укреплять свои позиции в Северной Африке против турецкого султана, а с другой стороны, претендовать на серьезные позиции в самой Османской империи. Она использовала провозглашение независимости Бельгии в 1831 г. и инициированное этим, как и самой Июльской революцией, брожение в западногерманских государствах, чтобы претендовать на роль посредника в урегулировании положения нового государства, само существование которого было вызовом венским договоренностям.

Аналогичным образом июльская монархия активно вмешивалась в междоусобную борьбу в Испании, противостояла претензиям Австрийской империи единолично решать в духе принципов Священного союза германский и итальянский вопросы, поддерживала Швейцарскую конфедерацию в ее борьбе против сепаратизма католических кантонов. Продолжая этот курс, Вторая республика и последовавшая за ней Вторая империя, во-первых, недвусмысленно высказались против принципа вмешательства «европейского концерта» во внутренние дела европейских стран, а во-вторых, в противовес Австрийской монархии и Российской империи стали склоняться к поддержке так называемого «принципа национальностей» в Европе. Проявляя сдержанность в территориальных вопросах, касавшихся самой Франции, французская дипломатия дезавуировала принцип легитимизма как таковой, поставив в повестку дня вопрос о ревизии венской системы. В том же направлении стимулировали развитие международной обстановки революции 1848—1849 гг. в германских и итальянских государствах, война за независимость 1848—1849 гг. Сардинского королевства против Австрии, подъем национально-освободительного движения в рамках Австрийской империи и Пруссии, а также в Европейской Турции.

Кризис венской системы в 50—60-е годы и новые тенденции в развитии международных отношений. По своим темпам и продолжительности, а главное — по итогам период экономического развития с 1850 до начала

70-х годов был беспрецедентным, изменив облик Европы, США и оказав стимулирующее воздействие на мировую экономику и товарооборот. Он складывался из многих компонентов, но важнейшее значение имели завершение промышленного переворота в Англии, а также вступление в решающую фазу процесса индустриализации США, Франции, Германии, Бельгии, вытеснение капиталистическим укладом феодальных отношений и структур, усиление международного разделения труда, рост городов и удельного веса городского населения, развитие средств сообщения.

За десятилетие 1847—1857 гг. сеть железных дорог в мире возросла с 25 тыс. до 83 тыс. км. Объем мировой торговли в денежном выражении составил в 1850 г. 14,5 млрд марок (германских), а в 1860 г. 26,8 млрд марок (против 6,4 млрд в 1830 г. и 10 млрд марок в 1840 г.). Мощным импульсом развития мировой экономики и прогресса банковско-финансовой системы стало открытие золотых месторождений в Калифорнии (1848) и Австралии (1851). Их освоению сопутствовала новая волна эмиграции из европейских стран, расширение товарных потоков и развитие заокеанских регулярных рейсов судов — пассажирских и торговых. Расширялась транспортная сеть на Европейском континенте — железные дороги, сухопутные, речные магистрали, морские коммуникации в Балтике, Северном море, Атлантике, Средиземноморском бассейне. В 1869 г. началась эксплуатация Суэцкого канала. США лидировали по строительству и протяженности железнодорожных магистралей, использованию судов с паровыми двигателями на речных и морских коммуникациях.

Англия, превратившись в «промышленную мастерскую мира», стала бесспорным лидером мировой экономики. С 1800 по 1860 г. ее доля в мировом промышленном производстве возросла с 4,3 до 19,9%, тогда как Франции — с 4,2 до 7,9%, а Германии — с 3,5 до 4,9%. США после Гражданской войны выдвинулись на второе место после Англии по ряду важнейших показателей экономического развития, все еще значительно уступая по абсолютным данным лидеру. К середине XIX в. стал увеличиваться разрыв по суммарным показателям Европы и США и всех остальных континентов и регионов земного шара, но особенно по уровню среднедушевого ВВП, условиям жизни, использованию достижений научно-технического прогресса. Немаловажную роль в этом сыграла целенаправленная политика метрополий по превращению колоний в

аграрно-сырьевые придатки, а также удар, нанесенный ремеслам, домашней и кустарной промышленности периферийных стран массовым сбытом изделий фабрично-заводской промышленности с более низкой себестоимостью и лучшими потребительскими качествами. Немаловажную роль в процессе экспансии европейских держав в мире — торговой, колониальной, военной — играло совершенствование вооружений на основе научно-технического прогресса.

Научно-экономический и военно-технический прогресс ведущих в капиталистическом и индустриальном развитии держав вносил серьезные коррективы в соотношение военно-экономического потенциала и европейских государств, а соответственно и в их способность активного воздействия на международные отношения. Наиболее болезненно сказалось усиливавшееся экономическое отставание на трех империях — Российской, Австрийской и Османской, что в полной мере обнаружилось в ходе Крымской войны, в исходе борьбы за объединение Германии и Италии и в других международных потрясениях, богатых на события 50—60-х годов XIX в.

Крымская война 1853—1856 гг. возникла вследствие усиливавшегося соперничества Англии, Франции и России за господство на Балканах и Ближнем Востоке, за влияние в Османской империи. Со стороны царизма и лично императора Николая I речь шла о закреплении и без того весьма значительных позиций России в Восточной Европе и на Балканах, в зоне средиземноморских проливов, а также обретении путем нажима на Турцию права покровительства православным подданным Османской империи, да и всем христианам. В свою очередь, правящие круги Англии и Франции, при всех разделявших их противоречиях и весьма подозрительном отношении Лондона ко Второй империи и ее главе Луи-Бонапарту, сочли уместным поддержать Османскую империю против непомерных, по их представлениям, притязаний царизма, грозивших нарушить и без того шаткий баланс сил в Центральной и Восточной Европе и единолично решить судьбу «больного человека Европы», как все чаще называли Османскую империю. При активном участии главы английского правительства Г. Дж. **Пальмерстона** и императора **Луи-Наполеона** (мечтавшего повторить военные триумфы своего дяди — Наполеона Бонапарта) было заключено соглашение о совместных действиях против России. С их благословения Османская империя в октябре 1853 г. объявила войну Российской империи, в кото-

рой приняли также участие военно-морские и сухопутные силы Англии и Франции и воинские подразделения Сардинского королевства. Россия оказалась в полной изоляции, поскольку Австрия и Пруссия, предполагаемые союзники, предпочли занять нейтральную позицию, к возмущению Николая I.

Военные действия разворачивались на Балканах (в долине Дуная), в Закавказье, а затем и в Крыму. Против 700-тысячной сухопутной армии Российской империи, вооруженной устаревшими гладкоствольными кремневыми винтовками, сражалось, с учетом все еще боеспособной турецкой армии, свыше 1 млн человек, оснащенных при содействии Англии и Франции современными скорострельными и дальнобойными ружьями. Против 14 парусных линейных кораблей и 12 фрегатов, составлявших Черноморский флот России, действовал современный союзный флот (34 линейных корабля и 55 фрегатов с паровыми двигателями и большой огневой мощностью), что обеспечило ему господство на Черном море и свободу маневра, а также фактически беспрепятственную транспортировку войск в Крым. Несмотря на героическую оборону на протяжении 349 дней Севастополя, упорные сражения на Дунае и в Закавказье, Россия потерпела поражение и была вынуждена заключить в Париже в 1856 г. мир на крайне тяжелых для нее условиях.

Россия была лишена права иметь флот на Черном море, а также береговые базы и укрепления (фактическая нейтрализация Черного моря); она отказывалась от притязаний на покровительство православным подданным Османской империи; уступала последней южную часть Бессарабии и признавала коллективный протекторат великих держав — Англии, Франции и Австрии (последняя была в числе участниц Парижской мирной конференции) над Молдавией, Валахией и Сербией, оставшихся под суверенитетом султана. Поражение в Крымской войне вызвало глубокий кризис феодально-крепостнической системы в России и вынудило нового императора — Александра II инициировать давно назревшие реформы в различных сферах государственной системы управления и в обществе и главную из них — отмену крепостного права.

Поражение обусловило и колебания России в отношении к переломным для Европы событиям — процессу объединения Италии и Германии, назреванию франко-германской войны, а также ее предубеждение к недавним партнерам по «европейскому концерту» — Англии, Австрии, Пруссии и стоявшей несколько особняком Франции.

Определенный выигрыш для Австрийской империи, обеспечившей себе с помощью нейтралитета возможность активно участвовать в решении балканских и ближневосточных вопросов, не предотвратил плачевного для нее исхода борьбы за сохранение ведущих позиций в Германском союзе и на Апеннинском полуострове. Сначала в ходе неудачной войны с Францией и Сардинским королевством (1858—1859) она была вынуждена отказаться от обладания Ломбардией, а после войны с Пруссией и Сардинским королевством (1866) — от Венецианской области с ее центром Венецией. Австрийская дипломатия оказалась не в силах воспрепятствовать созданию Итальянского королевства в 1861 г., а также крушению дружественных ей монархических режимов в Центральной Италии.

Не менее серьезными последствиями обернулось для монархии Габсбургов поражение при Садовой в 1866 г. в ходе войны с Пруссией, открывшее последней возможность успешно продолжать объединение под своей эгидой германских государств. Тем самым монархия Габсбургов лишалась принадлежавшего ей на протяжении ряда столетий контроля за положением дел в Германии, придававшего ей особый вес в европейской политике. Создание в 1866 г. Северогерманского союза во главе с прусской монархией было весьма болезненно воспринято в Лондоне и Париже, где не без оснований опасались появления могущественного соперника в лице единого германского государства в центре Европы.

Таким образом к концу 60-х годов «европейский концерт» великих держав был разбалансирован; идеи европейского порядка, лежавшие в основе венской системы, были скомпрометированы эгоизмом правящих кругов великих держав, их противоречиями по Восточному вопросу, а главное — национальными притязаниями народов, лишенных государственности либо политически раздробленных. Между тем серьезная трансформация государственных и общественных структур европейских стран и народов на протяжении XIX в. усиливала осознание возраставшей общности европейской цивилизации в передовых для своего времени общественных кругах, повышая заинтересованность их в созидании такой системы международных отношений, которая бы учитывала потребности больших и малых стран и обеспечивала мирные условия их функционирования.

После Венского конгресса, особенно в 50—60-е годы, значительно повысился интерес к международным вопросам и внешней политике как таковой среди мыслителей различной

ориентации, общественно-политических, национальных и социальных движений и организаций. Быстрый рост периодических изданий, бурный прогресс общественно-политической и социальной мысли и публицистики сыграли немаловажную роль в приобщении все более значительных слоев населения к международной политике, в появлении интереса к крупным международным событиям и их последствиям. Газеты и журналы включались в дискуссии о внешнеполитическом курсе собственных правительств и других больших и малых европейских государств. Наибольший интерес вызывали материалы, посвященные международным кризисам и конфликтам, крупным политическим потрясениям, таким, как июльская революция во Франции, Гражданская война в США, антитурецкие восстания в Греции, Болгарии и др.

Наряду с официальной точкой зрения на события, получавшей отражение в проправительственной печати, все больше распространялись взгляды и оценки международных событий и складывавшейся системы международных отношений представителей либеральной, демократической и социалистической оппозиции, поборников мира и сотрудничества больших и малых народов. Опасные симптомы возрождения милитаризма в рамках венской системы, расширение колониальной экспансии европейских государств заставляли мыслителей различной ориентации настойчиво возвращаться к поставленным идеологами Просвещения вопросам войны и мира, условиям, способным обеспечить мирное сосуществование народов и государств. Так, К. А. Сен-Симон видел путь к созданию всемирной ассоциации народов и всеобщему миру в становлении индустриализма — «промышленной системы», по его терминологии, и в устранении национальных границ, а также в преодолении нищеты беднейших классов общества. Выдающиеся либеральные мыслители 20—40-х годов, в противовес принципам венской системы, ратовали за замену абсолютистских режимов конституционно-парламентскими и одними из первых поставили вопрос об использовании парламентско-правовых механизмов для контроля за выработкой и реализацией внешнеполитических решений исполнительной власти.

Это не мешало многим либеральным деятелям вслед за консерваторами солидаризироваться с активной колониальной политикой, ставить во главу угла в оценке международных процессов и явлений государственные интересы собственной страны. Так действовал кумир европейских либералов граф

Г. Дж. Пальмерстон, долгое время возглавлявший в 30—60-е годы сначала МИД, а затем и правительство Великобритании.

Но с середины XIX в. расширение непосредственных связей между общественными организациями многих стран Европы и Америки привело к появлению *неправительственных* светских международных организаций, претендовавших стать новыми субъектами международных отношений. Начало было положено *пацифистами*, которые после наполеоновских войн протестовали против решения конфликтов с помощью вооруженной силы, против вооружений и милитаризма и создали в ряде стран свои организации. В 1843 г. они провели в Лондоне первый *Всемирный конгресс мира*, провозгласивший идеи пацифизма. Гуманистический антимилитаризм пацифистов был поддержан многими выдающимися деятелями культуры и учеными. Дальнейшей разработке и распространению этих идей способствовали состоявшийся в 1848 г. в Брюсселе второй и последующие международные конгрессы пацифистов.

По инициативе *А. Дюна* и *Ф. Либера* пацифисты добивались гуманизации международного права: призывали не считать мирных граждан участниками военных действий, не отождествлять их с военнослужащими, чтобы обеспечить раненых военнослужащих медицинской помощью, предлагали придать медперсоналу на полях сражений статус нейтральности. Их инициативы получили общественное признание, и в 1864 г. некоторые из них были зафиксированы в *Женевской конвенции*, подписанной правительствами десятков государств. Был также основан *Красный крест* — международная организация для оказания помощи жертвам военных действий.

Активизация демократов и борцов против национального угнетения, особенно народные выступления и революции 30—40-х годов XIX в. и вынужденная эмиграция многих их участников, способствовали росту интернациональной солидарности и сотрудничества. Испанские революционеры, итальянские карбонарии, греческие и польские патриоты, разнородные противники царствующих династий и поборники демократии разрабатывали концепции изменения международных отношений, связанные с планами радикальных общественно-политических преобразований в европейских странах. Д. Гарни, О. Бланки, Дж. Мадзини, лидеры польских повстанцев, венгерских и немецких демократов выступали против Венской системы и Священного союза. Так, путь к достижению государственной независимости всеми угнетенными народами Европы и созданию их ассоциации Мадзини видел в

национальной народной революции и ликвидации многонациональных империй. Ради общих целей они поддерживали друг друга, хотя разногласия, существовавшие в конкретных способах организации и борьбы, мешали им объединиться.

В 60-е годы XIX в. рост и активизация рабочих организаций, а также осознание ими общности многих своих интересов привели к установлению связей между рабочими союзами Англии и Франции, а затем и других стран. В 1864 г. в Лондоне состоялось собрание представителей организованных рабочих ряда стран и связанных с ними революционных эмигрантов. На нем было основано *Международное товарищество рабочих* — / *Интернационал*,

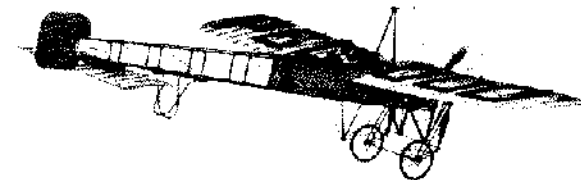
В конгрессах и конференциях МТР и в работе его *Генерального совета*, заседавшего в Лондоне, участвовали сторонники различных взглядов — от тред-юнионистов и демократов до анархистов, но К. Марксу и Ф. Энгельсу удалось придать его важнейшим решениям социалистическую ориентацию. МТР выдвинуло ряд требований, ставших популярными среди части организованных рабочих стран Европы и Америки: ограничение длительности рабочего дня; обретение трудящимися политических прав и свобод; усиление профсоюзов и кооперативов; организация стачек; поддержка освободительной борьбы угнетенных народов; протест против агрессивной политики держав и милитаризма. Интернационал немало сделал для поддержки конкретных выступлений рабочих отдельных стран, укрепления их организаций и распространения идей К. Маркса. Он был первой *международной организацией* рабочего движения.

Светские неправительственные организации еще не имели серьезного влияния, но были предвестниками появления в XX в. многочисленных и значительных субъектов международных отношений нового типа.

За два столетия после Вестфальского договора в мире произошли огромные перемены. Выросло население, развернулась индустриализация, изменились общественные и международные отношения, другой стала жизнь миллионов. Во взаимодействии народов Европы и Америки сложилась новая либерально-капиталистическая цивилизация, великие идеи которой были деформированы стремлением владельцев капиталов к эксплуатации и господству. Государства-нации, ожесточенно конкурируя между собой, хозяйничали во всем мире. Превосходству Великобритании бросили вызов другие народы, ставшие на путь индустриализации и консолидации своих сил. Геополитическая структура опять оказалась на пороге обновления.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

70-е годы XIX в. — 1918 г.

глава 18 Великобритания: под знаком великой депрессии

Утрата мировой промышленной монополии. 70-е годы XIX в. Великобритания прожила под знаком *великой депрессии* — длительного и тяжелого кризиса, охватившего с 1873 г. промышленность, сельское хозяйство, торговлю и финансы. Дни британского индустриального превосходства миновали навсегда. С трудом кривая падения производства выпрямлялась и лишь через двадцать лет робко и с перерывами пошла вверх. Общее промышленное производство страны в 1870—1914 гг. удвоилось, но в мире оно возросло вчетверо. Вместо трети мировой индустриальной продукции на долю Англии приходилась теперь лишь седьмая часть. В начале 80-х годов ее перегнали США, в начале XX в. — Германия. Все тревожнее становились сигналы с рынков сбыта — правда, здесь Англия все еще не уступала первенства.

Доля в мировой внешней торговле (в %)

Страна	1870 г.	1900 г.	1913 г.
Великобритания	22	19	15
Германия	13	13	13
США	8	12	11

В довершение ко всему заморские товары все с большей легкостью проникали на внутренний английский рынок. В 1896 г. появилась книга Э. Вильямса «*Сделано в Германии*», автор которой в тревожных тонах писал о том, что промышленные изделия с немецким клеймом встречаются в его стране на каждом шагу.

Все громче раздавались голоса, настаивавшие на переходе к *протекционизму*; но агитация в его пользу, развитая в начале XX столетия Джозефом Чемберленом, потонула в море сом-

нений. Экономические успехи страны, ее превращение в «мастерскую мира» связывались в умах по крайней мере трех поколений англичан с принципом свободы торговли.

Протекционизм пригоден для молодого капитализма, полагающего «на месте» и сырьем, и продовольствием, и дешевой рабочей силой. Ни того, ни другого, ни третьего в Англии не существовало. Переход к покровительственным пошлинам вполне реально обещал повышение цен, а это тревожило не только потребителя, но и фабриканта, ввозившего сырье. Многим казалось поэтому, что протекционизм столь же подходил для перезрелой экономики этой страны, как короткие ученические штатишки для великовозрастного джентльмена.

В пылу дискуссии вокруг фри-трэда спорящие, завороченные традиционными понятиями и терминами, как-то упустили из виду, что острота конкуренции между странами не сводилась к таможенной политике. Все большее значение приобретали концентрация производства, мощь финансового капитала, вывоз миллиардных сумм за рубеж. В 1902 г. на прилавках появилась книга Дж. Гобсона «Империализм», пересматривавшая многие из привычных нескольким поколениям понятий. Если Британия сильно отставала от соперников по степени концентрации производства, то в финансовой сфере она была сильна. Оказалось, что в самой «торговой» стране мира поступления от зарубежных инвестиций, возросших в 1862—1900 гг. со 150 млн до 2 млрд фунтов стерлингов, впятеро превышали доход от внешней торговли (соответственно 18 и 90—100 млн фунтов).

Натиск конкурентов лишь в слабой степени затронул некоторые важнейшие отрасли британской индустрии. Суда, спущенные на Клайде и Тайне, не имели равных по своим мореходным качествам; британские станки охотно приобретались за границей, даже Соединенные Штаты далеко отставали от Англии по экспорту машин. Состоятельные европейцы и американцы одевались в шерстяные ткани из Лидса — это придавало солидность, и за английский твид платили соответственно. Рос даже вывоз угля. Устарелость шахтного оборудования перевешивалась таким обстоятельством, как несравненное качество «кардиффа» и удобство его залегания: угольные пласты располагались у самого побережья: бросай якорь и грузись. За вторую половину XIX в. экспорт угля из Англии вырос в пятнадцать раз и достиг 58 млн т. Водоизмещение торговых судов под флагом «Юнион Джека» впятеро превышало водоизмеще-

ние флота ближайшего соперника. Даже Соединенные Штаты перевозили половину своих грузов, отправляемых морским путем, на английских судах, почти столько же — Франция.

Нет, британская буржуазия отнюдь не чувствовала себя бедным родственником рядом со своими молодыми конкурентами. Она по-прежнему управляла делами богатейшей страны мира. Национальное богатство ее составляло 16,5 млрд фунтов стерлингов и превосходило достояние Германии.

В конце XIX столетия последовало несколько лет процветания, затем экономический рост замедлился вновь.

Нельзя сказать, чтобы курс на социальные реформы, которого придерживались Вильям Гладстон и Бенджамин Дизраэли и их сторонники, ничего не дал низам в плане материальном: По имеющимся подсчетам, рост номинальной заработной платы за последнюю четверть XIX в. у текстильщиков, строителей, металлургов превысил 10%, у шахтеров — даже 20%. Гораздо более впечатляющей выглядела картина движения реальных доходов, ибо цены заметно снижались. Усовершенствование парового двигателя сделало прибыльным доставку зерновых из-за океана, из США, Канады и Аргентины, где высокорентабельное фермерское хозяйство позволяло выращивать дешевую пшеницу. Зерновой поток из-за океана сбил цены не только на хлеб, но и на другие сельхозпродукты. Появились суда-рефрижераторы, и Австралия и Новая Зеландия стали миллионами поставлять замороженные бараньи туши. Встала на ноги консервная промышленность, на обеденном столе в домах скромного достатка появился маргарин. В общем, «корзина» из 45 продуктов питания упала в цене за те же 25 лет на 40%.

Выяснить рост доходов населения крайне затруднительно, ибо подсчеты касались лишь членов профсоюзов, а они составляли меньшинство рабочих; все же если брать уровень 1850 г. за 100%, то к 1900 г. он возрос до 183%.

Но эта ободряющая цифра относится к взрослым мужчинам, занятым в крупной промышленности, а рядом с ними по-прежнему трудились женщины и дети. Рабочий класс все более расслаивался. Его высококвалифицированная верхушка достигла жизненного благополучия. Хорошее питание, добротная одежда, собственный дом с неизменным палисадником перед крыльцом, обеспеченная старость — все это вошло в быт. Но до всеобщего благополучия было далеко. В конце века известный филантроп Чарльз Бутс выпустил девятитомное из-

дание «Жизнь и труд населения Лондона». Он пришел к выводу, что около трети его жителей не вышли из состояния бедности, а то и просто нищеты. Мрачной славы лондонский Ист-энд по-прежнему являл картину убогости и скученности; узенькие улочки, нуждавшиеся в ремонте, а то и покосившиеся дома, а в них — грязь, убогая мебель, на лестничных клетках ночуют бездомные; туалеты и умывальники — на заднем дворе, по одному на несколько семей. Так описывала свои впечатления от посещения Шелтон-стрит известная впоследствии своими трудами по статистике и фабианскому социализму *Беатриса Вебб*. Так что причины, порождавшие взрывы возмущения, особенно в годы тяжелой безработицы, отнюдь не исчезли, и в движение пришла масса ранее инертных неорганизованных трудящихся.

Вильям Гладстон и Бенджамин Дизраэли. Поздние годы. Социально-экономические перемены требовали реформ. Либеральная и консервативная партии, каждая по-своему, стремились откликнуться на веление времени. Кабинет Гладстона реорганизовал систему начального образования (1870), дотоле весьма несовершенную: была создана сеть приходских школ за счет местных налогов и некоторого государственного финансирования.

В следующем году была проведена реорганизация армии, срок службы наемников-добровольцев в ней сокращен с 12 до 6 лет, что позволило образовать значительный резерв. Либералам удалось положить конец средневековому обычаю покупки офицерских должностей, когда за офицерский патент в элитных гвардейских полках — Гренадерском, Коулдстримском, Черной стражи — платили целые состояния и продвижение по службе определялось не воинским дарованием, а туго набитым кошельком.

Правительство Гладстона ввело экзамен при поступлении на государственную службу, поставив преграду проникновению неучей в администрацию.

Голосование на выборах всех уровней, и в первую очередь парламентских, было сделано тайным, что сильно снизило возможности предвыборных махинаций и подкупа избирателей.

Наконец, актом 1871 г. были узаконены *тред-юнионы*; они получили права юридических лиц, могли открывать банковские счета и защищать в суде свои интересы. Но возможности забастовки были ограничены запретом применять «запугива-

ния» при пикетировании: термин допускал чрезвычайно широкое толкование и открывал дорогу штрейкбрехерству. Однако тот же Гладстон воспротивился введению 9-часового рабочего дня для горняков, что представлялось ему недопустимым вмешательством в дела части подданных короны, коими являлись шахтовладельцы.

Неудача постигла Гладстона в попытке обуздать склонность многих британцев к распитию спиртного, в первую очередь пива. Винокуры и пивовары — а они были хорошо представлены в парламенте — вне зависимости от партийной принадлежности грудью встали на защиту права каждого употреблять эти напитки по своему усмотрению. С трудом правительству удалось добиться небольшого ограничения в часах работы пабов (пивных). По распространенному тогда мнению, антиалкогольный поход Гладстона оттолкнул от него многих избирателей и предопределил поражение на выборах 1874 г. Сам «великий старец» утверждал, будто Дизраэли потопил своих оппонентов «в потоках пива и джина».

Обуреваемый ненавистью к сопернику, он конечно же упрощал ситуацию. В лагерь консерваторов перешла наиболее умеренная часть либеральной буржуазии вместе с поддерживавшим ее электоратом, недовольная преобразовательскими «излишествами» Гладстона. Лендлорды и сквайры, как и раньше, задавали тон в партии тори, но это были уже не прежние помещики, занятые исключительно сельским хозяйством. Носители громких имен охотно принимали предложения украсить своими персонами правления акционерных обществ. В свою очередь, «нувориши» «смыкались» с сельской Англией. Обладание манором (поместьем) давало вес в свете, помогало проникать в истеблишмент, управлявший Великобританией. Перед владельцем манора все двери были открыты. Уик-энд и праздники полагалось проводить в «сельском доме»; здесь, после обеда, за бокалом вина и сигарой, совершались масштабные финансовые сделки и принимались важнейшие политические решения, оформлявшиеся потом в парламенте и кабинете.

Несомненно и то, что паруса консервативного избирательного корабля раздувал и ветер обещаний. Дизраэли в своей речи в Кристальном дворце (1872) представил тори как национальную партию в отличие от космополитов-либералов, сокрушающих традиционные институты во имя реформ и посягающих — опять-таки ради них — на кошелек избирателя.

К прежним консервативным ценностям (уважение к религии, монархии и традиционным институтам) он добавил новую — улучшение условий жизни народа. Он польстил рабочему классу, назвав его «английским до мозга костей» и преисполненным желанием поддержать величие страны и империи. Цели своей лести не достигла — позиции консерваторов в рабочей среде оставались слабыми; успех на выборах был обеспечен поправлением значительных слоев буржуазии, осуждавших чрезмерную, на их взгляд, склонность Гладстона к реформам и отдавших голоса «здравомыслящему» Дизраэли.

По предвыборным векселям надо было платить; проведенный консерваторами в 1874 г. закон «О предпринимателях и рабочих» не предусматривал наказаний за нарушение контракта и пикетирование; шансы на успешное проведение стачек возросли. Очередной Конгресс тред-юнионов выразил правительству свою признательность.

Муниципалитеты получили право на строительство недорогих жилищ. Было предусмотрено введение государственного контроля за качеством пищевых продуктов.

В совокупности все эти меры показывали, что консерваторы всерьез озабочены созданием национального консенсуса на базе умеренных реформ и при сохранении почитаемых ими институтов — короны, пэрства и влиятельной церкви. Находилось в нем место и для рабочих: в 1874 г. в палате общин впервые появились два их представителя.

В 1880 г. наступила очередная «смена вех». Кабинет Дизраэли «износился», одряхлевший премьер к реформам охладел, традиционное крыло в партии явно одерживало верх, экспансионистский курс во внешней политике (см. ниже) стал давать сбои, британский экспедиционный корпус был разгромлен в Афганистане, потерпела неудачу экспедиция против зулусов в Южной Африке. И Вильям Гладстон выступил в роли Зевса Громовержца во время своей Мидлоттианской избирательной кампании, обвинив недруга во всех мыслимых и даже немыслимых грехах. Внешнюю политику руководимого Дизраэли кабинета он уподобил морю в любой точке земного шара, до которой удавалось дотянуться, и обвинил Дизраэли в том, что тот поставил под угрозу «все главные интересы христианства» и низринул народ «в бездну страдания, позора и бесчестия».

В 1884 г. правительство Гладстона пошло на *значительное расширение избирательных прав*, его получили все кварта-

росъемщики, в том числе мелкие фермеры-арендаторы и сельскохозяйственные рабочие, которым лендлорды предоставляли для жилья небольшие домики-коттеджи. Численность электората выросла с 3 почти до 5 млн человек. Затем было проведено перераспределение избирательных округов, и если не устранено, то все же уменьшено вопиющее неравенство между ними. Вступил в силу закон о Советах графств, ведающих местным самоуправлением.

Не иссякла и реформаторская мысль. Составленная в середине 80-х годов *Радикальная программа* Джозефа Чемберлена, тогда либерала, предусматривала введение подоходного налога, улучшение жилищных условий («это — страховка от эпидемий и революций»), создание сети бесплатных библиотек, больниц, художественных галерей, парков, фиксацию арендной платы на землю беспристрастным судом. У консерваторов «несносным ребенком» выступал лорд *Рандолф Черчилль*, выдвинувший лозунг «Доверяй народу!». Каждый должен иметь свой очаг, свой завтрашний день и свои традиции, провозглашал он, предупреждая об опасности «неразумной и близорукой поддержки всех нынешних прав собственности и капитала». Он выступал за бесплатное образование, внедрение системы компенсаций за увечья на производстве и сокращение рабочего дня. Черчилль-старший основал и ныне существующую «*Лигу подснежника*» — организацию своего рода смычки консервативной верхушки с массами, названную так в память о Дизраэли, питавшем особые симпатии к этому скромному цветку.

Но выпуск продукции падал, кривая безработицы ползла вверх, сельское хозяйство страдало от вторжения дешевого зарубежного зерна. Лондон и другие города страны стали ареной бурных манифестаций и митингов, навевавших воспоминания о чартизме. Попытки воспрепятствовать проведению собраний на их традиционном месте — Трафальгарской площади — воспринимались как покушение на свободу слова и обостряли ситуацию. День 13 ноября 1887 г. вошел в английскую историю под именем «кровавого воскресенья» — полиция и призванные ей на помощь гренадеры и конногвардейцы учинили расправу над стотысячной демонстрацией. Избирательная база либералов сужалась за счет оттока правого ее крыла к консерваторам. В палате общин Гладстон зависел от поддержки ирландцев и должен был учитывать это в своей политике.

Мятежная Ирландия. Убеждение в несправедливости лишения Ирландии атрибутов государственности, расстановка сил в парламенте, накаленная атмосфера на самом Изумрудном острове побуждали Гладстона всерьез обратиться к его делам.

Голод и обезлюдение 40—50-х годов и последовавший затем аграрный кризис взорвали ирландскую экономику. Хлынувшая из-за океана дешевая пшеница поставила под вопрос рентабельность зернового хозяйства. Наступил ирландский вариант огораживания: поля зарастали травой и превращались в выпасы, мягкий и влажный климат благоприятствовал разведению крупного рогатого скота, благо он мог вольно пастись круглый год. Остров превратился в поставщика мяса в города Англии, скот живьем перевозился через Ирландский пролив и уже на месте производился откорм.

В Ирландии появилась и быстро развилась прослойка *скотпромышленников-рэнчеров*, значительно потеснивших лендлордов; многие помещики рады были сбыть свои земли на вечно беспокойном острове, обзавестись капиталом и вложить его в акции. Но «смена вех» собственности спокойствия в страну не принесла, притесняемый и стоняемый со своего участка крестьянин обратил свою ненависть против рэнчера. Самовольный захват земель, бойкот лендлордов, рэнчеров и их поверенных, угон и калечение принадлежавшего им скота, террористические акты, стычки с полицией и войсками — все это превратилось в повседневное явление. Ежегодно отмечались сотни преступлений, множество усадеб находилось под вооруженной охраной.

Лондон не мог не реагировать на сложившуюся ситуацию. За тридцать лет начиная с 1881 г. кабинеты, как либеральные, так и консервативные, провели через парламент пять аграрных актов, предусматривавших выкуп крестьянами земли, причем на все более сносных условиях, и к кануну Первой мировой войны Ирландия «очистилась» от системы лендлордизма, в ней упрочилось мелкое фермерство с высоким уровнем товарного производства, достигавшимся часто за счет крайне низкого жизненного уровня самого производителя и его семьи: не доем, но продаж. Появилась и прослойка зажиточных фермеров, отмечался значительный технический прогресс как в животноводстве, так и в зерновом хозяйстве, которое, разумеется, не исчезло совершенно.

Население не желало терять своего национального облика и становиться «только британцами». Десятки литературных и культурных обществ трудились на ниве народного просвещения, возрождения гэльского языка, восстановления в правах древней народной культуры и обычаев.

Несомненно, что необходимость поддержки со стороны ирландцев подвигнула В. Гладстона на внесение *первого билля о гомруле* — самоуправлении Изумрудного острова — в 1886 г. Предусматривалось восстановление в Дублине двухпалатного парламента и переход всей администрации в местные руки. Главные рычаги управления Лондон оставлял за собой: вооруженные силы, финансы, внешние сношения входили в компетенцию центра. «Великого старца» ждали провал и отставка: его покинула значительная часть сторонников, перекочевавших к консерваторам. Сорвалась и вторая его попытка (1892) внедрить гомруль. Закон удалось провести через палату общин, на что ушло 86 (!) заседаний, и билль перекочевал к лордам. И тут, по словам одной газеты, «позабыв о скачках, покинув поместья, охотничьи угодья и курорты, наши замечательные пэры, здоровые и больные, хромые, увечные, кто гордо шествуя, кто едва плетясь, отправились в Вестминстер» и с треском провалили законопроект, положив конец карьере Гладстона.

Заметный прогресс в экономике и прочная привязанность к английскому рынку тормозили процесс национального освобождения. Сказывалась и раздробленность участвовавших в нем сил. На позициях достижения автономии законодательным путем стояла *Ирландская лига гомруля*, преобразованная в *Ирландскую парламентскую партию*. Ее лидер Ч. С. Парнелл (кстати, потомок английских завоевателей и протестант по вероисповеданию) слыл искусным и упорным парламентским тактиком. Не раз от поддержки ирландской фракции (а она насчитывала в палате общин 80—90 человек) зависела судьба не только закона, но и правительства. Широко прибегала она и к практике обструкции. Сам Парцелл, случалось, оказывался за решеткой, что было платой за протест против репрессий на родной земле. Принятие аграрного законодательства, выработка биллей о гомруле не в малой степени объяснялись активностью парнеллитов. В то же время их программа была сравнительно умеренной и не выходила за рамки автономии. Ненависть врагов к Парнеллу была велика, и они не по-

гнушались скомпрометировать его, бросив тень на его личную жизнь.

На непримиримых позициях полного отделения от Англии, радикальной крестьянской «чистки» от лендлордизма и провозглашения республики стояли *фении*. Их *Ирландское республиканское братство*, тесно связанное с диаспорой в Америке, признавало один путь — вооруженной борьбы. Из Соединенных Штатов, от местной ирландской общины, поступали деньги, оружие, приезжали опытные в военном деле инструкторы. Поскольку условий для широкого народного восстания не существовало, фении прибегали к тактике мелких путчей и террора. На их совести лежало убийство в 1886 г. во время прогулки в дублинском Феникс-парке статс-секретаря по делам Ирландии лорда Ф. Кавендиша (кстати, сторонника реформ).

На рубеже двух веков возникла и окрепла организация «Шин-фейн» («мы сами»), провозгласившая лозунг ненасильственного сопротивления угнетателям, включая отзыв парламентариев из палаты общин, созыв Народной ассамблеи — Совета трехсот из ирландских членов парламента, представителей местного самоуправления и политических организаций. Выработанный ими политический курс должны были проводить в жизнь местные власти при поддержке населения и игнорируя англичан. «Шин-фейн» разработал хорошо продуманную программу реорганизации национальной экономики, придание ей самостоятельности и прекращения односторонней ориентации на английский рынок.

Напряжение на острове подогревалось наличием сильнейших унионистских тенденций на его северо-востоке, в шести графствах *Ольстера*. Здесь жили потомки англо-шотландских завоевателей, протестанты по вероисповеданию, традиционно пользовавшиеся более высоким социальным статусом, экономически более обеспеченные, яростные противники гомруля. Кумиром им служил король Вильям III Оранский, осуществивший третье завоевание острова в конце XVII в., а готовой к действию ударной силой служил Орден оранжистов, названный так в память о почитаемом монархе.

Англо-ирландский антагонизм подогревался вошедшим в плоть и кровь обывателя «большого острова» пренебрежительным отношением к соседу, чему не чужда была и имперски настроенная элита (вспомним хотя бы замечание Редьярда Киплинга: «Вся ирландская история последнего тысячелетия сво-

дится к сокрушению черепов и краже скота»). Обстановка в Ирландии напоминала перегретый паровой котел, взрыв же произошел накануне Первой мировой войны и связан был с третьей попыткой ввести гомруль.

Социализм и рабочее движение. Охватившая Европу тяга к социалистическим идеям в разных вариантах не могла обойти Великобританию. Внимание к социализму усилилось на рубеже 70—80-х годов, когда великая депрессия больно ударила по трудящимся, а реформаторский потенциал старой гвардии Гладстона и Дизраэли был истощен. Укоренившаяся в Англии политическая культура исключала популярность идей революционной направленности, хотя К. Маркс и Ф. Энгельс опирались на анализ прежде всего явлений британского капитализма, а сами они прожили большую часть жизни в Англии и немало делали для распространения своих взглядов.

Возникшая в 1884 г. *Социал-демократическая федерация* (СДФ) объявила, что разделяет идеи Маркса, клеймила язвы капитализма, неустанно пропагандировала его свержение, разоблачала в своей газете «*Джастис*» («Справедливость») «потогонную систему на предприятиях и трущобы, зловонные лачуги, в которых задыхаются рабочие, фабрики, где их отравляют». Но СДФ страдала догматизмом в теории и сектантством в тактике. «Нищета революционна сама по себе», — провозглашал ее лидер Г. М. Гайндман. Общество считалось уже подготовленным к революции, и СДФ ожидала толчка к ее свершению. Гайндман намечал даже дату, приурочивая ее к столетию Французской революции 1789 г. Отсюда следовало пренебрежительное отношение к профсоюзам, копавшимся вокруг «мелочной» прибавки какого-то шиллинга к зарплате, недооценка организационной работы, отрицание парламентского пути переустройства общества и презрение к реформаторской деятельности. Все это отрезало СДФ от масс, и она оставалась узкой группой революционно настроенных интеллигентов.

В том же 1884 г. двенадцать молодых людей основали общество, назвав его *фабианским* в честь римского полководца Фабия Кунктатора (Медлителя), который прибег в войне против карфагенского вождя Ганнибала к стратегии выжидания и истощения. Провозгласив свою приверженность социализму, фабианцы мыслили достижение цели только в ходе эволюции.

Общество превратилось в своего рода мозговой центр британского реформистского социализма.

Среди фабианцев первого поколения — блестящие теоретики тред-юнионизма супруги *Сидней* и *Беатриса Вебб*, знаменитый драматург *Джордж Бернард Шоу* и писатель-фантаст *Герберт Уэллс*. Они наладили выпуск памфлетов, в которых разоблачали пороки существующего строя, кричащую роскошь одних и вопиющую нищету других. Апеллируя к нравственности, фабианцы доказывали, что чрезмерное богатство, достигнутое за счет лишения «низов» самого необходимого, аморально. В «Трактате для миллионеров» Б. Шоу писал о бессмысленности обладания толстым кошельком: его владелец не может посетить два спектакля в один вечер, надеть на себя пару костюмов и съесть за обедом больше своего дворецкого.

Острые фабианской критики было направлено против землевладельцев, взимавших обильную дань с каждого домовладельца и квартиросъемщика: предприниматель, купец, ремесленник страдают от произвола монополистов-лендлордов, присваивателей ренты, в такой же степени, как и рабочие. В обществе, по воззрениям фабианцев, основная борьба идет не между трудом и капиталом, а между подавляющим большинством населения и горсткой присваивателей ренты. Свою задачу они усматривали в распространении выдвинутых ими идей, «пропитывании» ими обществ, с тем чтобы люди убедились, что могут обойтись без лендлордов и капиталистов и сами управлять страной.

Система взглядов фабианцев получила название *муниципального социализма*. Всякий переход собственности к государству или муниципалитету они считали явлением социалистическим, полагая, что демократически настроенный и усвоивший их взгляды избиратель использует местные органы власти, чтобы взять под свой контроль не только снабжение газом и водой, но и жилищное строительство, а затем и производство потребительских товаров. В конкуренции с частным капиталом все преимущества будут на стороне городского управления: строительство домов, проведение дорог, сооружение трамвайных линий, снабжение энергией следует осуществлять так, чтобы муниципальные предприятия оказывались в наиболее благоприятном положении. Налог на земельную ренту даст необходимые средства, и, по выражению Б. Шоу, «лендлорд превратится в муниципальную дойную корову». Постепенно земля и промышленность всего города перейдут под действием

экономических сил к муниципалитетам, и таким образом проблема социализации будет решена, полагал он.

Способствуя распространению идей реформистского социализма, фабианское общество завоевало немало мест в городских управлениях, развернув в них полезную работу по улучшению участи обездоленных. Но оно продолжало оставаться организацией интеллектуальной элиты, насчитывая несколько сотен человек.

Между тем великая депрессия привела в движение массы дотоле апатичных неквалифицированных рабочих, в профсоюзах не состоявших и не пользовавшихся благами социального законодательства. Очагом острого недовольства стала «страна доков» — тянувшиеся на десятки километров в Лондоне вдоль Темзы пристани и причалы с окружающей их сетью узеньких улочек, застроенных домами трущобного типа. Сюда стекались со всей Англии лишившиеся куска хлеба батраки и строители, газовщики и маляры, разорившиеся ирландские крестьяне, опустившиеся клерки и отставные солдаты. Лишь трети из них удавалось обрести в доках постоянную работу; остальные каждое утро скапливались у пристаней в ожидании, когда появятся подрядчики с жетонами в руках. Толпа устремлялась к ним, в давке, порой переходившей в драку, «счастливчики», заполучив жетон, устремлялись на суда, чтобы вечером получить расчет и с утра выйти опять «на дежурство». Случалось и хуже: предприниматели не желали предоставлять грузчикам перерыв на обед; поэтому перед обедом их «рассчитывали», а после — «нанимали» вновь. И за такой труд полагалось максимум 6 пенсов в час днем и 8 — ночью.

В августе 1889 г. терпению этих париев пришел конец и разразилась «великая стачка докеров». Требования были скромными и специфическими: оплата — не ниже указанной здесь, найм — не менее чем на 4 часа, отказ от системы подряда. Когда же хозяева попытались нанять штрейкбрехеров, к забастовке присоединились даже стивдоры — обеспеченные постоянной работой и охваченные профсоюзом умельцы и здоровяки, занимавшиеся размещением грузов на судах, что требовало немалой силы и сноровки. Прочие докеры почтительно именовали их «королями». В забастовку втянулись окрестные предприятия — всего число ее участников достигло ста тысяч. Ежедневно собирались многотысячные митинги, а по воскресеньям устраивались шествия по центральным улицам Лондона в Гайд-парк. Впереди шли знаменосцы союзов и обществ,

примкнувших к стачке, отряд барабанщиков, вслед за ним — длинная колонна манифестантов с десятком оркестров. Проплывали аллегорические картины: худенькие ребятишки докеров и пухлые, расфранченные дети «потовыжимателей», плакаты с надписью: «Никакой квартплаты в Ист-энде, пока докер не получит свой шестипенсовик!» Отказ предпринимателей принять выдвинутые требования был воспринят на митинге как «воплъ вампиров в человеческом образе, выражение чувств Джека Потрошителя от финансов».

Биеение пульса самого крупного в мире порта прекратилось: газеты отметили как событие появление на пристанях... двух повозок. Подъезды железнодорожных путей были забиты неразгруженными товарными вагонами. Возникла угроза погружения Лондона во тьму — на газовые заводы перестал поступать уголь. В порту и трюмах судов-рефрижераторов скопилось сто тысяч бараньих туш. И предприниматели сдались, удовлетворив основные требования бастовавших.

Но не это было главным итогом забастовки. Она встряхнула пролетариат, вселила в него веру в свои силы, дала толчок «новому юнионизму». В профсоюзы потянулись малооплачиваемые, неквалифицированные рабочие, которым до той поры ничего или почти ничего не перепало от либеральных благ, настроенные гораздо более решительно, чем обеспеченная верхушка. Волна организации охватила портовиков, транспортников, швейников, электриков. Новые профсоюзы распахнули свои двери перед ирландцами, объединения докеров, моряков и некоторые другие охватывали оба острова. Громадная их численность затрудняла достижение компромисса с предпринимателями обычным путем, т. е. повышением зарплаты, почтения к теням Гладстона и Дизраэли они не питали, стагнация, наступившая после ухода двух этих лидеров с политической арены в реформаторской деятельности правительства, побуждала их искать выход не в объятиях либеральных и консервативных покровителей. Именно «новые юнионы» стали колыбелью независимого рабочего представительства в парламенте. Существовавшие политические организации для этого не годились: СДФ в гордом одиночестве упивалась своей революционностью, фабианцы и по духу, и по доктрине были поповедниками, а не вождями масс.

Необыкновенную популярность приобрел лозунг восьмичасового рабочего дня, подхваченный учредительным конгрессом II Интернационала в 1889 г. Многие же — не только кон-

серваторы, но и радикально настроенные либералы — считали его социалистическим, и палата общин исправно откладывала принятие закона, даже в малом варианте, только для углекопов, занятых под землей. Стремление рабочих к переменам проявилось во время многотысячного первомайского митинга 1890 г. в Гайд-парке, а очередное падение производства, сопровождавшееся локаутами, наступлением на зарплату и взрывом стачечного движения, подорвало веру в либеральные благодеяния.

В 1893 г. родилась *Независимая рабочая партия* (НРП) во главе с *Джеймсом Кейр Гарди*, выступавшим против подчинения рабочего движения либералам, добившимся избрания в палату общин, где он завоевал репутацию «депутата от безработных». Гарди считал себя социалистом, исходя при этом из нравственных устоев: если бедняк является рабом нищеты, то богат — раб богатства; миссия социализма — избавить того и другого от лежащего на нем бремени. Социализм «в основе своей есть вопрос этики и морали», — говорил он. Общественное мнение, созревшее до поддержки социализма, способно сломить стены эгоизма и проложить путь в светлое будущее. Рабочие составляют большинство населения и потенциально «являются господами парламента». Надо лишь просветить их.

В принятой на съезде НРП программе целью партии провозглашалось установление коллективной собственности на средства производства, введение восьмичасового рабочего дня, запрещение труда детей до 14 лет, бесплатное обучение на всех уровнях, вплоть до университета. В политических разделах предусматривалось достижение всеобщего избирательного права, ликвидация монархии и палаты лордов. Отчетливо проявилось стремление НРП действовать в гуще рабочей массы. Партия активно участвовала в организации и проведении стачек, ее публицисты защищали рабочие интересы в печати, а ораторы — на митингах.

Но до высоких целей было так же высоко, как до неба, и не двум же депутатам от партии в парламенте было низвергать лордов! Заземленная практика подвигала НРП на деловое сотрудничество с теми же либералами и радикалами, теоретически осуждаемыми и разоблачаемыми, от контактов с которыми она гласно отрекалась.

К делам мирским в возрастающей степени обращалась церковь. Архиепископ Йоркский полагал: «Высокая мудрость заключается в признании того факта, что многое в нынешней со-

циальной системе требует реформы». Примас католической церкви в стране, кардинал Г. Мэннинг выступал посредником в переговорах с предпринимателями в дни «великой стачки dockers» и организовал фонд помощи им. Лорд-епископ Даремский Б. *Весткорт* выступил со статьей «Церковь и социализм», в которой доказывал, что последний в основе своей не связан «ни с насильственными действиями, ни с экспроприацией, ни с эгоистическими классовыми устремлениями». Главное, чтобы имущие помнили, что «всякая собственность и вызываемое ею могущество даны нам не для личной пользы, а являются даром творца...». Это прямо смыкалось с основополагающим тезисом Б. Дизраэли: *обладание собственностью любого вида налагает обязанности перед обществом*.

Широкое распространение получил христианский социализм разных оттенков. Его поборники говорили о торжестве принципов христианства и социализма, приводя в доказательство творения отцов церкви и черпая вдохновение в Нагорной проповеди Иисуса. Обществу поэтому надо возродить дух Христа и «развеять царящее вокруг зло».

Христианские социалисты полагали, что путь к спасению не только небесному, но и земному лежит через веру и школу. Когда появится поколение образованных людей, духовному взору их откроются язвы существующего строя, и тогда «законную, упорядоченную революцию... не удастся отложить надолго». В Англии появились десятки «рабочих церквей», в которых проповеди чередовались с лекциями на просветительские темы, а пение псалмов сменялось чтением стихов Лонгфелло, Теннисона и Карпентера.

Почти все профсоюзные лидеры получили религиозное воспитание. Приходская церковь и воскресная школа при ней, сектантская молельня, чтение Евангелия в кругу семьи, тихий Рождественский вечер за праздничным столом с традиционной индейкой — все это накладывало печать на их мировоззрение. По словам Кейр Гарди, он черпал вдохновение не в материалистическом учении Маркса, а в Библии, и коммунизм в истинном его толковании близок к Нагорной проповеди. Высказывания подобного рода встречаются и у других британских социалистов той поры. Христианская мораль продолжала оказывать большое влияние на общество, включая рабочую среду, отвращая ее от мыслей о сокрушении всего и вся до основания и склоняя к поискам более спокойных реформистских путей в будущее.

От «сделки века» до англо-бурской войны.

Ответ на вызов соперников Великобритании нашла в резком усилении территориальной экспансии: приобрел популярность лозунг «Торговля следует за флагом», лишь прочное обладание территорией создает устойчивый рынок. Англия не была одинокой на этом пути. Последняя треть XIX в. прошла под знаком азартной колониальной охоты в Азии и особенно в Африке. Солдаты королевы Виктории двинулись на Черный континент под чеканные, как дробь барабана, строки *Редьярда Киплинга*:

**День-ночь, день-ночь, — мы идем по Африке,
День-ночь, день-ночь, — все по той же Африке
Пыль, пыль, пыль, пыль — от шагающих сапог!
Отпуска нет на войне!**

Идеология опережала флаг. На книжный рынок одна за другой поступали книги, доказывавшие необходимость завоеваний: Ч. Дилк «Более великая Англия», Э. Дженкинс «Колониальный и имперский союз», Дж. Сили «Экспансия Англии». Разошедшийся с Гладстоном из-за гомруля и перебравшийся к консерваторам Джозеф Чемберлен занял в кабинете Р. Солсбери пост статс-секретаря по делам колоний. Из министерства направлялся поток империалистической пропаганды. Промышленникам сулили дешевое сырье и готовый рынок сбыта, финансистам — имперские гарантии заключенных колониями займов. Чемберлен проявлял живой интерес к железным дорогам и телеграфу, которые должны были пронизать владения короны и сыграть ту же роль в освоении завоеванного, что знаменитые римские дороги, связывавшие Вечный город с провинциями. Идеолог и практик империализма, основатель колонии, названной его именем, *Сесил Роде* вымолвил однажды: «Империализм хорош сам по себе, империализм плюс дивиденды еще лучше». Генерал Г. Китченер проложил под аккомпанемент пулеметной стрельбы путь с севера Африки на юг континента, где было построено 700 миль железнодорожных путей и 2 тыс. миль телеграфных линий. Русский посол счел нужным отметить: «Китченер имел больше всего успеха, говоря о выгоде похода как коммерческого предприятия».

Не без успеха о благах империи твердили социальным низам. Тот же С. Роде выдвинул лозунг: «Империя есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, становитесь

империалистами». Дж. Чемберлен замечал: средний британец озабочен прежде всего занятостью и завтрашним днем, «высшее благо для него — постоянная работа при справедливой зарплате». А этого можно достичь не парламентскими актами, а обретением прочного рынка в колониях. Апогей пропаганды пришелся на середину 90-х годов и совпал с выходом из «великой депрессии»; цены упали до самого низкого в столетии уровня, а бурская война взвинтила не только военное производство, но и текстильное, обувное, швейное, фармацевтическое, и наступившее процветание во многих умах ассоциировалось с активизацией колониального курса.

Но вернемся к 70-м. В 1875 г. возник уникальный казус для упрочения морских коммуникаций: египетский хедив Измаил, владелец солидного пакета акций незадолго до того построенного Суэцкого канала, славившийся на Востоке своим мотовством, прожился вконец и стал искать покупателя. Французские банкиры, к которым он обратился, робели: пойти на «сделку века» без гарантии правительства они не решились, а последнее медлило, опасаясь прогневить «владычицу морей» установлением своего контроля над важнейшей водной артерией.

Пока в Париже раздумывали, в Лондоне действовали. Кабинет Б. Дизраэли решил перехватить операцию. Следовало изыскать, притом немедленно, астрономическую по тем временам сумму в 4 млн фунтов стерлингов. Тайна была такова, что к барону Лионелу Ротшильду, главе могущественной финансовой корпорации, премьер направил не какого-либо чиновника, а личного секретаря, пользовавшегося полным его доверием. Банкир был лаконичен и задал всего два вопроса: «Когда?» и «Кто дает гарантию?». Ответ гласил: завтра; британское правительство. На другой день в Каире был подписан документ о продаже, и акции перекочевали в сейфы британского консульства. Палаты общин и лордов с редким единодушием приветствовали «дерзкую и своевременную акцию». Из Парижа раздалось что-то вроде зубного скрежета. Королева, по словам Дизраэли, пребывала «на десятом небе от радости». Стоимость акций до конца столетия выросла в десять раз.

Вдохновленная успехом, королева Виктория пожелала получить титул императрицы Индии. В палате общин нашлись инакомыслящие, посчитавшие титул нетрадиционным. Но сопротивлялись они больше для порядка, и закон легко прошел в парламенте.

В это время грозовые тучи заволокли Балканский полуостров: в 1875 г. восстала Босния и Герцеговина, в следующем году взрыв национально-освободительного движения потряс Болгарию. Им на поддержку выступили Сербия и Черногория. Однако сил и ресурсов для подавления южных славян у Турецкой империи еще хватало. Каратели прошли огнем и ятаганом по болгарским землям, неудачу потерпела сербская армия. Российское правительство под давлением общественности, проявлявшей горячие симпатии к делу славян, приходило к мысли о неизбежности новой русско-турецкой войны, которая и началась в апреле 1877 г.

Англия не желала усиления российских позиций на Балканах. Особенно решительно был настроен премьер-министр Б. Дизраэли, поощряемый королевой Викторией. Когда русская армия прорвалась через заснеженный Балканский хребет и ее аванпосты появились в виду Стамбула, в Черноморские проливы была введена эскадра британских броненосцев.

Столкновение двух держав представлялось неминуемым; российская сторона избежала его, пойдя на значительные уступки по мирному урегулированию, отказавшись от многих своих требований. Дизраэли, чтобы закрепить успех, лично отправился на *Берлинский конгресс* (13 июня — 13 июля 1878 г.). Турция дорого уплатила за помощь Лондона, согласившись на передачу острова Кипр под британское управление и сооружение здесь военно-морской базы.

Дизраэли обеспечил хозяйничанье Англии в Суэцком канале. А в начале 80-х правительство Гладстона, воспользовавшись антианглийскими выступлениями в Египте, направило свои войска в Каир и Александрию. Египет фактически превратился в британскую колонию.

Тогда и возникла идея — соединить имперские владения на юге и севере Африки полосой земли, захватить течение Нила на всем его протяжении и построить трансконтинентальную железную дорогу. На первых порах произошла осечка: утвердившаяся было в Судане английская администрация была сметена восстанием махдистов, а войска изгнаны из страны. Лишь через 15 лет, победив в 1897 г. под Омдурманом вооруженных копьями махдистов, англичане двинулись дальше на юг.

Осенью следующего года их отряд, добравшись до деревни *Фашода*, обнаружил там французов — те пересекали Африку с запада на восток с той же целью приобретения колоний.

Им было предъявлено требование убраться. Английская пресса бушевала, французская не оставалась в долгу. Флот ее величества стал готовиться к выходу в море. Но Париж, испугавшись, что Германия воспользуется надвигающимся конфликтом для нападения на Францию, забил отбой и пошел на уступки Лондону. Путь от Каира до Кейптауна был «открыт». К тому времени по соседству с Капской колонией, в республиках Трансвааль и Оранжевая, населенных помимо бесправных негров выходцами из Голландии — *бурами*, были разведаны поистине сказочные россыпи золота и алмазов.

Туда хлынул поток искателей приключений — англичан, именовавшихся в республиках *уитлендерами*. Колониал-офис во главе с Дж. Чемберленом сперва попытался овладеть Трансваалем с помощью «революции» уитлендеров, воспользовавшись тем, что буры не спешили предоставлять им избирательные права. Из этого ничего не вышло — уитлендеры копали золото, буйствовали в кабаках и к «восстанию» интереса не проявляли. Тогда известный колониальный деятель Сесил Роде, якобы «в тайне» от Лондона, снарядил отряд головорезов, если не для покорения буров, то для провоцирования «большой войны». Их набег кончился плачевно, но его провал экстремистов не остановил.

Нужен был лишь повод для развязывания войны, и на помощь пришли архивисты, обнаружившие договоры с негритянскими царьками, по которым оказалось, что они отдали себя под покровительство британской короны. Этого оказалось достаточно, чтобы в **1899 г.** начались военные действия. На первых порах буры, природные охотники и меткие стрелки, прекрасно знавшие местность, сражались успешно. Но сопротивляться огромной экспедиционной армии их наскоро сколоченные отряды долго не могли, столицы республик, Блумфонтейн и Претория, были заняты. Главнокомандующий генерал Ф. Роберте отбыл в Лондон с победным рапортом.

Но буры перешли к партизанским действиям. Смерть поджидала Томми Аткинса (так с легкой руки Р. Кипплинга звали солдат ее величества) за каждым деревом в лесу. Лишь к **1902 г.** удалось подавить сопротивление, и бывшие республики вошли в состав имперских владений.

Война обошлась Англии в 6 тыс. убитыми, 23 тыс. ранеными, 16 тыс. умершими от ран, а в денежном выражении — в 222 млн фунтов. Тяжелое впечатление произвели в стране сведения об ужасах изобретенных британской военщиной кон-

центрационных лагерей. Более двадцати тысяч детей, женщин и стариков-буров оказались в них жертвами голода и болезней.

Война высветила абсолютную международную изоляцию Великобритании. Редко когда мировая общественность столь единодушно возлагала вину на одну из сторон. Ни от одного из правительств Уайт-холл не услышал выражения симпатий.

Великобритания традиционно воздерживалась от участия в континентальных коалициях. Премьер-министр *Р. Солсбери* на брошенный ему упрек в отсутствии союзников ответил, что Англия в них не нуждается, и назвал ее изоляцию блестящей: над землями короны никогда не заходит солнце, полмиллиарда людей числятся подданными империи, флот ее величества по тоннажу и огневой мощи превосходит объединенные эскадры всех других держав.

Но британское могущество давало одну трещину за другой: индустриальная монополия ушла в прошлое, торговля находилась под угрозой, Германия бросила вызов ее преобладанию на морях (начиная с 1898 г. и до Первой мировой войны она приняла пять программ военно-морских вооружений). Ее соперничество превратилось в один из основных факторов империалистических противоречий, подстегивая бескомпромиссных поборников формулы «*Британия правит морями*».

Кончина королевы Виктории. В январе **1901 г.** скончалась королева Виктория. Три поколения британцев родились, а многие из них и умерли в ее царствование. Никто уже не помнил юную девушку, почти девочку, вззошедшую на престол в далекие 30-е годы минувшего века. Давно она превратилась в грузную старуху, мрачную, всегда в трауре по рано скончавшемуся мужу, принцу Альберту.

Говорят, английские короли царствуют, но не управляют. Так оно и есть. И все же эта королева стала символом целой эпохи, которая вошла в историю под именем *Викторианского века*. Викторианская мораль, нравы, литература, даже архитектура — все это реально существующие понятия, причем не только в Англии, но и в Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Индии и даже в США. В далеком Сан-Франциско сохранились улицы, застроенные «викторианскими домами». Королева под конец своей жизни стала восприниматься как своего рода национальный институт. Ее личность наложила отпечаток на время, способствовала повышению авторитета королевской власти, пошатнувшегося при беспутных предшественниках.

Она олицетворяла прочность, устойчивость, верность традициям в политике, быту, нравах.

Виктория тщательно соблюдала и оберегала королевские prerogatives. Монархиня лично читала и подписывала тысячи бумаг — факсимильную печатку она не признавала; выслушивала отчеты премьер-министров, садиться им при этом не позволялось. И в то же время она не пыталась выйти за строгие рамки конституционных обычаев. Так, ей четырежды пришлось «назначить» на высший пост в правительстве лично ей антипатичного В. Гладстона, которого она в доверительной переписке называла «полусумасшедшим поджигателем», ибо реформаторства ее консервативная натура не принимала.

Десятками нитей Виктория была связана чуть ли не со всеми европейскими дворами. Визит кайзера Вильгельма II в Виндзоре принимал обличье почтительного внука. Созерцая готические башни дворца, он молвил однажды: «Отсюда правят миром». А будучи на шестидесятилетии царствования бабки, наблюдал на военно-морской базе Спитхэд парад 165 военных судов. Впечатляющее зрелище для человека, решившего бросить перчатку «владычице морей»!

Под крылом Виктории воспитывалась гессенская принцесса, которой суждено было стать последней российской царицей Александрой Федоровной. Здесь, в Виндзоре, вспыхнул роман цесаревича Николая с юной Алисой, прозванной Солнышко за веселый нрав и жизнерадостность.

Вместе с Викторией, казалось, ушло в прошлое что-то прочное и незыблемое. Сын и наследник Эдуард VII слыл легкомысленным, несмотря на солидный возраст (шестьдесят лет). Смолodu он доставлял хлопоты родителям: сперва стойким нежеланием постигать науки, а затем разгульным поведением. Его женили на датской принцессе Александре, сестре российской императрицы Марии Федоровны. Супружеской верностью он не отличался, имел многочисленные связи и «дома», и на континенте. Широкий образ жизни, пристрастие к скачкам и картам приводили к тому, что денег, отведенных по цивильному листу, не хватало, принц Уэльский вечно пребывал в долгах, и парламенту не раз приходилось их покрывать. Его знакомство с финансовыми дельцами сомнительной репутации и дамами отнюдь не безупречного поведения постоянно служили предметом критики в печати. Мать ему не доверяла и наложила запрет на предложение Гладстона — приобщить

принца к государственным делам и направить в Ирландию в качестве вице-короля.

После вступления на престол обнаружилось, однако, что Эдуард обладает прочными и полезными для правительства связями не только в монархических, но и в деловых и политических кругах Европы и устойчивыми внешнеполитическими представлениями. Опасение немецкого соперничества на морях и в колониях, сочетавшееся с личной неприязнью к племяннику, кайзеру Вильгельму II, укрепляли его убеждение в необходимости перейти к сотрудничеству с Францией. Злые языки утверждали, что Париж манит Эдуарда легкостью получения займов на здешнем рынке. И в то же время не было более импозантной и внушительной фигуры, чтобы выступить в этом назревшем процессе в качестве посредника, нежели его британское величество.

Весной 1903 г. Эдуард нанес визит в Париж, и современники отметили, что неизбежная пышность официальных церемоний не могла скрыть теплоты и искренности приема, прорывавшихся в бурных приветствиях толпы. Летом французский президент побывал в Лондоне, и обстановка для серьезных переговоров была подготовлена. Французская общественность пришла к выводу, что тучи над отношениями с Англией рассеялись. В Британии влиятельные круги полагали, что эра международной изоляции исчерпала себя.

Рождение «сердечного согласия». В следующем, 1904 г. было подписано соглашение, улаживавшее спорные вопросы. Это был документ, свидетельствовавший, что лицемерие играло в дипломатии не последнюю роль.

В то время Франция зарилась на Марокко, числившееся еще независимым, а Лондон стремился устранить всякое соперничество своему хозяйничанью в Египте. Тем не менее в публичной декларации обе стороны засвидетельствовали свое стремление не менять и даже сохранять существующий статус Египта и Марокко. В тайной же части соглашения державы предоставляли друг другу свободу действий в обоих этих государствах.

Ни слова о союзе, никаких обязательств сотрудничества соглашение не содержало. И тем не менее французская пресса, научившаяся читать между строк, окрестила его «сердечным согласием» («антант кордиаль»). Под этим названием оно и вошло в историю. Снятие разногласий с Францией на фоне на-

раставшего противоборства с Германией открывало путь к установлению более тесных отношений в дальнейшем.

Затем был если не распутан, то значительно ослаблен узел российско-британских противоречий, завязанный давно и прочно. До конца 70-х годов XIX в. центр этих противоречий находился на Балканах, затем переместился в Среднюю Азию, где каждая из империй с подозрением следила за продвижением войск соперницы, и яблоком раздора служил Афганистан. Наконец, в XX столетии на первое место вышел Дальний Восток. Встревоженная российской активностью в Корее и Китае и дабы ее обуздать, Великобритания заключила союз с Японией, по которому помощь Японии со стороны Великобритании предоставлялась в случае вступления в надвигавшуюся русско-японскую войну третьего государства.

Поражение царизма в этой войне и последовавшая за ней революция 1905—1907 гг. показали Лондону, что российское самодержавие уже прежней угрозы не представляет. Япония охраняла британские интересы в обширном азиатском регионе. А германская опасность на морях и в колониях нарастала. Наступило время формально урегулировать англо-русские спорные проблемы. Сделано это было в духе англо-французской Антанты, а сферой размежевания интересов послужили Иран, Афганистан и Тибет. Иран был поделен на три зоны: в северной признавались приоритетные права России; в юго-восточной, богатой нефтью, — Англии; средняя оставалась нейтральной. Мнения самих иранцев никто не спрашивал. Афганистан самодержавие признавало вне сферы влияния России. Обе стороны обязались не вмешиваться во внутренние дела Тибета. Таковы были основные положения англо-русского соглашения от августа 1907 г., заключенного при деятельном и горячем участии французского МИДа. Затем как знак наступившей дружбы последовала встреча короля Эдуарда с Николаем II в Ревеле (Таллине).

Так создавались конструкции могущественной военно-политической коалиции в противовес австро-германскому союзу. При этом британцы отнюдь не спешили связать себя формальными и конкретными обязательствами. В глубочайшей тайне велись переговоры между генеральными штабами Англии и Франции об отправке британского экспедиционного корпуса на континент в гипотетическом случае войны и перебазировании основной части флота в Северное море, с тем чтобы функции защиты в Средиземном море взяли на себя французы. Все

документы составлялись в условном наклонении, с оговоркой, что зафиксированная в них договоренность вступит в силу лишь в том случае, если это сочтет нужным лондонский кабинет. Категорических обязательств принимать на себя Уайтхолл не желал, сохраняя свободу рук до последнего момента.

Первые шаги Лейбористской партии.

Торможение в социальной активности ведущих партий, победа в них традиционалистского крыла, сторонников невмешательства в отношения между трудом и капиталом, явственно сказались в политической жизни страны. Национальный доход в начале XX в. достиг 1,8 млрд фунтов стерлингов, или по 43 тыс. фунтов стерлингов на душу населения. Однако правительство тори жаловалось на гнетущую бедность, и королевская комиссия под председательством главы знаменитого банкирского дома Ротшильдов не смогла изыскать средств на вспомоществование безработным и нуждающимся. И по части прав законодатели демонстрировали ту же инертность. Показательна была судьба билля о 8-часовом рабочем дне, который по инициативе Конгресса тред-юнионов с регулярностью часового механизма вносился на рассмотрение палаты общин и исправно отвергался. Долгое время не удавалось провести даже частный вариант — введение 8-часового рабочего дня для горняков, занятых под землей. От второго чтения билля (1894) до его принятия прошло 15 лет!

В рабочей среде зрела мысль о необходимости самостоятельного, без посредничества либералов и консерваторов, представительства в парламенте. На Плимутском конгрессе тред-юнионов (1899) раздавались гневные речи: необходимые рабочим законопроекты «с презрением вышвыриваются» из «августейшей ассамблеи». В феврале следующего, 1900 г. в лондонском Мемориал-холле представители более чем полумиллионной профсоюзной массы и трех социалистических организаций (Независимой рабочей партии, Фабианского общества, Социал-демократической федерации) образовали *Комитет рабочего представительства* (КРП).

На первых порах дела Комитета шли ни шатко ни валко. Выборы, проведенные в 1900 г. на гребне шовинистической волны, вызванной англо-бурской войной, принесли победу консерваторам. Но затем у общественности наступило отрезвление: «война до крайности здесь всем надоела, между тем не видно конца фазису... партизанских действий». «Энтузиазм

уступил место рассудочности, рассудочность — критике», — сообщали в Петербург российские дипломаты. Народную совесть возмущали варварские акты военщины, в особенности изобретенная генералами «новинка» в виде концентрационных лагерей.

Трудовую Англию взволновало и встревожило «Дело Таффской долины». В ходе конфликта между персоналом проходившей по Уэльсу железной дороги (с требованием восстановить на работе уволенных товарищей, сократить продолжительность смен и повысить зарплату) и предпринимателями последние обратились в суд, который счел возможным возместить их убытки за счет фондов профсоюзов. Палата лордов санкционировала это решение.

Тред-юнионы были возмущены: так можно было их разорить. Попытка добиться справедливости в палате общин успехом не увенчалась — резолюция с требованием оградить рабочих от судебного произвола была провалена голосами консерваторов. А тут начался застой в делах, кривая безработицы поползла вверх, и акции КРП начали повышаться. В него вступали все новые и новые профсоюзы, и на всеобщих выборах 1905 г. Комитету удалось завоевать 29 мест. В целом же победу одержали либералы. Делегаты шестой конференции КРП (1906) пришли к выводу, что пора преобразовать Комитет в *Лейбористскую партию*. Так родилась одна из двух основных современных партий Великобритании. Ей удалось добиться отмены решения по «делу Таффской долины», причем при поддержке нового премьер-министра *Г. Кэмпбелл-Баннермана*, упомянувшего в своей речи о «великих заслугах профсоюзов» в «предотвращении конфликтов между трудом и капиталом». С новой партией явно считались. Принятый акт недвусмысленно санкционировал мирное пикетирование и не разрешал возбуждать судебные иски против профсоюзов и их должностных лиц (за исключением уголовных дел).

Дальнейших громких успехов лейбористам одержать не удалось. Они зарекомендовали себя как фракция реформаторов несколько левее либералов и лояльно поддерживали правительство.

Лейбористская партия имела двойное членство — индивидуальное (очень незначительное) и коллективное: если на собрании какого-либо тред-юниона половина его членов плюс один голос выступали за вхождение в Лейбористскую партию, считалось, что он является ее коллективным членом.

При этом каждый был волен голосовать на выборах по своим наклонностям и симпатиям, а вовсе не обязательно за лейбориста. Парламентская фракция не была подчинена партийному исполкому, решения ежегодных конференций имели для нее рекомендательный характер. Традиционная нелюбовь к «теории», боязнь сузить круг сторонников, отпугнуть их «крайностями» во взглядах побуждали делегатов этих конференций отвергать предложения о выработке программы. Среди них насчитывалось немало сторонников социализма. Случалось, резолюция об обобществлении средств производства собирала на конференции большинство голосов, но, не будучи обязательной для лейбористских «эм-пи», как сокращенно именуются в Англии парламентарии, она оставалась благим пожеланием.

Рождение новой фракции было встречено в палате общин подчеркнуто благожелательно. Было сделано все, чтобы ее члены почувствовали себя «как дома» в «лучшем клубе Лондона». Никто, никогда и ни по какому поводу не позволил себе хоть намеком подчеркнуть свое превосходство в образованности и культуре над вчерашним ткачом или литейщиком. Лейбористский «эм-пи» чувствовал себя равным среди равных законодателем, с готовностью поддавался общей атмосфере, тщательно соблюдал веками сложившиеся обычаи, вроде низкого поклона спикеру после закрытия прений.

«Народный бюджет» Дэвида Ллойд Джорджа. В 1905 г. в либеральный кабинет впервые вошел в качестве министра торговли *Дэвид Ллойд Джордж*. Валлиец по рождению, он рано потерял родителей и воспитывался у дяди, владельца небольшой сапожной мастерской в захолустной уэльсской деревушке с труднопроизносимым названием Лланистамдви, где еще не забыли старый кельтский язык. Дэвид самоучкой постиг начала юриспруденции, поступил в провинциальную адвокатскую контору и стал сотрудничать в местной печати. Выступал он первоначально под знаменем уэльсского национализма и в 27 лет добился успеха на выборах в парламент.

В палате общин он специализировался на вопросах налогообложения — благо повода для критики было хоть отбавляй и всегда можно было находиться на виду. Имя его стало известно всей стране в годы англо-бурской войны. Ллойд Джордж стал ее страстным обличителем, проявив при этом немалое

личное мужество, ибо на митингах шовинисты пускали в ход такие увесистые «аргументы», как камни, палки и стулья. Особенно запомнилась ему «встреча» в Бирмингеме в конце 1901 г.: уже у входа в зал продавались кирпичи с надписью «для Ллойда Джорджа», в помещении были выбиты стекла и переломана мебель. Выступить Ллойд Джорджу не удалось — крики и улюлюканье делали это невозможным, пришлось скрыться, поспешно переодевшись в форму констебля и в окружении полицейских. После этого некий доброжелатель предложил одолжить Ллойд Джорджу фамильные рыцарские доспехи — для произнесения речи на следующем митинге.

Ллойд Джордж прослыл бунтарем. Многие смущало в нем правящие круги и привилегированные группы общества: полагалось уважать аристократию — а он клеймил лендлордов и выставял напоказ свое скромное происхождение. С негодованием читали оппоненты в газетах его филиппики: не нынешние владельцы лондонской земли, оцениваемой в полмиллиарда, сотворили ее и все, что на ней располагается, говорил он: «Все богатства были созданы трудом, энергией, предприимчивостью живущих в Лондоне людей». А лорды не произвели на свет даже болота, располагавшегося некогда на месте столицы.

Следовало проявлять почтение к монархическому институту, а Ллойд Джордж выступал за сокращение расходов королевской семьи. Правда, здесь он не переходил границы.

После выдвижения Ллойд Джорджа на министерский пост российский посол счел нужным сообщить в Петербург: «Ввиду его крайних взглядов, назначение его считается немного опасным». Но премьер-министр Г. Кэмпбелл-Баннерман знал, что делал, — либералы нуждались в ораторском таланте и несравненной способности Ллойда Джорджа к социальному маневрированию, его умении достигать компромисса там, где, казалось, интересы непримиримы. Он сумел предотвратить несколько конфликтов в промышленности, выступив посредником между предпринимателями и персоналом их предприятий.

Но правительству не повезло: стоимость жизни словно ждала прихода либералов к власти, чтобы двинуться вверх, а за нею последовала и безработица. Реальные доходы стали снижаться даже в тех случаях, когда номинальные повышались. Активизировалось стачечное движение, возобновились марши безработных.

Надо было приступать к реформам всерьез, и лицом, как бы самой судьбой предназначенным для этой миссии, являлся Ллойд Джордж, пересевший в кресло канцлера казначейства.

В 1909 г., по традиции в апреле, Ллойд Джордж внес в нижнюю палату свой первый бюджет. Министр перетрудился над его подготовкой и при презентации был не в ударе — запинаясь, а под конец речи охрип. Рассчитанная на эффект последняя фраза — что уже при жизни тогдашнего поколения убожество исчезнет из Англии, как исчезли волки, которыми некогда кишели ее леса, — не прозвучала должным образом.

Ллойд Джордж окрестил свое детище без ложной скромности «народным бюджетом». В нем появилась новая статья — о пенсиях по старости (с 70 лет) и предусматривалась материальная поддержка бирж труда, что способствовало их эффективности. На все социальные расходы министр предлагал выделить около 10 млн фунтов, сопроводив это каскадом деклараций насчет заботы о благе народном. Вчетверо больше предусматривалось на военно-морские расходы, но об этой части расходов канцлер казначейства говорил нарочито скромно, а на верхах один дредноут закладывался за другим. Чтобы покрыть разрыв между доходами и тратами, Ллойд Джордж предложил пересмотреть покрытую вековой ржавчиной систему налогообложения. В частности, предусматривалось увеличение налогов с зажиточных слоев населения, а также налогов, взимавшихся при наследовании.

Консерваторы стеной стали на пути принятия бюджета, обвинив его творца в посягательстве на частную собственность. Они прибегали к обструкции, цепляясь за каждый пункт, цифру, строчку. 70 дней и ночей заняло обсуждение; 554 раза депутаты расходились по разным комнатам (ибо в палате общин тогда «голосовали ногами»), и страна жила за счет временных ассигнований.

Ллойд Джордж по бойкости характера отвечал оппонентам с большим задором. Одна из его речей, в которой он провозглашал: «Я сын народа. Я вырос в его среде. Я знаю его испытания», — вызвала такое недовольство короля Эдуарда VII, что тот, вопреки всем обычаям, гласно осудил попытки «своего» министра подстрекать «класс против класса».

Лишь в ноябре 1909 г. палата общин голосами либералов, лейбористов и ирландцев приняла бюджет. Консерваторы ре-

шили продолжать бой у лордов. Обычно полусонная палата забурлила, бюджет был провален с треском. Понадобились новые выборы и обещание более податливого к настояниям правительства нового короля *Георга V* возвести в пэры хоть триста человек, чтобы и в верхней палате кабинет получил большинство для достижения цели, и через год после памятной речи Ллойд Джорджа удалось «протолкнуть» бюджет и у лордов. Им пришлось поплатиться за свое упрямство: прерогативы верхней палаты были урезаны, она вообще лишилась права участвовать в обсуждении финансовых биллей, и бюджета в том числе, прочие законопроекты она могла задерживать в течение двух сессий; если палата общин принимала их в третий раз, они становились законами и без санкции лордов.

Недовольство пэров ущемлением их прав проявилось бурно; появившегося было в зале заседаний премьер-министра *Герберта Асквита* встретили криками: «Предатель!», «Диктатор!» Группа непримиримых решила «пойти ко дну с поднятым флагом» и сопротивляться до конца. Более хладнокровные и рассудительные сознавали, что дальнейшие акции бесполезны, и в знак протеста ограничились тем, что не участвовали в голосовании. В 1911 г. закон, значительно урезавший права верхней палаты, вносивший важные перемены в конституционный строй страны, вошел в силу.

Предвоенный кризис. Маневрирование Ллойд Джорджа не привело к сколько-нибудь заметному смягчению напряженности в стране. Конфликты рабочих с предпринимателями продолжались. В 1911 г. бастовали горняки разных бассейнов, докеры, моряки; самыми распространенными были требования повышения зарплаты, признания профсоюза, введения восьмичасового рабочего дня. Тогда же состоялась крупная стачка железнодорожников, а в следующем, 1912 г. на всю Англию прогремела *общенациональная забастовка углекопов*. Стачка портовиков и моряков, начавшаяся в Саутгемптоне, распространилась на Лондон. Замерла навигация на Темзе, опять, как в дни «великой стачки докеров» 1889 г., тысячи тонн груза гнили в трюмах пароходов, и ни один тюк не мог быть перемещен без разрешения стачкома.

В тяжелой борьбе рабочим удалось покончить с падением реальной заработной платы и даже добиться ее повышения.

Число членов тред-юнионов достигло почти четырех миллионов человек.

Не наступило успокоения в мятежной Ирландии. Либеральное правительство, зависевшее от голосов ирландских депутатов в палате общин, обратилось к делам Изумрудного острова и в 1912 г. провело здесь третий билль о гомруле, повторявший основные положения первых двух: возрождение в Дублине двухпалатного парламента, передача в его ведение всех местных дел, но все это под контролем лорда-лейтенанта и при сохранении за Лондоном руководства внешней политикой, армией, полицией, финансами, налогообложением. В ответ на эти шаги «взбунтовался» Ольстер, местные унионисты заявили, что ни парламент, ни кабинет от Англии их не оторвут, и потребовали отделения от остальной Ирландии. Они образовали свое правительство и вооруженные силы — добровольческий корпус в сто тысяч штыков с артиллерией и даже авиацией. Из Германии прибыло судно с вооружением. Последовала реакция ирландских сторонников гомруля: они создали отряды Национальных волонтеров. Ко всему этому в Дублине вспыхнула стачка транспортников, жестоко подавленная полицией.

Ирландия стояла на пороге гражданской войны. Попытки правительства воздействовать добром на не желавших подчиниться закону ольстерцев ни к чему не привели. Когда же кабинет решил ввести в Ольстер войска (март 1914 г.), офицеры в знак протеста пригрозили отставкой. Этого оказалось достаточно для того, чтобы правительство отступило, с вышедшими из повиновения военными обошлись с мягкостью необыкновенной: их уговорили отказаться от отставки и заверили, что впредь не пошлют на подавление оппозиции гомрулю; претворение акта в жизнь отложили в долгий ящик.

Предвоенная Англия стала ареной энергичного, а порой и ожесточенного движения женщин за предоставление им избирательных прав. Первоначально *суфражистки* действовали легальными путями — созывали митинги, составляли петиции, останавливали на улицах министров для объяснений, врывались на трибуны собраний для оглашения своих требований.

Наталкиваясь на категорический отказ, активистки движения стали бить стекла в окнах домов своих оппонентов, посылать им посылки с пластиковыми бомбами, прибегать к избиениям. Несколько фанатичек приковали себя цепью к ре-

шетке, окружавшей Вестминстерский дворец, одна бросилась на скачках под ноги королевской лошади. Полиция хватала активисток и помещала их в тюрьму, те объявляли голодовку. Был принят специальный закон, получивший название (разумеется, неофициальное) «кошка и мышка»: полиция получила право отпускать голодающих суфражисток на волю, а когда те отъедались на домашних харчах, хватала их вновь. Лишь в 1918 г. женщины получили равные с мужчинами избирательные права.

В августе 1914 г. страна вступила в войну. «Домашние дела», сколь бы сложными и требующими решения они ни были, отошли на второй план.

ГЛАВА 19 Становление Третьей республики и движения за демократию и социальный прогресс во Франции

«Республика без республиканцев». Монархисты составляли подавляющее большинство депутатов, избранных в Национальное собрание 8 февраля 1871 г., — около 400 из 630. Теоретически это давало им возможность «парламентским» путем восстановить во Франции монархию. Однако серьезным препятствием тому являлось отсутствие в их рядах единства. Меньшинство принадлежало к *легитимистам* — сторонникам династии Бурбонов. Они поддерживали в качестве претендента на трон *графа Шамбора*, внука Карла X. Большинство же депутатов-монархистов были *орлеанистами* и выступали в поддержку *графа Парижского*, внука Луи-Филиппа.

Обе партии состояли главным образом из крупных земельных собственников, среди которых было немало представителей титулованной знати. Но легитимисты являлись по преимуществу партией провинциальных помещиков, а орлеанисты — предпринимателей, владевших крупной недвижимостью, акциями банков, страховых обществ, железнодорожных компаний, крупных предприятий.

Тьер играл на противоречиях борющихся партий, укрепляя личную власть. 31 августа 1871 г. он был избран главой государства — *«президентом республики»*, как официально называлась должность. В первые месяцы Тьер сосредоточил внимание на ликвидации последствий Парижской коммуны и франко-германской войны. Благодаря двум внутренним займам ему удалось в кратчайшие сроки выплатить контрибуцию

и уже в марте 1873 г. подписать с Германией конвенцию об освобождении всей оккупированной территории.

В ноябре 1872 г. Тьер неожиданно для монархистов заявил: «Республика существует; она является законной формой правления в этой стране». Его поддержала часть орлеанистов. Но большинство 24 мая 1873 г. отправило Тьера в отставку. Президентом республики был избран маршал *П. Мак-Магон*, убежденный легитимист.

Большинство Национального собрания решило не медлить с реставрацией монархии. Его представители заручились согласием графа Парижского признать старшинство графа Шамбора при условии наследования трона после его смерти. Однако камнем преткновения оказались политико-идеологические притязания графа Шамбора. Ему показалась унижительной процедура избрания на престол депутатами. Тогда монархисты решили потянуть время. С этой целью в ноябре 1873 г. они добились принятия закона, определявшего срок полномочий президента в 7 лет.

Одним из главных направлений своей деятельности Мак-Магон провозгласил восстановление «морального порядка». Главой правительства он назначил герцога *де Брольи*, который подверг чистке государственный аппарат. Префекты, прокуроры, другие государственные служащие, заподозренные в республиканских убеждениях, отстранялись от должности и заменялись монархистами. Одновременно власти оказывали покровительство католической церкви.

Тем временем усилилось влияние бонапартистов, которые добились некоторых успехов на дополнительных выборах в Национальное собрание. Угроза восстановления империи, хотя и довольно призрачная, заставила дотоле непримиримую часть орлеанистов пойти на компромисс с республиканцами. Плодом этого компромисса явились три конституционных закона, принятые в течение 1875 г. Вместе взятые, они составили конституцию Третьей республики.

В отличие от прежних республиканских конституций Франции, являвшихся во многом политико-идеологическими декларациями, новая конституция лишь определяла устройство высших органов власти и их компетенцию. По конституции 1875 г. высшая власть в государстве принадлежала президенту, палате депутатов и сенату. Президент избирался на 7 лет. Он считался главой исполнительной власти, назначал и отстранял от должности министров, председательствовал на их заседаниях, но был

лишен права принимать какие-либо важные решения без их ведома и согласия. Министры, в руках которых находилась реальная исполнительная власть, образовывали правительство, несшее солидарную ответственность перед палатами.

Двухпалатному *Национальному собранию* принадлежала законодательная власть. *Палата депутатов* избиралась на всеобщих выборах каждые четыре года, сенат — специальными коллегиями выборщиков на 9 лет с переизбранием трети его состава каждые 3 года (не считая нескольких десятков пожизненных сенаторов). *Сенату* принадлежала еще и высшая судебная власть (он мог конституироваться и принимать решения в качестве верховного суда страны). На совместных заседаниях палат, которые назывались *Конгрессом*, избирался президент республики и принимались поправки к конституции.

Конституция закрепила такие принципы демократического устройства государства, как представительное правление, разделение властей, ответственность правительства перед парламентом. Но в ней отсутствовала традиционная Декларация прав человека и гражданина. Соответствующие законы о печати, профессиональных ассоциациях, общественных объединениях были приняты позднее.

На выборах Национального собрания в 1876 г. места в сенате распределились почти поровну между монархистами и республиканцами. В палате депутатов республиканцы добились убедительного перевеса в 360 мандатов против 170.

Сначала президент Мак-Магон назначил правительство из республиканцев, но затем привел к власти правительство монархистов, с согласия сената распустил палату депутатов и назначил новые выборы. Подготовка к ним сопровождалась беспрецедентным со времен Второй империи давлением правительства и государственных чиновников на оппозицию и избирателей. Республиканцы образовали предвыборный блок, выдвинувший общую платформу и единых кандидатов во всех избирательных округах. Эта тактика блестяще себя оправдала. На выборах 14 октября республиканцы получили 335 депутатских мест против 208, доставшихся монархистам.

Мак-Магон, исчерпав все законные методы борьбы за сохранение власти монархистов, уступил. Он отправил в отставку кабинет меньшинства, а в январе 1879 г. досрочно оставил свой пост. Президентом был избран *Жюль Грев*. Таким образом, республиканцы овладели всеми тремя ветвями государственной власти.

Оппортунисты и радикалы» В последней трети XIX в. наибольшие политические разногласия среди французов вызывал вопрос о форме правления. Но Третья республика, родившаяся под знаком разгрома Коммуны и компромисса 1875 г., не исключала возможности сотрудничества между монархистами и значительной частью республиканцев на основе социального консерватизма и борьбы с «анархией». Идеолог этого компромисса орлеанист Тьер говорил: «Республика — это такая форма правления, которая нас меньше всего разделяет».

На рубеже 70—80-х годов успехи республиканцев перечеркнули планы монархической реставрации. На всеобщих выборах 1881 г. монархисты получили всего лишь 90 мест. Дух монархистов подорвала и смерть графа Шамбора в 1883 г. Легитимисты после этого раскололись, и значительная их часть влилась в ряды орлеанистов. Эти события способствовали превращению монархистов в конституционную оппозицию. Многие из них если не формально, то фактически признали существующую форму правления и сосредоточили усилия не на борьбе с ней, а на защите традиционных ценностей — религии, церкви, собственности, армии.

Социальным консерватизмом отличалась в эти годы и политика республиканцев, которые после выборов 1881 г. располагали в палате депутатов 467 местами. Придя к власти, они ограничились тем, что приняли ряд мер, направленных главным образом на легитимацию Третьей республики, устранение явных пробелов в конституции и модернизацию гражданских отношений. Правительство и парламент переехали из Версаля в Париж, день 14 июля стал национальным праздником, а коммунары получили амнистию. В 1881 г. были приняты законы о свободе собраний и печати, в 1883 г. разрешен развод, в 1884 г. легальный статус получили профессиональные объединения предпринимателей и рабочих.

Весьма важной была серия законов об обязательном, бесплатном и светском начальном обучении детей, принятых в основном благодаря усилиям Жюль Ферри, занимавшего посты министра народного образования и премьер-министра в кабинетах того времени. Был упразднен институт пожизненных сенаторов, проведена «чистка» магистратуры от лиц, вызывавших недоверие республиканских властей.

«Отцы-основатели» Третьей республики — президент Гриви, министры и премьер-министры — стремились успокоить

деловые круги, которых тревожила возможность общественных потрясений, в прошлом сопровождавших правление республиканцев. Этому настроению поддался даже *Леон Гамбетта*. В годы империи он именовал себя «радикальным демократом» и охотно подписывался под требованием «экономических реформ, касающихся социального вопроса». Теперь же он сделал упор на политических реформах, призывая при этом не спешить с их проведением, пока они не получат поддержки большинства граждан. За это Гамбетту называли *оппортунистом*. Это слово стало синонимом умеренного республиканца.

Социальный консерватизм и оппортунизм общепризнанных вождей республиканского большинства вызвал разочарование значительной части избирателей. Их взоры обратились к небольшой группе политиков, называвших себя *радикалами* и заявлявших о верности старой программе демократических и социальных реформ, от которой отказались оппортунисты. После выборов 1881 г. радикалы впервые отделились от республиканского большинства и образовали в палате депутатов собственную фракцию в составе 46 человек. Их лидерами были молодые журналисты *Камиль Пельтан* и *Жорж Клемансо*. Вскоре они заслужили репутацию непримиримых критиков оппортунистической политики. На выборах 1885 г. радикалы получили в палате депутатов 180 мест — почти столько же, сколько оппортунисты.

Республиканцы, которые и раньше не представляли собой монолитного целого, окончательно раскололись на две соперничающие группировки — оппортунистов (умеренных республиканцев) и радикалов. Их называли партиями, но по существу это были аморфные политические течения, идейными и организационными штабами которых служили соответствующие парламентские группировки. Они легко распадались на мелкие автономные образования, которые именовали себя «левыми», «республиканскими», «демократическими» и даже «социалистическими» (что не всегда соответствовало действительности и даже не обязательно свидетельствовало о больших различиях в программе и идеологии), и так же легко вновь объединялись впоследствии.

Клерикально-монархический блок. Разногласия среди республиканцев неблагоприятным образом отразились на устойчивости министерских кабинетов, которые

работали в постоянном страхе утраты парламентского большинства.

Республиканцы были недовольны деятельностью многочисленных *религиозных конгрегаций* (монашеских объединений), содержавших больницы, приюты и учебные заведения. В 1880 г. Ферри добился закрытия учебных заведений Ордена иезуитов и обязал все другие конгрегации получить разрешение правительства на свою деятельность (многим в этом было отказано). Церковь не подчинилась тому, что считала ущемлением своих прав, и правительству пришлось силой закрывать непокорные конгрегации.

Этими мерами республиканские власти восстановили против себя духовенство и значительную часть верующих. Образовалась мощная антиправительственная католическая партия, которая нашла союзника в лице консервативной оппозиции и усилила ее избирательную базу. На всеобщих выборах 1885 г. клерикально-монархический блок выдвинул единых кандидатов и сумел серьезно потеснить республиканцев, получив свыше 200 депутатских мест.

Экономическое развитие. В середине 70-х годов французскую экономику поразил глубокий кризис. Его отправной точкой послужил приток в Европу дешевого зерна из США и Канады. Для Франции это стало особенно чувствительным ударом, поскольку зерновое хозяйство было основной отраслью ее аграрного сектора. От падения цен (только с 1879 по 1887 г. — на 1/3) пострадали не только производители зерна — крестьяне и фермеры, но и земельные собственники. Кризис усугубила эпидемия филлоксеры, в считанные годы уничтожившая виноградники — сырьевую основу виноделия Франции.

Падение покупательной способности большинства населения сократило спрос на промышленную продукцию, в результате чего вслед за сельскохозяйственными упали и промышленные цены (между 1865—1869 гг. и 1895—1899 гг. — на 29%). Среднегодовой темп роста промышленности, достигавший в середине XIX в. 3—4%, упал в 80-е годы до 1,5%, а экспорта — до 0,8%. Над многими предприятиями — не только отсталыми, т. е. заведомо слабыми, но даже вполне современными, реконструкция которых привела к большой задолженности, — нависла угроза закрытия.

В условиях депрессии дивиденды сократились вдвое. С падением земельной ренты перестали казаться надежными и ка-

питаловложения в недвижимость. Поэтому вкладчики все чаще отдавали предпочтение облигациям государственных займов, которые внушали больше доверия] Держатели облигаций не боялись инфляции: золотой паритет франка, установленный еще Наполеоном I в 1803 г., оставался неизменным вплоть до 1914 г. Вкладчики охотно покупали облигации займов не только французского, но и иностранных государств, прежде всего тех, с которыми Франция была традиционно связана тесными отношениями, — Испании, Турции, Австро-Венгрии. В 1888 г. впервые была заключена сделка консорциума французских банков с Россией, гарантированная французским правительством. За ней последовали новые, и к 1914 г. государственный долг России французским вкладчикам достиг 10 млрд фр.

Депрессия побудила правительство перейти к протекционизму. В 1892 г. был принят закон об общем повышении таможенных тарифов. В дальнейшем таможенные тарифы неоднократно — в 1897 и 1910 гг. — повышались.

В середине 90-х годов наметилось постепенное ускорение промышленного роста, которое в период с 1905 по 1914 г. достигло темпа, ранее отмеченного лишь в период Второй империи, — в среднем почти 5% в год. Сыграла свою роль активная инвестиционная политика, проводившаяся в годы кризиса. Важным фактором ускорения экономического развития было то, что в начале XX в. французы в своей массе были более образованны, чем когда-либо прежде. Стали приносить плоды усилия правительств Третьей республики по развитию начального, среднего и высшего образования. Франция в начале XX в. заняла лидирующее положение в развитии тех отраслей промышленности, которые предъявляли повышенные требования к знаниям, квалификации и конструкторской смекалке работников, — в велосипедной, автомобильной, авиационной, электроэнергетической, алюминиевой. Франция выпустила в 1913 г. 45 тыс. автомобилей, заняв второе место в мире по их производству (после США), первое — по экспорту.

Националисты и буланжизм. Между тем за спиной у республиканцев выросла и окрепла новая политическая сила — националистическое движение. Его подъем был отчасти связан с общим усилением политического радикализма, обусловленного разочарованием широких слоев населения в результатах политики умеренных республиканцев. Сыграл

свою роль и экономический кризис середины 80-х годов, заставивший многих французов потуже затянуть свои пояса.

Но главное — общественное мнение Франции не смирилось с утратой Эльзаса и Лотарингии. Гамбетта и Клемансо не раз напоминали об этом правительству. Умеренные республиканцы стремились избегать конфликтов с Германией. Ферри по крайней мере не считал эту задачу первоочередной, будучи уверен, что гораздо больше пользы Франции принесет успешная колониальная экспансия. В этом духе он и действовал на посту главы правительства. При нем французы захватили Тунис, Тонкий и Аннам, расширили свои владения в Юго-Западной и Экваториальной Африке, начали завоевание Мадагаскара. Но по мере роста масштабов колониальной экспансии все громче звучали и голоса критиков, обвинявших Ферри в чрезмерном распылении сил, в экономическом и военном ослаблении Франции перед лицом агрессивной Германии. Опасения подобного рода в особенности усилила военная тревога 1886—1887 гг., связанная с мелким пограничным инцидентом. Это вызвало во Франции всплеск реваншистских и милитаристских настроений, на почве которых выросло *националистическое движение*. Немало французов разделяли чувства героя одной из популярных пьес *Шовена*, ненавидевшего всех людей другой (не французской) национальности. С того времени ненависть к другим нациям, проповедь национальной и расовой исключительности называют *шовинизмом*.

Начав с критики внешней политики республиканских правительств, националисты постепенно перешли к отрицанию конституционных основ Третьей республики. В особенности они осуждали парламентаризм, усматривая в нем фактор ослабления государственной власти и национального единства. Они стали требовать пересмотра конституции с целью усиления исполнительной власти по образцу президентской республики 1848 г.

На роль «сильной личности», способной укрепить государственную власть, националисты прочили генерала *Буланже*. Ветеран многих войн, борец с армейской рутинной, республиканец по своим взглядам, он пользовался поддержкой радикалов. В 1886 г. по протекции Клемансо генерал Буланже получил пост военного министра. Он завоевал популярность тем, что добился принятия на вооружение скорострельной винтовки, сокращения срока военной службы с 5 до 3 лет, улучшения бытовых условий рядовых и унтер-офицеров, призыва в ар-

мию священнослужителей. А его твердые заявления по адресу Германии в 1887 г. окончательно сделали его кумиром толпы — «генералом *реванша*». Умеренные республиканцы добились его отставки с министерского поста и отправили командовать армейским корпусом в Клермон-Ферран. Провожать его на вокзал пришли несметные толпы парижан.

На амбициях популярного генерала стремились сыграть различные политические силы. Радикалы рассчитывали с его помощью прийти к власти. Но их вскоре отпугнули авторитарные замашки Буланже, его стремление к личной власти. Монархисты собирались руками военного диктатора восстановить монархию.

Главной опорой Буланже было националистическое движение, ведущую роль в котором играла *Лига патриотов*. Основанная в 1882 г. писателем Полем Деруледом и историком Анри Мартэном, она ставила целью «развитие физических и моральных сил нации», прежде всего в интересах победоносной войны против Германии. В середине 80-х годов Лига патриотов насчитывала свыше 180 тыс. членов.

В марте 1888 г. Буланже был уволен из армии и включился в политическую борьбу. Избранный в парламент он внес предложение о пересмотре конституции. Под лозунгами роспуска парламента, пересмотра конституции и созыва учредительного собрания Буланже принял участие во всех дополнительных выборах, которые проводились во второй половине 1888 г. И практически везде обходил своих соперников. В январе 1889 г. толпы националистов были готовы совершить государственный переворот. Дерулед умолял Буланже брать власть немедленно, не дожидаясь всеобщих выборов, намеченных на осень. Однако Буланже не последовал его совету.

Промедлением генерала воспользовались республиканцы. Они изменили закон о выборах, отменив голосование по партийным спискам и запретив многократное выдвижение одной и той же кандидатуры. Правительство распустило слух о якобы готовящемся аресте генерала. И 1 апреля 1889 г. Буланже бежал в Брюссель. С этого момента буланжизм резко пошел на спад. В августе сенат, заседая в качестве верховного суда, заочно приговорил его к изгнанию. Преследованиям в судебном порядке подверглись и вожаки • националистического движения. Лига патриотов была распущена, а Дерулед приговорен к штрафу. На всеобщих выборах в сентябре 1889 г. буланжисты

провели в палату всего лишь 38 кандидатов. Точку в истории буланжизма поставило самоубийство генерала в 1891 г.

Социальные движения. К концу 80-х годов конфликт между монархистами и республиканцами из-за формы правления исчерпал себя. Во время буланжистского кризиса решался вопрос о путях конституционного развития самой республики (демократическая и парламентская или авторитарная и президентская).

Одновременно вопрос о характере республики поставили и разнообразные социальные движения. Вследствие ряда крупных забастовок промышленных рабочих — 1884 г. в Анзене, 1886 г. в Декавилле — и создания массовых рабочих организаций снова встал «социальный вопрос».

После разгрома Коммуны рабочее движение Франции медленно восстанавливало силы. На съезде рабочих в 1879 г. большинство пошло за социалистами — сторонниками борьбы за власть. В 1880 г. в Гавре они добились создания Рабочей партии. Спустя два года эта партия раскололась на две части, одна из которых сохранила старое название, другая взяла новое — Федерация социалистических трудящихся. Разногласия между ними носили теоретический характер. Рабочая партия, руководимая Жюлем Гедом и Полем Лафаргом, приняла революционную программу. Федерацию социалистических трудящихся возглавили Поль Брусе и Бенуа Малон, которые стояли на реформистских позициях. Задачи своей организации они ограничивали пределами «возможного» (отсюда ее другое название — *поссибилисты*) и считали, что двигаться к социализму лучше постепенно, начиная с преобразований на местном уровне (так называемый «муниципальный социализм»), С 1881 г. действовала партия, образованная вернувшимися по амнистии домой коммунарами-бланкистами, — *Центральный революционный комитет*. Эта партия строилась по типу тайных заговорщических обществ, основывалась на строжайшей дисциплине и первоначально ставила целью подготовку восстания. Однако под руководством Эдуара Вайяна она постепенно отошла от бланкистской тактики и сблизилась с марксистами в теоретическом и политическом плане. Наконец, немало журналистов, писателей, политиков объявили себя «независимыми социалистами» — Александр Мильеран, Жан Жорес, Рене Вивиани, Аристид Бриан и др.

Параллельно с социалистическим движением и отчасти под его влиянием развивалось профсоюзное, действовавшее на ос-

новании закона 1884 г. Ему также не удалось избежать идейного и организационного раскола. Одно из основных направлений профсоюзного движения было связано с деятельностью бирж труда. Их задачей первоначально был лишь учет спроса и предложения рабочей силы. Однако постепенно они стали тем местом, где регулярно встречались руководители местных профсоюзов, чтобы выработать общую позицию по вопросам их отношений с хозяевами. Особенностью движения бирж труда, образовавших в 1892 г. свою федерацию, было то, что они ревностно оберегали свою независимость от партий. В 1894 г. Федерацию бирж труда возглавил Ф. Пеллутье, объявивший себя «непримиримым врагом любой диктатуры, включая и диктатуру пролетариата», сторонник анархизма. Напротив, Федерация синдикатов, созданная в 1886 г., стремилась к сотрудничеству с социалистическими организациями.

Между обеими разновидностями синдикализма велись острые дискуссии, в центре которых стоял вопрос о всеобщей стачке. Идея такой стачки, перерастающей в антикапиталистическую революцию, приобрела большую популярность в рабочем движении Франции. Ее поддерживал Жан Аллеман, отделившийся со своими сторонниками от поссибилистов и в 1890 г. возглавивший *Революционно-социалистическую рабочую партию*. Он отвергал парламентские методы борьбы и уповал на спонтанные массовые выступления рабочих («прямое действие»).

В 1886 г. в палате депутатов возникла «рабочая группа» из 18 человек, отделившихся от фракции радикалов, но социалисты прошли туда лишь в начале 90-х годов. А всеобщие выборы 1893 г. ознаменовались крупной победой социалистов: они получили около 50 мандатов.

Прогрессисты. Появление в парламенте большого числа депутатов-социалистов вызвало перегруппировку политических сил. Большинство радикалов стало искать соглашения с умеренными республиканцами. Не видели альтернативы сотрудничеству с умеренными республиканцами и многие монархисты.

Волну «присоединения» монархистов к республике вызвал поворот в политике Ватикана по отношению к Франции, осуществленный папой Львом XIII. В ноябре 1890 г. кардинал Лавиери призвал французских католиков «без задней мысли признать нынешнюю форму правления».

В результате консолидации либерально-консервативных групп в парламенте сложилось весьма многочисленное правительственное большинство, которое позволяло умеренным республиканцам удерживать в своих руках бразды правления страной вплоть до конца 90-х годов. Их девиз в это время был: «успокоение, терпимость, практические реформы». Они нормализовали отношения с католической церковью и позволили ей во многом вернуть те позиции в обществе, которые она утратила в результате антиклерикальных мер начала 80-х годов. Кроме упомянутых выше социальных реформ, умеренные республиканцы осуществили важную корректировку экономической политики в интересах предпринимательских кругов — поворот от свободы торговли к таможенному протекционизму. Крупного прорыва они добились в области внешней политики, установив тесные отношения с Россией и заключив с ней в 1891 г. договор о взаимных консультациях, а затем, в 1892 г., и военную конвенцию.

Все эти мероприятия создали умеренным республиканцам репутацию сторонников постепенного прогресса, за что, в отличие от радикалов и консерваторов, их стали называть *прогрессистами*. Заметную роль среди прогрессистов играли представители молодого поколения умеренных республиканцев — *Раймон Пуанкаре*, *Луи Барту*.

В начале 90-х годов прогрессисты столкнулись с небывалым разгулом политического терроризма. Его развязали анархисты, которые прибегли к индивидуальному террору, чтобы расшатать государство и ускорить революцию. В ответ на эти действия палата депутатов приняла в 1893—1894 гг. репрессивные законы. С помощью судов и полиции удалось сбить волну терроризма.

Дело Дрейфуса. Прогрессистская партия, стремившаяся к консолидации либерально-консервативных сил, не пережила жестокого политического кризиса конца 90-х годов. Его отдаленным поводом послужил приговор военного трибунала капитану генерального штаба *Альфреду Дрейфусу* к пожизненному заключению за шпионаж. Впоследствии удалось доказать, что дело было сфабриковано. Однако военный трибунал не пересмотрел дело Дрейфуса, спасая «честь» французской армии. Сыграли роль и антисемитские настроения. Капитан Дрейфус был евреем, сыном эльзасского промышленника, человеком, чуждым военной касте.

Когда дело Дрейфуса получило огласку, страсти разгорелись с необыкновенной силой. Дело о неправомерном приговоре, поначалу юридическое, приобрело политический характер. Большую роль сыграла публикация статьи писателя *Эмиля Золя* «Я обвиняю», в которой он обличал действия правительства, чинов генерального штаба и военных судей. Его выступление всколыхнуло страну, по отношению к делу Дрейфуса как бы расколовшуюся на два враждующих лагеря.

В защиту «чести» армии и против пересмотра дела поднялось большинство консервативно-католической партии, а также часть прогрессистов, включая президента республики *Фора*. Ударной силой лагеря *антидрейфусаров*, как называли противников пересмотра дела Дрейфуса, являлось националистическое движение.

Националисты утверждали, что человек другой крови или веры не может считаться «в полной мере» французом, на которого родина могла бы положиться в минуту опасности. Для разжигания антисемитизма они использовали громкую аферу века — финансовые злоупотребления и подкупы должностных лиц, в результате которых обанкротилась Компания Панамского канала и 85 тыс. акционеров потеряли свои сбережения. Было скомпрометировано около 140 депутатов парламента. Панамский скандал дал толчок небывалому в истории Франции разгулу антисемитизма. Его главными виновниками считали евреев — барона Рейнаха и Герца. В 1898 г. одновременно возникло несколько массовых организаций националистического толка. Они насчитывали сотни тысяч человек (например, одна только Лига французской родины — до полумиллиона) и оказывали сильный нажим на власти, чтобы не допустить пересмотра дела Дрейфуса.

В борьбе с националистами сторонники пересмотра дела — *дрейфусары* — выдвинули лозунг защиты демократических прав и свобод, гарантированных законами. Под этим лозунгом объединились представители различных политических сил, общественных движений, конфессий — радикалы, часть социалистов, руководимых Жоресом, франкмасоны, протестанты, антимиитаристы, антиклерикалы. В начале 1898 г. ими была основана *Лига прав человека*, сыгравшая важную роль в истории правозащитного движения. Во многом благодаря усилиям масонства удалось обеспечить единство столь пестрых в политическом и социальном отношении сил, оказавшихся в лагере дрейфусаров.

Летом 1898 г. начальник военной разведки полковник Анри, признавшийся в подлоге документов дела Дрейфуса, покончил жизнь самоубийством. Пересмотр дела стал неизбежным. Помешать ему мог только государственный переворот, который тщетно пытались совершить националисты. Со смертью Фора и отставкой правительства летом 1899 г. открылась возможность дать делу законный ход. Но военный трибунал снова вынес капитану Дрейфусу обвинительный приговор. Лишь в 1906 г. кассационный суд полностью реабилитировал Дрейфуса.

Перегруппировка политических сил.

Часть прогрессистов, обеспокоенных разгулом национализма и угрозой государственного переворота, примкнула к дрейфусарам. Новый президент республики назначил главой правительства прогрессиста-дрейфусара Вальдека-Руссо. В состав его кабинета вошли представители всех основных политических сил, выступавших в защиту законности и порядка. Особенно примечательно было присутствие в нем социалиста Мильерана, занявшего пост министра торговли и промышленности. Правительство приняло решительные меры против националистов, добившись ареста их вождей и суда над ними. Тем самым ему удалось стабилизировать политическую обстановку в стране.

Расстановка политических сил в конце 90-х годов существенно изменилась. Разногласия о форме правления уступили место спорам о механизмах функционирования существующей власти и перспективах ее реформирования. Политические силы расходились во взглядах не на форму правления, а на политические цели и ценности самой республики.

С конца 90-х годов усилилась тенденция к сплочению политических партий Франции, стремившихся сочетать парламентские формы деятельности с внепарламентскими. Возросла роль местных комитетов, не терявших связь с избирателями между выборами и пытавшихся контролировать свои парламентские фракции. Способствовал тому закон об ассоциациях (1901), предоставивший широкую свободу действия различным объединениям граждан.

Попытка социалистов провести объединительный съезд потерпела неудачу из-за разногласий между сторонниками революции и реформистами. Вступление в кабинет Вальдека-Руссо независимого социалиста Мильерана, выдвигавшего програм-

му мирного завоевания власти посредством всеобщего избирательного права, многие социалисты расценили как предательство интересов рабочего класса.

В 1901 г. реформисты и сторонники участия в «буржуазных» правительствах образовали *Французскую социалистическую партию*, в которую вошли POSSИБИЛИСТЫ и независимые социалисты. Сторонники революционной тактики и «анти-министерялисты», главным образом гедисты и бланкисты, объединились в рядах *Социалистической партии Франции*. Несколько мелких группировок, в том числе *Революционно-социалистическая партия* (аллеманисты), сохранили самостоятельность.

Уход Мильерана из правительства в связи с отставкой кабинета в 1902 г. и специальная резолюция о единстве социалистических партий, принятая Амстердамским конгрессом II Интернационала в 1904 г., позволили преодолеть раскол.

В 1905 г. была создана *Объединенная социалистическая партия* (или Французская секция рабочего Интернационала — СФИО). Ведущую роль в ней играло реформистское течение, а самым популярным и авторитетным лидером стал Жорес. Тем не менее в объединенную партию отказались войти независимые социалисты (Мильеран и др.), несогласные с призывами к классовой борьбе.

В 1901 г. возникла общенациональная организация радикалов — *Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов*. Она объединяла все левые силы, приверженные идеалу демократической республики, и в начале XX в. превратилась в самую влиятельную политическую партию Франции. Численность ее парламентской фракции (обычно не менее трети всех депутатских мест) позволяла контролировать большинство и давала право на участие в любой правительственной коалиции. Партия добивалась не только укрепления и защиты республиканских учреждений, но и активной социальной политики за счет прогрессивного подоходного налога и выборочных национализаций.

Умеренные республиканцы, которые после распада партии прогрессистов примкнули к лагерю дрейфусаров, в конце 1901 г. образовали *Республиканско-демократический альянс*. Успех новому объединению обеспечила активная поддержка деловых кругов и «большой» парижской прессы. Альянс стал одной из основных партий правящего республиканского большинства, усилив его правый фланг.

На выборах 1902 г. левые-получили 350 мест, а правые были вынуждены довольствоваться 230 мандатами. В результате поражения консервативно-националистические правые силы на долгое время были отброшены в глухую оппозицию. Умеренные республиканцы и часть консерваторов образовали *Республиканскую федерацию*. Она критиковала антиклерикальное законодательство, проповедовала национализм.

Легитимизм и орлеанизм практически сошли со сцены, уступив место новейшей разновидности правого радикализма, окрашенного в монархические цвета, ядром которого стала *Лига французского действия*, издававшая популярную газету «*Аксьон франсэз*». Ее лидер *Шарль Моррас* писал об упадке Франции и призывал к «интегральному национализму». Он выдвинул программу, которая предусматривала упразднение парламентаризма и демократии и восстановление монархического правления, возвращение традиционных прав и привилегий католической церкви, восстановление сословно-патриархальных отношений в обществе. Ксенофобия и антисемитизм были органической частью его воззрений. Главным рупором «интегрального национализма» являлась газета «*Аксьон франсэз*». Интеллектуальные силы — писателей, ученых, профессоров — объединял Институт *Аксьон франсэз*. Политическое крыло движения было представлено Лигой французского действия и организацией боевиков «Королевские молодчики».

Левый блок. После выборов 1902 г. «левые» республиканские партии образовали в парламенте своеобразный координирующий центр — «*делегацию левых*». Этот «левый блок» сформировал коалиционное правительство во главе с Эмилем Комбом без социалистов. Своей главной задачей оно считало борьбу с клерикализмом. Парламентское большинство отвергло все просьбы о регистрации конгрегации, в результате чего сотни из них были распущены. Запрещены тысячи ранее разрешенных конгрегаций, не разрешалось военнослужащим посещать собрания религиозных обществ, а духовным лицам получать университетские степени.

Это привело к резкому ухудшению отношений между Францией и Ватиканом. После того как Ватикан выступил с серией протестов против действий французского правительства, оно заявило о разрыве с ним дипломатических отношений. В 1905 г. был принят закон об отделении церкви от государства, причем республика гарантировала свободу совести и

свободное отправление всех культов. Имущество церкви предоставлялось в распоряжение «культовых ассоциаций» прихожан. Церковь постепенно отказалась от притязаний на политические преимущества, а вместе с тем иссяк и основной источник антиклерикализма.

Хотя борьба с церковью была главным направлением внутренней политики «левых» республиканских кабинетов начала XX в., не оставили они без внимания и армию. С целью ее демократизации был принят закон о снижении срока военной службы с 3 до 2 лет. Была осуществлена «чистка» офицерского корпуса от лиц, связанных с клерикалами и националистами.

Крайности «комбизма», как стали называть внутреннюю политику «левого блока», во многом объяснялись боевым настроем «левого» республиканского общественного мнения. Однако они охлаждающе подействовали на левых республиканцев, часть которых отделилась от правительственного большинства. Ослабла и поддержка со стороны социалистов. До поры до времени они согласны были закрывать глаза на отсутствие крупных социальных реформ. Но когда весной 1906 г. поднялась волна забастовок и власти, напуганные угрозой массовых беспорядков 1 мая, увеличили столичный гарнизон до 45 тыс. солдат, социалисты подвергли правительство критике. Они не хотели терять доверие рабочих избирателей.

Кабинет Клемансо. На всеобщих выборах состоявшихся в мае 1906 г., избиратели одобрили политику «левых» республиканских партий, каждая из которых получила ощутимую прибавку депутатских мест. Но самое примечательное было то, что радикалы, завоевав 247 мандатов (что дало им значительный перевес над «правой» оппозицией, имевшей 174 мандата), отныне могли управлять страной самостоятельно, не прибегая к поддержке ни социалистов, ни левых республиканцев.

Радикальное большинство привело к власти кабинет во главе с Клемансо. В прошлом активный участник радикальной оппозиции правлению умеренных республиканцев, он впервые вошел в правительство на 65-м году жизни, заняв в марте 1906 г. пост министра внутренних дел. Этот пост он сохранил и после того, как в октябре 1906 г. возглавил правительство. Оставить под своим контролем министерство внутренних дел его побудил рост политического напряжения в стране, связан-

ный как с трудностями выполнения закона об отделении церкви от государства, так и с ростом революционного синдикализма.

В начале XX в. профсоюзное движение вышло далеко за рамки защиты профессиональных интересов рабочих и служащих. В 1902 г. Федерация бирж труда влилась во *Всеобщую конфедерацию труда* (ВКТ), образованную в 1895 г. Единый профсоюзный центр воспринял смесь анархизма и синдикализма, получившую название *анархо-синдикализма*. Его манифестом стала Амьенская хартия, принятая съездом ВКТ в октябре 1906 г. В ней говорилось о приверженности профсоюзов классовой борьбе вплоть до «полного освобождения, которое может быть достигнуто лишь путем экспроприации капитала». Всеобщая стачка объявлялась главным средством этой борьбы, а профсоюзы — орудием не только сопротивления эксплуататорам, но и организации производства и распределения в будущем. Наконец, хартия провозглашала независимость — как организационную, так и идеологическую — от партий.

В середине 1900-х годов во многом благодаря ВКТ трудовые конфликты приобрели ожесточенный характер. Не редкостью стали насильственные действия забастовщиков против фабричной администрации, «штрейкбрехеров» и сил правопорядка, умышленная порча имущества и пр.

Клемансо проявлял твердость всякий раз, когда забастовки прямо затрагивали интересы общества, например, прибегал к вводу в места забастовок войск. Так было в апреле 1906 г., когда на улицы шахтерских городов и поселков было выведено 20 тыс. солдат против 40 тыс. забастовщиков. В марте 1907 г. Клемансо добился прекращения забастовки электриков, на два дня оставивших без освещения большую часть Парижа, заявив, что готов обеспечить электроснабжение силами военных техников. Забастовка и демонстрация рабочих песчаных карьеров в Дравей и Вильнев-Сен-Жорж летом 1908 г. сопровождалась возведением баррикад и столкновениями с жандармерией и войсками, в результате чего несколько человек были убиты и десятки ранены.

Репрессивные меры против забастовщиков вызвали отрицательную реакцию социалистов. «Левый блок» окончательно распался, и Объединенная социалистическая партия перешла в оппозицию радикалам слева.

Между тем правительство Клемансо было едва ли не первым в истории Третьей республики, которое, защищая демократию и борясь с клерикализмом, обещало провести ряд

крупных социальных реформ. Однако лишенное поддержки социалистов, поглощенное борьбой с анархо-синдикалистами, оно не преуспело в осуществлении этой программы. Законопроект о пенсиях был утвержден сенатом только в марте 1910 г. Еще меньше повезло законопроекту о прогрессивном подоходном налоге. Принятый к рассмотрению в феврале 1907 г., он десять лет кочевал из одной парламентской комиссии в другую, прежде чем получил силу закона. Сравнительно быстро правительству удалось добиться голосования лишь по проекту выкупа убыточной Компании железных дорог Запада, ставшего законом в июле 1908 г.

Твердость, с которой Клемансо противостоял анархо-синдикалистам и социалистам, в сочетании с умеренным реформизмом и гибкостью, проявленной им при проведении в жизнь антиклерикального законодательства, обеспечили ему поддержку правых республиканцев. Клемансо шокировал своих политических сторонников, когда принял эту поддержку, заявив, что не считает себя вправе исключать кого-либо из «республиканской партии». Его слова противоречили духу «левого блока» и свидетельствовали об усилении «центристской» тенденции в политической жизни.

Партия радикалов, в которой сторонники «комбизма» сохраняли сильные позиции, некоторое время сопротивлялась новым веяниям. Но постепенно старое поколение радикалов — неутомимых романтиков, идеологов и оппозиционеров — уступило первые роли в партии молодым прагматикам, жаждавшим власти, карьеры и реальных дел.

В преддверии мировой войны. В последние годы перед Первой мировой войной во Франции сложилось своеобразное положение, когда парламент от выборов к выборам все больше «левел», а политика правящих кабинетов «правела». Если в 1906 г. партии «левых», включая социалистов, располагали в палате депутатов 411 местами, то в 1910 г. — 459, а в 1914 г. — 470. Особенно впечатляющими были избирательные успехи Объединенной социалистической партии, которая за 8 лет увеличила свое представительство вдвое — с 54 мандатов в 1906 г. до 102 в 1914 г. Однако ее отказ от сотрудничества с «буржуазными» правительствами вынуждал радикалов искать союзников справа, среди левых республиканцев. После распада «левого блока» в парламенте таким образом сложилось устойчивое левоцентристское большинство, кото-

рому соответствовал и политический состав правящих кабинетов.

В 1909 г. Клемансо уступил место во главе правительства независимому социалисту *Аристиду Бриану*. В прошлом — видный синдикалист, сторонник всеобщей стачки, Бриан на рубеже веков, подобно Мильерану, увлекся реформизмом, что в сочетании с незаурядной политической гибкостью обеспечило ему в дальнейшем блестящее политическое будущее. Его кабинет был составлен из радикалов, левых республиканцев и независимых социалистов. В области внутренней политики Бриан придерживался в целом курса, намеченного его предшественником. При нем были завершены некоторые реформы, начатые Клемансо, смягчена процедура ликвидации конгрегации, ранее нередко дававшая повод для злоупотреблений. Столь же твердой позиции, как и предыдущий кабинет, придерживался Бриан по отношению к анархо-синдикалистам. Когда в октябре 1910 г. всеобщую забастовку объявили железнодорожники, он перевел их на военное положение.

В составе левоцентристского большинства левые республиканцы, насчитывавшие около 100 депутатов, постепенно вернули себе ключевые позиции в правительстве. Их представителям трижды накануне войны поручалось формирование правительства. В 1913 г. во многом благодаря их голосам президентом республики был избран *Раймон Пуанкаре*. В парламенте, далеко уже не столь резко разделенном на «правых» и «левых», как в начале века, снова обнаружилась тенденция к образованию либерально-консервативного «центра».

Катализатором этой тенденции явилась отчетливо ощущаемая в общественной атмосфере начала XX в. угроза войны. О ней напоминали участвовавшие международные кризисы, прямо затрагивавшие интересы Франции и ее союзника России — русско-японская война, два марокканских и боснийский кризисы, балканские войны. Вызовом безопасности своей страны считали французы крупномасштабные программы перевооружения армии и флота, осуществлявшиеся в Германии. По мере того как остывали страсти, возбужденные делом Дрейфуса и отделением церкви от государства, на первый план в области внешней и внутренней политики выступали вопросы укрепления обороноспособности.

Международные позиции Франции значительно усилились благодаря деятельности видного политика и дипломата *Теофила Делькассе*, занимавшего в 1898—1905 гг. пост министра

иностраннных дел. Он добился заключения с Италией секретного договора 1900 г., вызвавшего трещину в ее отношениях с Германией, и положил конец многолетней вражде с Великобританией. В 1904 г. с последней было подписано соглашение по колониальным вопросам, открывшее эру дружественных отношений между двумя странами, известную как «сердечное согласие» (*Антанта*). Значительные усилия приложил Делькассе для заключения в 1907 г. аналогичного соглашения между Великобританией и Россией, которое привело к образованию так называемого *Тройственного согласия*.

Однако серьезной проблемой для французской дипломатии являлось нежелание Великобритании связывать себе руки формальным военным союзом, а также охлаждение в отношениях с Россией во время боснийского кризиса. Во время марокканского кризиса 1911 г. правительство добилось компромисса с Германией, которая отказалась в пользу Франции от притязаний на Марокко, получив компенсацию в Тропической Африке. Однако общественное мнение сочло эти компенсации чрезмерными.

Идеологические разногласия помешали сторонникам мира во Франции выдвинуть реалистическую и популярную программу борьбы с угрозой войны. Анархо-синдикалисты и социалисты не представляли себе иной альтернативы войне, кроме революции, и вынашивали наивные, а порой и авантюристические планы. Например, Гед считал, что нет нужды бороться против угрозы войны, которая неизбежна, пока существует капитализм. Известный публицист Гюстав Эрве призывал ответить на приказ о мобилизации армии всеобщей антивоенной стачкой, перерастающей в революцию. Даже Жорес не видел иной возможности предотвратить развязывание войны правительствами, кроме согласованных действий рабочих разных стран.

Основная тяжесть работы, связанной с подготовкой Франции к войне, легла на левых республиканцев, в равной мере пользовавшихся доверием и «левых», и «правых», а кроме того, обладавших всеми преимуществами одной из основных правительственных партий. На высшие государственные должности они выдвинули Пуанкаре, который сознательно держался в тени со времен дела Дрейфуса, чем заслужил себе репутацию осторожного, не склонного к поспешным и необдуманным шагам политика. Кроме того, его призывы к укреплению обороноспособности Франции внушали французам больше дове-

рия, чем фантастические планы предотвращения войны, выдвигавшиеся сторонниками мира.

Пребывание Пуанкаре на посту премьер-министра ознаменовалось рядом важных мер по усилению вооруженных сил Франции. Несмотря на оппозицию социалистов, парламент одобрил обширную военно-морскую программу. Кроме того, решено было создать военную авиацию. Наряду с принятыми ранее мерами — усилением артиллерии армейских корпусов, созданием в 1911 г. должности главнокомандующего армией, которую занял генерал Жоффр, — это свидетельствовало о серьезности военных приготовлений Франции. Став президентом, Пуанкаре добился продления срока службы в армии с 2 до 3 лет, что позволило увеличить ее численность в мирное время с 540 почти до 700 тыс. человек.

Во многом благодаря стараниям Пуанкаре Франция накануне войны установила подлинно союзнические отношения с другими державами Антанты. С 1913 г. наладилось военное сотрудничество с Великобританией (проведение совместных маневров, консультации генеральных штабов). Удалось устранить недоразумения и в отношениях с Россией, куда в 1912—1913 гг. дважды — в качестве премьер-министра и президента — выезжал Пуанкаре. Его третий визит в Россию в июле 1914 г. состоялся незадолго до начала Первой мировой войны.

ГЛАВА 20 Германская империя: от объединения к Первой мировой войне

Государственный строй Германской империи и ее экономика в последней четверти XIX в.

Объединенная «сверху», Германская империя являлась союзом 22 монархий, часть которых — Бавария, Вюртемберг, Баден, Саксония — пользовались ограниченной внутренней автономией, и трех вольных городов Гамбурга, Бремена и Любека. В основу ее конституции, принятой рейхстагом в апреле 1871 г., была положена конституция Северогерманского союза. Она закрепляла гегемонию Пруссии в объединенной Германии. Императором (кайзером) страны мог быть только прусский король. Он назначал главу исполнительной власти — имперского канцлера, которому подчинялись имперские ведомства и управления. Император распоряжался вооруженными силами, решал вопросы войны и мира, представлял Германию в международных делах. Прусский банк был преобразован в Имперский (Рейхсбанк).

Высшими представительными учреждениями страны являлись Союзный совет (бундесрат) и рейхстаг. Рейхстаг избирался на 3, а с 1888 г. — на 5 лет на основе «всеобщего» избирательного права — только мужчинами, достигшими 25-летнего возраста, исключая военнослужащих. Решения рейхстага подлежали утверждению императором и Союзным советом. Бундесрат, председателем которого был имперский канцлер, не избирался, а состоял из представителей правительств всех немецких монархий и вольных городов, причем Цруссия занимала в нем 17 мест из 58. Вместе с тем имперская конституция не давала кайзеру права налагать вето на единодушные решения рейхстага и бундесрата. В Германии была установлена единая для всей страны система судопроизводства. Имперская конституция, «скроенная» по мерке Бисмарка, способствовала ста-

новлению государства, целостного и в экономическом, и в политическом отношении.

В обстановке лихорадочной торгово-промышленной активности в стране возникло множество новых предприятий, акционерных обществ и банков, что позволило назвать эти годы «*периодом грюндерства*». В биржевые спекуляции оказались вовлеченными многие представители правящих кругов, чиновничества, парламентарии. Однако разразившийся в 1873 г. экономический кризис положил конец «грюндерской лихорадке», вызвал массовые увольнения и снижение заработной платы, разорение мелких акционеров и предпринимателей и т. д.

Если в самом начале 70-х годов наивысшей точки достигло развитие свободной конкуренции, то после кризисов 1873, 1882 и 1890 гг. широкое распространение в Германии получили картели, далеко продвинулся вперед процесс концентрации производства и капитала. Германская империя превращалась в мощную промышленную державу. Занимая в 70-е годы четвертое место в мире, она через два десятка лет стала претендовать на второе место и догонять Великобританию. Резко возросли производство железа и стали, добыча каменного угля, выплавка чугуна. Быстро поднимались новые отрасли промышленности — химическая и электротехническая, активно строились железные дороги.

Концентрация промышленного и банковского капитала происходила в Германии быстрее, чем в других европейских странах. Все более важную роль в экономике страны играли такие финансовые гиганты, как Учетное общество, Немецкий банк, Дармштадтский, Дрезденский и другие крупные банки. В процессе сращивания банковского капитала с промышленным складывалась финансовая олигархия.

С индустриализацией страны росла численность рабочего класса. В конце XIX в. промышленный и сельскохозяйственный пролетариат Германии насчитывал 10,5 млн человек, его ряды пополняли разорившиеся ремесленники и крестьяне.

Все более продуктивным становилось сельское хозяйство. Развитие капитализма в немецкой деревне происходило в большей части страны особым, «прусским» путем, когда помещичье хозяйство медленно перерастало в буржуазное, осуществляя экспроприацию основной массы крестьянства. Господствующее положение юнкерского хозяйства в Восточной Пруссии, Бранденбурге и Померании означало сохранение в той или иной степени кабальных и полукабальных форм экс-

плуатации сельскохозяйственных рабочих. В Южной Германии — Баварии, Бадене, Вюртемберге — значительным был слой «крупных крестьян» — *гроссбауэров*.

В последней четверти XIX в. произошло резкое расширение германских внешнеэкономических связей. Дефицит торгового баланса с лихвой покрывался прибылями, получаемыми от постоянно возраставших зарубежных инвестиций германского капитала.

Система партий. «Культуркампф» и борьба с социалистическим движением. Став первым канцлером Германской империи, Бисмарк сохранил за собой и пост министра-президента Пруссии. Сыгравший выдающуюся роль в создании Германской империи, он был осыпан знаками высочайшего внимания, получил княжеский титул и богатое поместье и, несомненно, оставался главным действующим лицом на политической арене. Император Вильгельм I в самых важных вопросах, как и прежде, обычно соглашался с его мнением. Но именно император, а не канцлер, являлся главой государства. По всем вопросам, относящимся к армии, Вильгельм I всегда прислушивался к мнению военных кругов и особенно Генерального штаба.

В Германии в 60-е годы, в период борьбы за объединение страны, сформировалось несколько политических партий. *Национал-либеральную партию* поддерживали определенные круги крупной промышленной и торговой буржуазии и близких к ним интеллектуалов. К середине 70-х годов в ней развернулась борьба между сторонниками протекционизма и свободной торговли. После выхода в 1880 г. из партии фритредерского крыла она все больше превращалась в политический инструмент крупной германской буржуазии, активно выступала в поддержку колониальной политики.

В политическом спектре страны левее национал-либералов находилась *Партия прогрессистов*, отстаивавшая политику свободной торговли и построения правового государства. Она заняла резко отрицательную позицию в отношении рабочего движения и социалистов. На левом фланге либералов располагалась Немецкая народная партия, действовавшая главным образом в Южной и Юго-Западной Германии. Она выступала за всеобщее благосостояние и справедливое распределение материальных благ.

Правый фланг политических сил Германии занимали консервативные партии, отстаивавшие юнкерские привилегии и

монархическую форму правления. В *Партии свободных консерваторов*, которую с 1871 г. стали называть также *Немецкой имперской партией*, ведущую роль играли крупные аграрии и владельцы предприятий тяжелой индустрии, главным образом из Вестфалии и Рейнской области. Среди них были такие промышленные магнаты, как Штумм и Крупп. Эта партия, не обладавшая широкой социальной базой, безоговорочно поддерживала имперскую политику Бисмарка. В 70-е годы свободные консерваторы поставляли большую часть бисмарковских министров и были активными сторонниками протекционизма. Фракции национал-либералов и свободных консерваторов являлись тем парламентским большинством в рейхстаге, на которое Бисмарк опирался в первой половине 70-х годов.

В 1876 г. возникла *Немецкая консервативная партия*, представлявшая интересы юнкерства Восточной Пруссии, Бранденбурга, Померании, а также прусского офицерства, лютеранского духовенства и зажиточного крестьянства. В конце 70-х годов немецкие консерваторы вместе со свободными консерваторами образовали парламентское большинство, которое пришло на смену национал-либералам. Консерваторы, тесно связанные с династией Гогенцоллернов, занимали все важные посты при дворе, в армии, в суде, держали в своих руках не только прусский, но и общегерманский административный аппарат.

Для борьбы против прусской гегемонии католическая церковь, опасавшаяся за свои привилегии в руководимой протестантской Пруссией Германской империи, в 1870—1871 гг. создала *партию Центра*, которая получила свое название от существовавшей в 50—60-е годы католической фракции, занимавшей центральные места в зале заседаний прусской палаты депутатов. Центр решительно отстаивал свою партикуляристскую и федералистскую позицию. Эта партия объединяла католиков Западной и Южной Германии и пользовалась поддержкой польских католиков, а также католиков Эльзаса и Лотарингии.

Полупарламентское конституционное состояние Германской империи благоприятствовало правительству и ослабляло рейхстаг, возможности воздействия которого на исполнительную власть оставались незначительными.

При поддержке консерваторов и национал-либералов Бисмарк начал поход против католической церкви и партии Цент-

ра — «*культуркампф*» («борьба за культуру»). На деле это была борьба за утверждение прусской гегемонии в Германии, и определялась она в основном не религиозно-конфессиональными, а политическими соображениями. К тому же Бисмарк опасался установления связей клерикалов с соседними католическими странами — Францией и Австро-Венгрией. «*Культуркампф*», по замыслу Бисмарка, должен был также служить орудием в борьбе с «ополячиванием», а в действительности — средством германизации польских провинций Пруссии. Бисмарк предпринял энергичные меры по онемечиванию восточных провинций Пруссии. Там, заявил он, ситуацию «можно улучшить, с одной стороны, увеличением немецкого населения, с другой стороны — уменьшением польского». Бисмарк подчеркнул, что никогда и ни при каких обстоятельствах не пойдет на восстановление какого-либо польского государства «в пределах прусских границ».

«*Культуркампф*» достиг своего апогея в 1873 г., когда прусский ландтаг принял знаменитые «*майские законы*». В соответствии с ними государство осуществляло назначение на все церковные должности, католическое духовенство было лишено права надзора за начальными школами, священники не могли заниматься политической агитацией, запрещалась деятельность Ордена иезуитов и близких к нему духовных орденов и конгрегаций. В 1874 г. был введен обязательный гражданский брак в Пруссии, а в последующие два года — по всей империи. В июле 1874 г., во время пребывания Бисмарка на курорте в Бад-Киссингене, на него совершил покушение подмастерье-бондарь, ранивший его выстрелом из пистолета в правую руку. Покушавшийся был католиком, и Бисмарк воспользовался этим для яростных нападок в рейхстаге на партию Центра.

К лету 1876 г. введение по стране законодательства «*культуркампфа*» было завершено. Католическое духовенство не подчинялось этим законам и бойкотировало их. В ответ Бисмарк производил аресты и высылку из Германии непокорных священников. Однако преследования католического клира задевали чувства миллионов верующих католиков. Это привело к росту политического влияния партии Центра, усилению ее представительства в рейхстаге.

«Железный канцлер» был вынужден отступить. В 1880—1887 гг. большинство антикатолических законов было отменено. Епископы заняли свои прежние места, был снят запрет на

деятельность католических орденов, кроме Ордена иезуитов. От времени «культуркампфа» сохранились лишь закон о гражданском браке и надзор органов власти над школами.

Развитие рабочего движения в стране осложнялось соперничеством двух политических партий — Социал-демократической рабочей партии (СДРП) (эйзенахцев) и Всеобщего германского рабочего союза (ВГРС) (лассальянцев). Руководители эйзенахцев В. Либкнехт и А. Бебель добивались преодоления раскола рабочего движения. В 1875 г. на объединительном съезде в Готе СДРП и ВГРС слились в единую *Социалистическую рабочую партию Германии* (СРПГ), которая с 1890 г. стала называться *Социал-демократической партией Германии* (СДПГ).

При подготовке проекта программы СРПГ, получившей название Готской, эйзенахцы пошли на серьезные уступки лассальянцам. Но это не помешало росту влияния СРПГ среди трудящихся, особенно в промышленных центрах.

Правящие круги, обеспокоенные успехами социалистического движения, вскоре нашли повод для репрессий. В мае и июне 1878 г. на Унтер-ден-Линден, в самом центре Берлина, на императора Вильгельма было совершено два покушения, причем в результате второго кайзер был ранен выстрелом из охотничьего ружья. И хотя оба террориста не имели никакого отношения к социалистам, в октябре 1878 г. рейхстаг по предложению Бисмарка принял Закон против общественно опасных стремлений социал-демократии (так называемый *Исключительный закон против социалистов*), который неоднократно продлевался и действовал до 1890 г. Он был направлен не только против социалистов. Репрессиям подвергались все рабочие организации, вплоть до спортивных обществ. Были закрыты рабочие газеты и журналы, производились аресты и высылки из страны членов Социал-демократической партии.

Однако Социалистическая рабочая партия под руководством В. Либкнехта и А. Бебеля, сочетая легальные и нелегальные методы работы, выдержала это испытание. В подпольных типографиях в Цюрихе, а затем в Лондоне было налажено издание газеты «Социал-демократ», которая нелегально доставлялась в Германию. Несмотря на полицейские преследования, партия регулярно проводила свои съезды. При содействии социал-демократов окрепли профсоюзы. Одним из самых крупных выступлений немецкого пролетариата стала забастовка 150 тыс. рурских горняков в мае 1889 г.

Властям не удалось сдержать развитие рабочего движения и с помощью полезных для трудящихся законов о социальном страховании (1883, 1884, 1889 гг.). На состоявшихся в 1890 г. выборах в рейхстаг за социалистов проголосовало около полутора миллионов избирателей. Партия завоевала 35 мест в рейхстаге. Итоги выборов свидетельствовали о банкротстве Исключительного закона против социалистов, о провале «рабочей» политики Бисмарка,

Однако «красная опасность» сделала возможным «союз доменных печей и дворянских поместий», т. е. крупной буржуазии и крупного землевладения, на который и опирался Бисмарк.

Введение в 1879 г. покровительственных пошлин на ввозимые из-за границы промышленные товары и сырье, зерно и скот было поддержано консерваторами обоих направлений, Центром и частью правых национал-либералов. Оставаясь канцлером Германии, Бисмарк в 1880 г. стал министром торговли и промышленности.

Внешняя политика правительства Бисмарка. Главной ареной, где Бисмарк в полной мере мог проявить свою силу, была дипломатия, которая опиралась на милитаризм и была направлена на обеспечение Германской империи доминирующих позиций в Европе.

Бисмарк стремился к международной изоляции Франции, удивительно быстро оправлявшейся от понесенного ею поражения. В 1873 г. она завершила выплату контрибуции, и немецкие войска должны были покинуть ее территорию. Германия ответила форсированием гонки вооружений.

Чтобы предотвратить угрозу войны на два фронта, Бисмарк добивался улучшения отношений с Россией. В 1873 г. между Германией и Россией была заключена секретная военная конвенция, в соответствии с которой в случае нападения на одну из них любой другой европейской державы обе стороны брали на себя обязательство направить на помощь союзнику 200-тысячную армию. Бисмарк, однако, заявил, что конвенция вступит в силу только после присоединения к ней Австро-Венгрии. Последовавшее затем подписание Веной и Петербургом консультативной конвенции и присоединение к ней Германии привело к созданию *Союза трех императоров*, опиравшегося на принцип монархической солидарности. Но уже вскоре прочность этого союза подверглась серьезному испытанию.

Чтобы не допустить восстановления французской армии, рейхсканцлер готов был прибегнуть к военной угрозе. С военной точки зрения, война с Францией в 1874—1875 гг., несомненно, была бы выгодна Германии. В апреле 1875 г. в германской прессе были опубликованы инспирированные Бисмарком статьи о военных приготовлениях Франции, одна из которых носила многозначительное название «Предвидится ли война?». В это же время начальник генштаба *Гельмут фон Мольтке* развивал идею превентивной войны против западного соседа.

На этот раз «военная тревога» не привела к войне, так как в поддержку Франции выступили Россия и Великобритания. Во время визита в Берлин российского императора Александра II и канцлера А. М. Горчакова Бисмарк заявил, что и не собирался нападать на Францию, что Мольтке — «молокосос в политике, и его вообще не надо слушать». Эта серьезная дипломатическая неудача Бисмарка стала важным этапом в постепенном охлаждении германо-российских отношений.

Германский канцлер стремился подтолкнуть Россию, являвшуюся, по его мнению, самым сильным и опасным германским соседом, к «применению своих излишних сил на Востоке», чтобы ослабить ее позиции на Западе. Одновременно Германия всячески способствовала расширению влияния Австро-Венгрии на Балканах, где интересы монархии Габсбургов приходили в столкновение с интересами России. В 1876 г. Бисмарк на заседании рейхстага произнес ставшие знаменитыми слова о том, что на Ближнем Востоке у Германии нет каких-либо интересов, которые стоили хотя бы «костей одного-единственного померанского мушкетера».

Однако восточный вопрос в целом был для германского канцлера «объектом большой политики». Сохранение линии на «равноудаленность» от Австро-Венгрии и России не мешало Бисмарку оказать политическую поддержку Вене во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и при пересмотре условий Сан-Стефанского мирного договора между Россией и Османской империей на Берлинском конгрессе 1878 г., проходившем под его председательством. В результате произошло обострение русско-австрийских и сербо-болгарских отношений. Австро-Венгрия получила право на оккупацию Боснии и Герцеговины. Бисмарк, игравший на конгрессе, по его словам, роль «честного маклера», признал позднее, что считал «триумфом государственного искусства» «оставить открытым восточ-

ный нарыв и благодаря этому расстроить единство других великих держав и обеспечить наш (т. е. Германии) собственный мир».

Бисмарк преследовал «кошмар коалиций», который он пытался рассеять, создавая сеть союзов с участием Германии. Не желая разрыва с Россией, он стремился сделать Австро-Венгрию главным союзником Германии. Ему пришлось преодолеть упорное сопротивление Вильгельма I, отказывавшегося совершить «предательство» в отношении России. В секретном австро-германском союзном договоре, подписанном в Вене в октябре 1879 г., предусматривалось, что, если Россия нападет на одну из сторон, другая придет ей на помощь всеми своими вооруженными силами и ни один из союзников не будет заключать сепаратного мира. Если же одна из сторон подвергнется нападению какой-либо третьей державы (не России), вторая сторона будет соблюдать благожелательный нейтралитет.

Подписание австро-германского договора стало рубежом в развитии германской внешней политики. Он оказался самым долговечным из всех договоров и соглашений, заключенных Бисмарком, а созданный им «двойственный союз» через много лет выступил инициатором развязывания Первой мировой войны.

Добиваясь изоляции Франции, Бисмарк воспользовался стремлением Италии к сближению с Германией и заявил, что ключ от двери, открывающей путь к Германии, Италия должна искать в Вене. Итальянцы сумели договориться с австрийцами. В итоге 20 мая 1882 г. в Вене был подписан договор о *Тройственном союзе* между Германией, Австро-Венгрией и Италией. В соответствии с договором Германия и Австро-Венгрия взяли на себя обязательство оказать всеми своими силами помощь Италии, если бы она подверглась нападению со стороны Франции, а Италия обязывалась поступить таким же образом при нападении Франции на Германию. В последующие годы договор о Тройственном союзе неоднократно продлевался и продолжал действовать до Первой мировой войны.

После продолжавшихся целый год переговоров 6 (18) июня 1881 г. между Германией, Россией и Австро-Венгрией был подписан договор о возобновлении «Союза трех императоров», согласно которому в случае войны одной из трех держав с «четвертой великой державой» два других участника договора должны были соблюдать благожелательный нейтралитет. Гер-

мании был гарантирован нейтралитет России, если на нее нападет Франция.

Германия тотчас же присоединилась к подписанному в 1883 г. между Австро-Венгрией и Румынией секретному союзному договору, предусматривавшему взаимную помощь при нападении на одну из сторон. Италия примкнула к этому договору лишь в 1888 г.

Так в результате многолетних усилий Бисмарк организовал систему блоков, которая, по его замыслу, должна была гарантировать не только безопасность, но и гегемонию Германии на Европейском континенте.

В середине 80-х годов правительство Бисмарка заложило основы германской колониальной империи, главным образом, путем предоставления охранных грамот германским подданным, занимающимся судоходством и заморской торговлей. В апреле 1884 г. под покровительством Германии оказалось побережье Юго-Западной Африки, приобретенное бременским коммерсантом Людерицем. В том же году был установлен протекторат империи над Того и Камеруном.

В 1885 г. авантюристу Карлу Петерсу, завладевшему обширными территориями в Восточной Африке, и созданному им Обществу германской колонизации была выдана имперская «охранная грамота». В 1887 г. было образовано Германское колониальное общество. Вступление Германии на путь колониальных захватов привело к резкому ухудшению ее отношений с Англией. Бисмарк стал чинить препятствия британской политике в Египте и Конго.

Но в центре внимания «железного канцлера» всегда находилось соотношение сил в Европе. В ответ на реваншистскую агитацию и мероприятия по укреплению армии во Франции Бисмарк в 1886 г. внес в рейхстаг законопроект, увеличивавший состав германской армии в мирное время и устанавливавший военный бюджет на 7 лет вперед. Он утверждал, что «угроза войны исходит исключительно из Франции», и пресса красочно описывала эту угрозу. Однако, опасаясь войны с Россией, Бисмарк в период «военной тревоги» 1887 г. был вынужден воздержаться от нападения на Францию.

Ухудшение отношений между Россией и Австро-Венгрией в связи с событиями на Балканах 1885—1886 гг. сделало невозможной пролонгацию «Союза трех императоров». Но в итоге длительных переговоров 6 (18) июня 1887 г. в Берлине было подписано секретное русско-германское соглашение, получив-

шее название «перестраховочный договор». Договор предусматривал, что, если одна из заключивших его сторон окажется в состоянии войны с третьей великой державой, другая сторона будет хранить по отношению к первой благожелательный нейтралитет. Что же касается войны с Австро-Венгрией или Францией, то обязательство сохранять нейтралитет вступало в силу только при нападении этих стран на одну из договаривающихся сторон. Добиться от России обязательства соблюдать нейтралитет при нападении Германии на Францию Бисмарку не удалось.

Тем временем между Россией и Германией разгорелась таможенная война. В 1887 г. Бисмарк отдал распоряжение Имперскому банку не принимать русские ценные бумаги под залог и предложил германским банкам освободиться от русских ценностей «ввиду явно неустойчивого состояния русских финансов». Начальник германского Генерального штаба Мольтке и его помощник Вальдерзее, ссылаясь на военные реформы в России, настаивали на превентивной войне против нее. Однако Бисмарк, запугивая Россию, был против такой идеи и старался во что бы то ни стало избежать войны на два фронта. Он писал: «Даже самый благоприятный исход войны никогда не приведет к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских...»

Обострение противоречий с Россией и Францией побуждало Бисмарка искать сближения с Англией, но переговоры с Лондоном оказались безуспешными.

Отставка Бисмарка и политика его преемников. После смерти императоров Вильгельма I и его сына Фридриха III, правление которого продолжалось 90 дней, престол в 1888 г. перешел к внуку первого императора. 29-летний кайзер *Вильгельм II* не был лишен некоторых способностей, однако ему были присущи неуравновешенность, политическая и личная бестактность, невероятное самомнение. Вильгельм II воспринимал себя как нового, «еще более великого», Фридриха И. Для него, свято верившего в то, что он является государем «милостью Божьей», было поистине невыносимо, что Бисмарк как бы препятствовал неограниченному осуществлению им своих императорских прерогатив. Уважая старого канцлера, кайзер с самого начала собирался в будущем править единолично.

Внутриполитическая ситуация в стране, как и ее внешнеполитическое и стратегическое положение, представляла к

концу 80-х годов картину кризиса. Угрожающий характер для Германии приняло постепенное разрушение с трудом воздвигнутой системы европейского равновесия, прежде всего, вследствие усиления Франции и ее сближения с Россией. Обозначились контуры будущего франко-русского союза, что явилось крупной неудачей внешнеполитического курса Бисмарка. «Договор перестраховки» мог только замедлить опасное для Германии франко-русское сближение, но не предотвратить его. Проблемы превентивной войны вызвали серьезные разногласия между канцлером и военным руководством.

Во внутривнутриполитическом плане 1890 год также стал важным рубежом, так как произошел развал картеля — иницированного Бисмарком союза национал-либералов, имперской партии и консерваторов. 1889 и 1890 гг. стали рекордными по количеству стачек — более тысячи. Репрессивные методы борьбы с рабочим движением оказались явно неэффективными. Потерпели крушение и надежды правящих кругов на «умиротворение» рабочих «социальной реформой».

Если Вильгельм II был уверен, что его демагогическая «христианско-социальная политика» спасет страну от революции, то Бисмарк готов был спровоцировать рабочих на восстание, чтобы подавить его силой оружия. Однако в январе 1890 г. рейхстаг отказался продлить действие Исключительного закона против социалистов. Поражение имперского правительства в рейхстаге современники оценивали как «начало конца эры Бисмарка».

Человек крайне тщеславный и неуравновешенный, Вильгельм II не мог больше «сосуществовать» рядом с всемогущим канцлером и такой незаурядной личностью, какой был Бисмарк. Мечтая о «мировой политике», он считал европейскую политику канцлера провинциальной, а также полагал, что тот слишком запутался в своих связях с Петербургом. Обвинив Бисмарка в сокрытии донесений германского консула в Киеве о том, «что русские находятся в разгаре стратегической подготовки для вступления в войну», кайзер пошел на окончательный разрыв с ним. В марте 1890 г. Бисмарк вынужден был уйти в отставку.

Прусский юнкер, сыгравший главную роль в создании Германской империи, крупный государственный деятель и дипломат, Бисмарк потерпел серьезные неудачи во внутренней и внешней политике. Незадолго до своей смерти, глядя в Гам-

бурге на океанские корабли, готовые выйти в далекое плавание, он сказал: «Да, это другой мир, новый мир...»

После отставки Бисмарка германским канцлером и министром-президентом Пруссии (до 1892 г.) стал генерал *Лео фон Каприви*, ранее возглавлявший адмиралтейство и командовавший армейским корпусом. Не веря в возможность превращения Германии в мировую державу, Каприви проводил внешнюю политику, направленную на дальнейшее укрепление ее позиций на Европейском континенте. Для достижения этой цели он добивался всемерного усиления армии и одновременно ограничения сферы действий военно-морского флота защитой побережья страны. Он разделял мнение о неизбежности войны с Россией и выступал против возобновления «перестраховочного договора». Каприви считал, что Германия должна готовиться к войне на два фронта — против Франции и России — и проводил курс на сближение с Англией.

Летом 1890 г. было заключено англо-германское соглашение, так называемый Гельголанд-Занзибарский договор, урегулировавший пограничные вопросы в Восточной, Западной и Юго-Западной Африке. Германия пошла на значительные территориальные уступки Англии. За это она получила стратегически важный о. Гельголанд в Северном море, а также некоторые другие территории.

После заключения Гельголандского договора германские колониальные организации, объединения сторонников протекционизма, предпринимателей тяжелой индустрии, националистические союзы решили действовать согласованно, чтобы заставить правительство проводить устраивающий их внешнеполитический курс. Так в 1891 г. возникла организация наиболее реакционных и шовинистических элементов — *Пангерманский союз*, выступивший под лозунгом аннулирования Гельголандского договора. С самого начала политика Пангерманского союза была направлена против Англии как главного соперника Германии на колониальном поприще.

Правительство Каприви выполнило лишь незначительную часть обещаний, данных кайзером немецким трудящимся. Оно ограничилось установлением обязательного воскресного отдыха, введением 11-часового рабочего дня для женщин и запрещением труда детей до 13-летнего возраста в фабрично-заводской промышленности.

В 1891 г. правительство Каприви заключило двусторонние торговые договоры с Австро-Венгрией, Италией, Бельгией и

Швейцарией, а в 1893—1894 гг. — торговые договоры с Испанией, Сербией, Румынией. За этими договорами четко просматривалась концепция «Срединной Европы», в которой Германия должна была занимать доминирующие экономические позиции, а в перспективе возглавить ее и политически. Торговая политика Каприви отражала идею более тесного таможенно-политического сплочения «Срединной Европы», направленного против Британской империи, России и Соединенных Штатов Америки. После полутора лет таможенной войны с Россией Каприви в 1894 г. пошел на заключение с ней торгового договора, но разрушить франко-русский союз было уже невозможно. Между тем проникновение на германский рынок иностранного, особенно русского, хлеба вызвало недовольство крупных землевладельцев. В 1893 г. германские аграрии создали *Союз сельских хозяев*, начавший борьбу против «нового курса» Каприви.

Благоприятствование германской экспортной промышленности двусторонними торговыми договорами нарушало «деликатное» равновесие между сельским хозяйством и индустрией. Именно аграрии и их политические заступники добивались отставки Каприви, что и произошло в 1894 г. после отклонения им планов государственного переворота и отказа внести в рейхстаг законопроект, направленный против германской Социал-демократической партии.

Кайзер назначил канцлером своего 75-летнего дядю, крупного землевладельца князя Хлодвиг Гогенлоэ-Шиллингсфюрста. Прежде он был баварским министром-президентом, депутатом рейхстага и дипломатом. Получая тайные выплаты из личных средств кайзера, он находился в полной зависимости от него. Вильгельм II пользовался этим, чтобы как никогда раньше вмешиваться в проведение внутренней и внешней политики.

В годы правления Гогенлоэ осуществлялась «политика сплочения» крупных промышленников и аграриев, выдвинувших на передний план свои общие интересы. Правительство противодействовало какому-либо расширению демократических прав трудящихся и продолжало репрессии против социалистов.

Несмотря на это, после прекращения действия Исключительного закона СДПГ вышла из подполья. Принятая ею в 1891 г. на съезде в Эрфурте новая программа провозглашала конечной целью партии создание социалистического общест-

ва. В ней выдвигались требования прямого народного законодательства, установления общественной собственности на средства производства, провозглашался принцип пролетарского интернационализма. Программа содержала требования всеобщего избирательного права для граждан старше 20 лет, создания народной милиции вместо постоянных армий, введения прогрессивного подоходного налога, установления 8-часового рабочего дня, свободы союзов и права на проведение стачек и т. д. Эрфуртская программа служила образцом для других социал-демократических партий.

Ширилось влияние социал-демократии в массах. На выборах в рейхстаг СДПГ получила десятки мандатов и создала активную фракцию. Она издавала около 70 газет и журналов, много пропагандистской литературы. Поддерживавшая СДПГ Генеральная комиссия свободных профсоюзов Германии объединяла почти полмиллиона членов этих союзов. В течение четырех лет, с 1896 по 1899 г., немецкие рабочие провели свыше 3 тыс. стачек.

Во второй половине 90-х годов выразителем настроений значительной части социал-демократов и членов профсоюзов стал Э. Бернштейн, видный деятель СДПГ, опубликовавший книгу «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». В ней он доказывал, что происходит смягчение классовых противоречий, высказывался против экспроприации буржуазии и обобществления средств производства. Придавая исключительное значение реформам, он писал о социализме: «Эта цель... для меня ничто, движение же — всё». Бернштейн призывал ориентироваться не на революцию, а на продвижение к социализму посредством реформ.

Но многие видные деятели СДПГ — В. Либкнехт, А. Бебель, К. Каутский, Р. Люксембург — отстаивали прежние взгляды и доказывали необходимость революции. Бернштейна и его сторонников называли *ревизионистами*. Большинство партийных организаций отвергло ревизионистские взгляды и заявило о своей верности марксизму. Однако разногласия в СДПГ не способствовали ее укреплению. Их использовали как либералы, так и консерваторы.

Начало германской «мировой политики», Крупные немецкие промышленники и банкиры, тесно связанные с юнкерством, являлись главной движущей силой германского экспансионизма. Все возрастающее влияние на

политику правительства оказывал Пангерманский союз, выступавший за установление германского мирового господства. Пангерманцы требовали присоединения к Германии территорий, заселенных австрийскими немцами, северо-восточных районов Франции, Голландии, Бельгии, Скандинавских стран. Базой для реализации этих планов должна была служить находящаяся под германской эгидой «Срединная Европа». Пангерманцы призывали к захвату английских, французских, португальских, бельгийских колоний. Они настаивали на отторжении от России Прибалтики, намечали захват Польши, Украины и даже Кавказа, откуда намеревались угрожать Британской Индии. Османскую империю они собирались превратить в германскую колонию. Ими разрабатывались проекты создания огромной германской колониальной империи — «Срединной Африки», а также установления господства Германии на Американском континенте.

18 января 1896 г. в связи с 25-й годовщиной провозглашения прусского короля германским кайзером Вильгельм II объявил о том, что «Германская империя стала мировой империей», указав тем самым общее направление, в котором и стала развиваться ее «мировая политика».

В конце 90-х годов важнейшие государственные посты в Германии заняли люди, утверждавшие, что немцы не имеют «жизненного пространства». Видным представителем этого направления был *Бернхард фон Бюлов*, ставший в 1900 г. канцлером Германской империи.

Обладая редкой способностью подхватывать вызревающие в правящих кругах идеи и в яркой форме преподносить их общественности, Бюлов, выступая в рейхстаге в 1897 г., заявил о том, что «времена, когда немец уступал одному соседу сушу, другому — море, оставляя себе одно лишь небо... эти времена миновали... Мы требуем и для себя места под солнцем».

Для реализации официально провозглашенного курса «мировой политики» использовались все средства — политические, идеологические, экономические и военные. Важная роль отводилась армии и флоту. Еще Бисмарку удалось свести влияние рейхстага на вооруженные силы к праву утверждения военного бюджета, оставив все вопросы управления войсками, кадровой политики и организации армии в исключительном ведении короны. Это позволяло аристократической элите контролировать армию в качестве мощного инструмента власти внутри страны.

Германское военное руководство разделялось на три части: военное министерство, военный кабинет и Большой Генеральный штаб. В ведение военного министерства входили все бюджетные вопросы, кадровый состав, вооружение и организация войск. Компетенция Генерального штаба была в мирное время ограничена стратегическим планированием, командно-штабными учениями и военно-историческими исследованиями. Военный кабинет, самое небольшое из трех руководящих военных учреждений, занимался только кадровыми вопросами, однако он был ближе всех к кайзеровскому двору.

Особое положение занимала кайзеровская Главная квартира, являвшаяся детищем «личного правления» Вильгельма II. Это учреждение подготавливало для кайзера политические донесения германских военных атташе, а также предложения по стратегическим вопросам, исходившим от Генерального штаба. Система управления армией была ориентирована на всемерное усиление личной командной власти Вильгельма II.

Важнейшим итогом стратегического планирования стала разработка шефом прусско-германского Генерального штаба (в 1891—1905 гг.) генералом *Альфредом фон Шлиффеном* плана войны на два фронта — против России и Франции. Создание грандиозного военно-морского флота, по мнению германских правящих кругов, должно было положить конец британскому владычеству на морях. В 1898 г. рейхстаг принял первую большую морскую программу. Широкую агитацию за строительство военно-морского флота развернул адмирал *Альфред фон Тирпиц*, «творец» германского флота, и поддерживавший его Флотский союз.

Вильгельм II стремился продемонстрировать миру решимость и военную силу. Воспользовавшись убийством в китайской провинции Шаньдун двух немецких миссионеров, Германия в конце 1897 г. высадила в бухте Цзяо-Чжоу (Киאו-Чао) военно-морской десант. Китайскому правительству был навязан неравноправный договор об аренде этой бухты, а германские монополии получили право строить в Шаньдуне железные дороги и эксплуатировать природные ресурсы. В 1900—1901 гг. Германия приняла активное участие в интервенции великих держав, предпринятой для подавления народного восстания ихэтуаней в Китае. Главнокомандующим войсками карателей был назначен германский фельдмаршал граф Вальдерзее.

Активизировалась германская экспансия на Ближнем Востоке. Еще в 1888 г. Немецкий банк получил в Турции первую концессию на строительство Анатолийских железных дорог. В 1898 г. Вильгельм II во время паломничества по святым местам Палестины заявил, что является другом и защитником 300 млн мусульман, почитающих турецкого султана как своего халифа.

После переговоров договор о строительстве Багдадской дороги, которая должна была связать Берлин через Босфор, Малую Азию и Месопотамию с Персидским заливом, был подписан Немецким банком и правительством Турции в 1903 г. Благодаря деятельности в Стамбуле в 1882—1895 гг. германской военной миссии фон дер Гольца немецкие фирмы, прежде всего фирма Круппа, добились фактической монополии на поставки вооружения и военных материалов в Турцию. Османская империя стала одним из важнейших регионов экспорта германского капитала, политическое влияние Германии в этой стране неуклонно возрастало.

Расширение германской экспансии сопровождалось ростом межгосударственных противоречий. Если строительство мощного военно-морского флота было сопряжено с крайним обострением германо-английских отношений, то строительство Багдадской железной дороги раздражало царскую Россию, которая усматривала в усилении германского влияния в Турции препятствие на пути к захвату Черноморских проливов.

Финансовая олигархия и политическое развитие в стране в начале XX в. В первые годы нового столетия Германия обгоняет Великобританию по уровню промышленного производства. Особенно быстрыми темпами развивалась тяжелая индустрия: горнорудная, металлургическая, машиностроительная. Для ее роста особое значение имели военные заказы.

Экономический кризис 1900—1903 гг. привел к дальнейшей концентрации промышленного и банковского капитала. Если в 1900 г. в Германии насчитывалось 300 картелей, то в 1905 г. их число возросло до 385 при участии в них около 12 тыс. предприятий. В 1911 г. картелей в стране было уже около 600.

Контроль над тяжелой и военной индустрией осуществляли такие промышленные магнаты, как Кирдорф, Крупп, Стиннес, Тиссен и др. Тяжелая промышленность оказалась наибо-

лее монополизированной областью германской экономики. Так, в 1904 г. был основан Стальной трест, а в 1905 г. возник Верхнесилезский союз сталелитейных заводов. В электротехнической промышленности господствующие позиции заняли два концерна: «Сименс-Гальске и Сименс-Шуккерт» и «Всеобщее электрическое общество» (АЭГ).

К началу мировой войны централизация капитала привела к образованию пяти банковских концернов, господствовавших на финансовом рынке страны. Это были группы Немецкого банка, Учетного общества, Дрезденского, Дармштадтского банков и Шафгаузенский банковский союз.

В борьбе за рынки сбыта и источники сырья германские монополии развернули зарубежную экономическую экспансию, используя методы «мирного проникновения». В 1905 г. германские инвестиции за границей оценивались в 15—18 млрд марок, а накануне Первой мировой войны — в 35 млрд марок, что равнялось почти половине суммы английских зарубежных капиталовложений.

Союз германской финансовой олигархии с монархией Гогенцоллернов и юнкерством располагал мощными финансами и передовой в техническом и организационном отношении индустрией, прочным бюрократическим аппаратом и самой сильной армией того времени. Тесные связи финансовой олигархии с государственным механизмом содействовали развитию в стране государственно-монополистического капитализма.

Политическая ситуация в стране в начале XX в. в значительной мере определялась стремлением правящих кругов проводить «политику сплочения» германского монополистического капитала и юнкерства для противодействия растущему влиянию социал-демократии и осуществления «мировой политики».

Немецко-консервативная партия выступала за усиление личной власти кайзера, за удаление из конституции каких-либо упоминаний о демократических свободах. Она сохраняла ведущее положение в государственном аппарате и прусском ландтаге.

Католическая партия Центра, широко представленная в рейхстаге, добивалась реализации своей программы христианско-социальных реформ, в том числе справедливого рабочего законодательства, защиты национальных интересов поляков, эльзасцев и т. д. В то же время депутаты-католики в решаю-

щих вопросах поддерживали политику правительства и противостояли социал-демократам.

Национал-либеральная партия опиралась на Центральный союз германских промышленников и массовые милитаристские и националистические организации, такие, как Пангерманский союз. В 1904 г. наиболее реакционные элементы национал-либералов и некоторые консерваторы вступили в Имперский союз борьбы против социал-демократии.

Если связанные с финансовой олигархией деятели толкали Национал-либеральную партию к сотрудничеству с консерваторами, то другие, выражавшие интересы немонополистических кругов промышленников, особенно южногерманских земель, настаивали на сотрудничестве с либеральными партиями мелкой и средней буржуазии и либеральной интеллигенции — Свободомыслящей народной партией, Свободомыслящим объединением и Немецкой народной партией, на осуществлении некоторых либеральных реформ. Эти либеральные партии выступали за демократическую реформу избирательной системы, расширение самоуправления общин и благоприятные для рабочих изменения в трудовом законодательстве. В 1910 г. все три партии объединились в *Прогрессивную народную партию*. Но привлечь к себе значительные слои избирателей она не смогла.

Решение задачи консолидации всех сил господствующих классов было возложено на Бернхарда фон Бюлова. Особые трудности правительство Бюлова испытывало в борьбе с возрастающей активностью рабочего класса и оппозиционными настроениями демократической общественности, на которые большое влияние оказала революция 1905—1907 гг. в России. СДПГ и демократические круги выступали за равноправие избирателей в Пруссии, Саксонии и Гамбурге, устраивали демонстрации и забастовки. Стачечным движением в Германии в 1905 г. было охвачено около полумиллиона рабочих. На съезде СДПГ, проходившем в сентябре 1905 г. в Йене, подавляющим большинством голосов была принята резолюция в поддержку массовой политической стачки для защиты избирательного права и права на коалиции. В 1906 г. в Гамбурге состоялась первая в стране массовая политическая забастовка. Протесты социал-демократов помешали проискам правящих кругов, направленным против революции в России.

СДПГ, демократические круги и даже часть партии Центра решительно осудили жестокое подавление немецкими войска-

ми антиколониального восстания народов гереро и нама (готтентотов) 1904—1907 гг. в Германской Юго-Западной Африке.

Однако соотношение сил в стране изменилось в результате создания консервативно-либерального «бюловского» блока, объединившего сторонников консерваторов, национал-либералов и «свободомыслящих». На состоявшихся в январе 1907 г. выборах в рейхстаг, получивших название «готтентотских», эти партии в обстановке шовинистического угара нанесли поражение социал-демократам, а их блок стал опорой правительства.

Все же конфликты между консерваторами и либералами вскоре привели к развалу этого блока. В 1909 г. в рейхстаге сложилось новое консервативно-клерикальное большинство — «черно-голубой блок» (черные одежды церковников и «голубая кровь» дворян), а национал-либералы оказались в оппозиции. Имперским канцлером и прусским министром-президентом по рекомендации Бюлова в 1909 г. стал *Теобальд фон Бетман-Гольвег*, остававшийся на этих должностях до 1917 г. Новый глава правительства ранее занимал важные посты в прусской администрации и умело сочетал взгляды крупной буржуазии и юнкерства по проблемам внутренней и внешней политики. Несмотря на тактические разногласия между ними, при существующих условиях он вполне соответствовал их общим интересам. Бетман-Гольвег страстно выступал в защиту флотских вооружений и колониальной политики. Он был убежден в том, что нужно подорвать влияние социал-демократии с помощью социального законодательства и подавить ее суровыми репрессивными мерами.

Реакционные круги все чаще нарушали конституционные права граждан. 9 марта 1910 г. полиция разогнала демонстрацию рабочих в Берлине. В рейхстаге реакционеры пользовались поддержкой самого кайзера. «Мой рейхстаг, — писал Вильгельм II своему кузену Николаю II, — постоянно колеблется между социалистами, подталкиваемыми евреями, и ультрамонтанами-католиками; обе партии, насколько я понимаю, скоро созреют для того, чтобы всем вместе быть повешенными».

Настойчивые выступления за улучшение и исполнение законов об охране труда, за демократизацию избирательной системы, жесткая критика милитаризма и борьба за социальную справедливость привлекли на сторону СДПГ не только многих рабочих, но и представителей других слоев населения.

Количество членов партии возросло к 1914 г. до 1 млн. С 1903 по 1912 г. число голосов, поданных за нее на выборах, увеличилось в полтора раза и достигло 4,5 млн. СДПГ располагала сильной фракцией в рейхстаге, сотнями депутатов в ландтагах и муниципалитетах.

Большинство руководителей СДПГ считало, что поражение российской революции является предостережением против ориентации на революционные методы борьбы и выступало за осуществление реформ. Правые преобладали и в социал-демократической фракции рейхстага. Для сохранения единства СДПГ А. Бебель и другие ведущие деятели партии шли на уступки ревизионистам. Теоретик германской социал-демократии К. Каутский критиковал эти уступки и осуждал ревизионизм, но примерно с 1910 г. стал рассматривать его как разновидность марксизма. Он пришел к выводу, что завоевание социал-демократией большинства в рейхстаге откроет стране путь к социализму. Каутского и его сторонников в партии называли центристами.

Иную линию проводили социал-демократы, возглавляемые К. Либкнехтом, Р. Люксембург, Ф. Мерингом и К. Цеткин. Их называли левыми. Они доказывали, что настало время для социалистической революции, призывали сочетать политическую и экономическую борьбу, организовывать массовые акции вплоть до политических стачек и вооруженных выступлений.

Серьезной силой были ориентировавшиеся на СДПГ свободные профсоюзы, объединившие к 1913 г. 2,5 млн трудящихся. Проведенная в 1912 г. забастовка 215 тыс. горняков Рурского бассейна повлекла за собой массовые стачки шахтеров в Саксонии, Верхней Силезии и Баварии. Но все усилия левых, направленные на превращение СДПГ в революционную партию, оказались тщетными, и в германской социал-демократии преобладало сотрудничество между центристами и ревизионистами.

Правящим кругам не удалось добиться консолидации всех лояльных режиму сил, В Германии складывались две партийно-политические группировки, предлагавшие различные пути решения внутренних и внешних проблем. В одну из них входили консерваторы, большая часть национал-либералов и членов реакционных организаций, включая Союз сельских хозяев. Эта пангерманско-прусская группировка требовала ликвидации конституционных свобод, подавления рабочего и демокра-

тического движения, расширения личной власти кайзера и ускорения подготовки войны за передел мира. Другая, либерально-монархическая, группировка, объединявшая часть национал-либералов, большинство католической партии Центра и Прогрессивную народную партию, выступала за проведение либерально-демократических реформ и предпочитала мирную экспансию.

Преобладающим влиянием на правительство и кайзера пользовалась пангерманско-прусская группировка. Вильгельм II постоянно вмешивался в управление страной, угрожая отменить конституционные порядки.

На пути к мировой войне. Первые успехи «политики силы» укрепили в правящих кругах Германии уверенность в безграничности ее возможностей. Среди поборников «мировой политики» сложились два течения, которые различались методами реализации намеченных целей. Юнкерство и хозяева тяжелой индустрии настаивали на насильственном захвате чужих территорий. Выразителем их взглядов был Пангерманский союз и его дочерние организации. Более гибкой линии придерживались представители крупного банковского капитала, владельцы новых отраслей промышленности — химических и электротехнических концернов, а также промышленности готовых изделий. Они были сторонниками косвенных методов экспансии, в частности в форме средневропейского экономического союза под эгидой Германии. Между обеими «фракциями» господствующих классов имелись многочисленные точки соприкосновения, что особенно ярко проявлялось во время кризисных ситуаций, возникавших на мировой арене.

Правящие круги Германии не отказывались от эпизодического сотрудничества со своими конкурентами, но стремились использовать имевшиеся между ними расхождения. Так, в 1901—1903 гг. Германия, Англия и Италия с помощью морской блокады принудили Венесуэлу к уплате долгов иностранным кредиторам. Во время англо-бурской войны 1899—1902 гг. германская пресса развернула активную кампанию в защиту «бурских братьев по крови», а правительство попыталось склонить Россию и Францию к совместному демаршу против Англии. Эта затея не увенчалась успехом. Но в 1905 г. во время встречи в Бьёрке (близ Выборга) Вильгельму II удалось убедить Николая II подписать союзный договор, с помощью

которого кайзер надеялся оторвать Россию от Франции. Договор не вступил в силу, как противоречащий интересам России.

Воспользовавшись серьезным ослаблением царской России, Германия выступила против французской экспансии в Марокко. Вильгельм II по настоянию Бюлова 31 марта 1905 г. высадился в марокканском порту Танжер, где заявил, что султан Марокко как суверенный правитель всегда может рассчитывать на дружбу германского кайзера, и потребовал для Германии «равных» с другими державами прав в этой стране. Речь Вильгельма II была воспринята во Франции и Великобритании как открытый вызов. На международной конференции 1906 г. в испанском городе Альхесирасе Германия оказалась в изоляции, получив поддержку лишь со стороны Австро-Венгрии. После этого Германия отказывалась от участия в каких-либо конференциях, призванных разрешать международные кризисы.

Германия решительно встала на сторону Австро-Венгрии, объявившей в 1908 г. об аннексии Боснии и Герцеговины. Противодействие Белграда Германия сломала, хотя и завуалированной, угрозой войны, когда Россия не была готова с оружием поддержать Сербию. Петербург вынужден был отступить.

В 1909 г. между Берлином и Парижем было достигнуто соглашение о равных возможностях экономической эксплуатации Марокко, причем Германия признала политическое преобладание Франции в этой стране. Но когда в 1911 г., воспользовавшись восстаниями местных племен, французские войска заняли столицу Марокко г. Фес, Германия направила в порт Агадир на Атлантическом побережье канонерскую лодку «Пантера» якобы для защиты жизни и имущества немецких предпринимателей и германских интересов вообще. Этот второй Марокканский — Агадирский кризис вполне мог перерасти в вооруженный конфликт. Резко обострились не только франко-германские, но и англо-германские отношения. В конце концов Германия была вынуждена согласиться с установлением французского протектората над Марокко, сохранив за собой право экономической деятельности в этой стране и получив в качестве компенсации болотистые территории во Французском Конго.

Сооружение Багдадской железной дороги являлось основным орудием проникновения германского капитала в Османскую империю и представляло реальную угрозу финансово-

экономическим и политическим позициям Франции и Англии в этой стране, а ее выход через Месопотамию к Персидскому заливу открывал Германии путь в Британскую Индию. Багдадская магистраль ставила под удар позиции России в Закавказье, препятствовала реализации ее замыслов овладения Черноморскими проливами, а германский «рывок в Персию» приводил к столкновению интересов Германии с интересами и Англии и России одновременно. Деятельность германских военных миссий в Османской империи все прочнее привязывала эту страну к германо-австрийскому блоку.

Англо-германское соперничество приобрело особенно острый характер в связи со строительством мощного германского военно-морского флота, начиная с 1898 и 1900 г. В 1906 и 1908 гг. в Германии были приняты новые законы о флоте. Приступив вслед за Англией к закладке дредноутов, сверхтяжелых линейных кораблей с мощным артиллерийским вооружением, Германия попыталась преодолеть неоспоримое преимущество «владычицы морей». Англо-германское морское соперничество становилось одной из центральных проблем в дипломатических контактах между Берлином и Лондоном.

Бетман-Гольвег проводил «политику диагоналей». В то время как в противостоянии с Россией и Францией Германия делала ставку на свое военное и индустриально-техническое превосходство в считавшейся более вероятной континентальной войне, в центре глобальных расчетов Берлина стояло политическое соглашение с Англией о нейтралитете. Однако переговоры с британским военным министром Р. Холденом в 1912 г. окончились безрезультатно из-за отказа германской стороны пойти на серьезные ограничения гонки морских вооружений. Более того, в том году рейхстаг принял дополнение к закону о флоте, имевшее особое значение для непосредственной подготовки к войне. Военно-морской флот Германии подлежал увеличению почти на 60% крупных боевых единиц. Англия в ответ на это решила строить в дальнейшем по два корабля на каждый немецкий корабль.

В конце первой Балканской войны 1912 г. Холден предупредил германского посла в Лондоне о последствиях возможного нападения Австро-Венгрии на Сербию и заявил о том, что Англия не допустит нового разгрома Франции Германией. «Военный совет», проведенный Вильгельмом II 8 декабря 1912 г., определил курс усиленной гонки сухопутных вооружений, дипломатической и психологической подготовки Германии к

«ограниченной» континентальной войне против России и Франции. Весной 1913 г. правящими кругами Германии было принято решение о необходимости превентивной войны против Франции и России. Между генеральными штабами центральных держав велись переговоры о реализации разработанного еще в 1905 г. плана Шлиффена — быстрого разгрома Франции до начала активных действий со стороны России.

Пытаясь добиться нейтралитета Англии в надвигавшейся войне, Германия провела с ней переговоры о Багдадской железной дороге и о разделе португальских колоний. Однако до ратификации парафированных соглашений дело так и не дошло.

С весны 1914 г. в германской прессе была развернута шумная кампания, преследовавшая цель изобразить Россию главным противником Германии в надвигавшейся войне. За этим скрывался расчет на то, что СДПГ в соответствии со своей антицаристской традицией поддержит войну с Россией, если последняя будет выглядеть агрессором, и что в такой войне Англия останется нейтральной. Правящие круги страны считали, что Германия располагает достаточной мощностью для успешного ведения вооруженной борьбы за мировое господство.

ГЛАВА 21 Противоборство сил интеграции и дезинтеграции в Австро-Венгерской монархии

Консолидация системы дуализма. Ранее централизованная Австрийская империя в 1867 г. стала *двуединой* (дуалистической, двухцентровой) и получила название *Австро-Венгрия*. Для династии Габсбургов во главе с императором *Францем Иосифом* (годы правления 1848—1916) это был вынужденный шаг из-за упорного сопротивления Венгрии венскому абсолютизму, а также поражений империи и войнах против Италии, Франции и Пруссии в 1859 и 1866 гг. В результате радикальной реформы государственного устройства империя не только устояла, но и обрела определенную внутреннюю устойчивость и прочность. Габсбурги, правда, лишились Венецианской области, но все же империя с ее пятидесятимиллионным населением осталась самой крупной по территории (после России) державой Европы.

Австро-венгерское соглашение 1867 г. и тесный союз с Германской империей вернули империи Габсбургов ранг великой державы, хотя и не перворазрядной. Произошла крутая переориентация ее внешней политики. Вытесненная из Германии и Италии, Австрия сосредоточила свое внимание на Балканах. Здесь ее экспансионистские устремления сталкивались с интересами России, вследствие чего прежнее антиосманское сотрудничество обеих держав все чаще сменялось соперничеством. Такое сочетание общности интересов и их противоречивости в борьбе за раздел европейских владений Османской империи имело место в 1878 г., когда империя Габсбургов с согласия России сначала оккупировала османские провинции Боснию и Герцеговину, а затем аннексировала их в 1908 г.

Дуалистическое соглашение 1867 г. дало образец конфедеративного по сути своей устройства, в котором полная са-

мостоятельность во внутренних делах двух государств — Австрии и Венгрии — сочеталась с централизацией наиболее важных «общеимперских дел», подведомственных общему государю и двум его министрам — иностранных дел и военному. Для обслуживания этих министерств было создано третье — общее министерство финансов. Общие министры подчинялись Францу Иосифу, австрийскому императору и венгерскому королю, но косвенно они были подотчетны также и парламентам обоих государств, которые определяли делегации для утверждения бюджета общих министерств. Торговые и таможенные договоры с другими странами регулировались экономическими соглашениями, заключавшимися между Австрией и Венгрией на 10 лет. По истечении этого срока после длительных переговоров они возобновлялись на компромиссной основе.

Династия в лице императора-короля сохранила обширные права, унаследованные от абсолютизма. Помимо общих министров монарх назначал и увольнял глав правительств обеих частей империи, санкционировал назначение министров, утверждал законы, издававшиеся в обоих государствах, созывал и распускал парламенты, издавал чрезвычайные декреты. Под его руководством происходили совещания (советы) общих министров с участием глав обоих правительств и с привлечением в случае надобности начальника генштаба и высших должностных лиц. Он осуществлял верховное руководство внешней политикой и вооруженными силами, ревниво оберегая эти сферы власти от парламентского вмешательства.

Монаршие права существенно ущемляли суверенитет обеих частей империи. *Параграф 14-й Конституции Австрии 1867 г.* предоставлял государю возможность «в случае необходимости» непосредственно управлять страной, издавая соответствующие указы. С наступлением хронического кризиса австрийского парламентаризма в конце XIX в. Франц Иосиф все чаще прибегал к этим чрезвычайным мерам. Венгерская Конституция не знала подобных ограничений прерогатив Государственного собрания (парламента), но предварительной санкции короля подлежал любой законопроект, вносимый на рассмотрение парламента. Был единственный случай, когда на короткое время (с января 1905 г. по апрель 1906 г.) Венгрией правил неконституционный кабинет, назначенный королем вопреки парламенту.

Консолидация системы дуализма, как внутренняя, так и международно-политическая, завершилась в начале 70-х го-

дов. Решающим был 1871 г., год окончания государственного объединения Германии и Италии, Поражение Франции в войне и провозглашение Германской империи похоронили надежды венского двора на возможный реванш, ликвидацию дуализма и восстановление единой империи Габсбургов. От вступления в войну на стороне французского императора Вену удержала не только угроза русского вторжения в Галицию, но и позиция Венгрии и ее премьера. Граф *Дюла Андраши* хорошо понимал, что в случае разгрома Пруссии Венгрия не удержит своих позиций в рамках монархии. Совпадение интересов Пруссии (а затем и Германии) и Венгрии укрепило дуализм. Осенью 1871 г. «дуэт» Бисмарка и Андраши сыграл решающую роль в срыве попытки двора и чешской оппозиции дополнить, а по существу заменить австро-венгерский дуализм австро-чешско-венгерским триализмом. В начале сентября 1871 г. император подписал документ, признававший исторические права Чехии. Франц Иосиф обещал короноваться в Праге чешской короной. «*Фундаментальные статьи*», принятые сеймом в Праге, обеспечивали Чехии автономию, не совместимую, с венгерской точки зрения, с дуализмом. Соглашение 1867 г., доказывая Андраши, исключает крупные структурные изменения в одной части империи без согласия другой. Францу Иосифу пришлось уступить. Он отклонил проект реформы и отправил в отставку австрийский кабинет. Пришлось уйти и министру иностранных дел.

С ноября 1871 г. внешнеполитическое ведомство в Вене возглавил Андраши. Новый министр, не скрывавший свою неприязнь к России, взял курс на сближение с Германией. В 1879 г. он добился подписания союзного договора между Австро-Венгрией и Германией. Тем самым был сделан первый шаг к образованию в Европе военно-политических блоков.

Наращение национальных противоречий в Австрии в последней трети XIX в. Австрия и Венгрия получили буржуазные конституции, создавшие политические и правовые предпосылки сравнительно беспрепятственного развития производительных сил. В обеих странах наступила *эра индустриального прогресса*, полному развёртыванию которого мешали сохранившиеся пережитки феодализма в экономике, общественной и политической структурах (сила и влияние абсолютизма и аристократии). Прогресс, включая индустриальный бум, был особенно эффективен в Нижней

Австрии с Веной, Триесте, Верхней Австрии, в Чешских землях, Западной и Северо-Западной Венгрии, в части Баната и Трансильвании.

Неравномерность экономического развития особенно остро ощущалась в отсталых аграрных окраинах, населенных преимущественно угнетенными народами, — в Галиции, Буковине, Трансильвании, Хорватии, Закарпатской Украине. Экономическое неравенство и связанное с ним социальное недовольство усиливали межэтническую напряженность в обоих государствах монархии. Острота национальных конфликтов, однако, зависела от целого ряда факторов: уровня культуры, зрелости национального самосознания, традиций, местных условий. Национальная политика господствующих классов как Австрии, так и Венгрии в конечном счете имела общую основу — сохранение австро-немецкого господства в Австрии, мадьярского в Венгрии, хотя в силу целого ряда обстоятельств отличалась известным либерализмом, в особенности в австрийской половине империи.

В Австрии Конституция 1867 г. провозгласила идею национального равноправия, зафиксировав право народов австрийской части государства (Цислейтании) на сохранение и развитие языка и культуры. Конституция признала равноправие всех употреблявшихся в стране языков. Но формальное равноправие отнюдь не означало равенства возможностей даже в культурно-языковой сфере. Хотя австро-немецкая буржуазия не рассчитывала на ассимиляцию ненемецкого населения, составлявшего около двух третей австрийской половины империи (что делало практически недостижимой подобную цель), она добивалась упрочения немецкой гегемонии в государстве. Немецкий язык господствовал в австро-венгерской армии, высших имперских учреждениях. На немецком же языке осуществлялась переписка всех 17 цислейтанских провинций, в большинстве ненемецких по составу жителей. Каждая из австрийских провинций имела свой выборный орган — *ландтаг* (*сейм*), но более существенными атрибутами автономии обладала лишь Галиция, в восточной части которой преобладало украинское, а в западной — польское население. Добиваясь расположения польской аристократии и шляхты, Вена признала польский язык официальным языком провинции. Польские шляхтичи и аристократы стали верной опорой династии не только в Галиции, но и в самой Вене, в рейхсрате, цислейтанских и общеимперских учреждениях. Им доверялись са-

мые высшие должности — австрийских премьеров и австро-венгерских общих министров.

Привилегии, предоставленные полякам в Галиции, позволили правительству снять с повестки дня польский вопрос до конца Первой мировой войны, а заодно избавиться от забот по управлению украинским крестьянством провинции. В канун Первой мировой войны Вена делала попытки привлечь на свою сторону украинцев Восточной Галиции, а также многонациональное население Буковины — украинцев, румын, евреев, поляков. Именно поэтому здесь удалось добиться гармонизации интересов различных национальных культур и конфессий.

В то же время полную неудачу правительство потерпело в попытках погасить межнациональный конфликт в Чешских землях, где немецко-чешская конфронтация принимала все более ожесточенный характер. Провал попытки австро-чешского соглашения 1871 г. лишил Вену поддержки значительной части чешских буржуазных политиков, осуществлявших obstruction рейхсрата. Более радикальные круги национального движения (младочехи) встали на путь активной оппозиции, в результате которой деятельность местного сейма была парализована. *Эдуард Таффе*, глава австрийского кабинета (1879—1893), попытался умиротворить чехов, введя некое подобие двуязычия в Чехии, несколько расширив сферу применения чешского языка. В 1880 г. были изданы распоряжения, которые обязывали государственные и судебные учреждения провинции отвечать на обращения граждан на том языке, на котором они были составлены. Достижением чехов стало разделение Пражского университета, одного из старейших в Европе, на немецкую и чешскую части. В ответ возмущенные немецкие националисты потребовали административного разделения Чехии по этническому признаку.

Следствием обострения межнационального конфликта в Чехии явилось усиление и организационное оформление немецкого шовинизма в Австрии. Его идеологом стал дворянин *Георг фон Шённерер*, инициатор создания в 1882 г. «Немецко-национального союза». Принятая им в 1882 г. «Линцская программа» ставила целью создание «узкой» Австрии путем выделения из ее состава Буковины и Галиции, а также присоединения к Венгрии Далмации, Боснии и Герцеговины, но с сохранением чешских и словенских земель. Ни союз, ни его программа в момент зарождения не имели серьезного общест-

венного резонанса, их роковые последствия сказались спустя полстолетия, когда Австрия столкнулась с феноменом национал-социализма. В программе впервые была сформулирована идея «Немецкой Австрии» с ее присоединением в перспективе к «Великой Германии». Через два года «Линцская программа» австрийских пангерманистов была дополнена «арийскими параграфами», прообразом грядущих «арийских законов» нацистского рейха Адольфа Гитлера. Расистские установки пангерманистов и их антисемитизм оттолкнули от союза многих его членов демократического толка, вначале поверивших в искренность антикапиталистических лозунгов Шёнераера. В числе порвавших с союзом были врач *Виктор Адлер*, будущий лидер австрийской социал-демократии и публицист, уроженец Венгрии *Теодор Герцль*, будущий основатель сионизма и автор идеи создания «иудейского очага» в Палестине. Союз лишился поддержки влиятельной, еврейской по происхождению, части австро-немецкой буржуазии. Не приобрел он расположения и в правительственных кругах, а при дворе Шёнераера и его сторонников просто презирали. Пангерманизм в конце XIX — начале XX в. не имел в Австрии почвы, чего нельзя сказать о немецком национализме, пустившем глубокие корни среди судетских немцев в особенности.

Рост национализма в Австрии в 80-х годах XIX в. повлек за собой перегруппировку сил на политической арене. Политические партии стали формироваться по национальному признаку. Бывшие либералы, в частности, образовали «немецкий клуб», потребовали объявления немецкого языка государственным и установления еще более тесных контактов с Германией.

В середине 90-х годов произошло новое обострение национального вопроса в Австрии. Кабинет, возглавлявшийся польским графом *Казимиром Бадени*, в апреле 1897 г. издал распоряжение о введении в Чехии двуязычия. Указ предписывал чиновникам в течение трех лет овладеть немецким и чешским языками под угрозой увольнения с государственной службы. Демонстрации в Праге, Пльзене, Граце, Вене сторонников и противников языкового равноправия проходили в течение лета и осени и повлекли за собой человеческие жертвы. Обструкция, к которой прибегли немецкоговорящие депутаты рейхсрата, парализовала работу палаты. В парламенте вспыхивали драки, и полиции приходилось удалять депутатов из зала заседаний. Бадени, вызванный на дуэль немецким на-

ционалистом, получил ранение в руку. Дело кончилось 27 ноября отставкой правительства и роспуском рейхсрата. Таким образом, к концу века национальный вопрос стал осью политической жизни Австрии, о которой за границей стали говорить как о втором (после Османской империи) «больном человеке» Европы.

Социалистическое движение в Австрии, Национализм, пронизавший всю политическую структуру страны, начал проникать и в рабочее социалистическое движение. Первые социалистические организации, связанные с германской социал-демократией и I Интернационалом, возникли в 1868 г. и были интернациональными по составу. Провозгласив лозунг самоопределения наций, они признали идеи и принципы пролетарского интернационализма, которым следовала и созданная в **1874** г. общееавстрийская *Социал-демократическая партия*. Вскоре в партии произошел раскол на «умеренных» и «радикалов», ее организации и печать подверглись полицейским преследованиям, поводом к которым послужили анархистские акты террора. В середине 80-х годов начался новый подъем рабочего движения, результатом которого стали крупные успехи в области социального законодательства — законопроекты об ограничении рабочего дня в промышленности (10 часов для мужчин, 8 — для женщин и детей), запрещении ночного труда для детей и женщин, принудительном страховании от болезни и несчастных случаев на производстве, о воскресном отдыхе и т. д.

Подъем стачечного движения и политической активности рабочих создал благоприятные условия для устранения раскола в рядах социалистов. Усилиями В. Адлера и при содействии Ф. Энгельса в конце 1888 — начале 1889 г. учредительный съезд провозгласил создание *Социал-демократической партии Австрии*. Австрийская социал-демократия явилась одной из учредительниц новой международной организации пролетариата — II Интернационала. Следуя его установкам, в 90-е годы партия организовала первомайские демонстрации и другие массовые акции под лозунгами интернациональной солидарности. Уже за первое десятилетие своего существования партия сумела вовлечь в профсоюзное движение свыше 100 тыс. рабочих. О росте ее политического влияния свидетельствует избрание в парламент в 1897 г. 14 социалистов.

Однако интернациональное единство австрийской социал-демократии было подорвано межнациональным конфлик-

том в чешских землях. На съезде партии в 1896 г. лидеры чешских социалистов потребовали признания автономии чешских организаций. К концу года они добились раскола общеавстрийского профсоюзного движения. Логическим завершением этого процесса стало превращение в 1897 г. единой социал-демократии Австрии в федерацию практически самостоятельных национальных социал-демократических партий. Австрийские социалисты не сумели справиться с национальным вопросом. Сказалось отсутствие национальной программы, ибо декларативное признание национального равноправия и права на самоопределение уже не могло удовлетворить рабочих угнетенных народов.

В 1899 г. партийный съезд в Брно (Брюнне) принял «*Брюннскую программу*» — первую в истории международного рабочего движения специальную программу решения национального вопроса. Это решение, говорилось в преамбуле, возможно лишь в демократическом обществе, свободном от всяких привилегий и всякого подавления. Программа нацеливала сознательный пролетариат на борьбу прежде всего против «бюрократически-государственного централизма» и на организацию административно-политического устройства с учетом этнического фактора на основе равноправия народов Австрии. Первое из требований гласило, что Австрия должна быть превращена в демократическое союзное государство национальностей. Вместо коронных земель предусматривалось создать национально разграниченные образования. Права национальных меньшинств этих областей гарантируются законом. Съезд отклонил предложенную ему группой югославянских социалистов так называемую культурно-национальную автономию. Последняя, как и в целом проблема «социализм и национальный вопрос», в дальнейшем была развита в трудах Карла Реннера и Отто Бауэра, виднейших теоретиков «австро-марксизма». Позитивным в австрийской программе было установление тесной связи между решением национального вопроса и осуществлением последовательного демократизма во всех сферах жизни, забота о положении национальных меньшинств.

Венгрия в системе дуализма 1867—1899 гг. Подписав дуалистическое соглашение, Венгрия на несколько десятилетий рассталась с мечтой о полной государственной независимости, за которую было пролито столько крови в 1848—1849 гг. и ранее. Она была вынуждена уступить

часть своего суверенитета короне и принципу общности с Австрией. Но и выгоды Венгрия получила немалые. Она обрела внутреннюю самостоятельность, восстановила территориальную целостность королевства в его исторических границах, добилась политического равноправия с Австрией. Венгрия получила возможность оказывать влияние на внешнеполитический курс империи. Был восстановлен конституционный строй с парламентом и ответственным перед ним правительством. Целым рядом либеральных реформ 60—70-х годов, касающихся государственного аппарата, школьной системы, судопроизводства, взаимоотношений государства с церковью, были созданы предпосылки для капиталистического развития. Однако сохранялись сильные пережитки феодализма: крупное землевладение, политическая и общественная роль аристократии и дворянства, некоторые атрибуты абсолютизма. В последней трети XIX — начале XX в. Венгрия выдвинулась в число стран с развитым сельским хозяйством и обрабатывающей его продукты промышленностью. Причиной тому были не только трудолюбие крестьян, благоприятный климат и плодороднейшие почвы, но и наличие дешевого кредита: денежные рынки Вены и других банковских центров Европы широко открылись для инвестиций в венгерскую экономику, ибо безопасность капитала благодаря Соглашению 1867 г. и политической консолидации была гарантирована. К тому же венгерское сельское хозяйство получило в свое почти монопольное распоряжение быстро растущий рынок Австро-Венгерской монархии, защищенный по настоянию венгерских аграриев таможенными барьерами от внешних конкурентов. Одним из последствий этого было ухудшение отношений империи с Сербией и другими аграрными странами Балкан, реализовывавшими свою продукцию в империи Габсбургов. Обойдя конкурентов, Венгрия вскоре перешла от экспорта зерна к экспорту муки. В кратчайшие сроки была создана первоклассная мукомольная промышленность, не уступавшая американской и державшая первое место в Европе. Именно сельское хозяйство оказалось тем рычагом, который потянул за собой всю экономику. К началу XX в. Венгрия обладала разветвленной сетью железных дорог. Интересами сельского хозяйства были продиктованы масштабные работы по регулированию стока Тисы, Дуная, их притоков, строительство дамб, каналов, осушение болот, расширение пахотной площади на миллионы гектаров.

Социальный вопрос. Громадные барыши крупных землевладельцев (помещиков, церкви, казны), державших в своих руках свыше 40% земли, делали все более непереносимым социальное неравенство и нищету деревенской бедноты, на долю которой приходилось менее трети земли. В результате к концу века в стране образовалась громадная армия аграрного пролетариата на сезонных работах (уборка урожая, строительство и др.). Промышленность, несмотря на быстрые темпы роста, могла лишь частично использовать труд тысяч безземельных крестьян. Концентрация их в Будапеште и других промышленных центрах на рубеже веков резко усилила социальную напряженность в обществе. Возникли объективные условия для обострения социальных противоречий и для активизации угнетенных групп населения.

Особенно активную роль играли немецкоязычные рабочие. Рабочая демонстрация, состоявшаяся в июне 1871 г. в Будапеште в знак солидарности с Парижской коммуной, послужила поводом для жестоких преследований социалистических организаций. Социалистическое движение оправилось от этих ударов лишь во второй половине 70-х годов, когда его возглавил венгерский рабочий *Лео Франкель*, министр труда Парижской коммуны. Его усилиями в 1880 г. была создана первая в истории Венгрии социалистическая *Всеобщая рабочая партия*.

Но переход руководства к деятелям, ставшим на путь соглашения с властями, привел партию к упадку. Понадобилась помощь II Интернационала и австрийской социал-демократии, чтобы возродить движение. В конце декабря 1890 г. состоялся съезд, который провозгласил создание *Социал-демократической партии Венгрии*. Партия возглавила экономическую и политическую борьбу рабочих всех национальностей, уделяя большое внимание просветительской работе и созданию профсоюзов. Работа агитаторов-социалистов и пропаганда через печать привлекли к социалистическим идеалам внимание не только городских рабочих, но и деревенской бедноты. Это сыграло важную роль в возникновении в середине 90-х годов крупных волнений аграрного пролетариата, названных «аграрно-социалистическими движениями», так как их участники прибегали к чисто пролетарским методам борьбы — стачкам и политическим демонстрациям, Власти жестоко подавили эти движения.

Национальная проблема в Венгрии. Во второй половине 80-х годов из-за разногласий по поводу заключения очередного десятилетнего экономического соглашения стали быстро ухудшаться отношения между Австрией и Венгрией. Налаженный дуалистический механизм дал первую заметную трещину. Правящая верхушка Венгрии, пользуясь внутривластными трудностями австрийского партнера, ослабленного чешско-немецким конфликтом, добивалась расширения своих прав в дуалистическом альянсе. Но это была опасная игра, так как она подогревала национальное самлюбие мадьяр, которое обращалось теперь не только против национальностей Венгерского королевства, но и против Австрии.

Более ощутимых успехов господствующие классы Венгрии достигли в подавлении угнетенных народов. Жесткой национальной политикой им удалось утвердить мадьярскую гегемонию в многонациональной Венгрии, где мадьярский элемент, хотя и превосходил других по численности, влиянию и силе, составлял только чуть больше половины населения (без Хорватии). В 1868 г. парламент принял закон «о равноправии национальностей», который, провозгласив королевство единым национальным государством, установил, что все его подданные независимо от языка, религии, национальности равноправны и составляют «единую венгерскую политическую нацию». Попытки принудительной мадьяризации национальностей, предпринимавшиеся особенно активно с 70-х годов с целью превращения королевства в единое национальное мадьярское государство, потерпели фиаско. Они лишь усугубили ситуацию в стране.

Межнациональные противоречия в Венгрии не приняли характера открытого конфликта, как это было в Австрии. Загнанные вглубь, они даже не ощущались сколько-нибудь заметно на поверхности политической жизни. Достигалось это целенаправленной национальной политикой, чрезвычайно ограниченным избирательным правом, закрывшим двери парламента для представителей народных масс, особенно угнетенных национальностей, а также своеобразием конституционного и административного устройства государства. В отличие от Австрии, в Венгрии не было коронных земель со значительным самоуправлением. Венгерская Конституция не признавала никаких коллективных прав народов королевства. Единственное исключение было сделано для Хорватии — Славонии, получившей автономию по Венгеро-хорватскому соглашению 1868 г.

На пути к мировой войне и распаду. Последние десятилетия монархии. В XX век Австро-Венгрия вступила с хорошо развитой промышленностью, сельским хозяйством, культурой, но с явными признаками серьезной болезни, подтачивавшей последнюю форму ее существования — дуализм. Промышленность обеих стран характеризовалась высоким уровнем концентрации производства и капиталов, особенно в новейших отраслях, таких, как электротехника, энергетика, химия и т. д. В этих отраслях, а также в горнорудной промышленности, металлургии, машиностроении, пищевой промышленности ключевую роль стали играть картели, наиболее распространенная форма монополий в монархии. Резко возросла роль финансового капитала. Несколько крупнейших венских, пражских, будапештских банков контролировали всю экономику империи. Быстрое сращивание финансового капитала с крупнопоместной аристократией обеспечило рост общественного престижа и политического влияния крупной и пестрой по этническому составу буржуазии. Разбогатевшие банкиры и предприниматели скупали поместья, а заодно и баронские титулы. Потомственная аристократия охотно предоставляла им возможность украшать своими громкими именами и титулами списки правлений банков и корпораций.

Несмотря на экономический кризис 1903 г., экономика Австро-Венгрии в целом в предвоенные годы (до 1913 г.) характеризовалась стабильностью развития. Об этом свидетельствовали средние ежегодные показатели прироста производства: 3,8% — для Австрии и 4% — для Венгрии. Все же и в канун мировой войны доля аграрного сектора была весьма внушительна: в Австрии немногим больше половины населения было занято в промышленности. Сказывалось наличие в ее составе отсталых, чисто аграрных провинций (Галиция, Далмация, Буковина и т. д.). В Венгрии крестьянство (11 млн) составляло 62% всего населения. Рабочий класс насчитывал немногим более одного миллиона человек. Но организованность и активное участие в политической жизни превратили его во внушительную силу.

Общий уровень любой страны измеряется не только экономическими и социальными факторами, но и степенью развития культуры, в частности образованности. В чешских и австро-немецких землях безграмотность практически была ликвидирована уже к концу XIX в. Быстро шла по этому пути и Венгрия, где накануне войны около 70% населения умело чи-

тать и писать. Но и здесь весьма ощутимы были локальные и национальные различия. Меньше всего безграмотных было среди немцев и мадяр, больше всего — среди румын и русин Закарпатской Украины. В стране перед войной работало четыре университета. Их выпускники внесли существенный вклад в развитие европейской культуры, науки и техники. Некоторые из них впоследствии были удостоены Нобелевской премии.

Процесс формирования австро-немецкой нации был еще далек от завершения, преобладало общеавстрийское (общегосударственное) самосознание, связанное больше с фактором государственным, а не этническим; часть немецкоговорящего населения тяготела не к Австрии, а к Германии (судетские немцы Чешских земель в особенности). Иная ситуация сложилась в Венгрии, где мадяры обладали сильно развитым национальным самосознанием. Оно находилось под воздействием идеологии шовинизма, основанного на представлении об особой роли мадяр как «государствообразующей нации» в создании и сохранении тысячелетнего королевства и их культурном превосходстве над остальными народами — славянами и румынами. Однако политика принудительной мадяризации средствами административного давления (закрытие культурно-просветительных учреждений, сокращение числа школ и др.) только усугубила межнациональную рознь. В первом десятилетии XX в. лишь немногим более 20% немадярского населения королевства говорили по-венгерски. Естественной, стихийной ассимиляции подвергались главным образом городские жители, в первую очередь евреи, немцы, отчасти словаки.

Даже в XX в. число депутатов венгерского парламента от невенгерских народов не превышало 26 (из 413). Именно поэтому нарастающая национальная напряженность не отражалась на его работе. В австрийском же рейхсрате голос угнетенных народов звучал мощно, особенно после введения в Австрии в 1907 г. *всеобщего избирательного права*. Впрочем, и эта реформа была далека от совершенства. Право избирать было ограничено цензом оседлости (проживание в одной местности не менее одного года), возрастным цензом (24 года), по-прежнему были лишены избирательных прав женщины. В рейхсрате австро-немецкие депутаты находились в меньшинстве (43% всех мандатов), большинство мест принадлежало славянам (254). Такое соотношение сил заставляло правящие классы ав-

*4

I
•

стрийской половины империи искать компромиссы, лавировать, чтобы сохранить австро-немецкую гегемонию, снизить остроту межнациональных конфликтов. При этом наибольшее беспокойство им причиняло национальное движение чехов — самой мощной в экономическом отношении и политически наиболее высокоорганизованной нации.

Чешское движение развивалось в рамках австрийского государства и империи в целом вплоть до Первой мировой войны и не искало решения своих проблем в разрушении империи. Оно добивалось административного объединения земель Чешской короны — Чехии, Моравии, Австрийской Силезии — и их автономии. Отход от этой политики и курс на выход из состава Австрии наметились лишь в мае 1917 г., в разгар мировой войны, когда перспектива распада монархии становилась все более очевидной.

В предвоенные годы усилились культурно-национальные контакты между чехами и словацким населением Венгрии. В чешских кругах получила распространение идея единства двух родственных народов — концепция чехословакизма, отрицавшая самобытность словацкого народа. Национальное движение словаков, находившееся под постоянным прессом государственного аппарата, было слабым. Оно даже было вынуждено снять требование об административном выделении населенных словаками земель и создании автономной территории в составе Венгрии.

Несколько иначе обстояло дело с национальным движением югославын — сербов, хорватов, населявших южные области Венгрии и Австрии, на самосознание которых все более сильное влияние оказывало наличие независимых государств — Сербии и Черногории. Такую же роль стала играть Румыния в отношении румын Трансильвании и других областей Венгрии, а также Буковины, Италия — в отношении итальянцев Южного Тироля, Триеста и других областей Австрии.

Растущее воздействие соседних государств на родственные народы Австро-Венгрии, на их национально-политические организации побудило правящие круги монархии в канун войны предпринять попытки урегулировать национальный вопрос итальянцев и югославын. На этом настаивал и Берлин, заинтересованный в поддержке своих союзников — Италии и Румынии — в надвигающейся схватке с Антантой. Граф Иштван Тиса, венгерский премьер, вступил в переговоры с руководителями Национальной партии румын Венгрии, но предложенные

им уступки были столь незначительны, что соглашение не состоялось. Неуступчивость Вены в итальянском вопросе, в свою очередь, усилила проантантовские настроения в Италии.

Сильнейшую тревогу в Вене и Будапеште вызвало растущее брожение в югославянских областях монархии, принявшее особенно угрожающий характер после аннексии в 1908 г. двух населенных сербами, хорватами и мусульманами османских провинций — Боснии и Герцеговины, оккупированных монархией еще в 1878 г. Аннексия была частью широко задуманной акции агрессивно настроенных австро-венгерских кругов. В результате возник острый международно-политический кризис, один из трех-четырех, приблизивших военную развязку 1914 г. В 1908 г. монархия оказалась на грани войны с Россией и Сербией, претендовавшей на провинции.

Наследник престола *эрцгерцог Франц Фердинанд* и его приближенные связывали с аннексией осуществление радикальной внутренней реорганизации самой монархии. Эрцгерцог мечтал о возрождении былого величия империи Габсбургов путем ликвидации дуализма и подрыва позиций Венгрии.

В его канцелярии разрабатывались проекты весьма ограниченной федерализации монархии, которая в действительности должна была привести к восстановлению централизованной империи.

Один из вариантов предусматривал замену австро-венгерского дуализма австро-венгеро-югославянским триализмом. Его автор — министр иностранных дел *граф Алоиз Л. Эрен-таль* делал ставку на католическую Хорватию — Славонию, которая должна была расшириться за счет присоединения к ней Далмации, Боснии и Герцеговины и стать ядром нового югославянского государственного образования под скипетром династии. Она могла бы, с одной стороны, нейтрализовать влияние Сербии как центра притяжения для всех югославын и исходящей от нее великосербской агитации, а с другой — соперничать с Венгрией и покончить с особой ее позицией в империи.

Но Будапешт не пожелал ни взять себе, ни отдать Австрии аннексированные провинции. Поэтому аннексия, практически не изменив положения провинций, лишь увеличила число врагов империи. Она закрыла путь к примирению с Сербией, Черногорией, резко усилив конфронтацию с Россией. Югославыне отныне стали видеть в Австро-Венгрии главное препятствие на пути осуществления своих национальных чаяний. Присоеди-

нение провинций не приостановило прогрессирувавшее с конца XIX в. ухудшение австро-венгерских отношений. Попытка изменить соотношение сил в дуалистической системе в пользу Австрии и династии потерпела неудачу.

Не сумела добиться своих целей и венгерская оппозиция, развернувшая в 90-е годы широкую агитацию под «национальными лозунгами»: введение венгерского языка в венгерских частях австро-венгерской армии, употребление национальных знамен, дислокация венгерских соединений только на территории королевства, учреждение самостоятельной таможни, национального банка и т. д. Оппозиция добивалась сведения экономических и политических связей с Австрией до минимума, т. е. до *персональной унии (общности государя)*.

Возникший на этой почве «венгерский кризис» достиг наибольшего обострения в 1905—1906 гг., оказав большое влияние на всю политическую обстановку в Австро-Венгрии. Героизм российского пролетариата вдохновил рабочих монархии на организацию крупнейших в ее истории демонстраций, массовых политических стачек за демократизацию политического строя. Австрийский пролетариат во главе с социал-демократией в 1907 г. добился крупной победы — всеобщего избирательного права. В Венгрии пути национального движения и социалистического рабочего движения разошлись. Страх перед последним побудил национальную оппозицию прекратить парализовавшее политическую жизнь страны в 1905—1906 гг. «пассивное сопротивление», капитулировать перед династией и пойти на очередное соглашение с Австрией. Так в 1907 г. был преодолен опасный кризис дуализма. Но трещина осталась, стала очевидной неустойчивость всего механизма, обеспечивавшего жизнедеятельность империи. При этом события 1905—1906 гг., а также присоединение Боснии и Герцеговины показали невозможность при сохранении дуализма каких-либо радикальных структурных реформ ни в одной из половин монархии. Австро-Венгрия была обречена, так как не обладала способностью к самообновлению.

Переживаемый монархией политический застой был связан также с личностью императора-короля *Франца Иосифа*, его человеческими качествами, стилем работы и жизни. Возведенный 18-летним юношей на престол волей обстоятельств в декабре 1848 г., он пробыл на троне почти 70 лет и очень быстро превратился в глазах не только потомков, но и современни-

ков в живой символ империи. Скончался он в декабре 1916 г., и монархия пережила его на два года.

Всегда подтянутый и застегнутый на все пуговицы мундира, который он предпочитал всем другим костюмам штатского покроя, Франц Иосиф был лишен каких-либо ярких черт характера, как и пагубных страстей, скандальных свойств. Личная жизнь его протекала так же монотонно, как и ежедневные неукоснительные занятия в рабочем кабинете государственными делами, сводившимися, как правило, к чтению бесконечного потока бумаг, приему министров и чиновников.

Личная жизнь Франца Иосифа была трагична: быстрое охлаждение в браке с баварской принцессой красавицей Элизабет; еще не до конца расследованное самоубийство единственного сына кронпринца Рудольфа и, наконец, злодейское убийство сербскими террористами престолонаследника племянника Франца Фердинанда — вот далеко не полный перечень несчастий, обрушившихся на голову Франца Иосифа.

Его правление началось в разгар революции и закончилось в ходе мировой войны. За всю свою жизнь он не выиграл ни одной войны, даже «свою» внутреннюю, венгерскую кампанию 1849 г. «за него» выиграл его царственный брат Николай I. В его правление империя лишилась богатейших итальянских владений — Ломбардии и Венеции, приобретя лишь бедную, разоренную войной, беспокойную Боснию — Герцеговину. Природа не одарила Франца Иосифа талантами, и он вполне подходит под определение «серая личность» без страстей и «без свойств», говоря словами известного классика австрийской литературы Франца Верфеля. Биографы зафиксировали лишь одно высказывание, которое можно принять как признак иронии или шутки, или выражение обыкновенных человеческих эмоций: «Прощай, моя молодость!» — сказал Франц Иосиф, взойдя на трон королей Венгрии в июне 1867 г. На закате жизни единственным его утешением стала интимная дружба, переросшая затем в глубокую привязанность, с актрисой венского Бургтеатра Катариной Шратт.

При этом все же нельзя сказать, чтобы эта заунывная личность воспринималась современниками и потомками сугубо отрицательно. Единственное покушение на Франца Иосифа было совершено в 1853 г., и то на почве ревности. К началу XX в. он даже в Венгрии обрел ореол «старого доброго» монарха. Убийственно едкая ирония гашековского легендарного солдата Йозефа Швейка не могла поколебать имидж старой доб-

рой монархии, олицетворяемой согбенной под тяжестью лет и груза ответственности фигурой старца с раздвоенной клином бородкой.

Как-то Франц Иосиф назвал себя «последним монархом старого стиля», и это было чистой правдой, если сравнить его, например, с кайзером Вильгельмом. В этом стиле он работал убежденно, упорно и целеустремленно. Часто прибегая к формуле «мои народы», он тем не менее ни себя, ни династию не считал «слугой народа», напротив, народы должны быть слугой династии, служить ее возвеличиванию. Гарант устойчивости империи, он стал вместе с тем непреодолимым препятствием на пути перемен, которые могли бы продлить ее жизнь.

Правящие круги империи видели выход из тупика во внешних авантюрах, полагая, что удачная война позволит им одним ударом разрубить узел внутренних проблем, покончить с центробежными устремлениями национальностей. Таким образом, после аннексионистского кризиса подготовка к агрессивной войне против соседей стала решающим фактором внутривнутриполитической жизни монархии. Это имело два роковых последствия: во-первых, усиление политической и экономической зависимости от главного союзника — Германии, рвавшейся к переделу колоний и к мировому господству, а во-вторых, подавление в стране демократических свобод. В австрийской половине многие ландтаги были распущены еще весной 1914 г., бездействовал парализованный межнациональной борьбой рейхсрат. Венгерский парламент продолжал функционировать в дни июльского кризиса и в течение Первой мировой войны, но в 1912—1913 гг. был значительно ослаблен и усмирен железной рукой Тисы. Разобщенность лагеря демократии, социалистического пролетариата и национальной оппозиции, нерешительность ее лидеров и реформизм социал-демократического руководства не позволили организовать эффективное противодействие установлению фактической диктатуры Тисы.

Граф *Иштван Тиса*, премьер-министр Венгрии, принадлежал к узкому кругу вершителей судеб империи, который реально оценивал шансы на выживание своей страны и монархии в целом в случае всеобщего военного конфликта. Войны он не хотел. Не хотел он и новых территориальных приращений на Балканах для своей страны, ибо она и так была перенасыщена немадьярским элементом. Главной целью его и всего гос-

подствующего класса было сохранение Венгрии в ее тогдашних границах. Но Тиса был также убежден в том, что дуалистическая монархия предоставляет единственную возможность предотвратить расчленение королевства Венгрии, а союз монархии с Германией позволит отвести подобную же угрозу от Дунайской империи. Тиса был единственным государственным деятелем империи, кто в июльские дни 1914 г. воспротивился посылке в Белград неприемлемого для Сербии рокового ультиматума. Но его упорство было сломлено двумя монархами — Францем Иосифом и Вильгельмом II, причем решающую роль сыграла воля последнего. Австро-венгерским ультиматумом была развязана война против Сербии, переросшая в мировое побоище, в огне которого нашла свой конец империя Габсбургов.

глава 22 Итальянское государство и общество: модернизация и внешняя политика

Полвека от возникновения в **1861** г. Итальянского королевства до вступления его в **1915** г. в Первую мировую войну характеризовались серьезными переменами во всех сферах жизни — экономической, политической, социальной и духовной. Они изменили облик страны, всех классов и социальных слоев итальянского общества, а также позиции и роль нового государства на мировой арене.

Завершение Рисорджименто (так называли процесс объединения Италии) стало мощным катализатором складывания итальянской нации, формирования национального рынка и единой системы экономики. В рамках конституционно-парламентского строя в Итальянском королевстве был реализован политический и социальный компромисс монархии, крупных помещиков-землевладельцев и знатных дворянских родов с буржуазией, позиции которой в этом блоке неуклонно возрастали. Объединение Италии ускорило развитие в ней капитализма и превращение ее из аграрной в аграрно-индустриальную страну с развитой фабрично-заводской промышленностью и банковской системой.

Государственный строй Италии в последней трети XIX — начале XX столетия. Создание Итальянского королевства в **1861** г. явилось важным этапом растянувшихся почти на столетие битв за национальную независимость и объединение страны. Однако потребовалось еще почти десять лет для завершения Рисорджименто. В **1866** г. в ходе австро-прусской войны Италия, выступив на стороне Пруссии, обрела Венецианскую область — последний форпост австрийского влияния на Апеннинском полуострове. В **1870** г.,

когда из-за франко-германской войны ослабло давление европейских держав на итальянские дела, осуществилась мечта патриотов Италии — были освобождены Папская область и Рим от светской власти папы Пия IX. Они были присоединены к Итальянскому королевству, и в Рим была перенесена его столица.

Поскольку на завершающем этапе Рисорджименто умеренно-либеральным кругам удалось взять верх над демократическими и республиканскими силами, объединение Италии произошло вокруг Пьемонта и правившей там Савойской династии, а король Пьемонта *Виктор Эммануил II* стал итальянским королем. Он сохранял широкие властные полномочия: определял состав и курс правительства, осуществлял руководство вооруженными силами, внешней политикой. Вокруг короля и королевского клана группировалась «партия двора», куда входили представители знатных дворянских родов, высшее офицерство и видные сановники, склонявшиеся к сохранению прежних монархических устоев. Однако власть короля была ограничена Конституцией — *Статутом*, действовавшим с **1848** г. в Пьемонте, а с **1861** г. — во всем королевстве. В Италии признавались такие важные гражданские права и свободы, как неприкосновенность личности и жилища, частной собственности, свобода печати, собраний, ассоциаций. Упразднялся ряд сословных привилегий.

Согласно Статуту в стране функционировал двухпалатный парламент. Члены верхней палаты парламента — сената — назначались королем пожизненно; в нем были широко представлены знать, генералитет, чиновничество, духовенство, видные деятели культуры. Нижняя палата — палата депутатов — была выборной. На первых порах вес и авторитет парламента были невелики, но он способствовал консолидации политических сил и формированию политических партий.

Важная роль в стране принадлежала католической церкви и ее всемирному центру — папству. В **1871** г. в Италии был принят закон «О гарантиях прерогатив папы и святого престола и о взаимоотношениях государства и церкви». Особа папы объявлялась священной и неприкосновенной. Ему предоставлялась полная свобода в осуществлении духовных функций, в интерпретации религиозных вопросов, признавалось право на дипломатические отношения с другими государствами. Владения папы были ограничены Ватиканским и Латеранским дворцами в Риме и загородной виллой (в **1929** г. получили назва-

ние государства Ватикан). Но это не исключило острейшей конфронтации между государством и Ватиканом. Папа Пий IX отказался признать светскую власть Савойской монархии, наложив запрет на участие католиков в политической жизни страны («поп ехресШ»), в том числе в парламентских выборах, и объявил себя узником Ватикана. Это способствовало сохранению антигосударственных настроений в широких слоях католиков и подогревало антиклерикальные воззрения в правящих либерально-конституционных кругах и в демократических организациях. На почве антиклерикализма возросла роль масонских организаций в политической жизни страны.

Внутренняя и внешняя политика «Правой» (1861—1876). Первые полтора десятилетия существования единого королевства у власти находились умеренно-либеральные круги — так называемая «Правая», выражавшая интересы обуржуазившегося дворянства, а также богатой торгово-финансовой и промышленной буржуазии более развитого в экономическом отношении Севера (Пьемонт, Ломбардия). На плечи сменявших друг друга правительств «Правой» (десять за 1861—1876 гг.) легло решение гигантской задачи — *унификация* административной, финансово-кредитной, налоговой, судебной систем и иных сфер государственной деятельности, *обеспечение единства* весьма неоднородных по уровню социально-экономического развития, политическим традициям и историческому опыту регионов страны, еще недавно бывших отдельными государствами.

Особое внимание деятели «Правой» и стоявшие за ними силы уделяли социально-экономической политике, с тем чтобы ускорить складывание единого национального рынка и ликвидировать барьеры между различными провинциями и регионами. Решающее значение имели введение единой денежной системы и системы мер и весов, ликвидация таможенных перегородок внутри королевства и установление единых таможенных тарифов на экспортируемые и импортируемые товары. Был создан *Национальный банк* с преимущественным правом денежной эмиссии и управлением государственным долгом и займами. Строительство железных и шоссейных дорог, портов, телеграфных линий способствовало индустриализации страны, а вместе с тем расширению и укреплению позиций предпринимателей и банкиров, развитию рыночных отношений. Вместе с тем ускорилось разорение и обнищание

широких слоев крестьян и ремесленников, усилилась эксплуатация растущего числа наемных рабочих.

Следствием стало углубление и обострение социальных противоречий. Умеренно-либеральные круги уклонились от решения вопроса о земле и ликвидации феодальных устоев, делавших бесправными основную массу населения — крестьянство. В Италии, особенно в ее южной и островной части, прежде всего в Сицилии, сохранилось крупное помещичье землевладение в виде латифундий, нередко насчитывавших десятки тысяч гектаров земли. В них широко использовался труд колонов-испольщиков, поденных рабочих-батраков, малоземельных крестьян-арендаторов. Систематическое недоедание (основным продуктом питания была кукурузная лепешка или похлебка при почти полном отсутствии в рационе мясных и молочных продуктов) и непосильный изнурительный труд от зари до зари осложнялись зачастую нехваткой доброкачественной питьевой воды. Бедствием страны оставались болезни — пеллагра, малярия, кишечные заболевания, особенно в болотистых местностях Южной и Центральной Италии.

Конфискация и распродажа части церковных и монастырских, а также общинных земель удовлетворили лишь часть купивших их крестьян, тогда как большинство сельского населения не получило ничего. Сохранение крупного помещичьего землевладения и докапиталистических отношений, особенно в южной и островной Италии, затрудняло развитие товарно-денежных отношений и повышение эффективности сельского хозяйства. Исключением были Пьемонт, Ломбардия, а также некоторые провинции Центральной Италии, где в сельском хозяйстве преобладали капиталистические отношения. Это различие между развитым Севером и отсталым Югом породило «южный вопрос». В своей основе этот вопрос был аграрным, но питал бандитизм и сепаратизм. Юг надолго стал источником социальной напряженности и массовой эмиграции.

На протяжении почти полутора десятилетий властям пришлось вести вооруженную борьбу с неповиновением жителей бывшего Неаполитанского королевства.

В основу внешнеполитического курса Италии «Правая» положила лозунг «собирания сил» и превращения страны в фактор порядка, свободы и мира в Европе. Особые дипломатические усилия правящих кругов были направлены на международное признание итогов Рисорджименто и предотвращение опасного для судеб Италии альянса Ватикана с консерватив-

но-клерикальными силами Австро-Венгрии, Франции и других европейских государств.

Правительство «Правой» проводило политику «открытых дверей», отказавшись от характерной для прежних итальянских государств политики протекционизма. Это имело неоднозначные последствия, особенно для Юга страны.

Не обошла Италию и колониальная лихорадка. При поддержке правительства деловые круги, прежде всего владельцы паровой компании Рубаттино, основали колонию Ассам на побережье Красного моря, ставшую форпостом их колониальной экспансии в Африке.

«Парламентская революция» 1876 г. «Левая» и ее политика. Узость массовой базы нового государства и глубина разрыва между верхами и низами общества рано стали осознаваться наиболее дальновидными политическими деятелями. В 1874 г. один из идеологов либерализма *Ф. Де Санктис* призвал правящие круги стать на путь реформ и демократизации. Он видел серьезный порок государственного устройства Италии в том, что Статут «в значительной степени остался на бумаге; он не понят и не претворяется в жизнь с искренностью и справедливостью, в духе равенства; свобода есть, но она не вошла еще в наши обычаи». Многие деятели, участвовавшие в борьбе за объединение страны, с болью осознавали нищету населения и отсталость Италии от более продвинувшихся по пути экономического и социального развития стран Европы. Это способствовало сплочению в 70-х годах более прогрессивной части либералов и умеренных демократов, признавших конституционно-монархическую форму правления, в блок, названный «*Левой*». Его программа включала встречавшие сочувствие и поддержку в стране требования избирательной, налоговой, административной реформ, оздоровления финансов, в особенности устранения гигантского дефицита бюджета и государственного долга, совершенствования системы образования и здравоохранения и т. п.

Конфликт между «Правой» и «Левой» разрешился в 1876 г. «парламентской революцией» — поражением «Правой» на очередных парламентских выборах.

Создание правительства «Левой» пробудило надежды населения на перемены к лучшему. Повсеместно проходили демонстрации с одобрением программы реформ, требованием введения всеобщего избирательного права. Вопреки противо-

действию консервативных сил формировавшиеся «Левой» правительства шаг за шагом реализовали часть своих обещаний. Были изданы законы о начальной государственной школе, вводился институт гражданского брака — меры, вызвавшие крайнее раздражение клерикальных кругов. В 1880 г. был ликвидирован ненавистный крестьянам налог на помол зерна. После долгих дискуссий в 1882 г. был принят новый избирательный закон. Он предусматривал снижение имущественного и возрастного ценза. В результате расширился круг избирателей (от 2 до 7% взрослого населения), и в парламенте увеличилось число защитников интересов предпринимателей и других слоев городского населения.

В период правления «Левой» был осуществлен поворот от политики фритредерства к протекционизму. В интересах аграриев были введены высокие пошлины на зерно, ввозимое из-за границы, что повлекло повышение цен на хлеб в городах и сельской местности. Правительство покровительствовало предпринимателям сахарной, металлургической, машиностроительной, а также текстильной промышленности и строительству железных дорог.

Деятели «Левой» придавали большое значение внешней политике, в частности колониальным захватам и активному участию Италии в решении европейских и средиземноморских проблем. Важную роль сыграло подписание в 1882 г. договора с Германией и Австро-Венгрией, получившего название Тройственного союза (см. главу 17). Опасаясь дипломатической изоляции, правительство пошло на крайне непопулярный в Италии союз с Австро-Венгрией, который был навязан Риму Бисмарком в качестве неременного условия итало-германского сближения. Вместе с тем Италия активизировала колониальную политику в Северо-Восточной Африке. С этой целью была использована колония Ассам, ставшая базой дальнейших приобретений. В 1885 г. с согласия Англии итальянские экспедиционные силы оккупировали Массаяу. Началось проникновение в пограничные с Ассамом и Массаяу территории Сомали и Эфиопии, потребовавшее немало средств и человеческих жизней.

Политика «Левой» способствовала индустриализации Италии, а вместе с тем и углублению социально-политических противоречий.

Наряду со стихийными волнениями разорявшихся крестьян, особенно в южных районах страны, характерной чертой

общественного развития становились выступления наемных рабочих, число которых увеличилось до 4 млн, а положение оставалось тяжелым: оплата их труда была одной из самых низких в Европе; трудового законодательства и социального страхования еще не существовало.

Политикой «Левой» были недовольны широкие слои городского и сельского населения, интересы которых она игнорировала или даже попирала. Это недовольство использовали светские и католические деятели для формирования и активизации оппозиционных сил различной ориентации.

В появившихся тогда рабочих организациях, в крестьянских союзах и кооперативах имелись различные течения. Одни стремились к укреплению чисто рабочих организаций для экономической борьбы — «операисты». Другие пытались увлечь бедноту идеями Бакунина — анархисты. Активизировались и сторонники марксизма — Антонио Лабриола, Ф. Турати и др.

Среди широких слоев населения все более популярными становились республиканцы и радикалы. Подобно социалистам, они, резко критикуя внутреннюю и внешнюю политику «Правой» и «Левой», придавали большое значение борьбе за республиканский строй, ратовали за всеобщее избирательное право, социальные реформы, выступали против милитаризма и колониализма.

Авторитарный и имперский курс Ф. Криспи (1887-1891, 1893-1896). Недовольство населения политикой правительства усилилось, когда в 1887 г. разразился экономический кризис, осложненный затяжным мировым аграрным кризисом. Непрекращавшиеся антиавстрийские выступления, особенно на Севере, угрожали союзу Италии с империей Габсбургов. Из-за таможенных тарифов и африканских проблем осложнились ее отношения с Францией.

Внутри «Левой» обострилась борьба между различными течениями и группировками. Падал престиж парламента, в чем немалую роль играла политика трансформизма — подкупа депутатов оппозиции, манипулирования их голосами, а также вмешательства исполнительной власти в ход выборов. Все это благоприятствовало возвышению Ф. Криспи, который вплоть до ухода с политической арены в 1896 г. претендовал на роль выразителя интересов нации, утверждая авторитарные методы правления.

Уроженец Сицилии, видный деятель Рисорджименто и ближайший сподвижник Гарибальди, Криспи, критикуя правительство за безволие и пренебрежение национальными интересами, ратовал за укрепление государства, создание сильных армии и флота. Он выдвигал планы превращения Италии в великую средиземноморскую и африканскую империю, утверждая, что это «единственное средство преодолеть изначальную итальянскую отсталость, заставить забыть подчинение бонапартистской Франции и поддержать веру в идеалы героических дней Рисорджименто». Вместе с тем он обещал децентрализацию власти, уменьшение налогового бремени и решение насущных социальных проблем. Это обеспечило ему поддержку разнородных политических сил — от «партии двора» и генералитета до части либералов и демократов.

Возглавив в 1887 г. правительство, Ф. Криспи сам руководил министерством внутренних дел, а некоторое время и министерством иностранных дел. По его инициативе важные вопросы решались правительством без одобрения парламента. Он добился принятия парламентом нового уголовного кодекса и закона об общественной безопасности, которые ужесточали наказания за участие в забастовках, предусматривали меры против политически неблагонадежных лиц и оппозиционной печати. Ф. Криспи стал инициатором мер, по сути направленных против гражданских и политических свобод, предусмотренных Статутом.

Резкое осложнение обстановки в стране и сопротивление в парламенте вынудили Криспи в 1891 г. уйти в отставку. Председателем совета министров (май 1891 — ноябрь 1893 г.) стал Д. Джолитти — противник Криспи и глашатай «прогрессивного либерализма» — курса социальных и политических реформ. Он столкнулся с упорным противодействием консервативных сил. Но в отставку его вынудила уйти «Итальянская Панама» — гигантский скандал, связанный с разоблачением крупных махинаций «Римского банка» и других банковских институтов и причастностью к ним правительственных кругов и парламентариев. Этот скандал похоронил на время далеко идущие планы реформирования страны, вынашивавшиеся Джолитти, и вызвал кризис либерализма.

Серьезным испытанием итальянского государства и общества стали события 1892—1894 гг. в Сицилии, вошедшие в историю под названием «*Движения фаши*». В 1892—1894 гг. Сицилию охватили забастовки и манифестации батраков, ис-

полыщиков, крестьян. Они отказывались от уплаты налогов, штурмовали муниципалитеты, помещичьи усадьбы, налоговые управления. Одновременно происходили выступления городских низов в Мессине, Палермо и других городах. Во главе встали Союзы трудящихся — «фаши». Воззрения участников движения были неопределенны. Красные знамена манифестантов соседствовали с портретами короля и изображениями Богоматери. Но главное было ясно: «фаши» требовали хлеба, работы, снижения арендной платы и повышения оплаты труда, раздела помещичьих земель. В 1893 г. «фаши» объединились в *Сицилийскую социалистическую федерацию*.

Волнения в Сицилии совпали с оформлением в стране партий демократической и социалистической ориентации и активизацией их деятельности. В 1892 г. состоялся учредительный съезд *Социалистической партии итальянских трудящихся* (с 1895 г. — *Итальянской социалистической партии*). В апреле 1895 г. благодаря объединению различных течений республиканского толка в Милане была создана *Итальянская республиканская партия*, отстаивавшая помимо республиканской формы правления целый ряд требований демократического и социального характера. Умеренная часть наследников мадзинизма и гарибальдизма объединилась в радикальную партию, хотя многие ее требования были идентичны республиканским.

В 1893 г. правительство вновь возглавил Криспи, располагавший поддержкой короля Умберто I, генералитета, поборников колониализма и силовых методов. Ф. Криспи направил в Сицилию войска и ввел там осадное положение. «Фаши» были распущены. Около 2 тыс. их активных членов были арестованы, оказались под надзором полиции, а видные руководители движения Де Феличе и Боско были приговорены судом к длительному тюремному заключению. Опираясь на закон о чрезвычайных мерах по охране общественного порядка, правительство Криспи запретило Социалистическую партию итальянских трудящихся и ее печатный орган «Классовая борьба», а также другие рабочие и социалистические организации, отдало под суд видных демократов и социалистов.

Сторонники политики Криспи в 1895 г. добились успеха на досрочных парламентских выборах. Но его погубила авантюристическая внешняя политика.

В европейских и балканских делах Криспи был союзником Германии. В соответствии с военной конвенцией, подписанной

Италией с Германией и Австро-Венгрией еще в 1888 г., в случае войны союзников одновременно против Франции и России Италия обязывалась оказать им военную помощь, прежде всего против Франции. Эта конвенция, а также соперничество в торговле и предвзятость Криспи, склонного видеть французские козни во всех своих неудачах, обострили отношения Италии с Францией. Французские правящие круги не желали признавать итальянские претензии в Африке, на Балканах и Ближнем Востоке.

Кроме того, начав с обретения колоний на побережье Красного моря, Италия по мере продвижения в глубь материка, с одной стороны, приходила в опасное соприкосновение с английскими колониальными владениями и сферами влияния в Египте и Судане, а с другой — втягивалась в конфликт с Эфиопией и ее вассальными владениями. Действия итальянских экспедиционных сил дополнялись сложными дипломатическими маневрами и прямым подкупом местных владетельных князьков и вождей. Поддержав правителя одной из пограничных провинций Эфиопии против императора Эфиопии, Италия заключила с ним в 1889 г. *Уччалльский мирный договор*.

Но продвижение итальянских вооруженных сил внутрь Эфиопии в 1895—1896 гг. привело Италию к столкновению с основными силами этой страны, превосходившими итальянские войска численно и успешно применявшими партизанскую тактику. Действия экспедиционного корпуса осложнялись соперничеством внутри его командования, противоречивыми указаниями из Рима, а главное — усиливавшимся в итальянском обществе недовольством войной, финансовыми и человеческими жертвами. Немалый резонанс в стране получил призыв социалиста А. Косты: «Ни гроша, ни солдата для войны в Африке!»

1 марта 1896 г. 17-тысячный итальянский корпус в кровопролитном сражении со 100-тысячной армией императора Менелика был разгромлен. Едва известие об этой катастрофе достигло страны, повсеместно прокатились антиправительственные выступления и манифестации. 5 марта на чрезвычайном заседании парламента, здание которого было осаждено негодующими манифестантами, отставка Криспи была принята королем и восторженно встречена депутатами, даже прежними сторонниками всесильного диктатора. Политическая карьера Криспи бесславно завершилась, в 1902 г. он умер.

Политический кризис конца XIX — начала XX в. Возмущение населения колониальной авантюрой разрушило достигнутую репрессиями хрупкую стабильность, выявив глубину политического и социального кризиса,

Преемником Криспи стал деятель «Правой» маркиз ди А. Рудини, которого сменил генерал Л. Пеллу, обладавший либеральной репутацией и вместе с тем широкими связями в консервативно-монархических кругах. С Эфиопией был заключен мирный договор, по которому Италия отказывалась от своих притязаний и выплачивала ей крупную контрибуцию, — факт, не имевший аналогов в истории колониальных войн. Было принято решение сохранить колониальные приобретения на побережье Красного моря, но отказаться на время от дальнейшего их расширения. Тем не менее в дипломатических и военных кругах продолжали вынашиваться планы аннексии — на этот раз Триполитании и Киренаики (турецкие владения на севере Африки, между Египтом и Тунисом). Были приняты меры по нормализации итало-французских, англо-итальянских и итало-российских отношений. Но добиться политической стабильности внутри страны оказалось гораздо труднее.

В 1897—1898 гг. дороговизна и острая нехватка продовольствия из-за неурожая и высоких таможенных пошлин вызвали голодные бунты, достигшие апогея в апреле 1898 г. Отчаявшиеся толпы людей захватывали хлебные магазины, склады с зерном, громили муниципалитеты и налоговые учреждения. Бастовали рабочие, добиваясь повышения заработной платы и улучшения условий труда. Народные выступления были подавлены с помощью полиции и войск.

Трагические события произошли в Милане 3—8 мая 1898 г. («*пять дней Милана*»), Войсками была расстреляна рабочая демонстрация. Трудящиеся ответили баррикадами. Тогда озверевшие каратели учинили расправу над жителями города, не щадя ни стариков, ни детей. В Милане, Флоренции, Неаполе было введено осадное положение, проводились массовые аресты и судебные процессы. Власти вновь запретили Социалистическую партию и демократические организации. Репрессии затронули также католические союзы и средства печати. В 1897 г. С. Соннино выступил с программой пересмотра парламентских и конституционных порядков в пользу монархии.

В парламенте «Крайняя левая» — социалисты, радикалы и республиканцы — ответила на действия правительства обструкцией. Попытки правящих кругов сломить оппозицию с

помощью роспуска парламента и новых выборов не дали результатов. И в 1897, и в 1900 гг. оппозиционным силам — «Крайней левой» и «конституционной оппозиции», представлявшей леволиберальные круги, — удалось сохранить и даже отчасти упрочить свои позиции.

Отставка последователей репрессивной политики Криспи была ускорена событиями 1900—1901 гг. 29 июля 1900 г. анархистом был убит король Умберто I. Новый король, *Виктор Эммануил III*, вступив на престол, заявил о намерении сохранить в неприкосновенности исторические завоевания Рисорджименто — единство страны и свободы. Он был вынужден пойти на уступки оппозиции под давлением массовых выступлений, в частности забастовки рабочих Генуи. Вскоре король вверил правительство лидерам «конституционной оппозиции» Дзанарделли и Джолитти. «*Кровавое десятилетие*», как называли годы репрессий, начатых Криспи, пришло к концу.

Программа «прогрессивного либерализма» и «здоровой демократии» в действии. Созданное в феврале 1901 г. правительство *Дзанарделли—Джолитти*, с 1903 г. возглавлявшееся Джолитти, перешло от авторитарных методов и репрессий к либерально-демократическому курсу реформ и социально-политических уступок. Поборником и проводником этого курса выступил Д. Джолитти, по имени которого период 1901—1914 гг. назван «джолиттианской эрой».

Выходец из бюрократии Пьемонта, Джолитти сделал блестящую чиновничью карьеру в Итальянском королевстве в 60—80-е годы XIX в., а после своего избрания в 1882 г. депутатом парламента (оставался им вплоть до кончины в 1928 г.) занял видное место в рядах «Левой», а затем в «конституционной оппозиции». Он снискал признание и авторитет как противник Криспи и чрезвычайных мер.

Джолитти не скрывал, что являлся сторонником конституционной монархии. Но именно поэтому он считал опасным и невозможным «воспрепятствовать народным классам отвоевывать свою долю экономического и политического влияния...» и был убежден, что «главным образом... от позиции конституционных партий по отношению к народным классам зависит, будет ли возвышение этих классов знаменовать собой создание новой консервативной силы, нового фактора процветания и возвеличивания родины или же это будет вихрь, который сметет все ее благополучие». Особую значимость, по его мнению,

имели заботы о системе образования и здравоохранения, прогрессивное социальное законодательство и утверждение цивилизованных отношений между капиталом и трудом, работодателями и наемными работниками.

Отменив репрессивные меры, правительство восстановило свободу печати, собраний и манифестаций, деятельности экономических, политических и религиозных организаций. Оно содействовало (протекционистские пошлины, субсидии, военные заказы и пр.) развитию металлургии, машиностроения, химической промышленности и⁴ автомобилестроения. С их ростом ускорились концентрация капиталов и производства, возникли крупные монополии — тресты, консорциумы, возросла роль банков, как отечественных, так и зарубежных. Страна из отсталой аграрной превращалась в аграрно-индустриальную, хотя разрыв между индустриальным Севером и аграрным Югом не только не был преодолен, но возрос. В 1911 г. в промышленности и на транспорте было занято 32,1% самодеятельного населения (в 1894 г. — 28%). Если в последней трети XIX в. основная масса рабочих трудилась на мелких предприятиях полуремесленного, кустарного типа, то в 1909 г. примерно 2/5 их общего числа — на предприятиях с персоналом свыше 100 человек.

Все это благоприятствовало росту рабочего движения. Помимо территориальных организаций — *палат труда* — стали создаваться отраслевые федерации профсоюзов, объединившиеся в 1906 г. во *Всеобщую конфедерацию труда (ВКТ)*. На базе множившихся крестьянских лиг в 1901 г. была создана *Национальная федерация трудящихся земли*, объединявшая главным образом батраков, а также малоземельных крестьян. Промышленным и сельскохозяйственным рабочим удалось, особенно на севере страны, добиться от работодателей серьезных уступок в вопросах оплаты и условий труда. Был узаконен воскресный отдых, приняты меры по ограничению женского и детского труда.

Джолиттианское большинство в парламенте не смогло преодолеть сопротивления консервативных и умеренных сил налоговой реформе, занимавшей важное место в программе Джолитти. Но оно вступило в союз с радикалами, поборниками индустриальной демократии, а также с деловыми кругами. Сложнее складывались его отношения с социалистами и католиками, хотя сотрудничество с ними при гегемонии либералов Джолитти считал главным условием успеха своего курса.

Влиятельные силы внутри ИСП и позднее в ВКТ, возглавлявшиеся Ф. Турати, Л. Биссолати, И. Бономи, видели долг ИСП и рабочих организаций в том, чтобы всемерно поддерживать Д. Джолитти и курс реформ. Они подчеркивали, что ввиду отсталости Италии борьба за социализм преждевременна, а самому рабочему классу предстоит нелегкий путь социальной и духовной эмансипации в рамках буржуазного общества. При их участии в 1900 г. была разработана программа-минимум ИСП, включавшая ряд важных требований политического и экономического характера. Ф. Турати и другие лидеры ИСП настаивали на отказе от антипарламентаризма и на конструктивном сотрудничестве с прогрессивной буржуазией. Левые течения социалистического и рабочего движения («непримиримые», синдикалисты и анархо-синдикалисты, сложившаяся в 1910—1911 гг. «революционная фракция») выступали против такого реформизма и всего либерального курса. В 1904 г. при содействии ИСП и палат труда была проведена первая общенациональная политическая забастовка.

Курс Джолитти столкнулся с растущим сопротивлением усилившихся левых течений социалистического и рабочего движения и консервативных групп самих либералов. А его союзники — демократы протестовали против использования правительством административного давления, невыполнимых обещаний, подкупа депутатов и фальсификации результатов голосования на выборах 1904, 1909 и 1913 гг. В 1905 и 1909 гг. Джолитти был вынужден уступить пост главы правительства другим деятелям. Один из них — С. Соннино — пытался смягчить либеральный курс *социальным патернализмом* — поддержкой Юга, сельского населения — землевладельцев и земледельцев.

К социальному умиротворению стремились и активизировавшиеся реформаторы-католики. С приходом на папский престол в 1903 г. Пия X были сняты ограничения на участие католиков в политической жизни, стали создаваться католические организации — «белые» профсоюзы, кассы взаимопомощи, кредитные кассы, избирательные, женские и молодежные союзы.

Все это заставляло Джолитти вносить коррективы в избранный им курс. Важнейшими из них стали сближение с католическими кругами и уступки антисоциалистическим и колониалистским тенденциям. В числе мер подобного рода была ликвидация права на забастовку железнодорожников и других

категорий государственных служащих, введение чрезвычайного положения на Юге в связи со страшным по своим последствиям Мессинским землетрясением в 1908 г., ставка на префектов в решении местных проблем, применение войск для подавления крестьянских выступлений.

Внешняя политика Италии в начале XX в. На протяжении почти всего первого десятилетия XX в. Д. Джолитти и поддерживавшим его политическим силам удавалось в основном сдерживать экспансионистские круги, мечтавшие о великодержавной политике времен Криспи. Джолитти действовал так в силу присущего ему убеждения о потребности Италии в мире во имя коренного реформирования страны и оздоровления ее финансового и экономического положения. «Сохранять прочными союзы и иметь друзьями все другие страны — это все, что в области внешней политики может желать такая страна, как Италия» — так сформулировал он в 1903 г. свое внешнеполитическое кредо. Внешняя политика, по его убеждению, не может являться объектом споров и борьбы различных партий, а должна носить поистине национальный характер. Однако действительность была намного сложнее.

В начале XX в. итальянской дипломатии удалось, разыгрывая колониальную карту и используя заинтересованность участниц Тройственного союза в его сохранении, а стран складывавшейся Антанты — в нейтрализации Италии, идти на сближение с Англией, Францией и Россией, не порывая при этом союзных связей с Берлином и Веной. В 1902 г. был вторично продлен без изменений *договор о Тройственном союзе*. При этом Виктор Эммануил III смог добиться от Германии согласия на аннулирование военной конвенции 1888 г. Правящие круги Италии все больше делали акцент на оборонительном характере Тройственного союза, подчеркивая свою решимость поддерживать европейский мир. Однако постоянно встречая весьма прохладное отношение союзниц к своим планам совместных действий с Австро-Венгрией на Балканах, а с Германией в Османской империи и на севере Африки, руководители итальянской дипломатии стремились обрести большую свободу действий, заключив соответствующие соглашения с Англией, Францией и Россией.

В 1900 и 1902 гг. были достигнуты договоренности с Францией о взаимном нейтралитете в случае втягивания любой

из договаривающихся сторон в европейскую войну, а также о поддержке Италией французских притязаний на Марокко, а Францией — итальянских планов в отношении Триполитании. Рядом англо-итальянских соглашений конца XIX — начала XX в. определялись сферы влияния в Северо-Восточной Африке. Наконец, после неудачных усилий реализовать трехстороннее соглашение по балканским вопросам Австро-Венгрии, России и Италии итальянский МИД сумел во время визита в Италию в 1909 г. царя Николая II заключить важное соглашение, открывавшее путь к совместным действиям двух стран на Балканах. В обмен на готовность Италии поддержать пересмотр режима черноморских проливов, чего упорно добивалась царская дипломатия, Рим заручился обещанием российского министра иностранных дел Извольского соблюдать благожелательный нейтралитет в случае аннексии Италией Триполитании.

Италия участвовала в военном демарше европейских держав против Турции в 1908 г. — в период младотурецкой революции. Итальянские дипломаты и финансисты на международных конференциях разрабатывали международные проекты экспансии и раздела сфер влияния на Балканах, в Малой Азии, в Африке. Формально следуя курсу «собирания сил» и ограничиваясь «мирным освоением» двух колоний в Африке — Эритреи и Сомали, Италия все громче заявляла о своих претензиях на влияние в Черногории, Сербии, Болгарии, Албании, добивалась упрочения позиций в Адриатике. Она претендовала на концессии в Малой Азии, а по мере обострения франко-германских противоречий из-за Марокко все активнее вела подготовку к захвату Триполитании.

По мере учащения международных кризисов, особенно после бурных событий 1908—1909 гг. на Балканах и в Малой Азии, у правящих кругов Италии возрастала боязнь опоздать к разделу мира, утратить статус великой державы, упустить возможность упрочить национальное самосознание и единство. В 1910 г. на базе колониалистских, великодержавных кругов и группировок оформилась «*Националистическая ассоциация*» и начал выходить ее печатный орган «Идеа национале» («Национальная идея»). В ассоциацию вошли представители интеллигенции, «молодые либералы», выходцы из ирредентистских и колониалистских организаций, бывшие сторонники синдикализма. Националисты утверждали, что «Великая Италия» должна господствовать в средиземноморском бассейне,

в Северной Африке и Малой Азии. Ассоциация одной из первых в Италии развернула кампанию за аннексию Триполитании и Киренаики, призвав использовать в этих целях острое соперничество Германии и Франции из-за Марокко в период Агадирского кризиса 1911 г.

Призыв нашел отклик в правительственных кругах, где к такому решению склонялись генштаб, имевший план захвата североафриканских турецких вилайетов, МИД, готовивший дипломатически эту акцию, король и «партия двора», только что пышно отпраздновавшие пятидесятилетие образования королевства, да и сам Джолитти, который в марте 1911 г. в четвертый раз возглавил совет министров.

29 сентября 1911 г. *Италия объявила войну Турции*. Несмотря на численное превосходство и более современное вооружение итальянской армии, планы «легкой военной прогулки» рухнули из-за упорного сопротивления местного населения — арабов. Утвердившись на побережье в ряде городов и населенных пунктов — Триполи, Бенгази, Хомсе, — итальянские экспедиционные силы оказались втянутыми в изнурительную войну с кочевыми и полукочевыми племенами, не без успеха использовавшими партизанские методы борьбы. Военные власти применяли тактику выжженной земли, проводили карательные операции против жителей многих населенных пунктов, насильственно депортировали лидеров сопротивления и влиятельных вождей племен.

Покорение *Ливии*, как стала называться новая колония, потребовало немало времени. Чтобы воспрепятствовать переброске оружия и войск в Триполитанию и Киренаику, итальянский военный флот действовал в центральной части Средиземного моря, в Адриатике и Эгейском море, даже в зоне проливов. Его силами были оккупированы о. Родос и Додеканезский архипелаг. Это вызывало серьезное беспокойство и союзниц Италии, и стран Антанты. Агрессия Италии в Африке дала толчок формированию националистических, антиевропейских и мусульманских по своей сути настроений и движений в арабском мире, осложняя положение колониальных держав.

Под нажимом европейских стран Италия ускорила подписание мирного договора с Турцией 18 октября 1912 г. в Лозанне, предварительно добившись от султана официального согласия на переход под юрисдикцию Италии Триполитании и Киренаики. Согласно *Лозаннскому мирному договору* военные

действия между Италией и Турцией прекращались. Турция обязалась вывести свои войска из Триполитании и Киренаики, а Италия — с Додеканезских островов (правда, этого обязательства она так и не выполнила). Согласно договору итальянское правительство выплатило Турции денежную компенсацию (около 2 млн лир) за ее отказ от североафриканских владений.

По окончании войны правящие круги Италии в том же 1912 г. пошли на досрочное продление Тройственного союза, а в 1913—1914 гг. заключили военную и военно-морскую конвенции с союзниками, конкретизировавшие формы их сотрудничества в случае европейской войны. Эти конвенции, расцененные правящими кругами Берлина и Вены как свидетельство верности Италии союзу, укрепили их решимость начать мировую войну.

Кризис и крушение «либеральной эры» (1911—1914). Решение об объявлении войны Турции, принятие декрета об аннексии Ливии и другие действия правительства одобрялись парламентом в обстановке энтузиазма и демонстрации единства нации и правительства. Немногочисленные голоса протеста со стороны противников войны — части социалистов и республиканцев, а также независимых депутатов — тонули в здравицах в честь короля, армии и Джолитти. Это облегчило ему проведение декларируемых реформ. Правая оппозиция сняла многие из своих возражений и, хотя ей удалось внести определенные коррективы в предложенные Джолитти законопроекты, весной и летом 1912 г. они стали законами. Благодаря новому избирательному закону число избирателей возросло почти в три раза, составив свыше 25% всего населения. Право участия в парламентских выборах получали все граждане старше 30 лет, а также граждане, достигшие 21 года при условии наличия начального образования, уплаты установленного законом минимума налога или прохождения военной службы. Создавалась система государственного социального страхования.

Однако именно война и реформы взорвали зыбкое равновесие политических сил и ускорили поляризацию в обществе, а вместе с тем крушение джолиттизма как политики компромиссов и союзов. Война с Турцией нанесла ущерб торговле с нею, имевшей немаловажное значение для обеспечения итальянской экономики сырьем и рынками сбыта. Она ухудшила

экономическую конъюнктуру и привела в 1913 г. к кризисным явлениям, не изжитым до мировой войны. Завоевание Ливии и обогащение на военных заказах банков и крупных фирм было оплачено ростом безработицы, дороговизны, массовой волной эмиграции и новыми социальными потрясениями. В стране развернулось широкое забастовочное движение.

В свою очередь по окончании итало-турецкой войны правая оппозиция — С. Соннино, А. Саландра и др. — подвергла критике Джолитти за диктаторские методы и манипулирование парламентом, попустительское разрушительным силам, недостаточно активную защиту национальных интересов. В этих условиях проведение в 1913 г. *парламентских выборов* в соответствии с новым избирательным законом было сопряжено с немалым риском для правящего либерального блока, а также для самих государственных устоев. Ввиду этого либеральные силы вместе с властями пошли на сотрудничество с католическими организациями в тех округах, где была особенно велика вероятность победы кандидатов Социалистической партии и других левых организаций. Секретное соглашение, получившее название «*пакт Джолитти—Джентилоне*» (последний был главой «Католического союза», включившегося в избирательную кампанию), сделало возможным участие католиков в выборах в 330 коллегиях и поддержку «светских» кандидатов в 228 из них при условии принятия ими обязательства противиться любым антицерковным мероприятиям.

Выборы 1913 г. изменили соотношение сил в итальянском парламенте, отразив растущую поляризацию общества, а также поправление правительственного большинства. Хотя сторонники правительственного курса получили 270 мест, им противостояли влиятельные оппозиционные силы — социалисты (79 мест), правые группировки, включая депутатов-националистов (36 мест), католики (29 мест). Новым ударом для Джолитти стал переход радикалов в оппозицию в марте 1914 г. В этих условиях Джолитти поспешил уйти в отставку, уступив роль главы правительства своему политическому оппоненту Саландре.

Саландра и поддерживавшие его силы встали на путь пересмотра основных принципов и методов джолиттизма. Это в полной мере выразилось в способах преодоления острейших кризисов, пережитых страной, — «Красной недели» 1914 г. и «майских дней» 1915 г.

В июне 1914 г. правительство запретило манифестации и митинги в связи с очередной годовщиной Статута (Конституции), а затем расправилось с несанкционированными выступлениями в Анконе, что привело к человеческим жертвам. 9 июня по призыву Итальянской социалистической партии, Всеобщей конфедерации труда, Итальянского синдикального союза, Республиканской партии началась *общенациональная забастовка протеста* против милитаризма и реакции. В ряде мест было прервано железнодорожное сообщение, вспыхивали восстания, строились баррикады. В Романье и Марке были провозглашены республики. Массовые выступления прокатились по всей Италии. «Красная неделя», как ее стали называть, выявила глубокую враждебность населения милитаризму и возмущение репрессиями. Она была одной из причин, заставивших правительство провозгласить нейтралитет Италии в начавшейся вскоре Первой мировой войне.

На протяжении девяти месяцев это решение стало, однако, объектом острой политической борьбы между сторонниками сохранения нейтралитета (к ним принадлежали Джолитти и его единомышленники, социалисты и ВКТ, влиятельные католические круги) и «интервенристами», настаивавшими на вступлении Италии в войну. К этому решению склонялись националисты и сторонники Муссолини, исключенного за такую позицию из рядов Социалистической партии, представители «демократического интервентизма», надеявшиеся с помощью войны упрочить демократические устои в Европе и удовлетворить национальные чаяния угнетенных народов, в том числе соотечественников, проживавших в пределах Австро-Венгрии, а также поклонники Антанты из числа либералов и деловых кругов.

Правительство Саландры и король, колеблясь между желанием получить за свой нейтралитет компенсации от союзниц и надеждой на удовлетворение великодержавных чаяний в случае перехода на сторону Антанты, только весной 1915 г. остановились на втором варианте. Согласно *Лондонскому договору*, заключенному в строжайшей тайне в апреле 1915 г., Италия обязалась вступить в войну в мае 1915 г. на стороне Антанты в обмен за обещания территориальных приобретений, особенно на севере и северо-востоке страны, за счет Австро-Венгрии. 23 мая Италия начала военные действия против своих бывших союзников, и в ней установился военно-полицейский режим.

глава 23 Трудности модернизации и общественно- политическая борьба на Пиренейском полуострове

Реставрация Бурбонов в Испании. После длительного периода бурного развития (за 70 лет XIX в. совершилось пять революций!) наступило относительное затишье. В ходе пятой революции (1868—1874) впервые в истории Испании, правда на короткий срок, была низложена монархия и провозглашена республика. Но вопреки ожиданиям большинства народа революция закончилась поражением и реставрацией династии Бурбонов в лице *Альфонса XII*, сына низложенной королевы Изабеллы (Исабель) П. Это произошло в результате военного мятежа. 29 декабря 1874 г. генерал Мартинес-Кампос, командовавший бригадой в районе Валенсии, провозгласил Альфонса XII королем. Подавить мятеж было нетрудно, однако правительство республики ушло в отставку, уступив место кабинету, который возглавил сторонник монархии Антонио Кановас дель Кастильо. Через несколько дней в Мадрид прибыл новый король (ему не было еще 18 лет, он учился в Англии в военном колледже Сандхорст). Так на престол вернулись Бурбоны.

В период Реставрации в Испании правил блок консерваторов и либералов при ведущей роли первых. Партию консерваторов возглавлял *Кановас дель Кастильо*, лидером либералов был *Пракседес Сагаста*. В сложившейся двухпартийной системе обе партии проводили почти одинаковую политику и чередовались у власти: в 70—90-е годы Кановас был премьер-министром шесть раз, Сагаста — четыре. Оппозицию обеим партиям составляли слева *республиканцы*, справа — *карлисты*,

сторонники абсолютной монархии, требовавшие возведения на престол дон Карлоса, представителя младшей ветви Бурбонов. Карлисты вели против Исабель и Альфонса XII войну, известную под названием карлистской, но потерпели поражение. В 1876 г. претендент на престол и его сторонники бежали во Францию. Раздираемые внутренними противоречиями, борьбой различных течений и группировок, республиканцы не представляли серьезной опасности для режима.

В 1876 г. была провозглашена новая Конституция, объявлявшая страну *конституционной монархией*, в которой законодательная власть принадлежала королю и двухпалатному парламенту. В верхней палате (сенат) заседали титулованные аристократы, крупные помещики и финансисты. Нижнюю палату (палату депутатов) избирали лица с высоким имущественным цензом (1/20 часть взрослого населения), причем, как показала общественная практика, выборы систематически фальсифицировались: обе правящие партии заранее договаривались, какая из них должна прийти к власти на очередное пятилетие, и ей независимо от результатов голосования предоставлялось абсолютное большинство мест в нижней палате. По настоянию папы Пия IX в Конституцию была включена статья, в которой говорилось, что государственной религией является апостолическая римская католическая, другие религии не имеют права на публичное отправление культа, государство обязано содержать католическую церковь и духовенство. Неудивительно, что испанцы прозвали Конституцию 1876 г. «конституцией нотаблей», т. е. знати.

Органы местной власти практически не существовали. Вся полнота власти находилась в руках помещиков, которые по своему усмотрению творили суд и расправу в деревнях и селениях. Народ пребывал в невежестве и бесправии.

Центрами сопротивления режиму, хотя и не очень активного, были университеты. Светских профессоров за недостаточное рвение в прославлении католицизма устранили с кафедр, что вызывало возмущение студентов. Так, в ноябре 1881 г. в Мадридский университет ворвались 40 жандармов и жестоко избивали всех попадавшихся навстречу, не только студентов, но и профессоров. Республиканцы, находившиеся в эмиграции, организовали несколько выступлений в различных городах страны, но все выступления были плохо подготовлены и закончились поражением. Самую активную часть республиканской эмиграции возглавлял энергичный полити-

ческий деятель, непримиримый противник режима *Руис Сория*.

Во внешней политике правительства Реставрации первоначально ориентировались на Германию. В 1881 г. Альфонс XII посетил Берлин, где ему был оказан радушный прием. Кайзер Германии Вильгельм I назначил его почетным командиром уланского полка. Сближение Испании с главным врагом Франции вызвало ухудшение отношений с Парижем, где состоялась антииспанская демонстрация под лозунгами: «Смерть уланам!», «Долой улана Альфонса!». Дружба с Испанией не мешала Бисмарку, стремившемуся прибрать к рукам все, что плохо лежит, направить в 1885 г. военные корабли на принадлежавшие Испании Каролинские острова в Тихом океане. Возник серьезный кризис, в Мадриде проходили демонстрации с требованием объявить Германии войну. Кановас, понимавший, что силы Германии и Испании несопоставимы, искусными дипломатическими маневрами добился согласия кайзера на арбитраж папы Льва XIII, который вынес компромиссное решение: Каролинские острова остаются под суверенитетом Испании, но она обязуется предоставить Германии право свободно торговать, осуществлять навигацию, заниматься рыбной ловлей и создать на островах морскую базу, угольный склад и сельскохозяйственные колонии на тех же правах, которые имели испанцы.

Пакт в Эль-Пардо. Альфонс XII был слаб здоровьем, но вел несоответствующий своему здоровью образ жизни и в результате умер в 1885 г. 28 лет от роду от туберкулеза. Наследника мужского пола не было. Правда, супруга Альфонса, австрийская эрцгерцогиня Мария Кристина, была беременна и в ожидании сына провозглашена регентшей. Однако положение ее было незавидным: противники режима, как республиканцы, так и карлисты (а за теми и другими стояли значительные общественные силы), не желали ее признавать, в народе она, иностранка, не пользовалась ни симпатией, ни поддержкой. Стремясь спасти режим, «отцы Реставрации» — генерал Мартинес-Кампос, Кановас и Сагаста — в конце 1885 г. созвали во дворце Эль-Пардо совещание влиятельных людей и выработали так называемый пакт в Эль-Пардо. Он предусматривал признание Марии Кристины регентшей, сплочение страны вокруг шатающегося трона и подтвердил практиковавшийся и прежде принцип поочередного правле-

ния консерваторов и либералов. Сформированный кабинет Сагасты столкнулся с новыми попытками организовать переворот: сначала в районе Картахены, где солдаты-республиканцы во главе с сержантом Касеро овладели на короткий срок крепостью Сан-Хулиан, но вскоре сдались правительственным войскам, а затем в Мадриде, где в ночь на 19 сентября 1886 г. восстали два полка — пехотный и кавалерийский, заняли столичный вокзал Аточа, но удержать его не смогли. Руководители восстания — бригадный генерал Вильякампа и др. — были приговорены к смертной казни, но помилованы.

Стремясь опереться на либерально настроенные слои городского населения, Сагаста провел через кортесы несколько прогрессивных законов, главными из которых были введение всеобщего избирательного права для мужчин, разрешение создавать политические ассоциации, введение суда присяжных, провозглашение законности гражданского брака, свободы совести, всеобщей воинской повинности, а также сокращение офицерских должностей в штабах и военных канцеляриях. Эти реформы укрепили положение режима, а рождение в мае 1886 г. будущего короля *Альфонса XIII* превратило Марию Крестину в подлинную регентшу при несовершеннолетнем монархе.

Хотя в экономическом отношении Испания оставалась отсталой страной, здесь в конце XIX в. происходили несомненные сдвиги: на Севере — в Каталонии, Стране басков, Астурии развивались металлургия и текстильная промышленность, строились машиностроительные заводы. Большую роль в индустриализации Испании играл иностранный капитал — английский (добывающая промышленность, железные дороги, электротехника, судостроение), французский (металлургия, текстильные фабрики, военная промышленность), а также бельгийский, немецкий, канадский. Развивалось и сельское хозяйство. Испания поставляла на мировой рынок все больше оливкового масла, цитрусовых, вин. Однако возможности испанской экономики, ее природные богатства, отличные климатические условия использовались далеко не полностью. Это объяснялось наряду с другими причинами также тем, что ее политический строй не благоприятствовал развитию экономики, а правители заботились не о нуждах страны и народа, а только о своей выгоде. Из-за сохранения крупного землевладения (некоторые помещики владели огромными латифундиями и значительная часть земли не обрабатывалась) и нищеты

крестьянства, составлявшего более 70% всех работающих, спрос на товары внутри страны был очень низким.

Анархисты, социалисты и автономисты.

Недовольство широких слоев населения политикой правящих кругов выражали анархисты, социалисты и автономисты. Анархисты главной формой борьбы в 80—90-е годы избрали террор. В Андалусии члены созданной анархистами организации «Черная рука» убивали помещиков, грабили и поджигали имения, навлекая на местных крестьян жесточайшие репрессии. В городах, особенно в Барселоне, множились покушения: дважды стреляли в Альфонса XII, две бомбы были брошены в ехавшего верхом Мартинеса Кампоса. Генерал не пострадал, но многие прохожие были тяжело ранены. В том же году взрыв бомбы в барселонском театре Лисео унес жизни 18 человек, многие получили ранения. В августе 1897 г. анархист в упор застрелил находившегося на курорте премьер-министра Кановаса дель Кастильо. Эти и другие многочисленные террористические акты по существу ничего не могли изменить в испанской политике.

Наряду с анархистским направлением существовало и росло соперничавшее с ним *социалистическое направление*, опиравшееся на марксизм. В 1879 г. группа марксистов во главе с типографским рабочим *Пабло Иглесиасом* основала *Испанскую социалистическую рабочую партию* (ИСРП), которая позднее примкнула ко II Интернационалу. В 1888 г. оформилось первое в стране профсоюзное объединение — *Всеобщий союз трудящихся* (ВСТ), находившееся под влиянием ИСРП. Таким образом, параллельно развивались два основных течения в рабочем движении: в Андалусии и Каталонии — анархистское, в Мадриде, Астурии и других промышленных районах — социалистическое. В то время как анархисты отрицали всякую политическую борьбу, социалисты проводили первомайские демонстрации и предъявляли правительству и предпринимателям не только экономические, но и политические требования. В практику рабочего движения вошли забастовки, вынудившие Сагасту провести первые законы в интересах рабочего класса — о 10-часовом рабочем дне, запрещении труда детей до 14 лет и др.

Испания была страной многонациональной — помимо собственно испанцев или кастильцев, населявших большую часть страны, на Севере жили каталонцы, баски и галисийцы, пре-

тендовавшие если не на независимость, то во всяком случае на определенную автономию, обеспечивавшую свободное развитие их языков и культуры. Поскольку мадридское правительство и слышать не хотело о какой бы то ни было автономии и преследовало ее сторонников, обвиняя их в сепаратизме, в Испании разгорелось национально-освободительное движение, требовавшее автономии отдельных частей страны, особенно Каталонии и Страны басков. Так, в 1892 г. в городе Манреса (Каталония) националистическая организация «Каталонский союз» выдвинула в качестве программы-минимум требование преобразовать Каталонию в автономную область, имеющую свое правительство и парламент, но Мадрид отказался даже обсуждать это требование.

Потеря важнейших колоний. В конце XIX в. Испания стремилась во что бы то ни стало удержать свои колонии. Так, в 1893 г. происходили серьезные столкновения с марокканцами в районе захваченной Испанией еще в XV в. Мелильи. Первоначально испанцы со значительными потерями были обращены в бегство; пришлось высаживать на южное побережье Средиземного моря 25-тысячную армию во главе с генералом Мартинесом Кампосом, после чего из-за несообразности сил марокканцам пришлось отступить и подписать мирное соглашение (март 1894 г.).

Упорную борьбу за независимость вело население острова Пуэрто-Рико. В 1897 г. остров получил право посылать своих депутатов в испанские кортесы, торговать не только с Испанией, но и со всеми другими странами, создавать органы местного самоуправления.

Самой сложной проблемой для Испании стало удержание в повиновении народа Кубы (см. главу 27). В феврале 1897 г. испанское правительство опубликовало декрет о предоставлении Кубе и Пуэрто-Рико автономии в рамках испанской колониальной империи. Но народное восстание за независимость на Кубе продолжало нарастать, а правительство США под предлогом защиты кубинцев готовилось к войне против слабой в военном отношении Испании, с тем чтобы лишить ее Кубы и Филиппинских островов. Для начала войны нужен был лишь повод, который не заставил себя долго ждать. 15 февраля 1898 г. на североамериканском крейсере «Мэн» на рейде Гаваны произошел взрыв, правительство США обвинило в организации взрыва испанцев и вскоре объявило войну Испании.

Войска США высадились в районе Сантьяго де Куба. В морском сражении испанские корабли были разгромлены. Испанцы капитулировали сначала на Кубе, а затем на острове Пуэрто-Рико.

На Филиппинах антииспанское восстание населения началось еще в августе 1896 г. США обещали филиппинцам поддержку при условии, что после освобождения от Испании Филиппины будут провозглашены республикой, находящейся под протекторатом Соединенных Штатов. Американский военно-морской флот вошел в Манильскую бухту 30 апреля 1898 г. и в коротком сражении разгромил слабую испанскую эскадру. Вскоре капитулировал сухопутный испанский гарнизон Манилы.

По мирному договору, подписанному 10 декабря в Париже, Испания передала США Филиппины и Пуэрто-Рико, получив за это 20 млн долларов и право в течение десяти лет направлять свои торговые суда на Филиппины. Кроме того, Испания отказалась от власти над Кубой.

Общественный подъем начала 90-х годов. Первые годы после поражения Испании прошли в обстановке политической напряженности: резко усилился каталонский сепаратизм, священники Барселоны потребовали, чтобы преподавание Катехизиса на территории Каталонии велось на каталонском языке; министров центрального правительства освистали на барселонских улицах, в ответ центральные власти объявили Барселону на военном положении; в кортесах прошла резолюция, осуждающая продажу США Филиппинских островов, что привело к отставке кабинета Сагасты; всеобщее недовольство вызвал проект бюджета на 1900 г., предусматривавший большой дефицит; имели место крупные забастовки в промышленных центрах страны; развернулось широкое антиклерикальное движение — за устранение церкви из сферы народного образования и запрещение деятельности различных церковных конгрегаций.

В 1902 г. Альфонс XIII был объявлен совершеннолетним, а регентство Марии Кристины аннулировано.

Поражение Испании обнажило ее крайнюю отсталость и слабость, вызвавшие, особенно среди интеллигенции, глубокое разочарование и требование возрождения страны, обновления устаревших экономических, политических и морально-нравственных структур. Эти настроения, резко критические и ан-

тиконформистские в отношении правящих кругов, отразила группа молодых писателей и ученых, получивших название «поколения 1898 года». В нее входили писатели *Пио Бароха*, *Антонио Мачадо*, *Рамиро де Маэсту* и др. Вслед за историком и социологом *Хоакином Коста* они требовали «революции сверху», т. е. модернизации Испании с целью преодоления ее отсталости и отставания от других стран Западной Европы. Хотя эта группа не выработала общей платформы и каждый из названных писателей и ученых шел своим путем, их заслуга состояла в том, что они забили тревогу, вскрыли перед народом пороки существующего режима, пробудили общественную активность. Многие передовые люди и прогрессивные организации сделали из критики, которой представители «поколения 1898 года» подвергали различные стороны жизни Испании, значительно более радикальные выводы, чем они сами.

Экономика и политика в начале XX в.

Начало XX в. ознаменовалось экономическим подъемом: деньги, полученные за Филиппины и за проданные в 1899 г. Германии Каролинские и Марианские острова, были вложены в промышленность и способствовали росту производства. Возникли новые банки, сосредоточившие значительные капиталы (Испано-американский, Бискайский, Испанский кредитный). Промышленный рост по-прежнему ограничивали старые аграрные структуры: 2% земельных собственников владели 47% обрабатываемых земель, но вкладывали в свои хозяйства очень мало средств. Отсюда низкая урожайность, нищета крестьян — основного населения страны, их низкая покупательная способность.

Продолжался приток иностранных капиталов, которые почти полностью господствовали в добывающей и химической промышленности, на железных дорогах.

Неизменным оставался и государственный строй: сохранялась двухпартийная система, сменились лишь лидеры, пришедшие на смену умершим. Теперь консерваторов возглавил *Антонио Маура*, либералов — *Хосе Каналехас*, а политические нравы оставались прежними — чередование партий у власти, фальсификация результатов выборов. Обе партии обещали избирателям провести реформы, обеспечивающие модернизацию страны, но годы шли, а реформы оставались нереализованными, что приводило к частой смене правительств.

В рабочем движении росли численность и влияние ИСРП, возглавляемой Пабло Иглесиасом, и ВСТ, которым руководил *Антонио Гарсия Техидо* (в 1911 г. ВСТ насчитывал 127 тыс. членов, в 5 раз больше, чем в 1900 г.). Анархистское направление переживало кризис, связанный с провалом господствовавшей в конце прошлого столетия тактики индивидуального террора. Преодолеть кризис анархистам удалось путем перехода к *анархо-синдикализму*. В 1910—1911 гг. были созданы профсоюзные объединения анархо-синдикалистского направления — *Национальная конфедерация труда* (НКТ). Анархо-синдикалисты выступали против создания политических партий рабочего класса и его участия в политической борьбе, считали высшей формой организации рабочих профсоюзы (синдикаты), призывали своих сторонников к «прямому действию», подразумевая под этим саботаж, экономические забастовки, а затем и всеобщую стачку, которую они объявляли высшей формой пролетарского движения. Анархо-синдикализм нашел в Испании широкую поддержку.

Нежелание правящих кругов осуществлять серьезные преобразования привело к массовому движению протеста. Анархо-синдикалисты придавали народным выступлениям антиклерикальный характер, поджигали церкви и монастыри, убивали священников, что вызывало нередко кровавые столкновения с полицией и «гражданской гвардией» (жандармерией). В 1902 г. почти одновременно происходили массовые забастовки рабочих Барселоны и батраков Андалусии. И те и другие были жестоко подавлены, но борьба не прекратилась.

Наивысшего размаха крестьянское движение достигло в 1905—1906 гг. Во многих районах Андалусии засуха привела к голоду, крестьяне совершали рейды в города (Севилью, Кадис, Кордову и др.), штурмовали продовольственные магазины и булочные.

Усилилась борьба за автономию в национальных районах — Каталонии, Стране басков, Галисии. Эта проблема стала хронической, никакие репрессии не могли ее остановить.

Альфонс XIII считал своей главной опорой армию, ее обширный, непропорциональный числу солдат офицерский корпус (около 500 генералов, 900 полковников и 28 тыс. остальных офицеров на 80 тыс. солдат). Офицеры получали высокое жалованье, имели различные привилегии и пользовались неизменным благоволением короля. «Счастлив монарх, — писал он в первом после вступления на престол обращении к армии, —

который находит в вооруженных силах надежную опору социального спокойствия и общественного мира».

Между тем анархисты-террористы не смирились с новыми веяниями и решили доказать свою силу. В конце мая 1906 г., в день бракосочетания Альфонса XIII и внучки английской королевы Виктории, анархист бросил бомбу в свадебный кортеж на главной улице Мадрида. Молодожены не пострадали, но в собравшейся на пути их следования толпе 23 человека были убиты и около 100 ранены. Покушавшийся, воспользовавшись суматохой, бежал, но вскоре был задержан, убил задержавшего его и покончил с собой. В ответ кортесы приняли жесткий антитеррористический закон.

Война в Марокко. «Кровавая неделя». Марокко было одной из последних территорий, еще не захваченных иноземцами. За контроль над ним боролись Франция, Германия, Испания. В конце концов Франция, заручившись поддержкой Англии, Италии и Испании, получила свободу рук в Марокко, обещая выделить Испании небольшую зону на севере и район Ифни на юге Марокко. Испанцы стали нападать на марокканцев из Мелильи, пытались построить железную дорогу, ведущую к железорудным марокканским месторождениям. Марокканцы нанесли поражение испанским войскам и прибывшим из метрополии подкреплениям. Правительство Мауры, оказавшись перед лицом нового позорного поражения, решило направить в Марокко крупные силы со всей страны и призвало в армию резервистов. Это решение, означавшее большую войну, вызвало повсеместно сильные волнения, центром которых стала Барселона. Здесь прошли массовые антивоенные митинги, затем по призыву социалистов и анархо-синдикалистов началась всеобщая забастовка, которая переросла в восстание.

26—28 июля 1909 г. на улицах каталонской столицы были построены баррикады, анархисты по своему обыкновению поджигали монастыри и церкви. Восстание перекинулось в близлежащие индустриальные города Каталонии. В первые дни правительство растерялось, гарнизон Барселоны после отправки большей его части в Африку оказался не в состоянии противостоять повстанцам; оправившись от растерянности, Маура стянул в Каталонию войска из отдаленных районов и к 29 июля восстание было подавлено с крайней жестокостью. Его участников судили военные трибуналы, выносившие смерт-

ные приговоры. Маура ввел по всей стране осадное положение.

В числе приговоренных к смертной казни был *Франсиско Феррер Гуардия*, видный просветитель и педагог, боровшийся против влияния церкви на школу и создавший в противовес католическим учебным заведениям светские «современные школы» сначала в Барселоне, а затем и в других городах. Правительство закрыло эти школы, а Феррера без всяких на то оснований объявило инициатором и лидером июльского восстания. Несправедливый приговор вызвал протесты по всей Испании и за границей, где был создан «Комитет защиты жертв репрессий в Испании», назвавший в своем воззвании правительство Мауры «самым трусливым и лицемерным правительством в мире, если не считать правительства царской России». Несмотря на протесты, Феррер был расстрелян.

Свирепая расправа Мауры с участниками «кровавой недели», как была названа эта июльская неделя, сделала невозможным дальнейшее пребывание его во главе правительства. Лидер социалистов Пабло Иглесиас публично заявил, что враги Испании — не марокканцы, а Маура и его министры. В парламенте проходили бурные заседания, против Мауры выступили депутаты от всех партий, кроме консерваторов. Ему пришлось уйти в отставку. Затем на него в Барселоне покушался анархист, ранивший лидера консерваторов в ногу.

Новый кабинет сформировали либералы — сначала *Сехисмундо Морет*, а в феврале 1910 г., после роспуска кортесов и новых выборов, принесших успех либеральной партии, ее лидер — *Хосе Каналехас*. Отметим, что во время выборов в парламент впервые был избран депутат от ИСПР — Пабло Иглесиас.

Стремясь успокоить страну, взбудораженную событиями 1909 г. — колониальной войной и «кровавой неделей», — либералы отменили осадное положение, восстановили действие Конституции, провели амнистию политическим заключенным, осужденным за участие в антивоенных выступлениях, и некоторые антиклерикальные законы, ограничивавшие деятельность существующих и запрещавшие создание новых религиозных конгрегации (эти законы вызвали недовольство папы и охлаждение в отношениях Испании с Ватиканом), приняли решение создать в Каталонии совещательный орган, так называемый *манкомунidad* — совет муниципалитетов, которому предоставлялось право решать вопросы народного обра-

зования, здравоохранения, связи, осуществлять общественные работы. Понятно, что манкомунidad не удовлетворил каталонских автономистов, и их борьба против централизаторской политики Мадрида продолжалась.

Обострение политической борьбы. В целом, однако, политика либералов была на этот раз более прогрессивной, чем всех предшествующих кабинетов периода Реставрации. Несмотря на это, 12 ноября 1912 г. премьер-министр Х. Каналехас был застрелен в упор анархистом на центральной площади Мадрида в момент, когда он рассматривал витрину магазина. На преступника набросились прохожие, и он застрелился.

В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, политическая борьба в Испании усилилась. В обеих чередовавшихся у власти партиях — консервативной и либеральной — произошел раскол. Правое крыло консерваторов возглавлял *Маура*, левое — *Эдуардо Дато*; лидером правого крыла либералов был *граф Романонес*, левого — *Гарсия Прието*. Между партиями шла теперь ожесточенная борьба за власть: после смерти Каналехаса кабинет министров в течение года возглавлял граф Романонес, а с октября 1913 г. его сменил консерватор умеренного толка Дато. Предвоенные годы характеризовались ростом забастовочного движения. Самыми крупными рабочими выступлениями после «кровавой недели» 1909 г. были забастовки горняков в центре Страны басков Бильбао (1910), стачка рабочих Сарагосы и новое выступление в Бильбао, приведшее к временному закрытию здесь заводов, а также порта — самого крупного на северном побережье Испании (1911); забастовка шахтеров угольных копей Астурии, всеобщая забастовка железнодорожников, которую правительству удалось сорвать мобилизацией работников железных дорог в армию (1912). Неудачи забастовочного движения были в значительной степени результатом политики лидеров анархо-синдикалистов, которые предпочитали серьезной подготовительной и разъяснительной работе импровизированные и плохо организованные выступления.

Жестокое подавление революционного движения в Каталонии не привело к прекращению освободительной борьбы. Напротив, не только рабочие, но и буржуазия этой развитой в индустриальном отношении части Испании все настойчивее требовали автономии. Большую роль в этом движении играла

созданная еще в 1906 г. организация «Солидаридад каталана», где руководителями были каталонские националисты.

Марокканская проблема. Война в Марокко продолжалась практически без перерыва. Испанцы, несмотря на огромное превосходство в вооружении и военном искусстве, были бессильны против применявших гибкую тактику марокканцев, пользовавшихся полной поддержкой всего местного населения. Их подвижные, отлично знающие местность отряды постоянно совершали набеги на позиции испанцев, нанося им урон. Испанским солдатам приходилось все время быть начеку и отвечать на каждый набег туземцев контрударами. Марокканская война превратилась в хроническую затяжную болезнь, вызывая крайнее недовольство общественности неспособностью испанской армии преодолеть сопротивление противника.

Испания участвовала, хотя и в качестве младшего партнера, в борьбе держав, прежде всего Франции и Германии, за Марокко. В обмен на поддержку французских притязаний на земли султана Франция согласилась передать испанцам небольшую территорию на севере Марокко, что было оформлено договором между обеими странами, подписанным 27 ноября 1912 г. Он предусматривал создание протектората Марокко и знаменовал улучшение франко-испанских отношений. В 1913 г. президент Французской республики Р. Пуанкаре посетил Мадрид, где ему была устроена торжественная встреча. В официальном коммюнике констатировалось «полное единство взглядов между обеими странами, в частности, в вопросах, касающихся действий, осуществляемых ими в Марокко». Однако на ход военных действий в Испанском Марокко эти соглашения не повлияли. Тяжелая борьба продолжалась, унося немало жизней молодых испанских солдат.

Когда началась Первая мировая война, Испания, переживавшая экономический и политический кризис, объявила о своем нейтралитете, но в правящих кругах ее были как сторонники Антанты, так и германофилы, между ними шла ожесточенная борьба. Пожалуй, никто не хотел ввергать страну в мировую схватку, но каждая из партий старалась оказать услуги той из воюющих сторон, которой она сочувствовала. Понятно, что это вызывало протесты другой стороны и вынуждало испанское правительство приносить свои извинения и обещать строго соблюдать нейтралитет.

Политика и экономика Португалии в конце XIX в. В конце XIX в. Португалия была одной из самых отсталых стран Европы с населением около 5 млн человек. Подавляющее число работавших жили в сельской местности и занимались сельским хозяйством, рабочих в промышленности и на транспорте насчитывалось не более 80 тыс. Полезные ископаемые — железная руда, олово, пириты и гордость страны — пробковый дуб вывозились за границу в необработанном виде, так как обрабатывающая промышленность в Португалии практически отсутствовала, имелись лишь текстильные и пищевые предприятия. На экспорт шли также оливковое масло, продукты рыбоконсервного производства и славившийся во всей Европе портвейн. Необходимые промышленные товары ввозились из-за границы, прежде всего из Англии, которая была связана с Португалией неравноправным военно-политическим союзом.

Несмотря на экономическую отсталость, Португалия прочно удерживала обширную колониальную империю, в которую входили Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау, острова Зеленого Мыса, Сан-Томе и Принсипи в Африке; Гоа, Даман и Диу в Индии; Макао и Тимор в Юго-Восточной Азии. Общая площадь колоний составляла 2,1 млн кв. км, что почти в 23 раза превышало площадь самой Португалии. Народы колоний вели почти непрерывную борьбу против португальского господства. Самые крупные выступления имели место в Мозамбике (1894—1895), Анголе (1900—1903), но эти движения сравнительно легко были подавлены португальцами.

В Португалии, как и в Испании, существовали монархический строй и двухпартийная система. У власти чередовались *«Реженерадос»* («Возрождение») и *Прогрессистская партия*. В первой преобладали помещики, во второй, которая выделилась из первой в 1876 г., — буржуазия. Обе партии пользовались поддержкой Англии и были вынуждены проводить удобную ей политику.

Крайне низкий жизненный уровень вынуждал португальцев эмигрировать в Бразилию, где они рассчитывали получить работу и лучшие условия жизни, чем на родине. Все это вызывало недовольство населения страны политикой обеих правящих партий. Под влиянием Парижской коммуны и испанской революции 1868—1873 гг. в Португалии, главным образом среди мелкой буржуазии, усилились антимонархические ла-

строения, что привело в 1876 г. к созданию *Республиканской партии*.

В начале 70-х годов в Португалии насчитывалось около 30 секций I Интернационала. В 1875 г. была образована *Социалистическая партия*.

Хотя в 80-е годы наблюдалось некоторое ускорение темпов развития португальской промышленности, экономическое положение страны оставалось тяжелым. Бюджет традиционно сводился с дефицитом, государственный долг быстро рос, задолженность иностранным государствам также, проценты по займам, которые приходилось ежегодно выплачивать, достигли почти 40% всех расходов страны. В этих условиях правительству пришлось объявить себя банкротом. Страны-кредиторы Португалии были крайне возмущены этим и решили заставить Лиссабон расплачиваться своими колониями: в 1898 г. по предложению германского канцлера Бюлова было подписано англо-германское соглашение, которое предусматривало предоставление Португалии займа в обмен на ее колонии. Англии должны были перейти южный Мозамбик и центральная Ангола, а Германии — северный Мозамбик, южная и северная части Анголы и остров Тимор в Тихом океане. Взамен Германия отказывалась от поддержки бурских республик, к нападению на которые в тот момент готовилась Англия.

Вскоре, однако, англичане одумались: противоречия с Германией обострялись, дело шло к большой войне, и английское правительство вернулось к своему «вечному союзнику», предоставив Португалии большой займ и подписав с ней в октябре 1899 г. секретное Виндзорское соглашение. Оно гарантировало неприкосновенность территории Португалии и ее колоний в соответствии с англо-португальскими союзными договорами 1642 и 1661 гг., а Португалия обязалась не пропускать через территорию своих африканских колоний войска, вооружение и военные материалы для бурских республик.

О том, каким ненадежным союзником была Англия и как менялась ее позиция в зависимости от конъюнктуры, свидетельствует тот факт, что в 1913 г., стремясь избежать прямой конфронтации, Англия предложила Германии вернуться к договору о разделе португальских колоний и даже проявила щедрость, согласившись отдать немцам всю Анголу. Переговоры велись до июля 1914 г., обоюдное согласие было достигнуто, но началась Первая мировая война.

Революция 1910 г. и ее последствия. В начале XX в. промышленность стала развиваться быстрее: в 1900 г. в стране насчитывалось уже около 500 тыс. рабочих, часть которых поддерживала республиканцев. Подобные же настроения стали распространяться в армии и на флоте, где в 1902 и 1906 гг. происходили антимонархические выступления. Встревоженный король *Карлуш I* распустил парламент и призвал к власти лидера партии «Возрождение» *Жуана Франку*, который сначала пытался бороться с народным движением жестокими репрессиями, но, не добившись успеха, пошел на некоторые уступки, объявив политическую амнистию и провозгласив свободу печати. Когда же и это не помогло, по приказу Франку войска стреляли в демонстрантов на улицах Лиссабона. Это вызвало бурные протесты республиканцев.

Было очевидно, что в Португалии назревает революция. 1 февраля 1908 г. анархист бросил бомбу в королевский экипаж. Находившиеся в нем король Карлуш I и его сын, наследник престола, погибли.

Новый король, младший сын Карлуша *Мануэль II*, тщетно пытался сбить революционную волну мелкими уступками типа снижения расходов королевского двора. Республиканские выступления следовали одно за другим. Среди офицеров существовала заговорщическая организация, готовившая восстание. На парламентских выборах 1910 г. республиканцы получили 14 мест вместо четырех.

В ночь с 3 на 4 октября 1910 г. заговорщики, во главе которых стоял убежденный республиканец *Машаду душ Сантуш*, подняли восстание, ряд гарнизонов поддержал восставших. Утром народ вышел на улицы Лиссабона. Повстанцы объявили, что на их сторону перешли команды стоявших на рейде крейсеров португальского военно-морского флота.

Утром 5 октября правительственные войска капитулировали, Мануэль II и его приближенные бежали из Лиссабона, а руководители восстания с балкона муниципального совета столицы провозгласили Португалию республикой. Было создано временное правительство во главе с популярным в стране поэтом *Теофилу Брага*. Оно провело ряд прогрессивных законов: отделило церковь от государства, отменило дворянские титулы, провело выборы в Учредительное собрание, которое в августе 1911 г. приняло новую Конституцию. Законодательную власть осуществляли палата депутатов и сенат; последний избирался местными органами власти, а первая — всеобщим

голосованием мужчин старше 21 года, кроме неимущих и солдат. Парламент избирал президента, который вместе с назначенным им правительством осуществлял исполнительную власть. Конституция провозглашала свободу печати и совести, монашеские ордена ликвидировались, а большая часть их имущества конфисковывалась. Рабочие получили право на забастовки, в промышленности устанавливался 8-часовой рабочий день.

Конституция 1911 г. была для своего времени одной из самых прогрессивных. Однако многие из провозглашенных в ней свобод не были осуществлены на практике. Пришедшие к власти республиканцы не провели глубоких социально-экономических преобразований, не посягнули на помещичье землевладение, сохранили угнетенное положение колоний, хотя формально провозгласили их автономию в составе Португалии.

В связи с тем что экономическое положение трудящихся после революции не улучшилось, предвоенные годы прошли в обстановке частых забастовок.

С началом Первой мировой войны многие португальские политики стремились сохранить нейтралитет, но поскольку Португалия и после революции оставалась зависимой от Англии, ей пришлось выступить на стороне Антанты. Впрочем, участие Португалии в войне было символическим.

глава 24 Малые страны Западной, Центральной и Северной Европы

Экономические успехи и общественно-политические проблемы Бельгии. В экономике страны произошли существенные изменения. В противовес Главному Обществу (*80c1ê1ë &ëpegale*), которое всегда подозревали в приверженности идеям оранжизма, был создан *Бельгийский банк*, — он предоставлял значительные кредиты на развитие промышленности. В третьей четверти XIX столетия произошло значительное увеличение добывающей (угольная) и перерабатывающей (металлургия, машиностроение, текстильная, стекольная и др.) промышленности. Бурное развитие промышленности, широкая посредническая торговля, а также эксплуатация многочисленных колоний, которыми Бельгия завладела в период царствования *Леопольда II*, сделали эту маленькую страну одной из наиболее развитых стран, экспортирующих не только промышленную продукцию, но и капитал. Бельгия вывозила капиталы в Иран, Египет, Сиам, Китай, страны Южной Америки и Россию.

В результате подъема промышленности и торговли ускорилась концентрация производства, создавались многочисленные монополистические объединения, в первую очередь в угольной и металлургической отраслях промышленности.

В сельском хозяйстве шел процесс расслоения и выделения крупных хозяйств. В целом же аграрный строй Бельгии характеризовался преобразованием мелких хозяйств и большим удельным весом арендуемых земель. В начале XX в. число арендаторов в бельгийской деревне в три раза превышало число собственников земли. Более 80 тыс. бельгийских крестьян ежегодно отправлялись на заработки в города и в соседние страны (Францию, Германию и др.).

Экономическая политика государства в эти годы характеризовалась *либерализмом*, выразившимся прежде всего в от-

мене целого ряда ограничений. Это касается таможенной политики, отмены городских внутренних пошлин, освобождения от пошлины прохода по реке Шельде, свободы бирж и маклерства, акционерных обществ, создания сберегательных касс, национального общества подъездных железных дорог.

К 1910 г. в промышленности Бельгии было занято 48% активного населения, а в сельском хозяйстве — только 16%. Были достигнуты большие успехи в развитии как промышленности, так и сельского хозяйства. В основных отраслях промышленности преобладающим типом становились крупные предприятия. На долю акционерных обществ приходилось лишь 4,4% общего числа промышленных предприятий, но число работавших на них составляло 47,4% всех рабочих.

Промышленная Бельгия с ее высокой плотностью населения все более зависела от международной торговли. Она покупала за границей значительную часть продуктов питания и, что особенно важно, все необходимое ей промышленное сырье. Бельгия вывозила большую часть своей промышленной продукции: по некоторым отраслям экспорт составлял 50—60%, а порой даже 80—90% всего производства. Бельгийские предприниматели строили в это время самые разнообразные предприятия, главным образом электропромышленные и транспортные, по всему миру, особенно в России, в странах Южной Америки, Китае.

Следствием серьезных перемен в экономике и структуре общества было изменение в соотношении политических сил. После выборов в июне 1870 г. к власти пришли католики. Правительство Ж. Малу, находившееся у власти восемь лет, сменило либеральное правительство *Фрер-Орбана*. Оно развязало «школьную войну», начавшуюся из-за того, что законом было разрешено создавать официальные светские школы, в которых преподавание религии было заменено преподаванием морали. Борьба католиков против «школ без бога» приобрела серьезный размах. Повсюду возникали сотни так называемых свободных школ, и через два года они уже составляли 66% от общего числа всех школ. Фрер-Орбан не побоялся разорвать дипломатические отношения с папой Львом XIII.

В течение пяти лет шла ожесточенная борьба между либералами и католиками за пересмотр закона о начальном образовании. Борьба закончилась внушительной победой католиков на выборах 1884 г. Новое министерство Ж. Малу восстановило преподавание религии в начальной школе.

Одной из острых в социальном отношении проблем была «фламандская проблема». Начиная с 70-х годов XIX в. все больше давали о себе знать противоречия между преимущественно аграрными фламандскими и индустриальными валлонскими провинциями. «Фламандская проблема» проявлялась в тот период в требовании признать на практике равноправие французского и фламандского языков как государственных. Это равноправие было декларировано *Конституцией* 7 февраля 1831 г., но долгое время оставалось лишь на бумаге. Закон 1898 г. подтвердил «принцип двуязычности», после чего тексты законов, надписи на почтовых и гербовых марках, монетах, государственных зданиях и т. д. стали даваться на обоих языках.

В 1879 г. в Бельгии была основана *Бельгийская социалистическая партия*, на базе которой в апреле 1885 г. образовалась *Бельгийская рабочая партия*. Несмотря на сильное влияние прудонизма и анархизма в бельгийском рабочем движении, БРП в своей программе 1894 г. признавала необходимость политической борьбы.

В конце XIX в. одной из важных проблем во внутренней жизни Бельгии становится выдвигаемое демократическими силами требование всеобщего избирательного права. Согласно действовавшему тогда цензовому избирательному закону из 6 млн бельгийцев избирательным правом пользовались лишь 137 тыс. человек. В конце века под лозунгом борьбы за всеобщее избирательное право проходили забастовки и массовые манифестации бельгийских трудящихся. Для усмирения бастующих правительству пришлось прибегнуть к помощи армии. Под давлением движения за всеобщее избирательное право оно вынуждено было принять закон *об избирательном праве для всех мужчин, достигших 25 лет*, причем лица с высшим образованием, собственники недвижимого имущества стоимостью в 2000 франков и т. п. имели право на два голоса.

В последней трети XIX в. в Бельгии были проведены некоторые изменения в рабочем законодательстве в пользу трудящихся: отменены законы о запрещении коалиций, отменены обязательные рабочие книжки, являвшиеся средством контроля, а иногда и давления предпринимателя на рабочего, установлен минимальный возраст детей при поступлении на работу в шахты: для мальчиков — 12 лет, для девочек — 14 лет.

В годы царствования Леопольда II Бельгия стала крупной колониальной державой. В бельгийской исторической литера-

туре существуют различные мнения относительно колониальной политики этого монарха. Одни расценивают ее как «грандиозную эпопею гениального идеалиста, который показал своей нации, привыкшей к домашнему очагу, что она может сыграть определенную роль в освоении Африки». Для других это король-грабитель с безмерным честолюбием и огромными притязаниями.

Объективно же колониальная политика Леопольда соответствовала идеям того времени и в принципе не отличалась от колониальной политики других государств. Для осуществления своих планов Леопольд пустил в ход все средства. Будучи еще наследным принцем, а потом и в первые годы своего царствования, Леопольд II лихорадочно искал, в каких уголках мира еще возможна бельгийская экспансия. Он обстоятельно изучил колониальные владения Англии на Борнео, Ближний Восток, Филиппины, Южную Америку, Мозамбик. Но ни Португалия, ни Испания, ни Нидерланды, ни Англия не желали ему уступить хотя бы маленькую часть своих колониальных владений.

В 1876 г. Леопольд II созвал в Брюсселе *Международную конференцию географов и других экспертов*. Задачей конференции было рассмотрение целого комплекса проблем Центральной Африки. Начиная с этого момента, Леопольд пустил в ход всю свою огромную энергию и работоспособность, все свое умение и ловкость, чтобы выкроить в этом регионе мира владение, где он будет единственным хозяином. Одна за другой, с короткими интервалами, в Африку отправлялись экспедиции.

В 1877 г. под председательством Леопольда была создана *Международная ассоциация Африки*. Ни одна из стран-участниц не предполагала вносить на это дело какие-либо крупные суммы. Но Леопольд твердо знал, что нельзя упустить хвой шанс. Когда он узнал, что журналист и исследователь Африки Генри Мортон Стэнли начал исследовать реку Конго у ее истоков, то решил взять его к себе на службу. В сентябре 1878 г. Леопольд собрал *Комитет по изучению Верхнего Конго*, который должен был организовать и финансировать новую экспедицию Стэнли. Англичанину было поручено скупать все земли у туземцев и ставить их под суверенитет Комитета по изучению Верхнего Конго. В апреле 1884 г. Леопольд добился признания Соединенными Штатами Америки Международной ассоциации Африки как суверенного правительства Конго. Затем он вырвал такое же признание у Франции. Бисмарк также

дал свое согласие, но при условии, что государство Конго гарантирует полную свободу торговли. *Берлинская конференция* 1885 г., признав создание независимого государства Конго, поставила Леопольда II как самодержавного монарха во главе этого государства.

Таким образом, решение Берлинской конференции о «свободном государстве Конго» способствовало осуществлению многолетних стремлений бельгийского монарха к приобретению колонии в Африке. Чтобы стать сувереном «Свободного государства Конго», Леопольду требовалось согласие парламента, ибо по ст. 62 Конституции 1831 г. король не мог быть одновременно главой другого государства без разрешения обеих палат, а согласие их могло быть принято только в том случае, если будет собрано 2/3 голосов. После подписания окончательного соглашения Ассоциацией Леопольд направил послание парламенту Бельгии, в котором сообщал о своем намерении стать главой «Свободного государства Конго». 28 апреля 1885 г. палата депутатов 124 голосами против одного и при одном воздержавшемся приняла решение, согласно которому «его Величество Леопольд II, король бельгийский, имеет право быть главой государства, созданного в Африке Международной Африканской Ассоциацией». Через день на заседании сената было принято аналогичное решение.

С самого начала существования «Свободного государства Конго» выяснилось, что как само его название, так и все связанные с ним декларации были призваны лишь маскировать истинные замыслы и цели новых хозяев страны. За вывеской «Свободного государства Конго» скрывались абсолютная власть и самодержавное правление короля-суверена. Здесь не было ни конституции, ни представительных органов. Все законодательство этой удельной вотчины Леопольда II создавалось им самим. Хотя «Свободное государство Конго» и Бельгия существовали формально независимо друг от друга, по существу между этими двумя государствами, соединенными личной унией в лице одного монарха, сразу же установились отношения, характерные для метрополии и колонии. Народ Конго был лишен политических прав и полностью отстранен от управления страной. Новое государство доставляло королю громадные денежные средства, добывавшиеся жестокой эксплуатацией негритянского населения. Это вызывало в самой Бельгии, особенно в ее радикальных и демократических кругах, недовольство против Леопольда. В 1906 г. Леопольд уступил

ШШ

111

1

•

•

1

права на Конго бельгийскому государству, и с этого времени Конго стало бельгийской колонией.

В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, Бельгия придерживалась нейтралитета в борьбе между двумя блоками в Европе, хотя экономически тяготела к Англии и Франции. В декабре 1909 г. и мае 1913 г. правительством были приняты законы о всеобщей воинской повинности, а также осуществлены некоторые мероприятия по подготовке к войне: постройка антверпенской крепости, укрепление Льежской цитадели и др. После нарушения 4 августа 1914 г. Германией бельгийского нейтралитета и вступления Бельгии в войну на стороне Антанты парламентская фракция социалистов проголосовала за военные кредиты.

В начале Первой мировой войны территория Бельгии, несмотря на ожесточенное сопротивление бельгийской армии, возглавлявшейся королем Альбертом I, была занята германскими войсками (кроме небольшой части Фландрии).

Модернизация Нидерландов. Во второй половине XIX в. Нидерландское королевство постепенно приобретало черты конституционной монархии. Этот процесс, начавшийся при *Вильгельме III*, продолжался после вступления на престол (1890 г.) *Вильгельмины*, правившей до 1948 г. Вместе с тем в последней трети XIX и начале XX в. происходила модернизация голландского общества.

Основным занятием населения оставались интенсивное земледелие и животноводство. Для получения средств на машины, удобрения, качественные семена и племенной скот — ради повышения эффективности производства — крестьяне закладывали свои земли. Но большую часть прибылей от вывоза продовольствия получали помещики и торговцы. В 50—70-е годы их прибыль составила миллиард гульденов, тогда как почти половина крестьян фактически потеряла собственность и превратилась в арендаторов. Нидерланды отличались высоким уровнем накопления — в расчете на душу населения они получали капитала вдвое больше, чем Великобритания. Но большинство населения испытывало лишения — недоставало пищи, одежды, жилья. В 1870 г. в Амстердаме из 260 тыс. жителей 100 тыс. жили **16** сырых подвалах. Не лучше было положение и в других городах и селах. Высокой оставалась смертность, особенно среди детей, из тысячи которых до 10 лет доживали менее 700. Страной пауперов называют Нидерланды того времени голландские историки.

Экономическому развитию страны способствовали два внешних фактора — открытие Суэцкого канала, значительно сократившего путь в ее колонии, и бурный промышленный рост Германии, для которой транзит через голландскую территорию приобретает жизненно важное значение. В 70—80-е годы голландский торговый капитал постепенно переориентировался на финансирование строительства дорог и судоходных каналов, обрабатывающей промышленности в метрополии и добывающей промышленности в колониях. Был построен канал, соединивший Амстердам с Северным морем. Роттердам, давно находившийся в упадке, в считанные годы превратился в один из крупнейших портов мира. Снова приобрел международное значение голландский торговый флот, он располагал в это время 700 судами общим водоизмещением в 800 тыс. т. Железнодорожная сеть достигла оптимальных размеров.

В 1883 г. был основан специальный фонд промышленного развития. В судостроении и других традиционных отраслях шел интенсивный процесс концентрации производства. К концу XIX в. крупное производство преобладало в пищевой промышленности, где многие предприятия насчитывали сотни рабочих. Текстильная промышленность из полудомашней, рассеянной по всей стране, становится фабричной.

В Нидерландах успешно развивалось металлообрабатывающее производство. Закладываются основы совершенно новых видов индустрии. Хозяева небольшого завода электроламп, вступившего в строй в 1891 г., положили начало мировому радиотехническому концерну «*Филипс*». Предприниматели, освоившие производство искусственного шелка, в 1911 г. создали мировой концерн АКЮ. Новые отрасли были *наукоемкими*, и голландские ученые внесли немалый вклад в развитие точных наук, разработку новых технологий.

Разумеется, экономические успехи Нидерландов не были бы ни столь значительными, ни столь быстрыми, если бы они не располагали ресурсами своей огромной колониальной империи. Страна, имеющая площадь 33 тыс. кв. км и население 6 млн человек, распоряжалась богатствами колоний площадью более 2,1 млн кв. км и населением, многократно превышавшим ее собственное. Нидерланды владели Голландской Индией, территория которой была в конце XIX — начале XX в. расширена голландскими войсками путем ликвидации государства Аче (на Суматре). Им принадлежали также Гол-

ландская Гвиана (Суринам) и острова Малого Антильского архипелага.

Вся необрабатываемая земля на Яве перешла в собственность Нидерландского государства. Она сдавалась в аренду только голландцам, которые на основе кабальных долгосрочных контрактов эксплуатировали местное население. На плантациях выращивали на экспорт кофе, сахарный тростник, рис, а также каучук. Создавались настоящие латифундии, и вскоре большая часть экспорта этих культур оказалась под контролем нескольких крупных компаний.

Аналогичные процессы шли в добыче нефти и олова. В 1907 г. путем слияния нидерландской Королевской нефтяной компании с английской компанией «Шелл» возник концерн «*Роял Датч Шелл*», один из нефтяных гигантов современного мира. Несколько крупнейших банков, в том числе Нидерландский, Амстердамский, Роттердамский, контролировали широкую сеть банковских и кредитных учреждений. Голландские банки вкладывали свои средства в США, Канаде, России и в колониях.

На пороге Первой мировой войны Нидерланды входили в число немногих стран с высокоразвитой экономикой. Но успешное развитие хозяйства само по себе не решало социальных проблем. Структурные изменения в обществе обостряли противоречия и порождали новые потребности. В ряду этих изменений — быстрый рост населения (1849 г. — 3 млн человек, 1909 г. — около 6 млн), сопровождавшийся урбанизацией (население Амстердама за 30 лет удвоилось, достигнув в 1900 г. 530 тыс. человек), усиленным притоком рабочей силы в промышленность (численность рабочих составила в 1914 г. около 800 тыс. человек, свыше 35% самодеятельного населения).

Либеральные правительства, находившиеся у власти с 1871 по 1888 г., опирались на значительную часть городского населения и находили поддержку у многих рабочих, объединенных в 1871 г. *Всеобщим Нидерландским рабочим союзом*. Они пытались решать назревшие социальные и политические вопросы — провести конституционную реформу и демократизацию школьного обучения, реорганизовать армию и налогообложение. Этому ожесточенно сопротивлялась консервативно-клерикальная оппозиция, которая в годы своего правления вносила коррективы реформ. Упорная многолетняя борьба по каждому вопросу не ограничивалась парламентскими круга-

ми, а постепенно захватывала все общество. Всеобщая воинская повинность была введена только в 1898 г. Закон о подоходном налоге, затрагивавший прибыль на капитал, удалось принять в урезанном виде лишь в 1892 г., а реализовать в 1914 г.

Затяжная и порой острая борьба развернулась вокруг школ и расширения избирательного права. Либералы, выступавшие за светскую демократизацию школы, столкнулись с консерваторами, католиками и кальвинистами. Школа без Бога, как утверждали католические епископы, или школа без Библии, как считали кальвинисты, открывала дорогу таким пагубным учениям, как атеизм и социализм.

Но либеральное правительство, возглавляемое *Капейном*, в 1878 г. провело через парламент новый закон о начальном школьном образовании, предусматривавший создание «достаточного числа школ, в которых дети могли бы обучаться независимо от религии».

Для противодействия прогрессивным преобразованиям в 1878 г. была создана *протестантская партия*, назвавшая себя антиреволюционной. Она опиралась на широкие слои протестантов, в том числе рабочих. Ей удалось добиться сплочения протестантов вокруг ортодоксальной церкви.

Возросла политическая активность и католиков. Католики, составлявшие треть населения страны, преимущественно крестьяне, были настроены консервативнее протестантов. Опираясь на церковные приходы, учебные заведения, благотворительные организации, католические епископы в 1897—1901 гг. создали *католическую партию*.

Либералы, протестанты и католики боролись между собой за влияние не только на средние слои городов и крестьянство, но и на рабочих. Однако уже с 60-х годов среди рабочих и ремесленников стали распространяться социалистические идеи. Они пропагандировались секцией I Интернационала. В 1878 г. из руководимого либералами Всеобщего Нидерландского рабочего союза вышел профсоюз кузнецов и основал в Амстердаме Социал-демократическое общество.

Влияние социалистов росло, и в 1882 г. был создан общеголландский *Социал-демократический союз*. Одной из главных его задач стала энергичная агитация за всеобщее избирательное право и улучшение условий труда. Растущее недовольство беднейших слоев населения благоприятствовало такой агитации. Оно выливалось даже в стихийные бунты, напри-

мер, в Амстердаме 25 июля 1886 г., для подавления которых правительству пришлось использовать вооруженную силу.

Социалисты подвергались травле со стороны полицейских властей, клерикалов, консервативной прессы. Но во главе движения за реформу избирательного права выступали либералы, активно действовавшие в парламенте. В 1887 г. парламент наконец решился расширить круг избирателей, снизив имущественный ценз. Право избирать отныне получали 300 тыс. человек вместо 120 тыс.

После реформы на выборах в парламент был избран один социалист — Ф. Д. Ньювенгуйс. Но в социалистическом движении усилились расхождения. Ньювенгуйс использовал некоторые идеи Маркса для укрепления позиций анархистов, отрицавших необходимость парламентской деятельности и призывавших свергнуть капитализм всеобщей стачкой. Его противники доказывали необходимость работы в парламенте для продвижения к социализму с помощью реформ. В конце концов в социалистическом движении произошел раскол, и в 1894 г. противники анархизма во главе с Й. Трульстра создали *Социал-демократическую рабочую партию Нидерландов*. Она стремилась организовать массы трудящихся, чтобы путем демократических преобразований продвигаться к социальной справедливости.

Первые после реформы выборы не принесли успеха либералам. Во вновь избранном парламенте большинство составляли консерваторы-клерикалы. Они сформировали правительство, препятствовавшее демократизации.

Вопрос о дальнейшем расширении избирательного права вновь стал предметом острых дискуссий, когда либералы опять добились большинства в парламенте. В 1896 г. был принят компромиссный закон, по которому круг избирателей расширился до 700 тыс. человек — около 10% населения.

В XX век Нидерланды вступили под руководством правительства клерикалов, возглавлявшегося *Кёйпером*. Началась полоса обострения конфликтов трудящихся с предпринимателями. Потрясение в Нидерландах и во всей Западной Европе вызвали массовые стачки докеров и железнодорожников в 1903 г. Стачка железнодорожников грозила перейти во всеобщую. Это было предотвращено действиями лидеров социалистической партии, добившимися компромисса. В 1911 г. вновь произошли крупные стачки портовых рабочих, поддержанные моряками.

Влияние российской революции 1905 г. способствовало размежеванию реформистского и революционного направлений в нидерландском социалистическом движении.

Нидерландам удалось сохранить нейтралитет в Первой мировой войне, но ее не обошла вызванная войной деформация мировой экономики. Страна оказалась на грани голода, что не мешало торговцам и промышленникам наживаться на торговле с воюющими сторонами.

Люксембург: индустриальный бум на рубеже веков и в начале XX столетия. Новый режим, возникший в Люксембурге на основе Лондонского договора 1867 г. и Конституции 1868 г., принес стране большие преимущества: она не несла больше бремени военных расходов и воинской повинности. Это способствовало быстрому экономическому подъему, росту благосостояния населения.

Особая роль в экономическом развитии Люксембурга принадлежала южному и юго-восточному району, который носит народное название «*добрая земля*» («*Боп рауз*»). Здесь сосредоточено главное богатство страны — залежи железной руды. Использование этого богатства, открытого еще в 40-е годы, и развитие металлургии в непосредственной близости от рудных месторождений стало возможно благодаря быстрому строительству железных дорог в последней трети XIX в. Мощное промышленное строительство развернулось в городах, где возводились металлургические заводы и доменные печи. Открытый в 1878 г. *Томасом Гилкристом* способ получения чугуна из фосфоритных руд и выплавки из него стали произвел техническую революцию в люксембургской металлургии. Возникли новые отрасли — сталелитейная, цементная, химическая, газовая.

Однако владельцы люксембургских заводов были не настолько богаты, чтобы самостоятельно создавать большие предприятия. Они основывали акционерные общества и устанавливали связи с иностранным капиталом.

Подъем экономики не ограничивался только тяжелой промышленностью. Мировую известность получила продукция издавна существовавшего перчаточного производства, а также пивоваренных заводов и табачных фабрик. В связи с индустриальным развитием росли города.

Сельское хозяйство развивалось медленнее, чем промышленность. Лишь после того как из шлака в качестве побочного

продукта металлургии стали получать великолепные удобрения (примерно с 1892 г.), начался быстрый подъем и в сельском хозяйстве. Наиболее интенсивно оно развивалось в густонаселенной долине реки Мозеля. Крестьяне больше не оплакивали своих сыновей, уезжавших в поисках работы в США, — рабочие руки понадобились дома.

За короткий срок Люксембург превратился из отсталой сельскохозяйственной страны в развитое индустриально-аграрное государство и к концу XIX в. стал одной из самых зажиточных стран Европы. Массовая нищета, одно из ужаснейших проявлений прошлого, была преодолена.

В 1890 г. прекратилась личная уния Люксембурга с Нидерландами. После смерти Вильгельма III, короля Нидерландов и Великого герцога Люксембурга, не оставившего наследника, голландскую династию на люксембургском престоле сменила княжеская династия германского происхождения в лице герцога *Адольфа Нассауского*. Народ Люксембурга с противоречивыми чувствами следил за прибытием в страну немецких придворных. И не без оснований.

Люксембург, связанный с Германией (с 1842 г.) унией Таможенного союза, стал ощущать все более усиливающееся германское влияние на внутреннюю жизнь страны. Высокопоставленные немецкие чиновники занимали ответственные посты в учреждениях Люксембурга, распоряжались на люксембургской железной дороге. Вскоре очередь дошла и до важнейших отраслей промышленности, рудников и металлургических предприятий страны. Металлургические заводы один за другим поглощались крупнейшими германскими компаниями. С конца XIX в. проникновение германского монополистического капитала в экономику Люксембурга происходило повсеместно.

С помощью германского капитала в течение десятилетия, предшествовавшего Первой мировой войне, было обновлено производственное оборудование на всех крупных предприятиях, построены сталелитейные заводы, мартеновские печи и прокатные станы. К 1900 г. добыча железной руды в Люксембурге составила 1/3 всей добычи в германском таможенном районе. Незадолго до начала Первой мировой войны правительство Люксембурга уступило Германии последние рудники. Так Люксембург превратился в одну из важнейших баз германской военной промышленности.

Люксембургским промышленникам, крупным аграриям и банкирам благоприятствовали покровительственные пошлины, особое предпочтение отдававшие железу и зерну, — в пределах Таможенного союза им не грозила конкуренция извне. При этом цены на сельскохозяйственные продукты значительно выросли. Реальные доходы люксембургских рабочих, возросшие после 1870 г., начали падать, жизнь становилась тяжелее, особенно после того как в 1902 г. был полностью прекращен ввоз зерна из России.

После смерти герцога Адольфа Великой герцогиней Люксембурга стала его старшая дочь *Мария-Адельгейд*. Когда разразилась мировая война, германские войска оккупировали Люксембург. Население страны открыто выступило против грубого акта насилия. Правительство, Великая герцогиня и палата депутатов заявили официальный протест. Однако германский канцлер ответил, что чрезвычайное положение требует чрезвычайных мер и что теперь все договоры лишь клочки бумаги. В годы войны в Люксембурге развернулось широкое движение за отречение от престола Великой герцогини, которую обвиняли в прогерманских настроениях.

Упрочение федерализма и социально-экономические перемены в Швейцарии. В результате пересмотра в 1874 г. Конституции 1848 г. Швейцария окончательно утвердилась как *федеративная парламентская республика*. В нее входили 22 кантона (три из них делились на полукантоны), каждый из которых, как и прежде, имел свою конституцию, правительство и парламент. Однако права кантонов ограничивались федеральной Конституцией. К исключительной компетенции союзной власти были отнесены защита свободы и прав кантонов, охрана внутреннего порядка страны, объявление войны и мира, политических и торговых договоров, почта и телеграф, чеканка монеты и монетное законодательство. Значительно расширены были права центра в сферах железнодорожного, банковского, страхового, фабричного законодательства, военного дела. Новая Конституция подтвердила равенство всех граждан перед законом, свободу слова, печати, собраний. Было признано равноправие немецкого, французского, итальянского языков как наиболее употребляемых в стране. Был учрежден постоянный федеральный суд. Введено обязательное и бесплатное начальное образование. При полной гарантии религиозной свободы за центральной

властью было закреплено право регулирования некоторых сторон церковной жизни и ограничена деятельность клерикальных кругов. Под контроль федеральных властей было поставлено образование епископата, запрещено открытие новых монастырей, введен обязательный гражданский брак. Сопротивление католической церкви этим нововведениям спровоцировало конфликт с Ватиканом, в результате которого отношения с римской курией были прерваны на целое десятилетие и восстановлены лишь в 1884 г. после уступок со стороны католического духовенства.

Противоречия между радикальными кругами, отстаивавшими централизацию государственной, экономической и общественной жизни, и консервативными силами, сторонниками широкой автономии кантонов, способствовали созданию политических организаций противоборствующих сторон. В 1894 г. окончательно оформилась как общенациональная *Радикально-демократическая партия*. Заняв наиболее влиятельное положение в стране, она имела абсолютное большинство в парламенте. Существовавшие в ряде кантонов сильные политические организации католиков, опиравшиеся на религиозные общества и церковные приходы, а также на поддержку Ватикана, в 1912 г. объединились в *Консервативно-католическую партию*. На позициях правого центра находилась протестантская группировка — *Швейцарская либерально-демократическая партия*, сложившаяся в 1894—1913 гг.

Своеобразным явлением швейцарской политической жизни в конце XIX в. стали *референдумы (плебисциты)* и *народная законодательная инициатива*. По требованию 30 тыс. граждан, или 8 кантонов, принятые парламентом законы и международные договоры ставились на народное голосование, а предложенный не менее 50 тыс. граждан проект закона обсуждался в парламенте. Однако из-за распыленности рабочих по мелким предприятиям референдумы и «народная инициатива» нередко оказывались в руках крупных промышленников и финансистов и косной массы мелкого бюргерства, боявшегося всяких нововведений. Так, за 25-летний период действия новой Конституции (1874—1899 гг.) из 37 постановлений, принятых парламентом, 22 были отвергнуты на референдумах.

В последней трети XIX в. в Швейцарии произошли серьезные экономические сдвиги. Завершилась централизация страны, окончательно сформировалась ее государственная систе-

ма. Все это дало импульс хозяйственному развитию, техническому прогрессу.

Капитал из сельского хозяйства устремился в рентабельные отрасли промышленности. Это в значительной степени было обусловлено тем, что из-за дешевизны иностранного хлеба зерновое хозяйство Швейцарии приходило в упадок, уступая место молочно-животноводческой специализации хозяйства, продукция которого заняла в дальнейшем заметное место в экспорте.

Наряду со старыми отраслями промышленности (производство часов, шоколада, выделка хлопчатобумажных и шелковых тканей, кожевенное и сапожное, писчебумажное, табачное производство), товары которых пользовались большим спросом на внешнем рынке, получили развитие машиностроение, обработка металлов, электротехническая, химическая промышленность. Одновременно шел процесс концентрации производства. В конце XIX в. появились первые монополистические объединения в машиностроении: «Броун, Бовери унд компани», «Эшер-Вис», «Гебрюдер Зульцер» и др.

Большое значение для развития промышленности имело широкое строительство дорог. В Швейцарии, лежащей на перекрестке торговых путей из Северной в Южную Европу, дорожное строительство с давних пор составляло предмет особой заботы ее населения. К концу XIX в. страну покрывала обширная сеть образцовых шоссейных дорог, доходивших до наиболее отдаленных и высоко расположенных долин. Быстро росла сеть железных дорог. После открытия в 1882 г. железнодорожного туннеля через Сен-Готардский перевал длиной 15 км, установившего прямую железнодорожную связь между Германией и Италией, и принятия закона о выкупе государством железных дорог у частных компаний (1898) значительно возросли объемы внутренней и международной торговли, приносившей большие доходы от транзитных перевозок через Швейцарию.

Промышленность и транспорт нуждались в электроэнергии, поэтому на горных реках одна за другой возникали гидроэлектростанции. Энергия рек и водопадов возмещала Швейцарии отсутствие естественных запасов топлива.

Важным источником доходов продолжали оставаться туризм и гостинично-курортное дело. Наплыв в Швейцарию иностранных туристов, среди которых половину составляли немцы и англичане, на рубеже XIX — XX вв. был самым большим

в мире. В связи с этим продолжалось активное строительство гостиниц и коттеджей санаторного типа.

В XX век Швейцария вступила как *индустриально развитая страна*. Машиностроительные фирмы «Гебрюдер Зулцер», химические концерны «Сандос», «Гейги», «Гофман Ла-Рош» и др. монополизировали в начале века рынок страны. Открытие в 1906 г. Симплонского железнодорожного туннеля, в то время самого длинного в мире (19,8 км), связавшего Париж с Миланом, способствовало расширению международных торговых связей Швейцарии и увеличению ее экспорта. Накануне Первой мировой войны Швейцария вывозила от 75 до 90% продукции электротехнической, машиностроительной, химической, шелковой, шоколадной, часовой, сыродельной отраслей промышленности. В то же время приходилось ввозить сырье, вино, полуфабрикаты.

Большое значение приобрел вывоз капитала за границу. В стране увеличилась прослойка рантье. Были созданы крупнейшие коммерческие банки, большое число ссудных и сберегательных касс. В 1905 г. был основан *Национальный банк Швейцарии*. В начале века Швейцария превратилась в страну монополистического финансового капитала, войдя в число первых крупнейших экспортеров на мировом рынке.

Быстрое развитие промышленности, концентрация и специализация производства резко изменили *социальную структуру общества*. Количество сельского населения к 1910 г. уменьшилось почти вдвое по сравнению с 1870 г. Одновременно росла численность городского населения.

Потребность в новых рабочих руках вызвала массовую иммиграцию в Швейцарию рабочих из соседних стран, особенно из Италии. В 1890 г. приток иностранных рабочих в Швейцарию был почти в 4,5 раза выше, чем в 1860 г. В 1910 г. их число достигло полумиллиона, составив около 15% населения страны. Жизненные условия иммигрантов были значительно хуже, чем швейцарских рабочих. Использовались они преимущественно на тяжелых, грязных, вредных для здоровья и опасных для жизни работах. Им запрещено было заниматься политической деятельностью.

Условия труда самих швейцарских трудящихся были также нелегкими. Продолжительность их рабочего дня в начале 70-х годов была одной из самых больших в Европе и нередко доходила до 15—16 часов, а заработная плата — значительно ниже, чем в Англии и Франции.

Важным этапом в развитии рабочего движения Швейцарии было создание *Объединения швейцарских профсоюзов* (1880) и *Социал-демократической партии* (1888). Объединение швейцарских профсоюзов ставило своей целью развить общественно-экономические интересы трудящихся и добиться всеобщего и равного права на землю и на средства производства. Программа Социал-демократической партии требовала упразднения привилегий и господства какого-либо класса и создания общества, основанного на принципе солидарности между всеми его членами. Социал-демократы выступали за 8-часовой рабочий день, введение системы страхования и обеспечения. Партия стояла на позициях централизации политической и экономической жизни страны.

Трудящиеся Швейцарии вели упорную борьбу за улучшение условий труда и повышение заработной платы. В 1877 г. парламент принял закон об ограничении продолжительности рабочего дня до 11 часов и введении обязательного воскресного дня отдыха, а в 1890 г. — о социальном страховании рабочих. Забастовщики добивались дальнейшего улучшения условий труда.

Большое влияние на швейцарское рабочее движение оказывала политическая эмиграция из европейских стран. Здесь нашли убежище гарибальдийцы, участники польского национально-освободительного движения 1863 г., немецкие социал-демократы, многие французские коммунисты и российские революционеры. Активно действовали секции I Интернационала, проводились конгрессы II Интернационала.

После начала Первой мировой войны Швейцария оказалась окруженной воюющими державами. Правительство решило соблюдать нейтралитет. Промышленные и финансовые круги Швейцарии получали прибыли от военных поставок обеим воюющим сторонам.

Пути национального и социального прогресса в странах Северной Европы. В последние десятилетия XIX — начале XX в. быстро менялся весь облик северных стран, где происходили однотипные процессы. Здесь продолжался быстрый рост народонаселения (Швеция — с 4 млн до 6 млн; Дания — с 1750 тыс. до 2750 тыс.; Норвегия — с 1750 тыс. до 2,5 млн; Финляндия — с 1750 тыс. до 2750 тыс.; Исландия — с 67 тыс. до 89 тыс.). Шли глубокие экономические преобразования — индустриализация и качественные

изменения в сельском хозяйстве. Именно в последние десятилетия XIX в. были заложены основы *государства всеобщего благосостояния*, сущностью которого является рыночная экономика с социально ориентированной направленностью.

Менялась социально-классовая структура. Окончательно была подорвана сословная разделенность в Швеции и Дании, хотя аристократия и дворянство продолжали сохранять ведущие позиции в государственном аппарате, армии, дипломатии. Высший слой теперь составляли промышленно-финансовая буржуазия и бюрократия. Постепенно уменьшалась доля сельского населения, шло расслоение крестьянства. Во всех Скандинавских странах и в Финляндии происходило вытеснение избыточного сельского населения в города и в эмиграцию. Довольно быстро росла доля городского населения, средних слоев, рабочего класса. В начале XX в. уже около трети населения стран Северной Европы проживало в городах.

В сельском хозяйстве Скандинавских стран и Финляндии к концу XIX в. завершился *аграрный переворот*, были устранены феодальные пережитки, исчезла чересполосица и община, деревню, как правило, сменил хутор. Земля перешла в руки крестьян (в основном в частную собственность). Помещичьи хозяйства в Швеции и Дании стали чисто капиталистическими. Общей для сельского хозяйства всех Скандинавских стран и Финляндии стала переориентация в 60—70-е годы с зерновой на мясо-молочную направленность, что объяснялось поступлением более дешевого американского и русского хлеба на европейские рынки. Главной тенденцией здесь было также формирование довольно зажиточных индивидуальных хозяйств селян, имевших землю в частной собственности и использовавших достижения науки и техники, при широком развитии кооперации (кооперативные маслобойни и скотобойни, снабженческая кооперация). Изменения в сельском хозяйстве северных стран, произошедшие в конце XIX — начале XX в., заложили основу его процветания в XX столетии.

Важнейшей особенностью развития стран Северной Европы было то, что ее промышленность работала не только на свой, довольно узкий внутренний рынок, но во все большей степени ориентировалась на экспорт. Конкурентоспособность скандинавских и финских товаров перед аналогичными товарами из ведущих капиталистических держав достигалась как за счет использования богатых запасов местного сырья и энергоресурсов, так и за счет производства особо сложной, высоко-

качественной и наукоемкой продукции (высококачественные стали, бумага, целлюлоза, шарикоподшипники, электрооборудование, телефонная и телеграфная аппаратура, сельскохозяйственный инвентарь и сельхозмашины, суда, средства транспорта).

Техническое обновление преобразило средства сообщения. Скандинавия и Финляндия быстро покрывались сетью железных дорог, несмотря на огромные, по европейским меркам, расстояния и сложный горный ландшафт в Норвегии и некоторых районах Швеции.

Сходные процессы модернизации проходили и в *политической жизни* государств Северной Европы — здесь шла борьба либерально-демократических сил за политическую демократизацию, за парламентаризм, т. е. за формирование правительств, ответственных не перед монархом, а перед парламентом. Власть короны, за исключением Финляндии, на протяжении последней трети XIX в. — в первые десятилетия XX в. значительно сократилась. Именно в этот период произошло становление многопартийной системы, возникло организованное рабочее движение, профсоюзы и социал-демократические партии, ставшие существенным фактором развития североевропейских стран. Появились массовые неполитические народные движения (религиозные, просветительские, спортивные, трезвеннические и др.), возникали организации по интересам.

Конец XIX — начало XX в. были отмечены новыми явлениями: началась концентрация капитала, стали создаваться монополистические объединения, такие, как шведские СКФ (шарикоподшипники), Л. М. Эрикссон (телефоны), Электролюкс (электрооборудование), АГА (газовое оборудование), датские «Бурмейстер ог Вайн» (судостроение). Шел процесс сращивания банковского и промышленного капитала, вывоз капиталов за границу — в Россию, Китай, Латинскую Америку. В свою очередь капитал великих держав также проникал в страны Северной Европы: британский — в Норвегию, германский — в Финляндию.

Поражение и территориальные потери в войне против Германского Союза не обескуражили датчан. Именно в последней трети XIX в. в *Дании* начался быстрый экономический подъем, прежде всего в сельском хозяйстве, где наряду с освоением новых земель гораздо больше, чем раньше, применялись удобрения и достижения науки и техники. Оставаясь ведущей отраслью экономики страны, датское сельское хозяйство, пере-

ориентировавшись с зерноводства на мясо-молочное животноводство, вышло на качественно новый технологический уровень. Дания стала одним из крупнейших в Европе экспортеров мясных и молочных продуктов. К 1900 г. среднегодовая удойность коров в Дании достигла 2—2,5 тыс. литров. В 1861—1903 гг. поголовье свиней в Дании выросло в пять раз. Основой датского сельского хозяйства был довольно зажиточный и высокообразованный земледелец, владеющий землей на правах частной собственности. Всемирно известными стали пивоваренные заводы «Карлсберг» и «Туборг».

Во второй половине 60-х — 70-е годы XIX в. активно шел процесс формирования партий. В 1870 г. была создана общенациональная партия «Объединенные Венстре» (левые), социальной основой которой были земледельцы и служащие. «Венстре», завоевавшие большинство в нижней палате парламента (фолькетинге), выступали за введение парламентаризма, дальнейшую демократизацию выборов в верхнюю палату (ландстинг) и в органы местного самоуправления. По всей стране создавались местные партийные организации, партийная пресса. С 1872 г., несмотря на полную победу левых на выборах в фолькетинг, правительство продолжало формироваться из консерваторов, называвших себя «Хёйре» (правые). Социальной базой «Хёйре» были помещики-землевладельцы, крупная буржуазия, бюрократия. Их лидер — богатый помещик *Эструп* был главой правительства с 1875 по 1894 г. Тактикой борьбы против правительства «Венстре» избрали постоянное проваливание предлагаемых фолькетингу финансовых законов. Правительство в ответ прибегало к роспуску нижней палаты, принимая временные (т. е. не требовавшие одобрения парламента) законы.

К середине 80-х годов положение в Дании обострилось: начались массовые отказы выплачивать несанкционированные фолькетингом налоги. Датское общество продолжало радикализироваться. Уже в 1876 г. здесь образовалась *Социал-демократическая партия*, гораздо раньше, чем в других северных странах, а в 1884 г. первые социал-демократические депутаты были избраны в фолькетинг. К началу 90-х годов обогащение части земледельцев привело к усилению умеренной части «Венстре», склонной к соглашению с «Хёйре». В 1894 г. партия «Венстре» раскололась, ее радикально-демократическое крыло, лидером которого был школьный учитель *Енс Кристенсен*, образовала новую партию «Реформ-венстре». Во вто-

рой половине 90-х годов ей удалось завоевать большинство в фолькетинге, а в 1901 г. одержать решающую победу. Король был вынужден согласиться на формирование правительства парламентским большинством: Кристенсен сформировал правительство «Реформ-венстре», которые стали снова называться просто «Венстре».

Проведению реформ мешало консервативное большинство верхней палаты, но все же удалось ликвидировать остатки феодализма в налоговой системе, провести демократизацию школы. Реформам мешали страх перед кайзеровской Германией, под властью которой оставалось 200 тыс. датчан Северного Шлезвига, и рост военных расходов, против которых выступали пацифистски настроенные социал-демократы и радикальное крыло «Венстре». В 1905 г. из «Венстре» выделилось крыло «радикальных Венстре», по многим позициям близких с социал-демократами.

Важным шагом на пути демократизации стали политические реформы 1908 г., ликвидировавшие неравенство на местных выборах и предоставившие право голоса женщинам и батракам. В 1913 г. правительство возглавили радикалы вместе с социал-демократами, завоевавшие большинство в фолькетинге. Летом 1914 г. консерваторы, наконец, потеряли большинство и в ландстинге. В разгар Первой мировой войны, 5 июня 1915 г., в демократическом духе была пересмотрена Конституция Дании. Окончательно было устранено всякое неравенство на выборах в ландстинг, право голоса на выборах в обе палаты получили женщины, возрастной ценз на выборах в фолькетинг был снижен до 25 лет, хотя косвенный порядок выборов в верхнюю палату еще сохранялся.

Новую жизнь в экономику *Швеции* вдохнуло расширение лесопильной и бумажной промышленности, располагавшей неограниченным сырьем. Переворот испытала и шведская металлургия, где успешно начали использовать бессемеровский и мартеновский методы, конвертерный способ английского инженера Томаса изготовления дешевых, но высококачественных сталей, что позволило разрабатывать богатейшие рудные месторождения Северной Швеции, ранее непригодные из-за высокого содержания фосфора. В 1870—1900 гг. производство стали в Швеции выросло в 42 раза, экспортной железной руды — в 126 раз. Быстро развивалось и машиностроение, которое в 1900 г. достигло 13% валовой промышленной продукции.

Основным содержанием *политической жизни* Швеции после *парламентской реформы* 1866 г. (введение двухпалатного, цензового парламента) стала борьба демократических и либеральных сил за дальнейшую демократизацию политического строя. Ведущей силой в нижней палате риксдага стала в 70—80-е годы Партия сельских хозяев, в основном представлявшая интересы обуржуазившихся помещиков и зажиточных крестьян. Она добивалась отмены многих феодальных пережитков, в частности архаичной военно-поселенной системы формирования армии, сокращения государственных и военных расходов. В 80-е годы на первый план выступил конфликт вокруг введения *протекционистских пошлин* — аграрии требовали защиты своих интересов от импорта более дешевой сельхозпродукции, в то время как городские жители, естественно, были настроены фритредерски. На левом фланге политической жизни тем временем укреплялись силы, активно выступающие за демократизацию, введение всеобщего избирательного права и парламентаризма, — либералы и социал-демократы (*Социал-демократическая рабочая партия Швеции* была образована в 1889 г.). Либералы и социал-демократы все больше прибегали к внепарламентским действиям. Так, в 1890-е годы было проведено два так называемых *народных риксдага* — массовых собраний демократической общественности со всей Швеции.

В начале XX столетия борьба за демократические преобразования в Швеции усилилась. В 1900 г. была образована *Объединенная либеральная партия*, представлявшая широкие средние слои и интеллигенцию. Ее лидером был известный адвокат *Карл Стааф*. При поддержке социал-демократов либералы стали добиваться новой парламентской реформы. Важным событием в политической жизни страны стала организованная СДРПШ первая политическая стачка в 1902 г., участие в которой приняло 120 тыс. рабочих. На выборах осенью 1902 г. либералы получили большинство во второй палате риксдага. Важной победой либерально-демократических сил было мирное разрешение конфликта с Норвегией. Осенью 1905 г. им удалось добиться формирования своего правительства под руководством Стаафа. Однако в 1906 г. консерваторы вернулись к власти. Все же с 1909 г. активное избирательное право получили почти все мужчины с 24 лет, было значительно уменьшено неравенство при двухстепенных выборах в первую палату.

В 1909 г. в Швеции разразилась *всеобщая забастовка*, в которой приняло участие около 300 тыс. рабочих. Несмотря на ее поражение, предприниматели были вынуждены пойти на повышение заработной платы и сокращение рабочего дня до 9—10 часов. Именно под влиянием забастовки были приняты многие социальные законы.

Накануне Первой мировой войны обострилась борьба вокруг вооружений: либералы и социал-демократы выступали за снижение военных расходов, а консерваторы, склонявшиеся к сотрудничеству с Германией, — за их рост. Серьезный успех социал-демократов в 1911 г. вновь привел к власти либеральное правительство К. Стаафа. Зимой 1914 г. ситуация обострилась: в Стокгольме прошли многотысячные выступления с воинственными призывами и ответная рабочая демонстрация в поддержку демократической и миролюбивой программы. Настроенный прогермански король *Густав V* способствовал отставке кабинета К. Стаафа и приходу к власти консервативного кабинета беспартийного *Я. Хаммаршельда*. На новых парламентских выборах 1914 г. либералы потерпели неудачу.

В последней трети XIX в. в *Норвегии* стало возможным использовать ее громадные гидроресурсы для производства электроэнергии. Она была лидером в развитии торгового флота, уже к 1880 г. ставшего по тоннажу и численности третьим в мире. Большое значение продолжали играть рыболовство и китобойный промысел, новую жизнь в них вдохнули технические нововведения (новые сети и использование моторных судов, изобретение гарпунной пушки). Особенностью национального развития Норвегии было то, что внутри норвежской нации, формирование которой еще не завершилось, сложилось своеобразное *двуязычие*. В стране развивались две формы норвежского языка — «риксмол» (государственный язык), или «букмол» (книжный язык), несколько измененный, норвегизированный датский язык высших слоев и городского населения, и «лансмол» (сельский язык), или «нюношк» (новонорвежский), который вел свое происхождение от сельских диалектов и носителем которого были селяне и сельская интеллигенция.

По своему политическому строю Норвегия и в последней трети века продолжала оставаться наиболее передовой из Скандинавских стран. Национально-демократическая оппозиция, которая завоевала большинство в парламенте (стортинге) уже в 30-х годах и опиралась на земледельцев, служащих,

а также средние слои города, все громче требовала назначения правительства, пользующегося доверием стортинга и ответственного перед ним. Стоявшая у власти бюрократия, видя в сохранении и укреплении унии со Швецией гарантию своего господствующего положения, все больше ориентировалась на Стокгольм.

В конце 60-х — начале 70-х годов XIX в. в стортинге начали складываться две противостоящие группировки — находившиеся в меньшинстве «Хёйре» (правые) и левое большинство «Венстре», которое возглавил Ю. Свердруп. Оппозиция добивалась расширения прав стортинга и полного равенства Норвегии и Швеции в рамках унии. В начале 70-х годов левым удалось добиться закона о ежегодном созыве стортинга (раньше — раз в три года). В 1874 г. стортинг принял решение об участии правительства в его дебатах и фактически о его ответственности перед парламентом. Король Оскар II трижды отклонял этот законопроект, и когда в 1880 г. согласно Конституции он автоматически должен был вступить в силу, разразился кризис. Министры демонстративно саботировали решение стортинга, не являясь на его заседания. Конституционный суд Норвегии приговорил их к лишению портфелей. Напряженность в стране нарастала. Ширилось массовое движение в поддержку стортинга. Демократические силы формировали по всей стране стрелковые общества, своего рода национальную гвардию. Испугавшись конфликта, бюрократия и король были вынуждены отступить. В 1884 г. Венстре сформировали свой первый кабинет во главе с Ю. Свердрупом. Тогда же они и Хёйре оформились как общенациональные партии.

В последние десятилетия XIX в. известность завоевали норвежские полярные исследователи, в первую очередь Фритьоф Нансен и Руалд Амундсен. Виднейшие представители норвежской культуры — драматург Генрик Ибсен и композитор Эдвард Григ внесли крупный вклад в мировую культуру.

В 1890-х годах конфликт между Норвегией и Швецией обострился до такой степени, что партнеры по унии стали готовиться к войне. Попытки договориться об изменении условий унии оказались неудачными, и к 1905 г. конфликт достиг своего апогея. Споры между норвежскими консерваторами, умеренными левыми и радикалами временно отошли на задний план. В феврале 1905 г. в Кристиании было сформировано коалиционное правительство трех партий К. Микельсена, а в мае стортинг принял закон о норвежской консульской

службе, на который король Оскар II наложил вето. Стортинг воспользовался ситуацией в качестве конституционного основания для расторжения унии, решение о чем было принято 7 июня 1905 г. Состоявшийся в августе в Норвегии референдум одобрил решение стортинга. В сентябре 1905 г. между Швецией и Норвегией было достигнуто соглашение об условиях мирного расторжения унии. В ноябре того же года в Норвегии был проведен новый референдум, на этот раз по вопросу о форме правления. Подавляющее большинство высказалось за сохранение монархии, и на норвежский престол был возведен датский принц, принявший имя Хокон VII.

На выборах 1906 г. Норвежская рабочая партия удвоила количество своих мандатов (с 5 до 10), в составе фракции Венстре большинство оказалось за радикалами. В 1906 г. радикальная оппозиция добилась принятия временного закона о концессиях для иностранцев, ограничивавшего доступ иностранного капитала к строительству электростанций.

В 1908 г. произошел окончательный организационный раскол в партии Венстре на радикалов и умеренных, которые образовали самостоятельную партию «свободомыслящих», сотрудничавших с «Хёйре». Победив на выборах, радикальные Венстре образовали правительство под руководством своего лидера Г. Кнудсена, которое еще больше расширило государственный контроль над предоставлением концессий на водопады и рудники. «Хёйре» и «свободомыслящие», выступив против такого вмешательства в принцип частной собственности, сумели в 1909 г. вновь прийти к власти. Их коалиция формировала кабинеты до 1913 г. Однако на выборах 1912 г. они потерпели сильное поражение: в стортинг прошло большинство Венстре и социал-демократов. Новое правительство Г. Кнудсена находилось у власти до 1920 г. В 1909 г. в Норвегии было введено обязательное страхование по болезни для лиц с низкими доходами. В 1913 г. норвежские женщины получили право избирать в стортинг.

Малонаселенная, бедная **Исландия**, где жили рыбаки и скотоводы, столетиями оставалась совершенно бесправной заморской провинцией Датского королевства. Ею управляли чиновники, которых король присылал из Копенгагена. Включение Исландии в мировую торговлю способствовало ее экономическому росту и усилению недовольства полной зависимостью от Дании. В начале 1870-х годов исландцы направили в Копенгаген петицию с просьбой дать им самоуправление. В 1872 г.

был принят закон, предоставлявший общинам право местного самоуправления. В 1874 г., в связи с празднованием тысячелетия заселения Исландии, датский король Кристиан IX даровал ей собственную Конституцию, согласно которой *альтинг* становился органом законодательной власти на острове. В него налогоплательщики страны избирали 30 депутатов. Корона назначала еще шесть депутатов. Исполнительная же власть оставалась в руках назначаемого датским правительством губернатора.

Полное самоуправление было введено в Исландии только в 1904 г. В 1907 г. появилась первая политическая партия страны — «*Партия независимости*», провозгласившая своей целью полную самостоятельность Исландии. Добиться же автономии исландцы смогли только во время Первой мировой войны.

Охватившие Российскую империю реформы 60-х годов глубокое воздействие оказали на **Великое княжество Финляндское**. Оно обрело собственную финансовую систему, регулярно стало созываться законосовещательное собрание — сейм.

В 70-е годы XIX — начале XX столетия продолжался процесс формирования финской нации, составной частью которого была и финнизация шведскоязычного населения, расширение сферы применения финского языка.

Особенно заметной была индустриализация Финляндии. Ей способствовали государственные кредиты частным компаниям и строительство железных дорог. С 70-х годов началось расширение лесопиления и создание лесопромышленных предприятий по всей стране. В 60—80-е годы XIX в. продукция финляндской промышленности выросла в 10 раз. Как и в других странах Северной Европы, в финляндском сельском хозяйстве наметился поворот в сторону специализированного мясо-молочного производства. Значительно стимулировал развитие промышленности огромный российский рынок. Большую роль в развитии экономики играл иностранный капитал — российский, шведский, даже норвежский, а с конца XIX в. германский.

В 60-е годы в Финляндии образовались две политические группировки четко выраженной национально-языковой ориентации: так называемые *шведоманы* (свекоманы), опиравшиеся на шведскоязычное население и традиционную шведскую культуру, и *фенноманы*, выступавшие против шведского засилья, за внедрение и развитие финского языка и финской

самобытной культуры. После того как с конца 80-х годов царизм стал стремиться ликвидировать особый статус Финляндии и полностью интегрировать ее в состав империи, фенноманы раскололись на две партии — *старофиннов*, настроенных более консервативно, и более либеральных *младофиннов*.

В 1899 г. Николай II подписал манифест о предоставлении правительству России права издавать для Финляндии законы без согласия ее сейма. Это был государственный переворот. Затем в Петербурге был принят еще ряд постановлений, целью которых была постепенная ликвидация особого статуса Финляндии.

Население Великого княжества сопротивлялось «русификации Финляндии», сначала выражая свой протест подачей петиций и бойкотом. Младофинны и шведская партия создали «конституционный блок», выступавший за пассивное сопротивление (петиции, бойкот, идеологическая кампания против русификации). Старофинны, не поддерживая антиконституционные акты, все же стремились достичь компромисса с царем. Настроенные более радикально деятели всех направлений образовали в 1904 г. небольшую «партию активного сопротивления», которая избрала тактику индивидуального террора. В 1899 г. была создана Рабочая партия Финляндии, переименованная в 1903 г. в Социал-демократическую. В ней образовались два направления: реформистское и революционное.

Новый мощный подъем освободительного движения в Финляндии был стимулирован потрясениями первой российской революции 1905—1907 гг. В 1905 г. развернулось массовое движение за отмену антиконституционных законов, в котором ведущую роль играли социал-демократы. Финляндию охватила волна митингов, демонстраций, забастовки переросли в конце октября 1905 г. во всеобщую стачку. Напуганный размахом движения Николай II 4 ноября подписал манифест, который удовлетворял все основные требования финнов: были отменены все антиконституционные акты, власть в Сенате была передана конституционалистам. В начале 1906 г. состоялись выборы в сейм, где также большинство получили конституционалисты. Этот сейм принял в июне 1906 г. свой новый устав, фактически новую конституцию страны. В Финляндии создавался однопалатный парламент, избираемый всеми гражданами страны, включая женщин (последнее впервые в Европе) в возрасте старше 24 лет. Возникла партия «Аграрный союз», Финская (старофинская) и Младофинская партии приня-

ли свои новые уставы и программы, оформилась Шведская народная партия, представлявшая теперь интересы всех шведскоязычных слоев общества, значительно укрепили свои позиции социал-демократы.

Однако Финляндию продолжали сотрясать революционные выступления, самым мощным из которых было Свеаборгское восстание русских моряков и солдат в июле—августе 1906 г. В стране не снижалось забастовочное движение, ширились волнения других слоев населения.

После подавления революции началось новое наступление на автономию Финляндии. Николай II стал часто распускать строптивый парламент, с 1909 г. в состав Сената вводили русских военных. На Финляндию распространялись российские законы. Усилились политические репрессии. Однако эти меры привели лишь к тому, что социальная опора царизма в Финляндии была подорвана и популярной стала идея отделения от России.

ГЛАВА 25 Социально-экономическое развитие и освободительная борьба народов Восточной и Юго-Восточной Европы

Польские земли под властью трех монархов. В последние десятилетия XIX — начале XX в. польская нация оставалась разделенной под властью трех монархий — России, Германии и Австро-Венгрии. Условия жизни поляков в разных империях были далеко не одинаковы, что осложняло сохранение национальной общности. Но всюду их главным стремлением было выживание и развитие своего языка, культуры и религии в хозяйственной, культурной и общественно-политической активности.

Формы национального гнета и условия общественной жизни находились в прямой зависимости от обстановки в поработивших Польшу государствах. В Королевстве Польском царское правительство продолжало политику репрессий и проводило интенсивную русификацию. Государственные служащие-поляки заменялись русскими чиновниками. Почти все время сохранялось военное положение. Земли, населенные поляками, получили новое наименование: Привислинский край. В школах усердно вводилось обучение на русском языке. Русский язык был обязателен в судах и в администрации. Еще более тяжелым было положение поляков, которые проживали в губерниях, включавшихся в состав Российской империи. Однако русификация встретила твердый и повсеместный отпор в польском обществе.

Гонения на польский язык усилились и в Германской империи: им нельзя было пользоваться в официальных учреждениях. Германизации подверглась и школа. Были предприняты

попытки (в рамках «культуркампа») ослабить влияние католической церкви. В 1886 г. была создана Колонизационная комиссия, ставившая своей целью скупку земель у польских землевладельцев и передачу их в немецкие руки. Запрещалось проведение собраний на польском языке, преследовалась польская пресса. Противодействие германизаторским мерам вызывало репрессии. Широкий резонанс получили, например, в 1901 г. события в г. Вжесня близ Познани: польские дети за отказ учиться Закону Божьему на немецком языке были подвергнуты телесному наказанию, а их родители, выступившие с протестом, арестованы и осуждены. Тем не менее сопротивление германизации охватило самые широкие слои польского населения.

Более благоприятными были условия для политического и культурного развития польского народа в Галиции. После образования Австро-Венгрии императорская власть стремилась опереться на польские имущие классы, прежде всего на крупных землевладельцев. Край пользовался автономией, имел свой сейм и представительство в венском рейхсрате. В школах допускался польский язык, в Кракове и во Львове действовали университеты.

Сельское хозяйство во всех частях Польши постепенно капитализировалось. В Королевстве Польском в конце столетия несколько уменьшилось помещичье землевладение (главным образом за счет мелких фольварков), происходило расслоение деревни, росло, несмотря на уход части крестьян в город, число безземельных батраков. Культура земледелия повышалась медленно. В Галиции 40% помещичьей земли приходилось на латифундии; весьма интенсивной была эмиграция крестьян, страдавших от малоземелья и искавших заработка в чужих краях.

На землях, находившихся под германским господством, доминировала крупная земельная собственность, преобладали хозяйства помещиков и состоятельных крестьян. Применение машин, современной агротехники при широком использовании наемного труда обеспечило им доступ на общегерманский рынок.

Промышленность интенсивнее всего развивалась в Королевстве Польском, имея здесь опору в необъятных возможностях российского рынка. Росла добыча угля, работали предприятия металлургической промышленности в Домбровском бассейне. Лодзинский округ стал мощным центром текстильного производства. Расширялась сеть железных дорог, создавались акционерные общества и банки, важную роль в про-

мышленности играл иностранный капитал. В начале XX в. промышленная продукция значительно превышала продукцию сельского хозяйства. Концентрация промышленности все более усиливалась, особенно в металлургии. Бурное промышленное развитие сменилось затем некоторым замедлением темпов под влиянием конкуренции со стороны предприятий в самой России.

На территориях под германским владычеством промышленность играла меньшую роль. Исключением был район Силезии с интенсивной угледобычей и производством металла. Галиция в промышленном отношении была отсталой (сырье не перерабатывалось, а вывозилось). Ситуация несколько изменилась на рубеже XIX—XX вв., когда началась интенсивная добыча нефти.

Изменения социальных структур, характер общественных движений определялись во многом особенностями экономики и политической ситуации в различных частях страны. Дворянское сословие не могло сохранить прежней доминирующей общественной роли, многие его представители обращались к занятиям, которые им диктовали новые экономические условия (служба по найму, вольные профессии, технические специальности, предпринимательство и т. д.). Усиливалась и заявляла о своих интересах буржуазия. Пыталось отстаивать свои права и крестьянство, от стихийных форм борьбы переходя к организованным. Рост промышленного пролетариата сопровождался развитием рабочего движения, формировавшегося под влиянием социалистических идей и игравшего все большую роль в судьбах польской нации.

В Королевстве Польском в 70-е годы сильное влияние на общество оказывало интеллектуальное течение, именуемое «варшавским позитивизмом» и объективно служившее потребностям капиталистического развития. Идеологи позитивизма (среди них видные писатели и публицисты) призывали к разрыву со старыми шляхетскими традициями, убеждали оставить мысль о повстанческой борьбе и посвятить все силы экономическому подъему края, развитию промышленности, науки и просвещения. Но в условиях политического гнета и все большего обострения противоречий в польском обществе реализация их программы не имела успеха. Были среди польских политиков в России и сторонники сотрудничества с властью, опиравшиеся на поддержку консервативных верхов общества, торговцев и промышленников, заинтересованных в русском рынке. Но царизм не шел на изменение своей политики (если

не считать мелких уступок: например, разрешение воздвигнуть памятник Мицкевичу в Варшаве). В обществе не угасали патриотические настроения. Среди интеллигенции, учащейся молодежи начали снова возникать конспиративные кружки. В эмиграции в 1887 г. была создана *Польская лига*, объявившая своей главной целью борьбу за независимость и демократические свободы, поддерживавшая контакт с Варшавой. В 1893 г. она была преобразована в *Национальную лигу* («Лига народов»), которая стремилась утвердить свое влияние в различных слоях общества (этой цели служило, например, конспиративное Общество национального просвещения). В 1897 г. ее руководители основали *Национал-демократическую партию* («эн-деки»).

На политической сцене Галиции главную роль играли консервативные политики, служившие монархии и отстаивавшие помещичьи интересы. Демократы были здесь гораздо слабее, хотя имели возможность издавать газеты и критиковать управление консерваторов. Однако именно в Галиции раньше, чем в других частях Польши, стало организационно складываться самостоятельное крестьянское движение. Возникли газеты, обращенные к крестьянству, велась успешная агитация за выборы в сейм крестьянских депутатов. В 1895 г. была создана *крестьянская партия* («Стронництво людове», а затем «Польске стронництво людове»). Развивалась кооперация среди крестьян.

На землях под германским управлением польское население использовало легальные формы деятельности в различных товариществах (кредитных, экономических, просветительских и т. д.), в которые объединялись помещики, крестьяне, ремесленники. В политической жизни, пропагандируя идею национального единения ради противодействия германизации, долгое время ведущую роль играли помещики и духовенство. И на эти земли вслед за Королевством Польским и Галицией распространила свою деятельность Национальная лига. Национальное самосознание польского населения пробуждалось и крепло также на тех землях, которые были захвачены Пруссией задолго до разделов Польши (Мазуры, Поморье, Силезия). Здесь вели культурно-просветительскую деятельность энтузиасты, сильно было и влияние церкви.

На зарождение и развитие рабочего движения определяющее воздействие оказывали возrastавшая концентрация промышленного пролетариата на крупных предприятиях, тяжелые условия жизни и труда. Играли свою роль и традиции

освободительной борьбы, связи с международным рабочим движением, опыт рабочих организаций и партий в других странах. Возможности организации у рабочих были неодинаковы: австрийским законодательством разрешались профсоюзы и забастовки, германским — только профсоюзы, в Российской империи были запрещены и те и другие. Борьба рабочих в 70-е годы выражалась в экономических стачках, создании касс взаимопомощи, затем стали возникать первые социалистические кружки.

Первые пропагандисты социализма в Королевстве Польском вышли большей частью из российских высших учебных заведений, многие участвовали в народническом движении. В Женеве эмигрировавшие польские социалисты создали журнал «Равенство», где в 1879 г. опубликовали свою программу, основанную на признании марксизма. *Людвик Варыньский* опубликовал в Варшаве в 1882 г. воззвание, провозглашавшее создание Социал-революционной партии «*Пролетариат*». Целью партии объявлялась социалистическая революция. Партийный съезд высказался за сотрудничество с российской «Народной волей». Аресты прервали деятельность «Пролетариата»; четверо руководителей партии были казнены, остальных приговорили к каторге. Но съезд социалистов-эмигрантов в 1892 г. основал *Заграничный союз польских социалистов*, а варшавские организации объединились в *Польскую социалистическую партию* (ППС).

Видную роль в ней стали играть *Юзеф Пилсудский* и другие политики, для которых социалистические лозунги были средством воздействия на массы, а непосредственной целью — национальная независимость.

В Галиции в 1892 г. была основана *Польская социал-демократическая партия* (ПСДП). В 1897 г. она провела двух депутатов в рейхстаг. На землях в составе Пруссии польские социалисты организовались в ППС в 1893 г., не обособливаясь при этом от германской социал-демократии.

Революция 1905 г. в России охватила и Королевство Польское. После расстрела рабочих в Петербурге 9 января забастовки протеста начались в Варшаве, Лодзи, Домбровском бассейне; стачка приобрела всеобщий характер, выдвигались политические (Учредительное собрание и республика) и экономические (8-часовой рабочий день) лозунги. Выступления рабочих поддержала учащаяся молодежь. Произошли массовые выступления крестьян. Весной и летом революционные события приобрели наиболее острый характер. В Варшаве была

расстреляна первомайская рабочая демонстрация. Наблюдались столкновения с войсками. 23 июля в Лодзи началось рабочее восстание, было сооружено более ста баррикад. Но оружия не было, и войска за три дня подавили восстание.

Национал-демократы участвовали в выборах в Государственную Думу и получили большинство мест от польских губерний. В конце 1904 г. возникла первая в Королевстве крестьянская политическая организация — *Польский народный союз*, разгромленный властями в начале 1907 г. Крестьянское движение, однако, продолжалось в рамках кооперативных и просветительских объединений. В 1906 г. ППС раскололась на несколько соперничавших групп.

В Галиции в 1905—1907 гг. прошли демонстрации в поддержку российской революции, участились забастовки, росли ряды профсоюзов. Выборы принесли поражение консерваторам и дали перевес депутатам от крестьянства и городского населения. Забастовочное и профсоюзное движение активизировалось также на землях под властью Германии.

В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, в Королевстве Польском национал-демократы придерживались политики соглашения с царизмом, хотя ее бесплодность вызывала среди многих недовольство. *Р. Дмовский* — один из основателей и руководителей «эндеков» — выдвинул концепцию отказа от независимости, поддержки царизма под лозунгом сближения славян перед лицом германской опасности и ради польской автономии в рамках Российской империи. Царизм, однако, не пошел навстречу польским консерваторам.

На землях под властью Германии пронемецкая ориентация не имела успеха ввиду грубо националистического курса властей, но иначе обстояло дело в Галиции. Наместником здесь с 1908 г. был *М. Бобжиньский*, видный историк, консерватор по убеждениям, сторонник тесного сотрудничества с монархией Габсбургов. Ему удалось привлечь в свой лагерь политиков из разных партий и социальных групп. Но противостояла ему и сильная оппозиция, тоже разнородная по составу. Предметом разногласий был и вопрос о необходимости реформ, и парламентское представительство, и проблемы, связанные с правами и политической активностью украинского населения Галиции. Пилсудский, понимая невозможность поднять национальное восстание в Королевстве, возлагал теперь все надежды на войну между Австро-Венгрией и Россией и создал в Кракове *Союз активной борьбы* для организации восстания против Российской империи, за создание независимой поль-

ской республики. В 1912 г. Временная комиссия объединенных партий за независимость обратилась с призывом к населению всех польских земель в условиях надвигающейся войны поддержать создание польских воинских частей.

К началу Первой мировой войны польский народ подошел в состоянии социальной и политической активности, продемонстрировав стойкость в сопротивлении иноземному гнету, сохранив патриотические традиции, имея организации, действовавшие в различных слоях общества. Все это сказалось в ближайшем будущем, когда военное поражение поработивших Польшу монархий сделало возможным восстановление независимой Польши.

Народы Прибалтики в Российской империи. Как ни принижались и ни попирались культура, языки и достоинство народностей Прибалтики царскими властями и чужеродными помещиками и чиновниками, развитие рыночных отношений, индустриализация и изменения в структуре общества активизировали коренное население, способствовали формированию национальных черт и национального сознания прибалтийских народов, не имевших в то время своей государственности.

Реформы, проведенные на протяжении XIX в. в эстонских областях, в основной части латышских земель и в Литве, сформировали более благоприятные условия для развития сельскохозяйственного производства — повышения эффективности крупных помещичьих хозяйств, использовавших труд батраков, а также крестьянских хозяйств, дробление которых было запрещено законом. В Латгалии, которая входила в состав Витебской губернии, условия для быстрого развития буржуазных отношений в сельском хозяйстве были менее благоприятными.

Важное значение для развития латышских земель имело строительство железных дорог, связавших портовые города Латвии с глубинными районами Российской империи. На основе ввозимых из-за границы машин и станков, а также металла и других материалов здесь в последней трети XIX — начале XX в. быстро развивалась индустрия. Крупнейшим промышленным центром Латвии стала Рига, где кроме металлообрабатывающих и машиностроительных предприятий росли вагоностроение и судостроение. Одной из ведущих отраслей становится химическая индустрия. Большое место занимали текстильная, бумагопрядильная, пищевая промышленность.

В создании благоприятных условий для развития промышленности в Эстонии важную роль сыграла построенная к 1870 г. Балтийская железная дорога, благодаря которой значительная часть продукции эстонской индустрии реализовывалась на российском рынке. Вслед за Кренгольмской хлопчатобумажной фабрикой были построены машиностроительные заводы Виганда, Крулля, Лаусманна, крупная мебельная фабрика. Латвия и Эстония привлекли большие иностранные инвестиции.

В то же время развитие литовских земель в составе Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. характеризовалось преобладанием аграрного сектора в экономике и сравнительно невысокими темпами развития промышленности.

Уже к 70-м годам в помещичьих имениях Литвы преобладал труд наемных рабочих. В них, как и в хозяйствах зажиточных крестьян, значительно повысился уровень агротехники, использовалась сельскохозяйственная техника. Сельское хозяйство Литвы производило товарное зерно и молочные продукты, шедшие на экспорт. В результате столыпинской реформы в литовских землях были расселены на хутора тысячи деревень, что благоприятствовало повышению эффективности сельского производства.

Промышленный подъем в Литве начался в 90-е годы XIX в. Кроме пищевой промышленности бурно росла металлообрабатывающая промышленность, производство строительных материалов, обработка кож и другие отрасли. Проволочно-гвоздильные заводы вошли в крупный синдикат «Проволока».

Происходившие перемены способствовали появлению новых общественно-политических сил.

Еще в начале 70-х годов в эстонском национальном движении возникли два направления: *демократическое* и *либерально-клерикальное*. Представители первого из них во главе с К. Р. Якобсоном, издававшим популярную среди крестьян газету «Сакала», требовали для эстонского населения равных прав с прибалтийским немецким дворянством, улучшения образования для эстонцев, освобождения школы от влияния церкви. Лидеры другого направления — И. Яннсен, являвшийся организатором Эстонского сельскохозяйственного общества и Общества эстонских литераторов, издатель учебников и книг на эстонском языке, а также учитель и пастор Я. Хурт — призывали эстонский народ добиваться равно-

правия и образования путем сотрудничества с церковью и властями.

Важной вехой рабочего движения Эстонии стала забастовка и восстание на Кренгольмской мануфактуре в Нарве летом 1872 г. Позже в Нарве возник революционный кружок, а в 1898 г. — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

С января 1905 г. во многих городах и селах Эстонии происходили стачки и демонстрации, участники которых оказывали сопротивление полиции. Требования социального характера и созыва Учредительного собрания сочетались с лозунгами национального равноправия и поддержки национальной культуры. Рабочие, многие служащие и учащиеся Таллина, Тарту, Валги и Нарвы включились во всероссийскую политическую стачку в октябре 1905 г. 16 октября 1905 г. мирная демонстрация рабочих Таллина была расстреляна по приказу губернатора. Похороны жертв превратились в мощную антиправительственную манифестацию.

После манифеста 17 октября 1905 г. в Эстонии возникла *Эстонская народная партия*, по своей программе близкая российским кадетам. Немцы создали *Балтийскую конституционную партию*. Активизировалось *Эстонское социал-демократическое рабочее объединение*, выступавшее за федеративный принцип организации социал-демократии Российской империи.

Проведенное в Тарту Всеэстонское собрание народных представителей из делегатов всех волостей Эстонии выдвинуло требования установления демократической республики, национализации земли, ликвидации привилегий помещиков, роспуска армии, освобождения политзаключенных, предоставления неограниченного права на забастовки, вооружения народа, создания органов революционного самоуправления — комитетов в деревне.

В ряде волостей Эстонии создавались народная милиция и крестьянские комитеты.

Но в середине декабря 1905 г. войска вместе с вооруженными группами местных помещиков перешли в наступление. Отряды повстанцев были разбиты. Казни производились без суда и следствия.

Патриотическое и демократическое движение в Латвии усиливалось с 80-х годов XIX в. Появилось «*Новое течение*» («Яуна страва»), идейным центром которого стала газета «Диенас лапа» («Ежедневный листок»). Газету редактировал великий латышский народный поэт Я. Райнис. В «Новом течении»

участвовали революционные демократы и мелкобуржуазные демократы и радикальные либералы.

В 90-е годы в ряде городов Латвии появились социал-демократические кружки. В 1899 г. рижские социал-демократические кружки объединились в латышскую социал-демократическую организацию. В мае 1899 г. в Риге вспыхнули крупные волнения работниц джутовой мануфактуры с требованием повышения заработной платы, вошедшие в историю как «*Рижский бунт*». Волнения были подавлены военной силой.

Состоявшийся в июне 1904 г. I съезд *Латышской социал-демократической партии* принял решение об объединении с РСДРП на федеративных началах. В январе 1905 г. в Риге началась всеобщая политическая стачка, в которой участвовало 80 тыс. человек. Она сопровождалась демонстрациями и митингами под лозунгами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!».

Крестьяне требовали передачи им по умеренной цене земли, удерживавшейся помещиками, введения прогрессивного подоходного налога, уравнивания крестьянского сословия в правах с другими сословиями, обучения в школах и ведения делопроизводства на латышском языке. Бастовали сельские рабочие, добивавшиеся увеличения заработной платы. Арендаторы требовали уменьшения арендной платы. В Латгалии крестьяне начали порубки помещичьих лесов, а затем погромы имений.

Специфической формой революционного движения в Курляндии и Лифляндии были так называемые «*церковные демонстрации*», когда после воскресных служений, на которых собирались все земледельцы округа, выступали агитаторы, призывавшие к борьбе против самодержавия, немецких баронов и буржуазии, и исполнялись на мотив церковных революционные песни.

15 октября 1905 г. рабочие Риги начали всеобщую политическую забастовку, к ним присоединились трамвайные служащие, ремесленники, учащиеся. В ноябре в Риге съезд волостных делегатов Лифляндской и Курляндской губерний призвал крестьян к борьбе за политические свободы и к созданию явочным порядком по всей стране органов самоуправления: революционных крестьянских распорядительных комитетов.

В ответ на объявление в Лифляндской губернии военного положения 25 ноября рижский пролетариат начал всеобщую политическую стачку, охватившую все промышленные центры Латвии. В конце ноября—декабре 1905 г. во многих районах

развернулись вооруженные выступления рабочих и крестьянских масс. Карательные войска с декабря 1905 г. жестоко подавляли восставших, но латышское партизанское движение «*лесных братьев*» продолжалось до декабря 1906 г.

В период революции возникали новые партии. *Латышская демократическая партия* (ЛДП) выступала за демократические свободы, всеобщее прямое и равное избирательное право, требовала продажи помещичьих земель, установления 8-часового рабочего дня, введения рабочей инспекции, законов об охране труда. *Латышская конституционно-демократическая партия* выступала за установление в России конституционной монархии и провозглашение демократических свобод, предоставление латышскому народу широкой автономии в составе России. *Латышская народная партия* требовала осуществления прав латышского населения, предоставления краю широкой автономии в рамках Российской империи, создания национальных органов местного самоуправления, ликвидации немецкого засилья и, выступая против революции, призывала правительство ввести в Латвии военное положение. А Латышская социал-демократическая рабочая партия объединилась в 1906 г. с РСДРП, став ее автономной организацией — *Социал-демократией латышского края*. Внутри ее развернулась острая борьба между приверженцами большевистского и меньшевистского течений.

В литовских землях в ответ на усиленную русификацию уже во второй половине XIX в. патриоты бойкотировали школы, где обучение велось только на русском языке, создавали тайные кружки для обучения детей родному языку.

В 80-е годы XIX в. появилась первая нелегальная газета на литовском языке «*Аушра*» («Заря»), которая открыла новый период в развитии национального движения литовского народа, способствуя формированию основных требований литовской национальной интеллигенции.

В конце XIX в. возникло движение «*варпининков*» (от названия газеты «Варпас»). Его целью являлось восстановление государственности Литвы. Деятельность либерального крыла этого движения подготовила создание в Литве в 1902 г. *Литовской демократической партии*. Еще в 1887 г. возник первый в Литве социал-демократический кружок. Спустя шесть лет в Вильнюсе образовалась Литовская социал-демократическая группа. Она подготовила появление в стране в 1896 г. Литовской социал-демократической партии. Социал-демократы призывали к созданию независимой от России в границах бывшей

Речи Посполитой демократической федерации из Литвы, Польши и других стран.

В январе 1905 г. в Вильнюсе и других городах Литвы прошли забастовки и массовые демонстрации с лозунгами «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода!». В марте начались крестьянские демонстрации и митинги. Подъем рабочего движения способствовал объединению социал-демократических организаций в *Социал-демократическую партию Литвы*. А рост крестьянского движения благоприятствовал росту влияния Литовской демократической партии. После манифеста 17 октября она провозгласила необходимость создания независимой Литовской республики, соединенной федеративными связями с соседними демократическими государствами — Польшей, Украиной и, возможно, Латвией.

Крупным событием был организованный в ноябре 1905 г. в Вильнюсе христианскими демократами Литовский съезд делегатов от различных слоев литовского общества и политических партий. Несмотря на разногласия его участников, он призвал народ не платить податей, самим выбирать учителей и вводить обучение на родном языке, не давать рекрутов, не признавать учреждений царских властей и в случае необходимости начать всеобщую забастовку. Созданный посланцами крестьян *Крестьянский союз Литвы* требовал автономии страны, созыва учредительного сейма, обучения в школах на литовском языке.

В декабре 1905 г. по Литве прокатились всеобщие политические стачки. Но власти усилили репрессии и в сельские местности направили карательные отряды. Однако стачечное движение, а затем и выступления крестьян ослабли.

После революции царские власти в Прибалтике обрушили репрессии на ее участников, запретили большинство возникших там партий и газет, ограничили провозглашенные ранее политические свободы и права самоуправления. Однако продолжалось экономическое развитие этих земель, шло дальнейшее изменение структуры общества. А вместе с этим формировались черты эстонской, латышской и литовской наций, росло национальное самосознание народов и усиливалось их стремление к независимости.

Белорусский народ в Российской империи. Белорусский народ давно не имел своей государственности, и целенаправленная русификация тормозила развитие его национальной самобытности. Но социально-экономическое

развитие белорусских земель и просвещение населения способствовали росту национального самосознания.

Характерной чертой экономического развития Белоруссии после реформ 1861 г. и восстаний 60-х годов было усиление огромных земельных латифундий. Две тысячи крупных помещиков владели 46,7% всей земельной площади, тогда как на долю 378,5 тыс. крестьянских хозяйств приходилось лишь 33,4% земли. Постепенно в помещичьих и богатых крестьянских хозяйствах начинают применяться плуги и железные бороны, используются минеральные удобрения, внедряется многополье. А безземельные крестьяне арендовали землю или становились наемными работниками.

В 80—90-е годы XIX в. ускорилось развитие фабрично-заводской промышленности Белоруссии. Ее центрами постепенно становились Минск, Пинск, Гродно, Могилев, Витебск, Гомель и Борисов. Однако при этом мелкотоварное производство давало около 67% всей промышленной продукции.

За последние два десятилетия XIX в. численность рабочих в Белоруссии увеличилась почти в 10 раз. Их большая часть была занята на мелких предприятиях.

В начале XX в. хозяйство белорусских земель переживало депрессию и застой, но с 1909 г. наступил экономический подъем. К 1913 г. количество фабрично-заводских предприятий и занятых на них рабочих значительно увеличилось. Главными отраслями белорусской промышленности были пищевая и деревообрабатывающая. Появились иностранные инвестиции.

Однако уровень промышленного производства в Белоруссии был гораздо ниже, чем средний уровень индустриального развития в Российской империи. В аграрном секторе большое место занимали крестьянские хозяйства, не имевшие машин. В результате проведенной П. А. Столыпиным аграрной реформы в частную собственность перешло 56,1% всей общинной земли. Зажиточные крестьяне расширили свои хозяйства, а сотни тысяч бедняков переселились в Сибирь или стали наемными работниками.

Изменение социальной структуры населения Белоруссии — увеличение числа служащих, специалистов, торговцев, промышленных и сельских рабочих, расслоение крестьянства было связано с ломкой прежних отношений, ростом городов, обострением конфликтов и активизацией общественного движения.

С 60-х годов XIX в. в Белоруссии отмечались выступления рабочих против тяжелых условий жизни и жестокой эксплу-

атации. С 80-х годов стачки становятся основной формой борьбы белорусского пролетариата. Под влиянием агитации появившихся в Белоруссии социал-демократов в 1895—1900 гг. произошло 153 стачки, 9 демонстраций, 10 маевок, 9 волнений.

Расслоение крестьянства обостряло противоречия и конфликты между богатеющей крестьянской верхушкой и беднотой. В середине 90-х годов XIX в. развернулось массовое движение крестьян за переселение в Сибирь и в другие районы страны. Вспыхнувшие в связи с этим крестьянские волнения были подавлены военной силой.

Либеральные и национальные элементы в общественно-политическом движении Белоруссии сначала были относительно слабыми. В 70-е годы XIX в. активизировалось революционно-демократическое народничество, но потерпело неудачу. Не могли поднять народ на борьбу ни организации революционеров «Земля и воля», ни «Черный передел», ни «Народная воля». Не имели успеха и организации, созданные белорусскими студентами в Петербурге.

Народнические организации стали ядром так называемой *Рабочей партии политического освобождения России*. Весной 1900 г. полиция разгромила ее центр в Минске. Но ее уцелевшие руководители — Г. А. Гершуни и Е. К. Брешко-Брешковская — продолжали свою активную деятельность, способствовавшую в дальнейшем созданию в России в 1901 г. Партии социалистов-революционеров.

В 80—90-е годы кружки марксистского направления и социал-демократические организации появились в некоторых городах Белоруссии. В целях конспирации российские социал-демократы избрали в 1898 г. Минск местом для проведения своего съезда, на котором было провозглашено создание Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). К 1914 г. в Гомеле существовал комитет РСДРП(б), а в Минске, Могилеве, Слуцке, Бобруйске и других городах социал-демократические группы большевистского направления,

Зимой 1902/03 г. в Минске была создана *Белорусская социалистическая громада*. Своей конечной целью она провозглашала уничтожение капитализма и переход в общественную собственность земли и средств производства. В 1905—1907 гг. БСГ оказывала значительное влияние на крестьян и сельскохозяйственных рабочих в Минской, Виленской, Гродненской губерниях.

Ответом на петербургские события 9 января 1905 г. в белорусских землях стали стачки, митинги и демонстрации с лозунгами «Долой самодержавие!», требованиями введения 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, улучшения условий труда. Во всеобщей политической стачке в октябре 1905 г. участвовало более 40 тыс. железнодорожников и рабочих промышленных предприятий Белоруссии. Выступления продолжались, несмотря на расстрел митинговавших в Минске, разгоны войсками демонстрантов в других городах.

С весны начались забастовки поденщиков и сельских рабочих, потравы лугов и самовольный выпас скота во владениях помещиков, захват их земель, погромы имений. Позже многие крестьяне стали требовать передачи народу земли, равенства всех граждан перед законом, полной отмены повинностей. Осенью 1906 г. участились случаи поджога богатых хозяйств.

После издания царем Манифеста 17 октября 1905 г. в Белоруссии создаются организации двух больших политических партий: Партии конституционных демократов (кадетов) и «Союза 17 октября». Значительное влияние в белорусских губерниях приобрели кадеты. В последующие годы различные белорусские общественно-политические силы активно участвовали в политической жизни Российской империи.

После подавления революции 1905—1907 гг. российские власти усилили русификацию, а также административно-политическую, экономическую и культурную интеграцию Белоруссии в империю. Это затруднило и затормозило развитие национального языка, культуры и самосознания белорусского народа. Но, несмотря на все трудности, белорусский народ, сформировавшийся в нацию, сохранил верность своему языку и культуре.

Украинский народ в Российской империи и Австро-Венгрии во второй половине XIX — начале XX в. Для формирования украинской нации и ее самосознания решающее значение имели стремительный экономический рост, изменения социальной структуры и повышение образованности населения в украинских землях Российской империи.

Последняя треть XIX в. характеризовалась быстрым развитием индустрии на юге Украины, бурным железнодорожным строительством, усилением товарного характера земледелия. К началу XX в. в Криворожье и Донбассе имелось уже 17 крупных металлургических заводов, оснащенных доменными печа-

ми. Быстро выросла каменноугольная добывающая промышленность. Почти в 30 раз увеличилась на Украине протяженность железных дорог. На ее территории находилось 6/7 сахарных заводов Российской империи.

Южные губернии Украины вышли на одно из первых мест в империи по производству товарного зерна, технических культур, сахарной свеклы. В крупных хозяйствах была занята огромная армия наемных сельскохозяйственных рабочих, не только местных, но и приходивших сюда из других губерний.

Осуществление аграрной реформы П. А. Столыпина увенчалось наибольшим успехом в южных районах Украины. К началу 1917 г. в Екатеринославской, Таврической, Херсонской и Харьковской губерниях перешло на хутора и отруба соответственно 30,9 и 22,5% всех крестьянских хозяйств. Из других украинских губерний крестьяне переселялись на земли Казахстана, Северного Кавказа, Средней Азии.

Высокая прибыльность украинских предприятий привлекала иностранные инвестиции. В начале XX в. в украинской экономике действовало уже более 100 иностранных компаний: французских, английских, немецких, бельгийских. Они контролировали более 50% каменноугольной и 82% металлургической промышленности Украины.

Высокая прибыльность предпринимательства обеспечивалась использованием мощной техники и дешевизной рабочей силы. Рабочий день продолжался 12—15 часов, заработная плата была низкой, охрана труда отсутствовала, жилища оставались примитивными.

По мере увеличения численности и концентрации промышленных и сельских рабочих усиливался их протест против жестокой эксплуатации и тяжелых условий труда. В 70-е годы XIX в. на Украине было отмечено около 30 стачек и волнений рабочих. В период промышленного кризиса первой половины 80-х годов в забастовочное движение активно включились рабочие железнодорожных мастерских. В конце 80-х — начале 90-х годов прошли стачки на шахтах Донбасса. В 70—80-е годы усилились и крестьянские выступления.

Выступления рабочих и крестьян способствовали росту общественно-политических движений. В 70-е годы на Украине развернули активную деятельность *народнические организации*. Центральной организацией народников стал киевский кружок, получивший название «Киевская коммуна». Народники создали тайное крестьянское общество с целью организа-

ции восстания, однако, когда эта попытка не удалась, осуществили ряд террористических актов.

В 70—80-е годы XIX в. появились первые рабочие организации — «Южнороссийский союз рабочих» и «Южнорусский рабочий союз», пытавшиеся руководить стачками. Более плодотворной стала деятельность нелегальных типографий. Их активизации содействовал видный украинский просветитель М. П. Драгоманов. Вынужденный эмигрировать в Швейцарию, он основал «Свободную украинскую типографию» для распространения украинской литературы.

В конце XIX — начале XX в. украинские национальные общества — «громады» выступали с требованиями равных прав украинцев с русскими, политических свобод, социальной справедливости. Местные организации «громад» объединились во «Всеукраинскую организацию», осенью 1904 г. провозгласили создание *Украинской демократической партии*, затем *Украинской демократическо-радикальной партии*. Партия выдвигала требование установления республики — полного уничтожения абсолютизма в России и создания федерации равноправных наций.

В 1900 г. украинские студенческие «громады» в Харькове положили начало *Революционной украинской партии*, возглавленной Д. В. Антоновичем. Она выступала за самостоятельную государственность Украины. В результате появления в ней различных течений возникли Украинская народная партия, Украинская социал-демократическая рабочая партия и позже вступившая в РСДРП «Спилка».

С января 1905 г. Украина была охвачена стачками, митингами и демонстрациями протеста против «кровавого воскресенья». Их участники требовали свобод и прав, добивались улучшения положения трудящихся. Крестьянские волнения происходили почти в половине всех уездов.

Во многих городах Украины создавались Советы и профсоюзы. В ходе октябрьской стачки в Екатеринославле и Харькове дело дошло до баррикадных боев. В ноябре 1905 г. вспыхнуло восстание солдат и матросов в Севастополе, к которым присоединились и рабочие порта. В выступлении участвовало 12 судов эскадры Черноморского флота во главе с крейсером «Очаков». Возглавил его лейтенант П. Шмидт. В декабре 1905 г. произошли вооруженные столкновения рабочих с полицией и войсками в Екатеринославской губернии. Рабочие два дня вели бои с войсками и полицией в Александровске. На территории Донбасса особенно крупное сражение многих рабо-

чих дружин, прибывших из различных районов этого огромного каменноугольного региона, произошло в декабре **1905** г. в Горловке. Крестьянские волнения на Украине продолжались и в **1906** г., особенно в Харьковской, Черниговской, Киевской и других украинских губерниях.

В выступлениях разных слоев населения в **1905—1907** гг. выдвигались требования равноправия украинцев, признания их национальных партий и организаций, создания благоприятных условий для развития украинской культуры и прессы.

Подавление революции и преследование ее участников затруднило развитие украинского освободительного движения.

После революции политика русификации усилилась. П. А. Столыпин добился распространения Положения о земствах на три украинские губернии, где их раньше не было: Волынскую, Киевскую и Подольскую. При этом закон обеспечивал более благоприятные условия для выборов в земства представителей от русского населения. Но развитие экономики и изменение структуры общества благоприятствовали формированию украинской нации и повышению ее самосознания.

Западноукраинские земли в последней трети XIX — начале XX в. находились под властью Австро-Венгерской монархии: Галиция и Буковина входили в состав Австрии, Закарпатская Украина — в состав Венгрии.

Большинство населения Галиции и Буковины составляли украинские крестьяне. Помещики, в основном поляки, являлись собственниками около половины галицийских земель. На мелких промышленных предприятиях работал немногочисленный пролетариат.

Галиция обладала некоторой автономией. В ней имелся сейм, большинство депутатов которого составляли поляки. Реальная власть находилась в руках наместника императора, назначавшегося, как правило, из польской аристократии.

Более **4/5** населения Закарпатской Украины составляли украинцы. Свыше **80%** его было занято в сельском хозяйстве. Здесь, как и в Галиции, значительной частью земли владели крупные помещики-венгры.

Во второй половине XIX в. в Галиции возникло общественно-политическое течение, получившее название «*москвофильства*». Его приверженцы заявили о том, что якобы украинский и русский народы представляют собой какой-то единый «панрусский» народ. Они надеялись на поддержку российского царизма и в то же время стремились продемонстрировать свою лояльность в отношении австрийской монархии.

В среде украинской интеллигенции в Галиции зародилось так называемое течение «*народовства*», приверженцы которого выступали за «всеукраинское объединение», практически означавшее соединение Украины с Галицией, находившейся в составе Австро-Венгрии.

Движение украинских радикальных демократов выступало за союз с трудовым народом России. Его идеологом был великий украинский писатель и общественно-политический деятель *И. Франко*. Австрийские власти жестоко преследовали украинских радикальных демократов. В **1876—1878** гг. во Львове проходили три судебных процесса против Франко и других украинских радикал-демократов. Несмотря на это, радикально-демократическое движение в Галиции продолжало развиваться. В **1890** г. возникла «Украинско-руська радикальна партия», одним из создателей которой был Франко.

В связи с усилением социального и национального движения широких трудящихся масс украинского народа в Галиции на рубеже XIX—XX вв. галицийский наместник граф Бадени заключил соглашение с «народовцами», пообещав им места в парламенте и некоторое расширение украинских учебных заведений. В ответ на это «народовцы» провозгласили «новую эру» во взаимоотношениях с польской шляхтой и австрийскими властями. Против этой соглашательской политики решительно выступала украинская радикальная партия.

В Закарпатье активизировались выступления против венгерских властей и жестокой эксплуатации. В марте—апреле **1905** г. в Ужгороде происходили массовые забастовки рабочих-строителей, а **1** мая на площади Кошута состоялся первый митинг рабочих Закарпатья. Крестьяне отказывались уплачивать налоги и арендную плату, батраки требовали повышения заработной платы. Самым главным требованием закарпатского крестьянства было требование бесплатной передачи помещичьих земель безземельным и малоземельным.

Несмотря на отсутствие собственной государственности и разобщенность украинских земель, украинский народ вопреки русификации и интеграции в различные империи на рубеже XIX—XX вв. приобрел структуру, черты и самосознание нации.

Восточный кризис (1875-1878). В **1875—1878** гг. в Боснии и Герцеговине полыхало народное восстание против османского господства. Повстанцы добивались присоединения областей к Сербии или широкой автономии. Этому стремилась воспрепятствовать Австро-Венгрия, которая опасалась

лась создания сильного сербского государства и соглашалась лишь на проведение в провинциях ограниченных реформ. Для монархии Габсбургов были приемлемы только два варианта: сохранение в Боснии и Герцеговине османской власти или оккупация их Австро-Венгрией. Близкую позицию заняли и западные державы. Россия поддерживала программу широкой автономии.

В 1876 г. в вооруженную борьбу против Османской империи вступили Сербия и Черногория, но потерпели неудачу. Турецкую оккупацию Сербии предотвратил дипломатический демарш России. В Боснию и Сербию направлялись добровольцы из России, в меньшей мере из Италии и других стран.

В Болгарии с конца 60-х годов шла подготовка народного восстания, ядром которого должны были стать тайные комитеты. Организатором комитетов был *Васил Левский* (1837—1873), выдвинувший программу создания Болгарской республики в рамках Дунайской федерации. После его ареста и казни идейную подготовку борьбы возглавил писатель *Любек Каравелов*, находившийся в Бухаресте, а с 1874 г. — поэт *Христо Ботев*. Болгарские революционеры подняли Старо-Загорское (сентябрь 1875 г.) и Апрельское (1876) восстания, которые были подавлены. Был разбит и отряд Ботева, переправившийся через Дунай в Болгарию, сам Ботев погиб. Жестокость султанских властей, истребивших десятки тысяч жителей, вызвала негодование в Европе, особенно в России и других славянских странах.

Только русско-турецкая война (апрель 1877 — март 1878 г.), во время которой против османов боролись также Румыния, Сербия, Черногория и болгарское ополчение, привела к решающим переменам на Балканах. Крупнейшими событиями войны были штурмы и осада русской армией, к которой присоединилась румынская, турецкой крепости Плевен (Плевна) (память об этом запечатлена в монументе в центре Москвы), оборона русскими совместно с болгарскими перевала Шипка, наконец, зимний переход русской армии через Балканский хребт и ее марш к Стамбулу.

Результатом войны (прелиминарный *Сан-Стефанский мир* 3 марта 1878 г.) были освобождение Болгарии и полная независимость Румынии, Сербии и Черногории. Черногория приобрела плодородные долины и тем самым получила импульс для экономического развития. Болгария признавалась вассальным султану княжеством.

Перед войной Россия в качестве цены за нейтралитет Австро-Венгрии дала согласие на оккупацию Боснии и Герцеговины. Австро-венгерские войска в 1878 г. заняли эти области, несмотря на вооруженное сопротивление боснийских мусульман.

Европейские державы возражали против создания сильно-го Болгарского княжества (территория его простиралась по обе стороны Балканского хребта и включала Македонию¹).

На Берлинском конгрессе великих держав (июнь—июль 1878 г.) Болгария была ограничена придунайской частью, южнее хребта была создана «Восточная Румелия» — область во главе с назначаемым Османской империей губернатором, но с внутренним самоуправлением. В Македонии турецкая власть восстанавливалась полностью. Вместе с тем конгресс признал независимость Румынии, Сербии и Черногории и санкционировал оккупацию австрийцами Боснии и Герцеговины. После конгресса Австро-Венгрия на четверть века обеспечила себе преобладающее влияние на Балканском полуострове.

Хорваты, словенцы и сербы Австро-Венгрии². После оккупации Боснии и Герцеговины в монархии Габсбургов оказалась большая часть населения, говорящего на сербском, хорватском и словенском языках и позднее (в 1918 г.) вошедшего в состав Югославского государства. Хотя австро-венгерские провинции являлись в экономическом и культурном отношении наиболее развитыми землями южных славян, в Хорватии и Воеводине крупные помещики сохранили политические привилегии (куриальная система выборов, двухстепенная только для крестьян и др.). Кроме того, помещик платил значительно меньший налог с каждого гектара, чем крестьянин.

Начало XX в. ознаменовалось укреплением сельской буржуазии, оживлением промышленного развития. Так, например, в Хорватии предприятий с числом рабочих более 20 в 1890 г. имелось 109, а в 1910 г. — 271.

¹ Культурно-политическое возрождение славян Македонии, большей части жителей этой исторической области, протекало в XIX в. в русле формирования болгарской нации, и многие крупные болгарские деятели были выходцами из Македонии. Но население области было пестрым (включало также греков, турок, албанцев и др.). В межвоенной (1918—1941) и послевоенной Югославии проходил процесс становления особой славянской нации — македонцев.

² Хорватия частично, а Словения полностью входят в регион Центральной Европы.

Отмеченные процессы сопровождались перегруппировкой политических сил. В Хорватии в 1905 г. возник блок хорватских и сербских либеральных партий — «хорвато-сербская коалиция», целью которой стало сопротивление германо-австрийскому «натиску» на юго-востоке Европы. Базой коалиции по преимуществу были круги, связанные с промышленностью, а идеологом и лидером являлся хорватский журналист *Франо Супило*. Коалиция выдвигала требования расширения автономии Хорватии (на сферу финансов) и объединения Далмации с Хорватией. Коалицию некоторое время поддерживали хорватские социал-демократы, ставшие заметной силой (партия основана в 1894 г.).

Готовя аннексию Боснии и Герцеговины (1908), имперские власти стали преследовать коалицию, натравливали хорватов на сербов, чтобы ослабить оппозицию южных славян. Был сфабрикован процесс 53 сербов, обвиненных в государственной измене. Но расколоть коалицию не удалось. Реальным достижением коалиции явилась *избирательная реформа 1910 г.*, по которой право участия в выборах получили до 1/4 мужчин (ранее им пользовалось 6—7% мужского населения). В предвоенные годы власти то заключали компромиссы с влиятельной коалицией, то прибегали к диктатуре («комиссариату»), что свидетельствовало о неустойчивости режима в Хорватии.

В Словении движение югославской направленности было слабым («Национально-прогрессивная партия» Ивана Хрибара — либералы). Социал-демократическая партия Словении (создана в 1896 г.), призывавшая к сплочению южных славян в единую нацию (Э. Кристан), защищала программу культурно-национальной автономии.

Коалиции в Хорватии и либералам в Словении противостояли клерикальные группировки, ориентировавшиеся на Вену, на «великоавстрийцев», объединявшихся вокруг наследника престола Франца Фердинанда, и на христианско-социальное движение в Австрии. В Словении доминировала «Словенская народная партия» *Ивана Шуштершича*. Ее левое крыло, опираясь на созданную им сеть крестьянских кооперативов, закрепило свое влияние в деревне. Лидер этого крыла *Янез Крек* выступал за предоставление рабочим акций и долей прибылей предприятий.

После аннексии Боснии и Герцеговины монархией Габсбургов в 1908 г. словенские и (относительно более слабые) хорватские клерикалы создали блок, выступавший за укрепление монархии путем превращения ее в *триалистическую импе-*

рию (Австрия, Венгрия, Южнославянское государство с центром в Загребе).

В конце XIX — начале XX в. в южнославянских землях империи значительную остроту сохраняли *социальные проблемы*. В Хорватии преобладала масса мелкого и среднего крестьянства. Уже с 80-х годов XIX в. ощущалось аграрное перенаселение, обедневшие слои не находили работы. В 1895 г. здесь было 209 помещиков с имениями свыше 570 га (22,5%) земли. В то же время 373 тыс. крестьянских хозяйств имело до 12 га (50%) земли. В Воеводине процесс пролетаризации зашел значительно дальше. Крупные крестьянские волнения вспыхнули в Хорватии в 1903 г. Они были направлены против ростовщиков, чиновников и помещиков. Но поводом послужил венгерский флаг, вывешенный на одной железнодорожной станции. Это свидетельствовало о переплетении социальных и национальных требований крестьян. Деревня видела главную причину своих бед в господстве иностранцев над Хорватией.

В Воеводине — южных комитатах Венгрии и на востоке Хорватии — в 1897 и 1905—1906 гг. имели место многочисленные «стачки жнецов» — аграрного пролетариата и полупролетариата, направленные против кабальных условий найма, а кое-где и на раздел помещичьей земли.

Наряду с беднотой в Хорватии активизировалось зажиточное крестьянство. Братья *Антуан* и *Степан Радичи* выступили с идеей «*крестьянской демократии*», при которой решающее слово в политике принадлежало бы сельским хозяевам. В 1904 г. Радичами была основана *Хорватская народная крестьянская партия* (ХНКП). Основным ее требованием была распродажа имений, земли которых превышали 300 га.

Босния и Герцеговина под габсбургской властью. Босния и Герцеговина рассматривались в Вене как плацдарм для экспансии к Эгейскому морю. Формально султан над ними сохранялся до 1908 г. и оккупация провинции Габсбургами считалась временной (для «наведения порядка» в ранее бунтовавших областях). Провинции были подчинены имперскому министерству финансов. Надежды хорватских национальных деятелей на присоединение провинций к Хорватии не оправдались, а мусульманское и сербское население не смирилось с оккупацией.

Австро-венгерские власти в поисках социальной опоры стремились к компромиссу с мусульманскими помещиками и заявили о сохранении прежних отношений в деревне, т. е. по-

луфеодальной аренды, или *кметства* (кметами являлись более 1/8 крестьян, в основном сербов). Позднее (1911) вопреки крестьянским требованиям обязательной ликвидации кметства, власти издали закон о выкупе крестьянских наделов путем соглашения с землевладельцами (факультативный выкуп).

На смену хаосу османского режима в Боснию и Герцеговину пришли австрийские чиновники, выполнявшие задание выкачать из области побольше налогов. Стимулировалась немецкая и венгерская иммиграция. В Боснию и Герцеговину — в основном в отрасли добычи сырья (ископаемые, лес) — направлялись австрийские, венгерские и иностранные капиталы. В торговле значительные позиции заняло местное сербское купечество. Ускорился рост рабочего класса и интеллигенции.

В этих условиях в 90-е годы активизировались *национальные движения*. Сербская интеллигенция ориентировалась на Белград, хорватская — на Загреб. Они стремились влиять на мусульман соответственно в сербском и хорватском духе, однако эта агитация не имела успеха. Мусульмане мечтали об автономии Боснии и Герцеговины пол верховной властью султана, с этим согласились и местные сербы (тайный договор 1901 г.), видевшие в австро-венгерской власти наиболее опасного противника. Но пока что сербы и мусульмане добивались *церковно-культурной автономии*, которую после нескольких лет борьбы и получили (1905 и 1909 гг.). Имперские власти намеревались формально увековечить включение провинций в состав Австро-Венгрии. 7 октября 1908 г. было объявлено об аннексии монархией Боснии и Герцеговины, введении здесь конституционного правления. Было разрешено создание политических партий, стали действовать социал-демократия, профсоюзы. В 1910 г. был созван *сабор*. Но фактически полуколониальное положение провинций сохранилось.

Неудача конституционных методов борьбы за национальное освобождение подтолкнула радикальную югославянскую молодежь к организации тайных обществ. Их целью было создание объединенной Югославии, а методом — террор: в Хорватии и Боснии было совершено несколько неудачных покушений на представителей режима. Наконец, член организации «Млада Босна» серб *Таврило Принцип* 28 июня 1914 г. убил и Сараеве наследника австро-венгерского престола — *Франца Фердинанда*. «Сараевское убийство» послужило австро-венгерским милитаристам поводом для нападения на Сербию, что развязало мировую войну.

Сербия. В конце XIX в. власть в Сербии находилась в руках консервативных кругов («напредняки»), ориентировавшихся на Австро-Венгрию. С ними связала свою судьбу династия *Обрёновичей*. В секретном договоре с монархией Габсбургов (1881) князь *Милан* обещал согласовывать с ней свою внешнюю политику и не поддерживать какое-либо движение в Боснии и Герцеговине против австро-венгерской власти. Монархия также навязала Сербии выгодный для себя торговый договор, сохранявший сербский рынок открытым для австрийских товаров; Сербия осталась аграрным придатком Австро-Венгрии.

Заручившись австрийской поддержкой, князь Милан провозгласил себя королем (1882). Однако растущая национальная буржуазия и народные массы все менее мирились с зависимостью своей страны от соседней державы. Главной силой оппозиции была *радикальная партия* (с 1881 г.; лидер — *Никола Пашич*). Хотя радикалы отказались поддержать Тимокское восстание крестьян в Сербии (1883), направленное против режима налогового грабежа, кабалы и полицейского произвола, партия пользовалась влиянием в народе благодаря требованию широкого местного самоуправления («Самоуправа!») и обуздания бюрократии. Постепенно радикалы стали главной партией национальной буржуазии. В 1888 г. они добились принятия Конституции, вводившей в Сербии *парламентскую систему* (ответственность правительства перед скупщиной).

Но сделав эту уступку, Милан отрекся от престола в пользу своего сына Александра; в 1894 г. придворная клика отменила Конституцию 1888 г. Однако реакционный режим был неустойчив. В марте 1903 г. в Белграде начались народные демонстрации, а 29 марта произошел военный переворот, во время которого король и его окружение погибли. Скупщина избрала на престол *Петра Карагеоргиевича*, внука вождя первого сербского восстания 1804 г. Сербия переориентировалась на Россию и Францию.

Уже вскоре были резко повышены таможенные пошлины на ввоз промышленных изделий. В ответ Австро-Венгрия закрыла границы для сербского скота — основной статьи экспорта Сербии. Началась австро-сербская таможенная война, которую газеты называли «свиной» (1906—1911). Опираясь на поддержку Франции, сербы выстояли в этом конфликте. Промышленное развитие страны резко ускорилося (в первом десятилетии XX в. число предприятий возросло втрое, составив 465). Это в основном были пищевая (мельницы, пивоварни и

др.), легкая промышленность, деревообработка. Менялась вся внутренняя обстановка. С 1903 г. действовали сербская социал-демократия во главе с *Димитрием Туцовичем*, рабочие профсоюзы.

В разгар таможенной войны произошла аннексия Боснии и Герцеговины (1908), которая привела Сербию и Австро-Венгрию на грань войны (*Боснийский кризис*). Но Россия не была готова поддержать своего сербского союзника, и в марте 1909 г. Сербия официально отказалась от претензий к габсбургской монархии. Наконец, в 1911 г. был урегулирован и таможенный конфликт.

В связи с обострением международной обстановки по инициативе сербской Социал-демократической партии в Белграде было созвано совещание социалистов стран Юго-Восточной Европы (1910). Нараставшей волне национализма совещание противопоставило программу Балканской федерации равноправных народов.

Черногория. На освобожденной от османов территории земля в значительной мере перешла в руки правящей верхушки, владевшей имениями до 300 га (по черногорским меркам — очень крупными) земли. Здесь сохранились прежние полуфеодальные отношения, но хозяйство становилось более интенсивным (производство древесины, табака и др.). В стране появились английские, итальянские и другие иностранные предприятия. Как и в Сербии, в торговле господствовала Австро-Венгрия. Бюджет страны по-прежнему поддерживался за счет русских субсидий, а согласно военной конвенции 1910 г. Россия взяла на себя содержание черногорского войска.

Опорой самодержавного режима в Черногории было войско, высшие чиновники (главари, воеводы), многие из которых стали помещиками, часть богатых крестьян. После октябрьского Манифеста 1905 г., провозгласившего в России конституционные права граждан, черногорский князь *Николай* также издал Конституцию, но правительство по-прежнему назначалось князем. Созданная в 1906 г. оппозиционная *Национальная партия* добивалась введения парламентского строя, защиты отечественной промышленности, сближения с Сербией. В Черногории возникли тайные молодежные группы, которые обзавелись оружием в Сербии («бомбашки») и выступали за объединение с Сербией. Власти раскрыли заговор, несколько человек были приговорены к смерти («Бомбашка афера», 1907 г.).

Болгария. Вскоре после освобождения в стране не возникли политические группировки — *либеральная*, выражавшая интересы большинства буржуазии, ремесленников и крестьян, и немногочисленная *консервативная*, представлявшая торговые и финансовые верхи. Созванное в Тырново учредительное собрание, на котором преобладали либералы, приняло Конституцию (1879). Тырновская Конституция установила *парламентскую монархию*, ввела всеобщее избирательное право (для мужчин). Первым князем был *Александр Ваттенберг*, выходец из Германии. Воссоздание национального государства после пятисотлетнего османского господства стало крупнейшей вехой в истории болгарского народа.

Князь Александр сочувствовал консерваторам и к 1881 г., после убийства народовольцами царя Александра II, ввел в Болгарии авторитарный режим. При этом он пытался опереться на русских генералов, которые служили в военном министерстве. Но в своей политике князь ориентировался на Англию и Австро-Венгрию, что вызвало конфликт между ним и генералами. Тогда Александр передал власть либералам (1883). Болгаро-русские отношения ухудшились.

В 1885 г. при поддержке болгарского правительства в Восточной Румелии был совершен переворот, при ликовании народа область была присоединена к княжеству. Вслед за этим попытка сербского короля Милана под предлогом «нарушения равновесия» на Балканах вторгнуться в Болгарию была отбита молодой болгарской армией. Эта авантюра показала, что на Балканах возникли новые опасные противоречия.

В 1886 г. князь Александр был выслан из страны прорусски настроенными офицерами. Однако председатель Народного собрания *Стефан Стамболов* организовал контрпереворот и установил свою диктатуру (1886—1894). Отношения между Россией и Болгарией были прерваны (1886—1896). В 1886 г. князем был избран *Фердинанд Кобургский*. Нового князя поддерживали Англия, Германия и Австро-Венгрия. В целом события 80-х годов свидетельствовали о неудаче политики царизма в Болгарии.

Как вассальное княжество Болгария формально должна была придерживаться таможенной политики Османской империи. Но уже правительство Стамболова заключило соглашения с рядом стран, оговорив интересы национальной промышленности; началась прокладка железных дорог (к 1914 г. их протяженность приблизилась к 2 тыс. км). В 1894 г. был установлен беспошлинный ввоз машин, а ввозимые готовые изде-

лия, наоборот, обложены пошлиной (1897); ряд предприятий освобожден от налогов» Все это содействовало экономическому развитию (главным образом производству кожи, табака, продуктов питания, деревообработке и др.). Но в целом, как и всюду на Балканах, преимущественное место в производстве сохранялось за ремеслом, а в среде буржуазии преобладали торгово-банковский и аграрный слои.

Национальная буржуазия составила два лагеря. Группа из нескольких либеральных партий (постепенно терявших прежнее влияние на крестьянство) ориентировалась на Австро-Венгрию и Германию, а «народняки» (часть средней буржуазии) — на Россию, Англию и Францию.

5 октября 1908 г. Болгария заявила о своей полной государственной независимости, а Фердинанд был торжественно провозглашен «царем болгар».

Господство ростовщиков и скупщиков над деревней, рост налогов, сохранение кабальных форм аренды вызывали сопротивление крестьянства. В 1899 г. возникла крестьянская партия — *Болгарский земледельческий народный союз* (БЗНС). Создавались кредитно-сбытовые сельские кооперативы, вытеснявшие перекупщиков и ростовщиков.

Болгария стала одной из классических стран организованного крестьянского движения. С 1904 г. лидером БЗНС был журналист *Александр Стамболийский*. Как и С. Радич в Хорватии, он развивал идею о противостоянии всего крестьянства «городу». БЗНС стремился прийти к власти парламентским путем.

На рубеже XIX—XX вв. в промышленности и ремесле Болгарии насчитывалось 70 тыс. рабочих. В 1894 г. возникла *Социал-демократическая партия* во главе с *Димитром Благоевым* и др. В 1903 г. партия раскололась на «широких» и «тесных» социалистов. «Тесняки» подчеркивали рабочий и революционный характер партии, тогда как «широкие» стремились к объединению людей труда разных категорий (включая ремесленников) и предпочитали парламентские методы борьбы.

Румыния. Франко-германская война 1870—1871 гг. встретила в Румынии живейший отклик. Традиционные культурные связи, общность латинского происхождения побуждали общественность с особой симпатией относиться к Франции. А «пруссаки на престоле», князь *Карл Гогенцоллерн-Зигмаринген*, не скрывал своих прогерманских настро-

ений и авторитарных устремлений. Он опубликовал в немецкой печати письмо к неизвестному (и, видимо, не существовавшему) другу, сетуя в нем на неподготовленность румын к конституционному правлению. Это вызвало взрыв недовольства в Румынии; был раскрыт и подавлен республиканский заговор. Карл дал отставку либеральному правительству и призвал к власти консерваторов. Вопреки ожиданиям каких-либо значительных протестов не последовало. Парламент засвидетельствовал свою преданность монарху: блок помещиков и крупной буржуазии, тесно связанной с землевладением, жаждал сильной власти. Пора увлечений республиканскими идеями миновала.

В 70-е годы княжество предприняло шаги для упрочения экономической самостоятельности, заключив несколько торговых соглашений без ведома Высокой Порты. Причитавшаяся Стамбулу ежегодная дань и некоторое ограничение государственного суверенитета воспринимались в стране не только как тяжелые, но и как унижительные. Восточный кризис и русско-турецкая война 1877—1878 гг. поставили решение вопроса о государственной независимости в практическую плоскость. Сменявшие друг друга румынские правительства пытались добиться цели путем переговоров с Портой и западными державами, но натолкнулись на категорический отказ — последние продолжали придерживаться статус-кво, т. е. неприкосновенности владений Османской империи. И тогда Румыния примкнула к России. Ее войска со славой сражались под крепостью Плевна и приняли участие в ряде других операций. Сама эта война вошла в историю страны под именем «войны за независимость», которая была признана по мирному договору. Возросший международный престиж Румынии нашел отражение в провозглашении ее в 1881 г. *королевством*.

Но как союзники в войне 1877—1878 гг. Россия и Румыния быстро разошлись. Дело в том, что Россия, смывая последствия поражения в Крымской войне, вернула себе Южную Бессарабию, тогда утраченную и вошедшую в состав вассального по отношению к Турции Молдавского, а потом Румынского княжеств. Хотя Румыния и получила по мирному урегулированию Северную Добруджу, большую по территории и более перспективную экономически, нежели Южная Бессарабия, в Бухаресте не смирились с потерей. В 1883 г. правительство Я. К. *Брэтиану*, преследуя реваншистские цели, примкнуло к направленному против России австро-германскому военному союзу.

Завоевание Румынией независимости создало более благоприятные условия для хозяйственного развития страны. Был введен протекционистский тариф для защиты внутреннего рынка; принят закон о поощрении национальной промышленности, предусматривавший налоговые и торговые льготы. Развивалась прежде всего легкая и пищевая промышленность. Строились железные дороги. На базе богатых залежей нефти быстро развивалась ее добыча, по которой маленькая Румыния вышла на третье после США и России место в мире. Прочное место в экономике заняли банки, фактически установившие над ней свой контроль. Иностраный капитал, прежде всего немецкий, занял ведущее положение в основных отраслях индустрии; государство оказалось в тенетах иностранной задолженности.

В аграрном комплексе половина земельных площадей оставалась помещичьей собственностью. Дробление крестьянских наделов приводило деревню к малоземелью, обеднению и обнищанию. Борясь за место на европейском хлебном рынке, на который выбросили дешевый хлеб США и Канада, помещики утяжеляли условия арендной платы. Дважды, в 1888 и 1907 гг., деревня поднималась на восстание. Особенно мощным было восстание 1907 г., охватившее все королевство. Буржуазно-помещичья олигархия подавила его с леденящей кровью жестокостью: мятежные села сжигались огнем артиллерии карателей, «бунтовщиков» беспощадно пороли, десятки тысяч людей были загнаны в тюрьмы, под которые были использованы даже баржи на Дунае. Всего было расстреляно, заporото и сгноено в заточении 11 тыс. человек, т. е. больше, чем погибло в войне за независимость. Но оставлять в незыблемости обремененную феодальными пережитками систему земельных отношений правительство не могло. Принятые законы облегчали покупку крестьянами земли в рассрочку и предоставление им кредитов.

С развитием промышленности и появлением рабочего класса создались условия для возникновения социал-демократической партии. Она была основана в 1893 г. и в ней возобладало реформистское крыло. В 1899 г. группа лидеров, разуверившихся в социализме, перешла к либералам, что привело к распаду партии, которую удалось восстановить лишь в 1910 г.

В XX в. стало очевидным, что военный союз с Австро-Венгрией и Германией изжил себя. В монархии Габсбургов, в венгерской ее части, в Трансильвании, компактно проживало

многочисленное румынское население, не обладавшее национальным равноправием. Борьба за его обретение, за введение румынского языка в образование и управление в районах с преобладающим румынским населением активно велась национальными организациями Трансильвании и встречала сочувствие и поддержку в Румынском королевстве. Вызревали планы объединения румынских земель. В этих условиях союз с Веной превратился в анахронизм, и пока еще скрытно Румыния начала переориентацию на лагерь Антанты.

В 1913 г. румынские правящие круги, обеспокоенные перекойкой карты Юго-Восточной Европы в ходе первой Балканской войны 1912 г. и усилением Болгарии, Сербии и Греции, вмешались во вторую балканскую войну. Румынская армия, не встречая сопротивления, вступила на болгарскую землю. По Бухарестскому миру 1913 г. к Румынии отошла Южная Добруджа. Румыния по территории и населению стала самым крупным из балканских государств.

Греция. Идея воссоединения национальных земель доминировала в политической жизни Греции. Датский принц Вильгельм, ставший королем эллинов в 1864 г. под именем Георга I, активно способствовал незатухавшему процессу собирания родины. Женитьба на великой княжне Ольге Константиновне и воспитание детей в православной вере укрепляли его позиции и способствовали популярности в стране.

В 1866 г. восстали жители острова Крит, требуя объединения с Грецией. Однако восстание захлебнулось, ревнители незыблемости владений Османской империи во главе с Великобританией помешали Греции оказать повстанцам широкую, в том числе военную, помощь. Наученный горьким опытом, король не спешил вмешаться в русско-турецкую войну (1877—1878) и объявил о вступлении в нее накануне окончания военных действий. Греция оказалась за бортом происходившего на Берлинском конгрессе 1878 г. мирного урегулирования. Лишь в 1881 г. державы договорились о присоединении к ней Фессалии и части Эпира, несколько продвинув границы королевства на север. В 1897 г. вновь восстали критяне; на этот раз греки решились бросить вызов Османской империи, но быстро потерпели поражение на поле боя.

Поглощенность идеей национального объединения способствовала смягчению социальной обстановки в стране. В Греции сохранялось крупное помещичье землевладение и фео-

дальние пережитки в сфере аграрных отношений, Развивались прежде всего отрасли промышленности, занимавшиеся переработкой сельскохозяйственного сырья. В конце XIX столетия на базе месторождений свинца и марганца стала развиваться добывающая промышленность. Изрезанность берегов, наличие многочисленных островов благоприятствовали дальнейшему развитию традиционного судоходства, но уже парового. Греция являлась своего рода «морским извозчиком» Средиземноморского и Черноморского бассейнов. По-прежнему значительная часть общества жила на доходы от рыболовства и добычи продуктов моря.

Обе действовавшие на политической арене партии — *прогрессивная* (лидер — *Х. Трикупис*) и *национальная* (*Т. Дслияние*) — выступали за развитие промышленности, но расходились по вопросу о привлечении иностранного капитала. Трикупис «преуспел» в этом в такой степени, что страна еще глубже увязла в задолженности. Он вынужден был объявить государственное банкротство, а специальная международная комиссия установила свой контроль над поступлением доходов в казну. Национальная партия осуждала засилье иностранного капитала в стране и более активно, чем прогрессисты, проводила внешнюю политику, чреватую осложнениями не только с Высокой Портой (ибо большинство греческой диаспоры проживало в ее владениях), но и с западными державами.

В 1909 г. *Военная лига*, организация прогрессивно настроенных офицеров, недовольных утратой финансового суверенитета и трудностями в объединении национальных земель, подняла в Афинах восстание, приведшее к власти руководителя либеральной партии *Э. Венизелоса*, критянина по происхождению. Он провел ряд реформ: в налогообложении, добившись увеличения доходов казны, в аграрной области, облегчив покупку земли, и в администрации, сократив ее непомерно раздутый аппарат. Главное внимание Венизелос, горячий сторонник Великой (Мегала) идеи объединения всех греческих земель, уделял внешним делам, способствуя созданию Балканского союза 1912 г.

Балканские области под властью Османской империи. После 1878 г. в *Македонии* продолжали нарастать тенденции кризиса османской социально-политической системы, не прекращался произвол чиновников и мусульманских землевладельцев (беги, чифликчи), масса крестьянства беднела. Вместе с тем ее не обошло некоторое оживле-

ние экономики, охватившее Балканы на рубеже веков. Возросло значение городов (Салоники, Битоль, Скопле) как центров банковской, торговой деятельности и промышленности (табачная, пищевая, текстильная), увеличивалось применение наемного труда.

Освободительное движение в Македонии поднялось на новый уровень: в 1893 г. в Салониках возникло общество, позднее названное *Внутренней Македонско-Одринской* (Адриано-польской. — *Авт.*) *революционной организацией* (ВМОРО). Вскоре ВМОРО создала сеть революционных ячеек и начала непосредственную подготовку национально-освободительного восстания. В разных местах вспыхивали вооруженные столкновения с властями. В Македонию тайно переправлялось оружие. Весной 1903 г. в стычке с полицией погиб лидер ВМОРО *Гоце Делчев*.

Ильинденско-Преображенское восстание началось 2 августа 1903 г., в Ильин день. Восставшим удалось освободить небольшой городок Крушево, но «Крушевская республика» во главе с социалистом *Николой Каревым* продержалась лишь несколько дней.

И до и после восстания соседние государства (Болгария, Греция, Сербия) засылали в Македонию вооруженные отряды, ожесточенно боровшиеся за влияние в стране. После восстания ВМОРО фактически раскололась: часть ее добивалась автономии страны с последующим ее присоединением к Болгарии, другие ставили в центр внимания сплочение населения всех национальностей и создание Македонской республики в рамках Балканской федерации. Острые разногласия относительно целей движения имелись и среди эмиграции. Но все македонские революционеры предусматривали ликвидацию полуфеодалного землевладения.

В 1908 г. ВМОРО поддержала младотурецкую революцию, ожидая введения конституционных свобод и аграрной реформы (предоставления земли крестьянам). Однако младотурки столь же непримиримо, как и прежние власти, стали преследовать политические организации народов империи. Вооруженные столкновения населения с османской армией не прекращались вплоть до Балканской войны 1912 г.

Албания в то время существовала только как географическое понятие; земли, населенные албанцами, входили в несколько вилайетов Османской империи, при этом на них заре-

лись соседи. Берлинский конгресс 1878 г. не пожелал иметь дело с представителями албанского народа. *Албанская лига*, созданная в том же году в г. Призрене, потребовала предоставить стране автономию в составе Османской империи. Лига была разгромлена турецкими властями, но вошла в албанскую историю как организация, пытавшаяся возродить национальную государственность. Под ее эгидой был создан общеупотребительный албанский алфавит на латинской основе, она приняла шаги по распространению и развитию национального языка и культуры. В дальнейшем центры национального движения переместились в места расселения албанской диаспоры на Балканах, в Западной Европе и даже США. Примечательной его чертой являлось отсутствие религиозной розни (албанцы принадлежат к *трем конфессиям* — мусульманству, православии и католицизму). «Албанец был албанцем до того, как стал мусульманином или христианином», — писал выдающийся просветитель *С. Фрашери*. «*Шкиптаризм*» — служение Албании — он возводил в ранг догмы.

Экономика Албании как бы застыла в глубоком средневековье. Земля принадлежала крупным феодалам, арендаторы-крестьяне обрабатывали ее сохой (плуг был редкостью), собирая убогий урожай. Крестьянское землевладение отступало в горные районы.

XX век принес разорение отдельным феодальным семьям, не сумевшим приспособиться к рыночным условиям, их земли переходили к купцам и зажиточным крестьянам. Фабричная промышленность фактически отсутствовала.

Младотурецкая революция 1908 г. побудила деятелей культуры и руководителей национального движения созвать *Албанский конгресс*. Официально он был призван унифицировать алфавит, но втайне речь шла о путях достижения автономии — путем вооруженной борьбы либо сотрудничества с младотурками. Конгресс потребовал официального признания со стороны государства албанской нации и ее языка, введения выборности местных органов власти, создания сети албанских школ. Денационализаторская политика и паносманская идеология младотурок рассорили с ними албанских лидеров. Идея автономии быстро завоевывала позиции в стране, в 1910—1912 гг. здесь прокатилась серия восстаний.

Первая Балканская война 1912 г. отвлекла военные силы Османской империи и создала благоприятные условия для развертывания национального движения в Албании. Лозунг авто-

номии уже не удовлетворял его участников. В ноябре 1912 г. собравшийся во *Влёре* конгресс представителей большинства районов и зарубежных центров провозгласил *независимость Албании*. В следующем году конференция послов держав в Лондоне признала ее как свершившийся факт. Но признания Албании со стороны балканских соседей не последовало. Они рассматривали ее как своего рода «бесхозную» зону. Греческие, черногорские и сербские войска продолжали операции против турецкой армии, не обращая внимания на албанский суверенитет. С большим трудом послам держав в Лондоне на конференции удалось отклонить притязания черногорского короля Николая на порт Шкодру. Для вящей убедительности в окружающие его воды была послана военная эскадра. Однако к Черногории, Сербии и Греции при размежевании границ отошли районы со смешанным, а то и преобладающим албанским населением.

В самой Албании начались выступления феодалов-сепаратистов. Положение правительства *И. Кемали* было шатким. «Число самозванных правителей здесь, — передавал русский дипломат, — увеличивается с каждым днем. Всякий, набравший шайку в несколько вооруженных лиц, провозглашает себя правителем до тех пор, пока его не сменит другой, более сильный».

Иностранные банковские дома развернули «битву концесий» за право на строительство железной дороги, разработку полезных ископаемых, проведение телеграфных линий. Центральному правительству не удалось обуздать конфликтующие внутренние силы, а соперничество Австро-Венгрии и Италии, имевших в Албании наиболее сильные политические и экономические позиции, завершилось тем, что Албания, с санкции других держав, была провозглашена княжеством и на трон был посажен немецкий принц *Вильгельм Вид*, бывший капитаном кайзеровской армии.

Балканские войны (1912—1913). Явный упадок Османской империи, которая экономически отстала от балканских народов, своих недавних подданных, вторжение итальянских войск в североафриканские владения Турции (1911), наконец, усилившаяся угроза Балканам со стороны Австро-Венгрии — все это побудило Балканские государства к активным действиям. Державы Антанты покровительствовали складыванию *Балканского союза*, который, по их замыслу, мог

бы противостоять австро-германскому блоку на юго-востоке. Однако сами балканские правительства спешили нанести удар по Турции. В начале XX в. стало возможным осуществить план, который вынашивался в Сербии еще с 60-х годов XIX в.

В марте 1912 г. был заключен договор о взаимной помощи между Сербией и Болгарией. Позднее были подписаны соглашения с Грецией и Черногорией. Союзники предполагали после победы разделить Македонию и Албанию. Однако сербы, болгары и греки не смогли договориться о разграничительных линиях в Македонии. Была лишь обозначена «спорная зона» (между территориями, на которые претендовали Сербия и Болгария) выше линии, идущей от оз. Охрид на северо-восток. В октябре 1912 г. началась *первая Балканская война* — союзники наступали и одержали ряд решающих побед. Черногорцы осадили Шкодер в Албании, болгары вышли к Эгейскому морю и осадили Эдирне (Адрианополь) во Фракии, греки заняли Салоники, сербы — большую часть Македонии и Косово, большинство населения которого были албанцы, сербы и черногорцы. 30 мая 1913 г. был заключен *Лондонский мир*. С остатками османского владычества на Балканах было покончено: турецкая граница теперь проходила недалеко от Стамбула.

Но под угрозой военного вмешательства Австро-Венгрии сербы отвели свои войска от побережья Адриатики. Ссылаясь, в частности, на это, Сербия отказалась передать Болгарии часть территории Македонии, занятой сербской армией. При этом Греция и Сербия имели тайную договоренность сохранить общую границу, т. е. не пустить Болгарию в Македонию. Обстановка стала вновь накаляться. Царь Фердинанд, подстрекаемый австро-германской дипломатией, решил развязать новый конфликт.

29 июня 1913 г. болгары атаковали сербские и греческие позиции, но потерпели неудачу. Так началась *вторая Балканская («межсоюзническая») война*. Болгария вскоре оказалась в окружении: против нее выступили также Турция, которая вернула часть Восточной Фракии и Эдирне, и даже Румыния, ранее не участвовавшая в войне. По *Бухарестскому миру* 10 августа 1913 г. почти вся Македония была поделена между Грецией и Сербией (за Болгарией остался Пиринский край), во Фракии Болгария сохранила узкий выход к Эгейскому морю. Румыния захватила Южную Добруджу. В Македонии и Косово

завязались узлы новых межнациональных противоречий. Все эти события стали прологом Первой мировой войны.

В результате Балканских войн Сербия и Черногория получили общую границу. Эти государства стали значительной силой на пути габсбургской экспансии на юг полуострова. В Австро-Венгрии первая Балканская война вызвала, с одной стороны, подъем югославянских настроений и движение солидарности с Сербией, с другой — опасения части хорватской и словенской буржуазии в связи с планами сербского государства. Таким образом, возросли политические противоречия в югославянском обществе Австро-Венгрии.

Южнославянский вопрос рассматривался правящими кругами Австро-Венгрии как крайне опасный для монархии. Чтобы его «решить», австро-венгерский генштаб спланировал разгром и оккупацию Сербии, а предлогом к нападению стало, весьма кстати, «сараевское убийство».

к индустриальному обществу и «прогрессивной эре»

Экономические достижения. В последней трети XIX в. Соединенные Штаты Америки вышли на первое место в мире по уровню экономического развития. Экономика заокеанской республики характеризовалась самым высоким объемом промышленного и сельскохозяйственного производства в целом и на душу населения, обширным и емким внутренним рынком, высокопродуктивными фермами, развитыми средствами транспорта и связи и появлением характерных уже для XX столетия крупных корпораций.

Основой этих достижений был *переселенческий капитализм* — свободное предпринимательское освоение природных ресурсов, прежде всего земли, миллионами американцев и иммигрантов. Громадное внутреннее пространство для колонизации имела тогда и Россия, но просторы Сибири и Дальнего Востока до XX в. медленно заселялись и слабо осваивались. Продажа в 1867 г. российских владений на северо-западе Америки Соединенным Штатам ясно показала невыгоду территориальной экспансии без общенародного освоения новых земель.

В Соединенных Штатах капиталы и рабочие руки непрерывно притекали на расширявшийся внутренний рынок. Свободные территории не пустовали, а быстро покрывались фермами и пастбищами, застраивались поселками и городами, соединялись железными и проселочными дорогами и телеграфными линиями. Плодородные земли, леса, руды всевозможных металлов, запасы угля и нефти, найденное в Калифорнии и на Аляске золото стали мощным стимулом предпринимательства, от которого непосредственно зависело экономическое развитие страны.

Переход свободных земель из государственного фонда в частные руки завершился после издания *акта о гомстедах*

(1862) менее чем за 30 лет — к 1890 г. За 1870—1900 гг. площадь обрабатываемых земель увеличилась более чем вдвое. Число занятых сельскохозяйственным трудом выросло за это время с 6,2 млн до 10,4 млн человек, а количество фермерских хозяйств с 2 млн до 5,7 млн. Успехи сельского хозяйства объяснялись не только плодородием почв и приростом сельского населения, но и использованием искусственных удобрений и механизацией труда. Быстро растущее население получало достаточно продуктов питания, причем американская сельскохозяйственная продукция вывозилась за рубеж.

Перед Первой мировой войной США занимали первое место в мире по потреблению зерновых, включая кукурузу и рис, на душу населения и входили в группу стран с наиболее высокой урожайностью (с акра земли) и с высокоразвитым животноводством. По количеству голов крупного рогатого скота на 100 жителей они уступали только Аргентине, Канаде и Дании.

Американская железнодорожная сеть уже в середине XIX в. была самой протяженной в мире. В 1914 г. к 263,5 тыс. миль железных дорог добавилось 257 тыс. миль шоссейных дорог различного качества. По автомобилестроению Соединенные Штаты обогнали весь мир: в 1914 г. там было зарегистрировано 1763 тыс. легковых и грузовых автомобилей — в 3,6 раза больше, чем в странах Западной Европы вместе взятых.

Новые отрасли промышленности — пищевая, нефтеперерабатывающая, сталелитейная, химическая, электротехническая и машиностроительная заложили долговременную основу индустриального могущества США. Именно в этих отраслях, появившихся после Гражданской войны, возникли предприятия нового типа — большой бизнес, или крупные корпорации. Они использовали технологии стандартизованного массового производства и эффект масштаба, т. е. снижение издержек на изготовление единицы продукции при расширении объема ее выпуска. Поэтому изделия крупных компаний являлись относительно дешевыми, а массовое производство отвечало прежде всего потребностям внутреннего рынка. Начавшись в оружейном деле, стандартизация распространилась на изготовление многих изделий — одежды и обуви, упаковочной тары, пищевых полуфабрикатов, строительных материалов и, наконец, сложной техники. В 1913 г. *компания Форда* начала осваивать метод конвейерной сборки автомобилей, что стало техническим достижением глобального масштаба.

Другая отличительная черта компаний нового типа — объединение производства и сбыта товаров, а иногда и источников снабжения (*вертикальная интеграция*). Это снижало издержки, неизбежные при разобщенности добывающих, производящих и торговых предприятий. Третья существенная особенность заключалась в найме владельцами капитала *менеджеров* — профессиональных администраторов бизнеса. Эффективное управление людьми и другими ресурсами фирм стало наукой: в США появились школы менеджеров (первая открылась в 1881 г. при Пенсильванском университете), а в первом десятилетии XX в. вышел ряд трудов инженера Ф. У. Тейлора и других основоположников менеджмента.

Естественные науки также становились производительной силой. Лаборатории «Дженерал электрик», «Белл» и ряда других компаний делали смелые технические открытия, давшие дорогу новым видам продукции. Изобретатель-самоучка Т. Эдисон прославился множеством нововведений в самых разных областях. С его именем связано появление в США электростанций, электрического освещения, усовершенствование телефонной связи, создание кинематографа и индустрии грамзаписей. Научные лаборатории и даже примитивные экспериментальные мастерские нередко становились ядром будущих крупных компаний, если разрабатывали продукцию, применимую в повседневной жизни, которую покупало множество людей. Ее изобретатели могли рассчитывать на финансовую поддержку и быстрое внедрение своих предложений, а то и сами становились предпринимателями.

Так, Г. Форд проделал путь от простого механика до владельца одной из крупнейших автомобилестроительных компаний, фотограф-любитель Дж. Истмен положил начало всемирно известной компании «Кодак», скромный продавец К. Жиллет — не менее известной фирме безопасных бритв. Богачами стали изобретатели простейших, но практичных вещей, распространившихся по всему миру: одноразовой бумажной посуды, знаменитой кока-колы, рецепт которой приготовил в 1886 г. аптекарь Дж. Пембертон, стандартных крышек для бутылок с прохладительными напитками и т. д.

Возможности коммерциализации технических новинок привлекали в США и крупных изобретателей. Достаточно назвать выходца из Великобритании А. Белла, создавшего телефон. Вначале он стал использоваться на бирже, а затем как самое быстрое и доступное массам средство связи. Перед Пер-

вой мировой войной в Соединенных Штатах насчитывалось около 10 млн абонентов.

Роль крупных корпораций. Появление в последней трети XIX в. большого бизнеса привело к крупным структурным переменам в экономике, в обществе и в организации самих предприятий. Наряду с бурным ростом городов, развитием средств транспорта и связи большие корпорации являлись признаками и факторами становления в США *индустриального общества*. Термин «монополистический капитализм», обозначавший, по Ленину, высшую и последнюю стадию капиталистической системы, конец свободной конкуренции, искажал сущность эволюции рыночной экономики.

Законом ее развития является сосуществование и взаимодействие крупных и малых предприятий, что было и в Соединенных Штатах. Преимущества от интеграции, слияний и роста имел довольно узкий круг капиталоемких производств. Численность небольших фирм, обслуживающих как крупные компании, так и индивидуальных потребителей, продолжала возрастать. Для них характерны гибкость и приспособляемость к колебаниям спроса. Они не требовали крупных капиталов и создавали все богатство и разнообразие потребительского рынка, включая рынок услуг.

Крупные компании росли не только за счет собственных ресурсов, но и посредством слияния, поглощения или покупки других фирм. Цель таких действий заключалась либо в устранении конкурента, либо в консолидации ресурсов и возможностей — расширении ассортимента продукции, доступа в торговую и транспортную сеть и т. д. Поглощение бывало вынужденным и нежелательным для независимых фирм, но они нередко получали выгоду от добровольного вхождения в структуру мощной корпорации, например, для повышения котировки своих акций и снижения риска. Так, большинство американских автомобилестроителей в начале XX в. стремились к объединению, вследствие чего в 1908 г. возникла коалиция компаний «Дженерал моторе».

Соперничество немногих крупных фирм (*олигополия*) сменило в некоторых отраслях конкуренцию многочисленных мелких производителей, но оно же и поставило *предел монополизации*, т. е. захвату производства и сбыта одной фирмой или их объединением. Объединения требовали больших затрат и организационных преобразований, а если ими не удавалось

эффективно управлять, они существовали недолго. Сокращение спроса могло причинить монополии громадный ущерб.

Организованное Дж. Д. Рокфеллером и его компаньонами объединение нефтеперегонных компаний штата Огайо контролировало в последней четверти XIX в. более 90% поставок керосина, но с начала XX столетия его доля на американском и мировом рынке неуклонно сокращалась из-за острой конкуренции. Не смогла подавить конкурентов и сахарорафинадная фирма «Америкэн шугар рифайнинг компани». Созданная в 1902 г. крупнейшим банкиром Дж. П. Морганом «Ю. С. стил корпорейшн» претендовала на монополию в сталелитейной отрасли, но ее доля не превысила 60%, а трудности управления гигантским объединением показали невыгоду монополизации. Считавшаяся непобедимой компания Форда в конце 20-х годов уступила первенство «Дженерал моторе». Из компаний национального значения только «Америкэн телефон энд телеграф» долго удерживала монополию на предоставление услуг дальней связи, так как обладала уникальной дорогостоящей техникой, и другим телефонным компаниям выгоднее было стать ее клиентами.

Банковский капитал до последнего десятилетия XIX в. финансировал самые крупные и прибыльные частные компании страны — железнодорожные. Большую роль здесь играли иностранные инвесторы, в первую очередь британские. Но в конце столетия денежные потоки устремились в крупную промышленность. Банкиры не просто давали займы, а становились совладельцами и участниками объединенных компаний, приобретая большое количество акций. Промышленные объединения нуждались в крупных денежных вливаниях для реорганизации производства и сбыта, налаживания связей между предприятиями, однако целый ряд гигантских промышленных компаний самостоятельно вырос на основе мелких фирм. Решающую роль здесь сыграли высокий спрос на их продукцию, хороший менеджмент и удачные предпринимательские стратегии.

Так, в 80-е годы XIX в. мясоторговец Г. Свифт заменил перевозку скота перевозками свежего мяса в вагонах-ледниках и организовал бесперебойную систему поставок по телеграфным заявкам. Э. Карнеги использовал новейшие методы выплавки стали, которые не могли освоить мелкие устаревшие заводы, а его опыт работы на железной дороге дал ему ясное представление о выгоде бесперебойных операций. Крупные торговые

компании, в первую очередь «Сире энд Роубак», развернули торговлю по почтовым заказам и каталогам. В конце XIX в. торговец Ф. Вулворт создал обширную сеть дешевых магазинчиков и получал большой доход с оборота. Без сращивания с банковским капиталом выросли «Форд мотор компани», «Стандард ойл», «Дюпон де Немур» и др. Компания «Дженерал электрик», начавшая выпускать дорогостоящее оборудование для электростанций и городского освещения, финансировалась банком Моргана, однако факторами ее развития стали не только деньги, но и научно-технические разработки.

После Гражданской войны бурный рост производства привел к появлению картелей — соглашений независимых производителей однородной продукции о поддержании одинаковых цен и распределении рынков сбыта. Однако им не удавалось превратиться в устойчивые монополии: как только какой-то компании становилось выгоднее изменить цены или свой рынок сбыта, она беспрепятственно выходила из картеля, не имевшего юридической силы, и картель разваливался.

В 1882 г. появилась особая форма централизованного руководства объединениями компаний — *трест*, или управление через доверенных лиц. Первым трестом стало руководство группой нефтеперегонных компаний (картелем) во главе со «Стандард ойл». Для борьбы с конкурентами Рокфеллер решил объединить их ресурсы: переоборудовать производство, закрыть нерентабельные заводы, построить сотни миль трубопроводов, подключить их к нефтяным скважинам, создать свою сбытовую организацию, но на базе картеля это было невозможно. Тогда его участники передали в распоряжение Рокфеллера и других доверенных лиц свои активы, сохранив за собой право на получение прибылей. Реорганизация увенчалась успехом, однако трест не являлся узаконенной формой правления. В 1893 г. Верховный суд штата Огайо запретил его, но трест продолжал действовать негласно.

Управление в форме трестов не получило широкого распространения в США, что было связано с трудностями их создания и сохранения, а руководство большинством компаний осуществлялось на иной основе. Кроме «Стандард ойл», появилось еще несколько трестов, но во второстепенных отраслях. Не являлась трестом и сталелитейная корпорация Моргана, что видно уже из ее названия.

Продажа потребительских товаров по низким ценам, но в большом количестве создавала условия для колоссального

роста прибылей и быстрого обогащения держателей акций. Однако выгоду от снижения цен получали и потребители, а кроме того, крупные предприятия создавали массу новых рабочих мест. Внедрение передовых технологий, автоматизация производства изменяли условия труда, и на крупных предприятиях значительную долю занятых составляли малоквалифицированные рабочие.

Антитрестовское законодательство. Федеральное и местное законодательство, традиционно ориентированное на свободу предпринимательства и поддержание конкуренции, отставало от развития большого бизнеса. Используя правовой вакуум и протекционистские тарифы, крупные корпорации объединялись и создавали централизованное управление явочным порядком.

У такой деятельности была своя положительная сторона — например, соединение коротких линий в протяженные магистрали в 80-е годы XIX в. существенно увеличило пропускную способность железных дорог, что в среднем удешевило перевозки. Конкурентная же борьба между железнодорожными компаниями создавала угрозу снижения качества перевозок и затрудняла превращение железнодорожной сети в единую транспортную систему. Поэтому железные дороги нуждались в согласовании и координации действий. Однако в мире большого бизнеса под предлогом тех или иных улучшений часто творился произвол.

От стоимости перевозок зависели доходы крупных фирм, отправлявших и получавших большие партии грузов. Они добивались для себя льготных тарифов в обмен на гарантированный грузооборот, закрепляя такие сделки обменом акциями, что давало преимущества одним клиентам и ущемляло интересы других. Мелкий бизнес сильно страдал от этой практики. Железнодорожные компании снижали плату за провоз грузов, если дальний маршрут делился на участки, принадлежавшие разным владельцам, но существенно повышали ее, когда груз следовал на короткое расстояние и в пределах одного владения. Чтобы упрочить свое положение, они добивались легализации картелей и договаривались о создании общих фондов (*пулов*) для распределения прибылей от заранее согласованных тарифов.

Общественное возмущение такой практикой было столь велико, что потребовалось вмешательство Конгресса. В 1887 г.

президент США Г. Кливленд подписал закон о *междуштатной торговле*, который запрещал пулы, завышение тарифов, предоставление льгот и обязал железнодорожные компании брать плату в зависимости от расстояния. Для наблюдения за исполнением закона создавалась Междуштатная торговая комиссия, но реальных административных полномочий она не имела. Она могла лишь собирать факты и передавать их на рассмотрение судебных органов, которые не зависели от законодательной власти. Тем не менее это была первая попытка федеральных властей упорядочить деятельность частного бизнеса в одной из важнейших народнохозяйственных отраслей.

В 1889 г. законодательное собрание штата Нью-Джерси разрешило учреждать на своей территории *холдинги* — компании, легально приобретающие акции фирм, расположенных в других штатах. В 1890 г. Конгресс принял закон *Шермана*, запрещавший тресты и другие объединения, которые препятствовали «свободной торговле» внутри страны или с иностранными государствами. Аналогичные законы были приняты большинством штатов.

Толкование этого закона Верховным судом США в ходе рассмотрения ряда судебных дел в 1890-е годы показало, что власти не против учреждения холдингов, которые стали легальной формой объединения компаний, имевших не только сбытовые, но и производственные функции. Запрещался под угрозой роспуска и умеренного штрафа лишь сговор независимых компаний с целью прекращения конкуренции, т. е. соглашения чисто торгового характера, не создававшие юридического лица.

Легализация холдингов означала придание головным компаниям, владевшим акциями других компаний, официального статуса, или подконтрольного государству юридического лица. В 1899 г. был узаконен и бывший трест «Стандард ойл», инкорпорированный легальным путем в Нью-Джерси. При всем несовершенстве такого законодательства (закон Шермана имел целью успокоить общественное мнение, а доказывать его нарушение, т. е. создание треста, требовалось через суд) оно положило начало развивавшемуся в XX в. государственному регулированию частного предпринимательства.

Социальные движения. Важнейшей особенностью американской истории конца XIX в. стало *общенациональное движение против крупных корпораций*, которое

охватило практически все слои населения, включая фермеров и рабочих. Многих современников крайне тревожило их появление, быстрый рост и небывалое обогащение владельцев.

Предпринимательство в США исторически сложилось на индивидуальной и групповой основе. Мелкий бизнес нередко ограничивался личным обогащением, и амбиции, например, Рокфеллера или Вандербилта казались обывателям социально опасными. Они считали, что крупные корпорации — это заговор с целью хищнического присвоения ресурсов страны и результатов труда миллионов работников и что «равенству возможностей» пришел конец. Хозяйственный механизм большого бизнеса оставался какое-то время неразгаданным, зато экономическая мощь сразу бросалась в глаза.

Разбросанные по всей стране конторы одних и тех же корпораций, их названия, тиражируемые на вывесках и рекламных объявлениях, на зданиях фабрик и складов, вагонах и товарных упаковках, походили на щупальца гигантского спрута. Не только рядовые американцы, но и многие экономисты и политики склонялись к мысли, что в стране свободной конкуренции и демократии такое богатство нажито преступным путем.

Сенсационные разоблачения аморального и даже криминального происхождения этих миллионов, описания безжалостной конкурентной борьбы и коррупции стали самой читаемой темой в прессе. Основателей железнодорожных, финансовых и промышленных «империй» — Вандербилта, Гарримана, Гулда, Моргана, Рокфеллера и других называли то новоявленными магнатами, то королями, то баронами-разбойниками, по аналогии со средневековыми баронами, промышленявшими грабежом.

У простых людей имелись и более конкретные поводы для недовольства. Увеличившие в годы Гражданской войны сельскохозяйственное производство фермеры столкнулись после ее окончания с сокращением спроса, что сделало многие расширившиеся фермы убыточными. Возросла их задолженность местным банкам. Сбыт продукции с помощью железных дорог открывал новые возможности, но требовал участия посредников — скупщиков-комиссионеров и оптовых торговцев. Спрос на муку вместо зерна вынуждал фермеров обращаться к владельцам элеваторов, а ими часто оказывались те же железнодорожные компании, которые брали высокую плату за пере-

возку небольших партий грузов. Отношения между ними и фермерами были накалены и по другим причинам.

Железные дороги являлись крупнейшими землевладельцами. Получая бесплатно землю от государства, они использовали ее не только для прокладки полотна, но и для спекулятивных махинаций. Переселенцам далеко не всегда удавалось без проблем занять облюбованный участок — удобные земли могли оказаться владением железной дороги, и будущим фермерам приходилось либо убираться подальше, либо выкупать свой законный надел у новых хозяев или арендовать его. В сговоре с железными дорогами вступали и владельцы больших скотоводческих ранчо, вторгавшиеся на территории раздачи гомстедов. Споры между претендентами нередко решались оружием. Несмотря на прогресс сельского хозяйства, мелкие землевладельцы страдали от беспредела, которым отличался в те годы свободный бизнес на Диком Западе.

Экономическая несправедливость побуждала фермеров сообща отстаивать свои права. С конца 60-х годов XIX в. во всей стране стали создаваться *грейнджи* — *фермерские ассоциации на кооперативных началах*, которые сами организовывали сбыт, нанимали торговых агентов, строили склады и мельницы. В ряде западных штатов им удалось заручиться поддержкой местных политиков, провести их в легислатуры и даже добиться контроля за деятельностью железных дорог. Впрочем, возможности грейнджей были ограниченными, и железнодорожные «короли» отыгрывали свои права в судебных инстанциях. В середине 70-х годов среди фермеров стала набирать популярность идея «дешевых» бумажных денег, которые на жаргоне тех лет назывались «гринбеками» — зелеными долларовыми банкнотами.

Инфляционные требования были традиционными для фермеров США в периоды экономических трудностей. Они хотели без расширения производства, за счет инфляции, выручать с каждым годом все больше денег за продаваемую продукцию, чтобы погашать имевшиеся долги. Реальная же ситуация складывалась наоборот: обесценивавшиеся «гринбеки» выпускались в период Гражданской войны, а после нее доллар укрепился и подорожал, так что отдавать долги становилось все труднее. Трудности усугублялись снижением мировых цен на хлеб, прежде всего из-за поставок из Аргентины, Канады и России. Часть фермеров запуталась в долгах и заложила свое имущество.

В 1875 г. была создана самостоятельная *гринбекерская партия*, которая вступила в политическую борьбу, выставив своего кандидата в президенты США. Гринбекеры налаживали связи с демократическими политиками и рабочими организациями, однако в целом рабочий элемент играл в движении фермеров второстепенную роль. 80-е годы стали временем нового подъема фермерского движения, которое привело к образованию массовой *Народной, или Популистской, партии*. Ей предшествовало создание крупных союзов (альянсов), которые спланировали фермерские организации разных штатов и проводили своих ставленников в Конгресс и местные органы власти. Союзниками популистов стали мелкие предприниматели, торговцы, и даже недовольные золотым стандартом владельцы серебряных рудников.

В начале 90-х годов популистское движение оформилось в национальном масштабе. Его важнейшие лозунги сводились к национализации железных дорог и средств связи, изъятию излишков земли у частных корпораций и иностранцев и передаче их фактическим поселенцам, введению прогрессивного налога, отмене золотого стандарта. Кроме того, популисты предлагали ряд мер по радикальному обновлению политической системы в духе «народной» демократии — прямые выборы сенаторов и президента США, прямое и тайное выдвижение кандидатов, право избирателей отзываться конгрессменов и судей, а высшей законодательной властью они хотели сделать народный референдум.

Требования ввести 8-часовой рабочий день, запретить наем несовершеннолетних также вошли в программу, но в организационном плане популистское и рабочее движение развивались порознь. Многие популисты-южане традиционно поддерживали на президентских выборах 1892 г. Демократическую партию, а чернокожие фермеры и арендаторы создавали собственные союзы. Части популистов были присущи расизм, антисемитизм и враждебное отношение к иммигрантам, «отнимающим» землю и работу у американцев. Тем не менее кандидат от Популистской партии Дж. Уивер собрал более миллиона голосов избирателей (9%).

К президентским выборам 1896 г. руководство популистов пришло под одним-единственным лозунгом, который, как им казалось, радикально решит проблему народного благосостояния. Это эмиссия серебряных денег для создания умеренной инфляции. Чтобы победить наверняка, лидеры популистов

блокировались с Демократической партией, кандидатом от которой выступил юрист У. Брайан. Он охотно включил требование популистов в свою предвыборную программу, но проиграл выборы, хотя его противник от Республиканской партии У. Маккинли победил с небольшим перевесом в полмиллиона голосов.

Эта политическая неудача положила конец популистскому движению, хотя часть его программы — прямые выборы сенаторов, умеренная инфляция, государственное регулирование экономики, прежде всего средств транспорта и связи, законодательство в пользу фермеров были затем в разное время претворены в жизнь. Прекращению организованного популизма способствовали улучшение экономической конъюнктуры, привыкание к новому, более сложному и динамичному укладу жизни индустриального общества, повышавшие авторитет власти внешнеполитические успехи и переход правительства к курсу реформ.

Становление индустриального общества сопровождалось *подъемом рабочего движения*. Положение наемных рабочих имело в США ряд характерных особенностей. Это многонациональный состав, разобщавший рабочий люд, дискриминация по полу, гражданству и цвету кожи, дававшая преимущества белым мужчинам — гражданам США, временный труд по найму части работников, надеявшихся выбиться в мелкие собственники, высокая текучесть кадров, фактическое отсутствие фабричного законодательства.

Условия жизни в США жестко требовали от рабочего соблюдения трудовой этики: личной ответственности за материальный успех, трудолюбия, трезвости, рационального потребления. Если многие американские и западноевропейские рабочие уже обладали к концу XIX в. такими привычками, то иммигрантам из Восточной Европы и России, приток которых все возрастал, приходилось в Америке нелегко. Работодатели ставили «иностранцев» в наименее выгодные условия найма. Найти работу было нетрудно, но еще легче было потерять ее из-за пустякового конфликта с работодателем. Квалифицированным работникам, особенно американцам, доставались лучшие оплачиваемые рабочие места.

Иммигранты, не сумевшие стать «стоцентными американцами», ютились в национальных кварталах. Чикаго, Нью-Йорк и другие большие американские города «прославились» ужасающими трущобами и нищетой их обитателей.

Но несмотря на все это, иммиграция приобрела к началу XX в. такие масштабы, что федеральное правительство приняло ряд ограничительных мер. Огромные размеры страны, высокий спрос на работников всех специальностей, возможность материального успеха, религиозная терпимость и политические свободы — все это привлекало в Америку людей со всех континентов планеты.

В США заработки были выше, чем за рубежом, и это делало рабочих особенно чувствительными к экономическим вопросам. Снижение заработной платы и увольнения приводили к бурным вспышкам протеста. Движение за 8-часовой рабочий день, ставшее во второй половине XIX в. международным требованием рабочих, велось в США посредством грандиозных демонстраций и стачек. 1 мая 1886 г. в них приняли участие более 350 тыс. человек. В результате на многих предприятиях страны был введен более короткий, 8—9-часовой рабочий день.

В Чикаго массы рабочих собирались на митинги, один из которых завершился столкновением с полицией и жертвами с обеих сторон в результате взрыва брошенной кем-то бомбы. Рабочие лидеры были арестованы и после суда казнены через повешение, что вызвало протест трудящихся во многих странах мира. Некоторое время спустя работодатели восстановили прежний рабочий день и все пошло по-старому, а 1 мая был объявлен II Интернационалом Днем международной солидарности трудящихся.

Крупнейшими выступлениями в период экономической депрессии начала 90-х годов стали пятимесячная стачка на заводах Карнеги в 1892 г. против увольнений и сокращения заработной платы и мощная забастовка в 1894 г. на Пульмановском вагоностроительном заводе. Пульмановскую забастовку поддерживали железнодорожники, что парализовало движение поездов. Ситуация накалилась и напоминала гражданскую войну: против бастующих были брошены не только полиция, но и армейские части. В том же году многотысячная, но мирная колонна безработных устроила поход в Вашингтон с целью предъявить свои требования правительству. Власти стали применять против бастующих закон Шермана, обвиняя их в сговоре с целью поддержания расценок на оплату труда, и использовали «судебные предписания», объявляющие коллективное действие незаконным, чтобы в случае неповиновения применить силу.

Массовые акции направлялись различными рабочими союзами. На первых порах это были тайные «братства», которые по мере развертывания борьбы переходили на легальное положение. Именно профсоюзы с их близкими и понятными экономическими требованиями, а не политические партии с пролетарскими лозунгами стали пользоваться реальным авторитетом у американских трудящихся. Появившиеся в конце XIX — начале XX в. в США две маленькие социалистические партии не уживались друг с другом и не стали авангардом рабочего движения.

Противостояние «наемному рабству» стало смыслом деятельности первой национальной организации рабочих «Орден рыцарей труда». После легализации в 1878 г. его членами могли быть все трудящиеся, включая женщин и цветных. В 80-е годы численность «Ордена» превысила 700 тыс. человек, но вскоре он распался. Появились более эффективные отраслевые тред-юнионы, помогавшие бороться за свои права по месту работы, а попытки создавать трудовые кооперативы полностью провалились.

Наиболее устойчивым, достаточно массовым и влиятельным тред-юнионом Америки стала *Американская федерация труда* (АФТ). Она была создана в 1886 г. как объединение по профессиональному (цеховому) принципу, т. е. объединяла квалифицированных рабочих. Ее почти бессменный первый руководитель, английский иммигрант *Сэмюэл Гомперс*, по профессии рабочий-сигарочник, предпочитал диалог с предпринимателями, считая его хотя и медленным, но наиболее конструктивным путем достижения экономических требований рабочих. Прагматизм и неучастие в политической борьбе отличали АФТ и в последующие годы. Тем не менее она боролась за 8-часовой рабочий день, а ее члены активно участвовали в забастовочном движении.

Леворадикальные рабочие вожди, особенно убежденный социалист *Юджин Дебс*, выступали за объединение рабочих под социалистическими лозунгами. Дебс резко критиковал руководство АФТ, и в 1905 г. в противовес ему был создан крупный левый профсоюз с участием неквалифицированных и низкооплачиваемых работников — «*Индустриальные рабочие мира*» (ИРМ). Интернационалистскому названию отвечала наступательная тактика и непризнание какой-либо общности интересов капиталистов и рабочих. ИРМ организовала ряд ус-

пешных стачек, что помогло, в частности, поднять зарплату текстильщикам северо-восточных штатов.

Курс реформ. Переход к индустриальному и урбанизированному обществу был сложным и болезненным. Вплоть до начала XX столетия американское государство оставалось скорее в роли наблюдателя, чем активного участника перемен, хотя развитие экономики обусловило появление тех или иных регулирующих постановлений, легализацию или запрет новых предприятий, выдачу лицензий и патентов.

Выработать определенную и понятную массам политику по отношению к новым реалиям жизни оказалось непростой задачей. Крупный капитал, железные дороги, гигантские корпорации стали основой экономического могущества страны, и не считаться с ними было невозможно. Но и ослабить бразды правления, утратить связь с избирателями под градом сыпавшихся в адрес правительства обвинений в неэффективности, продажности, утрате демократического духа грозило непредсказуемыми последствиями. Требовалось поднять авторитет демократии и законности, сплотить общество, навести порядок в стране.

Первыми попытками такого рода стали Междуштатная торговая комиссия и закон Шермана, а также закон 1883 г. *о государственных служащих*. Он вводил для чиновников конкурсную систему занятия должностей в зависимости от их способностей, что должно было покончить с коррупцией, назначениями «своих людей», чистками и кадровыми перестановками по политическим мотивам. При том, что этот закон часто обходили, он стал важной вехой на пути совершенствования государственной службы.

Более последовательный курс реформ начался позднее, с приходом в Белый дом *Теодора Рузвельта*, вице-президента США, сменившего избранного на второй срок Маккинли, который в 1901 г. пал от руки фанатика-убийцы. Новый глава государства был незаурядной и яркой личностью. Выходец из состоятельной нью-йоркской семьи, он приобрел политический опыт на посту губернатора штата Нью-Йорк, был помощником военно-морского министра, повоевал с испанцами на Кубе, командуя «лихими наездниками» — добровольческим полком из ковбоев, а в более молодые годы сам вкусил романтики ковбойской жизни (он создавал себе образ сильной личности, «настоящего мужчины»). По натуре Рузвельт был властолюбивым

и удачливым политическим бойцом, но и обстоятельства складывались в его пользу: переизбрание Маккинли говорило о влиянии и возможностях Республиканской партии.

Рузвельт верно угадал проблему национального значения, обращение к которой поднимет престиж власти и создаст ей прочную опору общественного мнения. За реформы высказывались все мало-мальски известные люди, включая журналистов и писателей, выступавших с социальными обличениями. Рузвельт развернул шумную кампанию по «разрушению трестов», которая заключалась в расследовании деятельности крупных корпораций и проведении ряда судебных процессов, закончившихся расчленением некоторых крупных холдингов на самостоятельные компании. В их число попала и «Стандард ойл оф Нью-Джерси», поделенная на 11 фирм. Серьезной угрозы для бизнеса и экономики эти действия не представляли, но имели несомненный пропагандистский эффект.

Сам Рузвельт прекрасно понимал значение больших корпораций для экономики США и подразделял их на «хорошие» и «плохие». В 1903 г. был принят закон, запрещавший железнодорожным компаниям изменять существовавшие тарифы, а через три года Междуштатная торговая комиссия получила право отменять тарифы, «способствующие злоупотреблениям». В созданном в 1903 г. *Министерстве торговли и труда* имелось бюро по делам корпораций, занимавшееся расследованиями незаконных сделок, сокрытия доходов и других экономических преступлений. За время своей деятельности оно выявило более 1400 нарушений закона, и сумма штрафов превысила 29 млн долларов.

Большое значение для всей страны имели законы 1906 г. *о контроле за качеством продуктов питания и лекарственных препаратов*. Администрация Рузвельта прославилась также природоохранными мероприятиями, взяв под защиту от пожаров и браконьеров более 59 млн гектаров леса и создав крупные заповедники — национальные парки. Вырубка лесов, мелиоративные работы, строительство плотин строго контролировались. В США начала работать федеральная комиссия по консервации (охране) разнообразных природных богатств.

После двух сроков президентства Рузвельта в 1908 г. его сменил У. *Тафт*, также представитель Республиканской партии. Он ослабил борьбу с трестами, сохранил политику протекционизма, и хотя при нем были расширены права Конгресса в вопросах налогообложения и введены прямые выборы в Сенат

США (16-я и 17-я поправки к Конституции), популярность Тафта оставалась невысокой. Общественное мнение шокировала деятельность министра внутренних дел, уличенного во взятках и хищениях, но оправданного судом. В Конгрессе сформировалась оппозиция правительству из левых республиканцев, что привело к расколу партии власти.

Одним из деятелей оппозиции, называвшей себя «прогрессистами», стал *Р. Лафоллет*, прославившийся своими демократическими взглядами и репутацией честного политика, выступавшего в интересах простого народа. Но и экс-президент Рузвельт захотел снова окунуться в волны большой политики. Когда съезд республиканцев в 1912 г. вторично назначил кандидатом в президенты Тафта, прогрессисты выдвинули Рузвельта.

Прогрессистская программа «нового национализма» включала ужесточение контроля за «трестами» и банками, более гибкие тарифные ставки, защиту интересов мелкого предпринимательства, создание условий для развития конкуренции и некоторые шаги в области рабочего законодательства. Несколько ослабить свой консерватизм перед выборами пришлось и Тафту, а тем временем в Конгрессе усилилась фракция Демократической партии.

Республиканцам и прогрессистам противостоял единый кандидат от демократов *Вудро Вильсон* — в прошлом профессор истории и права, президент Принстонского университета, затем губернатор штата Нью-Джерси. Его программа называлась «Новая демократия». Он победил на выборах 1912 г. во многом благодаря тому, что его платформа обладала чертами сходства с предвыборными лозунгами соперников, а голоса последних оказались расколотыми: в сумме Рузвельт и Тафт собрали больше голосов избирателей, но по отдельности уступали Вильсону. Лафоллет проголосовал за Вильсона, ибо терпеть не мог рвавшегося к власти «полковника» (Рузвельта) и полагался на склонное к реформам большинство Конгресса.

Осенью 1913 г. Вильсон утвердил закон о значительном снижении ставок на импорт сырья и пищевых продуктов, текстиля, чугуна и стали и разрешавший беспопышный ввоз более сотни наименований товаров. Одновременно вводился подоходный налог с физических лиц и корпораций в размере от 1 до 6%. Далее был принят знаменитый закон о *Федеральной резервной системе* (ФРС). Это 12 окружных федеральных банков, капитал которых создавался из взносов частных бан-

ков, входивших в округа, а деятельность направлялась совместно банкирами и министерством финансов. ФРС выполняла функции Центробанка: проводила казначейские операции, выпускала федеральные резервные банкноты для нужд бизнеса. С ее помощью государственный кредит по низким процентным ставкам стал впоследствии доступным для фермеров и мелких предпринимателей.

Принятый в 1914 г. закон *Клейтона* содержал некоторые новые статьи против сговора крупных корпораций (в частности, запрет на приобретение акций других компаний, если это вело к созданию монополии, на ограничение свободы выбора клиентов), а главное, он положил конец применению против рабочих закона Шермана и судебных предписаний. Расширились и права Междущтатной торговой комиссии. Закон 1915 г. улучшал условия труда экипажей речных и морских судов, а в 1916 г. был введен 8-часовой рабочий день для железнодорожников.

В целом реформы начала XX в. имели целью ввести элементы государственного регулирования и контроля за деятельностью крупных корпораций без усиления бюрократических и полицейских функций государства, но и без превращения его в «слугу монополий». Популярности курса реформ способствовали годы экономического подъема, и отрицательное отношение в обществе к большому бизнесу стало постепенно спадать. Но, разумеется, реформы не решили многих проблем: то тут, то там вспыхивала стачечная борьба, на Среднем Западе фермеры вели борьбу за повышение закупочных цен, не прекращались выступления горняков. Все столь же острыми оставались социальные проблемы крупных городов, положение иммигрантов и бедноты.

В начале XX в. большой бизнес повернулся лицом к некоторым общественным нуждам. Это прежде всего щедрая филантропическая помощь в виде частных фондов поощрения науки, культуры, образования и здравоохранения. Пожертвования Карнеги, Рокфеллера, Моргана, Гугенхейма исчислялись десятками миллионов долларов.

В 1914 г. Генри Форд по собственной инициативе ввел для своих рабочих, включая иммигрантов, самую высокую в промышленности оплату труда — 5 долл. в день. Условия ее выплаты — трудовая дисциплина, хорошие жилищные условия, трезвость, наличие сбережений в банке. Через три года почти все рабочие компании, включая женщин, получали повышен-

ную ставку. Форд считал благополучие рабочих условием «хорошего бизнеса», т. е. бесконфликтных отношений на производстве. Однако ухудшение конъюнктуры в начале 20-х годов и «великая депрессия» побудили Форда взять назад эти социальные блага. Основная масса американских рабочих полагалась не на «умного» капиталиста, а на борьбу за свои права.

Внешняя политика. После приобретения у России Аляски новым шагом Америки за пределы ее сухопутных границ стали *Гавайские острова*. Благодатный климат этого экзотического, но беззащитного королевства привлекал американских дельцов, промышлявших разведением ананасов и сахарного тростника, а кроме того, в 1884 г. США добились аренды на устройство военно-морской базы в *Пёрл-Харборе*. Она стала форпостом США в Тихом океане.

Когда законное правительство Гавайев в 1893 г. запротестовало против нашествия американцев, они в союзе с местной знатью и при поддержке отряда морской пехоты произвели бескровный переворот и установили марионеточное правительство, обратившееся к Конгрессу с просьбой о принятии в состав США. Через пять лет Конгресс санкционировал предоставление Гавайским островам статуса американской территории. Права штата они получили гораздо позже, в 1959 г. (тогда же штатом стала и Аляска).

Присоединение Гавайев совпало по времени с испано-американской войной 1898 г. Предприниматели и переселенцы из США активно проникали на Кубу, остававшуюся испанской колонией. Когда кубинцы в 1895 г. восстали против испанского владычества, американцы, используя риторику времен Войны за независимость, выступили в поддержку антиколониальной борьбы, имея в виду окончательно утвердиться на Кубе. Обладая сильным военно-морским флотом, США были уверены в легкой победе над Испанией, превратившейся во второстепенную державу и удаленной от театра военных действий.

Предлогом для войны стал произошедший по неизвестным причинам взрыв на американском броненосце, стоявшем на рейде Гаваны. Судно затонуло вместе с экипажем. Решив, что это диверсия местных властей, США предъявили Испании ультиматум, на который та в апреле 1898 г. ответила объявлением войны. Война продолжалась всего четыре месяца. Главные силы испанского флота тихоокеанская эскадра США уничтожила на Филиппинах (также испанская колония), в бухте

Манилы, не потеряв во время этой операции ни одного человека. На Кубе и Филиппинских островах войска США совместно с повстанцами развивали наступление, а небольшой испанский флот у берегов Кубы был быстро разгромлен (потери американцев в этом бою — один убитый и 10 раненых).

По условиям мира, запрошенного в конце 1898 г. Испанией, она передала Соединенным Штатам во временную оккупацию Кубу, до установления на острове независимой республики. В качестве контрибуции США получили острова Пуэрто-Рико и Гуам, ставшие американскими территориями, а за приобретение Филиппин уплатили Испании 20 млн долл. В 1902 г. оккупационные войска США покинули Кубу, где была провозглашена республика, экономически и политически зависевшая от США. Но филиппинский народ не признал свою страну американской колонией и начал борьбу за освобождение. В 1916 г. Соединенные Штаты предоставили Филиппинам автономию и право проведения выборов в местный парламент, а полностью независимой эта страна стала после Второй мировой войны.

Без больших трудностей, примерно по гавайскому сценарию, Соединенные Штаты утвердились и в стратегически важной зоне *Панамского перешейка*. Когда в 1903 г. Сенат республики Колумбия отверг договор с США о строительстве канала, в провинции Панама вспыхнул мятеж с целью отделения от Колумбии. Сепаратистов защищал американский флот. Республика Панама охотно предоставила США право на строительство и аренду канала, связавшего Атлантический и Тихий океаны. Его постройка по американскому проекту завершилась в 1914 г.

Все более утверждаясь в качестве вершителя судеб Западного полушария, Соединенные Штаты учредили в 1890 г. *Пан-американский союз* в основном с экономическими функциями (впоследствии *Организация американских государств*). В отличие от европейских метрополий, которые несли большие расходы на прямое управление колониями, подчеркивали их подчиненный статус и держали там войска, США не делали этого по двум причинам.

Во-первых, прочие державы не покушались на сферу их влияния, чему способствовал урок Испании, а во-вторых, США действовали более гибкими методами неокOLONиализма: экономическая экспансия, нередко под предлогом помощи («дипломатия доллара»), сочеталась с политической и иногда

военной поддержкой выгодных им, но формально независимых или добивавшихся независимости режимов. США использовали, в основном для демонстрации могущества, мобильные силы — флот и морскую пехоту, а на подчиненных территориях насаждали республиканское устройство власти.

До своего вступления в Первую мировую войну Соединенные Штаты не вмешивались в европейские дела, хотя имели дело с державами, которые вели активную политику на Дальнем Востоке. Ограждая, с времен доктрины Монро, Американский континент от экспансии европейских стран, дипломатия США добилась в 1899 г. международного признания принципа *«открытых дверей и равных возможностей»* в Китае, чтобы создать для американского бизнеса условия ведения там прибыльных операций. Войска США в составе экспедиционного корпуса европейских держав участвовали в подавлении народного восстания 1900 г. в Китае, а затем Соединенные Штаты попытались использовать в своих интересах русско-японскую войну 1904—1905 гг.

Стремясь сохранить *баланс сил*, Т. Рузвельт выступил посредником в мирных переговорах между Россией и Японией, однако проявлял гораздо большую заинтересованность в усилении Японии, а не России. С Японией же было достигнуто секретное соглашение о разделе сфер влияния: США признали ее «права» в Корее в обмен на признание своего господства на Филиппинах. Впрочем, приобрести сколько-нибудь существенное экономическое и политическое влияние на Дальнем Востоке Соединенным Штатам не удавалось прежде всего из-за позиции Японии, превращавшейся в главного соперника американцев в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

ГЛАВА 27 Революции и реформы в Латинской Америке

Второй цикл либеральных революций и реформ. Благодаря промышленному перевороту во многих европейских странах и США, а также интенсификации мировой торговли в 70—90-е годы XIX в. пробили час латиноамериканской буржуазии экспортных отраслей, перед которой в рамках мировой экономики открывалась перспектива долгосрочного роста и появлялась реальная возможность на многие десятилетия стать ведущей силой латиноамериканского общества. Но чтобы реализовать эти возможности, внутреннюю структуру стран континента вновь, как и в годы войны за независимость, предстояло трансформировать в соответствии с краеугольными принципами свободной конкуренции.

В новых условиях необходимость перемен осознавали и выдающиеся умы из числа латиноамериканских консерваторов, следствием чего явились расколы в консервативных партиях, блокирование части консерваторов с либералами, а в некоторых случаях — проведение решающих преобразований самими консерваторами. Но консерватизм справиться с этой задачей был не в состоянии. Он не мог секуляризовать церковное имущество, отделить церковь от государства и школы, ввести свободу вероисповеданий; он не мог сократить расходы на армию и передать дела военных в ведение гражданских судов; он не мог допустить полного разрушения общинного землевладения, не мог отказаться от протекционизма, монополий и других элементов меркантилизма в угоду полной свободе торговли и предпринимательства. Потому что и церковь, и армия, и самобытность индейцев-общинников, и защита внутреннего рынка — все это выражало самую сущность консервативной системы. Поэтому гегемонию во втором цикле латиноамериканских революций осуществляли главным образом либеральные партии и режимы.

Для Латинской Америки новая либеральная доктрина была сформулирована такими мыслителями, как *Доминго Фаус-*

тино Сармьенто, Эстебан Эчеверриа и Хуан Баутиста Альберди (Аргентина), Хосе Мария Луис де Мора (Мексика), Хосе Викторино Ластаррия (Чили), Хуан Монтальво (Эквадор) и многие другие. Она по-прежнему и даже в более категоричной форме исходила из «ущербности» латиноамериканских наций, из необходимости решительной победы «цивилизации» над «варварством» и призывала не оставаться латиноамериканцами, а превратиться в «Соединенные Штаты Юга» (Д. Ф. Сармьенто) или «в янки по другую сторону Северной Америки» (по выражению мексиканца Хусто Сьерры). Иначе странам континента угрожала колонизация извне, как это в 1848 г. произошло с Мексикой.

Однако в либерализме теперь отчетливо проявлялось неприятие революционной «анархии» и приверженность «порядку», пробивались националистические и даже расистские нотки. В практическом же плане преодоление «ущербности» латиноамериканского общества мыслилось либо посредством этнической «чистки», смены населения (как это и состоялось потом в Аргентине, Уругвае, Чили, Бразилии путем истребления кочевых индейцев и массового переселения европейских колонистов), либо за счет длительного и болезненного «воспитания» диктаторскими режимами (типа «порфириато» 1876—1911 гг. в Мексике).

Преобразования второй половины XIX в. не обошли ни одну страну Латинской Америки, но осуществлялись по-разному. В одних странах они составили длительный и постепенный процесс, как, например, в **Бразилии**, где основные реформы проводились при императоре Педру II (1840—1889), а довершались уже после того, как в результате военного переворота 1889 г. обновленный базис был увенчан республиканской надстройкой. В других — наоборот, сначала верхушечный переворот возносил к власти либералов, а затем они в сжатые сроки вершили настоящую революцию «сверху», как это было в **Гватемале** при Хусто Руфино Барриосе (1871—1885), в **Сальвадоре** при Рафаэле Сальдиваре (1876—1885) и др. В третьих — в той или иной последовательности сменяли друг друга перевороты, революции «сверху», консервативные интерлюдии (особенно долгая в **Эквадоре** 1859—1875 гг.) и революции «снизу».

В этом последнем случае особый драматизм приобрела «Реформа» в **Мексике**, где революции «сверху» и гражданской войне предшествовал либеральный переворот 1854 г. во главе с

Бенито Хуаресом, а консервативную фазу начала англо-испано-французская интервенция 1861 г. С 1862 г. интервенцию продолжала только Франция. Она была главным кредитором Мексики и в откровенно проамериканской ориентации местных либералов не без оснований видела угрозу своим позициям в стране. Пока в США шла война Севера и Юга, интервенты попытались возвести в Мексике «латинскую» преграду американской экспансии в виде консервативной по сути и профранцузской империи, на трон которой пригласили австрийского эрцгерцога Максимилиана Габсбурга.

Эта грубая акция парализовала мексиканских консерваторов, ибо поддержать Максимилиана I означало превратиться в пособника интервентам, на что решились лишь несколько генералов из числа отъявленных монархистов. Либералы же, теснимые французскими штыками к границам США, хотя и получали американскую помощь деньгами, оружием, добровольцами, превратились в символ независимости и национальных героев. Народное партизанское движение в тылу у интервентов, завершение войны в США и активизация американской дипломатии, начало объединения Германии, предвещавшее франко-германскую войну, — все это вынудило Францию в марте 1867 г. вывести свои войска.

Без этой опоры «империя» Максимилиана продержалась всего два месяца. И поскольку в стране не нашлось теперь организованной силы, способной противостоять национальным героям — либералам, то и «Реформа» стала едва ли не самой антинародной на континенте.

В целом либеральные революции и реформы везде довершили ликвидацию неотчуждаемых форм собственности — майоратов, церковного и монастырского, государственного, муниципального и большей части общинного землевладения, заменив их настоящей *буржуазной частной собственностью*. Иными словами, путь буржуазного прогресса на континенте пролегал через дальнейшее укрепление крупного частного землевладения, т. е. *латифундизма*. Революции сокрушили также церковную десятину, цеховую организацию ремесла, монополии, запреты и протекционистские пошлины, возведенные провинциями внутренние таможи, барьеры на пути иностранных инвестиций, — словом, обеспечили максимально полную *свободу торговли и предпринимательства*. Они отметили остатки рабства и других форм внеэкономического принуждения там, где это не подрывало производство, повсемест-

но ввели очередные законы против «бродяг» и многократно подняли дисциплину *наемного труда*.

Вместе с тем своеобразие природных, демографических и социально-политических факторов обусловило и некоторые национальные особенности реформ. В **Мексике, Новой Гранаде, Венесуэле и Сальвадоре** *общинное землевладение* и даже сама *индейская община* практически исчезли. Насколько масштабным было такое ограбление народа, можно судить по тому, как в Мексике по закону Лердо от 1856 г. у общин было отнято и распродано с молотка земли на сумму 11 млн песо (между тем как американская компенсация за отобранную у Мексики в 1848 г. половину территории составила 18 млн), а в Сальвадоре разрушение индейской общины затронуло 30% населения и 25% земельного фонда страны.

В **Гватемале, Перу, Боливии и Эквадоре** общину и общинное землевладение удалось не сокрушить, а лишь сократить, главным образом за счет распродажи общинных пастбищ — *эхидо*. Как следствие, формирование рынка дешевой наемной рабочей силы натолкнулось на трудности и вынудило верхи либо ввозить китайских кули (особенно в Перу), формально свободных, но мало чем отличавшихся от рабов, либо же прямо вводить *внеэкономическое принуждение*, образцом чего служит «Регламент поденщика» 1877 г. в Гватемале, реставрировавший известную по колониальным временам трудовую повинность индейцев-общинников.

Хотя *европейская иммиграция* поощрялась повсеместно, решающее влияние она оказала лишь в **Аргентине, Бразилии, Уругвае и Чили**, куда переселились многие миллионы испанцев, португальцев, итальянцев, французов, англичан, немцев, поляков, русских, украинцев и т. д. Но для их приема пришлось прежде очищать территории от кочевых индейских племен столь варварскими методами, что к концу XIX в. сотни тысяч индейцев и десятки названий их племен были навсегда стерты с карты народов мира. Эта «демографическая революция» значительно «обелила» население Бразилии, традиционно относимой к Афро-Америке, и настолько укоренила Евро-Америку в Аргентине, Уругвае и Чили, что сегодня население этих стран «чистопородностью» европейской расы превосходит население США. Такой же или почти такой же облик Коста-Рике, этой «центральноамериканской Швейцарии», придало вытеснение индейцев белыми, но за счет прежде всего внутренней миграции.

Реформы повсюду в Латинской Америке придали обществу исключительно *светский характер*, отделив церковь и монашеские ордена от государства и школы, отобрав у них регистрацию актов гражданского состояния, введя свободу вероисповеданий и т. п. Отменив реанимированные консерваторами сословные суды для духовенства и военных, законы о покровительстве индейцам, установив равенство перед законом, они стерли *остатки сословных различий* и утвердили *гражданское общество*. Но, как и прежде, место сословных перегородок тут же заняли имущественные и образовательные цензы, цензы оседлости для миллионов европейских иммигрантов, оставившие вне гражданского общества подавляющее большинство населения.

Права имущего «человека и гражданина» вновь стали предметом забот государства и гарантировались теперь не только конституциями, но и всевозможными сводами законов — гражданскими, торговыми, горнорудными, сельскими и прочими кодексами. Эти реформы означали установление *политической демократии*, но не в смысле власти всего народа, а лишь его имущей верхушки.

Массовые экспроприации, законы о «бродягах», резкое снижение жизненного уровня народа вызывали ожесточенное сопротивление реформам со стороны низов. В наиболее «мирной» форме оно воплотилось в распространении по всей Латинской Америке *милленаристских движений*, связанных с поселением бедняков в глухих районах в ожидании конца света и наступления «тысячелетнего царства божьего на земле». Там обычно возникали общины на основе всеобщего равенства христиан, общности земли, лесов, водных источников, а также общности труда на земле и плодов этого труда. Одно из крупнейших таких селений в Бразилии возникло в 1893—1897 гг. в Канудусе, штат Баия, во главе с падре *Антониу Консельейру* и было разгромлено войсками. В Аргентине подобное движение возникло в 1876 г. на юге провинции Буэнос-Айрес и возглавлялось *Х. Х. де Солане*, известным под именем Тата-Дьос. В Мексике роль такой святой в 1873—1903 гг. принадлежала *Тересе Уррере*, любовно прозванной народом Святой Тереситой из Каборы.

Немирные формы борьбы получили наибольшее распространение. Прежде всего они воплотились в массовых *индейских восстаниях*, которые отмечались повсюду, но особенно в Мексике. Если в 1829—1832 гг. здесь ежегодно вспыхивало

2—3 восстания, то к 1849 г. их число возросло до 23. Самым же длительным из них стало вооруженное выступление индейцев майя на Юкатане, известное как «война каст» 1847—1904 гг. и проходившее под лозунгами изгнания всех белых и реставрации индейской государственности.

Массовым явлением стала и вооруженная борьба *мелкопарцелльного крестьянства и городских низов*. Случалось, она начиналась и до конца развивалась под либеральными лозунгами «Свободы, Равенства и Братства». Но при этом низы вкладывали в данные понятия такое социальное содержание, которое вступало в непримиримое противоречие с постулатами истинного либерализма, как это имело место в движении *Эсекиэля Саморы* во время Федеральной войны 1859—1863 гг. в Венесуэле, в движении так называемого «*либерализма мачетеро*» (*мачете* — длинный нож для рубки сахарного тростника, главное орудие труда и оружие крестьян) во главе с *Элоем Альфаро* в Эквадоре и т. д.

Вместе с тем особенностью второй половины XIX в. для Латинской Америки было обращение народных движений к идеалам не 1789, а 1848 г., т. е. к привезенным из Европы иммигрантами идеалам различных форм социализма и коммунизма. Ими отмечено восстание ремесленников и части армии в 1851 г. в Чили, среди руководителей которого выделялся социалист-утопист *Франсиско Бильбао*. В еще большей мере эта тенденция воплотилась в Новой Гранаде, где в 1854 г., в разгар либеральной революции, ремесленники в союзе с армией под командованием генерала Мело, выходца из крестьян, свергли буржуазное правительство либералов. Созданное ими народное государство — Боготинская коммуна — в течение девяти месяцев мужественно отражало натиск объединенной либерально-консервативной коалиции.

Однако в целом народное сопротивление либеральным преобразованиям на континенте было потоплено в крови. Наибольшие жертвы на алтарь «цивилизации» выпало принести народу Парагвая, который в войне 1864—1870 гг. против армий либералов Аргентины, Бразилии и Уругвая защищал созданный им строй «казарменного коммунизма» столь героически, что на полях сражений погибли все мужчины в возрасте от 12 до 65 лет. Впоследствии, чтобы хоть как-то восстановить население, этой католической стране пришлось вводить у себя полуофициальное многоженство. Поражение не позволило народным массам Латинской Америки не только повлиять на

итоги революций второй половины XIX в., но также предотвратить резкое снижение уровня жизни и удешевление наемной рабочей силы.

Либеральная модель экономики, общества и государства в Латинской Америке на рубеже XIX—XX столетий. Либеральные реформы заложили основы для интеграции латиноамериканских стран в мировое хозяйство в качестве поставщиков минерального сырья и сельскохозяйственных продуктов, а также рынка сбыта промышленных изделий и сферы приложения капиталов из передовых держав Европы и Северной Америки. Хотя избранная модель развития обрекала континент на положение аграрно-сырьевой периферии, к началу XX в. она обеспечила и очевидные успехи. Если к 1900 г. число его жителей увеличилось до 63 млн человек и составило 4,1% населения мира, то в мировом товарообороте доля континента возросла до 7—9%. При этом природно-климатические и демографические особенности обусловили складывание в регионе *трех основных типов сырьезкспортной экономики*, дававших разные результаты.

Евро-Америка, и прежде всего *Аргентина* и *Уругвай*, пошла и далее по пути *переселенческого капитализма*, подобно США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Согласно принципу «сравнительных преимуществ», эти страны получали высокие доходы от реализации на мировом рынке продуктов животноводства и земледелия. На рубеже XIX—XX вв. они выдвинулись в число мировых лидеров по темпам экономического роста (5,5%), а к 1920 г. — и по среднему уровню доходов. К 1914 г. Аргентина, чье население не достигало и 8 млн человек, имела 26 млн голов крупного рогатого скота (3-е место в мире после США и России), 67 млн овец (2-е после Австралии), занимала 1-е место по экспорту говядины и кукурузы, 4-е — по вывозу пшеницы (16% мирового экспорта) и протяженности железных дорог (33 тыс. км) и т. д. В мясохладобойной промышленности Аргентины и Уругвая ведущие позиции занял американский капитал как обладатель передовой технологии в данной отрасли. Но главным торговым партнером, кредитором и «донором» инвестиций для них являлись не США, их конкурент на мировом рынке, а Англия и иные державы Западной Европы. Оттуда же в их население вливались миллионы иммигрантов, неся в эти страны не только чистоту белой расы, но также передовые технические и гуманитарные знания, высокий уровень образования и культуры.

Афро-Америка (Бразилия, Венесуэла, Куба и иные *Карибские страны*) вместе с другими зонами тропиков и субтропиков, как и прежде, включились в новый мировой рынок в качестве экспортеров продуктов *тропического земледелия*. Поскольку Англия и Франция были крупнейшими обладателями колоний в такой же зоне, главным партнером, кредитором и «донором» этой группы стран, за исключением Бразилии, выступали США. В целом эта группа тоже имела высокие темпы роста. В Бразилии, например, в 1876—1913 гг. они составляли в среднем 3,2% в год, а в Венесуэле вывоз кофе с 1840 по 1882 г. увеличился с 200 до 800 тыс. мешков. К началу XX в. данная группа занимала ведущие позиции в мировом экспорте ряда культур: Бразилия — по кофе (75%), Куба с населением в 3 млн человек — по сахару (20%), страны Центральной Америки стали «банановыми республиками» и т. д.

И все же эти страны обладали меньшим динамизмом, так как передовая европейская технология мало что давала их плантационному хозяйству, на мировом рынке приходилось конкурировать со множеством колоний в Азии и Африке, болезненное ощущались последствия колебаний мировых цен. От Евро-Америки они отставали по протяженности сети железных дорог (даже Бразилия, вдвое превосходившая Аргентину по территории и населению, в 1914 г. уступала ей по этому показателю, имея 21 тыс. км), по доле европейских иммигрантов, грамотности населения и многим другим характеристикам.

Горнодобывающая экспортная экономика сложилась в основном в Индо-Америке — в **Перу**, «оловянной республике» **Боливии**, а также **Мексике**, где она соседствовала и со скотоводством, и с экспортным тропическим земледелием. Хотя **Чили** примыкала к странам переселенческого капитализма, являясь крупным экспортером пшеницы еще с середины XIX в., она одновременно развивала горнорудную промышленность, став сначала мировым лидером по экспорту меди, а с конца XIX в. и селитры. Позже такая экономика была дополнена нефтедобычей, а в число добывающих стран попал крупнейший на континенте экспортер нефти — **Венесуэла**.

Данная группа стран тоже демонстрировала высокие среднестатистические показатели развития. Так, если в 1890 г. добыча олова в Боливии составляла 1 тыс. т, то в 1905 г. — уже 15 тыс. т, а к 1914 г. она стала второй оловопроизводящей страной мира, давая уже 20% мировой добычи этого металла.

В Чили в 1892 г. экспорт селитры составлял всего 300 тыс. т, а в 1906 г. — уже 11 600 тыс. т. Стоимость же всего экспорта, который помимо селитры включал медь, золото, серебро, свинец, железо, каменный уголь и марганец, вырос за тот же период с 29 до 580 млн песо.

Однако разработка недр требовала крупных инвестиций и передовой технологии, и их обладатели — монополии Англии и США — в условиях свободной конкуренции без особого труда завладевали горнодобычей Латинской Америки, вытесняя или интегрируя местный капитал в свои структуры. Эти монополии пользовались «правом экстерриториальности», т. е. неподсудности местным законам. Они свободно вывозили за рубеж полученные прибыли, все необходимое для разработок недр ввозили из-за рубежа, требовали сравнительно немного местной рабочей силы, создавали сеть узкоспециализированных железных дорог, пригодных отнюдь не для любых грузоперевозок. Поэтому добывающие отрасли превращались в иностранные анклав, мало что дающие экономике страны в целом (только сравнительно небольшие налоговые поступления). В итоге страна могла обладать богатейшими недрами, оставаясь при этом нищей.

Система производственных отношений пореформенной Латинской Америки отличалась крайне высокой концентрацией средств производства в руках *сырьеэкспортной олигархии*, как, например, в Мексике, где к 1910 г. свыше 90%) сельского населения было вовсе лишено земли. Хотя с конца XIX в. отождествление олигархии с «феодальным» латифундизмом стало неотъемлемым элементом политической культуры на континенте, олигархия представляла не латифундистов, а сливки местной буржуазии в целом — интегрированных в мировую экономику и переплетенных между собою в том числе и семейными узами горнорудных, промышленных, земельных и торгово-финансовых магнатов. Даже латифундисты выступали отнюдь не только землевладельцами: например, в Чили из 46 председателей латифундистского Национального общества сельского хозяйства за период с 1838 по 1930 г. 15 являлись президентами банков, 16 — директорами промышленных, торговых и горнорудных компаний.

Отношения местной олигархии с иностранными монополиями не всегда были хлебосольными. Тем не менее ее с монополиями объединяла общая заинтересованность в сырьеэкспортной ориентации континента, что позволяет рассматривать

их как единый господствующий и правящий блок. В состав олигархии вошло немало европейских иммигрантов, особенно в зоне «переселенческого капитализма». Так, например, в Уругвае в 1871 г. среди учредителей латифундистской Аграрной ассоциации чистые иностранцы, т. е. без учета родившихся в стране их потомков, составляли 32%. В Гватемале немецкие колонисты, большей частью потомки переселенцев периода с 1860 по 1870 г., составляли лишь около 1% общего числа землевладельцев страны. Однако им принадлежало до 48% всех крупных земельных владений, которые давали до 60% всего собранного в Гватемале кофе.

Что же касается национальной принадлежности монополий, то неоспоримым первенством обладала Англия, на долю которой в 1914 г. из 10 млрд долл. иностранных инвестиций в Латинской Америке приходилось 49%. Далее следовали монополии США (17%), Франции (12%), Германии (9%) и т. д.

Впечатляющий экономический прогресс на рубеже XIX—XX вв. достигался за счет экспроприации и резкого ухудшения уровня жизни подавляющего большинства населения. Заработная плата городских и сельских рабочих составляла к началу XX столетия половину от уровня середины XIX в. Типичными явлениями были 14—18-часовой рабочий день, тяжелейшие условия труда даже для женщин и подростков, высокая смертность населения, особенно детская, выдача зарплаты не деньгами, а бонами, принимавшимися только в лавке патрона. В пореформенной деревне расцвели долговая кабала и даже телесные наказания работников.

Гражданское общество в странах Латинской Америки оставалось крайне элитарным. Сквозь фильтры цензов оседлости, имущественных и образовательных к осуществлению права голоса в начале XX в. просачивалось 9% населения в Аргентине, по 3% — в Бразилии, Боливии и Эквадоре. Но и при таком электорате широко практиковались подлоги и подтасовки на выборах или же государственные перевороты. Неотъемлемыми чертами постреволюционного *либерального государства* стали также реставрация де-факто централизма и такая гипертрофия исполнительной власти, что это государство чаще всего воплощалось в одиозных диктатурах Порфирио Диаса в Мексике 1876—1911 гг. («порфириато»), Гусмана Бланко («гусманато» 1870—1888 гг.) или Висенте Гомеса (1909—1935) в Венесуэле, Рафаэля Нуньеса в Колумбии (1880—1894), Эстрады Кабреры в Гватемале (1898—1920) и др.

Пропасть, отделившая социальные и политические реалии пореформенной Латинской Америки от еще не забытых лозунгов и обещаний либерал-революционеров, побуждает историков изображать дело так, будто прокрававшаяся к власти олигархия либо извратила идеалы либерализма (и потому к термину «либеральное государство» добавляют определение «олигархическое»), либо же внедрила нечто прямо ему противоположное (в Мексике даже стало традицией отгораживать китайской стеной «плохого» либерала П. Диаса от «хорошего» вождя «Реформы» 1854—1867 гг. Б. Хуареса).

Однако в Латинской Америке, где свободную игру рыночных сил требовалось не сторожить, а создавать железной рукой, государство не могло служить лишь «человеку и гражданину». Оно стало осью общественного развития: распределяло собственность и кредиты, вело общественные работы, подавляло крестьянские волнения, рабочие забастовки, восстания провинциальных каудильо, — словом, обеспечивало порядок и стабильность во имя прогресса.

Позитивистская формула «Порядок и прогресс!», превращенная в девиз постреволюционного государства, сняла многие из былых противоречий между либералами и консерваторами. Воплощать формулу в жизнь могли поэтому и собственно либералы, как в Боливии 1889—1920 гг., и консерваторы, как в Аргентине на рубеже XIX—XX вв. Но чаще всего это делали объединения либералов и консерваторов — либо в коалиционных правительствах, как в Чили 1861—1876 гг., либо создавая новую объединенную партию вроде *Национальной партии* в Колумбии эпохи Р. Нуньеса. Самым же удачным и прочным объединением тех и других явился созданный в 1892 г. Диасом *Либеральный союз Мексики*, который из-за частых ссылок на позитивистское отношение к специальным наукам более известен как группировка «сьентификос» («ученых»). Возглавляемый Х. И. Лимантуром, министром финансов при Диасе, Либеральный союз выступал в роли технократической элиты, став не только инициатором достигнутого Мексикой прогресса, но и архитектором самого одиозного диктаторского режима в Латинской Америке.

Латинская Америка в системе международных отношений конца XIX — начала XX в. Несмотря на успехи экспортной экономики, государства Латинской Америки, как и прочие капиталистические страны «второго

эшелоны», шли путем догоняющего развития. Ведь главные достижения промышленной революции (ткацкий станок, паровая машина, железнодорожный транспорт, электричество, газ, телеграф и т. д.) здесь внедрились на 25—40 лет позже, чем в Европе и Северной Америке. Особенно отставала обрабатывающая промышленность, которая в силу самой модели развития по сравнению с передовыми державами укоренялась слабо и только в наиболее крупных странах континента. В первом десятилетии XX в. на их долю приходилось менее 2% из общего числа прядильных веретен в текстильной промышленности мира. Периферийное положение региона и необходимость догонять вынуждала привлекать из-за рубежа не только инвестиции, но и займы. Так возникла и финансовая зависимость от иностранных кредиторов.

Все это обусловило *слабость внешнеполитического потенциала* стран Латинской Америки и их подчиненное положение в системе международных отношений. Национальная государственность многих из них на протяжении десятилетий не реализовывалась в самостоятельных акциях на мировой арене. Показательно, что из 18 независимых государств региона только Мексика оказалась в числе 26 участников первой Гаагской международной конференции 1899 г. по проблемам ограничения вооружений и обеспечения мира. В основном же в их внешней политике преобладали торговь-экономические интересы. Поэтому в отличие от великих держав, которые поддерживали отношения друг с другом на уровне послов, интересы латиноамериканских стран за рубежом представляли миссии во главе с посланниками (единственное исключение — Мексика, обменивавшаяся послами с США). Но и в урезанном виде эти отношения поддерживались с ограниченным числом государств (в 1900 г. даже крупнейшая страна континента — Бразилия имела дипломатические миссии лишь в двух иностранных государствах), шире практиковались только консульские отношения. Внешняя политика континента ориентировалась главным образом на великие державы, а отношения между самими государствами региона были развиты слабо, несмотря на общность исторических судеб, языковую и культурную близость, идентичность экономических интересов.

Хотя в мировое хозяйство страны Латинской Америки включались еще в период свободной конкуренции, наступление эпохи империализма существенно осложнило их международное положение. В частности, межимпериалистическое

соперничество, особенно в добывающих отраслях региона, подогревало распри и между латиноамериканскими государствами. Примером тому служит «селитряная война» 1879—1884 гг., в которой поддержанная англичанами Чили одержала верх над связанными с американскими интересами Перу и Боливией, не только отняв у них 180 тыс. кв. км богатой селитрой территории, но и лишив Боливию выхода к Тихому океану. С другой стороны, хотя и XIX век для Латинской Америки омрачался войной США против Мексики (1846—1848), французской интервенцией в ту же Мексику (1861—1867) и другими силовыми акциями, начало XX столетия превзошло по этой части самые мрачные прогнозы. В 1902—1903 гг., например, чтобы взыскать долги с Венесуэлы, Англия, Германия и Италия подвергли блокаде и бомбардировкам города ее побережья. Самым же «силовым» оказался период 1910—1919 гг., когда в отношении стран региона было совершено наибольшее число актов иностранного вмешательства (136) по сравнению с каким-либо другим десятилетием за всю историю Латинской Америки с 1800 по 1969 г.

Особенно часто к интервенциям прибегали США. Провозглашение Соединенными Штатами в 1823 г. «доктрины Монро», исключавшей вмешательство европейских держав в Новом Свете, в какой-то мере помогло их южным соседям избежать реставрации испанского колониализма. Когда же США сами превратились в империалистическую державу, опоздавшую, как и Германия, к дележу колоний, эта доктрина послужила им удобным основанием для экспансии за счет подчинения южных соседей своему контролю, навязывания кабальных займов и неравноправных договоров.

Первый удар был нанесен в 1898 г. по дряхлеющей Испании, в чьей колонии — на Кубе — шла освободительная война (1895—1898). После разгрома испанских эскадр у берегов Кубы и Филиппин наибольшие лавры среди сторонников захватнической политики снискал президент США Теодор Рузвельт. Свою политику в отношении соседей по континенту он сформулировал в знаменитом афоризме: «Говори мягко, но держи большую дубинку». Политика «большой дубинки» состояла в оккупации той или иной страны и силовом «вколачивании» в ее экономику американского капитала. Когда монополии закреплялись, США выводили войска, но поправкой к местной конституции (типичный пример — «поправка Платта» 1901 г. к конституции Кубы), наряду с другими ограничениями наци-

опального суверенитета, оставляли за собой право на повторную интервенцию «в случае возникновения угрозы жизни и собственности американских граждан». Так неоднократно оккупировались Куба (1906—1909, 1912, 1917—1922), Гаити (1915—1934), Гондурас (1905, 1907, 1911, 1912), Доминиканская Республика (1904, 1914, 1916—1924), Никарагуа (1912—1933) и даже Мексика (1914, 1916—1917), Подобные же отношения ради строительства и эксплуатации Панамского канала установились с 1903 г. между США и отделившейся с их помощью от Колумбии Панамой.

Таким образом, уже к 1914 г. США захватили серьезный плацдарм, выйдя на 2-е место после Англии по объему общих инвестиций в регионе. В дальнейшем, воспользовавшись ослаблением экономических связей между Латинской Америкой и Европой в годы Первой мировой войны, американские монополии значительно потеснили своих конкурентов на Южноамериканском континенте. Их инвестиции в регионе в 1914—1918 гг. возросли на 50%, достигнув 2,4 млрд долларов.

Параллельно с конца XIX в. для достижения своей гегемонии в регионе США активно утверждали *панамериканизм*. Идею союза американских государств выдвигал еще Боливар на Панамском конгрессе 1826 г. В дальнейшем попытки ее возрождения предпринимались неоднократно в ответ на угрозы или вмешательство иностранных держав, а также на конфликты между самими латиноамериканскими странами. Кровавые войны в Латинской Америке — война Аргентины, Бразилии и Уругвая против Парагвая (1864—1870) и война Чили с Боливией и Перу (1879—1884) — позволили США выступить в тоге миротворца за претворение в жизнь идеи Боливара. На самом же деле панамериканизм конца XIX в. развивал «доктрину Монро». В основу ее был положен тезис о «континентальной солидарности» и о якобы существующей «общности» интересов США и латиноамериканских стран, обусловленной географическими факторами, взаимодополняющим характером их экономик, наличием «духовного братства» и единой «культурной общности», которая противопоставлялась другим культурам. При этом США как «старшему брату» отводилась руководящая роль в межамериканских делах и право разговаривать с латиноамериканскими странами «авторитетным тоном».

Первая Панамериканская конфедерация была создана в Вашингтоне в конце 1889 — начале 1890 г. Ее главными воп-

росами были «меры по поддержанию мира и увеличению благосостояния американских государств», создание таможенного союза, введение единой серебряной валюты, установление единообразной системы таможенных пошлин, портовых сборов и правил, регулирующих экспортные и импортные операции, принятие арбитражного плана для разрешения возникающих споров и конфликтов. Тем не менее из-за антиамериканских настроений в странах Латинской Америки и их страха перед угрозой с севера предложения США встретили сопротивление. Единственным практическим итогом конференции явилось решение об образовании *Международного союза американских республик* и создании его постоянного органа — Коммерческого бюро с местопребыванием в Вашингтоне. Задачи этой организации в то время были ограничены сбором и публикацией торгово-экономической и другой информации.

Вторую Панамериканскую конференцию удалось созвать в Мехико только через десять лет, в октябре 1901 — январе 1902 г. В дальнейшем было решено созывать конференции каждые пять лет. Третья конференция состоялась в 1906 г., а четвертая — в 1910 г. Намеченную на 1915 г. пятую конференцию созвать не удалось ввиду Первой мировой войны. На этих конференциях американская дипломатия упорно осуществляла свою главную цель, шаг за шагом укрепляя созданную организацию и расширяя ее полномочия. Коммерческое бюро было переименовано в Международное американское бюро. Оно включило в сферу своей деятельности культурные и социальные вопросы и стало осуществлять административные и организационные функции. Его работу направлял состоявший из дипломатических представителей стран региона в Вашингтоне Руководящий совет во главе с госсекретарем США. В дальнейшем бюро получило название Панамериканского союза и превратилось в постоянно действующий секретариат межамериканской организации, официальной целью которой по решению четвертой Панамериканской конференции 1910 г. объявлялось содействие экономическому и политическому сотрудничеству американских государств.

Добиваться принятия угодных решений США удавалось благодаря не только растущей экономической и военной мощи, но и позиции некоторых латиноамериканских стран, в первую очередь Бразилии. Следуя курсом на «негласный союз с северным колоссом», Рио-де-Жанейро поддерживал политику Вашингтона в международных делах и выступал

активным сторонником укрепления «континентальной солидарности» под эгидой США, в то время как в остальных государствах Латинской Америки политика «большой дубинки» вызывала рост антиамериканских настроений.

В ответ правящие круги США поддерживали претензии Бразилии на роль лидера в Южной Америке, помогали ей при возникновении конфликтов с соседними государствами и способствовали укреплению ее позиций в международных организациях. В частности, опираясь на поддержку Вашингтона, Рио-де-Жанейро сумел «мирными средствами» уладить территориальные споры со своими соседями таким образом, что к нему отошли территории, равные по площади Франции. Бразилия первой из латиноамериканских стран была удостоена официального визита госсекретаря США Элиу Рута. Ее столица была избрана местом проведения третьей Панамериканской конференции. Глава американского дипломатического представительства в Рио-де-Жанейро в 1906 г. был возведен в ранг посла, в то время как в других столицах региона США были представлены посланниками. Эти и другие подобные акции подчеркивали дружеский характер отношений, установившихся между Вашингтоном и Рио-де-Жанейро.

На США нередко ориентировались также представители Уругвая. Дипломатия этой небольшой страны надеялась, что Панамериканский союз поможет ей противостоять давлению соседних гигантов — Аргентины и Бразилии. В числе приверженцев стратегии «негласного союза» с США были диктаторы Порфирио Диас в Мексике (1876—1911), Эстрада Кабрера в Гватемале (1898—1920), Висенте Гомес в Венесуэле (1909—1935) и др. Они щедро раздавали огромные концессии американским монополиям и с готовностью принимали «руководство» США в межамериканских делах.

Оппозицию Соединенным Штатам возглавляла Аргентина, которая была ориентирована на европейские рынки, конкурировала с США на мировом рынке продовольственных товаров и традиционно поддерживала тесные связи с Англией. На первой Панамериканской конференции аргентинская делегация сделала все, чтобы отклонить основные предложения США (о таможенном союзе, единых тарифах и арбитражном плане), поскольку они представляли серьезную угрозу независимости суверенных государств. В дальнейшем дипломатия Аргентины придерживалась намеченной линии и часто блокировалась с представителями Чили, Боливии, Перу и других государств.

По примеру Аргентины ряд латиноамериканских стран прибегал к тактике отказа от ратификации соглашений и конвенций, которые принимались на панамериканских конференциях под нажимом США. Из 17 панамериканских соглашений 1902—1910 гг. Аргентина ратифицировала только три. Другим проявлением оппозиции стало игнорирование значительным числом стран региона Панамериканского союза. Аргентина, Боливия, Никарагуа, Парагвай, Перу не делали взносов на содержание постоянного секретариата, и их представители часто отсутствовали на его заседаниях.

Сопротивлением латиноамериканских стран объяснялся и провал выдвинутого президентом США Вильсоном в 1914 г. предложения о заключении «панамериканского пакта» в целях «общей и взаимной гарантии территориальной целостности и политической независимости при республиканской форме правления» и разрешения «пограничных споров путем применения процедуры арбитража». Наиболее крупные страны региона отмежевались от «панамериканского пакта», и в результате идея Вильсона дальнейшего хода не получила.

Однако это была своего рода «молчаливая оппозиция». На панамериканских конференциях до Первой мировой войны не было сказано ни слова о больших проблемах Америки той эпохи: испано-американской войне 1898 г., присоединении Пуэрто-Рико, военной оккупации Кубы и о захвате части острова для военной базы. Тем не менее на этих конференциях благодаря усилиям дипломатии ряда стран региона были приняты решения, ограждавшие их интересы. Таким образом, уже на заре панамериканизма за его парадным фасадом обнаружились противоречия, разделяющие две Америки.

Сопротивление империалистическим державам страны Латинской Америки оказывали разнообразными внешнеполитическими акциями. В частности, на рубеже XIX—XX вв. большое число сторонников завоевала идея разработки «международного латиноамериканского права», призванного вооружить государства региона средствами международно-правовой защиты от иностранных интервенций и создать арбитражный механизм для мирного урегулирования споров между ними без участия США. С этой целью в 1888 г. в Монтевидео состоялся специальный конгресс, созданный по инициативе Аргентины и Уругвая. В его работе участвовали представители семи стран Южной Америки. Согласно принятым рекомендациям, в 1906 г. в Рио-де-Жанейро начала работу комиссия юристов по

подготовке кодекса частного и публичного международного права стран Западного полушария. Работу комиссии прервала Первая мировая война.

Крупной акцией в деле защиты стран Латинской Америки стала известная *«доктрина Кальво—Драго»*, основные положения которой были сформулированы аргентинским юристом и дипломатом *Карлосом Кальво* (1885). Основываясь на принципах национального суверенитета и юридического равенства всех государств, *«доктрина Кальво»* провозглашала недопустимость дипломатического вмешательства, а тем более вооруженной интервенции, с целью взыскания долгов или получения возмещения за убытки, понесенные иностранными подданными. Всякий иной подход означал бы «создание опасной привилегии злоупотребления силой для могущественных держав в ущерб более слабым государствам и установление ничем не оправдываемого неравенства между своими и иностранными подданными». Некоторые принципы Кальво нашли свое отражение в германо-мексиканском договоре 1882 г., в испано-перуанском договоре 1898 г., договоре о мире, дружбе, арбитраже и торговле, заключенном в 1906 г. Коста-Рикой, Сальвадором, Гватемалой, Гондурасом и др.

С особой остротой проблема защиты от иностранных интервенций встала в начале XX в., во время венесуэльского кризиса 1902—1903 гг. В самый разгар этих событий министр иностранных дел Аргентины Луис Драго сформулировал свою доктрину, которая развила и видоизменила *«доктрину Кальво»*. В ноте, отправленной 29 декабря 1903 г. правительству США, осуждались насильственные действия европейских держав против Венесуэлы. Агрессия европейских держав вызвала острую реакцию и со стороны Вашингтона. Правительство Т. Рузвельта, нейтрализовав Англию, оказало открытое давление на Германию и, угрожая применением вооруженной силы, заставило ее отступить. В феврале 1903 г. под нажимом США были подписаны соглашения между Венесуэлой и тремя державами о снятии блокады и порядке удовлетворения их претензий.

В целях защиты собственного суверенитета страны Латинской Америки стремились использовать межимпериалистические противоречия в регионе. В частности, ряд латиноамериканских правительств добивался большей вовлеченности в дела региона России, надеясь, что ее влияние поможет им частично нейтрализовать опасности, исходящие от США и

Англии. В таком ключе следует рассматривать аргентинское предложение России купить остров Эстадос из группы островов Огненной Земли, а также сближение России со странами региона на второй Гаагской конференции. Однако дальнейшего развития эти отношения не получили.

Оборонительная реакция в Латинской Америке на политику империалистического разбоя послужила также стимулом для подъема *«паниспанизма»*, который был связан с идеей союза латиноамериканских государств с Испанией. В 1900 г. в Мадриде состоялся даже *испано-американский конгресс*, в работе которого участвовали делегаты от 15 государств Латинской Америки.

В русле оборонительной тенденции находилось и стремление трех крупнейших государств Южной Америки: Аргентины, Бразилии и Чили — создать при поддержке Англии так называемый *«союз АБЧ»*, который мог бы служить противовесом растущему влиянию США. В 1914 г. страны АБЧ предложили свое коллективное посредничество для урегулирования конфликта в ходе очередной американской интервенции в Мексику, которое было принято. Хотя миссия посредников не принесла значительных результатов, сближение этих стран продолжалось. В мае 1915 г. их представители в Буэнос-Айресе подписали трехсторонний *«договор АБЧ»*, предусматривавший мирное решение любых конфликтов между его участниками, но он не был ратифицирован.

Различия внешнеполитической ориентации государств Латинской Америки проявились во время Первой мировой войны. Аргентина, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Парагвай, Сальвадор и Чили придерживались строгого нейтралитета. Аргентина и Мексика совместно предложили объявить *«экономический бойкот»* воюющим державам. Боливия, Доминиканская Республика, Перу, Уругвай, Эквадор разорвали дипломатические отношения с державами Тройственного союза. Бразилия, Гаити, Гондурас, Гватемала, Коста-Рика, Куба, Никарагуа и Панама после вступления США в Первую мировую войну объявили о состоянии войны с Германией. Эти события еще раз подтвердили, что *«континентальная солидарность»* является мифом.

Кризис либерализма и поиски альтернатив. Экономический прогресс постепенно изменял лицо латиноамериканского общества. Несмотря на сильную иностран-

ную конкуренцию, в наиболее крупных странах региона рыночной экономики, прежде всего доступ к передовой иностранной технологии и возможность неограниченной эксплуатации рабочей силы, способствовали развитию обрабатывающей промышленности. Создававшие ее группы предпринимателей формировались ускоренными темпами уже с последней трети XIX в. Далеко не все они являлись латиноамериканцами по рождению. Так, например, из 53 тыс. владельцев промышленных предприятий, имевшихся к 1835 г. в Аргентине, «аргентинцами» (к каковым независимо от национальности родителей относились все те, кто родился в стране) являлись лишь 43,9%. Но они были связаны преимущественно с удовлетворением потребностей внутреннего, национального рынка, и само их положение обязывало стремиться не только к защите, но и к дальнейшему расширению данного рынка. В этом смысле таких предпринимателей можно считать частью **национальной буржуазии**.

Со временем эта буржуазия окрепла и создала собственные предпринимательские союзы — *Аргентинский промышленный союз* (1876), *Промышленную ассоциацию Бразилии* (1880), *Общество содействия промышленности в Чили* (1883), *Конфедерацию промышленных палат Мексики* (1917). По мере накопления сил национальная буржуазия начала возмущаться засильем латифундизма и иностранных монополий, оспаривать целесообразность либеральной модели латиноамериканских экономик, которую все чаще именовали «колониальной». Первую, хотя и неудачную попытку потеснить иностранные горнорудные компании предприняла в 1886—1891 гг. чилийская буржуазия, когда правление президента *Х. М. Бальмаседы* проходило под лозунгом «Чили — чилийцам!».

Ускоренно развивался **рабочий класс**, особенно в Аргентине (где вместе с полупролетариями он уже в 1895 г. составлял 56% самодеятельного населения), Уругвае, Чили, Мексике, Бразилии и на Кубе. Поскольку формировался рабочий класс и за счет европейских иммигрантов, он оставался безучастным пока и к национальному, и к аграрному вопросам, но зато впитал с потоком иммигрантов передовые идеи и опыт борьбы за чисто пролетарские требования. Несмотря на репрессии, неуклонно повышалась степень его организованности, и в начале XX в. во всех перечисленных странах уже сложились общенациональные профцентры. С конца XIX в. здесь действовали со-

циалистические партии — члены II Интернационала. Но преобладающим влиянием в профдвижении пользовались течения *анархо-синдикализма* и *синдикализма*, которые в отличие от социалистов рассматривали парламентские формы борьбы как подчиненные формам «прямого действия» — забастовкам, стачкам, восстаниям. Благодаря растущей численности, организованности и боевитости латиноамериканскому пролетариату удалось к началу XX в. вырвать ряд принципиальных уступок: 8-часовой рабочий день для некоторых категорий трудящихся в Мексике (1909), законы о производственном травматизме в Аргентине, Уругвае (1915) и Чили (1916), образование департаментов — первых рабочих министерств — в Аргентине и Мексике (1912). Так постепенно рабочий вопрос вторгся в сферу политики, подрывая устои либерально-олигархического государства.

На рубеже XIX—XX вв. снова активизировалось **крестьянство**, особенно в Индо-Америке. Крестьянская война развернулась в Эквадоре (1913—1916), крупное индейское восстание с требованием реставрации общинных земель вспыхнуло в Перу (1914). Крестьянство выступило главной движущей силой Мексиканской революции 1910—1917 гг. и сыграло решающую роль в радикальном решении аграрного вопроса.

Однако наибольший резонанс был вызван активным движением на политическую арену Латинской Америки **средних городских слоев**. Резкое увеличение численности социалистов обуславливалось самими потребностями индустриального развития: если за период с 1869 по 1914 г. все население Аргентины выросло в 3,7 раза, то число врачей за это же время возросло в 6, юристов — в 7, учителей и преподавателей — в 16, научных работников и журналистов — в 25, государственных управленцев — в 27 раз. Они стали разночинной прослойкой.

Из ее среды вышла плеяда замечательных мыслителей национально-демократической ориентации — кубинец Хосе Марти, аргентинец Мануэль Угарте, уругваец Хосе Энрике Родо, перуанец Мануэль Гонсалес Прада, мексиканец Хосе Васконселос. Подвергнув резкой критике либерал-позитивистскую модель развития, в том числе господствовавшую на континенте «нордоманию», эти мыслители помогли народам Латинской Америки преодолеть комплекс ущербности и обрести веру в ценность и историческое предназначение их самобытности. Разбудив национальное самосознание латино-

американцев, они способствовали громадному росту антиимпериалистических, в первую очередь антиамериканских, настроений.

Специалисты-разночинцы не только возглавили партии, но и впервые попытались организовать и сформулировать в общенациональных проектах интересы оппозиционных правящей элите слоев общества — национальной буржуазии, селян, рабочих и т. д. Так возникли на рубеже XIX—XX в. первые партии — *Гражданский радикальный союз Аргентины*, *Батльистская партия Уругвая*, *Кубинская революционная партия* и др.

Нарастающее давление новых и обновленных общественных классов и слоев, удешевленное их объединением в широкие многоклассовые коалиции, привело к введению всеобщего (правда, лишь для мужчин) избирательного права в Аргентине и Уругвае. В итоге гражданское общество приняло гораздо более современной вид, что в свою очередь способствовало падению либерально-олигархического государства с приходом к власти в этих странах Гражданского радикального союза (1916) и Батльистской партии (1903).

Мексиканская революция 1910—1917 гг. подвела своеобразный итог начавшемуся кризису либеральной модели экономики, общества и государства и наметила основные пути ее трансформации в новое качество.

В годы правления диктатуры *Порфирио Диаса* (1876—1911) Мексика достигла больших успехов в экономике за счет бурного притока иностранных инвестиций, а также экспроприации и снижения уровня жизни народных масс, т. е. удешевления рабочей силы. Но обратной стороной этих успехов явилось усиление зависимости страны от США и высокая социальная напряженность. Поэтому Мексика весьма болезненно отреагировала на циклический кризис в США 1907—1908 гг., который в сумме с неурожаем 1910 г. породил острый экономический, социальный и политический кризис в стране.

Буржуазный лагерь, выступивший против правящего режима, возглавил крупный латифундист и фабрикант *Франсиско Мадеро*, который обратился к мексиканскому народу с «Планом Сан-Луис-Потоси». План предусматривал избавление Мексики от империалистического господства и возвращение крестьянам отнятых у них в период правления Диаса земель. Хотя социальные вопросы в плане упоминались отнюдь

не в полной мере, он стал катализатором для массовых народных восстаний по всей стране.

Крестьянский лагерь, отчасти поддерживавший Мадеро, выдвинул своих вождей. В силу региональных особенностей этот лагерь был представлен двумя разными силами. Первая и наиболее боеспособная действовала во главе с легендарным *Франсиско (Панно) Вильей* в Чиуауа и других северных штатах страны, которые по структуре экономики и жизненному укладу весьма напоминали такие скотоводческие страны, как Аргентина и Уругвай. Здесь основная масса крестьян состояла из *вакери* (ковбоев), отличалась мобильностью, а составленная из них повстанческая армия была способна на дальние походы. У этой части крестьянства было и особое представление об аграрной реформе: понимая преимущества крупного скотоводческого хозяйства, крестьяне требовали не раздела земли и скота помещиков между собою, а перевода их целиком в собственность государства. Доходы же от таких госхозов должны были идти на оплату труда наемных вакери, содержание вдов и сирот погибших революционеров и т. д.

Вторая крестьянская Освободительная армия под руководством *Эмильяно Сапаты* сложилась в Морелосе, одном из центральных штатов Мексики, где преобладало земледелие. Мелкие земледельцы могли совершать чудеса героизма в своей деревне, в своем штате, но их было очень трудно увлечь в дальние военные походы. Поскольку в этих же районах проживала основная масса индейского населения, то аграрную реформу здешнее крестьянство понимало как реставрацию на отнятой у латифундистов земле общинного хозяйства. Так как пришедшее в октябре 1911 г. буржуазное правительство Ф. Мадеро не спешило с аграрной реформой, уже через месяц между ним и Освободительной армией началась открытая война. В итоге Э. Сапата обнародовал «План Айяла» — аграрный декрет, объявлявший, что все отнятые в свое время у крестьян помещиками земли, леса и воды переходили во владение крестьян.

Рабочий лагерь представлял весьма мощный общенациональный профцентр «*Дом рабочих мира*» синдикалистской ориентации. Он внес существенный вклад в свержение Диаса, но в конечном счете боролся за радикальное решение социальных вопросов в интересах пролетариата и был весьма далек от чаяний крестьянства. Впрочем, крестьянские вожди также не проявляли внимания к рабочему вопросу.

ГЛАВА 28 Колониальная система и доминионы

Борьба этих трех революционных сил между собою, между ними и реакцией, американские интервенции в Мексику (1914 и 1916—1917) — все это придавало развитию революции самые неожиданные повороты. В 1915 г. сложилось даже двоевластие, когда столицу страны г. Мехико заняли так называемые «конвентисты», опиравшиеся в основном на Северную дивизию Панчо Вильи и Освободительную армию Эмилиано Сапаты, а буржуазное правительство «конституционалистов» во главе с Викторiano Каррансой было вынуждено переехать в порт Веракрус.

В такой непростой обстановке не последнюю роль в развитии революции сыграл *Альваро Обрегон*, бывший механик, ставший во время революции генералом. В 1915 г. он убедил президента Каррансу издать долгожданный декрет о возвращении крестьянских земель, отобранных в годы диктатуры, что сузило опору обеих крестьянских армий. Затем на борьбу с крестьянскими повстанцами он с помощью синдикалистских лидеров профсоюзов мобилизовал «красные батальоны» из рабочих, вооружив их большим количеством пулеметов, самым эффективным средством борьбы с крестьянской конницей. Когда же с их помощью крестьянские отряды были разгромлены, «красные батальоны» были разоружены, а из пулеметов стали расстреливать уже рабочие демонстрации.

Тем не менее в принятой в 1917 г. *Конституции* были заложены завоевания всех трех участвовавших в революции сил. Национальная буржуазия и крестьянство получили статью 27, которая, во-первых, лишила иностранные монополии всяких привилегий, подчинив их суверенитету мексиканского государства, и, во-вторых, заложила основу для широкой аграрной реформы. Рабочий же класс получил статью 123, ставшую самым передовым по тому времени трудовым кодексом в капиталистическом мире.

5 февраля того же года окончательно покинули Мексику и североамериканские интервенты, однако за декларированные Конституцией преобразования еще предстояла длительная и упорная борьба. Мексиканская революция подвела итог новому периоду истории Латинской Америки и наметила перспективу *либерально-демократических преобразований* как в самой Мексике, так и в остальных государствах региона.

Завершение раздела мира. Важной чертой либерально-капиталистической цивилизации в конце XIX — начале XX в. стала активизация экспансии европейских держав и США, завершение ими раздела мира, усиление эксплуатации колоний финансовой олигархией и ускорение развития переселенческих колоний, добившихся статуса доминионов.

В колониальных захватах последней трети XIX — начала XX в. главную роль, как и в предшествующий период, играла *Великобритания*. Компенсируя утрату мировой промышленной монополии, она не только сохранила, но и значительно расширила свои колониальные владения. Используя свое превосходство на море и обширную сеть военно-морских баз и опорных пунктов, Великобритания вела многочисленные колониальные войны.

В 1875 г. был установлен английский контроль над Суэцким каналом. В 1878 г. Великобритания захватила Кипр. В 1882 г. под фактическое английское господство попал Египет. В 1885 г. завершилось завоевание Бирмы. В 80—90-е годы Великобритания завоевала огромные территории на западном и восточном побережье Африки. После захвата в 1885—1895 гг. ряда малайских княжеств, а также в 1898 г. китайского порта Вейхайвей были упрочены английские позиции на Дальнем Востоке. В результате англо-бурской войны оказалась близкой к осуществлению давнишняя мечта «строителей империи» о создании сплошной полосы английских владений от Каира до Кейптауна.

В начале XX в. Великобритания была в основном занята упрочением своего контроля над огромной колониальной империей (при этом доминионы стали привлекаться к управлению империей и ее обороне), но не упускала возможности и дальнейшего «округления» своих владений (в 1909 г. отторжением от Сиамом нескольких княжеств и присоединением их к английским владениям на Малаккском полуострове было завершено создание Британской Малайи). Всего Великобрита-

ния к 1914 г, владела, включая Ирландию и Гибралтар, территориями площадью в 18 млн кв. км с населением в 430 млн человек (при населении метрополии в 41,5 млн человек).

Огромная колониальная империя обеспечивала английскому капитализму монопольные рынки сбыта, богатейшие источники сырья и сферы для вложения капитала. С. Роде в конце XIX в., «обосновывая» захват колоний прежде всего необходимостью избежать социальных противоречий в Англии, выдвигал для оправдания этих захватов миф о «цивилизаторской миссии» английских колонизаторов в заморских владениях и провозглашал англичан «первой расой на Земле».

Второй по значению колониальной державой была Франция. В 1876—1914 гг. французские колонизаторы захватили огромные территории. В этот период французское господство было установлено над Тунисом, Сенегалом, частью Судана, Мавританией, Гвинеей, Дагомеей, Верхней Вольтой, Берегом Слоновой Кости, Нигером, западной частью Экваториальной Африки, Мадагаскаром, почти всем Индокитаем и Марокко. Всего Франция «приобрела» территории в 9,7 млн кв. км с населением почти в 50 млн человек.

Известный идеолог французского колониализма Жюль Ферри для обоснования колониальных захватов использовал расистские аргументы: «Высшие расы имеют определенные права по отношению к низшим расам. Они имеют права, так как имеют обязанности. Их обязанность — цивилизовать низшие расы». Франция расширяла свою империю в упорной борьбе со своими основными соперниками в области колониальных захватов — Англией и Германией. Соперники неоднократно оказывались на грани войны друг с другом — Фашодский конфликт 1898 г., франко-германские конфликты из-за Марокко (1905, 1911) и др.

Германия, США, а также Италия и Бельгия приступили к колониальным захватам значительно позже по сравнению со старыми колониальными державами. Если Англия и Франция в своей экспансии в последней четверти XIX — начале XX в. опирались на уже имевшиеся у них колониальные империи и целую систему военных и военно-морских опорных пунктов за океанами, то «запоздавшие» державы стремились компенсировать упущенное время активностью и напористостью.

Германия, приступив к колониальным захватам только с середины 80-х годов XIX в., к началу Первой мировой войны создала колониальную империю площадью в 2,9 млн кв. км

с населением в 12,3 млн человек. В ее состав вошли захваченные в этот период Германская Юго-Западная Африка (эта территория, аннексированная Германией в 1884 г., была первой германской колонией), Того, Камерун, Германская Восточная Африка, северная часть новой Гвинеи, ряд островов Океании и Киао-Чао в Китае.

Колониальный режим во владениях Германии отличался крайней жестокостью: за «проступки» аборигены нередко наказывались отсечением руки, ноги и т. п., и это предусматривалось колониальным кодексом метрополии. Все свои колонии Германия потеряла в Первую мировую войну.

Позже других держав на путь колониальных захватов встали Соединенные Штаты Америки. Именуя захваченные земли «территориями», США овладели рядом важных районов и опорных пунктов: Гавайскими островами, островами Самоа, Филиппинами, Кубой (фактически), Пуэрто-Рико и др. Всего США к 1914 г. захватили территории площадью около 0,3 млн кв. км с населением почти в 10 млн человек.

Лихорадочные усилия по созданию колониальной империи прилагала Италия. В 1889 г. она захватила Сомали, в 1890 г. — Эритрею. В первой половине 90-х годов итальянские колонизаторы попытались установить свое господство над Эфиопией. Но в ходе итало-эфиопской войны 1895—1896 гг. итальянские экспедиционные войска были наголову разгромлены эфиопской армией. Италия вынуждена была признать независимость Эфиопии и выплатила ей контрибуцию. Это было первое поражение, нанесенное европейской державе африканской страной, отстаивавшей свою независимость. Тем не менее итальянская колониальная экспансия продолжалась. В 1912 г. Италия в результате войны с Турцией захватила Ливию. К началу Первой мировой войны площадь итальянских колоний составляла более 1,5 млн кв. км, а население — свыше 1 млн человек.

Больших «успехов» на поприще колониальных захватов в последней четверти XIX в. достигла малая европейская держава — Бельгия. Умело используя противоречия между великими державами, бельгийские колонизаторы овладели гигантской территорией — 2,3 млн кв. км — по реке Конго (Бельгийское Конго) с населением свыше 15 млн человек.

В рассматриваемый период огромную колониальную империю сохраняли Нидерланды. Голландские колонизаторы безжалостно грабили народы Нидерландской Индии (Индонезия)

и других колоний. К началу Первой мировой войны площадь этой империи превышала 2 млн. кв. км, население — 40 млн человек.

Обладательницей крупных колониальных владений была *Португалия*. В португальскую колониальную империю к началу Первой мировой войны входили Мозамбик, Ангола, Гвинея (Бисау), острова Зеленого Мыса, Сан-Томе и Принсипе, территории Гоа, Даман и Диу в Индии, Тимор и Макао. Общая площадь колоний Португалии превышала 2 млн кв. км, население — 7 млн человек. Этой отсталой стране удавалось удерживать такую большую империю только благодаря острым противоречиям между главными державами и фактической «опеке» Великобритании над португальскими владениями и самой Португалией.

Колониальное могущество *Испании* было уже в прошлом. Последние важные колонии были отторгнуты у нее Соединенными Штатами Америки. Однако Испания приняла участие в колониальном разделе Африки, захватив в 1885—1912 гг. ряд территорий в северо-западной части континента. К Первой мировой войне общая площадь испанских колониальных владений составляла 0,3 млн кв. км с населением около полумиллиона человек.

Складывание и существование колониальной системы сопровождались многочисленными войнами. Европейские державы и США вели войны и за захват новых колониальных владений, и против народов уже захваченных колоний для удержания их в повиновении.

Выше уже упоминалось о колониальных войнах Великобритании. Десятки войн вели также французские колонизаторы — в Северной и Западной Африке, на Мадагаскаре, в Индокитае, в Океании. В 1878 г. они жестоко подавили восстание местного населения — канаков — в Новой Каледонии. В 1895—1896 гг. французские войска только после упорных боев сломали сопротивление мальгашской армии, и Мадагаскар стал французской колонией (вооруженная борьба мальгашей продолжалась почти до Первой мировой войны). В Западной Африке Франция два последних десятилетия XIX в. была занята подавлением сопротивления народов существовавших там африканских государств. Упорное сопротивление французским колонизаторам оказывали народы Индокитая.

Только после двухлетней кровопролитной, войны в 1899—1901 гг. Соединенные Штаты Америки — «новые хозяева»

(после Испании) — смогли утвердить свое господство над Филиппинами (партизанская борьба против иноземных поработителей продолжалась еще более десятилетия).

Жестокостью и зверствами отмечен и путь германских колонизаторов. В частности, десятки тысяч африканцев были убиты в германской Юго-Западной Африке в 1904—1907 гг. при подавлении восстаний против колониального гнета племен гереро и готтентотов. То же самое можно сказать о бельгийских, голландских, португальских и испанских колонизаторах.

В результате политической и экономической экспансии держав в начале XX в. сложилась *колониальная система* — система политического подчинения, экономической эксплуатации, идеологического подавления стран и территорий Азии, Африки, Южной Америки и Океании.

Основу колониальной системы составляли собственно *колониальные империи* — страны и территории, находившиеся под прямым военно-политическим господством метрополий. Формы, в которых это господство осуществлялось, юридический статус отдельных частей империи были различными. В Британской империи Ирландия, являвшаяся английской колонией, входила в состав метрополии. Крупнейшее колониальное владение Великобритании — Индия — делилось на две части: непосредственно управлявшуюся английскими колониальными властями и большое число формально самостоятельных княжеств. В составе империи были государства, находившиеся под английским протекторатом (княжества Малайи, королевство Тонга и др.), собственно протектораты (ряд территорий в Африке и Океании), арендованные территории (Цзюлун). Большинство английских владений считалось «коронными» колониями и управлялось назначавшимися правительством метрополии чиновниками. Накануне Первой мировой войны господство Великобритании распространялось фактически также на Египет, Непал и др. В особом положении в рамках Британской империи были доминионы.

Во французскую колониальную империю входили Алжир (был включен в состав метрополии), Марокко, Тунис, Камбоджа, Лаос, Аннам, которые считались самостоятельными государствами под французским протекторатом, и многочисленные колонии.

Существовали различия в юридическом статусе владений других колониальных держав. Все они объяснялись конкрет-

но-историческими обстоятельствами установления колониального господства над той или иной страной или территорией. Существо колониального господства от этого не менялось. Юридический статус владения, однако, накладывал отпечаток на антиколониальную борьбу: в одном случае она велась непосредственно против иноземных колонизаторов, представленных на месте колониальными властями, в другом — против местных правителей — ставленников колонизаторов.

Важной составной частью колониальной системы были также *полуколонии* — формально независимые страны, на деле опутанные сетями экономической и политической зависимости. Если метрополии обычно обладали монополией на экономическую эксплуатацию своих колоний, то страны, оказавшиеся на полуколониальном положении (например, Иран), чаще всего были объектом эксплуатации и экспансии со стороны двух или более держав.

Всего к 1914 г. на колонии и полуколонии приходилось около 67% территории и 60% населения земного шара.

Необходимость удерживать в покорности колониальные народы усиливала милитаризм и реакцию в метрополиях. Ресурсы колоний, в том числе людские, правящие круги метрополии рассчитывали использовать в борьбе против своих соперников. Резко возросло военно-стратегическое значение колоний. Готовясь к войне за передел мира, державы превратили колонии с расположенными на их территории военными базами в важнейшие опорные пункты для борьбы со своими противниками. Войска, вербуемые в колониях, стали важной частью военного потенциала метрополии (прежде всего Великобритании и Франции).

В то же время в колониальных странах (особенно таких, как Индия, Цейлон, Малайя, французские колонии в Северной Африке и др.), несмотря на упорное противодействие метрополий, развивалась промышленность, формировалась национальная буржуазия и росло число наемных рабочих.

Особое место в колониальной системе занимали принадлежавшие Великобритании *переселенческие колонии*. Их заселяли переселенцы — в основном выходцы из метрополии. Помимо англичан, среди переселенцев был высок удельный вес ирландцев и шотландцев, а также эмигрантов из континентальной Европы. Процесс превращения переселенческих колоний в доминионы пришелся на вторую половину XIX — начало XX в.

Переселенческие колонии — Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка — в основном воспроизводили такую же систему экономических и социальных отношений, какая была в метрополии. Но экономические и политические ограничения ставили переселенцев в неравноправное положение, что вело к обособлению их от метрополии.

В переселенческих колониях росла промышленность, конкурировавшая с промышленностью метрополии. Развитие производства в этих колониях в сущности начиналось с уровня, достигнутого в самой Англии. Капитализм здесь вырастал на почве более свободной (в Канаде) или практически совсем свободной (в Австралии, Новой Зеландии) от феодализма и его пережитков, что способствовало сравнительно высоким темпам его развития.

Растущее население переселенческих колоний требовало самоуправления. Прилагая все усилия для подавления в них освободительных движений, английские правящие круги в конечном счете все-таки шли на реформы — предоставление внутреннего самоуправления переселенческим колониям, а затем и статуса доминиона.

Канада. Идея объединения колоний Британской Северной Америки возникла еще в начале XIX в. прежде всего из-за опасений поглощения этих колоний Соединенными Штатами. Резкое обострение отношений между провинциями Британской Северной Америки и Соединенными Штатами (Севером) в 60-годы диктовало необходимость скорейшего объединения колоний (провинций). В 1864 г. правительство метрополии поддержало идею объединения Британской Северной Америки. В октябре этого же года состоялась *Квебекская конференция*, на которой представители всех тогдашних провинций обсуждали вопрос об объединении. Конференция закончилась принятием 72 резолюций, положения которых легли в основу *Акта о Британской Северной Америке*. В марте 1867 г. этот акт был принят английским парламентом. По этому акту провинции Онтарио, Квебек (ранее они входили в состав единой провинции Канада), Новая Шотландия и Нью-Брансуик объединились в один доминион под общим названием «Канада» (формально Канада считалась конфедерацией). Главным фактором, который перевесил все расхождения, существовавшие между четырьмя провинциями, и толкнул их к объединению, был, по признанию одного американского историка,

«страх перед США». В документе не были учтены национальные интересы франкоканадцев. Национальная проблема — достижение франкоканадцами действительного равенства с англоканадцами — серьезно осложняла политическое и экономическое развитие Канады в XIX и XX вв.

В Канаде был учрежден парламент по типу английского в составе двух палат — палаты общин, избираемой населением, и сената, назначаемого английским генерал-губернатором. Англия сохраняла контроль над внешними сношениями доминиона и право объявления войны. Акт вступил в силу 1 июля 1867 г. После образования самоуправляющейся Канадской конфедерации и получения ею названия «доминион» этот термин, применявшийся в Англии официально в отношении всех английских колоний, стал использоваться только для определения статуса самоуправляющихся частей Британской империи.

В последней трети XIX в. произошло территориальное расширение доминиона Канада: в 1870 г. в его состав вошла провинция Манитоба, в 1871 г. — Британская Колумбия, в 1873 г. — остров Принца Эдуарда, в 1905 г. — Саскачеван и Альберта (провинция Ньюфаундленд оставалась вне доминиона до 1949 г.).

Статус доминиона упрочил положение Канады перед лицом южного соседа. В 1871 г. был заключен Вашингтонский договор, который урегулировал имевшиеся в то время расхождения между США и Англией. Одним из следствий этого договора был фактический отказ США от претензий на Канаду. «США, пытавшиеся захватить Канаду в ходе двух войн с Англией, — писал американский историк, — с неохотой пошли на сужение сферы действия «предначертаний судьбы», но сохраняли надежду на то, что экономические факторы приведут к падению Канады, как зрелого плода, в американские руки».

В конце XIX в. Канада развивалась как самоуправляющееся политическое образование и к началу XX в. сделала важные шаги по пути к независимости.

В 1872 г. первое правительство доминиона, возглавлявшееся Дж. Макдональдом, добилось принятия английским парламентом закона, который предусматривал бесплатное наделение землей каждого желающего (по 160 акров). По закону человек, получивший землю, был обязан построить дом стоимостью не ниже 300 долл., обработать часть этой земли и т. д; по существу ограничивался круг лиц, которые могли вое-

пользоваться его преимуществами. Тем не менее закон 1872 г. и последовавшие за ним другие земельные законы благоприятствовали увеличению иммиграции и заселению канадского Запада. Развернулось строительство трансконтинентальной железной дороги, которая не только активизировала экономическое развитие Канады, но и способствовала ее политической консолидации, становлению Канады как единого государства. В 1871 г. премьер-министр Дж. Макдональд добился согласия провинции Британская Колумбия на вхождение в конфедерацию только после обещания строительства этой дороги, экономически выгодной для провинции. Строительство железной дороги осуществлялось государством на государственные средства с широким использованием английских займов и было завершено в середине 70-х годов XIX в. Государство вообще играло важную роль в развитии экономики Канады, прежде всего в сфере транспорта и энергетики.

Колонизация канадского Запада осуществлялась жестокими методами — «железом и кровью». Коренные жители западных земель — индейцы и метисы — сгонялись с насиженных мест. Они дважды восставали. Борьбу за гражданские права индейцев и метисов и их право на землю возглавил метис франкоиндеец Луи Риль. Деятельность правительства («Национальный комитет»), сформированного Рилем в 1869 г., положила начало созданию провинции Манитоба. В основу конституции этой провинции легли демократические принципы, выдвигавшиеся «Национальным комитетом». Некоторые канадские историки именуют Луи Рилья «основателем Манитобы», «отцом канадского Запада».

Для борьбы с народным движением на Западе правительство прибегло к разжиганию национальной розни между англоканадцами и франкоканадцами, провозгласив деятельность Рилья и его сподвижников «происками французских католиков». Оно жестоко подавило восстание. В ноябре 1885 г. Луи Риль и восемь его соратников-индейцев были повешены. Эта казнь вызвала бурные демонстрации протеста в населенной франкоканадцами провинции Квебек. Восстание 1885 г. было последней попыткой индейского населения силой воспрепятствовать захвату земель европейскими поселенцами. Индейские племена Канады были вытеснены с большей части их земель и заключены в резервации.

Развитие доминиона в последней трети XIX в. не было гладким. За благоприятной экономической конъюнктурой

50—60-х годов, которая была связана с широким железнодорожным строительством и введением в сельскохозяйственный оборот огромных территорий в центре и на западе страны, последовала длительная «великая» депрессия 1873—1896 гг. Она привела к оттоку населения доминиона за южную границу (около 2 млн канадцев в поисках лучших экономических условий переселились в США). Иммиграция в 1871—1901 гг. составила лишь около 1,5 млн человек. В этот период в США вновь активизировались сторонники поглощения доминиона.

Однако, несмотря на экономические трудности, консолидация доминиона продолжалась. Правительство проводило так называемую «национальную политику», составными частями которой были протекционизм, создание общеканадской транспортной системы и освоение земель канадского Запада. В стране складывалась собственная промышленная буржуазия, противодействие которой было важным фактором в предотвращении аннексии Канады Соединенными Штатами в конце 80-х — первой половине 90-х годов XIX в. «Национальная политика» пользовалась поддержкой населения страны, видевшего в ней залог спасения Канады от США; против присоединения к США в любой форме выступало подавляющее большинство канадцев.

В конце XIX в. в Канаде начался бурный экономический бум, длившийся до 1913 г. (начавшийся в 1914 г. спад прервала война). Быстро развивалось сельское хозяйство. Производство и экспорт сельскохозяйственной продукции за годы бума увеличилось примерно в три раза. Этому благоприятствовали внешнеторговые условия: рост спроса на пшеницу в Европе и удешевление морского фрахта в связи с техническим прогрессом в судостроении. Шло быстрое освоение канадского Запада и в первую очередь введение огромных площадей земли в сельскохозяйственный оборот. Пшеница стала главной статьей канадского экспорта. Началась разработка богатейших минеральных и лесных ресурсов. Росло производство никеля и других цветных металлов, а также асбеста, каменного угля, бумаги. Развернулось широкое строительство гидроэлектростанций. Продолжалось бурное железнодорожное строительство. Общая протяженность железных дорог с 13,8 тыс. миль в 1891 г. увеличилась к 1914 г. до 37,4 тыс. миль. Все увеличивался приток иностранного капитала, главным образом английского и североамериканского. За один 1913 г. он составил 541 млн долларов, огромную для того времени сумму. Развер-

нулась массовая иммиграция. За годы бума в Канаду прибыло из Европы около 2 млн человек (прежде всего немцы, украинцы, скандинавы, венгры). Кроме того, более 1 млн человек переселились в Канаду из США. Население Канады к началу Первой мировой войны превысило 8 млн человек. По темпам роста экономики Канада в начале XX в. занимала первое место в мире. На волне экономического бума правящая элита страны выдвинула политико-идеологическую концепцию «XX век — век Канады». Ее поддерживали наиболее влиятельные партии — Либеральная и Консервативная.

В конце XIX в. канадское правительство решительно отвергло выдвигавшийся правительством метрополии план создания «имперской федерации» (его инициатором был министр колоний *Джозеф Чемберлен*), который помимо всего прочего закрепил бы контроль Лондона над внешней политикой и обороной Канады (как и других доминионов и колоний, входивших в Британскую империю). Канада направила более 7 тыс. солдат и офицеров (добровольцев) для участия в англо-бурской войне. В то же время в 1912 г. канадское правительство ответило отказом на просьбу правительства Англии о выделении 35 млн долларов в качестве канадского вклада в финансирование британского военно-морского флота. Настойчиво, хотя и безуспешно, правительство Канады отстаивало интересы доминиона при определении границы с Аляской и в постоянных торговых трениях с США. В то же время оно использовало противоречия между США и Англией в своих интересах. Канада делала первые шаги по пути самостоятельной внешней политики. В 1909 г. был создан департамент иностранных дел. Тем не менее Канада стремилась к сохранению связей с метрополией, рассматривая их как гарантию собственной самостоятельности.

Серьезной силой в политической жизни доминиона в конце XIX — начале XX в. становилось рабочее движение. В 80-е годы возникло крупное профсоюзное объединение — *Канадский конгресс профсоюзов*. Особенностью профсоюзного движения Канады была его тесная связь с профсоюзами США: некоторые канадские профсоюзы были отделениями «интернациональных» профсоюзов. В борьбе за свои экономические требования трудящиеся Канады широко прибегали к забастовкам. Правительство предпринимало усилия, стараясь приглушить накал забастовочной борьбы. В 1907 г. через парламент был проведен закон, который запрещал стачки (и локауты) на железнодо-

рожном транспорте, в угольной и горнодобывающей промышленности и некоторых других отраслях до рассмотрения трудового конфликта «примирительным комитетом» при содействии министерства труда.

В рабочем движении Канады в начале XX в. существовали два направления — *реформистское*, тесно связанное с американским профсоюзным движением, и *радикальное*, представленное прежде всего канадскими филиалами организации «Индустриальные рабочие мира», а также Социалистической партией Канады. Активизировалось движение фермеров. Их организации выступали против всесилья банков, скупщиков и посредников, в зависимости от которых было большинство фермеров.

Канада вступила в Первую мировую войну вслед за Англией (правительству метрополии, как уже упоминалось, принадлежало право объявления войны от имени всей Британской империи). В связи с этим канадский премьер-министр *Роберт Борден* заверил правительство метрополии, что «канадский народ будет един в общей решимости отдать все силы и пойти на все необходимые жертвы, чтобы обеспечить единство и поддержать честь нашей империи».

В годы войны в вооруженных силах Канады находилось (добровольно и по призыву) свыше 600 тыс. человек, из них 425 тыс. приняли участие в военных действиях «за морями» — во Франции и на Ближнем Востоке. Канада потеряла в боях более 56 тыс. солдат и офицеров убитыми и около 150 тыс. ранеными.

Доминион превратился в важный арсенал союзных держав. В стране была создана сильная военная промышленность (к концу 1916 г. на канадских военных заводах было занято свыше 300 тыс. рабочих). Войска Антанты на Западном фронте почти на треть обеспечивались канадскими снарядами. Быстро развивались все отрасли промышленности доминиона, особенно металлургия, машиностроение, химия. Общий объем промышленного производства в Канаде за годы войны вырос почти вдвое. В сельском хозяйстве производство пшеницы увеличилось более чем в два раза; экспорт всех продуктов сельского хозяйства — более чем в три раза.

Австралия. Колонизация Австралии была результатом не только высылки туда каторжников, но и притока переселенцев, привлеченных свободными землями, а затем —

с середины XIX в. — открытием месторождений золота, и сопровождалась истреблением коренного населения. Так, например, полностью было истреблено к началу 70-х годов XIX в. коренное население о. Тасмании.

Несмотря на малочисленность и разобщенность аборигенов, они до конца 80-х годов XIX в. оказывали упорное сопротивление захвату их земель европейскими поселенцами. Воинов-аборигенов не останавливало отсутствие у них европейского орудия. Используя знание местности, они совершали внезапные нападения на отряды полиции и поселенцев. Число убитых в многочисленных стычках исчислялось с обеих сторон сотнями.

К концу XIX в. в результате беспощадного истребления, а также из-за занесенных европейцами болезней и голода численность коренного населения сократилась в три-четыре раза. Остатки его были оттеснены во внутренние пустынные районы континента. В течение почти столетия (от начала европейской колонизации континента) в отношении аборигенов проводилась политика уничтожения. Местные «теоретики» расизма «научно» обосновывали «закономерность» исчезновения аборигенов — людей «низшей расы». Но в последние два десятилетия XIX в. и в первые два десятилетия XX в. был принят целый ряд законов «об охране аборигенов», которыми коренное население было объявлено «не имеющим гражданских прав, но находящимся под опекой государства». Для подавляющей части аборигенов были созданы резервации. Такая «защита» коренного населения от «губительного контакта с европейской цивилизацией, с белым населением» приводила к вымиранию аборигенов.

50-е годы XIX в. были переломным моментом в истории Австралии. Открытие золота в колонии Виктория и последовавшая за этим «золотая лихорадка» (1851—1861) привели к быстрому развитию экономики. Развернулась массовая свободная эмиграция. Все это обострило борьбу новых поселенцев против засилья скваттеров — крупных овцеводов — в политической жизни колоний, за парламентское представительство и самоуправление.

К 1891 г. внутреннее самоуправление получили Новый Южный Уэльс, Виктория, Южная Австралия, Тасмания, Квинсленд и Западная Австралия, т. е. все колонии.

В последней трети XIX в. в Австралии постепенно сложились экономические и политические предпосылки объедине-

ния колоний в единое государство. Развивалась промышленность, главным образом легкая, пищевая и горнодобывающая. В 1874 г. в Англию прибыл первый пароход с австралийским замороженным мясом. Открывшаяся возможность сбыта на рынке метрополии помимо шерсти, мяса, масла и сыра стимулировала развитие хозяйства в австралийских колониях. Все более видную роль в экономике играла промышленная буржуазия, заинтересованная в ликвидации существовавших между колониями таможенных перегородок и в создании общеавстралийского рынка. Сторонники объединения колоний выдвинули лозунг «*Один континент — одна нация*». К 1870 г. 8-часового рабочего дня добились большинство австралийских рабочих. В 1879 г. в Сиднее состоялся первый всеавстралийский конгресс профсоюзов.

В начале 90-х годов по стране прокатились массовые общеавстралийские забастовки моряков и стригалей овец. Существовала угроза возникновения гражданской войны. К этому моменту в рабочем движении страны сложились *радикальное* и *прагматическое* направления. Довольно широкое распространение получили идеи утопического социализма. Пропагандистом этих идей был У. Лейн.

В 90-е годы в условиях подъема рабочего движения возникла *Лейбористская партия Австралии* (она складывалась постепенно: возникали лейбористские партии в отдельных колониях). В ней с самого начала возобладали реформистские настроения. Характерной особенностью Лейбористской партии было значительное влияние в ней католической церкви (многие члены партии были выходцами из Ирландии). В 1899 г. лейбористские партии пришли к власти в Новом Южном Уэльсе и Квинсленде.

Усиливавшееся рабочее (профсоюзное и лейбористское) движение быстро переросло рамки отдельных колоний и приобрело общеавстралийский характер. Оно было важным фактором, способствовавшим развернувшемуся в конце XIX в. движению за объединение австралийских колоний в единое государство.

Идея объединения колоний в федерацию зародилась в Австралии еще в середине XIX в. Но претворение ее в жизнь было достаточно сложным. Между колониями существовали серьезные экономические противоречия, в частности одни колонии выступали за свободу торговли, другие — за протекционизм. Наглядным отражением этих противоречий было то, что при

строительстве железных дорог соперничавшие друг с другом Новый Южный Уэльс и Виктория использовали колеи разной ширины. Переговоры между правительствами колоний о создании будущей федерации продолжались на протяжении почти двух десятилетий. Состоялось несколько конференций представителей правительств колоний, на которых обсуждалась проблема объединения. Специальная конференция (1897) выработала проект федеральной конституции. Он был одобрен после серии референдумов, состоявшихся в отдельных колониях в 1898—1899 гг. Принятый в ходе референдумов проект был затем представлен на утверждение британского парламента.

Движение за объединение колоний в целом поощрялось британским правительством, которое надеялось сделать Австралию оплотом Великобритании в борьбе с соперниками — Германией и США. Британские правящие круги, кроме того, считали, что единое общеавстралийское правительство будет более надежным гарантом вложенного в Австралии английского капитала, чем правительства отдельных колоний. В 1900 г. британский парламент принял согласованный с правительствами колоний закон об объединении всех шести колоний в федерацию — *Австралийский Союз*. С 1 января 1901 г. Австралийский Союз получил статус *доминиона*, а колонии — *права штатов*. После создания Австралийского Союза ускорилось формирование австралийской нации, которая складывалась на основе слияния ряда национальных элементов — прежде всего англичан, шотландцев, ирландцев и уэльсцев — примерно с середины XIX в.

Образование федерации было важным этапом на пути создания единого государства на Австралийском континенте. Оно способствовало развитию австралийской экономики, которое в тот период шло на базе англо-австралийского капитала. Австралийский капитализм был «филиалом» английского. В то же время австралийские предприниматели пользовались выгодами от участия в колониальной монополии Англии. В 1906 г. Англия передала Австралии колонию Папуа (юго-восточная часть новой Гвинеи), что положило начало превращению самой Австралии в колониальную державу.

В конце XIX в. была фактически запрещена иммиграция в Австралию представителей «неевропейских рас». С тех пор расистская политика запрещения «цветной» иммиграции («политика белой Австралии») неуклонно проводилась всеми авст-

ралийскими правительствами (вплоть до 60-х годов XX в.). В числе главных инициаторов этой политики были профсоюзные и лейбористские лидеры, утверждавшие, что «цветная» иммиграция ведет к снижению заработной платы австралийцев.

После образования Австралийского Союза лидеры Лейбористской партии выступали за постепенное — путем реформ — улучшение социально-экономического положения трудящихся. В федеральном парламенте они сотрудничали с находившимися у власти либералами, добиваясь осуществления ряда мер в интересах трудящихся. Были приняты законы о минимуме заработной платы, об улучшении условий труда, о пенсиях по старости и инвалидности, о помощи малообеспеченным семьям. В 1904 г. парламент принял закон «О примирении и арбитраже», который заложил основу постоянной системы регулирования трудовых конфликтов, обеспечения «сотрудничества между трудом и капиталом».

В том же году в Австралии — впервые в мире — пришли к власти лейбористы. Лейбористская партия сформировала федеральное правительство во главе с Дж. Уотсоном (оно просуществовало всего три месяца). Лейбористские правительства затем находились у власти в 1908—1909 гг. и в 1910—1913 гг. Был принят ряд законодательных актов, улучшавших положение трудящихся. Австралийские историки характеризуют полтора десятилетия перед Первой мировой войной как *«период социального экспериментирования»*. С. и Б. Веббы в начале XX в. провозгласили Австралию «континентом социального мира».

Но трудящиеся Австралии в стремлении к улучшению своего социально-экономического положения и расширению демократических прав прибегали к непарламентским методам. «Социальное экспериментирование» стимулировалось прямым давлением «снизу». Примерами этого давления могут служить крупнейшие забастовки железнодорожников штата Виктория (1903), горняков Брокен-Хилла (1908—1909), шахтеров угольных шахт Нового Южного Уэльса, трамвайщиков Брисбена (1912). В рабочем движении активизировались радикальные силы; определенное распространение получили анархо-синдикалистские настроения.

Осуществлению социальных реформ в начале XX в. в Австралии способствовало то, что предвоенные годы были годами сравнительно быстрого экономического роста. Успешно разви-

валось сельское хозяйство. Сохраняя ведущее место в мире по производству и экспорту шерсти, Австралия превратилась также в крупного производителя и экспортера мяса. Хотя Австралия оставалась аграрной страной, заметно выросла обрабатывающая промышленность. Число занятых на промышленных предприятиях с момента образования Австралийского Союза до начала Первой мировой войны увеличилось более чем в три раза. Общая численность населения страны за то же время выросла с 3,8 млн до 5 млн человек.

И либеральные, и лейбористские правительства, выступая под знаменем *«австралианизма»* (концепция особого австралийского пути развития, основанного на принципах гуманности и эгалитаризма) и *«верности империи»*, уделяли большое внимание укреплению австралийских вооруженных сил. При лейбористском правительстве Э. Фишера (1910—1913) было положено начало созданию австралийского военно-морского флота и введена система всеобщего и обязательного военного обучения.

К началу Первой мировой войны сохранялась высокая степень зависимости Австралии в экономическом, политическом и военном отношении от Великобритании. В мировой политике доминион следовал за метрополией.

После объявления Великобританией войны Германии правительство метрополии обратилось к правительству Австралии с просьбой о направлении австралийских войск в Европу. Между Лейбористской и Либеральной партиями не было расхождений по вопросу о вступлении в войну. Лидер лейбористов Э. Фишер заявил, что Австралия будет с «матерью-Англией» «до последнего человека и последнего шиллинга». Началось формирование — на добровольческой основе — экспедиционного корпуса для отправки на европейский театр войны. Но впервые австралийские войска приняли участие в военных действиях «рядом с домом»: в сентябре 1914 г. они с небольшими потерями захватили германскую колонию на о. Новая Гвинея.

В ноябре 1914 г. австралийские войска в составе созданного по предложению английского военного командования объединенного *Австрало-новозеландского корпуса* были направлены в Египет. Они приняли затем участие в длительной, кровопролитной, но закончившейся поражением союзных сил *Галлипольской операции*. После нее австрало-новозеландские войска были направлены во Францию, где участвовали в боях и понес-

ли тяжелые потери. В стране усилились антивоенные настроения. Они выразились прежде всего в движении против введения обязательной воинской повинности и направления призывников на заокеанские фронты. Появились общественные организации, боровшиеся против службы молодых австралийцев «за морями». Особую активность в антивоенном движении проявляли австралийцы ирландского происхождения, выступавшие против участия в «войне за английские интересы». Правительство попыталось сломить сопротивление принудительной отправке военнообязанных за границу для участия в военных действиях и провело в октябре 1916 г. общенациональный референдум по этому вопросу, но потерпело поражение. Это вызвало раскол в Лейбористской партии. Ее лидер У. Хьюз (в годы войны занимал пост премьер-министра федерального правительства), сторонник дальнейшего активного участия Австралии в войне, вышел с группой своих сторонников из партии. Объединившись с либералами, У. Хьюз и его сторонники создали *Национальную партию*, выступавшую за «войну до победы» и добившуюся успеха на парламентских выборах весной 1917 г.

Новая Зеландия. Толчком к развитию экономики Новой Зеландии послужила «золотая лихорадка», продолжавшаяся около десятилетия после открытия месторождений золота на Южном острове в 1861 г. Тысячи золотоискателей устремились на остров. Его население за это время почти удвоилось. Важным обстоятельством, способствовавшим экономическому подъему на Южном острове, было то, что он практически не был затронут военными действиями, которые велись против аборигенов — маори на Северном острове.

Однако экономическое развитие всей Новой Зеландии тормозилось тем, что политическая власть оказалась в руках земельной олигархии, захватившей большую часть экспроприированных у маорийских племен земель. К 1881 г. 584 крупных землевладельца владели 7 млн акров земли из 12,5 млн акров, находившихся в частной собственности. В то же время новые поселенцы страдали от безземелья, их положение было крайне тяжелым.

В борьбе против земельной олигархии объединились мелкие фермеры, городские рабочие и новые переселенцы, в том числе золотоискатели с быстро истощившихся золотых месторождений. Еще в середине XIX в. предпринимались попытки

создания профсоюзов, так как среди иммигрантов было немало людей, связанных с профсоюзным и чартистским движением в метрополии. В 1878 г. в Новой Зеландии издан закон, признававший право рабочих на создание профсоюзов, а к началу 90-х годов уже появились влиятельные профсоюзы, активно включившиеся в политическую борьбу. Во время выборов 1890 г. шесть представителей профсоюзов были впервые избраны в парламент и образовали в нем лейбористскую фракцию. Она стала сотрудничать с пришедшей к власти Либеральной партией и фактически вошла в состав ее парламентского большинства.

Под давлением «снизу» правительство Либеральной партии в 1891 г. провело через парламент законы о принудительном выкупе государством крупных землевладений с последующей продажей земли мелким фермерам, о государственном кредитовании и некоторых других мерах по поощрению мелких фермерских хозяйств. К 1901 г. было выкуплено более 80 крупнейших земельных владений. Эту землю получили около 1800 мелких фермеров. Все это ослабило позиции крупных землевладельцев. Определенное значение в ликвидации засилья земельной олигархии имели также технико-экономические факторы, которые сделали возможным ведение мелкого и среднего хозяйства, основанного на молочном животноводстве и ориентировавшегося на рынок далекой метрополии (среди этих факторов назовем прежде всего развитие холодильного дела). Новая Зеландия получила возможность сбывать в метрополии не только шерсть, но и масло, сыр, мясо. С конца XIX в. страну стали называть «*заморской фермой Англии*».

Либеральное правительство (иногда его называют либерально-лейбористским) находилось у власти до 1912 г. и осуществило серьезные социально-политические реформы.

В 1893 г. в Новой Зеландии *впервые в мире* избирательное право получили женщины. В конце XIX — начале XX в. был принят ряд законов в области трудовых отношений и социального обеспечения — о минимуме заработной платы, о сокращении продолжительности рабочей недели, об улучшении условий труда, о создании государственной системы арбитража для регулирования трудовых конфликтов, о пенсиях по старости, об охране материнства и младенчества (осуществление мероприятий в рамках этого закона привело к тому, что, как отмечалось в новозеландских официальных публикациях, на протя-

жении всего XX в. Новая Зеландия имела «самых здоровых детей в мире»).

Все это законодательство получило в западной литературе наименование «*государственного социализма*». В начале XX в. Новая Зеландия характеризовалась политиками и социологами Запада как «социальная лаборатория мира».

На рубеже XIX—XX вв. произошли определенные изменения в положении *маорийского населения*. Несмотря на поражение в маорийских войнах, потерю большей части земель и сокращение численности маори к 1896 г. примерно до 42 тыс. человек (в середине XIX в. насчитывалось от 80 до 100 тыс. маори), они добились признания за ними гражданских прав и представительства в новозеландском парламенте (уже в 1876 г. маори получили в нем четыре места). Новозеландские историки признают, что маори удалось избежать участи австралийских аборигенов только благодаря тому, что они смогли оказать упорное сопротивление европейским поселенцам. В конце XIX в. началось так называемое *маорийское возрождение*: маори постепенно включались в новозеландскую экономику, сохраняя при этом в значительной мере свой язык и культуру. С конца XIX в. численность маорийского населения стала увеличиваться.

На рубеже XIX—XX вв. в Новой Зеландии быстро развивался капитализм. Подобно австралийскому, он возник как «филиал» английского. Капитал метрополии господствовал в экономике Новой Зеландии, страна развивалась как аграрно-сырьевой придаток Англии.

Новозеландские правящие круги в то время не претендовали на самостоятельность во внешней политике. Страна была самой лояльной по отношению к метрополии из переселенческих колоний. Новая Зеландия единственная поддержала выдвинутую Дж. Чемберленом идею создания «имперской федерации». Более того, на имперской конференции 1911 г. новозеландский премьер-министр Дж. Уорд даже предложил разработанный его правительством план создания такой федерации.

Новая Зеландия проявляла готовность к участию в военных акциях метрополии. Она послала 6,5 тыс. солдат и офицеров (добровольцев) для участия в военных действиях против боров во время англо-бурской войны. Новая Зеландия (с 1897 г.) оказывала финансовое содействие усилению английского военно-морского флота, а в момент резкого обострения военно-мор-

ского соперничества между Англией и Германией «подарила» метрополии в 1909 г. линейный крейсер.

Новая Зеландия проявляла заметную активность в Океании, ставшей в то время объектом колониального соперничества между европейскими державами и США, выражая готовность представлять там «интересы всей империи», взять на себя «установление правления» над рядом тихоокеанских островов, добилась передачи ей (метрополией) контроля над островами Кука.

Во внутренней политике правящие круги Новой Зеландии стремились к самостоятельности и в этом отношении пользовались поддержкой большинства населения. В 1907 г. Новая Зеландия добилась статуса доминиона. К этому времени население страны достигло 1 млн человек.

Накануне Первой мировой войны в Новой Зеландии наблюдался подъем рабочего движения. В 1904—1906 гг. либерально-лейбористская коалиция раскололась, лейбористы стали действовать самостоятельно. В 1910 г. оформилась *Лейбористская партия*. В 1909 г. возникла *Федерация труда*, объединившая несколько наиболее активных профсоюзов (в истории страны она известна как «красная федерация»). Ее устав признавал классовую борьбу и «неизбежность перехода от капитализма к социализму». Федерация сыграла важную роль в организации забастовочного движения в предвоенные годы. В 1913 г. всю страну всколыхнула мощная забастовка докеров, к ним присоединились шахтеры, моряки и железнодорожники. Правительство прибегло к чрезвычайным мерам. Из богатых фермеров и их сыновей были созданы вооруженные отряды «специальных констеблей». На улицах крупнейшего города страны Окленда происходили стычки забастовщиков с полицией и «специальными констеблями». Забастовка была подавлена силой. Газеты страны писали тогда, что у Новой Зеландии «нет иммунитета против революции».

Новая Зеландия (как Канада и Австралия) вступила в Первую мировую войну вслед за метрополией. В августе 1914 г. новозеландские войска, не встретив сопротивления, оккупировали германскую колонию Самоа (часть архипелага Самоа). В октябре 1914 г. первые новозеландские части в составе Австрало-новозеландского корпуса отплыли в Египет. Новозеландские войска приняли участие в боях на полуострове Галлиполи, во Франции, Бельгии, Палестине. Маленькая (по числу на-

селения) Новая Зеландия направила за океан 117 тыс. солдат и офицеров (более 10% населения страны).

Южно-Африканский Союз. В войнах против коса (1877—1879), зулусов (1879) и басуто (1880—1881) Англией, опиравшейся на Капскую колонию, были захвачены последние «свободные» территории в Южной Африке. В них быстро росло английское население. Открытие там в 1887 г. алмазных россыпей активизировало английскую иммиграцию. 1872 г. Капской колонии было предоставлено внутреннее самоуправление.

В 70—80-е годы в Южной Африке были разведаны богатейшие месторождения алмазов и золота. Сюда устремился широкий поток капиталов. Быстрыми темпами развивалась горнодобывающая промышленность. Все эти процессы получили название «второго открытия» Южной Африки. Резко возросла заинтересованность Англии в установлении своего контроля над этим регионом.

Все это обострило противоречия между Англией и английскими поселенцами, с одной стороны, и бурскими республиками — с другой, что привело к *англо-бурской войне* 1899—1902 гг. (см. гл. 12). Война закончилась установлением господства Англии над всей южной частью Африки. Две бурские республики стали английскими колониями. Но, нуждаясь в поддержке буров, чтобы удержать в повиновении миллионы африканцев, английские колонизаторы пошли на компромисс с побежденными. Фактический диктатор Южной Африки после войны и один из виднейших английских колониальных деятелей А. Милнер в «прощальной» речи, произнесенной в Йоганнесбурге в 1905 г. перед своим возвращением в Англию, призвал к сплочению всех представителей белой расы, живущих в Британской империи, чтобы сохранить гегемонию над «черными и цветными».

Стимулом к сближению буров и английских колониальных властей и поселенцев послужили первые выступления африканского и индийского населения (с 60-х годов XIX в. для работы на сахарных плантациях вербовались тысячи индийцев, большинство которых после окончания срока контракта оставались в Южной Африке). В 1906 г. вспыхнуло восстание зулусов. Оно было жестоко подавлено. Возникали первые массовые организации африканцев — «туземные конгрессы». В 1912 г. на основе этих конгрессов была создана единая по-

литическая организация — *Африканский национальный конгресс*.

Усиливалась борьба индийцев за свои политические права, в которой руководящую роль играл молодой *Махатма Ганди*. Он жил в Южной Африке в 1893—1914 гг. и в 1894 г. создал первую влиятельную индийскую политическую организацию — *Индийский конгресс Наталья*.

Непосредственным результатом упомянутого выше компромисса явилось образование в 1910 г. нового доминиона в составе британской империи — *Южно-Африканского Союза*, в который вошли английские колонии Капская и Наталь и территории бывших бурских республик Трансвааль и Оранжевой. Господствующее положение в политической и экономической жизни нового доминиона занимала тесно связанная с метрополией верхушка английского населения. Показательно в то же время, что первым премьер-министром доминиона стал бывший главнокомандующий бурскими войсками в Англо-бурской войне генерал *Луис Бота*, а его «правой рукой» в правительстве — бурский генерал Ян Смэтс, также участвовавший в этой войне.

Добившись статуса доминиона, правящие круги Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южно-Африканского Союза в течение длительного времени не претендовали на независимость и проведение самостоятельной внешней политики. Они фактически передоверили метрополии обеспечение своих интересов на международной арене. Премьер-министр Великобритании Асквит в 1911 г. заявил, что его правительство несет единоличную ответственность за внешнюю политику Британской империи (т. е. и за политику доминионов). Правительство метрополии сохраняло за собой также ответственность за оборону империи в целом, доминионы отвечали за «региональную оборону».

Сохранению тесных связей между доминионами и метрополией способствовала высокая степень их экономической зависимости от Англии. Кроме того, развивавшийся и усиливавшийся капитал доминионов получал большие выгоды от прямого и косвенного участия в эксплуатации колониальных стран империи. Это был важный фактор, привязывавший доминионы к метрополии.

Южно-Африканский Союз значительно отличался от остальных доминионов. Накануне Первой мировой войны все еще сохранялись серьезные противоречия среди белого мень-

шинства населения. У части буров существовали сильные антибританские настроения. Они наглядно проявились в момент вступления Южно-Африканского Союза в войну на стороне Англии. В конце 1914 г. несколько бурских генералов подняли восстание, выступая за создание независимой бурской республики. Восстание было быстро подавлено (это было последнее вооруженное выступление буров против английского господства).

Войска Южно-Африканского Союза принимали участие в военных действиях против Германии в Африке. В 1915 г. ими была оккупирована германская Юго-Западная Африка (после войны Южно-Африканский Союз получил мандат Лиги Наций на эту территорию). Война ускорила экономическое развитие доминиона.

В рассматриваемый период население колоний в основном сопротивлялось или с трудом приспособлялось к новой для него цивилизации, которую несли с собой колонизаторы. А народы доминионов уже активно участвовали в ее развитии.

ГЛАВА 29 Обновление представлений о материи и развитии, освоение новых видов энергии и машин

Роль науки в развитии общества. Рассматриваемый период в развитии науки характеризовался переходом от классических механистических представлений о предмете науки к их плюрализму, от жесткого детерминизма к вероятностным и системно-структурным методам, от беспредельного оптимизма относительно возможностей науки в организации земной жизни к более сдержанным ее оценкам.

Наука стала по-настоящему «производительной силой общества», ведущей его к процветанию и одновременно ставящей его на грань выживания. Эту ситуацию к концу XX в. осмыслили и теоретики, и общественное мнение, но осмыслили именно как катастрофическую, не видя столь же глобальных способов ее преодоления. А в конце XIX в. оптимизма было еще достаточно. Началась эпоха научно-фантастических романов, в которых будущая судьба людей связывалась с достижениями науки, в том числе с существованием будущих «обществ социальной справедливости». Появились новые идеи (особенно в России) об использовании науки в решении глобальных проблем человечества. Так, Н. Ф. Федоров (1828—1903) мечтал употребить науку на воскрешение мертвых, а К. Э. Циолковский (1857—1935) в 1896 г. начал проектирование космических аппаратов для выхода человека за пределы Земли и даже Солнечной системы с целью всеобщего благополучия и морального совершенства человечества.

Но все же гуманистический идеал эпохи Возрождения (человек — хозяин своей судьбы), укрепленный впоследствии как успехами науки, так и стараниями мыслителей эпохи Просвещения, стал тускнеть в сознании людей, ибо они начали осоз-

жс

навать, что в пределах этого идеала могут иметь место как либеральные и демократические ожидания, так и авторитарные устремления новых претендентов на роль спасителей человечества.

В физико-математических науках начались революционные преобразования. Наряду со становлением термодинамики, статистической физики, классической электродинамики, созданием периодической системы элементов Д. Менделеева и распространением идей Ч. Дарвина появились принципиально новые подходы, которые оказали существенное влияние сначала на интеллектуальный климат современной цивилизации. Принципы, заложенные в основу концепции относительности А. Эйнштейна, до сих пор вызывают ожесточенную полемику среди естествоиспытателей, философов, даже идеологов, далеких от науки. А принцип дополнительности Н. Бора, подходы к которому стали формироваться до Первой мировой войны в ходе создания квантовой механики, оказался более продуктивным в понимании не только физических явлений, но и всего объема культуры, чем классические метафизика и диалектика.

Науки о живой природе развивались под влиянием идей Ч. Дарвина и Г. Менделя, который открыл путь естествознанию к одной из сокровенных тайн природы — наследственности, а также заложил возможность количественного анализа процессов, изучаемых биологией, в которой постепенно накапливались силы для ее бурного подъема. Складывалась база для генетического понимания природы человека.

Становясь самостоятельными, серьезную экспериментально-математическую базу приобретали социология, психология, которая исследовала как психофизиологические процессы, так и подсознательную, бессознательную мотивацию человеческих поступков. Эти исследования способствовали сближению физико-математических, естественно-исторических и общественных наук как по методам исследований, так и по взаимодействию их друг с другом, взаимопроникновению. С другой стороны, каждая ранее сложившаяся наука выделяла как бы побочные сферы исследования, связанные одной теоретической базой. Физика превращалась в физические науки, химия — в химические науки и т. д. Возникли термодинамика, электродинамика, звездная астрономия, химическая кинетика (наука о скоростях химических реакций), геотектоника (наука о движении в земной коре), микробиология,

эволюционная биология, химическая физика, геофизика, астрофизика, биохимия и т. д. Интегрирующую роль играли новые научные открытия: эволюционная теория, генетика, открытие радиоактивности и т. д. Развивались технические науки, особенно с использованием теорий теплоты, электричества. Происходил естественный процесс интеграции и дифференциации науки. В науке совершались два важных параллельных процесса: ее теоретическая составляющая формировалась как преодоление механицизма, становление новых научных картин мира (своего рода научный плюрализм) на основе прежде всего достижений в математике и физике; и одновременно качественно менялась ее практическая ориентация, материальное производство становилось технологическим применением науки. Эти процессы стали основным содержанием научного прогресса уже в XX в.

Науки о человеке более уверенно вырабатывали целостный комплексный подход к своему предмету, а также приобретали респектабельность, освобождаясь от многих суеверий (и обретая, стимулируя новые). **История** приобрела себе мощного союзника в лице археологии, которая, в свою очередь, в союзе с интенсивно развивающимся научным религиоведением, став одной из популярнейших наук конца XIX в., существенно изменила представления человека о своем прошлом. Интенсивно развивалась **социология**. Ее идеи, как и данные статистики, стали неременным условием экономических исследований. Активизировалась **политология**, возросло количество теоретических исследований, посвященных правоведению в изменяющейся социальной действительности.

Впрочем, интенсивно развивающиеся научные исследования не смогли остановить порожденного И. Кантом и А. Шопенгауэром скепсиса относительно самой возможности рационального постижения сущности земного бытия человека. Появились труды Ф. Ницше, книга О. Шпенглера «Закат Европы». Приобрели всемирную известность и популярность сочинения российских писателей и христианских философов, посвященные Богочеловечеству, сути христианства, месту человека на Земле, его нравственным поискам. В качестве альтернативы декартовскому «Мыслью — значит существую!» предлагалось: «Стыжусь — значит существую!» (В. Соловьев).

Принципиально иной становилась структура научных учреждений и их роль в обществе. Стремясь использовать достижения науки в своих целях, правительства и корпорации вы-

деляют на ее развитие значительные средства, определяя тем самым направление такого развития. В начале XX в. действуют научные школы, имеющие мировое значение: Кембриджская школа атомной физики, Геттингенская школа математиков, позже — Копенгагенская школа теоретической физики и др. В науке и в обществе возросла роль научных лидеров. Большое значение приобрели научные журналы. Семинары, симпозиумы, научная переписка стали играть существенную роль в формировании новых научных идей. Возникли крупные международные постоянно действующие научные центры: Бюро мер и весов (1875), Геодезическая ассоциация (1896), Ассоциация академий (1900), Бюро времени (1912). Научное сообщество в интересах своего существования и успешного функционирования вступало в конфронтацию с интересами отдельных монополий, государств, идеологий. О возрастании роли науки в обществе свидетельствует и ежегодное, начиная с 1901 г., присуждение *Нобелевских премий* за работы по физике, химии, биологии, позже экономике.

Рост объема научных знаний и более широкие, чем раньше, возможности их использования в хозяйстве поставили перед обществом задачу принципиально иной организации промышленности и реорганизации всей системы научной деятельности. Наряду с выделением технических наук в самом естествознании встала проблема соотношения фундаментальных и прикладных знаний. Увеличилось количество ученых, занятых непосредственно на производстве. Внедрение достижений науки в хозяйство потребовало дифференциации исследований, разработки в науке не только самой идеи, но и технологии ее внедрения, а также объединения усилий ученых и производственников, а затем и социологов, психологов, дизайнеров по многим направлениям исследований. Наряду с этим научные исследования стали развиваться на индустриальной основе, начали создаваться экспериментальные установки и научное оборудование непосредственно в промышленности.

Потребности хозяйства, интенсивный рост научных исследований, глобальные научные открытия этого периода усилили роль ученых в обществе, привлекли внимание к ним общественного мнения. Ответственнее стала и роль общественных наук в осмыслении научного прогресса.

Естествознание и технические науки.

Развитие, само существование этих наук невозможно без со-

вершенствования *математики*. Количество ученых, ею занимавшихся, в этот период резко возрастало. По данным ежегодника «Книга успехов математики за год» (Берлин), в 1868 г. учтено 900 работ 650 авторов, через 30 лет число авторов возросло до 1500, а еще через 13 лет ежегодник называет работы 2400 математиков мира. Каждая четвертая статья была посвящена прикладным проблемам математики, но наиболее интересными были сугубо теоретические исследования. Этот период характеризовался стремлением ученых к строгости, точности математических доказательств, цельности математики. На этом направлении сформулирован ряд интересных исследовательских программ.

Новые горизонты открылись перед традиционными алгеброй и геометрией. В лекции, прочитанной в 1872 г. Ф. Клейном (1849—1925) при вступлении его в должность профессора, была показана важность сформулированного ранее Э. Галуа понятия групп для осмысления новых идей в математике. Постепенно была создана одна из самых могучих теорий современности, необходимая как для математики, так и для естествознания.

Еще большей неожиданностью для традиционной математики было появление в 80-е годы теории множеств Г. Кантора (1845—1918) — крупнейшего математика Германии. Аппарат теории множеств в дальнейшем оказался мощным и весьма универсальным средством построения и обоснования целого ряда математических теорий (функционального анализа, теории функций, теории вероятностей и др.). Важным результатом применения теории множеств было обоснование математического анализа, проблема строгости которого стала актуальной задачей для математики XX в. Ранее колоссальную работу в этой области проделал французский математик О. Коши (1789—1857). Для решения многих трудностей анализа необходимо было более четко сформулировать теорию действительного числа, понятий непрерывности и бесконечности, что и было сделано в рамках теории множеств.

Результатом развития математики XIX в. явилось создание тензорного исчисления (исчисление Риччи), сложного способа описания физических и геометрических фактов в связи с определенной системой координат. Внимание к тензорам возросло после появления в 1916 г. общей теории относительности, математическая часть которой полностью основана на тензорном исчислении.

Обращение математиков к структуре построения своих концепций оказалось плодотворным и для анализа логики мышления вообще. В начале XX в. интенсивно развивается математическая логика, была предложена универсальная модель математических конструкций: система определенных понятий, аксиом, исходя из которых по правилам вывода принятой логики строится сама конструкция. Тем самым определяется отношение математики к миру естественно-научной мысли. Конструкция может быть использована и как язык для описания любого предмета исследования в естествознании, и как модель предмета, еще подлежащего изучению. Сугубо теоретические математические исследования привели к созданию мощного метода науки: метода математического поиска — соотношения уже заданной математической конструкции с эмпирическим естественно-научным материалом. В современном научном мире существует даже некоторая убежденность в том, что для любого однозначно сформулированного математического формализма может быть найдена предметная область его применения.

Итогом развития всякой науки становятся не только полученные ею результаты, но и вновь вставшие перед нею проблемы. Такой проблемой начала XX в. явилось обоснование полноты и непротиворечивости применяемых в различных областях математики аксиом. В 1900 г. на Международном конгрессе математиков в Париже немецкий профессор *Д. Гильберт* (1862—1943) сформулировал 23 проблемы для будущих исследований. Центральным моментом *Д. Гильберт* считал проблему полноты и непротиворечивости аксиом. Выяснилось, что величайшее открытие конца XIX в. — теория множеств — полна противоречий. Сложившуюся ситуацию в шуточной форме сформулировал английский математик, философ, общественный деятель *Б. Рассел* (1872—1970): где бреется единственный на селе цирюльник, осуществляющий свою деятельность у себя дома и повесивший объявление: «Брею всех, кто не бреется дома!»? Занявшись поиском ответа на свой же вопрос, *Рассел* сформулировал ситуацию так: «Чистая математика — это такой предмет, где мы не знаем, о чем говорим, и не знаем, истинно ли то, что мы говорим». Начался «кризис оснований», существенной для математики стала борьба формалистов и интуитивистов. Первые стремились найти аксиоматическую основу теории множеств, не ставя вопрос о том, что это такое. А вторые были интуитивно уверены в существовании

математических объектов, которыми они занимаются, и тем самым к их возможно точному определению. Теоретическая полемика существенно повлияла как на развитие математики первой половины XX в., так и на прояснение вопроса о возможности вообще «поиска истины» в науке.

Самые драматические события в научном мире связаны с физикой. Идеи появлялись как из рога изобилия, при этом такие, которые волновали не только физиков, но и общественное мнение, вызывая у него желание вмешаться, помочь, поправить, уберечь физиков от идеализма или от пессимизма. Из всех наук прежде всего физика показала относительность устоявшихся понятий классической науки, некорректность рассуждений в науке об истинности ее информации.

До середины XIX в. господствующим в физико-математических науках было механистическое мировоззрение, в соответствии с которым весь материальный мир можно описать как взаимодействие и движение тел с некоторыми устойчивыми, определенными характеристиками, в частности неизменной массой. Успехи в изучении энергетических процессов вызвали к жизни стремление свести все физические процессы к энергетическим (энергетизм). Работы австрийского физика *Л. Больцмана* (1844—1906) в области атомистики и его оживленная дискуссия с теоретиком энергетизма *В. Оствальдом* (1853—1932) показали возможность установления связи между энергетическими и механическими представлениями. Развитие знания об электричестве привело к созданию в 1873 г. *Дж. К. Максвеллом* (1831—1879) электромагнитной теории, в которой объединены разрозненные ранее сведения о свете, электричестве, магнитных явлениях. Появилась возможность конструирования электромагнитной «картины мира», вне которой оставалось лишь понимание тяготения, которое описывалось известным законом Ньютона (хотя во второй половине XIX в. возникли некоторые экспериментальные и теоретические трудности такового). Такие «картины мира» появлялись, хотя сам *Дж. Максвелл* первоначально написал уравнения своей теории с помощью механических представлений, т. е. как бы связал две картины мира. Позже выяснилась невозможность сведения электромагнетизма к классической механике, а пока спокойствие, казалось, было восстановлено. Физика выглядела завершенной системой знаний.

Молодой физик *М. Планк* (1858—1947) в ответ на высказанное им желание заняться теорией услышал от своего учителя

ля *Ф. фон Жюлли*: «Молодой человек, зачем вы хотите испортить себе жизнь? Ведь теоретическая физика в основном закончена, остается рассмотреть частные случаи с измененными граничными и начальными условиями. Стоит ли браться за такое бесперспективное дело?» Но дальнейшее развитие науки развеяло эту успокоенность. Две «частности» физики — количественное описание излучения «абсолютно черного тела» и неопределенность механических свойств эфира, носителя электромагнитных волн, — породили новую физику.

В 1900 г. *М. Планк* показал, что излучение черного тела можно понять, если представить, что оно осуществляется прерывно, порциями (квантами), что противоречило утвердившимся тогда классическим представлениям о непрерывном характере излучения. Затем квантовые представления стали необходимыми для атомистики, в которой вера в неделимость атома не устояла под напором экспериментального материала. Потребовались идеи о структуре «неделимого атома». В 1891 г. *Дж. Стоней* для обозначения «атома электричества» ввел понятие электрона. В 1895 г. *В. К. Рентген* открыл X-лучи (рентгеновские лучи). В том же году *Г. А. Лоренц* завершил работу над электронной теорией (картиной) вещества. В 1897—1898 гг. *Дж. Дж. Томсон* обнаружил поток заряженных частиц (электронов) в электрическом разряде в газах. А до этого *А. Беккерель* установил таинственное действие солей урана на фотопластинку. Занимаясь этим явлением, супруги *Кюри* в 1898 г. обнаружили химические элементы, названные ими полонием и радием, с резким эффектом радиоактивности — распадом с излучением частиц определенной энергии и заряда (это-то излучение и действовало в опытах Беккереля). В 1898—1900 гг. *Э. Резерфорд* обнаружил три вида радиоактивных лучей: потоки ядер гелия, электронов и электромагнитных волн. Все это подготовило идею о сложности строения атома. Появились первые модели атомов (1903—1912). Модель *Э. Резерфорда*, созданная в 1911 г. на основании классических представлений о строении вещества, наглядно показала недостаточность таковых для описания структуры атома. Противоречивость дискретных и непрерывных представлений о строении вещества и характере его излучения побудила молодого датского физика, будущего лауреата Нобелевской премии *Н. Бора* (1885—1962), предложить в 1913 г. соединить эти представления в единую модель с помощью некоторых квантовых постулатов — пределов применимости прежних представ-

лений: атом имеет устойчивую структуру и не излучает энергию вовне, пока электроны вращаются по определенным орбитам вокруг его ядра. Получение ими некоторой избыточной энергии побуждает их переходить на другую орбиту с выделением кванта (порции) энергии вовне, что ведет к изменению структуры атома. Иными словами — непрерывное поглощение энергии атомом и квантованное ее выделение, непрерывное существование и дискретное изменение структуры атома. *Н. Бор* сформулировал принцип соответствия относительно границ применимости классических понятий для описания квантовых явлений (других понятий не было). Идеи Бора послужили в дальнейшем базой для одной из важнейших современных физических теорий — квантовой механики (1925—1927). Глубина, парадоксальность мышления Бора, умение сочетать естественно-научный и философский подход к физическим явлениям, его высокая культура, эрудиция, личное обаяние, нравственная позиция притягивали к нему виднейших физиков мира. Вокруг *Н. Бора* создавался «мозговой центр» новой физики, да и вообще научной мысли XX в. Афоризмы *Н. Бора*: «Ваша идея недостаточно безумна, чтобы быть истинной!» и «Глубина всякой научной истины определяется тем, насколько глубока противоположная ей истина» — могли служить критериями оценки новых идей в физике.

Возможности классической физики для описания явлений в макромире, в частности проблемы эфира, интересовали многих ученых. Особенно выделяются в этом плане исследования *А. Пуанкаре* и *Д. Гильберта*, которых, вероятно, можно считать соавторами-предшественниками *А. Эйнштейна* по созданию теории относительности. Последний показал, что принципы механики Ньютона — наличие абсолютного пространства и времени, относительно которых можно рассматривать все механические события, и мгновенное распространение сигналов об этих событиях на расстояние — применимы лишь для описания медленных (по сравнению со скоростью света) событий. Как и *Н. Бор*, *А. Эйнштейн* принципиально по-иному, нежели в классической физике, определил характер эксперимента. Если прежде экспериментатор выступал как мыслящий и наблюдающий разум, физическое существование которого никак не отражалось на структуре теоретического знания, то теперь экспериментатор вводился как некое физическое тело, имеющее определенное место в пространстве и времени (*А. Эйнштейн*) и даже влияющее на характер эксперимента, как носи-

тель энергии (Н. Бор). В соответствии с этим меняется характер теоретических представлений о результатах эксперимента. В частности, для этого не требуется гипотеза о существовании эфира. В 1915—1916 гг. А. Эйнштейн сформулировал общую теорию относительности, обобщив ранее введенные им идеи на случай любого движения. Было объяснено тяготение. Пространство в этой теории приобрело неевклидовы характеристики. Но, увы, целостность новой механики вступила в противоречие с квантово-механическими представлениями. Это противоречие — источник многих интересных физических идей — не устранено до настоящего времени.

Суть новых идей в физике можно свести к следующим основным положениям: а) неисчерпаемость структурного строения предмета физики; б) дополнительность, взаимонедостаточность противопоставляемых классической физикой вещественной и энергетической «картин мира»; в) активная роль познающего субъекта в его физическом взаимодействии с предметом экспериментирования. Развитие физико-математических наук в конце XIX — начале XX в. способствовало созданию в дальнейшем теории информации и, соответственно, «информационной картины мира».

Успехи физических наук в конце XIX в., появление новых приборов и методов исследования (прежде всего спектрометрии) способствовали дальнейшему развитию *астрономии*. Оптическая промышленность освоила производство крупных астрономических приборов и аппаратуры. Широко развернулось исследование состава звезд по их спектральному излучению. В 1895 г. У. Хиггинс обнаружил в спектрах звезд линии, соответствующие земным элементам, что положило начало изучению туманностей за пределами Галактики. Эти исследования создали возможность познать природу космических тел, положили начало астрофизике. Работы велись при достаточно хороших налаженных контактах ученых разных стран.

Развитие *химии* также проходило под влиянием успехов физических наук. Периодичность в системе Менделеева сначала казалась необъяснимой, хотя и хорошо предсказывающей существование еще неизвестных элементов. Так были открыты галлий, скандий, германий, гелий, другие элементы. С установлением факта сложной структуры атома мистическая периодичность получила рациональное объяснение.

Физико-химические исследования позволили сделать количественные описания химических процессов, что в значи-

тельной мере приблизило химию к точности, математизировало ее. Создавались новые химические науки. В 1874 г. голландец Я. Г. Вант-Гофф (1852—1911) и француз А. Ж. Ле-Белль (1847—1930) выдвинули идею о различном пространственном расположении одинакового числа атомов в молекуле и соответственно различных свойствах вещества, состоящего из этих молекул. Так начала развиваться стереохимия, появились формулы, описывающие структуры молекул в пространстве. Развилась электрохимия, которая приобрела большое значение не только в научных исследованиях, но и в промышленности.

Важным итогом развития химии этого периода были новые химические науки, тесно связанные с промышленностью, переход к биохимическим исследованиям. Успехи химии, практическая применимость ее результатов привели к тому, что число химиков к концу XIX в. составило чуть ли не половину всех научных работников.

Открытия естествоиспытателей, особенно физиков, подготавливали будущую научно-техническую революцию XX в. Но уже в рассматриваемый нами период союз естествознания, технических наук, производственной техники и технологии стал постоянным и существенно необходимым. Можно выделить несколько групп научных идей, вокруг которых концентрировались усилия ученых, техников, технологов, организаторов производства конца XIX в. К уже ставшему классическим использованию теоретической механики в производстве и совершенствованию с помощью термодинамики паровых машин прибавилось применение электричества в хозяйстве и особенно — интенсивное использование химических знаний. Все это дало возможность отдельным историкам науки называть технические науки прикладным естествознанием. Появляется *техника*, улучшающая производство, создаются новые отрасли, а также типы технических устройств, возникают элементы техники будущего.

Важнейшее значение имело изобретение паровых турбин англичанином Ч. Парсонсом в 1884—1885 гг. и шведским инженером К. Г. Лавалем в 1889 г. В начале 1900-х годов российским инженером П. Д. Кузьминским и немцем Гольвартом были созданы газовые турбины.

Благодаря научной мысли конца века появились двигатели внутреннего сгорания с предварительным сжатием смеси топлива и воздуха. Малые габариты и вес позволили использовать

их в появляющихся автомобилях и самолетах. Создатели двигателей — немецкие инженеры **Н.Отто** (1876), **Р. Дизель** (1897). В 1886 г. немецкие изобретатели **Г. Даймлер** и **К. Бенц** собрали первые автомобили, а в 1903 г. братья У. и О. **Райт** (США) совершили первый полет на сконструированном ими самолете.

Естественно, что изобретение новых технических устройств потребовало развития прикладной механики, разработки целой серии механизмов и устройств. Появились первые карбюраторы, магнето, стартеры, дифференциалы, гусеницы, пневматические шины и другие предметы, знакомые ныне каждому автолюбителю.

На стыке механики, теплофизики и химии появились новые машины и механизмы в горном деле и металлургии. В 70-е годы XIX в. было сконструировано углеподбойное кайло — одна из первых врубовых машин. А к началу XX в. была создана современная дисковая врубовая машина с электроприводом. В 1879 г. была предложена первая бурильная машина в США. После интенсивной работы по ее совершенствованию и созданию новых установок этого класса, в основном в США, в 1901 г. в нефтяной промышленности было впервые применено глубокое и сверхглубокое бурение.

Новые технологические процессы были разработаны в металлургии и металлообработке. В 1878 г. **С. Томас** (Англия) предложил конвертерный способ выплавки стали из чугуна с содержанием фосфора путем продувки ее окислительным газом. Была разработана электроплавка стали (1898—1899) **П. Эру** из Франции и **Э. Страссано** (Италия). В 1896 г. **П. Эру** и **Ч. М. Холлу** был выдан патент на электролитический способ получения алюминия, а в 1907 г. был произведен дюралюминий — металл для будущей авиации. В 1897 г. в Германии впервые прокатный стан стал приводиться в движение электродвигателем. В конце XIX в. россиянами **Н. Н. Бернадосом** и **Н. Г. Славяновым** была осуществлена электросварка и автогенная (газовая) сварка и резка металлов.

Стремительно набирала темпы химическая технология. В 1856 г. английский химик-органик **У. Г. Перкин** (1838—1907) синтезировал анилиновый краситель. Затем была развернута целая индустрия по производству красителей, особенно в Германии, которая в период Первой мировой войны была главным производителем взрывчатых и отравляющих веществ. Развитие синтетической химии способствовало изучению структуры

органических веществ естественного происхождения и использованию их на практике. Был получен ряд искусственных материалов, например шелк из вискозы, синтезирован этилен из окиси углерода и др. В начале XX в. благодаря трудам **Л. Баке-ланда** (Бельгия) приступили к промышленному производству пластмасс. В 1913 г. немецкий инженер **Ф. Бергиус** взял патент на получение жидкого горючего из угля. В 1900 г. русский химик **И. Л. Кондаков** обнаружил возможность производства искусственного каучука. В 1914—1917 гг. в Германии уже в полупромышленном масштабе получили «метилкаучук». Однако он был дорог и не обладал хорошими качествами. Проблема была решена только в 20—30-е годы XX в.

Большое значение в технологии производства новых материалов с заранее заданными свойствами имеют сверхчистые металлы. В 1890 г. впервые чистый никель из окиси углерода с металлом получил **Л. Монд** (Англия). В 1910 г. химик **Хантер** (США) получил чистый титан. Затем были разработаны способы получения других металлов в химически чистом состоянии. Все они стали интенсивно применяться в промышленности в середине XX в.

Науки об электричестве и магнетизме, сформировавшиеся в XIX в., стали основой новых типов производства, направлений технических наук и технологий, предметов быта человека. Причем использование электричества ознаменовало собой возникновение нового соотношения между естествознанием и техническими науками, наукой и производством. Если в случае с теплофизикой новые научные идеи возникали как собственно в науке, так и на практике, то в электротехнике наука была основным генератором новых идей и соответственно стимулятором новых видов производства. Возможности создающейся электротехники высоко оценивали промышленники, политики, писатели-фантасты, читающая публика. С новой техникой связывалось и построение общества социальной справедливости и всеобщего благоденствия. К. Маркс даже предсказывал неминуемую гибель буржуазного способа производства, основанного на производительных силах с применением паровых двигателей, при появлении электрических машин.

Достижения электроэнергетики и электротехники действительно впечатляли. Прежде всего это новые, мощные источники энергии. Усилиями ряда ученых Франции, Германии, Сербии в конце века были созданы типы генераторов электри-

чества, эксплуатирующихся в производстве до настоящего времени. Электричество позволило успешно решить проблемы транспортировки энергии без существенных потерь на большие расстояния, что было продемонстрировано на расстояние 1 км на международной выставке в Вене в 1873 г. французским электротехником **И. Фонтеном**. А через год передачу энергии для освещения улиц осуществил **П. Н. Яблочков**. С этого момента началось бытовое использование электроэнергии: сначала — для освещения улиц и домов, затем — для других нужд. В 1876 г. П. Н. Яблочков получил патент на «электрическую свечу» — дуговой источник света без регулятора яркости. В 1879 г. **Т. А. Эдисон** создал конструкцию лампы накаливания вакуумного типа с угольной нитью, которая в дальнейшем неоднократно совершенствовалась им же самим и другими техниками.

Возможности широкого использования электроэнергии потребовали строительства электростанций, наиболее активно развернувшегося в США. В 1896 г. здесь была возведена самая мощная в мире Ниагарская гидроэлектростанция.

Теория электромагнетизма, развитая Дж. Максвеллом и **Г. Герцем** (1854—1894), послужила основой радиотехники и электроники. Все началось с демонстрации **А. С. Попова** (1859—1905) первого сконструированного им радиоприемника на заседании русского физико-математического общества в Петербурге и патентования в 1897 г. **Г. Маркони** (1874—1937) изобретенного им радиоприемника. В том же году А. С. Попов продемонстрировал радиосвязь между двумя кораблями в Балтийском море на расстоянии 5 км, а Г. Маркони организовал первое акционерное общество, способствующее развитию радио как средства связи. Осенью 1899 г. при спасении наскочившего на камни броненосца «Генерал-адмирал Апраксин» с помощью приборов А. С. Попова связь была осуществлена на расстоянии 46 км. А в 1901 г. европейские радиостанции установили сообщение через Атлантический океан. В 1909 г. Г. Маркони (совместно с **К. Ф. Брауном**) получил Нобелевскую премию.

Развитию электроники способствовало открытие американским физиком **У. Смитом** в 1873 г. внутреннего фотоэлектрического эффекта — изменения электропроводимости вещества в зависимости от его освещения. В 1887 г. Г. Герц обнаружил внешний фотоэффект — возникновение положительных зарядов на поверхности облучаемых металлов, а через год

А. Г. Столетов осуществил конструкцию (пробораз фотоэлементов) прибора, в котором возникает электродвижущая сила под воздействием падающего света. Применяемые в технике фотоэлементы были созданы в 1910—1912 гг. немецкими учеными **Ю. Ольстером** и **Г. Гейтелем**.

В начале XX в. появились электронные радиолампы, сразу сделавшие радиосвязь мобильной и компактной. В 1892 г. была сконструирована газоразрядная трубка — стеклянный баллон с откаченным из него воздухом и впаянными электродами, с помощью которых можно управлять электрическим разрядом в оставшихся в трубке газах. В 1903 г. **Ф. Вайнтрауб** изучал в такой трубке разряд в парах ртути, изменяя потенциал на электродах. На основе его опытов в 1904 г. в Англии **Дж. Флеминг** создал первую радиолампу с двумя электродами (диод). В 1907 г. американский инженер **Ли де Форест** сконструировал лампу с тремя электродами (триод) — основной прибор для усиления радиосигналов. В 1897 г. немецким физиком **К. Ф. Брауном** была изобретена электронно-лучевая трубка. Без нее теперь невозможны ни эксперименты в микромире, ни исследования процессов внутри живого и неживого вещества, ни радиолокация, ни телевидение, ни компьютеры.

Идея телевидения возникла еще в середине XIX в. после изобретения электромагнитного телеграфа. В 1875 г. в США была предложена система передачи изображения по отдельным точкам электрическими сигналами по проводам. Однако из-за громоздкости конструкции и плохого качества изображения эта система не получила практического применения. В 1884 г. в Германии **П. И. Нипков** изобрел «электрический телескоп», в котором впервые был осуществлен принцип развертки изображения. В 1907 г. русский ученый **Б. Л. Розинг** предложил использовать для воспроизведения телевизионных изображений трубку Брауна. В 1911 г. он получил первое изображение на сконструированном им приемном устройстве.

Электронные лампы и фотоэлементы позволили в последующем создать электронную вычислительную технику, предпосылки для которой к этому времени уже были: существовали механические вычислительные машины, были разработаны принципы записи на пленку звуковых и других колебаний. К элементам будущей техники относились и возникающие в тот период отдельные технические средства для автоматизации трудовых процессов. В середине 80-х годов XIX в. **Ж. М. Жаккар** (Франция) установил на ткацкой машине про-

граммирующее устройство. В США в 1914 г. был осуществлен полет самолета с автоматическим устройством, созданным **Э. и Л. Сперри**. Большую роль в автоматизации металлургических процессов сыграл спектральный анализ, предложенный **Г. Р. Кирхгофом** в Германии в 1869 г.

Успешному союзу естествознания и техники способствовали не только характер науки и развитие техники, но и социальный заказ общества. Это развитие хозяйства, конкуренция производственных фирм на мировом рынке (как и конкуренция государств), интенсивно ведущаяся подготовка к войне. В свою очередь, техническое оснащение производства потребовало новой научной организации труда. На практике это было успешно осуществлено **Г. Фордом** (1863—1947), пустившим первый сборочный конвейер на автозаводе в 1913 г. А теория такой организации труда была заложена американским инженером **Ф. У. Тейлором** (1856—1915).

Русско-японская война 1905 г. и особенно Первая мировая война 1914—1918 гг. выявили не только стратегическое мастерство (или бездарность) военачальников, готовность армий к войне и социальную подготовленность к ней государств и народов, но и возможности военной техники. Военные самолеты, танки, автоматическое стрелковое оружие, отравляющие вещества, а значит, и идеи, лежащие в их основе, как и технология их производства, опробовались на фронтах Первой мировой. При этом резко возрос интерес общества к возможностям науки и техники. Человечество как бы готовило себя к предстоящей в середине XX в. научно-технической революции.

Если физико-математические и химические науки уже нашли себе место в мировом общественном хозяйстве этого периода, то **биологические** и **геологические** знания пока находились в стадии развития: теоретическая база в них только формировалась, применение экспериментов продолжало оставаться достаточно проблематичным. Возможности техники для использования этих знаний были недостаточны. На структуру этих наук продолжали сильно влиять натурфилософские и религиозные идеи. На основе эволюционных идей **Э. Геккель** сформулировал биогенетический закон: онтогенез (развитие зародыша живого организма) есть сокращенное повторение эволюционных изменений этого вида (филогенеза). Потом выяснилось, что эта связь гораздо сложнее, но закон Геккеля способствовал пониманию характера изменений в живой природе. Интенсивно стали развиваться палеонтология, сравнительная

анатомия, эмбриология. Научное внимание привлекла эволюция человека. В 1891—1894 гг. голландец **Э. Дюбуа** обнаружил на о. Ява части скелета питекантропа, а в 1907 г. была найдена челюсть гейдельбергского человека. В 1869 г. **Э. Геккелем** был предложен термин «экология» для обозначения науки об отношениях растительных и животных организмов между собой и со средой обитания. Немецкий ученый **Г. Йеггер** описал в 1874 г. животный мир с экологических позиций. Затем экология стала интенсивно развиваться в трудах немецких, американских, русских ученых. В начале XX в. появилась первая сводка по экологии животных.

Благодаря работам **Г. Менделя** биология получила мощный стимул для развития. На исследование Г. Менделем наследственности гороха вначале внимания не обратили. Лишь после работ **У. Бетсона** по изучению наследственности в животном мире и работ **де Фриза** в 1895—1900 гг. начала интенсивно развиваться **генетика** (термин принадлежит У. Бетсону). Исследования Т. Моргана в начале XX в. пробудили мысль о дискретности наследуемых признаков: именно скачки в признаках, закрепленные в наследственном механизме, а не неопределенные постепенные переходы ответственны за изменение видов. Кстати, сторонник эволюции, постепенности Ч. Дарвин говорил о «гадательности» предположений относительно причин изменчивости. Но и «скачки» в признаках в генетике тоже выглядят достаточно «гадательными», мистическими, пока их механизм не вскрывается путем изучения процессов в клетках живого организма. Развитие цитологии, изучение физико-механического механизма в клетках — дело 20—50-х годов XX в. В ходе его постепенно снимался мистический налет вокруг генетики.

Большой прогресс был достигнут в микробиологии. Французский химик **Л. Пастер** (1822—1895) создал биохимическую теорию брожения при исследовании «болезни вина», установив роль микроорганизмов в этом процессе. Затем он же доказал невозможность самозарождения организмов, получив за это премию Парижской академии наук и надолго прекратив спор о возможности превращения неживого в живое. Открытия Пастера заложили фундамент бактериологии, затем теории иммунитета. В 1888 г. был основан Пастеровский институт в Париже на средства, собранные по международной подписке. Здесь были созданы предохранительные прививки против сибирской язвы, куриной холеры, бешенства. С работа-

ми немецкого микробиолога **Р. Коха** (1843—1910) связано изучение возбудителей туберкулеза, холеры, дифтерита. Это явилось началом формирования научной санитарии и гигиены, разработки мер предупреждения эпидемий инфекционных заболеваний.

В науках о Земле в конце XIX в. ситуация была относительно спокойной. Поутихла борьба катастрофистов с униформистами. Усилился интерес к всеобщим характеристикам Земли. Можно отметить два подхода к этой проблеме: изучение и описание больших структур (регионов) Земли и изучение свойств вещества, составляющего земную оболочку. Первый подход осуществлял, например, немецкий геофизик и метеоролог **А. Вегенер** (1880—1930), сформулировавший в 1915 г. теорию дрейфов континентов, исходным пунктом для которой послужили одинаковые очертания береговых линий Бразилии и Африки. Второй подход потребовал определения закономерностей строения земной коры, типов ее движения (геотектоника), а также строения магматических и осадочных пород, принципов распределения полезных ископаемых. Профессор Московского университета **Б. Я. Вернадский** (1863—1945) считал предметом геологии единый механизм планеты, в который входит как составная часть жизнь на Земле и разумная деятельность человека, результатом чего является создание наряду с биосферой, геосферой, атмосферой и ноосферы — сферы реализованного разума. Эта идея до сих пор привлекает внимание ученых, философов, фантастов.

В начале XX в. в связи с потребностями хозяйственной деятельности, военного дела развиваются океанография, метеорология. Несмотря на то что в науках о Земле продолжает преобладать описательный метод изложения результатов, все активнее и сюда проникают эксперимент и математика. Так, после работ немецкого математика **А. Шенфлиса** и академика **Е. С. Федорова**, установивших 230 пространственных структур симметрии для любого монокристаллического вещества, появилась возможность систематизировать структуры кристаллов, предсказывать появление новых. Кристаллография стала современной наукой, способной прогнозировать результаты своих исследований.

Общественные науки. Рассматриваемый нами период явился решающим в становлении самостоятельных, освободившихся от прежних теологических и метафизи-

ческих традиций наук, а также от идеологических попыток их контролировать. Сформировались с собственной эмпирической базой и понятийным аппаратом археология, психология, социология и другие общественные науки, хотя этот процесс продолжался и в XX в.

Философия, социология, психология. Философы, занимаясь анализом научного познания, обратили свое внимание на необходимость создания философии человека, не сводя его сущность либо к Божественному, либо лишь к его познавательной деятельности, как это было до И. Канта и А. Шопенгауэра.

С момента своего возникновения позитивизм заявил себя философией науки. Его основоположник **О. Конт** предложил рассматривать три стадии эволюции человеческого интеллекта (теологическую, метафизическую и позитивную, научную) и соответственно определил различные задачи философии на этих стадиях. Интеллектуальная жизнь XIX в., по сути, является научной и требует от философии отказаться от прежних метафизических проблем, которые для науки — псевдопроблемы (рудиментарные остатки прошлого). В частности, таковыми являются поиски сущности, истины, материи и т. д. Научное знание должно быть описанием результатов наблюдений за природой и экспериментов, а философия — анализом языка науки, критикой метафизических остатков в науке. О. Конт предложил новую классификацию наук, основанную на специфике предметов познания: математика, механика, физика, химия, биология, социология (идея создания и название принадлежат О. Конту). В конце века позитивизм приобрел широкую известность в философской и научной среде. Разрабатывалось его несколько направлений, из которых отметим два. Английский философ и социолог **Г. Спенсер** (1820—1903) создал органическую школу в социологии, предлагая рассматривать человеческое общество в качестве некоторого целостного организма (следствие влияния Ч. Дарвина), скрепленного формами общения и ценностями, которые и должны исследоваться социологией. Он был одним из идеологов либерализма, сторонником утилитаризма (рассмотрение общественных явлений с точки зрения их полезности).

Австрийский физик и философ **Э. Мах** (1838—1916) наряду с трудами по механике, газовой динамике, акустике и оптике много внимания уделял методологии научного познания в русле позитивизма. По Маху, анализ чувственного опыта, его

очищение от понятий, не обусловленных этим опытом, — задача философии (эмпириокритицизм). Построенная на основе таких понятий новая наука, считал Мах, не будет связана с необходимостью отвечать на вопрос: «Почему происходят те или иные явления?», а лишь будет описывать эти явления наиболее экономным способом. Как отмечал в начале XX в. А. Эйнштейн, исследования Э. Маха помогли освобождению физики от «догматической спячки», преклонения перед сложившимися стереотипами мышления, но получению нового знания с помощью интеллектуальной интуиции критический скепсис Маха отнюдь не способствовал. Заметим, что Э. Мах, Р. Авенариус и другие позитивисты конца XIX в. содействовали существенному прогрессу в анализе научного познания, становлению математической логики, кибернетики и других отраслей познания.

Другим течением философской мысли, занимавшимся анализом науки, было неокантианство. *Г. Коген* (1842—1918), *П. Натопф* (1854—1924), *Э. Кассирер* (1874—1945) — представители «Марбургской школы» — главное внимание уделяли обоснованию логики научного познания, сведению всех проблем, в том числе и проблемы существования предмета познания науки к логике самого познания. *Г. Риккерт* (1863—1936), *В. Виндельбанд* (1848—1915) и другие представители «Баденской школы» сосредоточили усилия на анализе этических, эстетических, религиозных и других ценностей, на противопоставлении естественно-научного и исторического познания как разных способов мышления.

Философией науки занимался и марксизм. Особенно выделяются здесь работы Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Причина в том, что, во-первых, претендующий на научность своей теории социализм нуждался в такой методологии построения знания, которая бы вела к революционному преобразованию социальной действительности (диалектической логике, по определению марксистов), тогда как прежняя философия и признаваемая ею в качестве единственно возможной формальная логика были годны лишь для «объяснения мира» (К. Маркс), и во-вторых, изначально заложенная в марксизм партийность требовала непримиримого отношения ко всякому инакомыслию, особенно идеализму, чем, по мнению Ленина, более всего грешили описанные выше философские концепции. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» ради уязвления идеализма (своих соратников по партии в том числе) он даже пре-

небрег, не замечая того, глубиной и точностью анализа поставленных позитивистами проблем. Вульгарный стиль В. И. Ленина стал примером практически для всех последующих марксистских работ, особенно в СССР.

Все остальные философские течения обратились к сущности человеческого бытия, начиная с работ А. Шопенгауэра. Более других известна деятельность *Ф. Ницше* (1844—1900) за эпатарующий благонамеренных мыслителей характер его высказываний, а также за использование многих его мыслей крайне экстремистскими литераторами и политиками. Проповедующий правоту сильного человека, ярый и остроумный истребитель кумиров («В мире больше идолов, чем реальностей»), в том числе церковных («Бог умер!» — из-за того, что из него сделали в церкви кумира), Ф. Ницше выступил критиком философского догматизма. Он настаивал на возврате философии к демократической трагедийности мысли, называл себя нигилистом и имморалистом («Жизнь устроена так, что она основана не на морали: она ищет заблуждения, она живет заблуждениями»). Совесть, о которой много говорят и христиане, и моралисты, — понятие не для философии («Если дрессировать свою совесть, то и, кусая, она будет целовать вас»). Основываясь на морали, сверяясь со своими пристрастиями и социальными условностями, никогда не придешь к истине. «Надо сделаться равнодушным, — писал Ницше, — никогда не спрашивать, приносит ли истина пользу или становится роком для личности». Чтобы стать мудрецом, необходимо, по Ницше, подобно верблюду, взвалить на себя всю полноту имеющегося знания, затем, подобно льву, растерзать сложившиеся догмы, а уж затем с наивностью ребенка формулировать новые воззрения. По иронии судьбы антидогматик Ницше стал родоначальником нового догматизма, вызывающего радость одних и ужас других. Лорд Кормер (Англия) оправдывал участие своей страны в Первой мировой войне желанием «защитить мир, прогресс и культуру от того, чтобы они не пали жертвой философии Ницше». В 1934 г. Гитлер посетил музей Ф. Ницше, где встретился с 90-летней сестрой философа (к ней Ницше относился с презрением и ненавистью). Фюрер и старуха не поняли друг друга. Но с этого момента Ницше стал проходить по разряду предшественников фашизма.

Менее известным философом, но не менее глубоким мыслителем был немецкий историк культуры *Б. Дильтей* (1833—1911). Он не призывал разрушать ни мир бытия, ни мир сло-

жившейся философии, он ставил лишь новую для нее задачу: дать рациональную модель (а иной философия и не может быть!) смысла человеческой жизни, которая, по сути своей, не сводится ни к позитивистской, ни к любой другой рациональной деятельности. Суть предлагаемой им модели («философии жизни») — в интуитивном постижении духовных ценностей личности. Трудности такого постижения состоят, во-первых, в том, что человек живет, опираясь на некоторые верования, а во-вторых, в человеке нет ничего неизменного. Можно предложить лишь абстрактную, вневременную структуру человека. Это жизненные функции человеческого разума — религия, философия и литература, которые становятся конкретным содержанием этого разума, когда последний ими занимается, реализует их как свои потенциальные возможности. Мир, в котором они реализуются, предстает как некоторое им сопротивление и тем самым выявляется человеку как «иное, чем Я». В связи с этой ситуацией жизнь предстает как вечная проблематичность, чем и определяется все, а в первую очередь — философия.

Существенное влияние на философию XX в. оказали труды немецкого мыслителя Э. Гуссерля (1859—1938). Неудовлетворенный традиционным философствованием, Гуссерль пытался выстроить свою феноменологию (описание) философии как «строгой науки». При этом он стремился не упрощать сущность человека, вводя понятие «жизненная сила» в качестве изначального социального культурного опыта человека, определяющего его суть и судьбу.

Все философы, пытавшиеся представить в некотором всеобщем виде суть человека, в очередной раз столкнулись с проблемой конечного и бесконечного, земного и духовного, рационального и мистического в его бытии и судьбе. При этом выявлялась принципиальная ограниченность философии, рациональная суть которой не в состоянии дать исчерпывающее представление о такой проблемности человека, в лучшем случае она может лишь зафиксировать ее, заявить о ее существовании.

Обзор философии конца XIX — начала XX в. был бы неполон, если не отметить влияние на философскую мысль Запада Ф. М. Достоевского (1821—1881), В. С. Соловьева (1853—1900) и Л. Н. Толстого (1828—1910). Творчество первого посвящено столь необходимому человеку земному бытию Иисуса Христа (одно из воплощений — князь Мышкин, среди имен ко-

торого в рукописях встречается «князь Христос») на фоне антихристианской, бесовской ситуации современного мира. Без почтительного упоминания имени Федора Михайловича Достоевского не обходится практически ни один философ или литератор, политик на Западе, начиная с Ф. Ницше, которых интересует суть человеческого бытия. Л. Н. Толстой, отчаявшись найти в церкви удовлетворение своим духовным потребностям, по существу, сотворил своего Христа, за что был осужден церковью, но приобрел последователей во всем мире.

В. С. Соловьев создал концепцию Богочеловека на стыке философии и теологии, описал и в философских работах, и в мистико-эротической поэзии отношение к Божественной Софии (мудрости) как Любви, пришел к мысли интеллектуального восстановления христианства (Всемирной церкви) на основе этой идеи.

Влияние В. С. Соловьева на мировую философию осуществлялось опосредованно, через его последователей — российских мыслителей начала XX в. («серебряный век» российской культуры). Некоторые из них впоследствии не по своей воле оказались за рубежом, а их исследования стали неотъемлемой частью мировой культуры.

Огромное влияние на философию и всю культуру XX в. оказала книга Д. Джойса «Улисс», где бытие человека рассматривается в мире слов.

Если в предшествующие периоды проблема человека была прерогативой теологии, а затем философии, то в конце века серьезное значение стали иметь социологические и психологические исследования человеческого бытия. Причем это были именно научные исследования с соответствующей эмпирической базой и научным аппаратом, который в этот период активно формировался. *Социология* стремилась сформулировать свои основные концепции относительно сути человеческого общения. Одной из таких концепций были идеи К. Маркса о материалистическом понимании общественного производства как основы человеческого бытия и духовной деятельности. Формы общности людей выводились марксизмом из характера производственных отношений исторически определенного способа производства. К концу своей жизни один из создателей социологической концепции Ф. Энгельс почувствовал опасность ее абсолютизации, ведущей к упрощению, вульгаризации понимания общественных явлений. Таким «экономическим детерминизмом» (термин Энгельса) страдали многие последова-

тели К. Маркса, например немецкий социал-демократ **К. Каутский** (1854—1938). Для него законы истории неумолимы, они принуждают пролетариат к выбору социализма. Поэтому «нам и в голову не приходит затевать или подготавливать революцию... Мы ничего не можем сказать ни о том, когда и при каких обстоятельствах она наступит, ни в каких формах она будет протекать», — писал К. Каутский в работе «Путь к власти». Этот объективизм противопоставил его как большевикам (что им делать, если признать неумолимость законов истории и стихийность революционного процесса?), так и социал-реформизму Э. Бернштейна. В молодости они написали книгу «История социализма в разных странах», где пытались понять социализм как неизбежное явление — следствие материально-го производства, осуществить переход от «марксистского утопизма к практически творческому социализму» (Э. Бернштейн). Последний в конце концов осознал, что такое понимание истории ведет к фатализму и произволу в трактовке жизненных явлений, т. е. не может быть научной социологией. Кроме того, для него была возможной эволюция от капитализма к социализму. К. Каутский же лишь считал «полезным не употреблять... без настоящей нужды» слово «революция». С подобным никак не мог согласиться человек, готовивший революцию, а не ждавший ее, уповая на объективный ход истории. Подобные взгляды Ленин считал оппортунизмом, предательством «интересов рабочего класса».

Следует сказать, что многих европейцев в те времена смущал не сам социализм, а пути его достижения через революцию. В 1889 г. **С. Вебб** (1858—1947) создал Фабианское общество, целью которого была реформа экономической и социальной жизни путем «гласности и соразмерности», «неизбежной постепенности», достижение мирового социализма. Фабианцами были Г. Уэллс, Б. Шоу и многие другие либералы той эпохи.

Социологи конца XIX в. рассматривали марксизм в качестве одной из теоретических концепций, хотя их и настораживал ее односторонний материализм и категоричность утверждений о существовании глобальной неизбежности революции. Жизнь представлялась им гораздо сложнее и разнообразнее, нежели ее представление в системе К. Маркса. Эволюции общественных процессов они придавали гораздо большее значение, чем революционер К. Маркс. О взглядах Г. Спенсера уже говорилось выше в связи с философией позитивизма. Другой по-

зитивист, французский социолог **Э. Дюркгейм** (1858—1917), считая общество целостностью, не сводимой к совокупности индивидов, его составляющих, вводил для анализа этой целостности понятие «коллективное сознание», которое должно определять направление общественных процессов. Противоречия этого сознания и индивидуальных устремлений, по мнению социолога, есть патология, остатки несложившегося коллективизма. Э. Дюркгейм стал одним из основателей психологического направления в социологии.

Существенную роль в становлении социологии как науки, в возрастании ее роли во всей системе общественных наук сыграли братья из Германии **А. Вебер** (1868—1958) и **М. Вебер** (1864—1920). А. Вебер был экономистом и социологом. Он разработал концепцию социологии истории и культуры. История, по его мнению, определяется процессом духовного творчества, осуществляемого духовной элитой. М. Вебер (социолог, историк, экономист и юрист) — неокантианец по философским убеждениям — разграничивал опытные знания и ценности человека, основывал ценностный подход к истории. Социальные действия, по М. Веберу, следует объяснять через истолкование индивидуальных мотивов участников действия.

Наконец, говоря о социологии, упомянем о первых попытках употребления ее результатов при анализе экономических, политических проблем эпохи. Таковой является, например, теория предельной полезности **А. Маршалла** (1842—1926). Постепенно складывалось убеждение в необходимости единства социологических концепций и хорошо разработанных методов конкретно-социологических исследований. Этим усиленно занимались социологи после Первой мировой войны, но одним из тех, кто еще до войны приступил к разработке методов, был американец **К. Пирсон** (1857—1936).

Психология стала самостоятельной наукой благодаря усилиям многих исследователей конца XIX в. Мало того, развитие психологии повлияло на формирование общественных взглядов на жизнь. Можно выделить несколько направлений психологических исследований. Россияне **И. М. Сеченов** (1829—1905) и **И. П. Павлов** (1849—1936) изучали прежде всего физиологические основания психологических процессов как сознательной деятельности, так и бессознательного, разрабатывали методы экспериментирования при изучении психофизиологических процессов. Один из основоположников экспериментальной психологии Б. **Вундт** (1832—1920) в тра-

дициях немецкой философии и психологии центральное место в духовной жизни человека отводил его воле, разработал метод самонаблюдения в психологии. Его книга «Психология народов» (1900—1920) содержит психологическое истолкование мифов, религии, искусства и т. д. Это одна из первых попыток изучать судьбу народов путем анализа их психологического типа.

Так как эффективность индустриального общественного производства связана с интенсивностью труда его участников, то уже в конце XIX века появились работы по отраслевой психологии, изучению психологической совместимости человека с машиной в различных видах деятельности. В 1880 г. Д. И. Менделеев говорил о необходимости при конструировании летательных аппаратов думать о «доступности и уюте» их для человека, пользуясь данными различных наук. А в 1881 г. русский метеоролог М. А. Рыхачев поставил вопрос о психологической пригодности людей к летному делу, назвал ряд качеств, необходимых для этого: быстрота соображения, порядительность, осмотрительность, внимательность, ловкость, сохранение присутствия духа. И. М. Сеченов занимался изучением роли психологических процессов при выполнении трудовых актов, ввел понятие активного отдыха. С психологией трудовой деятельности связана работа по интенсификации труда. Так, в системе Тейлора большое внимание уделялось профессиональному отбору, нормированию труда, приспособлению инструментов к рабочему и т. д.

Особенно большой резонанс вызвали у психологов, политиков, социологов, общественности работы австрийского психоаналитика З. **Фрейда** (1856—1939) как необычностью постановки им проблем психологии, так и возможностью построения на основе этих работ глобальных социальных умозаключений. Чтобы быть объективным, следует назвать его предшественника Ф. М. Достоевского с идеей о «подпольном человеке». Это был еще один прорыв (вслед за Шопенгауэром и Ницше) мощной крепости европейского рационализма, на сей раз в области психики, которая, по Фрейду, есть сложная система сознательного и бессознательного при решающей роли последнего. За порогом сознания скрыт глубокий пласт не осознаваемых личностью стремлений, желаний, влечений, которые могут отягощать жизнь человека, быть причиной как психических заболеваний, так и поступков здорового человека, в том числе политических, деловых, научных и т. д. Исто-

рия предстала в трудах Фрейда следствием психологии бессознательного. Причем главным двигателем поведения людей, их истории, культуры, по Фрейду, являются сексуальные влечения человека и его неудовлетворенная сексуальность, загнанная в подсознание. Так как неустойчивость самого бытия человека, возрастание роли иррационального момента в его жизни по мере прогресса рационализированного наукой производства и образа жизни есть реальность, то закономерен интерес общественности к идеям З. Фрейда, рост его популярности. Возникло принципиально иное поле для размышлений, открытий, откровений для политологов, философов, социологов, эстетов, которым последние и воспользовались.

Разговор о психологии того периода был бы неполным, если не сказать о том, что самосознанию человека в решающей степени способствовали труды Э. Золя, Ч. Диккенса, Г. Флобера, О. Уайльда, Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова и многих других писателей, обратившихся к психике отдельного человека, видя в ней путь к человеческой свободе. Они утверждали, что внутренний мир для личности не менее (даже более) существенен, нежели его самореализация во внешнем мире.

Правоведение как отрасль знания всегда носила прикладной характер. Ее развитие было связано с потребностями государства, хотя определенный теоретический опыт накапливался, и, скажем, римское право носит вневременной характер. В конце XIX в. право стало развиваться относительно самостоятельно.

В рассматриваемый нами период резко возросло внимание к правосознанию, его соотношению с политической, социальной ситуацией, с юридической практикой. Сначала на правоведении сильно сказывалось влияние философской полемики прошлого. Так, требование создать формализованное, независимое от обстоятельств места и времени право есть следствие юридического позитивизма. А воля к власти как характеристика человеческой сущности приводила Ф. Ницше к идее, что право есть результат войны и победы, к утверждению приоритета аристократии (теплицы для высокой культуры и сильной породы людей) перед демократией — свидетельством упадка государства. Устойчивость высокой культуры, по Ницше, ценнее свободы. Австриец А. **Гумплович** (1838—1909) развивал концепцию насилия как основу власти: «Сила идет впереди права».

Но все же в правоведении постепенно утверждалось стремление связать право с процессами реальной жизни, конкретных условий бытия. Так, немецкий профессор *Р. Йеринг* (1818—1892) разработал социологию права, в соответствии с которой содержание права определяется как реализация целей, интересов общества при условии, что таковые интересы «выше свободы» личности.

В начале XX в. количество работ по праву резко возросло, что объясняется его развитием как науки, а также изменяющимися потребностями общества. Появились новые политико-правовые концепции. Француз *Л.Дюги* (1859—1928), рассматривая социальную солидарность, сотрудничество классов в процессе общественного разделения труда, считал, что юридическая норма лишь закрепляет осознание людьми необходимости социальной солидарности, законодатель лишь фиксирует стихийно возникшую юридическую норму. Так, собственность является социальной функцией, долгом и лишь фиксируется правом. В противовес ему правовед *Г. Кельзен* (1881—1979) отстаивал «чистую теорию права», которая должна быть свободной от всякой «идеологии». Без этого правоведение — не наука.

Е. Эрлих (1867—1922) и другие считали, что право рождается и функционирует как «живое право» в юридической практике и лишь идентифицируется в законе. Отсюда задача социологии — изучать юридическую практику, связь права с другими общественными явлениями. *Р. Паунд* (1870—1964) и другие (Гарвардская школа права) называли право «социальной инженерией», функция которой — «достижение наиболее полной безопасности и эффективности всех человеческих требований». Это концепция компромисса и гармонии всех социальных интересов, которая имеет смысл в условиях развития общественного производства и демократической организации всех общественных институтов. Под влиянием фрейдизма и других психологических исследований была создана психологическая теория права. Один из ее адептов *Л. И. Петражицкий* (1867—1936) анализировал эмоции, лежащие в основе поступков человека, выделял моральные, правовые, в которых должно осуществляться единство чувства обязанности и правомочия. Развитие таких эмоций связано с разработкой правовых ценностей, чтобы предотвратить правовой нигилизм, бунт, революцию. Интересной является теория элит, разработанная итальянцами *Моски* (1856—1941) и *В. Парето* (1848—

1923). Элита — новый правящий класс, следствие накопленного буржуазного богатства и развивающейся технической и научной культуры. Этот класс не фиксирован юридически. Борьба элит — условие жизнестойкости государства. Политическая жизнь — борьба, смена, циркуляция элит, а их возникновение — следствие психологии людей. Парето выделял элиты «лис», отличающихся умом и коварством, и «львов», сильных личностей. Демократия, о которой говорят либералы, — утопия, мираж, способ манипуляции массами. Социализм — признак слабости элиты «лис» эпохи империализма. Лидер итальянских фашистов *Б. Муссолини* считал *В. Парето* своим учителем.

Таким образом, можно говорить об интенсивном развитии правоведения в эту эпоху и о росте интереса политиков и общества к исследованиям правоведов. Большинство из них считали, что можно найти правовое решение назревающих социальных конфликтов, и потому не предвидело правовой беспредел XX в.

Историография, религиоведение, археология. Историки вплотную занялись проблемой эволюции и революции в жизни человека. Были достигнуты важные результаты в обобщении накопленного к тому времени большого фактического материала, серьезно повысился уровень исследовательской работы, приобрели самостоятельность вспомогательные для историографии дисциплины — археология, палеография, нумизматика, источниковедение и др. Историков стали больше интересовали отдаленные периоды в жизни человека — этому способствовали археологические раскопки в Египте, Месопотамии, Палестине и работы американского ученого *Л. Г. Моргана* о ранних этапах развития человечества. В поле зрения ученых оказалась история материальной и духовной культуры человека, социального развития, рабочего движения, бизнеса и других процессов, ранее мало интересовавших историков. Наживались связи историографии с социологией, политэкономией. Интенсивно велись исторические исследования в Германии, Англии, Франции, США, России, Японии, появились первые историки-профессионалы в странах, возникших в местах древних цивилизаций. Повсеместно создавались кафедры истории и исторические семинары в университетах, возникали исторические общества, вначале в Германии и Франции, затем в Венгрии (1867), США (1884), Польше (1886), Англии (1906) и др. В 1900 г. в Париже состоялся Международный конгресс

по сравнительной истории, в 1903 г. — в Риме по археологии и истории Рима (на нем присутствовали 2500 человек). Затем конгрессы проходили в Берлине (1908), Лондоне (1913).

Методология исторических исследований постепенно извлеклась от диктата теологии и философии, особенно системы Гегеля, представлявшей историю как развитие мирового духа, в руках которого человек выступал марионеткой, исполнителем его предназначения — стать осознающим себя разумом. Немецкий историк *Л. фон Ранке* (1795—1888) одним из первых выступил против «философского диктата»: «В истории надо избегать всего, что существенно отклоняется от достоверной передачи фактов». Принцип «объективного изучения» единичных фактов — обязательное требование к историку.

Большинство историков все же стремилось выработать концепции понимания истории. Сторонники позитивизма находились под влиянием успехов естествознания, особенно идей Ч. Дарвина. Они исходили из идеи «вечности» законов эволюции (по аналогии с законами естествознания). Английские историки *Т. Роджерс* (1823—1890), *А. Тойнби* (1852—1883), американец *Ф. Тернер* (1861—1932) и другие большое внимание уделяли экономическим проблемам, хотя у них преобладало политико-юридическое толкование фактов. Неокантианцы подчеркивали, что они выступают против любой попытки конструировать «историческую схему». Г. Риккерт считал, что задачей истории является лишь описание единичных явлений в их сопоставлении с неизменными эстетическими, этическими, религиозными ценностями. В рамках «Марбургской школы» была создана идея этического социализма, в соответствии с которой классовая борьба, общественные движения — частные и неполные стремления к правильному этическому идеалу. Достаточно интенсивно продолжала разрабатываться идея: история человечества есть история его религиозного сознания (В. С. Соловьев). Большой интерес представляет мысль о типах принципиально отличных друг от друга цивилизаций, развитая российским социологом *Я. Я. Данилевским* (1822—1885) и затем воплощенная немецким философом *О. Шпенглером* (1880—1936) в бестселлере начала века «Закат Европы». Принципиальная недостаточность рационального описания исторических фактов вызвала «кризис методологизма», а также многочисленные идеи об иррациональных источниках общественных явлений (Г. Риккерт, О. Шпенглер, З. Фрейд и др.).

Более существенной опорой, нежели методология познания, часто заимствованная из абстрактных философских концепций, для историка стала *археология*, накопившая в конце XIX в. громадный эмпирический материал, выработавшая свои методы исследования. Увлечение археологией стало модой. Бросая свою обустроенную жизнь, отправлялись на раскопки юристы, офицеры, бизнесмены, врачи, лингвисты, дипломаты и, конечно, профессионалы-археологи, которых становилось все больше. Поиски следов прошлого велись целенаправленно. Особенно активно и плодотворно действовали археологи на Ближнем Востоке и в Египте. Путеводной звездой для них служили труды историков античности, произведения Гесиода и Гомера, легенда о Гильгамеше и другие произведения народного творчества, дошедшие до современности, и, конечно, Библия. Поиски археологов привели их к убеждению, что мифологические и религиозные сюжеты не лишены исторического основания. Можно говорить об объединении усилий историков, археологов, религиоведов в осмыслении истории европейской цивилизации, особенно христианства.

Большое внимание к археологии позволило создать для нее могучую материальную базу. Возникло множество институтов археологии, музеев в Европе, США, затем они начали создаваться и в местах археологических раскопок. Музеи стали хранилищами вывезенных из разных стран интереснейших находок и центрами по их изучению. В 1829 г. был открыт Германский институт археологии в Риме. В 1879 г. центральный отдел этого института разместился в Берлине, а его филиалы — в Риме, Афинах, Стамбуле, Каире. В 1844 г. появилась французская археологическая школа, в 1857 г. — археологическое общество в Афинах, затем в США, России, Австрии. В 1865 г. были созданы фонды и союзы исследования Палестины (Лондон, Берлин, Петербург, Амстердам и др.).

Большая часть найденного при раскопках первоначально отправлялась в музеи Европы, пока местные правители не осознали ценность «черепков» и не стали создавать центры по изучению собственной истории. До Первой мировой войны местные жители если и препятствовали раскопкам, то из суеверного страха перед ними или из желания завладеть драгоценностями, находимыми иногда археологами. И все же Европейские музеи пополнялись экзотическими экспонатами. В Париж после многочисленных приключений прибыли алеба-

стровые плитки с клинописью и громадные колоссы — каменные быки с крыльями и бородатыми человеческими головами, с правого берега реки Тигр, где, по предположению, должна была находиться столица древней Ассирии Ниневия. В 1898 г. Берлинский музей поручил **Р. Колльдеву** раскопки Вавилона (90 км к югу от Багдада). За 4 года в Берлин вывезено 100 тыс. обломков плиток. Раскопки велись 18 лет. Уже после мировой войны в музее очистили эти обломки, научились обжигать аналогичные плитки, восстановили ворота Иштар (Венеры) прямо в музее, воссоздали копию зала Навуходоносора. Музей Пергамон приобрел мировую известность. В 1854 г. археолог **Рассам** нашел библиотеку Ашшурбанапала — 30 тыс. глиняных табличек с клинописью. Они были переправлены в Британский музей, который через 30 лет опубликовал их каталог в пяти прекрасно изданных томах.

Но далеко не все можно было вывезти в Европу. Постепенно пришло понимание того, что экспонат в музее и на месте находки несет разную информацию. Началась консервация самих мест раскопок. Ведь даже если осколки прошлого уничтожены, то и тогда земля хранит в себе следы рук человеческих. «Ничто так не долговечно, как яма» — лозунг археологов начала XX в.

Археологам, работающим на Ближнем Востоке и в Египте, крупно повезло, поскольку почти все народы, жившие здесь в далеком прошлом, имели письменность и оставили после себя массу текстов. Дешифровка **Ф. Шампольона** египетских иероглифов, **Г. Роулинсона** — клинописных текстов Ближнего Востока и работы других лингвистов позволили историкам ввести в научный оборот до тех пор совершенно неизвестные исторические источники. **К. Нибур** из Ганновера еще в конце XVIII в. выделил 42 знака (алфавит) древнеперсидской клинописи, а почти через сто лет профессор **Ф. фон Шпигель** из Эрлангера опубликовал книгу с расшифровкой надписей на этом языке. Труднее было с ассирийской письменностью, где выделяли до 400 знаков. В 1854 г. **Ю. Опперт** из Гамбурга публикует «Систему расшифровки ассирийских клинописей», а в 1898 г. выходит в свет первый немецкий словарь ассирийского языка. Перед исследователями открылись новые горизонты истории. Так, гравер **Д. Смит**, готовивший вместе с Роулинсоном издание многотомного труда о клинописи в течение 26 лет, сам стал археологом и в 1877 г. обнаружил ассирийскую версию рассказа о Великом Потопе. Особенно

впечатляющими были успехи египтологов. **К. Р. Лепсиус** (1810—1889) доказал правоту Шампольона по расшифровке иероглифов, и к началу XX в. история Египта открылась перед учеными.

Конечно, популярность археологии имела и теневые стороны. Желаящих поживиться оказалось достаточно не только среди местных жителей. Европейские искатели «Клондайка» не только грабили, но и занимались фальсификациями, производили искусственные «обломки древностей». Так, в 80-е годы XIX в. в районе Мертвого моря якобы была найдена рукопись 5-й книги Моисея — Второзаконие, за которую удачливый археолог просил 1 млн фунтов стерлингов. Француз **Ш. Клермон Рано** доказал подделку.

Среди массы археологических находок следует выделить несколько таких, которые определяют судьбу этой науки и до настоящего времени. Это — написанная в гробницах история Египта, открытие **Г. Шлиманом** на холме Гиссарлык остатков Трои (которое до сих пор является предметом споров археологов), наконец, идентификация многих текстов Библии. Найдены место «Ура Халдейского», откуда вышел Авраам, первое пиктографическое письмо IV—III тысячелетия до н. э., в котором упоминается Урук (также библейский город), а также месопотамский аналог библейского Ноя. В развалинах города времен царя Соломона обнаружены захоронения жертвенных детей: «Ибо мои все первенцы у сынов Израилевых от человека до скота» («Числа», 8, 17). И таких открытий множество. Для ученых они явились подтверждением того, что Библия — источник исторической информации, а не только зафиксированное людьми Слово Божие.

Все это способствовало становлению **религиоведения** как эмпирической науки. Она предложила несколько теоретических моделей возникновения религии на основе обобщения археологического материала. Различия этих моделей объясняются теоретическими и социальными интересами ученых, характером их вероисповедания.

Католический пастор **В. Шмидт**, лингвист и этнограф по образованию, издал многотомный труд «Происхождение идеи Бога» (1912—1955). По его мнению, первобытное Откровение от Бога было впоследствии «загрязнено» мифическими, магическими и другими элементами земного человеческого мышления. З. Фрейд в книге «Тотем и табу» (1913) объясняет воз-

никновение религиозных верований невротами, в основе которых лежит подавление в детстве эротических побуждений («Эдипов комплекс» — половое влечение к матери и вражда к отцу как сопернику). Э. Дюркгейм считал, что в религии общество обожествляет себя. Так как общество есть совокупность психических связей, то разные типы обществ и ведут к разным религиям. По мнению французского структуралиста *Л. Леви-Брюля*, религия есть «логическое мышление». Американские прагматики *Д. Дьюи* и *У. Джемс* видели в религии то, что полезно людям. К. Каутский, считая себя обезопасенным от субъективизма «материалистическим пониманием истории» и знанием законов классовой борьбы, видел в христианстве именно такую борьбу в древности. А победу христианства в Риме он объяснял предательством вождями этого учения интересов народа, их переходом на сторону патрициев («Происхождение христианства»).

Много религиозоведческих концепций породила идея анимизма (вера в существование душ), выдвинутая английским этнографом *Э. Тейлором* (1832—1917). Он ввел понятие «минимум религии» — вера в «духовные существа» как следствие собственных состояний человека — сна, обморока, галлюцинаций, страха смерти и т. д. Эти «духовные существа» (души) могут временно или навсегда покидать человека. Отсюда представления о душах животных, растений и т. д. В связи с анимизмом появилось несколько преанимистических представлений: вера в безличную таинственную силу (*Д. Хьюитт*, 1902), во всеобщую одушевленность природы (*В. Богораз*, 1904), магическую действующую силу вещей (*П. Сентив*, 1914), в излечение тайных сил и предметов (*Р. Каруту*, 1913), *Дж. Фрезер* (1854—1941), шотландец, крупный знаток классической культуры, этнограф, своим учителем считал Э. Тейлора. Для него история есть смена трех стадий бытия человека: магической, религиозной и снова магической. Первую он превосходно описал в известнейшей на весь мир книге «Золотая ветвь». Каждый претендент на роль охранника и жреца в храме Дианы (святилище Нелли в Древней Италии) должен сорвать с дерева золотую ветвь, а затем убить предыдущего исполнителя этой миссии, который в свою очередь охраняет это дерево от покушения претендента. Не сумеешь его сохранить — лишишься своей силы и могущества жреца. Это

магическая вера в силу воплощенного в дереве могущества, в возможность магического воздействия на природу. Затем наступает религиозное бытие человека, когда предметы подчиняются воле богов. Затем — вновь возвращение к магизму, но научному, когда воздействие на природу возможно через познание ее законов. Возникает приоритет науки над религией для верующего в силу знания человечества. Пока еще научная мифология давала удовлетворение людям: и практическое, и интеллектуальное.

Таким образом, наука в новое время проделала путь от изучения отдельных механических и астрономических процессов с попыткой распространить механическое понимание мира на всю природу, общество, человека — к созданию множества научных теорий понимания природного и социального бытия человека.

ГЛАВА 30 Изменение в соотношении сил и формирование блоков в Европе

Обновление геополитической структуры. Развитие евроамериканской цивилизации в последние десятилетия XIX — начале XX в. было обусловлено дальнейшим распространением ее ценностей в Западной и Центральной Европе, их продвижением на Север, Восток и Юг континента, успехами в США и первыми шагами к ним Латинской Америки. Начался новый этап взаимодействия между странами Европы и Америки. Если Америка всегда была обращена лицом к Европе, принимая миллионы ее переселенцев, воспринимая ее духовные ценности, привлекая капиталы и получая технику, то теперь и Европа повернулась к Америке, приобретая не только сырье и продовольствие, но и новые идеи, машины, технологии, формы организаций. Основная тенденция во взаимодействии Европы и Америки определялась тем, что главная доля увеличения мирового производства за эти десятилетия почти в 5 раз и объема мировой торговли примерно в 4 раза приходилась на евроамериканский регион.

Но их взаимодействие, как и во всем мире, осложнялось коллизией двух тенденций — **сотрудничеством** народов ради более эффективного использования мировых ресурсов и **обособлением** каждого для более полного удовлетворения собственных потребностей даже за счет других. Равноправия не было, К высшему кругу принадлежали европейские великие державы — Великобритания, Франция, Австро-Венгрия, Российская империя. После победы над Францией в него вошла Германская империя, а затем и завершившая свое объединение Италия. Даже США, ставшие к концу XIX в. экономически самой мощной державой, тогда еще не считались в этом кругу вполне своими. Далекая Япония, после победы над Россией игравшая роль великой державы, тоже держалась в стороне от

«европейского концерта». Османская империя давно была «больным человеком Европы». Другие европейские страны, даже имевшие значительные колонии, тем более молодые латиноамериканские государства, не могли рассчитывать на равные права с великими державами, а некоторые оказались в зависимости от них.

Хотя мировой рынок сложился и стремительно развивался, взаимозависимость его участников еще не требовала глобальной системы международных отношений и мировое сообщество еще не возникло. В пестрой геополитической картине имелось несколько соперничавших центров, крупнейшие из которых находились в Европе.

При своих расширявшихся связях с Европой страны Америки, особенно Латинской, имели обособленную систему международных отношений. Происходившее в ней нередко пересекалось с европейскими проблемами, но не являлось их составной частью.

С XVIII в. европейская система международных отношений была самой развитой из всех региональных систем и к концу XIX в. в результате раздела мира между европейскими державами имела глобальное значение. К этому времени благодаря успехам индустриализации, колонизации многих стран Азии и Африки, а также мировой торговле наиболее развитые европейские страны значительно обогнали все остальные. Собственное эффективное производство и эксплуатация населения других стран приносили им огромные прибыли. Поэтому борьба за раздел и передел колоний и сфер влияния стала органической частью их взаимоотношений. Судьбы народов многих стран мира в конце XIX — начале XX в. нередко зависели от отношений между европейскими державами, прежде всего великими.

Многочисленное увеличение и повышение интенсивности обмена и сотрудничества между европейскими странами было сопряжено с значительным усилением воздействия общественности на международные отношения. С расширением прав и свобод граждан заметное влияние на внешнюю политику держав стали оказывать партии и массовые движения. Неудовлетворенность различных общественных сил внешней политикой своих государств привела к возникновению ряда новых неправительственных международных организаций.

После **франко-германской войны 1870 г.** соотношение сил в Европе существенно изменилось. Франция надолго была ос-

лаблена, но продолжала расширять свои колонии и готовилась к реваншу. Германская империя усилилась настолько, что ее руководство стало добиваться гегемонии в Европе и «места под солнцем» во всем мире — передела в свою пользу колоний и сфер влияния. Российская империя воспользовалась франко-германской войной, чтобы избавиться от последствий своего поражения в Крымской войне и активизировать экспансию по всем направлениям. Великобритания в изменившихся условиях вынуждена была предоставить своим переселенческим колониям права доминионов, а в Европе использовать коллизии между державами и, отказываясь от «блестящей изоляции», искать среди них союзников. Австро-Венгрия усилила экспансию на Балканах. Италия начала создавать свою колониальную империю в Африке и искала союзников для передела хотя бы ближайших владений и сфер влияния.

Противоречия между державами обострялись неравномерностью их развития. Великобритания к 1914 г. по объему промышленного производства была оттеснена США и Германией на третье место в мире, но продолжала расширять свою самую крупную колониальную империю, а Лондон оставался мировым финансовым центром. Франция отставала в индустриальном развитии от Германии, но за четыре десятилетия в 11 раз увеличила территории своих колоний. Выдвинувшаяся в промышленном развитии на второе место в мире Германия имела колоний гораздо меньше и с трудом расширяла сферы влияния. Не поспевали за крупнейшими державами Австро-Венгрия и Италия.

В конце XIX — начале XX в. нараставшее стремление великих держав к захватам и расширению своего влияния, использование ими вооруженной силы для раздела и передела мира многие называли *новым империализмом*. Его главным вдохновителем была усиливавшаяся и монополизировавшая производство, рынки и банки финансовая олигархия. Ее желания выдавались за национальные интересы, отождествлялись с патриотизмом. Идеологи империализма разжигали *шовинизм* — чувство превосходства своей нации над другими и ненависть к якобы низшим, чем пытались оправдать их угнетение и даже уничтожение. Многие патриотические общественно-политические организации и значительные слои населения оказались неспособны отмежеваться от шовинизма или даже заразились им.

Великие державы пускали в ход оружие для захвата новых владений и подавления сопротивления их народов.

Поэтому вооруженные столкновения и малые войны происходили почти непрерывно. Все более опасными становились конфликты между великими державами прежде всего из-за гегемонии в Европе, а также передела колоний и сфер влияния. Войны и конфликты стимулировали гонку вооружений. В результате напряженность между державами возрастала, столкновения учащались и обострялись. Различные договоры и соглашения между державами, направленные на урегулирование противоречий и преодоление конфликтов в последней трети XIX — начале XX в., не смогли предотвратить мировой войны, которую некоторые предвидели уже вскоре после франко-германской войны.

От «Союза трех императоров» к Тройственному союзу. В 1871 г. появление Германской империи, продемонстрировавшей свою силу победой над Францией, очевидное ослабление Франции и активизация завершившей свое объединение Италии существенно изменили ситуацию в Европе.

Добиваясь гегемонии Германии в Европе, Бисмарк продолжал оказывать давление на Францию, стремился лишить ее возможных союзников и угрожал новым вторжением.

Канцлер новой империи считал ресурсы и стойкость России неисчерпаемыми, а войну с ней, тем более одновременно с Францией — катастрофой для Германии. Поэтому Бисмарк прежде всего пытался исключить возможность франко-русского союза.

Россия, придерживавшаяся в 1870—1871 гг. в отношении Германии благожелательного нейтралитета, после поражения Франции уже не соблюдала навязанных ей с окончанием Крымской войны ограничений и стала готовиться к новой схватке с Османской империей, не прекращая своего (тревожившего Англию) продвижения в Средней Азии. Российское правительство было заинтересовано в благожелательном отношении к своим действиям Германии и искало возможности добиться нейтралитета Австро-Венгрии.

Правительство Габсбургской империи, не нашедшее поддержки своей антисербской политике в Лондоне, вынуждено было при содействии Бисмарка договариваться с Россией хотя бы о поддержании на Балканах статус-кво.

В результате ряда встреч императоров Александра II, Вильгельма I и Франца-Иосифа, а главное — переговоров меж-

ду канцлерами А. М. Горчаковым, Бисмарком и министром Андраши осенью 1873 г. было достигнуто соглашение, получившее название «*Союза трех императоров*». Оно предусматривало, что в случае возникновения разногласий по конкретным вопросам императоры будут договариваться, чтобы эти разногласия «не возобладали над соображениями более высокого порядка», а при угрозе войны — о совместной линии поведения. Но вместе с тем Горчаков заверил французского посла, что России «необходима сильная Франция». И Бисмарку — даже согласием Германии на осуществление планов русского правительства на Ближнем Востоке — не удалось лишить Францию заступничества России. Европейские державы не желали дальнейшего усиления Германии и ослабления Франции, так как это могло способствовать достижению Германией гегемонии в Европе.

«Союз трех императоров» поддерживался до 1887 г., но надежд его участников не оправдал. Правительство и генеральный штаб Германии надеялись ослабить Францию превентивной войной. В 1875 и 1887 гг. Германия намеревалась нанести Франции новое военное поражение, используя как предлог активизацию французских реваншистов и рассчитывая, что Англия, которая ревниво относилась к французской колониальной экспансии, и Россия, занятая балканскими и среднеазиатскими проблемами, останутся нейтральными. Но в первом случае обе державы, а во втором — одна Россия выступили против планов Бисмарка и помешали их осуществлению.

Россия опиралась на благожелательность Бисмарка в конфликте с Великобританией из-за Средней Азии и даже во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Она противодействовала попыткам Великобритании распространить влияние на Западный Китай и Афганистан. Ее войска завоевали Туркмению, установили протекторат над Хивинским ханством и присоединили к империи Кокандское ханство. Попытки Великобритании воспрепятствовать продвижению российских войск в Туркмении и силой оружия поставить во главе Афганистана своего ставленника в 80-е годы потерпели неудачу. В то же время Россия добилась некоторого перевеса в ожесточенном соперничестве с Великобританией за влияние на шаха и за прибыльные концессии и монополии в Персии. Во время русско-турецкой войны Великобритания противодействовала успехам России вплоть до подготовки вооруженной интервенции

и приложила все силы, чтобы не допустить гегемонии России на Балканах.

Нейтралитет Австро-Венгрии во время русско-турецкой войны был обеспечен *Рейхштадтским соглашением 1876 г.*, которое предоставляло Габсбургам возможность оккупировать Боснию и Герцеговину, а России — вернуть часть Бессарабии, отторгнутую после Крымской войны. В интересах Австро-Венгрии это соглашение исключало создание на Балканах крупного славянского государства, на что Россия тогда и не рассчитывала.

Но успехи войск, воевавших против Османской империи, превосходили все ожидания. Потерпевшая поражение Османская империя вынуждена была подписать в 1878 г. в *Сан-Стефано* договор, по которому были удовлетворены почти все территориальные претензии России, получили независимость и расширили свои границы Сербия, Черногория и Румыния, а главное — создавалось крупное автономное Болгарское княжество. Угрожая войной России, Австро-Венгрия и Англия, направившая свой флот к Стамбулу, добились пересмотра Сан-Стефанского договора.

Конференция европейских держав в Берлине урезала территориальные приобретения России, новых независимых государств и особенно автономной Болгарии, исключила возможность гегемонии России на Балканах. Называвший себя «честным маклером» Бисмарк на этой конференции в действительности поддерживал Австро-Венгрию и Англию. В «Союзе трех императоров» образовалась глубокая трещина.

Германия, таможенная война которой с Россией все более обострялась, продолжала курс на сближение с Австро-Венгрией, стремившейся опереться на Германию в борьбе против России на Балканах. Было положено начало сотрудничеству двух империй в экспансии на Восток. Хотя Бисмарку не удалось склонить австрийское правительство к поддержке Германии против Франции, в 1879 г. между Германией и Австро-Венгрией был подписан секретный союзный договор о совместной обороне против нападения России и о благожелательном нейтралитете в случае нападения одной из них на Россию. Этот договор положил начало формированию одной из двух коалиций, столкнувшихся в 1914 г.

Ослабевший «Союз трех императоров» в 1881 г. был подкреплен австро-русско-германским договором о взаимном нейтралитете этих держав, если одна из них подвергнется на-

падению четвертой, в частности, в случае нападения Англии на Россию или Франции на Германию.

Добиваясь изоляции Франции, Бисмарк поощрял Италию в конкуренции с Францией, ее притязания на захваченный Францией Тунис и способствовал приглушению ее претензий на принадлежавшие Австро-Венгрии Триест и Трентино. Своим основным противником Австро-Венгрия считала не Италию, а Россию. Это позволило Германии, Италии и Австро-Венгрии в 1882 г. подписать *Тройственный союз*, продлевавшийся до 1915 г. В случае нападения Франции на Италию или Германию они обязались поддерживать друг друга, а Австро-Венгрия обещала лишь нейтралитет. Кроме того, все трое обещали друг другу благожелательный нейтралитет в случае войны с любой другой великой державой, кроме Франции, и военную помощь, если бы одна из участниц союза подверглась нападению сразу двух великих держав. В случае австро-русской войны это обеспечивало Австро-Венгрии нейтралитет Италии. Так был упрочен и расширен созданный Германией блок, хотя Италия была его слабым звеном.

Успехи России в Средней Азии и Персии, как усиление в Болгарском княжестве и Сербии австро-венгерского, а в Османской империи английского влияния в конце 80-х годов обострили напряженность отношений России с Великобританией и Австро-Венгрией. Весной 1885 г. из-за продвижения российских войск к Афганистану Англия намеревалась атаковать Россию на Черном море, но под нажимом России и поддержавшей ее в этом Германии султан закрыл Черноморские проливы. Уже не полагаясь на «Союз трех императоров», правительства России и Германии, несмотря на усиление русско-германской конкуренции, в 1887 г. подписали договор, получивший название *договора перестраховки*. Россия обязывалась соблюдать дружественный Германии нейтралитет, если на нее нападет Франция, а Германия обещала поддержать Россию, если на Ближнем Востоке против нее выступит Великобритания. Этот баланс интересов был столь хрупким, что существовал всего три года.

От франко-русского союза к Антанте. Германии так и не удалось изолировать Францию, а усиление экспансии Германии на Востоке сближало ее с Австро-Венгрией, но вело к столкновению с Россией, о чем свидетельствовали почти непрерывная таможенная война между ними и отказ в

кредитах, в которых нуждалась Россия. Возрастающее давление со стороны Германии, соперничество в колониальной экспансии с Великобританией и усилившееся кредитно-финансовое сотрудничество в конце 80-х — начале 90-х годов стали общими для России и Франции и способствовали их сближению. Общность интересов заставила правящие круги России преодолеть монархические предубеждения против республиканского строя перспективного партнера.

Начало новой странице франко-русского сотрудничества было положено в 1891 г. подписанием между ними *консультативного пакта*, за которым последовала секретная военная конвенция. Теперь Франции была обеспечена военная помощь России на случай ее столкновения с Германией или Италией. Это позволило ей активизировать свою колониальную политику. Франция готова была поддержать Россию в случае нападения на нее Германии или Австро-Венгрии, что укрепляло безопасность России и тоже позволяло ей усилить экспансию.

Казалось, что образование франко-русского союза создавало противовес Тройственному пакту и тем укрепляло сохранявшийся после франко-германской и русско-турецкой войн мир в Европе. Однако возникновение этого союза только подхлестнуло соперничество теперь вполне определенных двух блоков и гонку вооружений, так как никто из их руководителей не желал поступаться интересами финансовых олигархий своих стран.

Достигнутый в Европе баланс сил был неустойчив, и оба блока стремились привлечь на свою сторону новых союзников. Между тем в 90-е годы в разделе и переделе мира усилилась роль США и стала участвовать Япония, активизировались Италия и Германия.

В 1894 г. Япония нанесла поражение Китаю, отторгла у него Тайвань и Пескадорские острова, а признание им независимости Кореи использовала для усиления своей экспансии. Это послужило Германии, Франции, России и Великобритании сигналом к захвату в Китае опорных баз и расширению своих сфер влияния, а надеявшиеся на свою конкурентоспособность США вскоре предложили Китаю принцип «открытых дверей» — свободного ввоза и вывоза товаров и капиталов. При этом Великобритания и США использовали усиление Японии для противодействия представлявшейся им наиболее опасной экспансии России, а Германия стремилась добиться обострения отно-

шений России с Японией и Великобританией, чтобы ослабить ее позиции в Европе. Однако это не помешало великим державам совместно организовать в 1900 г. вооруженную интервенцию для подавления развернувшегося в Китае антиимпериалистического движения.

Стремясь закрепить и расширить зону своего господства, США в 1898 г. напали на позиции Испании, нанесли ей поражение и добились ликвидации ее контроля над Кубой, Пуэрто-Рико и Филиппинами. Независимость Кубы, фактически контролировавшейся США, и переход в руки США Филиппин, Пуэрто-Рико и ряда других островов в Тихом океане значительно расширили сферу влияния США. Уступки Великобритании и расчленение Колумбии позволили США приступить к сооружению Панамского канала. Оно было завершено в 1914 г. и укрепило стратегические позиции США.

Италия, стремившаяся создать колониальную империю в Африке, в 1895 г. напала на Эфиопию. В следующем году ее войска потерпели поражение, и Эфиопии удалось отстоять свою независимость. Однако при содействии Великобритании Италия создала опорную базу на берегу Красного моря — колонию Эритрею, а также установила свой протекторат над Сомали.

После приобретения в 80-е годы первых колоний в Африке Германия была заинтересована в споре держав о Конго и в поддержке сопротивлявшегося английской экспансии Трансвааля. Однако здесь она уступила Великобритании, рассчитывая добиться гораздо большего в Османской империи, где получила концессии на строительство железной дороги Босфор—Багдад, которая должна была стать средством дальнейшей экспансии.

Быстро возраставшие притязания Германии, ее увеличивавшиеся вооружения, особенно ускоренное строительство военного флота, а главное — начавшееся вытеснение немецкими товарами с некоторых рынков английских заставило руководителей Великобритании пересмотреть свою внешнюю политику. Почти до конца 90-х годов они считали главным конкурентом Францию. С нею сталкивалась экспансия Великобритании в Африке, в Юго-Восточной Азии и в Китае. Однако Франция, признав первоочередной опасностью усиление Германии в Европе, не могла обострять отношения с Великобританией и в 1899 г. вынуждена была признать бассейн Нила сфе-

рой британского влияния в Африке, ограничив свои притязания бассейном озера Чад.

Попытка Великобритании расширить и укрепить свои владения в Южной Африке, установив контроль над республиками буров — потомков давно переселившихся туда голландцев, а также немцев и французов — Трансваалем и Оранжевой, привела к затяжной войне с ними, продолжавшейся до 1902 г. Победа дорого досталась Великобритании, военные неудачи подорвали ее престиж. Она признала права Германии, Франции и США на некоторые территории, захватить которые сама уже не имела сил, и оказалась не в состоянии добиться отказа России от дальнейшей экспансии в Азии.

Все это вынуждало правительство Великобритании начать пересмотр своей традиционной политики «блестящей изоляции» и искать союзников. В 1902 г. Великобритания заключила договор о союзе с Японией, который обеспечил последней финансовую поддержку и благожелательный нейтралитет ее экспансии в Китае и борьбе против России. Главное же — теперь Франция представлялась Великобритании не только менее опасной, чем Германия, активно расширявшая свои сферы влияния и колонии, бросившая вызов «владычице морей» строительством мощного военного флота, теснившая ее своими товарами на рынках и продолжавшая стремиться к гегемонии в Европе, но и возможной союзницей.

Как ни ценила Франция союз с Россией, он все же не был достаточной гарантией ее безопасности, поэтому она добивалась хотя бы нейтрализации или привлечения на свою сторону других европейских держав. Предоставляя кредиты и попустительствуя Италии в Северной Африке, Франция подготовила и в 1902 г. заключила с ней соглашение о взаимном нейтралитете в случае нападения на них других держав. Это несколько обесценивало для Германии участие Италии в Тройственном союзе.

Но еще большее значение имело решительное сближение Франции с Великобританией. После взаимных визитов короля Эдуарда VII и президента Лубэ, а также переговоров в 1904 г. между этими государствами было подписано соглашение о разделе сфер влияний в Африке. Тем самым преодолевалось соперничество и достигалось «сердечное согласие» двух держав. Такое согласие — *«актанта»* — открывало им возможность широкого сотрудничества в борьбе против Германии, хотя о ней в документе не было ни слова.

Хотя по **заверениям** руководителей **держав** и мнению большей части общественности все договоры тех лет имели благие цели и были направлены на упрочение мира, действительные результаты оказывались недостаточными, а иногда даже противоположными. В конце XIX в. дипломатии удалось избежать ряда вооруженных столкновений — между Германией и Францией, между Россией и Англией, между Австро-Венгрией и Россией, между Францией и Англией. Европа продолжала наслаждаться миром. Международными арбитражными судами по согласию конфликтовавших сторон в 1881—1900 гг. было мирно решено 111 международных споров. Но напряженность отношений между державами усиливалась, частота и острота конфликтов возрастали. За 20 лет до 1903 г. только в европейских государствах военные расходы возросли почти в 2 раза, а численность солдат увеличилась на 25 %.

По инициативе России в 1899 г. в *Гааге* была проведена **конференция мира**, в которой участвовало 26 государств. Принятые ею конвенции рекомендовали мирное разрешение международных споров, устанавливали некоторые нормы ведения войны, в частности, запрещали применение разрывных пуль и отравляющих веществ, обязывали гуманно обращаться с ранеными и пленными. Конференция рекомендовала державам сокращать военные расходы и вооруженные силы.

Во второй *Гаагской конференции мира*, созванной по инициативе США в 1907 г., участвовало 44 государства. Эта самая представительная после Венского конгресса конференция нового времени выработала нормы урегулирования международных споров, ограничила случаи правомерного применения вооруженной силы, конкретизировала нормы войны на суше и на море, определила права и обязанности нейтральных государств. Многие положения этих конвенций, впервые сформулировавших нормы международного права, касающиеся войны, не утратили значения и сейчас, а их нарушение квалифицируется как военное преступление.

Однако влияние гаагских конвенций, как и деятельности международных третейских судов, на развитие международных отношений было все же недостаточно эффективным. Державы придерживались их лишь настолько, насколько они соответствовали их переменчивым интересам.

После испано-американской и англо-бурской русско-японская война, вспыхнувшая в 1904 г., стала уже третьей войной за передел мира. В этом конфликте из-за сфер влияния в Корее

и Манчжурии было истрачено 2500 млн долларов и погибло 555 900 человек. Войны с применением новейшего вооружения становились все более разрушительными. А гонка вооружений усиливалась. За тринадцать лет нового века великие державы затратили на военные нужды около 90 млрд марок и увеличили свои вооруженные силы почти на 30 %.

Поражение в русско-японской войне и революция 1905—1907 гг. обнаружили слабость России. Потеряв южную часть Сахалина и сферы влияния в Манчжурии, российские правящие круги стали избегать осложнения отношений с другими державами, — как на Балканах, так и в Средней Азии. Они нуждались в союзниках, способных оказать России эффективную поддержку.

Обещанием помощи и спекуляцией на родственных узах монархов Германия убедила российское правительство подписать с ней невыгодный для России торговый договор, попыталась привлечь Россию на свою сторону и ослабить ее связь с Францией. Но ожидаемая царизмом помощь из Парижа и Лондона была значительно меньше того, что могла предоставить Германия, а конкуренция между державами была острее солидарности их монархов.

Рассчитывая воспользоваться ослаблением России и испытать прочность англо-французского соглашения, Германия в 1905 г. пошла на конфликт с Францией из-за Марокко. Однако все державы, кроме Австро-Венгрии, выступили против ее претензий, что заставило кайзера согласиться на компромисс и отложить вторжение во Францию. Активность Германии побудила Францию и Великобританию в 1906 г. договориться о военном сотрудничестве, к которому была подключена и Бельгия. А после окончания русско-японской войны произошло сближение между Великобританией и Россией. При содействии Франции в 1907 г. они подписали соглашение о разделе своих зон влияния в Персии, невмешательстве в дела Тибета и признании Афганистана сферой интересов Великобритании.

Это соглашение открыло возможность сотрудничества России и Великобритании против Германии, хотя о ней в документе и не упоминалось. Оно стало последним звеном тройственного соглашения — Франции, России и Великобритании, вошедшего в историю под названием *Антанта*. Перегруппировка сил в Европе в основном завершилась в соответствии с интересами не столько династий или идеологических пристрастий, как не раз бывало прежде, а в соответствии с интере-

сами прежде всего финансовых олигархий, которые выдавались за интересы народов.

Соперничество двух блоков и Балканские войны. С 1907 г. соперничество Антанты и австро-германского блока стало основным стержнем межгосударственных отношений. Конфликты между ними следовали один за другим, перемещаясь с периферии к Европе и все более увеличивая международную напряженность.

Великобритания, стремившаяся сохранить свое военноморское превосходство, пыталась договориться с Германией об ограничении морских вооружений. Но Вильгельм II отклонил ее предложения, заявив, что против требования ограничить морские вооружения Германии «мы будем воевать, ибо это вопросы национальной чести и достоинства». Германия ускорила строительство мощных новейших военных кораблей, а руководители Великобритании решили строить «два кила против одного».

Германия вместе с Австро-Венгрией активизировала экспансию на Балканах и Ближнем Востоке, вторгаясь в сферы интересов России и Великобритании. В 1908 г. Австро-Венгрия присоединила к себе давно оккупированные Боснию и Герцеговину и предложила Болгарии и Румынии разделить на троих Сербию. Сербия готовилась дать отпор любому вторжению, рассчитывая на поддержку России. Но Россия не была готова к войне с Австро-Венгрией, на стороне которой выступала Германия, в 1909 г. прямо обязавшаяся помочь империи Габсбургов, если Россия вмешается в австро-сербские отношения. Под давлением Германии Россия признала власть Австро-Венгрии над Боснией и Герцеговиной. Под угрозой военного вторжения войск Австро-Венгрии за Россией последовала и Сербия. Но воспользовавшись обеспокоенностью Италии усилением позиций Австро-Венгрии, Россия договорилась с ней совместно противодействовать дальнейшей экспансии империи Габсбургов на Балканах, а в обмен на согласие России с планами Италии в Северной Африке Италия обещала благожелательно относиться к заинтересованности России в свободе проливов — Босфора и Дарданелл.

Россия тщетно пыталась ослабить сближение между Германией и Австро-Венгрией, а Германии не удавалось оторвать Россию от Антанты. Из-за обострявшейся конкуренции между ними все русско-германские переговоры и даже встречи импе-

раторов приводили только к соглашениям по второстепенным вопросам — о разграничении сфер интересов на Ближнем Востоке, в Персии.

Укрепление союза с Австро-Венгрией и относительное ослабление России позволяли Германии усилить нажим на Францию. Воспользовавшись вторжением французских войск в Марокко в 1911 г., Германия направила в Агадир свой военный корабль и заявила о намерении захватить часть Марокко. Конфликт мог привести к войне. Но против притязаний Германии решительно выступила Великобритания, не желавшая появления германских колоний вблизи Гибралтара. Германия тогда не решилась на столкновение с Антантой и ей пришлось удовольствоваться частью Конго, которую уступила ей Франция в обмен на признание своей власти над Марокко. Но с тех пор стало очевидно, что война между европейскими державами может вспыхнуть даже из-за колоний, не говоря уже о более серьезных взаимных претензиях.

Воспользовавшись марокканским кризисом, Италия в 1911 г. при благожелательном отношении Франции и России и в надежде на нейтралитет других держав предъявила ультиматум Османской империи и под предлогом заботы о жителях Триполи и Киренаики оккупировала эти турецкие колонии в Северной Африке. Раздираемая внутренними противоречиями Османская империя не могла эффективно защищаться, хотя арабы в Африке оказывали итальянским войскам ожесточенное сопротивление. По мирному договору 1912 г. султан предоставил Триполи и Киренаике полную автономию, а фактически они перешли под контроль Италии.

В условиях растущей напряженности неудачу потерпела еще одна попытка Великобритании заключить с Германией соглашение, по которому каждая из них обязуется не участвовать в неспровоцированном нападении на другую. Руководители Германии предложили иную формулу: каждая сторона обязуется соблюдать нейтралитет, если другая окажется вовлеченной в войну. Это означало бы разрушение Антанты, на что Великобритания не решилась. В действительности о взаимном нейтралитете Германии и Великобритании не могло быть и речи, так как экономическая конкуренция ожесточалась, а гонка вооружений усиливалась. Англо-германские переговоры 1912 г. дали надежду на урегулирование только второстепенных противоречий из-за сфер влияния, но вызвали

У правящих кругов Германии иллюзию, будто нейтралитет Великобритании в европейской войне не исключен.

Дальнейшее ослабление Османской империи, давно считавшейся «больным человеком Европы», привело к возникновению направленного против нее блока Балканских государств. Он был создан по инициативе Сербии, поддержанной Россией и Францией. Весной 1912 г. были подписаны сербско-болгарский и греко-болгарский договоры, солидарно с которыми действовала Черногория, первой начавшая 9 октября военные действия против Османской империи. Вооруженные силы Балканских государств быстро разгромили турецкую армию (*первая Балканская война*).

Успехи балканского блока встревожили Австро-Венгрию и Германию, опасавшихся усиления Сербии, особенно присоединения к ней Албании. Обе державы были готовы противодействовать Сербии силой. Это вызвало бы столкновение с Россией и всей Антантой, что подтвердила Великобритания. Европа оказалась на грани войны. Чтобы избежать ее, в Лондоне было проведено совещание послов шести великих держав. На нем Антанта покровительствовала Балканским государствам, а Германия и Австро-Венгрия — Османской империи, но им все же удалось договориться, что Албания станет автономией под верховной властью султана и сербские войска из нее будут выведены.

После долгих и сложных переговоров только в мае 1913 г. между Османской империей и Балканскими государствами был подписан мирный договор. Османская империя потеряла почти всю свою европейскую территорию, Албанию и Эгейские острова.

Однако из-за этих территорий вспыхнул конфликт между победителями. Черногорский князь осаждал Скутари, не желая уступать его Албании. А Сербия и Греция при поддержке Румынии, требовавшей от Болгарии компенсации за свой нейтралитет, добивались от Болгарии части доставшихся ей территорий. Тщетно российская дипломатия пыталась предотвратить новый конфликт. Поощряемая Австро-Венгрией Болгария выступила против своих бывших союзников. Вспыхнула *вторая Балканская война*. Австро-Венгрия приготовилась поддержать Болгарию вооруженной силой. Только предостережения Германии, считавшей момент неудачным, и Италии удержали ее от выступления. Болгария, против которой воевала и Османская империя, потерпела поражение.

Вновь послы великих держав в Лондоне занялись балканскими делами, стремясь привлечь на сторону своих блоков Балканские государства и подкрепляя свои аргументы кредитами. В августе 1913 г. между участниками второй Балканской войны был подписан мирный договор, по которому значительную часть Македонии получили Сербия и Греция, Румынии досталась Южная Добруджа, а Османской империи — часть Восточной Фракии.

Балканские войны привели к перегруппировке сил. Австро-германский блок усилил свое влияние на Османскую империю, закрепленное посылкой туда германской военной миссии, и привлек на свою сторону Болгарию. А Антанта сохранила преобладающее влияние в Сербии, Черногории и Греции и привлекла на свою сторону Румынию. Балканы, средоточие переплетающихся интересов и конфликтов, превратились в пороховой погреб Европы.

В конце XIX — начале XX в. расширение непосредственных связей между населением и общественными организациями стран Европы и Америки выразилось в активизации ранее созданных и появлении ряда новых международных католических, пацифистских и других неправительственных организаций. Вместо прекратившего свою деятельность в 1876 г. Международного товарищества рабочих в 1889 г. социалистами стран Европы и Америки был создан *II Интернационал*. С 1899 г. созывались ежегодные конференции парламентариев многих стран — *Межпарламентского союза*. Появились интернациональные отраслевые объединения профсоюзов, а затем и *Международная конфедерация профсоюзов*, международные союзы женщин, молодежи. В 1894 г. по инициативе французского общественного деятеля *Пьера де Кубертена* был создан *Международный олимпийский комитет*, объединивший спортивные организации для регулярного проведения всемирных Олимпийских игр. Неправительственные международные организации стали реальными субъектами международных отношений и по-своему способствовали взаимопониманию народов и поддержанию мира.

Папство. Среди католиков, которые составляли большинство населения многих государств, высшим моральным авторитетом пользовалась католическая церковь, возглавлявшаяся римскими папами. Но папство ожесточенно сопротивлялось усиливавшимся в мире либерально-демокра-

тическим и социалистическим тенденциям. Еще в 1864 г. папа Пий IX энцикликой *Suaipi Siga* осудил как «заблуждения» почти все достижения светской науки и политической мысли последних столетий, а Вселенский собор в 1870 г. заявил о непогрешимости папских решений в области веры и нравственности.

Потеряв вскоре принадлежавшие ему территории, кроме Ватикана, Латеранского собора и виллы Кастель-Гандольфо (см. гл. 22), папство тем ожесточеннее вело борьбу среди верующих против так называемых *старокатоликов*, не признававших непогрешимость папы, и *модернистов*, пытавшихся совмещать лояльность церкви с признанием достижений науки.

Папство не могло игнорировать растущее рабочее движение. В энциклике *Кегшп поуагит* в 1891 г. Лев XIII обратил внимание верующих на необходимость поиска христианского решения социальных проблем как альтернативы распространявшимся социалистическим «заблуждениям». Подтвердив законность частной собственности, папа не допускал ее использования без пользы для общества, осуждал капитализм как новую форму ростовщичества и выступал за элементарные права трудящихся. Это поддержало возникшие во многих странах *социально-христианские движения*.

Но гораздо больше внимания папство уделяло распространению католицизма, направляя свои миссии и учреждая новые приходы и епархии, организуя подготовку местного духовенства в Африке и Азии. Лев XIII выступал поборником возвращения отколовшихся церквей в лоно католицизма и стремился к установлению связей с протестантскими центрами.

В целом же, сосредоточившись на защите и укреплении своих позиций, папство в конце XIX — начале XX в. не уделяло необходимого внимания острым социальным проблемам и войнам, все более волновавшим всех верующих. Его осуждение классовой и национальной розни, а также русско-японской и других войн было слишком абстрактным, чтобы иметь практическое значение. Все это не способствовало сохранению его влияния, особенно после «культуркампа» в Германии и успехов антиклерикального движения во Франции.

Пацифистское движение. С 80-х годов XIX в. быстро росло массовое движение, получившее в начале XX в. название *пацифистского* (см. гл. 17). Его руководители

в странах Европы и Америки опирались на разнообразные религиозные и философские идеи о высшей ценности человеческой жизни, о приоритете права, а не насилия, о возможности и необходимости мирного решения всех социальных и национальных конфликтов, исключения войн из жизни общества.

После франко-германской войны, резко осужденной пацифистами, во многих европейских странах и США возникли общества сторонников мира, к которым примкнули некоторые парламентарии, а швейцарец *И. К. Блюнчли* разработал принципы европейского союза государств, в котором исключались бы войны.

Популярность идей всеобщего мира росла по мере того, как население европейских государств осознавало тяжелые последствия милитаризма, гонки вооружений, острых международных конфликтов и все чаще вспыхивавших войн. В возникавших повсюду пацифистских организациях участвовали рабочие и промышленники, крестьяне и торговцы, художники и ученые, служащие, журналисты и парламентарии, религиозные и политические деятели. В их числе были депутат французского парламента *Ф. Пасси*, бывший плотник и секретарь тред-юнионов *Р. Пример*, австрийская баронесса *Б. фон Зуттнер*, создатели исследовательско-просветительского Института международного права в Генте и многие другие. При всем разнообразии их взглядов общим для них было стремление добиться обязательного решения всех международных конфликтов третейскими судами, прекратить гонку вооружений и приступить к всеобщему разоружению, свести к минимуму применение насилия даже как инструмента права. Они были решительными противниками нового империализма, национализма и шовинизма, а также милитаризма. Многие из них считали возможным достичь этих целей уже в недалеком будущем, полагая, что возрастающая разрушительность новейших видов оружия заставит правящие круги держав воздержаться от войн.

Эти цели и инициативы пацифистов соответствовали устремлениям широких масс населения и потому приобрели значительное влияние. Конечно, некоторые государственные деятели стремились использовать популярность пацифистских идей в своих конъюнктурных целях, а другие считали их утопичными, но не считаться с ними уже не могли.

В июне 1889 г. Международный конгресс посланцев около 100 пацифистских организаций, съехавшихся в Париж из многих стран, положил начало их регулярным интернациональным связям. Сразу после конгресса состоялась Межпарламентская конференция пацифистов-парламентариев, в которой участвовали 97 депутатов из 10 стран, решивших согласовывать свои выступления.

К 1912 г. в 19 странах — от Великобритании и Германии до США и Японии — действовало уже 136 пацифистских союзов. Появилось более 20 международных центров, разрабатывавших и популяризовавших идеи и политику пацифизма. Среди них наиболее влиятельным было основанное третьим Международным мирным конгрессом в 1891 г. *Международное бюро мира* в Берне. Кроме того, пацифисты располагали во всем мире 33 периодическими изданиями и публиковали немало своей литературы. Их влияние простиралось далеко за пределы этих организаций и изданий. Они получили поддержку ряда национальных рабочих организаций, например, Великобритании, Франции, и международных профсоюзных центров металлистов, текстильщиков, учителей и других, а также Всемирного объединения юношеских союзов «решительного христианства», насчитывавших миллионы молодых людей. В ряде стран — во Франции, Великобритании, Германии, США и других — нередко проводились конгрессы мира, собиравшие там всех сторонников пацифизма.

Не ограничиваясь пропагандой своих идей, пацифисты при поддержке сочувствующих организовывали массовые митинги, демонстрации и петиции в поддержку конкретных требований и для осуждения агрессивных действий держав, нарушений гаагских конвенций. В начале 90-х годов ими было собрано 100 млн подписей граждан 10 европейских государств под Всемирной петицией, требовавшей конкретных мер для сохранения мира. Петиции направлялись участникам Гаагских конференций, велась широкая кампания за созыв третьей Гаагской конференции.

Каждые два-три года проводились *международные конгрессы мира и межпарламентские конференции пацифистов*, круг участников которых неуклонно расширялся. В 1912 г. в Женеве на XIX Всемирном конгрессе мира участвовали 600 делегатов, а на XVII Межпарламентской конференции пацифистов были представлены 200 парламентариев из 16 государств. Эти конгрессы и конференции осудили все акты агрессии и на-

силиия, все нарушения гаагских конвенций. Программа действий пацифистов была дополнена требованиями уважения равноправия народов и их права на самоопределение, отказа граждан и государств от поддержки государства, которое начнет войну, запрещения воздушной войны, а также курсом на союз и сотрудничество с растущим рабочим движением, как и всеми другими силами, хотя бы частично поддерживавшими требования пацифистов.

Деятельность пацифистов получила широкое признание. С 1901 по 1911 г. 15 деятелей, внесших значительный вклад в реализацию идей пацифистского движения, в том числе и *Т. Рузвельт* (за посредничество в заключении мира между Россией и Японией), а также две международных организации получили Нобелевские премии мира. Пацифистское движение мирными средствами добивалось реализации идей, выражавших коренные потребности человечества, но далеко опередивших возможности того времени. Оно способствовало предотвращению одних и смягчению других конфликтов, а также созданию правовой основы их мирного урегулирования. Хотя разразившаяся в 1914 г. мировая война и перечеркнула усилия пацифистов, их идеи и опыт не могут быть забыты.

II Интернационал. Существенное влияние на развитие международных отношений оказало интернациональное объединение рабочих организаций всех стран — *// Интернационал*. Его создание и развитие опиралось на рост рабочего движения и распространение социалистических идей, начатое I Интернационалом. Это было обусловлено стремительным расширением индустриального производства, число занятых в котором к концу XIX в. превысило 40 млн, а к 1914 г. достигло примерно 70 млн человек. Они стали главной производительной силой и одним из двух основных классов общества индустриально развитых стран. Большая часть рабочих беспощадно эксплуатировалась, и миллионы их периодически оказывались безработными.

Расширение прав и улучшение положения этих масс, как свидетельствовал опыт десятилетий, зависели не столько от количества и качества их труда, сколько от их экономических и политических выступлений, которые организовывались профсоюзами и рабочими партиями. К концу 80-х годов в развитых странах ежегодно проводились сотни забастовок, в них участвовали сотни тысяч рабочих. Почти во всех этих странах

профсоюзы стали массовыми; общая численность членов профсоюзов достигла 2 млн, появились и рабочие партии, добившиеся своего представительства в парламентах пяти стран.

В рабочем движении еще более популярными, чем прежде, стали социалистические идеи — о переустройстве общества на основе приоритета общественных, а не индивидуальных интересов, о ликвидации частной и установлении господства общественной собственности, о справедливом распределении благ — по труду и даже по потребностям. Хотя большинство рабочих участвовало в движении прежде всего ради конкретного улучшения своего положения, тысячам трудящихся социалистические идеи казались радикальной альтернативой обществу, в котором преобладали индивидуальные интересы владельцев капиталов. При этом одни поборники социализма стремились продвигаться к социальной справедливости дорогой реформ, другие ратовали за социалистическую революцию — захват власти и насильственное переустройство общества, третьи — анархисты — призывали к уничтожению всякой власти, к анархии как условию реализации социальной справедливости.

Наиболее влиятельным было социалистическое направление, опиравшееся на идеи К. Маркса (умер в Лондоне в 1883 г.) и Ф. Энгельса — **марксизм**. Оно привлекало многих не только аргументированной системой критики капитализма, не только нравственной непримиримостью, но и научным характером суждений о закономерности его гибели, необходимости революции, об освободительной роли пролетариата и неизбежности торжества коммунизма. Главное же — в то время марксизм указывал более эффективные, чем предлагали другие течения, средства организации и борьбы трудящихся за улучшение своего положения. Это позволило марксистам к концу 80-х годов взять верх над другими социалистическими течениями в борьбе за гегемонию в интернациональном сплочении рабочего движения.

По их инициативе в июле 1889 г. в Париже состоялся **Международный социалистический конгресс**, в котором участвовали представители организованных рабочих 20 стран. Конгресс проходил под лозунгом «Цель социалистов — экспроприация кассы капиталистов, обобществление средств производства!». Он призвал трудящихся ежегодно 1 мая во всех странах проводить массовые выступления с требованием установления 8-часового рабочего дня и улучшения условий труда. Для достижения мира он предложил добиваться ликвидации постоянных

армий и вооружения самих народов, чтобы они могли воспрепятствовать агрессивности буржуазии. Конгресс не создал организационного центра, но положил начало // **Интернационалу** — периодическим международным конгрессам рабочих организаций, систематическому взаимодействию рабочих партий и профсоюзов всех стран и первомайским демонстрациям их интернациональной солидарности.

Интернационал не сковывал самостоятельности рабочих организаций даже после того, как в 1900 г. для координации действий было создано **Международное социалистическое бюро**, начала работать межпарламентская комиссия депутатов-социалистов, а в 1907 г. выработан устав Интернационала. Большинство входивших в него партий и профсоюзов придерживалось социалистической ориентации, но интерпретировало ее по-разному. Тем большее значение для обмена опытом и выработки общего направления деятельности имели международные конгрессы, собиравшиеся в разных городах Европы раз в два-три года, а с 1900 г. еще и межпарламентские конференции депутатов-социалистов. Всего состоялось десять таких конгрессов.

Ведущая роль на них принадлежала марксистам, опиравшимся на успехи германской социал-демократии, французских социалистов и социал-демократов Австро-Венгрии. Их лидерами были В. Либкнехт, А. Бебель, Ж. Гед, П. Лафарг, Б. Адлер, К. Каутский, которых до своей кончины в 1895 г. поддерживал проживавший в Лондоне Ф. Энгельс.

После ряда острых дискуссий на четырех конгрессах, большинством марксистов и социал-реформистов на Лондонском конгрессе было установлено, что условием участия в Интернационале является признание необходимости самостоятельной политической организации рабочих и завоевания политической власти. Это исключило участие в нем анархистов. Однако анархо-синдикалисты, участвовавшие в политической борьбе, но считавшие главной силой переустройства общества профсоюзы, продолжали работать в Интернационале.

В результате обострения классовой борьбы в начале XX в., особенно революции 1905—1906 гг. в России, усилились разногласия среди самих марксистов. Например, Э. Бернштейн считал ошибочными взгляды Маркса на поляризацию общества, на непримиримость взаимного противостояния буржуа и пролетариев, а часть марксистов вслед за Бернштейном стала ориентироваться на эволюцию общества и реализацию социальной справедливости путем реформ, а не революции, посредством сотру-

ничества, а не противоборства классов. Многие марксисты осуждали эти взгляды как ревизию марксизма, называли ревизионизмом, а социал-реформисты поддерживали ревизионистов и вместе с ними составили правое крыло социал-демократии.

Часть марксистов, ссылаясь на революцию в России и массовые выступления трудящихся в иных странах, взяла курс на подготовку революций, на решительную, вплоть до вооруженной, борьбу за власть и установление диктатуры пролетариата. Такую экстремистскую трактовку марксизма большевики России и левые социал-демократы других стран (Р. Люксембург) считали развитием марксизма в изменившихся условиях, якобы созревших для всемирной победы социализма. Своих противников левые осуждали как оппортунистов.

С начала XX в. на конгрессах Интернационала, на межпарламентских конференциях депутатов-социалистов и в Международном социалистическом бюро развернулась острая борьба между правыми и левыми; наиболее активными левыми были возглавлявшиеся В. Лениным большевики. Президиумам конгрессов Интернационала потребовалось немало усилий, чтобы сохранять единство, предотвращать расколы, которых не могли избежать в те годы большинство рабочих партий. Президиумы и Бюро опирались на марксистов, стремившихся избегать крайностей — А. Бебеля, К. Каутского, В. Адлера, считавших предпочтительным курс реформ, но не исключавшим революции, если иной путь станет действительно невозможным. Левые упрекали их за недостаточную революционность и называли центристами. Однако именно центристы более всего заботились о том, что спланивало все рабочие организации в борьбе за улучшение положения трудящихся в самых различных условиях.

Конгрессы Интернационала, а также его Бюро и межпарламентские конференции депутатов-социалистов немало сделали для упрочения социалистической ориентации рабочего движения, анализа опыта и происшедших изменений, выдвижения новых требований трудящихся, рекомендации эффективных средств организации и способов борьбы.

Резолюции конгрессов обобщали требования улучшения социально-экономического положения трудящихся и расширения их прав и свобод: установления 6-часового рабочего дня и еженедельного дня отдыха, охраны труда, особенно женщин и детей, ликвидации дискриминации их и рабочих национальных меньшинств, иммигрантов в оплате труда, пособий безра-

ботным, свободы союзов и собраний, а также свободы слова и всеобщего равного прямого избирательного права. Но условием освобождения трудящихся от эксплуатации конгрессы считали переход власти в руки рабочего класса и установление общественной собственности на средства производства.

Конгрессы рекомендовали укреплять рабочие партии, организовать их взаимодействие с профсоюзами и кооперативами, издавать рабочие газеты и расширять пропаганду социализма, вовлекать в движение за социализм женщин, молодежь, сельскую бедноту. Особое внимание уделялось участию в выборах представительных органов власти и выступлениям в парламентах, изменению законов в интересах трудящихся. Предлагалось добиваться удовлетворения требований трудящихся проведением стачек, митингов и демонстраций. Был рекомендован российский опыт организации массовых политических стачек. Амстердамский конгресс (VI) выработал международные правила социалистической тактики. Для предотвращения или прекращения войны рекомендовались все формы массовых выступлений, не исключая вооруженные. Международное социалистическое бюро способствовало организации интернациональной помощи крупным выступлениям трудящихся и массовых выступлений в поддержку российской революции и в защиту жертв колонизаторов.

Конгрессы осуждали колониализм и выступали за равноправие и самоопределение народов. Они отвергали национализм и шовинизм и ориентировали рабочие организации на борьбу против милитаризма, на работу в войсках, среди солдат. Особое внимание уделялось интернациональным массовым выступлениям против опасности возникновения войны в Европе в связи с конфликтами между Францией и Германией, а также на Балканах. В этом Интернационал стал на путь сотрудничества с пацифистами. В ноябре 1912 г. чрезвычайный конгресс в Базеле (IX) определил задачи рабочих организаций всех государств в борьбе против войны, ориентируя их на опыт Парижской коммуны 1871 г. и российской революции. Подчеркивая заинтересованность рабочего класса в сохранении мира, этот конгресс вместе с тем подтвердил резолюцию Штутгартского (VII) конгресса, что в случае возникновения войны социалисты должны использовать вызванный ею кризис для ускорения свержения капитализма. По инициативе социалистов в День мира — 17 ноября 1912 г. — по Европе прокатилась волна массовых антивоенных выступлений.

Несмотря на утопичность целей Интернационала, при его содействии к 1914 г. окрепли рабочие партии в 25 странах. Они были не однотипны, некоторые были вынуждены действовать нелегально, но общая их численность достигла 4,2 млн. Они издавали свыше 600 газет и журналов. За них на выборах в 14 странах голосовало свыше 10 млн избирателей, что дало социалистам в парламентах этих стран почти 650 мест.

При поддержке Интернационала во многих странах выросли мощные профсоюзы, к 1914 г. насчитывавшие свыше 10 млн членов. Их большую часть объединяли национальные профцентры, а также 29 отраслевых международных секретариатов, которые в 1913 г. создали *Международную Федерацию профсоюзов*. Интернационалом были проведены две международные социалистические конференции женщин и в 1910 г. установлен Международный женский день — день солидарности в борьбе за равноправие женщин. В социалистическом движении многих стран участвовали более 200 тыс. женщин. В 1907 г. на Международной конференции социалистической молодежи было положено начало Интернационалу социалистической молодежи, объединившему молодежные организации, насчитывавшие около 180 тыс. человек.

Опиравшийся на все эти силы II Интернационал оказывал заметное влияние на развитие международных отношений. Целый ряд выдвигавшихся им социально-экономических и политических требований в результате борьбы трудящихся в некоторых странах был реализован. Их правящие круги не могли не учитывать настроения миллионов сторонников Интернационала и в проведении своей внешней политики.

Однако лидеры Интернационала и многих рабочих организаций, окрыленные некоторыми успехами и увлеченные намеченной марксистами перспективой, не замечали, что в рабочем движении участвует лишь небольшая часть всех трудящихся, и для большинства из них, не говоря уже об остальных, общность национальных интересов, как бы их ни искажали националисты, была намного выше интернациональной солидарности пролетариата. Это чувствовали многие деятели социал-демократии, иногда смыкаясь с националистами, и это вполне обнаружилось с началом Первой мировой войны. Ее развязыванию оказались неспособными помешать ни пацифисты, ни интернационалисты.

ГЛАВА 31 Мировая война ~ 1914-1918 гг. Начало глобального кризиса

Широкомасштабное вооруженное столкновение европейских держав началось для большинства современников неожиданно. Когда сербский патриот Гавро Принцип 28 июня 1914 г. застрелил в Сараево эрцгерцога Франца Фердинанда, присутствовавшего на учениях австро-венгерских войск в Боснии, ни он, ни узнавшие о сенсации из газет европейцы не думали, что смерть эрцгерцога станет поводом для действий, которые через месяц приведут к мировой войне.

Июльский кризис. Однако руководители Австро-Венгрии и Германии еще до расследования покушения решили использовать его в качестве предлога, чтобы, как выразился Вильгельм II, «покончить с сербами».

Это решение казалось весьма обдуманном. Австро-Венгрия полностью полагалась на поддержку Германии, которая уже подготовила свои вооруженные силы к войне. Можно было надеяться, что еще не готовая к войне Россия не решится защищать Сербию, а если и выступит, то против Австро-Венгрии и Германии не устоит. Если на помощь России придет Франция, то у Германии уже давно был разработан план молниеносного разгрома Франции, после чего немецкие генералы, вопреки предостережениям Бисмарка, не сомневались в победе над Россией. При этом руководители австро-германского союза не теряли надежду на нейтралитет Великобритании, но считали, что в любом случае она, не имея мощных сухопутных войск, не сможет помешать их победам на континенте.

Почти месяц руководители держав и общественное мнение Европы обсуждали гибель эрцгерцога и возможные последствия. Правительство России рекомендовало Сербии пойти на уступки, но вместе с тем готовилось к мобилизации. Посетивший Петербург президент Франции Пуанкаре советовал Рос-

сии помочь Сербии и заверял, что Франция «будет верна своему союзническому долгу». Правительство Великобритании считало нужным дать отпор притязаниям австро-германского блока, но желало, чтобы первыми выступили Россия и Франция. При этом оно остерегалось высказываться прямо, оставляя немцам надежду на нейтралитет. А руководители Германии, опередившей других в вооружениях, решили не упускать случай для разгрома России и Франции.

Большинству населения казалось, что очередной острый балканский конфликт закончится компромиссом. Пацифисты и интернационалисты в парламентах, на митингах и демонстрациях осуждали агрессивность руководителей держав и все же надеялись на их благоразумие.

Возложив ответственность за сараевское убийство на Сербию, правительство Австро-Венгрии с согласия Германии предъявило сербским властям такие требования, принятие которых означало бы потерю Сербией независимости. Хотя сербское правительство и приняло большинство этих требований, 28 июля Австро-Венгрия, двинув против Сербии свои войска, начала войну.

Российское правительство ответило мобилизацией. Руководители Германии потребовали ее прекращения, а когда Россия отклонила их ультиматум, 1 августа Германия вступила в войну с Россией. 2 августа германские войска заняли Люксембург, а 3 августа Германия объявила войну Франции. Растоптав бельгийский нейтралитет как «клочок бумажки», немецкие армии через территорию Бельгии двинулись к Франции. К досаде кайзера в защиту нейтралитета Бельгии против Германии выступила Великобритания. Вместе с европейскими державами в войну были вовлечены их доминионы и колонии и война уже в августе стала мировой.

Мировая война явилась началом длительного глобального кризиса либерально-капиталистической цивилизации. «Светильники погасли над всей Европой. Наше поколение уже не увидит, как они снова зажгутся», — пронизательно заявил тогда британский министр *Э. Грей*.

Войной правящие круги держав пытались сплотить подвластные народы. Но события постепенно вышли из-под контроля и их попытка оказалась подобной тушению пожара бензином. Разгораясь, война привела к обострению не только тех проблем, которые пытались ею решить, но и всех других противоречий либерально-капиталистической цивилизации. Она

погубила миллионы людей, разрушила огромные ценности, неожиданным образом изменила судьбы многих держав и народов. Поиски выхода из порочного круга обострившихся противоречий усилили стремление людей к переустройству мира.

Причины мировой войны и цели ее участников. Причинами Первой мировой войны были столкновения интересов европейских великих держав, в основе которых лежали стремления финансовых олигархий. Представлялось, что без возвращения утерянных в 1871 г. территорий и перенесения границы на Рейн не могут быть удовлетворены потребности французского народа, тем более его амбиции играть ведущую роль на континенте. Без сокрушения Германии как главного конкурента, казалось, не могут быть удовлетворены жизненные потребности народа Великобритании. Утверждалось, что без сокрушения германской конкуренции, защиты славян от Австро-Венгрии и расширения влияния на Балканах вплоть до Черноморских проливов не может развиваться Россия. Перспективы развития немецкого народа связывались с сокрушением его конкурента Великобритании, с разгромом Франции и объединением государств континента (Серединной Европы) под руководством Германии, с колонизацией европейской части России. Доказывалось, будто народы Австро-Венгрии не могут жить спокойно, если не будут разгромлены очаги панславянского движения на Балканах и его главный оплот — Россия.

Значение этих целей подчеркивалось правящими кругами в каждой стране тем решительнее, чем больше они стремились сплотить население и преодолеть внутренние центробежные тенденции, подавить социалистические и оппозиционные националистические силы.

Главным очагом противоречий была Европа, хотя правящие круги каждой из великих держав не упускали из вида расширение за счет противников своих заморских владений и сфер влияния на Ближнем Востоке, в Китае и Африке. В ходе войны ими разрабатывались разнообразные планы радикального передела всего мира.

При всем том цели, выдвинутые правящими кругами европейских держав, нелегко оценить однозначно: в них действительные национальные интересы переплетались с националистическими амбициями. Более всего амбиции династий и олигархий преобладали в Германии, Австро-Венгрии и России.

Безусловно империалистическим и преступным являлось средство достижения этих целей — война. Ответственность за его выбор целиком лежит на правящих кругах великих держав, имевших возможность избежать ее. Справедливой война была лишь со стороны Бельгии и Сербии, вынужденных отстаивать свое существование.

Большинство населения в каждой европейской стране видело в государстве выразителя общих интересов народа, не отличало свои действительные потребности от устремлений олигархий и не имело иных представлений о путях их удовлетворения, чем предложенные правящими кругами. Часть людей была заражена национализмом и даже шовинизмом. Конечно, многие сомневались в том, что цели держав недостижимы без войны, и не хотели воевать. Но правящие круги привлекли их на свою сторону, взваливая ответственность за развязывание войны на противника и выступая против его очевидных негативных черт: Германии — милитаризма, Франции — реваншизма, Великобритании — гегемонизма и коварства, России — реакционности царизма, в Австро-Венгрии — угнетения славян.

Ни мольбы верующих, ни призывы пацифистов, ни демонстрации социалистов помешать развязыванию войны не смогли. Антивоенные лозунги потонули в мощной волне националистических выступлений и шовинистических демонстраций. Во Франции неукротимый поборник мира Жорес был убит националистом. Во всех странах власти ограничивали и пресекали активность противников войны. Большинство лидеров демократов и социалистов не могло отличить действительные национальные интересы от националистических амбиций, выдвинуть убедительную альтернативу решению международных противоречий силой оружия.

Увидев, что сознание национально-государственной общности людей намного сильнее интернациональной солидарности пролетариата, многие из этих лидеров стали поддерживать правительства своих стран, используя авторитет своих организаций — рабочих партий и профсоюзов. Социал-демократическая фракция германского рейхстага проголосовала за военные кредиты и вместе с руководством профсоюзов провозгласила «гражданский мир» ради сплочения населения в войне. Руководители австрийской социал-демократии призывали всех «на бой с царизмом». Французские социалисты вскоре после гибели Жореса проголосовали в парламенте за военные кредиты, а их лидеры вступили в правительство. В Ве-

ликобритании тред-юнионы объявили «мир в промышленности», а некоторые деятели социалистов призывали народ «бороться против германского империализма».

Отказ крупнейших рабочих организаций государств, вступивших в войну, от интернациональной солидарности и классовой борьбы означал их идейно-политическую переориентацию и привел к распаду II Интернационала. Никто не мог созвать ни намеченный новый его конгресс, ни Международное социалистическое бюро. Распалось и пацифистское движение.

Только немногие революционеры-интернационалисты ряда стран, прежде всего большевики, объявили войну империалистической со стороны всех ее основных участников, осудили поддержку социалистами правительств своих стран как социал-шовинизм и в духе довоенных резолюций Интернационала призывали трудящихся начать гражданскую войну за свержение капитализма. Но отклика масс им пришлось ждать более двух лет.

Тем временем война разгоралась, масштабы ее увеличивались. В конце августа войну Германии объявила Япония. Ее цели были очевидны: она захватила немецкие колонии на Дальнем Востоке и в Тихом океане. Осенью руководители Османской империи пропустили в Черное море военные корабли Германии, которые обстреляли берега России. Под давлением немцев Османская империя была втянута в войну против Антанты, что потребовало части ее сил для фронта в Закавказье и прервало связь России с союзниками через проливы. А на стороне Антанты против Османской империи выступил контролировавшийся англичанами Египет.

В целом людские и материальные ресурсы Антанты и ее союзников многократно превышали ресурсы Германии и Австро-Венгрии. После мобилизации Антанта располагала почти 11 млн бойцов, в том числе около 5,5 млн выставила Россия, а Германия и Австро-Венгрия вместе имели только 6,1 млн. Но австро-германский блок рассчитывал на развал Антанты, используя компактность и мобильность своих сил, стремился разбить противников порознь и смог ценою собственного истощения нанести им тяжелые потери.

Провал блицкрига. Германское командование в основном придерживалось плана, разработанного генералом Шлиффеном. На Западном фронте, где были сосредоточены главные силы Германии, она располагала перевесом при-

мерно в 10 корпусов над войсками Франции, Бельгии и поспешившим туда английским экспедиционным корпусом. 3/4 имевшихся там германских войск было сосредоточено на правом фланге, который двинулся через слабо защищенную бельгийскую границу, чтобы начать окружение основных сил противника, прижать их к швейцарской границе и «до осеннего листопада» уничтожить. После разгрома Франции наступила бы очередь России.

Пройдя за три недели Бельгию, превращенную оккупантами в генерал-губернаторство, германские корпуса сломали сопротивление французских войск на границе и вторглись во Францию. Хотя им, вопреки плану Шлиффена, не достало сил, чтобы обойти французские дивизии с северо-запада, четыре немецкие армии форсировали реку Марну от Мо до Шолона, к сентябрю подошли к Вердену и угрожали Парижу. Над Францией нависла смертельная опасность. Ее правительство временно покинуло столицу.

Развертывание, снаряжение и сосредоточение войск России еще не были завершены, когда правительство Франции обратилось к российскому правительству с просьбой о безотлагательной помощи. И русские войска были брошены в наступление.

Две российские армии заняли значительную часть территории Восточной Пруссии, вызвав панику среди прусских помещиков. Это заставило германское командование спешно перебросить туда из Франции два стрелковых корпуса и кавалерийскую дивизию, направить на защиту Восточной Пруссии часть резервов, предназначавшихся для наступления во Франции.

Из-за несогласованности действий командования одна российская армия потерпела у Мазурских озер поражение, а другую немцы вытеснили из Восточной Пруссии.

Но наступление нескольких армий России в южном направлении продолжалось. Прорвав оборону австро-венгерских войск, отбросив их и осадив крепость Перемышль (Пшемьсль), русские армии заняли принадлежавшие Австрии часть Польши и Галицию. Попытка немецких войск помочь австро-венгерским союзникам ударом на Варшаву потерпела провал: они были отброшены русскими более чем на 100 км. Продвижение российских войск создало угрозу важным для Германии промышленным районам — Силезии и Познани. К тому же русские вновь вступили в Восточную Пруссию.

Только острая нехватка боеприпасов и продовольствия тормозила их наступление. Но для того, чтобы их остановить, Германии пришлось перебросить сюда из Франции еще шесть корпусов и другие войска. Непоготовленное наступление стоило России огромных жертв, которые, возможно, спасли Францию.

Французскому командованию удалось сосредоточить превосходящие немцев силы против их правого крыла. 5 сентября, в день, когда российская армия вступила во Львов, французские войска начали наступление от Парижа: развернулась битва на Марне. Тяжелые потери заставили немцев несколько отступить: угроза захвата ими французской столицы была ликвидирована. После неудачных попыток французских и немецких войск обойти друг друга осенью линия фронта во Франции стабилизировалась. От Северного моря до швейцарской границы были выстроены траншеи, блиндажи и проводочные заграждения.

На Востоке австро-германскому блоку в 1914 г. тоже не удалось добиться успехов. Затянутое германскими и австро-венгерскими войсками наступление в Южной Польше закончилось неудачей. Не сумели добиться немцы успеха и в наступлении на Висле. В кровопролитном сражении у Лодзи они не смогли окружить русские войска. Их ударные части сами попали в окружение, но российское командование воспользоваться этим не сумело.

Хотя немцы удерживали Бельгию и 10 департаментов Франции, план Шлиффена — молниеносной войны — «блицкрига» провалился и Германии предстояло всерьез сражаться как на Западе, так и на Востоке. Начальник ее генерального штаба Мольтке был заменен Фалькенгайном, а командующим Восточным фронтом назначили известного своей решительностью Гинденбурга.

Сражения и дипломатическая борьба в 1915—1916 гг. Руководители Германии и Австро-Венгрии решили в 1915 г. «нанести поражение России еще в течение этого лета» и заставить ее просить мира. Против России было брошено более половины всех вооруженных сил этих держав, а с юга — войска Османской империи. В феврале-марте немецким войскам в ожесточенных боях удалось вытеснить российские армии из Восточной Пруссии. В мае австро-германские войска прорвали фронт в районе Горлицы. Немцы двинулись в

наступление севернее Варшавы и в августе взяли этот город. Российские войска, остро нуждавшиеся в вооружении и боеприпасах, понесли ряд тяжелых поражений.

В это время на Западном фронте германские войска отражали натиск англо-французских дивизий в Шампани, Артуа и Фландрии. Их активные действия ограничились атакой севернее реки Ипр, где в апреле-мае ими было впервые применено химическое оружие — газ, получивший название иприта. Это было преступное нарушение Гаагской конвенции. А успех немцев был лишь тактическим.

К осени вооруженные силы Австро-Венгрии и Германии захватили всю Польшу, часть Прибалтики, но дальше продвигаться уже не смогли. Заставить Россию просить мира не удалось.

Одновременно с наступлением на Востоке руководство Германии в 1915 г. попыталось блокадой поставить на колени Великобританию. Оно не хотело рисковать основными силами флота, а крейсера не могли добиться серьезного успеха. Поэтому в феврале была начата неограниченная подводная война сравнительно новым оружием — подводными лодками. Они топили все идущие в Великобританию пароходы даже нейтральных стран. До января 1916 г. было уничтожено более 700 кораблей с их командами и пассажирами.

После потопления в мае 1915 г. океанского парохода «Лузитания», на котором погибли граждане разных стран, США и другие нейтральные государства категорически потребовали от Германии немедленного прекращения неограниченной подводной войны. Германское командование было вынуждено отдать приказ не топить пассажирские корабли без предупреждения. Но подводная война продолжалась.

Великобритания же увеличила и ускорила строительство своих судов и разработала эффективные средства борьбы против подводных лодок, тем самым преодолев нависшую над ней опасность. Поставить Великобританию на колени германскому командованию не удалось.

В 1915 г. обострилась дипломатическая борьба вокруг Италии, правящие круги которой в 1914 г. отказались вступить в войну на стороне австро-германского блока. Они учитывали как пацифистские настроения населения, так и то, что полуостров слишком уязвим для мощного флота Антанты. Кроме того, Австро-Венгрия никак не желала ни удовлетворять претензии Италии на свои территории с итальянским населением,

ни соглашаться на расширение ее влияния на Балканах. Правительство Германии при поддержке Ватикана настойчиво пыталось склонить Италию на свою сторону и ради этого убеждало руководителей Австро-Венгрии сделать Италии значительные уступки. Но правительства Антанты за чужой счет легко пообещали Италии больше и подкрепили обещания кредитом. Поэтому колебания правящих кругов Италии закончились в пользу Антанты: в мае 1915 г. они объявили войну Австро-Венгрии, а в августе следующего года — Германии.

Войска Италии пытались наступать на позиции Австро-Венгрии на реке Изонцо, но безуспешно, однако Средиземное море для австро-германского блока было закрыто.

Руководителям этого блока удалось взять реванш на Балканах. Обещав правительству Болгарии части территорий Сербии, Греции, Румынии и даже Турции, они в сентябре добились вступления Болгарии в блок с Германией и Османской империей. Так был создан **Четверной союз** Германии, Австро-Венгрии, Османской империи и Болгарии. При поддержке болгарских войск австро-германские войска заняли, наконец, Сербию, заставив отойти героически оборонявшие ее войска. Между Берлином, Веной и Стамбулом через Балканы была установлена прямая связь.

Но под сильным нажимом Антанты Греция дала согласие на высадку в стране англо-французских и сербских войск, создавших против сил Четверного союза на Балканах Салоникский фронт.

В поисках пути к победе германское командование в 1916 г. попыталось истощить силы Франции. Оно сосредоточило 12 дивизий и огромное количество артиллерии, чтобы атаковать ими узкий участок фронта — 10 км у Вердена. Это было направление на Париж, и немцы справедливо полагали, что здесь французы будут биться до последнего.

Наступление 21 февраля началось артиллерийской подготовкой невиданной мощности. «Целые леса скашивало, как колосья, все перекрытия продырявливало, даже когда на них лежали в три ряда мешки с землей; все перекрестки поливало стальным дождем, все дороги перевернуты вверх дном. Повсюду обломки, остатки разбитых обозов, куски раскромсанных трупов, взорванных орудий», — писал участник этого сражения **А. Барбюс**. Но сопротивление французов было упорным. За неделю ожесточенных боев немцам удалось захватить лишь несколько разрушенных укреплений. Французский главноко-

мандующий *Жоффр* приказал солдатам: «Стоять насмерть!» — и непрерывно направлял подкрепления.

Немецкое командование бросало в бой свои резервы. Верденская «мясорубка», как называли это сражение солдаты, продолжалась без перерыва до начала июля. Продвижение германских войск оказалось незначительным, их силы истощались и целей своих германское командование не достигло.

Нажим на Верден был ослаблен наступлениями российских войск на Восточном фронте в марте и летом 1916 г. В июне в результате мощного прорыва войск Юго-Западного фронта России под командованием *А. Брусилова* и их продвижения на 60—100 км положение там, с точки зрения германского командования, стало «исключительно серьезным». Туда был переброшен ряд немецких дивизий с Западного фронта. Несмотря на это, войска Брусилова заняли часть Галиции и Буковину, вошли в Карпаты. Их дальнейшему продвижению помешали растянутость коммуникаций и нехватка боеприпасов.

Неудача немцев под Верденом и успехи брусиловского наступления положили конец длительным колебаниям правящих кругов Румынии. Как ни убеждали их раньше дипломаты Антанты выступить против Четверного союза, предоставляя кредиты и обещая австро-венгерские территории с румынским населением, Румыния объявила войну Австро-Венгрии только в августе 1916 г. Однако ее армия не выдержала натиска противника, который вскоре оккупировал почти всю страну, и России пришлось направить туда свои войска.

В июле англо-французское командование организовало крупное наступление на реке Сомме. Однако германские войска не позволили прорвать свой фронт и упорно сопротивлялись. Ожесточенное и кровопролитное сражение на Сомме тоже превратилось в «битву на истощение» и затянулось до конца осени. В сентябре англичане впервые применили здесь танки, но серьезного успеха так и не добились. Был ослаблен лишь нажим немцев на Верден.

За два с лишним года в мировой войне погибло свыше 4,6 млн человек и еще больше было искалечено. Война причинила страдания десяткам миллионов людей. Военные действия разрушили огромные ценности, опустошили целые области. Для ведения войны правительства ежедневно расходовали колоссальные средства и мобилизовывали все ресурсы. Нейт-

ральные страны Европы — Швейцарию, Испанию, Голландию, Данию, Швецию и Норвегию — воюющие державы использовали для приобретения и транспортировки недостающих видов сырья и продовольствия. Война продолжала ожесточаться, и конца ей не предвиделось.

Внутреннее развитие воюющих держав.

«Мировой кризис» — так назвал свою книгу о Первой мировой войне *У. Черчилль*. Он имел в виду, что разразившееся в 1914 г. вооруженное столкновение государств было неуправляемым, потребовало от народов воюющих стран беспредельного напряжения сил и огромных жертв, поставило на карту жизни миллионов людей и судьбы великих держав, имело непредсказуемые последствия. Это стало очевидно уже вскоре после начала войны.

Подчинение людей и ресурсов стремлению правящих кругов к победе, при всем своеобразии каждой из вступивших в войну держав, придавало их развитию некоторые важные общие черты.

Правящие круги всех держав стремились добиться максимальной консолидации политических сил внутри страны. Этому содействовали за редким исключением рабочие партии и профсоюзные центры. Провозглашалось «священное единение» (Франция), на широкой основе создавались коалиционные правительства (Великобритания), достигалось сотрудничество для поддержки правительства разнородными фракциями парламентов (Германия, Россия), а в Австрии казавшийся ненадежным в этом отношении парламент был вовсе распущен.

Правительства воюющих стран менялись или реорганизовывались, когда слабела их способность обеспечивать согласие основных общественных сил, во всяком случае — правящей элиты. Именно поэтому во Франции правительство Р. Вивиани в 1915 г. было заменено правительством А. Бриана, в Великобритании в 1916 г. на смену правительству Г. Асквита пришло правительство Д. Ллойд Джорджа, в России в 1916 г. император менял председателей Совета министров — И. Горемыкина на Б. Штюрмера, а последнего на Н. Голицына. Иначе обстояло дело только в Австро-Венгрии, когда в октябре там был убит председатель Совета министров К. Штургк, а в ноябре 1916 г. вместо умершего Франца Иосифа императором стал Карл.

Для консолидации общества всюду, даже в Великобритании, власти ограничивали гражданские права и свободу печати, собраний, стачек и т. п. Патриотическое единение всех слоев населения бдительно охранялось полицией, судами, а в Германии, Австро-Венгрии и России еще и местными военными властями. Они стремились успокоить или подавить недовольство, репрессировали выступавших против режима. В России были арестованы и отправлены в ссылку депутаты, осмелившиеся протестовать против войны, жестоко подавлялись массовые волнения. Великобритания весной 1916 г. вооруженной силой задушила выступление за независимость Ирландии в Дублине.

Важной общей чертой развития воюющих держав было выдвижение их правящими кругами лозунга «Все для победы!» и активное содействие правительств увеличению производства оружия, боеприпасов и других военных материалов, строительству судов и т. п. Специальные государственные органы в большей или меньшей мере всюду контролировали и распределяли стратегическое сырье и военные заказы. Резкое падение производства продовольствия и товаров для населения вынуждало власти регламентировать их распределение, как и топлива. На этой основе срачивались государственные органы, банки и предприятия, развивался военный государственно-монополистический капитализм. Эта система, сопряженная с коррупцией, обеспечивала монополистам военного производства и банкирам прибыли, многократно превышавшие довоенные.

Не менее важной общей чертой развития воюющих держав стало усиление эксплуатации и снижение уровня жизни городских и сельских трудящихся. Всюду увеличивалась продолжительность рабочего дня, не соблюдались законы об охране труда, ухудшались его условия, не хватало продовольствия и топлива. Рост цен обесценивал заработки. Все это вместе с растущими потерями в бесперспективной войне, а также возмущение коррупцией и прибылями тех, кто наживался на войне, питало антивоенные настроения и усиливавшееся недовольство властью имущими. Уже с 1915 г. в России, Германии, Австро-Венгрии, Франции и Великобритании рабочие спорадически нарушали «гражданский мир», устраивали забастовки, а разрозненные группы пацифистов и интернационалистов протестовали против войны. Часть социалистов-интернационалистов ряда воюющих и нейтральных стран под лозунгом

«Война войне!» создала в Швейцарии Интернациональное социалистическое бюро. В 1916 г. стачки и антивоенные выступления заметно усилились, а в России и Германии стали массовыми.

Давно сложившиеся социально-экономические и идейно-политические различия между державами обусловили своеобразие политики их правящих кругов в годы войны и неравномерность развития самих стран. Ограниченность ресурсов в Германии в значительной мере компенсировалась эффективностью производства и жесткой организацией распределения, что позволило ей сражаться с превосходящими силами и играть ведущую роль в своем блоке. Этого нельзя сказать об Австро-Венгрии, где уже с 1915 г. стали обостряться ее традиционные межнациональные конфликты, и тем более — об Османской империи и Болгарии. Несмотря на трудности снабжения, Франция и Великобритания имели не только эффективное производство, но и возможность использовать огромные ресурсы, включая ресурсы доминионов и колоний, а также помощь США и других государств. Либерально-демократическая эластичность их режимов позволяла правящим кругам этих государств дольше, чем германским и австро-венгерским, избегать обострения внутренних конфликтов. Таких возможностей и способностей не было у правящих кругов Италии. Еще менее благоприятными для напряжения всех сил ради победы были условия в России. Усиление в годы войны исторического разрыва между верхней частью общества и его широчайшими низами, межнациональных противоречий, а также борьбы в правящих кругах между различными эгоцентрическими группами снижало эффективность руководства производством и распределением, а также вооруженными силами. К концу 1916 г. в полуиндустриальной России выявилась неэффективность полумодернизированного самодержавия, неспособного ни к победе, ни к выходу из войны.

Огромные потери, сомнения в возможности победы и обострение внутренних проблем способствовали активизации пацифистов и заставили некоторых представителей правящих кругов воюющих держав уже с 1915 г. желать прекращения войны и искать пути к миру на основе компромисса. Сторонники сепаратного мира с австро-германским блоком имелись в окружении царя Николая II. Скорейший выход из войны считали единственным шансом спасти династию советники импе-

ратора Карла. Сторонники переговоров для прекращения войны были в правящей элите и парламентах всех стран.

Даже новые руководители германского генерального штаба — Гинденбург и Людендорф полагали, что положение страны «чрезвычайно затруднительное и почти безвыходное», и не возражали против переговоров. Но для укрепления своих позиций руководство Германии в ноябре провозгласило независимость Польши, что было совершенно неприемлемо для царизма и сорвало переговоры о сепаратном мире с Россией. Правительство Германии заявляло о готовности приступить к мирным переговорам, но хотело удержать захваченные территории.

Отказ Антанты от переговоров германское руководство использовало для оправдания чрезвычайных мер. Уже осуществлялась так называемая «программа Гинденбурга» — увеличение производства вооружений и боеприпасов путем ужесточения эксплуатации и ограничения потребления трудящихся. В январе 1917 г. озлобленный кайзер приказал немецким подводникам топить даже щепку, если она плывет в Англию. Германия вновь начала неограниченную подводную войну. А в Великобритании правительство Ллойд Джорджа мобилизовало для победы все силы.

Словом, правящие круги воюющих держав признали продолжение войны опасным даже для них самих, но не смогли прекратить развязанную ими войну, так как не желали отказаться от своих целей. Война стала еще более ожесточенной.

Революция в России и новая фаза мировой войны. Война требовала все большего напряжения сил воюющих стран. Напряжение вело к обострению внутренних противоречий. Первой этого не выдержала Российская империя.

В результате стихийных массовых выступлений населения и присоединившихся к ним солдат в столице России — Петрограде в начале марта (в конце февраля по старому стилю) 1917 г. царь был вынужден отречься от престола, и власть перешла к Временному комитету Государственной Думы и Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов.

Созданное депутатами Думы *Временное правительство* опиралось на сотрудничество либерально-демократических сил и части лидеров Петросовета. Его возглавляли Г. Львов,

а затем А. Керенский. Оно сохраняло верность союзникам России и не отказывалось от прежних планов, но основной целью продолжения войны провозгласило защиту целостности и свободы страны. Однако убедить в этом уставшее от войны население, а главное — солдат даже красноречивому Керенскому оказалось трудно. Организованное им в июне наступление успеха не имело, что лишь усилило разложение армии.

В России были реализованы все демократические свободы, которые широко использовались не только поборниками демократии, но и ее противниками. Многие понимали демократию как анархию и самоуправством подрывали управление, производство и обмен. Сотни тысяч солдат дезертировали, отказывались ехать на фронт, выполнять приказы, братались с солдатами противника. Рабочие заставляли предпринимателей сокращать рабочий день и повышать зарплату, замедляли и снижали темпы производства. Крестьяне самочинно начали передел помещичьих земель. Вспыхивали стихийные бунты. Росла преступность. Повсюду появились разнородные Советы рабочих и солдат, оспаривавшие власть и неспособные управлять. С провозглашением независимости Украины и активизацией национальных движений начался развал Российской империи. А Временное правительство откладывало решение проблем государственного устройства и передачу земли крестьянам, чем лишало себя первоначальной поддержки населения.

Сложившаяся обстановка использовалась различными экстремистами, наиболее удачно — большевиками. Вернувшийся из эмиграции В. И. Ленин ориентировал большевиков на социалистическую революцию и захват власти, создание вооруженной красной гвардии, обострение конфликтов и усиление антивоенной пропаганды. Их, как союзников, финансировали и поддерживали военные власти Германии, рассчитывая на крушение России.

В России Керенскому не удалось укрепить демократию, а военным — установить диктатуру, и в начале ноября (в конце октября по старому стилю) большевики использовали ослабление правительства, чтобы вооруженной силой захватить власть и, опираясь на Всероссийский съезд Советов, хотя и не представлявший их большинства, провозгласить советскую власть и создать свое правительство — Совет народных комиссаров во главе с Лениным.

Свою победу они рассматривали как победу социалистической революции, которую стремились сделать началом всемирной социалистической революции. Советское правительство обратилось к народам всех стран с призывом немедленно прекратить войну и свергнуть те правительства, которые ее продолжают. Этим оно противопоставило себя всем державам. Но решительные меры, предпринятые для выхода России из войны любой ценой, провозглашение передачи земли крестьянам, а фабрик рабочим и подавление любых противников позволили большевикам укрепиться у власти. Не получив на выборах в Учредительное собрание большинства, они его разогнали. Ценою огромных уступок ради сохранения своей власти советское правительство заключило мир с Четверным союзом, надеясь, что с ним покончит социалистическая революция в Европе.

Но социалистическая революция запаздывала, в России началась ожесточенная Гражданская война, а на развалинах империи добились независимости Финляндия и Польша, пыталась стать суверенной Украина, провозгласили свою независимость Литва, Латвия, Эстония, а затем Грузия, Армения и Азербайджан.

Свержение монархии в России укрепило морально-политические позиции Франции и Великобритании. Но их правительства тревожило, что с весны 1917 г. нажим России на Германию слабел, и Германия перебрасывала свои войска на Западный фронт. В результате развала Российской империи и выхода России из войны Антанты потеряла крупного союзника, а Германия за счет России пополняла свои ресурсы и сосредоточивала силы для достижения победы на Западе.

Однако уже в апреле 1917 г. международная ситуация существенно изменилась. США, превратившиеся из должника в кредитора стран Антанты, не могли допустить их поражения. Кроме того, США стремились «играть крупную роль в мире» и участвовать в его послевоенном переустройстве. Поэтому администрация Вильсона и Конгресс использовали возмущение общественности последствиями неограниченной подводной войны и происками немцев в Мексике, чтобы объявить Германии войну. Войну Германии объявили также 14 государств Латинской Америки, Китай, Сиам и Либерия.

Конечно, и англо-французскому, и австро-германскому командованию хотелось разгромить противника до того, как через океан переправятся крупные силы США. От 15 до 20 % на-

селения воюющих держав было мобилизовано, а остальные прямо или косвенно работали на войну. Но власти не могли не считаться с обострением внутренних противоречий. Основной причиной роста недовольства и усиления массовых выступлений являлись последствия затянувшейся кровопролитной войны. Ежедневно тысячи людей гибли на фронтах, а войне не виделось конца. От эпидемий увеличилась смертность в тылу, снизилась рождаемость. В Германии значительная часть населения жила впроголодь. Повсеместно не хватало топлива. Ухудшилось положение населения во всех воюющих странах. Активизации недовольных способствовало влияние продолжавшейся революции в России.

В 1917 г., несмотря на репрессии, во всех странах участились и приобрели значительный размах забастовки, участники которых требовали улучшения условий труда, восстановления и даже расширения демократических свобод, а также прекращения войны. Все чаще вспыхивали бунты голодавших горожан. Массовый характер приобрело антивоенное движение. Против войны стали протестовать многие военнослужащие: они отказывались повиноваться командирам, братались с солдатами противника. Активизировались революционные группы, призывавшие свергнуть правительство, покончить с капитализмом и добиться мира путем социалистической революции.

Многие выступления, особенно в Германии и Австро-Венгрии, проводились в поддержку России, трудящиеся демонстрировали солидарность с Советами и большевистскими призывами к миру. Это использовали пропагандисты социалистической революции, возлагавшие ответственность за войну и ее бедствия на капитализм и связывавшие надежду на справедливый мир с победой социализма. Большевики поддерживали их морально и материально.

В 1917 г. в Германии в апреле бастовало свыше 300 тыс. рабочих военных заводов. Предпринимались попытки создать Советы. Политические стачки и демонстрации летом прокатились по Средней Германии. Вспыхнули волнения среди матросов германского военного флота. Социал-демократия раскололась. Созданная противниками правительства — **Г. Гаазе** и **К. Каутским** Независимая социал-демократическая партия требовала немедленного прекращения войны и демократических преобразований. Но правительство, которое в июле возглавил послушный командованию **Г. Михаэлис**, смогло

уступками и репрессиями затормозить рост антивоенного движения, приобретавшего революционную направленность.

Весной и особенно летом 1917 г. волна стачек и антивоенных демонстраций прошла по Австрии. Массовыми забастовками и выступлениями солдат была потрясена Франция. Целые батальоны и полки отказывались выступать на фронт, идти в атаку. Возмущенные репрессиями солдаты двух полков двинулись к Парижу с лозунгом «Да здравствует революция!» Недовольство рабочих политикой правительства заставило социалистов выйти из правительства, перейти в оппозицию. Но выступления солдат были подавлены. Во главе правительства в ноябре стал **Ж. Клемансо**, выдвинувший лозунг «Война на смерть!» и грозивший расправой всем пацифистам.

С мая участились стачки и демонстрации в Италии. Требуя улучшения своего положения, многие трудящиеся заявляли: «Сделаем, как в России!» В августе в Турине массовая забастовка переросла в восстание, подавленное войсками.

В Великобритании стачки и другие выступления в защиту прав рабочих и их организаций, а также попытки рабочих создавать Советы заставили правительство смягчить закон о военном производстве, расширить права тред-юнионов, увеличить компенсации за производственные травмы.

Правительства не могли не считаться с этими усиливавшимися выступлениями, вынуждены были идти на некоторые уступки. Это влияло и на ход войны. Но в целом режимы воюющих стран имели разный, но еще достаточный запас прочности, хотя большевикам и их последователям в других странах казалось, будто массовые выступления 1917 г. являются если не началом, то предвестником мировой социалистической революции.

Войска продолжали сражаться. В апреле 1917 г. французским главнокомандующим Нивелем на Западном фронте в районе Арраса, Сен-Кантена и Реймса было организовано мощное наступление, в котором участвовало свыше 110 дивизий, включая русский экспедиционный корпус, около 200 танков и 1000 самолетов. Потери оказались огромными, но ни прорвать, ни отбросить немецкий фронт не удалось. После этого англо-французское командование очень крупных операций в 1917 г. не предпринимало, хотя в ноябре у Камбре оно впервые бросило в бой колонну из 378 танков.

Итальянские войска долгое время сдерживали противника в горах, но в октябре потерпели поражение при Капоретто и

были отброшены на 70—110 км. Командованию Антанты пришлось перебросить в Италию 11 дивизий, чтобы спасти страну от поражения.

Кроме наступления на итальянском фронте австро-германское командование значительных операций на Западе не предпринимало. Оно рассчитывало, что подводная война, в результате которой в 1917 г. было потоплено 2734 корабля, задушит Великобританию и Францию и помешает переброске войск США. Действительно, судостроение не успевало восполнять потери. Но англо-французское командование повысило эффективность противолодочной обороны, а главное — ужесточило морскую блокаду Германии, лишив ее возможности подвоза необходимых материалов из нейтральных стран, и перекрыло кораблями выходы с баз ее подводных лодок. Германия оказалась в худшем положении, чем Великобритания и Франция, к тому же переброска войск США продолжалась.

Поражение Четверного союза и развал участвовавших в нем империй. Надежды большевиков, что трудящиеся воюющих стран быстро поднимутся на борьбу за мир и социализм, не сбывались. Патриотизм даже на четвертом году войны был сильнее интернационализма, а растущее стремление к миру большинство людей не связывало с социализмом. Многих смущал позорный мир Советской России с Четверным союзом и еще больше — диктатура, террор, военный коммунизм, Гражданская война и разруха. Эти реалии России осуждало большинство социал-демократов, добивавшихся мира без революции. Трагедия России использовалась для укрепления своей власти как милитаристами австро-германского блока, так и либералами стран Антанты. Правительства Ллойд Джорджа и Клемансо под предлогом защиты России от немцев послали туда свои войска, поддерживавшие противников большевистских Советов.

В таких условиях альтернативой большевистскому революционному переустройству мира стала программа президента США **В. Вильсона**. В январе 1918 г. в послании Конгрессу он выдвинул 14 тезисов, которые стали известны всему миру.

В сущности, Вильсон первым из руководителей великих держав предлагал положить в основу внешней политики и международных отношений идеи либерализма. Он поддержал давно популярный лозунг справедливого мира без победителей и побежденных и призвал к самоопределению народов, но без

революций и социализма, за которые ратовали большевики. Реализация этих идей все равно означала бы утрату Германией ее завоеваний и распад вслед за Российской Австро-Венгрии и других империй.

Вильсон провозглашал равную для всех свободу торговли и мореплавания. Практически это было покушением на преимущества держав Антанты в своих колониях и сферах влияния, куда стремились проникнуть США.

Наконец, для поддержания справедливого мира Вильсон предлагал создать универсальную межгосударственную организацию — *Лигу Наций*. Она должна была стать организацией мирового сообщества.

Идеи Вильсона повышали международную роль США, которая подкреплялась их кредитами Антанте и наращиванием североамериканских войск во Франции. Они не могли нравиться руководителям Антанты. Но для подавляющего большинства населения всех стран вильсоновские тезисы оказались более понятны и привлекательны, чем революционные социалистические идеи большевиков.

Время работало на Антанту — к марту 1918 г. во Франции было уже более 300 тыс. солдат США. Поэтому вскоре после подписания Брестского мира с Россией германское командование начало мощное наступление: против 32 английских дивизий в Пикардии было брошено 62 немецкие дивизии, имевшие значительное превосходство в артиллерии и самолетах. Фронт был прорван, английские войска готовились эвакуироваться домой, а французское правительство опять намеревалось уехать в Бордо.

Но согласовывавший действия союзников генерал **Ф. Фот** бросил в бой крупные резервы и поражения удалось избежать. План германского командования подкрепить подводную блокаду Великобритании разгромом ее войск не удался.

Отвлекая резервы англо-французского командования, германские войска в мае, июне и июле предприняли три крупных наступления. Им удалось значительно продвинуться, и, выйдя на реку Марну, они оказались в 70 км от Парижа. Однако в сражении на Марне немцам, как и в 1914 г., не удалось добиться победы. Их наступление захлебнулось, а французские войска перешли в контрнаступление.

В сражении под Амьеном 8 августа германские войска потерпели тяжелое поражение и это подорвало их моральное состояние. Людендорф назвал этот день «черным днем герман-

ской армии». Германское командование приняло решение добиваться мира дипломатическим путем. Потеряв в сражениях 1918 г. 800 тыс. человек, немецкие войска были обескровлены, деморализованы и к сентябрю откатились к исходным рубежам своего весеннего наступления.

С августа 1918 г. инициатива на фронтах всюду перешла к Антанте. Ее войска превосходили противника численностью, организованностью и вооружением. Ее армии прорвали фронт противника на Балканах. 29 сентября Болгария подписала перемирие. Это означало развал Четверного союза: его единое пространство было расколото.

В конце сентября главнокомандующий объединенными силами генерал **Ф. Фош** бросил в наступление франко-англо-американские войска на всем Западном фронте. Сопротивление немцев было сломлено. 5 октября 1918 г. правительство Германии запросило перемирия.

В сентябре войска Великобритании в Палестине и Франции в Македонии разгромили турецкие армии. 30 октября султанское правительство Османской империи сдалось на милость победителей. «Младотурки» разбежались. Османская империя фактически перестала существовать — ее правительству, находившемуся в Стамбуле под контролем Антанты, никто не подчинялся. Патриоты начали собирать силы для борьбы за независимость Турции.

Ставшее очевидным поражение в войне окончательно лишило правящие круги держав Четверного союза доверия населения и благоприятствовало выступлениям противников режимов. В сентябре в Болгарии вспыхнуло восстание солдат, едва не опрокинувшее режим. Начался распад Австро-Венгрии. В начале октября в Загребе было созвано Народное вече словен, хорватов и сербов, вскоре заявившее о создании королевства сербов, хорватов и словен — *Югославии*. К концу октября была создана *Чехословацкая Республика*, свергнуты монархии и провозглашены суверенитеты *Венгрии* и *Австрии*. Это были национальные революции, ведущая роль в которых принадлежала либералам, демократам и социал-демократам.

Еще до подписания перемирия в Германии тоже началась революция, которую называли *Ноябрьской*. Восстание военных моряков Кили 3 ноября 1918 г. получило поддержку во всех частях страны. Повсюду были созданы Советы и свергнуты местные монархи. Восстание докатилось до Берлина. 9 ноября кайзер отрекся от престола и покинул страну. Социал-демок-

рат *К. Либкнехт* провозгласил Германию социалистической. Однако Советы поддержали социал-демократов, которые объявили страну республикой, декларировали свободы и принципы демократии. Для управления страной и заключения перемирия они создали *Совет народных уполномоченных*, а для проведения преобразований было решено созвать *Национальное собрание*.

11 ноября на станции Ретонд в Компьенском лесу в вагоне маршала Ф. Фоша представители Германии подписали акт о перемирии. Германия, признавшая свое поражение, лишалась всех своих завоеваний и колоний, передавала победителям все военное снаряжение, выводила войска с левого берега Рейна и чужих территорий, кроме земель бывшей Российской империи, где немецкие войска использовались против революционных выступлений.

Польские патриоты воспользовались поражением Германии для возрождения независимого Польского государства. Была провозглашена также независимость Латвии. А Советская Россия объявила потерявшим силу Брест-Литовский договор.

Первая мировая война и начавшаяся с 1917 г. волна революций в Европе были выражением кризиса мирового развития. Революции являлись разрозненными попытками различных политических сил и народов найти пути преодоления этого кризиса.

В мировой войне было убито свыше 10 млн военнослужащих и погибло в результате военных действий и террора примерно 13 млн гражданских лиц. Число раненых достигло 20 млн, многие из них стали инвалидами. На войне погибли родители 9 млн детей. Количество пленных достигло 3 млн, а беженцев — 10 млн человек. Вообразите страдания всех, кого коснулись эти беды! Жизнь по меньшей мере трех поколений была изломана.

На ведение войны, производство снаряжения, вооружения и боеприпасов — т. е. для убийства и разрушения — воюющими странами было израсходовано свыше 240 млрд долларов! Средства уничтожения и разрушения применялись настолько эффективно, что стоимость причиненного материального ущерба превышает военные расходы и достигает 350 млрд долларов! Война истощила экономику многих стран, опустошила целые области, разрушила сотни городов и селений, мостов и дорог, огромные культурные ценности, многие — невосполни-

мые. Следствием войны была также деморализация миллионов людей, опасная агрессивность отчаявшихся, рост преступности, алкоголизма и наркомании.

Поражения и революции разрушили четыре империи — Российскую, Германскую, Австро-Венгерскую и Османскую. В результате появились новые независимые государства: Финляндия, Литва, Эстония, Чехословакия, Польша, Латвия, Югославия, Грузия, Армения, Азербайджан, а также Австрия и Венгрия. Их самоопределение благоприятствовало продвижению народов к свободе и демократии.

Конфликт Великобритании и Франции с Германией был решен в пользу победителей. Значительно усилились США. Великобритания и Франция стали их должниками, и США активизировали экспансию в их сферах влияния. Выдвинутая В. Вильсоном программа была заявкой США на лидерство в послевоенном мире. Активизировалась и Япония, захватившая германские владения и сферы влияния в Китае.

Совершенно новым явлением мирового развития стало появление Советской России. Большевистское преобразование страны и стремление к революционному переустройству всего мира противопоставили ее всем державам.

Наконец, во время войны оказались ослаблены колониальные режимы воюющих держав, в колониях активизировались и окрепли патриотические силы, развивалась местная промышленность, особенно в доминионах Великобритании и в Индии. Эти же процессы происходили в государствах и территориях, являющихся сферой влияния воюющих держав, в первую очередь в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии.

Но противоречия мирового развития не были преодолены. Программа В. Вильсона намечала либерально-демократический путь их преодоления, а большевики добивались революционно-социалистического решения. Многих не устраивал ни тот, ни другой путь. Мировой кризис продолжался.

Библиография

Литература и источники ко всему курсу

- Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв. М., 1957.
- Сборник документов по истории нового времени. Экономическое развитие и внутренняя политика стран Европы и Америки 1870—1914 гг./Сост. П. И. Остриков, П. П. Вандель. М., 1989.
- Сборник документов по истории нового времени стран Европы и Америки (1640—1870)/Сост. Е. Е. Юровская. М., 1990.
- Сборник документов по истории нового времени: Буржуазные революции XVII—XVIII вв./Под ред. В. Г. Сироткина. М., 1990.
- Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки/Под ред. А. В. Адо, И. С. Галкина, И. П. Дементьева, А. Д. Колпакова. М., 1977.
- Историография истории нового времени стран Европы и Америки/Под ред. И. П. Дементьева. М., 1990.
- История Европы: В 5 т. М., 1988—2000. Т. 4—5.
- Политическая история середины XIX в. — 1917 г./Под ред. В. А. Кувшинова. М., 1992.
- Дебидур А. Дипломатическая история Европы: От Венского до Берлинского конгресса. 1814—1878: В 2 т. М., 1947. Т. 1—2.
- Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время: В 7 т. СПб., 1892—1917. Т. 3—5.

К главе 1

- Вайян Дж. К. История ацтеков/Пер. с англ. М., 1990.
- Виппер Р. Ю. Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма. М., 1894.
- Вольский С. Писсаро. М., 1935.
- Дрепер Д. История умственного развития Европы/Пер. с англ. Киев—СПб., 1875.

Гребенюк А. В. Цивилизации античного мира и средневековой Европы: Методические очерки. 2-е изд., Вып. 3: Европейское средневековье. М., 2000.

Мацек И. Гуситское революционное движение/Пер. с чешского. М., 1954.

Смирин М. М. Эразм Роттердамский и реформаторское движение в Германии. М., 1978.

Шиллер Ф. Валленштейн. М., 1980.

Хейзинг Й. Осень средневековья/Пер. с немецкого. М., 1988.

Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Игнасио Лойола. М., 1992.

Ян Гус, Лютер, Кальвин, Цвингли, патриарх Никон/Под ред. Н. Ф. Болдырева. Челябинск, 1998.

ВШулеу I. Ж. Тъе Ађе о* Би*Бег. Н. У., 1957.

ВанйеП IV. А. ШзЪогу о? 8осгеу о? Лезиз. 81. Ёошз, 1972.

МопБег Е. IV. ОаМп'з Оепеуа. К.У., 1975.

Рагкез Н. В. ШзЪогу о? Мехкю. Ы.У., 1940.

Таюлеу Е. Е. КеН&юп апо! Иге Шзе о? СарНоНзт, Ы., 1926.

К главе 2

Лавровский В. М. Сборник документов по истории Английской буржуазной революции XVII в. М., 1973.

Гоббс Т. Избранные произведения: В 2 т. М., 1965. Т. 1—2.

Лилльберн Д. Памфлеты. М., 1937.

Уинстэнли Д. Избранные памфлеты. М., Л., 1950.

Английская буржуазная революция XVII века/Под ред. Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого: В 2 т. М., 1954. Т. 1—2.

Архангельский С. И. Аграрное законодательство и аграрное движение в Англии во время революции XVII века. М., 1955.

Барг М. А. Кромвель и его время. М., 1960.

Барг М. А. Народные низы в Английской буржуазной революции XVII века. М., 1967.

Гизо Ф. П. Г. История Английской революции: В 3 т. СПб., 1859—1868. Т. 1—3.

Ивонина Л. И. Дипломатия и революция. Две английские революции и европейская политика XVII в. Смоленск, 1998.

Из истории европейского парламентаризма: Великобритания/Под ред. Е. В. Гутновой. М., 1995.

Лавровский В. М., Барг М. А. Английская буржуазная революция. М., 1958.

Лавровский В. М. Проблемы исследования земельной собственности в Англии в XVII—XVIII вв. М., 1958.

Латутина Т. Л. Политическая борьба в Англии в период реставрации Стюартов: 1660—1681. М., 1982.

Левин Г. Р. Демократическое движение в Английской буржуазной революции. Л., 1973.
Мещерякова Н. М. Пролетариат Англии в процессе формирования (первая половина XVIII в.). М., 1979.
Павлова Т. А. Вторая английская республика (1659—1660). М., 1974.
Павлова Т. А. Кромвель. М., 1980.

К главе 3

Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты/Под ред. О. А. Жидкова. М., 1993.
 Американские просветители: Избр. произведения: В 2 т. М., 1968—1969. Т. 1—2.
Пейн Т. Избранные сочинения. М., 1959.
Франклин Б. Избранные произведения. М., 1956.
 История США: В 4 т. М., 1984—1987. Т. 1.
 Краткая история США/Пер. с англ. М., 1993.
 История внешней политики и дипломатии США, 1775—1877/Под ред. Н. Н. Болховитинова. М., 1994.
Аптекер Г. Американская революция. 1763—1783. М., 1962.
Аптекер Г. История американского народа. Колониальная эра. М., 1961.
Болховитинов Н. Н. Россия и война США за независимость: 1775—1783. М., 1976.
Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980.
Манькин А. С. История двухпартийной системы США (1789—1980). М., 1992.
Севостьянов Г. Н., Уткин А. И. Томас Джефферсон. М., 1976.
Слэзкин Л. Ю. У истоков американской истории: Массачусетс, Мэриленд, 1630—1642. М., 1980.
Слэзкин Л. Ю. У истоков американской истории: Виргиния, Новый Плимут, 1606—1642. М., 1978.
Согрин В. В. Джефферсон. Человек, мыслитель, политик. М., 1989.
Согрин В. В. Основатели США: исторические портреты. М., 1983.
Ушаков В. А. Америка при Вашингтоне. Политические и социально-экономические проблемы США (1789—1797 гг.). М., 1983.
Фурсенко А. А. Американская революция и образование США. Л., 1978.
Черкасов П. П. Генерал Лафайет. М., 1987.

Глава 4

Великая французская революция и Россия/Под ред. А. В. Адо, В. Г. Сироткина. М., 1989. Т. 1—2.

Документы истории Великой французской революции/Сост. А. В. Адо и др. М., 1990.

Бабёф Г. Соч.: В 4 т. М., 1975.
Буонарротти Ф. Заговор во имя равенства: В 2 т. М., 1963. Т. 1—2.
Дидро Д. Избранные произведения. М., 1951.
Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943, 1991.
Марат Ж. Я. Избранные произведения: В 3 т. М., 1956. Т. 1—2.
Мелье Ж. Завещание: В 3 т. М., Л., 1954. Т. 1—3.
Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.
Наполеон I. Избранные произведения. М., 1956.
Робеспьер М. Избранные произведения: В 3 т. М., 1965. Т. 1—3.
Руссо Ж. Ж. Трактаты. М., 1969.
Талейран Ш. М. Мемуары. М., 1959.
 Буржуазия и Великая французская революция/Гусейнов Э. Е., Кожокин Е. М., Ревякин А. В. М., 1989.
 История Франции: В 3 т. М., 1972—1973. Т. 1—2.
 Адо А. В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. М., 1971.
Акимова А. А. Вольтер. М., 1970.
Баскин М. П. Монтескье. М., 1975.
Борисов Ю. В. Шарль Морис Талейран. М., 1989.
Гордон А. В. Падение жирондистов; народное восстание в Париже 31 мая — 2 июня 1793 г. М., 1988.
Далин В. М. Люди и идеи. М., 1970.
Далин В. М. Из истории социальной мысли во Франции. М., 1984.
Дьячков И. Людовик XV и французское общество XVIII в. СПб., 1845.
Жорес Ж. Социальная история Франции: В 6 т. М., 1976—1983.
Захер Я. М. Движение «бешеных». М., 1961.
Кареев Н. И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М., 1879.
Кареев Н. И. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора. По архивным источникам. Пг., 1914.
Ковалевский М. М. Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции. СПб., 1912.
Кропоткин П. А. Великая французская революция 1789—1793. М., 1979.
Левандовский А. Я. Сен-Симон. М., 1973.
Левандовский А. Я. Дантон (1759—1794). М., 1964.
Левандовский А. Я. Робеспьер (1758—1794). М., 1965.
Левандовский А. П. Сердце моего Марата. М., 1975.
Манфред А. З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М., 1978.
Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1980.

Пекарский П. П. Журналистика во Франции во время консульства и империи. СПб., 1862.

Пекарский П. П. Журналистика во Франции до первой революции. М., 1861.

Пименова Л. А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986.

Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой французской революции: Якобинская республика и ее крушение. Л., 1983.

Ревуненков В. Г. Парижская коммуна: 1792—1794. Л., 1976.

Собуль А. Первая республика 1792—1804. М., 1974.

Тарле Е. В. Жерминаль и Прерияль//Тарле Е. В. Соч.: В 12 т. М., 1957—1962. Т. 6.

Тарле Е. В. Талейран//Тарле Е. В. Соч.: В 12 т. М., 1957—1962. Т. 11.

Тарле Е. В. Наполеон//Там же. Т. 7.

Тарле Е. В. Континентальная блокада//Там же. Т. 3.

Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год//Там же. Т. 7.

Токиль А. Старый порядок и революция. Пг., 1918.

Тэн И. Происхождение современной Франции/ Пер. с фр.: В 5 т. СПб., 1907. Т. 3, 4.

Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон. М., 1994.

Тузан-Варановский Д. М. У истоков бонапартизма. Происхождение режима Наполеона I. Саратов, 1989.

Черткова Г. С. Грахх Бабёф во время термодорианской реакции. М., 1980.

Шиканов В. Н. Созвездие Наполеона: Маршалы Первой империи. М., 1999.

Глава 5

Анненков П. В. Парижские письма. М., 1983.

Блан Л. История революции 1848 г. СПб., 1907.

Герцен А. И. Письма из Франции и Италии: 1847—1852//Собр. соч.: В 30 т. М., 1954—1964. Т. 5.

Революция 1848—1849 гг. / Под ред. Ф. В. Потемкина и А. И. Молока. В 2 т. М., 1952.

Революция 1848 года во Франции в воспоминаниях участников и современников. М., Л., 1934.

Сен-Симон А. Избранные сочинения: В 2 т. М., Л., 1948. Т. 1.

Фурье Ш. Избранные сочинения: В 4 т. М., 1951—1954. Т. 1—4.

Бендрикова Л. А. Французская историография революции 1848—1849 годов во Франции. М., 1969.

Волгин В. П. Французский утопический коммунизм. М., 1979.

Желубовская Э. А. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1956.

Жорес Ж. Франко-прусская война//Тома А. Вторая империя. СПб., 1908.

Желубовская Э. А. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1956.

Жорес Ж. Франко-прусская война//Тома А. Вторая империя. СПб., 1908.

Калитина Н. Н. Политическая карикатура Франции 30-х годов XIX столетия. М., 1955.

Кучеренко Г. С. Сенсимонизм в общественной мысли XIX в. М., 1975.

Лозинский С. Г. История Второй французской революции. Киев, 1904.

Машкин М. Н. Французские социалисты и демократы и колониальный вопрос 1830—1871. М., 1981.

Оболенская С. В. Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977.

Орлик О. В. Россия и французская революция 1830 года. М., 1968.

Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Франции: В 2 т. М., 1971. Т. 1—2.

Ревякин А. В. Социализм и либерализм во Франции в середине XIX в. М., 1999.

Собуль А. Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 годов и революции 1848 года во Франции/ Пер. с фр. М., 1960.

Тарле Е. В. Талейран//Тарле Е. В. Соч.: В 12 т. М., 1957—1962. Т. 11.

Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства: От конца империи до восстания рабочих в Лионе (1815—1834). М., Л., 1928.

Глава 6

Айзенштат М. П. Британский парламент и общество в 30—40-е гг. XIX в. М., 1997.

Лавровский В. М. Промышленный переворот в Англии (история в источниках). М., Л., 1925.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.

Васютинский В. А. Разрушители машин в Англии. М., Л., 1929.

Грин Д. Р. История английского народа/ Пер. с англ. В 4 т. М., 1891—1892.

Ерофеев Н. А. Очерки по истории Англии (1815—1917). М., 1959.

Ерофеев Н. А. Народная эмиграция и классовая борьба в Англии в 1825—1850 гг. М., 1962.

Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских 1825—1853 гг. М., 1982.

Ерофеев Н. А. Промышленная революция в Англии. М., 1965.

Ерофеев Н. А. Чартистское движение. М., 1961.

Кертман Л. Е. География, история и культура Англии. М., 1968.

Лавровский В. М. Парламентское огораживание общинных земель в Англии конца XVIII — начала XIX в. М., Л., 1940.

- Резников А. Б.* Первая классовая битва пролетариата Англии. 1842. М., 1970.
- Рожков Б. А.* Чартистское движение 1836—1854 гг. М., 1960.
- Тревеллан Д.* Социальная история Англии. М., 1959.
- Трухановский В. Г.* Адмирал Нельсон. М., 1980.
- Черняк Е. Б.* Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX века. М., 1962.
- Черняк Е. Б.* Демократическое движение в Англии 1816—1820. М., 1957.
- Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии//Маркс Я., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2.

Глава 7

- Бебель А.* Из моей жизни. М., 1963.
- Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. М., 1940—1941 гг. Т. 1—3.
- Форстер Г.* Избранные произведения. М., 1960.
- Германская история в новое и новейшее время/Под ред. С. Д. Сказкина: В 2 т. М., 1952. Т. 1—2.
- Вейтлинг В.* Гарантии гармонии и свободы. М., Л., 1962.
- Галкин И. С.* Создание Германской империи (1815—1871 гг.). М., 1986.
- Деборин А. М.* Очерки социально-политической мысли в Германии конца XVII — начала XIX века. М., 1967.
- Ерусалимский А. С.* Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968.
- Кан С. Б.* Революция 1848 г. в Австрии и Германии. М., 1948.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии//Соч. 2-е изд. Т. 4.
- Мошкова Ю. А.* Георг Форстер — немецкий просветитель и революционер XVIII в. М., 1961.
- Нарочницкая Л. И.* Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х годов XIX в. М., 1992.
- Оболенская С. В.* Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977.
- Ротштейн Ф. А.* Две прусские войны. М., Л., 1945.
- Сергеев В. В.* Англия и объединение Германии в 1848—1871 гг. Л., 1986.
- Степанова В. В.* Политическая борьба в Пруссии в 60-е годы XIX века: значение и последствия для германской истории. М., 1999.
- Чубинский В. В.* Бисмарк. Биография. СПб., 1997.

Глава 8

- Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. М., 1953—1954. Т. 1—3.
- Петефи Ш.* Избранное. М., 1958.

- Танчич М.* Мой жизненный путь. М., 1952.
- История Венгрии: В 3 т. М., 1971—1972. Т. 1—2.
- Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. М., 1991.
- Краткая история Румынии. М., 1987.
- Краткая история Чехословакии. М., 1988.
- Авербух Р. А.* Революция в Австрии (1848—1849 гг.) М., 1970.
- Ачади И.* История венгерского крестьянства. М., 1956.
- Бах М.* Австрия в первой половине XIX века. СПб., 1906.
- Достян И. С.* Борьба сербского народа против турецкого ига, XV — начало XIX в. М., 1958.
- Митрофанов П. П.* История Австрии. СПб., 1910.
- Митрофанов П. П.* Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги (1780—1790). СПб., 1907.
- Санин Г.* Отношение России и Украины с Крымским ханством в середине XVIII в. М., 1987.
- Освободительное движение народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVII в. — 1849 г. М., 1980.
- Революция 1848—1849 гг./Под ред. Ф. В. Потемкина и А. И. Молока: В 2 т. М., 1952. Т. 1—2.

Глава 9

- Объединение Италии в оценке русских современников: Сб. документов. М., 1961.
- Гарибальди Дж.* Мемуары. М., 1966.
- История Италии: В 3 т. М., 1970—1971. Т. 1—2.
- Объединение Италии. 100 лет борьбы за независимость и демократию. М., 1963.
- Берти Дж.* Россия и Итальянское государство в период Рисорджименто. М., 1959.
- Берти Дж.* Демократы и социалисты в период Рисорджименто. М., 1965.
- Бондарчук В. С.* Итальянское крестьянство в XVIII в. М., 1980.
- Галло М.* Джузеппе Гарибальди. Ростов н/Д., 1998.
- Канделоро Жд.* История современной Италии: В 7 т./Пер. с ит.: Пер с ит. В 7 т.
- Кирова К. Э.* Жизнь Джузеппе Мадзини (1805—1872). М., 1981.
- Ковальская М. И.* Италия в борьбе за национальную независимость и единство. М., 1981.
- Лурье А. Я.* Гарибальди (1807—1882). М., 1957.
- Невлер В. Е.* Демократические силы в борьбе за объединение Италии. 1831—1860. М., 1982.

Рутенбург В. И. Истоки Рисорджименто: Италия в XVII—XVIII вв. Л., 1980.

Серова О. В. Горчаков, Кавур и объединение Италии. М., 1997.

Глава 10

Россия и Испания: Документы и материалы. 1667—1917/Сост. О. В. Волосюк и др.: В 2 т. М., 1991. Т. 1—2.

Малое В. Н. Франция и Португалия перед португальской революцией 1640 г. (Документы из архива Ришелье)//Средние века. Вып. 33. М., 1971.

Додолев М. А. Россия и Испания. 1803—1823. Война и революция в Испании и русско-испанские отношения. М., 1984.

Из истории освободительной борьбы испанского народа/Под ред. И. М. Майского. М., 1959.

Каптерева Т. П. Искусство Португалии. М., 1990.

Майский И. М. Испания 1808—1917: Исторический очерк. М., 1957.

Пискорский В. К. История Испании и Португалии. СПб., 1902.

Суховерхое В. В. Испанская революция 1854—1856 гг. М., 1987.

Черных А. П. Восстановление суверенитета Португалии в 1640 г.//Средние века. Вып. 54. М., 1991.

Глава 11

СССР—Люксембург: Страницы истории 1867—1984 гг.: Документы и материалы. М., 1985.

Россия и Швеция: Документы и материалы 1809—1818. М., 1985.

Андерсен И. История Швеции. М., 1951.

Бертран Л. История демократии и социализма в Бельгии с 1830 года. М., 1907.

Бусыгин А. В. Побеждающие море: О Голландии и голландцах. М., 1990.

Ван-Мюйден. История швейцарского народа/Пер. с фр.: В 3 т. СПб., 1898—1902. Т. 1—3.

Гюисманс К. 75 лет буржуазного государства. 1830—1905 гг. М., 1906.

Добб М. Очерки истории Европы. Харьков, 1929.

Драгунов Г. П. Швейцария: история и современность. М., 1978.

Дробков В. На перекрестке дорог, культур, истории. Очерки о Бельгии и Люксембурге. М., 1989.

Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв.: Сб. статей. Л., 1970.

История Норвегии. М., 1980.

История Северной войны. 1700—1721. М., 1987.

История Швеции. М., 1974.

Как А. С. История скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). М., 1980.

Кареев Н. М. История Западной Европы в средние десятилетия XIX в. (1830—1867). Пг., 1916.

Клинге М. Очерки истории Финляндии. Хельсинки, 1990.

Коган М. С. Просвещенный абсолютизм в Дании: Реформы Струэнзе. Л., 1972.

Куприянова Л. Современная Бельгия в связи с ее историческим развитием. СПб., 1898.

Лайдинен А. П. Очерки истории Финляндии второй половины XVIII века. Л., 1972.

Лайдинен А. П. Социально-экономические реформы 50—70-х годов XIX в. в Финляндии. Л., 1982.

Лозинский С. Г. История Бельгии и Голландии в новое время. СПб., 1907.

Мотлей Д. История Нидерландской революции и основание Республики Соединенных Провинций/Пер. с англ. СПб., 1866—1871. Т. 1—3.

Намазова А. С. Бельгийская революция 1830 г. М., 1979.

Печников Б. А. Цифрами на карте обозначены... М., 1986.

Похлебкин В. В. СССР—Финляндия: 260 лет отношений. 1713—1973. М., 1975.

Рогинский В. В. Швеция и Россия: союз 1812 года. М., 1978.

Серебряный Л. Р. Нидерланды. Очерки страноведения. М., 1974.

Сунн Л. В. Очерк общественно-политического развития Финляндии (50—70-е годы XIX в.). Л., 1979.

Тилль Ж. Тысячелетний Люксембург/Пер. с нем. М., 1965.

Шлеппер Б. С. Сто лет социальной истории Бельгии/Пер. с фр. М., 1959.

Чистозвонов А. Н. Нидерландская буржуазная революция XVI века. М., 1958.

Чистозвонов А. Н. Очерки по истории Швейцарии XIII—XVI веков//Исторический журнал. 1941. № 5.

Шатохина-Мордвинцева Г. А. Внешняя политика Нидерландов 1713—1763 гг. М., 1991.

Робазку А. Б. КеуоЫйоп т Вгиззе18. ВгиззеПез, 1985.

81en8e28 А. Б'асИоп де и Ко1 еп Ве1^ие де ршз/ 1831. Рапз — Боиуат —1а — Меиуе, 1992.

Глава 12

Освобождение Болгарии от турецкого ига: Сб. документов: В 3 т. М., 1961—1967. Т. 1—3.

История и культура славянских народов. Польское освободительное движение XIX—XX вв. и проблемы истории культуры. М., 1966.

История южных и западных славян: В 2 т. М., 1998. Т. 1.

История Болгарии: В 2 т. М., 1954—1955. Т. 1.

История Румынии. 1848—1917. М., 1971.

История Югославии: В 2 т. М., 1963. Т. 1.

Краткая история Румынии. М., 1987.

Краткая история Польши от древнейших времен до наших дней. М., 1991.

Общественное движение на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864—1914 гг. М., 1988.

Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984.

Польша на путях развития и утверждения капитализма. Конец XVII—60-е годы XIX в. М., 1984.

XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 1998.

Арш Г. Л. Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. М., 1963.

Арш Г. Л. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809—1822. М., 1976.

Арш Г. Л. Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970.

Босния и Герцеговина и Россия в 1850—1875 годах. Народы и дипломатия. М., 1991.

Ефименко А. Я. История украинского народа. Киев, 1990.

Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000.

Костюшко И. И. Крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском. М., 1962.

Марахов Г. И. Социально-политическая борьба на Украине в 20—40-е годы XIX века. Киев, 1979.

Миско М. В. Польское восстание 1863 г. М., 1962.

Обушенкова Л. А. Королевство Польское в 1815—1830 гг.: Экономическое и социальное развитие. М., 1979.

Освободительное движение народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVII—1849 г./Под. ред. В. И. Фрейдзона: В 2 т. М., 1980—1981. Т. 1—2.

Глава 13

Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты/Пер. с англ. М., 1993.

История внешней политики и дипломатии США, 1775—1877/Под ред. Н. Н. Болховитинова. М., 1994.

История США: В 4 т. М., 1983—1987. Т. 1.

К столетию Гражданской войны в США: Сб. статей/Под ред. А. В. Ефимова и Л. И. Зубкова. М., 1961.

Аллеи Дж. С. Реконструкция: Битва за демократию в США, 1865—1875. М., 1963.

Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980.

Болховитинов Н. Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834—1867. М., 1990.

Богина Ш. А. Иммиграция в США накануне и в период Гражданской войны (1850—1865 гг.). М., 1965.

Бурин С. Н. На полях сражений Гражданской войны в США. М., 1988.

Буретин Д. Американцы: Национальный опыт/Пер. с англ. М., 1993.

Грехем Ш. Фредерик Дуглас. М., 1959.

Дюбуа У. Джон Браун. М., 1960.

Ефимов А. В. США. Пути развития капитализма: Доимпериалистический период. М., 1969.

Захарова М. Н. Народное движение США против рабства: 1831—1860. М., 1965.

Иванов Р. Ф. Борьба негров за землю и свободу на юге США (1865—1877). М., 1958.

Иванов Р. Ф. Авраам Линкольн и Гражданская война в США. М., 1964.

Куропятник Г. П. Вторая Американская революция. М., 1961.

Лернер Л. Развитие цивилизации в Америке/Пер. с англ. М., 1992.

Малкин М. М. Гражданская война в США и царская Россия. М., Л., 1939.

Манькин А. С. История двухпартийной системы США (1789—1980). М., 1981.

Согрин В. В. Идеология в американской истории: от отцов-основателей до конца XX века. М., 1995.

Согрин В. В. Президенты и демократия: американский опыт. М., 1998.

Супоницкая И. М. Антиномия американского Юга: свобода и рабство. М., 1998.

Шпотов Б. М. Промышленный переворот в США: В 2 ч. М., 1991.

Глава 14

Симон Боливар. Избранные произведения. Речи, статьи, письма, воззвания. 1812—1830. М., 1983.

Война за независимость в Латинской Америке (1810—1826)/Под ред. Н. М. Лаврова. М., 1964.

История Латинской Америки. Доколумбова эпоха — 70-е годы XIX века: В 2 т. М., 1991, 1993. Т. 1.

Альперович М. С. Испанская Америка в борьбе за независимость. М., 1971.

Альперович М. С. Образование независимых государств в Латинской Америке. М., 1966.

Альперович М. С. Война за независимость Мексики (1810—1824). М., 1964.

Альперович М. С., Слэзкин Л. Ю. История Латинской Америки (С древнейших времен до начала XX века). 2-е изд. М., 1991.

Беленький А. Б. Разгром американским народом иностранной интервенции (1861—1867). М., 1959.

Глинкин А. Н. Дипломатия Симона Боливара. М., 1991.

Гриеулевич И. Р. Боливар (1783—1830). М., 1981.

Гусев В. И. Горизонты свободы; Повесть о С. Боливаре. М., 1972.

Марчук Н. Н. Борьба за независимость в Латинской Америке в конце XVIII — начале XIX в. М., 1988.

Марчук Н. Н. Становление национальных государств в Латинской Америке. М., 1989.

Потокова Н. В. Агрессия США против Мексики 1846—1848. М., 1962.

Ромбу Р. История Бразилии. М., 1962.

Селиванов В. Н. Латинская Америка: от конквистадоров до независимости. М., 1984.

Слэзкин Л. Ю. Россия и война за независимость в Испанской Америке. М., 1964.

Томас А. Б. История Латинской Америки. М., 1960.

Глава 15

Политика европейских держав в Юго-Восточной Азии в 60-х годах XVIII в. — 60-х годах XIX в. Документы и материалы /Под ред. А. А. Губера. М., 1962.

Виноградов В. Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991.

Ерофеев Н. А. Империя создавалась так... Английский колониализм в XVIII в. М., 1964.

Ерофеев Н. А. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.

Ерофеев Н. А. Английский колониализм в середине XIX в. М., 1977.

Панченкова М. Т. Политика Франции на Ближнем Востоке и Сирийская экспедиция 1860—1861. М., 1966.

Сапрыкин Ю. М. Английское завоевание Ирландии (XII—XVII вв.) М., 1982.

Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV — начало XIX в.). М., 1965.

Халфин Н. А. Создание и распад Британской империи. М., 1961.

Халфин Н. А., Мурадян А. А. Янки на Востоке в XX веке, или Колониализм без империи. М., 1966.

Яброва М. М. Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Саратов, 1966.

Глава 16

Механика и цивилизация 17—19 вв./Под ред. А.Т.Григоряна и Б. Г. Кузнецова. М., 1979.

Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956.

Богомолов А. Н. Творение рук человеческих. Естественная история машин. М., 1988.

Виргинский В. С. Очерки истории науки и техники 16—19 вв. М., 1984.

Вольтер. Философские сочинения. М., 1989.

Дарвин Ч. Происхождение видов. М., 1948.

Зворыкин А. А. и др. История техники. М., 1962.

Кирсанов В. С. Научные революции XVII в. М., 1982.

Койре А. Очерки истории философской мысли. М., 1985.

Лилли С. Люди, машины и история. М., 1970.

Маркова Л. А. Наука. История и историография XIX—XX вв. М., 1987.

Монтень М. Опыты. М., 1992.

Ницше Ф. Антихрист//#ццш<? Ф. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1999.

Соколовская З. К. 400 биографий ученых. М., 1988.

Тавризян Б. М. Техника. Культура. Человек. М., 1986.

Глава 17

Великобритания, Франция и США в международных отношениях нового и новейшего времени/Под ред. В. Г. Сироткина. М., 1985.

Дебидур А. Дипломатическая история Европы: От Венского до Берлинского конгресса. 1814—1878/ Пер. с фр. В 2 т. М., 1947. Т. 1.

История Европы: В 5 т. М., 1988—2000. Т. 4—5.

История внешней политики России (конец XV —1917 гг.)/ Под ред. А. Н. Сахарова. М., 1995.

История дипломатии/Под ред. В. А. Зорина, В. С. Семенова, С. Д. Сказкина, В. М. Хвостова: В 5 т. М., 1959—1979. Т. 1—2.

История южных и западных славян. М., 1979.

Орлик О. В. и др. История внешней политики России. Первая половина XIX века. (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.)М., 1999.

Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801—1812 гг. М., 1966.

Сироткин В. Г. Наполеон и Россия. М., 2000.

Глава 18

Сборник материалов по англо-бурской войне в Южной Африке... 1899—1900 гг./Под ред. полковника Артамонова. СПб., 1900. Вып. III, VI.

- Виноградский А. Я.* Англо-бурская война в Южной Африке. СПб., 1901—1903. Вып. 1—3.
- Девет Х. Р.* Воспоминания бурского генерала Х. Р. Девета. Борьба буров с Англией. СПб., 1903.
- Ллойд Джордж.* Военные мемуары. М., 1934—1938.
- I Айзенштат М. П., Гелла Т. Я.* Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX веке. М., 1999.
- Бондаревский Г. Л.* Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX — начало XX в.). М., 1968.
- (/ *Виноградов В. Я.* У истоков Лейбористской партии (1889—1900). М., 1965.
- Виноградов К. Б.* Дэвид Ллойд Джордж. М., 1970.
- Виноградов К. Б.* Британский лев на Босфоре. М., 1991.
- Грудзинский В. В.* На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм. Челябинск, 1996.
- Давидсон А. Б.* Сесиль Роде и его время. М., 1984.
- Ерофеев Я. А.* Очерки по истории Англии. 1815—1917 гг. М., 1959.
- Кертман Л. Е.* Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990.
- Колпаков А. Д.* Ирландия на путях к революции. 1900—1918. М., 1973.
- Киракосян А. Д.* Великобритания и армянский вопрос. Ереван, 1990.
- Мирошников А. В.* Великобритания от Георга I до королевы Виктории (1714—1901 гг.). Воронеж, 1998.
- Кулагина Л. М.* Экспансия английского империализма в Иране в конце XIX — начала XX в. М., 1981.
- Никитина И. А.* Захват бурских республик Англией (1899—1902 гг.). М., 1970.
- ^ *Парфенов И. Д.* Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX века. М., 1991.
- Ротштейн Ф. А.* Захват и закабаление Египта. 2-е изд. М., 1959.
- Трухановский Б. Г.* Уинстон Черчилль. Политическая биография. М., 1989.
- V Туполева Л. Ф.* Социалистическое движение в Англии в 80-е годы XIX века. М., 1973.
- Шпоро О. Б.* Захват Кипра Англией. М., 1974.

Глава 19

- II* *Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.* Сборник секретных дипломатических документов б. Импер. Рос. Министерства иностр. дел. М., 1922.
- Первый Интернационал и Парижская Коммуна: Документы и материалы.* М., 1972.
- Берти.* За кулисами Антанты. Дневники британского посла в Париже. 1914—1919. М., Л., 1927.

- Жорес Ж.* Против войны и колониальной политики. М., 1961.
- Жорес Ж.* Новая армия. Пг., 1919.
- Пуанкаре Р.* На службе Франции. Воспоминания за 9 лет. М., 1935.
- Фот Ф.* Воспоминания (война 1914—1918 гг.). М., 1939.
- Франция: Из истории европейского парламентаризма.* М., 2000.
- Антюхина-Московченко Б. И.* История Франции. 1970—1918. М., 1963.
- Вейль Ж.* История социалистического движения во Франции (1852—1902). СПб., 1906.
- Дементьев Ю. П.* Политика Франции в Камбодже и Лаосе. 1852—1907. М., 1960.
- Дементьев Ю. П.* Политика Франции в Индокитае и образование Индокитайского Союза (1859—1907). М., 1975.
- Желубовская Э. А.* Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1956.
- Коряков В. П.* Политика Франции в Китае в конце XIX в. М., 1985.
- Луи П.* История социалистической партии во Франции (1871—1914). М., 1923.
- Любина Г. И.* Россия и Франция. М., 1996.
- Манфред А. З.* Внешняя политика Франции 1871—1891 гг. М., 1952.
- Макаренкова Е. М.* Поль Лафарг и французское рабочее движение во второй половине XIX века. М., 1985.
- Молчанов Я. Я.* Жан Жорес (1859—1914). 2-е изд. М., 1986.
- Прицкер Д. К.* Жорж Клемансо. М., 1983.
- Сироткин В. Г.* Франция в середине 70-х годов. М., 1976.

Глава 20

- Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. М., 1940—1941. Т. 1—2.
- Мольтке Г. К. Б.* История германо-французской войны 1870—1871 гг. М., 1937.
- Бebel А.* Из моей жизни. М., 1963.
- Бюлов Б.* Воспоминания. М., Л., 1935.
- Вильгельм II, император германский.* Мемуары. События и люди. 1878—1918. М., Пг., 1923.
- Русско-германские отношения 1873—1914 (Секретные документы).* М., 1922.
- Тирпиц А. фон.* Воспоминания. М., 1957.
- Аветян А. С.* Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны. 1910—1914. М., 1985.
- Айзин Б. А.* Подъем рабочего движения в Германии в начале XX века (1903—1906). М., 1954.
- Астафьев И. И.* Русско-германские дипломатические отношения. 1905—1911 гг. М., 1972.

Гейдсон Г. Монополии. Пресса. Война. Исследования внешней политики Германии с 1902 по 1914 год. Роль прессы в подготовке Первой мировой войны/Пер. с нем. М., 1964.

Германская история в новое и новейшее время: В 2 т. М., 1970. Т. 1.

Драбкин Я. С. Четверо стойких. Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг, Клара Цеткин. Документальная повесть. М., 1985.

«Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871—1918 гг. М., 1977.

Ерусалимский А. С. Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968.

История германского колониализма в Африке/Пер. с нем. М., 1983.

Людвиг Э. Последний Гогенцоллерн (Вильгельм II). М., 1991.

Оболенская С. В. Политика Бисмарка и борьба партий в Германии в конце 70-х годов XIX в. М., 1992.

Овчаренко Н. Е. Германская социал-демократия на рубеже веков. (Идейно-политическая эволюция СДПГ в период империализма.) М., 1975.

Туполев Б. М. Германский империализм в борьбе за «место под Солнцем». Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX — начале XIX в. М., 1991.

Туполев Б. М. Экспансия германского империализма в Юго-Восточной Европе в конце XIX — начале XX в. М., 1970.

Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. Социологические исследования германской внешней политики до Первой мировой войны / Пер. с нем. М., 1961.

Цфасман А. Б. Буржуазные партии и рабочее движение в Германии. 1900—1914. Челябинск, 1975.

Чубинский В. В. Бисмарк. Биография. СПб., 1997.

Глава 21

Виноградов К. Б. Боснийский кризис 1908—1909 гг. — пролог Первой мировой войны. Л., 1964.

Исламов Т. М. Политическая борьба в Венгрии накануне Первой мировой войны. 1906—1914. М., 1972.

История Венгрии: В 3 т. М., 1972. Т. 2.

История Румынии. 1848—1918. М., 1971.

Краткая история Венгрии/Т. М. Исламов и др. М., 1991.

Краткая история Румынии/Под ред. В. Н. Виноградова. М., 1987.

Краткая история Чехословакии с древнейших времен до наших дней/Отв. ред. А. Х. Клеванский. М., 1987.

Писарев Ю. А. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 1905—1914. М., 1962.

Писарев Ю. А. Сербия и Черногория в Первой мировой войне. М., 1968.

Пристер Е. Краткая история Австрии. М., 1952.

Рубинштейн Е. Н. Крушение австро-венгерской монархии. М., 1963.

Глава 22

Из истории европейского парламентаризма: Италия/Под ред. С. П. Пожарской. М., 1997.

Россия и Италия /Под ред. Н. П. Комоловой. М., 1993.

Григорьева И. В. К истории революционно-общественных связей между Россией и Италией в 60—90-е годы XIX в. М., 1968.

История Италии: В 3 т. М., 1970. Т. 2.

Канделоро Дж. История современной Италии. М., 1975. Т. 6—7.

Канделоро Дж. Католическое движение в Италии. М., 1955.

Кин Ц. И. Италия на рубеже веков. Из истории общественно-политической мысли. М., 1980.

Кирова К. Э. Заговорщики и народ. М., 1991.

Кирова К. Э. Русская революция в Италии. Март-октябрь 1917 г. М., 1968.

Любин В. П. Италия накануне вступления в Первую мировую войну. М., 1982.

Манакорда Г. Итальянское рабочее движение по материалам съездов. От его зарождения до образования Социалистической партии (1853—1892 гг.). М., 1955.

Мизиано К. Ф. Итальянское рабочее движение на рубеже XIX и XX вв. М., 1976.

Серова О. В. От Тройственного союза к Антанте: Итальянская внешняя политика и дипломатия в конце XIX — начале XX века. М., 1983.

Яхимович З. П. Итало-турецкая война 1911—1912 гг. М., 1967.

Яхимович З. П. Рабочий класс Италии против империализма и милитаризма. М., 1986.

Глава 23

Россия и Испания: Документы и материалы 1867—1917 гг. М., 1997. Т. 2.

Испания и Португалия/Под ред. С. П. Пожарской и др. М., 1995.

Жилинский И. И. Испано-американская война. Отчет командированного... к испанским войскам на остров Куба генерального штаба полковника Жилинского. СПб., 1899.

Майский И. М. Испания 1808—1917. Исторический очерк. М., 1957.

Пискорский В. К. История Испании и Португалии. 2-е изд. СПб., 1909.

Слѣзкин Л. Ю. Испано-американская война 1898 года. М., 1956.

Глава 24

Признание Россией Норвежского независимого государства: Сб. документов/Сост. В. В. Похлѣбкин. М., 1958.

История Швеции/Отв. ред. А. С. Кан. М., 1974.
История Норвегии/Отв. ред. А. С. Кан. М., 1980.
Кан А. С. История Скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). 2-е изд., испр. и доп. М., 1980.

Андерсон И. История Швеции/Пер. со швед. М., 1951.
Бекстрем К. История рабочего движения в Швеции (1902—1917)/Пер. со швед. М., 1966.
Ван Мюйден. История швейцарского народа/Пер. с фр. СПб., 1898—1902. Т. 1—3.
Вейбуль Й. История Швеции/Пер. со швед. Стокгольм, 1994.
Бертран Л. История демократии и социализма в Бельгии с 1830 года. М., 1907.
Гюисман К. 75 лет буржуазного государства. 1830—1905 гг. М., 1906.
Драгунов Г. П. Швейцария: история и современность. М., 1978.
Дробков В. А. На перекрестке дорог, культур, истории. Очерки о Бельгии и Люксембурге. М., 1989.
Кан А. С. Швеция и Россия — в прошлом и настоящем. М., 1999.
Клинге М. Очерки истории Финляндии/Пер. с фин. Кеуруу, Хельсинки, 1990.
Куприянова Л. П. Современная Бельгия в связи с ее историческим развитием. СПб., 1898.
Лозинский С. Г. История Бельгии и Голландии в новое время. СПб., 1908.
Ошеров Е. Б., Суни Л. В. Финляндская политика царизма на рубеже XIX—XX вв. Петрозаводск, 1986.
Парнер К. Рабочий класс Швейцарии до и после Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1958.
Сегалл Я. Рабочее движение в Скандинавских странах. М., 1927.
Суни Л. В. Очерки общественно-политического развития Финляндии в 50—70-е годы XIX в. Л., 1979.
Суни Л. В. Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80—90-е годы XIX в. Л., 1982.
Шлеппер Б. С. Сто лет социальной истории Бельгии/Пер. с фр. М., 1959.

Скандинавский сборник. Таллин, 1956—1990. Вып. 1—33.

Регеппе. Шзлор*е cle ВеХ&цие. ВгихеИез, 1926.
Бе Parleten1 Bel&ез 1871—1894. ВгихеИез, 1996.

Глава 25

Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы: В 3 т. М., 1961 — 1967.

Ботев Христо. Публицистика. Статьи, очерки, письма. М., 1952.
Гешен И, Е. Балканский союз. Воспоминания и документы. Пг., 1915.
Грушевский М. С. Очерк истории украинского народа. Киев, 1990.
Маркович С. Избр. произведения. М., 1956.
Миллер А. И. "Украинский вопрос" в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.

Краткая история Албании с древнейших времен до наших дней/Отв. ред. Г. Л. Арш. М., 1992.
Краткая история Болгарии с древнейших времен до наших дней/Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1987.
Краткая история Польши с древнейших времен до наших дней/А. Е. Горизонтов, В. А. Яков, Ф. Г. Зуев и др. М., 1993.
Краткая история Югославии: В 2 т. М., 1963. Т. 1.
Краткая история Румынии с древнейших времен до наших дней/Под ред. В. Н. Виноградова. М., 1987.
Балканские исследования. М., 1978. Вып. 3, 4.
Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVII — 70-е годы XIX в.). М., 1986.
100 лет освобождения балканских народов от османского ига. М., 1979.
Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и Белоруссии в конце XVI — начале XVII в. М., 1996.

Балканы в конце XIX — начале XX в. Очерки становления национальных государств и политических структур Юго-Восточной Европы/Отв. ред. Ю. А. Писарев. М., 1991.
Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX — начале XX в./Отв. ред. Т. М. Исламов. М., 1991.
Польша на путях развития и утверждения капитализма. Конец XVII — 60-е годы XIX в./Отв. ред. С. М. Фалькович. М., 1984.
Общественное движение на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864—1914 гг./Под ред. А. М. Орехова. М., 1988.
Российское общество и зарубежные славяне. XVIII — начало XX в. М., 1992.

Бирман М. А. Формирование и развитие болгарского пролетариата. 1878—1923. М., 1980.
Виноградов В. Н. Крестьянское восстание 1907 г. в Румынии. М., 1958.
Виноградов В. Н. Очерки общественно-политической мысли в Румынии. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 1975.
Владимиров В. Н. Румыния в годы Первой мировой войны, М., 1969.

- Вяземский Е. К., Данченко С. И.* Россия и Балканы. Конец XVIII — 1918. М., 1990.
- Данченко С. И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878—1903 гг. М., 1996.
- Жебокритский В. А.* Болгария во время Балканских войн 1912—1913 гг. Киев, 1961.
- Косик В. И.* Русская политика в Болгарии. 1879—1886 гг. М., 1991.
- Косик В. И.* Время разрыва. Политика России в Болгарском вопросе. М., 1993.
- Орехов А. М.* Становление польского социалистического движения (1874—1893). М., 1979.
- Сенкевич И. Г.* Албания в период Восточного кризиса (1875—1881). М., 1965.
- Сенкевич И. Г.* Освободительное движение албанского народа в 1905—1912 гг. М., 1959.
- Хитрое Н. И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50—70-х годах XIX в. М., 1979.

Глава 26

- Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты/Под ред. О. А. Жидкова. М., 1993.
- История США/Под ред. Г. Н. Севостьянова: В 4 т. М., 1985. Т. 2.
- Байбакова Л. В.* Двухпартийная система США в период «позолоченного века». М., 1996.
- Белявская И. А.* Буржуазный реформизм в США (1900—1914). М., 1968.
- Белявская И. А.* Внутренняя экономическая политика США (1917—1918). М., 1956.
- Белявская И. А.* Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США. М., 1978.
- Богина Ш. А.* Иммигрантское население США, 1865—1900. Л., 1976.
- Болховитинов Н. Н.* Россия и США: архивные документы и исторические исследования. М., 1981.
- Бродский Р. М.* Дальневосточная политика США накануне Первой мировой войны. М., 1986.
- Бустрин Д.* Американцы: Демократический опыт. М., 1993.
- Тертое З. М.* Вудро Вильсон. М., 1983.
- Волкова И. В.* «Популизм и консерватизм»: к истории американской политической мысли конца XIX века. М., 1992.
- Внешняя политика США в последней трети XIX в./Под ред. В. К. Фураева. Л., 1991.
- Дементьев И.* 17. Идейная борьба в США по вопросам экспансии. М., 1973.

- Зорге Ф. А.* Рабочее движение в Соединенных Штатах. СПб., 1907.
- Зубок Л. И.* Экспансионистская политика США в эпоху империализма. М., 1969.
- Иноземцев Н. Н.* Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960.
- Козенко Б. Д.* «Новая демократия» и война: Внутренняя политика США (1914—1917). Саратов, 1980.
- Куропятник Г. П.* Захват Гавайских островов США. М., 1958.
- Куропятник Г. П.* Фермерское движение в США: От грейнджеров к Народной партии. 1867—1896. М., 1971.
- Куропятник Г. П.* Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи. 1967—1981. М., 1981.
- Москаленко А. П.* Пуэрто-Рико и США. М., 1974.
- Мурадян А. А.* Американские миссионеры в странах Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании в XIX в. М., 1971.
- Мустов К. С.* Освободительная война на Кубе (1895—1898) и политика США. М., 1970.
- Никитин В. А.* Консерватизм и политическая борьба в США (1900—1929). М., 1991.
- Носков В. В.* Институты власти и внешняя политика США (1901—1913). СПб., 1993.
- Согрин Б. Б.* Идеология в американской истории: от отцов-основателей до конца XX века. М., 1995.
- Супоницкая Н. М.* Монополии и антимонополистическое движение в США конца XIX века. М., 1991.
- Уткин А. И.* Дипломатия Вудро Вильсона. М., 1989.
- Уткин А. И.* Теодор Рузвельт. Свердловск, 1989.
- Фостер У. З.* Очерки политической истории Америки. М., 1955.
- Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки. М., 1955.
- Шпотов Б. М.* Организация большого бизнеса в США на рубеже XIX — XX веков//Американский ежегодник. 1998. М., 1999.

Глава 27

- Альперович М. С., Слёзкин Л. Ю.* История Латинской Америки. М., 1970.
- История Латинской Америки. 70-е годы XIX в. — 1918 г./Под ред. Е. А. Ларина. М., 1993.
- Королев Н. В.* Страны Южной Америки и Россия (1890—1917 гг.). Кишинев, 1972.
- Марчук Н. Н.* Буржуазные преобразования второй половины XIX в. в странах Латинской Америки. М., 1990.
- Марчук Н. Н.* Становление национальных государств в Латинской Америке. М., 1989.

- Медина Кастро М.* Соединенные Штаты и Латинская Америка в XX в. М., 1974.
- Проблемы идеологии и национальной культуры стран Латинской Америки/Отв. ред. А. Ф. Шульговский. М., 1967.
- Россия, СССР—Аргентина: 100 лет отношений/Под ред. А. И. Сизоненко. М., 1985.

Глава 28

- Аветян А. С.* Германский империализм на Ближнем Востоке. Колониальная политика германского империализма и миссии Лимана фон Сандерса. М., 1966.
- Бондасовский Г. Л.* Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903). Ташкент, 1955.
- Воляновский Л.* Материк, переставший быть легендой/Пер. с польск. М., 1990.
- Вяткина Р. Ф.* Создание Южно-Африканского Союза (1902—1910). М., 1976.
- Давидсон А. Б.* Южная Африка. Становление сил протеста. 1870—1924. М., 1972.
- Давидсон А. Б.* Сесиль Роде и его время. М., 1984.
- Дементьев Ю. П.* Политика Франции в Камбодже и Лаосе. 1852—1907. М., 1960.
- Дементьев Ю. П.* Политика Франции в Индокитае и образование Индокитайского союза (1859—1907). М., 1975.
- Дрекслер Х.* Юго-Западная Африка под германским колониальным господством. 1884—1915/Пер. с нем. М., 1987.
- Жигалина О. И.* Великобритания на Среднем Востоке. XIX — начало XX в. М., 1990.
- Зарина Л. Л., Лившиц С. Г.* Британский империализм в Китае (1896—1901). М., 1970.
- Зотова Ю.* Английская экспансия в дельте Нигера во второй половине XIX в. М., 1970.
- Зотова Ю., Куббель Л. Е.* В поисках Нигера. М., 1972.
- Истягин Л. Г.* Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне Первой мировой войны. М., 1979.
- Каневская Г. И.* Социально-экономическое и политическое развитие австралийских колоний Великобритании и образование Австралийского союза. Владивосток, 1995.
- Малаховский К. В.* Британия южных морей. М., 1973.
- Малаховский К. В.* История Новой Зеландии. М., 1981.
- Мустов К. С.* Освободительная война на Кубе (1895—1898) и политика США. М., 1970.
- Нарочницкий А. Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М., 1965.
- Никитина И. А.* Захват бурских республик Англией (1899—1902). М., 1970.

- Парфёнов И. Д.* Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX в. М., 1991.
- Пегушев А. М., Туполев Б. М.* Восстания Маджи-Маджи. Становление и кризис германского колониального правления в Восточной Африке. М., 1991.
- Райерсон С. Б.* Неравный союз. История Канады. 1815—1873 гг./Пер. с англ. М., 1970.
- Силин А. С.* Экспансия германского империализма на Ближний Восток накануне Первой мировой войны (1908—1914). М., 1976.
- Сороко-Цюпа О. С.* История Канады: Учеб. пособие. М., 1985.
- Суботин Ю. Ф.* Россия и Германия: Партнеры и противники. М., 1996.
- Субботин В. А.* Англо-французское столкновение в Фашоде в 1898 г./Африканский сборник. История. М., 1963. Т. 1.
- Туполев Б. М.* Восстание Маджи-Маджи. Становление и кризис германского колониального правления в Восточной Африке. М., 1991.
- Фадеева И. Л.* Османская империя и англо-турецкие отношения в середине XIX в. М., 1982.
- Халфин Н. А., Мурадян А. Л.* Янки на Востоке в XIX веке, или Колониализм без империи. М., 1966.
- Халфин Н. А., Мурадян А. Л.* Создание и распад Британской колониальной империи. М., 1961.
- Шкляж И. М.* Томас Прингл — южноафриканский демократ. М., 1985.
- Российские моряки и путешественники в Австралии/Сост. Е. В. Говор, А. Я. Массов. М., 1993.
- Проблемы социально-политической истории Европы и Канады. 60-е годы XIX — начало XX в.: Сб./Под ред. Ф. Т. Коновалова. Красноярск, 1979.

Глава 29

- Бернал Дж.* Наука в истории общества. М., 1955.
- Булгаков С. Н. К.* Маркс как религиозный тип//Булгаков С. Н. Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 1.
- Вехи. Из глубины. М., 1991.
- Жизнь науки. Антология вступления к классике естествознания. М., 1973.
- Замаровский В.* Их величество пирамиды. М., 1986.
- Эйнштейн А., Инфелд Л.* Эволюция физики. М., 1966.

Глава 30

- Гримм Э. Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927.

Международные отношения и внешняя политика СССР. Сборник документов. (1871—1957). М., 1957.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М., 1952.

История дипломатии. М., 1963. Т. 2.

История Европы: В 5 т. М., 1988—2000. Т. 5.

Мольтке Г. К. Б. История германо-французской войны 1870—1871 гг. М., 1937.

Алексеева И. В. Агония сердечного согласия: Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914—1917. Л., 1990.

Виноградов К. Б. Мировая политика 60—80-х годов XIX века: события и люди. Л., 1991.

Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов европейской Турции в 1902—1912 гг. М., 1960.

Ганелин Р. Ш. Россия и США. Очерки истории русско-американских отношений. 1914—1917. М., 1968.

Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995.

Жогов П. В. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая Балканская война 1912—1913 гг. М., 1969.

Кривогуз И. М. Второй Интернационал. 1889—1914. М., 1984.

Любина Г. И. Россия и Франция. М., 1996.

Михневич Н. П. Война между Германией и Францией 1870—1871. Критико-историческое исследование. СПб., 1897.

Оболенская С. В. Франко-пруская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977.

Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза. Исследования по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия. М., 1974.

Нерсесов Г. А. Дипломатическая история Египетского кризиса 1881—1882. М., 1979.

Кулешов Н. С. Россия и Тибет в начале XX века. М., 1992.

Шнеерсон Л. М. Франко-пруская война в России: Из истории русско-прусских и русско-французских отношений в 1867. Минск, 1976.

Шнеерсон Л. М. На перепутье европейской политики. Австро-русско-германские отношения (1871—1875). Минск, 1984.

Европа, США и колониальный мир/Под ред. Б. М. Туполева. М., 1988.

История Первой мировой войны/Под ред. И. И. Ростунова: В 2 т. М., 1975. Т. 1—2.

Первая мировая война. 1914—1918/Под ред. А. Л. Сидорова. М., 1968.

Первая мировая война: политика, идеология, историография/Под ред. Б. Д. Козенко. Куйбышев, 1990.

Первая мировая война и проблемы политического переустройства в Центральной и Юго-Восточной Европе/Под ред. В. И. Беляева. М., 1991.

Второй Интернационал: социально-философские причины раскола социалистического движения/Под ред. Б. Н. Бессонова. М., 1991.

Залесский К. А. Первая мировая война: Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.

Миловский М. П. Преступления империализма против человечества. Л., 1966.

Писарев Ю. А. Тайны Первой мировой войны: Россия и Сербия в 1914—1915 гг. М., 1990.

Ростунов И. И. Русский флот Первой мировой войны. М., 1976.

Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1993.

Глава 31

Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991.

Фот Ф. Воспоминания (Война 1914—1918 гг.). М., 1939.

Оглавление

Введение	3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1. Начало нового времени (<i>И. М. Кривогуз</i>).	13
ГЛАВА 2. Революция и становление парламентской монархии в Англии (<i>Т. А. Павлова</i>).	56
ГЛАВА 3. От первых колоний до создания Соединенных Штатов Америки (<i>Б. М. Шпотов</i>)	87
ГЛАВА 4. Франция: от абсолютизма к революции и крушению империи (<i>А. В. Ревякин</i>).	105
ГЛАВА 5. Франция: трудный путь к демократии (<i>А. В. Ревякин, М. Н. Машкин</i>).	143
ГЛАВА 6. Великобритания: конец Ганноверской и начало Викторианской эпохи (<i>Б. Я. Виноградов</i>).	172
ГЛАВА 7. Германия: от раздробленности к объединению (<i>М. Н. Машкин, С. Б. Оболенская</i>).	204
ГЛАВА 8. Империя Габсбургов: могущество и противоречия (<i>Т. М. Исламов</i>).	239
ГЛАВА 9. От раздробленности к объединению Италии (<i>З. Я. Яхимович</i>).	269
ГЛАВА 10. Войны, революции и реформы на Пиренейском полуострове (<i>Д. Я. Прицкер</i>).	290
ГЛАВА 11. Становление и модернизация малых стран Западной, Центральной и Северной Европы (<i>А. С. Намазова, Н. М. Гусева, В. В. Рогинский</i>)	313

ГЛАВА 12. Формирование наций и освободительная борьба народов Восточной и Юго-Восточной Европы (<i>О. Я. Морозова, Ю. Н. Щербаков, Б. И. Фрейдзон, Б. Я. Виноградов</i>).	342
ГЛАВА 13. США: социально-экономическое развитие и Гражданская война (<i>Б. М. Шпотов</i>).	391
ГЛАВА 14. Возникновение и первые шаги государств Латинской Америки (<i>Я. Я. Марчук</i>).	412
ГЛАВА 15. Формирование и развитие колониальных империй (<i>Я. А. Лебедев</i>).	441
ГЛАВА 16. Развитие науки и машинной техники (<i>Б. С. Костелов</i>)	458
ГЛАВА 17. Международные отношения в XVII в. — 60-е годы XIX в. (<i>З. Я. Яхимович</i>).	492

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 18. Великобритания: под знаком великой депрессии (<i>Б. Я. Виноградов</i>).	529
ГЛАВА 19. Становление Третьей республики и движения за демократию и социальный прогресс во Франции (<i>А. Б. Ревякин</i>).	561
ГЛАВА 20. Германская империя: от объединения к Первой мировой войне (<i>Б. М. Туполев</i>).	583
ГЛАВА 21. Противоборство сил интеграции и дезинтеграции в Австро-Венгерской монархии (<i>Т. М. Исламов</i>).	609
ГЛАВА 22. Итальянское государство и общество: модернизация и внешняя политика (<i>З. Я. Яхимович</i>).	628
ГЛАВА 23. Трудности модернизации и общественно-политическая борьба на Пиренейском полуострове (<i>Д. Я. Прицкер</i>).	648
ГЛАВА 24. Малые страны Западной, Центральной и Северной Европы (<i>А. С. Намазова, Я. Б. Тер-Акопян, Я. М. Гусева, В. В. Рогинский</i>) . . .	665
ГЛАВА 25. Социально-экономическое развитие и освободительная борьба народов Восточной и Юго-Восточной Европы (<i>О. Я. Морозова, Ю. Я. Щербаков, Б. Я. Виноградов, В. И. Фрейдзон</i>) . . .	693

ГЛАВА 26. США: к индустриальному обществу и «прогрессивной эре» (Б. М. Шпотов).	730
ГЛАВА 27. Революции и реформы в Латинской Америке (Н. Н. Марчук).	751
ГЛАВА 28. Колониальная система и доминионы (И. А. Лебедев).	775
ГЛАВА 29. Обновление представлений о материи и развитии, освоение новых видов энергии и машин (Б. С. Костелов).	799
ГЛАВА 30. Изменение в соотношении сил и формирование блоков в Европе (Я. М. Кривогуз).	834
ГЛАВА 31. Мировая война 1914—1918 гг. Начало глобального кризиса (И. М. Кривогуз).	859
Библиография (Т. А. Родина).	882

Учебное издание

Кривогуз Игорь Михайлович,
Виноградов Владлен Николаевич,
Гусева Нина Михайловна и др.

НОВАЯ ИСТОРИЯ
СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

Под редакцией И. М. Кривогуза

Зав. редакцией **Н. Е. Рудомазина**
Ответственный редактор **Н. Е. Орехова**
Художественное оформление Б. Б. Голубева
Технический редактор **Н. И. Герасимова**
Компьютерная верстка **Н. И. Салюк**
Корректоры **А. Ю. Буланова, Е. В. Морозова**

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.006315.08.03 от 28.08.2003.
Подписано к печати 03.08.05. Формат 60х90 Ун.
Бумага типографская. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 57,0+1,0 цв. вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 4510086.

ООО «Дрофа».

127018, Москва, Сушеvский вал, 49.

**По вопросам приобретения продукции
издательства «Дрофа» обращаться по адресу:**

127018, Москва, Сушеvский вал, 49.

Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52.

Торговый дом «Школьник».

109172, Москва, ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1А.

Тел.: (095) 911-70-24, 912-15-16, 912-45-76.

Магазины «Переплетные птицы»:

127018, Москва, ул. Октябрьская, д. 89, стр. 1.

Тел.: (095) 912-45-76;

140408, Московская обл., г. Коломна, Голутвин,
ул. Октябрьской революции, 366/2.

Тел.: (095) 741-59-76.

Отпечатано с готовых монтажей
на ФГУИП «Нижеполиграф».

603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.